

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

HARVARD COLLEGE LIBRARY

in honor of

ARCHIBALD CARY COOLIDGE

1866 - 1928

Professor of History

Lifelong Benefactor and

First Director of This Library

ЖУРНАЛЪ

МИНИСТЕРСТВА

НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

ШЕСТОЕ ДЕСЯТИЛѢТІЕ.

ЧАСТЬ ССLXIV.

1889.

ІЮЛЬ.

BIBLIOTEKA
Państw. gim. męsk.
w ŁOMŻY.

Ann. XVII
Lit. K
№ d. 11

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія В. С. Балашиха. Наб. Екатерининскаго кан., № 75.
1889.

P Slav 318.10

~~P Slav 318.10~~

~~_____~~

HARVARD COLLEGE LIBRARY
GIFT OF
ARCHIBALD CARY COOLIDGE
NOV 26 1927

Πατρικ. Ιωαννιδ. και., λ. 78.
№ 224.

ПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫЯ РАСПОРЯЖЕНІЯ.

І. ВЫСОЧАЙШІЯ ПОВЕЛѢНІЯ.

1. (17-го марта 1889 года). О производствѣ пріемныхъ экзаменовъ для поступленія въ гимназіи, прогимназіи и реальныя училища въ маѣ мѣсяцѣ.

Государь Императоръ, по положенію комитета министровъ, въ 17-й день марта 1889 года, Высочайше соизволилъ на производство пріемныхъ экзаменовъ для поступленія въ 1 классъ гимназій, прогимназій и реальныхъ училищъ одновременно какъ ученикамъ приготовительныхъ классовъ, такъ и поступающимъ со стороны, именно въ маѣ мѣсяцѣ.

2. (3-го апрѣля 1889 года). О сохраненіи приготовительныхъ классовъ на счетъ казны при нѣкоторыхъ гимназіяхъ и прогимназіяхъ.

Его Императорское Величество воспослѣдовавшее мнѣніе въ департаментѣ государственной экономіи государственнаго совѣта, о сохраненіи приготовительныхъ классовъ на счетъ казны при нѣкоторыхъ гимназіяхъ и прогимназіяхъ, Высочайше утвердить соизволилъ и повелѣлъ исполнить.

Подписаль: За предсѣдателя государственнаго совѣта, статсъ-секретарь баронъ Николаи.

Мнѣніе государственнаго совѣта.

Государственный совѣтъ, въ департаментѣ государственной экономіи, рассмотрѣвъ представленіе министра народнаго просвѣщенія

о сохраненіи пригтовительныхъ классовъ на счетъ казны при нѣкоторыхъ гимназіяхъ и прогимназіяхъ, мнѣніемъ положилъ:

1) Вносить, пачиная съ будущаго 1890 года, въ подлежащее подраздѣленіе смѣты министерства народнаго просвѣщенія, на содержаніе пригтовительныхъ классовъ при Витебской и Читинской гимназіяхъ и Владивостокской, Якутской и Пятигорской прогимназіяхъ по 5,500 рублей ежегодно, по 1,100 рублей на каждый классъ и

2) Потребные въ текущемъ году на сей предметъ 5,500 рублей отпустить изъ кредита, назначеннаго по государственной росписи на экстренныя и не предусмотрѣнныя смѣтами надобности.

Подлинное мнѣніе подписано въ журналѣ предсѣдателемъ и членами.

3. (27-го марта 1889 года). О переводѣ стипендіи имени Алексѣя и Ильи Федоровскихъ изъ Харьковскаго реальнаго училища въ Сумское.

При Харьковскомъ реальномъ училищѣ 28-го сентября 1880 года Высочайше разрѣшено учредить стипендію имени Алексѣя и Ильи Федоровскихъ.

Нынѣ попечитель Харьковскаго учебнаго округа, согласно желанію жертвователя отставнаго полковника И. Федоровскаго, вошелъ въ министерство народнаго просвѣщенія съ ходатайствомъ о разрѣшеніи перевести означенную стипендію изъ Харьковскаго реальнаго училища въ Сумское.

Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему докладу министра народнаго просвѣщенія, въ 27-й день марта 1889 года, Высочайше соизволилъ на переводъ означенной стипендіи.

4. (27-го марта 1889 года). Объ учрежденіи при Астраханскомъ реальномъ училищѣ стипендіи на проценты съ капитала, пожертвованнаго астраханскимъ купцомъ Х. Е. Ефремовымъ.

Астраханскій купецъ Х. Е. Ефремовъ пожертвовалъ отъ себя и отъ своей жены облигацію 3 восточнаго займа въ 1,000 рублей для учрежденія при Астраханскомъ реальномъ училищѣ стипендіи въ память чудеснаго избавленія Его Императорскаго Величества и Августѣйшей Семьи Его Величества отъ опасности при крушеніи поѣзда 17-го октября 1888 года.

Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему докладу министра народнаго просвѣщенія, въ 27-й день марта 1889 года, Высочайше соизволилъ на учрежденіе означенной стипендіи и повелѣлъ сердечно благодарить.

5. (27-го марта 1889 года). Объ учрежденіи при Нижегородской мужской гимназіи одной стипендіи на счетъ процентовъ съ капитала, отчисленнаго для сей цѣли изъ средствъ нижегородскаго коммерческаго клуба.

Въ память чудеснаго избавленія Государя Императора, Государыни Императрицы и Августѣйшихъ Дѣтей отъ опасности 17-го октября 1888 года общее собраніе членовъ нижегородскаго коммерческаго клуба постановило учредить при Нижегородской мужской гимназіи одну стипендію на счетъ процентовъ съ отчисленнаго для сей цѣли изъ средствъ названнаго клуба капитала въ одну 1,000 рублей, съ наименованіемъ воспитанника, пользующагося стипендіею „стипендіатомъ нижегородскаго коммерческаго клуба въ память чудеснаго избавленія Августѣйшей Семьи отъ опасности 17-го октября 1888 года“.

Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему докладу министра народнаго просвѣщенія, поступившаго по сему предмету ходатайства попечителя Московскаго учебнаго округа, въ 27-й день марта 1889 года, Высочайше соизволилъ на учрежденіе означенной стипендіи и повелѣлъ сердечно благодарить.

6. (27-го марта 1889 года). О возложеніи обязанностей попечительнаго совѣта Кутаисской женской гимназіи на совѣтъ благотворительнаго общества св. Нины и о переименованіи означенной гимназіи.

Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему докладу министра народнаго просвѣщенія, 27-го марта 1889 года, Высочайше повелѣлъ соизволилъ: 1) возложить обязанности попечительнаго совѣта Кутаисской женской гимназіи на Кутаисское правленіе общества св. Нины, но съ тѣмъ, чтобы въ составъ сего правленія, въ качествѣ непремѣнныхъ его членовъ, вошли предсѣдатель педагогическаго совѣта и начальница заведенія, а равно кутаисскій предводитель дворянства и мѣстный городской голова, и 2) переименовать означенную гимназію въ „Кутаисское женское учебное заведеніе св. Нины“.

II. ВЫСОЧАЙШЕ ПРИКАЗЫ.

(28-го мая 1888 года). Утверждены на три года: генералъ-лейтенантъ графъ Орловъ-Денисовъ, дѣйствительный статскій совѣтникъ Ивановъ и отставной полковникъ Васильевъ—почетными попечителями реальныхъ училищъ: первый Новочеркасскаго, второй—Камратскаго и третій—Урюпинскаго.

Продолженъ срокъ командировки за границу съ ученою цѣлю: заслуженному ординарному профессору Императорскаго С.-Петербургскаго университета, дѣйствительному статскому совѣтнику Янсову—съ 20-го по 31-е августа 1889 года; магистру Императорскаго университета св. Владимира Шефферу съ 5-го іюня по 1-е сентября 1889 года.

Командированы съ ученою цѣлю: а) въ Россіи и за границу: ординарный профессоръ Императорскаго С.-Петербургскаго университета Докучаевъ—по 20-е августа 1889 года; Харьковскаго практическаго технологическаго института: профессора: Гречаниновъ, Предтеченскій, Зворыкинъ и Лидовъ, преподаватель Мухачевъ и механикъ Кнаббе—съ 1-го іюня по 1-е сентября 1889 года; и б) за границу: экстраординарный профессоръ Императорскаго С.-Петербургскаго университета, статскій совѣтникъ Цагарелли—съ 21-го августа по 3-е сентября 1889 года; директоръ Николаевской главной астрономической обсерваторіи, дѣйствительный тайный совѣтникъ Струве и экстраординарный профессоръ Императорскаго Московскаго университета, статскій совѣтникъ Богословскій—на двадцать восемь дней; ученый хранитель зоологическаго музея Императорской Академіи Наукъ, коллежскій секретарь Бихнеръ—на одинъ мѣсяць; заслуженный ординарный профессоръ Императорскаго С.-Петербургскаго университета дѣйствительный статскій совѣтникъ Хвольсонъ—съ 10-го августа по 20-е сентября 1889 года; экстраординарный профессоръ Императорскаго С.-Петербургскаго университета Боргманъ—съ 15-е іюня по 1-е августа 1889 года, библиотекарь Императорской Публичной Библіотеки, коллежскій ассессоръ Радловъ и адъюнктъ-профессоръ Харьковскаго практическаго технологическаго института, статскій совѣтникъ Погорѣлко—на два мѣсяца, съ зачетомъ послѣднему въ эту командировку разрѣшеннаго ему заграничнаго отпуска; приватъ-доцентъ Императорскаго С.-Петербургскаго университета Форстенъ—по 1-е

августа 1889 года, съ зачетомъ въ сію командировку отпуска за границу на одинъ мѣсяцъ; ординарные профессора Императорскихъ университетовъ: Московскаго—статскій совѣтникъ Гротъ, св. Владимира—статскій совѣтникъ Чирьевъ, Варшавскаго—статскій совѣтникъ Сонинъ и Дерптскаго—дѣйствительный статскій совѣтникъ Брикнеръ; ординарный профессоръ Демидовскаго юридическаго лицея Тарасовъ; доцентъ Императорскаго Дерптскаго университета, статскій совѣтникъ Кесслеръ, привать-доценты Императорскихъ университетовъ: С.-Петербургскаго—Коркуновъ и Московскаго—Лопатинъ и директоръ С.-Петербургскаго учительскаго института, дѣйствительный статскій совѣтникъ Сентъ-Илеръ—на лѣтнее вакаціонное время 1889 года; лекторъ нѣмецкаго языка Императорскаго С.-Петербургскаго университета Браунъ—съ 28-го мая по 15-е августа 1889 года, съ зачетомъ въ сію командировку разрѣшеннаго ему отпуска за границу на одинъ мѣсяцъ; привать-доцентъ Императорскаго Московскаго университета, докторъ медицины Типяковъ—на лѣтнее вакаціонное время 1889 года и 10 дней; профессоръ Харьковскаго практическаго технологическаго института Пономаревъ—на три мѣсяца и пять дней, съ зачетомъ разрѣшеннаго ему отпуска за границу на два мѣсяца; прозекторъ Императорскаго Московскаго университета, надворный совѣтникъ Никифоровъ—на одинъ годъ; привать-доцентъ Императорскаго Казанскаго университета, магистръ Шершеневичъ—съ 1-го іюня 1889 года по 1-е сентября 1890 года.

Уволены въ отпускъ: директоръ департамента народнаго просвѣщенія, тайный совѣтникъ Аничковъ—на два съ половиною мѣсяца, за границу, по болѣзни (Высоч. пов. 16-го мая 1889 года); попечитель Московскаго учебнаго округа, тайный совѣтникъ графъ Капнистъ—на три съ половиною мѣсяца, въ предѣлахъ Россійской Имперіи (Выс. пов. 16-го мая 1889 года).

III. МИНИСТЕРСКІЯ РАСПОРЯЖЕНІЯ.

1. (23-го января 1889 года). Положеніе о стипендіи имени Антонины Михайловны Кладбищевой, урожденной Сибиряковой, при Императорскомъ Томскомъ университетѣ.

(Утверждено г. министромъ народнаго просвѣщенія).

§ 1. На счетъ процентовъ съ капитала въ шесть тысячъ рублей, пожертвованнаго въ 1886 году потомственнымъ почетнымъ гражда-

ниномъ Иннокентіемъ Михайловичемъ Сибиряковымъ, учреждается при Томскомъ университетѣ стипендія имени „Антонины Михайловны Кладбищевой урожденной Сибиряковой“.

§ 2. Стипендіальный капиталъ, заключающійся въ облигаціяхъ восточнаго займа, хранится въ Томскомъ губернскомъ казначействѣ, составляя собственность Томскаго университета.

§ 3. Стипендія въ размѣрѣ 300 руб., выдается студентамъ Томскаго университета, какъ изъ уроженцевъ Сибири, такъ и Европейской Россіи, по назначенію правленія университета, на основаніи утвержденныхъ правилъ о стипендіяхъ и пособіяхъ.

§ 4. Если стипендія почему-либо не будетъ выдана, то не выданныя деньги идутъ на взносъ платы за слушаніе лекцій недостаточными студентами по усмотрѣнію правленія университета.

§ 5. Въ случаѣ упраздненія стипендіи, пожертвованный капиталъ съ процентами переходитъ въ одно изъ сибирскихъ обществъ попеченія о начальномъ образованіи.

§ 6. Стипендія не налагаетъ на стипендіата никакихъ обязательствъ.

2. (23-го февраля 1889 года). Положеніе о стипендіи имени дворянки Маріи Павловны Макиной при Демидовскомъ юридическомъ лицѣ.

(Утверждено г. министромъ народнаго просвѣщенія).

§ 1. На счетъ процентовъ съ капитала въ двѣ тысячи рублей учреждается при Демидовскомъ юридическомъ лицѣ стипендія имени жертвовательницы капитала дворянки Марьи Павловны Макиной.

§ 2. Стипендіальный капиталъ, заключающійся въ облигаціяхъ 3-го восточнаго займа, хранится въ Ярославскомъ губернскомъ казначействѣ, составляя неприкосновенную собственность Демидовскаго юридическаго лица.

§ 3. Стипендіатъ избирается совѣтомъ лица изъ числа студентовъ извѣстныхъ совѣту по своимъ успѣхамъ и отличному поведенію, преимущественно старшихъ курсовъ.

§ 4. Стипендіатъ можетъ быть лишенъ совѣтомъ стипендіи за малоуспѣшность и неодобрительное поведеніе.

§ 5. Пользованіе стипендіей не налагаетъ на стипендіата никакихъ обязательствъ.

3. (2-го апрѣля 1889 года). Положеніе о стипендіи имени тайнаго совѣтника Евгенія Васильевича Богдановича при Императорскомъ Томскомъ университетѣ.

(Утверждено г. министромъ народнаго просвѣщенія).

§ 1. На счетъ процентовъ съ капитала, пожертвованнаго русскимъ торговымъ сословіемъ нижегородской ярмарки и московскимъ купечествомъ и возросшаго по настоящее время до семи тысячъ девяти сотъ рублей, учреждается при Томскомъ университетѣ одна стипендія имени тайнаго совѣтника Евгенія Васильевича Богдановича.

§ 2. Стипендіальный капиталъ, заключающійся въ 6% закладныхъ листахъ московскаго земельного банка—4000 руб., въ 5% билетахъ государственнаго банка — 600 руб., въ закладныхъ листахъ государственнаго дворянскаго земельного банка — 400 руб., въ 5% облигаціяхъ перваго восточнаго займа — 100 руб., въ 5% облигаціяхъ втораго восточнаго займа — 2000 руб. и въ 5% облигаціяхъ третьяго восточнаго займа—800 руб. хранится въ Томскомъ губернскомъ казначействѣ, составляя собственность Томскаго университета.

§ 3. Стипендія, въ размѣрѣ трехсотъ рублей, обращается на полное содержаніе въ домѣ общежитія Томскаго университета, предпочтительно предъ другими, одного бѣднѣйшаго студента изъ числа тюменскихъ гражданъ.

§ 4. Избраніе стипендіата предоставляется правленію университета на общихъ основаніяхъ правилъ о стипендіяхъ и пособіяхъ.

§ 5. Стипендія не налагаетъ на стипендіата никакихъ обязательствъ.

§ 6. Превышающіе стипендіальную сумму (300 р.) проценты съ стипендіальнаго капитала, а также могущіе образоваться остатки отъ стипендіи въ случаѣ временнаго незамѣщенія стипендіи, должны быть причисляемы къ капиталу для образованія со временемъ второй стипендіи того же имени.

4. (22-го апрѣля 1889 года). Положеніе о стипендіи имени поручика Андрея Александровича Кирѣева при Императорскомъ Харьковскомъ университетѣ.

(Утверждено г. министромъ народнаго просвѣщенія).

§ 1. При Императорскомъ Харьковскомъ университетѣ учреждается стипендія имени поручика Андрея Александровича Кирѣева

изъ процентовъ съ капитала въ три тысячи рублей, завѣщаннаго имъ съ этою цѣлью.

§ 2. Стипендія, въ размѣрѣ, ежегодно получаемыхъ процентовъ, за вычетомъ 5% государственнаго налога, предоставляется одному изъ студентовъ Харьковскаго университета, христіанскаго вѣроисповѣданія безъ различія факультетовъ, подъ условіемъ безукоризненнаго поведенія, на общихъ для назначенія стипендій, основаніяхъ.

§ 3. Студентъ, получившій стипендію, продолжаетъ пользоваться ею во все время пребыванія въ университетѣ при условіи отличнаго поведенія и удовлетворительныхъ успѣховъ въ занятіяхъ, удостоиваемыхъ зачетомъ полугодій.

§ 4. Пользованіе стипендіей не налагаетъ на стипендіата никакихъ обязательствъ.

5. (26-го апрѣля 1889 года). Инструкція для преподаванія гимнастики въ мужскихъ учебныхъ заведеніяхъ вѣдомства министерства народнаго просвѣщенія.

(Утверждена г. министромъ народнаго просвѣщенія).

І. Общія указанія.

Значеніе гимнастическихъ упражненій и характеръ преподаванія гимнастики.

§ 1. Преподаваніе гимнастики въ мужскихъ учебныхъ заведеніяхъ вѣдомства министерства народнаго просвѣщенія имѣетъ цѣлью: во-первыхъ, способствовать физическому развитію учениковъ, упражняя наиболѣе важныя для движеній тѣла группы мускуловъ, усиливая кровообращеніе и дыханіе, увеличивая во всемъ тѣлѣ обмѣнъ веществъ, гимнастика въ значительной степени предохраняетъ дѣтей отъ болѣзней, происходящихъ въ молодомъ организмѣ отъ продолжительнаго сидѣнія; во-вторыхъ, гимнастика развиваетъ въ дѣтяхъ свободу и цѣлесообразную ловкость движеній, научаетъ ихъ соразмѣрять свои усилія съ представляющимися сопротивленіями, даетъ имъ увѣренность въ возможности преодоленія препятствій и умѣніе преодолѣть ихъ съ наименьшею затратою силъ; дѣйствуя такимъ образомъ, гимнастика способствуетъ нравственному воспитанію дѣтей: развивая въ мальчикахъ ловкость и мужество, она оказываетъ благотворное вліяніе на образованіе характера и вообще душевныхъ силъ учениковъ; наконецъ, третьихъ, упражняя мальчиковъ въ самыхъ простыхъ дви-

женіяхъ и построеніяхъ, принятыхъ въ русскихъ войскахъ, гимнастика знакомить дѣтей съ первоначальными основаніями воинской дисциплины и даетъ имъ навыкъ сообразовать свои движенія съ движеніями товарищей такъ, чтобы общія построенія были правильны и стройны, что значительно облегчитъ ученикамъ трудности строеваго ученія, когда имъ придется поступить на службу въ войска или ополченіе, а вмѣстѣ съ тѣмъ будетъ способствовать развитію въ нихъ патриотическаго чувства, напоминая мальчикамъ о томъ, что и имъ придется, быть можетъ, въ свое время встать въ ряды защитниковъ Престола и Отечества.

Но одинъ систематическій курсъ гимнастики, проведенный даже въ строгой постепенности и правильности, не заключаетъ въ себѣ всѣхъ необходимыхъ условій для достиженія вышеозначенныхъ цѣлей. Необходимымъ дополненіемъ этого курса служатъ гимнастическія игры, во время которыхъ мальчики безъ всякаго стѣсненія проявляютъ физическую комбинацію движеній и усилій, причемъ возбуждается чувство соревнованія, которое еще усиливаетъ естественный порывъ къ дѣятельности. Въ этихъ играхъ, мальчикъ или юноша ближе всего найдетъ полное примѣненіе пріемовъ, изучаемыхъ имъ на урокахъ гимнастики, и пойметъ пользу гимнастическихъ упражненій. Съ другой стороны, переходя отъ игръ къ систематическимъ упражненіямъ, онъ внесетъ и въ эти послѣднія извѣстный подъемъ духа, весьма необходимый для успѣшнаго хода физическаго развитія.

Поэтому, систематическій курсъ гимнастики долженъ обязательно сопровождаться соответственными возрасту подвижными играми, устраиваемыми подъ руководствомъ преподавателя во внѣклассное время, по возможности на открытомъ воздухѣ, причемъ, полезно иногда допускать игру и во время урока гимнастики.

Примѣчаніе. Перечень и описаніе игръ, годныхъ для учебныхъ заведеній, будутъ изданы отдѣльно, какъ приложение къ инструкціи, а пока выборъ игръ можетъ быть сдѣланъ изъ книги: Руководство гимнастики для среднихъ и низшихъ учебныхъ заведеній, сост. К. А. Шмидтомъ.

§ 2. Упражненія, помѣщенные въ прилагаемой при семъ программѣ, состоятъ изъ четырехъ отдѣленій:

1. Строевыя (порядковыя) упражненія.
2. Вольныя гимнастическія движенія.
3. Упражненія съ подвижными снарядами.
4. Упражненія на неподвижныхъ снарядахъ.

Всѣ эти упражненія находятся въ тѣсной взаимной связи и, въ совокупности своей, представляютъ полный систематическій курсъ гимнастики, направленный къ достиженію всѣхъ вышепоставленныхъ цѣлей.

§ 3. Каждый изъ перечисленныхъ отдѣловъ имѣетъ кромѣ того и свое специальное назначеніе.

Такъ-называемыя порядковыя упражненія вводятся обыкновенно въ курсъ гимнастики для того, чтобы развить въ ученикахъ вниманіе, подвижность, умѣнье соразмѣрять свои движенія съ движеніями массы, подчиняться командному слову и вообще, чтобы дисциплинировать какъ каждую личность въ отдѣльности, такъ и всю обучающуюся массу.

Въ устанавливаемомъ нынѣ курсѣ гимнастики порядковыя упражненія должны получить болѣе ясно выраженный строевой характеръ, т. е. должны производиться по правиламъ, предписаннымъ „Уставомъ о строевой пѣхотной службѣ“, для одиночнаго, шереножнаго и взводнаго обученія нижнихъ чиновъ и согласно Наставленію, которое будетъ издано.

Строевыя упражненія, сохраняя за собою всѣ выгоды порядковыхъ движеній, имѣютъ передъ послѣдними большое преимущество какъ со стороны чисто гимнастической, такъ и со стороны дисциплинарной. Основываясь на точныхъ правилахъ для стойки и для исполненія всякаго движенія и не допуская въ этомъ отношеніи никакихъ произвольныхъ уклоновъ, которыя неизбежны при менѣе строго поставленныхъ порядковыхъ упражненіяхъ, они способствуютъ выработкѣ въ ученикахъ стройной, красивой внѣшности и той свободы движеній, которая всегда отличаетъ хорошо обученнаго военнаго человека. Съ другой стороны, характеръ военной команды, заставляющій ученика сосредоточить все свое вниманіе передъ произнесеніемъ исполнительнаго слова, требованіе полной тишины, а иногда и полной неподвижности въ строю (по командѣ „смирно“,—все это заключаетъ въ себѣ, при серьезномъ и умѣломъ веденіи строевыхъ занятій, такую дисциплинирующую силу, какой не могутъ представить не только порядковыя упражненія, веденныя общепринятымъ способомъ, но и никакой другой приѣмъ, употребляемый для пріученія къ вниманію, порядку и послушанію.

§ 4. Вольныя движенія представляютъ, съ одной стороны, самостоятельныя упражненія, имѣющія цѣлью пріучить мальчика управлять въ возможныхъ предѣлахъ всѣми частями своего тѣла, выработать развязность движеній, сдѣлать ихъ по возможности независи-

ыми одно отъ другаго и укрѣпить физическія силы ученика; съ другой стороны, заключаая въ себѣ элементы всѣхъ доступныхъ организму движеній, они являются также подготовительнымъ средствомъ для упражненій съ подвижными снарядами и на снарядахъ неподвижныхъ. Къ числу вольныхъ движеній относятся простыя и сложныя движенія головой, туловищемъ, руками и ногами, приготовительныя упражненія къ прыганью, всѣ указанныя въ программѣ роды ходьбы и бѣга, а также приготовительныя приемы для фехтованія и плаванія.

Вольныя движенія производятся при соблюденіи тишины и полнаго порядка, какъ и строевыя, но при первыхъ должно быть допущено болѣе свободное положеніе тѣла безъ малѣйшей натянутости. Между тѣмъ какъ при строевыхъ занятіяхъ требуется однообразіе движеній всей массы, при вольныхъ движеніяхъ, которыя болѣе сложны, должна быть дава ученикамъ возможность сообразовать движенія съ своими силами и потому не слѣдуетъ требовать мелочнаго однообразія и педантичной точности. Со временемъ, когда ученики привыкнутъ къ упражненіямъ и силы ихъ разовьются, однообразіе въ движеніяхъ въ значительной степени само собою достигнется. Вольныя движенія должны быть производимы не иначе, какъ при совершенно правильномъ и цѣлесообразномъ начальномъ положеніи (положеніе тѣла при началѣ упражненія), указываемомъ каждый разъ учителемъ.

§ 5. Упраженія съ подвижными снарядами имѣютъ цѣлью, съ одной стороны, усложненіе вольныхъ движеній употребленіемъ деревянной палки, какъ снаряда, который обуславливаетъ извѣстное положеніе рукъ при движеніяхъ, съ другой — приученіе къ ловкому владѣнію палкою какъ ручнымъ орудіемъ, а также ко владѣнію палкою, мячемъ и деревяннымъ шаромъ, какъ орудіями метательными.

Снаряды (неподвижные) имѣютъ значеніе искусственныхъ приспособленій, упражняясь на которыхъ ученикъ встрѣчаетъ сопротивленіе въ вѣсѣ собственнаго тѣла. Оканчательная цѣль упражненій на снарядахъ состоитъ въ исполненіи движеній съ наименьшею затратою силъ.

§ 6. Тамъ, гдѣ это не встрѣтитъ непреодолимыхъ препятствій, должны быть обязательно устраиваемы и поощряемы организованныя подвижныя игры, преимущественно на свѣжемъ воздухѣ. Онѣ могутъ устраиваться даже вмѣсто уроковъ гимнастики. Игры могутъ быть замѣняемы продолжительными прогулками, цѣли которыхъ могутъ и не имѣть прямого отношенія къ гимнастикѣ, но самый процессъ прогулокъ можетъ разнообразиться, то походнымъ движеніемъ въ строе-

вомъ порядкѣ (съ пѣніемъ), то упражненіями въ мѣрномъ или ускоренномъ бѣгѣ, то, наконецъ, глазомѣрнымъ опредѣленіемъ разстояній, что также имѣетъ прямое отношеніе къ физическому и военному образованію. Все сказанное объ играхъ и прогулкахъ имѣетъ значеніе какъ для среднихъ, такъ и для низшихъ учебныхъ заведеній и въ послѣднихъ встрѣтитъ вѣроятно менѣе затрудненій.

§ 7. Курсъ гимнастики съ вновь поступающими всегда начинается строевыми и вольными движеніями. Строевое обученіе надо вести съ большою постепенностью, особенно, если занятія начинаются въ очень раннемъ возрастѣ (7—10 лѣтъ); но, разъ уже строевыя упражненія усвоены, къ нимъ слѣдуетъ относиться съ неуклонной требовательностію. Съ особенною осмотрительностію должны употреблять обучающіи команду „смирно!“ Для будущаго военнаго человѣка это слово должно навсегда сохранить свое обаяніе. Это призывъ къ безусловному вниманію, и съ произнесеніемъ команды „смирно“ должна мгновенно наступить полная тишина и неподвижность. Къ этой командѣ нужно приучать дѣтей постепенно, и произносить ее только въ тѣхъ случаяхъ, когда это дѣйствительно необходимо, иначе она можетъ утратить свое значеніе. При этомъ надо всегда имѣть въ виду, что въ неподвижномъ положеніи человѣкъ, а въ особенности мальчикъ, долго оставаться не можетъ. Если послѣ команды „смирно!“ не будетъ всегда своевременно слѣдовать какая нибудь другая команда, требующая извѣстнаго движенія или освобождающая ученика отъ натянутаго положенія („вольно“, „разойдись“ и т. п.), то мальчикъ привыкнетъ самъ освобождать себя отъ него, что совершенно уже пойдетъ въ разрѣзъ съ основными требованіями строеваго обученія. Это обученіе надо довести до того, чтобы впоследствии даже и безъ команды „смирно!“ дѣти привыкли сохранять въ строю тишину и порядокъ.

Не слѣдуетъ также упускать изъ виду, что военныя упражненія всегда очень нравятся дѣтямъ. Ихъ интересуетъ и красота военнаго строя, и молодцоватость одиночной выправки, и повелительный тонъ военной команды, и наконецъ, та торжественность и обрядность, какую обыкновенно представляютъ военныя ученія и военныя торжества. Этою чертою дѣтскаго характера можно съ успѣхомъ пользоваться для привлеченія дѣтей къ строевымъ упражненіямъ даже въ самомъ раннемъ возрастѣ и для постепеннаго приученія ихъ къ серьезнымъ строевымъ требованіямъ. Почти всѣ строевыя упражненія, за исключеніемъ ломки фронта, могутъ быть продѣланы въ первый годъ боученія. Далѣйшія упражненія должны содѣйствовать только бо-

лѣе точному усвоенію правилъ устава и болѣе серьезному взгляду на значеніе строя.

§ 8. Командныя слова для строевыхъ, какъ и для всѣхъ прочихъ гимнастическихъ движеній, должны быть произносимы по русски, каковъ бы ни былъ языкъ преподаванія по другимъ предметамъ. Объясненія на другомъ языкѣ допускаются лишь въ крайнемъ случаѣ, пока ученики не привыкли къ русскому языку.

§ 9. Курсъ вольныхъ движеній также не слѣдуетъ растягивать на продолжительное число лѣтъ, откладывая наиболѣе трудныя изъ нихъ до старшихъ классовъ. По мѣрѣ того, какъ ученики усваиваютъ элементарныя движенія, преподаватель переходитъ къ различнымъ ихъ сочетаніямъ. Всѣ помѣщенныя въ программѣ вольныя движенія (кромѣ сложныхъ движеній головою) могутъ быть безъ затрудненія продѣланы и достаточно усвоены мальчиками 11-ти лѣтняго возраста.

Въ продолженіе урока никогда не слѣдуетъ останавливаться долго на одномъ и томъ же вольномъ движеніи. Пока ученики не усвоили себѣ движенія, достаточно продѣлывать его на каждомъ урокѣ не болѣе пяти разъ (движеніе головою даже менѣе). Последовательность вольныхъ движеній на урокѣ должно располагать такимъ образомъ, чтобы упражненія, требующія усилія различныхъ частей тѣла, чередовать между собою и чтобы не было исполняемо сряду нѣсколько упражненій, основанныхъ на дѣйствіи однихъ и тѣхъ же группъ мускуловъ.

§ 10 Вольныя движенія, по цѣлямъ, которыя они преслѣдуютъ, и по характеру ихъ исполненія, раздѣляются на плавныя и скорныя.

Всякое движеніе въ началѣ исполняется медленно, причемъ плавное нѣсколько быстрѣе, а скорое — нѣсколько медленнѣе ихъ нормальнаго размѣра, и только по мѣрѣ усвоенія ихъ учениками, доводятся—первыя до той плавности, а послѣднія до той скорости, какая доступна упражняемымъ частямъ тѣла. При этомъ необходимо строгое и внимательное соображеніе съ естественной подвижностью различныхъ частей тѣла; такъ, напр., туловищемъ невозможно производить такихъ же скорыхъ движеній, какія дѣлаются руками и т. п.

§ 11. Во время обученія гимнастикѣ слѣдуетъ избѣгать длинныхъ словесныхъ объясненій, а дѣлать каждое движеніе понятнымъ для обучающихся, преимущественно личнымъ примѣромъ. Предъ каждымъ

упражненіемъ обучающій становится передъ учениками такъ, чтобы его всё видѣли и продѣлываетъ упражненіе самъ, кратко указывая на приемы и на условія правильнаго его исполненія. Затѣмъ упражненіе продѣлывается учителемъ еще разъ, отдѣляя каждое движеніе счетомъ вслухъ: разъ, два и т. д. Послѣ этого по исполнительской командѣ упражненіе повторяется учащимися съ тою скоростью и по тѣмъ приемамъ, какъ было указано. При этомъ учитель командуетъ самъ или заставляетъ учениковъ вести счетъ вслухъ при соблюденіи по возможности размѣра, указаннаго учителемъ; при нѣкоторомъ навыкѣ къ движенію ученики могутъ вести счетъ про себя. При упражненіяхъ на снарядахъ и другихъ сложныхъ движеніяхъ, ученикамъ старшаго возраста полезно объяснить смыслъ cadaго движенія и цѣль, которая имъ достигается, причемъ непремѣнно слѣдуетъ указать и на тѣ опасности, которымъ ученики подвергаются, если не будутъ соблюдены условія упражненія, указанныя учителемъ.

§ 12. Командными словами для разныхъ вольныхъ движеній служатъ самыя названія упражненій, упоминаемыя въ программѣ. Исполненіе же всѣхъ движеній дѣлается по командѣ: — начинай, если они производятся на мѣстѣ, и маршъ если движеніе сопряжено съ перемѣною мѣста. При движеніяхъ, требующихъ плавнаго исполненія, команда начинай произносится протяжно. Движеніе прекращается по командѣ—стой; послѣ этой команды ученики принимаютъ то положеніе, которое занимали до упражненія.

Движенія, усвоенныя уже учениками и доведенныя до возможной скорости или плавности, должны непремѣнно входить время отъ времени въ программу урока во все продолженіе курса.

§ 13. На упражненіе въ мѣрномъ бѣгѣ должно быть обращено особенное вниманіе. Послѣ того какъ ученики усвоятъ себѣ общія правила бѣга и бѣглый шагъ въ сомкнутомъ строѣ, мѣрный бѣгъ долженъ, по возможности, производиться на каждомъ урокѣ гимнастики, независимо отъ другихъ вольныхъ движеній. Цѣль этого упражненія заключается въ постепенномъ приученіи мальчиковъ къ продолжительному и непрерывному бѣгу. При постепенности упражненій они научаются владѣть своимъ дыханіемъ и мало по малу приобретаютъ необходимую для бѣга выносливость. Такъ какъ мѣрность шага составляетъ одно изъ самыхъ существенныхъ условій для непрерывности и продолжительности бѣга, то съ самыхъ первыхъ уроковъ его слѣдуетъ производить въ извѣстномъ строевомъ порядкѣ, пачала размыкнутой шеренгой, съ поворотомъ на одинъ изъ фланговъ,

потомъ разомкнутыми рядами и наконецъ въ сомкнутомъ строѣ Непрерывная продолжительность бѣга должна постоянно возрастать отъ $1/2$ минуты до 8 минутъ смотря по возрасту. Ученикамъ, которые при этихъ упражненіяхъ, по своему сложенію или по состоянію здоровья не могутъ переносить той продолжительности бѣга, какая предположена преподавателемъ на урокъ, можетъ быть дозволено выходить изъ строя. Опытному преподавателю не трудно будетъ контролировать, нѣтъ-ли между послѣдними уклоняющихся отъ упражненія, и за такими необходимо бдительно наблюдать. Количество выходящихъ должно служить для преподавателя мѣрломъ, до какой степени классъ или группа утвердилась на данной степени упражненія. Пока изъ строя выходитъ болѣе десятой части его состава, онъ не долженъ увеличивать продолжительности бѣга. Мѣрный бѣгъ всегда начинается и заканчивается ходьбою. Заключительная ходьба продолжается до тѣхъ поръ, пока упражнявшіеся совершенно не успокоятся отъ произведеннаго бѣгомъ возбужденія.

Упражненія въ бѣгѣ производятся по возможности на свѣжемъ воздухѣ, въ сухую погоду, даже зимою при сильномъ морозѣ и на расчищенномъ мѣстѣ. При этомъ, во первыхъ, не слѣдуетъ допускать слишкомъ теплой одежды, а во вторыхъ, немедленно послѣ бѣга вводить учениковъ въ теплое помѣщеніе, пока они остынутъ.

При полномъ недостаткѣ и неудобствѣ помѣщенія, вмѣсто бѣга, въ крайнемъ случаѣ, можетъ быть допущено вольное движеніе, состоящее изъ бѣга на мѣстѣ.

§ 14. Во всѣхъ учебныхъ заведеніяхъ, гдѣ это по мѣстнымъ условіямъ окажется возможнымъ на свѣжемъ воздухѣ при благоприятной погодѣ, для мальчиковъ старше 12 лѣтъ, полезно упражненіе въ мѣрномъ бѣгѣ попеременно съ ходьбою, какъ это дѣлается въ войскахъ. Продолжительность промежутковъ бѣга и ходьбы при вышеизложенныхъ условіяхъ можно распредѣлить слѣдующимъ образомъ: 3 мин.—бѣгомъ, 5 мин.—шагомъ, 3 мин.—бѣгомъ, всего 11 минутъ (для мальчиковъ отъ 12 до 14 лѣтъ), еще 5 мин.—шагомъ и 3 мин.—бѣгомъ, всего 19 минутъ (для мальчиковъ старше 14 лѣтъ). Ходьба, которою заканчивается бѣгъ, можетъ съ большою пользою (особенно въ низшихъ училищахъ, ученики которыхъ рѣже видятъ военныя торжества) быть замѣнена церемональнымъ маршемъ въ строгомъ строевомъ порядкѣ и, если возможно, съ музыкою или пѣніемъ.

§ 15. Ускоренный бѣгъ есть бѣгъ въ запуски съ опредѣленною цѣлью, причемъ не требуется никакихъ другихъ условій, кромѣ бы-

строты. Для упражненій въ ускоренномъ бѣгѣ должны служить главнымъ образомъ игры. Зимомъ даже въ гимнастическомъ залѣ, эти упражненія довольно затруднительны. Но весной, лѣтомъ и осенью, на плацахъ и на прогулкахъ въ подобномъ бѣгѣ ученики могутъ съ пользою практиковаться, но при этомъ учитель долженъ соблюдать большую осторожность и сообразовать продолжительность бѣга съ силами учениковъ, чтобы и слабые изъ нихъ не утомлялись чрезмѣрно отъ этого упражненія.

§ 16. Для вольныхъ движеній съ палками употребляются круглыя и гладкія деревянныя палки съ закругленными концами. Толщина палки отъ $\frac{3}{4}$ до $1\frac{1}{2}$ дюйма. Длина,—смотря по росту упражняющагося, можетъ видоизмѣняться отъ $\frac{1}{2}$ до $2\frac{1}{2}$ арш. (Полагается, что поставленная у ноги палка должна доходить приблизительно до высоты уха ученика). Такія палки слѣдуетъ имѣть по числу учениковъ, бывающихъ одновременно на урокѣ.

Палки, для метанья, должны быть разнообразной длины и различной тяжести, но вообще нѣсколько короче палокъ, употребляемыхъ для вольныхъ движеній (приблизительно отъ 1 до 2 арш. длиною). На переднемъ концѣ палки толщиной около дюйма, дѣлается острый или закругленный желѣзный наконечникъ, задній конецъ съуживается до $\frac{3}{4}$ дюйма и скрѣпляется желѣзнымъ кольцомъ. Можно тоже употреблять палки съ острымъ стальнымъ копьеобразнымъ наконечникомъ.

Цѣль для упражненій въ метаніи палками можетъ представлять либо прочный и устойчивый деревянный щитъ, съ отверстіемъ, діаметромъ въ 1 ф., на высотѣ груди упражняющагося, либо цилиндрическая плетеная деревянная корзина, въ 1 арш. вышиною и $\frac{3}{4}$ арш. въ діаметрѣ, стоящая на такой же высотѣ.

Мячъ слѣдуетъ употреблять не легкой и не мягкой. Лучше всего дѣлать его изъ шерсти или изъ намотанныхъ резиновыхъ полосъ и обшивать кожей. Для метанья мячемъ можно употреблять разнообразныя мишени. Въ нихъ дѣлаютъ иногда нѣсколько отверстій, діаметромъ вдвое болѣе діаметра мяча.

Деревянный шаръ размѣромъ и вѣсомъ долженъ приближаться къ обыкновенному кегельному шару. Цѣлью для него служатъ—одна или нѣсколько кегель.

§ 17. Упражненія въ прыжкахъ и лазаньи (при должной постепенности) и хожденія по горизонтальному низкому бревну, начинаются со второй половины перваго года обученія, а упражненія на

другихъ снарядахъ лишь съ 12-ти лѣтнаго возраста и ведутся во всѣ слѣдующіе годы параллельно съ упражненіями въ вольныхъ движеніяхъ, въ той постепенности, какая указана въ программѣ. Упражнения на снарядахъ раздѣляются на три курса:

I курсъ—	для учениковъ	отъ 8 до 12 лѣтъ.
II	" " "	" 12 " 15 "
III	" " "	" свыше 15 "

§ 18. При всѣхъ упражненіяхъ на снарядахъ слѣдуетъ обращать вниманіе не столько на количество работы, сколько на ея качество. Преподаватель въ такомъ только случаѣ имѣетъ право увеличивать для учениковъ степень трудности упражненія на какомъ нибудь снарядѣ, когда всѣ условія того же упражненія въ болѣе легкой степени выполняются ими въ точности и безъ затрудненія.

Къ упражненіямъ въ прыганьи можно приступать только тогда, когда воспитанники совершенно усвоили себѣ всѣ роды приготовительныхъ прыжковъ. Обучающему слѣдуетъ имѣть въ виду, что упражненія на снарядахъ гораздо болѣе зависятъ отъ индивидуальнаго физическаго развитія дѣтей, чѣмъ строевыя и вольныя движенія. Поэтому упражненія на снарядахъ не могутъ быть одинаково обязательны для всѣхъ учениковъ одного класса. Часто можетъ случиться, что по совѣту врача ученика придется совсѣмъ освободить отъ всѣхъ или нѣкоторыхъ упражненій на снарядахъ.

Упражненія въ лазаньи должны вестись въ самой строгой постепенности, начиная съ упражненій притягиванія тѣла руками на лѣстницѣ, канатѣ или шестѣ.

§ 19. Въ тѣхъ учебныхъ заведеніяхъ, гдѣ урокъ гимнастики продолжается около часа, упражненія полевно начинать съ строевыхъ и вольныхъ движеній и кончать бѣгомъ и ходьбою. Съ дѣтьми старше 12 лѣтъ, когда введены упражненія на снарядахъ, время одного урока распределяется примѣрно слѣдующимъ образомъ: 8 минутъ—строевое обученіе, 10 минутъ—вольныя движенія, 20 минутъ—упражненія на снарядахъ, а остальное время бѣгъ и ходьба. Съ дѣтьми младшаго возраста и въ тѣхъ учебныхъ заведеніяхъ, гдѣ снарядовъ нѣтъ,—упражненія на сихъ послѣднихъ замѣняются гимнастическими играми или въ случаѣ большаго числа учениковъ, можно раздѣлить дѣтей на двѣ группы, изъ которыхъ одна отдыхаетъ, а другая упражняется въ строевыхъ или вольныхъ движеніяхъ. Если урокъ гимнастики приходится послѣднимъ и дѣти должны послѣ него уходить изъ училища, то необходимо, особенно въ холодное время года, дѣ-

дать упражненія въ бѣгѣ передъ упражненіями на снарядахъ, но оканчивать урокъ всегда ходьбою. Въ тѣхъ учебныхъ заведеніяхъ, гдѣ уроки гимнастики продолжаются около 25 минутъ, вышеозначенное распредѣленіе времени измѣняется и можетъ быть допущено чередованіе упражненій: напр. одинъ день вольныя движенія и упражненія на снарядахъ, а на слѣдующій день—строевое ученіе и бѣгъ и т. под.

§ 20. Вполнѣ хорошею гимнастическою залою слѣдуетъ считать такую, гдѣ на cadaго ученика приходится около квадратной сажени пола, такъ что для гимнастической группы въ 60 человекъ, которые упражняются разомъ, зала должна имѣть около 12 саж. длины и 5-ти ширины. Высота залы, гдѣ помѣщаются гимнастическіе снаряды, должна быть отъ 6 до 8 аршинъ. Полъ лучше всего дѣлать деревянный, некрашенный. Паркетъ для гимнастической залы неудобенъ, такъ какъ отъ него отдѣляется много пыли; простой полъ, выкрашенный масляною краскою удобнѣе паркета, потому что его можно часто мыть. Асфальтовый полъ также довольно хорошъ, но даетъ много пыли, если онъ сухъ. Отопленіе залы должно быть устроено такъ, чтобы оно способствовало вентиляции и помѣщеніе было нагрѣто во время уроковъ до 12° Реомюра. Гимнастическая зала должна быть хорошо освѣщена и окна въ ней должны быть такъ устроены, чтобы можно было легко провѣтривать помѣщеніе до и послѣ cadaго урока. Если только погода дозволяетъ и нѣтъ сквозного вѣтра, то окна во время урока могутъ оставаться открытыми. Если ученики переодѣваются для уроковъ гимнастики, то лучше для этого устроить отдѣльную комнату, которая нагрѣта сильнѣе, чѣмъ гимнастическая зала. Передъ урокомъ гимнастики очень полезно вымести полъ мокрой шваброй, чтобы по возможности уменьшить пыль, которая во время гимнастическихъ упражненій особенно вредна, такъ какъ при усиленномъ дыханіи въ большемъ количествѣ проникаетъ въ легкія дѣтей. Гимнастическія залы лучше устраивать въ нижнемъ этажѣ, а если онѣ находятся въ другомъ этажѣ, то позаботиться о томъ, чтобы балки были прочно установлены и по возможности не качались, особенно при ритмическихъ строевыхъ движеніяхъ.

Но подобныя образцовыя гимнастическія залы могутъ имѣть лишь немногія учебныя заведенія. Въ большинствѣ случаевъ придется довольствоваться меньшимъ пространствомъ. Для 60-ти человекъ обучающихся, въ крайнемъ случаѣ достаточно и половины вышеупомя-

нутаго пространства, не считая мѣста для гимнастическихъ снарядовъ. При $\frac{1}{2}$ квадратной сажени на человѣка можно производить всѣ строевыя и вольныя движенія, указанныя въ программѣ, не дѣля группу въ 60 человѣкъ на отдѣленія. Слѣдуетъ при этомъ имѣть въ виду, что при уменьшеніи числа обучающихся, пространство для гимнастики не можетъ быть уменьшено пропорціонально, такъ что для группы въ 60 человѣкъ помѣщеніе въ 15 квадратныхъ сажень нельзя назвать просторнымъ, а для 20 человѣкъ—комнату въ 10 квадр. сажень уже слѣдуетъ считать недостаточною для производства всѣхъ гимнастическихъ упражненій. Однако, ни одно учебное заведеніе не имѣетъ права совершенно отказываться отъ гимнастики за недостаткомъ помѣщенія и учитель долженъ во всякомъ помѣщеніи заставить дѣтей дѣлать тѣ движенія, которыя возможны при данныхъ условіяхъ. Въ длинномъ, узкомъ корридорѣ можно упражнять мальчиковъ въ большинствѣ строевыхъ и вольныхъ движеній, въ бѣгѣ и ходьбѣ, а также производить упражненія на снарядахъ, если они помѣщены на концѣ корридора. Въ тѣсномъ классѣ, гдѣ классныя столы занимаютъ почти все помѣщеніе и всѣ мѣста заняты учениками, можно вывести половину учениковъ изъ-за столовъ и, поставивъ остальныхъ на мѣстахъ своихъ по просторію, продѣлать съ ними многія вольныя движенія руками.

Не слѣдуетъ даже отказываться совершенно отъ строевыхъ движеній по недостатку помѣщенія: если есть комната, гдѣ 15, 20 учениковъ могутъ встать въ три или четыре шеренги, не касаясь плечами (для 20 человѣкъ—двѣ квадратныя сажени), то учитель имѣетъ возможность ихъ выстроить, упражнять въ поворотахъ и ходьбѣ въ ногу въ крайнемъ случаѣ на мѣстѣ. Въ селахъ и деревняхъ можно воспользоваться для нѣкоторыхъ гимнастическихъ движеній гумномъ, пустымъ сѣннымъ сараемъ, навѣсомъ для телегъ и т. под., причѣмъ слѣдуетъ имѣть въ виду, что деревенскіе дѣти привыкли къ холоду гораздо лучше городскихъ и, если только урокъ гимнастики слѣлать непродолжительнымъ (10—15 минутъ), то упражненія могутъ быть производимы и при нѣсколькихъ градусахъ мороза; послѣ нихъ, конечно, ученики, вводятся въ теплое школьное помѣщеніе, пока не обогрѣются. Вообще учебное начальство должно имѣть въ виду, что уроки гимнастики, кромѣ гигиенической цѣли, т. е. упражненія мускуловъ, имѣютъ еще цѣль упражнять дѣтей во вниманіи, повинновеніи командѣ и стройности движеній, а потому, если дѣти умѣютъ стоять правильно, слушаться команды „смирно“, стройно поворачиваться па-

право и надѣво, ходить въ ногу и дружно дѣлать руками и туловищемъ по командѣ нѣсколько движеній, то цѣль преподаванія гимнастики, хотя отчасти, но достигнута. Всѣ же эти движенія и нѣкоторыя другія не требуютъ никакого особаго помѣщенія, кромѣ обыкновеннаго классаго.

§ 21. Кромѣ гимнастической залы, желательно имѣть для строевыхъ и вольныхъ движеній, а также для гимнастическихъ игръ, возможно просторный плацъ или дворъ, не мощный, а плотно утрамбованный пескомъ или щебнемъ. Мѣсто для прыжковъ должно быть усыпано мягкимъ пескомъ. Если есть возможность плацъ немного полить водою передъ урокомъ, то это очень полезно для избѣжанія пыли. На дворѣ слѣдуютъ дѣлать гимнастику по возможности чаще, имѣя въ виду, что при нѣкоторыхъ предосторожностяхъ, которыя укажетъ каждый знающій врачъ, гимнастическія упражненія можно дѣлать на воздухѣ и при довольно низкой температурѣ, о чемъ уже сказано выше, когда говорилось объ упражненіяхъ въ бѣгѣ. Вмѣсто плаца, можно довольствоваться лужкомъ съ короткой или скошенной травой, широкимъ бульваромъ или частью площади въ городахъ, песчанымъ пустыремъ или дорогой въ деревняхъ.

§ 22. Гимнастика есть обязательный предметъ обученія для всѣхъ мужскихъ учебныхъ заведеній вѣдомства министерства народнаго просвѣщенія. Совершенно освободить ученика отъ уроковъ гимнастики можно лишь тогда, когда врачъ заведенія въ подробно мотивированномъ свидѣтельствѣ укажетъ на физическіе недостатки, которые не дозволяютъ ученику участвовать въ гимнастическихъ упражненіяхъ. Тамъ, гдѣ нѣтъ врача, учитель самъ освобождаетъ мальчиковъ отъ гимнастики въ случаѣ явной грыжи, сильной одышки, значительнаго искаженія правильности ногъ или хребтнаго столба, общей слабости, препятствующей производить усиленные движенія и т. под., но обязанъ при случаѣ повѣрять свои наблюденія, посоветовавшись съ врачомъ. Врачъ долженъ въ свидѣтельствѣ точно обозначить, слѣдуетъ ли ученика освободить отъ всѣхъ гимнастическихъ упражненій, или только отъ нѣкоторыхъ, напримѣръ, отъ бѣга, упражненій на снарядахъ и т. под. При этомъ должно имѣть въ виду, что нѣкоторыя строевыя движенія, напримѣръ, ходьба, повороты и т. под. не требуютъ особыхъ усилій и потому ученики освобождаются отъ нихъ лишь въ крайнихъ случаяхъ. Для временнаго освобожденія отъ гимнастики, напримѣръ, послѣ болѣзни, въ случаѣ временной слабости и т. под. особыхъ свидѣтельствъ не требуется: достаточно заявленія врача учебному началь-

ству или частной его записки. Наконецъ, если ученикъ просить объ освобожденіи на одинъ урокъ по случаю нездоровья или другой причины, то это можетъ быть ему разрѣшено директоромъ, инспекторомъ или учителемъ, смотря по мѣстнымъ условіямъ заведенія. При этомъ однако, не надо упускать изъ виду, что правильно поставленный и умѣло веденный курсъ гимнастики всегда интересуется и увлекаетъ мальчиковъ; поэтому тамъ, гдѣ много попытокъ къ уклоненію отъ гимнастики, можно предполагать, что курсъ этого учебнаго предмета поставленъ не совсѣмъ правильно.

§ 23. Для правильнаго и внимательнаго руководства гимнастическими упражненіями, число учениковъ, приводимыхъ одновременно на урокъ, должно быть соображено съ тѣмъ условіемъ, чтобы каждый изъ руководителей (преподаватель, монитеръ) имѣлъ во время урока подъ своимъ наблюденіемъ не болѣе 30 учениковъ. Слѣдовательно, при преподавателѣ и одномъ монитерѣ можно назначить одинъ общій урокъ приблизительно 60-ти воспитанникамъ. Если же, при соединеніи двухъ изъ младшихъ классовъ въ среднеучебныхъ заведеніяхъ, въ которыхъ обыкновенно бываетъ по 40 и больше учениковъ, окажется болѣе 60-ти воспитанниковъ, то слѣдуетъ или пригласить на эти уроки втораго монитера, или же, если это по недостатку средствъ или способныхъ монитеровъ оказалось бы затруднительнымъ, позаботиться о приготовленіи помощниковъ (фуртурнеровъ) изъ лучшихъ по гимнастикѣ учениковъ тѣхъ же классовъ, которые, назначенные по два человека на каждое отдѣленіе, могли бы помогать учителю и монитерамъ, особенно при упражненіяхъ на снарядахъ. Впрочемъ, помощниками изъ учениковъ слѣдуетъ воспользоваться и въ такомъ случаѣ, если число учениковъ, приводимыхъ одновременно на урокъ, даже меньше 60-ти, такъ какъ для упражненій на снарядахъ всю массу учениковъ непремѣнно слѣдуетъ разбить на отдѣленія, состоящія приблизительно изъ 16-ти учениковъ. Это требуется въ виду того, чтобы какъ можно большее число учениковъ могло упражняться одновременно. Съ этою цѣлью и слѣдуетъ позаботиться о томъ, чтобы по крайней мѣрѣ въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ нѣкоторые снаряды, какъ на примѣръ козлы, параллельные брусья, аппараты для прыганья, были приобретены въ нѣсколькихъ экземплярахъ. Нижшія учебныя заведенія должны, по возможности, примѣняться къ этимъ же правиламъ, измѣняя ихъ по мѣстнымъ условіямъ, на примѣръ при тѣсномъ помѣщеніи, отдѣленія для гимнастики могутъ состоять изъ менѣе чѣмъ 30-ти учениковъ; въ случаѣ, если въ классѣ

два или болѣе отдѣленій, изъ которыхъ старшее болѣе сильно въ гимнастикѣ, чѣмъ младшее, то иногда слѣдуетъ отдѣлять старшихъ, чтобы съ ними продѣлать болѣе сложныя движенія, а легкія можно дѣлать всѣмъ классомъ, причемъ учитель долженъ младшихъ поставить впередъ, ближе къ себѣ, чтобы за ними лучше наблюдать. Въ низшихъ учебныхъ заведеніяхъ, гдѣ гимнастика дѣлается послѣ уроковъ, помощниками учителя могутъ быть болѣе опытные ученики старшаго класса или отдѣленія. Если въ школѣ кромѣ мальчиковъ есть и дѣвочки, то послѣднія отъ уроковъ гимнастики устраняются.

§ 24. Въ среднеучебныхъ заведеніяхъ, учительскихъ институтахъ и учительскихъ семинаріяхъ полагается для каждаго класса или отдѣленія не менѣе двухъ часовъ занятій гимнастикой въ недѣлю, причемъ дозволяется устраивать или часовые, или получасовые уроки, смотря по мѣстнымъ условіямъ¹⁾. Въ низшихъ учебныхъ заведеніяхъ должно быть устроено еженедѣльно три часа занятій гимнастикой, по возможности во внѣклассное время. Въ это число какъ въ среднихъ такъ и въ низшихъ училищахъ не входятъ гимнастическія прогулки и участіе на различныхъ празднествахъ въ сопровожденіи учителей, въ строевомъ порядкѣ.

Гимнастическія прогулки могутъ быть устраиваемы особенно весною кромѣ праздниковъ и въ будніе дни, причемъ, смотря по отдаленности цѣли прогулки, ученики освобождаются отъ всѣхъ дневныхъ школьныхъ занятій или только отъ части ихъ. Подобное освобожденіе отъ учебныхъ занятій не можетъ однако повторяться болѣе двухъ или трехъ разъ въ годъ для каждаго класса. Распредѣленіе уроковъ гимнастики предоставляется педагогическимъ совѣтамъ учебныхъ заведеній, гдѣ такіе совѣты существуютъ, съ донесеніемъ о томъ Попечителю учебнаго округа или Директору народныхъ училищъ, по принадлежности, а въ другихъ низшихъ учебныхъ заведеніяхъ это распредѣленіе предоставляется учителямъ, подобно распредѣленію уроковъ по другимъ предметамъ. Желательно, чтобы уроки гимнастики назначались не ранѣе, какъ послѣ двухъ утреннихъ уроковъ по учебнымъ предметамъ. Если урокъ гимнастики приходится послѣднимъ, чего однако, слѣдуетъ по возможности избѣгать, то въ холодную погоду учениковъ слѣдуетъ отпускать изъ училища только тогда,

¹⁾ Въ учительскихъ институтахъ и семинаріяхъ число уроковъ можетъ быть временно увеличено до трехъ, чтобы скорѣе выпустить учителей, могущихъ преподавать этотъ учебный предметъ въ низшихъ училищахъ.

когда возбужденіе, произведенное урокомъ гимнастики совершенно прекратится. Въ интернатахъ уроки гимнастики не могутъ быть назначаемы ранѣе, чѣмъ черезъ часъ послѣ обѣда и черезъ полчаса послѣ завтрака, а по окончаніи ихъ слѣдуетъ оставить по крайней мѣрѣ $\frac{1}{4}$ часа до завтрака или обѣда.

§ 25. На прогулки, о которыхъ упомянуто въ предыдущемъ §, слѣдуетъ обратить особенное вниманіе учебнаго начальства среднихъ учебныхъ заведеній и другихъ училищъ, расположенныхъ въ городахъ, гдѣ дѣти проводятъ большую часть дня или въ школѣ или въ тѣсныхъ квартирахъ. Несомнѣнно, что прогулки эти, кромѣ прямой гигиенической цѣли, оказываютъ оживляющее вліяніе на весь организмъ ребенка, измѣняя направленіе его душевныхъ силъ, которыя въ теченіе учебнаго года бывають усиленно сосредоточены на научныхъ занятіяхъ. Очень подробныхъ указаній относительно этихъ прогулокъ сдѣлать нельзя, такъ какъ устройство ихъ въ значительной степени зависитъ отъ различныхъ мѣстныхъ условій, но на счетъ ихъ могутъ быть даны слѣдующія указанія: 1) Прогулки слѣдуетъ предпринимать съ однимъ или двумя классами, не соединяя вмѣстѣ слишкомъ большаго числа дѣтей различныхъ возрастовъ, что дѣлаетъ надзоръ за ними затруднительнымъ. 2) Смотря по отдаленности цѣли прогулки, которая, само собою разумѣется, должна быть соразмѣрена съ силами учениковъ, слѣдуетъ совершить ее всю пѣшкомъ или воспользоваться желѣзной дорогой, пароходомъ или другимъ способомъ передвиженія, чтобы скорѣе достигнуть интересной мѣстности. При этомъ, конечно, слѣдуетъ по возможности избѣгать излишнихъ расходовъ для дѣтей, а за совершенно неминуемыхъ уплачивать расходы изъ специальныхъ средствъ заведенія или другихъ источниковъ. 3) При ученикахъ долженъ непремѣнно находиться учитель или воспитатель и по возможности преподаватель гимнастики, который въ такомъ случаѣ распоряжается порядкомъ прогулки. 4) Отъ времени до времени всѣмъ ученикамъ дѣлается сборъ; ихъ строятъ въ колонну и заставляютъ двигаться нѣкоторое время по командѣ обыкновеннымъ или бѣглымъ шагомъ, а также дѣлають въ удобномъ мѣстѣ строевое ученіе или другія гимнастическія упражненія. Особенно умѣстны на прогулкѣ гимнастическія игры и учителю здѣсь дается возможность разнообразить ихъ, смотря по количеству дѣтей и по мѣстности. При выходѣ изъ училища и при возвращеніи, лучше идти въ строевомъ порядкѣ, не утомляя однако этимъ дѣтей и давая имъ возможность разойтись, когда мѣстность представляетъ для этого

удобство. 5) Прогулками слѣдуетъ воспользоваться для географическихъ, естественно-историческихъ и другихъ учебныхъ цѣлей, напри- мѣръ посѣщенія какой-либо исторической мѣстности, памятника и т. под. Желательно, чтобы кто-либо изъ сопровождающихъ учителей могъ дать ученикамъ указанія относительно наблюденія природы во всѣхъ разнообразныхъ ея явленіяхъ, а также другія указанія, имѣющія отношеніе къ цѣли прогулки. Учитель русскаго языка можетъ воспользоваться прогулкою, какъ темою для полезной письменной работы. 6) Участіе въ прогулкѣ не можетъ быть безусловно обя- зательнымъ для учениковъ: родители всегда имѣютъ право просить объ освобожденіи ихъ дѣтей отъ прогулки по слабости здоровья или другимъ причинамъ.

§ 26. Въ пансіонахъ среднихъ учебныхъ заведеній и другихъ училищахъ, гдѣ ученики живутъ постоянно, кромѣ обыкновенныхъ уроковъ гимнастики, могутъ быть устраиваемы тамъ, гдѣ представ- ляется возможность, кратковременныя (15 – 20 минутъ) упражненія въ вольныхъ и строевыхъ движеніяхъ послѣ вечернихъ занятій передъ чаемъ. Движенія въ этотъ короткій промежутокъ времени должны быть такъ рассчитаны, чтобы они равномернo распредѣлялись по всѣмъ частямъ тѣла и чтобы изо дня въ день они по возможности разнообразились. Руководить этими занятіями можетъ и не учитель гимнастики, а воспитатель или помощникъ класснаго наставника, но при томъ непремѣнномъ условіи, чтобы дисциплина на этихъ за- нятіяхъ была такая же какъ и на настоящихъ урокахъ гимнастики.

§ 27. Если начальникъ заведенія по своимъ соображеніямъ нахо- дитъ возможнымъ это допустить, то онъ можетъ дозволить ученикамъ по собственному почину заниматься гимнастикою въ опредѣленное время, свободное отъ учебныхъ занятій и для этого въ рекреацион- ныхъ залахъ или на плацахъ могутъ быть устроены нѣкоторые гим- настическіе снаряды, именно: наклонная лѣстница, отвѣсныя шести, отвѣсныя канаты съ прикрѣпленными къ полу концами и низкое горизонтальное бревно для ходьбы. Упражненія на этихъ снарядахъ все таки могутъ быть допущены лишь подъ присмотромъ учителя или воспитателя и при этомъ слѣдуетъ наблюдать, чтобы мальчики не увлекались какимъ-либо однимъ упражненіемъ и не задавались цѣлью преодолѣвать акробатическія трудности. Въ высшихъ учебныхъ заве- деніяхъ, гдѣ надворъ за учениками болѣе затруднителенъ, свободное пользованіе гимнастическими снарядами не желательно, хотя оно и очень привлекаетъ дѣтей.

§ 28. Строгихъ предписаній относительно одежды во время уроковъ гимнастики сдѣлать невозможно. Лучшею одеждою считается полотняная блуза, съ довольно свободнымъ мягкимъ кушакомъ, что можетъ быть сдѣлано обязательнымъ лишь въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ. На урокахъ гимнастики, въ прочихъ учебныхъ заведеніяхъ, смотря по температурѣ помѣщенія, ученики могутъ быть въ своей обыкновенной классной одеждѣ, или даже безъ верхней одежды, если это окажется болѣе удобнымъ. Для вольныхъ движеній и упражненій на снарядахъ можно снимать поясной ремень, который носится при блузахъ. Для строевыхъ же движеній ученики должны быть одѣты, какъ въ классѣ, застегнуты на всѣ пуговицы и съ поясами. Подтяжки удобнѣе для гимнастики, чѣмъ затяжные поясные ремни, которыми придерживаютъ брюки. Высокіе галстуки слѣдуетъ на урокахъ гимнастики снимать.

§ 29. Для того, чтобы оживить упражненія въ ходьбѣ и бѣгѣ и сдѣлать ихъ по возможности правильными, очень желательно, чтобы эти движенія производились при участіи музыки или пѣнія. Хорошо прибранная пѣсня не только не утомляетъ дѣтей во время марша, но помогаетъ имъ для производства правильныхъ вдыханій и дѣйствуетъ оживляющимъ образомъ на настроеніе ребенка и юноши. Для музыки, кромѣ общеупотребительныхъ инструментовъ: барабана, трубы, фортепьянъ, скирики и т. под. могутъ быть допущены и другіе мѣстные инструменты, а за неимѣніемъ ихъ можно довольствоваться тактомъ, отбиваемымъ палкой, хлопаньемъ въ ладоши или громкимъ счетомъ.

§ 30. Строевыя и вольныя упражненія производятся, если только это дозволяетъ помѣщеніе, со всѣми учениками одной гимнастической группы (до 60-ти человекъ) за-разъ. Для упражненій же на снарядахъ можно дѣлить группу на отдѣленія по успѣхамъ, видоизмѣняя упражненія по силамъ учениковъ, напримѣръ, уменьшая для слабыхъ размѣръ прыжка или высоту козла для припрыгиванья и т. под. Переводъ изъ слабого отдѣленія въ сильное долженъ быть производимъ въ извѣстные сроки, напримѣръ, ежемѣсячно и долженъ служить такимъ образомъ поощреніемъ для учениковъ.

§ 31. Желательно, чтобы врачъ учебнаго заведенія стоялъ, по возможности, ближе къ преподаванію гимнастики въ заведеніи, выражая свое участіе къ этому дѣлу не только освобожденіемъ отъ гимнастики большихъ учениковъ, но также посѣщеніемъ отъ времени до

времени уроковъ гимнастики и наблюденіемъ за правильностью упражненій съ гигиенической точки зрѣнія. Всѣ свои замѣчанія врачъ передаетъ начальнику заведенія, а въ низшихъ училищахъ прямо учителю и можетъ войти съ особымъ представленіемъ, если замѣчанія его относятся къ существеннымъ измѣненіямъ въ преподаваніи гимнастики.

§ 32. Въ концѣ учебнаго года преподаватель гимнастики представляетъ по приложенной у сего формѣ отчетъ о занятіяхъ по этому учебному предмету во всѣхъ группахъ или отдѣленіяхъ, на которыя были раздѣлены ученики. Въ этомъ отчетѣ должны быть указаны всѣ упражненія, продѣланныя въ каждой группѣ, а также и замѣчанія учителя относительно успѣховъ отдѣльныхъ группъ вообще и указанія на благоприятныя и неблагоприятныя условія, которыя вліяли на успѣхи по гимнастикѣ. Кромѣ того преподаватель представляетъ именной списокъ учениковъ по группамъ, раздѣляя каждую изъ нихъ на три разряда по успѣхамъ. Къ первому разряду (хорошіе) слѣдуетъ отнести учениковъ, которые исполняютъ, въ указанныхъ для нихъ курсахъ предѣлахъ всѣ упражненія съ соблюденіемъ всѣхъ условій правильности ихъ. Къ разряду второму (удовлетворительные) относятся ученики, усвоившіе всѣ условія правильности упражненій, но не достигшіе предѣловъ, до которыхъ дошли ученики первой группы, или производящіе упражненія правильно, но не особенно отчетливо. Наконецъ, къ третьему разряду (неудовлетворительные), должны быть отнесены ученики, не усвоившіе условій упражненій и производящіе ихъ безъ должной отчетливости. При оцѣнкѣ успѣховъ по гимнастикѣ, слѣдуетъ больше обращать вниманіе на правильность движеній, чѣмъ на особую силу и ловкость, которыя даются лишь немногимъ мальчикамъ. Напримѣръ ученикъ, который можетъ сдѣлать прыжокъ дальше всѣхъ своихъ товарищей, не долженъ быть отличенъ отъ другихъ учениковъ, которые совершенно правильно дѣлаютъ прыжки, хотя не особенно большіе, но соответствующіе ихъ возрасту. Учитель гимнастики долженъ, какъ въ теченіе года, такъ и въ концѣ его указывать на нерадивыхъ и небрежныхъ учениковъ и начальство заведенія принимаетъ соответствующія мѣры, чтобы внушить ученикамъ, что къ урокамъ гимнастики слѣдуетъ относиться съ такимъ же вниманіемъ, какъ и къ другимъ учебнымъ предметамъ. Начальникъ заведенія дѣлаетъ, если найдетъ это нужнымъ, повѣрку поданнаго учителемъ отчета въ видѣ испытанія, причѣмъ онъ

имѣть право пригласить для участія въ испытаніи какое либо свѣдущее постороннее учебному заведенію лицо, напримѣръ военнаго или преподавателя другаго заведенія, который однако имѣетъ лишь совѣщательный голосъ при оцѣнкѣ успѣховъ по гимнастикѣ. Отмѣтка по гимнастикѣ (хорошо, удовлетворительно и неудовлетворительно) заносится въ концѣ года въ свидѣтельства объ успѣхахъ учениковъ въ выпускныя свидѣтельства кончающихся курсъ, а равно и въ свидѣтельства на льготу по воинской повинности. Для поощренія къ занятіямъ гимнастикой полезно отличать во время уроковъ по этому учебному предмету помощниковъ изъ учениковъ какимъ-либо внѣшнимъ знакомъ (цвѣтной кушакъ, кокарда, бантъ и т. под.).

ПРОГРАММА ГИМНАСТИЧЕСКИХЪ УПРАЖНЕНІИ ДЛЯ ГИМНАЗИИ,
РЕАЛЬНЫХЪ УЧИЛИЩЪ, УЧИТЕЛЬСКИХЪ ИНСТИТУТОВЪ И УЧИ-
ТЕЛЬСКИХЪ СЕМНАРІЙ.

I. Строевыя (порядковыя) упражненія.

Предварительныя понятія о строѣ: шеренга, ранжиръ, фланги фронтъ; сомкнутый строй, разомкнутый строй. Команда.

1) Стойка. Глаза направо, налѣво.

Смирно.

Стоять вольно. Равняйся.

Попятіе объ отданіи воинской чести.

Поклонъ. (Условія, при которыхъ военными поклономъ не дѣлается).

2) Повороты.

3) Движеніе шагомъ и бѣгомъ.

Одиночное и въ шеренгѣ.

Маршь, стой.

Повороты на ходу и на бѣгѣ.

Равненія на ходу и на бѣгѣ, при движеніи части флангомъ и фронтомъ.

Ходьба и бѣгъ гимнастическіе. (Перемѣна темпа).

Упражненія въ мѣрномъ и ускоренномъ бѣгѣ. (Гамъ, гдѣ обучаются пѣнію,—ходьба и мѣрный бѣгъ съ пѣніемъ).

4) Осаживаніе и примыканіе.

5) Перемѣна направленія рядами. (Ходьба и бѣгъ одною и двумя шеренгами, по кривымъ линіямъ и ихъ сочетаніямъ, подобно фигурамъ въ полонезѣ).

Перемѣна направленія фронтомъ.

6) Расчетъ шеренги, на четные и нечетные номера. Передача номера отъ праваго фланга къ лѣвому и обратно.

Вздвиганіе рядовъ. Двухъ-шереножный строй.

Смыканіе и размыканіе шеренги и двухъ-шереножнаго строя.

7) Расчетъ строевой части и дѣленіе ея на болѣе мелкія части (соотвѣтственно дѣленію роты на полуроты, взводы и отдѣленія).

Примѣчаніе. Для того, чтобы заинтересовать учениковъ къ гимнастикѣ и строю, можно назначать командировъ частей изъ лучшихъ гимнастеровъ. Они же могутъ быть помощниками учителя при упражненіяхъ на снарядахъ.

8) Упражненія, продѣлывавшіяся въ началѣ одною шеренгою, — въ двухъ-шереножномъ строѣ.

9) Построеніе разомкнутыхъ колоннъ изъ развернутаго строя, съ мѣста и на ходу, въ сторону фланга и въ сторону фронта.

Построеніе развернутаго строя изъ разомкнутыхъ колоннъ, съ мѣста и на ходу, въ сторону фронта колонны и въ сторону ея фланга.

Перестроеніе разомкнутыхъ колоннъ.

Переимѣна направленія разомкнутыхъ колоннъ.

10) Сомкнутыя колонны. Смыканіе и размыканіе колоннъ.

Примѣчаніе. Этотъ послѣдній § можетъ вводиться только при успѣшномъ ходѣ обученія.

Церемониальный маршъ. (Шеренгами и въ двухъ-шереножномъ строѣ).

II. Вольныя движенія.

1) Движенія головою.

Поворачиваніе головы направо и налево.

Нагибаніе головы впередъ и назадъ.

Нагибаніе головы направо и налево.

Круженіе головы (дѣлается медленно; въ младшихъ классахъ вообще не производится).

Примѣчаніе. Соединеніе двухъ, а тѣмъ болѣе нѣсколькихъ движеній головою въ одно, сложное, можетъ быть допущено со втораго года обученія, при условіи медленнаго разиѣра движенія и при крайне ограниченномъ числѣ послѣдовательныхъ повтореній.

2) Движеніе туловищемъ (руки на бедра, руки въ стороны, руки вверхъ, руки скрестить назадъ; лѣвую или правую ногу въ сторону или впередъ).

Нагибаніе туловища впередъ и назадъ.

Нагибаніе туловища налево и направо.

Поворачиваніе туловища налево и направо.

Круженіе туловища: а) слѣва направо, б) справа налево.

Изъ этихъ движеній туловища могутъ составляться слѣдующія сложныя движенія:

Поворачиваніе туловища въ стороны съ нагибаніемъ впередъ и назадъ.

Нагибаніе туловища: а) впередъ, назадъ, налево и направо б) налево, направо, впередъ и назадъ.

Нагибаніе туловища впередъ и назадъ и поворачиваніе налѣво и направо (и наоборотъ).

Нагибаніе туловища налѣво и направо и поворачиваніе налѣво и направо (и наоборотъ).

Поворачиваніе туловища налѣво и направо и нагибаніе впередъ, назадъ, налѣво и направо (и наоборотъ) въ 6 счетовъ.

Эти сложныя движенія могутъ съ пользою быть введены въ курсъ, но не иначе, какъ послѣ твердаго усвоенія первоначальныхъ упражненій.

3) Движенія руками (лѣвую или правую ногу въ сторону или впередъ).

Разведеніе и сведеніе рукъ (при сведеніи ладони обращаются другъ къ другу, при разведеніи—внизъ и назадъ).

Подниманіе рукъ: а) впередъ, б) въ стороны, в) вверхъ, г) въ стороны—вверхъ.

Качаніе руками: а) впередъ и назадъ, б) влѣво и вправо, в) вверхъ и внизъ.

Сгибаніе рукъ въ локтѣ.

Сгибаніе и вытягиваніе рукъ: а) впередъ, б) въ стороны, в) вверхъ, г) внизъ.

Въ этомъ послѣднемъ движеніи направленія могутъ быть соединяемы по два, по три и по четыре.

Круженіе рукъ: а) сзади напередъ, б) спереди назадъ (одною или обѣими руками).

Круженіе рукъ можно соединять въ одно сложное движеніе съ подниманіемъ рукъ въ одномъ или въ нѣсколькихъ направленіяхъ. Напримѣръ: подниманіе рукъ въ стороны и круженіе ихъ спереди назадъ (въ 4 счета).

Круженіе рукъ, какъ самостоятельное упражненіе, полезно вначалѣ производить въ 4 счета.

4) Движеніе ногами (руки на бедра, руки въ стороны, руки вверхъ, руки назадъ).

Поперемѣнное подниманіе ногъ: а) впередъ, б) назадъ, в) въ стороны.

Въ этомъ движеніи направленія могутъ быть соединяемы по два и по три.

Качаніе лѣвою (или правую) ногою.

Поперемѣнное сгибаніе ногъ въ колѣнѣ: а) вверхъ, б) внизъ.

часть сѣхлѣ, отд. 1.

3

Это движеніе можетъ дѣлаться съ вытягиваніемъ ноги впередъ или назадъ.

Круженіе лѣвой (или правой) ноги (поперемѣнное круженіе ногъ) а) спереди назадъ, б) сзади напередъ.

Круженіе ногъ можно соединять въ одно сложное движеніе: а) съ подниманіемъ ногъ въ одномъ или въ нѣсколькихъ направленіяхъ; б) со сгибаніемъ ногъ въ колѣннѣ. Напримѣръ: поперемѣнное подниманіе ногъ въ стороны съ круженіемъ ихъ сзади напередъ.

Круженіе ногъ, какъ самостоятельное упражненіе, полезно вначалѣ производить въ 4 счета.

5) Одновременное движеніе ногами и руками.

Поперемѣнное подниманіе ногъ.

Поперемѣнное сгибаніе ногъ въ колѣннѣ.

Поперемѣнное круженіе ногъ.

Съ подниманіемъ соответствующихъ, противоположныхъ или обѣихъ рукъ, въ указанномъ для ногъ или въ другомъ направленіи, съ круженіемъ соответствующихъ, противоположныхъ или обѣихъ рукъ.

Эти движенія могутъ вводиться въ курсъ только послѣ прочнаго усвоенія каждаго изъ входящихъ въ нихъ первоначальныхъ упражненій.

6) Составныя части прыжка; приготовительный прыжокъ.

Подниманіе тѣла на носки (плавное или скорое, руки на бедра);

Подниманіе тѣла на носки и присѣданіе (плавное или скорое, руки на бедра).

Тоже, съ подниманіемъ рукъ: а) впередъ, б) вверхъ, в) въ стороны.

Тоже, съ разведеніемъ и сведеніемъ рукъ.

Приготовительный прыжокъ одновременно обѣими ногами, а) на мѣстѣ, б) впередъ, в) назадъ, г) вправо, д) влево.

Приготовительный прыжокъ: а) съ шагомъ, б) со столькими-то шагами; съ лѣвой или правой ноги.

Приготовительный прыжокъ съ мѣста, со взмахомъ ноги: съ лѣвой или съ правой ноги.

7) Упраженія, соединенныя съ ходьбою и бѣгомъ.

Ходьба на носкахъ (руки на бедра).

Ходьба на носкахъ, со сгибаніемъ колѣннѣ вверхъ или внизъ.

Ходьба съ вольными движеніями рукъ въ тактъ шага.

Гимнастическій бѣгъ.

Бѣгъ на мѣстѣ (со сгибаніемъ колѣнъ вверхъ или внизъ).

Бѣгъ съ подниманіемъ прямыхъ ногъ: а) впередъ, б) назадъ.

Бѣгъ съ различнымъ положеніемъ рукъ (на бедра, назадъ, въ стороны).

8) Приготовительныя упражненія для фехтованія и плаванія.

Выпады при различныхъ положеніяхъ рукъ:

<p>а) Выпадъ лѣвою или правою ногою.</p>	}	<p>а) руки на бедра, б) руки впередъ, в) руки вверхъ, г) съ выбрасываніемъ руки (соотвѣтствующей или противоположной выпадающей ногѣ).</p>
<p>б) Выпадъ попеременно лѣвою и правою ногою.</p>		

Приемы для плаванія: а) руками, б) попеременно лѣвою или правою ногою, в) руками и попеременно лѣвою или правою ногою.

III. Упраженія съ подвижными снарядами.

Приемы деревянными палками.

Основное положеніе.

На плечо.

Къ ногѣ.

Палку внизъ—впередъ.

Палку на грудь.

Палку вверхъ.

Палку назадъ—на лопатки.

Палку назадъ—на сгибъ локтей (на локти).

Палку внизъ—за спину.

Перенесеніе палки съ праваго плеча на лѣвое и обратно.

Перенесеніе палки съ праваго плеча на лѣвое и обратно, съ подниманіемъ вверхъ и опускаемъ внизъ.

Вольныя движенія съ деревянными палками.

Сгибаніе и вытягиваніе рукъ: а) впередъ и внизъ, б) вверхъ и внизъ, в) впередъ, вверхъ и внизъ, г) вверхъ, назадъ и внизъ, д) впередъ, вверхъ, назадъ и внизъ.

Сгибаніе рукъ надъ головою.

Качаніе рукъ въ стороны.

Перенесеніе палки черезъ голову на лопатки.

Перенесеніе палки черезъ голову назадъ (на поясицу).

Перенесеніе палки черезъ голову назадъ—внизъ.

Малое круженіе палки вокругъ головы.

Большое круженіе палки вокругъ головы.

Качаніе рукъ въ стороны, передъ тѣломъ.

Движеніе туловищемъ.

Движеніе ногами.

Подниманіе на носки и присѣданіе.

Прыжки.

Приемы метанія деревянной палки, мяча и деревяннаго шара.

} При различныхъ выход-
ныхъ положеніяхъ и движе-
ніяхъ палкой.

IV. Упражненія на неподвижныхъ снарядахъ.

Курсъ первый.

Для учениковъ отъ 8-ми до 12-ти лѣтъ.

Прыганье въ ширину и прыганье черезъ веревку съ мѣста и съ разбѣгомъ.

Ширина и высота установки снаряда соразмѣряется съ тѣмъ требованіемъ, чтобы ученикъ могъ преодолѣть препятствіе съ соблюденіемъ всѣхъ правилъ прыжка.

При ширинѣ, не требующей разбѣга, полезно назначать прыжокъ съ опредѣленной ноги. Вообще длина разбѣга не должна превышать 10—15 шаговъ, быстрота же его постепенно усиливается, по мѣрѣ приближенія къ постановкѣ.

Приготовительныя упражненія къ лазанью на канатахъ, на шестахъ и на наклонной лѣстницѣ. Притягиванье на ступенькахъ лѣстницы съ ладонью, повернутою къ себѣ и отъ себя. Для успѣвающихъ — выработка чистаго приема лазанья на канатахъ при помощи рукъ и ногъ. Хожденіе сверхъ лѣстницы руками и ногами (противоположными) лицомъ къ лѣстницѣ.

Горизонтальное бревно. Ходить по бревну впередъ, при высотѣ установки около $\frac{1}{4}$ арш.

Курсъ второй.

Для учениковъ отъ 12-ти до 15-ти лѣтъ.

Прыганье въ ширину. Къ концу курса лучшіе по гимнастикѣ должны умѣть перепрыгнуть, съ полнымъ соблюденіемъ правилъ прыжка и съ разбѣгомъ отъ 10 до 15 шаговъ, ширину не менѣе 2 аршинъ.

Прыганье черезъ веревку. Съ мѣста—при высотѣ установки снаряда на $\frac{1}{2}$ арш.; съ разбѣгомъ на 1 арш.

Прыганье въ глубину. Начинать съ глубины не болѣе $\frac{3}{4}$ арш.; оканчивать глубиною около $1\frac{1}{2}$ аршина, считая отъ подошвы ногъ.

Козель. Приготовительныя упражненія.

Прыганье на козель и черезъ козель, при установкѣ снаряда узкой стороною къ ученикамъ и при высотѣ, соотвѣтствующей ихъ росту и силамъ.

Деревянная лошадь. Приготовительныя упражненія. Прыжки сбоку въ сѣдло и черезъ лошадь, при высотѣ установки не выше грудной клѣтки ученика.

Горизонтальное бревно. Приготовительныя упражненія къ перепрыгиванью черезъ бревно. Прыжки черезъ бревно, съ вынесеніемъ ногъ въ сторону. Бревно устанавливается на высотѣ грудной клѣтки ученика.

Ходить по бревну впередъ и бокомъ. Встрѣчи и переходы. Подъемъ бревна отъ $\frac{1}{4}$ до $\frac{3}{4}$ арш.

Наклонная лѣстница. Ходить съ нижней стороны лѣстницы руками и ногами (противоположными; руками за ступеньки и за брусъ). Лазить съ нижней стороны лѣстницы на однѣхъ рукахъ,—одною рукою за брусъ, другою за ступеньки, или обѣими руками за брусъ.

Отвѣсныя канаты и шесты. Подниматься при помощи рукъ и ногъ; спускаться на однѣхъ рукахъ. Переходить съ одного шеста на другой.

Шведская мачта. Хожденію вверхъ и внизъ при помощи рукъ и ногъ (противоположныхъ), лицомъ къ мачтѣ. Подниматься съ притягиваніемъ руками и съ постановкой ногъ на перекладины; лицомъ къ мачтѣ.

Параллельные брусъя. Съ прыжкомъ становиться на брусъя вытянутыми руками. Первые приемы для выпрыгиванья впередъ и назадъ: качаться между брусъями и выбрасывать ноги на брусъя. Выпрыгивать впередъ и назадъ.

Курсъ третій.

Для учениковъ свыше 15-ти лѣтъ.

Упражненія, указанныя для предыдущаго курса, по мѣрѣ развитія учениковъ, должны постепенно доводиться до нижеслѣдующихъ размѣровъ:

Прыганье въ ширину. Умѣть перепрыгнуть съ полнымъ соблюденіемъ всѣхъ правилъ и съ разбѣгомъ не болѣе 15 шаговъ, ширину въ 3 арш.

Прыганье черезъ веревку. Съ мѣста — при высотѣ веревки не менѣе $\frac{3}{4}$ арш. Съ разбѣгомъ не менѣе $1\frac{1}{2}$ аршина.

Прыганье въ глубину—съ высоты, равной росту ученика.

Козель. Прыганье черезъ снарядъ, при установкѣ его узкой и широкой стороной къ ученикамъ — и при высотѣ не ниже грудной клѣтки ученика.

Деревянная лошадь. Различныя виды прыжковъ поперекъ лошади, смотря по силамъ учениковъ. Прыжки вдоль лошади съ крупа.

Горизонтальное бревно. Прыжки черезъ бревно, съ вынесеніемъ ногъ въ сторону. Упражненія предыдущаго курса въ ходбѣ по бревну.

Наклонная лѣстница. Лазанье вверхъ и внизъ на однѣхъ рукахъ: а) по брусьямъ, б) по ступенькамъ.

Отвѣсныя канаты и шести. Лазанье вверхъ и внизъ на однѣхъ рукахъ. Лазанье по двумъ канатамъ на однѣхъ рукахъ.

Шведская мачта. Подниматься на однѣхъ рукахъ лицомъ къ мачтѣ.

Параллельныя брусья. То же, что и въ предыдущемъ курсѣ. Кромѣ того: стоя на рукахъ опускаться и подниматься между брусьями: а) съ висящими ногами, б) съ ногами закинутыми на брусья. Для болѣе сильныхъ: ходить по брусьямъ впередъ и назадъ. Прыжки на рукахъ съ раскачиваніемъ ногъ.

Примѣчанія: 1) При упражненіяхъ на снарядахъ всѣ передвиженія отъ одного снаряда къ другому дѣлаются въ сомкнутомъ строѣ и бѣгомъ.

2) Учитель и его помощники руководятъ упражненіями каждаго ученика своей части, указывая ему легчайшіе способы для преодоленія препятствій и слѣдя за соблюденіемъ правилъ упражненій.

ПРОГРАММА ГИМНАСТИЧЕСКИХЪ УПРАЖНЕНІИ ДЛЯ ГОРОДСКИХЪ И ДВУКЛАССНЫХЪ СЕЛЬСКИХЪ УЧИЛИЩЪ.

(5-ти и 6-ти лѣтній курсъ).

I. Строевыя упражненія — по программѣ для среднихъ учебныхъ заведеній, безъ всякаго сокращенія.

II. Вольныя движенія—по программѣ для среднихъ учебныхъ заведеній, безъ всякаго сокращенія.

III. Упражнения съ подвижными снарядами — не обязательны, но могутъ производиться, гдѣ это будетъ признано удобнымъ.

IV. Упражнения на неподвижныхъ снарядахъ.

(Обязательны лишь для тѣхъ училищъ, которыя могутъ завести нужные снаряды).

Курсъ первый.

Для учениковъ отъ 8 до 12 лѣтъ.

По программѣ для среднихъ учебныхъ заведеній безъ всякаго измѣненія.

Курсъ второй.

Для учениковъ свыше 12 лѣтъ.

Прыганіе въ ширину.

Прыганіе черезъ веревку.

Прыганіе въ глубину.

Ковель.

Горизонтальное бревно.

Наклонная лѣстница.

Отвѣсныя канаты и шести.

Упражнения на этихъ снарядахъ производятся въ тѣхъ размѣрахъ, какіе указаны для втораго курса въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ.

ПРОГРАММА ГИМНАСТИЧЕСКИХЪ УПРАЖНЕНІЙ ДЛЯ НАЧАЛЬНЫХЪ УЧИЛИЩЪ СЪ ТРЕХЛѢТНИМЪ КУРСОМЪ.

I. Строевыя упражненія—по программѣ для среднихъ учебныхъ заведеній, безъ всякаго сокращенія.

II. Вольныя движенія—по программѣ для среднихъ учебныхъ заведеній, безъ всякаго сокращенія.

III. Упражнения съ подвижными снарядами не производятся.

IV. Упражнения на неподвижныхъ снарядахъ:

Прыганье въ ширину.

Прыганье черезъ веревку.

Прыганье въ глубину.

Хожденіе по горизонтальному бревну.

Лазанье по шестамъ и канатамъ.

Для этихъ упражненій можно пользоваться соотвѣтственными мѣстными предметами.

Размѣръ требованій не опредѣляется, но упражненія должны вестись съ строгой постепенностью и правильностью.

Примѣчанія. Настоящія программы могутъ подлежать нѣкоторымъ видоизмѣненіямъ въ подробностяхъ, если это будетъ признано необходимымъ при составленіи учебника.

Приложеніе къ программѣ гимнастики.

Описаніе снарядовъ.

Изъ снарядовъ рекомендуются къ употребленію нижеслѣдующіе:

Снарядъ для прыганья въ ширину. Деревянная подставка (трамплинъ) длиною и шириною въ 1 аршинъ, утверждаемая къ полу болтами, и кожанная или парусинная подушка на деревянной рамѣ, такой же ширины и въ $1\frac{1}{2}$ аршина длиною. Подушка скрѣпляется съ трамплиномъ ремнями, допускающими, посредствомъ колець или петель, постепенное увеличеніе ширины. На деревянномъ полу, для разбѣга, разстилается веревочный матъ. На чистомъ воздухѣ, на пескѣ или мягкомъ грунтѣ, ширина прыжка опредѣляется неглубокимъ ($\frac{1}{2}$ арш.) ровомъ, даже чертами на землѣ или палочками.

Снарядъ для прыганія въ высоту (черезъ веревку). Двѣ вертикальныя стойки съ сквозными отверстиями для колышковъ, или съ постоянными колышками съ задней стороны стоекъ по всей ихъ длинѣ. Разстояніе между отверстиями или колышками каждой стойки не превышаетъ 1-го вершка; длина колышковъ тоже около 1-го вершка. Колышки должны быть перпендикулярны къ стойкѣ и съ каждой стороны обозначены соотвѣтствующимъ номеромъ высоты. На колышки накладывается горизонтально тонкая веревка, натягиваемая повѣшенными на оконечностяхъ грузами (мѣшечками съ пескомъ). Въ случаѣ неудачнаго прыжка веревка должна свободно падать на землю. При прыганіи въ высоту съ мѣста, на деревянномъ полу подстиляется подъ веревку, между стойками, веревочный матъ или толстый коверъ, на которомъ начинается и заканчивается прыжокъ. Для прыганія въ высоту съ разбѣгомъ, стойка и веревка приспособляются къ тамплину и подушкѣ.

Снарядъ этотъ можетъ быть значительно упрощенъ, особенно во время упражненій подъ открытымъ небомъ, но при томъ услови, чтобы веревка не представляла никакого сопротивленія при неудачномъ прыжкѣ.

Снарядъ для прыганія въ глубину. Нѣсколько ступеней, отъ 4-хъ до 6-ти вершковъ вышины и около $\frac{1}{2}$ арш. ширины. Последняя ступень образуетъ площадку на высотѣ отъ 3 до $3\frac{1}{2}$ арш. Въ залахъ прыжокъ всегда дѣлается на подушку такого же устройства, какъ и для прыганія въ ширину, но нѣсколько большихъ размѣровъ, чтобы при неловкомъ прыжкѣ, предохранить упражняющихся отъ ушибовъ.

Подъ открытымъ небомъ и въ деревнѣ, снарядъ этотъ можетъ быть замѣненъ прыганьемъ въ ровъ, или со ступенекъ простой лѣстницы, прислоненной къ зданію. Прыгать слѣдуетъ всегда на мягкую подстилку (песокъ, солому, хвой и т. п. При обученіи прыганью въ ширину, въ вышину или въ глубину, для избѣжанія сотрясенія и ушибовъ, соблюдаются слѣдующія правила: опускаясь на землю, обучающійся долженъ становиться обѣими ногами одновременно и непремѣнно на носки, а не на весь слѣдъ, причемъ слѣдуетъ имѣть каблуки вмѣстѣ, носки врозь, колѣни разведенными въ стороны и согнутыми; корпусъ долженъ быть въ вертикальномъ положеніи, а руки уперты въ бедра или опущены вдоль тѣла.

Козель состоитъ изъ подушки, утвержденной на четырехъ расходящихся книзу ножкахъ. Подушка представляетъ деревянный ящикъ, набитый мочалой и обтянутый сверху кожей или парусиною. Длина подушки 13—14 вершк., ширина 8 вершк. и высота 6 вершковъ. Наклонъ (горизонтальная проекція) каждой ноги равняется обыкновенно $\frac{1}{3}$ ея высоты. Козель долженъ быть приспособленъ къ установкѣ на желаемой высотѣ. Для этого верхнія части его ногъ, идущія отъ подушки, дѣлаются полыми, а нижнія — изъ четырехъугольных брусковъ, которые свободно вкладываются снизу въ полныя части и закрѣпляются на той или другой высотѣ желѣзными болтами. При упражненіяхъ въ прыганіи черезъ козель слѣдуетъ употреблять трамплинъ и подушку описанныхъ выше размѣровъ. Для первоначальныхъ упражненій козель устанавливается узкою стороною къ ученикамъ и поднимается не выше нижней части ихъ грудной клѣтки.

Деревянная лошадь есть удлиненный козель, съ надѣваемыми на него сѣдельными луками. Длина туловища лошади до $2\frac{1}{2}$ аршинъ; толщина отъ 7 до 8 вершковъ. Высота установки такая-же какъ и

для козла. — Подробное описаніе козла и деревянной лошади см. въ книгѣ К. А. Шмидта: руководство гимнастики для резервныхъ и дѣйствующихъ войскъ. С.-Пб. 1872 г. стр. 135 и 141.

Горизонтальное бревно: отъ 7 до 9 аршинъ длины и 3 верш. въ поперечникѣ. Стесанными концами оно кладется въ прорѣзы двухъ вертикальныхъ стоекъ и укрѣпляется болтами. Стойки должны допускать высоту установки бревна отъ $\frac{1}{2}$ до 2 аршинъ. Для упражненій въ ходьбѣ, въ младшихъ классахъ, можно имѣть особое бревно съ постоянною высотой установки отъ 6-ти вершковъ до $\frac{1}{2}$ аршина.

Въ залахъ, при упражненіяхъ на бревнѣ, необходимо подстилать коверъ или матъ.

Горизонтальное бревно можетъ быть устроено такъ, чтобы одинъ конецъ его былъ не подпертъ, слѣдовательно, — нѣсколько качался. Подобное устройство даетъ возможность разнообразить упражненія. Въ деревнѣ этотъ снарядъ можетъ быть замѣненъ всякимъ бревномъ или толстою жердью, положенными на землю, черезъ ровъ, на нѣсколькихъ кирпичахъ и т. п. и укрѣпленными такъ, чтобы онѣ не вертѣлись.

Наклонная лѣстница. Наклонъ дается такой, чтобы лѣстница образовала съ поломъ уголъ отъ 60° до 70° . Длина лѣстницы отъ 5 до 8 аршинъ. Ширина—отъ 11 до 13 вершк.; разстояніе между ступенями $\frac{1}{4}$ аршина; толщина ступеньки $\frac{5}{8}$ вершка. Толщина бруса около 1 вершка; ширина его около 2 вершковъ. Верхній край бруса долженъ быть закругленъ, для удобнаго захватыванія руками.

Снарядъ этотъ можетъ быть замѣненъ въ случаѣ нужды всякой прочной лѣстницей, прислоненной къ стѣнѣ, но при томъ условіи, чтобы ступеньки можно было удобно обхватывать пальцами.

Параллельные брусья. Снарядъ долженъ быть приспособленъ къ подниманію и опусканію брусьевъ на совершенно одинаковую высоту, посредствомъ четырехъ полыхъ стоекъ, въ которыхъ движутся подставки брусьевъ. Закрѣпленіе производится желѣзными болтами въ направленіи, параллельномъ брусьямъ.

Полы стойки утверждаются на четырехъугольной доскѣ съ боковыми выступами по угламъ, для предотвращенія качанія снаряда при упражненіи.

Брусья, около 1 вершка въ поперечникѣ и около 1 саж. длины, должны быть сверху закруглены и тщательно выглажены. Разстояніе между брусьями—отъ 9 до 11 вершковъ. Концами своими они выдаются въ каждую сторону на 6 верш. отъ подставокъ. Высота установки, смотря по росту ученика и роду упражненія, видоизмѣняется

отъ $1\frac{1}{4}$ до $1\frac{3}{4}$ арш. При упражненіяхъ въ выпрыгиваніи необходимо класть подушки или толстый матъ.

Снарядъ этотъ вполне полезенъ лишь при очень хорошемъ устройствѣ, поэтому лучше совсѣмъ отказаться, чѣмъ допускать плохой, дешевый аппаратъ. Нѣкоторыя движенія, которыя производятся на параллельныхъ брусьяхъ, напримѣръ, поднятіе на рукахъ и качаніе туловища, могутъ быть производимы въ классѣ, въ промежуткахъ между классными столами, упираясь на столы.

Шведская мачта. Въ горизонтальномъ разрѣзѣ около 3 верш. въ квадратѣ. Перекладки, такой же толщины какъ въ наклонной лѣстницѣ, имѣютъ съ каждой стороны не менѣе 3 вершковъ и отстоятъ одна отъ другой на $\frac{1}{2}$ аршина.

Отвѣсныя шесты, діаметромъ отъ одного до $1\frac{1}{4}$ вершка (толстое бревно для лаванья не употребляется).

Отвѣсныя канаты, діаметромъ отъ $\frac{3}{4}$ до 1 вершка. Нижній конецъ каната не прикрѣпляется къ полу.

Бѣгъ.

Упраженія въ бѣгѣ подраздѣляются на два основныя типа: бѣгъ гимнастическій и бѣгъ простой. Гимнастическимъ бѣгомъ называется такой, который соединяется съ нѣкоторыми вольными движеніями, напримѣръ: различнымъ положеніемъ рукъ (руки на бедра, руки назадъ и т. п.) и подниманіемъ прямыхъ или согнутыхъ ногъ, впередъ или назадъ. Къ типу простаго бѣга относятся: бѣгъ мѣрный и бѣгъ ускоренный. Мѣрнымъ называется бѣгъ, употребляемый въ войскахъ подъ названіемъ бѣглаго шага. Онъ производится всегда въ ногу, по опредѣленному ритму (счетъ голосомъ, барабанъ), при одномъ и томъ же размѣрѣ шага во все время упражненія и съ соблюденіемъ порядка и равенія.

Преподаватель наблюдаетъ за тѣмъ, чтобы во время мѣрнаго бѣга были соблюдаемы слѣдующія общія правила. По командѣ: бѣгомъ—ученики сгибаютъ руки въ локтяхъ такъ, чтобы кисти были на высотѣ локтей и свободно сжаты въ кулаки; локти подаются нѣсколько назадъ, съ цѣлю расправить грудь, не отдѣляясь отъ тѣла; въ то же время вся тяжесть тѣла незамѣтно передается на правую ногу. По командѣ маршъ—ученики начинаютъ бѣгъ съ лѣвой ноги, причѣмъ нога свободно сгибается въ колѣнѣ, выносится прямо передъ собою и становится на землю на переднюю часть ступни.

При проносѣ ноги, ученики свободно поднимаются и опускаются на согнутомъ колѣнѣ, стараясь не откидывать пятокъ назадъ и не поднимать высоко колѣнъ. Корпусъ подается нѣсколько впередъ, что способствуетъ свободному выносу ноги, и чѣмъ бѣгъ будетъ быстрѣе, тѣмъ наклонъ корпуса долженъ быть больше. Голову слѣдуетъ держать нѣсколько поднятою и стараться сохранить возможное спокойствіе во всѣмъ корпусѣ и въ плечахъ, но безъ малѣйшей натянутости. Руки, оставаясь согнутыми въ локтяхъ, должны имѣть свободное движеніе около тѣла, какъ это обыкновенно бываетъ при бѣгѣ, но не слѣдуетъ допускать сильнаго размахиванія и, въ особенности, откидыванія локтей въ стороны, такъ какъ это напрасно утомляетъ дѣтей и мѣшаетъ сомкнутости и стройности фронта.

Учитель долженъ указать ученикамъ, что при усиленномъ дыханіи, которымъ всегда сопровождается бѣгъ, необходимо вдыхать носомъ, а выдыхать ртомъ, что значительно облегчаетъ бѣгущаго и предотвращаетъ утомленіе.

6. (3-го іюня 1889 года). Положеніе о стипендіи при 1-й Ярославской женской гимназій имени полковника Семена Дмитриевича Хребтова.

(Утверждено г. министромъ народнаго просвѣщенія).

§ 1. На основаніи Высочайшаго повелѣнія 5-го декабря 1881 г. при Ярославской Маріинской женской гимназій учреждается стипендія имени полковника Семена Дмитриевича Хребтова на счетъ процентовъ съ капитала въ тысячу руб., пожертвованнаго имъ съ этою цѣлью.

§ 2. Пожертвованный капиталъ, заключающійся въ 10-ти 5% билетахъ государственнаго банка 2-го выпуска, составляя неотъемлемую собственность женской гимназій, остается на вѣчныя времена неприкосновеннымъ и хранится въ ярославскомъ губернскомъ казначействѣ вмѣстѣ съ суммами, принадлежащими женской гимназій.

§ 3. Стипендіей пользуется одна ученица.

§ 4. Выборъ стипендіатки, согласно желанію жертвователя Хребтова, предоставляется пожизненно дочери его, Софьѣ Семеновнѣ Муратовой, а по смерти ея или по ея желанію—попечительному совѣту гимназій.

§ 5. Проценты съ означеннаго капитала, за удержаніемъ изъ нихъ суммы, подлежащей, на основаніи закона 20-го мая 1885 г., передачѣ

въ казну, поступають въ уплату за обученіе стипендіатки обязательнымъ предметамъ въ теченіе гимназическаго курса.

§ 6. Остатки отъ процентовъ могутъ быть обращаемы на уплату за обученіе стипендіатки одному или нѣсколькимъ необязательнымъ предметамъ по мѣрѣ надобности и по усмотрѣнію Муратовой или попечительнаго совѣта.

§ 7. Стипендіатка пользуется стипендіей во все время пребыванія въ гимназіи и можетъ быть лишена ея только по малоусиьности въ наукахъ или неодобрительному поведенію по соглашенію педагогическаго и попечительнаго совѣтовъ гимназіи.

§ 8. Пользованіе стипендіей не налагаетъ на стипендіатку никакихъ обязательствъ.

7. (3-го іюня 1889 года). Положеніе о стипендіяхъ имени протоіерея Уводскаго при Александровской женской прогимназіи.

(Утверждено г. министромъ народнаго просвѣщенія).

§ 1. На основаніи Высочайшаго повелѣнія 5-го декабря 1881 г., на счетъ процентовъ съ капитала въ шестьсотъ руб., пожертвованнаго прихожанами Александровскаго собора и гражданами города Александра, учреждаются при Александровской женской прогимназіи двѣ стипендіи имени протоіерея Александровскаго Христо-Рождественскаго собора Василя Петровича Уводскаго, въ память его 50-ти-лѣтней священнической службы при храмѣ собора.

§ 2. Стипендіальный капиталъ, заключающійся въ шести облигаціяхъ втораго восточнаго займа, втораго десятилѣтія за №№ 416,063, 416,225, 416,351, 416,617, 421,676 и 421,691 по 100 руб. каждая, хранится вмѣстѣ съ спеціальными средствами означенной прогимназіи въ мѣстномъ уѣздномъ казначействѣ, оставаясь навсегда неприкосновеннымъ.

§ 3. Проценты, ежегодно получаемые съ капитала, за удержаніемъ части, подлежащей, по закону 20-го мая 1885 г., поступленію въ казну, употребляются на уплату за ученіе избранныхъ стипендіатокъ и на покупку для нихъ учебныхъ принадлежностей. Могушіе образоваться, по какому бы то ни было случаю, остатки должны быть присоединяемы къ стипендіальному капиталу для его увеличенія.

§ 4. Право избранія стипендіатокъ принадлежитъ пожизненно протоіерею Василю Петровичу Уводскому, а затѣмъ переходитъ къ Александровской городской управѣ или замѣняющему ее городскому

учрежденію; при чемъ для замѣщенія стипендіи должны быть избираемы ученицы отличнаго, по аттестаціи, данной педагогическимъ совѣтомъ, поведенія изъ числа дѣтей бѣдныхъ родителей купческаго и мѣщанскаго званія города Александрова, Владимірской губерніи.

§ 5. Стипендіатки могутъ быть по постановленію педагогическаго совѣта гимназій лишаемы стипендіи въ томъ случаѣ, если поведеніе ихъ будетъ аттестоваться балломъ менѣе 4.

§ 6. Упомянутые въ п. 2 билеты, по отрѣзкѣ всѣхъ имѣющихся пывѣ при нихъ купоновъ, должны быть попечительнымъ совѣтомъ прогимназій обмѣнены на новыя таковыя же государственныя 5% бумаги и всегда находиться въ такихъ бумагахъ.

§ 7. Въ случаѣ преобразованія Александровской прогимназій въ какое-либо иное учебное заведеніе или учрежденія взамѣнъ ея какаго-либо другаго заведенія, стипендіальный капиталъ переходитъ къ сему послѣднему.

§ 8. Пользованіе стипендіями не налагаетъ на стипендіатовъ никакихъ обязательствъ.

IV. ПРИКАЗЫ МИНИСТРА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

(24-го мая 1879 г.). Утверждены: экстраординарный профессоръ Императорскаго Московскаго университета, дѣйствительный статскій совѣтникъ Макѣевъ—ординарнымъ профессоромъ сего университета по занимаемой имъ кафедрѣ акушерства, съ 30-го апрѣля 1889 года; окружный инспекторъ Казанскаго учебнаго округа, статскій совѣтникъ Свѣшпиковъ—директоромъ Симбирской гимназій, съ 18-го мая 1889 года; директоръ народныхъ училищъ Казанской губерніи, дѣйствительный статскій совѣтникъ Износковъ—директоромъ Казанскаго реальнаго училища, съ 17-го мая 1889 года.

Назначены: экстраординарный профессоръ Императорскаго Варшавскаго университета, надворный совѣтникъ Трейдосевичъ—ординарнымъ профессоромъ сего университета по занимаемой имъ кафедрѣ геологій и палеонтологій, съ 2-го мая 1889 года; доцентъ Императорскаго Варшавскаго университета, магистръ зоологій Митрофановъ—экстраординарнымъ профессоромъ сего университета по кафедрѣ сравнительной анатоміи съ гистологіею и эмбриологіею, съ 27-го апрѣля 1889 года; приватъ-доцентъ Императорскаго университета св. Владиміра Фокковъ—исправляющимъ должность экстраординарнаго профессора историко-филологическаго института князя

Везбородко въ Нѣжинѣ по предмету классической филологіи, съ 1-го апрѣля 1889 года; доценты Казанскаго ветеринарнаго института: Гумилевскій и Гольцманъ—сверхштатными экстраординарными профессорами сего института: первый—по физиологіи и гистологіи съ эмбриологіею и послѣдній—по частной патологіи и терапіи, оба съ 2-го мая 1889 года; прозекторъ Харьковскаго ветеринарнаго института, статскій совѣтникъ Новопольскій—экстраординарнымъ профессоромъ сего института по зоотоміи, съ 1-го мая 1889 года; дѣлопроизводитель V класса департамента народнаго просвѣщенія, членъ особаго отдѣла ученаго комитета народнаго просвѣщенія по рассмотрѣнію книгъ, издаваемыхъ для народнаго чтенія, дѣйствительный статскій совѣтникъ Родевичъ—начальникомъ Варшавской учебной дирекціи, съ 18-го мая 1889 года.

Перемѣщенъ ординарный профессоръ Императорскаго Московскаго университета по кафедрѣ римской словесности, статскій совѣтникъ Цвѣтаевъ—тѣмъ же званіемъ на кафедрѣ теоріи и исторіи искусствъ, съ 21-го апрѣля 1889 года.

Опредѣлены: директоръ Кіевскаго реальнаго училища, дѣйствительный статскій совѣтникъ Лагоріо—инспекторомъ студентовъ Императорскаго университета св. Владиміра, съ 1-го мая 1889 г.; изъ отставныхъ: дѣйствительный статскій совѣтникъ Худзинскій и статскій совѣтникъ Воронковъ, магистръ Императорскаго Дерптскаго университета Владиславъ Ротертъ и кандидаты Императорскаго С.-Петербургскаго университета: Александръ Флоридовъ и Василій Соболевскій—на службу по министерству народнаго просвѣщенія, причисленными къ оному: первые двое — съ 3-го апрѣля 1889 г., третій—съ 3-го мая 1889 г., четвертый, съ откомандированіемъ для занятій въ Императорскую Публичную Библиотеку, съ 27-го апрѣля 1889 г., и послѣдній—съ 17-го мая 1889 года.

Причисленъ, согласно прошенію, къ министерству народнаго просвѣщенія, завѣдывающій домою призрѣнія малолѣтнихъ бѣдныхъ въ С.-Петербургѣ Императорскаго человеколюбиваго общества, дѣйствительный статскій совѣтникъ Лицскій, съ 22-го апрѣля 1889 г., съ оставленіемъ въ настоящей должности.

Оставлены на службѣ: окружный инспекторъ Дерптскаго учебнаго округа, статскій совѣтникъ Лебедевъ—по 1-е августа 1889 г.; инспекторъ народныхъ училищъ, состоящій при управленіи Кіевскаго учебнаго округа инспекціи сихъ училищъ губерній: Кіевской, Подольской и Волинской, статскій совѣтникъ Коленко — на одинъ годъ, съ 5-го марта 1889 г.; директоръ Виленскаго реальнаго училища,

дѣйствительный статскій совѣтникъ Голубиновъ — на два года, съ 19-го марта 1889 г.; директоръ Таганрогской гимназій, статскій совѣтникъ Нейкирхъ — на три года, съ 21-го апрѣля 1889 г.; ординарце профессора Императорскаго Московскаго университета, дѣйствительные статскіе совѣтники: Склифасовскій и Бабухинъ — на пять лѣтъ: первый — съ 16-го іюня 1886 г. и послѣдній — съ 30-го марта 1889 года.

Командированы съ ученою цѣлью: ординарный профессоръ Императорскаго Московскаго университета Коршъ — на лѣтнее вакаціонное время 1889 года на югъ Россіи, экстраординарный профессоръ Императорскаго Казанскаго университета Богородицкій — по 1-е сентября 1889 г., въ разныя губерніи; приватъ-доцентъ Императорскаго С.-Петербургскаго университета Венюковъ и хранитель геологическаго кабинета сего университета Левинсонъ-Лессингъ — на четыре мѣсяца, въ Оренбургскую губернію, Уральскую и Тургайскую области.

Уволены въ отпускъ: въ Россіи: съ 16-го мая по 1-е іюня 1889 года, заслуженный ординарный профессоръ Императорскаго С.-Петербургскаго университета, дѣйствительный статскій совѣтникъ Голстунскій; на одинъ мѣсяць — дѣлопроизводитель VIII класса департамента народнаго просвѣщенія, коллежскій ассессоръ Драницынъ; на одинъ мѣсяць и десять дней, директоръ Московскаго учительскаго института, дѣйствительный статскій совѣтникъ Раевскій; на лѣтнее вакаціонное время 1889 года: директоры гимназій: С.-Петербургской 10-й — статскій совѣтникъ Костевъ, Казанскихъ: 2-й дѣйствительный статскій совѣтникъ Имшеникъ и 3-й — дѣйствительный статскій совѣтникъ Иноземцевъ, Александровской Сумской — дѣйствительный статскій совѣтникъ Сибялевъ, Керченской Александровской — дѣйствительный статскій совѣтникъ Громачевскій, Немировской — дѣйствительный статскій совѣтникъ Тихомировъ, Полтавской — статскій совѣтникъ Марковъ, Эриванской — статскій совѣтникъ Бражниковъ, Николаевской Александровской — дѣйствительный статскій совѣтникъ Балнъ и Θεодосійской — статскій совѣтникъ Виноградовъ, директоры реальныхъ училищъ: Кронштадтскаго — Фридрихсбергъ, Тамбовскаго — статскій совѣтникъ Заринскій, Ростовскаго Петровскаго на Дону — Сарандианки, Астраханскаго — дѣйствительный статскій совѣтникъ Виноградскій, Елабужскаго — коллежскій совѣтникъ Ливановъ, и Вятскаго — Никологорскій и директоры учительскихъ семинарій: Закавказской — дѣйствительный статскій совѣтникъ Стрѣлецкій и Тотемской — стат-

скій совѣтникъ Соболевъ; съ 15-го іюня по 1-е августа 1889 г.— директоръ Севастопольскаго реального училища, статскій совѣтникъ Урусовъ; съ 20-го іюня по 7-е августа 1889 г.— директоръ Урюпинскаго реального училища, статскій совѣтникъ Ренчицкій; на два мѣсяца: причисленный къ министерству народнаго просвѣщенія, дѣйствительный статскій совѣтникъ Кладо, директоры гимназій: Елатомской—статскій совѣтникъ Яблонскій, Владикавказской—статскій совѣтникъ Виноградовъ и Елисаветпольской, статскій совѣтникъ Старицкій—всѣ трое—съ 20-го іюня 1889 г.; директоръ Сарапульскаго реального училища, статскій совѣтникъ Генкель, съ 8-го іюня 1889 г. и директоры народныхъ училищъ, губерній: Эриванской и Елисаветпольской—дѣйствительный статскій совѣтникъ Орловъ, съ 1-го іюня 1889 г. и Таврической—дѣйствительный статскій совѣтникъ Дьяконовъ, съ 10-го іюня 1889 г.; на лѣтнее вакаціонное время 1889 г. и 29 дней—директоръ Ларинской гимназіи, дѣйствительный статскій совѣтникъ Кноррингъ; на три мѣсяца—начальница Сызранской женской гимназіи Андреева; на четыре мѣсяца: чиновникъ особыхъ порученій V класса при министерствѣ народнаго просвѣщенія, дѣйствительный статскій совѣтникъ Янкеничъ и исправляющій должность экстраординарнаго профессора Императорскаго С.-Петербургскаго университета Незеленовъ; въ Россіи и за границу, съ 1-го іюня по 10-е августа 1889 года ректоръ Императорскаго С.-Петербургскаго университета, дѣйствительный статскій совѣтникъ Владиславлевъ; на лѣтнее вакаціонное время 1889 г.: ординарный профессоръ Императорскаго С.-Петербургскаго историко-филологическаго института, дѣйствительный статскій совѣтникъ Вейсманъ и учитель Петровскаго Ростовскаго на Дону реального училища, статскій совѣтникъ Шкитко; съ 15-го іюня по 26-е августа 1889 г.—учитель Лебедянской прогимназіи Тучапскій; на лѣтнее вакаціонное время 1889 г. и 15 дней—директоръ Варшавской II мужской гимназіи, статскій совѣтникъ Троицкій; съ 31-го мая по 20-е августа 1889 года—заслуженный ординарный профессоръ Императорскаго С.-Петербургскаго университета, тайный совѣтникъ Васильевъ; на лѣтнее вакаціонное время 1889 года и 28 дней—директоръ Варшавской V мужской гимназіи, статскій совѣтникъ Канскій; на четыре мѣсяца: ординарный профессоръ Императорскаго С.-Петербургскаго университета, дѣйствительный статскій совѣтникъ Ламанскій и надзирательница Варшавской II женской гимназіи баронесса Войе, и за границу, съ

часть сслху, огд. 1.

15-го іюля по 10-е августа 1889 года—заслуженный ординарный профессор Императорскаго С.-Петербургскаго университета, дѣйствительный статскій совѣтникъ Хвольсонъ; съ 5-го іюля по 7-е августа 1889 года—учитель Костромской гимназій, коллежскій совѣтникъ Шадекъ; на два мѣсяца: чиновникъ особыхъ порученій V класса при министрѣ народнаго просвѣщенія, въ званіи камергера, дѣйствительный статскій совѣтникъ Хрущовъ, начальникъ Холмской учебной дирекціи, дѣйствительный статскій совѣтникъ Рублевскій, почетный смотритель Рязанскаго уѣзднаго училища, въ званіи камергера, дѣйствительный статскій совѣтникъ Беклемишевъ, директоръ Харьковской 3-й гимназій, статскій совѣтникъ Бѣлицкій, директоръ Сумскаго реальнаго училища, статскій совѣтникъ Посадскій-Духовской, инспекторъ народныхъ училищъ Херсонской губерніи, статскій совѣтникъ Шпановскій, учитель Курской гимназій, коллежскій совѣтникъ Ницкій, учитель Петровскаго Ростовскаго-на-Дону реальнаго училища, коллежскій совѣтникъ Кошаръ и врачи: Немировской гимназій, титулярный совѣтникъ Лозинскій, реальныхъ училищъ: Бѣлоцерковскаго—Паргалинъ и Сумскаго—коллежскій ассессоръ Фрей и Бѣлоцерковской женской гимназій Богуславскій и инспекторъ учебныхъ мастерскихъ Императорскаго Московскаго техническаго училища, коллежскій секретарь Протопоповъ; изъ сихъ лицъ: Бѣлицкій, Посадскій-Духовской, Ницкій, Кошаръ, Лозинскій и Фрей—съ 15-го іюня и Протопоповъ—съ 20-го іюня 1889 года; съ 3-го іюня по 5-е августа 1889 года, инспекторъ Рязанской прогимназій, статскій совѣтникъ Пехачекъ; съ 15-го іюня по 25-е августа 1889 года, учитель Симбирской гимназій, коллежскій ассессоръ Поръ; на лѣтнее вакаціонное время 1889 года: ординарные профессора Императорскихъ университетовъ: Московскаго—дѣйствительный статскій совѣтникъ Боголѣповъ, св. Владимира—статскій совѣтникъ Цитовичъ, Харьковскаго—дѣйствительный статскій совѣтникъ Алексѣенко, статскіе совѣтники: Залѣсскій, Данилевскій и Гаттенбергеръ и коллежскій совѣтникъ Ярошъ, Новороссійскаго—дѣйствительный статскій совѣтникъ Вериго и коллежскій совѣтникъ Меликовъ, Дерптскаго—статскіе совѣтники: Крепелинъ, Бруннеръ, Мукке, Кобертъ, Шуръ и Унферрихтъ, экстраординарные профессора Императорскихъ университетовъ: Харьковскаго—Гуровъ, Казанскаго—Толмачевъ и Архангельскій и Дерптскаго—Кнезеръ и исправляющій должность Роландъ; доценты сего университета: статскій совѣтникъ Мазингъ, Молинъ и Штадельманъ, прозек-

торъ Императорскаго Казанскаго университета Кандаратскій, лекторъ французскаго языка Императорскаго Новороссійскаго университета, коллежскій совѣтникъ Шанеллонъ, ординарный профессоръ Императорскаго С.-Петербургскаго историко-филологическаго института, дѣйствительный статскій совѣтникъ Миллеръ, профессоръ Императорскаго Московскаго техническаго университета Щеглаевъ, профессоръ С.-Петербургскаго практическаго технологическаго института, дѣйствительный статскій совѣтникъ Бейльштейнъ, директоръ и профессоръ Рижскаго политехническаго училища, коллежскій секретарь Ливенталь; профессора сего училища: надворный совѣтникъ Бниримъ, коллежскій секретарь Кизерицкій, Ловичъ, Мольтъ, Бекъ, Мальхеръ, Гренбергъ, Томсъ, Пфуль, Лангъ, Кохъ, Грюблеръ, Морманъ, Вишовъ и Шиндлеръ, лаборантъ С.-Петербургскаго практическаго технологическаго института, титулярный совѣтникъ Явейнъ, старшій учитель лицея Цесаревича Николая, статскій совѣтникъ Грингмутъ, младшій надзиратель сего лицея Яворовскій, учитель Нижегородскаго дворянскаго института Императора Александра II, коллежскій совѣтникъ Голланъ, преподаватель въ специальныхъ классахъ Лазаревскаго института восточныхъ языковъ, надворный совѣтникъ Теръ-Захаровъ, преподаватель и воспитатель въ гимназическихъ классахъ сего института, коллежскій совѣтникъ Юргенселя, директоры гимназій: Костромской—статскій совѣтникъ Пречанъ, Новгородсѣверской—статскій совѣтникъ Ровталеръ, Симферопольской—Тимошевскій и Рижской-Александровской—статскій совѣтникъ Влявскій, директоры частныхъ гимназій и реальныхъ училищъ въ С.-Петербургѣ: дѣйствительный статскій совѣтникъ Гуревичъ и статскій совѣтникъ Май, исполняющій обязанности инспектора С.-Петербургской 10-й гимназій, коллежскій совѣтникъ Сѣдлатый, законоучитель лютеранскаго исповѣданія Варшавской 6-й мужской гимназій Медингъ, учителя гимназій: С.-Петербургской: 2-й — Де-ла-Дроатьеръ и Розовъ, 3-й — статскій совѣтникъ Рейманъ, коллежскій совѣтникъ Мазингъ и надворный совѣтникъ Сидоровъ, Ларинской—коллежскій совѣтникъ Залеманъ, Введенской—статскіе совѣтники: Владимскій и Штернъ и коллежскій совѣтникъ Гинтовтъ, 10-й—коллежскій совѣтникъ Гризаръ и надворный совѣтникъ Струнке и Императорскаго челоѣколюбиваго общества — коллежскій совѣтникъ Шнейдеръ и надворный совѣтникъ Шнукъ, частной Гуревича въ С.-Петербургѣ—коллежскій совѣтникъ Пташицкій, частной женской Оболенской въ С.-Петербургѣ—Фидлеръ, Гельсингфорской Александровской—Ле-

мерсье и надворный совѣтникъ Благовѣщенскій, Псковской—Прохаска и Таннеръ; Новгородской—Мерсь, Казанской 2-й—Пинегинъ, Астраханской—Томасъ, Саратовской—Смолянниковъ Киевской 4-й—коллежскій совѣтникъ Козловскій, Немировской—статскій совѣтникъ Ежовскій и Лопатиновъ, Николаевской—Александровской—Кейзларъ и статскій совѣтникъ Скробанскій, Керченской—коллежскій совѣтникъ Шкорпилъ, Эриванской—коллежскій совѣтникъ Вавра, Новочеркасской—статскій совѣтникъ Гальманъ и коллежскій совѣтникъ Пинкава, Таганрогской—Ганкевичъ, Кіево-Печерской—надворный совѣтникъ Валькеръ, Лубенской—Фонтенъ, Житомирской мужской—статскій совѣтникъ Гюгненъ и коллежскій совѣтникъ Пратскій, Прилукской—коллежскій ассессоръ Тюррианъ, Новгородсѣверской—статскій совѣтникъ Чехакъ, Каменецъ-Подольской—статскій совѣтникъ Форъ, Тульской—коллежскій совѣтникъ Млинаричъ, Александровской—Сумской—статскій совѣтникъ Дагилисъ, коллежскій ассессоръ Цвѣтковъ и Безсоновъ, Тифлискихъ: 1-й—надворный совѣтникъ Шульгинъ и женской Великой Книгини Ольги Ѳеодоровны Шульгинъ, Симбирской—коллежскій совѣтникъ Тихановскій, Симферопольскихъ: мужской—Лашковъ и Волошенко и женской—Ящуржинскій, Кишиневской 1-й—Марекъ, Одесской 2-й—статскій совѣтникъ Ліоте, Ананьевской—графъ Олизаръ, Елисаветградскихъ: мужской—надворный совѣтникъ Кончинскій и женской—Базилевичъ, Ѳеодосійской—коллежскій совѣтникъ Мильковичъ, Херсонскихъ: мужской; Шипинскій, Ѳеодоровъ и коллежскій совѣтникъ Марекъ и женской—надворный совѣтникъ Котляревскій, Варшавскихъ мужскихъ: 3-й—Диспутъ, 4-й—Цибульскій и статскій совѣтникъ Конопчинскій, 5-й: Ханецкій, Познанскій и Войно и 6-й: Глясъ, Неру и статскій совѣтникъ Гольдбергъ, Плоцкой мужской: Масловскій, Служевскій и Паперна, Калишской мужской—коллежскіе ассессоры: Петровскій и Смогоржевскій, титулярные совѣтники: Галчинскій, Росицкій, Реутъ и Гиллеръ, Ломжинской мужской—Домбровскій, Люблинской мужской—Прюсъ, Радомской мужской: Свидвинскій, Баль и коллежскій ассессоръ Пюрекъ, Кѣлецкой мужской: статскіе совѣтники: Вабнеръ и Шперль, коллежскіе совѣтники: Рыбарскій, Матулевичъ и Стравинскій, коллежскіе ассессоры: Карчевскій, Варенъ и Эвардъ, Маріампольской—коллежскій совѣтникъ Влошекъ, Ченстоховской мужской—Дубицкій, Дерптской: коллежскій совѣтникъ Вейнеръ и коллежскій совѣтникъ Шниллинъ, Либавской Николаевской: Аустерманъ и Яндеръ,

Рижской городской—Данненбергъ; завѣдывающіе женскими гимназіями: Радомскою—статскій совѣтникъ Надеждянь и Плоцкою—коллежскій совѣтникъ Жуковъ; начальницы женскихъ гимназій Сумской—Штрикъ и Новозыбковской—Аваньева; воспитательницы Варшавской I женской гимназіи: Плещова и Веберъ; надзирательницы женскихъ гимназій: Рижской Ломоносовской—Шарова, Петроковской—Далматова и Сѣдлецкой—Шенеберъ; классныя дамы женскихъ гимназій; Варшавской I—Ватманъ, люблинской—Бородина и Петроковской—Водошнянова; учительницы женскихъ гимназій: Харьковской Маріинской: Вѣра Медвѣдова и Софья Медвѣдова, Харьковской 2-й—Остроумова, Вознесенской при евангелическо-лютеранской церкви въ Харьковѣ: Брендо и Гроссетъ и Варшавской 3-й—Шикеръ; учителя прогимназій Петергофской Императора Александра II—коллежскій совѣтникъ Пташицкій, Брянской—Якобъ, Одесской 1-й — Драгошъ, Измаильской: Шуми и Проданъ, Кутаисской — Вернеръ, Павлоградской — Янь, Варшавской 1-й мужской: Коперницкій и Горбаль, Замостьской мужской — Новакъ, Сандомирской мужской: Пржибыловскій, Целиховскій и Норупъ; старшіе учителя Рижскаго женскаго училища, статскіе совѣтники: Глазенапъ и Люцельшвабъ; начальница Сосницкой женской прогимназіи Угрехелидзе; учительницы женскихъ прогимназій: Николаевской — Кронбергъ и Сосницкой: Данилова и Соловкова и надзирательница сей прогимназіи Карпинская; директоръ Ровенскаго реальнаго училища, статскій совѣтникъ Гольдерекеръ; исправляющій должность инспектора Ловичскаго реальнаго училища Покровскій; исполняющій обязанности инспектора Псковскаго Сергіевскаго реальнаго училища, статскій совѣтникъ Соколовъ; учителя реальныхъ училищъ: С.-Петербургскаго 1-го — Лева, частнаго Гуревича въ С.-Петербургѣ — Струве, Псковскаго Сергіевскаго — коллежскій совѣтникъ Копенъ, Череповскаго — исправляющій должность Ларошъ, Московскаго — статскій совѣтникъ Дудышкинъ, Костромскаго — статскій совѣтникъ Фарванья, частнаго Хайновскаго въ Москвѣ — Безрадецкій, Елабужскаго — Чирихинъ, Кіевскаго — статскій совѣтникъ Игнатовичъ-Завилейскій, Астраханскаго — Вихманъ, Сумскаго — коллежскіе ассессоры: Новосильцевъ и Рѣшетиловичъ, Ровенскаго—Павровскій, Роменскаго—надворный совѣтникъ Кучальскій, Рижскаго городского: статскій совѣтникъ Реймерсъ, надворные совѣтники: Бюгнеръ, Штенанекъ, коллежскіе ассессоры: Эккардтъ, Фогтъ, Вассеръ и Сивицкій, Полтавскаго: Петрушевскій и Каваржикъ, Могилев-

скаго-на-Двѣстрѣ — Метее, Урюпинскаго — Гнатовичъ, Владикавказскаго — статскій совѣтникъ Долбежевъ, Бакинскаго — надворный совѣтникъ Поповъ, Одесскаго: Снницынъ и Князевъ, Николаевскаго: Генель и Козаковъ и Севастопольскаго: Искра и Дашкевичъ; исправляющій должность воспитателя при пансіонѣ реальнаго училища Гуревича въ С.-Петербургѣ Рубинштейнъ; директоръ училища при евангелическо-лютеранской церкви св. Петра въ С.-Петербургѣ Фризендорфъ; учителя сего училища: Анспахъ, Бонжуръ, Вороновичъ, Глевеке, Гальманъ, Давидовъ, Миллеръ, Натингъ, Штейнманъ и Фремонъ; директоръ училища при евангелическо-лютеранской церкви св. Анны въ С.-Петербургѣ, статскій совѣтникъ Кенигъ; учителя сего училища: статскіе совѣтники: Арронетъ, Бреме, Гикишъ и Кизерицкій, надворный совѣтникъ Фридрица, Кальнинъ, Бауманъ и Кейслеръ; инспекторъ училища при реформатскихъ церквахъ въ С.-Петербургѣ Гартманъ; учителя сего училища: Гаге, Нерлингъ и Петрикъ; инспекторъ училища при евангелическо-лютеранской церкви св. Екатерины въ С.-Петербургѣ, коллежскій совѣтникъ Глезеръ; учителя мужскаго училища при евангелическо-лютеранской церкви св. Петра и Павла въ Москвѣ: статскій совѣтникъ Кремеръ и коллежскій ассессоръ Дайгъ; учитель коллегіи Павла Галагана въ Кіевѣ, коллежскій совѣтникъ Ярешъ; учитель С.-Петербургскаго учительскаго института, статскій совѣтникъ Беренштамъ; директоръ Острожской учительской семинаріи, дѣйствительный статскій совѣтникъ Богатиновъ; учитель Солецкой учительской семинаріи, статскій совѣтникъ Мавродіади; наставникъ Киржачской учительской семинаріи Долговъ; инспекторъ Лодзинскаго высшаго ремесленнаго училища, статскій совѣтникъ Карповъ; учитель сего училища Сиволобовъ; завѣдывающій Лубавскими мореходными классами, надворный совѣтникъ Кваасъ; учитель приготовительной для поступленія въ Дерптскую гимназію школы, коллежскій ассессоръ Гаагъ и завѣдывающій Шкловскимъ начальнымъ еврейскимъ училищемъ Шапиро; на время лѣтнаго вакаціоннаго времени 1889 года: врачи гимназій: Одесской Рипельевской — Фіалковскій и Калинской мужской — надворный совѣтникъ Войцѣховскій; на лѣтнее вакаціонное время и по 20-е августа 1889 года, учитель Бахмутской прогимназіи Пасколо; на лѣтнее вакаціонное время 1889 года и 7 дней, учитель Одесской женской гимназіи, учрежденной Пиллеръ, Милятицкой; на лѣтнее вакаціонное время 1889 года и 10 дней: ординарные профессора Императорскихъ университетовъ

товъ: Варшавскаго—дѣйствительный статскій совѣтникъ Востоковъ и Харьковскаго — статскій совѣтникъ Гиршманъ; директоръ Александровской Старобѣльской гимназіи, статскій совѣтникъ Преображенскій; учитель Либавской Николаевской гимназіи, коллежскій ассессоръ Желобовскій и инспекторъ Рижскаго городского женскаго училища Вербатусъ; на лѣтнее вакаціонное время 1889 года и 14 дней: ординарный профессоръ Императорскаго Дерптскаго университета Кюстнеръ и старшій учитель Рижской городской гимназіи, коллежскій совѣтникъ Шлау; на лѣтнее вакаціонное время 1889 года и 15 дней, учитель Радомской мужской гимназіи Верцинскій; на лѣтнее вакаціонное время 1889 года и 20 дней: директоръ Либавскаго реальнаго училища Баумгертель и исправляющій должность учителя Вологодской гимназіи Дерли; съ 22-го мая по 7-е августа 1889 года, законоучитель Новочеркасской гимназіи, священникъ Кирилловъ; съ 1-го іюня по 15-е августа 1889 года, доцентъ Императорскаго Московскаго техническаго училища, коллежскій секретарь Мальцевъ и приватъ-доцентъ Императорскаго Харьковскаго университета Протопоповъ; на лѣтнее вакаціонное время 1889 года и 23 дня, исправляющій должность комнатнаго надзирателя при пансіонѣ Астраханской гимназіи Рудневъ; на лѣтнее вакаціонное время 1889 года и 28 дней: преподаватель Императорскаго Варшавскаго университета, тайный совѣтникъ Лямбль; ординарный профессоръ Императорскаго Казанскаго университета Высоцкій, съ 15-го мая 1889 г.; лекторъ французскаго языка сего университета, статскій совѣтникъ Семонъ; учитель музыки Императорскаго Дерптскаго университета Гартанъ; управляющій Варшавскимъ рисовальнымъ классомъ, въ званіи камергера Ляхницкій; учителя гимназій; С.-Петербургской 6-й—дѣйствительный статскій совѣтникъ Вастень, Московской 5-й — статскій совѣтникъ Шульбахъ, Прилукской—коллежскій совѣтникъ Гребльдингеръ и Харьковской 2-й—Халанскій, учитель Астраханскаго реальнаго училища Бобелль и директоръ Волчанской учительской семинаріи, статскій совѣтникъ Хорошевскій; на три мѣсяца; ординарный профессоръ Императорскаго С.-Петербургскаго университета Поссе, съ 1-го іюня; почетный попечитель Керченской гимназіи Цибульскій 1-й и почетный смотритель С.-Петербургскаго Андреевскаго городского училища, коллежскій совѣтникъ Бенардаки; на три мѣсяца и пять дней: приватъ-доцентъ Императорскаго С.-Петербургскаго университета Флери, оба—съ 15-го мая 1889 г.; на три съ половиною мѣсяца: заслуженный ординарный профес-

соръ Императорскаго С.-Петербургскаго университета, дѣйствительный статскій совѣтникъ Коркинъ; заслуженный ординарный профессоръ Императорскаго Новороссійскаго университета, дѣйствительный статскій совѣтникъ Богдановскій и ординарный профессоръ сего послѣдняго университета, дѣйствительный статскій совѣтникъ Богишичъ, всѣ—съ 15-го мая 1889 г.; на четыре мѣсяца: приватъ-доцентъ Императорскаго Харьковскаго университета Данилевскій и причисленный къ министерству народнаго просвѣщенія, въ званіи камергера, князь Гедройцъ.

Отчисленъ отъ министерства народнаго просвѣщенія, причисленный къ сему министерству, надворный совѣтникъ Шварсалонъ, съ 1-го мая 1889 года.

Уволены, согласно прошеніямъ: почетный попечитель Преславской учительской семинаріи Газадиновъ — отъ сей должности съ 4-го марта 1889 года; инспекторъ студентовъ Императорскаго университета св. Владиміра, дѣйствительный статскій совѣтникъ Рейтлингеръ, съ 1-го мая 1889 г., по болѣзни, и астрофизикъ Николаевской главной астрономической обсерваторіи, статскій совѣтникъ Гассельбергъ, съ 16-го мая 1889 г., оба отъ службы.

Объявлена признательность министерства народнаго просвѣщенія: почетному блюстителю Камышевахскаго начальнаго народнаго училища министерства народнаго просвѣщенія, Бахмутскаго уѣзда, Екатеринославской губерніи, титулярному совѣтнику Депрерадовичу—за заслуги его по сему училищу; Тамбовскому уѣздному предводителю дворянства Петрово-Соловово и супругѣ его, попечительницѣ Александровскаго сельскаго училища, Тамбовскаго уѣзда Петрово-Соловово — за пожертвованіе ими дома въ пользу упомянутаго училища; попечителю Костеньевскаго начальнаго народнаго училища Костромской губерніи и уѣзда, священнику Николаю Копосову—за пожертвованіе имъ дома для сего училища; попечителю Барневскаго начальнаго училища, Шадринскаго уѣзда, Пермской губервіи, крестьянину Полушину — за пожертвованіе имъ двухъ-этажнаго каменнаго дома для сего училища.

Исключены изъ списковъ умершіе: заслуженный ординарный профессоръ Императорскаго Харьковскаго университета, дѣйствительный статскій совѣтникъ Пистра; экстраординарный профессоръ Императорскаго университета св. Владиміра Циновскій; директоръ Казанскаго реальнаго училища, дѣйствительный статскій совѣтникъ Орловъ и дѣлопроизводитель VII класса департамента народнаго просвѣщенія, въ званіи камеръ-юнкера коллежскій совѣтникъ Комовскій

V. ОПРЕДѢЛЕНІЯ УЧЕНАГО КОМИТЕТА МИНИСТЕРСТВА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

Опредѣленіями ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія, утвержденными г. товарищемъ министра, постановлено:

— Книгу: „Русская хрестоматія. Составилъ А. Галаховъ. Изданіе двадцать первое. Въ двухъ томахъ. С.-Пб. 1889“ — рекомендовать въ качествѣ учебнаго пособія для мужскихъ и женскихъ гимназій и прогимназій, реальныхъ училищъ, учительскихъ институтовъ и учительскихъ семинарій.

— Книгу: „Произведенія Эврипида въ переводѣ Е. Θ. Шпейдера. Выпускъ I. Ипполитъ, трагедія. Москва. 1889. Въ 8-ку стр. 89. Цѣна 50 коп.“ — рекомендовать для фундаментальныхъ библіотекъ и одобрить для ученическихъ библіотекъ мужскихъ гимназій, для старшаго возраста.

— Книгу: „Сергій Воль-Раменскій. Повѣсть Евгени Туръ. Въ двухъ частяхъ. Москва. 1888. Въ 8-ку стр. 172 — 244. Цѣна 1 р. 50 коп.“ — одобрить для ученическихъ библіотекъ среднихъ учебныхъ заведеній, для средняго возраста.

— Книжку: „М. Вольперъ. Этимологія русскаго языка въ таблицахъ (для употребленія преимущественно въ школахъ тѣхъ мѣстностей, гдѣ разговорный языкъ не русскій). Необходимое дополненіе къ учебникамъ по русской грамматикѣ. Орфографія по шестому изданію „Русскаго правописанія академика Якова Грота“. Въ концѣ приложенъ словарь, заключающій въ себѣ объясненіе болѣе трудныхъ словъ, встрѣчающихся въ этой книгѣ. Изданіе 2-е, исправленное и дополненное. Вильна. 1889. Въ 8-ку стр. 66. Цѣна 30 коп.“ — допустить какъ учебное пособіе въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ, а также въ учительскіе институты и семинаріи округовъ Варшавскаго, Кіевскаго, Дерптскаго и Харьковскаго, а также Кавказа и Закавказья, для учениковъ не русскаго происхожденія.

— Книгу: „Жизнь и труды М. П. Погодина. Николая Барсукова. Книга первая. Изданіе Александра Дмитріевича и Петра Дмитріевича Погодиныхъ. С.-Пб. 1888. Стр. XV+344. Книга вторая. С.-Пб. 1889. Стр. VIII+420“ — рекомендовать для фундаментальныхъ и ученическихъ библіотекъ среднихъ учебныхъ заведеній, а также для учительскихъ институтовъ и учительскихъ семинарій.

VI. ОПРЕДѢЛЕНІЯ ОСОБАГО ОТДѢЛА УЧЕНАГО КОМИТЕТА МИНИСТЕРСТВА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

Опредѣленіями особаго отдѣла ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія, утвержденными г. товарищемъ министра, постановлено:

— Составленные протоіереемъ Іоанномъ Наумовичемъ книги: 1) Псалтырникъ. Повѣсть изъ галицко-русской народной жизни. М. 1888. Въ 8-ку 156 стр. Цѣна 25 коп., 2) Четыре путеводители доброй жизни: страхъ Божій, мудрость, трезвость, трудъ. Изд. 2-ое. М. 1888. Въ 8-ку 159 стр. Цѣна 20 коп., 3) „О. Ѳеодоръ. Повѣсть. (Сельско-хозяйственныя бесѣды). Выпускъ I. Кіевъ. 1888. Въ 8-ку 128 стр. Цѣна 40 коп.“—допустить въ ученическія бібліотеки народныхъ училищъ.

— „Славянскія прописи для народныхъ школъ. Составилъ И. Н. Малиновскій. Гродно. 1888. 2 стр. текста и 8 стр. прописей. Цѣна 30 коп., съ пересылкой 40 коп.“—допустить въ учительскія бібліотеки народныхъ училищъ, съ тѣмъ, чтобы при слѣдующемъ изданіи были исправлены ошибки и даны болѣе опредѣленныя методическія указанія.

— Книгу: „Диктантъ для начальныхъ сельскихъ и городскихъ училищъ. Курсъ I и II года. Составила учительница О. Скворцова. М. 1889. Въ 8-ку XV+145 стр. Цѣна 40 коп.“—допустить къ употребленію въ качествѣ учебнаго пособія для начальныхъ сельскихъ и городскихъ училищъ.

— Книгу: „Русская исторія для начальныхъ школъ. Составилъ учитель сельской школы Н. М. Питяковъ. М. 1889. Въ 8-ку IX+126 стр. Цѣна 30 коп.“—одобрить для класснаго и внѣкласснаго чтенія въ старшемъ отдѣленіи народныхъ училищъ.

— Книгу: „Краткое руководство всеобщей географіи для городскихъ и уѣздныхъ училищъ. Составилъ Н. Раевскій. М. 1889. Въ 8-ку 96 стр. Цѣна 55 коп.“—допустить къ употребленію въ городскихъ и уѣздныхъ училищахъ, съ тѣмъ, чтобы къ этому же изданію былъ приложенъ листокъ съ исправленіемъ ошибокъ.

— Книги, составленныя П. Р. Фурманомъ: 1) „Григорій Александровичъ Потемкинъ. Историческая повѣсть для дѣтей. Изд. 2-е. С.-Пб. 1888. Въ 8-ку 185 стр. Цѣна 1 р., съ 12 картинами 1 р. 25 коп.“ 2) Князь Яковъ Ѳеодоровичъ Долгоруковъ. Историческая повѣсть для дѣтей. Изд. 2-е. С.-Пб. 1889. Въ 8-ку 200 стр. Цѣна

75 к., съ картинами 1 р.^а и 3) „Александръ Васильевичъ Суворовъ-Рымникскій. Историческая повѣсть для дѣтей. Изд. 2-е. С.-Пб. 1889. Въ 8-ку 224 стр. Цѣна 1 р., съ картинами 1 р. 25 коп.“ — допустить въ ученическія бібліотеки низшихъ и среднихъ учебныхъ заведеній.

— Книгу: „На досугѣ. Бесѣды дѣлушки Андреа о печеночно-глистной болѣзни овецъ. Составлены ветеринарнымъ врачомъ М. А. Исаковымъ. Казань. 1888. Въ 16-ю д. л. 15 стр. Цѣна 5 коп. съ пересылкою“ — одобрить для учительскихъ бібліотекъ низшихъ училищъ.

— Книгу: „Товарищъ. Книга для чтенія и письменныхъ работъ по русскому языку. Третій годъ. Составилъ Д. Поповъ. С.-Пб. 1888. Въ 8-ку 216+XIII стр. Цѣна 53 коп.“ — одобрить для употребленія въ народныхъ училищахъ, городскихъ и сельскихъ.

ОФИЦІАЛЬНЫЯ ИЗВѢЩЕНІЯ.

— Предложеніями г. министра народнаго просвѣщенія, г. попечителю Варшавскаго учебнаго округа разрѣшено: 1) возвысить съ начала 1889—1890 учебнаго года, размѣръ платы за ученіе въ Лодзинской женской гимназіи во всѣхъ классахъ съ 30 на сорокъ рублей въ годъ съ ученицы; 2) возвысить съ начала 1889—1890 учебнаго года размѣръ платы за ученіе въ Варшавской III женской гимназіи, во всѣхъ классахъ съ 30 на сорокъ рублей въ годъ съ ученицы; и 3) возвысить съ начала 1889—1890 учебнаго года размѣръ платы за ученіе въ Петроковской женской гимназіи: въ основныхъ классахъ съ 30 на сорокъ рублей, и въ приготовительномъ классѣ съ 20 на тридцать руб. въ годъ.

ОТКРЫТІЕ УЧИЛИЩЪ.

— По донесенію начальства Виленскаго учебнаго округа, въ февралѣ текущаго года послѣдовало открытіе однокласснаго начальнаго народнаго училища министерства народнаго просвѣщенія въ с. Маслакахъ, Горецкаго уѣзда, Могилевской губерніи, при 64 учащихся.

— По донесенію главнаго инспектора училищъ Восточной Сибири, г. Иркутскимъ генералъ-губернаторомъ, 30-го марта текущаго года разрѣшено преобразовать Братское одноклассное приходское училище, Нижнеудинскаго округа, Иркутской губерніи, въ двухклассное сельское училище.

ОБЪЯВЛЕНІЕ.

Отъ ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія.

Вслѣдствіе объявленнаго министерствомъ народнаго просвѣщенія конкурса на соисканіе преміи императора Петра Великаго за „Книгу для класнаго и внѣкласнаго чтенія“ для сельской народной школы съ трехлѣтнимъ курсомъ, въ ученый комитетъ министерства было представлено шесть сочиненій, изъ коихъ три въ рукописяхъ, подъ девизами, и три въ печатномъ видѣ (изъ нихъ одно въ корректурномъ оттискѣ). Рассмотрѣніе этихъ трудовъ было возложено, съ утвержденія его сіятельства г. министра, на особую комиссію, состоявшую, подъ предсѣдательствомъ А. Н. Майкова, изъ членовъ особаго отдѣла ученаго комитета К. К. Сентъ-Илера, И. П. Звѣрева и В. И. Шемакина, священника села Московской Славянки А. Бѣлаева и кандидата Московскаго университета Н. М. Горбова. По рассмотрѣніи всѣхъ сочиненій, ни одно изъ нихъ не было признано комиссіей, а равно и особымъ отдѣломъ ученаго комитета, достойнымъ поощренія преміей. Опредѣленіе о семъ особаго отдѣла утверждено г. министромъ.

Лица, представившія свои сочиненія подъ девизами, приглашаются сообщить ученому комитету, куда должны быть посланы ихъ рукописи.

О ДВѢНАДЦАТОМЪ ПРИСУЖДЕНІИ ПРЕМІЙ
ИМПЕРАТОРА ПЕТРА ВЕЛИКАГО,

УЧРЕЖДЕННЫХЪ

ПРИ МИНИСТЕРСТВѢ НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

Подробные разборы сочиненій, представленныхъ на соисканіе
премій императора Петра Великаго въ 1889 году.

Сочиненія А. С. Пушкина съ объясненіями ихъ и сводомъ отзывовъ критики.
Изданіе *Льва Поливанова* для семьи и школы. Пять томовъ. Москва.
1887—1888.

Почти одновременно съ изданіемъ всѣхъ сочиненій Пушкина (черезъ пятьдесятъ лѣтъ по его кончинѣ) вышло другое, хотя и уступающее первому въ полнотѣ, но за то представляющее особенныя достоинства. Трудился надъ нимъ Л. И. Поливановъ, извѣстный нѣсколькими учебными книгами по русскому языку и словесности, изданіемъ Избранныхъ сочиненій Державина и Карамзина, въ особен-ности же своею историко-литературною монографіей, изданной подъ псевдонимомъ Загаринъ: „Жуковский и его произведенія“. Вышена-званный новый трудъ, при появленіи первыхъ двухъ томовъ, обра-тилъ на себя общее вниманіе, вызвалъ не мало журнальных по-хвалъ, изъ коихъ наиболѣ замѣчательная принадлежитъ профес-сору К. Н. Вестужеву-Рюмину ¹⁾, и одобренъ ученымъ комитетомъ для употребленія въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ министерства народнаго просвѣщенія. Но полезность изданія не ограничивается

---

¹⁾ *Журналъ Мин. Народн. Просвѣщенія* 1888, январь.

одною сферою учащихъся; оно представляетъ большой интересъ и пособие и для совершеннѣйшихъ, желающихъ основательно познаться съ содержаніемъ и значеніемъ твореній нашего гениальнаго поэта.

Прежде всего слѣдуетъ познакомиться съ содержаніемъ и цѣлью изданія. Оно состоитъ изъ пяти томовъ: первый заключаетъ въ себѣ произведенія лирическаго, второй—эпическаго (поэмы, сказки, баллады, эпическаго пѣсни), третій—драматическаго; четвертый—Евгеній Онегинъ и повѣсти, пятый — прозаическаго сочиненія (критическаго и историко-литературнаго, историческаго, автобіографическаго, письма). Къ болѣе подробному изложенію содержанія мы обратимся впоследствии, при обзорѣ каждаго тома въ отдѣльности, а теперь остановимся на понятіи самого издателя о своемъ трудѣ: какою именно цѣль онъ предназначалъ ему?

Дешевыя изданія произведеній Пушкина не могли не порадовать публику, потому что они необходимо должны расширить кругъ читателей нашего поэта. „Это, конечно, важно“, говоритъ г. Полинвановъ,—„но немаловажно и то, какъ будутъ читать его. Кому неизвѣстно, что большинство читателей нашего времени, какъ юноши, такъ и не юноши, обращаются къ Пушкину съ интересомъ крайне ограниченнымъ? Иной въ жизни великаго поэта заинтересованъ лишь исторіей его сердечныхъ привязанностей и увлеченій; другой, опуская всю поучительную повѣсть его самовоспитанія и поэтическаго роста, старательно выискиваетъ тѣ случаи его литературной дѣятельности, гдѣ она встрѣчалась съ препятствіями цензурнаго вѣдомства, или ограничиваетъ весь интересъ свой къ Пушкину, какъ къ лицу, не ладившему съ администраціей. Есть даже и такіе люди, которые изъ всей его жизни ничѣмъ не интересуются столько, какъ исторіей его дуэли“ (Предисловіе, стр. IV). Напрасно издатель остановился здѣсь, имѣя въ виду только полуобразованную часть общества. Онъ могъ бы, по всей справедливости, перейти и къ части образованной или, по крайней мѣрѣ, долженствующей отличатся образованіемъ, именно къ дѣятелямъ поэтическаго творчества. Критика произведеній Пушкина, начиная съ шестидесятихъ годовъ, обнаружила удивительную неустойчивость и разнокалиберность. Она, какъ это видно изъ статей Писарева, ни во что ставила художественное достоинство и потому считала ихъ бесполезными; или усиливалась открыть въ нихъ другое значеніе, лежащее внѣ поэзіи, то-есть, опредѣленное направленіе, тенденцію въ ту или другую сторону. Какъ

стародавній журналъ Маякъ судилъ о Пушкинѣ съ точки зрѣнія нравственности, такъ, въ ближайшее къ намъ время, ставились на первый планъ его юношескія произведенія, изъ коихъ нѣкоторыя принадлежатъ къ запретнымъ, а переходъ отъ нихъ къ болѣе серьезной дѣятельности считался уже пониженіемъ поэтическаго уровня. Понятно такое увлеченіе въ юнѣствѣ, когда, напримѣръ, студенты 20-хъ годовъ съ наивнымъ азартомъ декламировали „Оду на свободу“ или „Кинжалъ“; но въ извѣстный возрастъ забавно постановлять приговоръ о Пушкинѣ, какъ поэтѣ, на рѣшеніи вопросовъ: былъ ли онъ крѣпостникъ, или нѣтъ? шелъ ли онъ по слѣдамъ Радищева, или не шелъ? Впослѣдствіи самъ Пушкинъ отнесся отрицательно къ своему юношескому тщеславію: онъ сознался въ своей суетности, осудилъ свое стремленіе къ успѣхамъ въ свѣтѣ, къ хвалебной молвѣ и шумнымъ рукоплесканіямъ. Въ первой „Лицейской годовщинѣ“ (19-го октября 1825 г.), обращаясь къ Дельвигу и Кюхельбекеру, онъ говоритъ:

Съ младенчества духъ прѣсенъ въ насъ горѣлъ,
И дивное волненіе мы познали;
Съ младенчества дѣѣ Музы къ намъ летали,
И сладокъ былъ ихъ лаской нашъ удѣлъ:
Но я любилъ уже рукоплесканья,
Ты, гордый, пѣлъ для музъ и для души;
Свой даръ, какъ жизнь, я тратилъ безъ вниманья,
Ты геній свой воспитывалъ въ тиши.

Служеніе музъ не терпитъ суеты:
Прекрасное должно быть величаво;
Но юность намъ совѣтуетъ лукаво,
И шумныя насъ радуютъ мечты.....
Опомнися—но поздно! и увяло
Глядимъ назадъ, слѣдовъ не вида тамъ....

Пора, пора! душевныхъ нашихъ музъ
Не стовтъ мѣръ; оставимъ заблужденья!
Сокроемъ жизньъ подъ сѣнь уединенья.

Дополнимъ вышесказанное еще одною замѣткой. По случаю памятнаго Пушкину и пятидесятилѣтія со времени его кончины многое было говорено и писано о немъ, но въ сущности не сказано ничего новаго сравнительно съ отзывами критики прежнихъ лѣтъ. Иванъ Кирѣевскій и Вѣлянскій—вотъ, по моему мнѣнію, первые и вѣстѣ съ тѣмъ вѣрные цѣнители поэта. Къ ихъ критикѣ надобно присоединить почтенные и по своей цѣнности выдающіеся труды П. В. Анненкова, М. Н. Каткова, Я. К. Грота, А. А. Григорьева и П. П. Стрхова. Еще въ

1828 году, въ статьѣ Московскаго Вѣстника: „Нѣчто о характерѣ поэзіи Пушкина“, Кирѣевскій, указавъ послѣдовательныя степени ея развитія, назвалъ третью—поэзіей русско-пушкинскою, слѣдовательно ему, а не Ф. М. Достоевскому, принадлежитъ честь первенства въ опредѣленіи существеннаго ея свойства. Бѣлинскій, благодаря своему необычайно сильному эстетическому чувству, раскрылъ отличительную сущность творчества Пушкина, доказавъ, что онъ не просто поэтъ, но поэтъ-художникъ. Онъ же объяснилъ изумительную способность нашего гениальнаго поэта проникать въ многообразныя сферы жизни, отзываться на всякія душевныя состоянія людей, къ какой бы національности, званію, полу и возрасту ни принадлежали они. Въ стихотвореніи „Эхо“ онъ видѣлъ поэтическій образъ самого автора. Поэтому названіе „всечеловѣкъ“, отнесенное Достоевскимъ къ Пушкину, не есть новость. Что же касается до такъ-называемыхъ „скитальцевъ“ нашихъ, которыхъ видитъ Достоевскій въ Онѣгинѣ, Алеко и тому подобныхъ лицахъ, то и это—старина. Первичные славянофилы (Хомяковъ, К. Аксаковъ, И. Кирѣевскій) издавна смотрѣли на русскихъ европейцевъ, какъ на людей, оторвавшихся отъ своей отчизны, потерявшихъ родную почву, беспочвенныхъ. Поэтому А. Н. Пыпинъ въ сужденіи о нововышедшихъ трудахъ, имѣющихъ предметомъ жизнь и дѣятельность Пушкина, совершенно правдиво пришелъ къ заключенію, что вѣрное опредѣленіе художественной дѣятельности Пушкина принадлежало Бѣлинскому¹⁾, и что (прибавлю отъ себя), послѣ Бѣлинскаго и другихъ указанныхъ мною лицъ, о Пушкинѣ не сказано ничего существенно новаго, а если и говорилось что-нибудь, то говорилось то же самое, только другими словами.

Школьное знакомство съ отечественною словесностью начиналось у насъ почти всегда еще при жизни извѣстныхъ ея главнѣйшихъ представителей. Каждая эпоха выставяла новыхъ дѣятелей на смѣну ихъ предшественниковъ или въ дополненіе къ нимъ. До Карамзина читались сочиненія Ломоносова, Сумарокова, Державина, фонъ-Визина, Хераскова. Въ періодъ Карамзина гимназическое преподаваніе русскаго языка сопровождалось не только чтеніемъ, но и заучиваніемъ наизусть многихъ произведеній какъ его самого, такъ и другихъ того же періода—Дмитріева, Крылова, Жуковскаго, Батюшкова. На долю Пушкина выпало иное: при жизни своей онъ былъ для юности подъ запретомъ. Только по смерти его, въ началѣ сороковыхъ

¹⁾ Вѣстникъ Европы 1888, ноябрь.

годовъ, появились нѣкоторыя изъ его произведеній въ одной хрестоматіи, которая поэтому и подверглась опалѣ; изъ самихъ преподавателей родной литературы многіе сторонились поэта, считая его не имѣвшимъ права стоять на ряду съ другими давно извѣстными именами. Но хрестоматіи, какъ сборники, ограниченные въ своемъ составѣ извѣстными положеніями (напримѣръ, мѣрою заимствованія матеріала изъ чужаго литературнаго достоянія) не могли достаточно образовать учащихся съ Пушкинымъ. Только недавно открытъ къ нему полный доступъ, которымъ г. Поливановъ и воспользовался вполне удовлетворительно.

Цѣль изданія ознакомить съ существенной стороною жизни Пушкина—съ его поэтическимъ творчествомъ, съ которымъ и школа имѣетъ преимущественно дѣло (Предисловіе, IV). „Если другихъ первоклассныхъ писателей нашихъ, какъ Ломоносовъ, Державинъ, Карамзинъ недостаточно читать въ ограниченныхъ отрывкахъ хрестоматіи“, говоритъ издатель,—„то такое чтеніе произведеній Пушкина нынѣ не могло бы найдти никакихъ оправданій. Произведенія Пушкина должны стать настольною книгою каждаго русскаго юноши, претендующаго завершить свое среднее образованіе.... Непосредственное знакомство съ ними должно стать обычаемъ всякой порядочной школы. Читая иное въ классѣ, иное внѣ класса, учащійся долженъ знакомиться съ ними не въ отрывкахъ, а по возможности вполне“ (ib. V).

Содержаніемъ изданія служатъ тексты произведеній Пушкина въ надлежащей для указанной цѣли полнотѣ. „Въ немъ“, по замѣчанію издателя,—„сохранено все, что представляетъ художественный интересъ и заслуживаетъ общаго вниманія; такого, что было бы неумѣстнымъ для семьи и школы, у Пушкина оказалось весьма немного. Вотъ почему я не считалъ возможнымъ, назвать свое изданіе избранными сочиненіями“ (VI). Но какъ бы оно ни называлось, выборъ исполненъ тщательно и осмотрительно, и вполне заслуживаетъ отзыва профессора К. Н. Вестужева-Рюмина: „Самая строгая мать семейства, самая строгая школа дадутъ новое изданіе въ руки дѣтямъ или воспитанникамъ“¹⁾. Нельзя сказать того же о нѣкоторыхъ изданіяхъ отдѣльныхъ произведеній Пушкина другими лицами; они не отличаются разборчивостью, такъ что считаютъ дозволеннымъ предлагать, напримѣръ, учащимся полный текстъ „Руслана и Людмилы“, безъ всякихъ исключеній.

---

¹⁾ Журн. Мин. Нар. Просв. 1888, январь, отдѣлъ критики и библиографіи.

Текст сопровождается обстоятельными комментаріями. Первый изъ нихъ историческій, объясняющій время и мѣсто написанія каждаго произведенія и тѣ измѣненія, которымъ оно подвергалось. Если произведеніе подражательное, то оно сличается съ тѣмъ образцомъ, который послужилъ Пушкину; если переводный — приводится самый текстъ подлинника; приводятся также и источники оригинальныхъ произведеній Пушкина. Отдѣльные произведенія, такъ объясненныя, связываются съ предшествующими; это сдѣлано съ тою цѣлью, чтобы наглядно показать постепенный ходъ въ развитіи творчества поэта (VI—VII).

Второй комментарий—реальный, объясняющій лица и предметы или во вступительной замѣткѣ, или, болѣею частью, въ выноскахъ, сопровождающихъ самые тексты произведеній (VIII). Наконецъ, третій и самый важный комментарий — критическій или эстетическій, то-есть, оцѣнка произведеній Пушкина. Она исполнена сводомъ важнѣйшихъ критическихъ отзывовъ о каждомъ произведеніи. Эти отзывы расположены по болѣею части хронологически. Первое мѣсто отведено мнѣніямъ современниковъ Пушкина или его самого, если онъ высказалъ оцѣнку своего произведенія. Затѣмъ приводятся сужденія критиковъ позднѣйшаго времени ихъ подлинными словами. Такимъ образомъ читатель знакомится не только съ постепеннымъ развитіемъ таланта, но и съ постепеннымъ ходомъ оцѣнки нашего національнаго поэта. Эти выдержки изъ критикъ — не простая перепечатка ихъ отзывовъ, прибавляетъ г. Поливановъ. Онъ бралъ изъ этихъ отзывовъ лишь то, что преимущественно служитъ эстетическому комментарию, чуждаясь публицистики и моралистическихъ трактатовъ, на которые такъ падки были критики и рецензенты, увлекашіеся современными имъ вѣяніями. Другой, еще болѣе трудъ издателя состоялъ въ изслѣдованіи источниковъ, которыми пользовался Пушкинъ въ своихъ произведеніяхъ, особенно тѣхъ образцовъ, которымъ онъ подражалъ или которые переводилъ. Онъ сличалъ подражанія Шенье, Байрону и древнимъ съ источниками; крупныя произведенія требовали пересмотра писателей, которые отразились на нихъ, и источниковъ, которыми нашъ поэтъ пользовался (см. объясненія Руслана и Людмилы, Кавказскаго плѣнника, Бахчисарайскаго фонтана, особенно же Подражаній Корану, Полтавы и Пѣсенъ западныхъ славянъ) (VIII—IX).

Изъ вышензложеннаго достаточно ясно, что изданіе г. Поливанова, хотя и уступаетъ въ полнотѣ другимъ изданіямъ Пушкина, но за то

превосходитъ ихъ значеніемъ: цѣль послѣднихъ — преимущественно чтеніе произведеній нашего поэта; цѣль перваго — изученіе этихъ произведеній, обстоятельное ознакомленіе съ ихъ содержаніемъ, характеромъ и художественнымъ достоинствомъ.

Переходимъ къ разсмотрѣнію каждаго тома въ отдѣльности.

Лирическія стихотворенія, наполняющія первый томъ, объясняются въ связи съ жизнью поэта, почему комментарій къ нимъ не безъ основанія названъ „послѣдовательною біографіею Пушкина“ — разумѣется не въ точномъ значеніи этихъ словъ, а въ смыслѣ біографическаго матеріала. Кому не извѣстно, что лирика есть поэзія субъективная, выражающая внутренній міръ автора, служащая зеркаломъ его души?—Издатель раздѣлилъ содержаніе перваго тома на девять отдѣловъ, по внѣшнимъ обстоятельствамъ всей жизни поэта, въ такомъ порядкѣ: Лицейскія стихотворенія (1812—17), написанныя по выходѣ изъ лиція (1817—19), на югѣ Россіи (1820—24), въ Михайловскомъ (1824—26), по возвращеніи изъ Михайловскаго до поѣздки на Кавказъ (1826—29), Кавказскія (1829), по возвращеніи съ Кавказа до поѣздки въ Болдино (1829—30), Болдинскія (1830), послѣдняго періода жизни (1831—37). Дѣленіе это нѣсколько сходственно съ тѣмъ, какое принялъ П. В. Анненковъ въ своей книгѣ: „А. С. Пушкинъ въ Александровскую эпоху (1799—1826)“. Здѣсь восемь главъ, обнимающихъ не полный вѣкъ поэта, а двадцатипятилѣтіе: До лиція (1799—1811), Лицей (1811—17), Большой свѣтъ (двѣ главы, 1817—20), На югѣ Россіи (двѣ главы, 1820—23 и 1823—24), Михайловское (двѣ главы, 1824—26). „Каждому отдѣлу“, говоритъ г. Полинвановъ (VII), — „предпосылается сжатый очеркъ внѣшней жизни въ связи съ краткимъ обзоромъ литературной дѣятельности тѣхъ годовъ, которые къ этому отдѣлу относятся; затѣмъ во вступительныхъ замѣткахъ къ самимъ произведеніямъ вводятся тѣ подробности, которыя служатъ возможно близкому знакомству съ внутреннею жизнью поэта“. Представимъ примѣръ полноты и обстоятельности комментарія, сопровождающаго каждую изъ помѣщенныхъ піесъ. Выбираемъ для этого № 86: „Къ морю (1824)“ (стр. 153). Вотъ составъ его: 1) вступительная замѣтка, указывающая время, мѣсто сочиненія и тяжкія обстоятельства автора, мнѣнія Бѣлинскаго и Анненкова о піесѣ, подражаніе Байрону, влеченіе Пушкина къ англійскому поэту и къ другой личности—Наполеону, взглядъ его на освобожденіе Греціи, отзывъ Стоюнина о стихотвореніи, гдѣ оно впервые напечатано; 2) въ подстрочныхъ примѣчаніяхъ—стихотворный переводъ тѣхъ мѣстъ изъ Чайльдъ-Гарольда,

которыя представляют нѣкоторое сходство съ тремя строфами „Къ морю“; 3) въ выноскахъ же—варианты, такъ какъ издатель свѣрлялъ текстъ съ старымъ изданіемъ Пушкина и частью съ рукописями. Укажу еще на объясненія, сопровождающія первую „Лицейскую Годовщину“ (19-го октября 1825, № 106, стр. 199) и стихотвореніе „Чернь“ (1828, № 156, стр. 260). Однимъ словомъ, чтеніе комментарія не только важно и полезно для разъясненія поэтического творчества Пушкина, но онъ самъ по себѣ очень интересенъ, вопреки большинству комментариевъ, наводящихъ на читателей тягостную скуку.

Нѣкоторыя піесы напечатаны не вполне, а съ выпусками, ради педагогическихъ побужденій; таковы: „Недвижный стражъ дремалъ“ (стр. 146, № 80), два „Посланія къ Цензору“ (стр. 169 и 171, № 90 и 91), и другія.

Нѣкоторыя піесы вызываютъ замѣчанія, которыя я и прилагаю.

Въ элегій: „Безумныхъ лѣтъ угасшее веселье“ (326), стихъ: „И жить хочу, чтобъ мыслить и страдать—принадлежитъ Байрону, въ драмѣ „Кайнъ“. Одно изъ дѣйствующихъ лицъ, Люциферъ (въ концѣ 2-го акта) обращается къ Кайну съ такимъ совѣтомъ: „умѣйте (смертные) мыслить и страдать, и создайте, въ вашей душѣ, внутренній міръ, для борьбы съ міромъ внѣшнимъ.“

Относительно подражанія Пушкина Томасу Муру въ стихотвореніи „Эхо“ (стр. 354—355, № 213) справедливо было замѣчено въ Русскомъ Архивѣ на 1888 г. (книжка 8, стр. 500), что оно ни по мысли, ни по выраженію не представляетъ сходства съ піесой того же названія англійскаго поэта. Поэтому издатель напрасно ихъ сопоставляетъ.

Къ достоинствамъ стихотворенія „Бородинская Годовщина“ (стр. 356, № 215) слѣдовало бы присоединить и отношеніе поэта къ предмету, выраженное въ строфѣ 4-й:

Они (враги) народной Немезиды
Не узрятъ гнѣвнаго лица,
И не услышатъ пѣснь обиды
Отъ лиры русскаго пѣвца.

Такимъ гуманнымъ чувствомъ не отличалась лира прежнихъ нашихъ пѣвцовъ. Державинъ, въ одѣ „На взятіе Варшавы“ рисуетъ такую картину:

Лежатъ измѣнница (Варшава) и взоры,
Потуля, обращаетъ вкругъ;

Терзають грудь ея укору...
И се—днесь надъ сарматомъ пѣвнымъ
Всесильный Россѣ занесъ свой мечъ.

Въ разборѣ этой оды Мерзляковъ замѣтилъ, что картина несогласна съ великодушiемъ русскаго народа, у котораго есть пословица: „лежачаго не бьютъ“.—И. Дмитрiевъ въ началѣ своей оды: „Гласъ патриота на взятiе Варшавы“ обращается къ Польшѣ съ такою рѣчью:

Ходи съ поникшею главою;
Шатайся, рвись вокругъ селъ несчастныхъ,
Вкругъ древнихъ, горныхъ, падшихъ стѣнъ,
Въ терзанныхъ совѣсти ужасныхъ
И вѣкъ оплакивай свой плѣнъ.

Замѣчательно, что кн. П. А. Вяземскiй съ сильнымъ негодованiемъ относился (въ 1831 г.) къ обоимъ стихотворенiямъ Пушкина (Клеветникамъ Россiи и Вородинская годовщина) ¹⁾.

Второй томъ содержитъ въ себѣ произведенiя эпическiя. Первое мѣсто отведено „Руслану и Людмилѣ“. Комментарiй, сопровождающiй эту поэму, замѣчателенъ тѣмъ, что къ источникамъ, которыми авторъ ея больше или меньше пользовался, присоединенъ новый— „Волшебныя сказки“ Антуана Гамильтона (1646—1720). Подражанiя Ариосту, то-есть, его „Неистовому Орланду“, также указаны, съ приложенiемъ мѣстъ въ русскомъ переводѣ. Слѣдовало бы сказать и о третьемъ источникѣ, „Орлеанской Дѣвственницѣ“ Вольтера, влiяние котораго обнаруживается въ приступахъ къ той или другой пѣснѣ, образующихъ лирической элементъ повѣствованiя. И. В. Кирѣевскiй обратилъ на нихъ вниманiе, при второмъ изданiи Руслана и Людмилы (1828), отмѣчая притомъ и подражанiе Ариосту, почему въ Московскомъ Вѣстникѣ того же года, въ статьѣ: Нѣчто о характерѣ поэзи Пушкина“, первый перiодъ этой поэзи, заключающiй въ себѣ „Руслана и Людмилу“ и нѣкоторыя изъ мелкихъ стихотворенiй, назвалъ перiодомъ италiанско-французскимъ.

Издатель вполне справедливо видитъ младенческое состоянiе тогдашней критики въ разборѣ поэмы, подписанномъ буквою В. (стр. 21), не выставяя полной фамилии: чегожь и добраго можно было ожидать отъ такой личности? Это—Воейковъ, Александръ Фeдоровичъ, безспорно обладавшiй сатирическимъ талантомъ, но въ сужденiяхъ объ изыщномъ выказывавшiй круглое невѣжество. Крыловъ назвалъ

---

¹⁾ Сочиненiя кн. Вяземскаго, т. IX.

означенный разбор „тяжкимъ“; вѣрнѣе слѣдовало бы его назвать „пошлымъ“, такъ какъ онъ преимущественно наполненъ пустыми замѣтками о нѣкоторыхъ словахъ и выраженіяхъ и банальною характеристикою дѣйствующихъ лицъ, къ числу которыхъ причислена даже „мертвая голова“ на ратномъ полгѣ.

Весьма интересны объясненія „Подражаній Корану“ (стр. 129). Они начинаются краткою замѣткой объ Алкоранѣ; затѣмъ слѣдуютъ отзывъ Бѣлинскаго, обстоятельное сужденіе Н. Н. Стрхова и наконецъ текстъ каждаго подражанія въ отдѣльности съ предварительнымъ объясненіемъ и съ приложеніемъ подлинника (Корана) во французскомъ переводѣ Савари.—Поэма „Полтава“ также предшествуется и сопровождается обширными примѣчаніями. Можно пожалѣть, однакожь, почему не приведены, изъ современной ей критики, сужденія о двойственности поэмы. Статью о той же поэмѣ, напечатанную въ Вѣстникѣ Европы 1829 года и принадлежащую Надеждину, издатель назвалъ критическою слѣпотой, которая часто отличаетъ современниковъ. Впоследствии, познакомивъ съ крайне невыгоднымъ мнѣніемъ того же лица объ Евгеніи Онѣгинѣ, онъ замѣчаетъ въ выноскѣ: „Вотъ какъ отзывался о Пушкинѣ одинъ изъ образованнѣйшихъ критиковъ!“ (т. 4, стр. 126). Дѣйствительно, сужденія Надеждина о Пушкинѣ заслуживаютъ названія дикихъ, чудовищныхъ. Приводимъ тому нѣсколько примѣровъ, извлеченныхъ изъ 4-го тома: Сферу дѣятельности Пушкина критикъ ограничивалъ забавной болтовней, рисованіемъ картинокъ, но не картинъ (стр. 120); шестую главу Онѣгина находилъ хуже предыдущихъ и объяснял это пониженіе тѣмъ, что талантъ, безъ истиннаго образованія, очень скоро выдыхается; что хвалебные о немъ отзывы забросили его за облака и, не могли поддержать на такой высотѣ, уронили въ преисподнюю (123—124); единственно неподдѣльнымъ сокровищемъ поэта-художника критикъ считалъ стихотворческій талантъ; совѣтовалъ ему разбавриваться, съечь Годунова (!) и докончить Онѣгина; „ему“ (Пушкину), говорилъ онъ, — „не дано видѣть и изображать природу поэтически—съ лицевой ея стороны, подъ прямымъ угломъ зрѣнія: онъ можетъ только мастерски выворачивать ее наизнанку“ (126). Такія вѣлѣности—по моему взгляду—не могутъ быть объяснены единственно слѣпотой, которая, дѣйствительно, поражаетъ по преимуществу современниковъ. Къ этой возможной слѣпотѣ нужно присоединить и другія причины. Критика отражаетъ въ себѣ свойства ея производителя. Надеждинъ былъ несомнѣнно ученый и

многознающій человѣкъ, по онъ не получилъ отъ природы ни чувства, ни воображенія: какимъ образомъ, безъ этихъ способностей, могъ онъ правдиво судить о произведеніяхъ поэтическихъ, еслибъ и хотѣлъ быть правдивымъ? Его лекціи и сочиненія выказываютъ такъ-называемое краснорѣчіе, но какое? холодное, ровно текущее, нигдѣ не обнаруживающее духовнаго подъема, свойственнаго тому, кто одаренъ чутьемъ изящнаго, прирожденнымъ вкусомъ изящнаго. Къ этимъ недостаткамъ присоединилась и намѣренность дѣйствія. Критикъ преслѣдовалъ Пушкина и вмѣстѣ князя Вяземскаго въ угоду врага ихъ, издателя Вѣстника Европы, Каченовскаго, на плечахъ котораго (по его собственному выраженію) онъ вѣхалъ въ Московскій университетъ профессоромъ теорій изящныхъ искусствъ и археологій.

Закончу обзоръ 2-го тома указаніемъ на комментарий къ „Пѣснямъ западныхъ славянъ“, переложенымъ изъ сборника Проспера Меримэ. Этотъ комментарий представляетъ любопытный и подробный очеркъ знакомства европейскаго общества и въ частности Пушкина съ славянскою поэзіей (241—250). Выбранна пѣсни, числомъ 16, расположены въ трехъ отдѣлахъ: а) переводы изъ народныхъ пѣсень, б) переводы пѣсень Меримэ, которымъ Пушкинъ далъ форму пѣсень народныхъ, и в) переводъ пѣсень, получившихъ форму римованныхъ тоническихъ пѣсень.

Что же касается до объясненій Мѣднаго Всадника, то къ сожалѣнію, издатель не могъ дополнить ихъ нѣкоторыми свѣдѣніями изъ статей г. Спасовича: „Байронизмъ Пушкина“, помѣщенныхъ въ Вѣстникъ Европы за 1888 годъ, такъ какъ эти статьи явились послѣ изданія.

Съ наибольшою полнотою и тщаніемъ изложена литература двухъ капитальныхъ произведеній: Бориса Годунова (3-й томъ) и Евгенія Онѣгина (т. 4-й). Комментарии къ нимъ составляютъ цѣпный вкладъ въ науку, по словамъ профессора К. П. Бестужева-Рюмина, въ вышецитированной статьѣ Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія. Представляемъ здѣсь выводы изъ его сужденій, относительно драмы: Издатель показываетъ вліяніе на Пушкина драматической теоріи Шлегеля и хроникъ Шекспира; объясняетъ несходство „Годунова“ съ этими хрониками и опредѣляетъ главную мысль нашей драмы; при разборѣ содержанія драмы, искусно выставлены значеніе въ ней народа, бояръ, самозванца; характеристики Бориса и Самозванца сдѣланы съ большимъ искусствомъ; заключеніе соотвѣтствуетъ

интересу анализа. Объ изслѣдованіи Поливановымъ „Евгенія Овѣгина“ критикъ отзывается такимъ образомъ: г. Поливановъ обстоятельно указавъ на сходство формы „Овѣгина“ съ формою Байроновыхъ поэмъ, замѣтилъ существенную особенность Пушкина, отличающую его отъ Байрона — равновѣсіе духа; на основаніи того, что въ рукописяхъ существуютъ стихи, написанные для „Овѣгина“ и перевесенные въ Цыганъ, заключая, что Алеко и Евгеній проистекли изъ одного источника; раскрылъ сложный процессъ созданія Евгенія; опредѣлилъ, на сколько этотъ герой романа является лицомъ дѣйствительнымъ, принадлежащимъ обществу того времени, и далъ очеркъ его личности; въ изображеніи Татьяны мѣтко указалъ два начала, имѣвшія вліяніе на ея развитіе: европейскіе романы конца XVIII и начала XIX вв. и преданія русской старины.

Представивъ сжатое извлеченіе изъ прекрасной статьи г. Бестужева-Рюмина, слѣлаю нѣсколько замѣтокъ, касающихся „Бориса Годунова“. Мнѣ кажется, въ числѣ мнѣній объ этомъ произведеніи напрасно даво мѣсто отзыву Плетнева (т. 3, стр. 114), ничего не говорящему, кромѣ общихъ мѣстъ. Съ другой стороны, напрасно не приложены, для сличенія, къ сценѣ появленія Курбскаго и Самозванца близъ русской границы (ib., стр. 228), соотвѣтствующія сцены изъ трагедіи Шиллера: „Дмитрій Самозванецъ“ и изъ драматической хроники Шекспира: „Генрихъ IV“. Не возможно отрицать того, что Пушкинъ имѣлъ ихъ въ виду: ужь если издатель нашелъ сходство стихотворенія „Эхо“ нашего поэта съ стихотвореніемъ того же имени, Томаса Мура, то какъ не найти сходства между вышеуказанными мѣстами?—На стр. 120 (ib.) историческія воззрѣнія Бѣлинскаго, въ сужденіи о Годуновѣ, объясняются разрывомъ его съ московскими друзьями за ихъ временное сближеніе съ славянофильскимъ кружкомъ, и негодованіемъ за то, что въ Отечественныхъ Запискахъ на ряду съ сочувственнымъ отзывомъ о публичныхъ лекціяхъ Грановскаго помѣщена была сочувственная рецензія диссертациі славянофила Самарина: „Стефанъ Яворскій и Θεофанъ Прокоповичъ“. Это—не такъ. Означенную рецензію написалъ П. Н. Кудрявцевъ, не состоявшій ни по временномъ, ни въ постоянномъ сближеніи съ славянофилами, но умѣвшій отдавать справедливость каждому. Онъ показалъ достоинство диссертациі Самарина, потому что она дѣйствительно выходила вонъ изъ ряда. Диспутъ по ея поводу былъ своего рода событіемъ въ Московскомъ университетѣ. Рецензентъ вовсе не имѣлъ надобности, при оцѣнкѣ ученаго труда, справляться съ расположеніемъ

духа Бѣлинскаго. Что же касается Грановскаго, то онъ хотя и не раздѣлялъ ученія славянофиловъ, но былъ знакомъ съ ними и не избѣгалъ ихъ общества, какъ общества людей весьма почтенныхъ и многообразованныхъ.

Во вступительной замѣткѣ о „Сценѣ изъ Фауста“ (т. III, стр. 273) справедливо отдано предпочтеніе слѣдующему мнѣнію Бѣлинскаго, названному „близкимъ къ истинѣ“: „Фаустъ Пушкина не измученный неудовлетворенною жаждою знанія человѣкъ, а какой-то пресытившійся гуляка, un homme blasé“. Въ самомъ дѣлѣ, скучаніе Фауста у Пушкина вовсе не похоже на чувство, одолевшащее настоящаго Фауста, какимъ онъ является у Гете. Еще страннѣе, что для утоленія своей скуки Фаустъ отдаетъ приказъ Мефистофелю утопить все на испанскомъ кораблѣ, готовившемся пристать къ берегамъ Голландіи: и людей, и грузъ. Мнѣніе Бѣлинскаго сформировано подъ вліяніемъ друзей его: частію В. П. Боткина, частію И. С. Тургенева: оба они были очень свѣдущими въ нѣмецкой литературѣ. Пушкинъ, напротивъ, не отличался ея знаніемъ; онъ не питалъ къ ней сочувствія, да едва ли и зналъ хорошо нѣмецкій языкъ, такъ какъ въ періодъ его воспитанія и ученія гувернеры-нѣмцы были не въ модѣ: родители боялись, что грубый ихъ выговоръ повредитъ усвоенію чисто-парижскаго произношенія французскихъ словъ. Есть свидѣтельство, что Пушкинъ читалъ Шиллера во французскомъ переводѣ; по крайней мѣрѣ въ его произведеніяхъ не видно сочувствія ни лирѣ, ни драмѣ Шиллера. Иное дѣло—литературы французская и англійская: къ нимъ онъ часто обращался въ своей дѣятельности. Профессоръ Висковатовъ, въ своихъ лекціяхъ о Фаустѣ Гете ¹⁾ подтвердилъ мнѣніе Бѣлинскаго: „Пушкинъ не понялъ характера Фауста, который у него является скучающимъ старикомъ, доходящимъ отъ скуки до озлобленія. Пушкинскій Фаустъ отъ скуки приказываетъ потопить корабль съ людьми. Между тѣмъ Гетевскій Фаустъ — человѣкъ, вѣчно исполненный стремленій, не знаетъ скуки, а если и былъ знакомъ съ нею, то до такого озлобленія, чтобы губить людей, дойти не могъ; онъ, напротивъ, желаетъ помочь людямъ; всѣ его стремленія направлены къ благу и счастью ихъ; улучшеніе ихъ участи постоянно занимаетъ его“ ²⁾. Такимъ образомъ, „Сцена изъ Фауста“ является какъ бы нѣкото-

¹⁾ Двѣ лекціи (*Журн. Мин. Нар. Просв.*, 1871, июнь и сентябрь).

²⁾ *Иб.*, сентябрьская книжка, стр. 65.

рымъ ограниченіемъ положенія о дарѣ нашего поэта воспроизводитъ творчество чуждыхъ намъ художниковъ, своего рода возраженіемъ на его мастерство свободно усвоивать отличительный характеръ каждаго изъ нихъ. Впрочемъ, это исключеніе, кажется, единственное; другихъ не имѣется.

Во вступительной замѣткѣ къ „Скупому Рыцарю“ ¹⁾ приведено мое указаніе на сходство монолога барона въ подвалѣ съ монологомъ одного изъ дѣйствующихъ лицъ романа В. Скотта, но самый романъ не названъ. Это — „Пертская красавица“, а лицо—аптекарь Дуинингъ (Dwining), оправдывающій свою страсть къ скопленію денегъ тѣмъ, что источникъ ея—стремленіе къ власти, къ господству надъ людьми, которые поклоняются золоту.

Весьма интересны объясненія піесы: „Ширъ во время чумы“ (т. III, 2 отдѣлъ драматическихъ сочиненій, стр. 79—93). Піеса, эта заимствована Пушкинымъ изъ трехактной драматической поэмы англійскаго поэта Вильсона: „Чумной городъ“. Пушкинъ перевелъ только послѣднюю (4-ую) сцену перваго акта. Издатель изложилъ содержаніе всѣхъ трехъ актовъ, перевелъ указанную 4-ую сцену и сличилъ ее съ піесой нашего поэта.

Къ отзыву Анненкова о Дубровскомъ (IV, 2-й отдѣлъ, стр. 175) слѣдовало бы прибавить его замѣчаніе, не помню гдѣ высказанное, что въ этой повѣсти впервые у Пушкина выступаетъ направленіе, или тенденція, обозначенная отвѣтомъ Дубровскаго кузнецу Архипу, который пришелъ съ топоромъ убить приказныхъ: „Послушай, Архипъ: оставь свои затѣи — не приказные виноваты“. Сцена смерти отца Дубровскаго при видѣ Троекурова, пріѣхавшаго съ нимъ помириться, напоминаетъ подобную сцену въ романѣ В. Скотта „Маннерингъ“. Здѣсь тоже одно изъ лицъ „Вертрамъ“, лишившійся всего имущества по кознямъ негодяя Глоссинга и разбитый параличемъ, приходитъ въ изступленіе при видѣ своего злодѣя и умираетъ (гл. 13). Разница та, что при немъ дочь, а не сынъ.

По словамъ самого Пушкина, анекдотъ служившій основой Капитанской дочки, извѣстенъ въ Оренбургскомъ краѣ. Исходъ же ея, говорится въ объясненіи (стр. 240), сходенъ съ исходомъ повѣсти Ксавье де Местра: „La jeune Sibérienne“. Но нѣтъ сомнѣнія, что Пушкинъ подражалъ, въ концѣ повѣсти, и роману В. Скотта: „Эдипъ

---

¹⁾ Томъ 3, отдѣлъ III (Драматическія произведенія 1830 г.), стр. 8.

бургская темница¹⁾). Вѣлинскій сравнивалъ Савельича съ Калобомъ (въ романѣ В. Скотта „Ламермурская невѣста“). Сходство дѣйствительно есть, только родовое. Оба они типы дядекъ, радѣющихъ о здоровьѣ, чести и имуществѣ своихъ господъ, по одинъ изъ нихъ чисто-русскій слуга, а другой чисто-англійскій; между ними такое же различіе, какъ между двумя скупцами: Плюшкинымъ и Гарпагономъ, или Гарпагономъ и Скупымъ рыцаремъ.

Пятый томъ достойнымъ образомъ завершаетъ капитальный трудъ г. Поливанова. Въ немъ помѣщены прозаическія статьи и письма Пушкина. Статьи, какъ выше сказано, дѣлятся на три отдѣла: критическія и историко-литературныя, историческія, автобиографическія; выдержки изъ писемъ, относящіяся къ критикѣ, литературѣ и автобиографіи, образуютъ четвертый отдѣлъ, затѣмъ слѣдуютъ дополненія и поправки. Какъ въ предыдущихъ томахъ, такъ и въ этомъ послѣднемъ предлагается юношеству все, способное интересовать его и дающее ему средство точнѣйшимъ образомъ ознакомиться съ Пушкинымъ. По отношенію къ такому гениальному поэту, какъ представителю народной сущности и изобразителю родной природы, можно замѣтить, что излишекъ предлагаемаго извинительно, чѣмъ недостатокъ: лучше нѣсколько чрезъ мѣру, чѣмъ въ скупой мѣрѣ. Никто, напримѣръ, не посѣтуетъ на издателя, что онъ въ послѣднемъ томѣ почти цѣликомъ помѣстилъ и „Исторію Пугачевского бунта“ и „Поѣздки въ Арзерумъ“. Содержаніе этого тома (то-есть, тексты) по прежнему тщательно разъясняется подробными комментаріями. Во вступительныхъ замѣткахъ къ статьямъ читатель знакомится съ поводами къ ихъ появленію, съ перемѣнами, если онѣ подвергались таковымъ, съ ихъ содержаніемъ или отношеніемъ къ другимъ статьямъ подобнаго содержанія. Привожу нѣсколько примѣровъ: передъ текстомъ „о слогѣ“ сдѣланъ сводъ мнѣній Пушкина объ этомъ предметѣ стилистики (стр. 5—7); отзывъ „О предисловіи французца Лемонтѣ къ переводу басенъ Крылова“ пополняется изложеніемъ сущности этого предисловія (стр. 18); при сужденіи о драмѣ Погодина; „Марѳа Посадница, помѣщены разборъ этой пьесы и выдержки изъ нея (стр. 94—107); тоже относится къ статьямъ о сочиненіяхъ Катенина (стр. 119) и о стихотвореніяхъ Теплякова: Фракійскія элегіи

---

¹⁾ Это подражаніе указано въ моихъ „Замѣткахъ о подражательности нашихъ первоклассныхъ поэтовъ“ (*Русск. Старина* 1888 г., книжка январская).

(стр. 209); изложено содержаніе трехъ повѣстей Н. Ф. Павлова (стр. 170); передъ отдѣломъ: „Статьи и замѣтки изъ Современника 1836 года“ говорится о журнальной дѣятельности Пушкина и представлено обзорѣніе всѣхъ четырехъ томовъ этого изданія за указанный годъ; иногда даются отрывки изъ тѣхъ сочиненій, которыя помѣщались въ Современникѣ и о которыхъ издатель его выражалъ свое мнѣніе. Въ комментарий при Исторіи Пугачевского бунта внесены: рецензіи Сенковского и Броневского, съ отвѣтомъ Пушкина послѣднему, примѣчанія Я. К. Грота и выдержки изъ новѣйшаго труда Н. Ф. Дубровина: „Пугачевъ и его сообщники“. Это сдѣлано въ виду того, что повѣствованіе Пушкина мѣстами заключаетъ фактическія неточности и для современнаго читателя требуетъ исправленія и дополненія.

Отдѣлъ „Писемъ“ также не оставленъ безъ объясненій: къ письму 15-му приложено стихотвореніе Плетнева (514—515), къ 24-му—стихотвореніе Баратынскаго: „Приваніе“ (522 — 523); къ 23-му — „Родина“ Плетнева (523); къ 26-му главныя мысли изъ статьи кн. П. А. Вяземскаго: „Замѣчанія на краткое обзорѣніе русской литературы 1822 года (524); къ 37-му—изъ двухъ думъ Гылѣва: Иванъ Сусанинъ и Петръ I въ Острогожскѣ (534); къ 182-му — объясненіе характеристики Чаадаева и французскій подлинникъ его письма (537) и проч.

Въ концѣ моего мнѣнія замѣчу, что изложеніе собственныхъ взглядовъ и объясненій г. Поливанова отличается прекраснымъ языкомъ, вполне отвѣчающимъ предмету изданія. Словесное выраженіе, какъ элементъ внѣшній, то-есть, какъ форма мыслей, должно быть вѣрнымъ отраженіемъ внутренняго элемента, то-есть, мысленнаго матеріала: объ изящномъ и говорить надобно изящно.

Изъ всего, мною высказаннаго, я вывожу такое заключеніе: изданіе Сочиненій Пушкина для семьи и школы г. Поливанова, есть трудъ капитальный, заслуживающій стать на ряду съ изданіями сочиненій Державина (Я. К. Грота) и Батюшкова (Л. Н. Майкова), на основаніи чего и имѣю честь предложить ученому комитету удостоить издателя большой Петровской преміи.

II.

Профессоръ *М. Н. Петровъ*. Лекціи по Всемирной исторіи, изданныя подъ редакціей профессора *В. К. Надлера*. Томъ первый. Исторія древняго міра, обработанная приватъ-доцентомъ *А. Деревицкимъ*. Харьковъ. 1888. Томъ второй. Исторія среднихъ вѣковъ, обработанная и дополненная профессоромъ *В. К. Надлеромъ*. Харьковъ. 1888. Томъ третій. Исторія новыхъ вѣковъ (реформаціонная эпоха) въ обработкѣ *В. П. Бузескула*. Харьковъ. 1888.

Въ общей оцѣнкѣ лекцій бывшаго харьковскаго профессора *Михаила Назарьевича Петрова*, послужившихъ основою для цѣлаго изданія, мы вполне согласны съ мнѣніемъ главнаго редактора, занимавшагося ихъ обработкою, профессора *Надлера*, и отчасти воспользуемся для характеристики ихъ его словами. Важно прежде всего то, что издаваемая лекціи, когда онѣ будутъ докончены, то-есть, когда явится вторая половина новой исторіи, будутъ представлять единственную оригинальную русскую книгу, въ которой бы излагалась всемірная исторія въ ея цѣлости и въ строго научномъ духѣ, которая могла бы служить пособіемъ и руководящею нитью для студентовъ университетовъ, для преподавателей исторіи и вообще для любителей исторіи. Предлагаемый издателями курсъ всемірной исторіи написанъ русскимъ ученымъ и носить на себѣ явную печать своего происхожденія. Онъ не есть передѣлка какой-нибудь французской или нѣмецкой книжки, онъ не излагаетъ событія съ какой-нибудь чуждой намъ національной точки зрѣнія. На ряду съ исторіею европейскаго запада онъ отводитъ подобающее мѣсто исторіи народовъ славянскихъ и старается уяснить значеніе славянскаго элемента въ исторіи. Изъ той части курса, которая посвящена средневѣковой исторіи, читатель уже вынесетъ довольно ясное и опредѣленное понятіе о славянствѣ, какъ историко-этнографическомъ типѣ, о всемірно-исторической роли славянскаго племени, о тѣхъ принципахъ, которые легли въ основаніе исторической жизни славянскихъ народовъ и государствъ. Исторія славянскаго міра, отодвигаемая до сихъ поръ на второй планъ въ большинствѣ даже русскихъ учебниковъ, стоитъ у *М. Н. Петрова* на первомъ планѣ, излагается, пожалуй, даже съ большею подробностью нежели исторія романо-германскаго запада, и, что самое главное,—не стоитъ особнякомъ, приставленная съ боку, прицѣпленная чисто внѣшнимъ образомъ, а вводится органически въ изображеніе всеобщаго развитія человѣчества.

Покойный профессор Петровъ имѣлъ ясное и точно опредѣленное понятіе о задачахъ и цѣляхъ исторической науки. Онъ не думалъ, что такъ-называемая культурная или бытовая исторія должна стоять на первомъ планѣ въ ущербъ исторіи политической. Не увлекаясь модными теоріями и вѣяніями, онъ вмѣстѣ съ Ранке и другими значительными германскими историками полагалъ, что исторія должна прежде и больше всего слѣдить за политическимъ и общественнымъ развитіемъ, а также обязана имѣть въ виду интеллектуальное развитіе, но что она можетъ свободно предоставить археологін и древностямъ изслѣдованіе нравовъ и матеріальной обстановки жизни минувшихъ поколѣній. Въ силу этихъ общихъ воззрѣній автора, бытовая исторія занимаетъ въ его курсѣ лишь второстепенное значеніе. Все вниманіе сосредоточено на исторіи политической, на развитіи государственныхъ отношеній. О войнахъ лекторъ говорилъ лишь мимоходомъ, но онъ обращалъ должное вниманіе на религіозное развитіе и на умственную дѣятельность.

По свидѣтельству его учениковъ и преемниковъ, профессоръ Петровъ, съ честью занимавшій кафедру всеобщей исторіи въ Харьковскомъ университетѣ въ теченіи тридцати-пяти лѣтъ, мало занимался спеціальными изслѣдованіями и почти всецѣло посвящалъ свои силы преподаванію исторической науки. Онъ читалъ общіе курсы по всѣмъ тремъ главнымъ отдѣламъ исторіи; за исключеніемъ средней исторіи, которая была имъ излагаема не болѣе двухъ разъ, остальные два или три курса были повторяемы изъ году въ годъ, при чемъ профессоръ каждый разъ дополнял и улучшалъ свою программу. Обладая высокимъ ораторскимъ даромъ и замѣчательнымъ искусствомъ изложенія, онъ былъ однако далекъ отъ погони за фразою и внѣшними эффектами, которыми пріобрѣтается дешевая и скоропреходящая популярность. Онъ всегда имѣлъ въ виду лишь интересы исторической науки, облакая ихъ притомъ въ изящную форму, не роняющую достоинства исторіи. Онъ неутомимо слѣдилъ за развитіемъ своей науки и въ читаемыхъ курсахъ тщательно взвѣшивалъ каждый фактъ, каждое слово, неустанно стараясь достигнуть высоты современнаго историческаго знанія. Лекціи его главнымъ образомъ стремились обнять и прослѣдить общій ходъ историческаго развитія, профессоръ хотѣлъ остаиваться только на дѣйствительно важномъ и существенномъ. Соотвѣтственно этому, напечатанные теперь курсы отличаются сжатостью, то-есть, удовлетворяютъ первому и основному требованію, какое слѣдуетъ предъявлять къ научному руко-

водству, къ книгѣ, долженствующей служить пособіемъ для студентовъ. Главное достоинство ихъ, которое особенно проявляется въ древней и новой исторіи есть систематичность, умѣнье выбрать изъ массы матеріала самое существенное и характерное, отгѣнить его, освѣтить смыслъ событій, выяснитъ ихъ связь. Весь объемъ изданія былъ первоначально рассчитанъ на шестьдесятъ листовъ и, по видимому, только непогнвъ превзойдетъ эту норму въ дѣйствительности. Тѣмъ не менѣе при чтеніи его легко убѣдиться, что на этихъ сравнительно немногихъ листахъ отведено мѣсто всѣмъ наиболѣе важнымъ явленіямъ, такъ что, вообще говоря, руководство, не смотря на краткость будетъ отличаться соотвѣтственно другому основному требованію отъ такого рода книгъ и надлежащею полнотою. Если можно въ этомъ отношеніи сдѣлать какія оговорки, то онѣ должны касаться развѣ только средней исторіи. Тысячелѣтнему періоду среднихъ вѣковъ удѣлено около 300 страницъ печати, и оттого изложеніе здѣсь имѣетъ иногда слишкомъ общій характеръ, не столько даетъ фактическій матеріалъ, сколько представляетъ историко-философскій очеркъ средней исторіи, слѣдя больше за связью событій и предполагая многое какъ бы извѣстнымъ слушателю. Новая исторія уже много подробнѣе. Покойный профессоръ полагалъ, и не безъ основанія, что курсъ новой исторіи долженъ отличаться большимъ объемомъ, такъ какъ и самая эпоха, составляющая предметъ его, заслуживаетъ болѣе тщательнаго и всесторонняго изученія уже вслѣдствіе своей близости къ нашему времени и важности ея для пониманія фактовъ современной исторической жизни.

Уже первоначальный составитель курсовъ имѣлъ обычай дѣлать указанія на источники и литературу предмета. Имѣя въ виду, что книга назначается преимущественно какъ руководящее пособіе для студентовъ и преподавателей среднеучебныхъ заведеній, редакторы при обработкѣ всѣхъ трехъ частей ея обратили особенное вниманіе на библиографическую сторону. Профессоръ Надлеръ, на долю котораго досталась средняя исторія, старался ориентировать читателя не только въ новой литературѣ, но и въ особенности въ источникахъ средневѣковой исторіи. Въ цѣломъ рядѣ очерковъ и отдѣльныхъ подстрочныхъ замѣчаній онъ не только указывалъ на важнѣйшихъ средневѣковыхъ авторовъ, но и далъ краткую характеристику какъ средневѣковой исторіографіи вообще, такъ и выдающихся ея произведеній въ частности. Что касается позднѣйшей литературы, то здѣсь приведены всѣ выдающіеся ученые труды, а сочиненія русскихъ уче-

ныхъ перечислены съ возможно большею подробностью. Объ этомъ въ свою очередь заботился и г. Деревяцкій, и особенно г. Вузескуль, занимавшійся новою исторіей, то-есть, другою, съ точки зрѣнія условій конкурса, наиболѣе важною частью. Сдѣланныя съ очевидною компетентностію и сведенныя въ систематическія обзорѣнія, вообще довольно полныя указанія на источники и пособія могутъ сослужить хорошую службу какъ студентамъ-филологамъ, такъ и преподавателямъ гимназій. Жаль только, что въ средней исторіи усвоенъ былъ хотя и облегчающій, но могущій повести къ практическимъ затрудненіямъ пріемъ—приводить имена авторовъ и заглавія иностранныхъ сочиненій только въ русскомъ переводѣ. Въ будущихъ изданіяхъ необходимо будетъ хотя въ концѣ приложить списокъ такихъ трудовъ съ подлинными ихъ заглавіями.

Вообще редакторы приложили всѣ старанія, чтобы сохранить достоинства первоначальной основы и удержать изложеніе на уровнѣ современнаго состоянія науки. Тамъ, гдѣ того требовали необходимость и польза дѣла, они вносили измѣненія и дополненія; такихъ поправокъ и дополненій въ концѣ концовъ накопилось довольно много; но виною тому было не желаніе расширить книгу подробностями, а единственно стараніе поставить изложеніе М. Н. Петрова на уровень современнаго историческаго знанія и удалить все устарѣлое и ошибочное. Не подлежитъ сомнѣнію, что они оказали весьма важную услугу какъ дѣлу университетскаго преподаванія, такъ и нашей среднеучебной школѣ.

III.

Учебникъ начальной географіи. Курсъ I. Первоначальныя свѣдѣнія изъ географіи математической, физической и политической. Изданіе второе, исправленное. Кіевъ. 1886.—Курсъ II. Африка, Австралія, Америка и Азія въ физическомъ, этнографическомъ и политическомъ отношеніяхъ. Изданіе третье. Кіевъ. 1888.—Курсъ III. Страны Западной Европы. Кіевъ. 1886.

Разсматривая учебникъ, составленный г. Турчаковскимъ, прежде всего нельзя не замѣтить, что авторъ знакомъ съ новѣйшею нѣмецкою учебною литературою по географіи.

Въ послѣднія 10—15 лѣтъ преподаваніе географіи въ германскихъ школахъ значительно оживилось. За составленіе учебниковъ привяались такіе крупные специалисты географіи, какъ профессора

Германъ Вагнеръ, Альфредъ Кирхгофъ, Зупанъ и другіе, и ихъ изданія стали вытѣснять изъ употребленія прежнихъ Даниелей и Пютцовъ; изложеніе географическихъ фактовъ въ ихъ причинной связи дало учебникамъ болѣе научный характеръ и избавило ихъ отъ упрека, что они составляютъ только сборники общепользныхъ, а иногда и просто мелочныхъ, свѣдѣній, и что изученіе географіи составляетъ дѣло одной памяти; географическій матеріалъ подвергся пересмотру, многое лишнее было выкинуто, много ошибокъ исправлено; учебники стали выходить съ картами, рисунками и картинками, съ обозначеніемъ профилей, съ указаніемъ правильнаго произношенія и значенія географическихъ именъ; введены метрическая система и Гринвичскій меридіанъ; стали издаваться стѣнные картины типическихъ мѣстностей (напр. Гельцеля), устраиваться при школахъ географическіе кабинеты; спеціально для учителей сталъ выходить съ 1879 г. небольшой географическій журналъ—*Zeitschrift für Schulgeographie*, который поставилъ себѣ цѣлью знакомить учителей въ сжатыхъ очеркахъ и извлеченіяхъ съ научными изданіями, имѣющими отношеніе къ географіи, съ новыми открытіями и изслѣдованіями, новыми статистическими данными; журналъ этотъ также помѣщаетъ у себя статьи для чтенія въ классѣ, статьи по методикѣ, словомъ много матеріаловъ, полезныхъ для учителей географіи, и все это въ очень небольшомъ объемѣ и за шесть марокъ въ годъ.

Г. Турчаковскій, на сколько извѣстно, былъ первымъ изъ составителей учебниковъ, который обнаружилъ свое знакомство съ указаннымъ новымъ движеніемъ въ учебной литературѣ Германіи, въ изданномъ имъ въ 1883 г. курсѣ всеобщей географіи для 2-го класса. Знакомство это дало ему возможность значительно освѣжить географическій матеріалъ учебника путемъ исправленія ошибокъ и неточностей и оживить его изложеніе необходимыми пополненіями.

1) Нѣсколько ошибокъ, довольно крупныхъ, повторявшихся въ нашихъ учебникахъ географіи изъ года въ годъ, были имъ исправлены. Этимъ трудомъ г. Турчаковского воспользовался въ числѣ другихъ составителей учебниковъ и г. Смирновъ, учебникъ котораго былъ наиболѣе распространенъ у насъ до послѣдняго времени. Укажемъ на нѣкоторыя изъ этихъ исправленій:

Въ прежнія времена Африку обыкновенно раздѣляли, по отношенію къ виду ея поверхности, на сѣверную—низменную и на южную—возвышенную. Невѣрность заключенія о преобладаніи низменности въ сѣверной Африкѣ сдѣлалась извѣстна еще со времени путе-

шествiя Барта. Тѣмъ не менѣе г. Смирновъ въ каждомъ своемъ изданiи повторялъ все то же дѣленiе и исправилъ его только послѣ изданiя труда г. Турчаковскаго.

Г. Турчаковскимъ исправлено опредѣленiе географическаго положенiя нѣсколькихъ крайнихъ мысовъ частей свѣта, такъ, на примѣрѣ, вмѣсто мыса Баррова крайнею сѣвѣрною оконечностью сѣв. Америки названъ м. Мурчисонъ: г. же Смирновъ еще въ 1884 г. называлъ въ своемъ учебникѣ м. Барровъ, а г. Семеновъ называетъ его еще въ послѣднемъ своемъ 14-мъ изданiи 1886 г. Крайний сѣверный мысъ Азiи въ настоящее время принято называть Челюскинымъ, также какъ мысъ Восточный—Дежневымъ (послѣднiй по предложенiю Норденшильда), въ память извѣстныхъ русскихъ тружениковъ-моряковъ, участниковъ второй Беринговой экспедици. Не говоря уже о томъ, что названiе мыса Сѣверовосточнымъ не соотвѣтствуетъ дѣйствительному его положенiю въ Азiи, названiе „Челюскинъ мысъ“ уже принято во всѣхъ нѣмецкихъ учебникахъ и на всѣхъ картахъ, и притомъ въ правильномъ правописанiи, тогда такъ нѣкоторые русскiе составители учебниковъ и картъ (Пуликовскiй въ 1887 г., Гердъ, Ильинъ на картѣ сѣвѣрной Азiи) пишутъ Телушкинъ, коверкая такимъ образомъ имя русскаго моряка, заслугамъ котораго, наравнѣ съ другими участниками знаменитой экспедици, отдають честь такiе иностранные ученые какъ Пешель и Норденшильд¹⁾. Произошла эта ошибка, вѣроятно, слѣдующимъ образомъ: составители нѣмецкихъ картъ, которые ранѣе русскихъ исправили очертанiе сѣверныхъ береговъ Сибири, на основанiи трудовъ второй Беринговой экспедици, остававшихся долгое время не разработанными и не нанесенными на карту, писали правильно Tscheluschkin; но вѣроятно, составителямъ русскихъ атласовъ и учебниковъ показалось подозрительнымъ такое названiе и они предположили, что нѣмецкiе картографы переверкали русское слово Телушкинъ. Г. Турчаковскiй называетъ оба мыса правильно. Г. же Смирновъ до сихъ поръ, повидимому, сомнѣвается въ правильности произношенiя Челюскинъ, потому что въ послѣднемъ своемъ изданiи 1888 г. рядомъ съ этимъ именемъ ставитъ въ скобкахъ—Телушкинъ. Г. Смирновъ сдѣлалъ еще нѣсколько другихъ поправокъ по учебнику г. Турчаковскаго. Такъ, на примѣрѣ, у Турчаковскаго сказано (изд. 1884—1888 гг.): „Рѣки Лионiи не

¹⁾ См. Сѣверовосточный мысъ, опись штурмана Челюскина въ 1742 г. въ IX части записокъ гидрографическаго департамента 1851 г.

судоходны^а; по Смирнову еще въ 1884 г. было много судоходныхъ рѣкъ въ Японіи, а въ 1887 г. оказалось, что „рѣкъ очень много, но онѣ не судоходны, потому что текутъ очень быстро“. Въ описаніи Японіи у него вообще цѣлыя фразы напоминаютъ учебникъ г. Турчаковскаго. Вѣроятно, также изъ послѣдняго г. Смирновъ заимствовалъ интересное свѣдѣніе, что въ г. Кіото, въ числѣ многихъ буддѣйскихъ храмовъ, есть одинъ, „который украшенъ 333,333 статуями боговъ“ (въ изданіи 1884 г. этого свѣдѣнія не было); но г. Турчаковскій въ послѣднемъ изданіи благоразумно выпустилъ эту замѣтку. Готтентоты и бушмены въ первый разъ въ русскомъ учебникѣ были отнесены у г. Турчаковскаго къ расѣ, отдѣльной отъ негровъ.

Г. Турчаковскій даетъ въ своемъ учебникѣ отдѣльное описаніе Океаніи, что необходимо, такъ какъ она отличается отъ материка Австраліи по климату, флорѣ, фаунѣ и народонаселенію. Другіе составители учебниковъ въ настоящее время также описываютъ Океанію отдѣльно отъ Австраліи, въ томъ числѣ и г. Смирновъ, у котораго, однако, еще въ 1884 г., вслѣдствіе смѣшаннаго описанія Австраліи вмѣстѣ съ Океаніею встрѣчались, напримѣръ, такія несообразности, что на одной и той же страницѣ (82) стояли два противоположныя опредѣленія климата Австраліи: „Климатъ Австраліи по преимуществу морской и отличается большимъ однообразіемъ“ (курсивомъ), и чрезъ нѣсколько строкъ ниже: „Вообще климатъ сухой“.

2) Нѣкоторыя отдѣльныя описанія въ учебникѣ г. Турчаковскаго отличаются живостью изложенія и интереснымъ подборомъ фактовъ; сюда относятся, напримѣръ, описанія быта дикарей, напечатанныя мелкимъ шрифтомъ (стр. 8—10, 39—41, 48—51, 60—62); климата и растительности материка Австраліи (35—36), степи Карру (27), Монголіи (стр. 124: описаніемъ этимъ воспользовался г. Смирновъ на стр. 18), Голландіи.

3) Въ учебникѣ г. Турчаковскаго выпущены историческія замѣтки, которымъ мѣсто, по вѣрному замѣчанію автора, въ исторіи, а также мелочныя свѣдѣнія въ родѣ 333,333 идоловъ въ одномъ Японскомъ храмѣ или въ родѣ тѣхъ, которыя сообщаетъ г. Смирновъ, напримѣръ, о страсбургскихъ пирогахъ и часахъ ¹⁾).

---

¹⁾ Впрочемъ у г. Смирнова такого рода сообщенія также исчезаютъ мало по малу; такъ въ изд. 1888 г. уже ничего не говорится о статуѣ Геркулеса въ Касселѣ; еще раньше исчезло свѣдѣніе о томъ, что въ Мейсенѣ „сдѣлано первое «ортезіано“.

4) Учебникъ г. Турчаковскаго улучшается въ новыхъ изданіяхъ. Курсъ II-го класса, вышедшій въ 1884 г. вторымъ и въ 1888 г. третьимъ изданіемъ, подвергся оба раза серьезной переработкѣ. Авторъ исполнилъ обѣщаніе, данное имъ въ первомъ изданіи „съ признательностію принять указанія критики“. Многія мѣста книги значительно сокращены, многія написаны вновь, языкъ упрощенъ. Выпущены многія длинноты въ описаніяхъ и много лишнихъ географическихъ названій.

Какъ на примѣри значительныхъ сокращеній, укажемъ на описанія:—государствъ южной и средней Америки, растительности сѣв. Америки (изъ 40 строкъ втораго изданія—18 въ третьемъ), Восточнаго Туркестана, Занзибара.

Насколько курсъ II-го класса, изданный въ 1883 г., подвергался въ послѣдующихъ изданіяхъ сокращеніямъ, можно видѣть изъ слѣдующей таблицы:

На каждую изъ 4-хъ частей свѣта приходилось страницъ и географическихъ именъ:

	А ф р и к а.		Австралія.		Америка.		А з і я.	
	стран.	назв.	стран.	назв.	стран.	назв.	стр.	назв.
въ 1-мъ изд.	46	болѣе 190;	23	72;	62	220;	42	около 280
. 2-мъ „	37	около 170;	26	70;	49	около 190;	43	250
. 3-мъ „	32	146;	21	68;	38	167;	38	260

Тѣмъ не менѣе изложеніе г. Турчаковскаго требуетъ все еще значительныхъ исправленій, и въ особенности въ курсѣ 1-го класса. Изложеніе г. Турчаковскаго никакъ нельзя назвать сжатымъ; между тѣмъ краткость изложенія составляетъ весьма важное достоинство учебника, не отнимая у ученика много времени для прочтенія урока и заставляя его вдумываться въ прочитанное. Рѣчь у г. Турчаковскаго живая, и въ сухости изложенія его ни въ какомъ случаѣ упрекнуть нельзя; мѣстами его изложеніе отличается краснорѣчіемъ и даже картинностію, необычными вообще въ учебникахъ; такъ, напри- мѣръ, описывая окрестности Андовъ въ Аргентинѣ, онъ говоритъ: „Роскошные луга чередуются здѣсь съ превосходными дубовыми и кедровыми лѣсами, а позади ихъ, въ туманной дали, бѣлѣютъ вершины Андовъ, отражающіяся въ зеркальной поверхности красящихся горныхъ озеръ“ (II, стр. 68). По поводу Мангрововыхъ лѣсовъ авторъ пишетъ: „Ящуръ-чешуйникъ грѣется на краю болота, пока испуганный шумомъ не бултыхнется въ воду“. Но иногда г. Турчаковскій обнаруживаетъ свое пристрастіе къ высокому слогу въ ущербъ ясности

изложенія для учениковъ младшаго возраста. Такъ, напримѣръ, въ курсѣ 1-го класса онъ называетъ небесныя тѣла мірами, которыя восходятъ и заходятъ (стр. 15). Часто употребляетъ выраженіе „наша планета“, вмѣсто того, чтобы просто сказать земной шаръ, земля; „Гренландія—первый по величинѣ островъ нашей планеты“ (II, стр. 75); „Лабрадоръ принадлежитъ къ числу очень холодныхъ областей нашей планеты“ (II, стр. 77; см. также стр. 57); „могучія горы нашей планеты“ (въ курсѣ 1-го класса)! Погоня за красивою фразою кажется всего менѣе у мѣста въ учебникѣ.—Слово цивилизація, попадавшееся довольно часто въ первомъ изданіи II курса, было изгвапо во 2-мъ изданіи, въ предисловіи къ которому авторъ заявилъ, что языкъ его упростенъ. Намъ кажется, что и послѣ 3-го изданія (1888 г.) все еще требуется значительное упрощеніе изложенія. Такъ, напримѣръ, авторъ очень любитъ выраженія: „зачатки образованности, зачатки просвѣщенія, зачатки европейской жизни (см. II, стр. 25, 51, три раза на одной страницѣ, 80, 98). Иногда красивое выраженіе у г. Турчаковского ничего не означаетъ, такъ какъ ограничивается однимъ словомъ. Напримѣръ: „прелестный островъ Тасманія“ (44), „великолѣпное озеро Цана“ (15): почему онъ прелестенъ и озеро великолѣпно, остается неизвѣстнымъ ученикамъ. Такія красивыя выраженія, обыкновенно чисто риторическія, довольно часто попадаютъ у г. Турчаковского. Такъ, напримѣръ, на стр. 100, II-го же курса: „нанцырныя фрегаты лѣниво покачиваются на рейдахъ“. Между прочимъ и со словомъ „цивилизация“ въ курсѣ II класса, авторъ все еще не можетъ окончательно разстаться; такъ онъ говоритъ на стр. 28: „кочевники распространяли бѣдствія по всему цивилизованному міру“ и на стр. 119: „въ послѣднее время китайцы начали вводить у себя нѣкоторыя новшества европейской цивилизаціи“.

Лучшимъ языкомъ написанъ курсъ III класса; изложеніе автора здѣсь логично и серьезно и не щеголяетъ риторическими украшеніями.

Дурную сторону этой части учебника составляетъ только не всегда удачное подраздѣленіе государствъ по ихъ естественнымъ областямъ. Г. Турчаковскій слѣдуетъ въ такомъ порядкѣ изложенія примѣру Штудера и нѣмецкихъ учебниковъ ¹⁾. Административное дѣленіе государствъ авторъ совершенно устранилъ, пояснивъ въ своемъ предисловіи, что поступилъ такъ потому, что, по его мнѣнію, перечень

---

¹⁾ Г. Смирновъ въ послѣднихъ изданіяхъ послѣдовалъ за другими.

административныхъ и политическихъ составныхъ частей западно-европейскихъ государствъ есть элементъ, не поддающийся усиліямъ дѣтской памяти. Почему группировка по естественнымъ областямъ или такъ-называемымъ „ландшафтамъ“ (удовлетворимъ пристрастіе г. Турчаковскаго къ иностраннымъ терминамъ), въ особенности если такая группировка сдѣлана мелочно, почему она представитъ элементъ, менѣе трудный для памяти учениковъ? Почему подраздѣленіе Франціи на 9 областей, въ числѣ которыхъ ставится отдѣльно низменность р. Шаранты съ однимъ г. Коньякомъ, легче для запоминанія, чѣмъ старинное раздѣленіе Франціи на историческія области, все еще живущія въ памяти народовъ, для насъ это остается неяснымъ. Во всякомъ случаѣ думаемъ, что при раздѣленіи страны на ея естественныя области, которое должно быть сдѣлано во всякомъ случаѣ въ самыхъ крупныхъ чертахъ, не должно быть забыто политическое раздѣленіе страны. Почему ученикъ можетъ не знать о составѣ и отношеніяхъ двухъ почти самостоятельныхъ частей Австро-Венгріи, когда уже одно названіе ея должно обратить на себя его вниманіе? Авторъ хочетъ предоставить ознакомленіе учениковъ съ политическимъ и административнымъ дѣленіями учителю исторіи, но въ какомъ же классѣ сообщитъ учитель исторіи о дѣленіи Австро-Венгріи, послѣдовавшей только послѣ Пражскаго мира 1866 г. Изъ учебника г. Турчаковскаго ученикъ узнаетъ, что Германская имперія состоитъ изъ 25 какихъ-то государствъ; но о существованіи королевствъ Баварія, Саксонія и Виртемберга, онъ узнаетъ только случайно при упоминаніи ихъ столицъ. Ему нужно будетъ еще разбираться въ городахъ, такъ какъ въ обзорѣ Германіи по ландшафтамъ Штутгартъ стоитъ рядомъ съ Нюрнбергомъ, а Лейпцигъ рядомъ съ Галле.

Къ сожалѣнію, курсъ 1-го класса, то-есть, та часть учебника, которая требуетъ наибольшаго вниманія со стороны автора, страдаетъ часто спуганностію и неясностію. Правда, что автору представляются здѣсь и наибольшія трудности. Начальныя свѣдѣнія изъ космографіи, помѣщаемыя въ курсѣ 1-го класса, представляютъ всегда для учениковъ большой камень преткновенія, и до сихъ поръ мы еще не встрѣчали ни въ одномъ учебникѣ географіи достаточно яснаго ихъ изложенія. Благоразумно во всякомъ случаѣ поступаютъ тѣ составители учебниковъ, которые на первыхъ страницахъ книги излагаютъ только ученіе о вращеніи земли около оси, о движеніи же земли вокругъ солнца говорятъ во второй половинѣ курса, излагая это

ученіе вмѣстѣ съ ученіемъ о климатѣ. При такомъ порядкѣ впер-
выхъ, одна изъ наиболѣе трудныхъ частей курса излагается позд-
нѣе, примѣрно во второй половинѣ учебнаго года, и ученіе о пере-
мѣнѣ временъ года излагается въ связи съ ученіемъ о климатѣ,
разновидности котораго, по отношенію къ степени его теплоты, зави-
ситъ именно отъ косвеннаго положенія земной оси, при движеніи
земли вокругъ солнца. Нашъ авторъ не только излагаетъ оба дви-
женія земли въ самомъ началѣ курса, но еще особенно затеняетъ
свое изложеніе тѣмъ, что говоритъ одновременно о дѣйствительномъ
движеніи земли и о кажущемся движеніи солнца. Изложеніе выхо-
дитъ вслѣдствіе этого чрезвычайно неяснымъ и запутаннымъ. Такъ,
онъ говоритъ: „Вслѣдствіе такого положенія оси земли, при движе-
ніи ея вокругъ солнца, намъ кажется, что дневной путь солнца
въ теченіе одного полугодія отклоняется къ сѣверу, а въ теченіе
другаго полугодія къ югу (стр. 10). Въ своемъ кажущемся годовомъ
движеніи солнце никогда не переходитъ за предѣлы пояса, про-
стирающагося вокругъ земли на разстояніи $23\frac{1}{2}^{\circ}$ къ С. и къ Ю.
отъ экватора“. Далѣе авторъ распространяется о длинѣ дневныхъ
дугъ солнца въ различныя времена года. Еще далѣе говоритъ, что
солнце полгода „восходитъ и заходитъ надъ сѣвернымъ полушаріемъ“
и другіе полгода „восходитъ и заходитъ надъ южнымъ полушаріемъ“
(стр. 11). Еще менѣе можетъ быть понято учениками перваго класса
явленіе приливовъ и отливовъ въ объясненіи г. Турчаковскаго. Въ
курсѣ географіи 1-го класса мы встрѣчаемся съ такими научными
данными, ясное пониманіе которыхъ дѣтьми не возможно; сюда отно-
сится, на примѣръ, законъ тяготѣнія. Въ этихъ случаяхъ благоразумнѣе
поступаютъ тѣ, которые только указываютъ явленіе, если ужъ ни-
какъ нельзя обойти его молчаніемъ, и описываютъ его безъ объяс-
ненія причинъ, на вѣру; такъ поступилъ и г. Турчаковскій съ при-
ливами и отливами, въ 1-мъ изданіи своего курса, по во 2-мъ онъ
пускается въ объясненіе приливовъ и отливовъ по чертежу и хотя
начинаетъ словами „чтобы ясно понять“, но, конечно, не даетъ дѣ-
тямъ даже и смутнаго понятія о явленіи. Вообще г. Турчаков-
скій часто не соразмѣряетъ выборъ учебнаго матеріала и его из-
ложеніе со степенью умственныхъ силъ учениковъ 1-го класса.
Говоря о морскихъ теченіяхъ, нашъ авторъ ограничивается переч-
немъ явленій ихъ вызывающихъ: 1) вѣтры, 2) неодинаковое нагрѣ-
ваніе солнцемъ въ жаркомъ и холодномъ поясахъ земли и 3) вра-
щеніе земли вокругъ оси (стр. 31). Въ томъ же курсѣ 1-го класса

онъ помѣщаетъ въ мелкомъ шрифтѣ теорію вулканизма, но ограничивается нѣсколькими общими мѣстами. Есть у г. Турчаковского и глава о минералахъ, но въ ней не содержится ничего существенно-научнаго. „Минералами“, говоритъ онъ,— „называются разнообразныя вещества, входящія въ составъ земнаго шара“, и вслѣдъ затѣмъ перечисляетъ минералы полезныя для человѣка. Иногда встрѣчается у г. Турчаковского научное выраженіе, какъ бы въ видѣ намека, совершенно отрывочно, безъ всякаго объясненія, а вмѣстѣ съ тѣмъ и безъ нужды, въ родѣ встрѣченныхъ уже нами эпитетовъ „преlestный“, „великолѣпный“. Такъ, напримѣръ, въ томъ же 1-мъ курсѣ онъ говоритъ: „Каждый ручеекъ, повинувся притяженію земли, стекаетъ съ болѣе высокой мѣстности въ болѣе низменную“.

Строгою выдержанностію въ опредѣленіяхъ г. Турчановскій вообще не отличается. Слово масса пестритъ его изложеніе и ставится имъ въ различныхъ значеніяхъ; такъ, материкъ онъ называетъ огромными массами суши (I, стр. 18). Тѣмъ же словомъ онъ обозначаетъ ту форму рельефа, которую нѣмцы называютъ *Massiv*, *Massengebirge*. Горы, говоритъ онъ на стр. 23 1-го курса, „встрѣчаются въ видѣ, вопервыхъ, горныхъ группъ, вторыхъ, горныхъ массъ и третьихъ, горныхъ цѣпей“, и дѣлаетъ при этомъ неточное опредѣленіе того, что онъ называетъ горными массами, это „возвышенности, длина и ширина которыхъ почти одинаковы“. „Азія“, говоритъ онъ въ другомъ мѣстѣ,— „въ общей массѣ материковъ занимаетъ центральное положеніе“ (II, стр. 92). Въ курсѣ 3-го класса онъ называетъ Гардтъ плоскогоріемъ, а совершенно сходный съ нимъ Оденвальдъ — горною массою (стр. 90). Слово бассейнъ г. Турчаковский ставитъ съ двумя значеніями: съ обычнымъ въ географіи и со значеніемъ воднаго пространства (II, стр. 94).

Вообще многія опредѣленія г. Турчаковского отличаются неточностію. Такъ, горизонтомъ онъ называетъ „кругъ видимой нами поверхности земли“ (I, стр. 5). „Параллели“, говоритъ онъ,— „лежатъ другъ отъ друга въ разстояніи одного градуса“ (I, стр. 14).

Вслѣдъ за многими другими составителями учебниковъ онъ говоритъ, что коралловые острова построены полипами, какъ будто коралловый поливъ дѣйствительно что-нибудь строитъ, подобно муравью или пчелѣ; вслѣдъ затѣмъ какъ бы нарочно для того, чтобы сдѣлать возможнымъ подобное сравненіе, онъ еще добавляетъ: коралловые полипы — „неутомимые труженики“.... Къ числу подобныхъ неточностей лужно также отнести мѣста учебника, гдѣ авторъ, под-

раздѣливъ какую-нибудь страну на части, оставивъ одну изъ нихъ безъ описанія. Такъ, говоря о растительности Африки, онъ говоритъ о сѣверной окраинѣ Африки, о тропической ея области, и ни однимъ словомъ не обмолвился о южной ея окраинѣ (II, стр. 5—7). Тибетъ онъ подраздѣляетъ на сѣверный, южный и восточный, описываетъ же только первыя двѣ части (стр. 122—123). Подобнымъ же образомъ онъ поступаетъ, описывая область Атласскихъ горъ (стр. 17—18) и южную окраину Африки (стр. 26—27).

Укажемъ еще другіе пропуски.

Въ курсѣ II-го класса, вышедшемъ послѣднимъ изданіемъ въ 1888 году, не упоминается ни однимъ словомъ о Германскомъ Восточно-Африканскомъ Обществѣ, о протекторатѣ Франціи надъ Мадагаскаромъ и о зависимости Белучистана отъ Англіи; встрѣчается еще названіе Новая Британія, вмѣсто новаго: „Бисмарковъ архипелагъ“. Не названы также хотя бы главнѣйшія изъ германскихъ государствъ въ курсѣ III-го класса.

Выпущены въ послѣднихъ двухъ изданіяхъ II курса университеты въ Сидни и Мельбурнѣ, и вмѣсто того отмѣчены университеты въ Дунединѣ и въ Монровіи (? !). Откуда могъ взять авторъ это послѣднее свѣдѣніе?

Если встрѣчаются въ учебникѣ пропуски, то есть въ немъ и лишнія свѣдѣнія. Къ такого рода свѣдѣніямъ, кромѣ уже указаннаго объ университетѣ въ Монровіи, мы относимъ и нѣкоторыя новости, которыми, впрочемъ, часто щеголяютъ и другіе составители учебниковъ, и которыя обыкновенно оказываются скороспѣлыми, вычитанными изъ какого-нибудь сомнительнаго источника и недостаточно проверенными. Таковы, напримѣръ, были извѣстія, еще недавно помѣщавшіяся въ нашихъ учебникахъ географіи, напримѣръ, о новооткрытой, высочайшей въ мірѣ, вершинѣ Геркулесъ на Новой Гвинее, о высочайшей въ Америкѣ вершинѣ Лиримъ, которой нельзя было найдти даже въ хорошемъ и довольно подробномъ атласѣ Рихарда Андре, объ островѣ Гамилтонѣ, приобрѣтенномъ англичанами и т. п. Къ такого же рода извѣстіямъ слѣдуетъ, вѣроятно, отнести и сообщеніе г. Турчаковского о Маунтъ-Кларкѣ, какъ самой высокой вершинѣ въ Австраліи ¹⁾; въ курсѣ I-го класса онъ почему-то называетъ въ Африкѣ

---

¹⁾ По крайней мѣрѣ упоминанія объ этой вершинѣ нѣтъ ни у Гуте-Вагнера, Lehrbuch, ч. I, стр. 179—180, ни на картѣ Штилера № 74: у обояхъ по прежнему показана г. Косцюшко высочайшею.

только Драконовы горы, не упоминая о другихъ, болѣе высокихъ горахъ.

Не смотря на то, что авторъ въ двухъ послѣднихъ изданіяхъ своего II курса (въ особенности же во 2-мъ изданіи) исключилъ много лишнихъ географическихъ названій, въ учебникѣ все еще много такихъ, которыя могутъ послужить только обремененіемъ памяти учащихся. Предлагаемъ къ исключенію еще слѣдующія названія: Зафра (теперь уже совершенно оставленное названіе рѣки Конго), Баръ-эль-Арабъ, Собатъ, Рио-Гранде (въ Сенегамбіи), Лимпопо, Комадугу, оз. Моэро (внесено въ 3-е изданіе), оазы Фарафра, Радамесъ, Куфра, Туатъ, Тафильтъ, Варгла, г. Эль-Обейдъ, г. Фашеръ (не упоминается даже у Гуте-Вагнера въ руководствѣ, предназначенномъ въ пособіе студентамъ и лицамъ, держащимъ экзаменъ на званіе учителя географіи), Колла, бенгази, гебли (другое названіе самума), мандинго, юлофы, Гаусса, Гандо, Массина, Багирии, Вадай, Марицбургъ, Блемфонтейнъ, Преторія, Делагоа, Дельгадо, Суахель, Виви (въ Конго), г. Леопольдвилль (про который сказано, что онъ современемъ будетъ центромъ королевства ¹⁾), Спенсеровъ заливъ, зал. св. Винченца, цѣвь Макъ-д'Оннеля, р. Викторія (на сѣверѣ материка Австраліи), Флиндерсъ, Фицрой, Морромбиджи, оз. Амедея, рч. Торренсъ, г. Дунединъ, зал. Фонсека, г. Пуэбла, Кингстонъ (на Ямайкѣ) Портъ-о-Пренсъ, Свѣтъ-Доминго (въ республикѣ Доминикѣ), архипелагъ королевы Шарлотты, Свѣтъ-Поль (въ Соедин. Штатахъ), Торонто, р. Леонть (въ Сиріи; внесена только въ 3-е изданіе, взаи́мнъ прежде ошибочно показаннаго Іордана), Кафиристанъ, народъ Сіапоши, Лабуанъ, Алтынъ-Тагъ. Изъ III курса: Сегуръ (на которомъ стоитъ г. Мурсія), Вербье, Штейеръ, Идрія, р. Керешъ; г. Крефельдъ, Ремшейдъ, Дортмундъ, Мекльсфильдъ, Стокъ на Трентѣ, Дэнди, Одензе. Итого 67 названій.

Укажемъ теперь ошибки, замѣченныя нами въ учебникѣ.

II, стр. 24. Тимбукту принадлежитъ туарегамъ, а не государству Массина.

Стр. 34. Стипъ-Поинтъ показанъ на 133° в. д. ф.⁰, тогда какъ онъ лежитъ на 131° (собственно говоря, даже не доходитъ и до 131° на $\frac{1}{4}$ градуса); см. № 75 въ атласѣ Штилера; вѣрно показанъ въ

---

¹⁾ Кстати, почему г. Турчаковскій называетъ государство Конго Конгойскимъ королевствомъ?

учебникахъ Кельнера и Семенова; на 133°.— у Турчаковского, Смирнова и Ячнина, у Пуликовского—132°.

Стр. 34. Мысъ Байронъ не на 173°, а между 171° и 172° в. д. ф°.

Стр. 51. Острова Фиджи отнесены къ Микронезіи, тогда какъ они входятъ въ составъ Мелонезіи.

Стр. 79. „Бизоны“, по мнѣнію г. Турчаковского, „и теперь еще водятся большими стадами, въ 50 и болѣе тысячъ головъ“.

Стр. 54. Мысъ Принца Уэльскаго показанъ на 174° в. д., в. 151° в. д. ф°; конечно, это опечатка, но она повторена во всѣхъ 3-хъ изданіяхъ.

Стр. 67. По видимому, г. Турчаковскій не знаетъ, что Боливія въ послѣднюю войну ея съ Перу и Чили, лишилась морскаго прибрежья; по крайней мѣрѣ онъ называетъ Парагвай единственнымъ сухопутнымъ государствомъ Америки. И неужели главное занятіе жителей Парагвая составляетъ разведеніе парагвайскаго чая? Такъ можно по крайней мѣрѣ заключить изъ того, что онъ упоминаетъ только объ этомъ занятіи: „населеніе его занимается разведеніемъ парагвайскаго чая“.

Стр. 75. Г. Турчаковскій упоминаетъ два полуострова Мерилэндъ и Делаверъ, тогда какъ это имена двухъ штатовъ, расположенныхъ на одномъ полуостровѣ.

Стр. 76, 77, 79. Смѣшиваетъ территорію Аляску съ полуостровомъ того же имени; говоритъ, наприимѣръ, что „на границѣ этого полуострова лежитъ самый высокій пикъ сѣв. Америки, вершина св. Иліи“. Гора св. Иліи находится на юго-восточной границѣ территоріи Аляски.

Стр. 96. Неправильно сказано, что Дежневъ открылъ мысъ, названный его именемъ.

Стр. 97. Орангутангъ водился на Суматрѣ и Явѣ (вм. Борнео).

Стр. 99. Горные кражи, опоясывающіе плоскогорье Малой Азіи, достигаютъ наибольшей своей высоты“, правда, на юго-востокѣ, но не „въ вершинахъ Антитавра“, а въ Киликійскомъ Таврѣ въ хребтѣ Булгаръ-Дагъ, въ вершинѣ Метдесисъ, 3477 литровъ. См. Вагнера, 487 и атласъ Шпилера карта № 60.

Стр. 103. Никакъ нельзя сказать, что озеро Ванъ лежитъ между истоками Куры и Аракса; недосмотръ вслѣдствіе измѣненія текста II изданія.

Стр. 115. Бирманское королевство показано только находящимся

въ зависимости отъ Англїи, между тѣмъ какъ оно уже причислено къ непосредственнымъ англійскимъ владѣніямъ. См. статистическія таблицы Юрачека.

Стр. 115. „Тонкинъ и Аннамъ“, сказано въ текстѣ, „находятся въ зависимости отъ Франціи“, а въ выноскѣ къ этому мѣсту: „значительная область Аннама при у. р. Ганоя составляетъ, кромѣ того, непосредственное владѣніе Франціи“; но вѣдь эта послѣдняя область и называется Тонкиномъ, съ тою только разницею, что главная рѣка, которая принадлежитъ Тонкину, притомъ не однимъ только устьемъ, а значительною частію своего теченія, называется не Ганоемъ, а Сонг-ка (Song-ka), то-есть, Красная рѣка, Ганоемъ же называется городъ на этой рѣкѣ.

Стр. 121. Ханькоу показанъ лежащимъ при сліяніи Ян-цзы-цзяна съ главнѣйшими его притоками. При Ханькоу впадаетъ въ Ян-цзы-цзянъ одна только рѣка Хань. См. карту собственнаго Китая.

Стр. 121. Макао названъ весьма важнымъ торговымъ городомъ. На самомъ дѣлѣ городъ этотъ имѣетъ значеніе только какъ мѣсто вывоза китайскихъ рабочихъ—кули. Вагнеръ, I, 556.

Стр. 129. Токио, съ превосходною гаванью, въ которой можетъ помѣститься огромный флотъ. До Токио не доходитъ сколько-нибудь значительныя морскія суда, и гаванью для столицы служитъ г. Йокогама, лежащій при той же бухтѣ, что и Токио, но ближе къ открытому торю.

III, стр. 73. Рѣка (г. Турчаковскій пишетъ двояко: Рѣка на стр. 72 и Рѣка на стр. 73)—главный портъ Венгріи. Какіе же еще порты въ Венгріи?

Стр. 87. Эльвасъ-Лотарингію нельзя назвать провинціею, такъ какъ она не принадлежитъ никакому государству Германіи.

Стр. 93. Лейна и Верра ошибочно названы притоками Везера.

Въ заключеніе скажемъ, что г. Турчаковскій доказалъ знаніе своего дѣла, внимательность къ замѣчаніямъ критики и добросовѣстность, съ которою исправляетъ каждое новое свое изданіе; поэтому можно надѣяться, что его учебникъ, исправленный въ изложеніи и въ выборѣ учебнаго матеріала, сдѣлается лучшимъ въ ряду руководствъ географіи, существующихъ по настоящее время.

СЛАВЯНО-ГЕРМАНСКІЕ ОТРЫВКИ.

(Посвящается О. А. Брауну).

I.

Rosmufjöll и остзейскіе готы.

Въ *Atlakvida* Атла-Аттила шлетъ посла къ Гуинару и братьямъ, чтобы позвать ихъ къ себѣ въ гости. Онъ соблазняетъ ихъ подарками, уступкою волостей: онъ даетъ имъ

5 stadi Danpar,
Hris hat it maera,
Er meðr Myrkvið kalla:

городъ Днѣпра и славный дремучій лѣсъ.

Въ этой мѣстности живутъ Готскіе цари *Hervararsaga*, живеть, согласно съ *Вигфуссоновою* эмендаціей одного стиха *Hamdis-mál*'а, и Эрманарихъ ¹⁾. Этой эмендаціи не перечить то обстоятельство, что его область названа „землей Аттилы“ (*land... Atla*): самоубійство Эрманариха послѣдовало вслѣдъ за побѣдоноснымъ вторженіемъ гунновъ (*Апш. Магс. XXXI, 3*); Аттила сталъ ихъ эпическимъ показателемъ въ позднѣйшемъ преданіи, и страна Эрманариха могла быть названа страной Аттилы.

Иорданъ въ гл. 24-й прибавляетъ объ Эрманарихѣ, что передъ самымъ нашествіемъ гунновъ *Rosomanorum* (*vac. Rasimanorum, Rosomanorum, Rosomorum*) *gens infida, quae tunc inter alias illi famu-*

---

¹⁾ Киевъ — градъ Днѣпра, *Зап. ром.-черм. отд. филол. общ. при С.-Пет. ун-в.*, вып. I, стр. 62 слѣд.

latum exhibebat, tali eum nanciscitur occasione dicere. dum enim quandam mulierem Sanielh (var. Sonilda, Suanhildam, Sunihil) nomine, ex gente memorata, pro mariti fraudulento discessu, rex furore commotus, equis ferocibus illigatam, incitatisque cursibus, per diversa divelli praecipisset, frater ejus Sarus et Ammius germanae obitum vindicantes, Ermanarici latus ferro petierunt, quo vulnere saucius, aegram vitam corporis imbecillitate contraxit. Какъ извѣстно, это древнѣйшее изъ эпическихъ воспоминаній о смерти Эрманариха, отразившихся между прочимъ и въ сѣверномъ *Hamðismál*.

Что Росомоны Иордана не Роксоланы—на это указалъ уже проф. Васильевскій ¹⁾; вѣроятно кажется мнѣ его догадка, что тутъ разумѣется, быть можетъ, какой-нибудь изъ подвластныхъ Эрманариху кавказскихъ народцевъ: оромуски Менадра (τὸ φύλον τῶν Ὀρομούσου), жившіе гдѣ-то около Кубани, либо росмосоки, кавказскій же гуннскій народецъ, упоминаемый у армянскаго писателя X вѣка, Моисея Каганкатваца.

Это возвращаетъ насъ къ *Atlakvíða*.

Гуннаръ съ братьями ѣдутъ къ Аттигѣ, вступили въ его покой; здѣсь встрѣчаютъ ихъ Гудруна, ихъ сестра, жена Аттилы, и предупреждаетъ о печальной участи, которую, назвавъ ихъ, готовить имъ ся мужъ. Гуннаръ отвѣчаетъ:

19. Seinat er nú, systir,
at samna Niflungum,
langt er at leita
lýða sinnis til,
of rosmufjöll Rínar
rekka óneissa.

Bodo Wenzel (*Die aeltere Edda*) переводитъ:

Nun ist's zu spät, o Schwester,
Die Niflunge zu sammeln,
Zu weit ist's, die Leute
Herbei zu rufen
Von den Bergen des Rheins
Die tapfern Recken.

Переводчикъ обошелъ темное значеніе *göstu*—(*feöll*), ограничившись передачей второй части слова=горы; но какія горы на Рейнѣ, въ странѣ Нифлунговъ? Вигфуссонъ (*Corp. poet. boreale*, I, стр. 48)

¹⁾ *Васильевскій*, О мнимомъ славянствѣ Гунновъ, Готовъ и Роксоланъ, въ *Журн. Мин. Нар. Просв.*, ч. CCXXII, отд. 2, стр. 184 слѣд.

рѣшился перевести, но съ сомнѣніемъ, *rösmu* = *craggy*: it is too far to get their help, my blameless champions, across the craggy mountains of the Rhine. Въ примѣчаніи къ этому мѣсту (l. c. I, стр. 474) онъ говоритъ о нихъ, какъ о *cruх interpretum*, и предлагаетъ поправку: *across the hills of the Rosmons*, съ ссылкой на приведенный выше разказъ Иордана. Въ такомъ случаѣ эти горы не на Рейнѣ, что и вѣроятно, если *Rinar* (род. пад.) отнести не къ *Rosmufjöll* (горы на Рейнѣ, Рейна), а къ слѣдующему *rekka óneissa*: поздно призывать на помощь прирейнскихъ славянхъ витязей черезъ горы Росмоновъ; Гуннаръ съ братьями находились уже по ту ихъ сторону, въ землѣ Аттилы, въ старой волости Эрманариха. Если *Rosmoni* = *Ῥομονοσοχοι*, то *Rosmufjöll* оказались бы такимъ же мѣстнымъ опредѣленіемъ, какъ Ясскія горы, *Jösurfjöll* въ *Hevvaragsaga* ¹⁾.

Aspelin ²⁾ выставилъ недавно гипотезу касательно Росомоновъ, которой надо коснуться. Упомянувъ о попыткѣ этимологическаго объясненія ихъ имени (Бугге: *rusmunaus* = рыжие), онъ отождествляетъ его съ *Ruotsi*, названіемъ, которымъ финны обозначали въ историческую пору финляндскихъ шведовъ (*Svear*), позднѣе выселив-

¹⁾ Мелкія замѣтки къ былинамъ, *Журн. Мин. Нар. Пр.*, ч. CCLVII, отд. 2, стр. 89. Вопросомъ о *Jösurfjöll* послѣ *Heinzel*'а занялся *R. Much*, въ *Zs. für deutsch. Alterthum*, XXXIII, стр. 1 слѣд. По его мнѣнію, *Ῥομονοσοχοι* Птолемея—моравско-силезскій горный хребетъ къ сѣверу отъ Моравіи, собственно „ясеновый“ (*Ask*— иѣм. *Esche*), слов. *Jesenik*, *Jasenik*. Такъ какъ въ старослав. языкѣ ясень и яснѣ (=аланъ) созвучны, то смѣшеніемъ того и другаго объясняется сѣверная форма *Jassafjöll*, рядомъ съ *Jösurfjöll*. Переходъ предполагается такой: герм. *Asci* (*burgium*) переведенъ былъ славянами въ Ясень, ясень понято нѣмецкими нарѣчіями какъ падежная форма отъ темы на—*an*, *Jasen*—, *Jassan*—; отсюда уже, при нѣмецкомъ посредствѣ, сѣв. *Jassa* (род. пад. множ. числа)—*fjöll*—подъ вліяніемъ этническаго имени ясовъ (стр. 6—7). Гдѣ и въ какой ередѣ совершилось предполагаемое вліяніе и смѣшеніе ясени съ ясами— авторъ не поясняетъ, да оно и не мыслимо, какъ невѣроятно, что въ названіи *Dunhcidi* сохранилась память о нѣмецкомъ народѣ (*Δούχοι*) Птолемея, жившемъ къ сѣверу отъ Моравіи; невѣроятно уже потому, что *Δούχοι* принадлежатъ конъектурѣ *Zeuss*'а, а не рукописямъ (стр. 3, 8). Что касается битвы, которая по *Hevvaragsaga* происходила на *Dunhcidi* и у Ясскаихъ горъ, то авторъ усматриваетъ въ ней отраженіе другой, разказанной у Павла Діакона (*Hist long.* I, 16, 17), хотя мѣстности послѣдней не указана, да и бьются въ ней съ гунами не готы, а лангобарды. Замѣна лангобардовъ готами въ *sag* *Much* (стр. 12) наввно объясняетъ тѣмъ, что историческая роль готовъ въ борьбѣ съ гунами была болѣе громкая и блестящая и замѣна подсказалась естественно.

²⁾ *J. B. Aspelin*, *La Rosomanorum gens et le Ruotsi. Etude d'histoire et d'archéologie*. Helsingfors. 1884.

шихся въ Скандинавію, и готскіе народы, жившіе въ нынѣшнихъ Остзейскихъ провинціяхъ и отодвинутые на западъ въ пору великаго переселенія народовъ. Собственно Ruotsi обозначало первоначально готовъ, говоритъ проф. Аспелинъ (I. с. 25), опираясь на мнѣніе Томсена (стр. 13) и на разказъ о смерти Эрманариха у Саксона Грамматика (стр. 9 и сл.), помѣщающаго мѣсто дѣйствія на Сѣверной Двинѣ. На сколько эта локалізація древняя, не принадлежащая измышленію Саксона, этимъ вопросомъ авторъ не занялся; обозначеніе Росомоновъ, готскаго народа, отпавшаго отъ короля готовъ, какъ *gens infida*, не заронило въ немъ сомнѣнія. Если въ обычномъ толкованіи сомнительны рейнскія горы Росомоновъ, то тѣмъ труднѣе ихъ искать на берегахъ Двины. Какъ бы ни рѣшилось дѣло о національности Росомоновъ, общій вопросъ, вновь поднятый по ихъ поводу проф. Аспелиномъ, не лишенъ значенія именно для насъ. Если, какъ полагаетъ Кронъ ¹⁾, скандинавскіе (неизвѣстные мнѣ) мотивы русскихъ былинъ занесены были къ намъ захожими варягами, то другіе мотивы того же источника, обогатившіе содержаніе финскаго эпоса, одолжены своимъ происхожденіемъ шведамъ, осѣдлымъ по юго-западному берегу Финляндіи и на эстонскихъ островахъ. Въ древнюю пору границы ихъ поселеній были шире, чѣмъ теперь; они и могли быть, въ 900—1100 гг., распространителями среди финскаго населенія сагъ о Нифлунгахъ, о чудесной мельницѣ Гротти (=Сампо), объ Обгаегг'ѣ, смерти Бальдра, Иггдрозилъ и другихъ германскихъ сюжетовъ, вошедшихъ, въ своеобразной переработкѣ, въ содержаніе Калевалы.

Но и остзейскіе готы не могли безслѣдно исчезнуть на мѣстахъ, съ которыхъ едвинуло ихъ великое переселеніе народовъ. На это указываютъ археологическія находки въ Курляндіи, представляющія особое развитіе стиля германскихъ (*Aspelin* I. с. 22); рядомъ съ относительно живучестью готскаго имени и преданія на югѣ Россіи можно поставить названіе, которое въ прусской Литвѣ даютъ литовцамъ, живущимъ въ Польшѣ къ югу отъ Мемеля: *Gudaï* = готы, тогда какъ на Жмуди такъ зовутъ бѣлоруссовъ ²⁾. Тамъ и здѣсь разумѣется чуждая по отношенію къ Литвѣ народность; перенесеніе древняго имени на другихъ позднѣйшихъ насель-

¹⁾ *Kalevalastudien* von J. Krohn, übers. von V. Hackmann в *Zeitschrift für Volkskunde*, hrsg. v. E. Veckenstedt, I, 213.

²⁾ *Kurschat*, Litt. deutsches Wörterbuch a. v. gudas, güdè, güdélka, gudinis и др.

никовъ вполне мыслимо, но по отношенію къ Guthiuda готскаго календаря Gudaī возбуждаетъ сомнѣніе. Можетъ быть, мы въ правѣ допустить существованіе двойственныхъ формъ: Гъте, Готе лѣтописи, Готфѣя синодальной Александріи № 86, готскій, гочскій, гочский, гоцкой берегъ нашихъ грамотъ, готскія дѣвы Слова о Полку Игоревѣ—и Gudaī, Главскъ, Гдовъ, Гдечъ¹⁾. Сл. въ былинахъ: Хотенъ, Котенъ (Хотей, Фотей) и Годинъ (Горденъ; сл. Ивана и Ставра Годиновичей): можетъ быть, такое же этническое прозвище, какъ Пленк(овичъ)-Френкъ, Франкъ; Казаринъ. Замѣтимъ, что годинъ = готинъ дѣйствительно встрѣчается въ славянскихъ чудесахъ св. Артемія: „Годинъ вѣкто родомъ, мужъ именемъ Θεодоръ, и въ томъ родѣ пребываніе имѣя“, явился въ Царьградъ искать исцѣленія у мощей святаго; онъ сподобился его позже, уже отплывъ въ свой градъ²⁾. Не лишено значенія и необычное, едва ли славянское (не смотря на мнѣніе Томсена) отчество нашего былиннаго Годица-Хотена: Блудовичъ. Эта точка зрѣнія не поможетъ ли намъ освятить причины его распри съ Чесовою вдовой?

Встрѣчая въ Калевалѣ не финскіе (?) сюжеты, не знакомые Эддѣ или искаженные въ ней, и вмѣстѣ съ тѣмъ германскіе, Krohn (I. с. 213) ставитъ вопросъ о путяхъ, которыми они зашли къ финнамъ. Дѣло касается мифовъ: о ежегодномъ появленіи съ острова богини Nerthus, приносящей плодородіе; объ освобожденіи солнца изъ его заключенія въ облакахъ, объ охотѣ за солнечнымъ оленемъ и сломанномъ колесѣ солнечной повозки. Krohn готовъ былъ бы признать всѣ эти мотивы готскими, еслибъ они не были распространены исключительно въ Финляндіи; эсты не знаютъ ихъ, не знаютъ и другія болѣе восточныя финскія племена. Отсюда заключеніе, что указанные мотивы заимствованы были финнами отъ осѣдлаго среди нихъ шведскаго населенія. Далѣе (стр. 214) готская гипотеза снова обновляется, но на этотъ разъ дѣло идетъ о представленіи, общемъ нѣсколькимъ финскимъ народностямъ, напримѣръ, финнамъ и мордвѣ, и ставится вопросъ: литовскимъ или готскимъ воздѣйствіемъ слѣдуетъ объяснить представленіе объ облачныхъ дѣвахъ, произносящихъ все живущее?

Едва ли всѣ эти вопросы получаютъ когда-либо иное, кромѣ пред-

¹⁾ Иное толкованіе у *Perwolf*, *Slavische Völkernamen*, въ *Arch. f. slav. Philologie*, VII, стр. 594—595 и 612.

²⁾ Великія Четинъ Миненъ, собр. Всеросс. митрополитомъ Макаріемъ, изд. Археогр. ком., октября 19-го, стр. 1639 (указаніе В. Г. Васильевскаго).

положительнаго разрѣшенія; но они важны намъ, какъ импульсъ—искать и на русскомъ югѣ слѣдовъ тѣхъ преданій и пѣсенъ, которыя когда-то „готскія красныя дѣвы вѣспѣша на брежѣ синему морю“.

II.

Валькирин — Welis, Ἠλόστον πεδίον, Вила — Viola.

Русалки — мань, чествовались особымъ поминальнымъ обрядомъ русалій, то-есть, *rosalia* или *rosaria*, слѣды котораго въ Италиі и среди романизованнаго населенія Балканскаго полуострова восходятъ далеко. Напомнимъ лишь сопоставленія, сдѣланныя Томашкомъ ¹⁾: въ двухъ надписяхъ, найденныхъ въ окружностяхъ Драмы, завѣщаются *εὐαζιοτάμ* *Liber Pater*'а суммы, изъ процентовъ которыхъ совершались бы ежегодно на могилахъ усопшихъ тризны, и именно—*rosalibus*, въ началѣ лѣта, когда въ садахъ и лугахъ всѣ отдавались веселью, вѣнчали себя розами и поминали покойниковъ. Такъ-называемое *Feriale sampratum* приурочиваетъ *Rosaria* къ 13-му мая; если свидѣтельство *Calendarium Lambecianum* (изъ временъ Константина II, 337—361) относится къ тому же обряду (*X. Kal. Iun. macellus rosasumat*), то ихъ отбывали и 23-го мая, что согласно съ позднѣйшимъ совпадениемъ русалій съ Духовнымъ днемъ; свидѣтельство другихъ надписей указываетъ еще на 11-е и 21-е мая. Поминальный характеръ обряда засвидѣтельствованъ его сопоставлениемъ съ *parentalia: rosalia et parentalia, parentalia et rosaria, tempore parentaliorum... et rosae*. Вмѣсто *rosalia* встрѣчается и *dies rosae* или *rosationis*, и рядомъ съ нимъ *dies violae, violationis, violaris*, относившійся къ началу весны, 23-му марту, и также сопряженный съ поминками умершихъ. Въ одной надписи завѣщается совершать жертвы четыре раза въ году: въ день рожденія умершаго, *et rosationis et violae et parentalibus*,

Итакъ, *rosalia* и *dies violae* отбывались въ честь манъ, первые—въ началѣ лѣта, вторые—въ началѣ весны. Оба празднества, объединенныя одною идеей и содержаниемъ культа, могли смѣшиваться и даже сближаться хронологически, выражаться въ сходныхъ обрядахъ и отразиться въ народной фантазіи олицетворениемъ манъ, за кото-

¹⁾ Ueber *Brumalia* u. *Rosalia*, *Sitzungsber. d. Kais. Ak. der Wiss. zu Wien*, LX Band, N. 1 (1868), стр. 373 слѣд. Вся цитата взята оттуда.

рыми удержались древнія имена празднества: русалии дали намъ русалокъ; dies rosae, можетъ быть, belo Ruso словинцевъ ¹⁾; dies violae не остались ли въ образѣ вилъ? не опредѣлили ли по крайней мѣрѣ ихъ очертанія и имя, наслоившись на другое аналогичное народное представленіе? Ставимъ этотъ вопросъ, потому что онъ былъ исходною точкой и слѣдующихъ соображеній.

Южно-славянскія вилы не проявляютъ характера манъ, но въ словенско-хорватскихъ сказкахъ онѣ еще являются въ роли рожденицъ или сужденицъ, нарицающихъ судьбу дѣвочкѣ (Valjaves, Narodne pripovedke, стр. 56, 57), а намъ извѣстны отношенія роженицъ къ культу предковъ — дѣдовъ. Вилы — дѣвы воинственнаго типа; у нихъ опредѣленная роль въ юнацкомъ эпосѣ; но боевой періодъ, создавшій героическій эпосъ южныхъ славянъ, могъ повліять на измѣненіе первичнаго представленія о нихъ. Такъ и на скандинавскомъ сѣверѣ въ пору викинговъ валкирии обратились въ воинственныхъ дѣвъ, покровительствующихъ только витязямъ, тогда какъ, вѣроятно, въ началѣ онѣ были просто фильгьями—роженницами, состоявшими при извѣстномъ лицѣ, умиравшими и возрождавшимися вмѣстѣ съ нимъ, какъ въ поэтической легендѣ о Helgi. Возможенъ поэтому вопросъ: не есть ли извѣстное посестримство вилъ съ юнаками поздняя замѣна другихъ родовыхъ отношеній, связывавшихъ челоуѣка съ его роженицей, фильгьей? У каждого юнака есть своя посестрима вила, помогающая ему во всемъ и одаряющая его. Чудесный конь королевича Марка былъ подаренъ вилами; дѣвушку, молившую денницу сообщить ей свою красу, ея посестрима вила украшаетъ золотымъ перомъ и бисеромъ. Посестримство съ вилой приноситъ счастье; челоуѣку, встрѣтившему сияющую вилу въ лѣсу и прикрывшему ее вѣтками отъ лучей солнца, она посылаетъ во всемъ удачу. Какъ въ Малороссіи приносятъ жертвы русалкамъ — манамъ, такъ хорватскія дѣвушки ставятъ плоды, цвѣты, мотки шелку, приговаривая: Uzmi vilo što je tebe mlo. — Кралевичу Марку его вила предрекла его смерть ²⁾.

Во всемъ этомъ есть черты прирожденной доли, вышедшей къ олицетворенію изъ культа рода, манъ, которыхъ чествовали въ dies viola, какъ хѣрас—души усопшихъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, дѣвы (смертной)

¹⁾ Сл., Генварекія русалии въ *Журн. Мин. Нар. Просв.*, сентябрь 1885 г., стр. 5.

²⁾ *Arhiv za povestniue jugoslovensku*, I, стр. 94—97.

судьбы считались тайно присутствующими въ празднованіе афинскаго цвѣтнаго праздника Анаестерій.

Ви́ла — *viola* ¹⁾ могла повліять съ своей стороны на народное усвоеніе сивиллы—самовилы и смѣшаться съ нею по образу и имени. Если въ Болгаріи русалии называются самовильскими праздни-ками, то я вижу въ этомъ хронологическое сближеніе древнихъ поминальныхъ праздниковъ, *dies rosae* и *dies violae*, русалий съ праздниками виль, замѣненныхъ самовилами.

III.

Сербскія пѣсни поютъ о девяти — десяти вилахъ:

Sletiše se vile posestrime
Nešta malo devetdeset vilah ²⁾.

Такъ и въ древнихъ рукописныхъ свидѣтельствахъ о нихъ, къ сожалѣнію, ничего не разъясняющихъ относительно ихъ культа ³⁾. Слово Христолюбца по Паисіеву сборнику XIV вѣка говоритъ, что двое-вѣрные люди вѣрують „в Перуна і в Хорса і в Мокошь і в Сима і в Рьгла і въ вилы, їхже числомъ .г.б. сестрѣнницъ, глаголатъ невѣгласи і мнать богинами і тако подкладывалухъ имъ теребы і куры имъ рѣжють і шгневи молатьса“; тамъ же „і виламъ і Мокоши і Симу і Рьглу і Перуну“.

Въ томъ же памятникѣ по рукописи XV вѣка: „въ Сима и въ Рьгла и въ Мокошь и въ вилы ихже числомъ тридесате сестре-ницъ“; тамъ же: „иже ставать трапезу рожаницамъ, короваи молатъ виламъ и шгневи подъ швиномъ... иже молатся шгневи, виламъ Мокошьи, Симоу, Рьглоу“⁴⁾. Интересны славянскіе варианты перевода слова св. Григорія *εις τα ἄρια φῶτα*; профессоръ Тихонравовъ напечаталъ греческій текстъ *en regard* съ переводомъ по рукописи С.-Пб. духовной академіи № $\frac{43}{1130}$; мы беремъ въ разчетъ изданные имъ же тексты того же слова по Паисіеву сборнику и рукописи Новг. Соф. бібліотеки № 1295.

¹⁾ Объясненія слова ви́ла сл. у *Аванасьева*, Новг. возвращенія, III, 153, 182; *Потебни*, О нѣкоторыхъ символахъ въ слав. нар. поэзіи, стр. 122; у него же: Объясненія малорусскихъ и сродныхъ нар. пѣсенъ, стр. 401; *Miklosich*, *Etymol. Wb.*, а. v. *vila*; *Krek*, *Einleitung in die slav. Literaturgeschichte*, 2-е изд., стр. 407, прим. 1: *das Etymon des Wortes ist dunkel.*

²⁾ *Arhiv*, I, с., 96.

³⁾ Сл. относящіяся сюда тексты въ *Тихонравова Летописяхъ* IV, Сивьсь, стр. 82 слѣд. Сл. стр. 88, 89, 92, 94, 96 слѣд.

καὶ Σμελέης κεραυνὸς προκουού-
μενος.

Οὐδέ Ἀφροδίτης πορνικά μυστήρια,
τῆς αἰσχρῶς, ὡς αὐτοὶ λέγουσι, καὶ
γεννομένης καὶ πρωμένης.

Οὐδέ Φαλλοὶ τινες καὶ Ἰθυφαλλοὶ,
αἰσχροὶ καὶ τοῖς σχήμασι καὶ τοῖς
πράγμασιν.

Οὐδέ Ταύρων ξενοχτονίαι, καὶ λα-
κωνικῶν ἐφήβων ἐπιβώμιον αἶμα, ξαι-
νομένων ταῖς μάστιξι, καὶ τοῦτο μό-
νον κακῶς ἀνδριζομένων, οἷς τιμᾶται
θεᾶ, καὶ ταῦτα παρθένος.

Οἱ γὰρ αὐτοὶ καὶ μαλακίαν ἐτίμη-
σαν καὶ θρασυτήτα ἐσεβάσθησαν.

Ркп. ⁴³
1120.

и Сьмелино требокладеніе грому
и мол'ніамъ. (То же въ двухъ дру-
гихъ спискахъ: переводчикъ такъ
объяснилъ себѣ кераυνὸς проску-
νούμενος).

1b. и вилямъ. И ѣ бысть идолъ
Виль нарицаемъ, его же по-
губи Данилъ пророкъ въ Ва-
вилонѣ. — Напечатанное съ раз-
рядкою, очевидно, глосса перевод-
чика; въ двухъ другихъ текстахъ
виды исчезли, осталась лишь
глосса: Виль.

1b. фаликацияже ифаоули чтоутъ
срамныа оуды и кланяютъ имъ
и требы имъ кладоутъ. — И въ
этомъ переводѣ есть элементъ
глоссы; какъ и непосредственно
слѣдующее принадлежитъ южно-
славянскому переводчику: „Ѡ нх-
же писаніи бол'гаре наоуч'-
шеса Ѡ срамныхъ оудъ ис-
текшую сквер'ноу вкоушяють.
рекоуще тако тѣмъ вкоушени-
емъ очищяются грѣси“. Такъ
и въ текстѣ Пансіева сборника;
въ ркп. № 1295 здѣсь пропускъ.

1b. тавер'ская дѣторѣзаніа идо-
ломъ, иже Ѡ пер'венець лакон'-
ская требищпаа кровь просажаетъ
ма ранами, еѡ можоутъ Екадию
богиню, сиѡ дѣвоу мѣнать (Екалія
подсказана слѣдующею далѣе въ
греческомъ текстѣ Гекатой). То же
въ Панс. сборн.; въ № 1295 нѣтъ.

И Мокошь чтоутъ и малакию
и килуу вел'ми почитаютъ, ре-
коуще буакини. — Сл. сборн. Панс.:
и Мокашъ чтутъ і малакию велми
почитають, рекуци бугакини.

Текстъ, очевидно, не понять (*σεβάζονται* понято какъ *εβόραι*) и спутанъ въ переводѣ. Если *буякини* = *δραστής* относится къ малакии, то и здѣсь мы, вѣроятно, имѣемъ дѣло съ глоссой, въ родѣ отиѣченной выше о болгарахъ и обличенія поганскаго брачнаго обряда въ Словѣ Христолюбца по рукописи Новг. Соф. библ. № 1285 ¹⁾). Мокошь остается не объясненною; можетъ быть, позволено предположить, что въ текстѣ № $\frac{48}{1120}$ слѣдуетъ читать *вилу* вм. *килоу* потому, что мокошь и вилы уже встрѣчались намъ въ такомъ именно сосѣдствѣ. Такъ еще въ русскихъ текстахъ слова св. Григорія, въ частяхъ, не отвѣчающихъ подлиннику. Сл. Паис. сборн.: мокоши і вилу; рукопись № 1295: виламъ и мокошьи, мокоши и виламъ; рукопись № $\frac{48}{1120}$: мокоши, виломъ; въ Словѣ святаго отца нашего Іоанна Златоустаго „о томъ како первое погани вѣровали въ идолы“ ²⁾): виламъ и мокоши, оупиремъ и берегинамъ, ихже нарицають три. ѿ. сестриниць“; въ рукописи Моск. Снн. библ. № 954: виламъ и мокошѣ“ ³⁾).

Другое сосѣдство, въ которомъ стоятъ вилы отреченныхъ текстовъ, это—огонь: имъ ставятъ требы, огню молятся. Культъ очага былъ культомъ предка, манъ; это подтвердило бы наше соображеніе относительно значенія вилъ. Въ такомъ случаѣ Мокошь объяснилась бы вмѣстѣ съ ними; въ сѣверно-русскія повѣрья она проникла, подъ названіемъ Мѡкуши, можетъ быть, изъ знакомыхъ намъ обличій, какъ и многое другое, литературное и отреченное. Мѡкуша объявляется въ великомъ посту, ходитъ по домамъ и смотритъ за пряжей; когда спать, и покажется, что веретено урчитъ, говорятъ: Мѡкуша пряла; выходя изъ дома, она иногда пойдетъ да о брусъ-отъ, о полатѣ-то веретеномъ-то и щелкнетъ. Овца, какъ долго не стригутъ шерсти, иногда и вытретъ; ой, говорятъ, Мѡкуша остригла овецъ; порожнія ножницы не оставляютъ, а кладутъ въ нихъ на ночь по клочку шерсти: это—треба Мѡкушѣ. Въ одномъ „худомъ номоканунцѣ“ XVI вѣка духовникъ спрашиваетъ на исповѣди женщину: „Не ходила ли еси къ Мѡкушѣ?“ ⁴⁾. Древняя Мокошь очутилась здѣсь знахаркой, какъ въ одномъ болгарскомъ словѣ по рукописи XVIII вѣка ⁵⁾ въ той же роли являются самовилы.

Слово начинается такимъ образомъ: „Самовилы и бродницы и баал-

¹⁾ Тихомировъ въ *Лѣт.* IV, 1. с. стр. 92.

²⁾ 1. с., стр. 108.

³⁾ 1. с., стр. 86.

⁴⁾ *Е. В. Барсовъ*, Слово о Полю Игоревѣ, I, 360.

⁵⁾ *Качановскій*, Сборникъ западно-болгарскихъ пѣсенъ, стр. 22, 24, 26, 82, 33.

ницы тѣа са антиѣртови оученицы, и конто ходать на ныхъ, на врага се покланаа, и записуе гы врагъ и онъ да са неговни ... а конто ходать на самовили и на бродницы, на магесницы, на залаганѣ, на баанѣ, тѣа всѣ ѿречутсе ѿ Хрѣта ... кон ходать на самовили, и на магесницы, и на баснарки, шни нарицаютсе идолопоклоницы, конто лабѣтъ шлово и който вѣруать на бась на залагане, чародѣаніе, който завезуать звѣри и мѣчки и влѣцы и глѣдатель на звезды, и завезуать младѣнцы ...; или самовили или баснарки или бродницы или биларе, и кой-то носать буранъ на себѣ и тѣа неверни и Идолопоклоницы, ꙗкоже шниа, който се покланаатъ на много бѣгове". Въ другомъ словѣ того же сборника „ради магесницы и самовили и баснарки и залагание и бродницы и бааніе“ списатель или проповѣдникъ говоритъ: „и азъ помногу зѣмли ходихъ, и несамъ видѣлъ толико многу магесницы, кѣто оу тѣа наша зѣмля бългѣрска, и самовилы и бродницы“.

Магесница, баснарка ¹⁾ въ этихъ текстахъ, очевидно, колдунья, чародѣйка; самовилы понаты въ томъ же смыслѣ; вѣроятно, и бродницы, иначе встрѣчающіяся въ значеніи водяныхъ вилъ:

Стоянь е юзелъ две ставни,
 Та е на вода отишелъ,
 На тихи бѣли Дунава,
 Тамъ си завари младъ Стоянь,
 Три жены до три бродници.

Сл. „бродарицу“ вилу на зеленомъ озерѣ въ одной пѣснѣ о Марѣ Краевичѣ ²⁾.

Вилы живутъ не только въ горахъ и воздухѣ, но и въ водѣ, какъ, на оборотъ, ново-греческое повѣрье знаетъ не только морскихъ перендѣ (θαλασσιναῖς), но и горныхъ (βουνισιαῖς). Морская вила упоминается уже въ Троянской притчѣ: „молѣхъ морской вилѣ, да оуставитъ морскыѣ влны“; сл. въ переводѣ хроники Амартола „сврены . . . рекше вилы“ и *vila povodkinja, morska diklica* сербохорватскаго повѣрья. Въ томъ же значеніи встрѣчается и самовила: такъ въ болгарской легендѣ объ Александрѣ Македонскомъ, гдѣ она отнѣчаетъ перендѣ ³⁾; такъ въ болгарскомъ же повѣрьи, гдѣ морская Самовила чередуется съ Юдой Самовилой, то-есть, водною (ѣгда =

¹⁾ У *Дювернуа*, Словарь болгарскаго языка, только „баснарка“: произносящая чародѣйные заговоры, колдунья.

²⁾ *Arhiv*, I. с., стр. 89.

³⁾ *Archiv f. slav. Philol.*, I, 608—611.

латинское unda, литовское wandb, жмудское wundu, undb, wundb, древне-прусское undas; сл. болгарское уда=вода), какъ, напримѣръ, въ слѣдующей болгарской пѣснѣ (Миладиновы № 7):

Брата ти любить морска Самовила

Подъ дърво то седптъ морска Самовила.

Юдо-Самовило! отпусти ми брата.

Бродницы, водныя, морскія вилы, юды-самовилы соотвѣтствуютъ нашимъ русалкамъ, сходясь съ ними не только въ происхожденіи (если мои догадки вѣрны), но и въ приуроченіи.

Интересно еще слѣдующее: водные духи европейскихъ мифологій ¹⁾ отличаются особымъ символическимъ признакомъ, обнаруживающимъ ихъ привязанность къ стихіи: нѣмецкіе нисы узнаются по ихъ лебединымъ и гусинымъ лапамъ, которыя онѣ тщательно прячутъ подъ своими длинными платьями; у русалокъ пальцы на ногахъ соединены перепонкой, какъ у гуся, что заключаютъ по ихъ слѣдамъ, либо у нихъ ноги гусиныя. На оборотъ, у греческихъ nereidy онѣ козлиныя или ослиныя; такъ и сербо-хорватское повѣрье знаетъ вилъ съ козьими ногами и конскимъ хвостомъ: онѣ — дѣвцы, которыхъ Господь наказалъ, такимъ образомъ, за ихъ гордость ²⁾. Обратное развитіе представляетъ типъ средневѣковой Сивиллы: въ мусульманской повѣсти (и вѣроятно, въ ея талмудическомъ источникѣ) царица Валькисъ, вступивъ въ воду, предстала передъ Соломономъ съ ногами, обросшими волосами; такъ и въ коптской легендѣ о Соломонѣ, недавно переведенной Amélineau; въ западно-европейскихъ пересказахъ этого сюжета вмѣсто Валькисъ является, при тѣхъ же обстоятельствахъ, гусеногоя Сивилла; такъ и въ болгарской легендѣ ³⁾, дѣлающей ее дочерью Давида. Viola — вила, обитательница водъ, какъ и русалка, могла отдать свой признакъ—гусиныя ноги, Сивиллѣ-самовилѣ, какъ опредѣлила отчасти и звуковое приуроченіе ея имени.

Предыдущія соображенія вызваны были гипотезой, что вила=viola, въ сущности, маны; но я далека отъ намѣренія объяснить первую въ этой древней, предположительной стадіи ея типа, отраженіемъ

¹⁾ *Leanasseez*, Повѣстическія возвращенія, III, стр. 126, 164, 188; Πολιτης Μελέτη I, 92, 97.

²⁾ *Arktiv*, I, с., стр. 90.

³⁾ Опыты по исторіи развитія христіанской легенды, II, I, 251—252.

одного лишь римскаго имени и вѣрованія, пережившихъ на Балканскомъ полуостровѣ до славянской поры. Въ вилѣ я вижу сложный образъ, въ которомъ римская *viola* слилась съ древнимъ *вѣла = вила. На этотъ разъ я исхожу изъ аналогіи валькирій. Индо-европейскій корень *wel = гибнуть могъ дать такія формы перезвука: *wel*, *wol*, *wēl*, *wōl*; *wol* дало старо-сѣверное *valr*, англосаксонское *wael*, староверхненѣм. *wal* = гибель, сумма погибшихъ, мѣсто гибели (въ бою); отсюда цѣлый рядъ сѣверныхъ представленій и образовъ, древнее значеніе которыхъ недавно раскрыто было Schullerus'омъ ¹⁾. *Valhöll* лишь съ половины IX вѣка стала посмертнымъ жилищемъ героевъ, витязей: въ основѣ это просто палата, обитель усопшихъ, обведенная изгородью, *Valgrind*, о которой не многіе знаютъ (какъ она замыкается; передъ нею рѣка мертвыхъ, *Valglaufr* (*Grimnismál*, 21, 22); Одинъ, какъ властитель Валгаллы, зовется *Valfödr* = отецъ мертвыхъ; половину избираетъ себѣ онъ, другую Фрея (*Grimnismál*, 14); *Valfreja* въ *Njalssaga* гл. LXXIX означаетъ, собственно, госпожу, властительницу надъ усопшими. Я полагаю, что и валькиріи, обительницы *Valhöll*, не выходили первоначально изъ этой сферы представленій и означали не вонительницъ (*Schullerus*), а масть, разыскавшихъ смертную долю, умершихъ, затѣмъ уже опредѣляющихъ судьбу другихъ, главнымъ образомъ, смертную. Перезвукъ *wōl* отразился въ англо-саксонскомъ *wōl - daeg* = *Tag der Pest* (*Groschopp*), старо-верхненѣм. *wuol*: поражение, гибель. Наконецъ, *wēl* дало цѣлый рядъ литовскихъ и латышскихъ отраженій ²⁾: у литовцевъ *welis*, *welionis* мужск. рода — покойникъ, *wel'eī* — души умершихъ людей *wēlės* женск. рода множественнаго числа — *In Samogitien die geisterhaften Gestalten der Verstorbenen und wohl überhaupt geisterhafte Wesen, wie die Laumes; wel'ī welikas* (иначе *wel'anī petnicīa*) — пасха велей въ день великой пятницы. Въ латышскомъ языкѣ *wel'i* = *Geister der Verstorbenen*, *wel'ia laiks*, *gari laiks* — время отъ Михайлова до Мартынова дня, и во всякомъ случаѣ мѣсяцъ октябрь, когда, по народному вѣрованію, души умершихъ ходятъ по землѣ, чтобы получить жертвоприношенія; кромѣ того, въ народныхъ пѣсняхъ употребляется форма *weleni'si* — *die abgeschiedenen Geister*, *wel'eni'ks* = покойникъ, *weli-māte* = мать

¹⁾ *Paul und Braune's Beiträge*, XII, стр. 221 и слѣд.

²⁾ Сл. Литовскій катехизисъ П. Даукиа, по изданію 1595 года вновь перепечатанный и снабженный объясненіями Э. Вольтеромъ (С.-Пб. 1886), Словарь, а. в. *welinas*, стр. 121 и слѣд.; стр. 122—123. Сл. *Вольтеръ* въ журналѣ *вѣстн. отдѣл. вѣнограеин*, 4-го апрѣля, 1886 г., стр. 329.

велей, мертвецовъ, напоминающая сѣверную Valfreya'ю, тогда какъ Vielona deus animarum, если это не измышленіе Ласицкаго, отвѣчалъ бы Valfödur'у. Но мы найдемъ въ латышскомъ повѣр'ѣ и представленіе Valgrind'a: миръ велей—манъ—загробный, загороженный воротами, которыя открываются новичку при посредничествѣ и помощи предковъ, родителей, умершихъ раньше дѣтей. Сл. латышское причитаніе:

Испеки мнѣ, матушка, бѣлый хлѣбъ,
Провожай меня на кладбище!
Будеть чѣмъ угостить дѣтей мертвецовъ,
Которыя отворять ворота велей.

Вели — это предки, „домовые“; обойдя всѣхъ жителей деревни, чтобы пригласить ихъ на свадьбу, невѣста возвращается въ сумеркахъ домой и, подойдя къ дверямъ, причитаетъ; проситъ родителей либо старшихъ въ семьѣ:

Открывайте дверцы велей (вело дуралесь),
Отодвиньте стальные клямки,
Ой пускайте меня, вашу дочь,
Меня дочь вашу слугу.

Это причитаніе указываетъ на извѣстное отношеніе велей-предковъ къ понятію родовой, прирожденной доли. Вели въ самомъ дѣлѣ смѣшиваются съ лаумами, роженицами славянъ, и какъ о лаумахъ говорятъ, что онѣ уносятъ новорожденныхъ, такъ и о веляхъ: если родильница спитъ безъ лучины, придутъ велесъ и обидѣять ребенка.

Чередованіе велей съ лаумами указываетъ на процессъ, одинаково поведшій къ развитію идеи доли въ представленіи вилъ и валькирій; далѣе пути расходятся въ силу особыхъ культурныхъ условій, положившихъ печать воинственности на образъ вилъ и ихъ сѣверныхъ совопросницъ, оставившихъ велей—манами и отнесшихъ въ фантастическую даль обитателей Элизія, Ἠλύσιον πεδίον. Они, вѣроятно, тѣ же маны: *ἦλος (оттуда=ἦλόσιος)—литовское wēlis, славянское *вѣла=вила; Элизій первоначально долина мертвыхъ вообще, не однихъ блаженныхъ. Если мое соображеніе вѣрно, то оно поведетъ насъ къ нѣсколькимъ этимологіямъ по аналогіи: съ сербскаго вилован — *lymphaticus*, виловит *id.* виловѣак = бѣлесан човѣк да су виле у њему—можно сравнить ἦλεος, ἦλος, ἦλίθιος: помѣшанный, непонятный, глупый; и можетъ быть, ἦλι-φάρμακος (растеніе) слѣдуетъ объяснить въ связи съ растеніями, названными отъ вилъ, въ родѣ вилян лукъ (*hyacinthus comosus*), вилино сито (*herbae genus*), виловѣача (*fungi genus*).

Александръ Веселовскій.

КЪ ИСТОРИИ РУССКИХЪ БЫЛИНЪ,

I.

Нѣсколько лѣтъ назадъ академикъ А. Н. Веселовскій указалъ на одинъ бѣлорусскій памятникъ, упоминающій о двухъ богатыряхъ Владимірова цикла—Ильѣ Муромцѣ и Соловьѣ Будимировичѣ и позволяющій думать, что былины Владимірова цикла нѣкогда были хорошо извѣстны въ Бѣлоруссіи. Это—сатирическо-юмористическое произведеніе XVI вѣка, имѣющее форму письма оршанскаго старосты Кмиты Чернобыльскаго къ Остафію Воловичу и помѣченное 1574 годомъ (Южно-русскія былины, I, 61). Мы нашли другой памятникъ, менѣе важный, чѣмъ письмо Кмиты, но тѣмъ не менѣе не лишенный значенія для опредѣленія области распространенія былинь Владимірова цикла въ старое время. Это—статья Румянцовскаго сборника № 358.

Нѣтъ надобности говорить о составѣ этого сборника, давно описаннаго Востоковымъ; можно только замѣтить, что онъ очень разнообразенъ. На первыхъ листахъ сборника мы читаемъ вкладную старца Кириллова Бѣлозерскаго монастыря Исаи, помѣченную 1568 годомъ. Статьи, писанныя тѣмъ же почеркомъ, которымъ писана интересная для насъ статья, заключаютъ въ себѣ рядъ даншихъ, посредствомъ которыхъ можно опредѣлить время и мѣсто ея написанія. Одна изъ нихъ („Родословіе великихъ князей Русскихъ“, л. 206 об. слѣд.) оканчивается упоминаніемъ объ Иванѣ III и его сыновьяхъ—Иванѣ, зятѣ Стефана Волошкаго († 1490 г.), и Васиіи Новгородскомъ (Васиіій объявленъ великимъ княземъ Новгородскимъ въ 1499 г.). Другая перечисляетъ Русскихъ митрополитовъ; здѣсь, послѣднимъ, послѣ

Алексѣя, Діонисія, Пимины, Кипріана и Фотія названъ Герасимъ († 1435 г.). Такимъ образомъ время написанія интересной для насъ статьи можетъ быть опредѣлено началомъ XVI вѣка. Что касается мѣста ея написанія, то, кромѣ упоминанія митрополита Герасима (Литовскаго, а не Московскаго), кромѣ указанія, что Владимиръ Святой сѣлъ „на великомъ княженъи всея земля рускыя и литовскія“, о немъ говорятъ особенности явска: у вмѣсто е и на оборотъ и твердое р вмѣсто мягкаго (течаше у великое озеро, утекла у вѣликое озеро, донти... у варягы, испросиша е нихъ, бяше... две е нихъ сестры; Рурикъ, Игоръ, Игоря, у Выгора, богатыровъ, жероль=жерель и т. п.). Названія особенности, несомнѣнно бѣлорусскія, показываютъ, что статья написана въ Вѣлоруссіи.

Она озаглавлена „О началствѣ рускыя земля“ (л. 175) и есть не что иное, какъ краткая, неуклюжая передѣлка лѣтописнаго разказа. Вотъ ея начало. „Не было на русской земли князей, но ехавши новгородци в немецкую землю, и испросиша в нихъ три братеники: князя Синеуса, Рурика, Труфора, и выведоша на Русь. Сѣлъ убо Рурикъ в Новеградѣ, а Сиябусъ на Белѣ озѣре, а Труфоръ в Ызборску; и родишася отъ Сенеуса князи Низовскія, а отъ Труфора не бысть отрода, а отъ Рурика в Новѣгородѣ родися сынъ — Игоръ князь. И сѣлъ Игоръ княземъ и поятъ себе жону отъ Пскова, именемъ Ольгу. А гдѣ нынѣ градъ Кіевъ, отъ начала не бысть ту града при князѣ Игорѣ. Живущи бяше в то врѣмя на томъ мѣсте, идеже нынѣ градъ Кіевъ; ти — бра(те)ники быша: Кнѣ, Щекъ, Хоривъ, и две в нихъ сестры: Лыбель...¹⁾ И шодъ Игоръ князь, победи три братеника Кнѣ, Щека и Хорива. И оттолѣ заложилъ градъ Кіевъ. И родися у Выгора Святославъ в Новегородѣ. По сихъ убиша князя Игоря дрѣвляне, и еха Ольга въ Царьградъ и крестися отъ патріарха и възвратися на Русь. И родишася у Святослава 2 сына: Оль, Роговолодъ. И бяше въ то врѣмя у Волге ключница девка велики красна. И нача с нею пребывати Святославъ, сынъ Ольгинъ. И родися у Святослава у тоя дѣвщицы князь Володимиръ в Новегородѣ. Князя же Володимера ведоша новгородци в градъ Кіевъ на столъ златъ, и сядѣ Володимеръ во градѣ Кіеве на златомъ столѣ на великомъ княженъи всея земля рускыя и литовскія, и нача обладати отъ моря и до моря. Бысть слава его и гроза на всѣхъ стра(на)хъ. Уби князь Володимиръ 2 брата своя Ольга и Роговолода. И быша у князя Владимера

¹⁾ Другое имя написано: *исп. лмс.*

храбрии вои мнози въ градѣ Киевѣ, и начаша избивати силы великыя половецкія подѣ городомъ подѣ Киевомъ; и оттолѣ начаша боятися цари ординскіа. У князя Володимера было храбрыхъ богатыровъ много; и начатъ ихъ посылати по всѣмъ градомъ и странамъ, послы своя слати во жыды и в тотары и в немцы и во арменови и въ Царьградъ. Тѣ же послы, прихавъ изо всѣхъ вѣръ, исповѣдаша ему, како вѣрують въ Царьгородѣ. Изобра грѣческую православную христьянскую....“

Далѣе разказывается о походѣ Владимира на Корсунь и о крещеніи. Мы не находимъ возможнымъ считать напечатанныя съ разрядкой слова основанными на разказѣ какого-нибудь лѣтописнаго свода, въ родѣ Никоновскаго. По нашему мнѣнію, трудно сомнѣваться, что это извѣстіе о „богатыряхъ“ Владимира Святаго, избивавшихъ „силы великія половецкія“ и заставившихъ бояться „царей ординскихъ“, взято авторомъ статьи изъ бѣлорусскихъ народныхъ пѣсенъ его времени, гдѣ онъ слышалъ, можетъ быть, тѣ самыя подробности объ пораженіи подступившаго подѣ Киевъ войска, которыя извѣстны намъ изъ онежскихъ былинъ объ Ильѣ Муромцѣ и Калинѣ-Батыгѣ, но съ тою разницею, что въ бѣлорусскихъ пѣсняхъ побитые враги именовались не только татарами-ординцами, но и половцами.

II.

Какъ извѣстно, Никоновскій лѣтописный сводъ XVII вѣка въ разказѣ о княженіи Владимира Святаго сообщаетъ нѣкоторое количество свѣдѣній о богатыряхъ Владимира и ихъ подвигахъ. Въ болѣе древнихъ лѣтописныхъ сводахъ эти свѣдѣнія отсутствуютъ, и потому, мы думаемъ, не лишень нѣкотораго значенія разказъ о тѣхъ же богатыряхъ, почти тожественный съ разказомъ Никоновскаго свода, но находящійся въ памятникѣ XVI вѣка.

Это—обширное житіе великаго князя Владимира, написанное при Иванѣ Грозномъ по благословенію и повелѣнію митрополита Макарія и сохранившееся до насъ, если не ошибаемся, только въ одномъ спискѣ—въ іюльской книгѣ Милютинскихъ Четивхъ-Миней (въ Московской синодальной бібліотекѣ). Въ немъ мы находимъ, кажется, всѣ свѣдѣнія о Владимирѣ, какія только могъ найти книжникъ Московскои Руси въ XVI вѣкѣ. Авторъ этого до сихъ поръ неизвѣстнаго произведенія пользуется многочисленными и разнообразными источниками—лѣтописями, хронографами, житіями, твореніями св. отцовъ, народ-

ными преданіями. Въ началѣ, послѣ длиннаго, недурно составленнаго вступленія, онъ помѣщаетъ свѣдѣнія о предкахъ Владимира и о происхожденія ихъ отъ кесаря Августа, въ весьма интересной редакціи (л. 783—784): „Не худа же рода бяху и не незнаема, но паче преименита и славна—римскаго Кесаря Августа, обладающаго всею вселенною и единопачальствующаго на земли во время перваго пришествія на землю Господа Бога нашего Исуса Христа, иже егда нашего ради спасенія изволи родитися отъ безневѣстныхъ и пречистыхъ Приснодѣвы Маріи. Сий кесарь Августъ разряди вселенную братии своей и сродникомъ. Ему же бяше присный братъ, именованъ Прусъ. И сему Прусу тогда поручено бысть властодержество въ берегахъ Вислы рѣки—градъ Мадборокъ и Турусъ и Хвойница и пресловый Гданескъ и инши многи грады по рѣку глаголемую Немось, впадшую в море,—иже и доннѣи зовется Пруска земля. Отъ сего же Пруса сѣмени бяше выше реченный Рюрикъ и братия его. И егда еще живяху за моремъ, и тогда варязи именовавшася и изъ (за)морія имаху дань на Чуди и на Словенехъ и на Кривичахъ“....

Дальше авторъ разказываетъ о путешествіи апостола Андрея по Руси и здѣсь, между прочимъ, сообщаетъ, что когда апостолъ былъ у устья Днѣпра, онъ стоялъ на большомъ камнѣ на берегу моря и молился, что на этомъ камнѣ „воглубинообразились“ ноги Андрея, что онъ остается на прежнемъ мѣстѣ, и что многіе больные мажутся водою изъ впадинъ камня и исцѣляются. Кромѣ того, авторъ упоминаетъ объ оставленіи апостоломъ жезла своего въ Грузинѣ.

Дальше мы находимъ разказъ о разбойникѣ Могутѣ, осужденномъ на смерть, но выпросившемъ у Владимира помилованіе, ушедшемъ къ митрополиту Іоанну для безысходнаго житія въ его домѣ и потомъ показавшемъ много христіанскаго умиленія и смиренія.

Далѣе авторъ помѣщаетъ слѣдующее повѣствованіе о богатыряхъ Владимира (л. 916 сл.): „Дарова ему Богъ и вельможи его премудры и разумны и въ благосовѣтнн дивны, мнози же и сильны и храбростию удалы и нарочиты. Яко же нѣкогда Давидъ царь имѣяше у себе сильныхъ мужъ тридесять и семь таковы мужественны, яко меншему ихъ могущу выйти на сто мужей, вѣщшему же наипаче возможно и противу тысящи братися,—такъ и сей блаженный Владимиръ по благодати Божии имѣяше у себе, яко же выше реченно, мужи храбры и удалы и сильны. Въ нихъ бяше преже реченный Янъ Усмошвецъ, иже убивши исполипа печенѣжанна велика и силна. Тако же дивенъ бяше в побѣдахъ и Рагдай Удамый, иже на брань единъ могий

исходити противу триехъ сотъ сопротивныхъ. Подобно же симъ мужество и храбрость имѣя и Александръ рекомый Поповичъ. Таковъ же бѣ и Малврѣдъ Сильный. Равенъ же мужествомъ и Андрихъ Добрянковъ и нини мнози. Бысть же тогда нѣкто половчинъ, именуемый Володарь. И сей дьяволимъ научениемъ, забывъ многое к себѣ благодѣяние государя своего святаго и великаго князя Владимира, прииде бранию ко граду Киеву съ братомъ си и со многими половцы, яко время удобно усмотривъ своему зломыслию, великому бо князю Владимиру самому не сущу тогда в Киевѣ, но в Переславцѣ на Дунаи. И бысть тогда в Киевѣ смятение великое; но обаче вѣры ради и благодѣяна блаженнаго Владимира, вскорѣ разори Богъ неправедные совѣты безумнаго Володаря, и не токмо не успѣ граду ничто же зло сотворити, наипаче же самъ погибе и прочии с нимъ. На нихже, Богомъ подвижаемъ, изыде нощию выше реченный Александръ Поповичъ, и абие побѣди ихъ, самого же враждотворца Володаря оружию в сѣдѣ сотвори и конечной пагубе предаде; с нимже вкупѣ и брата его низложивъ, и мертва сотвори, и иныхъ множество половець изби, овѣхъ же в поле прогна. Слышавъ же сия, блаженный самодержецъ Владимиръ возрадосая зѣло; велие благодарение воздаваше Богу, на Александра же возложи гривну злату и сотвори его вельможу честна в податѣ своей. И паки потомъ Александръ Поповичъ и Янъ Усмошвецъ, иже убивый печенѣжска исполина, и сия предивна храбра оба вкупѣ, помощію Божію, многи побѣды показаша и многимъ сопротивнымъ одолѣваша. Нѣкогда же множество печенѣгъ избиша и самого князя ихъ Радмана и с трема сыны его живы изымаша и к блаженному Владимиру в Киевъ приведоша“...

Сличеніе житійнаго повѣствованія о богатыряхъ съ разказомъ о нихъ Никоновскаго свода показываеъ, что первое не можетъ быть считаемо оригиналомъ втораго, и что они оба основаны на одномъ и томъ же источникѣ. Авторъ житія, по видимому, ограничился только перефразировкой этого источника да вставкою богатыря Малврѣда, который, безъ сомнѣнія, обязанъ своимъ происхожденіемъ лѣтописному извѣстію о смерти Малфреді.

А. Соболевскій.

РУССКАЯ ГРЕКО-УНИАТСКАЯ ЦЕРКОВЬ ВЪ ЦАРСТВОВАНІИ ИМПЕРАТОРА АЛЕКСАНДРА I ¹⁾.

III.

Греко-униатская церковь подъ управленіемъ князя А. Н. Голицына. Митрополиты Григорій (Жохановичъ) и Иосафатъ (Булгакъ). Усиленіе базилианъ и протесты Брестскаго капитула.

Съ образованіемъ особаго самостоятельнаго высшаго управленія дѣлами иностранныхъ исповѣданій, ввѣреннаго князю А. Н. Голицыну, начинается новый періодъ въ исторіи греко-униатской церкви. Этотъ періодъ характеризуется, съ одной стороны, возрожденіемъ надеждъ базилианскаго ордена къ возвращенію прежняго могущества и вліянія на судьбы русской униі, съ другой—протестами бѣлаго духовенства, особенно Брестскаго капитула.

Брестскій капитулъ, съ устройствомъ котораго мы познакомимся впоследствии, старался поддержать реформаторскіе планы Лисовскаго и такимъ образомъ вступилъ въ упорную и непрерывную борьбу съ базилианскимъ орденомъ. Капитулъ частью представленіями, подкрѣпленными архивными документами, частью же разоблаченіями базилианъ добивался довершенія преобразованій въ церкви, приостановленныхъ не столько событіями отечественной войны, сколько неудачнымъ составомъ высшей духовной іерархіи въ униі послѣ Лисовскаго. Главноуправляющій князь А. Н. Голицынъ, запутавшійся въ интригахъ іезуитовъ, сталъ орудіемъ ихъ усердныхъ послѣдователей—базилианъ, которые сумѣли подогрѣвать въ честолюбивомъ государственномъ сановникѣ эгоистическія мечты и на-

---

¹⁾ Продолженіе. См. юньскую книжку *Журн. Мин. Нар. Пр.* за текущій годъ.

клонность къ мистицизму. Обратный ходъ въ дѣлахъ греко-униатской церкви выразился замѣтно въ 1817 году, когда князь А. Н. Голицынъ былъ назначенъ министромъ народнаго просвѣщенія и духовныхъ дѣлъ, а епископъ Булгакъ возведенъ въ санъ митрополита русскихъ униатовъ. Не скрываемое уже базилианами намѣреніе снова занять въ церковной униатской іерархіи господствующее положеніе, стремленіе провинціаловъ разстроить правительственныя мѣры, клонившіяся къ улучшенію быта бѣлаго духовенства; кичливость и заносчивость настоятеля св. Троицкаго базилианскаго монастыря, а затѣмъ литовскаго провинціала Цезарія Каминскаго и монаха-богослова Маевскаго, открытое потворство базилианскимъ интересамъ митрополита Булгака и Виленскаго епископа Адріана Головни подняли на ноги представителей бѣлаго духовенства въ Виленской и Брестской епархіяхъ и повели къ образованію изъ нихъ коалиціи, вступившей въ открытую борьбу съ базилианами.

Спустя не болѣе полугода послѣ смерти Ираклія Лисовскаго, бѣлое духовенство Брестской и вновь образованной Виленской епархій вошло съ представленіями черезъ свои консисторіи о тяжелой своей участи и просило возвращенія незаконно захваченныхъ базилианами монастырей, нѣкогда принадлежавшихъ свѣтскому клиру. „Базилиане“, сказано въ представленіи Брестской консисторіи отъ 28-го января 1810 г.,— „захватили фондуши бѣлаго духовенства, о чемъ былъ поданъ протестъ духовенствомъ Виленской епархіи еще въ 1776 году. Въ монастыряхъ Черлѣнскомъ, Хомскомъ, Даревскомъ, Лысковскомъ, Рожанскомъ, Волыискомъ, Мирскомъ и Чечерскомъ имѣются приходы, которые прежде управлялись священниками и существовали на счетъ свѣтскихъ приношеній. О томъ, чтобы эти церкви назначались для пребыванія монаховъ въ фундаціяхъ вовсе не упоминается, и не извѣстно на какомъ основаніи они были обращены въ монастыри“. Монаховъ въ этихъ монастыряхъ столь небольшое число, что они подлежатъ упраздненію, согласно постановленіямъ папъ и конституціямъ. Въ буллѣ Иннокентія X, 1652 г., которая начинается словами: „Instaurandae regularis Disciplinae“ опредѣлено уничтоженіе малыхъ монастырей; въ буллѣ Бенедикта XIV, 1744 года, начинающейся словами: „Inter plures“, монастыри, имѣющіе менѣе восьми монаховъ, подлежатъ упраздненію; въ высочайше утвержденныхъ пунктахъ для духовенства римско-католическаго и униатскаго исповѣданій отъ 11-го декабря 1800 г. въ п. 15 опредѣлено: „Епархіальные архіереи не должны давать монахамъ приходовъ въ управленіе, дабы

черезъ то не подавать имъ случая преступить объѣты нищеты, данныя передъ Богомъ⁴. Въ силу такихъ постановленій, консисторія отъ лица бѣлаго духовенства проситъ, чтобы „высочайше назначенный комитетъ о реформѣ базилианскаго ордена, имѣя этотъ вопросъ въ виду, не отнималъ имущества у бѣлаго духовенства“.

Заявленіе Брестской консисторіи епископъ Іосафатъ Булгакъ представилъ во 2-й департаментъ коллегіи при рапортѣ отъ 31-го января съ своимъ заключеніемъ. Основываясь на законахъ римско (sic)-униатской церкви, епископъ проситъ департаментъ защитить бѣлое духовенство отъ притязаній базилианъ и изложенныя въ представленіи консисторіи претензіи (?) представить на рѣшеніе всемиловѣйше утвержденного комитета съ тѣмъ, чтобы поименованныя въ прошеніи базилианскіе монастыри со всѣми фундашами были возвращены бѣлому духовенству, а управление ими вѣрено епархіальному епископу, а не ктитораѣ; доходы означенныхъ церквей должны быть обращены на вознагражденіе заслуженныхъ членовъ кафедральнаго собора (капитульныхъ прелатовъ) и обучающихся въ главной семинаріи юношей¹).

Вслѣдъ за симъ министръ народнаго просвѣщенія графъ А. Разумовскій прерооводилъ во 2-й департаментъ коллегіи поданную ему жалобу Виленской митрополичьей консисторіи и просьбу о возвратѣ свѣтскому клиру приходскихъ церквей, обращенныхъ въ монастыри Раковскій, Кашуцкій и Поставскій, во вновь учрежденной Виленской епархіи.

„Монахи“, пишетъ консисторія, — „отнимаютъ способы униатскимъ мірскимъ священникамъ къ приличному по ихъ сану содержанию, честныхъ мужей бѣлаго духовенства, въ богословіи просвѣщенныхъ, удаляютъ отъ принадлежащей имъ должности, стѣсняя ихъ нищетою“. И далѣе: „Обучающіеся въ главной семинаріи при Виленскомъ университетѣ студенты четырехъ униатскихъ епархій приготавливаются къ занятію должности въ приходяхъ, а между тѣмъ они будутъ оставаться безъ мѣстъ, въ виду того, что базилиане отняли фундаши“.

„Ваша свѣтлость, милостивѣйшій благодѣтель, воззри окомъ милосердія на нищету и притѣсненія унитскаго бѣлаго духовенства и благоволи оное принять подъ свое покровительство и защиту, дабы

¹) См. архивъ, 2-го деп. р.-в. коллегіи. Дѣло 1810 г., Ж 6. Представленіе подписали: председатель консисторіи оециалъ Антоній Тухальскій, ассессоры: Степанъ Горбацевичъ и Брестскій каноникъ Яновъ Клевскій.

вышеупомянутыя приходскія церкви, въ вѣдѣніи базилианъ находящіяся, унитскому бѣлому духовенству со всѣми имуществами, нынѣ при нихъ находящимися, возвращены были⁴⁾.

Жалобы обѣихъ консисторій разсматривались въ департаментѣ коллегіи въ засѣданіяхъ 16-го февраля, 31-го мая, 2-го, 3-го и 7-го іюня 1811 года, и затѣмъ послѣдовала слѣдующая резолюція: „Дѣло это не подлежитъ сужденію коллегіи (sic) и зависитъ отъ верховнаго государственнаго правительства, о чемъ и дать знать епископу Вулгаку и Виленской консисторіи“. Журналъ подписали: Полоцкій архіепископъ I. Крассовскій, ассессоръ Луцкій прелатъ Іоаннъ Гачевскій, ассессоръ Іосафатъ Горбацевичъ (послѣдній отъ Брестской и Виленской епархій).

Замѣчательно, что засѣдатель Іосафатъ Горбацевичъ объ этомъ дѣлѣ подалъ особое мнѣніе, въ которомъ старался доказать неправильность иска своихъ собратій, брестскихъ канониковъ. Вотъ что писалъ Горбацевичъ: Въ одиннадцати названныхъ монастыряхъ, обращенныхъ изъ приходскихъ церквей въ XVII и XVIII столѣтіяхъ (1637—1711), состоятъ теперь 57 монаховъ, числится 484 души крестьянъ, 3 уволокъ земли и капитала на 25,876 руб.; монахи обязаны ежегодно служить 3,547 литургій, но такое количество облигацій не въ состояніи будутъ исполнить приходскіе священники. Между тѣмъ на базилианскихъ монаховъ возложено содержаніе 20 епархіальныхъ семинаристовъ благаго духовенства, ихъ обучать, снабжать ихъ одеждою, пищею и т. п. (вѣроятно, дѣло идетъ о Лаврышевской семинаріи, существовавшей на бумагѣ). Кромѣ того, базилианскіе монастыри Литовской провинціи (въ составъ которой входятъ означенныя 11 монастырей) обязаны платить на содержаніе уніатскихъ клириковъ главной духовной семинаріи ежегодно по 1,211 рублей. Помнится Горбацевичу, что когда, вслѣдствіе указа 12-го іюля 1804 г., предложено было уменьшить число базилианскихъ монастырей, то коллегія опредѣлила, въ случаѣ уничтоженія лишннихъ монастырей, имущество ихъ передать прочимъ базилианскимъ монастырямъ, и такое мнѣніе выстѣ съ дѣломъ отослано въ сенатъ въ началѣ 1805 года.

⁴⁾ Тамъ же. Прошеніе подписали: каноникъ (Брестскій) предсѣдатель консисторіи Илья Мокрицкій, каноникъ (Брестскій) вице-президентъ консисторіи Іосифъ Шидловскій, каноникъ (Брестскій) засѣдатель консисторіи Клементій Косецкій. Вильно мая 11-го дня 1810 г. Илья Мокрицкій, кажется, былъ сыномъ о. Іоанна, подававшего протестацію, о которой мы упоминали выше.

Далѣ представитель интересовъ униатскаго духовенства въ столицѣ дѣлаетъ ссылку на докладъ 27-го іюля 1807 года о базилианскомъ обществѣ, гдѣ въ п. 18 сказано объ образованіи „эдукаціоннаго фондуша“; послѣдній же долженъ быть въ распоряженіи базилианъ; но для разрѣшенія этого вопроса учрежденъ особый комитетъ.

Въ заключеніе своего мнѣнія членъ департамента коллегіи отъ Брестской епархіи приводитъ въ справкѣ постановленія благопріятнаго интересу базилианъ и опускаетъ все то, что должно служить поддержкою петиціи блага духовенства. Такъ онъ ссылается на конституцію 1775 года (до которой не было никакого дѣла русскому правительству); послѣдняя же предписывала оставить въ спокойномъ обладаніи базилианъ всѣ прежнія пожалованія; далѣ онъ указываетъ на трактатъ между Польшею и Россіей, отрицаетъ силу буллы папы Бенедикта XIV (?) и приводитъ п. 10 Замостьскаго собора 1721 года, утвержденаго папою въ 1724 г.: „Соборныя церкви, которыя по фундаціи, или по древнему владѣнію принадлежали монахамъ быть (должны?) ими управляемы, прочіе же священники блага духовенства и настоящій родъ ихъ перемѣняемъ быть не можетъ“. Приведя такіи одностороннія и невѣрныя справки, засѣдатель Іосафатъ Горбачевичъ заключаетъ, что домогательства блага духовенства не согласны съ интересами ордена базилианъ, но полагаетъ однако нужнымъ, въ случаѣ удаленія (?) базилианъ, передать захваченныя ими фондуши бгьлому духовенству, о чемъ и сообщить комитету ¹⁾.

Брестской и Виленской консисторіямъ указомъ 10-го іюня 1811 года дано было знать, что „коллегія въ разбирательство по духовнымъ фондушамъ входитъ не имѣетъ власти“.

Униатскій департаментъ коллегіи рѣшилъ вопросъ вопреки намѣреніямъ императора Александра I, выраженнымъ въ указѣ 1804 года, который въ свою очередь былъ повтореніемъ указовъ 1795 и 1797 годовъ объ ограниченіи числа монастырей въ униатской церкви. Рѣшеніе департамента не согласовалось также и съ буллами папъ Иннокентія X и Бенедикта XIV, требовавшими закрытія мелкихъ монастырей и ограничивавшими общежительство восемью монахами. Журналъ подписанъ однако и архіепископомъ Красовскимъ, столь

¹⁾ Тамъ же. Особое мнѣніе Горбачевича, поданное имъ на другой день послѣ подписанія журнала.

усерднымъ исполнителемъ мѣръ, клонившихся къ ограниченію вліанія базилианскаго ордена въ униі при Лисовскомъ ¹⁾).

Дѣло секуляризаціи монастырей Литовской провинціи было отложено опять въ долгій ящикъ въ угоду епископамъ, всецѣло преданнымъ базилианскому ордену—Булгаку и Головнѣ. Первый дѣйствовалъ уклончиво: въ 1810 году онъ поддерживалъ жалобы духовенства своей епархіи, и по видимому, входилъ въ его интересы; но спустя годъ, назначенный имъ же засѣдатель въ департаментѣ I. Горбачевичъ становится великодушнымъ защитникомъ базилианскаго ордена! Другой, епископъ Головня, просто умылъ руки: онъ предоставилъ Виленской консисторіи самой подать жалобу одному изъ членовъ высочайше утвержденного комитета, графу Разумовскому. Послѣдній точно также отклонилъ отъ себя ходатайство консисторіи. А затѣмъ департаментъ коллегіи въ своемъ рѣшеніи даже и не потрудился объяснить, кто именно долженъ входить въ разбирательство жалобъ униатскаго духовенства...

Митрополитъ Григорій Кохановичъ, обязанный своимъ возвышеніемъ Лисовскому и самъ происходя изъ среды бѣлаго духовенства (онъ былъ вице-офиціаломъ и офиціаломъ въ Полоцкой епархіи при Лисовскомъ), оставался въ Жидичинѣ спокойнымъ и безучастнымъ зрителемъ происходившаго и почти не руководилъ дѣлами своей церкви. Даже и столь энергичный Красовскій, стоявшій на стражѣ бѣлаго духовенства Полоцкой епархіи при митрополитѣ Лисовскомъ, дѣйствовалъ теперь уклончиво.

Все это даетъ намъ нѣкоторое понятіе объ отношеніи іерарховъ и высшихъ правительственныхъ органовъ къ дѣламъ униатской церкви. Сенатъ, главное управленіе духовныхъ дѣлъ иностранныхъ исповѣданій, 2-й департаментъ римско-католической коллегіи и епархіальныя власти не могутъ сладить съ притязательностью монашескаго ордена, владѣвшаго миллионнымъ капиталомъ и множествомъ крѣпостныхъ людей!...

Сенатъ съ 1804 года все еще не успѣлъ собрать свѣдѣній о числѣ монастырей и его фундашахъ въ трехъ униатскихъ епархіяхъ. Голицынъ въ качествѣ главнаго начальника, не заинтересовался даже узнать, почему указъ 1804 года оставался безъ исполненія. Объ этомъ

---

¹⁾ I. П. С. З. Сенатскій указъ, 17-го мая 1804 г.: „Въ виду несообразности числа униатскихъ монастырей“ упразднить малые монастыри, а школы (упраздненныхъ монастырей) принять министру народнаго просвѣщенія“.

указѣ ничего не хотѣлъ звать и членъ коллегіи Горбацевичъ, не бывавшій однако ни постановленій Замостьскаго собора 1721 г., ни польскихъ конституцій 1775 года, вовсе не относившихся къ дѣлу, поднятому консисторіями. Неповятна также роль старшаго члена коллегіи архіепископа Крассовскаго, на которое бѣлое духовенство имѣло основаніе разчитывать, какъ на единственную свою опору...

Рапо было поднимать свой голось Брестскому капитулу, къ которому принадлежали предсѣдатели и члены консисторіи двухъ епархій.

Базиліанскому ордену необходимо было подорвать авторитетъ Брестскаго капитула, возстановленнаго въ 1775 г. епископомъ Молодскимъ и утвержденнаго привилегіями Польскаго короля Станислава Августа 19-го августа 1780 г. ¹⁾.

Въ 1808 г. епископъ Булгакъ актомъ 6-го декабря возстановилъ упадавшій капитулъ, замѣстивъ вакантныя мѣста прелатовъ и канониковъ вновь избранными лицами. Въ 1810 г. въ составъ Брестской епархій вошли церкви упраздненной Супрасльскаго епархій, и тогда же Супрасльскій капитулъ слился съ Брестскимъ. Между тѣмъ, вслѣдствіе возстановленія Виленской митрополичьей епархій, Брестская каедрa лишена была своихъ послѣднихъ фундушей, отошедшихъ на содержаніе епархіальнаго епископа. Предполагалось возстановить Супрасльскую каедрu, передавъ ея фундуши на содержаніе Брестскаго капитула, въ которомъ теперь соединились представители бѣлаго духовенства, бывшихъ четырехъ епархій: Пинской, Туровской и Супрасльской, слившихся вмѣстѣ съ Брестскою ²⁾.

Между тѣмъ членъ Брестскаго капитула Шидловскій, занимая должность вице-предсѣдателя въ консисторіи возстановленной Виленской епархій, рѣшился принять на себя инициативу по возстановленію каедральнаго собора въ Вильнѣ и образованію новаго капитула.

¹⁾ Брестскій капитулъ существовалъ еще въ XVI вѣкѣ. Еще за 10 лѣтъ до введенія униі каедральное русское духовенство называлось капитуломъ, выраженіемъ взятымъ у латыннѣвъ. Многіе акты свидѣлствуютъ о существованіи Брестскаго капитула при Брестскомъ Николаевскомъ соборѣ въ XVII вѣкѣ. Капитулъ, упавшій вслѣдствіе внутреннихъ смуть въ Польшѣ, возстановленъ 14-го мая 1775 г. Его составляли: архипресвитеръ Антоній Корончевскій, архидіаконъ Прибышевничъ, схоластъ Загоровскій, еклезіархъ Хоцевничъ, хартоулакъ Духновскій, канторъ Артецкій. Роль Брестскаго капитула выдвинулась въ слѣдующій періодъ исторіи; поэтому съ его организаціей и составомъ мы познакомятъ читателя подробнѣе въ своемъ мѣстѣ.

²⁾ Архивъ св. синода, 2-го деп. коллегіи. Дѣло 1818 г.: „Актъ Брестскаго капитула“, лл. 10—22.

Съ этою цѣлью въ 1811 году онъ обратился съ ходатайствомъ къ митрополиту Григорію Кохановичу объ утвержденіи его въ званіи Виленскаго каноника, съ назначеніемъ архипресвитеромъ или архидиакономъ. По этому поводу вотъ что писалъ митрополитъ Кохановичъ изъ Жидичина (гдѣ онъ жилъ въ качествѣ Луцкаго епископа) къ Виленскому епископу Адріану Головиѣ отъ 14-го декабря 1811 г.:

„До сихъ поръ не знаю, на какомъ основаніи епископъ Брестскій (Булгакъ) основалъ свой капитулъ и канониковъ, такъ какъ у апостольскаго кардинала Литта я не нахожу установленнаго Брестскаго капитула съ канониками и прелатами, и полагаю, что все это онъ установилъ правомъ обычая; на такомъ же основаніи нѣкоторые брестскіе каноники въ 1809 году переименованы (Лисовскимъ) въ виленскіхъ. Папскія буллы не устанавливали ни прелатуръ, ни канониковъ, а вводили ихъ какъ церковныя отличія (*altare privilegiatum*). Для образованія капитула нужно имѣть высочайшее разрѣшеніе и обладать достаточными фондушами. Самъ Луцкій капитулъ только тѣшится правами и бѣдными фондушами. Прелатуры и каноники свойственны исключительно церкви римско-католической. Но о Брестскомъ капитулѣ не извѣстно—утвержденъ ли онъ? А пока не наступитъ торжественное признаніе его существованія, правъ и фондушей, до тѣхъ поръ и каноники эти существуютъ лишь по праву обычая“¹⁾.

Митрополитъ Кохановичъ въ своихъ объясненіяхъ ошибался. О капитулахъ западно-русской церкви упоминается въ нѣкоторыхъ актахъ еще въ XVI в. Такъ основатели Волчинской церкви, Солтанъ и его супруга Марія, въ актѣ 1586 г. поручили охранять церковныя фондуши „владыкѣ и его капитулѣ“, на правѣ опекуновъ. Соборное духовенство при епископской кафедрѣ всегда имѣло извѣстное отношеніе къ паствѣ: оно составляло совѣтъ епископа, служило ему въ помощь и, какъ установленіе, пользовалось извѣстными преимуществами, правами, обязанностями. Сущность дѣла тутъ не въ названіи, не въ каноніяхъ и прелатурахъ. Вслѣдствіе сосѣдства съ Польшею, послѣ того когда Русская церковь, слѣдовавшая греческому обряду, была соединена съ Римскою въ унию, особенно же во второй поло-

¹⁾ Это оенціальное письмо (на польскомъ языкѣ) привелъ ученый монахъ св. Троицкаго монастыря Тома Маевскій, въ своей статьѣ „О іерархіи, соединенной съ римскою“—*Dzieje Dobrosz.* 1823 г., t. 1. Вавиланскій богословъ въ ней старается доказать, что со времени Замостьскаго собора епископы „для пользы душъ вѣрныхъ“ поручали должности соборныхъ священниковъ бавиланскимъ монахамъ, а не свѣтскому клиру.

винѣ XVII вѣка, многія греческія названія начали замѣнять латинскими, а русскія слова—польскими. Прежнія названія—протопопъ, протопресвитеръ — замѣнены каноникомъ, русское слово священникъ (см. актъ 1586 г.) замѣнено польскимъ словомъ ксендзъ. Въмѣсто „собора“, въ смыслѣ соединенія протопоповъ при епископской кафедрѣ, стали употреблять слово „капитулъ“. Но эти перемѣны въ названіяхъ въ началѣ XIX в. не имѣли мѣста только въ Бѣлорусской (или Полоцкой) епархіи, откуда происходилъ Кохановичъ. При Лисовскомъ соборное духовенство Полоцкой епархіи, архипресвитеръ и протопресвитеры, имѣли однако большое значеніе; благодаря энергіи соборнаго духовенства и содѣйствію протопресвитеровъ, названныхъ потомъ капониками, Лисовскій могъ рѣшиться на реформы обрядовъ въ своей епархіи. Брестскій капитулъ или старшее духовенство, состоявшее изъ 6 прелатовъ и 12 канониковъ, оказывалъ энергическое содѣйствіе въ управленіи епархіи: его члены производили ревизіи, заботились о сохраненіи чистоты обрядовъ, объ образованіи; но епископъ Булгакъ, всю душою преданный базилианамъ, недовѣрчиво и подозрительно относился къ коалиціи соборныхъ протоіереевъ или канониковъ; и не смотря на это, онъ не только подтверждалъ актъ брестскаго капитула 6-го декабря 1808 года, но и постоянно замѣщаль открывающіяся вакансіи прелатовъ и канониковъ вновь избираемыми; фактъ этотъ легко повѣрить по послужнымъ спискамъ прелатовъ и канониковъ Брестской епархіи. Само правительство, учреждая въ 1804 г. штаты уніатскихъ консисторій, опредѣлило замѣщать должности предсѣдателя и членовъ консисторіи— прелатами и канониками. И въ другихъ постановленіяхъ мы встрѣчаемся съ уніатскимъ капитуломъ, какъ съ установленіемъ, признаннымъ русскимъ законодательствомъ въ уніи. Но уніатскіе епископы еще въ XVIII столѣтіи старались, по возможности, устранить вліяніе капитула или старшаго духовенства на дѣла въ своихъ епархіяхъ; подъ давленіемъ базилианскихъ притязаній исчезли соборы или капитулы въ Вильнѣ, Минскѣ, Новогрудкѣ, а вмѣстѣ съ тѣмъ упразднены были въ свѣтскомъ духовенствѣ самыя названія: соборные клирошане, протопресвитеры, протопопы. Имуществомъ соборовъ овладѣли епископы и монастыри. Что же касается до базилианъ, то они въ свѣтскомъ клирѣ допускали только священниковъ или пресвитеровъ, между которыми, по ихъ мнѣнію, могли быть только титулованные протопресвитеры или каноники, отличающиеся отъ священниковъ двустепенными крестами, которые митрополитъ могъ возла-

гать по своей милости не болѣе какъ на 30 достойнѣйшихъ священниковъ во всѣхъ униатскихъ епархіяхъ. Усиленія свѣтскаго клира при епископскихъ кафедрахъ, какъ мы знаемъ, базилиане не допускали, не взирая на буллы папъ Бенедикта XIV и Пія VI и не смотря на императорскіе указы, въ которыхъ опредѣленъ былъ порядокъ управленія дѣлами церкви ¹⁾.

Врестскій капитулъ стоялъ на почвѣ права, а потому и не могъ допустить въ церковной іерархіи отступленій въ угоду базилианамъ.

Въ началѣ 1811 года въ Полоцкѣ состоялось посвященіе въ архіепископы Іоанна Красовскаго, и въ епископы—Адріана Головни и Якова Окелло Мартусевича. Ни митрополитъ Кохановичъ, ни униатскіе іерархи, избранные Лисовскимъ, не успѣли еще ничѣмъ заявить своей дѣятельности на пользу церкви. Между тѣмъ базилианскій орденъ воспользовался политическими замѣшательствами и особенно отечественною войною, чтобы возвратить себѣ утраченное при Лисовскомъ вліяніе на дѣла западно-русской униатской церкви.

Въ Вильнѣ учрежденъ былъ „религіозный комитетъ“, въ составъ котораго, кромѣ магнатовъ и епископовъ латинскаго обряда, вошли слѣдующія духовныя особы греко-униатскаго исповѣданія: Виленскій епископъ Головня, настоятель Троицкаго монастыря архимандритъ Ленартовичъ, консулторъ монахъ Троицкаго Виленскаго базилианскаго монастыря Цезарій Каминскій. Комитетъ, въ которомъ не было ни одного представителя со стороны бѣлаго униатскаго духовенства, обложивъ монастыри и церкви контрибуціей въ пользу Наполеона, составилъ планъ низверженія митрополита Кохановича и архіепископа Красовскаго, указавъ кандидатами на Луцкую и Полоцкую епархіи монашествующихъ базилианскаго ордена, которые, подобно епископамъ Вулгаку и Головнѣ, по происхожденію были поляками, а по исповѣданію, до поступленія въ монашество,—римскими католиками. Эти базилианскіе кандидаты были уже представлены Наполеону и ожидали только своего утвержденія, но французы были изгнаны, и комитетъ исчезъ. „Если все это правда“, такъ писалъ Кохановичъ къ Красовскому 6-го марта 1813 г.,—„то можно сказать, что о насъ хорошо помнили и хорошо заботились. Но благодареніе

¹⁾ Въ буллѣ Бенедикта XIV требуется возстановить значеніе упавшаго свѣтскаго клира и сократить число монаховъ. Пій VI въ буллѣ 6-го марта 1798 г. устанавливаетъ Супрасльскій капитулъ съ двумя прелатами и двумя канониками. Въ императорскихъ указахъ встрѣчаемъ упоминанія о прелатахъ и каноникахъ.

Богу и государю вѣчная слава за побѣду, замыслы нашихъ враговъ разсѣялись и исчезли, и обратися болѣзнь на главу ихъ¹⁾.

Въ отечественную войну пострадали всѣ сословія: широкая полоса Западной Россіи, особенно же Бѣлорусскій край, была разорена, а нѣкоторыя церкви обращены въ развалины; но всего болѣе досталось базилианскому ордену и не столько отъ нашествія непріятеля, сколько отъ его усердія къ врагамъ Россіи. Наравнѣ съ имѣніями польскихъ помѣщиковъ, пострадали монастырскія имѣнія. Нѣкоторые базилианскіе монастыри, преимущественно Луцкой епархіи, оказавшіе явное содѣйствіе непріятелю, были закрыты. Другіе лишились своихъ имѣній, а слѣдовательно, и доходовъ на содержаніе монаховъ. Капиталы нѣкоторыхъ монастырей были растрочены²⁾. Въ донесеніяхъ объяснялось, что многіе монастыри Бѣлорусской провинціи, по бѣдности своей, не въ состояніи были платить незначительной складчины на семинарію. Такъ, по крайней мѣрѣ, оправдывали настоятелей сами епископы. „Крестьяне“, писалъ архіепископъ Красовскій, — „совершенно разорены; имъ необходимо выдавать ссуды лошадьми и припасами, нѣтъ средствъ удовлетворять земскія повинности; монастырскія церкви лишены утвари и украшеній. Платить денегъ на семинарію они не могутъ“. Почти то же самое доносилъ въ коллегію и Луцкій епископъ о монастыряхъ Русской провинціи: „Нѣкоторые изъ нихъ не имѣютъ денегъ на прокормленіе живущихъ монаховъ или же не получаютъ никакихъ процентовъ съ капиталовъ, ввѣренныхъ помѣщикамъ“³⁾. При такихъ условіяхъ правительство нашло нужнымъ сложить съ монастырей, какъ римскихъ, такъ и базилианскихъ, недоимку за три года въ количествѣ 45,000 руб., а это обстоятельство было существенною причиною замедленія къ возобновленію главной духовной семинаріи, закрытой при самомъ началѣ отечественной войны⁴⁾.

¹⁾ Записки Василія Лужинскаго, архіепископа Полоцкаго, *Пр. Собесѣдн.* 1884 г., июль, стр. 254—258.

²⁾ Арх. св. синода. Дѣло 1813 г., № 21, „О растратѣ оундушей Безводкцакаго монастыря“. Часть денегъ, сказано въ одной жалобѣ, растрочена была по случаю прошедшей революціи(?). Жалоба подана въ августѣ 1813 г.

³⁾ Арх. св. синода. Дѣло 1815 г., № 6, на 408 листахъ.

⁴⁾ *Платона Жуковича*, „Объ основаніи и устройствѣ главн. дух. семинаріи при Виленскомъ университетѣ“. Авторъ представляетъ общую картину развитія этого разсѣдника ученыхъ униатствъ, совершившихъ воссоединеніе, касается и матеріальныхъ средствъ; мы дополняемъ его свѣдѣнія новыми фактами.

Возобновленіи главной духовной семинаріи не желало монашество, охотно продолжало нести большія тягости на „народное образованіе“ въ своихъ публичныхъ и приходскихъ школахъ. Департаментъ коллегіи (р.-католической) принялъ сторону монаховъ и, на основаніи доцесенія униатскаго епископа Головни, который осматривалъ семинарію въ 1814 году заочно, когда не было клириковъ, составилъ докладъ о закрытіи главной духовной семинаріи, какъ учебнаго заведенія, вреднаго по своему направленію¹⁾. Пока шла переписка, главная семинарія была восстановлена 24-го сентября 1816 года. Попечитель Виленскаго университета князь А. Чарторыжскій нашелъ соображенія коллегіи неосновательными и доказалъ необходимость и пользу этого лучшаго богословскаго института въ Западной Россіи.

Неудовлетворительный составъ клириковъ, неустройство внутренней жизни и другіе недостатки, замѣченные въ первые годы ея существованія (1806 — 1812 гг.), послѣ ея возобновленія въ 1816 г. были устранены, и въ послѣдующій періодъ дѣятельности, до самаго закрытія въ 1832 г., эта высшая богословская школа получила образцовое устройство, окрѣпла, разцвѣла и стала разсадникомъ главныхъ дѣятелей греко-униатской церкви, занявшихъ мало по малу, какъ увидимъ, согласно съ дѣлами самаго устава, важнѣйшіе посты въ коллегіи (послѣ 1820 года), въ консисторіяхъ, въ епархіальныхъ семинаріяхъ и въ духовныхъ училищахъ.

Когда главная семинарія была вновь призвана къ жизни, когда въ ней преподавали и учились будущіе дѣятели, ученые и подвижники воссоединенія униатовъ съ православіемъ²⁾, греко-униатская

¹⁾ Протявъ возобновленія главной духовной семинаріи былъ и архіепископъ Красовскій. Доноса 2-му департаменту коллегіи о необходимости освободить монастыри отъ платежа складчимъ на главную семинарію въ Вильнѣ и о разстройствѣ Полоцкой семинаріи, ввѣренной его непосредственному надзору, архіепископъ писалъ, что отъ своей епархіальной семинаріи онъ ожидаетъ болѣе пользы, чѣмъ отъ главн. дух. семинаріи. „Туда изъ моей семинаріи посылать не стоитъ, ибо мои семинаристы получаютъ болѣе основательное образованіе въ Полоцкой іезуитской академіи, гдѣ, навѣрно могу сказать, они получаютъ гораздо превосходящее просвѣщеніе въ наукахъ, утвердятся въ благонравіи, въ заповѣдяхъ вѣры“. Архивъ св. синода. Дѣло 1815 г., № 6.

²⁾ Въ первые три года по возобновленіи, въ главной семинаріи воспитывались: Іосифъ Стамашко, Василій Лужинскій (1816 — 1820 гг.) и Антоній Зубко (1818—1823 гг.), главнѣйшіе дѣятели въ періодъ реформъ обрядовъ церкви; Пли-

церковъ находилась въ весьма печальномъ состояніи. Отъ этой семинаріи отрекался Полоцкій архіепископъ, противъ нея интриговали Брестскій и Виленскій епископы и всѣ монашескіе ордена.

По исповѣднымъ книгамъ греко-уніатскихъ прихожанъ послѣ войны 1812 г. числилось уже не болѣе 1.500,000 душъ обоего пола, а именно въ епархіяхъ: Виленской митрополичьей до 291,000, въ Полоцкой—свыше 540,000, въ Брестской — 535,000, въ Луцкой—не болѣе 120,000 д. об. п. Приходское духовенство, котораго благосостояніе зависѣло отъ доброй воли ктиторовъ-помѣщиковъ латинской вѣры, находилось, какъ и прежде, въ совершенномъ уничтоженіи и заговѣ. Но просвѣщенные и энергическіе его представители изъ числа членовъ Брестскаго капитула въ Вильнѣ и въ Жировицахъ не теряли надежды на возрожденіе упавшей церкви и въ этой мысли, съ вѣрою на промыслъ Божій, поддерживали лучшихъ своихъ питомцевъ, воспитывавшихся въ главной семинаріи или слушавшихъ курсъ богословскихъ наукъ въ Виленскомъ университетѣ. Они неотступно слѣдили за происками латинизаторовъ и, не забывая о программѣ Лисовскаго, своевременно выступили съ протестами.

Въ епархіальныхъ семинаріяхъ духовное просвѣщеніе оставалось въ жалкомъ состояніи; только одна Полоцкая, устроенная Лисовскимъ, подавала вѣсти о своемъ существованіи; однако послѣ отечественной войны и она пришла въ совершенное разстройство; она нѣсколько оправилась не ранѣе 1817 года, и тогда въ ней обучалось 74 ученика. Ни греческій, ни церковно-славянскій языки не входили однако въ составъ предметовъ, преподаваемыхъ полоцкимъ уніатскимъ семинаристамъ ¹⁾. Обученіе велось на польскомъ языкѣ; учениковъ очень много занимали латынью, математикой, естественными науками; въ старшемъ классѣ вмѣстѣ съ богословіемъ преподавали метафизику, физику, химію, высшую математикку. По окончаніи шестилѣтняго курса наукъ, ученики поступали для довершенія бого-

---

тонъ Сосновскій (1817 — 1821 г.), навѣстный профессоръ пастырскаго богословія, къ сожалѣнію, умершій при самомъ разцвѣтѣ своихъ силъ (1827 г.). На возобновленіе семинаріи оказали особенное вліяніе профессоры Клонгевичъ и Михаилъ Бобровскій, первый ученикъ перваго выпуска въ 1812 г.

¹⁾ Этому впрочемъ не слѣдуетъ удивляться. И въ греко-російскихъ семинаріяхъ и академіяхъ, въ которыхъ программы и методы обученія заимствованы изъ Кіева, на первомъ планѣ былъ латинскій языкъ. Только съ 1808 г. въ семинаріяхъ введено преподаваніе греческаго языка наравнѣ съ латинскимъ.

словскаго образованія въ Полоцкую іезуитскую академію ¹⁾). Въ такомъ положеніи находилось образованіе униатскихъ семинаристовъ до закрытія Полоцкой іезуитской академіи. Семинарія въ Полоцкѣ во всякомъ случаѣ имѣла подобіе школы и была устроена не хуже латинско-польскихъ и базилианскихъ учебныхъ заведеній въ Бѣлоруссіи. О ней по крайней мѣрѣ заботился епархіальный епископъ, награждалъ преподавателей небольшими окладами—рублей по 100 или 200 ежегодно; но особаго ректора въ ней не было: руководить образованіемъ своего духовенства желалъ самъ архіепископъ Красовскій.

Епархіальныя семинаріи прочихъ трехъ униатскихъ епархій не были устроены. Въ семинаріи Брестской епархіи, которая находилась въ Лаврышовѣ (монастырь близъ Новогрудка) воспитывалось отъ 10 до 15 учениковъ. На содержаніе (одежду, пищу, осѣщеніе, отопленіе) этой семинаріи, вмѣстѣ съ вознагражденіемъ за преподаваніе, расходовалось отъ 400 до 600 руб. въ годъ. Учителями были три престарѣлые базилианскіе монахи на покоевѣ. Курсъ продолжался два года. На польскомъ языкѣ преподавались: богословіе догматическое и нравственное, кантъ (ирмологія) и обряды церковныя. Здѣсь былъ особый ректоръ — базилианскій монахъ. Между тѣмъ на семинарію Брестской епархіи въ разное время завѣщаны были значительныя фондуши. Фондуши эти безслѣдно погибли. Съ 1810 г. новый семинарскій фондъ, составленный изъ части денегъ, вырученныхъ отъ продажи папскаго алуината въ Вильнѣ и изъ завѣщаннаго на Супрасльскую семинарію капитала епископа Духновскаго, доставлялъ ежегодно до 2¹/₂ тыс. руб. дохода, а между тѣмъ на образованіе семинаристовъ для 450 церквей епископъ Вулгакъ полагалъ достаточнымъ удѣлять только четвертую долю. Вулгакъ рѣшилъ, что образованіе для униатскаго священника, не облеченнаго въ монашескую рясу, составляетъ роскошь!...

О Свержанской семинаріи Виленской епархіи изъ официальныхъ источниковъ знаемъ только, что въ ней состояло 4 ученика (а иногда только одинъ) и 3 учителя, тоже изъ числа престарѣлыхъ монаховъ. На устройство ея въ 1743 году пожертвованъ былъ капиталъ въ 74,000 злотыхъ (до 12,000 р.). Сначала въ Свержани полагалось

¹⁾ Архивъ св. синода по 2-му департ. Дѣло 1817 г., № 12 и 13. Въ спискахъ учениковъ встрѣчаемъ Антонія Зубку—въ старшемъ курсѣ и Михаила Шелетина—въ среднемъ классѣ, двухъ будущихъ ректоровъ семинарій—Полоцкой и Жировицкой.

воспитывать 22 семинаристовъ. Семь лѣтъ семинарія продерживалась. Но съ 1750 г. въ теченіе 70-ти лѣтъ наследники завѣщателя князя Радзивилла выплачивали проценты (по 5%) такъ не аккуратно, что образовался долгъ въ 216,499 злот. 23 гроша. Многіе года велась бесплодная тяжба, и въ послѣдствіи фондусъ Свержанскій признанъ безнадежнымъ ¹⁾.

Въ Луцкой епархіи пропали капиталы, завѣщанные на семинарію разными духовными лицами и митрополитомъ Кишкою; поэтому здѣсь не было и епархіальной семинаріи.

Печально было матеріальное и умственное состояніе бѣлаго духовенства въ униатскихъ епархіяхъ, въ которыхъ числилось до 2,000 приходскихъ церквей и до полутора милліона прихожанъ. И большую отвѣтственность передъ потомствомъ несутъ епископы, беззаботно и небрежно относившіеся къ бѣлому духовенству, лишая его источниковъ просвѣщенія въ духѣ греко-славянскаго восточнаго обряда ²⁾.

Совершенно въ другихъ условіяхъ находилось образованіе базилианскихъ монаховъ. По свѣдѣніямъ 1813 г., въ трехъ провинціяхъ, согласно показаніямъ провинціаловъ, состояло монастырей: 85 мужскихъ и 11 женскихъ, и въ нихъ числилось 694 монаха и 115 монахинь. Доходы всѣхъ монастырей простирались до 95,000 руб. одними процентами съ капиталовъ, помѣщенныхъ подъ залогъ имѣній помѣщиковъ латинской вѣры; впрочемъ, значительная часть базилианскихъ капиталовъ, какъ извѣстно, пахотилась подъ тяжбами и не приносила процентовъ. Тяжбами базилианъ съ ихъ кредиторами переполнены были суды всѣхъ инстанцій и 3-й департаментъ сената. Кромѣ процентовъ съ капиталовъ, базилианскіе монастыри пользовались продуктами въ натурѣ съ своихъ населенныхъ имѣній.

Въ каждой провинціи—Бѣлорусской, Литовской и Русской—находились школы двоякаго рода: духовныя и свѣтскія. Духовныя школы были трехъ разрядовъ: новиціаты, для юношей отъ 14 лѣтъ,

¹⁾ Архивъ св. синода по 2-му деп. колл. Дѣло 1820 г., № 19.

²⁾ Въ вѣдѣніи Дрогоичинскаго благочиннаго (Антонія Сосновскаго) состояла школа церковниковъ въ Клецеляхъ при Николаевской церкви. Она существовала болѣе ста лѣтъ и въ бывшей Супрасльской епархіи образовала многихъ священниковъ; теперь, за отсутствіемъ семинаріи, она оказывала большую услугу Брестской епархіи (Холи. мѣсад. на 1867 г. Ст. *Плахида Янковскаю*). Брестскій капигулъ ее поддерживалъ. Въ Жировицахъ обучалось нѣсколько ставленниковъ при консисторіи. Преподавателемъ здѣсь былъ одинъ изъ членовъ Брестскаго капигула. Въ Клецельской школѣ обучали церковно-славянскому языку.

вступающихъ въ монашество, философская и богословская студіи для дальнѣйшаго образованія. Монахами большею частью были лица дворянскаго происхожденія, сыновья родителей латинской вѣры. Карьера монаха начиналась съ 14—16 лѣтъ; пройдя разныя школы, молодой монахъ становился учителемъ въ свѣтскихъ школахъ базилианскаго ордена. Эгихъ учителей монаховъ базилиане постоянно перемѣщали изъ одного монастыря въ другой. Сыновьямъ священниковъ доступъ въ базилианскіе монахи былъ закрытъ. Монахинями были большею частью бѣднѣшія шляхтянки; въ женскихъ монастыряхъ также имѣлись школы или пансіоны для образованія дочерей дворянъ или людей достаточныхъ. Въ базилианскихъ монастыряхъ преподаваніе велось на польскомъ языкѣ. Вездѣ процвѣтали латинская литература и польская поэзія; нигдѣ не считали нужнымъ преподавать церковно-славянскій языкъ. Согласно положенію 1810 г., въ каждой базилианской провинціи въ болѣе значительныхъ монастыряхъ имѣлись свѣтскія публичныя или повѣтовыя школы; нѣкоторыя изъ нихъ были на степени гимназій; почти во всѣхъ монастыряхъ, не исключая архимандричьихъ, были приходскія школы. Кромѣ приходящихъ учениковъ, въ публичныхъ и приходскихъ монастырскихъ школахъ содержалось болѣе или менѣе значительное число немущихъ дворянскихъ мальчиковъ. Въ этихъ общественныхъ школахъ обученіе велось на польскомъ языкѣ. Ни церковно-славянскаго, ни даже русскаго языка въ нихъ не преподавалось. Учителями были исключительно базилианскіе монахи ¹⁾.

Легко судить о направленіи общественнаго образованія въ школахъ, вѣренншихъ попеченію латинизаторовъ монашескаго ордена въ униі; въ публичныхъ школахъ базилиане систематически развивали духъ нетерпимости къ русской народности; въ духовныхъ школахъ они поддерживали фанатизмъ и наклонность монаховъ къ латинизаціи церковнаго греко-славянскаго обряда; послѣдній, по мнѣнію базилианскихъ

¹⁾ О состояніи народныхъ или публичныхъ школъ, устроенныхъ базилианами, мы имѣемъ подробныя свѣдѣнія только о *Русской* провинціи (Волинская, Подольская и часть Кіевской губерніи) за 1813 годъ. Повѣтовыя школы были въ шести монастыряхъ, приходскія въ пятнадцать. Преподавателей базилианскихъ монаховъ—въ повѣтовыхъ школахъ было 37, въ приходскихъ 23. Во всѣхъ школахъ провинціи на иждивеніи монастырей содержалось 110 дворянскихъ мальчиковъ. Архивъ св. синода по 2-му департаменту, 1815 г., № 41. По этимъ даннымъ можно заключить о числѣ подобныхъ же школъ въ Литовской провинціи, гдѣ имѣлось 43 базилианскихъ монастыря.

богослововъ, долженъ состоять въ смѣшеніи обрядовъ греческихъ съ латинскими съ дополненіемъ молитвословія на польскомъ языкѣ. Въ этомъ соединеніи двухъ обрядовъ, полагали базилиане, собственно и должна быть унія! Въ типографіяхъ базилианскихъ, Виленской и Почаевской, въ XIX столѣтіи перестали печатать богослужебныя книги на церковно-славянскомъ языкѣ; напротивъ того, изъ означенныхъ типографій базилиане распространяли повсюду польскіе азбучники и молитвенники. Громадныя монастырскія средства тратились на просвѣщеніе юношества западныхъ губерній въ духѣ польской народности и на духовное образованіе латинниковъ—уніатскихъ богослововъ, проповѣдниковъ и учителей. Только гроши удѣлялись на образованіе священниковъ.

Подъ покровомъ благочестивыхъ монаховъ самыхъ разнообразныхъ оттѣнковъ колонизація населенія Западной Россіи дѣлала громадныя успѣхи ¹⁾. Попечитель Виленскаго учебнаго округа, какъ довѣренный органъ русскаго министерства народнаго просвѣщенія, съ большимъ искусствомъ управлялъ всѣми пружинами колонизаціи и латинизаціи девяти западныхъ губерній. Главноуправляющій духовными дѣлами иностранныхъ исповѣданій князь А. Н. Голицынъ со времени отечественной войны, какъ видно изъ дѣлъ, хранящихся въ архивѣ святѣйшаго синода, безучастно относился ко всему, что дѣлалось въ греко-уніатской церкви; вниманіе его было занято библейскимъ обществомъ, имъ устроеннымъ въ Петербургѣ въ 1813 году, по подобію Лондонскаго и согласно его уставу. Скоро вся имперія покрылась сѣтью комитетовъ библейскаго общества; членами его были многіе православные архіереи, архимандриты, протоіереи и духовныя лица инославнаго исповѣданія—уніаты, католики, протестанты. Директора департаментовъ духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія были секретарями комитета библейскаго общества ²⁾.

¹⁾ Въ римско-католическихъ монастыряхъ сначала было 43 публичныхъ школы для первоначальнаго обученія, потомъ, по проекту Чацкого, думали прибавить еще 48. Всѣ эти школы были орудіемъ пропаганды. Въ монастырскихъ латинскихъ школахъ принимались также и дѣти греко-уніатовъ; ихъ обучали догматамъ латинской вѣры, заставляли ходить въ костелъ и принимать участіе въ богослуженіи. Этимъ способомъ латиняне готовили уніатовъ къ возвращенію. *Tolstoy, Le Cathol. Rom., II, 291. I. P. C. Z. XXVII, № 21089.* Докладъ министра народнаго просвѣщенія, 19-го декабря 1803 года „о заведеніи и содержаніи училищъ“ римско-католическимъ духовенствомъ.

²⁾ О библейскомъ обществѣ, его значеніи и распространеніи даютъ понятіе: *Ильинъ: „Россійское Библейское Общество“, Вѣстникъ Европы на 1868 г.,*

Увлеченій князя Голицына не раздѣлялъ архіепископъ Красовскій. Оставался членомъ 2-го департамента коллегіи, онъ могъ надѣяться занять митрополичью кафедру послѣ смерти Кохановича. Прошло три года, но мѣсто митрополита оставалось вакантнымъ. Булгакъ еще въ 1814 году добивался получить митрополичью кафедру черезъ своего родственника и сосѣда, Слѣпимскаго маршала Пусловскаго: онъ дѣйствительно былъ старше Красовскаго, но послѣдній занималъ кафедру архіепископа Полоцкаго. Красовскій, какъ и многіе другіе пастыри, считалъ библейское общество нечестивымъ франкмасонствомъ, а распространеніе Библии на всѣхъ языкахъ самымъ вреднымъ для церкви и самымъ вѣрнымъ средствомъ къ введенію реформаціи въ Россіи ¹⁾. Въ началѣ 1817 г. митрополитомъ былъ назначенъ не Полоцкій архіепископъ Красовскій, а Брестскій епископъ Булгакъ, и въ концѣ того же года князю Голицыну высочайше ввѣрено управленіе духовными дѣлами и народнаго просвѣщенія. Кабинетъ Голицына, какъ предсѣдателя библейскаго общества, наполнился представителями квакеровъ и масоновъ, лютеранъ и католиковъ, униатовъ и православныхъ; разные сектанты засѣдали рядомъ съ православными священнослужителями и іерархами. Для дѣятельности князя Александра Николаевича въ Западной Россіи почва была подготовлена усердіемъ дворянства и монаховъ. Булгакъ отличался, говорятъ, примѣрнымъ благочестіемъ; но онъ ревностно поддерживалъ друзей своихъ базилианъ. Какъ тонкій иезуитъ, Булгакъ не видѣлъ въ предпріятіи библейцевъ большого затрудненія и надѣялся при помощи князя водворить порядокъ въ униі на свой ладъ, проще сказать, повернуть унию къ латинству. Департаменты министерства народнаго просвѣщенія и духовныхъ дѣлъ съ своими начальниками стали спеціальными органами библейскаго общества и также наполнились масонами и мистиками всякихъ цвѣтовъ и оттѣнковъ. Чинovníки всякой вѣры и національности старались выслуживаться усердіемъ къ веденію дѣлъ библейцевъ. Благочестивый князь покровительствовалъ мечтателямъ, стремившимся къ обновленію внутренняго чело́вѣка и борющимся съ княземъ тьмы; по къ „святому дѣлу“ примѣшивались

Чистовичъ, Исторія перевода Библии на русскій языкъ, 1873 г., *И. Астафьевъ*, „Опытъ исторіи Библии въ Россіи въ связи съ просвѣщеніемъ“, *Журн. Мин. Народн. Просв.* 1888 г., октябрь, стр. 286—320. См. ниже о библейскихъ комитетахъ въ Западной Россіи по новымъ источникамъ.

¹⁾ Записки Василія Лужинскаго, *Православный Собесѣдникъ*, 1884 г., іюль, стр. 260, 261.

человѣческія слабости и заблужденія; князь не допускалъ критики своихъ воззрѣній и дѣйствій; онъ умѣлъ ненавидѣть людей, отпосившихся, подобно архіепископу Красовскому, съ недоумѣемъ и насмѣшкою къ идеямъ моднаго мистицизма. За это архіепископъ Красовскій долженъ былъ оставить столицу и удалиться въ свою епархію.

Первымъ дѣломъ митрополита Булгака послѣ вступленія въ должность предсѣдателя департамента (3-го сентября 1818 года) было распоряженіе о назначеніи въ число униатскихъ членовъ представителя отъ базилианскаго ордена, въ замѣнъ засѣдавшаго отъ Виленской митрополичьей епархіи каноника ¹⁾. Извѣстный фанатикъ и личный врагъ Полоцкаго архіепископа іеромонахъ Мудровичъ избранъ былъ секретаремъ канцеляріи митрополита ²⁾.

Базилианскій орденъ, укрупнившись въ самомъ департаментѣ двумя сфиціальными агентами, имѣя тайныхъ благопріятелей въ министерствѣ и располагая безконтрольно секретными суммами, могъ дѣйствовать теперь съ большею самоувѣренностью; онъ прежде всего позаботился о возвратѣ утраченнаго господства въ униі, старался усиливать вліяніе провинціаловъ и закрыть дорогу къ епископскому сану достойнѣйшимъ прелатамъ блага духовенства.

Съ самаго начала пожалованія митрополитомъ греко-униатской церкви въ Россіи, Булгакъ, почувствовавъ твердую почву въ Петербургѣ, пересталъ хитрить съ брестскими прелатами и канониками и открыто показалъ себя сторонникомъ латинскихъ хищниковъ въ униі. Князь Голицынъ, задумавъ лишить Красовскаго сана Полоцкаго архіепископа ³⁾, тѣмъ болѣе могъ разчитывать на содѣйствіе

¹⁾ Архивъ св. синода по 2-му деп. р.-к. кол., дѣла: 1817 г., № 8, 1818 г. № 33, 1819 г. № 5. Въ указѣ сенату 31-го января 1819 года сказано: „Не признается нужнымъ имѣть засѣдателя отъ Виленской митрополичьей епархіи, но признается нужнымъ избрать архимандрита базилианскаго ордена. Поэтому на мѣсто бывшаго въ свою епархію каноника Фомы Бѣлиновича, избранъ архимандритъ Полоцкой епархіи Аврелій Сулятицкій, который прибылъ въ коллегію 19-го января 1820 года“.

²⁾ Мудровичъ въ 1799 г. былъ приговоренъ къ двухлѣтней епитиміи съ другими монахами за возстаніе противъ власти архіепископа Лисовскаго. Дѣло 1827 г., № 109.

³⁾ *Правосл. Собесѣдн.* 1884 г., июнь, стр. 264. Булгакъ совѣтовалъ архіепископу ускорить свой переездъ изъ Струни въ Полоцкъ „для избѣжанія непріятностей отъ сильныхъ міра сего, мстящихъ ему и ищущихъ его гибели“. Въ отвѣтномъ письмѣ митрополиту Красовскій выразился рѣзко на счетъ Голицына. Іеромонахъ Мудровичъ добылъ это письмо и доставилъ его князю Голицыну. Записки Вислаія Лужинскаго.

Булгакъ, что послѣдняго несравненно болѣе интересовали богатые епископскіе фондуши Полоцкой епархіи, чѣмъ скудные фондуши епархіи Брестской. Нашлись недостойные люди, готовые играть роль доносчиковъ на опальнаго архіепископа.

О своемъ усиленіи въ столицѣ базилиане не замедлили дать почувствовать кому слѣдуетъ въ провинціи; монахи св. Троицкаго базилианскаго монастыря, который въ данную эпоху былъ главнымъ центромъ базилианскаго ордена, не скрывали своего торжества. Въ самомъ городѣ Вильнѣ они относились къ бѣлому духовенству съ высокоуміемъ. Обучавшихся въ главной семинаріи клириковъ монахи св. Троицкаго монастыря преслѣдовали насмѣшками, называли ихъ поповичами. Архіепископъ Лужинскій въ своихъ запискахъ разсказываетъ, что профессора Бобровскаго и клириковъ, въ числѣ которыхъ находились онъ, Лужинскій, и Іосифъ Сѣмашко, когда они явились въ св. Троицкій монастырь съ поздравленіемъ, настоятель монастыря Каминскій назвалъ публично „сказматиками“.

Викарный епископъ Головня поддерживалъ сношенія съ библейцами и масовами и самымъ усерднымъ образомъ содѣйствовалъ базилианскимъ монахамъ въ распространеніи польскихъ книгъ религіознаго содержанія между униатами.

Второй департаментъ коллегіи, по своему образу дѣйствій, не способенъ былъ оказывать поддержку бѣлому духовенству. По смерти митрополита Лисовскаго епархіальные епископы—Булгакъ, Головня, даже Мартусевичъ относились совершенно равнодушно, безучастно къ самымъ вопіющимъ нуждамъ своей церкви. Архіепископъ Красовскій, будучи старшимъ членомъ униатскаго департамента, обращалъ исключительное вниманіе только на свою Полоцкую епархію, уклоняясь отъ разсмотрѣнія возбуждаемыхъ общихъ вопросовъ. Нерѣдко наравнѣ съ другими членами коллегіи, онъ подписывалъ опредѣленія, противныя интересамъ блага духовенства и благоприятныя базилианамъ, если дѣло не касалось его семинаріи или его епархіи. Онъ даже поддерживалъ мнѣніе латинскихъ и униатскихъ монаховъ о необходимости упраздненія главной семинаріи. И тѣмъ не менѣе представители блага духовенства другихъ епархій—Брестской, Виленской, даже Луцкой, никогда не забывали тѣхъ важныхъ заслугъ, которыя были оказаны Красовскимъ для униатовъ при митрополитѣ Лисовскомъ, и спускались къ нѣкоторымъ слабостямъ Полоцкаго архіепископа.

Луцкаго епископа Якова Мартусевича, выдвинутаго Лисовскимъ,

несравненно болѣе беспокоили случаи перехода униатовъ его епархіи въ православіе (что не возбранялось высочайшими указами), чѣмъ систематическое совращеніе униатовъ въ латинство. Мартусевичъ сквозь пальцы смотрѣлъ на настоятелей базилианскихъ монастырей, продолжавшихъ неисправно вносить на семинарію деньги, причитавшіяся по раскладкѣ на Русскую провинцію, не смотря на постоянныя напоминанія ему и понужденія. Такъ, въ февралѣ мѣсяцѣ 1815 г. епископъ Мартусевичъ усиленно жалуется коллегіи на притѣсненія униатовъ греко-россійскимъ духовенствомъ и въ то же время тщательно ограждаетъ отъ отвѣтственности базилианскіе монастыри, которые не платили денегъ на содержаніе униатскаго отдѣла главной семинаріи. Нельзя не изумляться равнодушію Мартусевича къ своимъ обязанностямъ пастыря и распоряженіямъ правительства. Однимъ словомъ, хотя Мартусевичъ принадлежалъ къ составу бѣлаго духовенства, но ставши епископомъ, сдѣлался благопріятелемъ базилианъ, и, подобно Булгаку и Головнѣ, равнодушно относился къ нуждамъ церкви. Это мы видимъ изъ многихъ фактовъ и явленій того времени.

О плачевномъ состояніи духовнаго образованія въ свѣтскомъ клирѣ мы уже говорили. Упомянемъ еще о прогрессивномъ увеличеніи недоимокъ на содержаніе главной духовной семинаріи и о совращеніяхъ униатовъ въ католицизмъ.

Въ 1820 году недоимки со всѣхъ монастырей, какъ униатскихъ, такъ и католическихъ достигли 56,045 рублей. Попечитель Виленскаго учебнаго округа доложилъ министру въ 1821 году, что недоимки означенныхъ монастырей годъ отъ году увеличиваются такъ, что если эта неисправность будетъ продолжаться и впредь, то существованіе самаго заведенія должно прекратиться ¹⁾.

Совращеніе греко-униатовъ въ римскую вѣру составляетъ одно изъ весьма прискорбныхъ явленій въ униі той эпохи и служитъ вѣскимъ доказательствомъ сознательнаго бездѣйствія епископовъ Брестскаго и Виленскаго: о такихъ событіяхъ, какъ о чрезвычайныхъ происшествіяхъ, они даже не считали нужнымъ, какъ слѣдовало, доносить во 2-й департаментъ коллегіи.

До 1804 г. русское правительство смотрѣло на унию, какъ на частицу Римской церкви ²⁾. Совращенія униатовъ въ латинство дѣла-

¹⁾ Архивъ св. синода. Дѣла, начатыя въ 1815 г. №№ 27, 6 и 13.

²⁾ Стоитъ сличить указы по Полному Собранію Законовъ, №№ 17836, 18503, 18733, 18734, 19706, 20053.

лись даже цѣлыми приходами. Римско-католическая коллегія указомъ 9-го сентября 1801 года имѣла дерзость объявить, что „перехожденіе исповѣдниковъ изъ униатскаго (sic) обряда въ римско-католическій, яко заключающій въ себѣ одно и то же исповѣданіе (?), по каноническимъ духовнымъ правиламъ позволительно и высочайшимъ узаконеніямъ не противно“ (sic). Этимъ опредѣленіемъ коллегія нарушала буллу папы Урбана VIII, запрещающую переходъ униатовъ въ латинство. Постановленія Павла I, благопріятныя латинникамъ, были отмѣнены императоромъ Александромъ I въ 1803 году послѣ того, когда въ католицизмъ стали переходить цѣлые приходы вмѣстѣ съ своими священниками. Мы говорили уже о совращеніяхъ греко-униатовъ бѣлорусскихъ, въ губерціяхъ Витебской и Могилевской. Скажемъ теперь о совращеніяхъ греко-униатовъ Брестской и Виленской епархій. Въ католицизмъ былъ совращенъ Заславскій приходъ съ священникомъ Веригою. Оказалось, что католическій ксендзъ Іодко и его викарный, доминиканскій монахъ Новинскій, объявили съ аввона, что отнынѣ будутъ только два вѣроисповѣданія—римско-католическое и православное, и своими обольщеніями увлекли въ латинство 200 прихожанъ униатовъ. Совращенія распространились по Брестской епархіи, но епископъ Булгакъ, вопреки законамъ о церковномъ правительствѣ римско-католической церкви (13-го ноября 1801 года) и указамъ 1804—1807 годовъ, продолжалъ смотрѣть на совращеніе въ латинство, какъ на естественный переходъ въ обрядъ болѣе совершенный. Затѣмъ въ 1807 году (указомъ 25-го октября и. VIII) предписано: перешедшихъ въ католическій обрядъ униатскихъ священниковъ и ихъ прихожанъ возвращать въ унию, и это распоряженіе распространено было на всѣ губерніи отъ Польши присоединенныя. Исполненію таковой высочайшей воли обязаны были содѣйствовать гражданскія власти, но переходить въ благочестіе униатамъ не возбранялось. Здѣсь взглядъ нашего правительства не могъ сходиться съ взглядомъ базиліавъ и униатскихъ епископовъ. Совращенія униатовъ въ католицизмъ продолжались. Вслѣдствіе того сенатскимъ указомъ (іюня 12-го дня 1810 года) предписано 2-му департаменту коллегіи наблюдать за подчиненными, чтобы не было совращеній (униатовъ въ латинство), но не дѣлать препятствій желающимъ принять господствующую вѣру; указомъ же 8-го августа 1810 года разрѣшено униатскимъ священникамъ, перешедшимъ въ латинство до 1799 года, оставаться въ немъ и такую давность считать въ дѣлахъ о преслѣдованіи за совращеніе. Но совращеніямъ не предвидѣлось конца. Въ

1814 году число совратившихся въ латинство уніатовъ въ нѣкоторыхъ уѣздахъ Виленской митрополичьей епархіи ¹⁾ достигло 19790 человекъ, выстѣ съ 16 приходскими церквами и ихъ фундушами и записями, 9 священниками и съ 10 приходами безъ церквей.

Въ 1814 году профессоръ Голяпскій съ секретаремъ Бобровскимъ, по порученію университета, произвелъ ревизію уѣздныхъ и приходскихъ школъ Минской губерніи и былъ пораженъ громаднымъ числомъ греко-уніатовъ, совратенныхъ въ латинство. „Латинскіе священники“, доносила Виленская консисторія 24-го іюня 1814 года, — „большею частью Минской римско-католической епархіи, не только не исполнили именного указа 1807 года и перешедшихъ въ латинскій обрядъ уніатовъ съ вѣдома епархіальнаго епископа Дедерки въ своихъ костіолахъ исповѣдуютъ, приобщаютъ, преподаютъ онымъ требы, но и вновь совращаютъ въ латинскій обрядъ, сочетаваютъ браками, крестятъ новорожденныхъ, хоронятъ умершихъ. Мало того, по сношенію съ ектиторами забираютъ приходскія церкви и приписные къ нимъ фундуши, осмѣливаются вновь посвящать таковыя и называть ихъ костіолами. Всѣ эти дѣйствія латинявъ въ Минской губерніи такъ усилились, что эта губернія останеся скоро безъ церквей и приходовъ. Многократныя и настоятельныя требованія консисторіи и сношенія съ 1810 года остаются безъ всякихъ послѣдствій“ ²⁾.

Это вопіющее дѣло, требовавшее прежде всего энергическихъ дѣйствій епископа Головини, который не доносилъ о совращеніи въ коллегію, пролежало во 2-мъ департаментѣ безъ всякаго исполненія нѣсколько лѣтъ и разрѣшилось указомъ отъ 31-го января 1819 года, коимъ коллегія въ общемъ собраніи обоихъ департаментовъ опредѣлила: произвести разслѣдованіе о перешедшихъ уніатахъ въ латинство депутатамъ, избраннымъ отъ уніатской и римско-католической епархій, при чиновникахъ отъ земской полиціи. Но и чиновники земской полиціи, будучи сами католиками, не оказали никакой помощи уніатскимъ депутатамъ изъ духовенства; духовные же депутаты отъ Минской римско-католической епархіи просто не являлись на мѣсто. „Дѣло не двигается впередъ“, доносилъ предсѣдатель консисторіи прелатъ Лопушинскій; на это донесеніе уніатскій депар-

¹⁾ Не забудемъ, что до 1810 г. здѣсь была Брестская епархія.

²⁾ Архивъ св. синода. Дѣло 1814 г., № 14. Рапортъ консисторіи подписали: офиціаль Ілья Мокрицкій, ассесоры: каноникъ Григорій Бѣлиновичъ и Вареломей Адамовичъ.

таментъ не обратилъ никакого вниманія. Въ послѣдній разъ вопросъ этотъ былъ поднятъ новымъ предсѣдателемъ консисторіи Антономъ Сосновскимъ въ 1828 году. Рядомъ съ преступнымъ бездѣйствіемъ епископовъ Брестскаго, Виленскаго и Луцкаго, при безсиліи консисторій, на представленія которыхъ департаментъ не обращалъ вниманія, развивались библейскіе комитеты и начали возникать тайныя общества. Латино-польская пропаганда работала съ усердіемъ.

Со времени занятія митрополитомъ Будгакомъ должности предсѣдателя 2-го департамента римско-католической коллегіи (3-го сентября 1818 года), въ управленіи дѣлами униатской церкви господствовала совершенная неурядица. Базилианскій орденъ, укрѣпившись въ столицѣ, дѣлалъ быстрые успѣхи на пути склоненія униі къ латинству; бѣлое духовенство, не находя поддержки ни въ коллегіи, ни у униатскихъ епископовъ, видя безсиліе консисторій, приходило въ уныніе. Греко-униатская церковь, казалось, должна была стать жертвою латино-польской интриги. Вся интеллигенція, руководимая Чарторыжскимъ, мечтала о восстановленіи Польши въ ея старыхъ предѣлахъ. Библейскіе комитеты, составленные изъ чиновниковъ подъ предсѣдательствомъ губернаторовъ, развивали ланкастерскія школы для обученія польской грамотѣ. Латинизація церковныхъ обрядовъ въ греко-славянской церкви и ополяченіе молодежи всѣхъ сословій посредствомъ школъ, вѣранныхъ почительности враговъ русской національности, послѣ Вѣнскаго конгресса дѣлала невѣроятные успѣхи. Подъ предлогомъ развитія благотворительности, стали возникать благотворительные комитеты, душою которыхъ были латинскіе монахи и дамы высшаго круга въ Вильнѣ, Новогрудкѣ, Слонимѣ и другихъ значительныхъ центрахъ Западной Россіи. Кассы комитетовъ наполнялись щедрыми приношеніями. Оставалось склонить на сторону латинниковъ только бѣлое греко-униатское духовенство.

Брестскій капитулъ, состоявшій изъ старѣйшихъ или наиболѣе просвѣщенныхъ представителей бѣлаго духовенства Брестской униатской епархіи, не разъ уже вступавшихъ за права своей уничиженной братіи, почувствовалъ серьезную опасность для униі. Въ этомъ хаосѣ общественной жизни не потерялъ головы одинъ только Брестскій капитулъ ¹⁾.

¹⁾ Въ 1819 г. капитулъ составляли: архипресвитеръ Гавриилъ Яковскій, архидіаконъ Ома Восцелловичъ, схолярхъ (схоластъ) Антоній Тупальскій, канторъ Илья Мокрицкій, кустошъ Іосафитъ Горбаченичъ, хуртуларій (канцлеръ)

Брестскіе уніатскіе прелаты и каноники во всеподданнѣйшемъ прошеніи, въ запискѣ министру народнаго просвѣщенія и духовныхъ дѣлъ и въ представленіяхъ въ департаментъ коллегіи изображали смутное положеніе греко-уніатской церкви и указывали на необходимость довершенія реформъ въ церкви, начатыхъ Лисовскимъ, по пріостановленныхъ вслѣдствіе бездѣйствія епархіальнаго епископа и незаконной притязательности базилианскаго ордена. Прошенія капитула подкрѣплены были историческими данными и справками въ архивахъ. По мнѣнію Брестскаго капитула необходимо было: 1) поднять богословское образованіе бѣлаго духовенства, и съ этою цѣлью устроить семинаріи на прочныхъ основаніяхъ; 2) ближайшимъ къ тому средствомъ должна служить секуляризація базилианскихъ монастырей, бывшихъ прежде приходскими; 3) возстановить каедральный соборъ въ епархіи, обративъ Жировицкій монастырь, бывший въ рукахъ базилианскихъ монаховъ, подъ помѣщеніе семинаріи, каедральнаго собора и консисторіи; 4) дать средства на воспитаніе сиротъ, обезпеченіе вдовъ и на учрежденіе школъ для образованія священническихъ дочерей, какъ будущихъ матерей, и для этихъ настоятельныхъ надобностей назначить Тороканскую обитель (Гродненской губерніи Кобринскаго уѣзда), которая искони предназначалась подъ помѣщеніе пріюта для сиротъ духовнаго сословія уніатскаго исповѣданія.

Исходя изъ такихъ положеній—что базилианскій орденъ относится враждебно къ требованіямъ „русской паствы“; что всѣ его усилія направлены къ развитію своего могущества на счетъ фондушей церковныхъ, вслѣдствіе чего греко-уніатскія церкви приведены въ крайнее убожество, а монастыри богатѣютъ; что духовными капиталами провинціалы распоряжаются безконтрольно, не давая отчета даже епархіальному епископу, „котораго окружаютъ не дремлющимъ окомъ“, Брестскій капитулъ въ заключеніе указываетъ на необходимость по-

---

Степанъ Допушинскій; послѣ прелатовъ слѣдовали 12 канониковъ: Феодоръ Будзюловичъ, Григорій Чохрайскій, Петръ Олешкевичъ, Антоній Шиманскій, Михайлъ Бобровскій, Василій Гречко, Сильверстъ Пероцкій; каноники бывшаго Супрасльскаго капитула: Иванъ Красовскій, Василій Маркевичъ, Антоній Основскій и Василій Допушинскій. Подлинный актъ Брестскаго капитула за подписью архипресвитера Янковскаго и другихъ членовъ (за исключеніемъ отсутствовавшихъ) представленъ во 2-й департ. коллегіи чрезъ Брестскую консисторію при рапортѣ 10-го мая 1819 г., за подписью: *А. Тумалскаго, И. Дылевскаго и А. Шиманскаго*. Архивъ св. синода. Дѣло о составѣ капитула 1818 г., № 39, лл. 10—22.

ложить конецъ существующей въ греко-униатской церкви анархіи и неправдѣ ¹⁾. Базиліане, сказано въ протестѣ, забравъ въ свои руки фундуши, вѣкогда принадлежавшіе церквамъ, бѣлому духовенству и семинаріямъ, тщательно вытѣснили изъ церкви образованное бѣлое духовенство, замѣняя народный русскій элементъ иноземцами и инославцами, воспитанными въ Римѣ, Грацѣ, Брунсбургѣ, или католиками, обучавшимися въ римской иезуитской школѣ *de propaganda fide* ²⁾; съ этою цѣлю они разрушили всѣ духовныя семинаріи, предназначенныя для образованія униатскихъ священниковъ изъ туземцевъ, и захватили въ свои руки капиталы и фундуши, назначенныя на соборы и приходскія церкви. Существующія нынѣ яко бы спеціальныя школы для лицъ бѣлаго духовенства въ монастыряхъ Сержанскомъ и Лаврышовскомъ на самомъ дѣлѣ обращены въ пріютъ для отжившихъ свой вѣкъ базиліанскихъ старцевъ, которые обучаютъ вѣсколькихъ ставленниковъ—безъ контроля, безъ системы и определенной цѣли, выдавая аттестаты оплаченные или вымоленные.

Брестская епархія самая обширная, самая богатая выладами завѣщанныхъ фундушей для образованія бѣлаго духовенства, вынуждена теперь Христа ради выпрашивать для своихъ ставленниковъ пріютъ у тѣхъ именно, кто воспользовался достоинствомъ предназначеннымъ на семинаріи. У базиліанъ же существуютъ въ полномъ изобиліи и новиціаты, и богословскіе курсы (*collegium*), и свѣтскія школы (*studia humaniorum*). Владѣя большими капиталами и богатыми монастырскими имѣніями, базиліанскіе монахи пользуются еще выгодами отъ значительныхъ приходоу, ибо за своими обителями они сохраняютъ характеръ приходскихъ церквей, между тѣмъ какъ такое совмѣщеніе и вообще исправленіе мірскихъ требъ строжайше запрещается церковными законами: „сіе дѣло безчестіе есть“, сказано въ номокаонѣ и подтверждено на Римскомъ соборѣ 826 года (8-й канонъ, XVI, 9). Руководясь постановленіями помѣстнаго Замостьскаго собора (1721 г.), базиліане навязывали исключительно изъ своей среды архипастырей, заботливо выговаривая себѣ независимость и самоуправленіе; буллы же папы Бенедикта XIV,

¹⁾ Изъ статистическихъ данныхъ о капиталахъ видно, что на одного базиліанскаго монаха причиталось 461 рубль, между тѣмъ какъ на *оцѣ семейство приходскаго священника* едва только 25 руб. ассигнаціями.

²⁾ Кстати сказать, что, въ Римской школѣ пропаганды получили высшее богословское образованіе: интрополитъ Юсвавъ Булакъ и литонскій провинціалъ Цезарій Каминскій.

упрекавшаго епископовъ въ небреженіи о свѣтскомъ клирѣ и предписывавшаго допускать къ архіерейству неженатыхъ и вдовыхъ священниковъ, беззастѣнчиво отрицали¹⁾.

При этомъ Брестскій капитулъ напоминалъ о закрытіи Виленскаго папскаго алумната, доставившаго въ короткій періодъ своего существованія унитскимъ епархіямъ нѣсколькихъ образованныхъ богослововъ¹⁾, представлялъ факты плодотворной дѣятельности архіереевъ сосѣднихъ епархій изъ блага духовенства, случайно возвысившихся до епископскаго сана. Такъ напримѣръ, Супрасльскій епископъ Духновскій (бывшій членъ Брестскаго капитула) учредилъ семинарію въ Супрасли и пожертвовалъ на нее значительную сумму; Полоцкій архіепископъ Красовскій открылъ семинарскіе фондуши (скрыты, какъ намъ уже извѣстно у базилианокъ.) и содѣйствовалъ учрежденію Полоцкой семинаріи, увеличивъ въ ней до „безпримѣрной цифры“ число казеннокоштныхъ воспитанниковъ, и призрѣвалъ на свой счетъ болѣе 30 семинаристовъ сверхъ комплекта; даже Луцкій епископъ Мартусевичъ, при полномъ отсутствіи фондушей²⁾, открылъ на свой счетъ семинарію на 20 человекъ, обезпечивъ воспитанниковъ полнымъ содержаніемъ.

Протесты Брестскаго капитула встревожили епископовъ и базилианъ³⁾. Впервыхъ, представленія капитула доказывали существованіе въ западно-русской церкви людей, вѣрно понимавшихъ причины гибели „Русской церкви“, которые открыто и честно высказали передъ правительствомъ о беззастѣнчивомъ самоуправствѣ базилианскаго ордена въ уніи; монахи, находя покровительство и у еписко-

¹⁾ Въ продажѣ недвижимости Виленскаго алумната въ 1799 г. обвинялись, какъ мы знаемъ, епископъ Вулгакъ и монахъ *Лешинскій* (бывшій ректоръ). По указаніямъ капитула алумнать въ Вильнѣ существовалъ ранѣе повелѣніи папы Венедикта XVI, отъ 12-го февраля 1753 г. въ буллѣ, начинающейся словами: „*Compendatissimum studium*“, по которой іезуиты обязаны были *возвратить* алумнать уніатамъ. Еще въ 1709 г. базилиане пытались овладѣть деньгами, высылаемыми на его содержаніе.

²⁾ Эти фондуши состояли изъ капиталовъ, завѣщанныхъ на четыре семинаріи.

³⁾ Содержаніе протеста въ статьѣ протоіерея Плавиды Янковскаго: „На рубежѣ. Очерки недавняго и современнаго быта воссоединеннаго духовенства“. *Литовск. епарх. вѣд.* на 1867 г., № 6. *М. Коляловичъ*, а за нимъ *Дилевскій* въ статьяхъ о митрополитѣ Іосифѣ, упоминаютъ вскользь объ этомъ важнѣйшемъ актѣ въ исторіи уніатской церкви XIX стол. Сравни статью *Е. В. Дилевскаго*: *Іосифъ (Сымашко) митрополитъ Литовскій*. 1869. Изданіе *Странника*; *М. Коляловича*: *О почившемъ митрополитѣ Іосифѣ*. 1869. Вообще протесты Брестскаго капитула представляютъ малозначущими...

повъ, и въ столицѣ, и въ коллегіи, были главными противниками въ осуществленію реформъ, намѣченныхъ Лисовскимъ. Вовторыхъ, всякій пунктъ жалобы брестскихъ канониковъ подкрѣпленъ историческими документами, добытыми въ архивахъ; поэтому и всѣ обличенія не могли быть опровергнуты никакими умствованіями базилианъ. Втретьихъ, приведенные въ протестѣ факты раскрыли глубокія язвы, таившіяся въ нѣдрахъ русской униі, по скрываемаыя отъ глазъ правительства, вслѣдствіе господствующихъ злоупотребленій въ іерархіи. Само правительство смотрѣло на униатовъ глазами латинско-польской партіи, официальнымъ органомъ которой были епископы и провинціалы трехъ базилианскихъ провинцій вмѣстѣ съ консултаторами и настоятелями. Брестскій капитулъ, обличая насилія и неправду въ русской униатской церкви, намѣтилъ свою программу реформъ, необходимыхъ для сохраненія униі въ цѣлости и огражденія отъ расхищенія.

На представленія старшаго духовенства князь Голицынъ обратилъ весьма малое вниманіе. Онъ предложилъ въ маѣ 1819 года жалобы разобрать митрополиту, противъ дѣйствій котораго собственно онѣ и были направлены, и удовлетворить желаніе капитула. Князь Голицынъ все болѣе и болѣе втягивался въ мистицизмъ ¹⁾. Не извѣстно, доведенъ ли былъ тогда же протестъ брестскихъ канониковъ до свѣдѣнія императора Александра I, который съ 1803 года неоднократно выражалъ искреннее участіе къ судьбѣ бѣлаго униатскаго духовенства и въ настоящемъ случаѣ, конечно, не оставилъ бы безъ разсмотрѣнія жалобъ духовенства на вопіющія злоупотребленія латинниковъ. Если судить по ходу дѣлъ во второмъ департаментѣ римско-католической коллегіи, то о нуждахъ, выраженныхъ въ протестахъ представителей бѣлаго духовенства, императоръ могъ узнать не ранѣе 1822 года, именно отъ „бѣлаго“ архіерея, послѣ отрѣшенія его отъ управленія Полоцкою епархіей въ ноябрѣ 1821 года. Красовскій, долгое время находясь подъ слѣдствіемъ, въ ноябрѣ 1821 года былъ преданъ суду епископовъ и въ началѣ 1822 года съ высочайшаго соизволенія вызванъ въ столицу ²⁾.

¹⁾ „Слушать проповѣдниковъ“, пишетъ Знаменскій, — „стекались цѣлыя толпы православныхъ людей изъ образованнаго общества высшаго чиновничества; последнее въ угоду Голицыну вѣстѣ съ нимъ усердно вздыхало около ихъ каедръ, плакало и становилось на колѣна“. *Пр. Собесѣдн.* 1885 г., мартъ, стр. 283.

²⁾ Архивъ св. синода. Дѣло 1826 г., № 44. Отрѣшеніе архіепископа Красовскаго отъ Полоцкой епархіи; начато 25-го ноября 1821 г. На 382 листахъ. О

Представленія и жалобы Брестскаго капитула смущали духъ митрополита Булгака. Въ качествѣ епископа Брестской епархіи, онъ хотя отнесся къ жалобѣ съ укоризною, но чувствуя, что дѣло могло принять неблагопріятное направленіе, счелъ необходимымъ предупредить опасность и прежде всего успокоить брестскихъ канониковъ. Руководимый Мудровичемъ и партией, враждебною русской національности, митрополитъ поспѣшилъ въ свою епархію, чтобы остановить по возможности волненіе, успокоить умы и подъ рукою оказать содѣйствіе настойчивому домогательству базиліанъ. Въ концѣ 1819 года (19-го декабря) съ высочайшаго соизволенія Булгакъ выѣхалъ на годъ изъ Петербурга во вѣренныя ему Литовскія — (Вилненскую и Брестскую) епархіи. Проѣздомъ въ Жироницы Булгакъ побывалъ въ Полоцкой епархіи. Во время его отлучки изъ столицы въ коллегію и въ министерство поступили жалобы священниковъ Полоцкой епархіи на архіепископа Красовскаго и его консисторію; священникъ Арматовичъ лично прибылъ въ столицу, не испросивъ дозволенія въ епархіи, съ запасомъ обвиненій своего архіерея; по приказанію князя Голицына второй департаментъ обязанъ былъ выдать ему видъ на жительство въ С.-Петербургу до окончанія дѣла по жалобамъ на епархіальное начальство. Весь 1820 годъ прошелъ въ подготовкѣ матеріаловъ для обвиненія Красовскаго столь желательнаго и для Голицына, и для Булгака; послѣдній въ поѣздѣ возвратился въ столицу, а 5-го декабря 1820 года бѣлорусскій провинціалъ Смыковичъ подалъ митрополиту Булгаку рапортъ съ проектомъ соединенія Бѣлорусской провинціи съ Литовскою для лучшаго устройства монастырей ¹⁾. „Прежде эта провинція не была отдѣлена отъ Литовской и нынѣ“, писалъ митрополитъ въ коллегію, — „исчезла надобность въ раздѣленіи“. Припомнимъ, что въ 1802 году орденскій капитулъ, собранный въ Тороковахъ, признавалъ нужнымъ соединить обѣ провинціи въ одну. Эту опасную затѣю поддерживалъ Булгакъ въ качествѣ Брестскаго епископа. Но постановленіе капитула тогда осталось безъ исполненія, и Булгакъ теперь мстилъ

слѣдствіи и судѣ надъ архіепископомъ Красовскимъ упоминаетъ въ своихъ запискахъ Василій Лужинскій. См. еще дѣла 1820 г., №№ 15, 26, 33, 37. Автору записокъ дѣйствія митрополита представлялись невинными, потому что онъ въ своихъ мемуарахъ руководился личными соображеніями и незнакомъ былъ съ фактами предшешей дѣятельности *младе* базиліанскаго ордена въ Брестской епархіи, какъ мы убѣждаемся изъ дѣлъ архива.

¹⁾ Архивъ св. синода по второму департ. 1821 г., № 8.

Красовскому, за его постоянное противодѣйствіе къ осуществленію замысловъ базилианъ; онъ не могъ простить Красовскому его содѣйствіи къ раскрытію факта растраты фундушей папскаго алузната, за что Булгаку сдѣланъ былъ высочайшій выговоръ. Теперь Булгакъ, возвратившись въ Петербургъ 30-го ноября, нѣкоторое время рапортовался больнымъ, а 28-го января 1821 года приказалъ департаменту войти въ разсмотрѣніе предложенія Смыковича, которое одобрялъ въ виду недостатка въ особахъ способныхъ къ занятію должностей игуменовъ и учителей въ Полоцкой епархіи: „Я это вижу нѣтъ поступающихъ ко мнѣ завлеченій... Молодыхъ базилианскихъ монаховъ приходится посылать въ Виленскій университетъ и поручать ихъ надзору базилианъ св. Троицкаго монастыря, которые не обязаны смотрѣть за ихъ поведеніемъ и усилками (?). Это неудобство (?) не имѣло бы мѣста, еслибы Бѣлорусская провинція соединена была бы съ Литовской (?)“. Второй департаментъ коллегіи указомъ 3-го февраля потребовалъ отъ провинціаловъ доставить свидѣнія о числѣ монаховъ и дать заключеніе консульторовъ. Бѣлорусская консульта сказала, что въ этомъ предпріятіи Смыковича она видитъ „славу и благо базилианскаго ордена и пользу для монастырей Бѣлоруссіи“. Литовскій провинціалъ Каминскій и его консульторы признали единогласно проектъ Смыковича цѣлесообразнымъ. Оставалось знать мнѣніе архіепископа Красовскаго. Въ своемъ извѣстномъ письмѣ къ митрополиту (отъ 6-го марта 1821 года) Красовскій называлъ представленіе Смыковича неприличнымъ домогательствомъ: „дерзкеты апостольской столицы съ утвержденіемъ особой базилианской провинціи Св. Николая находятся въ дѣлахъ коллегіи“. Поэтому онъ считаетъ лишнимъ приводить содержаніе этихъ документовъ, но напоминаетъ митрополиту о прежнихъ распоряженіяхъ и объ указѣ 8-го ноября 1795 года, коимъ число базилианскихъ монастырей ограничивалось 24 и 27 во всѣхъ трехъ провинціяхъ (вмѣсто существующихъ 86). „Въ такомъ положеніи дѣла ваше высокопреосвященство („Sua Excellentia Illustrissima“) прилично ли было провинціалу Смыковичу являться съ такимъ проектомъ, по причинѣ малаго числа духовныхъ лицъ ордена. Провинція Бѣлорусская существуетъ уже 50 лѣтъ и, принявъ въ соображеніе всѣ обстоятельства, нѣтъ причины измѣнять ея положеніе“. Было предположеніе преобразовать базилианскій орденъ, о чемъ составлялъ докладъ министръ народнаго просвѣщенія графъ П. В. Завадовскій вмѣстѣ съ монахами означеннаго ордена, и даже тогда предпологалось имѣть на всю унию

часть сслхiv, отд. 2.

одного генерала и двѣ провинціи,— „но сію стратегию покойный митрополитъ Лисовскій въ своемъ мѣнѣи по высочайшему повелѣнію, на ономъ докладѣ учиненномъ, достаточно открылъ и объяснилъ. и это дѣло высочайше назначеннымъ комитетомъ, въ которомъ я имѣлъ честь присутствовать, окончено въ 1810 году“.

Съ такимъ твердымъ въ своихъ убѣжденіяхъ архіереемъ не было никакой возможности открыто бороться митрополиту, который во всѣхъ серьезныхъ вопросахъ привыкъ дѣйствовать съ уклончивою осторожностью. Ему, однако, во чтò бы ни стало, хотѣлось добиться возвращенія ордену утраченнаго имъ исключительнаго господства въ униі и самому стать твердою ногою въ Полоцкой епархіи, каедрa которой была самая богатая.

Не могли успокоиться также и базилиане: администраторъ Полоцкой епархіи архимандритъ Исаія Шуляковичъ, мечтавшій объ епископствѣ, прислалъ, въ январѣ 1822 года, въ департаментъ рапортъ, въ которомъ, поддерживая проектъ Смыковича и указывая на неправильную будто бы передачу въ пользу Полоцкой семинаріи базилианскаго монастыря (чѣмъ нанесенъ явный ущербъ ордену), представлялъ о затрудненіяхъ въ пріисканіи достойныхъ настоятелей, ректоровъ, учителей классовъ и проповѣдниковъ, вслѣдствіе недостаточнаго числа монаховъ въ Бѣлорусской базилианской провинціи. „Мѣстныя обстоятельства таковы“, заключаетъ Шуляковичъ,— „что я прихожу въ затрудненіе при исполненіи своихъ обязанностей и не могу избрать ректора Полоцкой семинаріи, какъ требуется 5-мъ пунктомъ указа 16-го октября 1806 года“¹⁾.

Потерпѣвъ неудачу съ проектомъ о соединеніи базилианской провинціи, митрополитъ получилъ отказъ и отъ Брестскаго капитула во время пребыванія своего въ своей Брестской епархіи. Брестскій капитулъ въ своихъ отвѣтныхъ пунктахъ держался твердо. Присутствіемъ митрополита въ Жировицахъ въ 1820 году воспользовался Дрогичинскій благочинный, настоятель Клещельской церкви, энергичный членъ Брестскаго капитула Антоній Сосновскій. Онъ надѣялся склонить высокопреосвященнаго на необходимость не только принять болѣе рѣшительныя мѣры для улучшенія быта бѣлаго духовенства,

¹⁾ Архивъ св. синода. Дѣло 1821 г., № 8. Начато 29-го января 1821 г. Прошеніе провинціала Смыковича о соединеніи Бѣлорусской базилианской провинціи съ Литовскою для общей пользы.

но и къ искорененію вкравшихся въ нѣкоторыхъ приходахъ „суетвѣрій“, „нелѣпостей въ молитвахъ“ и вообще къ исправленію церковнаго неустройства ¹⁾). Сосновскій хотя и не получилъ высшаго богословскаго образованія, тѣмъ не менѣе приобрѣлъ отличныя познанія въ законахъ каноническихъ и выдержалъ въ этомъ предметѣ экзаменъ при университетѣ. Кромѣ того, занимался постоянно въ архивѣ Супрасльскаго монастыря, потомъ разбирая церковныя и городскія архивы въ Брестѣ и другихъ городахъ на своей родинѣ — Подлясіи, онъ развилъ опытность въ чтеніи древнихъ русскихъ и славянскихъ рукописей и успѣшно открывалъ цѣнныя для униатовъ документы, относившіеся къ фундушевымъ запискамъ, опредѣленнымъ русскими людьми на содержаніе церковнаго клира, семинаріи и т. п. надобности. Вообще, Антоній Сосновскій былъ хорошимъ знаткомъ исторіи церковной уни. Полагаютъ поэтому, что онъ-то и былъ составителемъ протеста Брестскаго капитула ²⁾). Принадлежа къ составу бѣлаго духовенства бывшей Супрасльской епархіи, Антоній Сосновскій постоянно выражалъ свою горячую заботливость объ улучшеніи положенія семействъ священно-служителей, горячо возставалъ противъ базилианской монополіи въ униатской церкви.

На рапорты Сосновскаго, какъ благочиннаго къ своему епархіальному епископу въ 1820 г. (отъ 26-го мая, за № 59, 2-го іюля за № 37 и 22-го іюля, за № 83), въ которыхъ объяснялось неудовлетворительное положеніе дѣлъ въ нѣкоторыхъ приходахъ и признавалось полезнымъ для устраненія вкраившагося неустройства въ униатской церкви, созвать епархіальный синодъ, митрополитъ отвѣчалъ уклончиво. Въ резолюціи отъ 12-го іюля за № 133

¹⁾ Антоній Сосновскій происходилъ, подобно Красовскому, изъ древнихъ дворянъ Червоной Руси (Холмской области), съ 1801 г. былъ настоятелемъ св. Николаевской церкви въ Клецелихъ (въ 20 верст. къ югу отъ Бѣльска), по должности Дрогичинскаго благочиннаго вступался за неприкосновенность греко-униатовъ, совращенныхъ въ латинство при прусскомъ правительствѣ, былъ членомъ Супрасльскаго капитула, а теперь Брестскаго, имѣлъ отличное знакомство съ древними русскими памятниками и былъ страстно приверженъ къ греческимъ обрядамъ.

²⁾ Мы имѣемъ собственноручную записку Антонія Сосновскаго, въ которой напечатаны доказательства, основанныя на архивныхъ документахъ на всѣ пункты протеста Брестскаго капитула. Къ сожалѣнію, множество документовъ собраныхъ членами Брестскаго капитула, хранившихся въ Литовской консисторіи, сгорѣло въ 1836 году. Что Сосновскій могъ быть редакторомъ протеста, можно судить по свойственной ему одному манерѣ изложенія оцінальныхъ бумагъ.

высокопреосвященный не признавалъ нужнымъ собирать синодъ (соборъ помѣстный), но полагалъ достаточнымъ ограничиться донесеніями въ консисторію съ показаніемъ, въ какихъ именно приходяхъ люди употребляютъ вмѣсто обыкновенныхъ молитвъ иныя суевѣрныя. Не трудно догадаться, откуда распространились „суевѣрія“, возмущавшія русскаго греко-уніата, приверженнаго къ старицѣ.

Благочинный Сосновскій рѣшился подать прошеніе на Высочайшее имя во второй департаментъ коллегіи. Основываясь на постановленіяхъ: во первыхъ, Замойскаго уніатскаго синода (1721 г.), гдѣ въ п. 6-мъ о „епископахъ“ сказано, что на благочинныхъ возлагается обязанность наблюденія о собраніи синода, въ случаѣ злоупотребленій или безпорядковъ въ приходяхъ, и вовторыхъ, Кіевскаго провинціального синода 1620 года, обратившаго вниманіе на строеніе церкви, Сосновскій просилъ распоряженія департамента о созваніи епархіального синода для удовлетворенія настоятельныхъ нуждъ церкви: „Я посылалъ епископу копіи съ фанатическихъ молитвъ и пѣснопѣній, практикуемыхъ въ нѣкоторыхъ приходяхъ, и объяснялъ, что только въ собраніи синода могутъ быть обстоятельно выяснены всѣ нужды церкви... Но преосвященный Булгакъ въ своей резолюціи ограничился указаніемъ на присылку въ консисторію донесеній. Такое средство, по моему мнѣнію, недостаточно для устраненія укоренившагося зла; притомъ одними донесеніями въ консисторію не возможно оказать помощи всѣмъ нуждамъ цѣлой епархіи, да и подобный способъ сношеній несогласенъ съ церковною практикою и можетъ открыть лишь двери для личныхъ притязаній. Между тѣмъ къ созванію синода имѣются и другіе поводы: 1) Нѣкоторые священники въ епархіи не имѣютъ пристанища и для содержанія своего и своего семейства должны собирать милостыню. 2) Священническія вдовы остаются безъ всякой опеки, а это обстоятельство даетъ поводъ къ неприличіямъ. 3) Сироты духовныхъ лицъ не имѣютъ никакихъ средствъ для образованія и даже лишены пристанища, оттого многіе изъ нихъ обращаются въ празднопатающихся. 4) Между тѣмъ средства для образованія имѣются въ епархіи; для этой цѣли назначены фупдуши Тороканскаго монастыря, какъ постановлено Кобринскимъ синодомъ (1626 г.), предписаніями Сигизмунда III короля Польскаго и Петра Великаго (въ регламентѣ). 5) Проектируемый планъ устройства епархіальной семинаріи, между тѣмъ, въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ противенъ церковнымъ канонамъ Тридентскаго

собора и несогласенъ съ Высочайшими указами. 6) Въ этомъ проектѣ не исчислены всѣ источники семинарскаго фондуша, которые открыты однако необходимо для достиженія цѣли просвѣщенія духовенства и все это необходимо провѣрить. Самъ епископъ Булгакъ, созывавшій однажды, въ 1810 г., епархіальный синодъ, едва ли можетъ отрицать необходимость вторичнаго его созыва. Сношенія же съ консисторіей повели бы только къ интригамъ и проволочкамъ ¹⁾.

Едва ли Сосновскій могъ ожидать успѣха въ департаментѣ, въ которомъ предсѣдательствовалъ Булгакъ, имѣя сторонниками своимп архимандрита Аврелія Сулятицкаго, члена отъ базилианскаго ордена, и прелата схоласта Кирилла Сѣроцінскаго, члена отъ Лудкой епархіи, извѣстнаго фанатика. Своимъ прошеніемъ, которое можетъ служить дополненіемъ къ протесту Брестскаго капитула, Сосновскій напоминалъ своимъ собратьямъ по коллегіи о тѣхъ жгучихъ вопросахъ въ греко-униатской церкви, разрѣшеніе которыхъ откладывать долже было, по мѣстнымъ соображеніямъ, не безопасно. Упоминаемый въ прошеніи Сосновскаго планъ устройства епархіальной семинаріи (въ п. 5) въ Супрасльскомъ монастырѣ (а не въ Жировицкомъ) былъ составленъ во время пребыванія митрополита Булгака въ Жировицахъ подъ диктовку и въ интересахъ базилианскаго ордена. Владѣя большими капиталами, располагая безконтрольно, по своему усмотрѣнію, секретными суммами, орденъ никогда добровольно не пожертвовалъ бы частью своихъ фондушей на устройство семинарій и на улучшение быта бѣлаго духовенства. Необходимо было побудить правительство принять на свое пощеченіе заботу о доставленіи приличнаго и сообразнаго съ достоинствомъ духовнаго лица содержанія и обезпеченія въ нуждахъ жизни и упрочить способы для духовнаго образованія.

Но старыя вопросы—о семинаріи, о каедрѣ, о пріютахъ и о другихъ нуждахъ греко-униатской церкви—при Голицынѣ не находили себѣ поддержки въ департаментѣ коллегіи и въ министерствѣ ²⁾.

¹⁾ Архивъ св. синода по 2-му департаменту. Дѣло 1820 г., № 41 „О возникновеніи въ народѣ суевѣрій и о собраніи епархіальнаго синода“.

²⁾ Для подкрѣпленія своихъ объясненій о нуждахъ церкви, Сосновскому понадобились какіе-то документы изъ архива брестской консисторіи. Консисторіи резолюціей 13-го мая 1820 г. не разрѣшила ему сдѣлать справки; Сосновскій обратился съ жалобой во 2-й департаментъ. Отказать въ такой бездѣлицѣ не было основанія, искать необходимые документы было разрѣшено подъ надзо-

Черезъ полтора года послѣдовало опредѣленіе 2-го департамента на жалобу Сосиовскаго: „предоставить все это дѣло власти епархіальнаго епископа“ (журн. 26-го іюля 1822 г.).

Стремленія представителей бѣлаго духовенства Брестской епархіи къ возстановленію чистоты греко-славянскаго богослуженія, къ поднятію и расширенію духовнаго образованія, къ улучшенію общественнаго быта убогаго духовнаго сословія были достигнуты другими путями, противъ воли и безъ содѣйствія епархіальнаго начальника.

Въ концѣ 1821 года, по предложенію Голицына, болѣе года собиравшаго свидѣнія для обвиненія непокорнаго архіепископа, состоялось высочайшее повелѣніе о преданіи его суду, и въ началѣ 1822 г. Красовскій, въ качествѣ подсудимаго, получилъ дозволеніе прибыть въ Петербургъ. Черезъ нѣсколько недѣль послѣ своего пріѣзда въ столицу, архіепископъ получилъ аудіенцію у государя, на которой представилъ ему продѣлки базилианскихъ монаховъ въ уніатской церкви, объяснилъ, что базилиане, соединясь съ латино-польскою партіей, подъ покровомъ благопріятствующихъ имъ епископовъ, имѣютъ вездѣ себѣ поддержку и парализуютъ всѣ предначертанія правительства, разказалъ о продолжающихся бѣдствіяхъ бѣлаго духовенства, которое не находитъ себѣ защиты ни въ министерствѣ, ни въ коллегіи, ни у епархіальныхъ начальниковъ, о томъ, что враждебная партія бѣлому духовенству выставила уже двухъ кандидатовъ на Полоцкую епархію: первымъ — архимандрита Полоцкаго Борисоглѣбскаго монастыря Шуляковича, администратора Полоцкой епархіи, вторымъ — іеромонаха Мудропича, секретаря канцеляріи митрополита Булгака, о чемъ заготовляется уже и докладъ ¹⁾.

ромъ архиваріуса. Архивъ св. синода. Дѣло 1820 г., № 22. Департаментъ коллегіи дѣлалъ уступку въ мелочахъ, а дѣла первостепенной важности оставлялъ по нѣскольку лѣтъ безъ рассмотрѣнія!...

¹⁾ Записки архіепископа Лужинскаго. *Правосл. Собесѣдн.* на 1884 г., іюнь, стр. 268 и 269. Авторъ смѣшиваетъ бѣлое греко-уніатское духовенство съ православіемъ; стараясь выгородить митрополита Булгака, Лужинскій всю накипѣвшую на базилианъ личную злобу, обращаетъ исключительно на Шуляковича. Известно, что Лужинскій во время производимаго суда надъ Красовскимъ находился при немъ въ качествѣ секретаря (1822—1824 г.) и потому могъ хорошо замѣтить, къ чему уже склонялся въ это время уніатскій вопросъ. Известно, что въ это время въ Петербургѣ все болѣе и болѣе обозначалась партія враждебная библейскому обществу, и увеличивалось значеніе людей, приверженныхъ къ старинѣ, къ святости церковно-славянскаго текста.

Аудіенція ли Красовскаго раскрыла императору козни враговъ русскаго духовенства и интриги вѣрныхъ слугъ латино-польской партіи, или другими путями дошло до государя свѣдѣніе о современныхъ явленіяхъ въ греко-униатской церкви, во всякомъ случаѣ были серьезныя причины, которыя побудили Александра I отдать рѣшительное приказаніе министру духовныхъ дѣлъ князю Голицыну о неотлагательномъ приведеніи въ исполненіе высочайшихъ указовъ по упраздненію нѣкоторыхъ базилианскихъ монастырей и учрежденію духовныхъ училищъ. Въ первыхъ числахъ сентября 1822 г. 3-й департаментъ сената потребовалъ изъ униатскаго департамента копию съ высочайшаго именнаго указа 1797 г., давшаго Беклемишеву — объ упраздненіи излишнихъ базилианскихъ монастырей, а 23-го сентября послѣдовало предложеніе министра духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія князя А. Н. Голицына 2-му департаменту римско-католической коллегіи о неотложномъ окончаніи дѣла, помѣченнаго къ разрѣшенію еще въ 1805 г.: „2-й департаментъ, находясь въ нынѣшнемъ отдѣльномъ составѣ 16 лѣтъ, могъ собрать точнѣйшія свѣдѣнія о состояніи базилианскихъ монастырей и о нуждахъ вообще униатскаго духовенства“. По 2-й департаментъ, какъ увидимъ, застигнутъ былъ врасплохъ: въ немъ не было собрано свѣдѣній, какія полагалось собирать по регламенту 1801 года.

Были весьма серьезныя причины, побудившія императора Александра I выразить лѣтомъ 1822 г. свою рѣшительную волю о немедленномъ приведеніи въ исполненіе его намѣренія улучшить бытъ и положеніе низшаго греко-униатскаго духовенства. Какія были причины измѣненія политики по отношенію къ обширной западной окраинѣ Россіи, даетъ отвѣтъ исторія послѣднихъ лѣтъ его царствованія. Одною изъ причинъ было возстаніе грековъ, несчастная участь которыхъ подъ владычествомъ мусульманъ, какъ и участь южныхъ славянъ, нашихъ единовѣрцевъ, была предметомъ заботъ благочестиваго настроенія императора. Греко-униаты, по вѣрѣ, были тѣ же греки, какъ выразился однажды Лисовскій. Получались донесенія о существованіи явныхъ и тайныхъ обществъ, которыя вмѣстѣ съ развитіемъ латино-польской пропаганды, поддерживали и питали въ молодежи преступныя идеи о возстановленіи „старой Польши“, объ отторженіи къ Польской коронѣ всей страны, составлявшей Виленскій учебный округъ. Недавно, въ 1818 году, облегчена была участь крестьянъ западныхъ губерній, положеніе которыхъ стало невыноси-

мымъ отъ притѣсненій латино-польскихъ владѣльцевъ, которые удерживали ихъ на работахъ подъ разными неблаговидными предлогами. лишали ихъ способовъ продовольствія, налагали на нихъ жестокія наказанія и т. д. Сама логика вещей вызывала необходимость облегченія и участи бѣлаго униатскаго духовенства, о печальномъ положеніи котораго, послѣ ряда голодныхъ лѣтъ въ той странѣ, доходили вѣсти въ столицу. Бѣлорусскіе священники, а не только одни крестьяне, питались хлѣбомъ изъ ржи съ примѣсю дубовыхъ жолудей или древеснаго мха!...

Петиціи Брестскаго капитула и докладъ архіепископа Красовскаго о тяжкихъ условіяхъ быта бѣлаго духовенства греко-униатской церкви, о неравномѣрномъ распредѣленіи фундушей между базилианами, нерѣдко утопавшими въ роскоши, и священниками, обремененными семействами, когда все имущество священника ограничивалось 36-ю десятинами земли (на причтъ), о недостаткахъ средствъ духовнаго образованія, объ упадкѣ монашеской дисциплины—приводили къ одному и тому же выводу—къ неустройству греко-униатской церкви, а слѣдовательно, къ необходимости положить конецъ беспорядкамъ въ уни. Въ промежутокъ времени, отъ окончанія Лайбахскаго конгресса (въ маѣ 1821 г.) и до поѣздки на новый конгрессъ въ Веронѣ (въ августѣ 1822 г.) (а эти конгрессы собирались для противодѣйствія опаснымъ замысламъ тайныхъ обществъ въ Европѣ), государю были уже извѣстны успѣхи польской пропаганды между русскими прихожанами въ западныхъ губерніяхъ; до него доходили недобрія вѣсти объ успѣхахъ тайныхъ обществъ на всемъ пространствѣ Виленскаго учебнаго округа ¹⁾. Многіе симптомы ясно обнаруживали, что скорое разрѣшеніе униатскаго вопроса, сущность котораго могла уже достаточно выясниться въ правительственныхъ сферахъ, становилось дѣломъ политической необходимости.

Въ этомъ читатель убѣдится изъ ближайшаго рассмотрѣнія состоянія и направленія просвѣщенія въ странѣ и положенія русской греко-униатской церкви послѣ изгнанія іезуитовъ изъ Полоцка въ 1820 году.

III. Бобронскій.

(Продолженіе слѣдуетъ).

¹⁾ Императоръ Александръ посѣтилъ Вильну лѣтомъ 1822 г. (вѣроятно, въ августѣ); 7-го сентября онъ прибылъ въ Вѣну, а 4-го (16-го) октября въ Верону. Ко времени пріѣзда государя въ Вильну приняты были весьма строгія полицейскія мѣры, и тогда же, какъ обнаружено слѣдствіемъ, прекратили свое существованіе тайныя общества студентовъ.

ПЕТРЪ ВЕЛИКІЙ ВЪ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРѢ.

(Опытъ историко-библиографическаго обзора).

Около двухъ столѣтій отдѣляютъ насъ отъ преобразовательной дѣятельности Петра Великаго, но мы какъ будто все еще стоимъ подъ обаяніемъ этой эпохи и, переживая ее, не въ силахъ отнестись къ ней вполне спокойно и объективно. Духъ Петра точно еще вѣетъ среди насъ, и самъ царь не успѣлъ стать вполне историческою личностью. Дѣйствительно, это не Иванъ III, не царь Грозный, даже не Алексѣй Михайловичъ, такъ близко по времени стоящій къ преобразователю: только что названные государи отошли для насъ такъ далеко, что мы можемъ говорить о нихъ, выражаясь словами поэта, ихъ „добро и злу внимаю равнодушно“. Не таковъ Петръ: его „добро“ слишкомъ еще ощутительно; отъ его „зла“ все еще, минутами, трудно дышется. Великій императоръ ребромъ поставилъ вопросы, которые мы и до сихъ поръ окончательно не рѣшили, и волей-неволей живемъ мы въ томъ обиходѣ понятій и практической дѣятельности, каковой впервые былъ выясненъ только при немъ.

Но именно эта-то насущность и жизненность вопроса и вызываетъ всевозможныя усилія для правильнаго и возможно безповоротнаго его рѣшенія. Нельзя сказать, чтобы ничего не было сдѣлано въ этомъ направленіи: время отъ времени публикуются изслѣдованія, еще чаще—очень цѣнные матеріалы, но въ будущемъ работа предстоитъ еще не малая: потребуются осмыслить всѣ эти матеріалы, добавить ихъ новыми и связать въ одно цѣлое представленія, донхѣй остающіяся пока отрывочными и мало выясненными.

Но такая работа не исключаетъ, конечно, и ретроспективнаго

взгляда на пройденный путь. Знакомство съ тѣмъ, какъ болѣе раннія поколѣнія понимали и изучали реформу, быть можетъ, облегчить нашу собственную задачу и поможетъ разобраться въ ней нѣсколько отчетливѣе. Изъ этихъ основаній вышелъ и предлагаемый нами очеркъ. Спѣшимъ впрочемъ оговориться, что въ данную минуту мы были далеки отъ мысли изучать взгляды на реформу, довольствуясь пока однимъ вѣншимъ наброскомъ смѣнявшихся воззрѣній въ русскомъ обществѣ и русской литературѣ и предоставляя себѣ въ дальнѣйшемъ будущемъ болѣе основательное изученіе взглядовъ, высказанныхъ о царственномъ реформаторѣ. Заранѣе указываемъ на неполноту и на обиліе пробѣловъ въ библиографической части настоящаго очерка. Поэтому просимъ смотрѣть на нашу работу не болѣе какъ на попытку разчистить путь изученія эпохи преобразованія въ направленіи, до сихъ поръ остававшемся въ пренебреженіи. То, что попытка является первою, да послужитъ извиненіемъ ея недостатковъ.

I.

Движеніе, создавшее эпоху преобразованія, началось еще въ XVII столѣтіи. И тогда уже отъ общаго ядра началъ отдѣляться оппозиционный лагерь, стали формироваться двѣ партіи, стоявшія одна противъ другой. Но въ ту пору причина недовольства чужалась пока довольно смутно, и самое недовольство понималось весьма односторонне; взаимные враги, оба лагеря, скорѣе пораженные неожиданностью, удивленно смотрѣли другъ на друга. Движеніе началось, но еще не выясненное, почти инстинктивное. Еще не сознавали, что настоящій моментъ есть уже канунъ крупныхъ событій. Эти люди сегодня съ ужасомъ приняли бы извѣстіе, еслибъ имъ сказали, какая глубокая пропасть успѣла лечь между ними, а на завтра они же нервно возьмутся за оружіе. Сегодняшняя химера скоро соберетъ вокругъ себя цѣлую толпу убѣжденныхъ приверженцевъ.

Среди такого-то общества появился Петръ. Онъ прямо и открыто поставилъ вопросъ, который, я полагаю, можно считать за основной выводъ всей его государственной дѣятельности: Коспѣтъ ли завѣдомо въ старинѣ, или обильно черпать знаніе у тѣхъ, кто имъ обладаетъ? Запереться ли въ свой уголъ и закрыться отъ свѣта истины, что разливааетъ благодатные лучи свои на родъ людской, или широко растворить двери вътому свѣту и расчистить имъ мракъ, накопившійся за многою годы? Петръ какъ бы спрашивалъ: будемъ ли мы смотрѣть

назадъ, на пройденный путь и на немъ искать своихъ образцовъ, или признаемъ, что попятіе о лучшемъ выражается въ прогрессѣ, въ движеніи и измѣненіи, и что всякое усовершенствованіе не мыслимо безъ заимствованій, безъ общенія? Сохранимъ ли старое только потому, что оно старое, прадѣдовское, или послѣдуемъ за логикой, за разумомъ, если они скажутъ, что новое есть истинное, лучшее?

Петръ далъ рѣшеніе въ послѣднемъ смыслѣ, и вотъ движеніе началось, движеніе быстрое, головокружительное. Люди стараго закала не могли не идти, не могли не бѣжать: они вѣдь составляли органическую часть государственнаго тѣла, приведеннаго въ движеніе. Но они пошли противъ желанія. Скорбь, закрывшаяся еще равьше, теперь превращается въ настоящее негодованіе, въ чувство не смываемаго оскорбленія. Въ самомъ дѣлѣ, станемъ на ихъ точку зрѣнія. Виноваты ли они въ томъ, что въ бородѣ и длиннополномъ кафтанѣ, въ постѣ и отчужденіи отъ басурмана видѣли свой завѣтъ, свою религію? А между тѣмъ эту религію такъ оскорбляли! Съ чѣмъ они сжились, чтѣ стало для нихъ смиреннымъ, духовною потребностью, все это исчезало на вѣки. Для человѣка, сколько-нибудь убѣжденнаго и уважающаго себя, легче перенести любую физическую боль, чѣмъ безнаказанно отдать на поруганіе свой нравственный міръ, все то, въ чемъ выражается его я. Сомнѣній, какъ поступить, не можетъ быть въ данномъ случаѣ: вызванный на борьбу челоѣкъ съ отчаяніемъ безнадежности хватается за оружіе.

Чѣмъ болѣе гнетущимъ было вліяніе Петра, тѣмъ страшнѣе, необычайнѣе, тѣмъ коллосальнѣе казалась сторонникамъ московской старины самая фигура царя. И вотъ онъ вырастаетъ у нихъ въ сверхчеловѣческое существо, въ одержимаго бѣсомъ, въ родившагося отъ нечистой дѣвы, въ самого антихриста!.. Потому-то и водятся онъ съ нѣмцами, потому-то и рекрутчину ввелъ, и новобраца клеймитъ раскаленнымъ желѣзомъ—печатью антихриста; потому-то и стрѣльцовъ мучаетъ лютыми казнями, постовъ не соблюдаетъ, брѣдетъ бороду, одѣлся въ короткое платье, ввелъ новые налоги и поборы съ христіанскаго міра... Было семь антихристовъ; по Писанію, долженъ породиться восьмой: онъ и есть теперь во образѣ Петра ¹⁾.

¹⁾ *Соловьевъ*, XV (изд. 1873), 121—131. Связку о Стекольномъ царствѣ, гдѣ Петра хотѣли посадить въ бочку и бросить въ море, см. въ *Чтеніяхъ Общ. Ист. и Древн.* 1862, № 4, смѣсь, стр. 2. О печати антихриста съ самыми рисунками см. *Русск. Архивъ* 1873, № 10, стбц. 2068—2074; № 11, стбц. 02296—02297. О книгописцѣ Григоріи Талицкомъ, который въ проклама-

И это слышится во всѣхъ углахъ Русскаго государства, объ этомъ толкуютъ всѣ слои общества: крестьянки и жены солдатскія, холопы, и монахи; эти опасныя рѣчи произноситъ сынъ боярскій, крестьянинъ, нищій, хлѣбный старецъ монастырскій, дьячекъ и священникъ, каждый на свой ладъ, но всѣ на одну тему: „Какой это царь! Весь міръ переѣлъ, нѣмцы обошли его! Давно бы раздѣлаться съ нимъ надо!“ ¹⁾ Напрасно жестокими казнями думали заглушить оскорбительную молву, напрасно оппозиціонной литературѣ противопоставляли правительственную ²⁾: тщетныя усилія! Народное недовольство продолжало расти ³⁾.

Для знакомства съ враждебными взглядами на Петра очень цѣнно одно раскольничье сочиненіе, хотя и составленное въ началѣ нашего вѣка, но всецѣло сохранившее на себѣ свѣжесть яркихъ впечатлѣній болѣе ранняго времени. Это такъ-называемая „Выписана исторія печатная о Петрѣ Великомъ. Собраніе отъ Святаго Писанія о антихристѣ“ ⁴⁾. Написанная съ большимъ чувствомъ, она проникнута сильною вѣрой и согрѣта не только теплымъ, но и страстнымъ отношеніемъ къ дѣлу. Перомъ составителя руководило не серьезное изученіе, а горячее убѣжденіе, фанатизмъ сторонника партіи. Называя Петра антихристомъ, авторъ, очевидно, произноситъ не бранный

цінхъ проповѣдывалъ убійство Петра, какъ антихриста, — у *Есипова*, Раскольничья Дѣла XVIII стол., I, 59—84. Сравни также указанія, собранныя у *Брикнера*, Исторія Петра Вел., 292—293, 303—306. О бородахъ и нѣмецкомъ платьѣ отдѣльная статья *Есипова* въ Расколѣ. Дѣлахъ, II, 159—186.

¹⁾ *Соловьевъ*, XV, 119—121, 124—125.

²⁾ Противъ Талицкого Степана Яворскій написалъ изданное въ 1703 году „Знаменіе пришествія антихристово и кончины вѣка“, которое въ свою очередь вызвало сочиненіе извѣстнаго Андрея Денисова: „О бытіи послѣдняго времени и противныя антихристу“, гдѣ доказывалось, что „существующее время по всѣмъ обстоятельствамъ самое послѣднее“ (Каталогъ или библіотека старообрядч. церкви, собранный тщаніемъ *П. Любопытнаго*. Библіотр. Записки 1861, № 8, стбц. 262). Впрочемъ, это сочиненіе не помѣшало тому же Денисову написать „Павегирикъ Петру Вел. и прославить „особенно его покровительство старообрядческихъ церквей и всѣхъ старообрядцевъ“ (ibidem, 1861, № 9, стбц. 270—271).

³⁾ Такъ, наприимѣръ, въ 1707 г. появилось подметное письмо о рожденіи антихриста (*И. Чистовичъ*, Новгородскій митрополитъ Іовъ. Странникъ 1861, № 2, стр. 66). О проповѣдникахъ антихриста: Левинъ (1722) — у *Есипова*, Расколѣ. Дѣла XVIII столѣтія I, 3—57; Самуилъ Выморковъ (1722—1725) — у *Семевскаго*, Слово и Дѣло (изд. 1884), стр. 125—184. Жалобы раскольниковъ въ современной „Интерлюдія“ въ *Литоп. русск. литер.* — *Тихомирова*, II, 37—60.

⁴⁾ *Итем. Общ. Ист. и Древн.* 1863, № 1, стр. 52—71.

эпитетъ, но искренно вѣрять въ реальность этого отождествленія, именно отождествленія, а не сравненія. Собственно исторіи Петра здѣсь нѣтъ; это скорѣе указанія на нѣкоторыя мѣропріятія царя, пересыпанныя страстными филиппиками, ссылками и выписками изъ отцовъ церкви, съ постояннымъ повтореніемъ и возвращеніями къ только что сказанному. Возбужденное состояніе, по всему видно, мѣшало автору сосредоточиться и систематизировать свои мысли.

Со времени звѣринаго 1666 года (когда новоисправленные книги получили санкцію Московскаго собора) царь Алексѣй становится въ глазахъ „Исторіа“ „жидовиномъ“ и „мучителемъ“; Петръ постоянно называется „лютымъ звѣремъ“, „воли сатаниной исполненнымъ“, „антихристомъ, скрывшимъ пагубное имя свое подъ литерою М“, ибо въ остальныхъ буквахъ слова Императоръ благочестивый старовѣръ находитъ звѣриное число 666¹⁾). Сильно достается Петру за учрежденіе синода, за именованіе себя отцомъ отечества, что являлось, по мнѣнію безыменнаго автора, кошунствомъ надъ саномъ патріарха²⁾). Особенно сильны нападки за перемѣну лѣтосчисленія; сѣтованія на это разбросаны по всему сочиненію³⁾). Что же касается до введенія подушной переписи, то она кажется нашему автору такимъ богоотступнымъ дѣломъ, что мысль его никакъ не можетъ примириться съ этимъ фактомъ. Онъ съ рѣшительностью провозглашаетъ, что „таковому лжехристу въ послушество отдатися не хоцемъ и въ книги его законопреступныя писатися никогда не будемъ, да и хотящимъ спастися никому не совѣтуемъ. Творите съ нами, что хоцете... ибо мы отъ святаго крещенія записаши есмы въ книги животныя у Царя небснаго на небсѣхъ“⁴⁾).

Но если такое впечатлѣніе выносили закосиѣлые противники Петра, то совсѣмъ иное чувство возбуждалъ послѣдній своею дѣятельностью въ новыхъ людяхъ, въ сторонникахъ реформы. Рядомъ съ только что приведеннымъ воплемъ отчаянія слышится и голосъ торжества: тотъ, кто еще ранѣе, хотя однимъ глазомъ, видѣлъ краешекъ этого новаго міра, кто по натурѣ своей былъ склоненъ отозваться на новый призывъ, кто въ душѣ своей уже разорвалъ со старымъ, но еще не присталъ къ другому берегу, при чемъ и самый берегъ носился

¹⁾ i (10)+п (80)+е (5)+р (100)+а (1)+т (300)+о (70)+р (100)=666.

²⁾ Исторія, стр. 53, 54, 58, 60—64, 67.

³⁾ Ibidem, 55, 60, 61, 68—70.

⁴⁾ Ibidem, стр. 59. Сравни. о томъ же стр. 68, 57, 70.

ему въ неясномъ туманѣ, тотъ чувствовалъ себя теперь совсѣмъ иначе! Заколуственный провинціалъ, неожиданно попавшій въ круговоротъ шумной столичной жизни и совершенно ослѣпленный невиданными диковинками, — вотъ на кого походилъ всякій, кто питалъ сочувствіе къ Петру и крѣпко держался его преобразованій. Какъ ничтожна, мелка должна была казаться ему теперь вся его прежняя обстановка и дѣятельность! Теперь онъ выросталъ въ собственныхъ своихъ глазахъ, какъ бы вновь рождался, чтобы зажить болѣе широко и содержательною жизнью. И все это совершилось въ мгновеніе ока, по мановенію какой-то волшебной руки! Честь и хвала этой силѣ! Кто въ состояніи сравниться съ нею? Это сила необычная, свѣтоносная, божественная,—это самъ Богъ!

Такая мысль слышится среди современниковъ Петра и ближайшаго потомства, и ее можно прослѣдить повсюду въ той или другой формѣ.

По заключеніи Ништадтскаго мира, поднося Петру титулъ императора, канцлеръ Головкинъ, отъ имени сената и всѣхъ государственныхъ чиновъ, говоритъ царю такіа слова: „... едѣныя вашими неусышными трудами и руководеніемъ мы, ваши вѣрные подданные, изъ тмы невѣденія на оеатръ славы всего свѣта и тако рещи изъ небытія въ бытіе произведены и въ общество политичныхъ народовъ присовокуплены“ ¹⁾. Для Головкина прошлое отдѣлено широкою пропастью, сводилось къ нулю, и людьми въ настоящемъ смыслѣ этого слова русскіе становятся только теперь. Посошковъ, въ живомъ образѣ рисуетъ намъ то удивленіе и сочувствіе, какое возбуждали въ современникахъ труды Преобразователя: „Видимъ мы вси, какъ великій нашъ монархъ о семь трудить себя, да ничего не успѣеть, потому что пособниковъ по его желанію не много: онъ на гору аще и самъ-десять тянетъ, а подъ гору милліоны тянутъ; то какъ дѣло его споро будетъ?“ ²⁾

Извѣстно, что Теофанъ Прокоповичъ былъ не только сторонникомъ, но и ревностнымъ пропагаторомъ Петровской реформы. Едва ли въ какой-нибудь изъ его проповѣдей не найдется страстной филиппики противъ враговъ новаго направленія вмѣстѣ съ горячимъ прославленіемъ всего содѣланнаго. Онъ славить Полтавскую побѣду и любимца Меншикова, даетъ картину всѣхъ дѣлъ Петровыхъ, оправ-

¹⁾ Полн. Собр. Зак. VI, № 3840.

²⁾ *Посошковъ*, Сочиненія, I, 95.

дываетъ побѣдки за границу и сношенія съ иностранцами, отстаиваетъ безпрекословное повиновеніе самодержавной власти, какъ бы предваряя въ этой проповѣди будущую „Правду воли Монаршей“. Не забыть Теофанъ и развитіе могущества Россіи на морѣ; что не было договорено въ Духовномъ Регламентѣ, тому дается мѣсто въ словѣ, сказанномъ предъ открытіемъ св. синода. Разумѣется, Нидерландскій миръ не могъ быть игнорированъ знаменитымъ витіемъ. Наконецъ, за нѣсколько недѣль до смерти Петра Великаго, Теофанъ Прокоповичъ произноситъ проповѣдь, оправдывая въ ней перенесеніе новаго года съ сентября на январь ¹⁾.

Въ духъ Прокоповича дѣйствуютъ и другіе проповѣдники: епископъ Рязанскій Гавріилъ Бужинскій и іеромонахъ Симонъ Кохановскій. Первый изъ этихъ ораторовъ превозноситъ самоотверженную любовь Русскаго императора къ отечеству, и какъ оберъ-іеромонахъ флота, особенно подчеркиваетъ значеніе флота и побѣдъ надъ врагами. Въ увлеченіи новою столицей, онъ готовъ даже отстаивать красоту петербургскихъ болотъ ²⁾.

Изъ семи словъ преосвященнаго Гавріила ³⁾ остановимся на послѣднемъ, произнесенномъ въ день поминовенія усопшаго государя, чрезъ годъ послѣ его смерти. Основная тема проповѣди сводится къ тому, „что Петръ Великій еще и умре, но живъ есть“ (стр. 230), живъ въ своихъ дѣлахъ. Надобно только проникнуться его примѣромъ и во всемъ слѣдовать ему. „Петръ Великій живъ есть: азъ есмь воскресеніе и животъ ... и всякъ вѣрующій въ мя не умретъ во вѣки (Іоанн. гл. II, ст. 25). Се уже имаша Россіе пластырь на сердечную язву твою!“ (стр. 241) ⁴⁾.

¹⁾ *Теофанъ Прокоповичъ*, Слова и рѣчи., ч. I (изд. 1760) и 8 словъ во второй части (изд. 1761). Сравни. *Самаринъ*, Сочиненія, V, 413—442. *Порфирьевъ*, Истор. русск. слов., ч. II, отд. I, стр. 49—55.

²⁾ *Порфирьевъ*, Истор. русск. словес., ч. II, отд. I, стр. 56—58.

³⁾ Слова эти: 1) въ похвалу Петербурга; 2) о Полтавской побѣдѣ; 3) о побѣдѣ Гангутской; 4) въ воспоминаніе взятія въ 1702 г. крѣпости Шлиссельбурга; 5) о взятіи Нотебурга (Шлиссельбурга); 6) на память св. апостола Андрея безъ политическаго характера; и 7) въ поминовеніе годовщины смерти Петра. (Полное собраніе поучит. словъ, сказываемыхъ *Гавріиломъ Бужинскимъ*. Москва. (безъ года), издѣв. *И. Новикова* и К^о).

⁴⁾ О Симонѣ Кохановскомъ свидѣнія сообщены у *Пекарскаго*. Наука и Литер. при Петрѣ В., I, 492—494.

Смерть Петра глубоко поразила его сторонниковъ.

„Нѣтъ болѣе Петра Великаго съ нами“, замѣчаетъ Нартовъ, — „однако духъ его въ душахъ нашихъ живетъ; и мы, имѣвшіе счастье паходиться при семъ монархѣ, умремъ вѣрными ему и горячую любовь нашу къ земному богу погребемъ вмѣстѣ съ собою. Мы безъ страха возглашаемъ объ отцѣ нашемъ, для того что благородному безстрашію и правдѣ учились отъ него“¹⁾.

А Неплюевъ замѣчаетъ: „Сей монархъ отечество наше привелъ въ сравненіе съ прочими; научилъ узнавать, что и мы люди, — однимъ словомъ, на что въ Россіи ни взгляни, все его началомъ имѣеть, и что бы впредь ни дѣлалось, отъ сего источника черпать будутъ“²⁾. Сколько непосредственной искренности въ этихъ словахъ!

„Охъ горе! охъ увы!“ пишетъ графъ А. А. Матвѣевъ изъ Москвы къ А. В. Макарову, получивъ вѣсть о кончинѣ царя, — „какъ то есть не токмо мнѣ, бѣдняку, но и всѣмъ вѣрнымъ его высокопознутаго величества подданнымъ рабомъ“. Матвѣевъ сообщаетъ, что въ первопрестольной столицѣ, едва увѣдали „о той трагедіи“, подняли такой „вой, крикъ, вопль слезный, что нельзя женамъ больши того выть и горестно плакать, и во истинну такова ужаса народнаго отъ рожденія моего я николи не видалъ и не слыхалъ, что какъ слышно и по всѣмъ приходамъ и улицамъ по той же публикаціи чинилось“³⁾. Пекарскій, приводитъ это извѣстіе, замѣчаетъ, что „плакать и рыдать при каждомъ погребеніи лицъ изъ царскаго семейства“ было стариннымъ обычаемъ⁴⁾; но трудно однимъ только этимъ объяснить описанныя Матвѣевымъ сцены⁵⁾. Петра оплакивали и заграничныя русскіе: агентъ фанъ-деръ-Бургъ 9-го марта 1725 г. доносилъ изъ Амстердама, что русскіе ученики, бывшіе въ Голландіи, услыхавъ о смерти императора, „неутѣшно“ рыдаютъ⁶⁾. Цѣнное свидѣтельство сохранилъ французскій посоль при русскомъ дворѣ, Кампредонъ: *L'affection de sa mort est universelle... ne ge-*

¹⁾ А. Нартовъ, Достопамятныя повѣствованія и рѣчи Петра Великаго. *Москвитянинъ* 1842, № 8, стр. 336.

²⁾ Неплюевъ, *Записки. Русск. Архивъ* 1871, стр. 651.

³⁾ Пекарскій, Современное извѣстіе о кончинѣ Петра В., *Записки Акад. Наукъ*, IV, стр. 66.

⁴⁾ *Ibidem*, 64.

⁵⁾ Голяковъ сходно съ Пекарскимъ описываетъ впечатлѣніе москвичей при извѣстіи о смерти Петра (*Дѣянія*, IX, 249—250).

⁶⁾ Пекарскій, *loc. citato*.

marque aucune espèce de mouvement que ceux de la tristesse parmi les troupes et le peuple" ¹⁾).

Не было недостатка и въ литературномъ выраженіи понесеннаго горя. Впереди всѣхъ, конечно, стоитъ знаменитое надгробное слово Теофана Прокоповича. Пусть былъ онъ страстный врагъ враговъ Петра, пусть со смертью царя онъ терялъ или рисковалъ потерять для себя очень многое; но очевидно, не одни личныя соображенія, а прежде всего искреннее убѣжденіе, сильное чувство могло подсказать проповѣднику тѣ образы и сравненія, какими богата его знаменитая рѣчь, произнесенная при погребеніи императора: „Что се есть? до чего мы дожили, о Россіане? что видимъ? что дѣлаемъ? Петра великаго погребаемъ! не мечтаніе ли се? не сонное ли намъ привидѣніе?“ Ударъ былъ слишкомъ ужасенъ, чтобы не ошеломить. Человѣкъ, „воскресившій аки отъ мертвыхъ Россію“, „рождшій и воспитавшій“ ее, казалось, не могъ покинуть своихъ дѣтей. Его смерть, дѣйствительно, представлялась скорѣе тяжелымъ кошмаромъ, нежели осозательною дѣйствительностью ²⁾).

Тогда же оплакалъ смерть Петра и В. К. Тредіаковскій, написавшій „Плачь о кончинѣ блаженныя и вѣчнодостойныя памяти Государя Императора и самодержца всероссійскаго Петра Великаго, отца отечества“ ³⁾. Условная реторика, неизбежные въ этихъ случаяхъ миеологическіе образы ⁴⁾, гиперболизмъ въ прославленіи, переходящій всякую мѣру, все это мѣшается свободно проявиться искреннему чувству; его надо искать не въ тѣхъ или другихъ выраженіяхъ, сравненіяхъ, а въ общемъ тонѣ, въ томъ торжественномъ настроеніи, которое автору, дѣйствительно, удалось провести чрезъ весь „Плачь“. Отмѣтимъ отдѣльныя строфы:

Все добро съ тобой нынѣ умираетъ:
 Былъ всему учитель въ россахъ ты единъ (326)....
 Новый государства своего творецъ (327)....
 Разсмотрѣлъ все впервыхъ, премѣнилъ и ввелъ,
 Нравы украсилъ и страну велику

¹⁾ Ibidem, 64—65. Сравни о впечатлѣніи (при извѣстіи о смерти) жителей города Дербента и командира Матюшкина у Голикова, Дополненія къ Двѣяніямъ, XVII, 456—457.

²⁾ *Ф. Прокоповичъ*, Слова и рѣчи, ч. II, стр. 127—128.

³⁾ Сочиненія и переводы, ч. II (изд. 1752), стр. 323—330.

⁴⁾ Авторъ заставляеть Славу, Вселенную, Палладу, Марса и Политику оплакивать Петра.

Велчайшу сдѣлалъ, не градовъ и селя,
 Нп земель и странъ покорилъ что много,
 Но что гнусну грубость отъ своихъ отгналъ,
 Но прокляту злость истребилъ что строго,
 И ученыхъ, добрыхъ, подданныхъ быть далъ (329) ¹⁾.

Въ 1730 году Антиохъ Кантемиръ началъ было цѣлую поэму подь названіемъ: „Петрида или описаніе стихотворное смерти Петра Великаго, императора Всероссійскаго“ ²⁾. Разчитана она была, по видимому, гораздо на бѣльшій объемъ сравнительно съ тѣмъ отрывкомъ, который дошелъ до насъ. Въ единственной написанной „первой книгѣ“ разказывается, какъ Господь Богъ, возрѣвъ на землю и увидавъ на ней господство зла и коварства, призналъ ее недостойною носить на себѣ Петра и потому

Къ себѣ мужа возвести и духомъ, и тѣломъ
 Божественна, смертныхъ всѣхъ превзошедша дѣломъ,
 Восхоти.

Онъ призываетъ архангела Михаила и поручаетъ ему исполнить его волю. Михаилъ спускается въ адъ, выводитъ оттуда Странгурію („Запоръ мочи“) въ Петербургъ и, введи ее къ Петру, поручаетъ исполнить свое назначеніе: отнять у земли великаго челоуѣка.—На этомъ обрывается поэма (въ 250 стиховъ), богатая картинами: передъ читателемъ проходитъ адъ, испуганный появленіемъ Божія посланника, цвѣтущій Петербургъ, Петръ среди вельможъ въ своемъ дворцѣ и друг. ³⁾.

Едва только скончался Петръ Великій, какъ императрица Ека-

¹⁾ Указаніе на время составленія „Плача“ (въ 1725 году) дано самимъ авторомъ въ предисловіи къ своимъ „Сочиненіямъ“ (ibid., ч. I, стр. XXIII), а первая редакція этого стихотворенія, написанная силлабическимъ размеромъ, находится въ приложеніи къ изданной Тредіаковскимъ въ 1730 г., въ Петербургѣ, „Бздѣ на островъ любви“. Сравни. не напечатанный переводъ Тредіаковскаго: „Сравненіе между Людовикомъ XIV и Петромъ Алексѣевичемъ Россійскимъ императоромъ въ разсужденіи славы“ (Лескарскій, Ист. Акад. наукъ, II, 26, прил. 1-е).

²⁾ Сочиненія, письма и избранные переводы кн. А. Д. Кантемира, подъ ред. Ефремова, ч. I, стр. 297—304.

³⁾ Кроме того, мы еще встрѣтили указаніе на „Елегію о кончинѣ Государя Императора Петра Великаго, отца отечества, Россію новымъ образомъ переродившаго, сочиненную при арміи въ 1749 г. черезъ капитана И. Владыкина въ знакъ достодожныхъ и глубочайшихъ благодарности“. М. 1763. 4° (Сопиковъ, III, № 3704). Очевидно, о ней упоминаетъ Новиковъ въ Опытѣ историч. словаря, изд. Ефремова, стр. 26.

терина спѣшить вызвать изъ ссылки барона Шафировъ и поручаетъ ему составить исторію царствованія своего предшественника ¹⁾). Если въ этомъ порученіи и сказалось непониманіе невозможности писать исторію только что совершившихся событій, за то въ немъ слишкомъ очевидно желаніе сохранить въ памяти потомства дѣянія великаго мужа и достойнымъ образомъ прославить ихъ.

Именно прославить, преклониться передъ Петромъ—вотъ какое чувство охватываетъ тогда многихъ. Дворянинъ Крекшинъ трудился 20 лѣтъ надъ собираніемъ матеріала о Петрѣ и откровенно говоритъ, что онъ „недостойнъ отрѣшати и ремень сапога его, долженъ блаженныя дѣла его прославлять, а не образомъ исторіи писать дерзатъ“ ²⁾). Крекшинъ такъ прямо и обращался къ Петру съ воззваніемъ: „Отче нашъ, Петръ Великій! ты насъ отъ небытія въ бытіе привелъ!“ ³⁾ Сумароковъ идетъ еще далѣе, сравнивая Петра съ Иисусомъ Христомъ, а Коломенское, предполагаемое мѣсто рожденія Петра, съ Виолеемомъ ⁴⁾).

Какимъ чувствомъ благоговѣнія проникнуты были къ Петру люди, имѣвшіе случай дѣлать съ нимъ труды и опасности жизни, лучшимъ примѣромъ служить инвалидъ Кириловъ. Этотъ старикъ многими годами пережилъ царя и доживалъ свои дни на покоѣ; но время не изгладило въ немъ живой и вѣстѣ съ тѣмъ благодарной памяти. У него былъ небольшой финифтяный портретъ государя, который онъ ежедневно лобызалъ и, поставивъ его среди образовъ, въ переднемъ углу, теплилъ предъ нимъ свѣчу и каждую ночь молился передъ нимъ, какъ передъ изображеніемъ угодника. На замѣчаніе мѣстнаго архіерея о несоотвѣтствіи подобныхъ поступковъ съ предписаніями православной церкви, Кириловъ съ негодованіемъ и упрекомъ возразилъ: „Петръ былъ нашъ ангель-хранитель, защищалъ отъ враговъ,

¹⁾ *Устряловъ*, Истор. царств. Петра Великаго, I, 322—325 и Полн. собр. Заков., VII, № 4721.

²⁾ Записки *Крекшина*, изд. *Сазарова*, предисл., стр. IV.

³⁾ Записки *Крекшина*, изд. *Сазарова*, Къ читателю, стр. 4.

⁴⁾ *Сумароковъ*, Полн. собр. сочин., изд. 2-е, ч. VI, стр. 302—303.

Россійскій Виолеемъ, Коломенско село,
Которое на святъ Петра произвело!
Ты счастья нашего источникъ и начало,
Въ тебѣ величіе Россійско возсіяло!

Первоначально сказано это было въ 1759 году (*Трудолюбивая Пчела* 1759, октябрь, 240—242).

наравнѣ дѣлилъ всѣ трудности походовъ, ѣдалъ съ нами общую кашу, обращался какъ ровный и отецъ; самъ Богъ прославилъ его побѣдами, не допусая коснуться до него смерти и раны; а ты говоришь: не должно образу его молиться! Единственное, на чтѣ согласился старикъ, это не ставить свѣчи; но портретъ продолжалъ стоять на ряду съ образами ¹⁾.

Какъ на новый примѣръ благоговѣнія къ памяти Петра, можно указать на В. Н. Татищева, который пишетъ свою „Исторію“ главнымъ образомъ съ цѣлью воздать должную благодарность царю за его милости, а также и къ славѣ и чести Русскаго государства ²⁾. Обратимъ вниманіе на заглавіе, данное И. И. Кириловымъ своему сухому статистическому труду о Россіи 1727 года ³⁾, чтобы понять, какими чувствами и онъ былъ проникнутъ къ преобразователю. Лучшие люди Россіи первой половины XVIII столѣтія привыкли сколько-нибудь значительный шагъ свой связывать съ именемъ Петра и учиться у него любить свою родину, свою честь.

Какъ пчѣтожны должны были казаться послѣдующія поколѣнія для тѣхъ, кто прошелъ Петровскую школу, былъ зрителемъ и даже участникомъ въ великихъ событіяхъ этого времени! На согласіе Екатерины II уволить его отъ службы подѣ условіемъ найти ей вмѣсто себя человѣка съ такими же, какъ онъ, достоинствами, извѣстный уже намъ Неплюевъ даетъ такой характерный отвѣтъ: „Нѣтъ, осударыня, мы Петра Великаго ученики, проведены имъ сквозь огонь и воду, иначе воспитывались, иначе мыслили, и вели себя, а нынѣ иначе воспитываются, иначе ведутъ себя, и иначе мыслятъ; и такъ, я не могу ни за кого, ниже за сына моего ручаться“ ⁴⁾. Неплюевъ безъ слезъ не могъ вспоминать великаго императора ⁵⁾. Съ такимъ же чувствомъ умиленія и со слезами на глазахъ вспоминалъ о Петрѣ и Ѡ. И. Ушаковъ, находясь на смертномъ одрѣ ⁶⁾.

Періодъ времени отъ смерти Петра до воцаренія Елизаветы былъ преимущественно эпохою временщиковъ. Это была пора тяжелая для

¹⁾ Голиковъ, Дѣянія Петра Великаго, изд. 2-е, т. XV, отд. 1-е, стр. 275—276.

²⁾ Татищевъ, Исторія Россійская, т. I, предисловіе, стр. XVI.

³⁾ И. Кириловъ, Цвѣтущее состояніе Всероссийскаго государства, въ каковое началъ, привелъ и оставилъ неизреченными трудами Петръ Великій, отецъ отечества. 2 чч. М. 1831.

⁴⁾ Голиковъ, Дополн. къ Дѣян., XVII, 449.

⁵⁾ Голиковъ, Дополн. къ Дѣян., XVII, 458.

⁶⁾ Ibidem., 458—459.

всѣхъ, кому были дороги Петровскіе идеалы; великое дѣло попало въ мелкія руки; великаго борца смѣнили жалкіе эпигоны; интересъ національный былъ забытъ, и тотъ завітъ, что далъ преобразователь на поляхъ Полтавскихъ, говоря: „а о Петрѣ вѣдайте, что ему жизнь не дорога, жила бы только Россія во славу и благоденствіи“,—завітъ этотъ былъ отданъ на поруганіе Бироуамъ и разнымъ заѣзжимъ авантюристамъ. Негодованіемъ бились сердца птенцовъ Петровыхъ, его учениковъ, и чѣмъ ничтожнѣе представлялось имъ настоящее, тѣмъ величавѣе вставало въ воображеніи недавнее прошлое, тѣмъ бѣльшимъ ореоломъ окружался образъ Петра. Пройдетъ немного времени, и великій русскій поэтъ воскликнетъ: „Ояъ богъ, онъ богъ твой былъ, Россія“, выражая этимъ возгласомъ далеко не личное только настроеніе.

Вотъ почему съ такимъ восторгомъ встрѣчено было восшествіе на престолъ императрицы Елизаветы. Въ дочери Петра видѣли залогъ возврата къ національной программѣ, къ дальнѣйшему преуспѣванію. При ней можно было открыто чтить память „земнаго бога“; при ней станутъ не разрушать памятники Петровской старины ¹⁾, а на оборотъ, заботиться о ихъ сохраненіи ²⁾. Такимъ образомъ идея получала преимущество, не затеривалась. Недавнее прошлое начинало казаться однимъ сномъ, смѣнившимся твердою вѣрою въ будущее и чувствомъ восхищенія.

Очень хорошо отгнѣняютъ это настроеніе придворныя проповѣди, говоренныя въ это время. Петръ Великій изображается въ нихъ то сѣвателемъ, то воскресившимъ силой въ летаргическомъ снѣ Россію, то великимъ художникомъ, изваявшимъ изъ грубаго матеріала прекрасныя статуи: „Запамятовали были, конимъ образомъ Петръ Великій обрѣте насъ подобныхъ древу лѣсному, криву, суковату, дебелу, ожелтѣлу, неотесанну, ни на каково дѣло неудобну, своими руками коль въ красныя статуи передѣлалъ, да еще и небездушныя?“ Надо

¹⁾ Такъ, напримѣръ, сломанъ былъ деревянный дворецъ Петра въ городѣ Осередѣ (нынѣ Павловскъ, Воронежской губерніи) и славяная по рѣкѣ Дону въ новозаводившуюся въ 1739 г. крѣпость св. Анны (*Е. Болховитиновъ, Описание Ворон. губ.*, 113).

²⁾ Живописецъ Вспняковъ исправлялъ въ 1748 находившіяся въ сенатѣ старыя портреты Петра (*Солов.*, XII, изд. 2-е, стр. 321); годомъ раньше сенатъ утвердилъ донесеніе Нартова о необходимости сберечь для потомства нѣсколько костюмовъ панихадилъ и одинъ живоотворящій крестъ съ апостольскими ликами—работы Петра Великаго (*ibidem.*, 296—297).

имѣть слабую память или стать совершенно неблагодарнымъ, чтобы не созавать, какъ многимъ обязаны мы Петру. Раньше была Россія „некрѣпкая, немудрая, нестройная, у всѣхъ презрѣнная“, а теперь... Кто учредилъ коллегіи, заводы и фабрики съ разнообразнымъ производствомъ? Кто показалъ образецъ для „веледѣльныхъ домовъ, не только къ житію, но къ прохладному житію довольныхъ?“ Кто воздвигнулъ училища и семинаріи? Кто соорудилъ флотъ? и т. д. и т. д.? Петръ, одинъ Петръ. „Одна всѣхъ повѣсть, что Россія все свое лучшее состояніе Петру должна. Общепародный голосъ, что у насъ тое только не Петрово, что худое“. Желая сказать пріятное наслѣднику престола, проповѣдники сороковыхъ годовъ прошлаго столѣтія не находилъ ничего лучшаго, какъ признать въ немъ или пожелать ему тѣ же качества и добродѣтели, какими обладалъ первый нашъ императоръ ¹⁾.

Но едва ли кто полнѣе и восторженнѣе популяризовалъ имя Петра и разъяснялъ значеніе его царствованія, какъ пѣвецъ Елизаветы, Ломоносовъ. Проникнутый глубокимъ уваженіемъ къ величію его дѣяній, онъ пользовался каждымъ случаемъ напомнить о заслугахъ царя и вызвать благодарное о нихъ воспоминаніе.

Не говоримъ о его „надписяхъ (числомъ 5) къ статуѣ Петра Великаго“ ²⁾, перечислявшихъ подвиги „земнаго бога“ (надпись первая), про котораго

Не вѣрили, что онъ единъ отъ смертныхъ былъ,

Но въ жизнь его уже за Бога почитали (надпись четвертая);

не будемъ долго останавливаться и на его „героической поэмѣ“: „Петръ Великій“ ³⁾. Поставивъ себѣ образцомъ Вергилія ⁴⁾, поэтъ задался цѣлью показать, какъ Петръ „превыше человека повесть

¹⁾ *Н. Поповъ*, Придворныя проповѣди въ царствованіе Елизаветы Петровны. *Лѣтописи русск. литер. и дресн.*—*Тихонравова*, т. II, отд. III, стр. 2, 3, 5, 7, 8, 27—29. Сравн. современное, въ риторическомъ и церковномъ стилѣ написанное, „Историческое описаніе о возшествіи на престолъ императрицы Елизаветы Петровны“. *Русскій Вѣстникъ* 1842 г., т. VI, стр. 1—15.

²⁾ Сочиненія *Ломоносова*, изд. 1840, ч. I, стр. 321—324.

³⁾ *Ibidem.*, ч. II, стр. 3—71.

⁴⁾ „Ломоносовъ слѣдовалъ Вергилію и въ планѣ, и въ частностяхъ. Первая пѣсня есть согращенное подражаніе первымъ двумъ пѣснямъ Энеиды: подобно Энею, Петръ I претерпѣваетъ бурю; какъ Эней рассказываетъ Дидонѣ о разореніи Трои, такъ русскій царь рассказываетъ настоятелю Соловецкаго монастыря о стрѣльцкихъ бунтахъ“. *Галаховъ*, Истор. русск. слов., ч. I (изд. 1863), стр. 343—344.

труды для насъ неслыханы отъ вѣка“, какъ любилъ отечество, подвергался опасностямъ и проч. Поэма, по видимому, задумана была въ обширныхъ размѣрахъ, такъ какъ первыя двѣ пѣсни ¹⁾ могутъ служить развѣ только введеніемъ въ прославленіе истинныхъ заслугъ государя.

Гораздо полнѣе рисуется Ломоносовъ, какъ почитатель и духовный ученикъ Петра, въ своемъ „Похвальномъ словѣ“ ему. Это цѣлый рядъ похвалъ и прославленій. Петръ славится за устройство войска, флота, за покровительство торговлѣ, за сношенія съ Европою, но всего болѣе—за распространеніе просвѣщенія. Риторическіе приемы, въ особенности гиперболы, по литературнымъ правиламъ того времени, подобно „Плачу“ Тредіаковского, даютъ всему произведенію характеръ чего-то ходульнаго, такъ что самую мысль иногда трудно отыскать въ изворотахъ затѣйливой формы ²⁾.

Въ концѣ рѣчи, резюмируя все сказанное, авторъ возвышается до истинной поэзіи и произноситъ нижеслѣдующія слова: „Я въ полѣ межъ огнемъ; я въ судныхъ засѣданіяхъ межъ трудными разсужденіями; я въ разныхъ художествахъ между многочисленными машинами; я при строеніи городовъ, пристаней, каналовъ, между безчисленнымъ народа множествомъ; я межъ стenanіемъ валовъ Бѣлаго, Чернаго, Балтійскаго, Каспійскаго моря и самаго Океана духомъ обращаюсь: вездѣ Петра Великаго вижу, въ потѣ, въ пылу, въ дыму, въ пламени; и не могу самъ себя увѣрить, что одинъ вездѣ Петръ, но многіе;

¹⁾ Въ нихъ воспѣта поѣздка царя къ Архангельску и Вѣлому морю и затѣмъ взятіе Шлиссельбурга.

²⁾ Сочиненія Ломоносова, изд. 1840, ч. II, стр. 320—356. Обыкновенно называютъ (Пекарскій, Ист. Ак. Н., II, 579—580) Каченовскаго, какъ перваго, который указалъ въ 1812 г. (въ *Трудахъ Общ. Люб. Росс. Слов.*, ч. III) на заимствованія въ этомъ Словѣ изъ Панегирика Плинія Младшаго императору Траяну, и говорятъ, что позже г. Галаховъ (въ *Отеч. Зап.* 1843, XXX) дополнилъ указанія Каченовскаго. Между тѣмъ это заимствованіе отмѣчено было еще М. Н. Муравьевымъ въ статьѣ его: „Разсужденіе о различіи слоговъ“ (*Опытъ трудовъ Вол. Росс. Собр.*, ч. VI (М. 1783), стр. 20). Въ 1759 г. вышелъ сдѣланный барономъ Чуди французскій переводъ Слова (*Panegyrique de Pierre le Grand*), mais traduit fort mal, какъ замѣчаетъ самъ Ломоносовъ, et contre les protestations de l'auteur (Пекарскій, *ibidem*, II, 579). Впрочемъ столѣтіемъ позже къ переводу Чуди отнеслись менѣе строго. Мицловъ такъ отзывается о немъ: La traduction française est fort bien faite et se lit même avec plus d'agrément que l'original, la langue littéraire n'étant encore qu'à son début à cette époque en Russie (Pierre le Grand, 103). Въ 1765 году понадобилось второе изданіе оригинала (Пекарскій, *ibidem*).

и не краткая жизнь, но лѣтъ тысяча. Съ кѣмъ сравню великаго государя! Я вижу въ древности и въ новыхъ временахъ обладателей, великими названныхъ. И правда, предъ другими велики; однако предъ Петромъ малы. Иной завоевалъ многія государства; но свое отечество безъ призрѣнія оставилъ. Иной побѣдилъ непріателя, уже великимъ именованнаго; но съ обѣихъ сторонъ пролилъ кровь своихъ гражданъ, ради одного своего честолюбія, и вмѣсто триумфа слышалъ плачь и рыданіе своего отечества. Иной многими добродѣтелями украшенъ; но вмѣсто чтобъ воздвигнуть, не могъ удержать тягости падающаго государства. Иной былъ на земли воинъ; однако боялся моря. Иной на морѣ господствовалъ; но къ земли пристать страшился. Иной любилъ науки; но боялся обнаженной шпаги. Иной ни желѣза, ни воды, ни огня не боялся; однако чело-вѣческаго достоянія и наслѣдства не имѣлъ разума. Другихъ не употребляю примѣровъ кромѣ Рима. Но и тотъ недостаточенъ. Что въ двѣсти пятьдесятъ лѣтъ отъ первой пунической войны до Августа Непоты, Сципіоны, Маркеллы, Регулы, Метеллы, Катоны, Суллы произвели: то Петръ сдѣлалъ въ краткое время своей жизни. Кому жъ я героя нашего уподоблю? Часто размышлялъ я, каковъ Тотъ, который всецѣльнымъ маповеніемъ управляетъ небо, землю и море; дхнеть духъ Его, и потекутъ воды; прикоснется горамъ и воздымаются. Но мыслимъ чело-вѣческимъ предѣлъ предписанъ: Божества постигнуть не могутъ! Обыкновенно представляютъ Его въ чело-вѣческомъ видѣ. Итакъ, ежели чело-вѣка Богу подобнаго, по нашему понятію, найти надобно, кромѣ Петра Великаго не обрѣтаю" ¹⁾).

Выше мы видѣли, что духовная проповѣдь охотно сближала великаго князя Петра Θεодоровича съ его великимъ дѣдомъ. То же самое видимъ мы и въ современной поэзіи. Тотъ же Ломоносовъ въ одной изъ одъ (IV-й) высказываетъ пожеланія, чтобы Россія нашла въ наслѣдникѣ престола преемника славныхъ дѣлъ. Если Господу угодно излить свои щедроты на Россіанъ, то да дозволить Онъ внуку прейзойти дѣда—не въ дѣлахъ: они несравнимы, а хотя бы продолжительностію жизни. Въ этой же одѣ находятся знаменитыя строки:

Нептунъ позналъ его (то-есть, Петра I) державу,
 Съ Минервой сильный Марсъ гласить:
 Онъ богъ, онъ богъ твой былъ, Россія,
 Онъ члены взялъ въ тебѣ плотскія,

¹⁾ Сочиненія Ломоносова, ч. II, стр. 354—356.

Сошедъ къ тебѣ отъ горнихъ мѣстъ;
 Овъ нынѣ въ вѣчности сіяеть
 . . . . .
 Среди героевъ, выше звѣздъ ¹⁾.

Таково отношеніе Ломоносова къ Петру I. Личность послѣдняго была такъ полна обаянія, что самые непримиримые враги сходились въ одинаковой оцѣнкѣ своего великаго царя. Сумароковъ, въ одѣ на восшествіе на престолъ императора Петра Θεодоровича, сплетая новому государю вѣнецъ пожеланій, въ сущности только повторяетъ Ломоносова, когда говоритъ:

Дабы ты, Петръ, былъ Петръ Великій ²⁾.

Въ цѣлой массѣ „Надписей“ — этой излюбленной въ прошломъ столѣтіи литературной формы — Сумароковъ идетъ въ слѣдъ за вѣнкомъ, надѣляя Петра эпитетами въ родѣ: „Творецъ“, „подобень Богу“ и т. п. ³⁾.

Когда бы въ древній вѣкъ,
 Каковъ былъ ты, такой явился человекъ,
 Отдемъ ли бѣ ты народъ, великимъ ли бѣ нарекъ?—
 Ты названъ былъ бы Богомъ! ⁴⁾

Воспѣвая Петровскія побѣды, Сумароковъ незамѣтно для себя попадаетъ въ крайній гиперболизмъ; Россія—по изображенію поэта—поднята Петромъ до небывалой высоты. Побѣды царя приводятъ, на примѣръ, къ такимъ результатамъ:

Хива (то-есть, Китай) вопиетъ за стѣною,
 . . . . .
 Паки Кодоманъ трещеть,
 Индъ робѣя смутно плещеть
 И страшится Океанъ.
 . . . . .
 О премудро Божество!
 Отъ начала перва вѣка
 Таковаго человекъ
 Не видало естество.

¹⁾ Сочиненія Ломоносова, изд. 1840, ч. I, стр. 95—96.

²⁾ Сумароковъ, Полное собран. сочин., изд. 2-е, 1787 г., ч. II, стр. 29.

³⁾ Ibidem, ч. I, стр. 265.

⁴⁾ Ibidem, ч. I, стр. 268. Вотъ перечень этихъ „надписей“ (числомъ 8): къ статуѣ Петра Великаго (3), къ столпу на Полтавскомъ полѣ, къ ботикъ, къ домику, къ образу, къ портрету Петра Великаго (ч. I, стр. 265—269).

Явись Петръ въ языческую пору, и его назвали бы не царемъ, а богомъ ¹⁾.

Впрочемъ Сумароковъ, подобно Ломоносову, полнѣе высказалъ свой взглядъ на Петра не въ стихотворной, а въ прозаической формѣ. Быть можетъ, не безъ намѣренія состязаться со своимъ соперникомъ, онъ готовитъ въ 1759 году „Слово похвальное о государѣ императорѣ Петрѣ Великомъ“ ²⁾. Задача автора, какъ опредѣляетъ ее самъ онъ, не увеличить славу Петра, и безъ того гремящую во всей подсолнечной, но освѣжить ее въ памяти слушателей (стр. 221). И Сумароковъ дѣйствительно уходитъ въ область воспоминаній, пользуясь современными ему событиями, напримѣръ, побѣдами русскихъ войскъ надъ Фридрихомъ Прусскимъ, чтобъ оправдать и реальнѣе обозначить положительную сторону Петровскихъ преобразованій. Сумароковъ исполнѣ сторонникъ новаго направленія: „До времени Петра Великаго“, замѣчаетъ онъ,—„Россія не была просвѣщена ни яснымъ о вещахъ понятіемъ, ни полезнѣйшими знаніями, ни глубокимъ ученіемъ; разумъ нашъ утопалъ во мракѣ невѣжества, искры остроумія угасали и воспламениться не имѣли силы“ ³⁾.

Возстановляя духовный образъ монарха, современники Елизаветы пытались, кромѣ того, увѣковѣчить его дѣянія и въ формѣ болѣе осязательной. Извѣстный актеръ Волковъ, написавшій утерянную оду Петру Великому, по отзыву Новикова, „великой похвалы достойную“, работаетъ надъ бюстомъ царя ⁴⁾; Нартовъ вмѣстѣ съ Ломоносовымъ сочиняютъ медали ⁵⁾; италіанцамъ Растрелли и Мартелли поручаютъ отливку конной статуи ⁶⁾. Но всего больше и въ этой области работаетъ тотъ, чьему умственному взору яснѣе прочихъ видна была колоссальная фигура царя: Ломоносовъ готовитъ мозаичный портретъ государя ⁷⁾ и таковыя же изображенія глав-

¹⁾ *Сумароковъ*, ч. II, стр. 3—12.

²⁾ Первоначально въ *Трудолюбивой Пчелѣ* 1759, октябрь, стр. 579—592; позже въ *Собран. сочин.*, част. II (изд. 2-е), стр. 219—228. Цитруемъ по этому послѣднему.

³⁾ *Ibidem*. См. также реченную реторнку А. Б. *Селія* въ его „Зерцалѣ историческомъ государей Россійскихъ“. *Древн. Росс. Визію.*, изд. 2-е, т. XVI, стр. 35—36.

⁴⁾ *Словарь Новикова*, въ изд. Ефремова, стр. 25.

⁵⁾ *Биллярскій*, Матеріалы для біографіи Ломоносова, 268, 271, 274.

⁶⁾ *Соломевъ*, XXII, изд. 2-е, 321; XXVI, 343.

⁷⁾ Вышедшій Впрочемъ неудачнымъ. *Лекарскій*, *Исторія Акад. Наукъ*, II, 496—497, 550, 589, 590.

ныхъ моментовъ царствованія для проектированнаго надгробнаго памятника ¹⁾).

Въ первой половинѣ XVIII вѣка на ряду съ симпатіями русскихъ людей не трудно найдти аналогичныя движенія и среди иностранцевъ. Англійскій Spectator особенно цѣнилъ въ Петрѣ его отношенія къ Европѣ и готовность учиться. „Герои древности“, читаемъ мы въ этомъ журналѣ, — „далеко отъ него отстали, и нѣтъ изъ нихъ ни единого, котораго бы сіянія не помрачилъ онъ“. Его поступки „нѣкій родъ чуда, и ежели хотѣтъ ему сдѣлать похвалу, не извѣстно, чѣмъ начать и чѣмъ окончить“ ²⁾).

Но конечно, болѣе отголосковъ нашла дѣятельность Петра у единоплеменныхъ славянъ. Еще въ 1710 году, подъ впечатлѣніемъ Полтавской побѣды, одинъ дубровчанинъ, Игнатій Градичъ, пишетъ оду: „Plam Sieverski“, въ которой уподобляетъ Русскаго царя всесокрушающему пламени, не находящему себѣ никакихъ преградъ. „Дѣла его“, говоритъ поэтъ, — „извѣстны всему міру; слава дѣла его не погибнетъ, доколѣ солнце будетъ сіять и быстрыя рѣки течь къ морю. Никогда на свѣтѣ не услышать о такихъ доблестяхъ, о такомъ могуществѣ, какими обладаетъ Петръ; никогда солнце не откроетъ подобнаго ему витязя“ ³⁾). Подобнымъ же образомъ славить Петра и другой поэтъ изъ города Рагузы, Стефанъ Ружичъ, авторъ другой оды, „Pettar Alechssiouich“ ⁴⁾). Съ особенною любовью останавливается онъ на преобразованіяхъ Петра, преимущественно на распространеніи просвѣщенія въ народѣ. Подобно Градичу, Ру-

¹⁾ Ibid., II, 634, 711, 712, 765, 856, 863, 884. Сравни. 798 — 799. Вышолена была всего одна картина, изображавшая Полтавскій бой; остальные пять остались въ проектѣ. См. о нихъ подробнѣе ibidem, II, 855. Двѣ записки Ломоносова 1764 года, относящіяся до мозаичныхъ картинъ, приведены въ статьѣ *Вельтмана*, Портреть служебной дѣятельности Ломоносова, въ *Очеркахъ Россіи*, В. Пассека, кн. II (М. 1840), стр. 66—69. Ср. замѣтку г. *Божерянова*, Мозаичная картина Ломоносова, въ *Историческомъ Вѣстникѣ* 1886, № 9, стр. 655—656.

²⁾ *Сумароковъ*, Полн. собр. сочиненій, изд. 2-е, ч. IX, стр. 256—258.

³⁾ Plam Sieverski toies Pieuagnie u hualu Mosckouskoga Veliccianstua—вполнѣ напечатанъ у *Макушева*, въ *Материалахъ для исторіи дипломатическихъ сношеній Россіи съ Рагузскою республикой*, стр. 74—89. Сравни. стр. 15. Также В. Качановскій, *Значеніе не изд. дубровн. поета А. Глечевича. Дубровницкіе отголоски о Петрѣ I Великомъ. Памяти. Др. Письм. XIII, 1881, стр. 23—27.*

⁴⁾ Pettar Alechssiouich alli ti petnes slamegnià, diellù i cestì Petra Paruoga, Zarra i Samodarszga Russinskoga spieuagnie pò Stiepu Rusichiu, popu Dubrouackomu, godiseta 1717—у *Макушева*, ibidem, стр. 90—113. Также *Качановскій*, ibidem, 17—22.

жичъ высказываетъ надежду, что Русскій царь нѣкогда разрушитъ Турецкую имперію, „освободитъ христіанъ отъ ига мусульманъ и станетъ господствовать надъ всѣмъ міромъ“ ¹⁾. У черногорцевъ складывается пѣсня о томъ, какъ Петръ звалъ ихъ вмѣстѣ воевать противъ турокъ за вѣру православную ²⁾; помнятъ Петра и хорваты ³⁾; русскій посланникъ при турецкомъ дворѣ, Вишняковъ писалъ канцлеру Воронцову, что лучшія рѣчи турецкихъ христіанъ, особенно славянъ въ „бесѣдахъ о Россіи, самое пріятное чтеніе—жизнь Петра Великаго, которую они имѣютъ на разныхъ своихъ нарѣчіяхъ не только въ прозѣ, но и въ стихахъ, и даютъ богатыя награды тѣмъ, кто лучше напишетъ такую жизнь“ ⁴⁾.

Это восторженное чувство, съ какимъ относилось къ первому нашему императору ближайшее за нимъ поколѣніе, можно до известной степени прослѣдить и чрезъ всю литературу Екатерининскаго царствованія. И здѣсь нѣтъ недостатка въ тѣхъ же гиперболахъ, въ томъ же восторгѣ. Херасковъ преклонится предъ царемъ, какъ законодателемъ и назоветъ „безсмертнымъ“ ⁵⁾, а Іоанна Грознаго заставитъ отозваться о немъ словами: „се Богъ иль человѣкъ?“ ⁶⁾; другой поэтъ того времени, Державинъ въ цѣломъ рядѣ крупныхъ и мелкихъ стихотвореній сравнитъ его съ Богомъ, назоветъ „богомъ свѣта“ и т. п. ⁷⁾. Первоклассныхъ поэтовъ, разумѣется, повторяютъ второразрядные: въ устахъ одного Петръ Великій—„чуднѣйшій ге-

¹⁾ *Макушевъ*, Матеріалы, 16—17. Сравн. поему неизвестнаго автора: *La felicità comune. Voto di Pietro il Grande, Czar del Russie*, напечатана у *Макушева*, *ibid.*, 113—116. Въ ней авторъ „изображаетъ Петра I посланникомъ небесъ для утѣшенія страждущаго человечества“ (*ibid.*, 17).

²⁾ Напечатана у *Милутиновича*, Исторія Черне Горе, стр. 50 слѣд., приведено у *Кочубинскаго*, Сношенія Россіи при Петрѣ I съ южными славянами и румунами. *Чтен. Общ. Ист. и Др. Росс.* 1872, кн. 2-я, стр. 81 слѣд. Пѣсни черногорцевъ о началѣ сношеній съ Россіею при Петрѣ приведены у *Макушева*, Задуи. и адриатич. славяне, стр. 163 слѣд.

³⁾ *П. Витезовичъ*, Стихотвореніе о Петрѣ Великомъ. *Чтен. Общ. Ист. и Др. Росс.* 1862, кн. 2-я, стр. 1—28.

⁴⁾ *Соловьевъ*, XII, изд. 2-е, 87.

⁵⁾ Нуна или процвѣтающій Римъ. М. 1768, стр. 178.

⁶⁾ Россіяда. М. 1779. стр. 179.

⁷⁾ *Державинъ*, Сочиненія, изд. Академія Наукъ, I, 17—23, 315—316, 432; III, 250, 252, 280—281, 383, 468. Книжнинъ оставилъ послѣ себя начатую поему о Петрѣ. Собраніе сочиненій *Я. Б. Книжнина* (М. 1802), томъ I, стр. 10.

рой¹⁾; по словамъ другаго, дѣянія Петра столь необычайны, что потомки сочтутъ ихъ за вымыселъ²⁾; третій восклицаетъ: „Россѣ Петромъ лишь просіялъ!“³⁾ и т. п.⁴⁾. Поэтамъ вторятъ проповѣдники съ церковныхъ кафедръ; блестящій витія, митрополитъ Платонъ, точно копируя Неплюева, говоритъ: „На что ни обратимъ взоръ свой, все ему одолжено началомъ, все плодъ его благородумія и просвѣщенія... Все что ни видимъ, что ни вообразимъ, Пётръ или избрѣлъ, или утвердилъ, или основалъ, или къ тому случай подалъ“⁵⁾; сухой учебникъ географіи, лишь только приходилось говорить о Петрѣ, сейчасъ же повышалъ тонъ и отзывался о царственномъ реформаторѣ, какъ о „наивеличайшемъ изъ всѣхъ, доселѣ бывшихъ россійскихъ владѣтелей“, какъ о даровавшемъ „имперіи своей совѣмъ новый видъ“⁶⁾. Вспомнимъ также благородную горячность Порошина, съ какою онъ старается при всякомъ случаѣ напечатлѣть въ сознаніи своего царственного ученика образъ его великаго дѣда; обиліе анекдотовъ о Петрѣ въ „Запискахъ“ Порошина лучше всего показываетъ, какъ еще ярко жилъ этотъ образъ въ сознаніи потомства⁷⁾.

Купецъ Голиковъ съ молодыхъ лѣтъ проявляетъ живой интересъ къ исторіи Петра. Отвлекаемый обязанностями своего положенія, онъ тѣмъ не менѣе пользуется каждымъ удобнымъ случаемъ, чтобъ удовлетворить своей любознательности и подъ конецъ посвящаетъ всю жизнь на собраніе матеріаловъ для исторіи своего излюбленнаго „проя“⁸⁾. Результатомъ такого увлеченія являются знаменитыя „Дѣянія Петра Великаго“. Чувство восторга и безпредѣльнаго благоговѣнія къ царю,

¹⁾ Я. *Большаковъ*, Стихи на прибытіе Петра Вел. въ Архангельскъ. О высочайшихъ пришествіяхъ Петра изъ града Москвы на Двину. М. 1783, стр. 6.

²⁾ А. *Ломоносовъ*, Мадрагалъ Петру Вел. *Ученіе для вкуса, разума и чувствованій* 1793, ч. X, стр. 3.

³⁾ Н. *Николевъ*, Рондо Петру Вел. *Аониды*, кн. I, М. 1796, стр. 78—81.

⁴⁾ Сравни четверостишіе *Лисарева* въ Дополненіяхъ *Голикова*, XVIII, 561.

⁵⁾ Слово надъ гробомъ Петра Вел. по случаю празднованія Чесменской побѣды. Продолженіе седьмое поучительныхъ словъ при Высочайшемъ дворѣ, стр. 2, 3.

⁶⁾ Новѣйшее повѣствовательное землеописаніе всѣхъ четырехъ частей свѣта. Сочвено..... учеными россіанами. С.-Пб. 1795, ч. II, стр. 23.

⁷⁾ *Порошинъ*, Записки, изд. *Русской Старини*, 96—98; 103—104, 107—110, 114, 116, 132, 133, 148, 167, 178, 292, 552.

⁸⁾ *Голиковъ*, Дѣянія Петра Великаго, предисловіе къ первой части.

какъ къ великому творцу и мудрому учителю, легко прослѣдить на каждой страницѣ этого многотомнаго труда.

На ряду съ этою восторженностью идетъ, правда, болѣе спокойная, но за то и болѣе разумная, болѣе сознательная оцѣнка Петра, впрочемъ съ такимъ же безусловнымъ восхваленіемъ царя, предъ совершенствами котораго, какъ государя, по ея мнѣнію, ступшевыаются его недостатки.

Для императрицы Екатерины Петръ рисуется въ видѣ греческаго мудреца, учителя *par excellence* ¹⁾. Она беретъ у него уроки государственной оытности; принимаясь за какое-нибудь дѣло, роется въ архивахъ, увѣренная, что оно „было уже имъ обдуманъ“ ²⁾; носить съ собою табакерку съ изображеніемъ Петра, чтобы постоянно вспоминать о послѣднемъ и справляться: какъ поступилъ бы онъ въ томъ или другомъ случаѣ на ея мѣстѣ? ³⁾. Оттого главнымъ образомъ и симпатизировала Екатерина Іосифу II, что тотъ напоминалъ ей Петра живостью характера, преданностью государственному благу и постояннымъ желаніемъ учиться и учить другихъ ⁴⁾. Императрица сама свидѣтельствуетъ въ письмѣ къ Вольтеру, что всего болѣе цѣнитъ она въ Петрѣ то, что, при всей горячности его натуры, истина постоянно одерживала надъ нимъ верхъ ⁵⁾. Увѣковѣчить имя Петра въ достойномъ памятникѣ Екатерина считала своимъ нравственнымъ долгомъ, и Фальконетъ съ m-lle Колло явились достойными выразителями ея замысловъ. Быть можетъ, не безынтересно сопоставить мнѣнія Русской императрицы съ взглядами другаго царственнаго представителя XVIII вѣка? Фридрихъ II, въ ранней перепискѣ съ Вольтеромъ (1737—1738 гг.) такъ отзывается о Петрѣ: „Онъ не обладалъ ни малѣйшимъ признакомъ человѣчности и доблести; крайне невѣжественный, онъ дѣйствовалъ подъ вліяніемъ своихъ, ничѣмъ не сдерживаемыхъ, порывовъ. Жестокій во время мира, слабый на войнѣ, Петръ былъ обязанъ въ жизни счастію, а не уму“. Много лѣтъ спустя Фридрихъ радикально измѣнилъ свой взглядъ, и въ его

¹⁾ Сравн. *Державинъ*, Рѣчь 1803 года. Сочиненія, VII, 416.

²⁾ *Пушкинъ*, Сочиненія, изд. Анскаго, V, 319.

³⁾ *Prince de Ligne*, Portrait de Catherine le Grand. Oeuvres (édit. 1860), tom. III, p. 17.

⁴⁾ Ibidem.

⁵⁾ Oeuvres complètes de *Voltaire*. Nouvelle édition, tome XLIII (Paris. 1881), pag. 16.

„Histoire de mon temps“¹⁾ встрѣтимъ мы уже такія слова: „Подобно тому, какъ крѣпкая водка воздѣйствуетъ на желѣзо, такъ и Петръ кореннымъ образомъ преобразовалъ свою націю. Онъ былъ истинный законодатель и основатель своей монархіи; онъ создалъ людей, солдатъ и министровъ; воздвигъ на морѣ силу, достойную удивленія, и поставилъ народъ свой на виду всей Европы, заставивъ ее признать свои рѣдкостныя таланты“²⁾. Первое мнѣніе высказываетъ молодой, неопытный принцъ, живущій еще одними теоріями и отвлеченными умозрѣніями. Позже годы и опытъ умудряетъ его, онъ самъ пройдетъ трудную школу управленія государствомъ и сумѣетъ признать истинно великое въ великомъ человѣкѣ.

Возвращаясь на отечественную почву, обратимъ вниманіе на общій тонъ сатирическихъ журналовъ 1769 — 1774 гг.; весь онъ проникнутъ уваженіемъ къ реформѣ.

Еще съ бѣльшимъ основаніемъ то же можно сказать про „Письма русскаго путешественника“, которыя всецѣло оправдываютъ идею заимствованія у другихъ народовъ. „Путь образованія или просвѣщенія“, говоритъ Карамзинъ, — „одинъ для народовъ; всѣ они идутъ нмъ въ слѣдъ другъ за другомъ. Иностранцы были умнѣе русскихъ, итакъ надлежало отъ нихъ заимствовать, учиться, пользоваться ихъ опытами. Благоразумно ли искать, что сыскано?“. Короткое платье покойнѣе, удобнѣе и пріятнѣе длиннополаго кафтана; борода — признакъ дикаго человѣка; не брить ее — то же, что не стричь ногтей. „Надлежало, такъ сказать, свернуть голову закоренѣлому русскому упряму, чтобы сдѣлать насъ гибкими, способными учиться и перенимать“. Не довольствуясь этими въ столь ярко-западническомъ духѣ сказанными словами, Карамзинъ продолжаетъ далѣе: „Все народное ничто передъ человѣческимъ. Главное дѣло быть людьми, а не славянами. Чтѣ хорошо для людей, то не можетъ быть дурно для русскихъ; и, что англичане или нѣмцы изобрѣли для пользы, выгоды человѣчества, то мое, ибо я человѣкъ!.. Какъ Спарта безъ Ликурга, такъ Россія безъ Петра не могла бы прославиться“³⁾. И восемь лѣтъ спустя, въ 1798 г., проектируя (не выполненное) похвальное слово Петру, Карамзинъ держится того же

¹⁾ Oeuvres de Frédéric le Grand, tom. II. (édit. 1846), p. 21.

²⁾ Заимствовано у *Sadler*, Peter der Grosse, 31, 221, равно какъ и вышеприведенную ссылку на „Histoire de mon temps“.

³⁾ Карамзинъ, Сочиненія, изд. 1848, т. II, стр. 513—516.

взгляда. До-Петровская Русь, по его опредѣленію, безобразный, не обдѣланный кусокъ ирамора, новая Россія—статуя Зевса, изваянная Фидіемъ. Безъ подражанія Европѣ Россія не ушла бы далеко впередъ: стоитъ ли толковать объ измѣненіи народнаго характера, когда въ замѣнъ его намъ былъ открытъ такой неисчерпаемый источникъ новыхъ благъ! ¹⁾

Но едва ли изъ современниковъ Екатерины II, кто другой такъ глубоко и сознательно оцѣнилъ роль Петра Великаго въ русской исторіи, какъ сдѣлалъ это графъ Сем. Ром. Воронцовъ въ письмѣ своемъ 14-го декабря 1789 г. къ брату послѣ прочтенія первыхъ девяти томовъ Голиковскихъ „Дѣяній“. Онъ не боится признать ошибки въ узаконеніяхъ царя, крайнюю суровость къ сыну, податливость къ женѣ и т. п., такъ какъ все это съ избыткомъ выкупается высокимъ его умомъ, умѣнемъ выбирать людей, творить при малыхъ средствахъ великія дѣла. „Величіе“ Петра, очевидно, не одна только фраза въ устахъ Воронцова: оно заключается для него не въ однихъ только дѣлахъ, которыя по самому свойству своему кричатъ о себѣ; Воронцовъ сумѣлъ подмѣтить это величіе и въ мелкомъ фактѣ, и въ блѣдной чертѣ, и, конечно, всего болѣе во всей совокупности поступковъ ²⁾.

Такимъ образомъ, слѣдя за постепеннымъ развитіемъ общественнаго мнѣнія, мы можемъ отмѣтить тотъ фактъ, что во второй половинѣ XVIII вѣка на ряду съ прежними восторгамъ и благоговѣніемъ, у нѣкоторыхъ иногда проявившимися даже въ формахъ шаблонныхъ, начинаетъ пробиваться чувство благодарности не менѣе

¹⁾ *Полюдинъ*, Н. М. Карамзинъ, часть I, стр. 277, 294. Сравни. *Галаховъ*, Исторія русской словесности II, 4.

²⁾ *Д. Рябининъ*, Графъ С. Р. Воронцовъ. *Русскій Архивъ* 1879, книга I, стр. 495—496 (и въ Архивѣ кн. Воронцова, IX, 158—161). Сравни. въ томъ же духѣ (весьма впрочемъ шаблонную) оцѣнку Петра въ статьѣ гр. С. П. Румянцова: „Петръ Великій“ въ *Собесѣдникъ любит. рос. слова*, ч. VII (1783), стр. 169—177. О принадлежности этой статьи Румянцову см. въ автобіографіи послѣдняго *Русскій Архивъ* 1869, 850. Подобную же характеристику можно читать въ книгѣ: „Хронологія, переведенная тѣченіемъ сочинителя философа дворянина, изъ науки, которую сочинилъ г. де Шепинъ; часть I. М. 1782, стр. 248—250. Много мѣсть, полныхъ уваженія и благодарной памяти къ Петру, разсѣяно въ Дневникѣ П. И. Челищева, не упускавшаго случая реставрировать памятники пребыванія Петра въ Архангельскомъ краѣ (Путешествіе по сѣверу Россіи въ 1791 году, стр. 61, 71, 73, 78, 103, 105, 106, 121).

сильной, но болѣе сознательной, а потому и болѣе спокойной, болѣе ровной. Поколѣніе позднѣйшее, люди Екатерининской эпохи не находились уже подъ непосредственнымъ обаяніемъ титанической натуры царя и результатовъ его дѣятельности. Вторая половина XVIII вѣка успѣла уже сдѣлать самостоятельные шаги впередъ по пути прогресса. Временная задержка, наступившая по смерти Петра, очевидно для всѣхъ, окончилась. Извнѣ Россія успѣшно боролась съ Польшою и Турціей, и то, что составляло завѣтъ предшествовавшихъ поколѣній, казалось, было достигнуто. Берега Азовскаго и Чернаго морей не оглашаются болѣе дикими криками разбойничьяго гвѣзда татарскаго, нашедшаго себѣ пріютъ въ степяхъ Тавриды. Западно-русскія области воссоединены съ великорусскимъ населеніемъ. Отношенія Европы къ Россіи полны уваженія и даже тайнаго страха. Внутри просвѣщеніе духовное, культура внѣшняя дѣлаютъ видимые успѣхи. Являются Болотовы, вносящіе гуманныя начала въ деревенскую, прежде столь одичалую, глушь. Самый „Недоросль“ показываетъ, что истинное образованіе для средняго класса считалось тогда не только необходимымъ, но и возможнымъ. Если казнокрадство, неправосудіе и другіе пороки можно было встрѣтить на каждомъ шагу, за то отношеніе общества къ этимъ явленіямъ становится уже инымъ. Прежде Петръ былъ одинокимъ со своей карающею дубинкой; теперь одни сатирическіе журналы уже ясно говорили, что изъ массы выдѣлилась лучшая часть и сознательно стояла на сторонѣ благихъ начинаній правительства. Уваженіе къ знанію увеличивалось, нравы замѣтно смягчались, явилась жизнь общественная, общественные интересы...

Конечно, всякій, кто только серьезно задумывался надъ этими явленіями, долженъ былъ признать ихъ корень въ реформѣ Петра. Но то высокопочтительное отношеніе, какое современники Екатерины питали къ царю, за рѣдкимъ развѣ исключеніемъ, не переходило болѣе въ прежнее идолопоклонство. Для людей этого времени Петръ, какъ мы сейчасъ видѣли, скорѣе явится въ образѣ греческаго мудреца, учителя по преимуществу. Да и то не для всѣхъ. Все чаще появляются лица, которымъ хочется разобраться въ своихъ чувствахъ и проанализировать ихъ. Въ Петрѣ готовы они видѣть не абсолютное зло или абсолютное добро, но только моментъ, за которымъ неизбѣжно послѣдуютъ другіе лучшіе моменты, лучшіе даже съ точки зрѣнія безусловныхъ почитателей великаго императора.

Такимъ образомъ эпоха Екатерины незамѣтно выходитъ на путь критики.

„Петръ Великій создалъ въ Россіи людей, ваше величество влагаете въ нихъ души“, говоритъ Бецкій Екатеринѣ, поднося ей уставъ воспитательнаго дома ¹⁾. „Петръ далъ намъ бытіе, Екатерина — душу“, говоритъ Сумароковъ въ надписи къ статуѣ Петра I ²⁾. Ту же мысль, почти въ тѣхъ же выраженіяхъ, высказываетъ и Херасковъ: „Петръ россамъ далъ тѣла, Екатерина — душу“ ³⁾.

Среди общаго торжественнаго хора мало по малу начинаютъ выступать голоса, если еще и не противоположнаго содержанія, то совершенно съ инымъ оттѣнкомъ, и не со стороны тѣхъ, кто видѣлъ въ Петрѣ антихриста, а въ бородѣ—все спасеніе; нѣтъ, эти голоса раздаются уже среди обрѣтыхъ короткокафтаниковъ, среди людей, освоившихся съ западною цивилизаціей. Это были голоса, еще не нападавшіе на Петра, но всю силу своихъ доводовъ употребившіе на защиту старины. Пока они не противъ реформы, но стоитъ только сдѣлать одинъ шагъ, логическій выводъ, — и они очутятся въ ряду противниковъ перваго нашего императора ⁴⁾.

Гдѣ же искать причину такого раскола въ новомъ лагерѣ? Дѣло въ томъ, что реформа сказала и обратную сторону: у многихъ

¹⁾ Генеральный планъ Московскаго воспитательнаго дома. С.Пб. 1767, стр. VIII.

²⁾ *Сумароковъ*, Полн. собр. сочин., изд. 2-е, ч. I, стр. 268.

³⁾ *Нума* или процвѣтающій Римъ. М. 1768, стр. 180.

⁴⁾ Двойственность своего положенія приходилось сознавать еще современникамъ Петра В. Напримѣръ, *Стефанъ Яворскій* удивляется генію Петра, славить его победы, неутомимую дѣятельность, создавшую могущество Россіи, и въ то же время не въ силахъ удержаться, чтобъ не вырвать своего несочувствія многимъ изъ его реформъ, и всего болѣе, конечно, тѣмъ, которыя затрогивали церковные порядки. Известна его рѣчь 17-го марта 1712 г., направленная противъ еискаловъ, гдѣ по сполучности онъ нападаетъ и на самого царя за разводъ съ Евдокією и, точно въ противовѣсъ ему, молится за здоровье царевича Алексѣя, „нашей единой надежды“. Также указываетъ онъ на бѣдственное положеніе народа и на порчу нравовъ, благодаря проникновенію иновѣрныхъ ученій (эти данныя сведены у *Лорфирьева*, Истор. русск. слов., ч. II, отд. I, стр. 38—43. Сравни *Тихонраговъ*, Московскіе вольнодумцы начала XVIII в. и Стефанъ Яворскій. *Русск. Вѣстн.* 1870 г., № 9, стр. 37—41). Официальное положеніе Яворскаго въ значительной степени объясняетъ рѣдкость подобныхъ выходовъ въ его проповѣдяхъ; она коренится, думаемъ, не въ однихъ схоластическихъ приемахъ, какъ это предполагалъ Самаринъ (Сочиненія, V, 377—378).

презрѣніемъ къ національному и увлеченіемъ иноземнымъ ради одной моды. Противъ этого-то и послышались обвиненія: можно стремиться къ образованію, говорятъ они,—и не разрывать связи съ прошлымъ; можно уважать иноземное и не презирать своего роднаго! Если новые порядки и вызовутъ въ старикахъ указаніе на Петровскую эпоху, какъ на примѣрную ¹⁾, то въ то же время проявится серьезный отпоръ общераспространенному взгляду о яко бы полной несостоятельности русскаго общества конца XVII вѣка.

Еще въ концѣ сороковыхъ годовъ Манштейлъ оспаривалъ мнѣніе, будто до Петра всѣ русскіе вообще были глупы и тупы. Онъ признавалъ въ массѣ народной сметку, здравый смыслъ, пожалуй, даже въ большемъ размѣрѣ, чѣмъ у другихъ народовъ Европы. Послѣ бѣдствій смутнаго времени, говоритъ онъ,—русскіе сумѣли освободиться отъ Польши и Швеціи, вернуть потерянное и стать снова самостоятельной націей, а глупцу этого не сдѣлать! ²⁾

Сумароковъ, забывая о своихъ прежнихъ дионрамбахъ, такъ выражается на своемъ грубомъ нарѣчій: „Бредятъ люди, проповѣдывающіе то, что мы до временъ Петра Великаго варвары или паче скоты были; предки наши были не хуже насъ, а сей послѣдній царь Ѳедоръ Алексѣевичъ, въ нашей древности былъ достойный братъ Петру Великому“ ³⁾.

То же самое, но только еще съ большимъ авторитетомъ говорить академикъ Миллеръ: „На исторію Ѳедора можно смотрѣть, какъ на переходъ отъ великихъ дѣланій царя Алексѣя Михайловича къ преобразованіямъ, совершеннымъ Петромъ Великимъ... Исторія должна справедливо... замѣтить, сколь многое уже было приготовлено отцомъ и братомъ Петра Великаго“ ⁴⁾. Новиковъ съ горечью замѣчаетъ, что и самыя добродѣтели предковъ нашихъ подвергаются осмѣванію. Изданіемъ Вивліоики онъ рассчитывалъ противоудѣлствовать этому направленію, выставляя величіе духа предковъ и разъясняя истинное значеніе событій ⁵⁾. Защиту старины и борьбу противъ

¹⁾ Вышеприведенный отвѣтъ Неплюева Екатерины; сравн. слова Фонъ-Визинскаго Стародума, дѣйств. III, явл. 1.

²⁾ *Манштейнъ*, Записки о Россіи, изд. 1875 г., стр. 327—328.

³⁾ *Сумароковъ*, Первый и главный стрѣлецкій бунтъ въ маѣ 1682 года. *Туманскій*, IV, 246 и Полю. собр. сочин., изд. 2-е, ч. VI, стр. 172.

⁴⁾ Рукописная „Исторія жизни и царствованія Ѳедора Алексѣевича“, предисловіе; приведено у С. М. Соловьева, Г. Ф. Миллеръ. *Современникъ* 1851, № 10, стр. 142 и у Е. Е. Замысловскаго, Царствованіе Ѳедора Алексѣевича, стр. 08.

⁵⁾ Предисловіе къ первому тому *Древн. Росс. Вивліоики*.

новомодныхъ французскихъ обычаевъ принимаетъ на себя и графъ А. И. Мусицъ-Пушкинъ, пользуясь для этого найденнымъ поученіемъ Владимира Мономаха ¹⁾.

Даже императрица Екатерина, относившаяся, какъ мы видѣли, къ Петру съ чувствомъ глубокаго уваженія, въ 1790 году, на предложеніе французскаго эмигранта Senac de Meilhan написать исторію Россіи XVIII вѣка, ставитъ непремѣннымъ условіемъ не „утверждать, что Россія до Петра Перваго не имѣла ни законовъ, ни устройства, между тѣмъ какъ существовало совсѣмъ тому противное“. Россія прежде „шла наравнѣ со всею Европою“, и только смуты конца XVI и начала XVII вѣка „остановили ея успѣхи на 40 или 50 лѣтъ“ ²⁾. Та же забота объ охранѣ древнихъ русскихъ доблестей руководитъ государыней, когда она составляетъ „Записки касательно Россійской исторіи“ ³⁾.

Но никто изъ принадлежавшихъ къ этой группѣ не высказывался такъ опредѣленно за старину, какъ неизвѣстный авторъ „Мыслей о Россіи, или вѣкоторыхъ замѣчаній о гражданскомъ и нравственномъ состояніи русскихъ до царствованія Петра Великаго“ ⁴⁾. Это былъ русскій вельможа, изложившій по французски свои мнѣнія, въ отвѣтъ на запросы его заграничныхъ друзей. Статья не предназначалась для печати и въ русскомъ журналѣ появилась, къ сожалѣнію, въ сокращеніи. Это въ сущности первый по времени трактатъ, разсматривающій до-Петровскую эпоху въ рѣзко-славянофильскомъ духѣ. Авторъ прежде всего востаетъ противъ французскихъ писателей, провозгласившихъ Петра творцомъ нынѣшней Россіи. Они забываютъ, говоритъ онъ, — что изъ ничего ничего и не бываетъ. Петръ дѣйствовалъ на почвѣ, подготовленной предшественниками. Если бы Россія до Петра была ничѣмъ, то откуда же взяла она силы вынести всѣ

¹⁾ Духовная в. кн. Владимира Всеволодовича Мономаха дѣтямъ своимъ. С.-Пб. 1793, примѣч. 9, 11, 20, 31, 41, 42, 43, 44, 49.

²⁾ Переписка о Сенакѣ въ *Русск. Архив.* 1866, столбцы 421—459; Сочиненія Екатерины, изд. *Смирдина*, т. III, стр. 413—418 (письмо къ Мордвинову).

³⁾ Первоначально въ *Собесѣдникѣ Любителей Росс. Слова*; позже отдѣльно въ 6 частяхъ. Защита до-Петровской старины въ *Антидотѣ*, можетъ быть, вытекала изъ соображеній менѣе безкорыстныхъ; полемика императрицы съ французскимъ облатомъ приняла такой рѣшительный характеръ, что обзывать старую Русь было необходимо, разъ на нее нападалъ авторъ *Voyage en Sibirie* (Сравн. Оснадацатый вѣкъ, *Бартенева*, IV, 289—294).

⁴⁾ *Вѣстн. Европы* 1807, част. XXXI, январь, №№ 1 и 2, стр. 8—29, 107—120.

тягости Смутнаго времени?.. Вотъ, напримѣръ, какую картину жизни рисуетъ намъ авторъ: „До Петра I, а особливо при жизни родителя его, російскій народъ былъ едипообразенъ въ своихъ обычаяхъ, твердъ въ правилахъ, благоразуменъ, прозорливъ и осмотрителенъ въ своихъ дѣйствіяхъ; наслажденіи русскихъ состояли въ простыхъ произведеніяхъ здраваго смысла. Незнакомы были имъ изступленія и мечты распаленнаго воображенія, равно какъ и его очарованія. Никто не выказывалъ себя знающимъ то, чего не вѣдалъ, и всѣ довольны были тѣмъ, что знали. Промышленность ограничивалась предѣлами родной страны, и русскіе не желали наслажденій искусственныхъ и удовольствій иноземныхъ. Русскій народъ имѣлъ собственный свой характеръ—суровый, можетъ быть, для нашего вѣка, но характеръ прямой и честный, умѣвшій чувствовать свое достоинство“ (стр. 6).

Съ идеализаціей и вполне наивно изображается читателю Красная площадь въ Москвѣ. Это своего рода биржа, современный клубъ, аэвнская стоа; сюда сходился каждый... „На сей-то Красной площади давались и принимались спасительныя совѣты; отсюда каждый возвращался домой богатѣ познаніями и добродѣтелями. Тамъ старики учили молодыхъ должностямъ ихъ и обязанностямъ, тамъ простой мѣщанинъ дѣлалъ упреки молодому сыну боярина за то, что онъ рѣдко посѣщалъ сіе священное собраніе ¹⁾. Тамъ пылкая юность училась воздерживать себя, молчать и терпѣливо слушать старшихъ; тамъ всякій человекъ... почиталъ себя подверженнымъ суду народа“ (18). Царь Алексѣй, который вообще у автора представленъ идеальнымъ государемъ, любилъ смотрѣть изъ оконъ дворца своего на Красную площадь; „всякій день доносили ему, что замѣчательное было говорено на площади, и какъ народъ о томъ думаетъ... всѣ знали, что царь былъ свидѣтелемъ всего случившагося“ (19).

¹⁾ Любопытно, что подобная же мысль выражена и въ „Антидотъ“ императрицы *Екатерины*: „Существовалъ обычай, чтобы въ городахъ каждый взрослый мужчина, около полудня, отиравался къ тому мѣсту, гдѣ творится судъ и расправа. Такимъ мѣстомъ въ Москвѣ была Кремлевская площадь, именуемая Ивановскою: тамъ толковали они о своихъ дѣлахъ, общественныхъ и частныхъ. Когда какой-либо старикъ замѣчалъ, что знатный молодой человекъ день или два не явился на площадь, онъ дѣлалъ ему упреки и грозилъ ему извѣстить о томъ его отца: не присутствовать на этихъ собраніяхъ считалось признакомъ дурнаго поведенія и лѣни; на нихъ можно было получить свѣдѣнія объ общественныхъ дѣлахъ и состояніи государства, и видѣть знакомыхъ“ (Осмнадцатый Вѣкъ, *Бартемева*, IV, 293).

Это-то духовное общеніе между главою государства и его подданными и было лучшею гарантіею общественнаго блага Россіи.

Только что приведенные взгляды, какъ мы уже сказали, отнюдь не были нападеніемъ на Петра; по отъ обороны старины до отрицанія реформы, хотя бы только въ ея частяхъ, и притомъ не существенныхъ, былъ всего одинъ шагъ. Дѣйствительно, защищая старину отъ неуважительныхъ на нее нападокъ и отыскивая причину этого неуваженія къ положительнымъ сторонамъ прежняго времени, многіе искали и находили ее въ самомъ Петрѣ Великомъ. Этотъ отрицательный взглядъ на реформу идетъ рука объ руку съ мнѣніями и передовыхъ умовъ запада.

Такъ, Ж.-Ж. Руссо говоритъ, что изъ русскихъ ничего не выйдетъ, потому что Петръ, вмѣсто того, чтобы сдѣлать изъ нихъ русскихъ, сталъ ихъ передѣлывать въ нѣмцевъ и англичанъ. Обладая однимъ подражательнымъ гениемъ, царь помѣшалъ своему народу развиться самобытно, увѣривъ ихъ, что они—то, чѣмъ на самомъ дѣлѣ не могутъ стать ¹⁾. Аббатъ Мабли считаетъ Петра способнымъ и умнымъ человѣкомъ, хорошимъ полководцемъ, но плохимъ законодателемъ, неискusstvenнымъ администраторомъ. Все, чтѣ Петръ ни творилъ, создавалось на пескѣ. Все держалось только личною волею царя; не стало его—и все рухнуло ²⁾. Что касается Монтескьё, то онъ обвиняетъ Петра въ тиранинн: бритье бороды и замѣна длиннаго платья короткимъ были проведены путемъ суроваго закона, тогда какъ слѣдовало прибѣгнуть къ примѣру и поощренію. Легкость и быстрота, съ какою Россія пошла по дорогѣ прогресса, лучше всего показываютъ, что государь составилъ слишкомъ дурное о ней представленіе, и что народъ русскій не былъ стадомъ (bêtes), какъ онъ его называлъ. Насильственные мѣры оказались бесполезными, а

¹⁾ Les russes ne seront jamais vraiment policés parce qu'ils l'ont été trop tôt. Pierre avoit le génie imitatif; il n'avoit pas le vrai génie, celui qui crée et fait tout de rien. Quelques unes des choses qu'il fit étoient bien, la plupart étoient déplacées. Il a vu que son peuple étoit barbare, il n'a point vu qu'il n'étoit pas mûr pour la police; il l'a voulu civiliser quand il ne falloit que l'aguerrir. Il a d'abord voulu faire des allemands, des anglois quand il ne falloit commencer par faire des russes: il a empêché ses sujets de jamais devenir ce qu'ils pourroient être, en leur persuadant qu'ils étoient ce qu'ils ne sont pas (Oeuvres complètes (édit. 1790), t. VIII (Contrat Social), pp. 82—83.

²⁾ Заимствовано у *Туманскаго*, Полное описаніе дѣяній Петра В., предисловіе, стр. XLVI—XLIII.

между тѣмъ, можно было бы достигнуть того же самого одною кротостью ¹⁾).

Съ этими иностранными воззрѣніями можно сопоставить и свои, домашнія. Извѣстный сподвижникъ Екатерины II въ дѣлѣ воспитанія, И. И. Бецкій прямо указываетъ на односторонность въ реформахъ Петра и говоритъ, что утилитарный взглядъ на образованіе оказался невѣрнымъ, а одна выѣшность, только и перенятая съ запада, — очень плохую гарантіей противъ невѣжества. Если дворяне, посланные Петромъ за границу, и вернулись съ знаніемъ, то, имѣя открытый путь къ почестямъ и повышеніямъ, не „упражнялись“ въ этомъ знаніи. Кто же „изъ подлости“ попалъ въ образованные люди, тѣ „скорѣе еще въ прежнее невѣжество и самое небытіе возвратились“. Опытъ доказалъ, что одно образованіе недостаточно: необходимо также воспитаніе, основанное на нравственныхъ началахъ ²⁾).

Въ томъ же духѣ высказывается и И. Н. Болтинъ, взявшійся за перо, чтобы возражать на крайне пристрастный трудъ французскаго писателя ³⁾. Остановливаясь, между прочимъ, на запрещеніи въ прежнее время ѣздить русскимъ за границу, Болтинъ доказываетъ, что это запрещеніе вытекало изъ „мудрой предосторожности“, ибо для плодотворной поѣздки требовался „зрѣлый разумъ и утвержденіе въ отеческомъ законѣ и нравахъ“. Петръ думалъ, что стоитъ только съѣздить за границу, и—просвѣтитесь; „но опытъ оправдалъ стариковъ нашихъ мнѣніе, что вмѣсто ожидаемой пользы вышелъ изъ того вредъ. Большая часть изъ посланныхъ имъ возвратились не просвѣщеніе, не умѣе, но порочіе и смѣшнѣе, нежели были. Тогда позналъ Петръ Великій, что надобно начать хорошимъ воспитаніемъ, а кончить путешествіемъ, чтобы видѣть желаемый плодъ ⁴⁾).

Тотъ же духъ критики слышится въ одномъ литературномъ произведеніи, гдѣ, подъ общераспространенною формою такъ-называемаго „Разговора“, выведенъ Лейбницъ, съ теоріей самодержавною, но проникнутою патриотизмомъ и любовью къ подданнымъ, власти; Мен-

¹⁾ *Montesquieu, Oeuvres. Paris. 1796, tome second, L'esprit des loix, livre XIX, chap. XIV, pag. 48—49.*

²⁾ Полн. Собр. Закон., XVI, № 12103, стр. 669.

³⁾ *И. Болтинъ, Примѣчанія на исторію древнѣи и нынѣшнѣи Россіи г. Леклера, 2 ч. С.-Пб. 1788. Эта была критика на Histoire de la Russie ancienne et moderne, par Le Clerc. 6 vls. 1783—1794.*

⁴⁾ II, 252.

шиковъ, охотнѣе опирающійся на силу внѣшнюю, на страхъ, и наконецъ, Петръ Великій, готовый признать справедливость перваго мнѣнія, но безъ желанія разстаться съ выгодною стороною втораго воззрѣнія ¹⁾.

Но всѣ эти нападки на Петра ничто въ сравненіи съ тѣмъ, что говоритъ про него княгиня Ек. Ром. Дашкова. Задолго до Петра, замѣчаетъ княгиня, — русскіе покорили царства Казанское, Астраханское и Сибирское; предметы русскаго искусства, особенно живописи, восходятъ къ самымъ отдаленнымъ временамъ; еще со временъ до-монгольскихъ хранится столько литературныхъ памятниковъ, сколько вся остальная Европа не имѣетъ ихъ. Считать поэтому Петра за творца Россіи было бы самымъ грубымъ заблужденіемъ; его „твореніе“ не болѣе, какъ „мнимое“ („cette prétendue création“). Петръ былъ гениаленъ, полонъ энергіи, стремился къ улучшенію, но у него не хватало воспитанія сдерживать свои порывы. Полный насилія, деспотизма, онъ обращался со всѣми, какъ съ рабами; недостатокъ образованія мѣшалъ ему видѣть, что многое, насильственно имъ вводимое, давно уже спокойно прививалось, благодаря времени, торговымъ сношеніямъ и примѣру. Петръ не исказилъ бы характера народнаго, если бы не далъ такого предпочтенія иностранцамъ, не ослабилъ бы уваженія къ законамъ, если бы не столь часто измѣнялъ ихъ. Свобода гражданъ была уничтожена, создано военное управленіе. Сколько жертвъ было принесено, чтобы создать столицу на невскихъ болотахъ!.. Построили адмиралтейство у рѣки, а морскія суда не могутъ идти дальше Кронштадта!.. Наконецъ, совсѣмъ не дѣло Петра было лазить по мачтамъ и работать съ топоромъ на верфяхъ. Къ чему было посылать знатныхъ людей за-границу учиться ремесламъ и дѣлать изъ дворянъ какихъ-то садовниковъ, кузнецовъ, рудокоповъ? Если нуждались въ рабочихъ рукахъ, то каждый дворянинъ охотно послалъ бы за себя трехъ-четырехъ человекъ своей дворни ²⁾.

Если воззрѣнія Дашковой и не трудно отпарировать, то онѣ чрезвычайно любопытны, какъ отраженіе времени. Грубыя формы эпохи преобразованія оскорбляли уже нравственное чувство современниковъ Екатерининскаго царствованія. Воспитаніе сердца, ува-

¹⁾ Петръ Великій, Меншиковъ и Лейбницъ. Разговоръ, бывшій въ Торгау 1711 года. Берлинъ. 1861. 8°. 20 стр.

²⁾ Histoire de ma vie въ Архивѣ кн. Воронцова, XXI, стр. 219—222.

женіе къ личности, сознаніе, что убѣжденіе должно быть выше физической силы; наконецъ, просто голосъ женщины, все сказалось въ нападкахъ Дашковой. Она смотритъ на эпоху Петра, какъ на фактъ, и мѣряетъ ее аршиномъ конца XVIII вѣка; Дашкова еще не въ состояніи стать на историческую точку зрѣнія, не невозможную однако для другихъ. Въ послѣднихъ же словахъ своихъ Дашкова, сама того не замѣчая, заимствуетъ у иностранцевъ взгляды, которыми Петръ—этотъ поклонникъ, по ея мнѣнію, всего иноземнаго—никогда не могъ бы сочувствовать... Чтò, какъ не сословное высокомеріе, почва которому, конечно, не въ Русской землѣ, слышится въ упрекѣ за посылку дворянъ въ чужія страны, когда всѣмъ этимъ презрѣннымъ ремесламъ могли-де посвятить себя и челядь?!.. Очевидно, кв. Дашковой непонятенъ Петръ съ его воззрѣніемъ на трудъ, какъ на извѣстную форму общежитія, облагораживающую человѣка и создающую духовную солидарность между людьми ¹⁾).

Разобранными мнѣніями не исчерпываются воззрѣнія второй половины XVIII вѣка на Петра. Подлѣ безусловныхъ поклонниковъ царя, подлѣ сторонниковъ XVII вѣка, еще остерегающихся произнести слово осужденія, и наконецъ, подлѣ критиковъ, осмѣлившихся заявить свое недовольство, стоитъ еще новая группа,— правда, самая малочисленная, но за то въ извѣстномъ отношеніи една ли и не самая интересная. Въ то время, какъ первыя группы въ сущности представляютъ видоизмѣненія тѣхъ взглядовъ на Петра, которые высказывались современниками послѣднего и непосредственно слѣдующимъ за нимъ поколѣніемъ, эта новая группа пытается оцѣнить дѣятельность Петра научными, волюнъ историческими приѣмами. Субъективныя соображенія уступаютъ мѣсто объективному пониманію: преобразователь разсматривается, какъ явленіе историческое, и судъ надъ нимъ произносится примѣнительно къ условіямъ его времени. Говоря это, мы имѣемъ въ виду Радищева и Щербатова.

Радищевъ издалъ въ 1789 году небольшую брошюрку, посвя-

¹⁾ Скорѣе благерствомъ, чѣмъ серьезнымъ осужденіемъ отзываются замѣчанія, сохраненныя Порошинымъ въ его „Запискахъ“ (изд. Русск. Стар., 96—97). Слова же Екатерины: „онъ (Петръ) самъ не зналъ, какіе законы учредить для государства надобно“, сохраненныя Грибовскимъ (Записки о имп. Екатеринѣ Великой. М. 1864, стр. 94), приведены безъ достаточной мотивировки, а потому, въ виду свидѣтельствъ Пушкина и принца де-Лива (см. выше), не могутъ быть приняты въ буквальный смыслъ слова.

ценную воспоминаніямъ о торжествѣ открытія памятника Петру на Сенатской площади ¹⁾. При бѣгломъ чтеніи этого „письма“ можно, пожалуй, причислить Радицева къ толгѣ безусловныхъ почитателей царя; но, вчитываясь внимательно, мы натолкнемся на мысли, которыя плохо вѣжуются съ хвалебнымъ тономъ. Въ нихъ ясно проглядываетъ возможность для автора критическаго отношенія къ Преобразователю. Частный человекъ, рассуждаетъ онъ,—гораздо скорѣе станетъ великимъ: достаточно для этого выдаться одною какою-нибудь стороною; а чтобы стать великимъ государемъ, надо обладать многими добродѣтелями. По мнѣнію Радицева, Петръ великъ уже однимъ тѣмъ, что привелъ въ движеніе такую громаду, какъ Россія, оставшуюся до него неподвижною. Но въ похвалахъ Петру слышится будущій авторъ „Путешествія изъ Петербурга въ Москву“. По его мнѣнію, Петръ могъ бы быть еще славнѣе, еслибъ „утвердилъ польность частную“. Окончательное прикрѣпленіе крестьянъ казалось Радицеву самымъ темнымъ пятномъ въ преобразовательной дѣятельности царя.

Что высказывается у Радицева только вскользь, мелькомъ, то возведено на степень опредѣленнаго взгляда княземъ М. М. Щербатовымъ. Въ своемъ „Разсмотрѣніи о порокахъ и самовластіи Петра Великаго“ ²⁾ знаменитый екатерининскій историкъ-публицистъ устанавливаетъ точку зрѣнія, единственно, по его мнѣнію, гарантирующую безошибочность въ оцѣнкѣ личности преобразователя. Духъ времени, грубость нравовъ, невоспитанность, потребности государственныя,—вотъ данныя, которыя помогутъ, говоритъ онъ,—разобраться въ противорѣчивыхъ воззрѣніяхъ.

Петра обвиняютъ въ жестокости, какую онъ особенно выказалъ во время стрѣлецкихъ казней 1698 года. Да, тяжело видѣть ее; но, умный человекъ, Петръ поступалъ, руководясь не однимъ темпераментомъ: стрѣльцы были политической партіей, враждебною всѣмъ нововведеніямъ; слѣдовательно, ихъ уничтоженія требовали интересы государственныя. Что касается до приемовъ уничтоженія, то въ нихъ виновато и худое воспитаніе, и грубость нравовъ. Говорятъ, что Петръ былъ жестокъ къ своему сыну! Но сынъ былъ противникомъ

¹⁾ Письмо къ другу, живящему въ Тобольскѣ, по долгу званія своего. Перепечатано въ *Русск. Старинѣ* 1871. т. IV, стр. 295—299.

²⁾ *Библиогр. Записки* 1859. № 12, стр. 353—371 и въ *Чтеніяхъ Общ. Ист.* и *Древн.* 1860, № 1, стр. 1—22.

реформы; горячимъ послѣдователемъ старины! Вступивъ на престолъ по смерти отца, Алексѣй уничтожилъ бы все, созданное Петромъ. Спасти свое созданіе царь могъ только губя сына, и онъ имъ пожертвовалъ во имя интересовъ государственныхъ.....

Другое обвиненіе противъ Петра—это тѣ наказанія, побои, какимъ подвергались всѣ люди, безъ различія званія и чиновъ.... Но тогда палку не считали безчестьемъ. Я самъ, прибавляетъ для большей убѣдительности Щербатовъ,—знаю современниковъ, битыхъ царемъ, но сохранившихъ къ нему одно только глубокое уваженіе. Не забудемъ, что пуская въ ходъ свою дубинку, Петръ въ то же время умѣлъ выслушивать правду и добрый совѣтъ.

Обвиняютъ Петра въ любострастіи, побудившемъ его развестись съ Евдокіей и жениться на Екатеринѣ. Но эта слабость никогда не поработала царя; во второй женѣ онъ нашелъ близкаго друга, и супружествомъ съ нею, признаніемъ ея дочерей законными дѣтьми своими онъ только утверждалъ спокойствіе престола и страны. Пьянство и спиваніе—было въ нравахъ того времени.

Остается разсмотрѣть, продолжаетъ нашъ авторъ,—еще послѣднее обвиненіе, именно въ „самовластіи“ (подъ этимъ выраженіемъ Щербатовъ понимаетъ крутыя мѣры, деспотизмъ и насиліе). Но какъ Петръ могъ бы обойтись безъ него? Россія конца XVII вѣка была страной безъ войска и торговли, безъ просвѣщенія и безъ желанія образованія.... Предоставленная самой себѣ, безъ Петра, Россія только къ 1892 году пришла бы въ то состояніе, въ которомъ она находилась послѣ Петра ¹⁾.

Точка зрѣніи Щербатова весьма близко по существу подходит къ взгляду С. М. Соловьева; послѣдній только развилъ мысль своего

¹⁾ Считая отъ 1682 г., когда заведена была Законоспасская школа, понадобилось бы не менѣе двухъ поколѣній, то-есть, 60 лѣтъ, чтобы только познать пользу науки; три поколѣнія (90 л.)—преодолѣть ненависть къ чужеземцамъ; одно поколѣніе (30 л.)—привыкнуть видѣть надъ собою (въ роли учителя) чужеземца и не знатнаго человека и обучиться необходимому; и столько же—вести войну, завоевать гавани, словомъ, и въ международныхъ отношеніяхъ занять мѣсто европейской державы. Все это подъ условіемъ, если не будетъ никакихъ помѣхъ. Этотъ расчетъ Щербатовъ дѣлаетъ въ другой статьѣ: „Состояніе Россіи до Петра Великаго“. *Чтенія Общ. Ист. и Др. Р.* 1860, ч. I, стр. 23—28. Сравни его же „Отвѣтъ гражданина на рѣчь об.-прокурора сената Неклюдова, 1790 г.“, горячую защиту Петра (*Библ. Зап.* 1859, № 13, столб. 385—394 и *Чтенія Общ. Ист. и Др.* 1860, ч. III, стр. 41—49).

предшественника, ясніѣ доказалъ ее и оставилъ существенными дополненіями (преемственность между эпохой XVII вѣка и эпохой преобразованія). Но для восемнадцатаго столѣтія оказалась еще невозможною опредѣленность и устойчивость въ пониманіи реформы. Тотъ же Щербатовъ спустя нѣсколько времени въ другомъ сочиненіи—„О поврежденіи правовъ въ Россіи“—проводитъ взгляды совершенно иные ¹⁾.

Реформа, говоритъ онъ на этотъ разъ,—въ основѣ хотя и необходимая, проводилась не всегда умѣренно. За „людскостью“ отношеній вошла роскошь, а за нею и лѣсть. Уничтожая суевѣріе, вѣру въ чудесное, уничтожали и самое чувство религиозное (сравненіе съ искуснымъ садовникомъ). Разводъ съ Евдокіей уже не оправдывается болѣе; осуждаются мѣры, замѣнившія значеніе мѣстничества значеніемъ чина, доступнаго для каждаго. Въ послѣднихъ словахъ такъ и слышится спѣсъ боярина, оскорбленнаго тѣмъ, что служебная табель о рангахъ поставила на одну доску и дворянина, и разночинца.

Сводя вмѣстѣ разнорѣчныя отзывы Екатерининскаго времени, можно слѣлать такое заключеніе: вторая половина XVIII вѣка, подобно первой, также двойственно смотрѣла на Петра Великаго, и если свела его съ небесъ и ада на землю, какъ поприще болѣе соответственное, то очевидно, далеко еще не была въ состояніи уяснить себѣ мѣсто, какое должна занять среди нихъ фигура Петра. Самые взгляды того и другаго лагеря страдаютъ недосказанностью, неполнотой, а потому и не ясны, мало доказательны. Единственное положительное приобрѣтеніе за это время—начало критики и первая попытка объективнаго анализа.

Переходъ восемнадцатаго вѣка къ девятнадцатому въ историографіи, посвященной Петру Великому, не ознаменовался ничѣмъ выдающимся. Эпоха Александра I не выработала новыхъ точекъ зрѣнія на Петра. Будучи далеки отъ желаемой законченности, возрѣнія той поры являлись, самое ббльшее, дальнѣйшимъ развитіемъ высказаннаго въ царствованіе Екатерины. Поэты, а тѣмъ болѣе заурядные риемослагатели, по прежнему создавали ходульныя вирши, злоупотребляя правомъ *licentiae poeticae*; ихъ напыщенныя панегирики, шаблонныя гиперболы теперь отзывались еще болѣею дѣланностью; чтó казалось простительнымъ для вѣка XVIII-го, то начинаетъ рѣ-

¹⁾ Русск. Старина 1870, т. II; 1871, т. III.

затѣ убо, когда вспомнишь, что это говорится поколѣніемъ болѣе позднимъ. Притупившееся впечатлѣніе читателя съ большею требовательностью относится къ безконечной вариации на одну и ту же тему. Но современники, надо думать, смотрѣли иными глазами.

Россия тьмой была покрыта много лѣтъ;

Богъ рекъ: да будетъ Петръ—и бысть въ Россіи свѣтъ.

Это двустипіе „знаменитаго поэта“ ¹⁾ стало очень популярнымъ и быстро пошло въ обращеніе ²⁾. У извѣстнаго графа Хвостова Петръ, „подобный въ смертныхъ Богу“, говоритъ:

„Россия будь!“—Россия процвѣла ³⁾.

Какая-нибудь „Прогулка по берегу озера Плесеева“ вызываетъ подобныя же размышленія: „Богъ рече: да будетъ свѣтъ! и бысть. Подобно Петръ Великій устроилъ Россію. ...Такъ творить геній!“ ⁴⁾.

Эта холодная реторика такъ и осталась несогрѣтою даже въ минуты празднованія столѣтней годовщины основанія Петербурга. Въ проповѣдяхъ говорятъ о „новомъ мірѣ“, созданномъ Петромъ для Россіи ⁵⁾; Хвостовъ пишетъ „Оду на случай воздвиженія 1803 года маія 1-го дня близъ города Переславля-Залѣскаго на берегу озера его, именуемаго Плещоно, въ селѣ Вельковѣ каменнаго зданія для храненія фрегата Петромъ Великимъ въ ономъ мѣстѣ сооруженнаго“ ⁶⁾, рисуя въ ней Петра, который

отъ горнихъ къ намъ летитъ,

какъ солнце пламенно восходитъ,

Благословеніе приводитъ

И громъ, и масляны дождятъ ⁷⁾;

¹⁾ Къ портрету Петра В. *Любитель Словесности* 1806, ч. III, № 7, стр. 45. Однородное по формѣ двустипіе *Попа* о Ньютонѣ:

Сокрытъ природы былъ во тьмѣ законъ и слѣдъ;

Богъ рекъ: чтобъ былъ Невтонъ!... и бысть повсюду свѣтъ

(*Чтеніе для вкуса, разума и чувствованій* 1793, ч. XII, стр. 227, переведено В), можетъ быть, послушало образцомъ.

²⁾ Сравни. Собраніе образц. русск. сочиненій и переводовъ въ стихахъ, изд. Общ. Люб. Отеч. Словесности, изд. 2-е, ч. VI (1822), стр. 79. Также *Вълинскій*, Сочиненія, IV, 370.

³⁾ Надпись Петру В. *Друзь Просвѣщ.* 1804, ч. III, іюнь, стр. 29.

⁴⁾ *Друзь Просвѣщ.* 1805, ч. III, іюль, стр. 38—40.

⁵⁾ Митрополитъ *Евгеній*, Собраніе поучительныхъ словъ, IV, 103.

⁶⁾ Москва. 1803.

⁷⁾ Стр. 10.

Подобную же „Пѣснь“ сооружаетъ и князь И. М. Долгорукій ¹⁾; пишутся поэмы ²⁾, „по языку и эпическому складу самой низкой пробы, долгое время служившія для литераторовъ предметомъ смѣха“ ³⁾ и т. п.

Въ ряду поэтическихъ произведеній, по задачѣ близкихъ къ поэміѣ Сладковскаго, еще не безъ достоинствъ „лирическое пѣснопѣвіе въ 8 пѣсняхъ“ князя Шихматова: „Петръ Великій“ ⁴⁾: оно по крайней мѣрѣ оригинально, съ патриотическимъ воодушевленіемъ, выраженнымъ мѣстами сильно, хорошимъ стихомъ ⁵⁾. Но и эти достоинства только относительныя ⁶⁾. Вслѣдъ за Шихматовымъ Грузинцевъ написалъ „Петриаду, поэму эпическую“ въ 10 пѣсняхъ ⁷⁾; построенная по образцу Вольтеровой „Генриады“, она взяла изъ нея же и ея риторическій тонъ, стихотворный метръ и т. п. ⁸⁾.

Къ разряду такихъ же произведеній относится и прозаическое „Похвальное Слово императору Петру Великому, отцу отечества, мудрому преобразователю Россіи“ ⁹⁾, сочиненное купцомъ Зубчаниновымъ. Высокопарная нота поднята съ первыхъ же строкъ и тянется не переставая на цѣлыхъ полутора страницахъ. Петръ, конечно, „отъ небесъ ниспосланное божество“ (стр. 3), „порфиросный наперстникъ земли и неба“ (42), лицо, которое да не дерзнетъ никто и въ мысляхъ сравнивать съ героями, царями-побѣдителями, кто бы они ни были. Нѣтъ ему подобнаго, нѣтъ ему и равнаго! Петръ единъ несравненный и себѣ только подобный“ (147). Риторическая монотонность воззваній, фигуръ и оборотовъ, размѣщенныхъ по всѣмъ правиламъ пѣтики, дѣлаетъ чтеніе нестерпимымъ. Искренняго чувства,

¹⁾ Пѣснь на случай ввенденія ботика Петра Великаго, хранившагося въ городѣ Переславль-Залѣскомъ при озерѣ Плещевѣ на мысу Гремячъ съ 1722 года, въ новое каменное зданіе. М. 1803. („Великій Петръ! Екатерина! Богоподобныя цари!“ и пр.).

²⁾ Р. Сладковскій, Петръ Великій, героическая поэма въ VI пѣсняхъ стихами сочиненная. С.-Пб. 1803. 4°. 145 стр.

³⁾ Галаховъ, Исторія русск. словесности, II (изд. 1868), стр. 158, прим.

⁴⁾ С.-Пб. 1810. 8°. 216 стр.

⁵⁾ Галаховъ, назв. сочиненіе, II, 158—159.

⁶⁾ Вспомнимъ ядкія эпиграммы Батюшкова: „Какое хочешь имя дай“, и проч. (Сочиненія, изд. 1885 г., ч. I, стр. 160). Сравни Галаховъ, Историч. Хрестоматія новаго періода, т. II (изд. 1864), стр. 164. Впрочемъ поэма Шихматова нашла очень сочувственнаго критика въ лицѣ В. Кюхельбекера (Сынъ Отеч. 1825, ч. 102, стр. 257—276, 357—386).

⁷⁾ Выдержала два изданія. 1812 (4°. 229 стр.) 1817 (4°. 200 стр.).

⁸⁾ Галаховъ, Истор. русск. слов., II, 158—159.

⁹⁾ С.-Пб. 1812. 8°. 155+63 стр. (приложенія).

если оно и было, не видать совсѣмъ. Какъ понимаетъ авторъ развитіе Петра, можно судить хотя бы потому, что поѣздку въ Архангельскъ 1693 года онъ объясняетъ желаніемъ царя познакомиться съ нуждами страны и запастись государственной мудростью (15—18)!

Такимъ казался Петръ въ устахъ людей, парившихъ на облакахъ реторики; спускаясь на землю, на почву обыденной прозы, писатели не находили ничего иного, кромѣ шаблонныхъ характеристикъ и самыхъ ординарныхъ выраженій ¹⁾. Фонтенелево похвальное слово, переведенное въ это время на русскій языкъ ²⁾, тоже не представляло особенныхъ достоинствъ, вмѣсто характеристики группируя далеко не всегда яркіе факты и черты изъ жизни Петра Великаго. Да и апологичъ пельзя назвать удачными ³⁾.

Вообще можно замѣтить, что искреннее чувство охотнѣе замѣнялось напыщенной фразою или по крайней мѣрѣ свободно уживалось рядомъ съ нею. Каждый вѣкъ имѣетъ свою манеру, и наши дѣды, очевидно, не находили безвкуснымъ того, что имъ предлагалось.

¹⁾ Напримѣръ, *Ал—сый Пыл—сз*, Мысли касательно монумента Екатерины Великой и памятника Петру Великому, какъ основателю С.-Петербурга; съ краткимъ присовокупленіемъ историческаго обозрѣнія Петербурга отъ построения его до нынѣшнихъ временъ, изображенія великихъ дѣлъ Екатерины и Петра и описанія древняго и нынѣшняго состоянія Россіи. С.-Пб. 1809. 12°. 86 стр. *В. Филимоускій*, Краткое историч. и хронолог. описаніе жизни и дѣяній великихъ князей Россійскихъ, царей, императоровъ и проч., ч. III (М. 1810), стр. 58—59. *П. Дюроа*, Петръ Первый, творецъ Маріинскаго канала. *Отеч. Записки* 1821, ч. VII, № 17, сент., 277—309.

²⁾ *Фонтенель*, Похвальное слово императору Петру Великому, переведено съ французскаго *А. Воиновымъ*. М. 1807. 8°. 73 стр.

³⁾ Краткое обозрѣніе восточной исторіи 18-го столѣтія, съ опроверженіемъ мнѣнія г. Гибера о Петрѣ Великому. Издано находящимся при военномъ министрѣ *Яковомъ де-Самилекомъ*. С.-Пб. 1809. По мнѣнію Гибера (въ соч. *Essai général de tactique*), Петръ поторопился проевѣтить Россію; она была бы нынѣ много опаснѣе для Европы, еслибы онъ не сосредоточивалъ всѣхъ силъ страны въ западныхъ областяхъ своего государства, не принималъ участія въ политическихъ дѣлахъ Европы, заботился бы болѣе о земледѣліи вмѣсто постройки городовъ, не вводилъ роскоши, сохранилъ бы у русскихъ ихъ дикость въ наружности и нравахъ (*vic!*) и проч. Сангленъ возражаетъ на это (стр. 97—112): полезное идетъ рука объ руку съ роскошью; если хочешь приобрести первое, надо терпѣть второе; точно такъ же вмѣстѣ съ искусствами входятъ и пороки; деревня и городъ взаимно дополняютъ другъ друга; перенести на западъ центръ тяжести государственной жизни было необходимо. Разумѣется, критикъ безъ труда разбиваетъ Гибера по вопросу о томъ, лучше ли было или имѣть сохранивъ дикость русскаго народа.

Прекрасною иллюстраціей того, до какой потери историческаго чутія доводила привычка пускать въ ходъ особый аршинъ и приподнимать тонъ, чуть только рѣчь заходила о царственномъ „ирѣ“, могутъ служить двѣ книги: вѣмецкая—Ваккербарта, въ переводѣ Лизогуба: сравненіе Петра съ Карломъ Великимъ ¹⁾, и русская—Голикова: такое же сравненіе Петра съ другимъ дѣятелемъ всемірной исторіи, Константиномъ, императоромъ Римскимъ ²⁾. Нѣмецкій авторъ задаясь,—вѣроятно, для вящей славы Русскаго государя—несчастною мыслью отыскать сходство въ жизни и дѣяніяхъ его и Карла Великаго и, разумѣется, нашелъ таковое безъ малѣйшаго затрудненія. Попринце, на которомъ происходили поиски за этимъ сходствомъ, было слишкомъ обширно и богато данными, чтобы не придти къ желаемому результату, особенно если принять во вниманіе нетребовательность, мѣстами доходящую до наивности.

Сравненія сплошь и рядомъ поражаютъ своею натянутостью: и у Карла, и у Петра въ первые годы ихъ царствованія были братья—соправители (стр. 18); Карлъ неожиданно былъ отвлеченъ отъ войны съ Саксами необходимостью спѣшить въ Италію; такъ и Прутскій походъ прервалъ нормальное теченіе Великой Сѣверной войны (23); у Петра былъ свой Витекиндъ—Карлъ XII, и своя добыча Саксонія—берега Балтійскаго моря (28—30). Оба императора впервые у себя выбиваютъ медали за отличіе (34); оба—законодатели (50), оба заботятся объ исправленіи духовенства (61—62), сооружаютъ новые города (69), заботятся о промышленности и торговлѣ (66—67). Было бы скучно перечислять всѣ эти сравненія; отмѣтимъ только наиболѣе курьезныя: какъ въ Карловой Франціи за труднопроходимыми Пиренеями жили культурные арабы, такъ и за недосягаемымъ кавказскимъ хребтомъ находилась Персія, гдѣ во времена Петра процвѣтали (?) науки и искусства (16); четыре короля Европы просили помощи у Петра, и четыре же, ни больше ни меньше, у Карла (81—82). Старшіе сыновья Карла и Петра прогиводѣйствовали своимъ отцамъ (57); ихъ жены жили не въ ладахъ съ мужьями (58—59); новая

¹⁾ Сравненіе Петра Великаго съ Карломъ Великимъ. Перевелъ съ нѣмецкаго Яковъ Лизогубъ. С.-Пб. 1809. 8°. 112 стр. Имя автора указано у Мицлова, Pierre le Grand, 104.

²⁾ Н. Голиковъ, Сравненіе свойствъ и дѣлъ Константина Великаго, пернаго изъ римскихъ христіанскаго императора, съ свойствами и дѣлами Петра Великаго, пернаго всероссійскаго императора, и провншествій, въ царствованіе обонхъ сихъ монарховъ случившихся. 2 части. М. 1810. 8°. 78+239 стр.

столица, Ахенъ, смѣнила старій Ингельгеймъ, подобно Петербургу, отстранившему Москву (70). Дважды объѣхалъ Петръ почти всю Европу; два же раза являлся Карлъ въ Италію (85—86). Оба императора по утрамъ занимались государственными дѣлами (43—44), оба были почти одинаковаго роста (84), оба любили исторію (94), ландкарты (99), лѣчились и купались: одинъ въ „Олонецкихъ баняхъ“, другой—въ „баняхъ“ Ахенскихъ, и наконецъ, оба скончались въ одинъ и тотъ же день, 28-го января (110). Конечно, никакихъ выводовъ изъ всѣхъ этихъ сближеній авторъ не дѣлаетъ, да и что могъ бы онъ сказать?

Сочиненіе Голикова ¹⁾ совершенно въ духѣ Ваккербартовской книжки; поэтому можно избавить себя отъ выписокъ для ознакомленія съ его содержаніемъ. Впрочемъ есть и отличія. Вторая, большая по объему, часть посвящена не „сходству“, а описанію „разностей“, и такъ какъ оно изложено въ видѣ двухъ цѣльныхъ очерковъ каждаго царствованія, то эту половину книги можно разсматривать какъ своего рода исторію Петра Великаго.

Въ ряду указанныхъ памятниковъ литературы о Петрѣ Великомъ болѣе стройное впечатлѣніе производитъ небольшая книжечка Тимоея Семеновича Мальгина ²⁾, и не потому, чтобъ она избѣгла реторики и ходячихъ выраженій, или что ихъ было въ ней меньше, но потому, что вся она вылилась изъ теплаго искренняго чувства. Авторъ, уже старикъ ³⁾, сохранилъ однако живое воспоминаніе о покойномъ государѣ: видно, что это человекъ болѣе ранняго, болѣе близкаго къ Петру поколѣнія, въ памяти котораго личность преобразователя вѣззалась сильно и глубоко. Вся статейка автора полна наивности ⁴⁾;

¹⁾ Въ предисловіи Голиковъ заявляетъ, что его работа въ первоначальномъ видѣ заготовлена была протоіереемъ московскаго Архангельскаго собора, П. Алексѣевымъ, имъ же, Голиковымъ, дополнена, расширена и приведена въ настоящій видъ.

²⁾ Т. Мальгинъ, Историческое изображеніе трехъ главныхъ достопримѣчательнѣйшихъ свойствъ или добродѣтелей всероссійскаго императора Петра Великаго. С.-Пб. 1811. 12°. 45 стр.

³⁾ Такъ самъ себя называетъ онъ въ предисловіи; родившись въ 1752 году, онъ умеръ въ 1819 г. (*Сужомянозъ*, Ист. Росс. Акад., V, 26).

⁴⁾ Содержаніе: главнѣйшими добродѣтелями Петра были: Вѣра, Надежда, Любовь. Первая („твердость вѣры“) доказывается апокрифическимъ приказаніемъ Петра во время пренія въ грановитой палатѣ изгнать раскольниковъ и не попустить оскорбленія церкви; вторая („мужество“)—письмомъ въ сенатъ съ береговъ Прута и умѣньемъ выпутаться изъ Прутской западни; третья („человѣчюлюбіе“)—спасеніемъ утопающихъ на Лахтѣ осенью 1724 года.

можно подумать, что читаетъ страницу изъ Крекшина. Мальгинъ не можетъ иначе говорить о Петрѣ, какъ „со страхомъ, съ благоговѣніемъ, со слезами“ (31); восторги его превращаются въ ликованіе; „прославлять толь великаго и рѣдкаго юрца“ кажется ему „однимъ дерзновеніемъ“ (2); по при этомъ читателю не приходится вѣрить на слово, и онъ безъ усилій понимаетъ, почему память великаго государя была такъ дорога русскому человѣку.

Обозрѣвая періодъ Александровскаго царствованія, нельзя опустить безъ вниманія взглядовъ Карамзина и Сперанскаго. Послѣдній прямо нигдѣ не высказывается о Петрѣ, но стѣбитъ всмотрѣться въ характеръ всей его дѣятельности, чтобы признать въ немъ ученика и горячаго послѣдователя реформы. Онъ весь отдается идеѣ заимствованія и настежь раскрываетъ двери политическимъ теоріямъ, циркулировавшимъ въ его время въ западной Европѣ. Въ его проектѣ „Организаціоннаго плана“ нашли себѣ мѣсто и принципы 1789 года, и ученіе объ аристократіи, поддерживающей равновѣсіе между націей и престоломъ, и ученіе Монтеスキе о раздѣленіи государственной власти, и избирательная теорія Сійеса¹⁾.

Карамзинъ XIX вѣка перестаетъ быть авторомъ „Писемъ русскаго путешественника“. вмѣсто горячаго поборника Петровскихъ реформъ предъ нами—авторъ „Записки о древней и Новой Россіи“, подобно Щербатову, явившійся защитникомъ родовой аристократіи, противникомъ табели о рангахъ, осуждающій царя за униженіе русскої національности, заимствованіе иноземныхъ обычаевъ, за утрату русскими добродѣтелей гражданскихъ, униженіе церкви, наконецъ, за космополитизмъ, который тотъ будто бы привилъ въ сердца русскихъ людей...²⁾ Какъ все это не похоже на горячія тирады, въ какихъ тотъ же авторъ недавно отстаивалъ дѣло Петра! Тѣмъ неожиданнымъ услышать намъ отъ Карамзина, семь лѣтъ спустя послѣ

¹⁾ *Романозичъ-Славатинскій*, Государственная дѣятельность Сперанскаго. Кіевъ. 1873.

²⁾ *Русск. Архивъ* 1870, столбцы 2251—2256. Не менѣе горячее сочувствіе старинѣ проявилъ и *Павелъ Львовъ* въ статьѣ: Примѣчаніе на древнее состояніе Россіи (Взятая изъ введенія въ повѣствованіе о бояринѣ А. С. Матвѣевѣ) *Сынъ Отеч.* 1814, ч. XIV, стр. 129—144, 189—195, 225—244 (въ этомъ отрывкѣ рѣчь идетъ собственно только „О просвѣщеніи Россіи въ древнія времена“). Начало этой статьи (вступленіе) приведено въ брошюрѣ *Львова*: „Бояринъ Матвѣевъ“ (С.-Пб. 1815, стр. 3—6) и во второмъ изданіи послѣдней, вошедшей въ составъ книги того же автора: „Достопамятное повѣствованіе о великихъ государяхъ и знаменитыхъ боярахъ“ (М. 1821), стр. 155—158.

Записки, слова, какъ будто снова возвращающія его къ идеямъ „Писемъ русскаго путешественника“. Вотъ что говоритъ онъ въ рѣчи 1818 года по поводу избранія своего въ члены Россійской академіи: „Петръ Великій.... сдѣлалъ насъ подобными другимъ европейскимъ народамъ. Жалобы бесполезны. Связь между умами древнихъ и новѣйшихъ россіянъ прервалась на вѣки... Красоты особенныя, составляющія характеръ словесности народной, уступаютъ красотамъ общимъ: первыя измѣняются, вторыя вѣчны. Хорошо писать для россіянъ: еще лучше писать для всѣхъ людей... Великій Петръ, измѣнивъ многое, не измѣнилъ всего кореннаго русскаго“¹⁾).

Это колебаніе въ оцѣнкѣ реформы лучше всего показываетъ, какъ трудно еще было ориентироваться въ вопросахъ, связанныхъ съ преобразованиемъ, и отыскать общую руководящую нить. И раньше мы могли видѣть, какъ въ одномъ и томъ же умѣ уживались представленія, логически непримиримыя (Сумароковъ, Екатерина II). Но тамъ, гдѣ холодный анализъ, серьезная мысль или, спускаясь ниже, журнальная замѣтка, ходячая молва не удовлетворяютъ насъ, запрещающая признать въ нихъ яркое отраженіе возрѣвнѣй вѣка, тамъ позволительно обратиться къ корифеямъ поэтической литературы: въ нихъ, какъ въ фокусъ, отчетливѣе и полнѣе отражаются господствующія вѣянія времени. И въ этомъ отношеніи мы не ошибемся. Пусть насъ не смущаютъ ни нападки Грибоѣдова на слѣпое подражаніе москвичей западной Европѣ, ни „Думы“ Рылѣева, согрѣтыя любовью къ старинѣ, съ ихъ желаніемъ „прославить подвиги славныхъ предковъ“²⁾,—рядомъ съ этими поэтами стоитъ иной поэтъ. Это онъ сказалъ про Петра:

Но правдой онъ привлекъ сердца,
 Но нравы укротилъ наукой,
 И былъ отъ буйнаго стрѣльца
 Предъ нимъ отличенъ Долгорукій.
 Самодержавною рукою
 Онъ смѣло сѣялъ просвѣщеніе;
 Не презиралъ страны родной,
 Онъ зналъ ея предназначенье.
 То академикъ, то герой,
 То мореплаватель, то плотникъ,
 Онъ всеобъемлющей душой
 На тронѣ вѣчный былъ работникъ!...

¹⁾ Карамзинъ, Сочиненія, изд. Смирдина, III, 648—649.

²⁾ Рылѣевъ, Сочиненія в перепискѣ, подъ редакц. Ефремова, предисловіе.

Это онъ написалъ: „Мѣднаго Всадника“, „Полтаву“, „Пиръ Петра Перваго“, „Арапа Петра Великаго“, и въ стихахъ полныхъ неотразимой силы и мощи нарисовалъ тотъ лучезарный нимбъ, которымъ личность Петра была окружена въ сознаниіи Пушкинскаго поколѣнія. Здѣсь, конечно, слѣдуетъ оговориться. Чтò отчетливо рисовалось поэту, то только въ пейсныхъ образахъ представлялось толпѣ, и нужны были работы слѣдующихъ поколѣній, чтобы сорвать завѣсу со все еще неяснаго облика. Не забудемъ, что рядомъ съ Пушкинымъ встрѣчается другой поэтъ, Батюшковъ. Устами Кантемира онъ отстаиваетъ отъ сомнѣній иностранцевъ прочность Петровскихъ преобразованій. Многое, по его мнѣнію, кажется неустойчивымъ только потому, что еще не успѣло пустить корней. „Дайте намъ время, продлите благопріятныя обстоятельства, и вы не отважитесь намъ въ лучшихъ способностяхъ ума“. Петръ создалъ въ Россіи людей. „Онъ развилъ въ нихъ всѣ способности душевныя, онъ выдѣлилъ ихъ отъ болѣзни невѣжества, и русскіе, подъ руководствомъ великаго человѣка, доказали въ короткое время, что таланты свойственны человѣчеству“¹⁾.

Если не Батюшковъ, то Пушкинъ—современникъ двухъ царствованій и такимъ образомъ вводитъ насъ въ новую эпоху. Царствованіе Николая I есть дѣйствительно новая эпоха въ изученіи личности Петра. Если начальная четверть нынѣшняго столѣтія не только еще не произнесла послѣдняго приговора, но и вообще не оставила яркаго слѣда въ изученіи Петровской дѣятельности, то никогда еще вопросъ о Петрѣ не ставился такъ прямо, такъ рѣшительно, не затрагивался такъ глубоко, какъ въ царствованіе императора Николая. Это время такъ-называемыхъ западниковъ и славянофиловъ. Мѣрка индивидуальныхъ симпатій, кое-гдѣ развѣ перемѣшанныхъ попытками на критику, уступаетъ теперь мѣсто цѣльнымъ мировоззрѣніямъ; уже не случайная догадка, а опредѣленный принципъ кладется въ основу изученія произведеннаго переворота. Национальное и общечеловѣческое вступаютъ въ ожесточенную борьбу.

Въ виду серьезныхъ положеній этихъ двухъ школъ совершенно отступаютъ на задній планъ тѣ дифирамбическіе возгласы, которые такъ часто раздавались въ прежнія царствованія. На ряду съ К. Ак-

¹⁾ К. Н. Батюшковъ, Сочиненія, изд. 1885, т. II, стр. 229, 228, въ статьѣ: „Вечеръ у Кантемира“.

саковымъ и Никитенкомъ, Хомяковымъ и Бѣлинскимъ уже не стоить упоминать о какомъ-нибудь Башуцкомъ, который девпзомъ къ своей „Исторіи С.-Петербурга по день кончины Петра I“ беретъ слова изъ Библии: „земли же бѣ невидима и неустроена: и тма верху бездны“¹⁾; о Лузиковѣ съ его экспромтомъ: „Петръ Великій“²⁾ и проч.; похвальное слово Савостьянова съ его тупою риторикой и сплошнымъ наборомъ фразъ не прибавить, конечно, ничего новаго къ ранѣе извѣстному³⁾; равно какъ не открытіемъ будетъ и фраза Олина: „Ему единому всѣмъ мы обязаны: просвѣщеніемъ, законами, славомъ; скажу болѣе—самыми даже благодатными для отечества царствованіями послѣдующими, какъ созрѣвшимъ уже плодомъ мудрыхъ его проразумѣній“⁴⁾. Да и количественно подобнаго рода литература начинаетъ встрѣчаться все рѣже и рѣже⁵⁾. Новое поколѣніе получило возможность взглянуть на дѣло съ иныхъ, болѣе совершенныхъ сторонъ и значительно подвинуть впередъ анализъ своей задачи.

Основныя положенія западниковъ и славянофиловъ на столько общезвѣстны, что было бы излишне излагать и перечислять ихъ въ этомъ мѣстѣ. Мы ограничимся указаніемъ нѣкоторыхъ только сторонъ.

Однимъ изъ наиболѣе яркихъ представителей славянофильскаго лагеря былъ, разумѣется, Константинъ Аксаковъ. Свою теорію земли и государства, „внутренней правды“ и „правды внѣшней“ примѣняетъ онъ къ исторіи Россіи и запада. Подъ напоромъ внѣшнихъ

¹⁾ А. Башуцкій, Панорама С.-Петербурга, ч. I (С.-Пб. 1834).

²⁾ Маякъ 1844, т. XVI, 3 (сочинено въ Архангельскѣ въ 1840 году).

³⁾ Н. М. Савостьяновъ, Похвальное слово на сооруженіе памятника имп. Петру Первому въ г. Воронежѣ, произнесенное 30-го іюня 1834 г. Воронежская Бесѣда на 1861 г. Ворон. 1861, стр. 355—357.

⁴⁾ В. Олинъ, О рожденіи Петра Великаго. Преданіе. С.-Пб. 1835, стр. 2—3.

⁵⁾ Прямо въ примѣчаніе относимъ мы статью В. Б(урнашева), Цвѣтокъ на гробъ Великаго Петра (Отеч. Записки 1829, ч. 39, № 112, стр. 194 — 242), настоящіе цвѣты краснорѣчія и восторга, разсыпанные на всемъ пространствѣ разнообразныхъ дѣлъ великаго царя. Точка зрѣнія автора достаточно опредѣляется избраннымъ имъ эпиграфомъ изъ Ломоносова: онъ богъ, онъ богъ твой былъ, Россія! См. также Л. П(ушкина), Петръ Великій (стихотвореніе, *ibid.*, 1842 г., XXIII, 152 — 154) — заурядная хвала; В. П., Изображеніе Петра Великаго (Смысл Отеч. 1840, т. III, стр. 521 — 538), по поводу изданія портрета Петра I, работы Фросте (Петръ—это геній, все провидѣлъ, сблизилъ Россію съ Европою и т. п.); наконецъ: Петръ Великій. Историческая ораторія въ двухъ отдѣленіяхъ. Передѣланная съ нѣмецкаго П. Г. Ободовскимъ. Положенная на музыку И. Л. Фуксомъ. С.-Пб. 1842. 8°, 17 стр. (стихи, по русски и по нѣмецки).

неблагопріятныхъ условій, говоритъ онъ, земля Русская, для спасенія своей земской жизни, призываетъ государство. Но именно потому, что это призывъ, а не завоеваніе, земля и государство не смѣшиваются, и государство становится не цѣлью, а средствомъ для существованія земли ¹⁾). Вотъ почему въ основѣ западно-европейскихъ обществъ, какъ созданныхъ завоеваніемъ, путемъ порабощенія земли государствомъ, лежатъ насиліе, рабство и вражда; въ основѣ Русскаго государства, сложившагося путемъ добровольнаго соглашенія, лежатъ добровольность, свобода и миръ ²⁾). Порядокъ этотъ, говоритъ Аксаковъ, — существовалъ до Петра, покуда не былъ имъ уничтоженъ. Петръ оказался не только продолжателемъ, но и революціонеромъ. Заимствованія полезнаго отъ иностранцевъ были и до Петра, и въ этомъ отношеніи онъ не сказалъ ничего новаго. Но „прежде принимали одно полезное отъ иностранцевъ, не заимствуя чуждой жизни, но оставаясь при началахъ своей жизни, и Россія оставалась самостоятельною. Петръ же, напротивъ, сталъ принимать все отъ иностранцевъ, не только полезное и общечеловѣческое, но частное и національное, самую жизнь иностранную, со всѣми случайными ея подробностями... Переломленъ былъ весь строй русской жизни, переиѣнена была самая система. Такимъ образомъ, даже самое полезное... стало... рабскимъ подражаніемъ. Къ этому присоединилось еще другое обстоятельство: именно, насиліе, неотъемлемая принадлежность дѣйствій Петра... Поэтому преобразование Петра есть рѣшительно уже переворотъ, революція, а въ этомъ и заключается особенность и историческое значеніе его дѣла... Нѣтъ, у него не было предшественниковъ въ древней Руси“: такъ заканчиваетъ Аксаковъ развитіе своихъ положеній ³⁾).

Можно не соглашаться съ высказанными положеніями, но едва ли позволительно видѣть въ нихъ что-либо обскурантное, какъ это кричали въ періодъ ожесточенной вражды двухъ направленій. Хомяковъ въ одной изъ своихъ журнальныхъ статей прямо говоритъ, что для нихъ, славянофиловъ, весь вопросъ въ томъ: былъ ли Петръ

¹⁾ Полное собраніе сочин. т. I (М. 1861), стр. 2—3.

²⁾ Ibidem., стр. 8—9.

³⁾ Ibidem., стр. 41, 42. По существу переворотомъ признаетъ реоруму Петра и Ю. О. Самаринъ. См. его замѣчанія на статью Соловьева: „Шлецеръ и антиисторическое направленіе“ въ *Русск. Бесѣдѣ* 1857, III, кн. 7, стр. 102. Сравни также его оцѣнку преобразованій Петра въ соврѣ церковной: Сочиненія, V, 245—256.

полнымъ представителемъ потребностей русскаго народа—потому что частная правда его дѣла ими никогда не отвергалась. А такъ какъ таковымъ (то-есть, полнымъ) представителемъ не въ силахъ быть ни одинъ, даже великій дѣятель, будетъ ли это Александръ Македонскій, Юлій Цезарь, Фридрихъ II, ибо всѣ они только отчасти, нѣкоторыми сторонами выполняли потребности своего времени, то ясенъ выводъ и по отношенію Петра ¹⁾).

Было время, когда тѣ же славянофилы высказывали мысли, очень близкія къ воззрѣніямъ противоположной школы. Такъ, напримѣръ, Ив. В. Кирѣевскій въ 1830 г. замѣчаетъ: хотя европейское просвѣщеніе начало вводиться у насъ и до Петра, но очень слабо, „мало по малу и отрывисто, отчего, по мѣрѣ своего появленія въ Россіи, оно искажалось влияніемъ нашей пересиливающей національности“. Правда, переворотъ Петра „былъ не столько развитіемъ, сколько переломомъ нашей національности; не столько внутреннимъ успѣхомъ, сколько вѣшнимъ нововведеніемъ“; но это было неизбежно: своей образованности у насъ не было, а будучи заимствована, она должна была вступить въ борьбу съ чуждою ей русскою національнію. Если и есть что въ поступкахъ Петра такого, чего желательно было бы избѣгнуть, то все выкупаютъ та образованность, какую внесъ онъ въ Россію ²⁾).

Въ томъ же духѣ высказывается и Хомяковъ въ 1839 году: я знаю, писалъ онъ,—что въ Россіи, какую засталъ ее Петръ, „хранилось много прекрасныхъ инстинктовъ... что мы попрали святія истины равенства, свободы и чистоты церковной; но нельзя не признаться, что всѣ лучшія начала не только не были развиты, но еще были совершенно затемнены и испорчены въ жизни народной, прежде чѣмъ законъ коснулся ихъ мнимой жизни“ ³⁾).

Вообще нельзя не замѣтить, что причина спора между западниками и славянофилами въ значительной степени коренилась во взаимномъ непониманіи. Идея просвѣщенія нерѣдко смѣшивалась съ характеромъ самаго просвѣщенія. Въ пылу спора обѣ стороны не хотѣли или не могли понять, что для каждой изъ нихъ одинаково дорого просвѣщеніе, свѣтъ истины. Въ этомъ отношеніи любопытно сопоставить взгляды Бѣлинскаго и Ив. В. Кирѣевскаго.

¹⁾ Хомяковъ, Сочиненія. М. 1861, т. I, стр. 589. Писано въ 1857 году.

²⁾ Кирѣевскій, Сочиненія, т. I, стр. 81, 83, въ статьѣ: „Деятнадцатый вѣкъ“.

³⁾ Хомяковъ, Сочиненія, т. I, стр. 365, въ статьѣ: „О старомъ и новомъ“.

Бѣлипскій, западникъ, положительную сторону реформъ видитъ въ томъ, что Россія изъ державы неподвижной и оцѣпенѣлой выведена была на путь развитія и измѣненій. Сознывая, что прогрессъ немислимъ безъ оживленной дѣятельности, онъ за то такъ и цѣнитъ Петра, что послѣдній далъ возможность старое содержаніе замѣнить новымъ, лишь только въ послѣднемъ стала чувствоваться необходимость. „Именно потому-то“, говоритъ онъ, — „и нельзя полагать, что Петръ искажилъ русскую жизнь и насильно совершилъ свою реформу“. Петръ, по мнѣнію талантливаго критика, даже и не пересоздалъ народа, а только „вывелъ его изъ кривыхъ, избитыхъ тропинокъ на столбовую дорогу всемірно-исторической жизни“. Медлить сближеніемъ съ Европою было нельзя, а сближеніе было немислимо „безъ насильственной реформы и отторженія, хотя бы и временнаго отъ старины“¹⁾.

Если параллельно съ этими мыслями прочитать статью Кирѣвскаго: „О характерѣ просвѣщенія Европы и его отношенія къ просвѣщенію Россіи“, статью, которую можно считать наиболѣе яркимъ отраженіемъ взглядовъ славянофильскаго кружка,—то не борьбу со знаніемъ найдемъ мы, а только желаніе указать несходство тѣхъ началъ, на какихъ развилась жизнь запада и Россіи. Эти начала авторъ сводитъ къ тремъ элементамъ. Христіанство проявилось на западѣ и востокѣ въ формахъ по существу несходныхъ; образованность древне-классическаго міра была воспринята западною Европою и Россіей, не вполне: каждая остановилась на одной какой-либо сторонѣ и только ее и развивала; наконецъ, государственный бытъ сложился тоже не одинаково: на западѣ путемъ завоеванія, на востокѣ путемъ мирнаго соглашенія²⁾.

Но если теперь, на разстояніи почти полувѣка, многое рисуется намъ въ иномъ свѣтѣ, то въ ту пору теорія „гнилага запада“, по крайней мѣрѣ въ томъ видѣ, какъ она понималась современниками, вызвала ожесточенную распрю и, безъ всякаго сомнѣнія, въ значительной степени обусловливала потребность особенно рельефно отгѣнить заслуги преобразовательной эпохи.

Западническое увлеченіе Петромъ въ литературѣ Николаевскаго времени, быть можетъ, никто не доводилъ до такой крайности,

¹⁾ *Бѣлипскій*, Сочиненія, IV, 333, 387, 399, 386, 391, 388.

²⁾ *Кирѣвскій*, Сочиненія, II, 238—240.

какъ профессоръ Никитенко ¹⁾. Его похвальное слово Петру ²⁾ на столько характерно, что на немъ стоитъ остановиться подольше.

Авторъ не дерзаетъ чертить исполинскій образъ царя, а хочетъ принести лишь одну дань благоговѣнія; да и къ чему раскрывать славу его дѣлъ, когда она и безъ того глубоко запала въ памяти и сердцахъ нашихъ? „Петръ Великій есть одно изъ тѣхъ необычайныхъ явленій нравственнаго міра, коихъ изученіе составляетъ задачу для мудрыхъ и кои только отважному взору генія допускають коснуться глубокой тайны своихъ силъ и начинаній“ (стр. 6). „Исторія“ по справедливости „назвала Петра величайшимъ изъ людей, коихъ имена когда-либо она принимала на свои страницы“: слава завоевателя, властителя обширныхъ владѣній, слава великаго мужа, повелѣвающаго

---

¹⁾ Сравни однако *Ө. Морошкина*, Обь уложеніи и послѣдующемъ его развитіи. М. 1839: Петръ былъ—„посланикъ неба, самодержавный смертный, рѣшительно рожденный для преобразованій... Дивное явленіе! отъ сложенія міра не бывало такого государя! Говорить, что крутость его ума и воли происходила отъ того, что онъ не получалъ надлежащаго воспитанія; но, Боже мой! какая наука могла ограничить эту алмазную душу, какое воспитаніе могло смягчить эти несокрушимые нервы ума, эти желѣзные мышцы воли? Если природа должна была уступать ему, то чтожь могла сдѣлать изъ него наука?“ (стр. 60 — 62). Точно также и у *Н. А. Полеваго*: „Петръ Великій былъ творецъ величія и могущества Россіи.... вдохнулъ русскому царству новую жизнь и началъ его всемірную исторію.... Избранникъ Божій.... онъ убѣдился съ юныхъ лѣтъ въ необходимости воинскихъ силъ для крапости и могущества государства“ (Русскіе полководцы или жизнь и подвиги рос. полководцевъ, отъ времени импер. Петра Великаго до царствованія импер. Николая I. С.-Пб. 1845, стр. 21—23). Настоящіе дневники въ духѣ XVIII вѣка провозносятъ тотъ же писатель въ другомъ мѣстѣ: „Геній его (Петра) могутъ постигнуть только или благоговѣнное удивленіе, или умъ, испытанный изученіемъ исторіи и глубокою думою о судьбѣ челоѣчества.... неопостижимѣ всѣхъ ихъ (явленій исторіи) Петръ—одно изъ самыхъ огромнѣйшихъ явленій челоѣчества.... Будетъ время, когда Петръ сдѣлается знаменіемъ величія для исторіи, великою тайною провидѣнія для философа. А для народа русскаго? О, храмъ славы Петра будетъ безмрентъ, когда въ преддверіи его станутъ племена полуміра и гимнъ благоговѣнія вздыдетъ предъ изображеніемъ его отъ конецъ земли, и во прахъ лягутъ предъ нимъ безсильная зависть и высокоумная систематика Запада!“ (О бумагахъ и запискахъ, оставшихся по кончинѣ Петра Великаго въ его собственномъ кабинетѣ. Сто русскіхъ литераторовъ, томъ I (С.-Пб. 1839), стр. 529, 533.

²⁾ *А. Никитенко*, Похвальное слово Петру Великому, императору и самодержцу всероссійскому, отцу отечества, провознесенное въ торжественномъ собраніи Императорскаго С.-Пб. университета, марта 25-го дня 1838 года. С.-Пб. 1838. 8°. 23 стр.

умами людей („вождя умовъ“), она ниже славы того, кто просвѣтилъ свой народъ и создалъ нравственный порядокъ. Заслуги Петра не въ томъ, что онъ увеличилъ существовавшія силы новыми силами; нѣтъ, онъ сдѣлалъ гораздо большее: дѣятельность его—„это цѣлое, полное міротвореніе! Изъ того, что онъ создалъ, ничего не существовало и что онъ создалъ, обречено вѣчному существованію. Не измѣряйте однимъ царствованіемъ пребыванія его на земли: въ его біографіи преднаписана исторія многихъ царствованій. Онъ столько же геній нашей будущности, сколько геній настоящаго; скорѣе не станетъ вѣковъ для совершенія его предначертаній, чѣмъ истощится богатство послѣднихъ“ (7). Благодаря Петру, на нашу долю выпала завидная „честь существовать по человѣчески и право возвышать и облагодѣлывать свое существованіе всѣми нашими силами матеріальными и нравственными“ (10). Петръ—источникъ всѣхъ тѣхъ разнообразнѣйшихъ благъ, которыми мы пользуемся нынѣ (*ibid.*)... Авторъ спѣшитъ предупредить вопросъ: „не надлежало ли намъ идти медленнѣе по новому пути“?—и даетъ отрицательный отвѣтъ: „это значило бы“, говоритъ онъ,—„отваживать будущность новаго порядка вещей и самую будущность государства на невѣрное покровительство удачи и случая“ (11). Нельзя было медлить, когда вокругъ возникали могущественныя державы. Что стало бы съ нами, еслибъ побѣдилъ Карлъ XII? еслибъ Наполеонъ I встрѣтилъ въ насъ одно только мужество, но безъ знанія (11—12)? „Нѣтъ, Петръ Великій не только просвѣтилъ Россію, но спасъ ее,—спасъ, потому что просвѣтилъ!“ (12)

Очертивъ значеніе Петра для Россіи, авторъ переходитъ къ оцѣнкѣ его, какъ дѣятеля всемірнаго. И здѣсь заслуги императора представляются ему не менѣе серьезными. Оближеніе Россіи съ западною Европой было благотворно не только для нашего отечества, но и для сосѣдей. „Оживотворивъ своимъ дыханіемъ“ Россію, Петръ „возвратилъ ее человѣчеству. Свѣжія энергическія силы влились мгновенно въ ослабѣвшее тѣло Европы,—и міръ получилъ новаго двигателя образованности еще неутомленнаго и непресыщеннаго успѣхами, готоваго усвоить себѣ, возрастить и провести въ копцы его все великое и прекрасное, все человѣческое, кромѣ оболоченій ложной истинны“ (12—13). Мы съ избыткомъ отплатили Европѣ за ея услуги, вырвавъ ее „изъ кровавыхъ рукъ мужа судьбы (Наполеона), научивъ сражаться за свою независимость и благодѣлать побѣдою“; а въ эпоху дикаго разгула политическихъ страстей, поддерживая колеблющіеся „троны и союзы общественныя“ (13—14). „Россія торжественно

слагаетъ съ себя вину предъ человѣчествомъ, что она не принимала участія въ судьбѣ его; она разомъ заплатила ему всѣ свои долги—она принесла ему въ даръ Петра* (14).

Вторая половина рѣчи Никитенка посвящена анализу собственно личности Петра Великаго. Хотя и здѣсь встрѣчаются увлеченія, нерѣдко переходящія въ гиперболизмъ, но есть и нѣсколько очень мѣткихъ указаній. Характеръ царя, конечно, отнесенъ ораторомъ къ числу столь же необычайныхъ, какъ необычайно величіе самихъ дѣлъ его. „Идеи его были выше понятій его народа; но, подобно небу, котораго предѣлы кажутся отовсюду слитыми съ предѣлами земли, эти идеи всею внутреннею силою своею опирались на народныхъ нравахъ и судьбѣ. Куда бы вы ни пошли по путямъ народнои нашей дѣятельности, вы вездѣ будете подъ этимъ небомъ; васъ вездѣ обхватитъ горизонтъ этого дивнаго ума, и между тѣмъ вы будете чувствовать, что надъ вами горитъ солнце и блестятъ звѣзды вашей святой отчизны. Онъ есть въ высочайшей степени представитель своего народа. Онъ впиталъ въ себя вдругъ съ исполнскою силою всю его жизнь и, переработавъ ее въ нѣдрахъ своей души, возвратилъ ее тому же народу въ лучезарныхъ потокахъ свѣта и славы“ (стр. 15). „Онъ (русскій народъ) принялъ отъ Петра свой умъ, свою нравственную силу и свои руки“ (стр. 16). „У другихъ, также мужей знаменитыхъ, вы находите умъ, какъ бы вылитый въ извѣстную форму человѣческаго образованія, умъ, такъ сказать, извѣстной эпохи; вы видите, что онъ и дѣйствуетъ подъ вліяніемъ предразсудковъ. Такіе умы бывають представителями одной идеи и осуществляютъ ее одну въ своихъ подвигахъ. Въ умѣ Петра, напротивъ, нѣтъ никакой наклонности къ утвердившимся понятіямъ или установленному способу соображенія: это чистый, если можно такъ выразиться, стихійный умъ, какимъ бываетъ онъ въ нѣдрахъ самой природы, прежде чѣмъ мы испортимъ его ложнымъ ученіемъ, суемысліемъ и страстями нашими,—умъ человѣческій, безъ примѣси того, что происходитъ отъ вѣковыхъ навыковъ. Для его дѣятельности какъ будто нѣтъ условныхъ формъ времени или мѣста. Для него существуетъ одна форма—истина и ясность. Казалось, отъ его мысли отпадали весь обыкновенный снарядъ обсуживанія, всѣ эти тоическія дѣйствицы, по коимъ мы медленно и ошупью подвигаемся къ истинѣ, однимъ мѣткимъ ударомъ ума своего онъ разбивалъ въ дребезги кору, облекающую сущность вещей, и вещи послушно предавали ему глубочайшія свои тайны, коихъ тщетно домогались другіе. Въ одно и то же время

необъятный, какъ Россія, и удобовѣримый въ самой мелкой подробности, этотъ дивный умъ равно изумителенъ въ силѣ своего расширенія и въ силѣ сжатости своей" (стр. 17—18).

Таковъ нашъ великій царь. Но, что же сдѣлало его таковымъ? Примѣнимо ли къ нему обычное представленіе о томъ, что великіе люди „приготавливаются предшествующими событіями" (стр. 19)? „Гдѣ его предтеча?... Было ли до него пробуждено хоть въ одномъ умѣ ясное сознаніе необходимости новаго порядка вещей?" Авторъ рѣшительно отвѣчаетъ на это: нѣтъ. „Не было ни одного стремленія въ его пользу, ни одного начатка... Все надлежало создать самому: цѣли, средства, людей,—самого себя... Общество ничего ему не дало ни для его намѣреній, ни для гениа... Петръ все получилъ или отъ неба, или отъ себя самого... Его умъ и воля—дары провидѣнія; знаніе онъ исторгъ силою изъ рукъ непріязненной судьбы" (стр. 20). Рисуя Петра неземнымъ титаномъ, Никитенко совершенно послѣдовательно говоритъ дальше: „это уже не монархъ-повелитель: это Божій посланникъ, принесшій миллионамъ людей слово истины и себя, какъ образецъ для послѣдованія" (стр. 21).

Но, поднимаясь все выше и выше по лѣстницѣ восторга и удивленія, авторъ отыскиваетъ еще новую ступень. Онъ задается вопросомъ: если указанными свойствами дѣяній и характера Петра легко объяснить чувство благоговѣнія, то гдѣ источникъ нашей любви къ Петру? Одного удивленія еще мало, чтобъ обожать, а между тѣмъ Петръ, „не смотря на строгія черты своего лица", поработилъ не только умъ, но и сердца наши? Источникъ этотъ — безпредѣльная любовь царя къ отечеству, готовность жертвовать собою для блага родины (стр. 21—22). „Но здѣсь нѣтъ уже мѣста никакому разбирательству, никакому суду. Петръ является намъ въ полномъ свѣтѣ самой чистой, прекраснѣйшей славы. Мы радостно войдемъ въ пантеонъ великихъ мужей всѣхъ странъ и всѣхъ вѣковъ, и съ гордостью падемъ предъ нетлѣннымъ образомъ Петра" (стр. 22)... „Здѣсь прекращаю мое слово... Здѣсь можно только молиться" (стр. 23). Молитвеннымъ обращеніемъ авторъ дѣйствительно и заканчиваетъ свою рѣчь. Онъ взошелъ на самую верхнюю ступень своей лѣстницы.

Рѣчь Никитенка, разумѣется, встрѣчена была весьма сочувственно единомышленниками ¹⁾ и очень враждебно въ противоположномъ ла-

¹⁾ Сравн., напримѣръ, *Бѣлинскій* (VII, 412): „образцовое произведеніе, полное здравыхъ мыслей".

герѣ. Всего сильнѣе попалъ на нее журналъ *Маякъ* въ лицѣ своего сотрудника В. Бѣлаго ¹⁾. Излагать его возраженія мы не будемъ; въ нихъ повторялось то же, что и обыкновенно въ ту пору писалось по адресу западниковъ: доказывалось примѣрами, что и древняя Русь не безъ доблестей, знаній, съ пониманіемъ необходимости новаго порядка вещей; что Петръ не могъ быть великимъ представителемъ Россіи, если до него не было великаго представляемаго и т. п. (стр. 99—110). „Дерево русской образованности“ еще до Петра приносило добрые плоды; хотя и медленно готовившіеся. Петръ же „взрыхлилъ только почву, корни окопалъ гноемъ, отребилъ бесплодное и сухое родіе, подвязалъ вѣтви, угрожавшія отяжелѣть плодами—и вотъ мы радуемся дереву и плодамъ его! Но дерево было до Петра; при Петрѣ былъ собственно только цвѣтъ его, изумительный, роскошный“ (стр. 115) ²⁾.

Борьба западниковъ съ славянофилами принесла несомнѣнную пользу: она выяснила два основныхъ принципа, которые должны лечь въ основу всякаго историческаго мышленія,—а именно: развитіе общества, переходъ изъ одного состоянія въ другое долженъ совершаться путемъ заимствованія; чѣмъ тѣснѣе духовное единеніе одного народа съ другимъ, тѣмъ обезпеченнѣе и самый прогрессъ; не механическое сочетаніе слагаемыхъ—народностей составляетъ сумму—человѣчество, а каждая нація есть органическая часть великаго цѣлага. Но все это не только не мѣшаетъ самостоятельному существованію каждой національности въ отдѣльности; но даже обязываетъ

¹⁾ В. Бѣлый, *Древніе и новѣйшіе судьи дѣяній Петра Великаго. Маякъ* 1844, т. XVIII, глава IV (критика), стр. 79—115.

²⁾ Какъ противовѣсь рѣчи Никитенка, Бѣлый ставитъ похвальное слово *Ломоносова*, которое и перепечатываетъ въ передачѣ на современный языкъ (26-го апрѣля 1755 г. въ Петербургѣ. *Маякъ* 1844 г., т. XVII, стр. 38 — 62). Въ *Маякѣ* же появилось, въ переводѣ А. Зражевской, похвальное слово *Фонтенеля* (*Маякъ* 1840 г., часть IV, стр. 101 — 122). Сочувственно относясь къ основнымъ положеніямъ французскаго академика, редакція снабдила переводъ многочисленными примѣчаніями (А. В. Висковатова, Полеваго (изъ *Очерковъ русской литературы*) и своими), гдѣ опровергала взглядъ Фонтенеля на до-Петровскую Русь, какъ невѣжественную и лишённую добродѣтелей. Сравнительно съ переводомъ Воинова въ новомъ допущены два несущественныхъ пропуска (*Маякъ*, 120, сра. *Воиновъ*, 64). С. П. Шевыревъ, ничего по существу не возражая противъ Никитенка, находилъ только неудобнымъ помѣщать въ „Полной русской хрестоматіи“ Галахова, предназначенной для юношества, нѣкоторыя выраженія. Неужели, замѣчалъ онъ,—русскій народъ до Петра Великаго не имѣлъ „чести существовать по человѣчески?“ (*Москвитининъ* 1843 г., № 6, стр. 525—526).

ее каждое заимствованіе предварительно провести черезъ горнило своего національнаго духа и крѣпко держаться традицій, не формъ, а именно традицій старины.

Впрочемъ, въ сороковыхъ годахъ еще не время было дѣлать такіе выводы. Въ пылу полемики обѣ стороны старались только отрицать свои противоположности и тѣмъ болѣе не допускали и мысли о какихъ-нибудь точкахъ соприкосновенія. А между тѣмъ таковыя существовали, и ихъ было даже больше, чѣмъ это могло казаться на первый взглядъ. Дѣло въ томъ, что обѣ школы выходили изъ основаній отвлеченныхъ, теоретическихъ; фактическое изученіе Петровскаго царствованія въ размѣрахъ сколько-нибудь удовлетворительныхъ все еще оставалось дѣломъ будущаго, и таинственную завѣсу не сдернулъ еще никто. Вотъ почему, когда настала пора непосредственнаго знакомства съ фактами, односторонность и общая обѣимъ школамъ беспочвенность возрѣвній неизбѣжно должна была раскрыться ¹⁾.

¹⁾ Отрицать еще нѣкоторыя наиболѣе замѣчательныя статьи. Такъ *Н. А. Полевой* помѣстилъ въ *Русск. Вѣстникѣ* 1841, № 1, стр. 95 — 134 статью: „Европа, Россія и Петръ Великій“, основная мысль которой такова: Россія по географическому своему положенію есть посредникъ между Европою и Азіею. Но чтобы стать живительнымъ началомъ для Запада, слѣдовало совершиться преобразованиею. Еще въ 1689 г. мы не были готовы для такого подвига. Но провидѣніе послало Петра—и Россія исполнила свою высокую миссію.—Для годичнаго собранія Академіи Наукъ 29-го декабря 1842 г. *Устряловымъ* была приготовлена (но не прочитана) рѣчь: „О состояніи Россіи предъ восшествіемъ на престолъ Петра Великаго“ (*С.-Петербур. Вѣдомости* 1843, №№ 11, 12, 13). Авторъ оспариваетъ мысль *Карамзина*, признававшего, что Россія и безъ внезапнаго, крутаго переворота, а сама собою достигла бы нынѣшняго своего благосостоянія. Правда, замѣчаетъ *Устряловъ*, въ Россіи и до XVIII столѣтія были хорошія стороны, прежде всего православіе и самодержавіе; но за то была и та косность, то невѣжество, то неуваженіе къ закону, та беспомощность по отношенію къ сосѣдямъ, парализовать которыя необходимо было возможно скорѣе (Рѣчь эта вполнѣдствіи цѣлкомъ вошла въ „Исторію царствованія Петра Великаго“, т. I, введеніе, глава: *Россія до Петра В.*, стр. XI—XXX.—*С. П. Шевиревъ* провелъ параллель между Петромъ и Ломоносовымъ (вошла въ составъ „Академическихъ бесѣдъ въ 135 верстахъ отъ Москвы“. *Москвитинимъ* 1844, № 10, стр. 346—358), указывая, впервыхъ на то, что послѣдній есть необходимое слѣдствіе и дополненіе перваго, и вторыхъ, на *двойственность*, съ какою представляется намъ царь въ своихъ поступкахъ: такъ, напримеръ, съ религіи онъ допускаетъ осмѣяніе (всепьянѣйшій соборъ) и въ то же время ревностно защищаетъ православіе (Сорбонна), оставаясь и самъ глубоко религіознымъ; съ народности — преслѣдуетъ національную одежду, покровительствуетъ

Новый поворотъ въ изученіи первыхъ десятилѣтій XVIII вѣка наступаетъ со времени вступленія на престолъ императора Александра II. Общее оживленіе сказалось и на литературѣ Петровскаго вопроса. Старыя воззрѣнія, конечно, еще не сошли со сцены; напротивъ, съ прежнею энергією продолжаютъ они защищать свои положенія... Устряловъ въ „Исторіи царствованія императора Петра Великаго“ выступить такимъ же колѣнопреклоненнымъ предъ образомъ Петра, какъ и Никитенко; и въ то же время, напримѣръ, И. Д. Бѣляевъ совершенно въ духѣ крайнихъ славянофиловъ нападетъ на царственного реформатора ¹⁾; да и наиболѣе изъ видныхъ представителей славянофильскаго лагеря — К. Аксаковъ, Хомяковъ — покинуть перо не тотчасъ послѣ 1855 года; тѣмъ не менѣе новая струя даетъ себя чувствовать все сильнѣе и замѣтнѣе.

Болѣе близкое знакомство съ XVII вѣкомъ начинаетъ понемногу раскрывать черты, родившія его въ глазахъ людей XIX вѣка съ вѣкомъ Петра. Самъ Бѣляевскій уже замѣчалъ, что „потребность преобразованія сильно обнаружилась еще въ царствованіе Алексія Михайловича, и уничтоженіе мѣстничества при царѣ Ѳеодорѣ Алексіевичѣ было тоже слѣдствіемъ этой потребности“ ²⁾. Кавелинъ въ 1846 году говорилъ, что реформа подготовлена всѣмъ предыдущимъ бытомъ; она дѣйствовала круто, но иначе не могла. Петръ былъ глубоко убѣжденъ, что продолжаетъ дѣло своихъ предковъ, онъ хорошо зналъ свою Россію ³⁾. Возражая противъ господствующаго убѣжденія, Горскій доказывалъ, что Россія не есть созданіе Петра, только довершившаго то, что сознавали и начали дѣлать его предшественники ⁴⁾.

На прочныхъ основаніяхъ развилъ эту мысль С. М. Соловьевъ. Онъ показалъ, что XVII вѣкъ, хотя и медленно, хотя и незамѣтно для самого себя, но шелъ къ той же цѣли, которую разрѣшилъ

иноземцамъ, а между тѣмъ рѣчь его съ чисто русскими оборотами, онъ прекрасно знаетъ Св. Писаніе, прилагаеть большія усилія насадить русскую науку, завозить сношенія съ славянскими народностями; въ самомъ характерѣ царя много народнаго юмора (Сопоставленіе Ломоносова съ Петромъ вышло довольно слабымъ и мѣстами ватинутымъ).

¹⁾ *И. Бѣляевъ*, Русское общество при Петрѣ Великомъ. *День* 1864, №№ 2, 3.

²⁾ *Бѣляевскій*, Сочиненія, IV, 398.

³⁾ *Кавелинъ*, Сочиненія, I, 369—371.

⁴⁾ *С. Горскій*, Объ историч. значеніи царствованія Алексія Михайловича (Казань. 1857), стр. 1—7.

Петръ Великій; что переломъ былъ необходимъ, неизбеженъ, вытекалъ изъ самаго порядка вещей, и что поэтому одинаково неосновательны были и lamentaціи славянофиловъ, и восторги западниковъ: Петръ совершалъ реформу не потому, что хотѣлъ разорвать связь съ прошлымъ и не потому, что хотѣлъ ввести въ жизнь какія-то общечеловѣческія начала: его реформа разрѣшала чисто національныя задачи,—и ничего больше ¹⁾).

Взглядъ знаменитаго историка, можно сказать, и до сихъ поръ остается краеугольнымъ камнемъ нашихъ возрѣній на Петра Великаго. Не послѣднее значеніе имѣеть и то, что столь глубокій знатокъ до-Петровской старины, какъ И. Е. Забѣлинъ всецѣло принимаетъ освѣщеніе московскаго профессора. Нѣмецкій стиль переворота, говорить онъ,—не въ состояніи скрыть вполне народной сущности реформъ: „Мы осуждены давно уже и за долго до Петра жить такъ, какъ живетъ Европа, а не такъ какъ жили наши предки“ ²⁾). Въ то же время мы видимъ, что основныя положенія Соловьева находятъ дальнѣйшее развитіе; такъ, напримѣръ, Е. Е. Замысловскій особенно подчеркнул тотъ фактъ, что сближеніе съ западною Европою началось у насъ еще до Петра ³⁾).

Но прежде чѣмъ взглядъ Соловьева завоевалъ себѣ право гражданства ⁴⁾, Петровская историографія пережила полосу, правда, непродолжительную, но довольно яркую.

Дѣло въ томъ, что когда, со второй половины пятидесятыхъ го-

¹⁾ Соловьевъ, *Исторія Россіи*, томы 13—18. М. 1863—1868.

²⁾ И. Е. Забѣлинъ, *Опыты изученія русск. древностей*, I, 86, 347. Сравни. 351.

³⁾ Е. Е. Замысловскій, *О значеніи XVII вѣка въ русской исторіи*. *Журн. Мин. Нар. Просв.* 1871, № 52, стр. 178.

⁴⁾ Сравни. М. К. (Н. Я. Аристовъ), *Взглядъ г. Соловьева на реформу Петра* (*Отеч. Записки* 1865, № 3 (февр. кн. 1), стр. 497—520: Соловьевъ наложилъ-де густыя краски на недостатки XVII вѣка (509). Еще сильнѣе расходится съ авторомъ „Исторіи Россіи“ тотъ же критикъ въ другой своей статьѣ (*Отечест. Записки* 1867, № 2, т. 170, стр. 96—122). *Журналъ Учитель* (редакція Паульсона и Веселая) въ руководящей статьѣ (1861, № 1) отрицалъ почти всякое вліяніе реформы на жизнь народную; послѣдняя продолжала будто бы идти прежнею дорогою; сильнѣе-tonиость *С.-Петербургскихъ Вѣдомостей* (1861, № 218: Литературная лѣтопись) разбирая эту статью, не только раздѣляетъ ея мысль, но и указываетъ, что готовыя формы запада занесены были на чужую почву, что реформа развѣдывала народъ съ образованнымъ обществомъ и т. п. Н. Я. Аристовъ говоритъ о тѣхъ же „готовыхъ иностранныхъ плодахъ“, внесенныхъ „безъ всякаго соображенія съ народными стремленіями“ (*О современномъ состояніи и значеніи русской исторіи*. *Учен. Записки Казанск. Унив.* 1868, вып. I, стр. 11—12).

довъ, печати стали доступны историческіе факты XVIII вѣка, считавшіеся до той поры подъ запретомъ цензуры, то частью подъ вліяніемъ новыхъ вѣяній, охватившихъ тогдашнее общество, частью на основаніи этихъ новыхъ фактовъ, раскрывавшихъ многія неприглядныя стороны прошлаго столѣтія,—Петра Великаго стали осуждать во имя началъ гуманности, нравственности и свободы. Въ этомъ осужденіи ничего общаго не было съ критикою славянофиловъ, подобно тому какъ и раньше критики въ Екатерининское царствованіе и раскольники-бородачи выходили не изъ одинаковыхъ основаній. Теперь Петра винили въ томъ, что онъ купилъ осуществленіе реформы слишкомъ дорогою цѣною, „скассовывая“ сотнями и тысячами своихъ враговъ, что слишкомъ жестокія мѣры должны были озлобить и огрубить народъ, поколебать успѣхъ самаго дѣла. Формы государственнаго устройства стали казаться слишкомъ жесткими, требованія правительства—порабощавшими свободу гражданъ. Задавали вопросъ: не слишкомъ ли приподнять былъ пьедесталъ, на который поставили царя? Преобладающее направленіе, охватившее тогдашнее общество и такъ ярко отражавшееся въ современной печати, въ значительной степени объясняетъ успѣхъ этихъ воззрѣній, хотя и подкрѣпленныхъ фактами, но разработанныхъ односторонне и совершенно неправильно.

Типичнымъ представителемъ этого направленія былъ М. И. Семеновскій ¹⁾. Онъ далъ рядъ статей ²⁾, въ которыхъ Петръ рисуется преимущественно человѣкомъ жестокимъ, невоздержнымъ и безчеловѣчнымъ. За пьянствомъ и казнями авторъ проглядѣлъ истиннаго Петра. Какой впрочемъ уже и въ то время оцѣнки дождался г. Семеновскій, можно видѣть изъ слѣдующихъ словъ одного его критика: „Историкъ сдѣлался лѣтописцемъ всѣхъ казней и пытокъ дѣйствительно грознаго времени преобразования, онъ съ наслажденіемъ рисуетъ ихъ картины, кропотливо собираетъ изъ всѣхъ доступныхъ ему источниковъ все, что только можетъ служить къ обвиненію Петра и къ оправданію его жертвъ, или вовсе не подвергая этихъ извѣстій, писанныхъ часто подъ вліяніемъ ненависти и предразсудковъ, никакому критическому разбору, или комментируя ихъ самымъ

¹⁾ Сравн. также *Z* (А. Циммерманъ), Фрейлина Гамильтонъ. *Съверн. Пчела* 1860, №№ 73, 85. Заповѣдалымъ отголоскомъ подобныхъ же воззрѣній была статья В. В. Андреева: Знаніе, мысль и слово въ Россіи во времена имперіи. Петръ I. Нравственный уровень Петра (*Всемирн. Трудъ* 1871, № 1, стр. 1—21).

²⁾ См. перечень ихъ въ его же книгѣ: Слово и Дѣло, изд. второе, стр. 343, 344, 349.

недобросовѣстнымъ (?) образомъ. Напротивъ, все, что только служить къ оправданію Петра, подвергается его сомнѣнію, перетолковывается въ дурную сторону, или вовсе даже оставляется безъ вниманія. Что ему за дѣло, что эпоха Петра была эпохой перелома въ жизни государственной и общественной, что подобныя эпохи никогда и нигдѣ не давались даромъ, особенно же при такихъ условіяхъ, при которыхъ происходила реформа Петра. вмѣсто оцѣнки общей дѣятельности Петра, вмѣсто опредѣленія отношенія его времени къ предшествовавшему и послѣдовавшему быту Россіи, г. Семеновскій занимается только жалкою игрою въ слова „великій“, „гениальный“, „премудрый“, употребляемымъ въ ироническомъ смыслѣ; мы говоримъ жалкою, потому что истинный историкъ позволитъ снять съ извѣстнаго лица маску величія, если потомство, по убѣжденію его, несправедливо кого-либо имъ наградило, но никогда не позволитъ себѣ издѣваться надъ титуломъ, утвержденнымъ приговоромъ потомства въ лицѣ цѣлаго міра, имѣя только въ пользу своего мнѣнія одни жалкіе факты, рассматриваемые съ односторонней точки зрѣнія“¹⁾).

Эта выдержка, хотя и не лишенная полемическаго задора, показываетъ, что и въ пору своего возникновенія новая точка зрѣнія встрѣтила достойный отпоръ. Въ противоположность западникамъ и славянофиламъ, теперь уже отрицають вредныхъ сторонъ преобразованія: признають жестокость царя, незаконность пытокъ надъ царевичемъ Алексѣемъ послѣ его осужденія²⁾; согласятся, что при Петрѣ пролито было не мало крови³⁾; не всѣ его воззрѣнія примуть⁴⁾ и т. д.; но въ то же время объясняютъ эту грубость вліяніемъ среды⁵⁾, ненормальными условіями воспитанія⁶⁾; напоминають, что тѣ же нравы существовали и на западѣ⁷⁾, что ба-

¹⁾ Н. В. Покровский, Переписка Петра I съ Екатериной. *Русскій Міръ* 1861, № 82, стр. 1374.

²⁾ К. Задлеръ, Опытъ историческаго оправданія Петра I противъ обвиненій нѣкоторыхъ современныхъ писателей. С.-Пб. 1861, стр. 24, 76—77. Сравни. 69.

³⁾ И. Шишкинъ, Панаегирсты и порицатели Петра В., *Русское Слово* 1861, № 7, стр. 2.

⁴⁾ Н. Покровский, Переписка Петра I съ Екатериной. *Русскій Міръ* 1861, № 72, стр. 1210.

⁵⁾ Шишкинъ — *Русское Слово* 1861, № 7, стр. 10.

⁶⁾ Ibidem, № 8, стр. 21 слѣд.

⁷⁾ Задлеръ, 16—22; Шишкинъ, № 7, стр. 19—20.

тоги и лютая казнь для той поры были явленіями обыденными ¹⁾. Поэтому— скажутъ— ошибочно измѣрять событія прошлаго времени гуманнымъ аршиномъ современной поры, иначе это будетъ не судъ исторіи, а Шемякинъ; можно не быть апологетомъ Петра и все-таки признавать, что историческихъ дѣятелей надо судить въ связи съ условіями ихъ времени ²⁾.

Вообще можно замѣтить, что шестидесятые годы, не удовлетворяясь старою постановкою вопроса, пытаются выработать новую. Противникъ славянофиловъ, Н. В. Покровский видитъ крайности и у западниковъ, которые, по его мнѣнію, напрасно возводили Петровское государство на степень какого-то государственнаго идеала. Значеніе реформы, по его мнѣнію, болѣе отрицательное, чѣмъ положительное. Петръ хотѣлъ уничтожить старое Московское государство и достигнулъ этого, „положилъ основной камень Россіи, но не могъ придать ей формъ окончательной отдѣлки“ за недостаткомъ времени. Вернуться къ старому порядку мы уже не можемъ; „но въ самой послѣдственности, въ самой быстротѣ реформы, обусловившейся гениальностью одного человѣка, заключалась уже недолговѣчность создаваемаго имъ новаго положенія, и для Петровской эпохи пробили нынѣ часъ, какъ вѣкогда пробили опъ для эпохи московской, и она, съ пробужденіемъ народнаго самосознанія, готова отойти въ вѣчность, не показавъ намъ идеала общества, но составивъ необходимое звено въ развитіи русскаго народа“ ³⁾.

Но всѣ попытки подобнаго рода объясненія реформы оставляютъ по прежнему желать лучшаго. Еще въ сороковыхъ годахъ Кавелинъ правильно объяснялъ отсутствіе послѣдняго слова о Петрѣ „тѣмъ, что мы еще почти современники великаго и едва только начинаемъ освобождаться изъ подъ непосредственнаго вліянія реформы, имъ произведенной. Для насъ эта реформа не есть еще вполне прошедшее, на которое бы мы могли смотрѣть прямо и безпристрастно“ ⁴⁾. Но

¹⁾ Шишкинъ, № 8, стр. 9.

²⁾ А. И. Давыдовъ, Переписка Петра В. съ Екатериной. *Русская Рѣчь* 1861, № 9, стр. 133—134. Сравни. Покровский, Общій взглядъ на характеръ современной литературы исторіи Петровскаго періода. *Русскій Міръ* 1861, № 46, стр. 790. Сравни. взглядъ Добролюбова (Сочиненія, изд. 1871, т. II, стр. 91, 101 и друг.).

³⁾ Н. В. Покровский, Общій взглядъ на характеръ современной литературы исторіи Петровскаго періода. *Русскій Міръ* 1861, № 46, стр. 788.

⁴⁾ Кавелинъ, Сочиненія, I, 217.

что было справедливо для сороковыхъ годовъ, то не потеряло значенія и для шестидесятыхъ и будетъ сознаться и въ эту пору ¹⁾).

Примѣромъ этой неустойчивости понятій, невыработки опредѣленнаго взгляда можетъ служить М. П. Погодинъ. Въ 1831 году пишетъ онъ свою трагедію „Петръ I“, о которой такъ отзывается въ 1873 году: „Петръ вышелъ у меня слишкомъ идеализированный согласно съ моими тогдашними понятіями. Замѣчу, впрочемъ, что въ трагедіи выставлена только одна свѣтлая сторона его“ ²⁾. Въ 1838 году изъ-подъ пера историка выходитъ характеристика императора, доказывающая необходимость преобразованій и энергично защищающая его отъ нападокъ ³⁾, характеристика, гдѣ такъ образно показано, какъ весь строй пашей современной жизни носить отпечатокъ дѣятельности Петровой. Авторъ рисуетъ картину нашего дня. Мы просыпаемся—какой сегодня день? Положимъ 1-е января 1841 года. Петръ Великій велѣлъ считать годы отъ Рождества Христова, новый годъ отъ января. Одѣваемся—наше платье шито по фасону, данному Петромъ; шерсть для сукна собрана съ овецъ, разведенныхъ имъ же; беремъ утреннюю газету—газеты заведены Петромъ; любая книга—шрифтъ ея введенъ Петромъ; языкъ этой книги сталъ литературнымъ только съ Петра. Покупаемъ ли мы какую-нибудь вещь—однѣ онъ выписалъ, другія ввелъ въ употребленіе, третьи привезены на его кораблѣ, въ его гавань, его каналомъ. За обѣдомъ селедка, картофель, виноградное вино снова напоминаютъ намъ о Петрѣ: ихъ не было (?) у насъ до него. Ыдемъ въ гости—это Петровская ассамблея; встрѣчаете тамъ дамъ—онѣ допущены въ мужскую компанію Петромъ. Служба даетъ чинъ—по табели о рангахъ Петра; чинъ даетъ дворянство—такъ установилъ Петръ Великій. Вздумаемъ путешествовать—по примѣру Петра; за границей насъ хорошо примутъ—ибо Петръ помѣстилъ Россію въ число европейскихъ государствъ (стр. 9—10).

Такимъ рисовался Петръ воображенію Погодина въ 1830-хъ годахъ. Но чрезъ 20 лѣтъ, подъ впечатлѣніемъ суда надъ царевичемъ Алексѣемъ, историкъ начинаетъ колебаться. Судебное дѣло съ его

¹⁾ Н. Покровский, Переписка Петра I съ Елизаветой. *Русскій Міръ* 1861 № 72, стр. 1209.

²⁾ М. Погодинъ, Петръ I, трагедія въ пяти дѣйствіяхъ, въ стихахъ. 1831 (М. 1873). См. стр. 160. Первоначально въ альманахѣ „Утро“ 1859 и 1868 годовъ.

³⁾ М. Погодинъ, Петръ Великій. *Москвитинъ* 1841, № 1, стр. 3—29. Оцѣнку этой статьи см. у Кавелина, Сочиненія, II, 132—140.

пытками представляется ему царствомъ ужасовъ и безчеловѣчія. Рѣшительнаго осужденія Петру не высказано, но, кажется, только потому, что не хватаетъ на это рѣшимости: Погодинъ предлагаетъ молиться о прощеніи прегрѣшеній царя ¹⁾. Впрочемъ, спѣшимъ заявить, что колебанія эти были лишь временными. Не говоря уже про то, что на склонѣ лѣтъ маститый ученый посвятилъ свой досугъ изученію царствованія Петра во всемъ его объемѣ ²⁾, еще много раньше онъ возвращается къ „старымъ богамъ“ и мысли, высказанныя въ Москвитянинѣ, развиваетъ въ новой статьѣ, гдѣ, становясь прежнимъ горячимъ поклонникомъ реформы, выставляетъ рядъ тезисовъ съ цѣлью защиты Петра отъ наивѣтовъ противниковъ ³⁾. Считаемъ не лишнимъ привести эти тезисы: они дадутъ возможность установить точку зрѣнія Погодина:

1) Вся наша современная жизнь сложилась подъ вліяніемъ началъ европеизма. 2) Россіи не возможно было уклониться отъ европейскаго вліянія. 3) Самобытнаго развитія безъ привхода новыхъ идей было бы недостаточно для Россіи. 4) Несовершенства русскаго общественнаго строя требовали реформъ, обновленія во что бы то ни стало. 5) Реформа началась въ Россіи за долго до Петра. 6) Положеніе Россіи въ отношеніи къ сосѣднимъ государствамъ было таково, что некогда было ждать органическаго развитія, а надо было спастись себя заимствованіемъ европейскаго знанія, хотя бы это заимствованіе и происходило торопливо, безъ системы, насильно. 7) Для спасенія Россіи необходимо было не что иное, какъ европейская реформа. 8) Многія нововведенія Петра новы только по формѣ, по имени; по существу же они глубоко коренятся въ русской жизни. 9) Употребляя насиліе, Петръ не вводилъ чего-либо новаго: насильственныя мѣры существовали за долго до него. 10) Въ личномъ характерѣ Петра надо строго отличать пороки времени и не приписывать лично Петру того, что было несовершенствомъ всей эпохи. 11) Петръ не долженъ отвѣчать за ошибки своихъ предшественниковъ, не мало исказившихъ основныя начала его преобразованій; а

¹⁾ *М. Погодинъ*, Судъ надъ царевичемъ Алексѣемъ Петровичемъ. Эпизодъ изъ жизни Петра Великаго. *Русск. Бесѣда* 1860, I, стр. 85—86.

²⁾ *М. Погодинъ*, Семнадцать первыхъ лѣтъ въ жизни императора Петра Великаго. М. 1875.

³⁾ *Погодинъ*, Петръ Первый и національное, органическое развитіе. *Русск. Вѣстникъ* 1863, № 7, стр. 373—400.

то направленіе государственное, которое обыкновенно зовется петербургскимъ, началось еще въ Москвѣ, царь же только увѣнчалъ и довершилъ эту систему.

Ознакомившись со взглядами людей XVIII и первой половины XIX вѣка на личность Петра и его реформы, мы можемъ видѣть, какимъ колебаніямъ они подвергались, какъ были неустойчивы и въ конечномъ своемъ выводѣ все еще далеки отъ твердыхъ основаній и удовлетворительнаго рѣшенія.

Юбилейная литература 1872 года не много подвинула насъ впередъ въ этомъ отношеніи. Иначе, впрочемъ, и быть не могло. Она отражала на себѣ современное ей состояніе науки, а, слѣдовательно, и ея незаконченность, ея пробѣлы въ оцѣнкѣ реформы. „Публичныя Чтенія о Петрѣ Великомъ“ С. М. Соловьева ¹⁾, лучший вкладъ въ литературу Петровскаго юбилея, были прекраснымъ обобщеніемъ уже ранѣе высказаннаго талантливимъ историкомъ въ его обширной „Исторіи Россіи“, и только популяризировали взгляды московскаго профессора, но не раскрывали чего-либо новаго. Вотъ почему и въ это время, какъ и раньше, мы встрѣтимъ неодинаковую оцѣнку дѣяній Петра и старыя точки зрѣнія. Будутъ и хвалить, и осуждать.

Если самый характеръ юбилея обусловливалъ розовую окраску изображенія; если, напримѣръ, рѣчь Я. К. Грота будетъ посвящена оправданію Петра отъ взводимыхъ обвиненій и указанію положительныхъ сторонъ его дѣятельности ²⁾; если въ другой рѣчи, М. Н. Петрова, Петръ будетъ высоко превознесенъ за заслуги, оказанныя имъ родинѣ ³⁾,—то въ то же время возможно окажется и такая оцѣнка ⁴⁾ въ лицѣ Н. Я. Данилевскаго: заимствованія культурныхъ сокровищъ запада, и притомъ быстрыя, были необходимы. Но, страстный и увлекающійся, Петръ влюбился въ западъ и хотѣлъ во что бы то ни стало сдѣлать Россію Европой. Родину свою онъ и любилъ, и ненавидѣлъ. Любилъ ея силу и мощь, ненавидѣлъ начала русской жизни. Потому-то дѣятельность государственная заслуживаетъ вѣчной признательности, „всѣмъ этимъ заслужилъ онъ себѣ

¹⁾ М. 1872, 4^о. 134 стр.

²⁾ Я. К. Гротъ, Петръ Великій, какъ просвѣтитель Россіи. С.-Пб. 1872. 56 стр.

³⁾ М. Н. Петровъ, Петръ Великій. Юбилейная рѣчь. Изъ всемірной исторіи. Очерки, изд. 2-е. Харьковъ. 1882, стр. 429—437.

⁴⁾ Хотя и высказанная не спеціально по поводу юбилея.

имя Великаго, имя основателя русскаго государственнаго величія¹⁾; но, измѣняя бытъ, нравы, обычаи и понятія русскаго народа, онъ искалѣчилъ свой народъ и принесъ тѣмъ величайшій вредъ¹⁾. Естественно и въ журналистикѣ найти такую же разногласицу. Напримеръ, одинъ изъ ея органовъ, Вѣстникъ Европы, доказывалъ существованіе опредѣленной программы въ реформахъ Петра²⁾; другой же, Отечественныя Записки, въ лицѣ своего критика, Н. К. Михайловскаго, опровергалъ это вообще, отрицая какую-либо систему и готовые принципы въ преобразованіяхъ русскаго императора³⁾.

Семидесятые годы, разумѣется, отказались отъ густыхъ красокъ критики сороковыхъ годовъ, тѣмъ не менѣе и теперь живо чувствовалась потребность найти хоть какую-нибудь опору въ постоянныхъ противорѣчіяхъ и побуждала изучать не только самую реформу, но также и отношенія къ ней общества и литературы. В. И. Григоровичъ находилъ, что хвалить или порицать теперь излишне: если что прежде было худо, то нынѣ уже пережито, а между тѣмъ прежнія невзгоды дали намъ возможность пользоваться теперешними благами⁴⁾. К. Н. Вестужевъ-Рюминъ, ввслѣдствіе „причины различныхъ взглядовъ на Петра Великаго въ русской наукѣ и русскомъ обществѣ“, находить, что дѣло Петра было искажено при его преемникахъ, иностранцы получили незаконное преобладаніе, и съ критикой реформы „выступила, разумѣется, идеализація стараго быта“⁵⁾. Возраженія славянофиловъ справедливы только отчасти; „мало ли сколько постороннихъ элементовъ примѣшалось къ великому подвигу Петра“ впоследствии?⁶⁾ Наконецъ, О. Θ. Миллеръ полагалъ, что правое дѣло Петра сильно исказилось послѣ его смерти, а это и вызвало столь не одинаковые отзывы о реформѣ въ литературѣ XVIII и XIX столѣтій⁶⁾.

Этими указаніями мы можемъ считать задачу свою — представить

¹⁾ Н. Я. Данилевскій, Россія и Европа. С.-Пб. 1871, стр. 280—281.

²⁾ Государственныя идеи Петра В. и ихъ судьба. Вѣстн. Европы 1872, № 6, стр. 770—796.

³⁾ Н. К. Михайловскій, Сочиненія, томъ 2-й (С.-Пб. 1881), стр. 7, 20.

⁴⁾ В. И. Григоровичъ, О нѣкоторыхъ явленіяхъ народной русской жизни въ эпоху преобразованій Петра Великаго съ точки зрѣнія науки славянской. Одесса. 1872, стр. 3—4, 13.

⁵⁾ Журн. Мин. Нар. Просв. 1872, № 6, стр. 149—156.

⁶⁾ О. Θ. Миллеръ, Объ отношеніяхъ русской литературы къ Петру Великому. Русск. Стар. 1873, т. VII, № 3, стр. 406—411.

историческій очеркъ смѣнн возрѣвнй русскаго общества и литературы на эпоху Петра Великаго—заключенною. Указывать на статьи послѣднихъ 17 лѣтъ значить подбирать вариации къ основнымъ темамъ, уже ранѣе намѣченнымъ. Въ этой позднѣйшей литературѣ встрѣтимъ мы ¹⁾ точку зрѣнія и западниковъ ²⁾, и славянофиловъ ³⁾; одни писатели будутъ выдвигать заслуги Петра, въ то же время допуская и недостатки его ⁴⁾; другіе, отыскивая предшественниковъ царя въ XVII вѣкѣ, подчеркнутъ тѣ факты изъ жизни этого столѣтія, которыми подтверждаются измѣненія стараго быта еще до реформы ⁵⁾ и т. п. Встрѣтятся мы и съ такими писателями, гуманная мѣрка которыхъ напомнитъ до нѣкоторой степени критику конца 50-хъ и начала 60-хъ годовъ ⁶⁾. Наконецъ, за послѣдніе мѣсяцы мы могли слѣдить за возгорѣвшею и, по видимому, далеко еще не потух-

¹⁾ Нижеслѣдующіе примѣры приведены безъ соблюденія требованій строгаго подбора.

²⁾ А. О. Бычковъ, Отчетъ отдѣленія русскаго языка и словесности за 1877 годъ. Сборн. 2-го Отдѣл. Акад. Н., т. XVIII: „Значеніе Петра Великаго было определено Никитенкою чрезвычайно вѣрно, и сказавъ, что „преобразователь Россіи столько же геній нашей будущности, сколько геній настоящаго“, онъ выразилъ истину, которую едва ли кто будетъ теперь оспаривать“ (стр. XXXVIII—XXXIX). Страстнымъ сторонникомъ Петра является В. И. Межовъ; см. предисловіе къ его книгѣ: „Юбилей Петра Великаго. С.-Пб. 1881“.

³⁾ Сравн., напримѣръ, И. С. Аксаковъ, Полное собраніе сочиненій, т. 2-й (М. 1886): Славянофильство и Западничество, стр. 419 и др.

⁴⁾ А. Н. Пилинъ въ цѣломъ рядѣ статей: напримѣръ, Русская наука и національный вопросъ въ XVIII вѣкѣ (*Вѣстн. Европы* 1884 г., № 5, 6, 7), Новый вопросъ о Петрѣ Великомъ (*ibid.* 1886, № 5) и др.

⁵⁾ В. С. Иконниковъ, Важный бояринъ Ордиянъ-Нащокинъ. *Русск. Станица* 1883 г., ноябрь.

⁶⁾ В. Гольцевъ, Законодательство и нравы въ Россіи XVIII вѣка. М. 1886. Авторъ становится на сторону обвинителей Петра въ жестокости (17), бритьѣ бородъ и ношеніи нѣмецкаго платья (18—19); „вводитъ женщину въ общество пьяныхъ, разнузданныхъ людей, заставляя ее принимать участіе въ самыхъ грубыхъ увеселеніяхъ“, Петръ испортилъ благотворныя послѣдствія освобожденія женщинъ изъ терема (23). Сравн. стр. 25, 131 и др. Въ другомъ мѣстѣ (къ вопросу о Петровской реформѣ. *Русск. Мысль* 1886 г., № 8) авторъ причисляетъ себя „къ той группѣ историковъ, которая полагаетъ, что въ Петровскихъ преобразованіяхъ... было много грубой и вредной ломки, слишкомъ много жестокости, слишкомъ мало заботы о человѣкѣ и гражданинѣ... Нельзя утверждать, что Петръ Великій былъ во всемъ выше лучшихъ представителей предшествовавшаго ему столѣтія.... Вопреки С. М. Соловьеву, г. Гольцевъ не считаетъ возможнымъ восхищаться „революціонною“ дѣятельностью Петра (173, 175).

шею полемикой, вызванной статьею В. С. Соловьева ¹⁾). Полемика эта какъ бы желаетъ лишній разъ подтвердить зависимость нашего времени отъ преобразовательной эпохи и доказать, что роковое наслѣдіе еще не пережито нынѣшнимъ поколѣніемъ. Вотъ почему хочется повторить выѣстъ съ Погодинымъ, прибѣгая къ его поэтическому и образному языку: Петръ и въ наши дни все еще „бросаетъ отъ себя длинную тѣнь на все наше прошедшее и даже заститъ намъ древнюю исторію“ ²⁾); Петръ—употребляя на этотъ разъ сравненіе другаго почитателя русскаго царя—Петръ, это гигантская волна, что разлилась на пространствѣ двухъ столѣтій, и брызги которой достигаютъ и до нашихъ ногъ....

Да, мы еще не произнесли послѣдняго слова и трудно предвидѣть, когда произнесемъ. Но въ хаосѣ безконечныхъ противорѣчій да послужить намъ опорой и путеводною нитью народная русская пѣсня, въ теченіе полутора вѣка лѣтъ не перестающая воспѣвать и прославлять подвиги Петра Великаго и въ художественныхъ образахъ запечатлѣвшая силу его творческаго генія. Обликъ русскаго царя проходитъ въ этой пѣснѣ на пространствѣ нѣсколькихъ поколѣній неизмѣнно величавымъ и благороднымъ ³⁾). А гласъ народа—гласъ Божій!

Е. Шмурло.

(Окончаніе слѣдуетъ).

¹⁾ Статьи В. С. Соловьева и Н. Н. Страхова въ *Вѣстникъ Европы* и *Русскомъ Вѣстникѣ* за 1888 и 1889 годы.

²⁾ *Погодинъ*, Петръ Великій. *Москвитянинъ* 1811, № 1, стр. 3—4.

³⁾ Пѣсни, собранныя П. В. Кирѣевскимъ. Вып. 8-й (М. 1870), а также приложенія къ вып. 9-му (М. 1872), стр. III—XLI. *Е. В. Барсовъ*, Петръ Великій въ народныхъ преданіяхъ сѣвернаго края. *Вѣсникъ* 1872, № 5, стр. 295—310. Важныя указанія на 8-й выпускъ Пѣсенъ Кирѣевского сдѣланы Н. А. Лагровскимъ въ *Филологич. Запискахъ* 1872 (отд. оттискъ, 32 стр.).

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФІЯ.

Сборникъ материаловъ для описанія мѣстностей и племенъ Кавказа. Выпускъ VII. Тифлисъ. 1889.

Давая отчетъ о предшествующихъ выпускахъ „Сборника“, мы имѣли случай отмѣтить отрядный фактъ, что полезное предпріятіе правленія Кавказскаго учебнаго округа нашло цѣльный рядъ дѣятельныхъ участниковъ во всѣхъ кавказскихъ губерніяхъ и областяхъ, главнымъ образомъ въ средѣ учителей народныхъ училищъ. Еще болѣе отрядно отмѣтить, что вслѣдъ за учителями на призы редакціи „Сборника“ начинаютъ откликаться и учительницы. Такъ VII-й выпускъ открывается обширною статьей учительницы Бороздинскаго станичнаго училища Е. Бутовой, доставившей въ „Сборникъ“ весьма обстоятельное (въ 156 страницъ) программное описаніе Бороздинской станицы Кизлярскаго округа Терской области, основанной терскими и допскими казаками въ половинѣ XVIII столѣтія. За описаніемъ внѣшняго быта, слѣдуетъ (далеко не привлекательная) характеристика нравственныхъ свойствъ, „свичаевъ и обычаевъ“ населенія станицы, подробное описаніе свадьбы и, что придаетъ наибольшій интересъ очерку, до 105 пѣсенъ, поющихъ бороздинцами, а также нѣсколько сказокъ. Всего обширнѣе, по обыкновенію, отдѣлы свадебныхъ и любовныхъ пѣсенъ, при чемъ репертуаръ бороздинцевъ, также какъ пѣсенный репертуаръ многихъ русскихъ деревень, подвергся уже въ достаточной степени опошляющему вліянію городской культуры. Къ такимъ ношлымъ произведеніямъ трактирнаго пошиба относятся, на примѣръ, слѣдующіе стихи:

„Ты прощай, моя милая,
 Радость дорогая!
 Я не скоро къ тебѣ буду,—
 Тебя позабуду!
 — „Запрягай, милый, карету,
 Сяду я — поѣду;
 Запрягай, милый, другую, —
 Сяду я въ любую, —
 Запрягай, милый, во (sic) третью,
 Сядеть кучеръ съ плетью (стр. 89).

Или вотъ какъ дѣвица отвергаетъ любовь своего милаго:

„Я умру—жива не буду отъ любви отъ своей:
 Отъ этой отъ любви приключилася болѣзнь;
 Отъ этой отъ болѣзни излетаетъ злая смерть;
 Я на гробѣ расписуся—всѣмъ подружкамъ расскажу:
 — Ужь вы, вянюшки-подружки, вы не дѣлайте того,
 Вы не дѣлайте того—не любите никого и т. д. (стр. 87).

Но рядомъ съ этими ужасными образцами повѣйшаго творчества въ пѣсняхъ бороздницевъ продолжаютъ звучать и старыя мотивы, переносящія насъ къ „высокимъ теремамъ“ и „широкимъ дворамамъ“, къ зеленымъ дубровушкамъ и бѣлымъ горячимъ камушкамъ. Такъ, въ одной изъ такихъ старинныхъ пѣсенъ находимъ слѣдующую картину:

„Подъ порогомъ бѣль-горючъ камень лежитъ;
 Изъ-подъ камушка быстра рѣчка бѣжитъ,
 На быстрой рѣчкѣ суденышко лежитъ,
 На суденышкѣ немножечко людей,
 Немножечко людей—всего восемь человекъ,
 Девятая красная дѣвица,
 А десятый—удаль-добрый молодецъ,—
 По суденышку похаживаетъ,
 Туго лужъ втягиваетъ,
 Калену стрѣлу накладываетъ,
 Каленѣ-то стрѣлѣ приказываетъ:
 — „Полети, моя каленая стрѣла,
 Высокомъ-то высокохонько
 А далекомъ-то далекохонько;
 Ты убей-то, убей, моя каленая стрѣла,
 Сѣрую утку въ тепломъ гнѣздѣ,
 Бѣлую лебедушку на свѣтлой водѣ,
 Красную дѣвушку въ высокомъ терему... (стр. 85).

Хотя пѣсня и не вполне выдержана, но все же въ ней чувствуется какъ бы припоминаяе стародавнихъ картинъ и приемовъ. Такимъ

же припоминаніемъ чего-то весьма отдаленнаго отзывается пѣсня о Черменѣ-кораблѣ, въ изображеніи котораго проскальзываютъ отдѣльныя черты Сокола-корабля, хорошо извѣстнаго въ былевой поэзіи:

Ужъ не по морю было, по моречку,
 Было по морю синему:
 Не по снему было—по Хвалынскому,—
 Тамъ плыли, всплывали
 Они, тридцать кораблей.
 Одинъ изъ нихъ—черменъ-корабль—
 Напередъ рѣзво бѣжитъ,
 Какъ ясенъ соколъ летитъ,—
 Хоботь-корму держитъ
 Ровно по звѣриному,
 Рулемъ правитъ черменъ-корабль,
 Ровно по змѣиному,
 Хорошо корабль изукрашенъ,
 Вѣлымъ серебромъ корабль изукрашенъ,
 Жолтымъ золотомъ корабль изукрашенъ.

Если мы пропустимъ неумѣстно вставленное отрицаніе не, то получимъ зачало былинны о Соколѣ-кораблѣ, на которомъ ѣдетъ Илья Муромецъ. У этого корабля

Бока сведены по звѣриному,
 А носъ-отъ да корма по змѣиному ¹⁾.

Но число тридцать кораблей запесено въ кавказскую пѣсню изъ другой былинны—о Соловѣ Будимировичѣ, гдѣ Соколъ-корабль представленъ во главѣ тридцати другихъ ²⁾. Далѣе въ кавказской пѣснѣ говорится:

На корабликѣ бесѣдушка,
 Она вновь построена.

Эта бесѣдушка—искаженный отголосокъ одной детали Сокола-корабля, на которомъ ѣдетъ Соловей Будимировичъ:

На томъ Соколѣ-кораблѣ
 Сдѣланъ мурамень чердакъ;
 Въ чердакѣ была бесѣда—дорогъ рыбій зубъ,
 Подернута бесѣда рытымъ бархатомъ ³⁾

Если до сихъ поръ въ бороздинской пѣснѣ еще звучать кой-какіе отголоски былинной старины, то дальнѣйшіе стихи переносятъ насъ

¹⁾ *Киртесскій*, I, 22.

²⁾ *Киртесскій*, VI, стр. 100.

³⁾ Тамъ же.

съ Сокола-корабля, пожалуй, ужъ на палубу какого-нибудь каспійскаго парохода:

Во бесѣдушкѣ сидѣли люди вольные,
Люди вольные сидѣли,—купцы торговые,
Армяне, они сидѣли съ кизильбашами (то-есть, персіянами).

Далѣе мы узнаемъ, что эта корабельная публика играетъ въ шашечки тувалторовия, и притомъ, что весьма странно, о своихъ буйныхъ головушкахъ. Наконецъ, пѣсня совершенно бессмысленно оканчивается слѣдующимъ неожиданнымъ событіемъ:

Что на морѣ погодушка, она поднималась,
Вѣлне паруса, погодушка, она сорывала;
Этихъ купчиковъ, купцовъ торговыхъ,
Она потопила.

Въ отдѣлѣ историческихъ пѣсенъ находимъ нѣкоторые отголоски казацкихъ походовъ, при чемъ иногда старыя погудки передѣлываются на новый ладъ. Въ пѣсняхъ упоминаются Салтыковъ князь, Паскевичъ, Долгорукій, Воронцовъ и Прусскій король. Мѣстная природа отразилась, и притомъ очень удачно, въ пѣснѣ о Терекѣ Горыновичѣ, на нашъ взглядъ лучшей во всемъ сборникѣ (стр. 119):

Ужъ ты, батюшка нашъ, батюшка,
Терекъ Горыновичъ!
Про тебя то лежитъ,
Батюшка, быстрый Терекъ,
Лежитъ рѣчь хорошая
И славушка добрая:
— „Какъ прорылъ, прокопалъ
Батюшка быстрый Терекъ,
Горы высокія ¹⁾;
Что устьичкомъ впадаетъ
Батюшка, быстрый Терекъ,
Да онъ во сине море;
Что изъ горъ выкопалъ
Батюшка, быстрый Терекъ,
Вѣль-горючій камень“.
Тутъ шли-то, прошли
Кизлярскіе казаки,
Они — со батальницы,
Съ той-то было

¹⁾ О Дзяпре Словутячо! Ты пробилъ еси каменныя горы сквозь землю Половецкую. Слово о полку Игоревѣ.

Со батальны со Турецкой;
 Не дошедши они,
 Кизлярскіе казаки,
 До бѣлаго камушка,
 Они остановились;
 Промежду-то себя,
 Они задувалили (стали дѣлать добычу):
 Доставалось имъ,
 Кизлярскимъ казакамъ,
 Имъ по пяти сотъ рублей;
 Атаману съ есаулушкой —
 Имъ по тысячѣ;
 Одному-то изъ нихъ
 Кизлярскому казаку, —
 Красна дѣвица:
 Убору-то на ней—
 Во пятьсотъ рублей,
 Что коса-то руса;
 У красной у дѣвицы
 Стоитъ рублей тысячу;
 За умъ ея — разумъ,
 Красной дѣвицы —
 Ея и смѣты нѣтъ. —

Оставляя въ сторонѣ двѣ слѣдующія статьи I-го отдѣла—II. Ое-
 доровскаго — Страничка изъ жизни грузинъ-поселенцевъ въ Ма-
 лороссіи (составлена по документамъ, извлеченнымъ изъ архива быв-
 шей Малороссійской коллегіи) и В. Иванова — „Городъ Ахалцихъ“,
 переходимъ ко 2-му этнографическому—отдѣлу, открывающемуся
 „Сказаніями о нартахъ“ (богатыряхъ), записанными въ русскомъ
 переводѣ со словъ туземцевъ учителемъ осетинской Георгіевской
 школы Кубанской области Баталпашинскаго уѣзда А. Кайтмазовымъ.

Въ виду быстрого вымиранія сказаній о нартахъ, нѣсколько но-
 выхъ осетинскихъ былинъ представляютъ цѣнный матеріалъ для из-
 ученія „кавказскаго“ эпоса. Нѣкоторые мотивы въ сказаніяхъ, запи-
 санныхъ г. Кайтмазовымъ, уже извѣстны въ раньше издаваемыхъ ска-
 заніяхъ, другіе встрѣчаются впервые. Отметимъ, что вліяніе иран-
 скихъ сказаній на кавказскія, слѣды котораго мы указали въ одной
 осетинской былинѣ¹⁾, становится вполне несомнѣннымъ изъ запи-
 саннаго г. Кайтмазовымъ сказанія о томъ, „какъ Ростомъ убилъ сво-
 его сына Зурапхана“ (стр. 17 — 20). Необыкновенной свѣжестью и

¹⁾ Осетинскіе этюды, I, стр. 11, № XV.

наивностью языческихъ представленийъ отличается любопытное преданіе объ охотникѣ Куси Дзутовѣ и осетинскомъ богѣ, властителѣ дикихъ животныхъ, Авсати (стр. 27 — 30). Ловкій охотникъ Куси сильно досаждаеть богу, убивая безъ его согласія его туровъ. Богъ, не смотря на всѣ свои старанія, ничего не можетъ подѣлать съ охотникомъ и жалуется святому Уастырджи (Георгію), который предоставляетъ себѣ расправиться съ непочтительнымъ звѣробоемъ. Дѣйствительно, Куси заболѣлъ и умеръ. Онъ былъ вынесенъ на „Большой лугъ“ и положенъ на свой халатъ. Со всѣхъ мѣстностей сходился народъ, чтобъ отдать покойнику послѣдній долгъ. Въ это время нѣкто Бисолтанъ Кастмазовъ отправился къ Авсати, чтобъ первымъ извѣстить его о такой для него радости. Авсати не вѣритъ своему счастью, и Бисолтанъ приглашаетъ его посмотрѣть самому при восходѣ солнца на „Большой лугъ“. Когда утромъ Авсати при помощи подзорной трубы убѣдился въ смерти Куси, онъ желаетъ по обычаю отблагодарить Бисолтана за сообщеніе радостнаго извѣстія и посылаетъ звать его къ себѣ въ гости. На пиру онъ сажаетъ его за одинъ столъ со св. Георгіемъ побѣдоносцемъ и архангеломъ Гавріиломъ и, по просьбѣ Бисолтана, награждаетъ его тѣмъ, что и онъ, и всѣ его потомки будутъ имѣть удачу на охотѣ. „Съ того времени“, заключаетъ сказаніе, — „изъ Кастмазовыхъ, которые почти всѣ занимались охотою, не было ни одного неудачнаго охотника“.

Слѣдующая статья В. Кикнадзе — „Памятники древности Телавскаго уѣзда Тифлисскаго губерніи“ — представляетъ интересъ въ виду производящихся въ настоящее время археологическихъ изысканій на Кавказѣ. Археологи несомнѣнно будутъ благодарны редакціи „Сборника“ за то, что она начинаетъ отводить мѣсто и для статей археологическаго содержанія. Указанія мѣстныхъ жителей, имѣющихъ возможность собирать археологическія данныя въ предѣлахъ своего района, въ высшей степени цѣнны для пріѣзжихъ изслѣдователей, которые, по порученію ученыхъ археологическихъ учреждений, больше занимаются раскопками и изученіемъ древнихъ памятниковъ, чѣмъ туземцы. Авторъ названной статьи указываетъ развалины городовъ, описываетъ вкратцѣ древніе монастыри, церкви, замки и гробницы. Въ виду интереса, возбуждаемаго въ настоящее время кавказскою „бронзовою могильною культурой“ (могильники: Кобанскій, Казбекскій, Самтаврскій и проч.), любопытно для опредѣленія района этой культуры указаніе, что и въ Телавскомъ уѣздѣ, въ Цинандалахъ, при рытѣхъ земли для подваловъ, найдены гробницы съ бронзовыми пред-

метами—браслетами, витыми кольцами и кинжалами (стр. 49). Въ другихъ мѣстахъ того же уѣзда (къ сожалѣнію, авторъ не говоритъ, гдѣ именно) при раскопкахъ находили бронзовые топоры, украшенные черточками и фигурами (стр. 50). Это напоминаетъ топоры, найденныя въ изобиліи въ знаменитомъ Кобанскомъ могильникѣ въ Осетіи.

Остальная часть разсматриваемаго выпуска состоитъ изъ 14 мелкихъ статей, большею частью не превышающихъ нѣсколькихъ страничекъ, и только послѣдняя, статья 15-я, болѣе обширнаго размѣра. Не имѣя возможности останавливаться на каждой статьѣ, отмѣтимъ только нѣкоторыя изъ нихъ, содержащія въ себѣ что-нибудь болѣе новое и интересное. Такъ статейка М. Погосова—„Тамерланъ, по разказамъ джеванширскихъ армянъ“—содержитъ въ себѣ странное преданіе объ армянскомъ происхожденіи этого завоевателя. Оказывается, что онъ былъ сыномъ одного армянскаго священника, жившаго нѣсколько сотъ лѣтъ тому назадъ въ селѣ Баллуджѣ (Шушинскаго уѣзда Елисаветпольской губерніи). Рожденіе ребенка сопровождалось смертью матери, вслѣдствіе чего отецъ возненавидѣлъ сына. Мальчикъ, окрещенный по обряду армяно-грегоріанской церкви, получилъ однако арабское имя Эмиръ. Онъ отличался необыкновенною силой и быстротой ногъ, такъ что однажды загналъ въ домъ отца зайца, принявъ его за ягненка. Опасаясь, что сынъ причинитъ много зла, отецъ ночью связываетъ его и вырѣзаетъ ему икроножныя мышцы, вслѣдствіе чего мальчикъ сталъ хромымъ и получилъ прозвище ланкъ-эмиръ (?), которое яко бы значитъ по арабски хромой эмиръ. Видя ненависть къ себѣ отца, онъ бѣжалъ въ Дагестанъ, принялъ магометанскую вѣру и, проживъ нѣсколько времени среди лезгинъ, отправился оттуда въ Среднюю Азію. Прошло 20 лѣтъ, и вотъ изъ Средней Азіи двинулся Тамерланъ съ огромнымъ войскомъ турокъ-селджуковъ въ Малую Азію. Отсюда одинъ отрядъ направился по сѣверному Кавказу, другой—по долинѣ рѣки Аракса, а третій, съ самимъ Тамерланомъ во главѣ,—по области Сюникъ (нынѣшніе Зангебургскій, Шушинскій и Джеванширскій уѣзды Елисаветпольской губерніи). Страшный завоеватель опустошаетъ все огнемъ и мечемъ и избиваетъ всѣхъ христіанъ. Онъ самъ варочно идетъ въ свое родное селеніе Баллуджу, но уже не застаётъ своего отца въ живыхъ. Преданіе оканчивается разказомъ о разрушеніи знаменитаго армянскаго города Зара-Загара, котораго развалины сохранились и понынѣ на западной границѣ Джеванширскаго уѣзда. Въ

этомъ любопытномъ народномъ преданіи донеслось до насъ воспоминаніе объ ужасномъ опустошеніи, постигнувшемъ Сюникъ пять столѣтій тому назадъ. Народная память объ этомъ бѣдствіи поддерживается доселѣ еще не заглаженными его слѣдами — развалинами 27 церкви (стр. 67).

Въ доставленной г. Израеловымъ армянской легендѣ о Евреѣ и серебрянкѣ находимъ мѣстную версію древняго мотива о перстнѣ, проглоченномъ рыбою (Поликратовъ перстень). Чтобы подвести подъ гнѣвъ царя серебрянка, которому царь отдалъ въ починку кольцо, еврей, пользуясь минутнымъ отсутствіемъ хозяина изъ мастерской, похищаетъ кольцо и бросаетъ его въ море. Пронскавъ долго кольцо понапрасну, серебрянкъ по обыкновенію ударилъ три раза молотомъ о наковальню и сказавъ: „велика сила Спасителя!“ — пошелъ изъ мастерской къ себѣ домой. На другой день онъ вышелъ на берегъ моря купить рыбы на обѣдъ, чтобы въ послѣдній разъ пообѣдать съ своимъ семействомъ, будучи увѣренъ, что царь велитъ его казнить за утрату кольца. Но едва распоролъ одну рыбу, какъ изъ нея выпало проглоченное ею кольцо, и серебрянкъ былъ спасенъ, а еврей, увѣровавъ въ Спасителя, принялъ св. крещеніе.

Преданіе о св. Симонѣ ¹⁾, сообщенное Е. Зедгенидзе, любопытно наслоеніемъ на имя этого святаго одной детали изъ распространенныхъ на Кавказѣ сказаній о поколѣннѣ великановъ, предшествовавшихъ поколѣннѣ людей. Старикъ-охотникъ изъ села Рустави (Ахалкалакского уѣзда Тифлисской губерніи), пробродивъ долго понапрасну, случайно открылъ пещеру, изъ которой вырвался тусклый свѣтъ. Пробравшись далеко вглубь по узкой галлерей, охотникъ увидѣлъ велью и въ ней старика предъ иконой Божьей Матери. Отшельникъ спрашиваетъ пришельца, что дѣлается на землѣ, и какъ живутъ люди. Затѣмъ онъ проситъ показать себѣ хлѣбъ, употребляемый людьми современными. Охотникъ вынулъ оставшійся у него отъ завтрака хлѣбъ и подалъ старику. Тотъ взялъ его въ руки и сжалъ: изъ хлѣба упала капля крови. Старикъ тяжело вздохнулъ и сказалъ: „О, сколько зла творится на землѣ, сколько порочныхъ дѣяній, сколько преступленій!“ Потомъ онъ взялъ свой хлѣбъ, сжалъ его, и оттуда упала капля молока; при этомъ старикъ сказалъ: „Вотъ, сынъ мой, прежде мы питались такимъ хлѣбомъ; не

¹⁾ Церковныя преданія о св. Симонѣ Апостолѣ см. у *Brosset*, *Histoire de la Géorgie*, 1-е partie, p. 61.

знали, что такое яло, что кража, обманъ, и жили въ истинной братской любви" (стр. 91). Это чудо съ хлѣбомъ, совершенное отшельникомъ, оказавшимся, какъ сообщаетъ преданіе, св. Симономъ, напоминаетъ, наприимѣръ, осетинское преданіе о великапѣ, напечатанное въ томъ же выпускѣ „Сборника" и записанное г. Кайтмазовымъ. „Воскрешенный" изъ гигантскихъ костей, по молитвѣ Дарезановъ, великанъ требуетъ у нихъ хлѣба, и точно также изъ людскаго хлѣба подъ давленіемъ его руки потекла кровь. Про свой же хлѣбъ великанъ говоритъ, что въ его время брали горсть земли, выжимали изъ нея сокъ и имъ были сыты (стр. 17). Такимъ образомъ поколѣніе великановъ получало пищу отъ земли безъ всякаго труда, и въ прежнія времена жилось на землѣ легче. Въ сказаніи о св. Симонѣ этотъ мотивъ о хлѣбѣ получилъ уже религіозно-нравственную окраску: поколѣніе людское утратило прежнее нравственное совершенство.

Преданіе о царицѣ Тамарѣ, записанное г. Галаджевымъ въ селеніи Белоканы, Закатальскаго уѣзда, любопытно по перенесенію на царицу Тамару сказочнаго мотива о посѣщеніи переодѣтымъ царемъ красавицы-царицы, мотива извѣстнаго уже изъ сказаній объ Александрѣ Македонскомъ. При полномъ отсутствіи хронологическихъ свѣдѣній, свойственномъ народнымъ преданіямъ, современникомъ Тамары (конецъ XII и начало XIII вѣка) является Персидскій шахъ Аббасъ, жившій въ концѣ XVI и началѣ XVII столѣтія. Послѣдній, переодѣвшись помощникомъ лудильщика, пропываетъ въ ея замокъ и бросаетъ на царицу страстный взоръ. Тамара, какъ женщина провицательная, догадалась, что передъ нею не простой человекъ, и дѣйствительно, на второй день по уходѣ лудильщика, ей донесли, что вмѣстѣ съ нимъ къ ней являлся шахъ Аббасъ. Въ началѣ слѣдующаго года Персидскій шахъ собралъ огромное войско и двинулся на крѣпость Тамары, въ надеждѣ овладѣть царицей. Персіане одолѣли войско Тамары, но гордая красавица, ятобы живою не попасть въ руки шаха Аббаса, рѣшилась лучше погубить себя: она поднялась на куполь церкви и бросилась внизъ (стр. 97). Для объясненія генезиса этого преданія нужно вспомнить, что съ именемъ царицы Тамары связывается на Кавказѣ представленіе о самомъ счастливомъ и блестящемъ періодѣ исторіи Грузіи, а имена нѣкоторыхъ Персидскихъ шаховъ памяты по ужаснымъ опустошеніямъ, постигшимъ эту страну отъ персіанъ. И вотъ, народная фантазія, олицетворивъ отношенія Грузіи къ Персіи въ образахъ Тамары и шаха Аббаса, внесла

въ эти отношенія романическую черту о нераздѣлемой любви и самоотверженной смерти ¹⁾).

Пять татарскихъ сказокъ, записанныхъ г. А. Калашевымъ въ селеніи Сагіанъ, Шемахинскаго уѣзда, Бакинской губерніи, отличаются замысловатостью и народнымъ юморомъ, особенно № IV (Абутъ) и № V (Шейдулла). Въ сказкѣ „Ухай“ развивается тотъ же мотивъ, что въ нашей „Хитрая наука“ ²⁾ и во многихъ западно европейскихъ.

Образчики народного юмора, прохаживающагося на счетъ жителей цѣлаго селенія, можно видѣть въ „Анекдотахъ Шемахинскихъ армянъ“, сообщенныхъ также г. А. Калашевымъ. Жители селенія Керкенджъ (не далеко отъ г. Шемахи), по словамъ собирателя, пользовались въ старину репутаціей людей „глупыхъ, неразвитыхъ, грубыхъ и вполнѣ невѣжественныхъ“. Фантазія народная постоянно выводила ихъ, въ своихъ анекдотахъ, въ роли комическихъ героевъ. Дѣйствительно, пять записанныхъ г. Калашевымъ анекдотовъ свидѣтельству о томъ, что керкенджцы, по догадливости, не превышаютъ нѣмецкихъ Lalleubürger'овъ и нашихъ пошехонцевъ: одинъ съѣдаетъ лягушку вмѣсто кебаба, другой повѣрилъ тому, что изъ арбуза родятся ослы, другіе разгоняютъ туманъ палками и т. п.

Болѣе крупную статью 2-го отдѣла представляетъ сборникъ армянскихъ сказокъ, записанныхъ г. Н. Калашевымъ въ шемахинскомъ уѣздѣ, Бакинской губерніи. Изъ двѣнадцати довольно пространныхъ и сложныхъ сказокъ нѣкоторыя представляютъ по содержанію сходство со сказками, уже раньше напечатанными въ другихъ выпускахъ „Сборника“. Не смотря на несомнѣнную древность и фантастичность нѣкоторыхъ мотивовъ, кое-гдѣ чувствуется недавняя ретушировка деталей, при чемъ разказчикъ нерѣдко вводитъ въ содержаніе разказа

¹⁾ Впрочемъ преданіе о сватовствѣ шаха Аббаса, быть можетъ, представляетъ искаженный отголосокъ дѣйствительнаго событія. Въ 1596 году шахъ Аббасъ прислалъ къ грузинскому царю Александру посла своего Вирибей, чтобы просить себя въ жены дочь Александра. Послѣдній не могъ исполнить желанія шаха, такъ какъ раньше просваталъ дочь свою за князя Дадіана. Въ слѣдующемъ году шахъ двинулъ войска свои къ границѣ Грузіи и подъ угрозой войны сталъ требовать себя въ жены какую-нибудь другую грузинскую царевну, и Александръ послалъ ему свою племянницу. См. А. Блюкунровъ, Сношенія Россіи съ Кавказомъ, въ *Чтеніяхъ съ Моск. Общ. ист. и др. Росс.*, кн. 146, М. 1889, стр. 310.

²⁾ *Аванасыель*, V, № 22. VI № 45.

современныя черты. Такъ, въ одной сказкѣ герой (Юсуфъ) отправляетъ ящикъ съ своей возлюбленной и сокровищами на пароходѣ (стр. 198); въ другой—нѣкій государь Кули-ханъ, потерявъ сыновей, показываетъ приближеннымъ ихъ фотографическія карточки и т. п. Видно, что на востокѣ фантастическая сказка еще не вполне застыла въ своихъ древнихъ эпическихъ чертахъ и не удалась изъ общества мужчинъ въ дѣтскую и женскую половину дома, какъ чудесная сказка народовъ запада.

Кончая этимъ нашъ бѣглый обзоръ содержания VII-го выпуска „Сборника“, мы должны въ заключеніе замѣтить, что участіе редакціи въ этомъ выпускѣ замѣтнѣе, чѣмъ въ предыдущихъ, быть можетъ, вслѣдствіе раздѣленія труда. Первый отдѣлъ издаѣтъ подъ редакціей г. Словинскаго, второй—подъ редакціей г. Черникова, главное же руководство и наблюденіе, по изданію и редакціи, принадлежало, какъ и въ прежнихъ выпускахъ, Н. А. Короваеву. Редакторы старались дать возможность читателю нѣсколько разобратся въ массѣ сыраго матеріала по народной словесности, наваливающегося все въ большемъ и большемъ количествѣ съ каждымъ новымъ выпускомъ. При пѣсняхъ, сказкахъ и т. п. указываются въ выноскѣ варианты или сходные мотивы въ матеріалахъ, изданныхъ раньше; кое-гдѣ находимъ объясненія отдѣльныхъ словъ и нѣкоторыя историческія справки. Все это можетъ только возвысить цѣну „Сборника“ для всякаго, интересующагося этнографіей Кавказа.

Всем. Миллеръ.

Каталогъ греческихъ аеонскихъ рукописей.

Κατάλογος των εν ταῖς βιβλιοθήκαις του Αγίου Ορους ελληνικῶν κωδικῶν.
ὑπο Σπυρίδωνος Π. Λαμπροῦ... Τ. Α'. Μερ. Α'. Εν Αθῆναις. 1888.

Эта книга, по соображеніямъ автора, составляетъ едва двѣнадцатую часть всего труда его по описанію рукописей Аеона; а между тѣмъ каждому, занимающемуся старинною письменностью, какъ греческою, такъ и славянскою, и по этой малой части всего труда уже видно, съ какой стороны и какъ можетъ быть оказана польза упомянутымъ занятіямъ. До сихъ поръ можно было изслѣдователямъ греческой и славяно-русской старины справляться съ греческими рукописями, хранящимися въ западной Европѣ и въ Россіи; о руко-

писяхъ Аѳона слышали и знали, но ссылаться на нихъ было крайне неудобно—по разбросанности свѣдѣній о нихъ и по невозможности въ точности знать, о какой рукописи идетъ рѣчь. Теперь мы имѣемъ точное, хотя и не очень подробное, описаніе 865 рукописей, входящихъ въ составъ восьми святогорскихъ обителей, а именно: Протата, св. Анны, св. Павла, Хиліандарія, Зографа, Констанопита, Григорія, Ксенофонта. Рукописи каждой библіотеки описаны отдѣльно. „Рѣдко“, говоритъ въ предисловіи авторъ о себѣ,—„прилагалъ я примѣчанія о томъ, издано ли, и гдѣ именно, или еще не издано какое-либо сочиненіе: это было сдѣлано для сбереженія мѣста“. Не смотря однако на краткость описанія, авторъ каждую рукопись обозначаетъ двумя нумерами, изъ которыхъ первый есть, такъ-сказать, общій аѳонскій, а второй относится къ той или другой библіотекѣ. Сверхъ того, въ рукописяхъ-сборникахъ идетъ еще одна нумерація при перечнѣ составляющихъ ихъ статей. При каждомъ спискѣ опредѣлены его вѣкъ, матеріалъ, форматъ и т. п. Мы замѣчаемъ, что въ разбираемомъ каталогѣ нѣтъ ни одной рукописи вѣковъ VIII и IX, между тѣмъ какъ всѣ остальные вѣка отъ древнѣйшаго, VI, до нынѣшняго включительно, доставляютъ больше или меньше рукописей. Подтвердится ли такое наблюденіе и по спискамъ прочихъ библіотекъ знаменитаго полуострова, увидать тѣ, которые доживутъ до полныхъ ихъ каталоговъ.

При изученіи разсматриваемаго каталога вниманіе наше естественно привлечено было тѣми фактами и намеками, какіе онъ содержитъ въ себѣ по вѣншей и внутренней исторіи Святой Горы, по ея отношеніямъ къ Россіи, по духовной брани съ латинствомъ, по содержащимся въ библіотекахъ актамъ, по нѣкоторымъ малоизвѣстнымъ сочиненіямъ, по литературѣ прорицаній и т. п. Такіе розыски привели насъ къ нѣкоторымъ замѣткамъ, которыя мы здѣсь и сообщимъ.

Происхожденіе обителей Аѳонскихъ представляетъ, какъ и вообще начатки поселеній и учрежденій, много неяснаго. По поводу сказанія о сооруженіи монастыря св. Павла издатель каталога, помѣстивъ въ немъ извѣстіе о построеніи монастыря Богоматери въ 6388—(830) г. царевичемъ Прокопиемъ, нареченнымъ впоследствии Павломъ, дѣлаетъ такое замѣчаніе: „И слогъ, и содержаніе извѣстія, и письменная его форма дѣлаютъ это извѣстіе подозрительнымъ; потому я и полагаю, что оно написано въ новѣйшее время“ (№ 128). Мы не станемъ упрекать автора Каталога въ томъ, что онъ не упоминаетъ о другихъ ученыхъ, высказавшихся сходно съ нимъ. Пока

нѣтъ ни одного ученаго періодическаго изданія по литературѣ и древностямъ византійскимъ, въ которомъ могли бы участвовать исследователи разныхъ національностей, и которое служило бы для нихъ какъ бы общимъ средоточіемъ, до тѣхъ поръ труды одной мѣстности будутъ оставаться болѣе или менѣе неизвѣстными другой. Будемъ надѣяться, что мысль проф. Θ. И. Успенскаго, высказанная имъ въ засѣданіи Греческаго Историческаго и Этнологическаго Общества, въ Афинахъ, рано или поздно осуществится ¹⁾. Веротнмъ къ извѣстію объ основаніи обителя св. Павла. Это извѣстіе вмѣстѣ съ хрисовулами, служащими ему почвой, признано было подложнымъ еще въ исходѣ прошлаго столѣтія Эсфигменскимъ игуменомъ Теодоритомъ, а затѣмъ, совершенно независимо отъ Теодорита, покойнымъ преосвященнымъ Порфиріемъ Успенскимъ. Недавно, въ спеціальному сочиненіи объ Афонѣ, г. Гедеонъ высказалъ и свои сомнѣнія. Четверо ученыхъ высказываютъ свое мнѣніе относительно поддѣльности означенныхъ документовъ ²⁾. Другія статьи по вопросу о происхожденіи обителей, такъ-называемыхъ *πάτρια*, находимъ въ №№ 101, 498, 636. Ко времени исторически извѣстному относятся одинъ памятникъ, имѣвшій большое значеніе въ судьбѣ Афона: это хати-шерифъ султана Селима, выданный монастырю Ксиропотамскому, адресованный на имя паши Θεσσαλονικησкаго въ 922 г. отъ Мухаммеда (это Селимъ I). Онъ кончается характерными словами въ турецкомъ вкусѣ, которыя назидательно прочесть нашимъ туркофиламъ: „Кто бы изъ васъ стали дѣйствовать“, сказано въ хати-шерифѣ, — „въ противность или несогласно съ симъ моимъ хати-шерифомъ, тѣ да будутъ имѣть надъ собою гнѣвъ и проклятіе Божіе и да подвергнутся наказанію въ обоихъ мірахъ, а именпо въ настоящемъ и будущемъ“ ³⁾. Такъ было въ первой четверти XVI вѣка, когда Оттоманская имперія еще была могуча и дика. Но вотъ одинъ памятникъ нашего вѣка, относящійся

¹⁾ Греческая рѣчь Θ. И. Успенскаго помѣщена въ 7-мъ вып. *Δελτίου της Ιστορ. και Εθν. Ετ. τ. Ελλάδος*, а въ русскомъ извлеченіи въ *Журн. Мин. Нар.* 1888 г., май, въ нашей рецензіи на упомянутый выпускъ.

²⁾ Отрывокъ Теодорита у г. Гедеона, 91—94; критика Теодорита о двухъ Хрисовулахъ тамъ же 86, 87; а тутъ я сужденіе г. Гедеона. Критика преосв. Порфирія въ 1-мъ путешествіи, I, л. 345, 349 и дал., 365. Отчего профессоръ Ламбръ не приводитъ мнѣнія г. Гедеона? Потому полагаю, что Каталогъ г. Ламбра, хотя и вышелъ въ свѣтъ въ 1888 г., но былъ отпечатанъ уже за шесть лѣтъ до того (см. Предисловіе, стр. I); книга же г. Гедеона вышла въ 1885 г.

³⁾ *Λαμπ.* Кат. № 786,5=Ξενοφ. 84.

къ Портѣ уже ослабѣвшей, обличающей всю свирѣпость мусульманскаго государственнаго строя, не смотря на его безсиліе. Событіе, напоминаемое памятникомъ, о которомъ мы сейчасъ скажемъ, связано съ исторіей славнаго греческаго возрожденія. Въ статьѣ 4-й № 153 читаемъ: „Въ новое воскресеніе Θомы поется молебное и благодарственное послѣдованіе объ избавленіи Святой Горы отъ десятилѣтняго гоненія“. Эта служба, какъ мнѣ хорошо извѣстно, составлена послѣ той кары, которой подвергся Аеонъ за свое участіе въ войнѣ за независимость. Въ 1821 г. многіе иноки аеонскіе выступили въ походъ подъ знаменемъ креста, подъ предводительствомъ Эммануила Папѣ. Въ то время крѣпкіе монастыри Аеона снабжены были и холоднымъ, и огнестрѣльнымъ оружіемъ. Такъ какъ война имѣла характеръ не только политическій, но и религіозный, замѣчаетъ историкъ Трикупи,—то и монахами овладѣлъ сильный энтузіазмъ, и больше двухъ тысячъ молодыхъ иноковъ вооружились. Къ нимъ на помощь пришли извнѣ многіе міряне. Все, казалось, содѣйствовало долгому и успѣшному сопротивленію. Но и игумены, и проигумены находились между собою въ разногласіи. Большая ихъ часть, подѣ конецъ возобладавшая, искала свою безопасность тамъ, гдѣ могла лишь найдти свою погибель, въ покорности ¹⁾. Напугало ихъ и свирѣпое разореніе турецкими войсками городка Кассандры, и вмѣсто того, чтобъ ихъ вооружить, оно ихъ обезоружило. Обмануло ихъ и лукавство турецкаго военачальника Абдул-Абут-паша, коты у нихъ на глазахъ были его звѣрскіе поступки. Когда рѣшеніе покориться злодѣямъ взяло верхъ, то многіе изъ отцовъ, не склоняясь къ мысли вступать въ соглашеніе съ турецкими войсками, выѣхали изъ Аеона со святыми мощами и утварью. Уѣхалъ и главный двигатель аеонскаго возстанія—Эммануилъ Папѣ: во время плаванія онъ заболѣлъ и умеръ на кораблѣ и похороненъ въ Идрѣ. По отбытіи упомянутыхъ лицъ сдались остальные иноки Св. Горы: они были обезоружены, получили амнистію, выдали заложниковъ и два съ половиной милліона гросіевъ (левовъ) и приняли къ себѣ турецкую стражу съ условіемъ кормить ее на свой счетъ. Эта стража, состоявшая изъ трехъ тысячъ солдатъ,

¹⁾ Филимонъ утверждаетъ, что на сторонѣ Эммануила Папѣ, богатаго серрсскаго банкира, организовавшаго возстаніе въ Македоніи, находилась бѣльшая часть аеонскихъ отцовъ (Φιλμόνος Δοξίμου περί της Ελλ. σκαπασαεως, III, 143). Что большинство стояло за возстаніе, это слышалъ я и отъ аеонитъ, о которомъ ниже будетъ упомянуто.

заявля Св. Гору 15-го декабря 1821 года; она своими поступками привела къ горькому раскаянію тѣхъ святогорцевъ, которые противодѣйствию предпочли подчиненіе. Стража оставалась у нихъ девять лѣтъ ¹⁾. Этотъ-то разгромъ и поминаютъ аеониты, молясь о благополучномъ избавленіи отъ прещенія. Каждый годъ, какъ сообщалъ мнѣ на дняхъ одинъ почтенный святогорецъ, заслуживающій полного довѣрія, во всѣхъ обителяхъ Аюона происходитъ въ ночь съ субботы на Ѳоміино Воскресеніе, долгое всеобщее бдѣніе, состоящее изъ горючихъ благодарственныхъ молитвъ объ упомянутомъ освобожденіи отъ тяжкаго и мучительнаго ига. Вернемся къ старинѣ. О внутренней жизни аеонскихъ обителей находимъ намеки въ *Νικολάου τοῦ ἀγιωτάτου πατριάρχου Κωνσταντινουπόλεως ποιήμα πρὸς τὸν πρῶτον τοῦ ἁγίου Ὁρους* == „Николая святѣйшаго патріарха Константинопольскаго стихотвореніе къ проту Святой Горы“ (Катал., № 333, статья 8, ркп. перг. XIII вѣка—№ 7 Ζωγρ. ²⁾). Это стихотвореніе содержитъ въ себѣ руководство для жизни духовной сперва общее, необходимое для всѣхъ христіанъ, а потомъ особенное для монаховъ. Первый отдѣлъ состоитъ изъ поученій Спасителя и апостоловъ, очень близко къ текстамъ Новаго Завѣта переложенныхъ въ политическіе стихи; второй же отдѣлъ представляетъ положительныя правила, которыхъ на основаніи церковныхъ каноновъ, монастырскихъ уставовъ и обычаевъ, должны держаться монахи въ постные и праздничные дни. Совсѣмъ не мудро, что авторъ этого произведенія самъ называетъ его въ стихѣ 410 *παράδεισος*—„пазиданіемъ, наставленіемъ“: весь характеръ произведенія кроткій, совѣтный. Если же въ нѣкоторыхъ спискахъ послѣ заглавія слѣдуютъ слова *ὡς τοπίκον* „въ видѣ типика или устава“,

¹⁾ Мы передали эти событія по *Τριχοῦπη. Ἱστορία τ. Ἑλλ. ἐπαναστάσεως*, т. 2, кн. 28, с. 178—179.

²⁾ Епископъ Порфирій во 2-мъ Путешествіи на Аеонъ, Москва. 1880, стр. 157, пишетъ: „*Λαυσαίων* на пергаминахъ въ 4-ю долю листа написанъ стенографически въ XIII вѣкѣ; къ этой греческой рукописи присоединена переплетчикомъ статья: *Νικολάου τοῦ ἀγιωτάτου πατριάρχου Κωνσταντινουπόλεως ποιήμα πρὸς τὸν Πρῶτον τοῦ ἁγίου Ὁρους*“. Заглавіе это дословно тождественно съ приводимымъ въ каталогѣ г. Ламбра: здѣсь тоже 1-ю статью названъ: *Λαυσαίων*. Но каталогъ между Лавсанкомъ и стихотвореніемъ Николая помѣщаетъ еще 6 статей въ томъ же самомъ сборникѣ. Еще въ 1877 году епископъ Порфирій издалъ это произведеніе тоже по списку Зографскому и тоже пергаминаному, а между тѣмъ читаетъ у него нѣсколько отличное заглавіе: *Νικ. τοῦ ἁγ. πατρ. Κ—ς πρὸς τὸν Πρῶτον τοῦ ἁγίου Ὁρους ἐπιστολὴ συμβουλευτικὴ* (Исторія Аюона, III, 340; опредѣленіе списка на стр. 207, тамъ же).

то позволено думать, что это не слова автора, а приписка, сдѣланная на Аеоиѣ: за уставъ могъ для себя и своихъ иноковъ принять эти стихи и самъ протѣ, глава всѣхъ обителей. И вотъ съ этой точки зрѣнія это произведевіе, содержа въ себѣ подробныя указанія для цѣлаго жизненнаго строя, должно бы быть разсматриваемо историками замѣчательнаго полуострова, въ связи съ предыдущими и послѣдующими уставами и руководствами. А такая задача палагала бы обязанность опредѣлить: кто изъ Константинопольскихъ патріарховъ, носившихъ имя Николая,—авторъ этого полу-типака. Самъ г. Ламбръ, кромѣ вышеприведеннаго заглавія, не даетъ ничего. Фабрицій пишетъ, что не извѣстно, кто изъ патріарховъ Николаевъ авторъ этого стихотворенія Грамматикъ ли, Мистикъ, Хрисовергъ или Музалонъ. Прежніе издатели Маи и Минъ помѣщаютъ это произведевіе между трудами Николая Мистика. Новые издатели его, они же и историки Аеопа, епископъ Порфирій Успенскій и греческій ученый г. Гедеоиъ, приписываютъ этотъ трудъ Николаю Грамматику¹⁾. Къ сожалѣнію, ни одинъ изъ упомянутыхъ ученыхъ не приводитъ въ подкрѣпленіе своего положенія никакихъ доводовъ. Попытаемся дознаться истины. Изъ четырехъ Константинопольскихъ патріарховъ, по имени Николаевъ, едва ли будетъ основательно допустить Николая I Мистика и Николая II Хрисоверга, ибо первый былъ патріархомъ въ первый разъ въ 895—906 гг., во второй—въ 911—925; а Хрисовергъ—въ 984—995 годахъ. Между тѣмъ еще не завірено, чтобы политическій размѣръ употреблялся въ X вѣкѣ въ большихъ произведеніяхъ: изъ этого времени и болѣе ранняго извѣстны нѣкоторыя поговорочныя изреченія, имѣющія этотъ размѣръ. И Николай VI Музалона допустить было бы тоже неосторожно по другой причинѣ. Въ продолженіи четырехъ лѣтъ его патріаршества (1147—1151) онъ, хотя и утвержденный императоромъ, несъ на себѣ укоры жителей Царяграда, обличавшихъ его рукоположеніе какъ незаконное. Можно ли предположить, чтобы глава строгаго Аеопа обратился къ спорному патріарху за рѣшеніемъ главныхъ вопросовъ жизни? Не думаемъ. Остается Николай III Грамматикъ, извѣстный издавшими имъ актами, какъ человекъ, посвященный въ каноническую науку, человекъ духовной

¹⁾ Хотя Порфирій этого патріарха Николая не называетъ ни третьимъ, ни грамматикомъ, но что его разумѣть, это видно изъ того, что относитъ его къ царствованію Алексія Комнина и ставитъ его патріаршество между 1084 и 1110 гг. (Исторія Аеопа, ч. III, стр. 205).

жизни, благочестивый, скромный, но смѣло дававшій отпоръ знаменитому своему государю, настойчивому Алексію Комнину, когда послѣдній дѣйствовалъ противъ постановленій церкви. Николай III былъ патриархомъ съ 1084 года до 1111, и въ этому-то времени, къ концу XI или къ началу XII вѣка, относится стихотвореніе, которое состоитъ изъ 420 стиховъ и начинается словами:

Πολλάκις με ἐβίασας καὶ ἐξέθλιψας, τέκνον ¹⁾,

Сношенія Св. Горы съ Россіей многосложны; сближеніе этихъ единовѣрныхъ странъ никогда не прекращалось: объ этомъ свидѣлствуютъ разнородные, отчасти уже изданные акты. Но мы здѣсь должны ограничиться тѣми скудными намеками, какіе встрѣчаются въ каталогахъ восьми упомянутыхъ обителей. Есть, наприѣръ, такое заглавіе: „Иже во свѣтыхъ отца нашего Димитрія Россійскаго патриарха о святыхъ страстѣхъ Христовыхъ, какъ открылись онѣ ему въ явленіи святаго ангела“ (№ 589, 6—Григ. 42, въ ркп. XIX в.). Тутъ вкралась, конечно, ошибка; такого патриарха на Руси не было: мы желали бы, чтобы знатоки нашей старинной письменности произнесли свое слово: нѣтъ ли тутъ отношенія къ св. Димитрію, митрополиту Ростовскому?—Въ одномъ изъ монастырей хранится греческій текстъ „слова“, обращеннаго къ великой императрицѣ Россійской Екатериинѣ II мудрѣйшимъ господиномъ Евгениемъ въ день его посвященія въ архіерея, октября 1-го, въ Москвѣ, въ греческомъ монастырѣ 1775 г.“ (Δ αρ.п. № 136, 28—св. Пав. 9, ркп. XVIII вѣка). Объ этой рѣчи не упоминаютъ въ своихъ историко-литературныхъ и библиографическихъ обзорѣніяхъ ни Пападопуло-Вретѣ, ни Саоа, ни Рангави ²⁾, ни Николаи. Но за то ее перевелъ на русскій языкъ, и

¹⁾ Δ αρ.п. Καταλ. Ν. 333.—*Fabricii* V. G. XI, 285 (ed. *Harl.*, мы и дальше будемъ ссылаться на изданіе Харлеса).—*Migne*, *Patrologiae* s. g. Tom. CXI.—Порфирій въ Исторіи Аеона напечаталъ греческій текстъ, ч. III, 340—348; русскій переводъ 205—214.—Γεδεών 'Ο "Αθωσ; текстъ 275—288; вступленіе Γεδεона 273—274.—О Николаѣ III Грамматикѣ, Киннамъ II, 18; *Mortreuil*, *Histoire du droit Byzant.* III, 385—61; Γεδεών, *Πατριαρχικοι Πινακες*, Выпускъ 5, 338—347, 1887.—Послѣ заглавія... Νικόλαου ....Ορου; слѣдуетъ въ нѣкоторыхъ спискахъ: ως τοῦτον δια στίχων; это у Минья является въ такомъ переводѣ: *ut typum in ordine vitae*; между тѣмъ оно значитъ: какъ типикъ, въ стихахъ. Самое слово ποιήμα значитъ здѣсь не орус, а стихотвореніе. Однако стихотвореніе-типикъ прежде издавалось, какъ проза Маемъ, Минемъ, Порфиріемъ Успенскимъ, и только Γεδεонъ отдѣлялъ стихъ отъ стиха. Между тѣмъ уже Фабрицій именовалъ его „*car-men, quod versibus politicis exstat*“ *Mstum in bibl. caes. etc.* (Fab. *ib.*).

²⁾ Παπαδ.-Βρ., *Νεοελλ. Φιλολ.* I, 186; Σαθα, *Νεοελλ. Φιλολ.*, 569, 571; *Rangabé*, *A. R.*, *Précis d'une hist. de la littérature Néo-Hellénique*, I, 63—69; *Nico-*

перевелъ превосходно, покойный Порфирій ¹⁾). И понятно, почему эта рѣчь, неизвѣстная присяжнымъ ученымъ, появилась въ укромномъ закоулкѣ земнаго шара. Какъ было не интересоваться этому закоулку словомъ, произнесеннымъ однимъ изъ его просвѣтителей предъ лицомъ той, на которую весь православный греческій міръ взиралъ, какъ на свою главу? „Храмъ новый съ основаній зиждется среди гонителей и варваровъ“, сказалъ Екатеринѣ, между прочимъ, Евгений Булгари, — „храмъ древній и истлѣвшій возобновляется, престолъ архіепископскій водружается теперь, новое вмѣстилище для принятія прибѣгающихъ овецъ словесныхъ съ трудомъ ограждается среди лютыхъ волковъ и противъ ихъ, кивотъ между иноплемениками чувствуется, и Дагонъ, падающій предъ симъ кивотомъ, разбивается въ дребезги. Все это церковь передаетъ изъ рода въ родъ въ памятихъ своихъ, вписавши въ нихъ имя великой императрицы Екатерины наряду съ именами Константиновъ, Θεодосіевъ“ и т. д. (Порфирій. тамъ же). Произносившій это слово былъ не иной кто, какъ тотъ самый глубоко-ученый мужъ, который цѣлогодъ основалъ на Св. Горѣ знаменитую Аеоіаду, державшуюся въ продолженіе пяти лѣтъ съ громаднымъ успѣхомъ подъ его главнымъ руководствомъ (съ 1753 по 1758 г.). Оставленіе Евгениемъ этого училища было послѣдствіемъ личныхъ противъ него интригъ: ни Аеоіи, ни греческая нація никогда не забывали, какимъ разсадникомъ высшей науки явилось это училище на общую пользу всѣхъ. Но вотъ другая рукопись, въ которой кроется что-то странное: на заглавіи греческой рукописи значится, что она переведена съ русскаго языка; въ концѣ же заглавія читаемъ: „въ Константинополѣ, въ Неохорійской типографіи Пресвятаго Гроба“. (Катал. № 341=Зогр. 15, XIX вѣка). Послѣдняя приписка, должно быть, и послужила поводомъ г. Ламбру высказать предположеніе, что эта рукопись есть копія съ печатной книги, носящей тоже заглавіе.

Idem, *R.*, *Gesch. d. Neugriech. Litteratur*, стр. 123, § 53, пр. 151. Пападопуло-Вретѣ, Сава и Николай утверждаютъ, что Евгений хиротонисанъ въ 1776 г. У Ламбра въ статьѣ 28-й (№ 136) приведенъ 1775 г. 1-е октября. Которое указаніе вѣрно? Замѣтимъ, что у Пап.-Вр. и Сава тоже 1-е октября, но слѣдующаго 1776 г. Я предпочитаю 1-е октября 1775 г.: въ словъ своемъ Евгений желаетъ благоденствія Екатеринѣ, Павлу и супругѣ его Наталіи: значитъ, великая княгиня Наталія была еще въ живыхъ; скончалась же она въ апрѣлѣ 1776 г. Рѣчь Евгений произнесилъ по случаю своего рукоположенія.

¹⁾ Эта рѣчь преев. Порфиріемъ на греческомъ языкѣ найдена была въ библіотекѣ Метеороварданскаго монастыря въ Θεσσαλίи, близъ тамошняго города Трикки (Аеоі. книжники, 22).

Вотъ заглавіе греческой книги: „Духовное зеркало сердце человѣка (πνευματικὸ; καρτέτης ἢ καρδία τοῦ ἀνθρώπου) становится либо храмомъ Божиимъ, либо обиталищемъ сатаны, какъ изображено на начертаніи, состоящемъ изъ 10 картинъ и проч. съ русскаго на разговорный греческій языкъ нынѣ впервые переведенное Петромъ, роднымъ братомъ архіерея Фаворскаго, печатано на счетъ блаженнѣйшаго, божественнѣйшаго и многочтиваго Іерусалимскаго патріарха господина Аванасія III на душевную пользу православныхъ. Въ Константинополѣ“ и т. д. Спрашивается: съ какой русской книги это переведено? Прощу читателя сравнить предыдущее заглавіе со слѣдующимъ русскимъ: „Зеркало внутренняго человѣка, въ которомъ каждый себя видѣтъ, состояніе души своей познавать и исправленіе свое по тому располагать можетъ, въ десяти картинахъ представленное, съ объясненіемъ оныхъ“; пер. съ нѣмецкаго (Александръ Лабзинъ). С.-Пб. 1821 г. (12) ¹⁾. Вставленные въ скобки слова: „Александръ Лабзинъ“ принадлежать знатоку тогдашней библіографіи, составителю Смирдинскаго каталога Василю Григорьевичу Анастасевичу; стало быть, въ томъ, что переводчикомъ съ нѣмецкаго былъ Александръ Федоровичъ Лабзинъ, бывшій тогда конференцъ-секретарь академіи художествъ, нельзя сомнѣваться. И выходитъ, что нѣмецкую книгу, переведенную на русскій языкъ переводчикомъ Эккартсгаузена и Юнга Штиллинга, въ самый годъ ея русскаго изданія успѣшили перевести и напечатать по гречески на средства Іерусалимской патріархіи для душевнаго спасенія православныхъ, а инокъ Св. Горы не преминулъ списать греческій переводъ съ печатной книжки. Довольно странно.

Изъ статей, направленныхъ противъ латинства, мы укажемъ прежде на тѣ, которыя можемъ приурочить къ опредѣленной эпохѣ. Къ XII вѣку относящіяся два разсужденія Николая, епископа Меонскаго, объ исхожденіи Св. Духа, противъ утвержденія латинянъ (№ 721—Ксен. 19, статьи 6 и 7, сп. XVIII вѣка) ²⁾. Къ XIV вѣку относится

¹⁾ Репись рос. книгамъ для чтенія, изъ библіотеки Ал. Смирдина. С.-Пб. 1828, см. № 950, стр. 74.

²⁾ Статья 6-я, № 721 Кпт. Ламбра, должна быть тожественна съ статьей Моск. синод. библіотеки, р. 23 cod. XII, fol. 121: τοῦ μεθώνης χοροῦ Νικολάου, περί τῆς ἐκπορεύσεως τοῦ ἁγίου πνεύματος ἐκ τοῦ πατρὸς μόνου. Та и другая начинаются молитвой: *Matthaei*, Notitia cod. Mosq. Время житія Николая Меонскаго недавно точно своихъ предшественниковъ опредѣлилъ профессоръ В. Г. Васильевскій въ статьѣ: Одинъ изъ греческихъ сборниковъ Моск. син. библ. С.-Пб. 1886, стр. 6 и 7. Въ 1156 г. Николай называетъ себя старцемъ.

Марка Евгеника, архієпископа Ефесскаго, разсужденіе (κεφάλαια συλλογιστικά) о томъ же предметѣ (№ 721—Ксен. 19, стат. 1, сн. XVIII вѣка). Кромѣ западно-европейскихъ библіотекъ, оно находится и въ Московской синодальной и въ русскомъ переводѣ ¹⁾. Ко второй половинѣ XVIII вѣка принадлежитъ сочиненіе Аѳанасія Парійскаго „О необходимости врестить возвращающихся изъ латинства“ на разговорномъ греческомъ языкѣ (№ 790, 13—Ксен. 88) ²⁾. Этотъ Аѳанасій, ученый очень плодовитый, извѣстенъ, между прочимъ, и своимъ сочиненіемъ о Маркѣ Евгеникѣ, озаглавленномъ „Антипапа“ (изд. въ 1785 г., въ 8^о) ³⁾, съ которымъ въ связи находится и вышеприведенная не изданная книга. Кромѣ того, есть сходнаго содержанія статьи, которыхъ время здѣсь не опредѣлено. „Фотія святѣйш. патр. К—го ереси Франговъ, изъ окружнаго посланія“: это должно быть извлеченіе изъ того знаменитаго окружнаго Фотіева посланія 867 г., въ которомъ онъ оповѣщаетъ всѣ православные престолы объ отступничествѣ папы Николая и его приверженцевъ. Нѣтъ хронологическаго указанія и при слѣдующей полемической статьѣ: „Обзоръ (σύνοψις) свидѣтельствъ изъ Св. Писанія, изъ божественныхъ и священныхъ каноновъ и изъ латинскихъ ересей, изъ изложенія латинской вѣры, посланнаго папою Григоріемъ къ святѣйш. патр. Кон—у Герману“ (№ 630, 7—Григ. 83). Какъ ни безтолково изложено это заглавіе, все же ясно, что оно содержитъ въ себѣ опроверженіе посланія папы Григорія IX, обращеннаго, какъ извѣстно, въ 1233 г. къ жившему въ Никее Константинопольскому патріарху Герману, — того пресловутаго посланія, гдѣ объявлено, quod utrumque gladium ad romanum pertinere pontificem ex evangelica lectione tenemus (на томъ основаніи, что Господь сказалъ Петру: *converte gladium tuum in locum suum*). Въ рукописи XIV в. находимъ: „Собесѣдованіе (διάλεκτις) нѣкоего православнаго съ латиномъ въ 20-ти главахъ“, начинающееся словами: „Зачѣмъ вы отъ насъ отторгаетесь“ (διὰ τὴ ἀποσχίσεως ἀφ' ἡμῶν (№ 716, 23).

¹⁾ *Fabr.*, В. G. XI, 674—5, гдѣ ссылка на *Mosq. cod. Syn.* 394, № 1. Въ *Notitia Matthaei* этого нѣтъ. *Востокова* Описаніе... Рум. Муз. сборникъ N. CCCLX, л. 158: „прѣбнаго Марка главѣ“. Это долженъ быть переводъ того же; но говорю, не слышавъ нѣхъ, основываясь на сходствѣ заглавія.

²⁾ Объ этомъ сочиненіи, какъ не изданномъ, упоминалъ А. З. Мамука въ своей біографіи Аѳанасія Парійскаго, который былъ его учителемъ. Эта біографія, написанная по просьбѣ Саамъ, помѣщена нѣхъ въ его *Н. Ф. См.* стр. 641.

³⁾ Сафа, *Н. Ф.* 638, Патр.-Вр. *Н. Ф.* I, № 312. Ни одинъ не упоминаетъ о нѣхѣхъ наданіи.

Новоизданный каталогъ упоминаетъ и о нѣсколькихъ актахъ, содержащихся въ библіотекахъ, въ копіяхъ. „Хрисовуль покойнаго царя Кира Никифора Вотаниата, утверждающій соборныя рѣшенія о не дозволенныхъ бракахъ“ (№ 716, 19=Ксен. 14). Онъ печатался нѣсколько разъ по западно-европейскимъ спискамъ; теперь узнаемъ и о спискѣ аеано-ксенофонтовскомъ. Упомянутыя соборныя рѣшенія совершились при патриархѣ Ксифилинѣ (1066 и 1067 гг.) и послѣ его смерти подтверждены упомянутою новеллой. — Далѣе находимъ: „Новеллу, изданную христорлюбивымъ царемъ нашимъ Комниномъ Киромъ Алексіемъ о обрученіи (περί μνηστείας) въ іюнѣ мѣсяцѣ 7-го индикта въ лѣто 6592¹⁾“ (№ 716, 20 = Ксен. 14). По этой новеллѣ, какъ извѣстно, обрученіе почти приравняется браку, такъ какъ и оно совершается со священнымъ благословеніемъ. — Кромѣ того, находимъ такой рѣдкій актъ: Τὸ ἴσον τῆς ὁμολογίας τῆς κραταιᾶς καὶ ἀγίας ἡμῶν δεσποίνης ἐπὶ τοῖς ἐκκλησιαστικοῖς πράγμασιν ὅπερ διὰ οἰκετοχειροῦ σταυροῦ ἀπαρχῆς (то-есть, ἀπ' ἀρχῆς) ἐπιστάσαστο καὶ κάτω διὰ τῆς οἰκειᾶς στήλης ἐν χρυσίῳ βούλλῃ φερσμένης καὶ ἀπρωρημένης δι' ὀξείας μελάνης²⁾. Не безъ опасенія впасть въ ошибки перевожу: „Копія исповѣданія (вѣры) державной и святой нашей властительницы, по церковнымъ дѣламъ, утвержденная ею въ началѣ собственноручнымъ крестомъ, а ввизу собственною подписью, навесенною и исполненною на золотой грамотѣ красными чернилами“. Въ этой выпискѣ вычурность оборота затемнила простой ея смыслъ; оттого переводъ невольно обратился въ перифразъ. Στήλη значитъ столбъ, статуя, вообще изображение; такъ какъ здѣсь можетъ быть рѣчь только о подписи, то я предполагаю, что это слово подпись = ὑπογραφή замѣщено здѣсь словомъ στήλη — изображение: διὰ τῆς οἰκειᾶς στήλης. Словами χρυσίῳ βούλλῃ замѣняется, полагаю, болѣе употребительное χρυσοβούλλον или χρυσοβούλλιον — хрисовуль. Царица подписалась, какъ было принято, красными чернилами: ярко-красный цвѣтъ назывался въ средніе вѣка τὸ ὀξύ²⁾, какъ бы окисью: это и выражено здѣсь словами δι' ὀξείας

¹⁾ Она издавалась много разъ; помѣщена между прочимъ въ сочиненіи *Palau и Potli* (Σύνταγμα, т. VI, 180—182) съ толкованіемъ Валсамона въ Синагмѣ Властара бук. Γ', гл. 15.—Въ нѣкоторыхъ спискахъ іюнь, въ другихъ іюль, см. *Mortreuil, Histoire du droit Byz.* III, 160; *Muralt, Essai de chron. Byz.*, подъ 1084 г., стр. 54.

²⁾ Παρὰ Βυζαντινοῖς ἰδίως ὄξύ τὸ ἀνοικτὸν πορφυροῦν τὸ φεσ—ρέγκι^α (Σκαρ. Βυζαντ. Λεξικὸν τ. ελλ. γλωσσ.—древн.-греч. съ новымъ подъ ὄξύς.—Ср. въ Διατάξεις Ἀτταλειατοῦ „Στερον βλαττίον καταπέτασμα ὄξύς^α“. У *Sathas, B. G. M. AE.*

μελάνης, при чемъ ἡ μελάνη=чернила (болѣе старая форма τὸ μέλαν) утратила свое значеніе черноты, совершенно какъ у насъ говорятъ: написано синими, красными чернилами. Настоящаго, спеціальнаго значенія, какое здѣсь имѣеть причастіе ἀπχωρημένης я не знаю, и перевелъ лишь по догадкѣ. Представлялась мнѣ сначала вислая печать, такъ какъ ἀπχωρημαі значитъ „я повисъ, я вишу“, а βούλλη значитъ „печать“, по весь оборотъ этого не допускаетъ. Начало названной грамоты: „*Θεοδώρα во Χριστῷ Богѣ вѣрная Августа и самодержица Ромеевъ „дукина“ (?) Комнина Палеологъ. Я размышляю о благочестіи не такъ, какъ о прочихъ подвигахъ, какіе могутъ быть совершаемы для своего спасенія“* (Θεοδώρα ἐν Χριστῷ τῷ θεῷ πιστὴ Αὐγούστα καὶ αὐτοκράτεισα Ῥωμαίων δούκαινα Κομνηνὴ ἡ Παλαιολογίνα. Οὐχ ὥσπερ..... № 716, 26=14 Ксен.). Писавшій эту копію при словѣ δούκαινα быть можетъ, воображалъ себѣ какое-то званіе Теодоры; оттого, входи въ его мысль, я и перевелъ „дукина“: но его мысль ошибочна: нужно писать большою буквою Δούκαινα и переводить какъ имя фамиліное, „Дука“. Это и само собою понятно; совершенно же убѣдительнымъ становится при сличеніи этой подписи со снимкомъ, прекрасно воспроизведеннымъ красною краскою, подписи Михаила, основателя династіи: „† μιχαήλ ἐν χῶ τῷ θεῷ πιστὸς βασιλεὺς καὶ αὐτοκράτωρ Ῥωμαίων δούκας ἄγγελος κομνηνός ὁ παλαιολόγος †¹⁾“. Но которая изъ Теодоръ Палеологъ подписала свое исповѣданіе вѣры, мы теперь рѣшить еще не въ состояніи. О хати-шерифѣ Селима мы уже говорили. Изъ посланій историческихъ лицъ въ каталогѣ важное мѣсто занимаетъ посланіе Тарасія, патріарха Константинопольскаго, къ Адриану, папѣ Римскому, о томъ, чтобы рукоположенія совершались не за деньги (№ 716, 6 = Ксен. 14). Оно помѣщается въ русскомъ переводѣ въ Кормчихъ: „посланіе сѣго Тарасія еѣкпа Константина града къ Андρѣяноу папѣ римскому не поставляти на мздѣ КД“²⁾. „По по-

I, 51. Сравни въ словарѣ профессора турецкаго языка въ Отдѣленіи восточныхъ языковъ г. Фардиса: „*ρόδοχρους=κιοὺλ ρενκί* (Фардѣ, Λεξ. ἐλληνοτουρκικόν, Κωνστ. 1860).

¹⁾ См. снимокъ этотъ на табл. E', приложенной къ Δελτιον της Ιστ. κ. εθν. εταιρίας, T. 2, τευχ. 6. Αθ. 1885. Самый хрисовулъ Михаила см. на стр. 275.

²⁾ *Востокова*, Опис. Рум. м. См. Кормчихъ №№ 231, л. 197, 232 л. 180.—Греческаго текста списки европейскіе указаны Харлесомъ (*Fabr.* V. G. XI, 184, въ прим. h); на списокъ трапезундскій ссылаются Рагли и Потли, помѣстившіе это посланіе въ IV т., стр. 375 и т. д. своей Синтагмы; въ предисловіи къ этому тому можно найти указаніе на сборники каноническихъ посланій.

воду усиливнагося издоимства при поставленіи въ санъ священній, пишетъ нашъ капоистъ епископъ Іоаннъ, патриархъ Цареградскій Тарасій принужденъ былъ писать особое посланіе къ папѣ Адріану, для совокупнаго истребленія этого зла по всей церкви и для возобновленія правилъ отеческихъ о безкорыстномъ сообщеніи даровъ благодати достойнымъ священства. Посланіе Тарасія писано около 787 года и отличается множествомъ собранныхъ противъ симоніи свидѣтельствъ изъ Св. Писанія, постановленій соборныхъ и отеческихъ¹⁾. — Въ томъ же № 716 названы посланіе папы Николая къ Игнатію, патриарху Константинопольскому, гдѣ папа жалуется на нескончаемыя гоненія, которымъ подвергается отъ грековъ (начало: Γράψας σὺχ οἶον τε...), и еще одно посланіе того же папы къ константинопольскимъ свиклителямъ (№ 716, 29, 30=Ксен. 14).

Нѣкоторые рукописи, изъ означенныхъ въ каталогѣ, заключаютъ въ себѣ сочиненія древнихъ классиковъ, отцовъ и учителей церкви, писателей эпохи византійской и подъяремной, заключаютъ въ себѣ номоканоны, житія святыхъ, служебныя послѣдованія, церковныя пѣснопѣнія. Близкій разборъ всѣхъ такихъ рукописей со временемъ покажетъ, на сколько можно разчитывать на исправленіе греческихъ текстовъ при помощи аеонскихъ списковъ. Но такъ какъ научное значеніе этой массы рукописей по столь важнымъ и разнообразнымъ предметамъ далеко еще не изслѣдовано, то мы на этихъ рукописяхъ и не можемъ остановиться. Намъ подручнѣе будетъ ограничиться указаніемъ на нѣкоторые факты, по видимому, мало извѣстные, о которыхъ, кое-что узнаемъ изъ заглавій и выписокъ разбираемаго каталога, пополняя ихъ изъ другихъ источниковъ. Извѣстно, что въ Патрологіи Миня толкованія Никиты Серрскаго на Григорія Богослова изданы въ латинскомъ переводѣ и кое-что лишь по гречески; а въ Зографской обители находятся они на языкѣ подлинника: „Νικήτα τοῦ πανιερωτάτου μητροπολίτου Σερρών ἐξηγήσεις εἰς τοὺς ἀναγινωσκόμενους λόγους τοῦ ἐν ἀγίοις πατρὸς ἡμῶν Γρηγορίου τοῦ Θεολόγου“.

¹⁾ Опытъ курса церковнаго законовѣдѣнія. Архимандрита *Іоанна*, вып. 2. С.-Пб. 1851, § 62.—Г. Муральтъ не упоминаетъ объ этомъ посланіи Тарасія къ Адріану, а о томъ, что Адріанъ порицалъ Тарасія, упоминаетъ; см. *Essai*, стр. 377 и сл. Г. Гедевонъ дѣлаетъ предположеніе, что Тарасій осудилъ хиротоніи, совершаемыя за деньги на собранномъ въ Константинополѣ соборѣ; а о его посланіи къ папѣ по сему предмету упускаетъ сказать, — и гдѣ же? въ *Исторіи Константинопольскихъ патриарховъ*, стр. 266, вып. 4, *πατριάρχικοι κλημας*. Упущенія, конечно, случайныя.

Г. Ламбръ прибавляетъ: начинается съ бесѣды „на Пасху и на (свое) замедленіе“ и доходитъ до бесѣды „объ отцѣ“ (№ 327 — Зогр. I). Таково содержаніе 1-го и 16-го словъ Григорія Богослова, и его толкователя Никиты по греческимъ спискамъ, сколько намъ извѣстно: но послѣдовательность 16-ти словъ Григорія не вездѣ одна и та же, и мы жалѣемъ, что г. Ламбръ не выставилъ ее по поводу толкованій малоизвѣстнаго Никиты Серрскаго. Замѣтимъ: ни греческія, ни латинскія заглавія, ни біографическія свѣдѣнія, намъ извѣстныя, не объяснили намъ одного непонятнаго слова, вторгшагося въ нѣкоторыя русскія списки Никиты. Вотъ чтò тамъ читается: „Толкованіе на слова Григорія Богослова, митрополита раклійскаго (читай: Ираклійскаго), кур. Никиты анепсѣя же митрополита сѣрскаго“. Мы знаемъ, что Никита былъ сперва архіереемъ въ Серрахъ, а потомъ митрополитомъ въ Иракліи (Θρακίης): такъ, что испорченное „анепсѣя“ (вар. анепсея, анепсеа), можетъ быть, кроетъ, что-нибудь въ родѣ „прежде бывшаго“, а ужъ никакъ не слово ἀνεψίος — племянникъ. Итакъ, чтò такое анепсея? Это нашъ вопросъ русскимъ филологамъ ¹⁾. Коснемся и другихъ сочиненій малоизвѣстной эпохи. Одно изъ нихъ, хранящееся въ Зографскомъ монастырѣ, было хорошо знакомо на Руси. Вотъ его начало по каталогу (№ 333, 6 = Ζωγρ. 7):

Κλαυθροὶ καὶ θρήνοι μοναχοῦ ἀμαρτωλοῦ καὶ ξένου
 δι' ὧν καὶ ἀπαλέγετο πρὸς ψυχὴν τὴν ἰδίαν,

то-есть, „плачь и рыданіе инока грѣшнаго и чужаго, съ которыми онъ обращался къ своей душѣ“.

До 360 стиховъ, написанныхъ большею частью въ видѣ прозы (καταλογίζην), которыхъ первая буква выписана красными чернилами. Ко-нецъ:

¹⁾ Свѣдѣнія о греческихъ спискахъ Никиты въ Европѣ у *Fabr.* В. G. VIII, 431, и прим. п. Указаніе г. Саэи на греческій списокъ Святогорскаго подворья въ Константинополѣ въ *Bibl. Gr. med. aev. I*, 304. Указаніе г. Пападопула-Берамея на списокъ, принадлежащій евангельскому училищу въ Смирнѣ. *Καταλογος τ. χειρογράφ. της εν Σμυρνῇ βιβλ. τ. Εσαγγ. Σχολης. Σμυρνῆ. 1877*, стр. 11 (А—6) и стр. 50 (В—74). О славяно-русскихъ спискахъ: *Востокова* Оа., №№ 85 и 86, особенно 85; Описаніе *Калайдовича* и *Стровва*, №№ 80, 106, 143, 163, 260, 303, особенно три послѣднія ссылки. *Голубинскаго*, *Исторія русской церкви*. М. 1880, т. I, стр. 723. *Migne, Patrol. gr. V*, 127, въ *Addenda*, также томы 36 и 37: въ этомъ изданіи большая часть толкованій Никиты издана въ латинскомъ переводѣ по Виллію.

Τοῦτο σημεῖον πέφοκεν ἀγάπης κληρωτάτης
Τὸ χαίρειν μετὰ χαίροντος, τὸ συμπενθῆν πενθοῦσα.

Мы имѣемъ здѣсь, продолжаетъ издатель,—часть такъ-называемой Діоптры монаха Филиппа, которая издана только по латини въ Миневой Греческой Патрологии, т. 127, ст. 701 и сл. ¹⁾). Жаль, что г. Ламбръ выразился неточно, говоря: „Мы имѣемъ здѣсь часть такъ-называемой Діоптры“ и т. д. Спрашиваю: какая часть Діоптры содержится въ упомянутой Зографской рукописи? Я полагаю, что это первое изъ пяти словъ, изъ которыхъ состоитъ Діоптра Филиппа Пустынника; сужу по сравненію со слѣдующимъ началомъ стариннаго русскаго перевода: „Плачеве и рыданія инока грѣшна и странна, имже спирашеса къ души своей“ (Толст. № 7, ст. 3). Это дословный переводъ вышеприведенныхъ греческихъ стиховъ. Сличимъ число стиховъ: по г. Ламбру, ихъ въ выпискѣ Зографской 360; по Строеву и Калайдовичу, въ первомъ словѣ 370 стиховъ: почти совпаденіе. Прочія слова содержатъ въ себѣ больше тысячи, а пятое—за двѣ тысячи стиховъ, по даннымъ означенныхъ русскихъ ученыхъ. Но если таково начало греческой и русской Діоптры, то отчего же въ латинскомъ ея переводѣ Якова Понтана, читаемъ совсѣмъ другое начало? См. Миня СХХVII, ст. 710. На это Ламбецій, превосходно знакомый съ вѣнскими списками греческой Діоптры, даетъ отчасти объясненіе: „Ac Lambectius quidem observat“, сообщаетъ Фабрицій,—„in Pontani editione librum primum integrum omissum, excerpto exordio, quod ad calcem libri quarti sub titulo flebilis lamentationis subnexuit“ (сравн. κλαυθροὶ καὶ θρήνοι, плачеве и рыданія). Итакъ, вступленіе=exordium, которое въ греческихъ спискахъ вѣнскихъ, въ спискѣ зографскомъ, въ русскомъ, стоитъ на своемъ мѣстѣ, въ изданіи Якова Понтана переставлено къ концу книги четвертой. Кѣмъ переставлено писцомъ ли аугсбургскаго кодекса или переводившимъ его Понтаномъ,—намъ не извѣстно. Мы желали бы провѣрить это замѣчаніе Ламбеція, повторенное Фабриціемъ, но не имѣемъ изданія Понтанова (Ingolstadt, 1604, 4); въ перепечаткѣ же Понтанова перевода Миньемъ мы упомянутого вступленія—exordium—ни въ началѣ, ни въ концѣ не находимъ. Книгою первою Понтанъ съ Миньемъ называютъ, по видимому, вторую книгу Филиппа Пустынника. Но къ этой трудности, которую наградила насъ или аугсбургскій кодексъ, или его латинскій переводчикъ, присоединяется еще одна у русскихъ—тоже не знаю пере-

¹⁾ И въ лаврѣ Афонской есть списокъ Діоптры, *Sada*, *Bibl. Med. aevi*, I, 273.

водчиковъ либо писцовъ. Въ концѣ 5-го слова (по Рум. N. XCV) сочинитель объявляетъ, что онъ написалъ книгу свою, „не ѓ себе устремляемъ, но принужденъ бывъ ѓ оца дѣнаго именемъ Калиника жїе убо имену во странахъ смоленскихъ“. Востоковъ оставляетъ это мѣсто безъ разъясненїя. Издатели же каталога Толстовскихъ рукописей пишутъ особо въ примѣчанїи, что Филиппъ написалъ Дїоптру, „какъ полагаютъ, въ 1095 г., для духовнаго отца своего Калиника, жившаго въ Смоленскихъ предѣлахъ“. И многоученный авторъ „Историческаго ученїя объ отцахъ церкви“ повторилъ: „для Смоленскаго инокъ Калиника“. Профессоръ Голубинскїй поясняетъ дѣло слѣдующимъ образомъ: „Подъ странами Смоленскими“, пишетъ онъ, — „видно, что по гречески Μέρη τῶν Σμολένων, должно разумѣть предѣлы не нашего города Смоленска, а греческаго (болгарскаго) города Смоленъ (τὰ Σμόλενα), находившагося въ митрополиі Филиппской (каталогъ архїерейскихъ каедръ, усвоенный надписанїемъ императору Льву Мудрому) и полагаемаго учеными на мѣстѣ нынѣшняго приморскаго городка Орфано или Орфани (недалеко на востокъ отъ впаденїя въ море р. Струмы, между Аэнономъ и островомъ Тазосомъ, Тафель, *De via Romanorum Egnatia, Tubingae 1841, p. 16*“. Эта догадка правдоподобна. Что же касается до стиховъ „Константина нѣкоего Ивста книзѣ глѣмѣй Дїопатра“, то я предлагаю слѣдующую поправку. Это заглавіе въ латинскомъ переводѣ читается такъ: „Versus Constantini grammatici et Vesti in laudem Dioptrae et auctoris ejus Philippi“ (въ статьѣ Харлеса у Fabr. V. G. (Harl.) X, 62). И русскїй, и латинскїй переводъ сдѣланъ съ греческаго. Но русскїй одинъ писецъ пропустилъ „грамматика“; другой, найдя „ивста“ соединилъ эти два слова въ одно: „Ивста“. Очевидно, „грамматикъ“ указываетъ на занятїе Константина, а „вестъ“ на его званїе гардеробмейстера, или тому подобное ¹⁾. Не мѣшаетъ замѣтить, что та „Дїоптра“, которая въ Россїи печаталась нѣсколько разъ въ XVII и XVIII столѣтїяхъ, есть другое сочиненїе, отличное отъ описаннаго Востоковымъ въ ЛѢТЪ XCV и XCVI, какъ утверждаетъ покойный Пекарскїй ²⁾.

¹⁾ *Строева и Калайдовича*, Опис. рук. Толстаго, отд. I, № 7, стр. 3.—*Востокова*, Опис. Рум. М. № 95 и 96.—*Migne, Patrol. v. g. V. 127, ст. 701* и дал. Замѣчанїе Ламбеціи у Fabr. V. G. X, 62, прим. 00.—*Филарета*, Ист. ученїе объ отц. цер. III, § 280, прим. 13 (н, Филиппъ Пустынникъ). *Голубинскаго*, Исторїя Русской церкви, т. I, 725.

²⁾ *П. Пекарскаго*, Наука и литература въ Россїи при Царѣ Великомъ, т. II, № 1, стр. 1 и 2, прим. 2.

Отъ книги высоко нравственнаго содержанія перейдемъ къ книгѣ сомнительныхъ нравоученій, къ разказамъ о Стефанитѣ и Ихнилатѣ, обошедшимъ полміра, начиная съ береговъ Ганга: и такая книга, слышшая въ средневѣковыхъ литературахъ Азіи и Европы за назидательную, оказалась и на Аѳонѣ, въ Ксенофоновой обители (№ 794, 3=Кс. 92). Въ концѣ этой рукописной статьи, писанной на новогреческомъ языкѣ, есть такая приписка: „Настоящая книга, именуемая Первуѣ (τὸ παρὸν βιβλίον ὀνομαζόμενον Περζουέ), написана рукою моею смиреннаго Іоасафа, іеромонаха города Закипеа и изъ обители Симонетрской изъ Аѳона . . . . года 1614, іюля 29-го“. Давно ужъ разъяснено, что подлинникъ, принадлежавшій савскритской письменности, былъ сперва переведенъ на средне-персидскій языкъ, потомъ съ средне-персидскаго на арабскій, съ арабскаго на греческій: этотъ послѣдній переводъ сдѣланъ во второй половинѣ XI в. по желанію царя Алексія Комнина его ученымъ современникомъ, Симеономъ Сиѳомъ. Черезъ южныхъ славянъ проникъ славянскій переводъ и въ Россію, какъ доказалъ посредствомъ сличенія русскаго текста съ греческимъ г. Пыпинъ. Какимъ путемъ то же сочиненіе изъ Азіи попало въ западную Европу—это тоже изслѣдовано, но насъ здѣсь не занимаетъ. Мы ставимъ вопросъ, который разрѣшить, за неимѣніемъ матеріаловъ, не можемъ; а именно: съ какого греческаго текста перевели сербы разказы о Стефанитѣ и Ихнилатѣ, съ текста ли Симеона Сиѳа, или съ новогреческаго? А за неимѣніемъ отвѣчать на этотъ вопросъ, мимоходомъ вспомнимъ, что Перζουέ есть имя того традиціоннаго врача, котораго въ VI вѣкѣ по Р. Хр. посылалъ въ Индію за мудрыми баснями Персидскій царь Хозрой Нуширванъ (варианты: Перζωέ, Перζουέ, Peroz, Berzute, Buzgovieh и проч.)¹⁾. — Перейдемъ къ одному житію, о которомъ г. Ламбръ замѣчаетъ: „Богословское разсужденіе безъ начала, въ которомъ говорится о мытарствахъ и о ихъ преодоленіи“ (№ 751, 1=Ксен. 49, рук. XIV в.). Однако намъ совершенно случайно удалось опредѣлить, что это отрывокъ изъ житія Василія Новаго, написаннаго его ученикомъ Григоріемъ, и именно изъ того мѣста, гдѣ описываются мытарства, которымъ подверглась св. Θεодора.

¹⁾ Печатная и рукописная литература предмета приведена у *Fabr.*, В. G. VII, 777—781, XI, 326—327; у *Лылима*, Очеркъ литературной исторіи повѣстей и сказокъ русскихъ, 157 — 159; ср. *Личъ*, Исторія сербско-хорватской литературы (древній періодъ), переводъ съ сербско-хорватскаго. Казань. 1871, ст. 126.

Сличаю начало упомянутого отрывка, приводимое г. Ламбротъ, съ соответствующимъ отрывкомъ въ названнаго житія, съ которымъ познакомилъ меня академикъ А. Н. Веселовскій:

Κατάλογος (Λάμπρου) № 751—(49),
(Κод. бум. XIV вѣка).

.... γνησίως ἐπευφραίνεται καὶ φησὶ πρὸς με κύριέ μου Γρηγόριε, τί σε τοῖς ὧδε ἀποκατέστης;) μὴ ἀπέθανες καὶ ἀπὸ τοῦ ματαίου ἐκείνου κόσμου ἠλευθερώθης καὶ πρὸς τὴν ἀνέσπερον ταύτην διαγωγὴν καὶ μαχαρίαν μονὴν κατήγησας. Ἐμοῦ δὲ πρὸς ταῦτα ξενίζομένου καὶ ὄλως ἀγνοοῦντος τὰ λεγόμενα παρ' αὐτῆς· οὐ γὰρ ἐδόκουν ἐν ἐκστάσει εἶναι καὶ νοερώς ὄραν τὰ γινόμενα ἀλλ' ὡς ὑπάρ καὶ ἐν ἀληθείᾳ· καὶ λέγω πρὸς αὐτὴν κυρία μου ἀμμά; ἐγὼ ἀκμήν οὐκ ἐτελεύτησα, ἀλλὰ τῇ εὐχῇ καὶ ἀντιλήψει τοῦ ὁσίου ἡμῶν πατρὸς ἐτι ἐν τῷ βίῳ παροδεύω.

Житіе Васи́лія Новаго по синод. св. № 249, издаваемому А. Н. Веселовскимъ. F. 70 г. f. 70 v. (Печ. стр. 13). (Бум. XVI вѣка).

ἡ δὲ κυρά Θεοδώρα συνζήτησά μοι (f. 70 v.) καὶ περιπλαχεῖσα χαρᾶς ἀπάτου πεπληρωμένη, γνησίως κατησπάζεται καὶ ἐπευφραينوμένη πρὸς με φίλτατα διελέγето καὶ φησὶ· Τίς ἄρα ἐστὶν ὁ ἀποκαταστήσας σε τοῖς ὧδε, γλυκυτάτον μου τέκνον Γρηγόριε, ἀπὸ τοῦ ματαίου κόσμου ἐκείνου πρὸς τὴν ἀνέσπερον ἡμέραν ταύτην; μὴν ἄρα γε τετελεύτησας ὅτι ἐνταῦθα παραγέγονας, ἐλευθερωθεὶς τῶν τοῦ κόσμου ἐκείνου ματαίων φροντίδων, καὶ πρὸς τὴν μαχαρίαν ταύτην διαγωγὴν καταντήσας; ἐμοῦ δὲ πρὸς ταῦτα ξενίζομένου καὶ παντελῶς ἀγνοοῦντος τὰ παρ' αὐτῆς μοι λεγόμενα, τίνα εἶεν, οὐ γὰρ ἐδόκουν ἐν ἐκστάσει με εἶναι ἐκείσε καὶ νοερώς ὄραν τὰ γινόμενα, ἀλλ' ὡς ὑπάρ καὶ ἐν αἰσθητοῖς ὀφθαλμοῖς βλέπειν ταῦτα, λέγω πρὸς αὐτὴν· Κυρία μου ἀμμά; ἐγὼ ἀκμήν οὐκ ἐτελεύτησα, ἀλλὰ τῇ εὐχῇ καὶ ἀντιλήψει τοῦ ὁσίου πατρὸς ἡμῶν ἐτι τῷ βίῳ παροδεύων εἰμί.

Г. Ламбротъ приводитъ конецъ этой статьи; но не имѣя подѣ рукою конца житія по списку синодальному, я не могу судить, одинаково ли оканчиваются эти два списка. Житіе Васи́лія Новаго имѣется и въ двухъ другихъ спискахъ Аѳонскихъ, но въ каталогѣ приведены только заглавія (№№ 572 и 719); поэтому и не знаю, примыкаютъ ли въ сихъ спискахъ къ житію Васи́лія мытарства или нѣтъ.

Разбираемый каталогъ даетъ нѣсколько заглавій и выписокъ по литературѣ прориданій. Такъ, въ монастырѣ Григорія хранится рукопись съ прориданіями Льва Мудраго: Αἰνίγματα συγγραφέντα μυθηγραφικῶς παρὰ τοῦ εὐσεβεστάτου βασιλέως κῆρ Δέωντος τοῦ σοφοῦ καὶ ἐξηγηθέντα παρὰ τοῦ ἀγιωτάτου Μεθοδίου Πατάρων. *Арх.

Αἶνιγμα λέξεων Δέοντος σοφωτάτου
 συμβολικῶς λήξαντος ἐν Βυζαντίῳ
 μυθογραφικῶς ἐνεσόπτρῳ (то-есть, ἐν ἐσόπτρῳ) ἐμφάνας (578,

24=Григ. 31). Съ этою статьей находится въ предметной связи слѣдующая статья въ той же библиотекѣ обителя св. Григорія: Μεθοδίου ἐπισκόπου Πατάρων (то-есть, Πατάρων) πρόφθεγμα περὶ τῶν ἐσχατῶν ἡμερῶν, ὅπερ ἀντεγράφη ὑπὸ τινος παλαιοῦ χειρογράφου... ἐμαρτύρησε τὴν 20 Ἰουνίου 311 ἐπὶ Διοκλητιανοῦ (№ 581,3=Григ. 34). Первая изъ сихъ статей представляетъ Меодія Патарскаго жившимъ послѣ Льва Мудраго, если только я вѣрно понимаю таинственные обороты этой статьи, а во второй статьѣ опъ отнесенъ ко времени Діоклитіана. Очевидно, рѣчь идетъ въ обѣихъ статьяхъ о прореченіяхъ, приписываемыхъ Льву Мудрому и лже-Меодію, котораго надо отличать отъ Меодія Патарскаго. Быть можетъ, первая статья имѣетъ сродство съ Χρημοὶ Льва Мудраго, изданными Ламбеціемъ, а вторая—съ такъ-называемымъ откровеніемъ Меодія, изданнымъ Грипеемъ ¹⁾. Замѣтимъ синонимизмъ словъ: αἶνιγμα и πρόφθεγμα, и ихъ связь со словами: χρησμός, ὀπτασία, ὄρασις, πρόβρασις, употребляемыми въ другихъ текстахъ. Въ первой изъ двухъ вышеназванныхъ рукописей Григоріева монастыря есть „предсказаніе“=Χρησμός: о взятіи Кипра. Начало:

Ὁδαὶ σοι τλήμων καὶ ἑξαυμένη Κύπρος
 τάλαινα ζοφώδη καὶ βεβορβορωμένη..

(№ 578, 25=Григ. 31). Тутъ же въ слѣдующей статьѣ (26-й): στοίχοι τῆς Κωνσταντινοπόλεως τοῦ ἀγγελοφόρου, то-есть, стихи вѣстника, обращенные къ Константинополю. Начало:

Πάριθι παντάλαινα Βαβυλῶν νέα...

Это начало прореченія, издавнаго Леграномъ ²⁾.

Βύζαντος ἀυλή ἐστία Κωνσταντίου.

¹⁾ *Lambecii, Imp. Leonis Oracula; приложены къ Georgii Codini... De antiquit. Constantinopolitanae... Paris. 1655.—(Групаеи) Monumenta Orthodoxographa, Basil. 1569 (стр. 95). Ср. №№ 12, 14, 15, 16 и 17 въ „Рукописномъ греческомъ сборникѣ прореченій, относящемся къ концу XVI“ (Уваровскомъ), нынѣ печатаемомъ въ Трудахъ Моск. Археолог. Общества. Содержаніе такъ-называемаго откровенія Меодія разобрано академикомъ А. Н. Веселовскимъ, Опыты по исторіи развитія христіанской легенды—Журн. Мин. Нар. Пр. 1875, апрѣль.*

²⁾ Сравни *Lambec., Imp. L. Or. стр. 279* —и *Λάμπρου Καταλ., 652, 19=Григ. 105.*

(№ 652, 19=Григ. 105). Это послѣднее въ печатномъ текстѣ Ламбеція продолжается такъ:

Ῥώμη, Βαβυλῶν, καὶ Σιῶν ἄλλη νέα.

Въ этомъ послѣднемъ Царюграду предсказано: „Ты лучше прежняго будешь господствовать надъ народомъ, сдѣлаешься домоу Божіей славы, когда ближніе припадутъ къ твоимъ стопамъ“¹⁾. Вотъ еще довольно ходячее прореченіе о появленіи нищаго царя; начало:

Καὶ στόλος φανείς ἀναβοήσει μέγα...

(№ 578, 27=Григ. 31); сравн. это начало съ началомъ оракула, изданнаго Леграномъ:

Καὶ στόλος φανείς ἀναβοῶ σοι μέγα...

Ἀναβοῶ есть исправленіе Леграна, ибо въ его спискѣ ἀναβοῶ. Исправленіе Леграна неудачное, потому что здѣсь, въ предсказаніи требуется время будущее: въ ἀναβοήσει Аеоно-Григоріевскаго списка мы получаемъ настоящее чтеніе. Это чтеніе подкрѣпляется соотвѣтствующимъ стихомъ Льва (по Ламбецію):

Κήρυξ ἀφανής τρίς ἀνακράξει μέγα...

и соотвѣтствующимъ стихомъ другаго оракула по Дюканжу:

κήρυξ βοήσει πᾶς (?) ἀναφωνήσει μέγα...²⁾

Въ той же рукописи Григоріева монастыря: στοίχοι τοῦ κόσμου(;) περὶ τῆς τοῦ Ἀντιχρίστου ἐπιδημίας ἔχοντες οὗτος. Ἄρχ.

Καὶ κόψεσαι πάμπολα τῶν βροτῶν γένος.

¹⁾ *Legrand*, Les oracles de Léon le Sage, Paris. 1875 (Collect. des monum., № 5, nouv. série, см. стр. 43).

²⁾ *Legrand*, Les oracles de Léon le Sage, Paris. 1875 (Collect. d. monum. № 5, nouv. sér.), см. стр. 46. IV: ἕτεροι στίχοι διὰ τὸν βασιλέαν; по списку № 929 Націон. Вибліот.—*Lambecius*, Imp. L. O., p. 266 (Εὐλαβεία, Oracul. XIII). *Duscangii* Annot. ad Zouar. (ed. *Dind.* VI 200). Очень интересно сравненіе этихъ двухъ стихотвореній. Исправляемъ:—*Legr.* v. 3. φιλόμεμον, читай: φίλον ἐμόν (у Ламб. и у Дюканжа ἐμόν φίλον).—*Legr.* 5, στόλος читай: τόλος (не столбъ на ногѣ, а мозоль), согласно съ Ἀωνόμου παράφρασι; (*Lamb.*, p. 276=*Migne* CVII, 1141. (Patrol. Gr.)).—*Legr.* 6, βλέπειν читай: βλέπει.—*Legr.* 8 ἄξεται τοῦτον[τῆς] βασιλείας δόμοις—по смыслу догадываюсь, что надо прочесть: ἄξεται τοῦτον εἰς βασιλείας δόμους.—*Duscange*, l. c., καὶ τοῦτου (ч. τοῦτον) θέσθαι (ч. θέσθε) πρὸς βασιλείας (ч. βασιλείας) δόμους.

Это исправится, если дополнить: στίχοι (περὶ τοῦ τέλους) τοῦ κόσμου (καὶ) περὶ τῆς τοῦ ἀντιχρίστου ἐπιδημίας, ἔχοντες οὕτως (л. 578, 28 = Григ. 31). Сравните это съ другою статьей: πρόβρασις τινὸς ἀγίου γέροντος πνευματικοῦ ἐξ ὕπνου ἐγερθῆναι ἀγιωτάτου βασιλέως καὶ περὶ τέλους τοῦ κόσμου (№ 581, 2 = Григ. 34, рукопись XVIII вѣка). Здѣсь, какъ и въ такъ-называемомъ откровеніи Меѳодія, соединено возвращеніе умершаго царя съ концомъ міра. — Но вотъ видѣніе сравнительно недавнее; очень жалѣемъ, что ничего не сказано о его содержаніи, хотя предполагаемъ, что дѣло идетъ о скоромъ паденіи Турціи, возстановленіи Греческаго царства, наступленіи общаго благоденствія и т. п. Это: „Видѣніе (ὄρασις) кирь Даніила монаха, бывшее въ тысяча семьсотъ четвертомъ году по Р. Хр. въ царствованіе султана Мустафы“ (№ 581, 4 = Григ. 34, XVIII вѣка). Здѣсь 1704 годъ не вѣренъ: Мустафа II отказался отъ престола раньше того; еще 22-го августа 1703 года вступилъ на престолъ братъ его Ахметъ III ¹⁾; но не въ ошибкѣ дѣло, тѣмъ болѣе, что она и не велика: важно появленіе иноческаго видѣнія скоро послѣ того, когда Карловацкимъ миромъ 1699 года Оттоманская имперія лишилась массы завоеванныхъ ею нѣкогда земель.

Фактъ совпаденія усиленія разныхъ державъ на счетъ Порты съ предсказаніями грековъ о ея паденіи не есть фактъ одинокій. Въ упомянутомъ трудѣ нашемъ, теперь издаваемомъ, я доказываю, что цѣлый греческій сборникъ прореченій, Уваровскій, составленный изъ разновременныхъ матеріаловъ, появился къ концу XVI вѣка, какъ разъ къ тому времени, когда Турція потерпѣла рядъ пораженій отъ Персіи. Тамъ же я привожу и прореченіе одного греческаго логіотата о предстоящемъ паденіи Турціи, написанное въ исходѣ XVIII вѣка, въ поясненіе двухъ мѣстъ изъ Апокалипсиса; это толкованіе явилось вслѣдъ за побѣдами Екатерины II надъ оттоманами. Итакъ, къ извѣстнымъ предсказаніямъ, явившимся по поводу побѣдъ латиновъ и агарянъ надъ православными, можно приложить предсказанія по поводу уроновъ, претерпѣнныхъ турками въ исходѣ XVI вѣка отъ персовъ, въ концѣ XVII отъ союза Россіи съ другими державами, въ исходѣ XVIII в. отъ Россіи. Къ симъ наблюденіямъ приведенъ я былъ недавно по поводу разработки Уваровскаго списка: до того я предсказаніями не занимался, хотя выслушивалъ ихъ изъ устъ любителей. Но чаянія народа и его представителей, по видному, стали облекаться въ какую-то теорію. Такъ попалось намъ

¹⁾ Hammer, Histoire de l'empire Ottoman, trad. p. Hellert, т. XIII, стр. 131.

даже такое мудрованіе: „Руководство и выводъ изъ событій о томъ, (ἐχειρίδιον καὶ συμπέρασμα ἐκ τῶν πραγμάτων). что такое царствіе Моамеа и кто такой антихристъ, сочиненіе мудросвященно-ученѣйшаго (σοφοῖερωτέρου) господина Анастасія Гордія“. (№ 767=Ксен., 65). Сравни. № 50, 9 Пападопула-Керамея въ Κατάλογος τ. χειρογράφων τ. ἐν Σμυρνῇ βιβλιοθήκης τ. Εὐαγγ. Σχολης, Σμυρνη, 1877 г., гдѣ, по видимому, хранится другой списокъ того же сочиненія. Этотъ Анастасій Гордій принадлежитъ къ числу усердныхъ дѣятелей эпохи Николая Маврокордата; Гордій только четырьмя годами пережилъ Петра I: можно съ вѣкоторою увѣренностію догадываться, что Антихристомъ Гордій обзывалъ Мухаммеда и царство мухаммеданъ, и что Гордія окрыляли политическіе замыслы и подвиги Петра Великаго ¹⁾). Подобныя книги потрясающимъ образомъ дѣйствовали на читателей—въ свое время.

Мы не можемъ заняться здѣсь вопросомъ о томъ, чѣмъ именно одолжено греческое племя Аѳону, хотя вполне увѣрены, что одолжено оно ему многими и по благочестію и нравственности, и по научно-литературному развитію. Много подготовлено для рѣшенія этого вопроса епископомъ Порфиріемъ и М. И. Гедеономъ ²⁾). Мы только упомянемъ, и то очень коротко, о вѣкоторыхъ научныхъ работахъ, хранящихся въ рукописяхъ на Св. Горѣ, не касаясь церковно-научныхъ, потому что это завело бы насъ въ многосложныя разысканія. Таковы грамматическіе труды Николая Критія, бывшаго учителемъ у Унгр-влашскаго господаря Стефана Кантакузина, которые, по свѣдѣнію г. Ламбра, не изданы (№ 646, 2; Григ. 99, рук. XVIII вѣка) ³⁾; толкованіе на 4-ю часть грамматики Θεοδωρα Γαζιῆ, написанное Дашиломъ, инокомъ Патрійскимъ; и того же Даниїла грамматика въ вопросахъ и отвѣтахъ (№№ 791=Ксеноф. 89; и 792=Кс. 90, рукопись XVIII

¹⁾ *Demetrii Procopii De euditis Graecis*; это сочиненіе, писанное въ 1721 г. по гречески, помѣщено у *Fabr.* В. G. XI (съ лат. пер., см. стр. 549 для года). О Гордіи см. *Σαδὰς* N. Φ., 438) и *Παπαδοπ.-Κεραμεύς*, *Κατάλογος*, ст. 28—29 и 34—35.

²⁾ *Πορφύριος*, Аѳонскіе книжники. Москва. 1883 (см. и прочія его сочиненія объ Аѳонѣ, въ особенности исторію (Христіанскаго) Аѳона и О религіозно-нравственномъ состояніи обитателей во времена турецкаго владычества. Еще больше свѣта прольется на вопросъ, когда Академія Наукъ исполнитъ передъ наукой свой долгъ изданіемъ завѣщанныхъ ей принопомитнымъ Порфиріемъ письменныхъ сокровищъ. — *Ματσουλῆ* I. Γεωργ. Ο' Ἄψω... Конст.—ль, 1885. См. особенно стр. 198—235.

³⁾ Объ этихъ трудахъ ни слова нѣтъ ни у *Σαοῦ* N. Φ. 476, ни у *Διμιτριάκου*, *Προσθήκαι*... 1871; указавъ на эти труды *Κατάλογος*.

вѣка). Есть и статьи по риторикѣ и письмовнику. По географіи и „сферической теоріи“ писалъ Теофілъ Коридалаей (№ 740, 14=Ксен. 38)¹⁾. Его же *προλεγόμενα ἐν τῇ περὶ ψυχῆς*, яв чѣмъ слѣдуетъ вся его психологія (642=Григ. 95, рукопись XVIII вѣка). Спрашиваемъ: не то ли это самое сочиненіе, которое приписываетъ Коридалаею Андроникъ Димитракопуло подъ заглавіемъ: *ἐρμηνεία εἰς τὸ περὶ ψυχῆς τοῦ Ἀριστοτέλους?*²⁾. Въ Каталогѣ есть чье-то „вступленіе (προδικοίησις) въ весь логическій методъ Аристотеля“ (783, 5=Кс. 81). Это сочиненіе принадлежитъ перу Георгія Сугдурѣ въ спискѣ бібліотеки Смирнскаго Евангельскаго училища (Παπαδοπούλου-Κεραμέως Κατάλογος χειρογράφων τ. ἐν Ἐμυρῶνῃ Εὐ., Σχ. ст. 38, № В—23). Оно издано въ Вѣнѣ 1792 г. Какого-то мудрѣйшаго и тайнаго совѣтника толкованіе на разсужденіе Аристотеля *Περὶ γενέσεως καὶ φθορᾶς* (644=Григ. 97)³⁾. Прибавимъ метафизику Викентія Дамода (№ 640=Гр. 93). По врачеванію отиѣтимъ рук. 244, XVII вѣка, по календарнымъ и физико-географическимъ свѣдѣніямъ—№ 649 (XVIII вѣка), по сельскому хозяйству—№ 67, 4. Разумѣется, рядомъ съ научными книгами находимъ въ одной рукописи XVI вѣка въ иномъ отношеніи занимательныя статьи: громовники (*βροντολόγια*), трусословъ, (трепетникъ?) (*σεισρολόγιον*) или примѣты о землетрясеніяхъ; въ рук. XVIII вѣка предсказанія по созвѣздіямъ и т. п. на простомъ греческомъ языкѣ, (№ 511, 244, 776, 3),—все статьи, какъ видно, интересующія не однихъ мірянъ.

Мы упоминали о томъ, что разбираемый каталогъ изданъ исправно, по кратко. Хотя и нельзя не пожалѣть объ этой краткости, но она была вызвана необходимостью сбереженія мѣста: издателю предстоятъ пустить въ свѣтъ, по его разчету, еще очень много выпусковъ, пока явятся всѣ плоды его трудовъ по Аѳону, совершенныхъ совокупно съ его помощниками. Поэтому и неудивительно, что мы въ напечатанной части каталога не находимъ исправленій къ тексту. Мы вполне согласны съ издателемъ относительно необходимости буквального воспроизведенія греческихъ текстовъ, заим-

¹⁾ Этого сочиненія другой списокъ находится въ Вѣнской бібліотекѣ, LIII пг. 2, какъ утверждаетъ Харлесь (*Fabr.*, В. G. XI, 526 пр. i).

²⁾ Δημήτρη Κοροπούλου, *Προβήματα καὶ διορθώσεις εἰς τ. Νεοεὐλ. φιλολ. Κ. Σαθα*, ἐν Λεϊψία, 1871. стр. 41, ср. Παп.-Κερ., стр. 40.

³⁾ *Παπαδοπούλης Κεραμει* доказываетъ, что это сочиненіе Теофіла Коридалаея, а не Мавроордата (Алекс.), какъ прежде думали, ибо рукопись Смирнской бібліотеки (А—9. XVIII вѣка) есть не что иное какъ изданное въ Венеціи въ 1780 г. сочиненіе Теофіла Коридалаея подъ этимъ самымъ заглавіемъ.

ствованныхъ изъ рукописей; какъ иначе и издавать палеографическую книгу? Хотя мы въ этой статьѣ выписывали тексты въ томъ видѣ, какъ ихъ находили въ разбираемой книгѣ, тѣмъ не менѣе мы вмѣняемъ себѣ въ обязанность указать на нѣкоторые тексты, которые по ошибочности своей представляютъ темноту: наши поправки дѣлаемъ мы, разумѣется, не въ укоръ издателю и не для его назиданія, въ которомъ онъ, какъ знатокъ дѣла, не нуждается. Дѣлаемъ это ради ученыхъ молодыхъ и вмѣстѣ неопытныхъ, на случай, если они займутся изученіемъ изданнаго нынѣ каталога.

(Катал. № 27).

Въ Критѣ, по приказанію царя, одинъ угодникъ построилъ ναὸν καὶ μοναστήριον τῆς Θεοτόκου καλῶς ἀγρὸς ἀκρόσιν. Читай: Καλὸς Ἀγρὸς ἀκρόσιν: то-есть, „обитель, слывущую подъ именемъ Калось Агрось“ (= прекрасное поле или огородъ).

№ 36. τὸν αὐτοκράτορα ἀντιστρατιωτικῶν ὅπλων ταύταις καθόπισσον... Читай: ἀντι στρατιωτικῶν, а подъ таύταις разумѣй предшествовавшее въ не сохранившемся текстѣ слово ἀλώσεαι; то-есть, „нашего самодержца вмѣсто воинскихъ оружіи сими (веригами св. Петра апостола) вооружа“. Это мы основываемъ на томъ, что, по издателю, рѣчь идетъ о „не надписанномъ словѣ на честныя вериги“, и на томъ, что въ начальной выпискѣ, имъ приведенной, назваѣтъ первоверховный апостоль.

№ 48, 2... γνέντιος дополни такъ: (Μα)γνέντιος; это имя Діоклетіанова проконсула въ похвалѣ Андрея Критскаго св. великомученику Георгію.

№ 136, 13 (Пав. 9). Слѣдующее мѣсто о Эммануилѣ Филѣ, современникѣ Михаила Палеолога Младшаго, умершаго въ 1321 г., сличаемъ съ соответствующею выпиской изъ другаго кодекса,

Κατ. Λαμ. № 136, 13.	Fabr. B. G. VIII, 141 (Hagl.)
τοῦ Φιλῆ πρὸς τὸν αὐτοκράτορα	ὅτε ἐπὶ χρονογραφίᾳ μεταβλη-
ὅτε ἐπὶ χρονογραφίᾳ μεταβαλη-	θεῖς ¹⁾ ἀπητήθη ²⁾ ὄρμον ³⁾ περὶ
θεῖς ¹⁾ ἀστητήθη ²⁾ ὄρμον (;) ³⁾	ἀσφαλείας·
περὶ ἀσφαλείας ἰαμβικοί στίχοι.	

¹⁾ Оба написанія возможны, хотя первое толковѣе; но не вѣрнѣе ли допустить διαβληθεῖς?

²⁾ ἀστητήθη, если не опечатка, то непременно ошибка; ἀπητήθη настоящее чтеніе.

³⁾ ὄρμον въ обоихъ текстахъ вовсе не внушаетъ подозрѣнья. „Онъ попросилъ безопаснаго пристанища“, какъ понимаетъ и Фабриціи.

№ 185 . . . „*περι μοναχοῦ ὁποῦ δὲ φάλει τὰς ὥρας*“. Для не привыкших къ народному новогреческому выговору замѣтимъ, что здѣсь δὲ не есть описка писца, и не означаетъ же; это подражаніе провинному: многіе говорятъ δὲ вмѣсто δὲν = не.

№ 225 (р.кп. XIII в.). Стихи кончаются:

σὺν σοὶ τυχεῖν με τῆς ἄνω κληρωχίας
 . . . ταῖς φαειναῖς τῆς πανάγου Μαρίας . . .

Здѣсь, кажется, стояло (λι)ταῖς: „съ тобою получить высокій жребій свѣтлыми молитвами пречистой Маріи“.

№ 578, 6 (XVI в.). Ἐντικέλα надо раздѣлить на: ἐν τῇ κέλα (или κέλλα) = „въ келии“. Здѣсь имѣемъ любопытную древнѣйшую форму κέλλα отъ лат. cella, замѣненную позже уменьшительными формами κελλίον, κελλί, κελί.

№ 654. οἱ πρῶτοι στίχοι
 τῶν εἰς νόμους
 Νέος ὧν ἀκούειν τῶν γεραιτέρων θέλη
 Ἰσχυρὸν ὁ νόμος ἐστὶν ἣν ἄρχοντα ἔχει.

Необходимо первый стихъ отнести къ группѣ одностишій εἰς νεότητα, а второй стихъ къ группѣ εἰς νόμους. Въ первомъ стихѣ должно быть: ὧν и θέλε, во второмъ ἄρχοντ' (см. Poetae Graeci gnomici, Lips., ed. ster.).

Здѣсь мы остановимся и постараемся хотя въ немногихъ словахъ изложить содержаніе изданныхъ въ минувшемъ же году двухъ брошюръ профессора Ламбра, которыя могутъ служить дополненіемъ къ его аѳонскимъ работамъ. Одна изъ этихъ брошюръ содержитъ въ себѣ обстоятельное описаніе всѣхъ видѣнныхъ имъ на Аѳонѣ палимпсестовъ: ихъ всего 13. Онъ доказываетъ, что „средневѣковые монахи не разоряли систематически текстовъ по классической филологіи, какъ это предполагали вѣкоторые изъ прежнихъ ученыхъ, якобы для того, чтобы на нихъ написать сверху труды апостоловъ и отцовъ церкви, но что палимпсесты происходили вслѣдствіе того, что случайно стирались всякія болѣе старыя и невужныя для пишущаго рукописи, на которыя онъ переписывалъ новый текстъ, который ему былъ нуженъ“¹⁾.

¹⁾ Σ. Π. Λαμπρού, Περὶ τῶν παλιμψηφιστῶν κωδικῶν τῶν ἀγιορειτικῶν βιβλιοθηκῶν, Αθῆν. 1888. Ср. стр. первую и послѣднюю. — Ср. стр. 23 и 24 отчета г. Ламбра объ Аѳон. рукоп. Εκθεσις, и стр. 165 моего извлеченія изъ этого отчета въ *Журн. Мин. Нар. Просв.* 1880 или 1881.

Въ другой книжкѣ авторъ говоритъ о находящихся въ обители Діонисіевой „избранныхъ выпискахъ изъ жизнеописаній Плутарха (№ 90 Діон. библ.)“. Изъ многихъ предложенныхъ г. Ламбромъ сличеній разныхъ выписокъ, содержащихся въ упомянутомъ изборникѣ съ печатнымъ греческимъ текстомъ Плутарховыхъ жизнеописаній Денера (Döhner), греческій ученый дѣлаетъ такой весьма основательный выводъ: составитель изборника главнымъ образомъ озабоченъ передачей изреченій и афоризмовъ, и рѣже пересказомъ историческихъ фактовъ. Изъ разночтеній нужно отмѣтить ἀνελεῖν вмѣсто извѣстнаго доселѣ и принятаго ἀμελεῖν. Плутархъ пишетъ: „Нѣкогда прочтено полученное изъ Дельфовъ прорицаніе, въ которомъ было писано, что всѣ аѳиняне единогласны въ мнѣніи своемъ; но что одинъ изъ нихъ думаетъ иначе, нежели другіе. Фокіонъ, выступивъ въ средину аѳинявъ, сказалъ: „Не безпкойтесь, человекъ, котораго вы ищете, это я! мнѣ одному ничто то не нравится, что вы дѣлаете“. Фокіонъ ἀμελεῖν ἐκέλευσεν = велѣлъ не безпокоиться: такъ читалось по сихъ поръ. По изборнику: ἀνελεῖν ἐκέλευσεν ἑαυτὸν = велѣлъ себя убить ¹⁾). Варіантъ интересный: что такъ могъ выразиться Фокіонъ — это правдоподобно. Далѣе авторъ брошюры приводитъ доводы, на основаніи которыхъ относитъ изборникъ къ XIII вѣку.

Изъ нашего разбора видно, что г. Ламбру лучше удастся осуществить свои замыслы, чѣмъ приснопамятному Порфирію Успенскому, которому однако принадлежитъ первенство надъ всѣми знатоками Аѳона, прошедшими и настоящими, греческими, русскими и востранными.

Гавріилъ Дестунисъ.

Сочиненія А. А. Котляревскаго, т. I. С.-Пб. 1889 (Сборникъ отдѣленія русскаго языка и словесности Императорской Академіи Наукъ, т. XLVII).

Сборники статей, нѣкогда помѣщавшихся въ журналахъ и являющихся въ своемъ старомъ, не исправленномъ видѣ, быть можетъ, не всегда понятны для читателя современнаго, переносятъ человѣка,

---

¹⁾ Σ. Π. Λαμπρού, Πλουτάρχεια ἀπανθιαρτά . . . Αθ. 1888. См. для выписки ст. 7 (изд. Döhner'a VIII, 2); я привелъ въ переводъ моего отца: Плутарховы сравнительн. жизни славн. мужей. Перев. съ греческаго Спир. Дестунисъ, 1820, ч. X, стр. 19.—Выводъ Ламбра, стр. 19. Опредѣленіе времени, стр. 23.

нѣкогда знакомаго съ каждою изъ нихъ въ отдѣльности, въ то время, когда онѣ писались, живо воспроизводятъ всю полемику того далекаго времени. Такія впечатлѣнія почувствовалъ и пишущій эти строки, пробѣгая сборникъ статей А. А. Котляревскаго. Большинство ихъ напечатано было въ Московскихъ Вѣдомостяхъ и Отечественныхъ Запискахъ въ то время, когда я и самъ въ нихъ участвовалъ. Такія воспоминанія молодости, кажется, должны бы представлять и самыя статьи нѣсколько въ иномъ отчасти идеализированномъ свѣтѣ; но послѣ того прошло слишкомъ много времени, и слѣдовательно, каждый изъ жившихъ и писавшихъ тогда уже не чувствуетъ себя такимъ, какимъ онъ былъ въ тѣ давніе годы. Опытъ жизни показалъ фантастичность многого, во чтѣ съ жаромъ вѣрилось въ то слишкомъ уже отъ насъ далекое время. Вотъ почему именно люди, пережившіе то, чтѣ теперь снова встаетъ передъ ними, яснѣе видятъ значеніе этого прошлаго. А. А. Котляревскій началъ писать съ 1855 года: его первыя статьи относятся къ тому времени, о которомъ на историческомъ обѣдѣ московскихъ литераторовъ въ августѣ 1856 г. сказалъ Н. Ф. Павловъ: „Новымъ духомъ вѣетъ, новое время настало“. И дѣйствительно, настало новое время, но едва ли многіе изъ самыхъ дѣятелей новаго времени были приготовлены къ поставленнымъ имъ широкимъ задачамъ. Тяжелая эпоха предшествовала ему: особенно тяжелы были для умственнаго развитія Россіи года послѣ 1848 г. Въ университетахъ замогло преподаваніе философіи, стѣснены были всѣ теоретическія науки; въ гимназіяхъ введена была печальная система бифуркаціи, техническимъ знаніямъ давалось преобладаніе надъ знаніями гуманитарными. Въ литературѣ возможно было только печатаніе невинныхъ романовъ да статей или по археологіи, или по старой библіографіи, или по наукамъ прикладнымъ. Молодое поколѣніе, лишенное правильнаго руководства, лишенное теоретическихъ знаній, и такъ уже стоявшихъ не высоко, принужденное довольствоваться смутными понятіями, долетавшими въ обрывкахъ, лишено было и критерія, который помогъ бы отдѣлить истинное отъ ложнаго, фантастическое отъ реального. Людей съ глубокимъ образованіемъ, каковы были славянофилы, кое-кто изъ профессоровъ, а изъ молодыхъ Б. Н. Чичеринъ, было очень немного. Молодые студенты собирались въ кружки, въ которыхъ по своему рѣшали задачи теоретическаго свойства; къ одному изъ такихъ кружковъ принадлежалъ и А. А. Котляревскій. Воспоминанія о томъ, какъ въ этотъ кружокъ ходилъ спорить Хомяковъ, находятся въ статьѣ А. А. Козлова, напечатанной въ никому

теперь неизвѣстномъ журналѣ Московскій Вѣстникъ 1860 года. Замѣчу кстати, что московскій профессоръ А. Н. Веселовскій въ своихъ интересныхъ воспоминаніяхъ объ А. А. Котляревскомъ (Кіевская Старица 1888 г.) напрасно приписываетъ А. А. Котляревскому руководящее значеніе въ основаніи и изданіи другаго теперь забытаго журнала Московское Обзорѣніе. Какъ одинъ изъ редакторовъ этого журнала, я смѣло могу заявить, что сотрудничество А. А. Котляревскаго ограничивалось помѣщеніемъ только одной статьи, что хорошо знаяшіе А. А. Котляревскаго мы, редакторы этого журнала, едва ли знали другихъ членовъ этого кружка; я по крайней мѣрѣ съ этими остальными членами знакомъ не былъ. Ныѣшніе читатели статей Котляревскаго должны, мнѣ кажется, имѣть въ виду разницу времени: во многихъ статьяхъ встрѣтятся они съ понятіями, теперь уже отжившими. Я, конечно, говорю не о тѣхъ намекахъ на крѣпостное право, которые встрѣчаются, напримѣръ, въ статьѣ о Маркѣ Вовчкѣ, но преимущественно о яростныхъ нападеніяхъ на славянофиловъ, которые смѣшиваются съ представителями официальной народности, а также на статью о магистерской диссертациі О. Ѳ. Миллера, которая тоже преслѣдуется весьма жестоко, въ томъ предположеніи, что авторъ ея держится официальной морали. Къ счастью, для А. А. Котляревскаго этотъ отголосокъ патанія умовъ не составляетъ главнаго содержанія его умственнаго запаса. Въ университетской своей жизни А. А. Котляревскій имѣлъ рѣдкое, не всякому на долю выпадающее счастье—встрѣтить учителя, труды котораго составили эпоху въ изучаемомъ имъ предметѣ. Учителемъ этимъ былъ Ѳ. И. Буслаевъ, тогда еще почти только начинавшій свою ученую дѣятельность или, по крайней мѣрѣ, расширившій ее съ непререкаемымъ авторитетомъ. Когда Ѳ. И. Буслаевъ всходилъ на кафедру Московскаго университета, лучшими представителями такъ-называемой „россійской словесности“ были на университетскихъ кафедрахъ: въ Москвѣ Шевыревъ, въ Петербургѣ Никитенко, въ Кіевѣ почти только что оставившій кафедру Максимовичъ. Шевыревъ, о которомъ мы еще недавно говорили, много работалъ и много зналъ, но онъ былъ далекъ отъ современной ему науки, онъ не вносилъ въ свое изложеніе ни сравнительнаго метода, ни глубокаго пониманія народной поэзіи. Его исторія литературы, очень полезная во многихъ отношеніяхъ, не была исторіей въ подлежащемъ смыслѣ. Никитенко, какъ можно было догадываться по его статьямъ и какъ можно теперь видѣть изъ его записокъ, былъ чело-

вѣкъ не большаго образованія и не знавшій ни одного иностраннаго языка, не знавшій древней русской литературы, имѣвшій весьма странное понятіе о древней русской жизни, что доказываетъ его фразистое „Введеніе въ исторію русской литературы“. Самою исторію, къ счастью для своей репутаціи, Никитенко никогда не написалъ. Максимовичъ, ботаникъ по воспитанію, страстный собиратель малороссійскихъ пѣсенъ, страстный любитель малороссійской старины, былъ болѣе способенъ къ специальнымъ изслѣдованіямъ, чѣмъ къ цѣлостному воспроизведенію жизни и раскрытію ея основъ. При такомъ состояніи этой каѳедры на ней появился Ѳ. И. Буслаевъ. Надо вспомнить, что это было въ 1847 году, чтобы уяснить себѣ, что научные взгляды и понятія, которые теперь намъ кажутся элементарными, тогда должны были произвести переворотъ въ умахъ. Ѳ. И. Буслаевъ, ученикъ школы Гримма, соединилъ изученіе законовъ языка съ изученіемъ законовъ творчества въ ту эпоху, которая называется обыкновенно эпическою эпохой. Отсюда пошелъ онъ къ сравнительному изученію памятниковъ средневѣковой литературы и средневѣковаго искусства. Приходятъ новые учителя, приносятъ новыя точки зрѣнія; самъ Ѳ. И. Буслаевъ сознаетъ это въ предисловіи къ изданію своихъ статей подъ заглавіемъ „Народная поэзія“, хотя хорошо поступаетъ, оставя эти статьи безъ существенныхъ измѣненій: онѣ важны и дороги не только какъ памятникъ давно минувшихъ временъ, какъ изложеніе ученія, на которомъ воспитались сами новые учителя, но и какъ непререкаемое указаніе на то, что литературныя заимствованія, которыя нынѣ слишкомъ выставляются на первый планъ, не могутъ одни, сами по себѣ, объяснить народную литературу. Мы убѣждены въ томъ, что будущая наука сумѣетъ найти точку, возвышающуюся надъ обоими взглядами, которыхъ противоположность должна быть снята другимъ болѣе широкимъ воззрѣніемъ. Какъ бы то ни было, труды Ѳ. И. Буслаева являются эпохой въ развитіи русскаго самосознанія. Въ нихъ впервые выступило въ яркихъ образахъ время эпическаго творчества, въ нихъ сказались оттѣнки областной литературы, важные для пониманія общаго облика русскаго народа; нравственный обликъ его начинаетъ ярче выступать съ появленіемъ трудовъ Ѳ. И. Буслаева. Исторія русскаго языка, уже и прежде начатая разработкой въ нѣсколькихъ замѣчательныхъ трудахъ, ярче всего выразилась въ трудахъ Ѳ. И. Буслаева и вошла въ тѣсную связь съ исторіей русской литературы и съ исторіей русской жизни. Кто вчитается въ труды Ѳ. И. Буслаева, тотъ пойметъ, почему народившееся тогда стремленіе къ замѣнѣ исторіей народа исто-

рін государственной, представителемъ которой являлся тогда С. М. Соловьевъ, нашли себѣ опору въ трудахъ Ѡ. И. Буслаева. Мы теперь ясно видимъ, что конечная цѣль исторической науки—не замѣна втораго понятія первымъ, а ихъ сліяніе и взаимное дополненіе. Мы теперь ясно видимъ, что внесеніе народнаго элемента объяснить и самый характеръ исторіи государственной, и ея ходъ; по этому мы выучились въ трудахъ того же Ѡ. И. Буслаева. Ясно, что къ такому выводу можно обратиться послѣ многихъ лѣтъ, а въ то время труды эти получали одностороннее и исключительное толкованіе, оширавшееся на труды другихъ менѣе осторожныхъ, но болѣе рѣшительныхъ изслѣдователей. А. А. Котляревскій началъ свою литературную дѣятельность, еще бывши студентомъ подъ полнымъ вліяніемъ Ѡ. И. Буслаева; взгляды учителя, само собою разумѣется, видоизмѣнялись въ этихъ первыхъ трудахъ ученика подъ вліяніемъ мыслей, развивавшихся въ кружкѣ, о которомъ мы выше говорили. Сознаніе глубокаго значенія народной поэзіи соотвѣтствовало въ значительной степени тому взгляду на народъ, который развивался въ тогдашнихъ кружкахъ и въ тогдашней литературѣ: взглядъ этотъ не былъ тождественъ со взглядомъ славянофильскимъ; для славянофиловъ исконныя свойства народа сливались со свойствами, принятыми имъ въ христіанской религіи. Взглядъ тогдашній указывалъ на то, что христіанство пришло къ намъ изъ Византіи, а византіиство привило къ нашей старой основѣ много нежелательныхъ явленій: сюда относили тогда аскетизмъ и схоластическое пониманіе истинъ христіанства. Славянофилы тоже знали, что не одно добро пришло къ намъ изъ Византіи, и Хомяковъ не только въ стихахъ говорилъ „о безвѣрной вѣрѣ, лести и развратѣ“ Византіи, но то же говорилъ онъ и въ своемъ извѣстномъ спорѣ съ И. В. Кирѣевскимъ. Славянофилы сумѣли отдѣлить пшеницу отъ плевелъ въ византіискомъ вліяніи, хотя изученія византіискія стояли тогда не такъ высоко, какъ они стоятъ теперь. Ѡ. И. Буслаевъ и тогда не былъ безусловнымъ противникомъ византіискаго вліянія,—но въ своей рѣчи о народной поэзіи онъ высказалъ, что съ литературной стороны Византіи имѣла на насъ и хорошее вліяніе. Теперь, благодаря трудамъ В. Г. Васильевскаго, А. Н. Веселовскаго, Е. В. Барсова, Ѡ. И. Успенскаго и др., мы вполне убѣждены въ этомъ. Но Котляревскій, исходя изъ точки зрѣнія кружка, во многомъ воспитаннаго на западныхъ понятіяхъ, и потому смотрѣвшаго на Византію и на все византіиское съ иѣкоторымъ предубѣ-

часть сслхiv, отд. 2.

жденіемъ, хвала вообще рѣчь **Ө. И. Буслаева**, возстаетъ именно противъ этого мѣста. **А. А. Григорьевъ** въ частномъ разговорѣ замѣтилъ одному изъ молодыхъ людей того времени: „Для васъ русская народность то же самое, какъ и всѣ другія народности“. По чувству, можетъ быть, каждый изъ тогдашнихъ молодыхъ людей болѣе былъ русскимъ, чѣмъ это казалось, но въ возрѣніяхъ народность далеко не играла такой роли, которая ей принадлежитъ въ дѣйствительности. То была отвлеченная общеарійская народность, изъ которой возникло обще-европейское просвѣщеніе, долженствующее стать общимъ достояніемъ всѣхъ народовъ. Такая точка зрѣнія поддерживалась, съ одной стороны, нерасположеніемъ къ официальной народности, съ которою мѣшались и славянофилы, съ другой стороны—результатами сравнительнаго историческаго изученія народной поэзіи, изученія, въ кругъ котораго **Ө. И. Буслаевъ** внесъ и русскій языкъ, и русскую народную поэзію. Этою стороною молодня направленія конца пятидесятихъ годовъ отличались отъ возрѣній **Вѣлинскаго** и его современниковъ. Для западниковъ 30-хъ и 40-хъ годовъ существовала новая Европа съ ея привлекательными изгладями, изрѣдка только имъ вспоминались корни европейской образованности въ средневѣковой Европѣ и объединяющей власти папства. Этотъ послѣдній взглядъ принадлежитъ почти исключительно **Чаадаеву**, но оба они сходились въ сознаніи кореннаго различія западной Европы отъ восточной: на западѣ—свѣтъ и прогрессъ, на востокѣ мракъ и застой. Новое поколѣніе открыло общую почву развитія для востока и запада; **Гриммовская** школа послужила ей исходною точкой. Этимъ она ближе даже самихъ славянофиловъ двигала къ пониманію русской народности; въ этомъ ея высокая заслуга и право на благодарность слѣдующихъ поколѣній. Учитель ихъ въ дѣлѣ науки, **Ө. И. Буслаевъ**, не выходилъ изъ предѣловъ своей специальности. Глубокое знаніе, вдумчивость во всѣ изучаемые предметы приводили его очень часто къ неожиданнымъ выводамъ и результатамъ, освѣщали пути и въ другихъ областяхъ жизни, но самъ онъ не входилъ въ предѣлы другихъ специальностей и очень рѣдко, какъ бы мимоходомъ, вдавался въ полемику. Любопытно, что въ позднѣйшей своей дѣятельности **Ө. И. Буслаевъ** выступилъ съ сильнымъ отрицаніемъ реалистическаго направленія въ искусствѣ. Такое отрицаніе для него, идеалиста по природѣ, выходившаго изъ основнаго принципа **Гриммовской** школы о гармоническомъ единствѣ жизни въ эническомъ періодѣ, для него, страстнаго

поклонника искусства, такой выводъ былъ логически неизбеженъ ¹⁾. Позднѣе Ѳ. И. Вуслаевъ также во многомъ склонялся къ новой школѣ антропологовъ, переставшихъ видѣть въ идеалистическомъ видѣ первоначальную эпоху. Отступленіе отъ Гриммовской схемы какъ будто объясняется тѣмъ, что наплывъ новыхъ изысканій былъ слишкомъ силенъ, чтобы войти въ соглашеніе съ существовавшими уже взглядами. Не теряемъ надежды, что наука найдетъ возможнымъ согласить то, что пока еще не согласимо. Это разсужденіе нѣсколько отвлекло насъ ко времени уже позднѣйшему. Въ то же время, о которомъ мы говоримъ, Гриммовская схема была „последнимъ словомъ науки“. Установленіемъ ея и примѣненіемъ къ фактамъ русской жизни зачатъ былъ Ѳ. И. Вуслаевъ. На помощь ему шли одинъ за другимъ сборники пѣсенъ, этнографическія статьи, замѣтки, болѣе или менѣе удачныя попытки объяснять старую русскую мѣлологію. Къ этому-то движенію примкнулъ и А. А. Котляревскій; живой, блестящій, остроумный, онъ въ началѣ посвятилъ свою дѣятельность полемикѣ, предвѣщенной поддерживать и развивать новое направленіе. Эти-то статьи его составляютъ содержаніе вновь появившагося перваго тома сочиненій А. А. Котляревскаго. Они направлены были главнымъ образомъ, съ одной стороны, противъ Шевырева и другихъ представителей официальной народности, къ которымъ присоединяли тогда и славянофиловъ. Съ другой стороны, полемика А. А. Котляревскаго преслѣдовала обветшалые методы преподаванія русскаго языка и русской словесности. Poleмика противъ Шевырева велась подъ знаменемъ чистой науки. А. А. Котляревскій приводилъ Шевыреву любопытныя слова преосв. Филарета Черниговскаго о невозможности полной исторіи русской литературы: „Для такого сочиненія въ настоящее время недостаетъ еще многихъ данныхъ, а писать исторію по предположеніямъ, по ображеніямъ, не основаннымъ ни на чемъ,—дѣло не умное“. Исходя изъ такой точки зрѣнія, А. А. Котляревскій, въ двухъ статьяхъ, напечатанныхъ въ двухъ разныхъ журналахъ, доказалъ Шевыреву, что въ его исторіи многого недостаетъ и многое лишнее. Съ этой сто-

¹⁾ А молодые его поклонники именно являлись ревностными поклонниками реалистической поэзіи, хотя А. А. Котляревскій страннымъ образомъ считаетъ реалистическими сантиментальныя измышленія Марко Вовчка; впрочемъ, въ то время вѣрно опредѣлить этого писателя только одинъ Дружининъ, и то при общихъ крикахъ негодованія.

роны можно сказать, что роль исторіи Шевырева покончена этою статьею, хотя относительно фактовъ и до сихъ поръ приходится справляться съ „Исторіей русской словесности преимущественно древнею“. Конечно, научная точка зрѣнія была сильна у А. А. Котляревскаго и въ тогдашнюю пору его жизни, но жаръ его полемики придавало иное обстоятельство: въ Шевыревѣ онъ видѣлъ самаго виднаго представителя византизма, а византизмъ, по его мнѣнію, былъ источникомъ всѣхъ печальныхъ явленій въ нашей жизни. Иныхъ изъ этихъ явленій Котляревскій, разумѣется, не называлъ, но цензура сороковыхъ и пятидесятихъ годовъ пріучила писателей выражать свои мысли между строками, а читателей—понимать не досказанное. Въ нашихъ глазахъ эта сторона полемики Котляревскаго съ Шевыревымъ менѣе вѣрна, чѣмъ чисто научная, но конечно, Шевыревъ являлся весьма неловкимъ адвокатомъ того, что онъ хотѣлъ защищать: онъ мало зналъ и русскую народность, и самую Византию, и потому съ этой стороны виталъ въ области гаданій и предположеній. Наука нашего времени стоитъ на другихъ, болѣе прочныхъ основаніяхъ и, несомнѣнно, въ болѣе или менѣе скорое время достигнетъ возможности представить синтезъ уже многихъ изслѣдованій, которыя должны освѣтиться лучами теоретическихъ размышленій великихъ учителей славянофильства. Обсуждая полемику того времени, нельзя не имѣть въ виду и неловкости защитниковъ и другихъ тогдашнихъ обстоятельствъ. Poleмика А. А. Котляревскаго противъ славянофильства выразилась главнымъ образомъ въ его статьѣ „Сказанія о русскихъ богатыряхъ“. Статья эта направлена противъ мнѣнія о богатыряхъ, высказаннаго К. С. Аксаковымъ. Этотъ „честный писатель“, какъ мѣтко его называлъ самъ А. А. Котляревскій, былъ въ сущности глубокой идеалистъ и теоретикъ. Его представленіе о богатыряхъ, основанное на давнихъ, тогда еще не многочисленныхъ, было построениемъ чисто теоретическимъ, и А. А. Котляревскому съ точки зрѣнія сравнительнаго языкованія не трудно было разрушить основныя начала К. С. Аксакова, но позднѣйшія работы должны внести многія поправки въ мнѣнія самого А. А. Котляревскаго. Историческое развитіе богатырскихъ типовъ было для него только гаданіемъ; возможность литературныхъ вліяній на созданіе этихъ типовъ едва ли и провидѣлась. Сверхъ того, въ богатырскихъ типахъ просвѣчиваютъ черты народности, и замѣтно христіанское вліяніе, такъ что и гаданія К. С. Аксакова не останутся безплодными для будущаго цѣльнаго пред-

ставленія эпической дѣятельности русскаго народа. Борьбѣ съ устарѣлыми методами преподаванія словесности посвящена статья „Рутинна въ преподаваніи исторіи словесности“, написанная по поводу книги И. А. Линиченки „Курсъ исторіи поэзіи“. Курсъ этотъ авторъ расположилъ по родамъ поэзіи. Критикъ указываетъ ему на неудобство и неточность подобнаго расположенія и вообще, исходя изъ своей исторической точки зрѣнія, осуждаетъ и самое раздѣленіе родовъ. Нѣтъ никакого сомнѣнія въ томъ, что въ подобной мысли заключается значительная доля правды, особенно, когда дѣло идетъ объ историческомъ, а не теоретическомъ изложеніи. Конечно, греческая лирика ближе съ греческимъ эпосомъ и греческою драмой, чѣмъ съ лирикой трубадуровъ или миннезингеровъ, конечно, лирика Байрона въ тѣсной связи съ его поэмами. Правда и то, что самая теорія поэзіи можетъ быть только результатомъ ея исторіи. Въ этой статьѣ А. А. Котляревскаго весьма любопытно указаніе на то, что новый взглядъ на народную поэзію никакъ не уживается съ классическимъ понятіемъ объ эпосѣ. Очевидно, что такія понятія были полезны и новы въ то время, когда такъ-называемая словесность преподавалась по книжкамъ Георгіевскаго, Зеленецкаго, или даже Давыдова, у котораго первыя части заимствованы были изъ устарѣвшаго Блера, а послѣдняя—изъ блистательной, хотя въ то время уже не совсѣмъ удовлетворительной книги главы романтической школы Августа-Вильгельма Шлегеля. Но и къ Шлегелю во имя его католическихъ тенденцій, заставлявшихъ его ставить Кальдерона выше Шекспира, не могъ сочувственно относиться Котляревскій, который впрочемъ о немъ и не упоминаетъ. Эту статью Котляревскаго можно и теперь рекомендовать вниманію составителей учебниковъ и программъ по русской словесности. Преподаваніе русскаго языка отчасти разсматривается въ статьѣ Котляревскаго о грамматикѣ Ѳ. И. Буслаева. Статья эта, къ сожалѣнію, осталась не оконченною; оцѣнки труда Ѳ. И. Буслаева въ ней такъ и не сдѣлано. Авторомъ написано было только введеніе, состоящее изъ обзора развитія языкознанія въ Европѣ и исторіи изученія языка въ Россіи до грамматики Ѳ. И. Буслаева. Статья эта до сихъ поръ сохранила свое достоинство; я, по крайней мѣрѣ, не знаю на русскомъ языкѣ болѣе яснаго и живаго обзора этого вопроса; обзоръ этотъ и теперь можетъ съ пользою быть употребленъ и студентомъ, и молодымъ преподавателемъ русскаго языка. Конечно, языкознаніе послѣ того сдѣлало значительные успѣхи: появились новыя теоріи, сдѣлано много частныхъ

изслѣдованій, но во всякомъ случаѣ для ознакомленія съ тѣмъ, что сдѣлано до шестидесятихъ годовъ, статья Котляревскаго можетъ служить лучшимъ руководствомъ. Даже въ статьяхъ, посвященныхъ произведеніямъ, которыя нравились Котляревскому, мы постоянно встрѣчаемся съ полемическими нападеніями на непріязненныя ему воззрѣнія. Даже статьи о самыхъ фактахъ историко-литературныхъ, какъ напримѣръ, статья о лубочныхъ картинахъ, заключаютъ въ себѣ тоже полемическій элементъ. То же замѣчаніе прилагается и къ статьѣ о рѣчи В. И. Григоровича „Сербія и ея отношенія къ сосѣднимъ державамъ“, которая подаетъ Котляревскому поводъ снова напасть на Византію. Замѣтимъ, что, даже сочувствуя во многомъ направленію книги, авторъ, не стѣсняясь указываетъ на ея существенные и весьма важные недостатки. Такъ, напримѣръ, разбирая извѣстную книгу А. П. Милюкова „Очеркъ исторіи русской поэзіи“, которая ему въ изложеніи новой литературы, очень нравится, а изложеніе это является какъ бы популяризаціей и сводомъ статей Бѣлинскаго, Котляревскій указываетъ на полное незнакомство ея автора съ древнею русскою литературой и тѣмъ наглядно показываетъ, какъ далеко отстоитъ наука пятидесятихъ годовъ отъ взглядовъ, высказывавшихся въ сороковыхъ годахъ. Во время Бѣлинскаго можно еще было пренебрегать древнею русскою литературой, хотя и тогда уже были ея знатоки; но послѣ лекцій Э. И. Буслаева подобное пренебреженіе было не возможно, по крайней мѣрѣ относительно поэзіи народной и того влѣдствія, которое могла она оказать на письменную словесность. Хотя изученіе старой нашей письменности и отношеній ея къ Византіи тогда еще только начиналось, то-есть, въ истинно научномъ смыслѣ, хотя противъ Византіи существовало непреодолимое предубѣжденіе, но все же можно было предвидѣть уже и тогда, что вопросъ этотъ можетъ скоро представиться и въ иномъ свѣтѣ. Не перечисляя и не характеризуя всѣхъ остальныхъ статей А. А. Котляревскаго, касающихся равнообразныхъ вопросовъ русской и европейской старины мы укажемъ только на любопытную статью „Старина и народность за 1861 годъ“, представляющую обзоръ сочиненій, появившихся по этимъ вопросамъ за данный годъ. Статья эта принадлежитъ къ тому разряду общихъ обзоровъ, которые часто появлялись въ журналахъ сороковыхъ и пятидесятихъ годовъ и которые, къ сожалѣнію, почти совсѣмъ вывелись нынѣ. А между тѣмъ рядъ такихъ обзоровъ за много лѣтъ можетъ представить любопытную картину смѣны воззрѣ-

ній и интересовъ. Обзоръ А. А. Котляревскаго свидѣтельствуетъ о разнообразіи его интересовъ въ занимающей его обширной области, о живости его ума и поразительной его начитанности. Лежащій передъ нами томъ свидѣтельствуетъ между, прочимъ, о живомъ интересѣ А. А. Котляревскаго къ той части Русской земли, въ которой онъ родился. Онъ посвящаетъ нѣсколько статей Малороссіи: остроумно разбираетъ книгу Г. П. Данилевскаго объ Основьяненкѣ, симпатически относится къ повѣстямъ Марка Вовчка, восторженно хвалитъ „Вогдана Хмельницкаго“ Костомарова и вноситъ свое слово въ поднятый П. А. Лавровскимъ и Погодинымъ вопросъ о происхожденіи малорусскаго народа. Извѣстно, что Погодинъ вѣрилъ въ переселеніе малороссовъ въ Великую Россію въ эпоху татарскую и въ заселеніе Малороссіи пришельцами изъ Галиціи. Краткая статья Котляревскаго, ставшаго на сторону Максимовича противъ Лавровскаго и Погодина, очень мѣтка. По любви своей къ Малороссіи Котляревскій напоминаетъ Максимовича болѣе, чѣмъ кого-нибудь другаго. Эта любовь къ своей родной старинѣ, любовь къ родному небу, къ привычнымъ обычаямъ — и болѣе ничего. Правда, что Котляревскій нигдѣ въ ту пору ясно не высказался, какъ сдѣлалъ Максимовичъ, въ пользу органическаго соединенія обоихъ племенъ русскихъ, но, читая его, какъ-то невольно чувствуешь, что его любовь къ Украинѣ лишь только археологическая и этнографическая. Вообще, А. А. Котляревскій во всей своей литературной дѣятельности постоянно оставался въ предѣлахъ изучаемаго имъ предмета, который онъ мѣтко обозначилъ словами: „Старина и народность“.

Будемъ съ нетерпѣніемъ ожидать слѣдующихъ томовъ начатаго Академіей изданія, долженствующихъ заключать въ себѣ произведенія зрѣлой поры жизни ихъ автора. Ожидаемъ также обѣцанной біографіи А. А. Котляревскаго, надѣясь, что эта біографія уяснитъ вполне опредѣленно характеръ дѣятельности этого замѣчательнаго ученаго, такъ рано сошедшаго съ поприща.

И. Вестужевъ-Рюминъ.

Забутый путь въ Китай.

Четвертое путешествіе въ центральной Азіи. Отъ Кяхты на истоки Желтой рѣки, изслѣдованіе сѣверной окраины Тибета и путь черезъ Лобь-норъ по бассейну Тарима. *Н. М. Пржевальскаго*. С.-Пб. 1888.

En aquesta ciutat de Lop venen mercaders de vers lo imperi de Sarra per ana a Alcaraya (sic) per la carretera dreta, e van ab bous, e ab caretas e ab camels.
(Каталанскій атласъ).

Послѣдняя книга знаменитаго путешественника также интересна, какъ и всѣ предшествующія описанія его путешествій; то же мастерское и живое изображеніе природы, то же богатство новыхъ научныхъ фактовъ и увлекательную подневную исторію путешествія читатель найдетъ и въ этой, къ сожалѣнію, послѣдней книгѣ Пржевальскаго. Кромѣ изложенія путешествія, книга содержитъ въ себѣ двѣ примѣчательныя главы, имѣющія въ настоящее время, по смерти автора, особливую цѣнность; въ нихъ мы имѣемъ какъ бы научное завѣщаніе знаменитаго путешественника. Въ первой главѣ Пржевальскій излагаетъ свой многолѣтній опытъ странствователя и изслѣдователя. Онъ учитъ, какъ нужно путешествовать съ толкомъ и съ пользою. Во второй, послѣдней въ книгѣ, онъ подводитъ итогъ своимъ воззрѣніямъ на среднеазиатское населеніе. Не смотря на глубокій интересъ этихъ двухъ главъ, не на нихъ, однакоже, мы остановимся въ настоящихъ замѣткахъ, не станемъ также разбирать и излагать четвертое путешествіе во всей его цѣлости; задача наша болѣе ограниченная; мы постараемся выяснитъ читателю археологическое и этнографическое значеніе тѣхъ мѣстностей, которыя Пржевальскій прошелъ въ третій періодъ своего путешествія, слѣдуя изъ Лоба въ Хотанъ. Значеніе это самъ путешественникъ вполне сознавалъ: въ концѣ 1-й главы (стр. 66), онъ отмѣтилъ Черченъ, какъ пунктъ для будущихъ спеціальныхъ археологическихъ изслѣдованій.

Всякій разъ, когда приходится давать отчетъ о какомъ-нибудь новомъ значительномъ открытіи въ области географіи Центральной Азіи, исторія этого открытія необходимымъ образомъ должна быть приведена въ связь съ тѣмъ, что сообщилъ по тому же вопросу Марко Поло. На Памирѣ, въ Тибетѣ и на путяхъ изъ южнаго Китая въ Индію, или въ Индо-Китай современные путешественники

разъясняютъ и дополняютъ старинныя показанія и свѣдѣнія Марко Поло. Такъ и въ данномъ случаѣ. Пржевальскій шелъ дорогою Марко Поло и своими наблюденіями и описаніями еще разъ подтвердилъ громадность заслугъ великаго венеціанца. Последняя книга Пржевальскаго заслуживаетъ въ этомъ отношеніи особливаго вниманія, именно та часть, гдѣ описывается путь отъ Лоба до Хотана, и къ разсмотрѣнію которой мы обратимся теперь.

I.

„Не много болѣе десяти лѣтъ тому назадъ“—такъ начинается Пржевальскій свой разказъ о Лобъ-норѣ — „мѣстности, о которыхъ ниже пойдетъ рѣчь, представляли собою одинъ изъ самыхъ невѣдомыхъ уголковъ Центральной Азіи“ (стр. 285). Все сказанное—совершенная правда. О Лобъ-норѣ и о странахъ сопредѣльныхъ до послѣдняго путешествія Пржевальскаго знали очень мало. Къ тому, что разказывалъ о нихъ Марко Поло, въ послѣдующія столѣтія прибавилось не много достовѣрныхъ извѣстій. Масса любопытныхъ свѣдѣній объ этихъ мѣстностяхъ существуетъ въ китайскихъ источникахъ, но китайскіе источники или недоступны въ оригиналахъ европейскимъ географамъ, или не всегда вразумительны въ переводахъ. Разпросныя свѣдѣнія о пути на Лобъ были, конечно, и до путешествія Пржевальскаго, но, какъ извѣстно, они всегда кратки и сбивчивы, а нерѣдко и недостовѣрны. Въ 1862 г. такія разпросныя данныя были нанесены на одну изъ картъ, изданныхъ въ Индіи ¹⁾, и на ней же былъ намѣченъ путь изъ Яркенда на Хотанъ, Кэрія, Нія и т. д. Въ 1866 г. Джонсонъ ²⁾, доѣзжавшій изъ Хотана до Кэрія, привезъ изъ своего путешествія развѣдочныя свѣдѣнія о пути оттуда къ Лобъ-нору черезъ Черченъ или, какъ онъ называетъ эту мѣстность Ча-чанъ. Въ 1873 г., во время пребыванія извѣстной Форсайтовой экспедиціи въ Яркендѣ, свѣдѣнія его дополнились новыми разпросами ³⁾. И только въ 1876 г., впервые послѣ Марко Поло, на Лобъ-норѣ побывалъ европеецъ. То былъ Пржевальскій.

¹⁾ Разумѣенъ карту приложенную къ Report on the trade and Resources of the countries on the North-Western Boundary of British India. Lahore. MDCCCLXII.

²⁾ См. *Johnson, W. H.* Report on his Journey to Helé, the Capital of Khotan въ *The J. of the R. G. Soc.* vol. XXXVII, 1 и сл.

³⁾ См. разные дорожныи въ Report of a Mission to Yarkund in 1873. Calcutta. 1875.

Описаніе этого путешествія было издано отдѣльно ¹⁾, а краткій пересказъ того же самаго находится и въ послѣднемъ трудѣ безвременно погибшаго знаменитаго нашего путешественника. Въ первое свое путешествіе Пржевальскій не пошелъ на западъ отъ Лобъ-нора; маршрутъ, говоря собственными словами путешественника, былъ таковъ: въ половинѣ августа 1876 г. путешественникъ выступилъ изъ Кулджи и, пройдя вверхъ по долинамъ рѣкъ Или и Кунгеса, а затѣмъ вдоль по Малому Юлдусу черезъ Тянь-шань, спустился въ половинѣ октября въ долину Хайдугола, близъ города Карашара (стр. 286). Перейдя затѣмъ изъ долины Хайдугола въ городъ Курля, экспедиція выступила отсюда 4-го ноября къ Лобъ-нору. Сначала слѣдовали 85 верстѣ до Тарима; на этомъ пути дважды переправлялись съ верблюдами вплавь черезъ рѣки Конче-Дарья и Инчике-Дарья. Дальнѣйшій путь лежалъ по лѣвому берегу Тарима до переправы черезъ него, называемой Айрылгонъ. На этомъ пространствѣ изрѣдка встрѣчались поселенія туземцевъ; пришлось также переправляться (на плоту) черезъ значительный рукавъ Тарима—Кюкь-аларья, въ который вскорѣ впадаетъ рѣка Конче-Дарья. Самый же рукавъ соединяется вновь съ Таримомъ возлѣ названной переправы, за которою экспедиція шла по правому берегу Тарима почти до самаго впаденія его въ озеро Кара-буранъ; затѣмъ минуя и это озеро, и Лобъ-норъ, она спустилась еще верстѣ 40, къ югу до деревни Чахарлыкъ (стр. 287). Послѣ экскурсій къ западу въ Алтынъ-тагъ, и въ мѣстности на протяженіи 250 верстѣ, на пути отъ Чахарлыка къ оазису Са-чжеу, въ началѣ февраля 1877 г. путешественники вернулись къ Лобъ-нору, а въ концѣ марта пошли прежнимъ путемъ въ Кулджу.

Всѣмъ слѣдящимъ за успѣхами географическихъ знаній, конечно, памятно, съ какимъ глубокимъ интересомъ были приняты свѣдѣнія о странахъ, которыя почитались новооткрытыми. Возникла даже полемика о томъ, былъ ли Пржевальскій на Лобъ-норѣ ²⁾. Такъ много неяснаго и гадательнаго было въ европейскихъ свѣдѣніяхъ объ этихъ странахъ. Въ свое послѣднее путешествіе Прже-

¹⁾ Отъ Кулджи за Тянь-Шань и на Лобъ-норъ. Путешествіе Н. М. Пржевальскаго. С.-Пб. 1878.

²⁾ *Richtshofen*, Bemerkungen zu den Ergebnissen von Oberstlieutenant Prjewal'ski's Reise nach dem Lop-noor und Altyn-tagh въ *Verhandlungen d. G. für Erdkunde zu Berlin*, V. 112. Срав. англійскій переводъ путешествія Пржевальскаго From Kulja etc., стр. 135 и сл., а также предисловіе.

вальскій пришелъ на Лобъ-норъ иною дорогою, а оттуда прослѣдовалъ до Хотана; съ Лобъ-нора онъ шелъ южною дорогою китаецевъ, путемъ стариннымъ, по которому слѣдовали китайскія посольства на западъ, буддійскіе монахи (Сунъ-юнгъ, Сюанъ-цзанъ), и который гораздо позднѣе описалъ Марко Поло. Изъ Хотана Пржевальскій повернулъ на Аксу, но дорога, которую онъ тутъ оставилъ, направляется далѣе на западъ. Этотъ путь, остававшійся до послѣдняго времени столь мало извѣстнымъ въ новой Европѣ, былъ однакоже не невѣдомымъ, а лишь забытымъ. О его западномъ концѣ слышалъ еще Птоломей; между Кашгаромъ и Ташкурганомъ слѣдуетъ искать его каменную башню и стоянку, гдѣ западные купцы, отправлявшіеся въ Серамъ, находили пристанище ¹⁾. И эта башня, и этотъ постоянный дворъ находились въ тѣхъ самыхъ мѣстахъ, откуда гораздо позднѣе на забытый въ новой Европѣ путь выступилъ Сюанъ-цзанъ ²⁾, направляясь изъ Индіи домой, въ Китай. Едва ли онъ не видѣлъ ту же самую стоянку, о которой слышалъ Птоломей. Китайскій паломникъ разказываетъ, какъ задолго до его времени иѣкій милосердый святой и чудотворецъ спасъ тысячи купцовъ въ дикихъ ущельяхъ Цзунъ-лиа и выстроилъ для нихъ постоянный дворъ, куда еще во времена китайскаго путешественника стекались изъ отдаленныхъ странъ купцы и путники и жили тамъ благостынею давно почившаго святаго. Восточный конецъ этого же пути живонисалъ наглядно авторъ Каталанскаго атласа ³⁾, и для него городъ Лобъ былъ мѣстомъ вѣдомымъ, куда на волахъ, въ телегахъ, на верблюдахъ шли западные купцы по прямой дорогѣ изъ Сарая въ Китай. Въ тѣ отдаленныя времена, когда этою дорогою ѣзжали къ великому хану европейцы, порогъ Азиі находился въ предѣлахъ Европейской Россіи; въ Судахъ или въ Танѣ путешественникъ снаряжался въ дальній азіатскій путь, на край свѣта и сейчасъ же по выходѣ изъ Судака или изъ Таны передъ европейцемъ выступалъ диковинный азіатскій мѣръ. Навыный и надобдливый азіатъ, котораго путешественникъ и теперь можетъ наблюдать даже не въ труппахъ, но только иѣсколько подале, являлся тогда передъ путешественникомъ уже въ привольныхъ степяхъ южной Россіи. „Мнѣ казалось“, говоритъ Рубрукъ ⁴⁾,—

¹⁾ См. *Yule's, Cathay and the way thither*, cxlix и cl.

²⁾ *Beal's Si-yu-ki*, vol. II, 303.

³⁾ *Notices et Extraits des Mss. de la bibliotheque du roi*. XIV, 2, стр. 132.

⁴⁾ Въ изданіи *Бергсера*, стр. 20 и сл.

„что я попалъ въ иной міръ“. Встрѣчавшіеся по дорогѣ татары обступили его и надоѣдали разпросами и попрошайничествомъ. Имъ, казалось, необходимо было знать, откуда и куда ѣдутъ путешественники, а главное, что они везутъ въ своихъ арбахъ; все, что было у путешественниковъ вино, хлѣбъ, разныя мелочи, какъ напимѣръ, ножики, перчатки, кошельки и т. п. лепци, все это пождаля въ встрѣчавшіяся татаринъ и назойливо запрашивалъ; давалась ему бутылка вина, онъ мгновенно ее осушалъ и просилъ другую, замѣчая съ лукавою усмѣшкою, что одною ногою въ домъ не входятъ. Ѣздить по Азіи, какъ теперь, такъ и тогда нужно было умѣючи и съ толкомъ; и тогда уже выработывалась практическая споровка въ этомъ дѣлѣ, такъ какъ ѣзжали многіе европейцы; одинъ италіанскій писатель ¹⁾, самъ не ѣздившій по этой дорогѣ, но слыхавшій много отъ людей бывалыхъ о томъ, какъ туда ѣздить, сохранилъ намъ прелюбопытныя указанія о самомъ способѣ путешествія. Пускаясь въ путь, слѣдовало не бриться; прежде всего нужно было отпустить длинную бороду. Въ Танѣ необходимо было нанять переводчика, и скупиться на жалованье ему не слѣдовало; лучше было заплатить подороже, да взять хорошаго; кромѣ переводчика, не худо было принанять двухъ исправныхъ слугъ, знавшихъ по кумански. Купецъ, по желанію, могъ также изъ Таны увзять съ собою женщину; „Se non la vuole menare, non fa forza, ma pure se la menasse, sarà tenuto di miglior condizione, che se non la menasse“; выбирать нужно было спутницу, знавшую куманскую рѣчь, съ куманскимъ языкомъ, такъ-сказать. Не извѣстно, всѣ ли купцы слѣдовали этому послѣднему совѣту; изъ путешественниковъ одинъ только Ибнъ-Батута ²⁾ отмѣтилъ въ своихъ запискахъ, что изъ Сарая, онъ выѣхалъ въ арбѣ, съ тремя спутницами. Вычислены были даже стоимость такого путешествія въ Китай, расходы по содержанию вьючныхъ животныхъ, жалованье слугамъ и т. д. Путешествіе съ товарами обходилось до четырехсотъ золотыхъ флориновъ. Ѣздили, впрочемъ, всего чаще не тѣмъ путемъ, о которомъ говорятъ Марко Поло и, быть можетъ, съ его же словъ, Каталанскій атласъ; слѣдовали сѣверною дорогою, поворачивая съ Бухары на сѣверъ и сѣверо-востокъ, сѣвренюю крайнюю великую пустыни. По южной же дорогѣ, мастерски описанной Пржевальскимъ, проѣзжало, какъ кажется, сравнительно меньше европейцевъ; по крайней мѣрѣ, сохранилось одно только ея описаніе, правда, удивитель-

¹⁾ Della Decima etc., III, 2 и сл.

²⁾ Voyages d'Ibn Batoutah, III, 2.

ное по своей ясности и полнотѣ: оно принадлежит Марко Полу. До Марко Пола отъ Хотана на Лобъ-норъ проѣхалъ извѣстный китайскій паломникъ Сюанъ-цзанъ, и еще ранѣе его другой буддѣйскій монахъ Сунъ-юнь. Этотъ путь общенія востока съ дальнимъ западомъ описанъ, такимъ образомъ, немногими очевидцами; и изъ нихъ одинъ видѣлъ эти страны на канунѣ господства ислама и описалъ намъ закатъ древнихъ культуръ; черезъ шесть слишкомъ вѣковъ прослѣдовалъ тутъ же безпристрастный и гениальный венеціанецъ и нарисовалъ намъ яркую картину монгольскаго господства, полный расцвѣтъ міродержавнаго величія великаго хана. И не удивительно, что южный путь по окраинѣ песчаной степи мало по малу сталъ забываться; здѣсь, какъ бы по евангельскому слову, нечистый духъ изыдетъ отъ человѣка, переходитъ сквозь безводныя мѣста, ища покоя и не обрѣтая... Очевидцы съ ужасомъ описываютъ впечатлѣніе безжизненной пустыни, гдѣ нѣтъ ни звѣря, ни птицы, ни воды, ни травы; тамъ все безжизненно „потому что“, говоритъ Марко Поло ¹⁾, — „звѣрямъ нечего тамъ ѣсть... Но“, прибавляетъ онъ, — „есть тамъ вотъ какое чудо: ѣдешь по той пустынѣ ночью, и случится кому отстать отъ товарищей за какимъ-либо дѣломъ, или просто поспать, и какъ станетъ тотъ человѣкъ нагонять своихъ, заслышитъ онъ говоръ духовъ, и почудится ему, что товарищи зовутъ его по имени, и зачастую духи заводятъ его туда, откуда ему не выбраться, такъ онъ тамъ и погибаетъ... и днемъ люди слышать голоса духовъ, и часто чудится, точно слышишь, какъ играютъ на многихъ инструментахъ, словно на барабанахъ“... Объ этихъ звукахъ, давая имъ совершенно рациональное объясненіе, говоритъ и Пржевальскій: здѣсь почва даже въ оазисахъ—оголенная лессовая глина съ пескомъ, то покрытая довольно твердою солонцоватою корою, то совершенно рыхлая какъ песокъ. Подъ деревьями вездѣ валяются груды обломанныхъ бурями сучьевъ и кучи сухихъ листьевъ, которые звенятъ словно каменные, если ихъ катить сильный вѣтеръ (стр. 358)... При такихъ звукахъ, совершенно понятно разгоряченная фантазія могла рисовать человѣку, объятому ужасомъ, видѣнія; то ему, какъ Сюанъ-цзану, являлись вражескія рати, и толпы демоновъ, то мнилъ онъ, какъ Одорикъ Норденонскій, что стоитъ въ долинѣ смерти: предъ нимъ многое множество костяковъ, отовсюду несутся звуки музыки, а со скалы на него глядитъ страш-

¹⁾ Марко Поло цитруется по старо-французскому тексту изд. Геогр. Общ. въ Парижѣ.

ный ликъ, и въ ужасѣ онъ крестится и шепчетъ: *Verbum caro factum* ¹⁾... И эти мѣста ужасовъ—громадны по своему протяженію. Въ таримской котловинѣ пески отъ Нижняго Тарима до Яркенда тянутся, по словамъ Пржевальскаго, на 950 верстъ; на меридіанѣ Кэріи наибольшая ихъ ширина 370 верстъ. „Эти сыпучіе пески“, говоритъ онъ,—„залегаютъ сплошь на такое обширное пространство, какъ пигдѣ во всей Средней Азии отъ Китая до Каспійскаго моря; притомъ по своей недоступности они также могутъ занять первенствующее мѣсто“ (стр. 354).

Песчаная степь не только пугала воображеніе рѣдкихъ здѣсь путешественниковъ, но и грозна была ея роль въ судьбахъ тамошней цивилизаціи. Сыпучіе пески таримскаго бассейна представляютъ собою, какъ вездѣ, самаго страшнаго врага культуры... справедливо замѣчаетъ Пржевальскій. Здѣсь, какъ и въ западномъ Туркестанѣ, многія процвѣтавшія въ древности мѣстности уничтожены, и вообще раіонъ культурныхъ площадей стѣсняется все болѣе и болѣе, область же сыпучаго песка расширяется (стр. 355). Жители Хотана, Кэріи, Нія и другихъ пока уцѣлѣвшихъ оазисовъ ежегодно осенью и зимою ходятъ въ пески искать оголенные бурями остатки древнихъ поселеній. Тамъ, какъ говорятъ, находятъ иногда золото и серебро. Попадаются даже уцѣлѣвшія сакли, а въ нихъ одежда и войлоки; то и другое обыкновенно истлѣло до того, что отъ прикосновенія руки рассыпается въ пыль. Искатели отправляются нѣшкомъ, но везутъ на верблюдахъ, иногда же несутъ на собственныхъ плечахъ, вьюки шестовъ, которые, съ навязанными на нихъ красными и синими тряпками, втыкаются на болѣе высокихъ песчаныхъ холмахъ и такимъ образомъ обезпечиваютъ себѣ обратный путь (стр. 356).

Исторія свидѣтельствуетъ, что здѣсь гибель культуры началась очень давно; еще Сюанъ-цзанъ, слѣдуя въ Хотанъ, отмѣчаетъ мѣста, разрушенныя натискомъ песковъ; онъ видѣлъ разрушенныя и оставленные города древняго царства Тухара; а о гибели города Холло-ло-кіа онъ слышалъ сказаніе, которое въ измѣненномъ нѣсколько видѣ разказывали на мѣстѣ и Пржевальскому (стр. 367). Въ пескахъ, на правой сторонѣ Тарима, противъ д. Ахтарми туземцы указываютъ старинный городъ Кутель-шари. Жители исповѣдывали языческую вѣру (буддизмъ?): капища ихъ были такъ украшены, что нѣ-

¹⁾ Yule, l. c., 158.

которыя колонны дѣлались изъ чистаго золота (стр. 367). О разрушеніи этого нѣкогда блестящаго города нинѣшнее мусульманское населеніе разказываетъ слѣдующее: „Одинъ изъ рьяныхъ проповѣдниковъ мусульманства предложилъ владѣтелю и обитателямъ описываемаго города принять ученіе пророка. Согласія на это не послѣдовало. Тогда по молитвѣ того же магометанскаго миссіонера, поднялась страшная буря и засыпала нечестивый городъ. Однако жители его не погибли. Они, какъ гласить легенда, живутъ до сихъ поръ, питаются корнями кеидыря. Живы даже остались куры, такъ что изъ-подъ песка иногда слышится пѣтушиное пѣніе“ (стр. 337). Легенду о засыпанномъ городѣ Сюанъ-цзанъ слышалъ въ царствѣ Вимо (около Кэрія) или Пеннѣ Марка Поло. Въ разказѣ благочестиваго буддиста гибель города произошла иначе: былъ городъ, по его словамъ, нечестивый, значить, съ его точки зрѣнія, не буддійскій; тамъ невѣрующій царь воздвигъ гоненіе на одного буддійскаго святаго, и святой предъ смертью пророчилъ, что городъ черезъ семь дней будетъ засыпанъ. Прошло семь дней, и поднялся ураганъ, съ неба посыпались драгоценности. Возликовалъ народъ и бросился собирать богатства; но радость была не продолжительна, пошелъ вслѣдъ затѣмъ песчаный дождь, и городъ засыпало. Ту же легенду разказывали Форсайту въ Хотанѣ ¹⁾).

Память объ исчезнувшей здѣсь культурѣ, очевидно, живетъ среди мѣстнаго населенія; она поддерживается находками, болѣе или менѣе цѣнными, неопровержимо свидѣтельствующими, что когда-то здѣсь была иная жизнь. Между мѣстными жителями, какъ выше было указано, образовался особаго рода промыселъ: ходятъ въ старыя города за золотомъ. Еще Джонсонъ, побывавшій въ Хотанѣ въ 1866 г., разказываетъ, что въ засыпанныхъ городахъ находятъ золотыя монеты и украшения и вырываютъ чай. Форсайтъ производилъ самъ раскопки около Янги-Гиссара, въ 35 миляхъ, около одного мазара. Небогаты были находки, но очень любопытны; найдены были между прочимъ монеты и битое стекло; послѣднее весьма интересно: въ Кашгарѣ въ настоящее время стекла не употребляютъ и не умѣютъ дѣлать. По общему важнѣе то, что Форсайтъ видѣлъ изъ чужихъ находокъ; въ близости Кэрія было найдено нѣсколько греческихъ и византійскихъ монетъ, золотыя женскія украшения подобныя современнымъ индійскимъ. Около Ильчи было найдено золотое изображеніе коровы, и золотое же укра-

¹⁾ *Journal of the R. G. Soc.*, vol. XLVII, 5.

шеніе вѣсомъ въ 16 фунтовъ (англ.); оно имѣло форму вазы съ цѣпью; по мнѣнію туземцевъ, то было шейное украшеніе Афрасіаба. Изъ мѣстностей же около Кэриі Форсайту были принесены двѣ статуетки, одна изображала Буддху, другая—Ганумана. Изъ Хотана ему доставили золотныя кольца, кольца для ношенія въ носу, совершенно подобныя теперешнимъ индійскимъ, и греко-бактрійскія, римскія и греческія монеты. О весьма интересныхъ находкахъ говоритъ Пржевальскій: „Слѣды древнихъ поселеній и городовъ встрѣчаются также по всему среднему теченію Черченъ-дарьи. Эти остатки всѣ лежатъ на западной сторонѣ названной рѣки, въ разстояніи 5—15 верстъ отъ нынѣшняго ея русла.... Старое русло Черченъ-дарьи мѣстами также видно между упомянутыми развалинами, нынѣ большею частью засыпанными пескомъ пустыни. По преданію, здѣсь нѣкогда жило племя мачинъ, какъ и далѣе вплоть до Лобъ-нора“ (стр. 367).

Находки въ этихъ мѣстахъ описаны у нашего путешественника кратко, но тѣмъ не менѣе нельзя не признать ихъ важность. Случается находить здѣсь мѣдныя и золотыя монеты, серебряныя слитки, золотыя украшенія одежды, драгоценныя камни (алмазы и бирюзу), бусы, желѣзныя вещи, кузнечный шлакъ, мѣдную посуду и, что замѣчательно, битое стекло въ самомъ древнемъ городѣ; въ болѣе же новомъ городѣ черченцы добываютъ для своихъ надобностей жженый кирпичъ (стр. 336) Въ этихъ случайныхъ археологическихъ свѣдѣніяхъ очень интересны данныя о погребальныхъ обычаяхъ: „При раскопкахъ встрѣчаются скелны и отдѣльныя деревянныя гробы. Въ тѣхъ и другихъ трупы (не бальзамированныя) обыкновенно сохранились очень хорошо, благодаря, конечно, чрезвычайной сухости почвы и воздуха. Мужчины весьма большаго роста и съ длинными волосами, женщины съ одною или двумя косами. Однажды открытъ былъ склепъ съ 12-ю мужскими трупами въ сидячемъ положеніи. Въ другой разъ найдена была въ гробу молодая дѣвушка. У ней глаза были закрыты золотыми кружками, а голова связана отъ подбородка черезъ темя золотою пластинкою, на тѣлѣ надѣта длинная, но узкая шерстяная одежда (совершенно истлѣвшая), украшенная на груди нѣсколькими тонкими золотыми звѣздочками, около дюйма въ діаметрѣ; ноги оставлены босыми. Даже дерево гробовъ, какъ намъ говорили, иногда такъ хорошо сохранилось, что черченцы употребляютъ его на кое-какія поделки. вмѣстѣ съ человѣческими трупами въ могилахъ попадаются кости лошадей и барановъ“ (стр. 366—367).

Случайныя находки и отрывочныя свѣдѣнія о древностяхъ здѣш-

нихъ мѣстъ заставляють чаать великихъ археологическихъ открытій на этомъ забытомъ, прямомъ пути съ запада на крайній востокъ. Цѣла здѣсь культура,—въ этомъ уже теперь нельзя сомнѣваться; но памятники письменности раскрываютъ передъ нами прошлыя судьбы этихъ странъ очень неполно. Была ли тутъ самобытная цивилизація, или только одна извнѣ занесенная культура? Дѣйствительно ли, какъ увѣряють китайцы, они научили здѣшнихъ обитателей земледѣлію и цивилизовали ихъ вообще, или послѣдующимъ изслѣдователямъ суждено найдти слѣды совершенно оригинальнаго самобытнаго развитія? Свидѣтельства очевидцевъ, начиная съ V вѣка по Р. Х., указываютъ на господство здѣсь иноземной цивилизаціи; все, что было здѣсь до этого, пока скрыто для современнаго историка судьбъ чело- вѣчества. Сохранившіяся показанія древнихъ очевидцевъ поражаютъ, однакоже, крайнею, какъ бы предвзятою односторонностію; буддійскіе паломники какъ будто хотѣли видѣть только одно, и ни, однимъ словомъ они не обмолвились о томъ, что рядомъ съ господствомъ индійской цивилизаціи, на что они постоянно указываютъ, здѣсь могли существовать и другія культуры, самостоятельныя и заносиця. Чжапъ-кянь, китайскій Колумбъ, открывшій для своихъ соотечественниковъ западный край въ 127 до Р. Х., говоритъ въ своемъ официальномъ донесеніи: Лэу-лань и Гушы (иначе страны прилобскія) имѣють города по берегамъ Соленаго озера, и показаніе это относится къ такому времени, когда трудно предполагать вліяніе индійской цивилизаціи.

II.

Но вліяніе Индіи несомнѣнно было здѣсь; оно сказывается уже въ самомъ названіи туземцевъ—Мачинъ.

Мачинцы считаютъ себя кореннымъ населеніемъ восточнаго Туркестана, живутъ отъ Черчена до Хотана и по сосѣднимъ горамъ, попадаютъ также и въ Яркендъ (стр. 362). У нихъ существуетъ преданіе, что предки ихъ въ глубокой древности пришли сюда изъ Индіи и затѣмъ смѣшались съ китайцами. Послѣднихъ называли Чинъ; именемъ же Ма, поясняли намъ, говоритъ Пржевальскій, —вѣроятно, назывался пришедшій изъ Индіи народъ; отсюда и вышло мачинъ. Племя это называетъ себя также мальчи. По другому извѣстію, оно считаетъ себя давнишнимъ кореннымъ населеніемъ восточнаго Туркестана (стр. 420). Ранѣе также мачинцы были, какъ они сами го-

ворять, огнепоклонники и идолопоклонники (буддисты?). Много имѣлось тогда у нихъ волшебниковъ (стр. 430). Мачинъ несомнѣнно есть искаженіе санскритскаго слова Махâчûна, то-есть, великая Чûна или великій Китай; подъ этимъ именемъ индiйцы издавна знали всѣ страны къ сѣверу отъ Гималая, и въ этомъ же смыслѣ употребляетъ Беруни географическій терминъ Махâ-чинъ. Повднѣ терминъ Чинъ ¹⁾ и Мачинъ сталъ употребляться въ иномъ и не всегда ясномъ значеніи, и онъ сдѣлался порою также темень, какъ и терминъ Синдъ и Хиндъ, или Гогъ и Магогъ; ему давали разныя толкованія, и даже нашъ Аванасій Никитинъ слышалъ его во время своихъ хожденій за три моря. Въ Индiи Мачинъ порою говорится и нынѣ, хотя и не всегда въ старинномъ значеніи. Махâ-чûна страна прекрасная, семью стѣнами окруженная играетъ нѣкоторую роль въ буддiйскихъ легендарныхъ сказанiяхъ ²⁾. Полуясные намеки на господство индiйской культуры здѣсь въ старину сохранились кое-гдѣ не только въ развалинахъ и въ вещественныхъ памятникахъ древности, но и въ нѣкоторыхъ явленiяхъ религіозной жизни туземцевъ. Такъ, напримѣръ, высокочтимую святость всего Лобъ-нора составляетъ небольшой мазаръ, находящiйся близъ д. Старый Абданъ, въ одной отъ нея верстѣ вверхъ по Тариму (стр. 314). Въ этой небольшой загородкѣ закопана въ землю главная святыня, мѣдная чашка, и кромѣ того лежитъ небольшой красный флагъ, также святой (тамъ же). Святыни эти суть предметы особаго рода культа; на небольшихъ подмосткахъ въ порядкѣ разложены нѣсколько десятковъ маральихъ роговъ, головы харасультъ и домашнихъ барановъ, а также нѣсколько хвостовъ яковъ и пара ихъ роговъ. Всѣ эти приношенія предназначены святынямъ. О происхожденiи святынь разказывается вотъ что: „Въ давнiя времена проходили изъ Хотана черезъ Лобъ-норъ шестеро магометанскихъ святыхъ съ одною при нихъ собакою. Эти святые и подарили за какую-то услугу одному изъ предковъ Кунчи-канъ-бека вышеупомянутую мѣдную чашку, а затѣмъ прислали изъ Турфана красный флагъ и бумагу на владѣнiе обѣими подаренными драгоценностями. Сами святые, какъ гласитъ легенда, ушли въ пещеру недалеко къ сѣверу отъ Турфана, сказавъ, что „мы еще вернемся“; собака лежитъ окаменѣлою у входа въ эту пещеру. По тому же преданiю, во

¹⁾ Alberuni's India, 1. 207. Срв. Yule and Burnell, Glossary, s. v.

²⁾ О странѣ Махâчûна говорится въ Свѣямбхупурâнѣ. Оттуда вышелъ Мансуръ, см. Burnouf, Lotus, стр. 502.

время пути святыхъ въ Турфанъ, ихъ преслѣдовали, съ цѣлью убить, монголы. Разбойники эти искали намѣченныхъ жертвы по слѣду собаки. Тогда у нея были отрублены ноги, но собака все таки не отстала отъ своихъ хозяевъ" (стр. 314). Въ этомъ культѣ чаши нельзя не признать переживанія очень древняго буддійскаго культа святой чаши Будды, которую до сихъ норъ чтутъ и въ другомъ мѣстѣ мусульманскаго міра, въ Кандакарѣ. Любопытные слѣды буддійскаго культа сказались еще въ другой мелочной подробности одного мѣстнаго обычая. Мазары, разказываетъ Пржевальскій, обыкновенно на здѣшнихъ магометанскихъ кладбищахъ утыканы жердями съ привязанными къ нимъ тряпками и хвостами яковъ (стр. 410). Не трудно въ этихъ жердяхъ съ тряпками узнать тѣ знамена, которыми по сіе время украшаются буддійскія ступы; такія знамена нѣкогда красовались вокругъ знаменитаго храма въ Балкѣ, какъ о томъ свидѣтельствуесть Масуди.

Во весь путь отъ Лоба до Хотана, даже при бѣглому слѣдованіи, путешественнику представляются слѣды древней цивилизаціи или въ остаткахъ древностей, или въ народныхъ сказаніяхъ.

Нижнѣшній Лобъ-норъ, говоритъ Пржевальскій,—протягивается отъ юго-запада къ сѣверо-востоку (по распроснимъ свѣдѣніямъ) версть на 100, или немного менѣе.... Абсолютная здѣсь высота 2,600 футовъ. Наибольшая ширина Лобъ-нора достигаетъ по словамъ туземцевъ, до 20 верствъ въ срединѣ общаго протяженія этого озера (стр. 292). Тамъ, гдѣ входятъ въ пустыню, по словамъ Марко Поло, стоялъ Лобъ,—большой городъ великаго хана. Кому дорога черезъ пустыню, тотъ останавливался тутъ набраться силъ. Здѣсь дѣлались запасы для дальнѣйшаго слѣдованія. Во времена Марка Поло жители Лоба были мусульмане. Но о Лобѣ, городѣ знатномъ, китайцы сохранили извѣстія, начиная со II вѣка до Р. Х. Въ разныя времена черезъ него проходили буддійскіе паломники, и одинъ изъ нихъ, Фасянь, разказываетъ, что въ его время здѣсь было до четырехъ тысячъ монаховъ; отсюда, по словамъ этого очевидца кожда IV и начала V вѣка, начиналось господство индійскаго вліянія. Не только монахи прилежно изучали буддійскую литературу, но и міряне слѣдовали предписаніямъ индійскихъ законовъ.

Слѣды стараго города, видѣннаго и описаннаго еще Марко Поло, понинѣ сохранились на рѣкѣ Джахансай-дарья, верстахъ въ 30 къ югу отъ деревни Старый Абдалъ, на Лобъ-норѣ. На правомъ берегу названной рѣчки, среди совершенной пустыни, разбросанно

торчатъ глиняныя остовы сакель, стѣны, изрѣдка башенъ. Эти руины тлнются верстѣ на шесть въ поперечникѣ отъ запада къ востоку; въ окружности имѣютъ, какъ говорили Пржевальскому, до 15 верстѣ. Такую площадь, быть можетъ—и большую, занималъ нѣкогда цвѣтущій оазисъ (то-есть, городъ съ окружающими его селеніями) Лобъ. Теперѣ все это засыпано пескомъ и мелкою галькою; даже рѣка Джахапсай течетъ нѣсколько западнѣе развалинъ. Лобъ-норцы называютъ это мѣсто „Коне-шари“, старый городъ (стр. 301). Разореніе случилось, по мѣстному, преданію за три года передъ тѣмъ какъ Туглукъ Тимуръ ханъ принялъ магометанство, слѣдовательно, въ 1373 году нашей эры.

Пятьдесятъ дней прожили путешественники на Лобъ-норѣ, и 20-го марта 1885 года двинулись оттуда (стр. 349). Они пошли къ населенію Чархалыкъ, до котораго отъ Лобъ-нора около сотни верстѣ. Расстояніе это было пройдено въ три дня съ небольшимъ. Около Чархалыка до сихъ поръ видны разрушенныя стѣны небольшого города (стр. 350). Далѣе, въ четыре небольшихъ перехода, пройдено было 77 верстѣ отъ Чархалыка до урочища Вашъ-шари. Въ семи верстахъ къ юго-западу отъ обитаемаго нынѣ урочища Вашъ-шари видны слѣды древняго города (стр. 353). Кое-гдѣ на свободныхъ площадкахъ встрѣчаются остатки сакель изъ глины, рѣже изъ обожженнаго кирпича. Тутъ же валяются черепки глиняной посуды и человѣческія кости; иногда находятъ мѣдныя монеты; мѣстами, какъ говорятъ, торчатъ иссохшіе поломанные стволы тополей и абрикосовыхъ деревьевъ.

14-го апрѣля 1885 г. путешественники прибыли въ самый Черченъ, гдѣ были встрѣчены мѣстными властями—хакимомъ (уѣздный начальникъ) и аксакаломъ (волостной старшина). Какъ уже сказано, Черченъ, до послѣдняго времени, былъ извѣстенъ только изъ описаній Марко Поло, да по немногимъ разспроснымъ свѣдѣніямъ, доставленнымъ путешественниками нашего вѣка, Джонсономъ и экспедиціей Форсайта. Экспедиція Форсайта привезла извѣстія, что близъ Черчена есть Хадлакскія золотныя росыпи, а между Лобскимъ округомъ и Черченомъ есть нѣсколько оазисовъ, гдѣ кочуютъ Сокпо или Калмыки. Марко Поло шелъ изъ Черчена въ Лобъ пять дней песками; это противорѣчитъ новѣйшимъ свѣдѣніямъ и можетъ быть объяснено только предположеніемъ, что во времена Марко Поло оазисъ Черченъ былъ гораздо обширнѣе; вѣроятность такого предположенія подтвер-

ждается другимъ извѣстіемъ Марко Поло о Черченѣ: тамъ, по его словамъ, было много городовъ, городковъ.

Теперешній Черченъ лежитъ на абсолютной высотѣ 4100 футовъ по обѣ стороны Черченъ-дарьи, верстахъ въ 60 по выходѣ ея изъ горъ, на небольшой лёссовой площади, окруженной сыпучими песками (стр. 361). Нинѣшнее черченское поселеніе заключаетъ въ себѣ около 600 дворовъ и отъ 3—3½ т. жителей. Основано оно 90 лѣтъ тому назадъ колонистами изъ Кэриіи, Хотана, Капшгара и Аксу (стр. 362). Въ Черченскомъ оазисѣ нѣтъ города или вообще мѣста, обнесеннаго стѣною. При Якубъ-бекѣ выстроенъ здѣсь былъ небольшой глиняный фортъ, но теперь онъ совсѣмъ развалился (стр. 363). Всего обработанной земли въ Черченѣ едва ли наберется одна тысяча десятинъ. Здѣсь, какъ и во многихъ другихъ оазисахъ Центральной Азіи, поля скорѣе могутъ быть названы огородами по ихъ миниатюрности и тщательности обработки (стр. 363).

Среди совершенной пустыни, отчасти покрытой лёссовыми песчаными буграми, видны слѣды древней культурной площади. Здѣсь на протяженіи 7—8 верстъ отъ сѣвера къ югу и около двухъ или болѣе отъ востока къ западу встрѣчаются остатки башенъ, сакель и мѣста прежнихъ арыковъ. По туземному преданію, на указанномъ мѣстѣ разновремено существовали два города (стр. 365). Нинѣшніе жители Черчена производятъ иногда раскопки на мѣстѣ вышеописанныхъ городовъ; гораздо же чаще ходятъ они туда на поиски послѣ сильной бури, мѣстами выдувающей песокъ на значительную глубину (стр. 366).

Современное преданіе гласитъ, что процвѣталъ древнѣйшій городъ при Сіанушъ-ханѣ, который, согласно тому же преданію, считался потомкомъ въ седьмомъ колѣнѣ отъ самого Ноя. Этотъ царь, равно какъ и жители описываемаго города, исповѣдывали также вѣру Ноя. Къ западу отъ городскихъ стѣнъ былъ выкопанъ огромный прудъ, вода въ который напускалась изъ Черченъ-дарьи. Вокругъ пруда расположены были сады, цвѣтники, бесѣдки, статуи и здѣсь устраивались празднества, на которыхъ присутствовалъ Сіанушъ-ханъ. Ему же приписываютъ основаніе обширнаго города Шаристаянъ, слѣды котораго нинѣ видны въ пескахъ близъ Хотана. Недалеко тамъ былъ и убитъ столь прославленный ханъ, по приказанію тестя своего Афрабъ-сіяба. Изъ пролитой тогда крови выросла на мѣстѣ преступленія трава, называемая пыръ-сія-вушъ-ханъ и поппиѣ, какъ говорятъ, употребляемая туземцами на лѣкарства (стр. 366).

Легенды о древнихъ городахъ, безъ сомнѣнія, полны глубокаго интереса. Къ сожалѣнію, путешественникъ не сообщаетъ, отъ кого онъ слышалъ сказанія о древнихъ городахъ: разказывалъ ли ихъ какой-нибудь начетчикъ, знакомый съ Шахъ-наме, или же неграмотный обыватель тѣхъ мѣстъ. () древнѣйшемъ городѣ сохранилось преданіе, что онъ былъ уничтоженъ около 3000 лѣтъ тому назадъ богатыремъ Рустемъ-Дагестаномъ. Другой, болѣе новый городъ, уже 900 лѣтъ, какъ разоренъ монголами подъ начальствомъ Алтамыша. Последнимъ царемъ самаго древняго города былъ Апланъ-сала (стр. 365).

Ни къ Черчену, ни отъ него колесныхъ дорогъ нѣтъ; даже въ самомъ этомъ оазисѣ ѣздить только верхомъ на лошадахъ, ослахъ, иногда и на коровахъ. „Ни одной колесной повозки“, говоритъ Пржевальскій, — „мы здѣсь не видали“ (стр. 371).

Отсюда до Кэриі путь лежалъ у подножія хребта, впервые описаннаго Пржевальскимъ и имъ же названнаго Русскимъ (стр. 368). Хребетъ этотъ тянется на 400 слишкомъ верстъ къ западо-юго-западу до прорыва Кэрійской рѣки. На сѣверномъ склонѣ Русскаго хребта общій его характеръ составляютъ дикость, грандіозность формъ и труднодоступность, тогда какъ южный тибетскій склонъ несомнѣнно короче и мягче въ своемъ рельефѣ. Наиболѣе высокая, вѣчно снѣговая часть того же хребта лежитъ въ западной его окраинѣ между рѣками Чижчанъ и Кэрійскою. Вблизи послѣдней высится громадная покрытая ледниками вершина, поднимающаяся, вѣроятно, выше 20 т. фута и названная г. Пржевальскимъ горой Царя-Освободителя (стр. 368). Описавъ далѣе другія снѣговія группы Русскаго хребта и потоки, вытекающіе съ его сѣвернаго склона, путешественникъ продолжаетъ: Преобладающую горную породу въ описываемомъ хребтѣ, по крайней мѣрѣ въ сѣверной его окраинѣ, посѣщенной русскими путешественниками, составляетъ гранитъ; кромѣ того, здѣсь встрѣчаются сіенитъ, кварцитъ, даломитъ кремнистый и известково-глинистый сланцы. Тотъ же хребетъ обилень нефритомъ, столь дорого цѣнимымъ въ Китаѣ, а изъ металловъ — золотомъ (стр. 369). Какъ по своей флорѣ, такъ и по фаунѣ, хребетъ вообще можетъ быть названъ весьма бѣднымъ (стр. 369). Жители въ Русскомъ хребтѣ мацпинцы (тамъ же).

Черезъ Русскій хребетъ существуютъ лишь немногія тропы, доступныя, да и то съ большимъ трудомъ, только для лошадей, ословъ или яковъ; на верблюдахъ же пройти нигдѣ нельзя (стр. 371). Раз-

казываютъ однако же, что вдоль южнаго склона описываемыхъ горъ въ глубокой древности (еще до Чингисъ-хана) пролегалъ колесный путь изъ Яркенда въ Сининь. Дорога эта поднимается отъ Яркенда на плато Тибета и слѣдовала здѣсь, съ переваломъ черезъ свѣтго-вой хребетъ, вдоль южнаго подножія Русскаго хребта, быть можетъ, въ урочище Гасъ, а оттуда въ Сининь. По ущелью р. Толанъ-ходжа къ указанной дорогѣ примыкала другая, также колесная, пересѣкавшая Русскій хребетъ. Оба эти пути давно заброшены и испорчены временемъ, но до сихъ поръ еще, какъ говорятъ, по нимъ валяются ободки колесъ, желѣзо отъ телегъ, иногда и верблюжьи кости (стр. 371).

Отъ Черчена въ Нія есть двѣ дороги: по нижней дорогѣ до Нія 290 верстъ; въ древнія времена по ней лежало много оазисовъ, отъ которыхъ нынѣ уцѣлѣли лишь мѣстами незначительные слѣды. Дорога эта представляетъ много неудобствъ, и путешественники выбрали верхнюю дорогу, окружную, вдоль подножія Русскаго хребта; по ней до Нія 391 верста (стр. 371—373).

Въ первый же день путешественникамъ пришлось сдѣлать весьма значительный безводный переходъ (стр. 373): дальнѣ слѣдованію было также не безъ неудобствъ и лишеній. Послѣ урочища Копа, которое находится въ предгорьяхъ Русскаго хребта и славится какъ пріискъ золота, Пржевальскій отмѣчаетъ между прочимъ слѣдующее: Дорогою отъ самаго урочища Копа, нѣсколько разъ встрѣчались небольшія партіи туземцевъ изъ оазисовъ Нія, Кэрія и др. Эти партіи направлялись, тихомолкомъ отъ китайцевъ, на цѣлое лѣто въ „Долину вѣтровъ“ и въ урочищѣ Бугулукъ добывать тамъ золото. Промышленники большею частью шли иѣшкомъ и везли на ослахъ, изрѣдка на лошадяхъ, свою поклажу; нѣкоторые тащили ее на себѣ (стр. 380).

Оазисъ Нія расположенъ на абсолютной высотѣ 4,000 футовъ, по обѣ стороны рѣки того же имени, верстахъ въ 50 по выходѣ ея изъ Русскаго хребта (стр. 385). По разспроснымъ свѣдѣніямъ, въ оазисѣ Нія считается отъ 1,000—1,200 дворовъ, слѣдовательно, можно положить число жителей отъ 5,000—6,000 душъ обоюго пола. Все это мачивцы... (тамъ же), какъ и въ другихъ оазисахъ. Главное занятіе жителей Нія составляетъ земледѣліе... Кромѣ того, здѣсь развито и скотоводство. На окрестныхъ оазису болотахъ много пасется барановъ, ословъ, коровъ и частью лошадей; послѣднія почти исключительно кобылы и жеребята, ибо жеребцовъ и мериновъ отбираютъ китайцы (стр. 386). Постоянной торговли въ оазисѣ Нія

нѣтъ. Только однажды въ десять дней здѣсь бываетъ базаръ, на который прѣзжаютъ торговцы изъ Кэріи. Торгъ производится ограниченный, предметами необходимыми для обихода мѣстныхъ жителей; достаточно привозятъ русскихъ красныхъ товаровъ (ситцы, кумачъ, платки и пр.); бываетъ также нашъ сахаръ, зажигательныя спички и т. п. (стр. 386).

Нія, по всей вѣроятности,—то же, что Нижанъ Сюанъ-цзана, гдѣ въ тѣ времена была восточная граница Хотанскаго царства.

Отъ Нія до Кэрія разстояніе 93 версты; дорога по прежнему вьючная, хотя съ трудомъ, пожалуй, можно проѣхать здѣсь и на двухколесной арбѣ. Первый безводный переходъ занимаетъ 51 версту (стр. 391). Мѣстность на описываемомъ безводномъ переходѣ совершенная пустыня, большею частью песчаная; однако большіе пески, передвинувшіеся къ оазису Нія, лежатъ здѣсь нѣсколько поодаль. Сама дорога вообще хороша и на случай пыльной бури обозначена воткнутыми въ землю жердями.

Кэрія, безъ всякаго сомнѣнія,—то же, что Пеинъ Марко Поло и Нимо Сюанъ-цзана, гдѣ, по словамъ послѣдняго, была чудотворная статуя Буддхи. Марко Поло говоритъ о Пеинѣ, что въ этомъ царствѣ городовъ, городковъ много. Пеинъ самый знатный городъ и столица царства... Всего тутъ вдоволь, и много хлопку. Народъ торговый и занимается ремеслами. Есть у нихъ вотъ какой обычай: коль мужъ отъ жены уйдетъ на сторону дней на двадцать, жена, какъ только онъ ушелъ, беретъ себѣ другаго, и по ихъ обычаю, это ей дозволено, а мужъ тамъ, куда пошелъ, женится на другой.

Отъ Лобъ Нора до Кэрія 870 верстъ (стр. 395). Оазисъ Кэрія лежитъ при абсолютной высотѣ 4,700 футовъ на лѣвомъ берегу р. Кэрія-дарья, верстахъ въ 50 по выходѣ ея изъ горъ... Отъ сѣвера къ югу описываемый оазисъ простирается верстъ на 14, при наибольшей ширинѣ около 8 верстъ; къ западу же, по хотанской дорогѣ, неширокая культурная полоса тянется еще верстъ на 13 или около того. Населеніе Кэрія составляютъ мачинцы, число дворовъ которыхъ простирается нынѣ до 3000 (стр. 396)... Предметы вывоза отсюда составляютъ золото и камень юй (нефритъ) (стр. 397). Дважды въ недѣлю, именно въ четвергъ и пятницу, устраивается кочующими изъ одного оазиса въ другой купцами торгъ въ родѣ нашей ярмарки. На этомъ базарѣ изобильны русскіе красные товары—ситцы, кумачъ, платки, плизъ и др., также зажигательныя спички и сахаръ; продаются они не дорого... Наши кредитныя

бумажки и мелкое серебро принимаютъ охотно... Среди торгующихъ купцовъ встрѣчаются наши подданные, уроженцы западнаго Туркестана (стр. 397).

Въ административномъ отношеніи Кэрія составляетъ центръ отдѣла третьей степени, находящагося подъ управленіемъ китайскаго чиновника, подвѣдомственнаго начальнику Хотанскаго округа. Кэрійскій отдѣлъ захватываетъ обширную мѣстность — къ сѣверовостоку до Чахарлика, а къ востоку почти до Хотанской рѣки съ оазисомъ Сампула включительно; кромѣ того, сюда же причислены и горныя мачинцы. Общее число жителей (все мачипцевъ) того же отдѣла простирается до 15000 семействъ по слѣдующему приближительному расчету: Черченъ—600 семействъ, Нія — 1,000, Керія — 3,000, Шиваль—200?, Гулакма и Домаку—800, Чира—1,000. Сампула — 5,500; горныхъ мачинцевъ: въ русскомъ хребтѣ — 1,000, въ Кэрійскомъ—2,000 семействъ (стр. 388).

Изъ Кэрія путешественники отправились въ Полу. Простоявъ тамъ пять сутокъ и убѣдившись, что пройти отсюда въ Тибетъ ущельемъ р. Курабъ невозможно, они двинулись вдоль сѣвернаго подножія Кэрійскаго хребта. Безъ малаго цѣлый мѣсяцъ употребленъ былъ на эту экскурсію (стр. 433). Въ результатъ получилось опредѣленія общаго направленія Кэрійскаго хребта и его топографическаго характера; флора и фауна были достаточно обследованы; притомъ дознано, что проходовъ въ Тибетъ здѣсь нѣтъ (стр. 436). Свѣдѣніе это неточно. Дорога изъ Полу въ Рудокъ есть, по ней проходилъ Карей, и еще ранѣе свѣдѣнія о ней были добыты экспедиціей Форсайта.

Крайнимъ западнымъ пунктомъ движенія вдоль Кэрійскихъ горъ было урочище Удукъ-Ачикъ (стр. 436). Передневавъ тутъ на абсолютной высотѣ 11,200 футовъ, путешественники пошли отсюда въ оазисъ Чира (стр. 438). На первомъ переходѣ, внизъ по р. Караташъ, встрѣтились разработки золота, которыя тянутся верстъ на 8 — 10, какъ то видно было по старымъ и новымъ шахтамъ (стр. 439). Оазисъ Чира лежитъ на Кэрійско-хотанской дорогѣ при абсолютной высотѣ въ 4,500 футовъ. Число жилищъ саклей простирается до тысячи или немного болѣе. Кромѣ мачинцевъ главнаго населенія, въ западной окраинѣ того же оазиса живутъ такъ-называемыя кулъ, то-есть, рабы. По преданію, они были приведены въ древности военноплѣнными изъ Балту (Балтистапа) (стр. 441).

Мѣстность отъ Чира на протяженіи 40 слишкомъ верстъ до болѣ-

шаго оазиса Сампула представляетъ пустыню, кое-гдѣ поросшую тамарискомъ и совершенно безводную (стр. 445). Вираво отъ пути сплошные сыпучіе пески тянулись невадалекѣ. На окраинѣ этихъ песковъ, въ 6—7 верстахъ къ сѣверу отъ лянгера Бешъ-тугракъ, находятся, какъ говорятъ, слѣды древняго города Шаристанъ. Преданіе гласитъ, что этотъ городъ, основанный Сіавушъ-ханомъ, былъ весьма обширенъ и имѣлъ 24 воротъ; при каждахъ воротахъ стоялъ караулъ въ тысячу человекъ. Въ серединѣ города лежалъ огромный прудъ. Жители Шаристана были мачинъ, на половину огнепоклонники, на половину вѣры Ноа. Время разоренія этого города, какъ кажется, неизвѣстно (стр. 495—496).

Миповавъ пустынную къ западу отъ Чира полосу, экспедиція пришла къ оазису Сампула. Оазисъ лежитъ при абсолютной высотѣ 4,500 футовъ, на лѣвомъ берегу р. Юрунь-кашъ и весь орошается ея водою (стр. 446). По своей величинѣ оазисъ Сампула самый обширный изъ всѣхъ, до тѣхъ поръ видѣнныхъ путешественниками. Онъ состоитъ изъ 15 волостей (кэндъ), управляемыхъ каждая особымъ минъ-баши; всѣ онѣ подчинены одному хакиму (тамъ же). Изъ названій этихъ волостей замѣчательно одно, несомнѣнно, индійскаго происхожденія Рахманъ-пуръ (Брахмана-пура). Общее число жителей во всѣхъ волостяхъ простирается до 5,500 семействъ. Все это мачинцы, за исключеніемъ лишь волостей Лобъ и Хангуй. Въ первой изъ нихъ, считающей у себя 275 дворовъ, живутъ потомки бѣглецовъ разореннаго города Лобъ; вторая, имѣющая 130 дворовъ, населена, по мѣстному преданію, потомками богатыря Рустемъ-Дагестана. Тѣ и другіе нынѣ не отличаются отъ прочихъ оазисныхъ мачинцевъ, въ особенности лобцы. Между жителями Хангуй еще попадаются, даже нерѣдко, мужчины съ свѣтлыми волосами; случайно путешественники видѣли здѣсь даже женщину-блондинку; но все-таки черный цвѣтъ всюду преобладаетъ (стр. 447).

Путешественники провели цѣлую недѣлю на восточной окраинѣ Сампула, въ урочищѣ Кутасъ (стр. 449). Отсюда до Хотана только 20 верстъ. Весь этотъ путь лежитъ сплошными оазисами — сначала Сампула, а потомъ Юрунь-кашъ (стр. 452). Юрунь-кашъ считается городомъ, и здѣсь имѣется довольно большой базаръ (стр. 453). Рѣка Юрунь-кашъ отдѣляетъ оазисъ того же имени отъ собственно Хотана или Ильчи. Эту рѣку чаще называютъ здѣсь Хотанскою, хотя послѣднее имя принадлежитъ собственно рѣкѣ, обра-

зовавшейся изъ соединенія Юрунь-каша и Кара-каша, верстахъ въ 100 ниже Хотанскаго оазиса (стр. 454).

Обширный оазисъ Хотанъ лежитъ на абсолютной высотѣ 4,400 футовъ и орошается водою двухъ рѣкъ—Юрунь-кашъ и Кара-кашъ, соединяющихся верста за сотню ниже въ одну рѣку, называемую Хотанъ-Дарья. Кромѣ деревенскихъ поселеній, тотъ же оазисъ состоитъ изъ трехъ городовъ—собственно Хотана или Ильчи, Юрунь-каша и Кара-каша (стр. 455). Хотаномъ звался городъ и вся страна во время Марко Поло. „Столица всего царства“, говоритъ онъ,—„называется Хотаномъ, и страна зовется также. Здѣсь всего изобильно: хлопку родится много; у жителей есть виноградники и много садовъ; народъ тутъ смиренный, торговый, занимается также ремеслами“. Пышный Хотанъ, по словамъ Пржевальскаго, состоитъ изъ тѣсно скученныхъ сакель и узкихъ улицъ между ними. Замѣчательныхъ архитектурныхъ построекъ здѣсь нѣтъ, какъ и въ другихъ городахъ восточнаго Туркестана; нѣтъ и городской стѣны, но видѣны старыя валы, которымъ былъ обнесенъ прежній, болѣе обширный городъ. Пышный раздѣляется на четыре части. На восточной сторонѣ города находится разваливающееся укрѣпленіе временъ Якубъ-бека, а на западной, немного въ отдаленіи, выстроена китайцами крѣпость, такъ-называемый Янги-Шаръ.

Не таковъ былъ Хотанъ въ старину, когда его видѣли буддійскіе паломники, а по иранскимъ сказаніямъ, пребывалъ здѣсь Афрабсиабъ тестъ Сиа-вуша, о которомъ до сихъ поръ мѣстное населеніе разказываетъ легенды, какъ это видно изъ упоминавй Пржевальскаго, приведенныхъ выше. Хотанъ былъ независимымъ государствомъ до вторженія сюда монголовъ. Между Индіей и этою страню сношенія были частыя; связь была торговая, а позднѣе — религиозная. Тутъ было множество буддійскихъ монастырей; сюда являлись учиться индійской мудрости изъ отдаленныхъ восточныхъ странъ; здѣсь запасались священными книгами. Ученостью хотанцы славились и позднѣе, въ мусульманскія времена. Въ Хотанѣ, говоритъ Ибнъ-Асиръ,—много ученыхъ и достойныхъ людей. Страна была воздѣлана, и славилась не только нефритомъ и обиліемъ земныхъ плодовъ, но и своими мануфактурами. Даже Сюанъ-цзанъ, человекъ не отъ міра сего и чуждый всякой роскоши, замѣтилъ прекрасныя ковры и шелковыя ткани хотанскаго производства. Жители были высоко цивилизованы и жили среди всякаго довольства; они занимались литературой и искусствами, любили музыку и танцы и славились своею

музыкальностью. Фасянъ, побывавшій также въ Хотанѣ, упоминаетъ также о музыкальности хотанцевъ и описываетъ, какъ очевидецъ, религиозную процессію въ Хотанѣ. Онъ видѣлъ тамъ вѣнчаннаго паря, преклоняющимся передъ святынею, съ фиміамомъ и цвѣтами шествующаго на встрѣчу святыни, окруженной толпою монаховъ.

Китайскихъ путешественниковъ поразила свобода, которою пользовались женщины въ Хотанѣ въ ихъ время. Онѣ принимали участіе въ общественныхъ дѣлахъ, свободно появлялись въ обществѣ, даже въ присутствіи иностранцевъ. Остатки этой свободы тамошнія женщины сумѣли сохранить и по сію время. Одинъ изъ новѣйшихъ русскихъ путешественниковъ (г. Громбчевскій) свидѣтельствуетъ: „Въ попутныхъ по дорогѣ въ Хотанъ селеніяхъ, а также и въ самомъ Хотанѣ, женщины, встрѣчаясь съ моимъ караваномъ, останавливались и только, насмотрѣвшись вдоволь на не виданныхъ ими русскихъ казаконъ, дѣлали видъ, что закрываютъ лица кисейными платками.... Женщины въ Кашгаріи занимаются мелочною торговлею и сидятъ въ мелочныхъ лавкахъ, что въ другихъ странахъ Средней Азіи видѣть не приходится. Въ старыя времена, здѣсь онѣ ѣздили верхомъ по мужски на лошадяхъ и верблюдахъ.

Окрестности Хотанской рѣки представляютъ собою песчаную пустыню, простирающуюся къ западу до рѣки Яркендской, а къ востоку до Лобъ-Нора и нижняго Тарима. Въ этой пустынѣ встрѣчаются остатки древнихъ городовъ и оазисовъ. По Хотанъ-дарѣ такіе остатки чаще попадаются на восточной ея сторонѣ и еще болѣе по сосѣдней Кэрітской рѣкѣ, прежнее русло которой тянется отсюда на разстояніи 5 — 6 дной пѣшей ходбы. Мѣстами, какъ говорятъ, встрѣчаются уцѣлѣвшія сакли, съ провалившимися отъ тяжести нанесеннаго песка потолками; изрѣдка попадаются даже древнія кумирни, съ глиняными, иногда вызолоченными идолами (стр. 471). Называются древній городъ Талесманъ въ трехъ дняхъ пути къ востоку отъ лежащаго на низовѣ Хотанъ-даря урочища Лигузъ-кумъ. По замѣчанію Шржевальскаго, животная жизнь на Хотанской рѣкѣ, какъ и во всей котловинѣ Тарима, бѣдна разнообразіемъ видовъ (стр. 470). Въ числѣ тамошнихъ видовъ млекопитающихъ онъ отмѣчаетъ степную крысу (*Nesokia brachyura* n. sp.) (стр. 470). Крысы играли роль въ исторіи Хотана. Сюанъ-цзанъ разсказываетъ, что имъ въстроенъ былъ храмъ въ Хотанѣ, приносились жертвы. Проѣзжавшіе мимо этого храма выходили изъ своихъ колесницъ и шли пѣшкомъ изъ уваженія къ святынѣ. Сюда сносились богатыя жертво-

приношенія, одѣванія, луки, стрѣлы, благоуханія и богатя явства. Этотъ культъ крысъ не имѣетъ въ себѣ ничего буддійскаго, и какъ бы сознавая это, Сюанъ-цзанъ приводитъ въ объясненіе его происхожденія легенду, точно выписанную изъ Геродотовыхъ повѣствованій о Египтѣ. Въ пустынѣ кругомъ Хотана было много крысъ, величиною съ ужа, золотистаго и серебрянаго цвѣта. Крысы эти жили гдѣ-то въ пустынѣ, около песчаныхъ холмовъ, и слыли за чудодѣйственныхъ животныхъ. Случилось, что напала на Хотанъ многочисленная рать хунновъ и остановилась у тѣхъ самихъ холмовъ, гдѣ водились крысы. Хотанскій царь испугался вражьей силы и не зналъ что и дѣлать; рѣшилъ онъ наконецъ принести жертву крысамъ; въ чемъ состояло это жертвоприношеніе, Сюанъ-цзанъ не говорить. Въ ту же ночь царь видитъ сонъ: является къ нему большая крыса и говоритъ: „Хочу тебѣ помочь, назавтра веди свое войско, нападай на врага, ты побѣдишь“. Царь такъ и сдѣлалъ, а въ ночь крысы перегрызли у врага всю сбрую, тетивы у луковъ и т. д. такъ что, когда хотанцы напали, врагъ былъ безпомощенъ и побѣжденъ¹⁾. Въ хотанскихъ степяхъ такимъ образомъ если вѣрить Сюанъ-цзану, повторилась исторія неудачнаго похода Сенахериба на Египетъ, о которомъ повѣствуетъ Геродотъ.

Въ Хотанѣ мы простимся съ интересною книгою Пржевальскаго. Цѣль нашего краткаго пересказа третьяго періода его путешествія была выставить на видъ археологическій интересъ, связанный съ всестороннимъ изученіемъ этой части Средней Азіи; покойный знаменитый путешественникъ былъ совершенно правъ, рекомендуя вниманію археологовъ изслѣдованіе Черчена; но не только Черченъ, вся страна отъ Лобъ-нора до Хотана, ждетъ специальныхъ розысканій въ историко-археологическомъ отношеніи. Стапемъ надѣяться, что починъ въ этомъ дѣлѣ выпадетъ на долю русскихъ путешественниковъ и ориенталистовъ.

III. Миннась.

¹⁾ Si-yu-ki, II, 315.

Историческій очеркъ Польскаго сейма. *И. Карѣва*. Москва. 1888.

Польскія отношенія играютъ столь важную роль въ русской исторіи, что безпристрастное, чисто-объективное изученіе исторіи Польши, и особенно причинъ ея паденія, для насъ обязательно. Между тѣмъ такое изученіе сравнительно съ научнымъ изученіемъ русской исторіи, началось у насъ лишь недавно, нѣсколько десятковъ лѣтъ тому назадъ. Но и съ этого недавняго времени труды Костомарова — „Послѣдніе годы рѣчи Посполитой“, Соловьева — „Паденіе Польши“ и два послѣдніе тома его „Исторіи Россіи“ (XXVIII и XXIX), Иловайскаго — „Гродненскій сеймъ“, Трачевскаго — „Польское безкорольеве“ и нѣкоторые другія ученые работы пролили много свѣта на судьбу Польши, особенно на эпоху ея раздѣловъ. Въ послѣднее время труды проф. Карѣва, особенно трудъ, означенный нами въ заглавіи и построенный на основаніи новѣйшихъ изслѣдованій польскихъ ученыхъ, вносятъ новый и цѣнный вкладъ въ объясненіе исторіи Польши и причинъ ея паденія. Въ этомъ трудѣ болѣе ясно, чѣмъ прежде, формулированіе причинъ постоянного преобладанія шляхты освѣтило окончательно вопросъ, почему Польша не могла выбиться изъ безварядья. Проф. Карѣвъ на основаніи новѣйшихъ польскихъ изслѣдованій доказываетъ, что центръ тяжести въ вопросѣ о причинахъ паденія Польши кроется въ устройствѣ польскаго сейма, которое не дозволяло сдѣлать ни одного шага для улучшенія государственнаго строя. Первый ученый, который обратилъ серьезное вниманіе на эту сторону дѣла, былъ Зигфридъ Гюппе въ своемъ сочиненіи „Verfassung der Republik Polen“, изданномъ въ 1867 году, а затѣмъ въ началѣ текущаго года явился на польскомъ языкѣ трудъ варшавскаго профессора Павинскаго — „Исторія Куявской земли и историческіе къ ней акты“; въ этомъ трудѣ разработанъ вопросъ, до него не тронутый, о польскомъ областномъ самоуправленіи (Карѣвъ, стр. 3). Полную разработку исторіи законодательной власти въ Польшѣ и разработку исторіи сеймовъ проф. Павинскій предоставляетъ будущему; „но для общаго очерка исторіи польскаго сейма“, говоритъ профессоръ Карѣвъ, — „и въ данную минуту мы обладаемъ достаточнымъ матеріаломъ и, въ извѣстной степени, выработанными научными положеніями“. Нельзя не поблагодарить проф. Карѣва за его трудъ. Подобныя работы имѣютъ значеніе и для образованной публики, и для дальнѣйшей научной разработки вопроса. Большая часть образованной публики не будетъ, конечно, читать ни Гюппе,

ни Павинскаго, но съ пользою прочтеть трудъ г. Карѣва, изъ котораго получить ясное понятіе о существенномъ вопросѣ польской исторіи. Для дальнѣйшаго изслѣдованія вопроса подобныя труды указываютъ путь, объединяя результаты спеціальныхъ монографій и въ то же время предостерегая отъ излишнихъ мелочей, часто только путающихъ дѣло.

Новѣйшія изслѣдованія выяснили, что двѣ особенности польскаго сейма служили исходнымъ пунктомъ развитія государственныхъ учреждений Польши, а потомъ и главною причиною паденія этого государства. Эти особенности были слѣдующія: 1) односословность сейма, ибо онъ состоялъ только изъ представителей дворянства, и 2) конгрессивный характеръ сейма. Сеймъ, будучи *de jure* представителемъ одного государства, *de facto* получилъ характеръ международнаго конгресса, то-есть, какъ бы собранія представителей многихъ государствъ. Эти особенности г. Карѣвъ и противопоставляетъ аналогическимъ учрежденіямъ на западѣ, въ которыхъ, говоритъ онъ, — участвовали и другія сословія: духовенство, гражданство и крестьянство (стр. 8).

Относительно этого противоположенія нельзя однако не сдѣлать одного замѣчанія. И во Франціи, и въ Англіи сначала также господствовала односословность. До Филиппа IV во Франціи только духовенство и дворянство считались государственными сословіями, то-есть, имѣющими голосъ въ дѣлахъ государственныхъ, а такъ какъ высшее духовенство почти все принадлежало къ сословію дворянства, то и выходило, что до Филиппа IV представительство въ *états-généraux* было только односословное, дворянское. Въ Англіи великій совѣтъ до превращенія его въ парламентъ и до призыва, въ 1264 году, въ его засѣданія депутатовъ отъ джентри и городовъ былъ также односословный. Конгрессивность такъ же не составляла исключительнаго удѣла польскаго сейма. Конгрессивный характеръ имѣли и *états-généraux*, ибо Франція складывалась изъ отдѣльныхъ самостоятельныхъ политическихъ единицъ. Но исторію *états-généraux* нельзя начинать съ Филиппа IV, призвавшаго къ участию въ засѣданіи ихъ буржуазію, ибо по нѣкоторымъ спеціальнымъ вопросамъ Французскіе короли еще въ XIII в. собирали въ своихъ доменахъ отдѣльно представителей буржуазіи; такъ, въ 1262 г. Людовикъ Святой собиралъ представителей своихъ городовъ — Парижа, Орлеана, Лаона, Сауса, чтобъ узнать ихъ мнѣніе объ ордонансахъ, касающихся монетной системы. Въ важной же Франціи, гдѣ удержались римскія муници-

пальныя предапія, однословности въ собраніи представителей, кажется, и прежде не было; такъ, въ 1080 г. въ Нарбоннѣ представители горожанъ засѣдали рядомъ съ прелатами и баронами. Что касается до Филиппа IV, то призывъ буржуазіи на засѣданія *états-généraux*, кажется, сдѣланъ былъ имъ только въ виду борьбы съ Бонифаціемъ VIII. Такъ черезъ годъ, въ 1303 г., въ собраніи *états-généraux* опять не было представителей буржуазіи. Это было то знаменитое собраніе, въ которомъ легистъ Ногаре читалъ въ собраніи епископовъ и бароновъ составленный имъ обвинительный актъ противъ папы Бонифація VIII. Филиппъ IV на этотъ разъ не нуждался въ представителяхъ буржуазіи, которые въ предыдущемъ году поддержали уже его на столько, что онъ смѣло сжегъ папскую буллу, лишившую его престола.

Разница въ томъ, что въ Польшѣ не было почти совсѣмъ національной буржуазіи, а во Франціи она была, и короли умѣли ея пользоваться. Такимъ образомъ, коренная причина, почему польскій сеймъ до конца существованія Рѣчи Посполитой оставался однословнымъ, кроется въ устройствѣ польскихъ городовъ.

Профессоръ Карѣевъ не пропускаетъ общезвѣстнаго факта, что польскіе города, населенные мѣщанами, пользовались свободой отъ податей и военной повинности, мало интересовались обще-государственными польскими дѣлами, и сопровождаетъ указаніе этого факта замѣчаніемъ, что когда эти города полонизировались, тогда уже господствовала шляхта, не допустившая ихъ до участія въ сеймѣ. Однако, къ сожалѣнію, о польскомъ городѣ въ очеркѣ говорится мало, какъ бы мимоходомъ. Такъ, говоря, что города уклонились прислать выборныхъ на сеймъ по приглашенію короля Александра (1501—1506 гг.), авторъ не упомянулъ, идетъ ли рѣчь о воловомъ сеймѣ, или о сеймикахъ. Только изъ словъ польскаго историка Бобржинскаго, приведенныхъ въ прилѣжаніи, можно заключить, что рѣчь идетъ о сеймикахъ. По словамъ Бобржинскаго, города не послали своихъ представителей на сеймики потому, что не предчувствовали будущаго значенія послѣднихъ. Положимъ, такъ; но изъ текста очерка г. Карѣева можно заключить и о другой причинѣ: кромѣ недалеко-видности мѣщанъ, можно заключить, что мѣщане боялись, что шляхта или не допуститъ ихъ на сеймики, или если допуститъ, то заставитъ разыграть жалкую роль. Еще въ 1496 г. шляхта выставила принципъ, что кто не несетъ военной повинности, тотъ не имѣетъ права владѣть земскими (въгородскими) имуществами, а только съ зем-

скимъ имуществомъ и было связано право голоса на сеймикахъ и сеймахъ.

Униженіе городовъ и повело къ вѣковой сословной косности сеймиковъ. Сеймикъ, говоритъ профессоръ Павинскій,—въ своемъ корпоративномъ коснѣніи не поднимался до высшаго понятія о гражданствѣ, которое вводила въ жизнь французская революція 1789 г. Въ этомъ замѣчаніи польскаго историка, слова котораго приводитъ профессоръ Карѣвъ, намъ не понятно, какимъ образомъ идеи 1789 года могли повліять на польскіе сеймики, когда въ 1795 г., то-есть, спустя только шесть лѣтъ, не стало не только сеймиковъ, но и самой Рѣчи Посполитой? Мимолетное вліяніе идей 1789 г. огазилось въ проектѣ такъ-называемой конституціи 3-го мая 1791 года, въ которомъ горожане допускались на сеймъ, но было уже поздно. Въ апрѣлѣ того же 1791 года англійскій посолъ Гельсъ писалъ: „Все, что будетъ постановлено на сеймѣ, не будетъ принято націей и уничтожится на сеймикахъ. Учредятъ ли наслѣдственное правленіе, или Польша останется съ избирательнымъ правленіемъ, — все равно, ей предстоитъ сдѣлаться добычею сильнѣйшихъ“ (Послѣдніе годы Рѣчи Посполитой Костомарова, стр. 311, изд. 1870 г.). Во время преній на сеймѣ по поводу городскихъ правъ выяснились волюнѣ положеніе городовъ къ концу существованія Рѣчи Посполитой и вѣковая шляхетская политика относительно городовъ. „Бросьте взоры“, говорилъ Нѣмцевичъ,—„на разсѣянные города ваши; это не города, а какія-то развалины. Вездѣ упадокъ, бѣдность, промыслы въ небреженіи“. Другой защитникъ городовъ высказался еще рѣзче: „Право голоса городамъ ничего не поможетъ: они имѣли его и покинули потому, что оно было для нихъ бесполезно. И узникъ въ кандалахъ имѣетъ такой голосъ—онъ вопіетъ о челобѣколюбіи, да развѣ это облегчить его участь?“ (тамъ же, стр. 306). Хорошо же было это право, если оно, по выраженію того же оратора, падоуло городамъ! Вѣковая политика шляхты относительно городовъ выразилась, во время этихъ преній, по преимуществу въ рѣчахъ противниковъ дарованія голоса городскимъ посламъ; одинъ изъ этихъ противниковъ, Шлатеръ, прямо совѣтовалъ не допускать усиленія городовъ и разъединять ихъ интересы, раздѣливъ города на категоріи.

Дававъ относительно мало мѣста городскому дѣлу въ своемъ историческомъ очеркѣ польской конституціи, профессоръ Карѣвъ выписалъ въ концѣ своей книги важнѣйшія статьи конституціи 3-го мая, но къ сожалѣнію, не сдѣлалъ выписки текста тѣхъ пунктовъ, кото-

рне касались городовъ. Хотя на стр. 158 своего очерка г. Карѣвъ и указалъ, какъ мало было сдѣлано для представительства городовъ (именно дозволено было только важнѣйшимъ городамъ посылать по одному уполномоченному на сеймъ съ рѣшающимъ голосомъ въ дѣлахъ, касающихся городовъ и съ совѣщательнымъ во всѣхъ иныхъ), но все-таки выписка текста изъ конституціи 3-го мая была бы не лишнею. Она нагляднѣе уяснила бы для многихъ читателей заключительное вѣсковое слово г. Карѣва о четырехлѣтнемъ сеймѣ. „Если“, говоритъ онъ,—этотъ сеймъ, съ одной стороны, и произвелъ нѣкоторые реформы по отношенію къ сеймикамъ (устраненіе съ нихъ голоты), а съ другой—и допустилъ на сеймъ мѣщанскихъ депутатовъ, то все-таки онъ не рѣшился уничтожить односословность посольской избы и не подчеркнул того положенія, что посольская изба не могла быть конгрессомъ пословъ съ суверенныхъ сеймиковъ“. Последнее замѣчаніе особенно важно, ибо съ конгрессивностію сейма связаны были и *liberum veto*, и конфедераціи. Оставивъ, слѣдовательно, конгрессивность сейма, конституція 3-го мая ничего не сдѣлала, или очень мало, для того, чтобы снять путы съ дальнѣйшаго развитія Польши. Сохраняя односословность сейма во имя яко бы необычайныхъ заслугъ шляхты, конституція 3-го мая сохраняла все старое вполнѣ, а для полнаго отстраненія небольшихъ переулковъ въ сеймикахъ открыта была полная возможность на всякое время и на всякъ часъ, когда будетъ нужно. Событія четырехлѣтняго сейма ретроспективно освѣщаютъ и предыдущую сеймовую исторію, дѣлаютъ осязательно яснымъ и не для специалистовъ по польской исторіи, какъ упорно и сознательно дѣйствовала шляхта въ захватѣ и удержаніи власти исключительно за своимъ сословіемъ. Во второмъ пунктѣ извлеченія изъ конституціи 3-го мая шляхта сама себя дала похвальный аттестатъ, какъ учредительницѣ свободы, сама собою утвердила за собою льготы, преимущества и первенство въ частной и общественной жизни. Однимъ словомъ, польскіе магнаты и шляхта дѣйствовали діаметрально противоположно мудрой политикѣ британскихъ лордовъ, прицѣпившихъ къ себѣ городскія общины.

Вышеуказанное беззастѣнчивое самовосхваленіе шляхты составлено и обнародовано тотчасъ послѣ глубоко вѣрнаго указанія на зло, вытекавшее изъ пользованія свободой однимъ сословіемъ. Въ апрѣлѣ 1791 г. брацлавскій посолъ Вавржицкій сказалъ такую истину, которая, казалось, должна была бы освѣтить пропасть, на краю коей

стояла Польша. Вавржидкій между прочимъ сказалъ: „Были у насъ тяжелыя времена: войска московскія, шведскія, австрійскія опустошали нашъ край; шляхта билась съ непрітелемъ — народъ ея не поддерживалъ; народныя громады не заботились о судьбѣ страны и въ такихъ случаяхъ или запирались въ домахъ своихъ, или уходили за границу. Плохая та свобода, которой лишены миліоны, а защищаютъ ее только сотни“ (Послѣдніе годы рѣчи посполитой Н. Костомарова, стр. 306, изд. 1870 г.). Въ этихъ немногихъ словахъ очерчено и прошедшее Польши, и мрачное предсказаніе о близкомъ ея паденіи, которое и послѣдовало вслѣдъ за этою суровою и мужественною рѣчью, дѣйствительно мужественною, ибо рѣчь сказана была передъ толпою нафанатизированныхъ шляхетскимъ патриотизмомъ представителей воеводствъ.

Косность надменной шляхты въ своихъ предрасудкахъ, ея надменное самообожаніе привели Рѣчь Посполитую къ паденію. Нельзя, впрочемъ, винить специально польскую шляхту въ слѣпотѣ, съ которою она удерживала свои привилегіи: вездѣ до сихъ поръ, кромѣ Англіи, высшія сословія уступали свои привилегіи или напору снизу, или эти привилегіи сокрушались сверху монархическою властью.

Причину односословности и конгрессивности польскаго сейма прф. Карѣвъ объясняетъ быстрымъ объединеніемъ Польши. При Владиславѣ Локотѣ (1296—1332 гг.), когда Польша объединилась, удѣльныя княжества, получивъ общаго князя, представляли какъ бы отдѣльныя государства подъ скипетромъ одного государя. Съ Казиміромъ Великимъ (1332—1370 гг.) кончилась династія Пастовъ и сліянiе земель прекратилось. Власть перешла къ можновладству, то-есть, къ мочнымъ, могучимъ людямъ, богатымъ панамъ, которые какъ разъ сильны были мѣстнымъ значеніемъ, что, конечно, еще болѣе поддержало обособленность старыхъ княжествъ, переименованныхъ въ воеводства (Карѣвъ, стр. 18). И воеводства сдѣлались какъ бы отдѣльными штатами, а Польша—федераціей этихъ штатовъ.

Казиміръ Ягеллончикъ искалъ опоры противъ можновладства въ шляхтѣ и призвалъ ее къ государственной дѣятельности; но и шляхта не могла иначе выступить въ своей новой роли, какъ во воеводствамъ. Обстоятельства такого хода дѣлъ требовали бы нѣкотораго поясненія. Потому ли шляхта не могла выступить въ новой роли, что объединеніе удѣльныхъ княжествъ не было кончено и, превращенныя въ воеводства, они оставались при своемъ обособленіи, которое отразилось и на шляхтѣ, или же потому, что Казиміръ Ягел-

ловичъ, не имѣя государственнаго ума, не умѣлъ создать общаго сейма, съ общими польскими интересами? Польша собственно не знала объединительнаго процесса. Здѣсь не лишнимъ считаемъ замѣтить, что объединеніе слѣдуетъ отличать отъ ассимиляціи. Объединеніе, разрушеніе мѣстныхъ привилегій, всякаго рода уравниенія совершались насильно, во имя блага цѣлаго; объединялось однородное, по разрозненное. Иноземное же ассимилировалось превосходствомъ учреждений, культуры. Такъ, Эльзась былъ Франціей ассимилированъ, а Пикардія объединена съ остальною Франціей.

Во Франціи велика была сила и объединенія, и ассимиляціи. Этою послѣднею способностью въ значительной степени обладала и польская шляхта, ассимилировавшая литовско-русское дворянство; но объединительной силы привилегированныя сословія никогда не проявляли. Объединительный процессъ государствъ всегда былъ долгъ, труденъ и жестокъ. Объединеніе Франціи, прерванное въ началѣ XIV вѣка, возобновилось во второй половинѣ XV вѣка, при Людовикѣ XI. Ослабленное реформаціоннымъ движеніемъ въ XVI в., оно съ удвоенною энергіей продолжалось въ XVII, при Ришелье и Людовикѣ XIV. Но это объединеніе, какъ бы грозно оно ни было, кончилось компромиссомъ: феодалы потеряли политическую власть, но остались господами Франціи въ качествѣ придворной и служилой знати. Потому феодаловъ были довольны компромиссомъ, и очень естественно почему: потому, что они въ сущности никогда не были такими полными владыками Франціи, даже въ средніе вѣка, какъ при Бурбонахъ. Ворчанье, театральная фрондерская война и протесты знати по смерти Людовика XIV особеннаго значенія не имѣли. Но буря, подпавшая въ концѣ XVIII в., разсѣяла это довольство. Дѣло Людовика XI, Ришелье и Людовика XIV закончилъ страшный переворотъ, который упразднилъ даже названіе провинцій, напоминавшее средневѣковое дѣленіе.

Не менѣе тяжелъ былъ процессъ объединенія и въ Россіи, хотя объединеніе ея совершилось при болѣе благопріятныхъ обстоятельствахъ, чѣмъ объединеніе Польши. Первое отлечіе—преобладаніе одного княжества, постепенно подчинившаго себѣ другія княжества Восточной Руси. За это княжество стояли митрополитъ, глава духовенства, въ XIV в. самое вліятельное лицо въ Россіи, и бояре московскіе, видѣвшіе въ усиленіи Москвы и ея князей усиленіе собственнаго значенія. Ревнивые къ своему вліянію и къ выгодамъ, которые оно представляло, московскіе бояре не допускали бояръ удѣльныхъ княжествъ

стать на ряду съ собою, не признавали ихъ себѣ равными. Даже дворяне московскіе, въ удѣльный періодъ низшая ступень дружиннаго сословія, съ XVI в. считались выше областныхъ. Во все время отъ Калиты до Грознаго включительно мы не видимъ ни одного высоко поднявшагося дворянскаго или даже боярскаго рода изъ удѣльныхъ княжествъ. За то, съ Василія Темнаго обездоленные потомки удѣльныхъ князей, какъ племени Владиміра Святаго, такъ и Гедиминова племени, сами становятся въ ряды московскаго боярства. Это породило новое соперничество въ средѣ боярства, соперничество, которымъ умѣли пользоваться Іоаннъ III и Василій III. Къ довершенію всего, Грозный въ эпоху опричины сокрушилъ почти всѣ остатки удѣльныхъ особенностей. Къ тому же политическій сепаратизмъ дружиннаго сословія встрѣтилъ сильное сопротивленіе: въ политической ловкости такихъ Московскихъ князей, какъ Юрій и Иванъ Даниловичи, Василій Дмитріевичъ, и въ государственномъ умѣ Іоанна III, Василія III и Іоанна IV. Эти три государя съ 1462 по 1584 г., слѣдовательно, сто двадцать-два года, вели дѣла въ одномъ направленіи: явленіе, у насъ не повторявшееся, да кажется, безпримѣрное и во всемірной исторіи. Это явленіе еще не оцѣнено у насъ въ достаточной мѣрѣ. И въ Россіи были элементы односословности и конгрессивности. Но ни Смутное время, ни реакція мѣрамъ Іоанна въ XVII в. не могли воскресить ихъ. Реакція не могла и имѣть другаго исхода; бояре въ Смутное время и во весь XVII в., думая разрушить дѣло Іоанна, въ концѣ концовъ только укрѣпили его и къ исходу XVII в. потеряли уже всякій авторитетъ. Реакція разрушила самоуправленіе, данное Грознымъ городамъ, задавила земскіе соборы и создала владычество дьяковъ, то-есть, канцелярій, въ чемъ несправедливо обвиняють Петра Великаго. Всѣ земскія учрежденія Петръ нашель уже въ развалинахъ. Переимѣна названій, замѣна приказовъ коллегіями не измѣнила существа дѣла касательно самоуправления. Касательно же центральной власти дѣло Грознаго было столь прочно, что замыслы олигархіи равбились даже о пассивное сопротивленію царей Алексѣя и Θεодора (см. наши статьи „Объ истор. значеніи русск. боярства — Журн. Мин. Нар. Просв. за 1886 г., январь, февраль и мартъ, и „Моск. смута въ концѣ XVII в.“ — Журн. Мин. Нар. Просв. 1887 г., январь и февраль). Русская олигархія XVII в. встрѣтила сильнаго противника въ лицѣ патріарха Іоакима, который помѣшалъ образованію наслѣдственныхъ штатгалтерствъ (пансістичествъ). Она не встрѣтила сочувствія и въ младшихъ членахъ бывшаго дружиннаго,

тогда уже служилаго сословія, въ дѣтяхъ боярскихъ и дворянахъ. Со времени рязанскаго движенія Ляпунова и нижегородскаго—Мининско-Пожарскаго въ дѣтяхъ боярскихъ и дворянахъ, не смотря на нѣкоторые общіе интересы съ боярствомъ аристократическимъ, хранилось инстинктивное сознаніе, что земство есть ихъ стихія, что они—передовые борцы земства, вслѣдствіе чего они, вмѣстѣ съ народомъ, такъ недовѣрчиво относились къ боярству и такъ упорно держались за центральную власть царя. Это сознаніе земскаго значенія служилаго сословія стало измѣняться лишь подъ вліяніемъ польскимъ, которое обнаружилось по смерти Петра Великаго; но дворянство поддавалось означенному вліянію медленно; мало того: въ образованнѣйшихъ представителяхъ дворянства исключительная польская односословность никогда не встрѣчала сочувствія.

Въ Польшѣ шляхта не допустила на нѣкоторое время образоваться олигархіи; но, присвоивъ себѣ исключительную власть въ республикѣ, она сковала всѣ жизненныя отправленія въ узкія формы, ибо поработила сельскій людъ и отняла у городовъ возможность развиваться. Шляхта поглотила въ себѣ и духовенство; прелаты, каioniки являлись на сеймъ не какъ представители кантуловъ, и аббаты—не какъ представители монастырей, а только какъ владѣльцы собственныхъ, наследственныхъ владѣній. Не это ли обстоятельство, сливъ церковные интересы съ интересами господствующаго сословія, придало польской исторіи клерикальный характеръ? Не оно ли придало острый характеръ вѣроисповѣднымъ отношеніямъ въ Рѣчи Посполитой? Поэтому едва ли вполнѣ, безъ ограниченій, справедливо выразился проф. Карѣвъ, говоря, что къ эпохѣ прекращенія наследственной монархіи въ Польшѣ шляхта была въ Рѣчи Посполитой именно тѣмъ самымъ всѣмъ, чѣмъ, по мысли аббата Сіейса, въ началѣ французской революціи, было въ дѣйствительности *tiers-état*. Не смотря на всѣ заблужденія буржуазіи въ эпоху революціи относительно ея отношеній къ народу, представитель ея имѣлъ много правъ сказать, что она—все. Хорошо ли, дурно ли было третье сословіе, но оно дѣйствительно представляло интересы всего народа: феодальное рабство пало передъ его напоромъ; шляхта же, сама поработившая народъ, не могла играть этой роли. Шляхта была всѣмъ только потому, что городскія и сельскія массы были ею же лишены всякаго значенія. Всѣ факты изъ междусословныхъ отношеній, приводимые самимъ авторомъ въ его очеркѣ, ясно указываютъ на это различіе между польскою шляхтой и французскимъ третьимъ сословіемъ.

Любопытный примѣръ сословнаго самообольщенія г. Карѣвъ приводитъ, говоря о вліяніи римскихъ политическихъ понятій на шляхту. Земскіе послы, говоритъ онъ,—воображали себя народными трибунами, которымъ принадлежало *jus intercedendi*. Замѣчательно, что и знаменитый Янъ Замоискій также думалъ: *Nuntii, qui vocantur terrestres, habent intercessionem tribunicię potestatis adeo ut ex his unus possit omnia perturbare impedire* (стр. 121). Дѣйствительно, нужно было сильное воображеніе, чтобы находить сходство при полномъ различіи, и все только на основаніи одного слова: *nie pozwolam, veto!* Какой глубокой смыслъ имѣло трибунское *jus intercedendi* для плебса, граждански свободнаго, но политически неравноправнаго, и какая бессмыслица *jus intercedendi* въ рукахъ господствующей шляхты! Это *jus* сводилось къ защитѣ собственныхъ привилегій. Шляхта дѣйствительно играла роль *populus*, да рядомъ-то съ нимъ были только хлопы, а не свободный плебсъ. Такъ и было до конца: передъ первымъ раздѣломъ Польши извѣстный Дюмурье, отправленный въ Польшу французскимъ министерствомъ, доносилъ послѣднему: Польша называется аристократическою республикой; но въ ней нѣтъ свободнаго народа, которымъ аристократія могла бы править. Ея паны-плантаторы — рабовладѣльцы, и вся Польша—союзъ плантаторовъ. Таковъ былъ отзывъ практическаго француза, далекаго отъ пустой фразеологіи. И этотъ отзывъ многозначителенъ: полнаго объединенія въ Польшѣ не было, а федеративное начало, сдѣлавшись орудіемъ преобладанія одного сословія, исказилось и, вмѣсто свободы, принесло массѣ народной рабство. Много высокоталантливыхъ вождей политическихъ и военныхъ выставила исторія Польши; но всѣ они бесполезно для Рѣчи Посполитой вертѣлись въ этомъ бѣличьемъ колесѣ, созданномъ польскою шляхетскою односословностью, пока не сторѣли оси колеса.

Мы указали только на сущность содержанія очерка г. Карѣва, но читатель найдетъ еще много интереснаго въ этомъ почтенномъ и полезномъ трудѣ; между прочимъ пусть обратитъ вниманіе на новое объясненіе происхожденія *liberum veto* и конфедераций изъ самостоятельности воеводствъ и федеративности отвошеній. Въ упрекъ автору можно поставить краткость объясненія нѣкоторыхъ важныхъ пунктовъ, касающихся политическаго строя Рѣчи Посполитой, какъ на примѣръ, краткость исторіи и функцій сената.

Евгеній Бѣловъ.

Книжныя новости.

Извлеченія изъ переписныхъ книгъ, составленныя *Е. Е. Замысловскимъ*. Изданіе Археографической Комиссіи. Выпускъ первый. С.-Пб. — Важное значеніе переписныхъ книгъ, какъ научнаго матеріала, давно уже разъяснено историческою критикой. Заключая въ себѣ названія населенныхъ мѣстъ, свѣдѣнія о числѣ жителей въ посадахъ, волостяхъ, станахъ и деревняхъ, онѣ даютъ, кромѣ того, обширный матеріалъ для изученія формъ землевладѣнія, состоянія промышленности, торговли и особенно состава населенія и его размѣщенія. Нельзя поэтому не порадоваться, что археографическая комиссія приступила къ изданію этихъ цѣнныхъ историческихъ памятниковъ. Въ вышедшій первый выпускъ вошли извлеченія изъ переписныхъ книгъ, составленныхъ въ царствованіе Теодора Алексѣевича, для 13 городовъ и 11 уѣздовъ, названія которыхъ начинаются съ буквъ А и Б; нѣкоторыя изъ переписныхъ книгъ этой эпохи или не дошли до насъ, или дошли въ извлеченіяхъ, находящихся въ официальныхъ актахъ. Проф. Замысловскій собралъ и эти отрывки, касающіеся 18 населенныхъ мѣстъ. Въ виду невозможности издавать книги цѣликомъ, комиссія рѣшила издавать лишь извлеченіе тѣхъ данныхъ, которыя составляютъ цѣнный для исторіи матеріалъ; въ видѣ дополненій къ основному матеріалу г. Замысловскій помѣстилъ въ примѣчаніяхъ свѣдѣнія, относящіяся къ способамъ владѣнія землею, промышленности, торговлѣ и этнографіи. Эти примѣчанія представляются намъ особенно важными. Собственно какъ статистическій матеріалъ, переписныя книги не могутъ не возбуждать недоверія въ виду рѣзкой разницы въ цифрѣ дворовъ и населенія по переписямъ, раздѣляемымъ немногими годами. Такъ по переписи 1682 г. въ Мудьюжской волости оказалось 26 лишнихъ дворовъ противъ переписи 1678 г.: вмѣсто 38 дворовъ 64 (стр. 21 и 91). Такого прироста въ четыре года очевидно быть не могло, и слѣдуетъ предполагать, что какая-нибудь изъ сообщенныхъ цифръ не вѣрна, или онѣ обѣ не полны. Но, напримѣръ, неоднократно сообщенія въ Двинскихъ книгахъ, что землю сошедшихъ съ своихъ жеребьевъ крестьяне „пашутъ миромъ“, не могли быть выдуманы писцами и должны быть принимаемы за неоспоримое свидѣтельство о существованіи мірскаго землевладѣнія въ то время. Изъ книгъ не видно, что слѣдуетъ разумѣть подъ „миромъ“: жителей ли одной деревни, или цѣлой волости. Но сопоставляя эти выраженія съ свидѣтельствами юридическихъ актовъ болѣе древней эпохи, а также принимая во вниманіе выраженія самихъ переписныхъ книгъ въ родѣ: „тѣми деревнями, по продажѣ, владѣютъ Стозерской волости крестьяне“ (стр. 65), можно предполагать, что подъ „миромъ“ разумѣется населеніе или всей волости, или сосѣднихъ деревень. Любопытны далѣе указанія книгъ на составъ сельскаго населенія на сѣверѣ, занятомъ преимущественно черными деревнями; оно состояло изъ церковниковъ крестьянъ и небольшого числа бобылей; попадаются тоже изрѣдка сосѣди, подсосѣдки. Въ центральныхъ и южныхъ уѣздахъ, среди населенія, жившаго въ помѣстьяхъ и вотчинахъ, были еще крѣпостные „задворные и дѣловые люди“, между которыми попадаются и иноземцы. Затѣмъ, важны свѣдѣнія о ремесленникахъ и т. п. Въ заключеніе не можемъ не пожелать, чтобы въ слѣдующихъ выпускахъ для каждаго уѣзда, въ видѣ образца переписи, по крайней

мѣрѣ, по одной волости или стану печаталось дѣликомъ, а книги, относящіяся къ мѣстностямъ, сохранившимъ болѣе древній строй, каковы Двинскія, могли бы быть напечатаны совсѣмъ безъ сокращеній. Между прочимъ замѣтимъ, что въ оглавленіи не указаны населенныя мѣста Двинской переписной книги 1682 г. Но вообще изданіе выполнено весьма тщательно и далеко оставляетъ за собою изданія Неволлина и Колосова.

Чтенія въ Историческомъ обществѣ Нестора лѣтописца. Книга третья. Издана подъ редакціей *Н. П. Дашкевича*. Кіевъ.—Общество Нестора лѣтописца, послѣ перваго тома своихъ трудовъ, изданнаго уже нѣсколько лѣтъ тому назадъ, выпустило въ прошломъ году второй, а нынѣ и третій томъ. Томъ этотъ открывается протоколами засѣданій за 1886 годъ. Чрезвычайно любопытныя и многостороннія чтенія, происходившія въ засѣданіяхъ Общества, къ сожалѣнію, въ изданіяхъ его передаются не вполнѣ, а сокращенно. Понятно, что главная причина этого въ недостаткѣ средствъ, но для читателей весьма прискорбно отыскивать заинтересовавшія ихъ статьи по разнымъ другимъ изданіямъ. Вполнѣ сообщается въ занимающемъ насъ томѣ только интересная статья *Ө. П. Кнауэра*: „О курганахъ, раскопанныхъ въ южной Бессарабіи“. Настоящій томъ приноситъ читателямъ три очень любопытныя приложенія. Первое изъ нихъ — статья *Н. П. Дашкевича*: „Былины объ Алешѣ Поповичѣ и о томъ, какъ перевелись богатыри на святой Руси“, уже знакомая читателямъ по Кіевскимъ Университетскимъ Извѣстіямъ. Основная идея автора объ исторической подкладкѣ нашихъ былинъ не нова уже, но она является у него въ болѣе полномъ развитіи и обставленная болѣе новыми доказательствами и весьма интересными сближеніями съ западно-европейскимъ эпосомъ. Алеша—по изслѣдованію *Н. П. Дашкевича* — ростовскій богатырь, участвовавшій, по сказанію нѣкоторыхъ лѣтописныхъ сводовъ, въ Липецкой и Калкской битвахъ. Черты, которыми характеризуютъ его позднѣйшія былины, авторъ возводитъ къ общимъ эпическимъ мотивамъ. Сказанію о томъ, какъ перевелись богатыри на Святой Руси, авторъ ищетъ основы въ сказаніяхъ о Калкскомъ побоищѣ. Статья заключается любопытными, хотя и болѣе или менѣе уже известными фактами о слѣдахъ былиннаго эпоса въ южно-русской поэзіи. Соображенія *Н. П. Дашкевича* составляютъ новый, весьма важный шагъ въ изслѣдованіи нашихъ былинъ. Будущій изслѣдователь, конечно, приметъ ихъ во вниманіе на ряду съ другими, уже существующими изслѣдованіями. Другой важный вкладъ въ русскую историческую науку, представляемый третьею книгой Чтеній есть статья *М. Ф. Владимірскаго-Буданова*: „Помѣстное право въ древнюю эпоху Литовско-Русскаго государства“. Темный вопросъ о земледѣліи въ Литовскомъ государствѣ выясняется въ этой статьѣ на фактическомъ основаніи актовъ Литовской метрики. Очевидно, что статья эта, касаясь только мимоходомъ порядковъ Кіевской Руси, тѣмъ не менѣе проливаетъ на нихъ яркій свѣтъ, и въ значительной степени объясняетъ и помѣстное право въ Восточной Руси. Образцовый юридическій анализъ всѣхъ оттѣнковъ научаемаго института не оставляетъ желать ничего лучшаго; яркое изображеніе перехода помѣстій въ вотчины въ Литовскомъ государствѣ чрезвычайно поучительно. Книга заключается замѣстванной изъ Кіевскихъ Университетскихъ Извѣстій „Поминкой по Александрѣ Александровичѣ Котляренскомъ“, покойномъ предсѣдателѣ Общества Нестора лѣтописца. Поминки эти состоятъ изъ живыхъ и горя-

чихъ воспоминаній объ этомъ ученомъ, такъ рано умершемъ для русской науки, П. Н. Аландскаго, И. Н. Жданова и Н. П. Дашкевича; заключается же она спискомъ сочиненій А. А. Котлярскаго, впрочемъ весьма неполнымъ, ибо онъ собралъ тотчасъ послѣ его смерти.

Путевыя замѣтки на сѣвѣгъ России и Норвегіи. Академика архитектуры В. В. Суслова.—Подъ этимъ скромнымъ заглавіемъ появляется книга, знакомящая читателя съ интересѣйшими подробностями культуры края, рѣдко посѣщаемого туристами и тѣмъ не менѣе, по богатству находящихся въ немъ данныхъ, заслуживающаго внимательнаго изученія. Академикъ Сусловъ проѣхалъ по Швеціи, Норвегіи, побывалъ и Архангельскѣ и его уѣздѣ, въ Онежскомъ и Кемскомъ уѣздахъ, въ Олонецкой губерніи и неадѣкъ внимательно наблюдалъ за особенностями быта и обстановки жителей. Естественно, что наиболѣе онъ интересовался постройками и, въ особенности, церквами, изъ коихъ многія, при превосходной сохранности, представляютъ драгоцѣнные типы деревянной архитектуры. Эта послѣдняя уже довольно давно обратила на себя вниманіе нашихъ археологовъ и дѣйствительно заслуживаетъ самаго тщательнаго изученія, такъ какъ представляетъ типичные образцы построекъ, не столь тѣсно связанныхъ свойствомъ матеріала, какъ каменные, и потому дающихъ болѣе простора индивидуальности зодчаго. Для знакомства съ деревянными церквами „Замѣтки“ г. Суслова представляютъ драгоцѣнный матеріалъ. Но не только его найдетъ читатель въ этой превосходно изданной и изящно иллюстрированной книгѣ; онъ встрѣтитъ здѣсь много данныхъ и для знакомства съ другими особенностями быта сѣверянъ, которые также представляютъ не мало интереса по своей характерности. Любопытно то, что при всѣхъ особенностяхъ происхожденія, религіи, языка, у сѣверянъ—норвежцевъ и русскихъ замѣчается не мало подробностей быта почти тождественныхъ, которые рѣзко указываютъ на могучее дѣйствіе окружающей физической среды. Трудъ г. Суслова можно смѣло рекомендовать всякому, интересующемуся этнографическими особенностями жителей нашего сѣвера.

Очерки по исторіи древне-русскаго зодчества. Академика архитектуры В. В. Суслова. С.-Пб.—Въ „Очеркахъ“ г. Сусловъ далъ мѣсто пяти отдѣльнымъ монографіямъ, касающимся частью исторіи нашего, преимущественно церковнаго зодчества, частью описаніе сохранившихся доселѣ его памятниковъ. Монографіи эти суть слѣдующія: 1) Взглядъ на одну изъ формъ наружнаго покрытія древне-русскихъ церквей; 2) Памятники древней деревянной архитектуры въ южной Россіи; 3) Замѣтки о калмыцкихъ и древне-русскихъ постройкахъ; 4) О древнихъ деревянныхъ постройкахъ сѣверныхъ окраинъ Россіи, и 5) Древніе соборы въ гор. Романовѣ-Борисоглѣбскѣ. Всѣ эти статьи снабжены множеествомъ прекрасно и отчетливо исполненныхъ рисунковъ и представляютъ весьма цѣнный матеріалъ для всякаго изучающаго наше старинное зодчество.

Гр. Зомеръ. Замѣтки къ латинскимъ текстамъ. Выпускъ IV. Варшава.—Въ свое время мы указывали на брошюры г. Зенгера, какъ на пріятное явленіе въ нашей филологической литературѣ. Появившійся недавно четвертый выпускъ „Замѣтокъ“ также заслуживаетъ вниманія со стороны всякаго интересующагося критикой

текста и пониманіемъ древнихъ авторовъ и, въ частности, Цицерона. Выпускъ этотъ посвященъ исключительно сочиненію Цицерона *De oratore* и содержитъ въ себѣ текстъ десяти первыхъ главъ первой книги, снабженный русскимъ переводомъ и примѣчаніями. Теперь этотъ не претендуетъ на значеніе критическаго изданія, но представляетъ такъ-называемую вульгату съ присоединеніемъ подъ строкою тѣхъ вариантовъ, которые имѣютъ наиболѣе интереса для критической оцѣнки извѣстнаго мѣста. Русский переводъ также имѣетъ служебное значеніе: въ немъ заключается иногда косвенное опроверженіе чужихъ мнѣній, иллюстрація испорченнаго преданія и иногда—воспроизведеніе того чтенія, которое рекомендуется въ примѣчаніи. Критическое чутье г. Зенгера не подлежитъ никакому сомнѣнію: онъ съ большимъ остроуміемъ и нерѣдко убѣдительною указываетъ на несостоятельность того или другаго чтенія; конечно, не всегда можно согласиться съ предлагаемыми имъ исправленіями, но это нисколько не умаляетъ интереса его трудовъ, и можно пожелать, чтобы за IV-мъ выпускомъ „Замѣтокъ“ появилась еще новая ихъ серія.

Греческіе и римскіе писатели, читаемые въ гимназіяхъ и прогимназіяхъ. I. Цицеронъ. Составилъ *Адриановъ*. Кіевъ.—Эта брошюра представляетъ начало предпріятія, взятаго на себя Кіевскимъ отдѣленіемъ Общества классической филологіи и педагогикки, которое, по почину своего предсѣдателя Н. Я. Ростовцева, обогатило нашу учебную литературу многими цѣнными выкладами. И настоящее предпріятіе Отдѣленія заслуживаетъ полнаго сочувствія: дѣло въ томъ, что, приступая къ чтенію какого-нибудь классическаго автора въ гимназіи, учитель необходимо долженъ ввести учениковъ въ это чтеніе, сообщивъ имъ главнѣйшія подробности біографіи писателя, характеристику его литературной дѣятельности и перечень его главнѣйшихъ трудовъ. Такъ и дѣлается, но при этомъ учащіеся лишены всякихъ пособій и не въ состояніи дополнить и выяснить того, что сказано учителемъ, и что ими или не точно понято, или не твердо запечатлѣно въ памяти. Обращаться къ курсамъ литературы, въ родѣ издаваемаго подъ редакціей проф. Кирпичникова, они въ огромномъ большинствѣ случаевъ не въ состояніи; прибѣгать къ помощи „введеній“, которыми снабжены нѣмецкія комментированныя изданія, — также, и потому въ ихъ свѣдѣніяхъ оказываются трудно восполнимые пробѣлы. Помочь этому и имѣетъ въ виду издаваемая серія біографій древнихъ авторовъ, начало которой положено біографіей Цицерона. Она составлена съ надлежащимъ знаніемъ дѣла, и хотя не можетъ претендовать на достоинства ученаго трактата, тѣмъ не менѣе не носитъ на себѣ и признаковъ дилетантизма: видно, что за составленіе ея взялся человекъ, знакомый съ источниками и пособиями и обладающій солиднымъ знаніемъ въ разрабатываемомъ предметѣ. Въ небольшой брошюрѣ онъ изложилъ вкратцѣ обстоятельства жизни Цицерона, перечислилъ его произведенія и даже счелъ возможнымъ въ немногихъ словахъ указать ихъ содержаніе. Объ одномъ можно пожалѣть, что значеніе Цицерона въ исторіи развитія латинской литературной рѣчи указано не достаточно рельефно. Можно пожелать продолженія этого полезнаго предпріятія, которое несомнѣнно сослужитъ добрую службу нашему юношеству, приступающему къ ознакомленію съ произведеніями античныхъ литературъ.

— Въ редакцію Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія, въ теченіе іюня мѣсяца доставлены слѣдующія новыя книги:

Пятидесятилѣтіе возсоединенія западно-русскихъ униатовъ съ православною церковью (1839—1889 г.). Составилъ *Ю. Крачковскій*. Издано на средства Виленскаго учебнаго округа. Вильна.

Сборникъ распоряженій, напечатанныхъ въ циркулярахъ по управленію Кавказскимъ учебнымъ округомъ. Четвертое пятилѣтіе 1882—1886. Тифлисъ.

Отчетъ Петровскаго Общества изслѣдователей Астраханскаго края за время съ 7-го сентября 1886 г. по 31-е декабря 1887 г. Астрахань.

Отчетъ о состояніи народныхъ чтеній въ г. Астрахани за 1888—1889 годъ. VII-й годъ. Составилъ *И. Е. Воздвиженскій*. Астрахань.

Михаилъ Никифоровичъ Катковъ и его историческая заслуга. По документамъ и личнымъ воспоминаніямъ *Н. А. Любимова*. Съ портретомъ и факсимиле. С.-Петербургъ.

Еврей король Польскій. Шауль Юдиць Валь изъ Бреста-Литовскаго, преемникъ Стефана Базарія. (Историческая легенда). *С. А. Бершадская*. (Отдѣльнымъ оттискомъ изъ журнала *Восходъ*).

А. Мизгевичъ. Восшествіе на престолъ Михаила Оедоровича Ромапова. Драматическая хроника. С.-Пб.

П О П Р А В К И.

Въ 2-мъ отдѣлѣ іюньской книжки вкрался слѣдующія опечатки, которыя необходимо исправить:

<i>Страница.</i>	<i>Строка.</i>	<i>Напечатано:</i>	<i>Должно быть:</i>
292	2 снизу	1882 г.	1822 г.
304	7 сверху	въ школахъ затѣмъ; а затѣмъ	въ школахъ, а затѣмъ затѣмъ
305	19 снизу	потому-то	почему-то
316	22 сверху	вводить	выводить
328	17 сверху	достать	достигать
386	17 сверху	Луцкаго епископа, суфрагана Красовскаго	Луцкаго епископа Кохановича и суфрагана Красовскаго
493	17 сверху.	преслѣдователей	изслѣдователей
496	6 снизу	переводъ	періодъ.

НЕЕСКАЯ УЧИТЕЛЬСКАЯ СЕМИНАРІЯ И ЕЯ КУРСЫ РУЧНАГО ТРУДА.

Лучшіе педагоги послѣднихъ временъ, разработывая капитальные вопросы воспитанія и обученія, неоднократно указывали на односторонность его, усиливающуюся съ теченіемъ времени и очень вредную для человѣчества. Стараясь упростить приемы обученія, они сближаютъ его съ ходомъ естественнаго человѣческаго развитія и требуютъ отъ школьной работы гармоническаго согласія съ предстоящею ученику дѣйствительною жизнью. Однимъ изъ первыхъ заговорилъ объ этомъ Янъ Амосъ Коменскій. Славянской душѣ его не вынести было того ненормальнаго положенія, въ которое были поставлены современные ему ученики и учителя, не вынести того ужаса, которымъ въ дни его вѣяло на ученика отъ семьи и школы, отъ книги и учителя. Въ сочиненіяхъ своихъ этотъ гуманистъ-педагогъ рисуетъ высокіе педагогическіе идеалы, проблематически отмѣчаетъ такіа детали въ нихъ, съ которыми дѣйствительная жизнь встрѣтилась лицомъ къ лицу только въ наши дни. Создавая „чудный планъ радостнаго, свѣтлаго возростанія человѣческаго духа, питающагося созерцаціемъ необъятнаго вѣчно прекраснаго Божьяго міра“, Коменскій требуетъ, чтобы духовное развитіе учениковъ не шло въ ущербъ тѣлесному укрѣпленію ихъ, которое также необходимо, также дорого, какъ и духовное развитіе. Кромѣ того, по убѣжденію Коменскаго, „народная школа должна научить учащихъ знанію большей части ремеслъ, хотя для той цѣли, чтобы ученики не были въ слишкомъ большомъ невѣжествѣ относительно того, что происходитъ въ человѣческой жизни, или же для того, чтобы впоследствии свободнѣе проявилось влеч-

ченіе къ тому, къ чему каждый по преимуществу чувствуетъ склонность¹⁾. Послѣдующіе педагоги развиваютъ и дополняютъ идеи Коменскаго; но большинство ихъ сосредоточиваетъ свою дѣятельность на разъясненіи средствъ и способовъ, цѣлей и задачъ исключительно духовнаго развитія человѣка. Это объясняется направленіемъ дѣйствительной жизни, начавшейся реакціей средневѣковому общественному строю, выдвинувшей гуманитарное знаніе очень высоко. Физическаго человѣка, которымъ такъ занимались и дорожили предшествовавшія времена, какъ будто игнорируетъ новое общество. Передовые люди, конечно, напоминаютъ о немъ, но такъ какъ вся жизненная энергія общества направлена въ другую сторону, то напоминанія эти не производятъ никакого дѣйствія, забываются, пока не подниметъ ихъ кто-нибудь вновь. Поколѣніе за поколѣніемъ, цѣлые вѣка проходили вратами школьнаго ученія, и всѣхъ школа надѣляла по мѣрѣ силъ своихъ запасами гуманитарнаго знанія, развивающаго въ человѣкѣ умъ и сердце; но, до другихъ потребностей его природы она почти не касалась. Сравнительно въ недавнее время съ убѣдительнѣйшею очевидностью выясняется вредъ такой школьной односторонности. Прежде всего оказалось это на западѣ, гдѣ жизненныя формы болѣе совершенны, болѣе сложны, гдѣ рѣзкости въ нихъ потому скорѣе и рѣзче бросаются въ глаза. Около двадцати лѣтъ тому назадъ на педагогическое поприще выступаютъ новые дѣятели, поставившіе своею задачей выяснить весь вредъ односторонняго воспитанія, поставить его на видъ и найти разумное противодѣйствіе ему. Они производятъ рядъ опытовъ, составляютъ идеальныя, по ихъ мнѣнію, учебныя курсы, или же открываютъ новыя учебныя заведенія. Въ противовѣсъ и дополненіе къ учебнымъ предметамъ, имѣющимъ цѣлью духовное развитіе человѣка, педагоги эти вводятъ новые предметы, развивающіе и укрѣпляющіе тѣлесный организмъ: гимнастику, танцы, разныя ремесла и работы. Мало по малу изъ различныхъ видовъ школьныхъ работъ образуется такъ-называемый „педагогическій ручной трудъ“. Болѣе совершенною системою его считается система Неесской семинаріи, созданная шведскимъ педагогомъ Отто Саломономъ. Съ личностію этого педагога, съ характеромъ руководимой имъ семинаріи, съ постановкою въ ней ручнаго труда наши педагогическіе журналы въ статьяхъ К. К. Сентъ-Илера отчасти уже познакомили интере-

¹⁾ Янъ Амосъ Коменскій. Великая Дидактика. Изданіе „Начальной школы“, стр. 241—242.

сующихся дѣломъ воспитанія и обученія. Въ виду того, что новый учебный предметъ, ручной трудъ, возбуждаетъ у насъ живое вниманіе къ себѣ, въ виду того, что въ первыхъ попыткахъ обученія ему, какъ показали это курсы ручнаго труда въ Кіевѣ ¹⁾, видится непониманіе его, неумѣнье взяться за дѣло, я полагаю, не лишнимъ будетъ болѣе обстоятельно познакомиться съ прошлымъ Неесской семинаріи и со способомъ веденія учебной работы на ея курсахъ.

Южный скатъ Швеціи по направленію къ Каттегату весь изрѣзанъ маленькими проточными озерками, озерами и рѣчками. По береговымъ равнинамъ ихъ идутъ дороги отъ Стокгольма и центральныхъ пунктовъ къ южному поморью, къ богатымъ островнымъ и заморскимъ городамъ. Землевладѣльцы-помѣщики и богатые капиталисты подняли культуру края до высокой степени, и Швеція вполне справедливо гордится своими вестерготландскими хлѣбами, своею плодороднѣйшею Сконіей. Почти у желѣзной дороги въ 25 верстахъ къ сѣверу отъ богатаго шведскаго города Гетеборга, въ Эльфборгскомъ ленѣ (Län—губернія, округъ), находится имѣніе Неесъ (Näås). Оно разбросалось по извилистымъ берегамъ небольшого Зефелангенскаго озера живописными дѣсными нагорьями, между которыми виднѣются обработанныя травяныя и хлѣбныя поляны. Главный домъ имѣнія—старинный замокъ, принимавшій въ роскошныхъ покояхъ своихъ Шведскихъ королей, стоитъ на возвышенпой эспланадѣ, окруженной съ трехъ сторонъ неширокими озерными протоками. Небольшая полоса ея—пахатное поле, остальное же занято садомъ, букowymъ паркомъ и оранжереями. На противоположномъ берегу озера виднѣется до десятка небольшихъ домовъ и домиковъ, разбросанныхъ неподалеку одинъ отъ другаго, между березовою и сосновою рощею, отчасти же въ той и другой. Неесъ принадлежитъ богатому землевладѣльцу Августу Абрахамсону. Это уже очень пожилой одинокой челоувѣкъ. Прежде онъ былъ въ Гетеборгѣ купцомъ и велъ торговле дѣло унаследованной отъ отца богатой фирмы. Но въ шестидесятыхъ годахъ онъ познакомился съ извѣстною пѣвицей Ефросиніей Леманъ, женился на ней и поселился въ Неесъ, приобретенномъ незадолго до того времени. Здѣсь жена его вскорѣ умерла, и безутѣшный мужъ замкнулся въ своемъ имѣніи, посвятивъ жизнь свою воспоминанію о безвременно погибшей супругѣ. Двадцать лѣтъ прошло съ тѣхъ

¹⁾ Русскій Начальный Учитель 1888 года. О курсахъ церковнаго пѣнія и ручнаго труда, бывшихъ въ г. Кіевѣ.

поръ, и двадцать лѣтъ стоитъ пустынь роскошный замокъ его въ безмолвномъ паркѣ, въ тихомъ саду. Лишь изрѣдка онъ перемѣняетъ свою фізіономію, — когда изъ Англій и Германій стѣдуются въ Неесъ сестры и племянницы Абрагамсона. Тогда освѣщаются залы его и наполняются живыми голосами, говорить и дышетъ огромный паркъ, какъ бы вторя голосамъ очнувшагося древняго замка. Всю жизнь свою Абрагамсонъ чтитъ память жены дѣлами громадной негласной благотворительности. Любимую виллу, въ которой жила покойница, онъ приказалъ перенести на другое мѣсто и приспособить для помѣщенія дѣвичьяго училища. Затѣмъ онъ открылъ училище для мальчиковъ, далѣе школу ручнаго труда ¹⁾).

Ближайшимъ помощникомъ его въ дѣлѣ устройства школъ и руководителемъ ихъ былъ племянникъ Отто Саломонъ. Онъ тоже весьма состоятельный человѣкъ. Окончивъ курсъ технического образованія, онъ съ жаромъ предается идеѣ распространенія въ своемъ отечествѣ обученія ручному труду. Еще въ молодые годы пришелъ онъ къ мысли, что одностороннее мыслительное направленіе школьнаго ученія даетъ государству нездоровыя молодыя силы. Поэтому онъ всею душою принимается за устройство такой образцовой школы въ Неесѣ, которая возмѣщала бы недостающее по сравненію съ другими школами. Надо сказать, что школы ручнаго труда знакомы шведамъ съ конца прошлаго столѣтія, но число ихъ было сравнительно не велико, и вообще развивались онѣ какъ-то медленно. Въ пятидесятыхъ и шестидесятыхъ годахъ на нихъ обратили вниманіе видные общественные дѣятели, которые пробудили къ новой жизни техническое образованіе въ королевствѣ и вывели его на новую широкую дорогу. Названные годы составляютъ эпоху возрожденія ремесленнаго образованія въ Швеціи; эпоха эта и выдвинула энтузіаста-педагога Саломона, воспитавъ въ немъ особое стройное педагогическое міровоззрѣніе.

Нееская школа ручнаго труда сначала имѣла очень скромный характеръ. Она помѣщалась въ небольшомъ домикѣ недалеко отъ замка, за дворовыми службами. Привлеченіе въ школу достаточнаго числа учениковъ стоило учредителямъ заведенія много трудовъ и даже средствъ. Никому не могло прійти въ голову, что со временемъ

¹⁾ Довольно подробныя свиданія объ этихъ школахъ, о семинаріи помѣщены въ статьѣ „Das Slöjdlærer-Seminar in Näs“, приложенной во второй части „Handfertigkeit-Unterricht“ *Rauscher'a*.

школа эта немного въ другой формѣ получить всемірную извѣстность. Благодаря неутомимой энергіи и богатымъ матеріальнымъ средствамъ основателей, школа эта въ короткое время даетъ блестящіе результаты. Прошло всего четыре года, и число учениковъ ея возросло до того, что помѣщеніе ея оказалось тѣснымъ, и явилась необходимость въ расширеніи его. Въ 1876 году, на другой сторонѣ озера недалеко отъ виллы, въ которой живетъ Саломонъ, выстроено было новое просторное зданіе; въ него переводится училище ручнаго труда, преобразованное уже въ семинарію для приготовленія учителей этого учебнаго предмета.

Это было учебное заведеніе съ годичнымъ общеобразовательнымъ и спеціальнымъ курсомъ. Главнымъ предметомъ его былъ поставленъ ручной трудъ, на который назначалось по росписанію 32 часа въ недѣлю. На урокахъ его сообщались необходимыя свѣдѣнія, вырабатывалось умѣнье обращаться со столярными, токарными, рѣзничными, бондарными и кузнечными инструментами. Учащіеся изготовляли простую домашнюю утварь и домашнія орудія, при чемъ особенная важность придавалась методическому выполненію работы; изготовляли они колеса, верстаки, учились владѣть напильками, исполняя простыя кузнечныя работы. На второмъ планѣ въ курсѣ семинаріи поставлено было черченіе, для котораго отводилось по росписанію 16 учебныхъ часовъ въ недѣлю. Учащіеся занимались точнымъ черченіемъ линій, фигуръ и тѣлъ, копировали готовые чертежи; послѣ предварительнаго точнаго измѣренія чертили планы построекъ, отдѣльныхъ частей ихъ, чертили модели и другіе предметы учебнаго заведенія. Изъ общеобразовательныхъ предметовъ въ курсѣ семинаріи по 3 часа въ недѣлю опредѣлялось на ариметику и физику, по 2 на родной языкъ, спеціальную методику и пѣніе, 1—3 на педагогику и по 1 на каллиграфію и геометрію. Въ занятіяхъ ариметикой имѣлось цѣлію выработать твердый навыкъ въ дѣйствіяхъ надъ десятичными дробями въ приложеніи ихъ къ рѣшенію практическихъ задачъ на построеніе и измѣреніе плоскостей; проходились въ курсѣ этомъ обыкновенныя дроби, правило процентовъ и занимались въ немъ умственнымъ счисленіемъ. Въ курсѣ физики заключались главы объ общихъ свойствахъ тѣлъ, свойственныхъ матеріи силахъ, описаніе и расчисленіе простыхъ машинъ, главнѣйшіе законы механики, жидкія и газообразныя тѣла (съ задачами на удѣльный вѣсъ), теплота и электричество. Программа педагогики заключала въ себѣ главнѣйшія основанія пси-

хологін, ученіе о важности и отвѣтственности учительскаго призванія и о вытекающихъ изъ него желательныхъ качествахъ и дарованіяхъ учителя,—о прохожденіи учительскаго поприща предъ Богомъ и людьми; далѣе уяснялась задача обученія ручному труду въ отношеніи къ учителю, учебному предмету, помѣщенію, учебному времени и матеріалу ¹⁾). Разсматривая приведенное мной росписаніе, надо признать, что общее число уроковъ (учебныхъ часовъ) 63—65 очень велико. Но кромѣ того, лѣтомъ учащіеся по 2 часа въ недѣлю занимались гимнастикой, а зимой по вечерамъ для желающихъ устраивались чтенія изъ различныхъ областей знанія. Принимались въ семинарію молодые люди не моложе 20-лѣтняго возраста, крѣпкаго тѣлосложенія, уже знакомые съ ручнымъ трудомъ и прошедшіе курсъ хорошей начальной школы. Жили они въ интернатѣ семинаріи, платя за содержаніе 20 копѣекъ въ мѣсяць, то-есть, 7 золотыхъ рублей или около 10 кредитныхъ. По окончаніи курса они сдавали экзаменъ по всѣмъ предметамъ. Судя по всему, Нееская семинарія выпускала солидно подготовленныхъ учителей ручнаго труда.

Въ такомъ видѣ своемъ она существовала шесть лѣтъ, то-есть, до 1882 года. Изъ опыта выяснилось, что специально подготовленныхъ учителей ручнаго труда надобно немного, что нѣкоторые изъ окончившихъ курсъ въ Нееской семинаріи не находятъ себѣ мѣста, что содержаніе отдѣльныхъ школъ ручнаго труда не подѣ силу многимъ общинамъ. Съ другой стороны выяснилось также, что введеніе ручнаго труда желательно въ курсъ каждой начальной школы, а потому многіе учителя стали стремиться поступить въ Неескую семинарію и усвоить этотъ предметъ, чтобы потомъ ввести его въ свои школы. Кромѣ того, оказалось, что эти учителя впослѣдствіи становятся лучше спеціальныхъ учителей ручнаго труда, потому что они обладаютъ болѣе обширною педагогическою подготовкою. Тогда Саломонъ разбилъ учебный годъ на шестиндѣльные учебные курсы, съ небольшими между ними промежутками, и устроилъ рядъ такихъ курсовъ. Учебное время курсовъ въ 8 разъ короче учебнаго года. Поэтому изъ программы преподаванія были выключены всѣ общеобразовательные предметы и оставлены только спеціальныя. Принимаются въ семинарію только начальные учителя или другіе учителя, прошедшіе ранѣе надлежащій образовательный курсъ. Въ реорганизаціи 1882 года Неес-

¹⁾ O. Salomon. Handfertigkeitshule und Volksschule. Leipz. 1882. 37—38.

ская семинарія получаетъ совершенно новый видъ. Отъ прежняго въ ней остались только богатая коллекція моделей, изготовленныя ея учениками. Ими наполненъ и украшенъ теперь музей семинаріи. По коллекціямъ этимъ можно прослѣдить исторію заведенія съ первыхъ дней его до настоящаго времени.

Новая форма учебнаго заведенія дала возможность нѣсколько ограничить учительскій персоналъ семинаріи, много сократить учебный курсъ ея и сильно ускорить выпускъ учителей ручнаго труда. Это привлекаетъ въ Неесъ много желающихъ учиться. Директоръ заведенія любезно открываетъ двери его для каждаго желающаго. Никакой платы за обученіе въ семинаріи, за помѣщеніе въ интернатѣ ея никогда не полагалось; плата за содержаніе и прислугу назначалась самая умѣренная. Необычайная преданность высокой педагогической идеѣ такого образованнаго человѣка, какъ Саломонъ, и сравнительная доступность заведенія его быстро создали громкую популярность Нееской семинаріи по всему соединенному королевству, а потомъ далеко и за его предѣлами. Изъ всѣхъ странъ Европы стали прибывать въ Неесъ ученики. Ихъ принимаютъ здѣсь, какъ дорогихъ гостей, окружаютъ внимательною заботливостью. Наплывъ иностранцевъ постепенно увеличивается. Число учениковъ въ семинаріи возрастаетъ. На лѣтнихъ курсахъ 1888 года ихъ было уже 85 человѣкъ. За двѣнадцать лѣтъ существованія семинаріи ею было выпущено 45 курса. Здѣсь учились представители почти всѣхъ народностей Европы, были заѣзжіе люди изъ Азіи, Африки и Америки. По данной мнѣ справкѣ видно, что всего за это время училось въ семинаріи:

шведовъ . . .	766	итальянцевъ . . .	18	японцевъ . . .	2
англичанъ . . .	48	нѣмцевъ . . .	9	голландцевъ . . .	2
финляндцевъ . . .	33	русскихъ . . .	7	абиссинцевъ . . .	1
порвегцевъ . . .	21	бельгійцевъ . . .	3	американцевъ . . .	1
датчанъ . . .	19	шотландцевъ . . .	3	швейцарцевъ . . .	1

Всего было 935 человѣкъ. Въ этомъ числѣ заключается 783 мужчины и 152 женщины. Число послѣднихъ годъ отъ году возрастаетъ и на лѣтнихъ курсахъ 1888 года оно было равно числу мужчинъ. Къ началу текущаго года, по увѣренію г. Саломона, число выпущенныхъ семинаріей учителей должно было возрасти до 1000 и даже болѣе. Надо замѣтить, что многіе изъ учившихся въ Нееской семинаріи работали въ ней въ теченіе двухъ и даже трехъ курсовъ, по въ приведен-

ныхъ мною числахъ они сосчитаны только однажды. Если бы сосчитать участниковъ курсовъ, не обращая вниманія на двукратный или троекратный прїѣздъ ихъ въ Неесъ, то число ихъ было бы очень близко къ 2000.

Съ наплывомъ иностранцевъ помѣщенія семинаріи быстро переполнились. Мастерскія увеличили новыми пристройками, но этого оказалось мало. Въ 1887 году выстроенъ новый домикъ для мастерской на 40—50 человѣкъ, домикъ для интерната, и все же семинарія не можетъ помѣстить всѣхъ желающихъ, всѣхъ прибывающихъ въ нее. Теперь принято за правило принимать на курсы только учителей, состоящихъ въ данное время на дѣйствительной службѣ. Правило это одинаково примѣняется, какъ къ шведамъ съ норвежцами, такъ и къ прїѣзжающимъ въ Неесъ иностранцамъ. На основаніи его въ 1888 году было отказано въ прїемъ болѣе чѣмъ ста лицамъ, желавшимъ поступить на курсы. Такъ какъ помѣщеніе интерната рассчитано на 60 человѣкъ, а прибываетъ въ Неесъ всегда болѣе того, то многіе, желающіе зачислиться на курсы по заключеніи этого комплекта, должны платить за помѣщеніе, которое отводится имъ въ домикахъ, назначенныхъ для служащихъ въ имѣніи или семинаріи. Здѣсь, какъ и въ интернатѣ, каждому предлагается постель со всѣмъ необходимымъ для жилой комнаты. Плата за это всего 15 кровъ, то-есть, немного больше 5 золотыхъ рублей въ теченіе курсовъ. Шведы и норвежцы зачисляются въ интернатъ преимущественно передъ иностранцами, если только не опоздаютъ въ комплектъ.

Въ настоящее время семинарія помѣщается частью въ большомъ двухэтажномъ домѣ, выстроенномъ въ 1876 году, частью въ новомъ, выстроенномъ въ 1887 году. Въ первомъ весь нижній этажъ занятъ двумя большими мастерскими, въ которыхъ достаточпо мѣста для 45 человѣкъ,—помѣщеніемъ музея учебныхъ пособій, аудиторіей для чтенія лекцій; въ верхнемъ этажѣ находится квартира главнаго учителя и нѣсколько комнатъ интерната. Во второмъ домѣ—большая мастерская, уборная и модельная комната. Кромѣ того, нижній этажъ третьяго домика весь занятъ обширною столовою на 80—90 человѣкъ, библіотекой, читальною залой и кухней. Для помѣщенія учащихся назначено еще пять небольшихъ домиковъ, и въ случаѣ надобности отводится одинъ изъ флигелей главнаго замка. Зданіе бывшей школы ручнаго труда обращено въ складъ инструментовъ и верстаковъ. Здѣсь можно купить все необходимое для школы ручнаго

труда, дешевле, чѣмъ гдѣ-либо. Г. Саломонъ увѣрялъ меня, что складъ этотъ дѣлаетъ очень большіе обороты: вещи его расходятся по всей Швеціи и идутъ даже за границу. Возведеніе для семинаріи зданій, устройство мастерскихъ стоили Абрагамсону большихъ денегъ. Въмѣстѣ съ ежегодными затратами на заведеніе израсходовано до 500,000 кронъ, то-есть, болѣе 250.000 рублей.

Курсы Нееесской семинаріи вызвали уже подражаніи себѣ. Въ Гельсингфорсѣ учреждены подобныя курсы постоянныя, у насъ въ Лугѣ, Кіевѣ и Ригѣ устраивались временныя. Посмотримъ, какъ составляются курсы въ Нееесѣ. Всѣ желающіе прибыть въ семинарію, обыкновенно пишутъ объ этомъ директору ея. Онъ очень предупредительно отвѣчаетъ на каждое заявленіе, извѣщая о началѣ и окончаніи очередныхъ курсовъ, объ условіяхъ пріема, о наполненіи комплекта. Если комплектъ уже наполнился, то любезно предлагается зачисленіе на слѣдующіе очередныя курсы. Всякій, обратившійся письменно къ Саломону, можетъ быть вполне увѣренъ въ томъ, что получить обстоятельныя отвѣты на всѣ вопросы, идущіе къ дѣлу. Большинство извѣщенныхъ о зачисленіи на курсы съѣзжаетъ къ назначенному времени, хотя каждый разъ бывають и опоздавшіе. Пріѣхавшіе являються къ директору; иногда онъ самъ встрѣчаетъ ихъ, указываетъ приготовленное помѣщеніе, знакомитъ съ прибывшими равнѣ земляками, если таковыя окажутся между курсистами, или съ чужестранцами, знающими общій разговорный языкъ. Часто на станцію желѣзной дороги высылаются экипажи за ожидающимися въ Нееесѣ пассажирами.

Начинается ученіе на курсахъ всегда нѣсколько торжественно. Въ 1888 году всѣ прибывшіе въ Нееесѣ къ назначенному времени собрались 13 25-го) іюня въ большой залѣ—аудиториі. Явились Саломонъ и Абрагамсонъ. Шведы спѣли подъ аккомпаниментъ фисгармоники положенныя хоралы; за ними то же самое сдѣлали англичане, которыхъ прибыло на курсы довольно много. Далѣе директоръ обратился къ собравшимся съ привѣтствіемъ: со шведами онъ говорилъ по шведски, съ англичанами по англійски, съ русскими по нѣмецки. Онъ благодарилъ всѣхъ за пріѣздъ въ Нееесѣ, за перенесенныя безпокойства дальней дороги, выражалъ полную увѣренность въ томъ, что всѣ проживутъ здѣсь вполне благополучно, проведутъ время съ удовольствіемъ и пользою. Каждому изъ курсистовъ розданы были потомъ „памятныя карточки“. Въ нихъ напечатано недѣльное росписаніе за-

нятій, прилагаемое здѣсь ¹⁾, поставлена фамилія каждаго, принятаго на курсы, номеръ его зачисленія въ комплектъ, номеръ мѣста въ аудиторіи, номеръ верстака, назначеннаго для него, поставлено названіе той коллекціи моделей, которую онъ долженъ будетъ исполнять. На той же карточкѣ напечатано напомниманіе главнѣйшихъ правилъ, обязательныхъ для курсистовъ ²⁾; къ этому приложено росписаніе пассажирскихъ поѣздовъ между Гетеборгомъ и Флѣдой, ближайшей железнодорожною станціей. На обратной сторонѣ карточки напечатанъ планъ мѣстности отъ Нееса до Гетеборга по линіи желѣзной дороги. Раздачей карточекъ и закончилось торжество открытія курсовъ. Надъ зданіями семинаріи поднялись національные флаги народностей, представители которыхъ прибыли въ Неесъ, а учащіеся отправились въ мастерскія отыскивать свои верстаки и инструменты. Послѣдніе передъ тѣмъ приведены въ самый лучшій порядокъ. Они заномерованы однимъ номеромъ съ верстакомъ, и съ карточкой въ рукахъ отыскать ихъ не трудно. Спустя какихъ-нибудь полчаса, въ мастерскихъ уже идетъ работа.

¹⁾ Росписаніе занятій на лѣтнихъ курсахъ 1888 года въ Неесской учительской семинаріи.

Часы.	7—8.	8,30—12.	12,30—3.	3—4.	3,30—7,30.
Понедѣльн. . .	Лекціи (систем.)	Ручной трудъ.	Ручной трудъ.	Лекціи (метод.).	Дискусы.
Вторникъ . . .	—	—	—	Объясненіе инструментовъ.	Лекціи (исторія).
Среда.	—	—	—	Ручной трудъ.	—
Четвергъ. . .	—	—	—	Лекціи (метод.).	Дискусы.
Пятница . . .	—	—	—	Объясненіе инструментовъ.	Лекціи (историч.).
Суббота . . .	—	—	—	—	—

²⁾ Правила эти приблизительно можно выразить такъ:

Учащіеся должны извлечь возможно большую пользу изъ проходимаго ими курса. Отсутствие на занятіяхъ можетъ имѣть мѣсто только въ случаѣ уважительныхъ причинъ и только съ дозволенія директора. Учащіеся должны осторожно обращаться съ вещами семинаріи, не курить въ зданіяхъ учебнаго заведенія, работать только въ мастерскихъ, употребить на работу все назначенное для того время, однако не переутомля себя,—въ случаѣ желанія устроить какое-либо общее развлеченіе, должны спросить позволенія директора,—не забавляться въ помѣщеніяхъ заведенія танцами и играми. Безплатно помѣщающіеся въ интернатѣ въ половинѣ 11-го вечеромъ, когда затворяются наружныя двери, должны находиться въ своихъ помѣщеніяхъ. Огонь гасится не позже 11-ти, послѣ чего до 6-ти часовъ утра должно избѣгать всякаго шума или разговора.

Учебный курс Неесской семинаріи ручнаго труда распадается на двѣ части—теоретическую и практическую. Первая, конечно, много короче второй, потому что педагогически образованному слушателю гораздо легче уяснить, какъ, почему и зачѣмъ дѣлается та или другая вещь, чѣмъ на самомъ дѣлѣ онъ выполнитъ ее. Поэтому въ теченіе шести учебныхъ недѣль, назначенныхъ для всего курса, на практическія работы въ мастерской отводится 250 учебныхъ часовъ, а на теоретическое обученіе—только 84, то-есть, въ три раза менѣе.

Теоретическая часть курса излагается самимъ директоромъ заведенія. Она состоитъ изъ лекцій (собственно—чтеній); уроковъ объясненія инструментовъ и такъ-называемыхъ дискуссовъ. Г. Саломономъ читаются лекціи трехъ родовъ: 1) систематическаго изложенія ученія о ручномъ трудѣ; 2) методики обученія ручному труду и 3) исторіи ручнаго труда, какъ общеобразовательнаго предмета въ начальной школѣ. На лекціяхъ первой категоріи выясняются основанія той, конечно, системы, которая принята въ Неесѣ. Основные принципы ея, равно какъ и выводимыя изъ нихъ положенія, группируются въ строгой логической послѣдовательности, которая придаетъ всему ученію, по убѣжденію Саломона, характеръ доказательнаго педагогическаго знанія. Ученіе это до мельчайшихъ потребностей проводится въ практической работѣ. Для уясненія основныхъ положеній Неесской системы ручнаго труда и ея педагогическаго характера, я позволю себѣ конспективно изложить курсъ чтеній Саломона, проведенный имъ съ 13-го іюля по 23-е августа прошлаго года.

Всякій учитель ручнаго труда долженъ обладать слѣдующими качествами: 1) онъ долженъ чувствовать въ себѣ учительское призваніе, 2) долженъ вполне ясно понимать учебный предметъ и 3) въ совершенствѣ владѣть тѣми средствами, которыми вполне удовлетворительно достигается учебная цѣль. Первое качество учителя должно быть прирожденнымъ: никакое предварительное ученіе, никакой опытъ не могутъ придать человѣку этого качества; остальные же могутъ быть приобретены ученіемъ и опытностію. Цѣлью учебной работы въ Неесской семинаріи служитъ сообщеніе желающимъ этихъ качествъ въ примѣненіи къ обученію ручному труду. Система обученія ему, принятая здѣсь, не точно называется Неесскою,—правильнѣе было бы называть ее педагогическою системою ручнаго труда. Она заключается не въ коллекціяхъ моделей, какъ нѣкоторые думаютъ, не въ конструировкѣ ихъ; система эта—логическое соединеніе въ стройное цѣлое такихъ педагогиче-

скихъ истинъ, которыя можно подтвердить доказательствами. Основаніемъ ея служитъ принципиальное положеніе: „всякое обученіе должно воспитывать человѣка“. Поэтому исполняемымъ учениками семинаріи вещамъ никакой практической цѣны не придается: важны не самыя вещи, а тотъ порядокъ, въ которомъ онѣ выполняются, та форма, въ которой онѣ требуются. Такимъ образомъ ручной трудъ ставится здѣсь, какъ ученый предметъ, имѣющій важное воспитательное значеніе. Воспитывать далеко труднѣе, чѣмъ учить,—поэтому каждому предмету школьнаго курса придается воспитательный характеръ. И не суммой практической пользы опредѣляется необходимость и важность учебныхъ предметовъ школы, а тѣмъ воспитательнымъ воздѣйствіемъ, которое оказываютъ они на учениковъ. Необходимость и важность ручнаго труда въ курсѣ начальной школы утверждается на слѣдующихъ основаніяхъ: 1) ручной трудъ готовитъ ученика къ самостоятельной домашней жизни; 2) возбуждаетъ духовную человѣческую дѣятельность, 3) увеличиваетъ запасы положительнаго знанія, 4) даетъ знакомство съ инструментами и полное овладѣніе ими, 5) вообще способствуетъ формальному развитію человѣка. Непосредственнаго приготовленія къ жизни ручной трудъ, конечно, не даетъ. Ученикъ, продѣлавшій курсъ ручныхъ работъ, далеко еще не мастеръ, но онъ нѣсколько подготовленъ къ мастерству: многое онъ умѣетъ и самъ въ состояніи выполнить. Иногда говорятъ, что настоящее мастерство болѣе умѣстно и болѣе полезно въ школѣ; но мнѣніе это ошибочно. Надо помнить, что мастерство трудно поддается методическому укладу, требуетъ долгаго ученія. Ручной трудъ въ этомъ отношеніи далеко выше всякаго мастерства: сильно отличаясь отъ послѣдняго, онъ весьма подготавливаетъ къ нему и вообще къ домашней жизни. Исторія міровой цивилизаціи показываетъ, что періодамъ сильнаго возбужденія человѣческой мысли предшествуютъ періоды напряженной физической дѣятельности. Размышленіе является какъ бы отдыхомъ отъ предыдущей трудовой напряженности. На этомъ основаніи построена извѣстная воспитательная система Фребеля. Система его оказалась неосуществимою: нельзя ученику передѣлать всѣ вещи, которыя необходимо изучить. Въ курсѣ ручнаго труда нѣтъ нужды передѣлать все. Необходимо только пробудить въ человѣкѣ дѣятельность тѣхъ силъ живаго знанія и умѣнья, которыя весьма цѣнны въ немъ; это даетъ интенсивность самостоятельности человѣческой. Постоянное наблюденіе уже готовой вещи, представляемой моделью, провѣрка по ней собственной работы составляетъ высокую степень наглядности. Кромѣ общаго развивающаго значенія такой наглядности,

память ученика обогащается суммой многихъ формъ, частей ихъ. Въ работѣ этихъ вещей изучаются инструменты. Были попытки объяснять устройство ихъ, работу ими на особыхъ теоретическихъ урокахъ; но попытки эти ненормальны: существо вещей нельзя выяснять описаніемъ ихъ.

Въ отношеніи формальнаго развитія занятія ручнымъ трудомъ даютъ въ результатъ: 1) любовь къ труду вообще, 2) уваженіе къ грубой физической работѣ, 3) воспитываютъ самодѣятельность, 4) порядливость, чистоту, аккуратность и точность, 5) развиваютъ внимательность, 6) физическую силу, 7) способность наблюдать истинную форму вещей и 8) вообще развиваютъ человѣка. Здоровыя дѣти имѣютъ природную склонность къ работѣ, увлекаются ею, хотя увлеченіе это скоро остываетъ. Естественную склонность ихъ надобно удовлетворить и поддержать разумными педагогическими мѣрами. Удовлетворенная и укрѣпленная въ ученикѣ-ребенкѣ, она перейдетъ въ прилежаніе, а въ зрѣломъ человѣкѣ въ любовь къ труду. Обученіе ручному труду отчасти рѣшаетъ очень важный социальный вопросъ объ отношеніи высшаго класса общества къ низшему. Жизнью какъ будто назначены первому либеральныя профессіи, а второму—черная тяжелая работа. Давно составилъ неправильный взглядъ на нее, и ея избѣгаютъ, чуждаются. Грубая физическая работа, будучи поставлена въ учебный курсъ школы на ряду съ другими предметами, вызоветъ, воспитаетъ другой взглядъ на нее, заставитъ достойно цѣнить ее. Въ занятіяхъ многими учебными предметами можно смѣшать прилежаніе ученика съ его способностями. На занятіяхъ ручнымъ трудомъ то и другое стоитъ весьма раздѣльно. Ручной трудъ учитъ прилежанію постоянному, устойчивому. Здѣсь каждый ученикъ можетъ вполне самодѣятельно проявить лучшія свои способности. Самодѣятельное проявленіе собственныхъ силъ формируется мало по малу въ сильную дѣятельную энергію, составляющую основу дальнѣйшаго самостоятельнаго развитія. Методическое выполненіе работы, постоянно контролируемое и направляемое, приучаетъ къ порядливости, чистотѣ, аккуратности и точности. Ученикъ возвращаетъ въ себѣ стремленіе къ требуемымъ качествамъ работы, и въ немъ воспитываются душевныя свойства, весьма важныя въ жизни общественной и личной. Хорошее выполненіе работы обуславливается строгою внимательностью къ ней. Въ занятіяхъ ручнымъ трудомъ внимательность эта вполне ощутительна для самого ученика. Малѣйшая оплошность портитъ всю работу, дѣлаетъ потеряннымъ время. И оплошность эта ясно стоитъ передъ его глазами, какъ собственная вина. Ручной трудъ болѣе и

естественнѣе всякаго другаго учебнаго предмета развиваетъ физическую силу. До послѣдняго времени на развитіе ея смотрѣли какъ-то пренебрежительно, и потому наши такъ-называемые образованные люди очень слабы физически. Это лишаетъ организмъ человѣка естественной гармоніи, данной ему природою, и вредно отзывается на духовной дѣятельности. Наше образованіе даетъ только полубразованныхъ людей. Физическая сила развивается и гимнастическими упражненіями, но занятія ими всегда имѣютъ въ себѣ что-то неестественное. Занятія ручнымъ трудомъ развиваютъ хорошее зрѣніе, умѣніе точно наблюдать форму предметовъ. Онъ вообще развиваетъ въ человѣкѣ особую приспособительность его членовъ къ работѣ. Руки наши должны быть признаны такимъ совершеннымъ органомъ и до такой степени разнообразнаго приложенія, что его необходимо развивать также, какъ умъ и сердце; безъ развитія этого органа человѣкъ не можетъ быть признаваемъ за образованнаго.

Кромѣ всего сказаннаго, ручной трудъ имѣетъ и матеріальную цѣль: онъ даетъ умѣніе готовить вещи. Правда, онѣ малоцѣнны, онѣ не окупаютъ времени, потраченнаго на изготовленіе ихъ; но все же вещи эти далеко цѣннѣе исписанныхъ ученическихъ тетрадокъ!...

Стараясь быть краткимъ, я передалъ изложенное сжатымъ конспектомъ. Въ устномъ изложеніи лектора мысли эти развиты до полноты и законченности и пересыпаны живыми примѣрами. Рѣчь лектора полна глубокой опытности, проникнута живымъ энтузіазмомъ и убѣжденною ясностью педагогическаго міровоззрѣнія.

На основаніи главнѣйшихъ дидактическихъ положеній, на основаніи характерныхъ особенностей учебнаго предмета въ лекціяхъ методики Саломонъ даетъ рядъ весьма дѣльныхъ совѣтовъ, облегчающихъ достиженіе учебной цѣли. Онъ высоко цѣнитъ педагогическій тактъ, не поддающійся никакому опредѣленію, но тѣмъ не менѣе понятный каждому учителю и чувствующійся въ его работѣ. Въ плановѣрномъ достиженіи поставленныхъ учебныхъ цѣлей съ особеннымъ вниманіемъ отмѣчаетъ Саломонъ, что „всякое ученіе должно опираться на доброе основаніе“ и „должно будить самодѣятельную энергію учениковъ. Не излагая методики Саломона, я упомяну только составленную имъ таблицу сравнительной пригодности десяти различныхъ ручныхъ работъ въ курсѣ школы. Въ первые годы существованія семинаріи, какъ было сказано, ученики ея занимались различными мастерствами. Но изъ всѣхъ ихъ теперь оставлена въ курсѣ только обработка дерева, потому что она, такъ ска-

затѣ, педагогичнѣ другихъ работѣ. Таблица показываетъ, что ручной трудъ оказывается удовлетворительнымъ предметомъ ученія съ десяти различныхъ пунктовъ, а плетеніе корзины, малярныя и кузнечныя работы совсѣмъ не пригодны для школы. Таблица эта составила и многократно обсуждалась на дискуссахъ учителей. Многіе пункты ея и до сихъ поръ остаются открытыми.

Опустивъ третій видъ чтеній Саломона, какъ не представляющій въ себѣ ничего особеннаго, перейду къ его урокамъ объясненія инструментовъ. Для практическаго знакомства съ инструментами имѣется достаточно времени; но знакомство это создается безъ строгой системы; въ немъ не сводятся изучаемыя свойства къ одному знаменателю. Последнее же важно для учителя. Для уроковъ объясненія инструментовъ (*Werkzeugstunden*) по росписанію отводятся два послѣобѣденные часа въ недѣлю. На первый такой урокъ всѣ работающіе, кромѣ англичанъ, съ которыми Саломонъ велъ занятія отдѣльно, собрались въ болѣе помѣстительную залу. Заранѣе было объявлено, чтобы каждый запасся рабочимъ ножомъ, циркулемъ, полуметромъ и небольшою дощечкой вершка въ четыре дюйма и три шириной. Въ залу принесена была большая классная доска. Предметомъ урока было объясненіе устройства столярнаго ножа и работы имъ. Въ краткомъ изложеніи лекторъ сообщалъ, какой инструментъ называется ножомъ, изъ какихъ частей состоитъ онъ, какъ надо держать его во время работы и вообще владѣть имъ. Онъ перечислилъ всѣ виды работы, производимой этимъ инструментомъ: 1) продольный отрѣзъ дерева, 2) поперечный отрѣзъ, 3) искосный отрѣзъ, 4) угловой отрѣзъ, 5) выпукло—округлый обрѣзъ, 6) вогнуто—круглая выемка и 7) гладкая строжка. На доскѣ была начерчена форма дощечки, приписанной каждому на урокъ. Отчертивъ въ ней съ правой стороны полосу въ сантиметръ шириной, лекторъ приказалъ каждому сдѣлать то же самое на своей дощечкѣ и отчерченную полосу гладко отрѣзать ножомъ. Когда это было исполнено, онъ приказалъ сдѣлать то же самое поперекъ дощечки. Затѣмъ отъ вершины обрѣзаннаго угла отмѣрено было по сторонамъ его по три сантиметра и сдѣланъ былъ искосный обрѣзъ. Закончился урокъ исполненіемъ углового отрѣза (фасовка). Остальные виды работы ножомъ выполнены были на слѣдующемъ урокѣ. Надо замѣтить, что Саломонъ очень цѣнитъ ножъ въ занятіяхъ ручнымъ трудомъ. Простой инструментъ этотъ въ хорошихъ рукахъ имѣетъ такое многообразное примѣненіе, котораго не суждено никакому другому инструменту. Мно-

гія модели семинарія исполняются ножомъ для того только, чтобы исчерпать по возможности всѣ свойства его и овладѣть имъ. При тщательномъ исполненіи, модели эти вводятъ посторонняго человѣка въ обманъ: ему не вѣрится, что онѣ сдѣланы однимъ ножомъ, этимъ нехитрымъ инструментомъ. Предметомъ слѣдующаго урока была обыкновенная (лучковая) пила. Вотъ приблизительное краткое изложеніе его. „Инструментъ, который держу я въ рукахъ, называется пилой. Онъ состоитъ изъ восьми частей: 1) стальной пластинки, называемой полотномъ или полотенцемъ пилы, 2) двухъ ручекъ, въ которыхъ неподвижно укрѣплены концы ея желѣзными шпозками, 3) двухъ держалокъ, въ которыхъ свободно вращаются эти ручки, 4) распорки, 5) шнурка и 6) закрутки. Все, что сдѣлано здѣсь изъ дерева, называется станкомъ. Шнурокъ играетъ въ немъ роль пружины, которую натягивается и, по мѣрѣ надобности, ослабляется полотно. Дѣйствуетъ онъ на концы держалокъ, какъ на рычаги—опирающіеся срединою на концы распорки. Для того, чтобы пила рѣзала дерево, ее надобно развести и наточить. Разводится она особою разводкою или просто тупою стамеской. Правильный разводъ состоитъ въ томъ, что всѣ четные зубья пилы стоятъ подъ однимъ небольшимъ угломъ къ нечетнымъ. Это даетъ возможность дѣлать болѣе широкой прорѣзъ, свободнѣе дѣйствовать въ немъ пилой и выносить наружу выбитыя частицы дерева. Точится пила трехграннымъ напилкомъ, для чего помещается или въ прорѣзъ дерева, или въ тиски. Правильно рѣжетъ она только тогда, когда полотно ея находится въ одной прямой плоскости; если же оно искривлено, то прорѣзъ получается также искривленный, кривизна его все болѣе и болѣе увеличивается, пила необыкновенно натягивается и ломается. Работа пилой требуетъ правильной постановки корпуса и правильныхъ движеній. Стоять надо такъ, чтобы лѣвая нога была отнесена немного назадъ и служила бы главною опорой корпуса. Нельзя дергать пилу короткими отрывистыми движеніями, какъ часто дѣлаютъ это дамы, а надо водить ее медленными широкими размахами, ничуть не нажимая книзу. Во время работы пилой станокъ ея откидывается немного вправо, чтобы удобнѣе было видѣть, какъ идетъ прорѣзъ. Полезно учиться пилить обѣими руками. Не смотря на довольно сложное устройство свое, пила весьма ограничена въ употребленіи: ею можно только пилить дерево вдоль, поперекъ и узкою пилой по окружности“... Иллюстраціей излагаемаго служила настоящая пила, которую лекторъ все время держалъ въ рукахъ, и чертежъ пилы на классной доскѣ. Части пилы были обозначены буквами и выписаны названія ихъ. На

слѣдующемъ урокъ были выполнены всевозможныя упражненія пилой, съ соблюденіемъ всѣхъ относящихся къ нимъ правилъ. Принесенныя на урокъ дощечки подъ контролемъ лектора были испилены по всѣмъ направленіямъ. На слѣдующихъ урокахъ также было объяснено устройство рубанковъ, стаместки, струговъ. Надо сказать, что такія бесѣды объ инструментахъ полны живаго интереса и весьма полезны. Кто знаетъ хорошо устройство ихъ, понимаетъ механизмъ, тотъ смѣло и увѣренно употребляетъ ихъ въ работѣ.

Дискусы представляютъ собою педагогическія собесѣдованія. Руководить ими самъ Саломонъ. Предметами разсмотрѣнія на нихъ берутся или вопросы о постановкѣ ручнаго труда въ школѣ, или общіе педагогическіе вопросы.

Практическія занятія на курсахъ Нееской семинаріи состоятъ въ исполненіи простыхъ подѣлокъ изъ дерева, обыкновенныхъ въ хозяйствѣ шведскаго простолюдина средней зажиточности. Онѣ взяты изъ тѣхъ коллекцій, которыя составлены семинаристами въ первые годы существованія заведенія. Выборъ лучшихъ подѣлокъ и распределеніе ихъ въ коллекціи по степени трудности потребовали много времени, да и теперь еще руководители заведенія работаютъ надъ этимъ. Число подѣлокъ, исполняемыхъ на курсахъ, не одинаково. Два года тому назадъ оно доходило до ста и было распределено въ двухъ послѣдовательныхъ коллекціяхъ, по пятидесяти моделей въ каждой. Въ прошломъ же году, вслѣдствіе выключенія всѣхъ токарныхъ моделей и нѣкоторыхъ столярныхъ, число ихъ уменьшилось до 83. Модели эти сгруппированы въ четыре коллекціи (серіи). Первая заключаетъ въ себѣ 50 нумеровъ. Она предназначена для сельскихъ начальныхъ школъ и называется основною коллекціей. Вторая состоитъ изъ 42 нумеровъ, входящихъ въ первую, и 8 новыхъ. Она назначается для начальныхъ городскихъ училищъ. Третья состоитъ изъ 27 нумеровъ первой коллекціи, 8—изъ второй и 15 новыхъ моделей. Подобно первымъ двумъ, она состоитъ изъ 50 нумеровъ. Назначается эта коллекція для городскихъ училищъ, курсъ которыхъ выше курса начальныхъ школъ и ученики возрастнѣе. Послѣдняя коллекція заключаетъ въ себѣ только 30 нумеровъ¹⁾. Новыхъ въ

¹⁾ *Перечень моделей основною коллекціи:* 1) указка; 2) грабельный зубецъ; 3) колышекъ для дѣтвотъ; 4) ручка для пера; 5) колышекъ для цвѣточнаго горшка; 6) ручка для грифеля; 7) ирлыкъ для ключа; 8) моталка для нитокъ; 9) квадратный цвѣточный колышекъ; 10) круглый колышекъ для клумбы; 11) подставка подъ цвѣточный горшокъ; 12) ножъ для рѣзанія бумаги; 13) держалка для деревяннаго ведра; 14) корытце для письменныхъ принадлежностей;

цей 10 моделей, а остальные взяты изъ первыхъ трехъ. Назначается эта коллекція для женскихъ училищъ. Характеръ подѣлокъ понятенъ изъ прилагаемаго при семъ списка моделей основной коллекціи. Вторая коллекція мало отличается отъ первой. Вещи обычныя въ городѣ замѣняютъ въ ней такія, которыя свойственны исключительно сельскому быту. Новыя модели третьей коллекціи по характеру подобны замѣняемымъ ими моделямъ второй, но онѣ нѣсколько сложнѣе ихъ и для выполненія своего требуютъ большей физической силы. Модели послѣдней коллекціи болѣе легки по выполненію и болѣе изящны по вѣдшему виду и назначенію. Выборъ ихъ отчасти примѣненъ къ женскимъ вкусамъ. Коллекція эта можетъ быть выполнена безъ употребленія тѣхъ движеній во время работы, которыя почему-либо вредны или несоотвѣтственны женскому организму. Дубовыя и букковыя подѣлки исключены изъ этой коллекціи. Всѣ подѣлки, входящія въ коллекціи, въ натуральную величину. Первые изъ нихъ исполняются самыми несложными инструментами и самыми простыми приемами мастерства; чѣмъ далѣе, тѣмъ приемы эти становятся сложнѣе. Проведеніе строгой генетической послѣдовательности въ работѣ составляетъ одно изъ важныхъ отличій ручнаго труда отъ столярнаго мастерства.

Исполняя модели основной коллекціи, учащійся долженъ освоиться съ обработкой разныхъ породъ дерева—сосны, березы, ели, ольхи, дуба и бука, долженъ научиться 87 столярнымъ упражненіямъ. Онъ рѣжетъ дерево пилой, ножомъ, сверлитъ его разными инструментами, буравитъ, строгаетъ, чиститъ, клеитъ, связываетъ гвоздями, всякаго рода шипами и т. д. Упражненія эти начинаются при исполненіи коллекціи съ легчайшаго и потомъ постепенно усложняются. Директоръ семинаріи составилъ большія стѣнные таблицы по числу коллекцій.

-
- 15) ручка для молотка; 16) ручка для инструментовъ (рашпелей, напильковъ); 17) столовая ложка; 18) кухонная доска; 19) точильная доска (для косари); 20) совокъ; 21) вѣшалка; 22) подставка подъ цвѣточный горшокъ большая; 23) шведское топорище; 24) скамеечка подъ ноги; 25) крышка для кадки; 26) уполовникъ; 27) хлѣбная лопатка круглая; 28) валежъ прачешный (иральникъ); 29) линейка; 30) служка для обуви; 31) подставка для лампы; 32) ткацкій челнокъ; 33) ящикъ для ножей; 34) русское топорище; 35) коробожъ для епичекъ; 36) толстая круглая палка (пѣй); 37) полуметръ; 38) ящикъ для перьевъ (пеналь); 39) скамейка подъ ноги; 40) наугольникъ; 41) ящикъ для тарелокъ; 42) ресмусть; 43) грабельная колодка; 44) рамка для портрета; 45) полочка для инструментовъ; 46) маленькая кадочка (квашенка); 47) полка для книгъ; 48) кадочка-шайка; 49) письменная конторка; 50) ночной столикъ.

Въ первой широкой полосѣ таблицы помѣщены названія моделей по порядку, а противъ нихъ въ слѣдующей вертикальной колонкѣ названіе дерева, изъ котораго дѣлается модель; далѣе въ строку идетъ рядъ цифръ, обозначающихъ главнѣйшія столярныя упражненія, которыми исполняется каждая модель. Въ концѣ строки въ особой колонкѣ отмѣчаются новыя упражненія, только въ этой модели встрѣтившіяся, а потомъ и сумма всѣхъ упражненій, потребныхъ для выполненія этой модели и предшествовавшихъ ей. Далѣе въ послѣдней широкой полосѣ переименованы всѣ 87 упражненій, по мѣрѣ появленія ихъ въ работѣ вещей. Такимъ образомъ въ таблицѣ помѣщается полная исторія изготовленія модели, начиная съ того, какъ берется въ руки какая-нибудь доска или обрѣзокъ дерева, и кончая полировочною чисткой уже готовой вещи. Подъ № 15 стоитъ ручка для молотка; далѣе указывается, что она дѣлается изъ березоваго дерева, потомъ стоитъ рядъ цифръ 5, 7, 12, 8, 9, 22, 30, 4, 31, 2, 13 и 24. Это значитъ, что взятый для работы кусокъ доски надо обрѣзать пилой по концамъ (5), отпилить по продольной линіи (7), выстрогать гладкую грань (12), отвести ресмусомъ параллельныя линіи (8), обмѣрить прямые углы (9), вырѣзать правильныя углубленія по бокамъ полученнаго квадрата (22), выровнять ихъ ручнымъ стругомъ (30), сдѣлать строжку фаса (фаску) (4), округлить полученную форму американскимъ стружкомъ (31), сострогать гладко одинъ конецъ (2), и вычистить рашпилемъ (13), а потомъ стеклянной бумагой (24). Въ послѣдней полоскѣ таблицы всѣ эти упражненія поставлены подъ своими нумерами, и найти ихъ легко. Первые нумера моделей исполняются небольшимъ числомъ упражненій, потомъ число это увеличивается и въ 30 модели доходитъ до 40. Въ исполненіи цѣлага ряда вещей упражненія эти многократно повторяются и весьма причудливо перемѣшиваются между собою. Въ таблицѣ основной коллекціи поставлено 774 числа, означающихъ упражненія, которыми исполняются модели. Каждое изъ 87 повторяется, слѣдовательно, въ среднемъ 9 разъ. При внимательномъ руководствѣ, при строгомъ контролѣ работы, при непремѣнной оцѣнкѣ каждой слѣдующей вещи учащійся имѣетъ полную возможность довольно основательно усвоить каждое упражненіе. И дѣйствительно, послѣ двухъ-трехъ учебныхъ недѣль становится замѣтно, что каждый смѣло беретъ въ руки нужный инструментъ, все менѣе и менѣе обращаясь за совѣтомъ къ учителю, и скорѣе кончаетъ свою работу.

Обученіе самой работѣ вещей, входящей въ коллекціи, ведется въ Неесской семинаріи особыми учителями-инструкторами и глав-

нимъ учителемъ. Первыхъ всегда полагается по одному на 13 — 15 учащихся. Инструкторами служатъ въ семинаріи учителя ручнаго труда изъ лучшихъ шведскихъ школъ. Лѣтомъ они охотно ѣдутъ въ Нессъ, какъ центръ, руководящій дѣломъ обученія ручному труду; здѣсь они получаютъ помѣщеніе съ готовымъ содержаніемъ и за шесть недѣль по 50 кронъ (около 80 рублей) жалованья. Каждый учитель-инструкторъ имѣетъ въ своемъ завѣдываніи опредѣленную мастерскую съ извѣстнымъ числомъ учащихся. Онъ назначаетъ работу, объясняетъ, какъ надо приняться за исполненіе ея, въ какомъ порядкѣ и какими инструментами она изготовляется; онъ слѣдитъ за точнымъ соблюденіемъ данныхъ имъ объясненій, и наблюдаетъ, чтобы въ работѣ не было употреблено ложнаго пріема. То и дѣло останавливаетъ онъ работу, объясняя, чего не хватаетъ въ ней, и заставляетъ исправить ее. Въ каждую минуту онъ готовъ помочь совѣтомъ, указаніемъ, но дѣлать самую работу отказывается. Работающія въ мастерскихъ дамы часто просятъ: „сдѣлайте это: я не могу“. Въ отвѣтъ на такую просьбу слѣдуетъ новое объясненіе того, какъ надо дѣлать вещь, а на капризную просьбу простое замѣчаніе: „я также не могу“. Между работающими въ Нессѣ много такихъ лицъ, которыя до пріѣзда туда не брали въ руки ни одного инструмента, не знаютъ, какъ надобно держать пилу, управлять стамеской, какое надобно выбрать для работы дерево, какъ выгоднѣе отрѣзать его. Все это спрашивается у учителя. Въ первые дни занятій онъ мечется отъ одного верстака къ другому и изъ мастерской въ дровяной сарай, гдѣ сложенъ матеріалъ для работы. Онъ показываетъ, какъ надобно отрѣзать выбранный кусокъ дерева и какъ его укрѣпить на верстаки. Когда модель исполняется по чертежу, онъ указываетъ, какъ составляется чертежъ. Учитель-инструкторъ является первымъ цензоромъ оконченной работы. Послѣ дневной работы онъ собираетъ всѣ сработанныя его учениками вещи и представляетъ ихъ на обсужденіе совѣта учителей. Совѣтъ отбираетъ удовлетворительныя работы и возвращаетъ ихъ для полировочной чистки, а неудовлетворительныя предлагаетъ выполнить вновь. Кромѣ того, на обязанности учителей-инструкторовъ лежитъ забота о сохранности инструментовъ. Они контролируютъ ихъ по окончаніи дневныхъ занятій и довольно обстоятельно въ субботу. Помощниками ихъ въ этомъ служатъ избираемые каждой мастерской старшіе. Послѣдніе ведутъ списокъ учащихся и устанавливаютъ очереди для метенія, уборки мастерской и относа нарубленной щепы въ дровяной сарай. Старшій учитель надсматриваетъ за работою во всѣхъ мастерскихъ и отдѣленіяхъ. Онъ

ведетъ журналъ успѣшности. Къ нему обращаются за совѣтомъ, какъ ученики, такъ и учителя.

Послѣ полировки исполненныя модели просматриваются на совѣтѣ учителей еще разъ и непременно въ присутствіи директора. Циркулемъ и ваугольникомъ онъ самъ прикидываетъ главнѣйшія измѣренія. Въ большинствѣ случаевъ вещи признаются удовлетворительными и на нихъ кладется штампель: „Хорошая работа—Неесъ“, а въ списокѣ учениковъ противъ фамиліи исполнителя ставится соответствующая работѣ отмѣтка по пятибальной системѣ. Двойной осмотръ вещей—работа не легкая. Положимъ, на курсахъ прошлаго лѣта работало всего 80 человекъ, и каждый въ среднемъ выполнилъ только 35 моделей,—тогда въ суммѣ будетъ 2800 вещей, и каждый день необходимо дважды просматривать 80 вещей. Первые модели опытнымъ взглядомъ оцѣниваются быстро, но потомъ идутъ такія, которыя необходимо провѣрять съ циркулемъ и ваугольникомъ въ рукахъ. Работа эта копотливая.

Закачивается ученіе на курсахъ, какъ и начинается оно, торжественно. На канунѣ послѣдняго дня, въ который занятій уже не бываетъ, мастерскія убираются флагами, зеленью. Утромъ являются въ нихъ учащіеся, собираютъ въ музеѣ свои модели и складываютъ ихъ на своемъ верстаѣ. Потомъ всѣ идутъ въ залу-аудиторію. Здѣсь послѣ общей молитвы директоръ поздравляетъ всѣхъ съ окончаніемъ курсовъ и говоритъ свое прощальное привѣтствіе; ему приходится обыкновенно выслушать нѣсколько отвѣтныхъ благодарственныхъ рѣчей; затѣмъ онъ раздаетъ окончившимъ курсы свидѣтельства о томъ. Къ торжеству этому обыкновенно пріѣзжаетъ къ Саломону и Абрагамсону много гостей. Они идутъ въ мастерскія и рассматриваютъ вещи, сдѣланныя учащимися. Послѣ осмотра вещи упаковываются въ особыя корзины и отправляются на станцію желѣзной дороги, откуда и слѣдуютъ вмѣстѣ съ работавшими ихъ, какъ ихъ собственность. Въ день заключенія занятій Абрагамсонъ даетъ въ своемъ замкѣ прощальный парадный обѣдъ для курсистовъ. Обыкновенно онъ затягивается до поздней ночи; много бываетъ за обѣдомъ этимъ рѣчей и пѣнія. Хоръ изъ учащихся на курсахъ заранѣе готовится къ этому празднику. Поютъ шведскія, норвежскія пѣсни, гимны народныя, поютъ датскіе, финскіе, нѣмецкіе. Въ 1887 году на такомъ праздникѣ послѣ лѣтнихъ курсовъ какъ бы въ сюрпризъ бывшимъ на курсахъ русскимъ громадный хоръ спѣлъ на русскомъ языкѣ „Боже, царя храни“.

III. Штаталевъ.

НАША УЧЕБНАЯ ЛИТЕРАТУРА ¹⁾.

Новый элементарный учебникъ французскаго языка, состоящій изъ трехъ частей, составилъ *П. Мозеръ*, преподаватель Сибирской военной гимназiи. Москва. 1887. Изданiе 2-е. Часть 1-я, стр. 72, цѣна 30 к. Часть 2-я, стр. 123, цѣна 50 к. Часть 3-я, стр. 197, цѣна 60 к.

Три части учебника г. Мозера представляютъ, по плану автора, указанному въ предисловіи, законченный элементарный курсъ, обнимающій три низшіе класса среднихъ учебныхъ заведеній всѣхъ категорій. Каждый годичный курсъ этого учебника состоитъ изъ двухъ отдѣловъ, неразрывно связанныхъ лексическимъ матеріаломъ и грамматическими формами и различающихся по внѣшности только тѣмъ, что первый отдѣлъ раздѣленъ на параграфы, состоящіе изъ ряда отдѣльныхъ фразъ французскихъ и русскихъ, а второй, значительно меньшій, заключаетъ въ себѣ небольшія связныя французскія статьи, по матеріалу своему соответствующія, каждая, какому-нибудь параграфу перваго отдѣла. По существу обѣ эти части представляютъ одно и то же: отдѣльныя фразы параграфовъ, служащихъ выраженіемъ извѣстныхъ грамматическихъ правилъ или изображеніемъ формъ того или другаго времени глагола, составлены изъ словъ, входящихъ въ статьи, или цѣликомъ взяты отсюда, такъ что въ обѣихъ частяхъ и лексическій матеріалъ, и грамматическія формы однѣ и тѣ же, по представлены въ различныхъ видахъ. Ученикъ, изучившій 34 параграфа 1-го курса, ничѣмъ не долженъ затрудниться при переводѣ второй части того же курса и ничего не приобрѣтаетъ новаго; онъ

---

¹⁾ Помѣщенные здѣсь рецензiи имѣлись въ виду ученымъ комитетомъ министерства народнаго просвѣщенiя.

только въ другой формѣ повторить тѣ же слова, фразы и формы, которыя заучилъ въ разныхъ параграфахъ перваго отдѣла того же курса. Для статей втораго отдѣла нѣтъ даже отдѣльныхъ вокабулъ или алфавитнаго словарчика, такъ что для того, чтобы приступить къ связанному тексту необходимо изучить прежде всѣ 34 параграфа упражненій и очень твердо знать ихъ лексику. Такъ какъ для изученія 34 параграфовъ потребуется, по распредѣленію самого автора, менѣе 120 уроковъ, то очевидно, что ученики перваго курса, при трехъ учебныхъ часахъ въ недѣлю, имѣющіе около 90 уроковъ въ годъ, и не дойдутъ до связаннаго текста. Въ послѣдующихъ частяхъ учебника г. Мозера количество упражненій въ методической части увеличивается безъ всякаго со стороны автора вниманія къ количеству учебныхъ часовъ и другимъ обстоятельствамъ школьнаго преподаванія. Такъ, въ третьей части учебника, параграфы котораго представляютъ, каждый, не менѣе шести крупныхъ заданій, масса учебнаго матеріала потребуетъ не менѣе 180 уроковъ для изученія, при точномъ выполненіи задаваемаго: слѣдовательно, въ третьемъ курсѣ не только не можетъ быть рѣчи о занятіяхъ надъ связнымъ текстомъ, но въ одинъ годъ нельзя пройти всю методическую часть учебника, такъ какъ параграфы его тѣсно связаны между собою по лексикѣ и по формамъ. Въ учебникѣ г. Мозера нѣтъ никакихъ объясненій по грамматикѣ къ предложенному для изученія матеріалу и къ образцовымъ примѣрамъ; теоретическая сторона языка, слѣдовательно, предоставляется благоусмотрѣнію преподающаго и ускользаетъ отъ контроля, какъ въ отношеніи научной состоятельности, такъ и въ отношеніи объема. Строеніе текста и образцовые примѣры въ трудѣ г. Мозера указываютъ между тѣмъ, что авторъ въ формальномъ отношеніи желаетъ идти крупными шагами, не стѣсняясь ни характеромъ элементарнаго курса, ни трудностью усвоенія формъ чужаго языка, ни даже указаніями учебнаго плана: такъ, въ 6-мъ, 8-мъ, 10-мъ и послѣдующихъ параграфахъ начальнаго курса проводится изученіе особенностей 1-го спряженія, и даже, параллельно съ этимъ, съ 9-го параграфа начинается изученіе неправильныхъ глаголовъ, которое съ § 14 осложняется изученіемъ формъ и размѣщеніемъ мѣстоименныхъ дополненій въ разныхъ оборотахъ рѣчи; съ § 15 вводится форма возвратная, съ § 18 — форма страдательная, съ § 21 — самостоятельныя притяжательныя мѣстоименія, съ § 24 появляются вмѣстѣ обѣ группы среднихъ глаголовъ, и все это въ то время, когда еще учащіяся не успѣли изучить трехъ главнѣйшихъ временъ правильныхъ спряже-

ній. Намъ кажется очевиднымъ, что при этомъ послѣднемъ условіи затрогиваніе вопроса о залогахъ и неразрывно связаннаго съ ними вопроса о согласованіи причастія прошедшаго, а также проведеніе цѣлой системы неправильныхъ глаголовъ совмѣстно съ особенностями правильныхъ спряженій, составляетъ нѣчто просто невозможное для начальнаго курса въ теоретическомъ отношеніи. Смыло можно сказать, что 34 параграфа, считая въ то число и 8 параграфовъ вступительной главы, не могутъ, по теоретической и формальной трудности, быть изучены въ одинъ годъ въ начальномъ курсѣ и не дадутъ желаемаго авторомъ результата; о двухъ остальныхъ частяхъ руководства, болѣе трудныхъ и обширныхъ, чѣмъ первая, по объему курсовъ сравнительно съ количествомъ годовыхъ учебныхъ часовъ, слѣдуетъ сказать то же самое.

Практическій курсъ французскаго языка для среднихъ и высшихъ классовъ гимназій и прогимназій. Составилъ П. Мозеръ. Изданіе 3-е, исправленное. Москва. 1888. Стр. 336+84+XII въ 8-ку. Цѣна 1 руб.

Названное руководство г. Мозера въ первомъ изданіи было озаглавлено по французски „Cours pratique et théorique de langue française à l'usage des hautes classes des gymnases“ (С.-Пб. 1876.) и состояло изъ двухъ частей, соединенныхъ въ одной книгѣ; въ первой части были помѣщены французскія и русскія статьи для переводовъ въ старшихъ классахъ, а вторая часть, подъ заглавіемъ „Систематическое изложеніе особенностей французскаго синтаксиса“, заключала въ себѣ соотвѣтствующій высшимъ классамъ гимназій курсъ французскаго синтаксиса, поставленнаго, въ рабположеніи своемъ, въ нѣкоторую связь со статьями первой части. При второмъ изданіи этого труда въ 1880 г. авторъ обособилъ каждую часть, такъ что онѣ могутъ быть разсматриваемы какъ не зависящія другъ отъ друга учебныя пособія. Настоящее третье изданіе „Практическаго курса французскаго языка“ г. Мозера не сопровождается „систематическимъ изложеніемъ особенностей французскаго синтаксиса“, хотя въ текстѣ статей вездѣ сдѣланы цифровыя ссылки на параграфы этого послѣдняго сочиненія.

Въ первоначальномъ изданіи сборникъ г. Мозера представлялъ весьма незначительное количество статей: ихъ было 21, и всѣ онѣ, вмѣстѣ съ русскимъ текстомъ для обратнаго перевода, помѣщались на 66 страницахъ, включая въ то число и предпосланную сборнику полную таблицу неправильныхъ глаголовъ въ алфа-

витномъ порядкѣ. Въ третьемъ разсматриваемомъ теперь изданіи прозаическихъ статей дано 68 и 12 стихотвореній, и весь этотъ текстъ, вмѣстѣ съ русскими статьями для обратнаго перевода и съ дополнительными 13-ю статьями также для перевода съ русскаго языка на французскій, занимаетъ 336 страницъ. Такимъ образомъ небольшой, первоначально, сборникъ статей разросся въ довольно крупную хрестоматію, содержащую въ себѣ хорошій матеріалъ для чтенія въ старшемъ курсѣ; справедливость требуетъ сказать, что матеріалъ этотъ расположенъ съ соблюденіемъ постепенности въ трудности языка и слога и снабженъ необходимыми пособіями для изученія его.

Важную особенность въ сборникѣ г. Мозера составляютъ приспособленныя имъ статьи на русскомъ языкѣ, вставленныя за каждымъ французскимъ отрывкомъ (кромя басенъ), подъ заглавіемъ „обратный переводъ“. Статьи этой категоріи составлены главнымъ образомъ изъ лексическаго матеріала, входящаго въ составъ французскаго текста, и представляютъ собою довольно удачную переработку его, въ которую введены всѣ выраженія, заключающія въ себѣ какія-нибудь синтаксическія особенности и затрудненія при переводѣ французскаго текста предшествовавшей статьи; эти выраженія напечатаны въ текстѣ курсивомъ. Нужно однако замѣтить, что, прилаживая русскія фразы для того, чтобъ онѣ удобно могли быть переведены извѣстными французскими выраженіями и оборотами, авторъ нерѣдко жертвуетъ правильностью русской рѣчи. Для примѣра отмѣтимъ нѣсколько фактовъ: На страницѣ 89 фраза—„сказать все, что я испыталъ, услышавъ эти слова, это было бы не возможно“; „съ этою цѣлью онъ захотѣлъ испытать судьбу сраженія“. Такихъ погрѣшностей противъ чистоты русской рѣчи немного, но тѣмъ не менѣе было бы желательно, чтобъ авторъ принялъ мѣры къ совершенному ихъ уничтоженію.

Систематическое изложеніе особенностей французскаго синтаксиса въ сравненіи его съ русскимъ, составилъ П. Мозеръ. Москва. 1887. Стр. 120 въ 8-ву. Цѣна 65 к.

Означенное сочиненіе г. Мозера первоначально составляло приложеніе къ его „Практическому курсу французскаго языка для среднихъ и высшихъ классовъ гимназій и прогимназій“, появившемуся въ печати въ 1876 году. Четыре года спустя, то-есть, въ 1880 г. авторъ отдѣлялъ это приложеніе отъ своего „Практическаго курса“

и издалъ особою книжкой подъ выписаннымъ выше заглавіемъ, такъ что теперь она уже является третьимъ изданіемъ.

Разсматриваемый трудъ г. Мозера отличается чрезвычайно тонкимъ анализомъ синтаксическихъ особенностей обоихъ сравниваемыхъ языковъ и разработкою нѣкоторыхъ вопросовъ до мельчайшихъ подробностей. Ни въ одномъ изъ извѣстныхъ по синтаксису сочиненій въ нашей учебной литературѣ нѣтъ такой полной обработки вопроса объ употребленіи временъ и наклоненій, о замѣнѣ однихъ временъ и наклоненій другими, о случайно вспомогательныхъ глаголахъ *aller, venir, laisser*, особенно глаг. *faire*, затѣмъ вопроса о дополненіи нѣкоторыхъ наиболѣе употребительныхъ глаголовъ какъ *croire, donner, traiter, venger*, а также о неокончателномъ наклоненіи при *avoir, se mettre, savoir, sembler, paraître, dire* и многихъ другихъ. Нѣкоторые изъ обобщеній г. Мозера весьма удачны и избавляютъ отъ многихъ правилъ и лишнихъ перечисленій, которыя держатся до сихъ поръ въ грамматикахъ: къ этой категоріи слѣдуетъ отнести, между прочими, параграфы, касающіеся до значенія, постановки и опущенія членовъ при французскихъ существительныхъ.

Иногда впрочемъ желаніе сократить число правилъ и исключеній увлекаетъ г. Мозера въ крайность; въ этомъ отношеніи особенно выдаются слѣдующіе параграфы: § 60 (стр. 44)—объясненіе о глаг. *se mettre*; § 120, п. 2-й (стр. 84)—о *conditionnel*; § 125, п. 3-й (стр. 90)—о замѣнѣ *conditionnel* на *imparfait*; и § 149, п. 1-й и 2-й (стр. 107) о роли *participe présent* въ сокращенныхъ опредѣлительныхъ придаточныхъ предложеніяхъ.

Вслѣдствіе неправильнаго взгляда г. Мозера на французское *participe présent* съ предлогомъ *en* и на обѣ формы причастія прошедшаго, XII глава его грамматики, начиная отъ § 147 (стр. 105), выходитъ довольно запутанною, и эта запутанность увеличивается еще тѣмъ, что въ концѣ главы съ § 153 (стр. 113) г. Мозеръ смотритъ на обѣ формы *participes passés* съ общепринятой точки зрѣнія и называетъ ихъ подлежащими именами. Въ настоящемъ изданіи г. Мозеръ кое-что измѣнилъ въ этой главѣ противъ перваго изданія, прибавилъ нѣсколько новыхъ параграфовъ, но, къ сожалѣнію, не отказался ни отъ своего неправильнаго взгляда на указанія выше формы, ни отъ неправильныхъ названій этихъ формъ, почему слѣданныя измѣненія и прибавки нисколько не уменьшили сбивчивости этой главы.

Система, принятая г. Мозеромъ въ его грамматикѣ—синтаксиче-

ская, то-есть, въ ней особенности французскаго синтаксиса разсматриваются не въ порядкѣ частей рѣчи, какъ это дѣлается обыкновенно въ теоретическихъ грамматикахъ, а по мѣрѣ того, какъ извѣстная часть рѣчи является необходимымъ ингредиентомъ развитія предложенія. По такой системѣ составленъ общезнѣстный учебникъ Магера, французская грамматика Георга для нѣмецкихъ школъ и грамматика Фену для нашихъ учебныхъ заведеній. Нужно отдать справедливость этой системѣ относительно ея стройности и логичности: каждая часть рѣчи появляется въ ней со своими свойствами и особенностями, въ томъ именно мѣстѣ, которое указываютъ ей относительное значеніе ея и условія развитія предложенія; но для проходящихъ гимназическій курсъ она повсюдѣмъ удобна тѣмъ, что разбираетъ по разнымъ мѣстамъ формы одной и той же категоріи.

Третье изданіе грамматикъ г. Мозера напечатано также удовлетворительно, какъ предыдущее.

GRAMMAIRE FRANÇAISE à l'usage des classes moyennes et supérieures des établissements d'éducation, par A. Challandes. Seconde partie. Troisième édition. Syntaxe. St.-Petersbourg. 1888. Pages 96. Prix 45 c.

COURS COMPLET DE LANGUE FRANÇAISE, par A. Challandes. Troisième année. St.-Petersbourg. 1889. Pages 100. Prix 50 c.

Вторая часть французской грамматикъ г. А. Шалланда (Синтаксисъ) и въ третьемъ изданіи не отличается отъ втораго какими особенными достоинствами, кромѣ развѣ краткости; но краткость есть достоинство относительное и въ нѣкоторыхъ случаяхъ перестаетъ быть достоинствомъ, какъ, напримѣръ, въ вопросѣ о значеніи и правильномъ употребленіи временъ и наклоненій, вопросѣ весьма важномъ для русскихъ, изучающихъ французскій языкъ теоретико-практическимъ путемъ. Въ грамматикѣ г. Шалланда нѣтъ даже упоминанія о замѣнѣ однихъ наклоненій другими, ни о многихъ особенностяхъ употребленія временъ въ прямой и косвенной рѣчи, ни о сокращеніи придаточныхъ предложеній въ infinitif и формы обоеихъ причастій, что составляетъ первостепенную важность для иностранцевъ, изучающихъ французскій языкъ. Многія изъ совершенно мелочныхъ правилъ о согласованіи *participe passé*, нужныхъ при изясненіи владѣнн разговорнымъ языкомъ, а также первая глава, переполненная опредѣленіями всѣхъ терминовъ, относящихся до состава предложенія и всѣхъ его видовъ, могли бы быть пропущены безъ вреда для учебнаго курса, — отсутствіе же въ

немъ вышеуказанныхъ, крайне необходимыхъ свѣдѣній составляетъ важный недостатокъ учебной грамматики.

Третья часть „Полнаго курса французскаго языка“ г. Шалланда соотвѣтствуетъ, до извѣстной степени, курсу четвертаго класса гимназій и заканчивается собою элементарный курсъ изученія французскаго языка въ первыхъ трехъ классахъ (2-мъ, 3-мъ и 4-мъ). Содержаніе этой третьей части, въ теоретическомъ отношеніи, касается ознакомленія со свойствами возвратнаго и безличнаго залоговъ, даетъ правило образованія временъ изъ формъ первообразныхъ, излагаетъ особенности правильныхъ спряженій и неправильныхъ глаголовъ, главнѣйшіе случаи замѣны члена предлогомъ *de*, нѣкоторыя подробности въ образованіи формы женскаго рода и множественнаго числа въ существительныхъ и прилагательныхъ качественныхъ, а равно общія свѣдѣнія о *participe présent*, *adjectif verbal*, *gérondif* и главныя правила согласованія *participe passé*. Жаль, что г. Шалландъ принимаетъ пять формъ первообразныхъ временъ; присутствіе въ ихъ числѣ *participe présent* вноситъ только запутанность и лишнія оговорки въ вопросъ образованія временъ производныхъ. Кромѣ методической части курса, третья книжка г. Шалланда заключаетъ въ себѣ 16 французскихъ статей, 12 русскихъ и 19 небольшихъ стихотвореній для перевода, заучиванія наизусть и вообще для практическихъ упражненій; ко всѣмъ этимъ статьямъ даны готовыя вокабулы. Къ сожалѣнію, въ русскихъ упражненіяхъ встрѣчаются несовсѣмъ точныя и правильныя фразы, но ихъ немного, и можно разчитывать, что авторъ, при слѣдующемъ изданіи, постарается устранить и эти мелочные недостатки.

Вообще третья часть „Полнаго курса французскаго языка“ г. Шалланда, представляя во всей своей совокупности матеріалъ удобный для усвоенія въ теченіе одного года, можетъ служить сподручнымъ руководствомъ для IV-го класса.

Résumé d'histoire de la littérature française depuis les origines jusqu'à la révolution française, par A. Nalis. Одесса. 1888.

Трудъ г. Налиса первоначально былъ составленъ только для его ученицъ, какъ конспектъ чтеній по исторіи французской литературы, и не назначался къ печати. Рѣшившись издать этотъ трудъ въ свѣтъ, авторъ счелъ нужнымъ дать ему нѣсколько большее развитіе, но притомъ старался сохранить въ немъ простоту и непритязательность первоначальнаго изложенія. Въ предисловіи г. Налисъ указываетъ

два главныя сочиненія — П. Альбера и III. Жиделя, изъ которыхъ онъ наиболѣе почерпалъ данныя для своего труда.

Краткій очеркъ г. Налиса въ разсматриваемой книжкѣ доведетъ до 1794 года, до смерти А. Шенье; вторая часть очерка, которая посвящена исторіи французской литературы въ текущемъ столѣтіи, до сихъ поръ еще не вышла въ свѣтъ.

Изложеніе г. Налиса отличается простотой и удобопонятностью; слогъ его ровный, ясный, свободный отъ неумѣстной въ школьной книгѣ витіеватости и запутанности. Вообще трудъ его читается легко и съ интересомъ. Подробное оглавленіе, приложенное въ концѣ книги, даетъ полную возможность ориентироваться въ ней на случай требуемой справки и дѣлаетъ ее весьма удобною, какъ въ этомъ отношеніи, такъ и для повторенія и приведенія въ порядокъ слышаннаго на урокахъ по исторіи французской литературы.

Р. Совенилья. I. Le Cid. Tragédie en cinq actes et en vers. — II. Новасъ. Tragédie en cinq actes et en vers. (Édition épurée). Выпускъ III. Для чтенія въ учебныхъ заведеніяхъ снабдилъ объясненіями В. С. Имятоичъ. С.-Пб. 1889. Стр. XVI+78+67+40+35.

Трудъ г. Игнатовича составляетъ несомнѣнно полезный вкладъ въ нашу учебную литературу и заслуживаетъ полнаго сочувствія, какъ по отношенію къ своей цѣли, такъ и по отношенію къ исполненію его.

Въ этой книжкѣ помѣщены два извѣстнѣйшія произведенія Корнеля „Le Cid“ и „Ногасе“. Въ началѣ книги, подъ заглавіемъ „Нѣсколько словъ о Корнелѣ и его сочиненіяхъ“, находится только составленное жизнеописаніе великаго писателя и прекрасный историко-литературный разборъ вышеупомянутыхъ двухъ трагедій.

Въ объясненіяхъ къ тексту трагедій, разъяснены обстоятельно мѣста текста, представляющія нѣкоторое затрудненіе, чтѣ способствуетъ значительно къ толковому пониманію текста. Къ сожалѣнію, въ объясненія эти вкрались нѣкоторыя грамматическія погрѣшности; такъ, напримѣръ, г. Игнатовичъ, придерживаясь ошибочно мнѣнія нѣкоторыхъ составителей грамматикъ, смѣшиваетъ 2-ю форму *conditionnel passé* съ *plus-que-parfait du subjonctif* (стр. 13): *L'insolent en eût perdu la vie. Il ne l'eût jamais fait, si je l'eusse pu faire* (29). На стр. 3, при разборѣ выраженія: „Une indifférence qui n'enfle d'aucun d'eux ni n'abat l'espérance“, сказано: „Въ этой фразѣ первый предлогъ *de* является вслѣдствіе отрицанія при ска-

зуюмомъ („n'enfle“), тогда какъ предлогъ *de* здѣсь просто выражаетъ родительный падежъ: *Une indifférence qui n'enfle ni n'abat l'espoirance d'aucun d'eux.* На стр. 9 и 24: „Jusques вмѣсто jusque, для мѣры стиха“. Форма *jusques* употребляется и нынѣ въ высокому стилѣ, передъ гласною буквою, а во времена Корнеля это правописание было обязательно, какъ въ стихахъ, такъ и въ прозѣ. Желательно было бы, чтобы эти неточности были исправлены въ послѣдующихъ изданіяхъ, но, во всякомъ случаѣ, онѣ не могутъ уменьшить достоинства этого выпуска.

БРАТКАЯ ГРАММАТИКА НѢМЕЦКАГО ЯЗЫКА. Составилъ *Фердинандъ Мей*, преподаватель I, II и IV Московскихъ кадетскихъ корпусовъ. Этимология. Изданіе второе. Москва. 1886. Въ мал. 8-ку стр. 67. Цѣна 35 коп.

KURZGEFASSTE GRAMMATIK DER DEUTSCHEN SPRACHE für russische Schulen von *Ferdinand Mey*, Lehrer am I, II und IV Moskauer Kadettenkorps. ETYMOLOGIE. 3. Auflage. Moskau. 1886. Въ мал. 8-ку. Цѣна 30 коп.

БРАТКАЯ ГРАММАТИКА НѢМЕЦКАГО ЯЗЫКА. Часть вторая. Синтаксисъ. Составилъ *Фердинандъ Мей*, преподаватель I, II и IV Московскихъ кадетскихъ корпусовъ. Москва. 1886. Въ 8-ку стр. 62. Цѣна 45 коп.

Первыя двѣ изъ вышеозначенныхъ книгъ различаются другъ отъ друга только тѣмъ, что одна издана на русскомъ языкѣ, а другая на нѣмецкомъ; содержаніе же ихъ до мелочей—одно и то же.

Существеннымъ достоинствомъ Этимологіи нѣмецкаго языка слѣдуетъ признать способъ изложенія, отличающійся краткостью и опредѣленностью при достаточной полнотѣ и правильномъ распредѣленіи грамматическаго матеріала, изъ котораго тщательно исключено все, что относится къ общей грамматикѣ. Въ такомъ сжатомъ видѣ правила усваиваются легче, и наглядности ихъ способствуетъ употребленіе различнаго шрифта, при помощи котораго болѣе существенное отличается отъ менѣе важнаго. Все сообщаемое вѣрно; пробѣловъ мало; не указаны случаи опущенія гласнаго *e* въ окончаніяхъ слабаго склоненія; но кое съ чѣмъ нельзя вполне согласиться, напри- мѣръ, съ отнесеніемъ глаголовъ *kennen* и *wissen* къ одному и тому же спряженію (стр. 36), но вообще трудъ г. Мей представляетъ весьма практическую учебную книгу.

Вторая часть грамматикъ, содержащая въ себѣ синтаксисъ, не смотря на русское заглавіе книги, написана на нѣмецкомъ языкѣ. Вопросъ о томъ, на какомъ языкѣ слѣдуетъ изучать грамматику чужаго языка, трудно рѣшить принципиально. Въ концѣ концовъ все зависитъ отъ

качества преподавателя и отъ подготовки учениковъ. Но конечно, учебникомъ, написаннымъ по нѣмецки, можетъ пользоваться только преподаватель, хорошо владѣющій русскимъ языкомъ,—иначе онъ не будетъ въ состояніи дать необходимыя объясненія правилъ, чтò относительно правилъ синтаксическихъ сдѣлать не легко. Поэтому мы не рѣшились бы утверждать подобно составителю, что „Die Ansicht der Reaktionsperiode (?), dass die fremdsprachliche Grammatik nur in der Muttersprache gelehrt werden dürfe, erweist sich als nicht stichhaltig“, или что „der Einwand, dass der Schüler die Grammatik in der fremden Sprache nicht verstehe, scheint mir nur ein Stichwort der Reaktionsperiode (опять!) und vollständig hinfällig“ (см. стр. III и IV предисловія къ нѣмецкому изданію первой части грамматики). Напротивъ того, мы предпочли бы изложеніе синтаксиса на русскомъ языкѣ, полагая, что полное разумѣніе учениками преподаваемыхъ имъ правилъ важнѣе упражненія ихъ на этихъ правилахъ въ употребленіи нѣмецкаго языка. Для такихъ упражненій нѣтъ матеріала менѣе пригоднаго, чѣмъ грамматическія опредѣленія. Оставляя въ сторонѣ вопросъ о томъ, на какомъ языкѣ написать синтаксисъ г. Мея, при оцѣнкѣ книги нельзя не указать на два преимущества ея, а именно—на краткость учебника и на вниманіе, съ какимъ составитель отнесся къ нуждамъ именно русскихъ учениковъ. Весь синтаксисъ разсматривается авторомъ съ точки зрѣнія русскаго языка и содержитъ въ себѣ только то, чтò составляетъ особенность нѣмецкой рѣчи. Въ этомъ проявляется опытная рука преподавателя-практика. Содержаніе книги слѣдующее: §§ 1—10 ученіе о расположеніи словъ въ предложеніяхъ, §§ 11—22 глава объ употребленіи членовъ; §§ 23—29 объ употребленіи временъ и §§ 30—35 наклоненій. Послѣднія двѣ главы не имѣютъ особыхъ оглавленій, чтò слѣдуетъ приписать недосмотру при корректурѣ; новое заглавіе является лишь передъ статьею, §§ 36—55 объ управленіи словъ, къ которой въ видѣ дополненія присоединены „einige Regeln zum Uebersetzen aus dem Russischen in's Deutsche“, распределенныя по частямъ предложенія, §§ 56—65. Въ видѣ особой статьи, безъ раздѣленія на параграфы, помѣщены въ концѣ книги правила о переводѣ отдѣльныхъ словъ: союзовъ, нарѣчій, мѣстоименій и глаголовъ. Изъ этого перечня видно, что составитель, имѣя въ виду чисто практическія цѣли, не хлопоталъ о томъ, чтобы привести синтаксическія явленія нѣмецкаго языка въ строгую систему, а вслѣдствіе такого приѣма книга его неудобна для справокъ, тѣмъ болѣе, что къ ней не приложено указателя. Ма-

теріалу собрано много, и много полезныхъ указаній въ книгѣ. Правила формулированы опредѣленно и по содержанию своему вѣрны. Промаховъ встрѣчается немного въ родѣ такихъ, какъ напримѣръ: § 1, 2: „Besteht das Praedicat aus einem zusammengesetzten Ausdruck wie: Abschied nehmen и т. д., so wird der undeklinirbare Theil (въ данномъ случаѣ это не несклоняемая форма, а просто—винительный падежъ) in den einfachen Zeiten ans Ende des Satzes gestellt“ или § 57, 2: „Die Vergangenheit von „sein“ (wie auch der andern Verben) stimmt im Deutschen nicht mit dem Subject im Geschlecht überein“. Изъ числа примѣровъ не совсѣмъ умѣстны въ учебной книгѣ слѣдующіе: стр. 11 „Es war einmal ein König, der hatt' einen grossen Floh“, стр. 16 „Sie ist eine Xantippe“ и стр. 51 „Nach der Meinung dieses Narron ist der Mond ein Pfannkuchen“.

Этимологія нѣмецкаго языка, изложенная сравнительно съ этимологіею русскаго языка. Курсъ среднихъ учебныхъ заведеній. Составилъ *Августъ Гофманъ*, директоръ С.-Петербургской седьмой гимназіи. Изданіе второе, исправленное и дополненное. С.-Пб. 1888. Въ 8-ку стр. VII+118. Цѣна 75 коп.

Второе изданіе Этимологіи нѣмецкаго языка г. Гофмана значительно исправлено и дополнено авторомъ сравнительно съ первымъ ея изданіемъ. Со стороны изложенія книги тщательна пересмотрѣна составителемъ и въ настоящемъ видѣ не представляетъ промаховъ противъ правильной русской рѣчи, которыми страдало первое изданіе. Значительное измѣненіе къ лучшему сдѣлано и въ формулированіи правилъ. Все, что по указаніямъ программъ министерства народнаго просвѣщенія должно считаться самымъ существеннымъ для младшихъ классовъ, внесено въ составъ главнаго текста и напечатано болѣе крупнымъ шрифтомъ; кое-что лишнее, встрѣчавшееся въ нѣкоторыхъ мѣстахъ книги, отнесено къ примѣчаніямъ и, будучи напечатано болѣе мелкимъ шрифтомъ, безъ всякаго затрудненія можетъ быть пропускаемо при прохожденіи курса; объемъ отдѣла о звукахъ уменьшенъ перенесеніемъ всѣхъ подробныхъ правилъ о произношеніи буквъ и о правописаніи изъ перваго отдѣла въ особое приложение, помѣщенное въ концѣ книги. Туда, по нашему мнѣнію, слѣдовало перенести весь этотъ отдѣлъ, такъ какъ онъ и въ настоящемъ видѣ недоступенъ для начинающихъ изучать нѣмецкій языкъ. Впрочемъ, едва ли найдется преподаватель, который вздумалъ бы проходить ученіе о звукахъ раньше изученія склоненій и спряженій, помѣщая

ученіе о звукахъ нѣмецкаго языка на первомъ мѣстѣ грамматики, авторъ только сдѣлалъ лишнюю, можетъ быть, уступку той системѣ, которая принята во многихъ грамматикахъ, особенно древнихъ языковъ.

Разсматриваемое второе изданіе является не только исправленнымъ, но и дополненнымъ. Дополненіе главнымъ образомъ относится къ ученію о глаголѣ, которое въ первомъ изданіи было изложено не вполне удовлетворительно. Изъ параграфовъ, предшествующихъ образцамъ спряженій, оставлены на прежнемъ мѣстѣ только тѣ, которые заключаютъ въ себѣ свѣдѣнія о формѣ глагола, тогда какъ примѣчанія о значеніи глагольныхъ формъ перенесены въ послѣдніе параграфы главы о глаголѣ. Тутъ же вновь прибавлены списки глаголовъ сильнаго и смѣшаннаго спряженій, которыхъ не было въ первомъ изданіи. Оставляя въ сторонѣ отдѣлъ первый, который, по нашему мнѣнію, слѣдовало бы совсѣмъ исключить при новомъ изданіи, позволимъ себѣ указать на нѣкоторыя частности, надѣясь, что авторъ при случаѣ воспользуется этими замѣтками. § 12 о значеніи и употребленіи членовъ долженъ быть отнесенъ къ синтаксису. На стр. 29 читаются неупотребительныя формы *die Munde* и *die Monden*. На стр. 32 греческія окончанія *gog* и *thgor* должны быть измѣнены на *agog* и *anthgor*. Тамъ же встрѣчается *Canal—Canäle* и *Kanal—Kanäle*, какъ будто это два различныя слова. Предварительныя замѣчанія въ §§ 13 и 20 должны быть опущены какъ лишнія. На стр. 36 *Lausitz* переводится черезъ Лаузація. На стр. 39 § 21 А. а. слѣдуетъ прибавить слова: „или сложными существительными (срвн. примѣръ: страхъ Божій—*Gottesfurcht*)“. На стр. 41, въ 4-й строкѣ снизу, слѣдуетъ прибавить „безъ члена“ послѣ словъ „соединено съ существительнымъ“. Въ § 25 Б и въ § 30 вмѣсто того, чтобы излагать способъ склоненія числительныхъ порядковыхъ и притяжательныхъ мѣстоименій, слѣдовало просто указать, что они склоняются такъ, какъ и всѣ прочія прилагательныя. Примѣчаніе на стр. 78 о глаголахъ съ удвоеніемъ непонятно для учениковъ и неточно.

Первая нѣмецкая книга для чтенія (методическая хрестоматія), примѣнительно къ II классу мужскихъ и женскихъ среднихъ учебныхъ заведеній. Составилъ *Г. Гиршфельдъ*, преподаватель гимназій и прогимназій. Вильна. 1887. Въ 16-ую стр. 78. Цѣна 35 коп.

Почти треть означенной книги, а именно 21 страницу, занимаетъ предисловіе, въ которомъ авторъ даетъ краткій историческій обзоръ попытокъ рѣшить вопросъ о преподаваніи иностранныхъ языковъ, характеризуетъ системы Гамильтона, Жакото, Робертсона, Зей-

денштюкера, Гаушильда и Магера и приходитъ къ выводу (стр. 12), что „систематическій методъ не долженъ распространяться только на грамматическія правила, но также и на чтеніе, начинающееся съ перваго курса“. Для таковаго чтенія авторъ и составилъ предлагаемую имъ систематическую хрестоматію и общааетъ (стр. 14), что „въ скоромъ времени выйдетъ вторая книга для чтенія, приспособленная къ познаніямъ учащихся втораго курса“. Въ концѣ предисловія г. Гиршфельдъ даетъ нѣкоторые совѣты относительно практическихъ приемовъ самого преподаванія, останавливаясь особенно на способѣ выписыванія словъ учениками. Все это гораздо умѣстнѣе было бы въ особой брошюрѣ или журнальной статьѣ и совершенно напрасно занимаетъ столь значительную часть книжки, назначенной для учениковъ 2-го класса.

Хрестоматія состоитъ изъ небольшихъ статей; подѣ каждой изъ нихъ обозначено русское значеніе встрѣчающихся въ ней словъ и выраженій, но не всѣхъ, такъ какъ предполагается, что ученики, приступающіе къ чтенію, владѣютъ извѣстнымъ запасомъ словъ, на приобрѣтеніе котораго, по мнѣнію автора (стр. 12), достаточно „при шести урокахъ, первое полугодіе“. Въ гимназіяхъ и реальныхъ училищахъ, однако, только три недѣльные урока назначено во второмъ классѣ на нѣмецкій языкъ, а потому весьма сомнительно, могутъ ли при настоящемъ числѣ уроковъ ученики пользоваться книгою еще въ томъ классѣ, для котораго она назначается авторомъ.

Статьи по формѣ изложенія представляютъ постепенный переходъ отъ самыхъ простыхъ предложеній къ болѣе сложнымъ; для облегченія учениковъ сложное сказуемое напечатано крупнымъ шрифтомъ.

По содержанію своему бѣльшая часть статей относится къ числу анекдотовъ, между которыми преобладаютъ анекдоты, основанные на игрѣ словъ или какой-нибудь остротѣ. Такой выборъ сдѣланъ съ цѣлью занять учениковъ и возбудить ихъ интересъ къ изученію нѣмецкаго языка, но едва ли можно ожидать такого результата. Вообще остроты и шутки представляются предметомъ, мало подходящимъ къ серьезнымъ занятіямъ, и могутъ предлагаться ученикамъ развѣ только изрѣдка, въ видѣ отдыха или награды послѣ болѣе основательныхъ занятій. Если же все чтеніе основано на подобныхъ пустыхъ вещахъ, то вмѣсто ожидаемаго оживленія на учениковъ наводится только скука.

Въ нѣкоторыхъ статьяхъ, составленныхъ, по видимому, нарочно для этой хрестоматіи, встрѣчаются выраженія, не свойственныя нѣ-

мецкому языку, и даже просто ошибки. Отмѣтимъ слѣдующія мѣста: № 20 er will es einem seiner Freunde, Naturalisten, zum Geschenk machen (пропущенъ неопредѣленный членъ передъ приложениемъ); ibid. man wartet mich *вм.* man erwartet mich; ibid. da ihn beides in den Händen stört. № 27 Habe Dank Euer Gnaden *вм.* habet Dank; ibid. war in Besitz *вм.* kam in Besitz или war in Besitz gekommen. № 28. setzte der König fort *вм.* fuhrf ort. № 31 er fragt mit Gelächter *вм.* lachend. № 32 Kam auf eine Poststation an, *вм.* auf einer. № 36 Sie sind nicht, liebe Frau, an den rechten Ort gekommen (отрицаніе не на мѣстѣ). № 40, b. zu welchem Preise muss der übrige Zucker verkauft werden um 264 Rubel zu haben (*вм.* zu geben). № 41, 6: er setzte fest—immer drei Schaltsage ausfallen su lassen *вм.* dass ausfallen sollten. № 48 er suchte wo Theer zu kaufen *вм.* zu kaufen wäre. № 52, 2. Die Vögel sind nicht so schön und gross, als in der heissen Zone, übertreffen sie (?) aber im Gesange (по крайней мѣрѣ слѣдовало сказать als die in der heissen Zone) и т. п.

Книга кишитъ опечатками, изъ которыхъ многія скорѣе похожи на описки. Изъ 52 страницъ, занимаемыхъ собственно хрестоматіей, только 7 страницъ оказываются безъ опечатокъ; всего ихъ болѣе сотни, причемъ надо помнить, что книга напечатана въ 16-ю долю листа. Опечатки относятся почти безъ различія, какъ къ нѣмецкому тексту, такъ и къ русскимъ словамъ подъ текстомъ.

Вторая нѣмецкая книга для чтенія (методическая хрестоматія) примѣнительно къ III классу мужскихъ и женскихъ среднихъ учебныхъ заведеній. Составилъ Г. Гершгольдъ, преподаватель Виленскаго реальнаго училища. Рига. 1887. Въ 16-ую д. л. стр. 78.

И во второй, какъ въ первой книгѣ этого учебника, матеріалъ для чтенія состоитъ, главнымъ образомъ, изъ пустыхъ анекдотовъ, остроты которыхъ сводятся къ игрѣ словъ и часто не могутъ даже быть переведены на русскій языкъ (срв. статьи 3, 5 и 8); другія содержать въ себѣ шутки о такихъ предметахъ, съ которыми, особенно дѣтямъ, шутить крайне неудобно (напримѣръ, статьи 10 и 15). Объясненія атмосферныхъ явленій, помѣщенія (стр. 55 слл.) подъ страннымъ заглавіемъ Auseinandersetzungen, запутаны и сбивчивы (срвп. статьи 50, 53 и 54).

Но не только по содержанію статьи не удовлетворяютъ требованіямъ школы,—онѣ не удовлетворительны и по изложенію; встрѣчаются даже неправильныя выраженія, напримѣръ, въ статьѣ 3-ей Mittag *вм.* Mittagessen, слово fragelos въ заглавіи статьи 12, aus niederer Her-

kunft stammen (ст. 24); nach Wissbegierde streben (ст. 58); hergehen *вм.* vorgehen (ст. 12); niedersetzen *вм.* niederlegen и sich Jemandes Gnade unterziehen (ст. 43). Къ синтаксическимъ ошибкамъ относятся слѣдующія: Deine Grossmuth wird nicht zulassen, dass du uns das Leben nehmen wirst *вм.* nimmst или nimmest (ст. 26), der Alte zählt das Geld, so dass beide Töchter hören *вм.* es hören (ст. 43); der Arzt lobte ihn darüber *вм.* dafür. Позволимъ себѣ указать на статью 42-ю, какъ на образецъ неуклюжаго стиля и неяснаго изложешя.

Въ словахъ, помѣщенныхъ подъ статьями, много несообразнаго. Такъ, напримѣръ, переводятся: herumtappen — ходить сюда-туда (ст. 1); geistreich — даровитый (ст. 13); Gemüth — душевное качество (ст. 19); schonen — беречь *вм.* щадить (ст. 21); Gliedermann — искусно устроенный человекъ (ст. 23); das Leben nehmen — отнимать жизнь (ст. 26); traurig aussehen — высматривать грустно (ст. 31); ungenutzt lassen — пользоваться, vertändeln — промотать (ст. 32); daherziehen — заволочь (ст. 38) и т. д.

Отмѣтимъ еще ошибки противъ правописанія и флексіи русскихъ словъ, которыя только отчасти могутъ быть признаны опечатками: ст. 16 беречь *вм.* сберечь; ст. 19 кукли *вм.* куклы; ст. 25 подлинникъ *вм.* подлинникъ; ст. 26 виночерпъ *вм.* виночерпій; ст. 27 молкія *вм.* молнія; ст. 27 вреднио; ст. 28 проѣжалъ *вм.* проѣзжалъ; ст. 28 жимать *вм.* сжимать; ст. 31 ушли укладкомъ *вм.* укладкой; ст. 34 подояніе *вм.* подаяніе; ст. 36 кайдалы *вм.* бандалы; ст. 37 замахать *вм.* замахнуться; ст. 37 одинаково длиной; ст. 38 край болоты; ст. 38 остороженіе *вм.* предостереженіе; ст. 39 объ его *вм.* о него; ст. 40 да не украли *вм.* не укради; ст. 47 (стр. 42) неприязно тамъ же: (стр. 48) кипѣла *вм.* кипятила; ст. 48 (стр. 55) осмѣлится *вм.* осмѣлиться; ст. 52 (стр. 58) ростеніе *вм.* растеніе; ст. 58 корыстіе *вм.* корысть; ст. 60 сочитаніе *вм.* сочетаніе; стран. 66 клювемъ стучить у стекла *вм.* клювомъ стучить въ стекло; тамъ же: радостно выкликаеть *вм.* восклицаетъ; стр. 71 крыльи *вм.* крылья; крылашаго *вм.* крылатаго; стр. 72 жальтесь *вм.* сжальтесь; тамъ же: горѣ мнѣ *вм.* горе мнѣ и стр. 76 придыраться *вм.* придираться п т. н.

DEUTSCHES LEBESBUCH für die unteren und mittleren Klassen höherer Lehranstalten von Dr. I. Buschmann, Direktor des Kgl. Gymnasiums zu Sigmaringen. Erste Abtheilung. Fünfte Auflage. Trier. 1886. Стр. XII+361. Zweite Abtheilung. Fünfte Auflage. Trier. 1886. Стр. XIV+603 въ 8-ку.

Хрестоматія, составленная д-ромъ Бушманомъ, принята во многихъ учебныхъ заведеніяхъ Германіи и вышла уже пятымъ

изданіемъ. Статьи, составляющія содержаніе, какъ первой, такъ и второй части ея, расположены по видамъ, къ которымъ онѣ относятся по формѣ изложенія. Прозанческія статьи первой части, числомъ 165, распредѣлены слѣдующимъ образомъ: сказки, небылицы (Schwänke) и саги, басни, параболы, повѣсти и разказы, описанія и небольшой сборникъ сентенцій, а стихотворенія числомъ 171, пѣсни, притчи, басни, сказки, небылицы и саги, повѣсти и разказы, загадки и сборникъ пословиць. Во второй части подобнымъ образомъ помѣщены сперва басни и параболы, повѣсти, сказанія и саги, историческіе разказы, описанія и характеристики, а затѣмъ, въ отдѣлѣ, посвященномъ стихотвореніямъ,—образцы эпической поэзіи, какъ-то: басни, параболы, парамитіи, легенды, поэтическія повѣсти, баллады, романсы, рапсодіи, идилліи, описанія, а также примѣры лирической поэзіи, а именно: пѣсни, элегіи, нравоученія, епиграммы, посланія и загадки. Образцы драматической поэзіи уже потому не могли войти въ составъ хрестоматіи, что она содержитъ лишь цѣльныя произведенія, а вслѣдствіе большаго объема драматическихъ сочиненій помѣщеніе ихъ цѣликомъ въ хрестоматіи оказывается невозможнымъ, отдѣльные же отрывки не могутъ дать учащимся вѣрнаго понятія объ этомъ родѣ поэзіи. Богатый и разнообразный матеріалъ, составляющій содержаніе, какъ прозанческихъ статей, такъ и стихотвореній, дѣлаетъ изъ этой хрестоматіи весьма полезную и притомъ интересную книгу для чтенія; помѣщенныя статьи выбраны съ большимъ педагогическимъ тактомъ; онѣ доступны пониманію учащихся соответствующаго возраста и расположены въ порядкѣ постепенно увеличивающейся трудности. Пригодность книги возвышается еще прибавленіями къ первому и второму отдѣлу второй части. Въ первомъ изъ этихъ прибавленій (стр. 353) составитель предлагаетъ сборникъ образцовыхъ, составленныхъ извѣстными педагогами, плановъ для упражненій учениковъ въ письменныхъ сочиненіяхъ на заданныя темы. Слѣдуя тому же принципу дѣленія, по которому распредѣлены и статьи хрестоматіи, онъ предлагаетъ: измѣненіе данной басни, составленіе басни на данную пословицу, схемы для разказовъ, переказы даннаго разказа, изложенія темъ историческихъ или замѣчательныхъ изъ сказаній, схемы для описаній, разсужденій, синонимы, сравненія, схемы и планы для сочиненій на пословицы, хрѣю и примѣры логическаго разбора стихотвореній. Въ приложеніи второмъ (стр. 595) составитель, подъ заглавіемъ „Elemente der Poetik“, даетъ краткія свѣдѣнія о тропяхъ и фигурахъ, о стихахъ и строфахъ и

о видахъ поэзін, а въ третьемъ приложеніи (стр. 601)—алфавитный указатель поэтовъ, стихотворенія которыхъ помѣщены въ хрестоматіи, съ указаніемъ соотвѣтствующихъ страницъ книги и сообщеніемъ о времени рожденія и смерти каждаго изъ нихъ. Этотъ послѣдній указатель весьма полезенъ и облегчаетъ пользованіе хрестоматіей, какъ пособіемъ при прохожденіи курса исторіи нѣмецкой литературы. Книга издана замѣчательно хорошо и исправно.

Нѣмецкая хрестоматія для среднихъ и старшихъ классовъ русскихъ учебныхъ заведеній. Составилъ *Р. Гретманъ*. Второе исправленное изданіе. Москва. 1886. Въ 8-ю стр. XXXII+536+240. Цѣна хрестоматіи съ словаремъ 2 р.

Первое изданіе разсматриваемой хрестоматіи составлено было г. Гретманомъ и Кейзеромъ, а второе изданіе сдѣлано однимъ г. Гретманомъ; оно различается отъ перваго бѣльшимъ объемомъ, благодаря бѣльшему количеству помѣщенныхъ въ немъ статей. Основная мысль осталась одна и та же, а именно—„познакомить учениковъ съ богатой духовною и матеріальною жизнью германскаго народа“, какъ сказано въ извлеченіи изъ предисловія къ 1-му изданію (стр. V). Поэтому—продолжаютъ тамъ же составители—„въ хрестоматіи ученикъ найдетъ картины, изображающія вѣру, суевѣрія и повѣрія нѣмецкаго народа, міръ фантастическій и сказочный, образцы исторіи, какъ лѣтописной, такъ и критически разработанной, черты изъ жизни величайшихъ и замѣчательнѣйшихъ германскихъ дѣятелей и двигателей (?), народныя разказы, въ которыхъ выразился юморъ и остроуміе націи, художественныя и научныя описанія общихъ и частныхъ явленій и произведеній природы, замѣчательныхъ мѣстъ и, наконецъ, разнообразный выборъ поэтическихъ произведеній изъ лучшихъ нѣмецкихъ поэтовъ“. Послѣ указанія на неудобство „брать матеріалъ для хрестоматіи отовсюду, руководствуясь въ своемъ выборѣ только авторитетомъ писателя, интересомъ отдѣльной статьи и т. п.“, на стр. VI говорится: „Въ повѣйшее время составители русскихъ хрестоматій и книгъ для чтенія держатся того взгляда, что русская хрестоматія должна вводить русскаго ученика во все русское; нѣмецкая же должна его ограничивать областью одного только нѣмецкаго“. До извѣстной степени эта мысль вѣрна, но именно только до извѣстной степени, что, намъ кажется, чувствовали и сами составители, не рѣшившіеся въ выраженіи этой мысли провести полную параллель между русскою хрестоматіей и нѣмецкою. Значеніе русской хрестоматіи въ школѣ иное, нежели значеніе нѣмецкой, уже по

тому, что отношеніе русскаго ученика къ тому и другому учебному пособию совершенно иное. Русская хрестоматія служить одною изъ главнѣйшихъ задачъ всякаго учебнаго заведенія — средняго, какъ и низшаго—познакомить ученика съ родиною, языкомъ и духомъ роднаго народа, чтобъ онъ могъ сознательно относиться къ явленіямъ русской жизни и не быть чужимъ въ своемъ отечествѣ. Такимъ цѣлямъ не можетъ, да и не должна служить нѣмецкая хрестоматія—тутъ на первомъ планѣ стоитъ изученіе самаго языка и ознакомленіе съ образцовыми произведеніями нѣмецкой литературы, но только съ такими, которыя, благодаря своему общечеловѣческому содержанію и классической формѣ, доступны и важны для всѣхъ народовъ, слѣдовательно, и для русскихъ. Поэтому сочиненія, имѣющія предметомъ спеціальныя особенности нѣмецкой жизни или имѣющія спеціально нѣмецкій колоритъ, не должны входить въ составъ нѣмецкой хрестоматіи, назначаемой для русскихъ учениковъ. Русская рѣчь, даже если она по причинѣ древности памятника или народнаго ея происхожденія въ общемъ своемъ строѣ и въ отдѣльныхъ словахъ и выраженіяхъ сильно отстываетъ отъ разговорнаго языка, съ которымъ знакомъ русскій ученикъ, приступающій къ чтенію, не затрудняетъ его, потому что во всемъ для него новомъ и необычномъ, съ чѣмъ онъ знакомится, слышится для него что-то родное. Этого-то роднаго онъ не слышитъ въ произведеніяхъ чужаго народа, а потому оно для него остается сокровеннымъ, непонятнымъ и безынтереснымъ. Никакъ нельзя согласиться съ положеніемъ, высказаннымъ г. Гретманомъ въ предисловіи ко второму изданію, на стр. IX, въ защиту своего взгляда на дѣло, якобы „ученикъ, приступая къ чтенію нѣмецкой хрестоматіи, такъ же мало знакомъ съ бытомъ нѣмецкаго народа, какъ ученикъ, приступающій къ чтенію русской хрестоматіи, съ русскою жизнью“. Поэтому въ нѣмецкой хрестоматіи, назначаемой для русскихъ учениковъ, не слѣдуетъ помѣщать произведеній такихъ авторовъ, слогъ которыхъ или устарѣлъ, или же, благодаря своей своеобразности, слишкомъ далеко отстываетъ отъ общепринятаго современнаго литературнаго и разговорнаго языка. Въ хрестоматіи, составленной г. Гретманомъ, мы встрѣчаемъ, однако, статьи, заимствованныя изъ сочиненій Виланда, проза котораго и сама по себѣ устарѣла, а въ данномъ случаѣ, вслѣдствіе особенной цѣли сочиненія—сатирическаго романа *die Abderiten*—нарочно испещрена странными выраженіями и оборотами для того, чтобы произвести комическій эффектъ на читателя (ср. №№ 87 и 88). Еще менѣе пригодны

для чтенія учениками, тѣмъ паче русскими, помѣщенные въ хрестоматіи отрывки изъ Жанъ-Поля, писателя, который ни въ какомъ случаѣ не можетъ служить образцомъ стиля и парочно скрываетъ свои мысли въ кудрявыхъ, даже уродливыхъ, періодахъ и подъ трудно понятными намеками и образами. Такія фразы, каковы помѣщенные въ 96-ой статьѣ (на стр. 67 съ начала, 69,3 съ начала, стр. 70, строка 20 слл. и стр. 71, строка 10 слл.), непонятны для ученика, не говоря уже о невозможности точнаго перевода ихъ на русскій языкъ. Недоступными по содержанію для учениковъ слѣдуетъ признать и параболы Гердера, помѣщенные подъ №№ 29—32, особенно же № 29. Кромѣ указанныхъ статей, найдутся еще и другія, болѣе или менѣе непригодныя, наприимѣръ, № 94, стр. 62, *Aus Saphirs Memoiren*.

Въ хрестоматіи помѣщены 304 прозаическихъ статьи и 122 стихотворенія въ слѣдующемъ порядкѣ: Проза: I. Басни и параболы, №№ 1—32; II. Анекдоты и разказы, №№ 33—113; III. Сказки, саги и легенды, №№ 114—159; IV. Очерки изъ нѣмецкой исторіи, №№ 160—253; V. Описанія, №№ 254—273; VI. Сообщенія изъ области естественныхъ наукъ. В. Поэзія: I. Басни, параболы и аллегоріи, №№ 1—24; II. Сказки, саги и легенды, №№ 25—46; III. Лирическія стихотворенія и описанія, №№ 47—85; IV. Поэтическіе разказы, баллады, романсы, №№ 86—117 и V. Эпическія стихотворенія. Какъ видно изъ указателя, въ которомъ сопоставлены нумера статей перваго и втораго изданій, число статей значительно увеличено г. Гретманомъ при вторичномъ изданіи хрестоматіи. Самъ же авторъ заявляетъ на стр. XIX въ предисловіи, что „со многихъ сторонъ было высказано мнѣніе, что слѣдовало бы въ значительной степени уменьшить объемъ предлагаемой книги“ (при этихъ заявленіяхъ, конечно, могло имѣться въ виду лишь первое изданіе, болѣе краткое, чѣмъ настоящее), но утверждаетъ, что „къ сожалѣнію, ему при всемъ желаніи сдѣлать это было не возможно“. И вотъ почему: „Вонерныхъ, цѣли и требованія учебныхъ заведеній весьма различны, и для удовлетворенія ихъ надо имѣть крайне разнообразный матеріалъ; ввторныхъ, лучше дать нѣсколько больше, чѣмъ на оборотъ, такъ какъ не легко угодить на всѣ вкусы, и едва ли найдется преподаватель, который сталъ бы читать всѣ статьи подѣрядъ, въ томъ порядкѣ, какъ онѣ расположены. Втретьихъ, онъ по собственному опыту убѣдился, что даже при не особенно большомъ количествѣ уроковъ (среднимъ числомъ 4 въ недѣлю) удается прочитать болѣе трехъ четвертей всего содержанія,

а такъ какъ весьма неудобно каждый годъ непремѣнно читать однѣ и тѣ же статьи, то во всякомъ случаѣ надо имѣть еще нѣсколько ихъ въ запасѣ". Эти доводы не убѣдительны. Что касается различія въ требованіяхъ учебныхъ заведеній, то, кажется, всякая учебная книга можетъ быть пригодна только для учебныхъ заведеній извѣстнаго общаго типа или точнѣе, для такихъ, которыя относительно даннаго предмета преслѣдуютъ приблизительно одинаковыя цѣли. Цѣли же преподаванія нѣмецкаго языка въ русскихъ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ различаются только степенью достигаемыхъ результатовъ, а не свойствомъ ихъ. Вездѣ эти цѣли—изученіе современнаго живаго языка и ознакомленіе съ образцовыми произведеніями изящной литературы, но ни въ одномъ учебномъ заведеніи не стремятся къ тому, чтобы изучать на урокахъ нѣмецкаго языка исторію Германіи, по которой въ разсматриваемой книгѣ посвящено не менѣе 93 статей, составляющихъ эпизодическій курсъ, начиная съ похода Друза до царствованія Маріи Терезіи, или знакомить съ подробностями германской мнелогіи (ср. №№ 132—143), или сообщать основныя понятія о естественныхъ наукахъ, къ которымъ въ данной книгѣ относятся 30 статей. Какъ во всякой учебной книгѣ, такъ и въ хрестоматіи, все лишнее, не служащее ея цѣли, понижаетъ степень ея пригодности къ употребленію въ классѣ. Главное достоинство всякой хрестоматіи состоитъ, именно, въ тщательномъ выборѣ статей, а потому нельзя согласиться съ принципомъ составителя: „чѣмъ больше, тѣмъ лучше". Преподаватель, желающій пользоваться его книгою, долженъ составить изъ нея новую хрестоматію, выбравъ изъ массы предлагаемаго матеріала то, что стоитъ изучать, и не найдетъ въ самой книгѣ надлежащаго руководства для такого выбора. Ученики же, ради тѣхъ статей, которыя для нихъ полезны и доступны, должны покупать большую, дорого стоющую книгу, содержащую въ себѣ много совершенно для нихъ ненужнаго, только изъ-за того, что составитель желалъ угодить на всѣ вкусы.

Приложенный къ хрестоматіи словарь составленъ недурно, и переводъ нѣмецкихъ словъ вообще вѣренъ. Помимо значительнаго числа словъ, въ немъ пропущенныхъ, но дополненныхъ самимъ составителемъ въ концѣ словаря на стр. 238—240, намъ пришлось натолкнуться лишь на слѣдующіе пробѣлы: нѣтъ словъ *abhelfen* (ср. стр. 21), *heldisch* (стр. 36), *Pertinenzstück* (стр. 51). Встрѣчающееся въ той же статьѣ (№ 88) выраженіе *mit einiger Servitut verhaftet*, въ словарѣ передано невѣрно *im (sic) Servitut verhaftet*.

POESIE. DAS SCHÖNSTE UND BESTE AUS DES DEUTSCHEN LIED, SPRUCH, SCHERZ UND DIONUNG für Schule und Haus gesammelt, erläutert und mit fortlaufendem Wörterverzeichnis, so wie mit biographischen Angaben über die Dichter und einer Poetik versehen von *Max Fischer*, Sub-Inspektor an der Moskauer Praktischen Akademie für Handelswissenschaften. Moskau. 1889. Въ малюу 8-ю стр. XXVI + 359 + 155. Цѣна 1 рубль.

Означенная книга составляетъ часть (№№ 5 и 6) болѣе обширнаго сборника, издавнаго составителемъ подъ заглавіемъ „*Max Fischers Deutsche Lesehalle für die russische Jugend*“. Въ ней собрано, за исключеніемъ крупныхъ произведеній, все то изъ области нѣмецкой поэзіи, что можетъ служить развитію эстетическаго вкуса въ учащихся и дать здоровую пищу ихъ воображенію. Для младшаго возраста особенно трудно найти подходящій матеріалъ для чтенія и заучиванія наизусть, и сборникъ г. Фишера выгодно отличается отъ большей части употребляемыхъ въ нашихъ учебныхъ заведеніяхъ нѣмецкихъ сборниковъ и хрестоматій богатымъ выборомъ именно такихъ стихотвореній, которыя доступны для пониманія учениковъ младшихъ классовъ, не будучи вмѣстѣ съ тѣмъ слишкомъ тривіальными.

Содержаніе книги слѣдующее: въ первой части, назначаемой преимущественно для младшаго возраста, помѣщены 35 пѣсень, которыя, по мнѣнію составителя, ссылающагося въ предисловіи на сдѣланный имъ опытъ, могутъ исполняться учениками и на урокахъ пѣнія; затѣмъ слѣдуетъ нѣсколько загадокъ, шуточныхъ вопросовъ, скороговорокъ и стишковъ для отщипыванія при дѣтскихъ играхъ; но главную часть этого отдѣла составляютъ нетрудныя стихотворенія, группированныя по слѣдующимъ понятіямъ: Богъ и религія, школьная и дѣтская жизнь, природа и жизнь животныхъ, за которыми слѣдуютъ басни и сперва краткія, а потомъ болѣе обширныя стихотворенія повѣствовательнаго содержанія. Категоріи, по которымъ расположены стихотворенія второй части, назначаемой для средняго и старшаго возрастовъ, слѣдующія: Богъ, душевная жизнь человѣка (*Herz und Gemüt*), природа, правоученіе, поэзія, исторія. Послѣдняя, третья часть, состоитъ исключительно изъ стихотвореній Шиллера, который, по своему высокому значенію для воспитанія юношества, волюмъ заслуживаетъ оказаннаго ему предпочтенія. Вообще выборъ помѣщенныхъ въ сборникѣ стихотвореній весьма удаченъ; въ числѣ этихъ стихотвореній не находится ни одного, которое могло бы вызвать малѣйшее сомнѣніе

въ пригодности его для юношества. При этомъ составитель имѣлъ въ виду, что книга его назначается именно для юношества русскаго; это доказывается, между прочимъ, и тѣмъ, что въ нѣкоторыхъ случаяхъ онъ помѣстилъ подъ текстомъ образцовые стихотворные переводы нѣмецкихъ подлинниковъ (ср. № 12, № 137 и № 149) и предложилъ подражаніе на нѣмецкомъ языкѣ прекраснаго стихотворенія Лермонтова „Молитва“ (№ 122). Стихотворенія Кернера „Moskau“ и Рюккерта „Die linke Hand“ не могутъ не одушевить русскихъ дѣтей высокими патриотическимъ чувствомъ.

Къ нѣкоторымъ стихотвореніямъ, требующимъ объясненій, такія предлагаются въ примѣчаніяхъ, находящихся въ концѣ книги, стр. 320 и слѣд. Тамъ же помѣщены краткія правила нѣмецкаго стихосложенія и краткія же біографическія данныя о нѣкоторыхъ нѣмецкихъ поэтахъ. Въ видѣ отдѣльнаго томика прибавленъ поставленный словарь.

Биографіи и характеристики изъ исторіи нѣмецкой литературы. Сборникъ статей для чтенія и перевода въ старшихъ классахъ гимназій, реальныхъ училищъ и женскихъ учебныхъ заведеній. Составилъ *Н. Струве*, преподаватель реального училища св. Павла въ Одессѣ. Одесса. 1888. Въ 8-ку стр. VII+217.

Означенная книга представляетъ очеркъ нѣмецкой литературы въ видѣ книги, назначенной для класснаго чтенія. При составленіи ея г. Струве пользовался извѣстными сочиненіями по исторіи нѣмецкой литературы, изъ которыхъ иногда помѣщалъ цѣлыя отрывки, если таковыя казались ему доступными для пониманія учащихся въ русскихъ учебныхъ заведеніяхъ по содержанию и не представляли особенныхъ трудностей по языку. При пользованіи книгою составитель ея совѣтуетъ поступать слѣдующимъ образомъ: по прочтеніи отрывка и послѣ перевода и разбора его, предлагаются вопросы о содержаніи прочитаннаго на нѣмецкомъ языкѣ, съ тѣмъ чтобъ и отвѣты даны были на томъ же языкѣ, а затѣмъ уже учащимся передается содержаніе статьи по русски и по нѣмецки. При такомъ способѣ занятій книга, конечно, не можетъ быть прочитана въ классѣ отъ начала до конца, по такого полнаго усвоенія содержанія всей книги и не имѣлось въ виду составителемъ. Оно и не могло имѣться въ виду, потому что не всѣ статьи равнымъ образомъ могутъ интересовать русскихъ учениковъ; статьи, относящіяся къ періоду упадка нѣмецкой литературы и сообщающія довольно

подробныя свѣдѣнія о писателяхъ менѣ выдающихся или такихъ, съ которыми не придется ученикамъ знакомиться впоследствии, по нашему мнѣнію, лучше бы вовсе не помѣщать въ сборникѣ, такъ какъ онѣ только могутъ отвлечь вниманіе читающихъ отъ болѣ крупныхъ и дѣйствительно классическихъ явленій нѣмецкой литературы. Напротивъ того, съ большимъ интересомъ и съ пользою будутъ читаться помѣщенные въ началѣ каждаго отдѣла общіе очерки отдѣльных періодовъ нѣмецкой литературы, сообщенія о содержаніи Нибелунговъ и Гудруны и жизнеописанія Клопштока Виланда, Лессинга, Гердера, Гете и Шиллера. Если ограничиться этими статьями, то получится достаточно богатый матеріалъ для чтенія въ продолженіи курса трехъ высшихъ классовъ среднихъ учебныхъ заведеній. Текстъ не сопровождается никакими замѣчаніями, а также нѣтъ словаря. И съ тѣмъ, и съ другимъ можно согласиться, въ особенности съ отсутствіемъ спеціальнаго словаря, потому что учащіеся въ старшихъ классахъ должны пріучаться пользоваться общимъ лексикономъ. Книга издана исправно.

Русско-нѣмецкій сборникъ употребительнѣйшихъ словъ и выраженій, подобранныхъ въ систематическомъ порядкѣ. Пособіе для устныхъ и письменныхъ упражненій въ русскомъ и нѣмецкомъ языкахъ. Составилъ *Д. В. фонъ-Мевесъ*. Второе, дополненное и исправленное изданіе. Рига. 1887. Въ 8-ку стр. 81.

Первое изданіе означенной книги, вышедшее въ 1876 г. подъ заглавіемъ: „Словарь употребительнѣйшихъ словъ и выраженій въ русскомъ и нѣмецкомъ языкѣ“, обратило на себя вниманіе въ качествѣ учебнаго пособия, для употребленія при первоначальномъ обученіи русскому языку въ тѣхъ школахъ, гдѣ учебные предметы преподаются на нѣмецкомъ языкѣ.

Второе изданіе этой книги состоитъ изъ 141 главы: въ каждой изъ нихъ предлагаются слова и выраженія, относящіеся къ извѣстному, опредѣленному кругу понятій или явленій природы и жизни, какъ напримѣръ, училище, одежда, торговля и промышленность, война, птицы, охота и т. п., причемъ предшествуютъ русскія названія предметовъ и дѣйствій, а за ними уже помѣщены соотвѣтствующія имъ по значенію нѣмецкія слова. Русскія слова снабжены знаками, указывающими удареніе, въ извѣстныхъ случаяхъ указава и флексія русскихъ словъ прибавленіемъ формъ родительнаго падежа, женскаго рода, втораго лица и т. п. По всему своему плану книга г. Мевеса назначается для учениковъ, родной языкъ которыхъ—нѣмецкій, и

должна служить болѣе къ ознакомленію ихъ съ русскимъ языкомъ, чѣмъ для изученія ими нѣмецкаго языка. Хотя нынѣ въ учебныхъ заведеніяхъ Дерптскаго учебнаго округа, преподавательскимъ языкомъ сталъ обязательно русскій языкъ, но, вѣроятно, тамошніе ученики будутъ знакомиться съ русскимъ языкомъ главнымъ образомъ при посредствѣ нѣмецкаго языка, и пользованіе такими учебными книгами, какова изданная г. Мевесомъ, можетъ способствовать скорѣйшему и всестороннему ознакомленію учениковъ съ лексикою русскаго языка, такъ какъ въ этой книгѣ предлагается богатый матеріалъ для упражненій въ устномъ употребленіи русской рѣчи, притомъ въ извѣстномъ, систематическомъ порядкѣ. Русскія слова являются въ правильной формѣ, и переводъ ихъ на нѣмецкій языкъ точенъ; книга издана исправно.

Звѣздный атласъ для невесныхъ наблюденій. Изображеніе всѣхъ звѣздъ, видимыхъ простымъ глазомъ до 35-го градуса южнаго склоненія и обозначеніе переменныхъ и двойныхъ звѣздъ, звѣздныхъ скопленій и туманностей, которыя могутъ быть наблюдаемы невооруженнымъ глазомъ или обыкновенною зрительною трубою. Большая общая карта и 26 спеціальныхъ картъ, съ 12 листами объяснительнаго текста и 37 рисунками. Составилъ, начертилъ и описалъ *Яковъ Мессеръ*. С.-Пб. 1888. Стр. текста XVI+179.

Подробное заглавіе разсматриваемой книги достаточно уясняетъ ей цѣль и содержаніе. Другаго звѣзднаго атласа, подобнаго составленному Я. Мессеромъ, то-есть, содержащаго въ себѣ всѣ видимыя у насъ простымъ глазомъ звѣзды, на русскомъ языкѣ не имѣется. Уже одного этого обстоятельства достаточно, чтобы привѣтствовать изданіе этой книги, единственной въ нашей учебной астрономической литературѣ, и пожелать ей возможно большаго распространенія.

Атласъ составленъ по Гейсу; но такъ какъ необычайная зоркость глазъ этого астронома была причиною включенія въ его атласъ множества такихъ звѣздъ, которыя были доступны безъ помощи зрительной трубы только ему, а не вообще людямъ, обладающимъ хорошимъ или нормальнымъ зрѣніемъ, то г. Мессеръ поступилъ весьма основательно, что не руководствовался одними лишь кельскими наблюденіями Гейса, а принялъ также въ соображеніе боннскія наблюденія Аргеландера, и потому не включилъ въ свой атласъ тѣ невидимыя невооруженному глазу звѣзды, которыя Гейсъ причислялъ къ 6-й величинѣ, то-есть, считалъ видимыми.

На спеціальныхъ картахъ этого атласа указаны прямыя восхожде-

нія звѣздъ съ точностью до 4 минутъ времени и склоненія—до 1° . За эпоху, къ которой отнесены эти координаты, избранъ 1880 годъ. Весьма многія изъ прямыхъ восхожденій (болѣе тридцати) были нами провѣрены, а также и нѣкоторыя склоненія, и ошибокъ не оказалось.

Отсутствіе пестроты на картахъ, зависящее главнымъ образомъ отъ удачно выбраннаго масштаба, весьма облегчаетъ пользованіе ими; форматъ книги и разиѣръ спеціальныхъ картъ составляетъ также не малое достоинство, ибо дѣлаетъ ее удобною для переноски и для польованія во время самыхъ наблюденій.

Предпосланный атласу текстъ не только содержитъ въ себѣ все необходимое для указанія читателю, неспеціалисту въ области астрономіи, какъ пользоваться атласомъ для изученія звѣзднаго неба, но и даетъ въ краткомъ и удобопонятномъ изложеніи, весьма обстоятельныя свѣдѣнія о природѣ звѣздъ и о ихъ собственныхъ движеніяхъ, а также о движеніи нашего солнца, о звѣздныхъ системахъ, о перемѣнныхъ звѣздахъ, звѣздныхъ скопищахъ, туманностяхъ и т. под.

Относительно недостатковъ книги или, вѣрнѣе, относительно того, что желательно было бы не встрѣчать въ дальнѣйшихъ ея изданіяхъ, можно сказать слѣдующее:

1) Невключеніе звѣздъ, лежащихъ за 35-мъ градусомъ южнаго склоненія, не представляетъ никакого неудобства для наблюдающихъ небо въ сѣверныхъ странахъ Россіи, напримѣръ, въ Петербургѣ, въ Москвѣ или даже немного южнѣе; но для наблюдателя въ Харьковѣ уже окажется въ атласѣ недостатокъ близъ горизонтальныхъ звѣздъ на протяженіи пяти градусовъ, въ Симферополѣ—десяти градусовъ, а въ Тифлисѣ и южныхъ частяхъ Кавказа не достанетъ уже болѣе 13 и даже 15 градусовъ звѣздной полосы неба. Въ атласѣ нѣтъ не только спеціальныхъ картъ болѣе южныхъ созвѣздій, но не имѣется и общей карты южной полусферы неба. Было бы несравненно лучше, вмѣсто общей карты звѣздъ до 35° южнаго склоненія, помѣстить двѣ общія карты: одну—сѣверной, а другую—южной звѣздной полусферы. Притомъ, не представилось бы особаго затрудненія въ изображеніи на спеціальныхъ картахъ тѣхъ звѣздъ, которыя лежатъ за 35-мъ градусомъ, напримѣръ, до 45-го или даже до 50-го градуса южнаго склоненія. Всѣ данныя для этого авторъ нашель бы въ превосходныхъ аргентинскихъ работахъ 1879 года астронома Гульда или въ издавшихся почти въ то же время и произведенныхъ вблизи экватора наблюденіяхъ бельгійскаго астронома Гузо. Еслибъ авторъ лишь немного измѣнилъ масштабъ и разиѣры спеціальныхъ картъ, то

могъ бы, воспользовавшись атласами Гульда или Гузо, значительно отодвинуть къ югу предѣльное склоненіе, почти не увеличивая объема своего атласа.

2) вмѣсто общепринятыхъ старинныхъ знаковъ для звѣздъ первыхъ пяти классовъ, авторъ обозначаетъ постоянныя звѣзды черными кружками различной величины, а переменныя — кольцами. Едва ли можно одобрить такое изображеніе, въ особенности для переменныхъ звѣздъ. Число этихъ послѣднихъ на каждой картѣ весьма ограничено, а на многихъ не оказывается даже ни одной, слѣдовательно, карты нисколько не потеряли бы въ ясности, еслибы переменныя звѣзды были изображены также, какъ и постоянныя, съ прибавленіемъ лишь къ первымъ обычной надписи *V a r*; между тѣмъ, принятый авторомъ способъ почти не даетъ возможности отличить переменную звѣзду 6-й величины отъ постоянной.

3) Въ текстѣ встрѣчаются, хотя впрочемъ крайне рѣдко, нѣкоторые пропуски; напримѣръ, говоря о различныхъ центрахъ движенія звѣздъ спутниковъ въ системахъ двойныхъ и вообще многократныхъ звѣздъ, авторъ не упоминаетъ о томъ, что центромъ движенія можетъ быть также темное тѣло; а между тѣмъ существованіе такихъ именно центровъ обнаружено точнѣйшими наблюденіями.

4) Встрѣчаются слова, обнаруживающія недостаточное знакомство автора съ русскимъ языкомъ и съ общепринятыми у насъ научными терминами; напримѣръ: проицирующее, проицируемое, вмѣсто — проектирующее, проектируемое; вмѣсто установившагося у насъ названіе „Зодіакъ“, авторъ говоритъ: животный кругъ. Можно бы также указать многіе примѣры неправильнаго согласованія или размѣщенія словъ, хотя и не препятствующіе ясному пониманію текста, по свидѣтельствующіе о томъ, что редакторомъ текста былъ не русскій.

СОВРЕМЕННАЯ ЛѢТОПИСЬ.

НАШИ УЧЕБНЫЯ ЗАВЕДЕНІЯ.

МОСКОВСКІЙ УНИВЕРСИТЕТЪ ВЪ 1888 ГОДУ.

Въ Московскомъ университетѣ къ концу 1888 года состояло слѣдующее число преподавателей: профессоръ богословія 1, ординарныхъ профессоровъ: на историко-филологическомъ факультетѣ 12, на физико-математическомъ 11, на юридическомъ 7, на медицинскомъ 13, итого 43; экстраординарныхъ профессоровъ: на историко-филологическомъ факультетѣ 4, на физико-математическомъ 9, на юридическомъ 5, на медицинскомъ 15, итого 33; прозекторовъ 5, астрономъ наблюдатель 1, лекторовъ 4, итого 87 преподавателей. Кромѣ того, по приглашенію университета, состояли въ качествѣ преподавателей 6 лицъ, изъ нихъ четверо — для практическихъ упражненій въ древнихъ языкахъ, а остальные двое — для преподаванія еврейскаго, ассирійскаго и арабскаго языковъ. Сверхъ того, для желающихъ изъ студентовъ преподавались антропология и испанскій языкъ. Приватъ-доцентовъ состояло къ концу 1888 года 76, которые распредѣлялись по факультетамъ слѣдующимъ образомъ: на историко-филологическомъ факультетѣ 17, на физико-математическомъ—16, на юридическомъ—8, на медицинскомъ—35. Такимъ образомъ общее число преподавателей, считая какъ штатныхъ и сверхштатныхъ профессоровъ и преподавателей, какъ равно стороннихъ преподавателей и приватъ-доцентовъ, къ концу 1888 года было 108. Изъ числа преподавателей и другихъ служащихъ въ университетъ часть солху, отд. 4.

ситетѣ командированы были съ ученою цѣлью: внутри Россіи—3, за границу — 9 лицъ.

Для усиленія учебной дѣятельности студентовъ и для контроля за занятіями ихъ при факультетахъ существовали семинаріи въ слѣдующемъ видѣ: на историко-филологическомъ факультетѣ происходили практическія занятія по древнимъ языкамъ подъ руководствомъ двухъ профессоровъ, трехъ приватъ-доцентовъ и четырехъ преподавателей; на юридическомъ — семинаріи были, подъ руководствомъ профессоровъ: а) по статистикѣ — разборъ источниковъ русской хозяйственной статистики и составленіе по нимъ рефератовъ, б) по политической экономіи — изученіе и комментированіе сочиненія Дав. Рикардо „Начала политической экономіи и налоговъ“, в) по исторіи русскаго права — чтеніе и толкованіе Троицкаго списка Русской Правды сравнительно съ академическимъ спискомъ, при чемъ отдѣльныя статьи были разсматриваемы въ предметномъ порядкѣ; кромѣ того, сообщено о происхожденіи и составѣ Русской Правды и о дошедшихъ до насъ спискахъ ея, при чемъ принято Калачовское дѣленіе послѣднихъ на фамиліи или разряды. На физико-математическомъ факультетѣ семинаріи и практическія занятія велись въ кабинетахъ, лабораторіяхъ, музеяхъ и другихъ учебно-вспомогательныхъ учрежденіяхъ, а по нѣкоторымъ предметамъ и въ аудиторіяхъ. Такъ, въ механическомъ кабинетѣ студенты занимались рѣшеніемъ задачъ по начертательной геометріи и проектированіемъ деталей машинъ, а нѣкоторые упражнялись въ линейномъ черченіи. Въ физической лабораторіи, дающей мѣсто лишь 35 практикантамъ въ каждый семестръ, къ занятіямъ допускались только лица, прослушавшія весь экспериментальный курсъ физики и преимущественно тѣ, которые спеціально посвящаютъ себя физикѣ, а также стипендіаты министерства народнаго просвѣщенія. Общій курсъ практическихъ работъ обнимаетъ собою изученіе классическихъ измѣрительныхъ приборовъ и методовъ, а наиболѣе успѣшно прошедшіе этотъ общій курсъ допускаются къ болѣе сложнымъ задачамъ и самостоятельнымъ изслѣдованіямъ. Въ зоологическомъ музеѣ 34 студента 4-го семестра знакомились съ анатоміею и систематикою ракообразныхъ какъ по собственнымъ препаратамъ, такъ и по изготовленнымъ ассистентами, а 51 студентъ занимались по программѣ для испытанія студентовъ въ коммиссіяхъ. Изъ студентовъ старшихъ курсовъ одинъ занимался опредѣленіемъ и установкою систематическаго собранія рыбъ, а двое —

опредѣленіемъ и установкою собранныхъ ими лѣтомъ матеріаловъ. Въ минералогической лабораторіи 6 практикантовъ, студентовъ 7-го семестра, занимались опредѣленіемъ и анализомъ минераловъ. Въ лабораторіи ботаническаго сада лѣтомъ производились занятія по опредѣленію растеній и по изученіи мѣстной флоры, при чемъ предпринято было нѣсколько загородныхъ экскурсій; студенты старшихъ курсовъ работали по гистологіи и морфологіи растеній; для желающихъ изъ числа студентовъ-медиковъ 1-го семестра были устроены занятія по изученію растительной клѣтки и тканей. На медицинскомъ факультетѣ студенты ежедневно были заняты на многочисленныхъ лекціяхъ, которыя для нѣкоторыхъ студентовъ продолжаются отъ 8-ми часовъ утра до 8-ми вечера. Сверхъ того, они занимались практически и въ часы свободныя отъ лекцій, показанныхъ въ росписаніи. Студенты упражнялись въ химической и фармацевтической лабораторіяхъ и занимались въ ботаническомъ саду. Въ анатомическомъ театрѣ студенты разсѣкали трупы съ цѣлью изученія нормальной, хирургической и патологической анатоміи и судебной медицины, а также упражнялись въ производствѣ операций на трупахъ и изучали практически общую патологию. Въ кабинетахъ фізіологическомъ и гистологическомъ, въ анатомо-патологическомъ театрѣ студенты занимались практическимъ изученіемъ фізіологіи и гистологіи, нормальной и патологической анатоміи. Въ гигиенической лабораторіи они занимались изученіемъ санитарныхъ способовъ изслѣдованія воздуха, воды и нѣкоторыхъ пищевыхъ веществъ. Въ клиникахъ они писали исторіи болѣзней, на основаніи собственнаго изслѣдованія больныхъ и, въ случаѣ нужды, сами производили термометрическія, химическія и микроскопическія опредѣленія. Профессору судебной медицины студенты представляли протоколы судебно-медицинскихъ изслѣдованій.

Для присужденія наградъ медалями отъ факультетовъ предложены были слѣдующія темы: отъ историко-филологическаго факультета— „Развитіе философской мысли въ Россіи и болѣе замѣчательные представители ея съ 20-хъ годовъ нынѣшняго вѣка по 50-тые включительно“, „Разборъ польскихъ сочиненій Яна Кохановскаго главнымъ образомъ со стороны вліянія на него римскихъ и греческихъ образцовъ“, „Переписка Цицерона какъ источникъ для исторіи Юлія Цезаря за время отъ начала столкновенія Цезаря съ сенатомъ до смерти Цезаря“; отъ физико-математическаго— „Опредѣленіе продолжительности удара упругихъ тѣлъ“ и „Сводъ свѣдѣній по орга-

низации и биологии гимнофіонъ"; отъ юридическаго—„О товариществѣ въ римской юриспруденціи"; отъ медицинскаго—„О вліяніи іодистаго калія на выдѣленіе ртути мочою. За представленныя на эти темы сочиненія удостоены: а) золотыми медалями—6 лицъ (2 историко-филологическаго факультета, 3—физико-математическаго и 1—медицинскаго), б) серебряными медалями—7 (5 историко-филологическаго факультета, 1—физико-математическаго и 1—медицинскаго; в) почетнаго отзыва—2 (оба историко-филологическаго факультета). Сверхъ того, одному студенту VII семестра историко-филологическаго факультета, за представленное имъ сочиненіе присуждена премія имени Н. В. Исакова.

Для приготовленія къ профессорскому званію командированы были за границу и оставлены были при университетѣ 42 лица. Изъ нихъ 21 получали стипендіи изъ разныхъ источниковъ, остальные же стипендіями не пользовались. Оставленные при университетѣ распределялись по факультетамъ слѣдующимъ образомъ: въ историко-филологическомъ факультетѣ—18 (стипендіатовъ 5), въ физико-математическомъ—9 (стипенд. 4), въ юридическомъ—11 (стипенд. 11). Собственно въ 1888 году былъ командированъ за границу 1, оставлено при университетѣ 14, получили продолженіе срока на оставленіе при университетѣ еще на одинъ годъ 3, испрошено содержаніе на командированіе за границу—1 и на оставленіе при университетѣ 6.

На основаніи постановленія университетскаго устава и съ разрѣшенія г. министра народнаго просвѣщенія, приобрѣвшій почетную извѣстность своими научными трудами профессоръ Болонскаго университета Эдуардъ Бриціо возведенъ въ степень доктора теоріи и исторіи искусствъ, безъ испытанія на степень магистра и безъ представленія диссертации. На основаніи того же устава совѣтомъ университета утверждены въ ученыхъ степеняхъ и званіяхъ: а) въ степени доктора—11: 1—физики и 10—медицины, б) въ степени магистра—7: уголовного права, физики, ботаники, политической экономіи, гражданскаго права, философіи и фармаціи; в) въ степени кандидата—220 (историко-филологическаго факультета 35, физико-математическаго 50 (по отдѣленію математическихъ наукъ 37, по отдѣленію естественныхъ наукъ 13, юридическаго 135); е) въ званіи дѣйствительнаго студента—108 (историко-филологическаго факультета 14, физико-математическаго 26 (по отдѣленію математическихъ наукъ 14, по отдѣленію естественныхъ наукъ 12), юридическаго 68). По медицинскому факультету утверждено: въ степени лѣкаря—230, въ зва-

ни акушера какъ члена врачебной управы—10, уѣзднаго врача—2, въ степени провизора—87, аптекарскаго помощника—199, дантиста—1, повивальной бабки—108. Сверхъ того, изъ числа студентовъ Лицея цесаревича Николая удостоено: степени кандидата—11 (историко-филологическаго факультета 5, физико-математическаго 1, юридическаго 5). Званія дѣйствительнаго студента—5 (историко-филологическаго факультета—1, юридическаго—4). Независимо отъ сего удостоены степени кандидата три дѣйствительные студента. На званіе учителя гимназій свидѣтельство получили 18 лицъ.

Въ теченіе 1888 года въ Московскій университетъ вновь поступило 887 студентовъ, изъ (правительственныхъ гимназій 718, изъ лицея цесаревича Николая съ аттестами зрѣлости 10, изъ другихъ среднихъ учебныхъ заведеній 40, изъ университетовъ 54, изъ высшихъ учебныхъ заведеній 6, изъ бывшихъ студентовъ Московскаго университета 59); въ теченіе года вышло изъ университета 732 (до окончанія курса 174, по окончаніи полнаго университетскаго курса и сдачѣ экзамена 558); затѣмъ къ 1-му января 1889 года, вмѣстѣ съ оставшимися отъ 1887 года, имѣлось 3,257, которые распредѣлялись по факультетамъ слѣдующимъ образомъ: на историко-филологическомъ факультетѣ 260, на физико-математическомъ—672 (въ отдѣлѣ математическихъ наукъ 419, въ отдѣлѣ естественномъ 253), на юридическомъ—1,080, на медицинскомъ—1,243. Сверхъ студентовъ, состояли: 53 стороннихъ слушателя и 294 аптекарскихъ помощника, посѣщавшіе въ качествѣ постороннихъ слушателей лекціи предметовъ, входящихъ въ составъ провизорскаго экзамена. Въ теченіе года выдано было стипендій на сумму 115,468 руб.; сумма эта была распредѣлена: въ первомъ полугодіи—между 400 студентами, во второмъ полугодіи—между 390; размѣръ стипендій простирался отъ 50 до 500 руб. въ годъ. Отъ платы за слушаніе лекцій освобождено было: въ первомъ полугодіи изъ 3,240 студентовъ—648, во второмъ полугодіи изъ 3,271 студентовъ—630. Единовременныхъ пособій было выдано изъ университетскихъ суммъ: въ первомъ полугодіи 152 студентамъ на сумму 3,754 руб., во второмъ полугодіи—160 студентамъ на сумму 6,035 руб.; размѣръ пособій—отъ 20 до 100 руб. Независимо отъ сего, изъ процентовъ съ пожертвованныхъ двумя частными лицами капиталовъ, выдано въ пособіе 740 руб. и внесено за слушаніе лекцій 21 студенту 611 руб. Наконецъ, Общество для пособія нуждающимся студентамъ Московскаго университета внесло за слушаніе лекцій 250 студентами всего 6,970 руб., выдано пособій на

руки 116 студентамъ—1,658 руб., за лѣченіе студентовъ уплачено больницѣ 391 руб., выдано билетовъ на бесплатные обѣды на сумму 6,590 руб., ссудъ подъ стипендіи выдано на 2,664 руб., изъ которыхъ 2,544 возвращены въ томъ же году.

Денежныя средства университета находились въ слѣдующемъ положеніи. А. Штатныя суммы: по государственной смѣтѣ и дополнительнымъ кредитамъ ассигновано на содержаніе университета 586,065 р. 20 коп.; въ томъ числѣ: на содержаніе личнаго состава 273,516 р. 60 коп., на учебныя пособия, хозяйственныя и другіе расходы 249,738 р. 60 коп., на стипендіи и пособия студентамъ 48,490 руб., на содержаніе кандидатовъ, оставляемыхъ при университетѣ и стипендіатовъ Варшавскаго учебнаго округа 8,160 руб., на содержаніе славянскихъ стипендіатовъ 3,660 руб., на пособие Обществу естествоиспытателей 2,500 руб. В. Специальныя средства: благотворительныхъ капиталовъ, въ процентныхъ бумагахъ и въ наличныхъ деньгахъ состояло 1.285,817 руб.; суммы сбора за слушаніе лекцій къ началу 1888 оставалось 99,747 руб. 99¹/₄ коп., поступило въ теченіе года 78,735 руб., въ теченіе года израсходовано 79,895 руб. 88 коп., затѣмъ къ 1-му января 1889 года состояло 98,587 р. 11¹/₄ коп. Главнѣйшіе расходы изъ суммы сбора были слѣдующіе: 30,643 руб., на содержаніе учебно-вспомогательныхъ учрежденій, 20,851 руб.—на хозяйственныя и разныя непредвидѣнныя расходы, 15,514 руб.—на жалованье и плату сверхъ-штатнаго положенія, 4,815 руб.—на пособие служащимъ и ихъ семействамъ.

Дѣятельность клиникъ Московскаго университета и движеніе больныхъ въ нихъ представляются въ слѣдующемъ видѣ. Въ терапевтической факультетской клиникѣ (30 кроватей обоего пола) въ теченіе года состояло 150 больныхъ, изъ нихъ выздоровѣло или получило облегченіе 129, умерло 5, осталось къ концу 1888 года 16; больныхъ, приходившихъ за совѣтами, было 1,866. Подъ руководствомъ профессора клиники, учащіеся упражнялись въ распознаваніи и лѣченіи болѣзней и вели подробныя исторіи своихъ больныхъ. Въ хирургической факультетской (50 кров.): больныхъ было 196, изъ нихъ выздоровѣло 146, умерло 5, къ концу 1888 года оставалось 45; приходившихъ за совѣтами было 2,147, операций произведено: большихъ 151, малыхъ 361. Учащіеся занимались подробнымъ изслѣдованіемъ больныхъ, вели исторіи болѣзней, дѣлали мелкія операции и накладывали разныя повязки амбулаторнымъ больнымъ, нѣкоторые упражнялись въ массажѣ и электризаціи. Въ пропедевтическомъ отдѣленіи

факультетской клиники (16 кров.) пользовались 64 больных, изъ которыхъ выздоровѣло 27, получило облегченіе 23, умерло 3 и осталось въ клиникѣ 11; приходило за совѣтами 2,600, въ томъ числѣ болѣзнями горловыми, носовыми и ушными 565 лицъ. Учащіеся у кровати больного занимались распознаваніемъ болѣзней и веденіемъ исторіи оныхъ, въ лабораторіи же упражнялись въ химическихъ, микроскопическихъ и бактеріологическихъ изслѣдованіяхъ. Въ спеціальной факультетской клиникѣ болѣзней мочевыхъ и половыхъ органовъ (11 кров.) отъ 1887 года оставалось 10 больныхъ, въ теченіе 1888 года вновь поступило 67, выздоровѣло 66, умеръ 1, въ концѣ года состояло 10; операций произведено: большихъ 40, малыхъ 609; амбулаторно пользовалось 1,122 больныхъ. Клиника посѣщалась студентами 7-го и 8-го семестровъ, которые занимались изслѣдованіемъ больныхъ какъ въ палатахъ, такъ и при амбулаторномъ приѣмѣ, слѣдили за теченіемъ, лѣченіемъ и исходомъ болѣзней; упражнялись, подѣ наблюденіемъ профессора или ординатора, въ употребленіи инструментовъ, необходимыхъ при изслѣдованіи больныхъ; слѣдили за производствомъ операций, нѣкоторыя изъ малыхъ операций производили сами; въ большихъ операцияхъ упражнялись на трупахъ подѣ руководствомъ профессора и ближайшемъ содѣйствіи ординаторовъ. Въ акушерскую клинику въ теченіе года поступило 908 женщинъ, изъ которыхъ 894 разрѣшились отъ бремени, а 14 выписались не разрѣшившись; изъ родившихъ заболѣло 69 и умерло 2, сверхъ того, умерли 2, привезенныя въ клинику въ безнадежномъ состояніи. Клиника посѣщалась студентами 7-го и 8-го полугодій. Студенты во время дежурства наблюдали за теченіемъ родовъ и, кромѣ того, подѣ руководствомъ профессора, занимались изслѣдованіемъ беременныхъ, какъ приходившихъ за совѣтомъ, такъ и поступившихъ въ клинику, наблюдали за теченіемъ послѣродоваго періода, производили акушерскія операции на фантомѣ, присутствовали при производствѣ операций, дѣланныхъ въ клиникѣ профессоромъ и ординаторами. Въ дѣтскомъ отдѣленіи факультетской клиники (11 кров. для обоюго пола) больныхъ въ теченіе года было 62, изъ нихъ выздоровѣло или получило облегченіе 53, умерло 2, осталось на излѣченіи 7; больныхъ приходило за совѣтами 1,126. Въ хирургическомъ отдѣленіи госпитальной клиники пользовалось 410 больныхъ; изъ нихъ выбыло 322, умерло 19, умерло въ самый день поступленія 4, оставалось на излѣченіи 69, приходило за совѣтомъ 2,140, операций произведено 564. Въ терапевтическомъ отдѣленіи той же кли-

ники: больныхъ было 722, выбыло 542, умерло 110 (16 чахоткою), умерло въ день поступленія 15, оставалось на излѣченіи 70, приходившихъ за совѣтомъ 150, операций произведено 70. Въ первомъ отдѣленіи той же клиники: въ теченіе года пользовалось 120 больныхъ, выбыло 90, умерло 10, оставалось къ 1889 году 20, приходило за совѣтомъ 400, операций было произведено 12. Въ приемномъ покоѣ Екатерининской больницы: приходившихъ больныхъ было: хирургическихъ 8,306, терапевтическихъ 14,600, нервныхъ 1,502, сифилитиковъ 1,710, всего 26,118. Въ глазной больницѣ стационарныхъ больныхъ было 809 и ими проведено въ сложности 24,551 больничныи день; число больныхъ, явившихся за совѣтомъ, простиралось до 9,554, коими сдѣлано въ общей сложности 21,820 посѣщеній; операций, большихъ и малыхъ произведено было 1,686.

Составъ и дѣятельность состоящихъ при Московскомъ университетѣ ученыхъ обществъ представляются въ слѣдующемъ видѣ:

Московское Общество испытателей природы. Управление Общества составляютъ: президентъ, вице-президентъ, три секретари, два члена совѣта, редакторъ, библіотекаръ, три хранителя предметовъ, казначей и помощникъ библіотекаря. Общество имѣетъ 535 членовъ, въ томъ числѣ 58 почетныхъ, 446 дѣйствительныхъ и 31 корреспондента. Общество имѣло 8 очередныхъ, одно годовое засѣданіе, и одно, посвященное чествованію памяти покойнаго Л. С. Ценковскаго. На этихъ засѣданіяхъ читаны были слѣдующія научныя сообщенія: И. Горожанкина — „О первыхъ работахъ Л. С. Ценковскаго по исторіи развитія хвойныхъ растений“, В. Мѣшаева — „О работахъ и заслугахъ Л. С. Ценковскаго по изученію водорослей“, В. Тихомирова — „О микологическихъ работахъ Л. С. Ценковскаго“, М. Мензбира — „О значеніи работъ Л. С. Ценковскаго для зоологовъ“, „О происхожденіи фауны Европейской Россіи“, „О кавказскихъ турахъ (горныхъ козлахъ)“ и „Объ ученыхъ заслугахъ проф. М. Н. Богданова“, К. Липдемана — „Объ изслѣдованіяхъ Л. С. Ценковскаго по прививкѣ сибирской язвы“, В. Бензенгра — „О первомъ президентѣ Московскаго Общества испытателей природы графа А. К. Разумовскомъ“, А. Артари — „Къ флорѣ Орловской губерніи“, М. Голенкина — „Матеріалы для флоры Калужской губерніи“, О. Гриневскаго — „Матеріалы къ изученію флоры Московской губерніи“, П. Мельгунова — „О флорѣ Задонскаго уѣзда“, С. Милютинъ — „О нѣкоторыхъ дополненіяхъ къ флорѣ Московской губерніи“, А. Павлова — „О ледниковыхъ и послѣ ледниковыхъ образованіяхъ Приамурскаго края“, В. Соколова — „О характерѣ залеганія кри-

сталлическихъ породъ Крыма“, М. Цвѣтаева—„О результатахъ изученія головоногихъ верхняго каменноугольнаго известняка Средней Россіи“, А. Сабанѣва — „Объ одной минеральной водѣ окрестностей Москвы“ и „О чекса-брокъ-тетра-метиленѣ и новыхъ способахъ опредѣленія молекулярнаго вѣса“, Ѳ. Бредихина — „О послѣднемъ солнечномъ затменіи“, „О полномъ затменіи луны 16-го января 1888 г.“, „О большой южной кометѣ 1887 г.“, „Наблюденія надъ качавіемъ маятника“ и „Нѣсколько словъ по поводу большой кометы 1887 г.“ — Общество состояло въ непосредственныхъ сношеніяхъ съ 640 учеными учрежденіями, которыя распредѣляются по различнымъ странамъ слѣдующимъ образомъ: въ Европѣ — 517, въ Америкѣ—86, въ Африкѣ — 8, въ Азій — 17, въ Австраліи—10, въ Полинезій — 2. Въ 1888 году Обществомъ изданы были: а) четыре номера Записокъ Общества, б) таблицы метеорологическихъ наблюденій за 1887 и первую половину 1888 г., в) 5-й выпускъ XV тома новыхъ Мемуаровъ, въ которыхъ помѣщены 23 научныхъ статьи. Въ обмѣнъ на свои изданія Общество получило всего около 1,237 томовъ книгъ, между которыми находится много драгоценныхъ изданій всѣхъ странъ свѣта.

Общество любителей естествознанія, антропологіи и этнографіи. Общество состояло изъ 567 почетныхъ, непрѣпныхъ и дѣйствительныхъ членовъ, не считая членовъ-сотрудниковъ и членовъ отдѣленій. Засѣданій Общества было 6, изъ нихъ одно общее съ отдѣломъ антропологіи и одно — съ отдѣленіемъ зоологіи; въ засѣданіяхъ было прочтено 16 отчетовъ и рефератовъ; засѣданій отдѣловъ, отдѣленій и комиссій было 31 и на нихъ прочтено было 70 сообщений и докладовъ. Въ 1888 году Обществомъ окончена печатаніемъ 8-я книга Трудовъ отдѣла этнографіи, подготавлился къ печатанію выпускъ Трудовъ отдѣленія физическихъ наукъ, печатался новый выпускъ Трудовъ отдѣла антропологіи, заключающій въ себѣ изслѣдованія надъ великоруссами Н. Зографа; сверхъ того, частью отпечатаны: описаніе зоологическаго музея Московскаго университета, второй томъ собранія біографій русскихъ зоологовъ, монографія семейства Formicidae и монографія русскихъ дождяниковъ. По появленіи этихъ томовъ и выпусковъ въ свѣтъ, общее количество изданій Общества достигнетъ до цифры 60 томовъ, изъ которыхъ каждый среднимъ числомъ заключаетъ въ себѣ не менѣе 25-ти печатныхъ листовъ, а въ нѣкоторыхъ томахъ это число возвышается даже до 70. Общество обмѣнивалось изданіями съ 353 учрежденіями и частными лицами; изъ этого числа приходится 120 учрежденій и

обществъ въ Россіи, 86 обществъ за границей, 188 частныхъ лицъ въ Россіи, 50 за границей. Членами Общества было сдѣлано не мало поѣздокъ и экскурсій съ цѣлью научныхъ изслѣдованій и собиранія научнаго матеріала; Общество, не имѣя необходимыхъ средствъ, снабдило командировочными отъ себя свидѣтельствами 14 членовъ, предпринявшихъ поѣздки въ Оренбургскую, Таврическую, Вятскую и Тамбовскую губерніи, на Кавказъ и Закавказье, спеціально въ Сванетію и въ Букеевскую Орду.

Общество исторіи и древностей россійскихъ. Бюро Общества составляютъ предсѣдатель, секретарь, казначей и бібліотекаръ. Общество имѣло въ теченіе года 8 засѣданій, въ которыхъ, кромѣ рѣшенія текущихъ дѣлъ, обсуждаемы были и ученые доклады, какъ на примѣръ, „О Расправной палатѣ при сенатѣ временъ Петра Великаго“. Общество издало двѣ книги своихъ Чтеній, въ составъ которыхъ вошелъ цѣлый рядъ историческихъ изслѣдованій, сообщеній и матеріаловъ.

Физико-медицинское Общество. Общество составляли 18 почетныхъ членовъ въ Россіи и за границей, 87 дѣйствительныхъ членовъ и 37 членовъ-корреспондентовъ. Бюро его составляли: предсѣдатель, товарищъ предсѣдателя, секретарь, помощникъ секретаря, бібліотекаръ и казначей. Общество имѣло въ теченіе года 10 засѣданій, въ которыхъ членами и посѣтителями сдѣланы слѣдующія сообщенія, напечатанныя въ Трудахъ Общества, вышедшихъ въ 5-ти номерахъ: П. Алексѣева—„Медицинскія учрежденія Америки“, К. Адельгейма—„Ptosis какъ симптомъ перемежающейся лихорадки“, Ф. Блюменталъ—„О вліяніи анилина на животный организмъ“, Т. Вяземскаго—„Результаты опытовъ надъ дѣйствіемъ электрическихъ ваннъ“, П. Викторова—„О гипнотизмѣ и новыхъ фактахъ въ этой области“, Н. Гундобина—О дѣйствіи *extracti fluidi rhus aromaticae* и „Къ этиологіи *lingua nigra*“, Н. Гагмана—„Случай врожденнаго вывиха тазобедреннаго сустава, излѣченный ортопедическими приѣмами“, А. Змѣева—„Протоколъ вскрытія лейбъ-медика П. З. Кондоиди (1760 г.)“, Д. Зернова—„Демонстрація приготовленной имъ большой модели слухового лабиринта“, Н. Зака—„Случай стабильнаго отека“, А. Икова—„Случай табетической артропатіи“, А. Корнилова—„Хроническая наследственная хорей“, А. Ленца—„Случай *pityriasis rubra*“, А. Мамуровскаго—„О происхожденіи жировъ животнаго организма“, Л. Минора—„Случай артропатіи при *tabes dorsalis*“, „Случай Браунъ-Секарловскаго паралича, И. Ноткина—„Къ вопросу о происхожденіи брюшной во-

дьяки“, А. Репманъ—демонстрировалъ устроенный имъ на раціональныхъ основаніяхъ столъ для цѣлей электротерапіи съ примѣненіемъ пахитропа, „Возраженія на рефератъ д-ра Вяземскаго объ электрическихъ ваннахъ“, „Нѣкоторые явленія, вызываемыя электрическими искрами большаго напряженія“, Г. Россолимо—„Случай исторической олигурии“, В. Тихомирова—„Кавказскіе суррогаты чая“, С. Штейна—„Результаты опытовъ съ разрушеніемъ улитки слуховаго органа у животныхъ“, А. Щербакова—„О круглой язвѣ желудка“.

Психологическое Общество. Общество управляется совѣтомъ, состоящимъ изъ предсѣдателя, товарища предсѣдателя, секретаря, товарища секретаря, бібліотекаря, казначей и товарища казначей. Общество состояло изъ 5 почетныхъ членовъ, 13 членовъ-учредителей, 104 дѣйствительныхъ членовъ и 18 членовъ-соревнователей. Общество имѣло 17 засѣданій, изъ коихъ одно торжественное, 4 открытыхъ и 12 закрытыхъ. Въ засѣданіяхъ доложены были слѣдующіе рефераты: Н. Грота—„О значеніи философіи Шопенгауэра“, „Объ отношеніи методовъ и задачъ психологіи и философіи“, „По поводу Этики г. Гёфдингга“ и „По поводу вопроса о задачахъ искусства“, А. Лопатина—„О нравственномъ ученіи Шопенгауэра“, В. Преображенскаго—„Очеркъ теоріи знанія Шопенгауэра“, Е. Челпанова—„Общіе результаты психометрическихъ изслѣдованій въ Лейпцигской лабораторіи Вундта и ихъ значеніе для психологіи“, В. Михайлова—„Отчетъ о кн. Охоровича: De la suggestion mentale“, О. Герасимова—„Опытъ исторіи внутренней жизни Лермонтова по его произведеніямъ“, А. Токарскаго—„Явленія гипноза и способы ихъ изученія“, В. Гольцева—„О задачахъ искусства“. Д. Стефановскаго—„Пушкинъ какъ психологъ“, Н. Тимковскаго—„Нравственное ученіе Канта“. Кроме того, гг. Токарскій и Россолимо въ закрытыхъ засѣданіяхъ Общества демонстрировали на опытахъ явленія гипноза. Общество издало 1-й выпускъ своихъ Трудовъ—„Артуръ Шопенгауэръ. Очеркъ его жизни и ученія“.

Московское юридическое Общество. Бюро Общества составляли: предсѣдатель, два товарища предсѣдателя, секретарь, два товарища секретаря, казначей и бібліотекарь. Членовъ было: почетныхъ 28, дѣйствительныхъ 320. Въ теченіе года были доложены и обсуждены 22 реферата. Общество издавало журналъ Юридическій Вѣстникъ, который закончилъ 20-й годъ своего существованія. Въ статистическомъ отдѣленіи Общества доложены были, 11 рефератовъ.

О. Ѳ. МИЛЛЕРЪ.

(НЕКРОЛОГЪ).

Послѣдніе годы не разъ хоронили мы людей высокаго ума, яркаго таланта, или обширныхъ знаній,—но между этими горько оплакиваемыми усопшими едва ли кто-либо превосходилъ въ нравственныхъ качествахъ Ореста Ѳеодоровича Миллера, котораго неожиданная кончина поразила его многочисленныхъ друзей и почитателей. Для покойнаго наука и литература подчинялись высшимъ нравственнымъ требованіямъ духа; христіанскій идеалъ личнаго нравственнаго совершенствованія постоянно стоялъ передъ нимъ и постоянно выражался и въ его сочиненіяхъ, и въ его рѣчахъ. Выражался онъ также не только словомъ, но и дѣломъ; даже близкіе ему люди не знали всего размѣра его благотворительности. Вообще къ людямъ онъ относился благосклонно, но былъ непреклоненъ къ тому, въ чемъ ему видѣлся грѣхъ или порочность; эта черта тоже составляетъ рѣдкость въ наше мягкое уклончивое время, и даже люди, далеко не во всемъ согласные съ покойнымъ, смотрящіе на многое съ пѣсколько иной точки зрѣнія, не могутъ отказать этой чертѣ въ своемъ уваженіи.

Орестъ Ѳеодоровичъ Миллеръ родился въ 1833 году въ г. Галсальѣ; ему еще не было трехъ лѣтъ, какъ лишившись родителей, онъ вѣзъ былъ на воспитаніе бездѣтнымъ дядей своимъ Иваномъ Петровичемъ Миллеромъ. Семья эта, необыкновенно добрая, замѣнила Оресту Ѳеодоровичу его родную семью. Недавно умершая тетка его, Екатерина Николаевна, была для него какъ бы родною матерью, а онъ самъ относился къ ней, какъ можетъ относиться самый лучшій сынъ.

Такимъ образомъ, съ самыхъ первыхъ лѣтъ своей жизни онъ окруженъ былъ атмосферой нравственною и религіозною. Переѣзжая съ дядей изъ города въ городъ, Миллеръ могъ получать только домашнее образованіе. Послѣдніе годы передъ поступленіемъ въ университетъ онъ провелъ въ Варшавѣ. Здѣсь, вѣроятно—подъ вліяніемъ тетки, онъ присоединился къ православію. Любопытно, что въ одинъ день съ нимъ принялъ православіе и незабвенный А. Θ. Гильфердингъ. Въ 1851 году онъ поступилъ въ С.-Петербургскій университетъ на историко-филологическій факультетъ; здѣсь онъ обратилъ на себя вниманіе профессора Никитенка, который имѣлъ сильное вліяніе на его умственное и нравственное развитіе, вліяніе, которымъ въ значительной степени объясняется послѣдующая ученая карьера Миллера. Еще студентомъ онъ помѣщалъ свои стихи въ журналахъ, а по окончаніи курса напечаталъ двѣ драмы, изъ которыхъ одна— „Подвигъ матери“—была вызвана тогдашними военными обстоятельствами, а другая — „Конрадинъ“ — была результатомъ сочувствія къ трагической участи послѣдняго изъ Гогенштауфеновъ. Въ 1858 году Миллеръ защитилъ диссертацию на степень магистра: „О нравственной стихіи въ поэзіи на основаніи историческихъ данныхъ“. Выборъ темы чрезвычайно характеристиченъ: нравственная точка зрѣнія всю жизнь Миллера была основою его сужденій о произведеніяхъ литературы; исключительно съ нравственной точки зрѣнія постоянно судилъ онъ и людей. Въ свое время книга эта встрѣчена была въ журналахъ неблагоклонно; изъ статей, ею вызванныхъ, преимущественно замѣчательна статья покойнаго А. А. Котляревскаго, который, указавъ на недостаточное знакомство автора съ народною поэзіей, заставилъ Миллера изучать ее, а это изученіе составляетъ важнѣйшую заслугу его ученой дѣятельности. Уже въ 1862 году Миллеръ читалъ публичныя лекціи о народной поэзіи и въ то же время печаталъ въ журналѣ Учитель, гдѣ онъ помѣщалъ педагогическія статьи, рядъ статей о русской литературѣ до татаръ, которыя послѣ, въ переработанномъ видѣ, составили первую часть, къ сожалѣнію, не оконченнаго „Опыта историческаго обозрѣнія русской литературы“ (С.-Иб. 1865). Время съ 1862 по 1865 г. Миллеръ провелъ за границей, слушая лекціи въ Берлинскомъ университетѣ. Въ Берлинѣ видѣлъ онъ Якова Гримма, вскорѣ затѣмъ умершаго. Затѣмъ перѣхалъ онъ въ Прагу и здѣсь познакомился съ чешскими учеными. Возвратясь въ Петербургъ, онъ поступилъ приватъ-доцентомъ въ С.-Петербургскій университетъ, гдѣ началъ читать лекціи о народной словесности. Въ 1864

году онъ избранъ былъ въ штатныя доценты, а въ 1870 году защитилъ свою диссертацию на степень доктора, подъ заглавіемъ: „Сравнительно-критическія наблюденія надъ словеснымъ составомъ народнаго русскаго эпоса. Илья Муромецъ и богатырство Киевское“. Книга эта, увѣнчанная Академіей Наукъ на основаніи рецензій Ѳ. И. Буслаева и вызвавшая горячія возраженія В. В. Стасова, является важнѣйшею ученою заслугой автора. Характеръ русскихъ богатырей освѣщенъ въ ней сравнительно-историческимъ изученіемъ народныхъ литературъ другихъ арійскихъ народовъ, но главное значеніе книги не въ этомъ: изученіе многочисленныхъ вариантовъ привело автора къ опредѣленію историческаго развитія эпическаго героя въ соотвѣтствіи съ развитіемъ русской исторической жизни. Этой плодотворной попыткѣ, вѣроятно, суждена будущность, даже допуская то, что литература письменная имѣла весьма значительное вліяніе на словесность устную. Въ университетѣ Миллеръ преподавалъ до осени 1888 года ¹⁾. Кромѣ того, съ 1879 по 1889 годъ онъ былъ преподавателемъ на высшихъ женскихъ курсахъ. Вездѣ нравственное вліяніе его было очень плодотворно, и вездѣ онъ оставался вѣренъ самъ себѣ. Съ 1867 года Миллеръ былъ дѣятельнымъ членомъ Славянскаго благотворительнаго комитета (впослѣдствіи переименованнаго въ Славянское благотворительное общество). Особенно жива была его дѣятельность во время сербско-турецкой войны: онъ писалъ воззванія, говорилъ рѣчи и помѣщалъ статьи въ журналахъ. Но и въ мирное время онъ весьма часто говорилъ въ торжественныхъ засѣданіяхъ Общества, а въ засѣданіяхъ совѣта горячо защищалъ дѣло всѣхъ нуждающихся. Это я знаю по личному своему участию въ дѣлахъ Общества. Такова же была его дѣятельность въ Обществѣ пособія бѣднымъ студентамъ С.-Петербургскаго университета, котораго онъ былъ постояннымъ вице-президентомъ. Бывали случаи, и нерѣдкіе, когда Миллеръ, за неимѣніемъ денегъ въ Обществѣ, помогалъ изъ своихъ. Мнѣ случилось быть вмѣстѣ съ Миллеромъ членомъ комитета Общества пособія нуждающимся ученымъ и литераторамъ, и здѣсь его дѣятельность отличалась тѣмъ же горячимъ участіемъ къ судьбѣмъ нуждающихся. Не будемъ перечислять всѣхъ сочиненій и статей

---

¹⁾ Послѣ защищенія диссертациі онъ былъ сначала экстраординарнымъ, а потомъ ординарнымъ профессоромъ.

покойнаго, такъ какъ ихъ перечень находится въ недавно изданной книжкѣ „Очеркъ научной дѣятельности профессора О. Θ. Миллера“ (С.-Пб. 1889). Многочисленныя заявленія, полученныя Миллеромъ въ день его двадцатипятилѣтняго юбилея (4-го января 1886 года), а также множество лицъ, присутствовавшихъ на панихидахъ и погребеніи — не смотря на дѣтнее время, свидѣтельствуютъ о томъ, что дѣятельность Миллера вполне оцѣнена, и преимущественно тѣми, для кого она была благотворна. Превосходныя рѣчи о. Антонія (Храповицкаго) и А. С. Будиловича представляютъ яркую характеристику почившаго. Не скоро дождемся мы другаго столь высоко нравственнаго дѣятеля, и не за него, а за себя скорбятъ такъ многіе о его смерти, ибо нельзя не признать вѣрности словъ царя Соломона: „Кто милосердъ къ бѣднымъ, тотъ блаженъ“ (Притчи XV, 21).

И. Бестужевъ-Рюминъ.

ИЗСЛѢДОВАНІЯ ВЪ ОБЛАСТИ КАТАЛОГА АѢИНСКИХЪ АР- ХОНТОВЪ III ВѢКА ДО Р.-Х.

(300—265 г. до Р. Хр.)

Введеніе.

Настоящее изслѣдованіе имѣетъ цѣлью снова разобрать на основаніи обогатившагося за послѣднее время аппарата источниковъ одинъ изъ запутаннѣйшихъ вопросовъ хронологіи греческой исторіи III вѣка до Р. Хр., а именно—вопросъ о преемствѣ архонтовъ аѢинскихъ. Авторъ ограничился первыми 35-ю годами этого вѣка въ виду того, что за это время несравненно болѣе сохранилось документовъ и существуетъ болѣе возможность провѣрять показанія епиграфическихъ памятниковъ показаніями памятниковъ литературныхъ,—слѣдовательно, вообще можно быть болѣе увѣреннымъ въ выводахъ. На 265 годъ падаетъ смерть Арея Спартанскаго, стоящая въ связи съ такъ-называемою „Хремонидовскою“ войною Антигона Гонаты противъ аѢианъ¹⁾. До этой именно даты мы и рѣшились только довести наше изслѣдованіе, такъ какъ Хремонидовская война составляетъ послѣдній хоть сколько-нибудь извѣстный фактъ аттической исторіи за это время. Уже она сама едва различается въ окружающемъ мракѣ, и

---

¹⁾ Дата смерти Арея—достоверна. Она опредѣляется изъ Діод. XX. 29, по которому онъ царствовалъ 44 года, а предшественникъ его Клеоменъ 60 л. 10 мѣсяцевъ. Братъ этого послѣдняго Агесиполидъ царствовалъ 1 годъ, при чемъ онъ наследовалъ павшему при Левктрахъ (іюль 371 года) Клеомвроту. Если разчетъ вѣрнъ, получаемъ для смерти Арея май 265 года до Р. Хр. Ср. *Droysen. Epigon. I. 243*, прим 1. *Θ. Θ. Соколовъ. АѢинск. постан. въ честь Аристомаха Аргосскаго. Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія 1879, ноябрь, стр. 11 (отд. отд.)*

нужна была вся проникательность Нибура ²⁾, чтобъ открыть самое ея существованіе.

Казалось бы, что дѣло идетъ о составленіи списка чиновниковъ, подобнаго другимъ, сохранившимся документально или составленнымъ прилежаніемъ новѣйшихъ ученыхъ, и, слѣдовательно, не имѣетъ особенно большаго, тѣмъ болѣе историческаго интереса. На дѣлѣ это вовсе не такъ. Классифицируя имена архонтовъ афинскихъ, мы вмѣстѣ съ тѣмъ классифицируемъ цѣлый рядъ единственныхъ современныхъ событіямъ документовъ аттической исторіи этого времени, документовъ, содержащихъ въ себѣ драгоценныя указанія для исторіи другихъ частей еллинскаго міра за то же время, и рѣшаемъ, кромѣ того, рядъ разнообразныхъ вопросовъ, какъ читатель увидитъ ниже. Если мы примемъ во вниманіе, что количество документовъ съ каждымъ годомъ возрастаетъ и что примѣръ недавнихъ важныхъ находокъ дозволяетъ надѣяться на подобныя же находки въ будущемъ, — то мы не преувеличимъ, если скажемъ, что, составляя списокъ архонтовъ, мы подбираемъ кость къ кости, самый скелетъ будущей аттической, а можетъ быть, и всеобщей еллинской исторіи того времени. Настаивая на послѣднемъ выраженіи, мы считаемъ долгомъ обратить вниманіе на превосходство аттической датировки архонтами передъ датировкой документовъ другихъ мѣстъ греческаго міра царями или своими магистратами. Не говоря уже о послѣднихъ датировкахъ, которыя совершенно нѣмы для насъ, — датировка царями далеко неудовлетворительна. Во всѣхъ династіяхъ еллинистическихъ царствъ часто попадаютъ цари съ одинаковыми именами. Поэтому большая часть документовъ, датированныхъ такимъ образомъ, можетъ быть относима къ нѣсколькимъ царямъ—омонимамъ, что составляетъ немалое затрудненіе, такъ что рѣшающее значеніе имѣютъ побочныя обстоятельства, какъ, напримѣръ, упоминаемыя въ тѣхъ же надписяхъ войны и т. п. Но и тутъ часто остается еще мѣсто сомнѣнію. Кромѣ того, на сколько я знаю, въ надписяхъ съ именами царей чрезвычайно рѣдко называется также и годъ царства, такъ что документъ падаетъ въ лучшемъ случаѣ на опредѣленную эпоху въ нѣсколько лѣтъ, иногда въ нѣсколько десятковъ лѣтъ.

Аттическая датировка представляетъ неоптимальныя преимущества, первое изъ которыхъ уже то, что датируется не такимъ лицомъ, которое правитъ нѣсколько лѣтъ, а такимъ, которое обозначаетъ

²⁾ Kleine Historische Schriften, томъ I, стр. 451 слл.

прямо опредѣленный годъ. Годъ аттической почти совпадаетъ съ олимпійскимъ; это второе важное преимущество, такъ какъ счисленіе по олимпиадамъ есть, такъ сказать, основное эллинское счисленіе, которымъ датируются событія въ самыхъ разнообразныхъ мѣстахъ греческаго міра. Оба эти преимущества были признаны уже и древними, и датировка аттическими архонтами была одною изъ распространенныхъ. Кромѣ общепризнанности, аттическая датировка имѣетъ для насъ еще значеніе какъ единственная (послѣ, разумѣется, олимпійской) несомнѣнно засвидѣтельствованная и притомъ на длинномъ рядѣ годовъ. Въ „исторической вивлюэикѣ“ Діодора Сицилійскаго сохранился до насъ списокъ аттическихъ архонтовъ съ 480 до 302 года до Р. Хр. ³⁾, за исключеніемъ мелкихъ недочетовъ ⁴⁾, совершенно полный и подтверждающийся документами. Всѣ занимающіеся древнею исторіей знаютъ, какое важное значеніе представляетъ этотъ списокъ, имѣющій окончательный голосъ при рѣшеніи всякаго рода хронологическихъ вопросовъ и дѣлающій свѣдѣнія наши о соответствующемъ ему періодѣ гораздо болѣе ясными, чѣмъ какими они были бы безъ него. На 302 году до Р. Хр. Діодоровская связная исторія прекращается, и въ отрывкахъ изъ слѣдующихъ книгъ, какъ нарочно, не попадаетъ уже ни одного имени архонта. Въ теченіе еще девяти лѣтъ насъ не покидаетъ, какъ увидимъ ниже, другой списокъ архонтовъ; но на 29³/₂ годѣ до Р. Хр. обрывается и онъ, и мы оказываемся безъ всякаго руководства среди историческаго времени, свѣдѣнія о которомъ можно причислить къ разряду самыхъ плохихъ и скудныхъ, какія мы только имѣемъ изъ древней исторіи. Ни одного современнаго писателя не дошло до насъ цѣликомъ. Всѣ главныя извѣстія о борьбѣ діадочовъ, объ установленіи того порядка на эллинскомъ Востокѣ, который продолжался потомъ вплоть до подпаденія его власти Рима, мы получаемъ отъ писателей, жившихъ спустя четыре вѣка послѣ описываемыхъ ими событій, и потому, естественно, почерпавшихъ свои свѣдѣнія изъ третьихъ рукъ и къ тому еще не всегда умѣвшихъ ими хорошо пользоваться. Именно главными нашими источниками для этого времени служатъ Плутархъ и Павсанія, къ которымъ уже присоединяются жалкіе отрывки современныхъ писателей, (какъ, на примѣръ, Иеронима Кардіанскаго, Дурида Самійскаго, Филохора и др.), сохраненные въ цитатахъ другихъ авторовъ, сочиненія разныхъ анек-

³⁾ Въ книгахъ XI—XX.

⁴⁾ О которыхъ будетъ упомянуто въ первой главѣ.

дотистовъ и епитоматоровъ, на первомъ мѣстѣ между которыми стоитъ Юстинъ, затѣмъ Аѣней, Полиенъ, Діогенъ Лаертскій и др. Если каталогъ архонтовъ вносилъ ясность въ тѣ отдѣлы исторіи, для которыхъ мы имѣемъ непрерывное изложеніе Иродота, Фукидида и Ксенофонта, то можно себѣ представить, какъ существенно для насъ его потеря для III вѣка! Рядъ цѣнныхъ историческихъ намековъ, заключающихся, напримѣръ, въ документахъ начала III вѣка, которые намъ придется разобрать въ настоящемъ сочиненіи, получаетъ полное значеніе и ясность только тогда, когда самые документы расположены въ болѣе правильной хронологической связи, чѣмъ это дѣлалось доселѣ. Если попытка привести хотя нѣкоторые изъ нихъ въ эту связь, кажется, намъ удалась—то главнымъ образомъ благодаря двумъ обстоятельствамъ: во-первыхъ, количество документовъ изъ интересующаго насъ времени значительно увеличилось и не перестаетъ увеличиваться, что представляетъ даже своего рода „счастливое неудобство“; во-вторыхъ, неоднократныя попытки со стороны разныхъ ученыхъ возстановить списокъ архонтовъ послѣ 29³/₂ года, попытки хотя бы и не удавшіяся за недостаткомъ матеріала, перебрали такое большое количество вѣроятныхъ датированій этихъ архонтовъ, что если задача прямо и не облегчается, то, по крайней мѣрѣ, устранивается возможность многихъ ошибокъ.

Изъ ученыхъ, дѣлавшихъ такія попытки, прежде всего слѣдуетъ назвать Мейера ⁵⁾. Онъ ограничился еще алфавитнымъ сопоставленіемъ архонтовъ, правившихъ послѣ 29³/₂ года ⁶⁾. Такимъ же образомъ поступилъ Вестерманъ ⁷⁾. Первый, кому пришла мысль на основаніи надписей попытаться найти послѣдовательный порядокъ преемства этихъ архонтовъ (съ 29²/₁ по 26⁴/₃ годъ до Р. Хр.) былъ Диттенбергеръ ⁸⁾. Спѣша къ самому дѣлу, мы уже не будемъ разбирать

⁵⁾ Index Atticorum Archontum Eponymorum, qui post Olymp. CXXI. 2 eum magistratum obtinuerunt, приложенный къ его Dissertatio epigraphica secunda. Halis Saxonium. 1854 и въ Index Scholarum Галльскаго университета за тотъ же годъ.

⁶⁾ То-есть, по Мейеру и всѣмъ прежнимъ ученымъ, послѣ 29³/₂ года. См. первую главу нашей диссертациіи.

⁷⁾ Во второмъ изданіи перваго тома Энциклопедіи *Паули* подъ сл. archontes (1866 г.).

⁸⁾ *Hermes*, т. II (1867 г.), стр. 285 сл. Я не привожу въ текстъ вышедшаго въ 1860 году перевода на ново-греческій языкъ учебника древностей Вейзена, къ которому переводчикъ Руссопулъ прибавилъ каталогъ архонтовъ, потому что врядъ ли у кого здѣсь эта книга имѣется. Изъ интересующихъ насъ архонтовъ, известныхъ по надписямъ, у него находятся только Діотимъ и Исей.

въ подробностяхъ статью Диттенбергера. Какъ и всякая первая попытка, она во многомъ неудовлетворительна и теперь, при значительно увеличившемся матеріалѣ, является устарѣвшею. Замѣтимъ только, что уже Диттенбергеръ употребилъ для доказательства вѣрности своей разстановки архонтовъ сравненіе съ схемою Метоновскаго кикла, данною Иделеромъ⁹⁾. Какъ видно изъ выписаннаго мѣста, Диттенбергеръ самъ не былъ увѣренъ въ томъ, что Метоновскій киклъ былъ въ III вѣкѣ въ употребленіи въ Афинахъ. Ему казалось это только вѣроятнымъ. Къ вопросу о томъ, на сколько такое мнѣніе Диттенбергера было основательно, а также и о томъ, можно ли вообще, на основаніи даже доказанной послѣдовательности простыхъ и сложныхъ годовъ въ киклѣ, опредѣлять годы архонтовъ, мы еще вернемся—здѣсь замѣтимъ только, что „вѣроятности“ Диттенбергера безъ всякихъ особыхъ причинъ у его преемниковъ превратилась въ увѣренность, такъ, напримѣръ, Виламовицъ фонъ-Мѣллендорфъ¹⁰⁾ заявляетъ, что единственнымъ вѣрнымъ средствомъ возстановленія хронологіи аттическихъ архонтовъ „само собою понятно“ является киклъ, бывшій въ то время въ ходу въ Афинахъ. Но продолжимъ наше хронологическое перечисленіе важнѣйшихъ попытокъ распределенія архонтовъ по годамъ въ началѣ III вѣка.

Въ 1870 г. появилось изслѣдованіе бывшаго директора французской школы въ Афинахъ Dumont¹¹⁾. Dumont былъ наведенъ на хроноло-

⁹⁾ *Herm.*, стр. 304. „Die oben (то-есть, въ примѣчаніяхъ къ отдѣльнымъ документамъ) in Betreff der Schalt und Gemeinjahre ermittelten Resultate würden nur dann zur näheren Bestimmung der Zeit der einzelnen Archonten beitragen können, wenn die Frage nach dem damaligen attischen Kalender entschieden wäre. Dieselbe zu entscheiden, oder der Entscheidung näher zu bringen fühle ich mich nicht befähigt; ich beschränke mich daher darauf, am Schlusse meiner Abhandlung zu zeigen, wie sich die gewonnenen Resultate unter derjenigen Voraussetzung stellen werden, die mir die wahrscheinlichste ist, nämlich dass damals der metonische Kalender in der Form, wie er von Ideler hergestellt ist, in Athen gegolten habe“.

¹⁰⁾ Antig. von Karystos (Philol. Untersuchungen, т. IV), стр. 235. Die Archontenliste muss hergestellt werden, und zu ihrer Herstellung womöglich ein anderes Mittel als die Anordnung der historischen Tatsachen gefunden werden. Dies Mittel ist selbstverständlich der in Athen geltende Schaltcyclus. Dittenberger hatte diese Frage in vorsichtigsten Grenzen gehalten, Köhler war ihr ausgewichen“ и т. д. Далѣе Виламовицъ говоритъ, что надо быть весьма благодарнымъ за попытки Узенера и Унгера возстановить календарь, хотя и не признаеть ихъ абсолютно удовлетворительными.

¹¹⁾ *Essai sur la chronologie des archontes athéniens postérieurs à la CXXII Olympiade.* Перепечатано безъ измѣненій во второмъ томѣ его *Essai sur l'éphébie attique.*

гическія изслѣдованія годовъ афинскихъ архонтовъ своими трудами по собранію матеріала для исторіи аттической ефивіи. Совершенно вѣрна его мысль, что ефивическіе документы, доминирующіе въ аттической эпиграфикѣ съ конца II вѣка до Р. Х., должны быть считаемы однимъ изъ важнѣйшихъ основаній для будущей постройки какъ аттической хронологіи, такъ и исторіи аттической аристократіи ¹²⁾. Документы эти соединяются въ группы именами различныхъ ефивическихъ магистратовъ, исполнявшихъ свои обязанности нѣсколько лѣтъ подъ рядъ. Если является возможность отнести къ опредѣленному году хотя одного изъ архонтовъ, упоминающихся въ этихъ документахъ — вся группа вмѣстѣ съ нимъ относительно датируется. Это, разумѣется, есть уже важная предварительная работа. Для нашего періода, однако, у Dumont весьма мало мы найдемъ чѣмъ воспользо­ваться. Изъ группы ефивическихъ документовъ, относящихся къ началу III вѣка до Р. Х., онъ могъ пользоваться для своихъ цѣлей только двумя: С. I. A. II 316 и 324 съ архонтами Полиевктомъ (324) и Мене­кломъ и Никіей Отринейцемъ (316). Нѣсколькими новыми надписями воспользовался Dumont въ своемъ второмъ сочиненіи, специально посвященномъ уже хронологіи архонтовъ ¹³⁾ и заключающемъ въ себѣ довольно много фрагментовъ, въ то время бывшихъ не изданными. Къ первой половинѣ III вѣка относится документъ С. I. A. II 338 съ неполнѣ сохранившимся именемъ архонта: ἐ]πί Φιλόν[εω ἄρχοντος], (какъ читаетъ Келеръ), изданный у Dumont подъ н. I ¹⁴⁾ въ этомъ послѣднемъ сочиненіи. Изъ остальныхъ надписей того же времени надпись года Кимона архонта (С. I. A. II 330) напечатана во второмъ томѣ Ephébie подъ н. III безъ фрагментовъ а и в (по счету Келера), изъ которыхъ послѣдній имѣетъ рѣшительное вліяніе на восстановленіе имени архонта. Надписи С. I. A. II 339, 340, 341, въ которыхъ не сохранилось именъ архонтовъ, по изъ которыхъ, по крайней мѣрѣ, первыя двѣ несомнѣнно происходятъ изъ нашего времени, стали извѣстны послѣ изданія обѣихъ работъ Dumont ¹⁵⁾.

¹²⁾ Ср. Dumont. Essai, стр. 13—14.

¹³⁾ Fastes eponymiques d'Athènes. Paris. 1874.

¹⁴⁾ И въ Addenda къ Ephébie подъ н. I.

¹⁵⁾ Въ н. 339 подотривъ, аконтствъ и опломахъ тѣ же, что въ документѣ года Филона архонта. Въ н. 340 подотривъ тотъ же, что въ обѣихъ предшествовавшихъ надписяхъ. Въ н. 341 Кумандисъ восстанавливалъ опять его же имя, но подъ сомнѣніемъ. Нѣкоторые признаки заставляютъ отнести эту надпись, по видимому, къ нѣсколь­ко болѣе позднимъ временамъ.

Мы намѣренно нѣсколько долѣе остановились на трудахъ этого ученаго, такъ какъ онъ всталъ, по нашему мнѣнію, на единственно вѣрную почву, поставивъ всякое изслѣдованіе по хронологіи документовъ въ связь съ фактами, въ нихъ упоминаемыми. Онъ говоритъ, что счелъ своимъ долгомъ не прибѣгать за разрѣшеніемъ хронологическихъ затрудненій къ изслѣдованію календарныхъ особенностей различныхъ годовъ, такъ какъ календарь того времени далеко не можетъ считаться извѣстнымъ ¹⁶⁾. Къ сожалѣнію, Dumont не нашелъ себѣ подражателей среди германскихъ ученыхъ, къ трудамъ которыхъ намъ теперь приходится перейти, и которые предпочитаютъ совсѣмъ замалчивать изслѣдованія Dumont, какъ будто бы послѣднія вовсе не существовали.

Въ 1879 году явилось сразу два изслѣдованія по аттической хронологіи. Одно изъ нихъ, имѣющее спеціальною цѣлью опредѣлить послѣдовательность аттическихъ архонтовъ съ 30¹/₀ по 28⁵/₄ годъ по Р. Хр., принадлежитъ Унгеру ¹⁷⁾. Другое, главнымъ образомъ имѣющее въ виду календарь,—Узенеру ¹⁸⁾. Календарная система Унгера нашла себѣ болѣе подражателей, къ которымъ надо причислить Вилламовица-фонъ-Меллендорфа ¹⁹⁾ и, въ особенности, Шмидта ²⁰⁾.

¹⁶⁾ *Essai*, стр. 10. „J'ai cru aussi devoir m'interdire les données chronologiques qu'on a coutume de demander aux années intercalaires. . . . Les années intercalaires ne doivent pas entrer dans nos calculs; mais notre travail permettra peut-être d'étudier à nouveau la question des deux cycles“. По нашему мнѣнію, если когда мы узнаемъ въ точности календарь, бывший въ концѣ IV и въ началѣ III вѣка въ употребленіи въ Аѣнахъ, то благодаря двумъ обетованіямъ. Увеличившееся количество *praescriptorum* изъ времени до 29³/₂ года дастъ возможность точнѣе, чѣмъ то возможно теперь, опредѣлять календарныя особенности каждаго отдѣльнаго года, а увеличившееся количество документовъ III вѣка дастъ, надо надѣяться, полный списокъ архонтовъ времени слѣдующаго за 29³/₂ годомъ. Лишь когда списокъ этотъ будетъ точно установленъ, *praescripta* отдѣльныхъ документовъ можно будетъ подвергнуть также изслѣдованію—и тогда на рядъ безспорныхъ данныхъ мы въ состояніи будемъ составить представленіе о календарѣ. Отмѣтимъ еще одно весьма важное замѣчаніе Dumont на стр. 11, что надписи нашего періода нельзя датировать слишкомъ точно на основаніи формъ буквъ, такъ какъ надписи, раздѣленные иногда лишь нѣсколькими годами, показываютъ подъ-часъ довольно рѣзкую разницу въ написаніи. Слишкомъ большое довѣріе къ своему эпиграфическому чутью составляетъ, между прочимъ, коренную ошибку знаменитаго У. Келера, въ чемъ мы будемъ имѣть случай не разъ убѣдиться въ теченіи хода этой работы.

¹⁷⁾ *Philologus*, т. XXXVIII, стр. 423—502.

¹⁸⁾ *Rheinisches Museum*, т. XXXIV, стр. 388—411. *Chronologische Beiträge*.

¹⁹⁾ Antigonos von Karystos, составляющій IV томъ серіи „*Philologische Untersuchungen*“, стр. 235 сл. *Chronologische Beilage*.

²⁰⁾ *Jahrbücher für klassische Philologie*, 1884, стр. 649 сл.

Но пока Шмидтъ, какъ онъ выражается, „былъ удовлетворенъ“ своимъ согласіемъ съ Унгеромъ ²¹⁾, этотъ послѣдній сжегъ свои корабли и выступилъ съ совершенно новою гипотезой относительно аттического календаря въ интересующую насъ эпоху ²²⁾. Исторію различныхъ объясненій вышеупомянутаго календаря удобѣе всего мы находимъ теперь въ „Учебникѣ греческой хронологіи“ того же Шмидта, вышедшемъ послѣ его смерти подъ редакціей Рюля ²³⁾, въ которомъ Шмидтъ уже знаетъ о „всчастной метаморфозѣ“ Унгера, но еще по коротенькому догматическому изложенію въ энциклопедіи Ив. Миллера.

Я сознаю, что приступаю теперь къ самому для меня тягостному отдѣлу работы. Не имѣя потребныхъ астрономическихъ свѣдѣній, я, разумѣется, не могу сказать о календарѣ афинскомъ ничего самостоятельнаго. Какъ мною уже высказано ранѣе ²⁴⁾, мнѣ кажется, что вопросъ о послѣдовательности архонтовъ даже не слѣдуетъ вовсе приводить въ связь съ вопросомъ о календарѣ до тѣхъ поръ, пока каждый изъ этихъ вопросовъ не будетъ рѣшенъ самостоятельно. Но такъ какъ во всѣхъ послѣднихъ работахъ оба эти вопроса трактовались вмѣстѣ и въ зависимости одинъ отъ другаго — то я не нахожу возможнымъ совсѣмъ обойти и вопросъ хронологическій, то есть, календарный ²⁵⁾.

Подъ годомъ архонта Апсевда (Ol. 86. 4.=43½ г. до Р. Хр.) мы читаемъ у Діодора слѣдующее ²⁶⁾: „При архонтѣ же въ Афинахъ

²¹⁾ *Schmidt. Handbuch der Griechischen Chronologie* herausg. v. *Fr. Rühl*. Jena. 1888, стр. 442, ... war ich in der Lage, in meinen „Chronol. Fragmenten“ 1884 S. 652. mit Genugthuung sagen zu können, dass diese wahre metonische Schaltordnung „auch von *Unger* anerkannt“ sei. Diese Genugthuung währte aber nicht lange“...

²²⁾ Въ *Iw. Müller's Handbuch der klassischen Altertumswissenschaft*, т. I, стр. 586 слл. и въ *Philologus*, V, Supplement-Band, въ статьѣ *Attische Archonten*, 292—260 v. Chr., 667 слл.

²³⁾ См. примѣч. 21.

²⁴⁾ См. примѣч. 16.

²⁵⁾ Нижеслѣдующій очеркъ основанъ главнымъ образомъ на упомянутыхъ только что учебникѣ А. Шмидта и краткомъ изложеніи Унгера въ энциклопедіи Миллера.

²⁶⁾ *Diod. XII, 36. 'Επ' ἀρχοντος δ' Ἀθηνῆσιν Ἀψεύδους... ἐν δὲ ταῖς Ἀθήναις Μίτων ὁ Πανσανίου μὲν υἱός, δεδοξασμένος δὲ ἐν ἀστρολογίᾳ, ἐξέθηκε τὴν ὀνομαζομένην ἐνεακαίδεκαετηρίδα, τὴν ἀρχὴν ποιησάμενος ἀπὸ μηνός ἐν Ἀθήναις Σχιροφοριῶνος τρισκαίδεκάτης. Ἐν δὲ τοῖς εἰρημενοῖς ἔτεσι τὰ ἀστρο τὴν ἀποκατάστασιν ποιῆται καὶ καθάπερ ἐνιαυτοῦ τινος μεγάλου τὸν ἀνακυλισμὸν λαμβάνει. διὸ καὶ τινες αὐτὸν Μίτωνος ἐνιαυτὸν ὀνομάζουσι· δοκεῖ δὲ ὁ ἀνὴρ οὗτος ἐν τῇ προῤῥήσει καὶ προγραφεῖ*

Апсевдѣ.... Метонъ, сынъ Павсавіи, прославившійся въ астрологіи, выставилъ въ Аѣинахъ, такъ-называемое, девятнадцатилѣтіе, начавшееся съ тринадцатаго числа аѣинскаго мѣсяца Скирофоріона. Въ теченіе означеннаго числа лѣтъ звѣздное небо принимаетъ прежнее положеніе и какъ бы снова начинается пѣкій большой годъ. Поэтому упомянутый періодъ нѣкоторые и называютъ годомъ Метона. По видимому, расчеты и предсказанія этого мужа дѣйствительно весьма удачны, ибо звѣзды двигаются и восходятъ согласно съ его предписаніями. Почему до нашего времени ²⁷⁾ ббольшая часть еллиновъ пользуется девятнадцатилѣтіемъ и вѣрно считаетъ время“.

Кромѣ этого свидѣтельства Діодора, мы знаемъ еще, что въ девятнадцатилѣтіи Метона было семь сложныхъ годовъ ²⁸⁾. По которые именно годы имѣли вставной мѣсяць? Если какой, то именно этотъ вопросъ могъ бы имѣть важность для приписанія документовъ тому или другому году. Но именно этотъ то пунктъ и неизвѣстенъ. Отсылая за подробностями къ указаннымъ сочиненіямъ, мы здѣсь сопоставимъ только проекты возстановленія Метоновскаго девятнадцатилѣтія, предложенные различными учеными. Сложные годы обозначены римскими цифрами.

.. Момисенъ	I. 2. 3. IV. 5. VI. 7. 8. IX. 10. 11. XII. 13. XIV. 15. 16. XVII. 18. 19.
калпгеръ. Б. Мюллеръ. А. Момисенъ.	
Унгерь	1. II. 3. 4. V. 6. 7. VIII. 9. X. 11. 12. XIII. 14. 15. XVI. 17. XVIII. 19.
Пиндтъ. Унгерь . .	1. II. 3. 4. V. 6. 7. VIII. 9. 10. XI. 12. 13. XIV. 15. XVI. 17. XVIII. 19.
одвелль. Иделеръ.	
Беккъ. Редлихъ.	
Узенеръ. Грессвелль	1. 2. III. 4. V. 6. 7. VIII. 9. 10. XI. 12. XIII. 14. 15. XVI. 17. 18. XIX.
етавій. Унгерь . . .	1. 2. III. 4. 5. VI. 7. VIII. 9. 10. XI. 12. 13. XIV. 15. 16. XVII. 18. XIX.
.. Момисенъ	1. 2. III. 4. 5. VI. 7. 8. IX. 10. XI. 12. 13. XIV. 15. 16. XVII. 18. XIX.

Изъ нашего сопоставленія мы видимъ, что только два года 7-й и 15-й остаются во всѣхъ системахъ простыми, и что нѣтъ ни од-

ταύτη θαυμαστῶς ἐπιτεταμέναι. Τα γὰρ ἀστρα τὴν τε κίνησιν καὶ τὰς ἐπισημασίας ποιεῖται συμφώνως τῇ γραφῇ. διὸ μέχρι τῶν καθ' ἡμᾶς χρόνων οἱ πλείστοι τῶν Ἑλλήνων ὑψόμενοι τῇ ἐννεακαίδεκαετηρίδι οὐ διαφεύδονται τῆς ἀληθείας.

²⁷⁾ Діодоръ былъ современникомъ Цезаря и Августа.

²⁸⁾ Censorinus. De die nat. XVIII. Praeterea sunt anni magni complures: ut Metonicus, quem Meton Atheniensis ex annis undeviginti constituit eoque ἐννεακαίδεκαετηρίς appellatur et intercalatur septies. Я, для краткости, вездѣ называю сложными годы со вставнымъ мѣсяцемъ.

ного года, который был бы во всѣхъ системахъ сложнымъ. Уже одинъ этотъ результатъ заставилъ бы насъ относиться съ крайнимъ недоувѣріемъ ко всякой изъ этихъ системъ, взятой въ отдѣльности. Но есть обстоятельства, усугублющія ихъ подозрительность и просто на просто воспрепятствующія пользоваться ими какъ базисомъ для какихъ бы то ни было построеній.

Таблица, подобная нашей, легко могла бы ввести въ заблужденіе неспеціалистовъ, еслибы факты въ ней сопоставленные значительно рознились другъ отъ друга по времени, то-есть, еслибы въ ней рядомъ стояли и системы, предложенныя нѣсколько десятковъ лѣтъ тому назадъ, и системы, построенныя на основаніи увеличившагося матеріала. Тогда противорѣчіе первыхъ съ послѣдними не имѣло бы значенія. Но въ нашемъ вопросѣ, на оборотъ, колебанія и противорѣчія встрѣчаются почти одновременно. Одни и тѣ же ученые на разстояніи нѣсколькихъ лѣтъ мѣняютъ свои мнѣнія, порою снова примыкая къ мнѣніямъ старымъ, давно оставленнымъ. Такъ въ 1879 году Узенеръ ²⁹⁾ счелъ возможнымъ примкнуть къ схемѣ Иделера, а Унгеръ, на основаніи различныхъ соображеній и сличеній съ мнимо бесспорными показаніями эпиграфическаго матеріала, составилъ совсѣмъ новую схему ³⁰⁾. Въ 1883 году Авг. Момсенъ ³¹⁾, выставляетъ опять новую схему, несогласную ни съ своими двумя прежними, ни съ какою другою, Шмидтъ приблизительно въ это же время, или немного позже, присоединяется къ Унгеру ³²⁾, а самъ Унгеръ бросаетъ въ 1886 году ту схему, которую въ 1879 году считалъ единственно возможною и доказывалъ на аттическихъ документахъ, и на тѣхъ же самыхъ документахъ доказываетъ, что въ Аоннахъ никогда не вводился Метоновскій киклъ, а была введена какая-то, правда на него похожая, что касается порядка интеркалированія, новая система ³³⁾, а въ интеркалированіи Метоновскаго кикла примыкаетъ къ старому мнѣнію Петавія ³⁴⁾.

Ученые, хотѣвшіе для приданія большаго вѣса предложеннымъ ими схемамъ кикла дать имъ видъ провѣренныхъ по докумен-

²⁹⁾ *Rheinisches Museum*, XXXIV, стр. 388 сл., у насъ рядъ четвертый.

³⁰⁾ *Philologus*, XXXVIII, стр. 423, у насъ рядъ третій.

³¹⁾ *Chronologie*, стр. 248, у насъ рядъ шестой.

³²⁾ *Chronologie*, стр. 434 и друг. мѣста.

³³⁾ „*Handbuch*“ *Миллера* и въ особенности *Philologus*, V, Supplementband, стр. 667 и слѣд.

³⁴⁾ *Handbuch*, стр. 575 и на выше цитированной страницѣ *Philologus*

тамъ, клали эти документы на Прокрустово ложе заранее изобрѣтенной ими схемы. Поэтому неудивительно, что одни и тѣ же документы приводятся однимъ для доказательства простоты даннаго года, другимъ для доказательства сложности его. Но еще гораздо важнѣе то обстоятельство, что нѣкоторыя ново-найденныя надписи противорѣчатъ какъ отдѣльнымъ выставленнымъ схемамъ интеркалированія, такъ и нѣкоторымъ изъ правилъ, полагавшимся въ основаніе при составленіи этихъ схемъ. Такъ въ *Athenische Mittheilungen*, VIII, стр. 210, издана надпись съ слѣдующими вступительными формулами:

Ol. CXIII. 4.

32⁵/₄.

Ἐπ' Ἀντικλέους ἄρχοντος ἐπὶ τῆς Διγείδος πέμπτης πρυτανείας ἢ Ἀντιφῶν Κοροΐβου Ἐλευσ. ἐγραμμάτευεν. Ἐνδεκάτη. Τετάρτη καὶ τριακοστῆ τῆς πρυτανείας κ τ. д.

Отсутствіе имени мѣсяца, довольно обычное явленіе въ аттическихъ надписяхъ этого времени, не мѣшаетъ тотчасъ же признать на основаніи этихъ прескриптъ годъ архонта Антикла сложнымъ. Только въ сложномъ году падаетъ тридцать четвертый день пятой пританіи на одиннадцатое число 7-го мѣсяца, то-есть, вѣроятно, въ данномъ случаѣ втораго Посидеона. Въ простомъ году этотъ день пританіи падалъ бы на одно изъ послѣднихъ чиселъ 6-го мѣсяца — Посидеона. Во всѣхъ схемахъ (за исключеніемъ 6-й Моммсенской, гдѣ онъ 14-й годъ) годъ архонта Антикла 13-й годъ VI-го вѣка ³⁵). Безспорное показаніе нашей надписи противорѣчитъ слѣдовательно схемамъ 1-й, 3-й и 5-й. Но за то оно подтверждаетъ схемы 2-ю, 4-ю и 6-ю. Лишь весьма недавно ставшее извѣстнымъ качество года архонта Анаксикрата 30⁷/₆ г. до Р. Хр. окончательно разрушаетъ всѣ схемы, такъ какъ показываетъ несостоятельность одного изъ основныхъ и общепризнанныхъ правилъ всѣхъ схемъ —

³⁵) На сколько мнѣ извѣстно, хронологи признаютъ первымъ годомъ Метонскаго вѣка, независимо отъ того, былъ ли онъ тогда же введенъ въ употребленіе или нѣтъ, Ol. 87, l. 43²/₁, до Р. Хр., такъ какъ обнаруженіе его (см. приведенный въ прим. 26 текстъ Діодора) состоялось въ послѣдніе дни предшествовавшаго года. См. *Schmidt*, стр. 442. *Unierz*, *Handb.*, I, стр. 579. Одинъ только Моммсенъ въ своей „Хронологіи“ дѣлаетъ исключеніе въ пользу 43²/₂ года. Такъ что у него всѣ года будутъ на единицу больше, чѣмъ въ другихъ системахъ.

а именно отрицанія возможности слѣдованія подъ рядъ двухъ сложныхъ годовъ ³⁶⁾.

Одинъ въ послѣднее время найденный на Акрополѣ афинскомъ фрагментъ столь же безспорно показываетъ, что 30^{7/8} годъ до Р. Хр.—(12-й или 13-й годъ VII-го Метоновскаго цикла) былъ также сложнымъ. Простое сопоставленіе этихъ двухъ фактовъ разрушаетъ все, что до сихъ поръ было выставлено гипотетическаго относительно Метоновскаго цикла.

Но годъ архонта Анаксикрата, хотя и принадлежитъ еще IV вѣку, для насъ интересенъ во многихъ другихъ отношеніяхъ, а потому мы позволяемъ себѣ остановиться на немъ подробнѣе здѣсь же.

Только что упомянутый нами новый фрагментъ изданъ Лоллингомъ въ новомъ изданіи греческой ефоріи древностей—'Αρχαιολογικὸν δελτίον, 1888, стр. 113, п. 8, какъ все тамъ издающееся, minusculis и безъ надстрочныхъ знаковъ. Вотъ онъ ³⁷⁾:

---

³⁶⁾ Эти правила лучше всего изложены у Унгера, *Philol.*, XXXVIII, стр. 437: „Die zwei Regeln, welchen jeder Mondjahrcyklus folgt, sind: 1) zwei Schaltjahre dürfen nicht aufeinander folgen, jedes muss von Gemeinjahre umgeben sein: denn der Schaltmonat entsteht aus dem im Gemeinjahr von 354 oder 355 Tagen nicht untergebrachten Rest des Sonnenjahrs, er entsteht aber erst, wenn dieser Rest sich multiplicirt hat; ein einziger Jahr liefert nur 10 — 12 Tage. 2) Jener Rest ist in drei gewöhnlichen Mondjahren zur Länge eines ganzen Monats angewachsen und weil sein dreifaches bereits die Dauer eines solchen übersteigt, so ist manchmal auch schon dem zweiten Jahr nach einem Schaltjahr wieder ein Monat beizugeben. Hieraus erwächst die andere Regel: dass nicht mehr als zwei Gemeinjahre auf einander folgen dürfen.

³⁷⁾ Въ единственномъ имѣющемся въ Петербургѣ экземплярѣ этого изданія (въ библиотекѣ Академіи Наукъ) недостаетъ какъ разъ июнскаго листка въ которомъ изданъ нашъ фрагментъ— и потому я весьма радъ, что сдѣлалъ надлежащую выписку еще въ Берлинѣ, хотя комментарий списанъ съ сокращеніемъ, о чемъ, можетъ быть, теперь придется пожалѣть. Присоединяю его здѣсь въ томъ видѣ, въ какомъ списалъ: „Τεμάχιον λίθου ὀπισθογράφου... πρὸς ἀριστερὰ ἄκρον σώζεται... ἀνήκει... εἰς τὴν αὐτὴν ἐπιγραφὴν μετὰ τῶν ἐν τῷ C. I. A. II 250. 733. 734 (ἐν τῷ τέλει τοῦ δευτέρου στίχου διέκρινα FIII) καὶ 735 δημοσιευθέντων τεμαχίων. Ἡ ἐν τῇ μιᾷ πλευρᾷ τοῦ λίθου ἐπιγραφὴ πραγματοῦται περὶ παραδόσεως ἱερῶν πραγμάτων τῆς Ἀθηνᾶς; (уже я совершенно не помню у Лоллинга ли опущена надпись этой стороны нашего фрагмента, или я опустилъ ее самъ въ своей выпискѣ) Ἐν δὲ τῇ ἀντιθέτῃ πλευρᾷ ἀνεγράφησαν τὰ ὄπλα, ἃ κατὰ τὸ ψήφισμα τοῦ Δημοκράτους... (etc. Здѣсь повторяется объясненіе данное Келеромъ при № 733 C. I. A. Объясненіе это, какъ мы постараемся доказать во второй главѣ нашей диссертациі, — неварно)... πιθανὸν ὅτι ὁ ἐν τῇ ἐπιγραφῇ C. I. A. II 320^b. ἄρχων Ἀναξικράτης τάυτις: ἐστὶ μετὰ τοῦ ἐν τῷ νέῳ τεμαχίῳ μνημονευθέντος.

- . υθ
 δημο
 ισηγο
 5 Επ Αναξικρ[ατους αρχοντος μηνος
 Γ]αμηλιωνος υστ[ερου κατα το ψηφισ
 μα του δημο[ο
 παρα των Δ[. . . . . Καλλ;
 ικρατους
 του παρα Φι
 10 παρ Αντιφ[ανους
 ντος Πανφ[ανους . . . παρα
 αρους Αφ[ιδναιου . . . παρα . . . Τρι
 νεμειεωσ
 παρα Φρυν[ισκου
 15 λ]λιστρατι
 πτ]ρεωσ Ευ
 α]σπιδασ
 πι]δας επι[χαλκουσ
 . .]ιασ Δσται
 20 ε]υσ : ΗΔΔΔΠ:
 ι]μενας : Δ
 α]σπιδασ ε[πιχαλκουσ
 ανιομε
 ατης Δ
 25 κε]λτασ
 ευτε] λαισ
 : ΠΙ : κε[λτασ
 ασ ΔΙ

Замѣтимъ прежде всего, что Лоллициъ въ только что выписанномъ комментарий допускаетъ какую-то удивительную неточность, говоря что нашъ фрагментъ несомнѣнно принадлежитъ къ одной надписи съ нп. 250. 733. 734 и 735. Даже не имѣя возможности снова считать эти камни по однимъ изданіямъ ихъ, слѣдуетъ самымъ рѣшительнымъ образомъ отклонить это утверждение. № 250 писанъ στοιχηδόν. Клеръ въ примѣчаніи къ нему прямо говоритъ, что овъ издастъ 2-й части другой документъ, изъ котораго видно, что въ Ol. 11. 3 было собрано большое количество оружія въ замкъ, и считаеъ вѣроятнымъ, что и документъ 250 содержитъ перечисленіе оружъ,

собранныго въ этотъ же годъ и по этому же обстоятельству ³⁸⁾). Нашъ фрагментъ описеографическій — п. 250 нѣтъ. № 733, напротивъ, несомнѣнно составляетъ часть одной и той же надписи съ новонайденнымъ фрагментомъ. Онъ также *ὀπισθόγραφον*, и содержаніе обѣихъ сторонъ не оставляетъ никакого сомнѣнія въ ихъ соприкосновенности. На сторонѣ, обозначенной у Келера буквою А, сохранилась часть каталога слященпыхъ предметовъ, принадлежащихъ Аэинѣ. Часть эта написана *στοιχῆδόν* буквами, попадающимися именно въ самомъ концѣ IV и началѣ III вѣка (φ — имѣетъ форму +), на сторонѣ В сохранилось то самое перечисленіе оружія, о которомъ упоминаетъ Келеръ въ примѣчаніи къ п. 250-му. № 733 и есть тотъ „другой документъ“, о которомъ онъ тамъ говоритъ, и, вмѣстѣ съ тѣмъ, несомнѣнно принадлежитъ къ одному документу съ ново-найденнымъ фрагментомъ. Что касается пп. 734 и 735, то первый изъ нихъ — маленькій обломокъ, содержащій въ себѣ перечень оружія и по написанію схожій съ п. 733. В., второй — довольно большой кусокъ, имѣющій справа край, написанный *στοιχῆδόν* и содержащій въ себѣ перечисленіе священной утвари Аэины Полиады, слѣдовательно, схожій съ п. 733 А. Но оба послѣдніе фрагмента не описеографическіе, слѣдовательно, могли бы принадлежать къ одному и тому же документу лишь въ томъ случаѣ, если бы на обѣихъ сторонахъ его оставалось много пустого мѣста и притомъ, на пустое мѣсто одной стороны приходилось бы иногда написанное мѣсто другой. Но и эта возможность, по видимому, исключается тѣмъ, что Келеръ характеризуетъ п. 733, какъ „*pila*“, п. же 734, какъ „*tabula*“. Лоллингъ въ примѣчаніи къ новоизданному фрагменту употребляетъ неопредѣленное выраженіе *τεμάχιον λίθου* и не говоритъ, написанъ ли онъ *στοιχῆδόν*, или нѣтъ. Тѣмъ не менѣе при-

³⁸⁾ „Propter litteraturam haec ultimis saeculi quarti annis antiquiora haberi quino non possunt. Atque Ol. 118. 3. magnam vim armorum publice comparatam esse monumento, quod infra in parte secunda locum habebit comprobatur. Haud immerito igitur Droysen, Hellenism., I, p. 501, ad hoc fere tempus, quod Cassander lertati vix recuperatae immineret rettulisse videtur, quod in populiscito in honore Democharis facto Vitt. X or. p. 851 is auctor fuisse traditur, ut civitas armis et machinis ornaretur et munimenta urbis reficerentur. Itaque non dubito fragmentu, quod supra posui ad Democharem auctorem et ad annum Ol. 118. 3. referre“. В примѣчаніи къ п. 733 Келеръ повторяетъ это свое предположеніе: „In hac pte (B) de machinis et telis refertur, quae Ol. 118. 3 (30°/i) Demochare auctore niallor in arcem congesta erant, ubi in chalcotheca servata esse probabile est. cf. ita X orat. p. 851 et supra n. 250 cum nota. Litteratura in parte postica nec *στοιχῆδόν* disposita et partis anticae parum similis fuit.“

надлежность его къ одному и тому же документу съ п. 733 можно, кажется, поставить внѣ всякаго сомнѣнія. Сопоставляя п. 733 В съ новымъ фрагментомъ мы встрѣчаемъ имена архонтовъ Анаксикрата и Корива. Намъ кажется, нельзя не видѣть въ нихъ двухъ архонтовъ — преемниковъ: Анаксикрата 30⁷/₆ года до Р. Хр. и Корива 30⁶/₆ года до Р. Хр. Мы видимъ, что годъ этого архонта Анаксикрата содержалъ вставной мѣсяцъ и, притомъ, этимъ мѣсяцемъ былъ не Посидеонъ 2-й (6-й мѣсяцъ аѣинскаго года), какъ обыкновенно, а Гамиліонъ 2-й (7-й мѣсяцъ аѣинскаго года).

Какъ мы выше уже замѣтили, изъ документально засвидѣтельствованной сложности 30⁷/₆ года до Р. Хр. (XII года 7-го Метонскаго цикла, по обыкновенному счету) съ одной стороны и 32⁵/₆ года до Р. Х. (XIII года 6-го Метонскаго цикла) съ другой — неопровержимо слѣдуетъ:

вопервыхъ, что мы не знаемъ, былъ ли въ интересующую насъ эпоху Метонской календарь въ употребленіи въ Аѣинахъ.

вовторыхъ, если былъ, то для насъ совершенно не ясенъ способъ распредѣленія по 19 годамъ его—7-ми сложныхъ годовъ. Можно даже подозрѣвать, что никакихъ опредѣленныхъ правилъ на этотъ конецъ не было, такъ какъ вставной мѣсяцъ не всегда одинъ и тотъ же.

Здѣсь мы позволимъ себѣ остановиться нѣсколько на другихъ документахъ, помѣченныхъ именемъ архонта Анаксикрата.

Обыкновенно документы эти распредѣляются учеными между двумя архонтами этого имени.

Анаксикрата 30⁷/₆ года до Р. Хр. видятъ въ С. I. A. II. 241. 242. 238^b. 1289. Возстановляютъ его ими по разнымъ соображеніямъ въ пп. 238. 240. 493. 1290.

Надписи же С. I. A. 320^b, 1193 и 345^b (съ возстановленіемъ имени)³⁹⁾ приписываютъ другому архонту Анаксикрату, единственное упомина-

³⁹⁾ Возстановленіе предложилъ Виламовицъ, *Antigonos von Karystos*, стр. 250, прим. 6, гдѣ онъ предлагаетъ дополнить сохранившуюся часть имени секретаря, сообразно своему же возстановленію п. 320^b: *Λυσία; Νοτίπου Διομ[ε]ζύς. Νό-διππος* дѣйствительно аттическое имя, но возстановленіе п. 345^b представляетъ затрудненія независимо отъ имени архонта. Получаются строки неслыханно длинныя, даже если предположить, что имя архонта написано на архитравѣ. Возстановленіе это принято Унгеромъ, *Philol.*, V, Supplem., стр. 688, прим. 51.

ніе о которомъ сохранилось у Павсанія X. 23. 14 въ описаніи вторженія галатовъ въ Грецію (27⁹/₈ г. до Р. Хр.).

Такое распредѣленіе документовъ между двумя упомянутыми архонтами не имѣетъ никакого основанія, даже болѣе того—вижется на ошибкѣ. Въ первой части втораго тома С. I. А. Келеръ отнесъ къ году Анаксикрата 30⁷/₈ года до Р. Хр. четыре документа: пп. 238. 240. 241. 242. Изъ нихъ только въ двухъ послѣднихъ сохранилась часть имени архонта. Въ п. 240 имени архонта на камнѣ не сохранилось, но документъ представляетъ изъ себя подлинникъ сохранившагося въ жизнеописаніяхъ 10 ораторовъ, приписываемыхъ Плутарху, декрета Стратокла въ честь оратора Ликурга ⁴⁰⁾ въ п. 238. Келеръ восстанавливаетъ имя Анаксикрата на томъ основаніи, что онъ усмотрѣлъ въ немъ одно и то же имя секретаря съ п. 241. Это и есть коренная ошибка, обусловившая появленіе всѣхъ прочихъ и до сихъ поръ никѣмъ не замѣченная. Въ п. 241, въ томъ мѣстѣ, гдѣ Келеръ видитъ остатки имени секретаря стоитъ: αΛΑΝΟΙ, да-лѣе камень обломленъ. Къ п. 238 въ томъ же мѣстѣ Келеръ прочелъ ΑΝΟΠΟΝ..ΥΠ.ΤΑ... Онъ соединилъ эти мнимые остатки собственнаго имени, и у него получился секретарь для 30⁷/₈ г. до Р. Хр.: [ὁ δεῖνα·] .αααααααααα[πο]υ Π[ο]τά[μιος]. На сколько, однако, самъ онъ былъ не увѣренъ въ своемъ чтеніи, доказываетъ примѣчаніе къ изданному имъ впоследствии въ Addenda къ этому тому п. 238^b, помѣченному архонтомъ Анаксикратомъ. Онъ отождествляетъ этого Анаксикрата съ архонтомъ п. 241. Но въ п. 238^b ясно читается конецъ имени секретаря: . . αααα. Разумѣется—это не можетъ быть концомъ слова Ποτάμιος. Келеръ пишетъ по этому поводу: „Scriba fuit Paeaniensis. Idem demoticon restituendum esse puto in tit. 238 (et in tit. 246). In lapide quidem Π.ΤΑ esse visum est sed superficies ita est corrosa, ut omnis lectio incerta sit“. Последнее замѣчаніе особенно важно. Если чтеніе димотика оказалось невѣрнымъ, то таковымъ же можетъ быть и чтеніе отчества, тѣмъ болѣе, что оно совершенно неслыханное. Должно быть, дѣйствительно, уже почти все въ этомъ мѣстѣ стерто, если Келеръ такъ легко отказывается отъ своего чтенія, тогда какъ, казалось бы, нетрудно было счесть одного изъ Анаксикратовъ за архонта 27⁹/₈ г. до Р. Хр. Но Келера, несомнѣнно, побудило относить надпись 238^b къ 30⁷/₈ г. до Р. Хр. упоминаніе въ ней известнаго Стратокла. Это, конечно, обстоятельство вѣское. Врядъ ли

⁴⁰⁾ Третій изъ приложенныхъ къ этимъ жизнеописаніямъ документовъ.

этотъ Стратоклѣ могъ имѣть вліяніе еще въ 27⁹/₈ году ⁴¹⁾. Но вотъ въ Addenda Nova № 320^b появляется еще надпись съ именемъ архонта Анаксикрата, которую Келеръ относитъ уже къ 27⁹/₈ году до Р. Хр. на основаніи имени секретаря Δωσίτας . . . οὐ . . . οὐ Διομειδός ⁴²⁾. Очевидно, Келеръ во время изданія этой надписи все имѣлъ въ головѣ своего страннаго секретаря 30⁷/₈ года до Р. Хр. Но именно эта надпись лишаетъ его мнѣніе послѣдней вѣроятности — ибо на основаніи ея п. 241 восстанавливается совершенно иначе, нежели имъ предложено и, по нашему мнѣнію, гораздо вѣрнѣе. Въ букввахъ, въ которыхъ Келеръ видѣлъ часть имени секретаря, приходится видѣть начало имени мѣсяца. Вотъ наше восстановленіе:

ἐκ' Ἀναξικράτους ἀρχοντος ἐπίτῃς . . . . . {ὁ γ δ ὁ η ς} πρῶτος
 ναὶ ἰακ' Ἀναξικράτους ἐπιτῆς . . . . . {ἐ ν α τ η ς} ἡμεροῦ
 ε γ ὁ ὀ ν ὁ γ δ ἰ β η ι . . . . .

Намъ кажется, его нельзя назвать насильственнымъ. Между именемъ мѣсяца и словомъ ἡμερολεῖδον, принимая въ 1-й строкѣ названіе филой средней длины—въ 10 буквъ—, останется 25 мѣстъ для числительнаго. Но и бѣльшее количество (при самомъ длинномъ имени—Иппоэонтиды—27 мѣстъ) не могло бы насъ смущать. Въ п. 320^b числа занимаютъ 33 мѣста. Самая бѣльшая длина строкъ при нашемъ восстановленіи—51 буква—также не препятствуетъ вѣроятности его.

⁴¹⁾ Стратоклῆς Εὐθύδημος Διομειδός, демагогъ и льстецъ Димитрія, особенно известенъ изъ Плутархова жизнеописанія этого послѣдняго (Дѣл. XI. XXVI), гдѣ въ первый разъ упоминается въ 30⁷/₈ году, при разговѣ объ освобожденіи Афинъ Димитріемъ, то-есть, какъ разъ въ годъ арх. Анаксикрата. Изъ этого же года происходитъ предложенный имъ декретъ въ честь Ликурга, упомянутый выше; но въ этомъ году С. не могъ быть уже первой молодости, такъ какъ былъ уже известнымъ дѣлагогомъ и имѣлъ много противниковъ, въ томъ числѣ комика Филиппида. ср. Плутархъ 'Ερωτ. IV. У Димосеена въ рѣчи противъ Мидіа, 165 (рѣчь была держана по Шоэеру въ 34⁹/₈ г. до Р. Хр.), упоминается Εὐθύδημος ὁ τοῦ Стратокλέους — весьма вѣроятно отецъ нашего Стратокла. Въ надписяхъ С. значасть фигурировать тоже именно въ это время. Кроме 235^b и 240 (30⁷/₈ г.), онъ встрѣчается въ 247 (30⁶/₈) 263. 264. (30⁵/₈) 265. 266. 267. 268. (все до 30¹/₈ г.) 302 (29⁶/₈) Δθλ. V 522 № 6 (болѣе позднѣго времени. Декретъ Стратокла приводится какъ архивный документъ); *Sitzungsber. B. Ac.* 88 стр. 245 п. 23 (= *Bull. de Corr. Hellén.* XII, стр. 146) неизвѣстнаго года. Во всякомъ случаѣ естественнѣе приписать надпись, упоминающую С. 30⁷/₈ г. члѣмъ 27⁹/₈. Напротивъ—*Unters.*, Philol. Supplementb. V, стр. 689. Тождественность нашего Стратокла съ обвинителемъ Димосеена (*Дѣл.* I, 20, 21) не доказана.

⁴²⁾ Ср. прим. 39. Келеръ предлагалъ восстановленіе Ποδείου.

Извѣстная надпись о возстановленіи стѣнъ Афинъ и Пирея, времени правленія оратора Ликурга ⁴³⁾ содержитъ 71 букву въ строкахъ. Въ надписи въ честь Аристомаха Аргосскаго каждая строка, по возстановленію Э. Э. Соколова, содержитъ болѣе 60 буквъ ⁴⁴⁾. Въ надписи въ честь агониста Діонисій, Агаея, сына Автокла, годовъ Калимнда и Ферсилоха архонтовъ ⁴⁵⁾, каждая строка по 57 буквъ и т. д. Мы не имѣемъ никакого основанія предположить, что наша надпись не представляла собою также большого документа. Отсутствіе упоминанія секретаря при нашемъ возстановленіи также не безпримѣрно въ наше время ср. Athen. Mitteil. V, стр. 268 (въ надписяхъ того же года С. I. А. II, 246. 247. 248. 249. 249^b секретарь упомянутъ) С. I. А. II, 240 (тоже арх. Анаксикратъ) 237 (арх. Героннимонъ 31°/₃ г. до Р. Хр.) и много другихъ.

Остается п. 238. Келеръ признается ⁴⁶⁾, что мѣсто, гдѣ, ему казалось, онъ прочелъ имя секретаря, такъ стерто, что „всякое чтеніе его спорно“. Намъ кажется, что, помимо этого, нашъ документъ происходитъ изъ гораздо болѣе поздняго времени. Во 1-хъ, онъ написанъ не στοιχιδόν, тогда какъ всѣ современные документы, а въ особенности официальные, писались этимъ способомъ. Во 2-хъ, въ строкахъ 18-й здѣсь стояло очевидно βασιλ]ία 'Αντιγόνου. Извѣстно, что Антигонъ и Димитрій приняли титулъ царей лишь послѣ Саламинской побѣды, приблизительно въ 305 г. до Р. Хр. ⁴⁷⁾. Правда тотъ же Плутархъ разказываетъ, что афиняне первые привѣтствовали Антигона и Димитрія царями, и что это произошло именно въ эпоху взятія Афинъ Димитріемъ въ 30⁷/₈ г. до Р. Хр. ⁴⁸⁾, но это мѣсто заимствовано у него изъ плохого афинскаго источника, о которомъ будетъ рѣчь въ 1-й главѣ ⁴⁹⁾. Келеръ именно ссылается въ примѣчаніи къ нашей

⁴³⁾ С. I. А, II, 167.

⁴⁴⁾ С. I. А. II, 161. Э. Э. Соколовъ, Аристомахъ, стр. 46.

⁴⁵⁾ С. I. А. II, 307.

⁴⁶⁾ См. выше.

⁴⁷⁾ Плутархъ Δημ. XVII.

⁴⁸⁾ Δημ. X.

⁴⁹⁾ Здѣсь достаточно указать, что уже въ X главѣ у Плутарха сообщается много несообразнаго. Наряду съ упоминаніемъ о провозглашеніи царями, Плутархъ говоритъ еще, что афиняне назвали Антигона и Димитрія „богами спасителями“, отиѣнили должность перваго архонта и стали вмѣсто него избирать ежегодно „жреца спасителей“, который и числится въ заголовкѣ всѣхъ псѣвонимъ. Рѣшили ткать изображенія Антигона и Димитрія на пеплѣ Афинны, учредили жертвенникъ Димитрія, Сходящаго съ колесницы (Δημητρίου Καταβάτου), учредили

надписи на это мѣсто Плутарха. Изъ датировки документа онъ заключаетъ, что Антигоида и Димитриада еще не были установлены въ это время—и ему вѣрять на слово ученые⁶⁰⁾, хотя въ цитированномъ имъ же мѣстѣ Плутарха всѣ дѣйствительныя и небывалыя почести поставлены рядомъ, какъ оказанныя въ одно и то же время⁶¹⁾. Но въ другомъ мѣстѣ Келеръ самъ противорѣчитъ себѣ. А именно, издавая надпись 1290, гдѣ выскоблено имя филоу—слѣдовательно могла стоять только Антигоида или Димитриада—онъ относитъ ее къ Анаксикрату архонту 30⁷/₈ г. до Р. Хр. Конечно, слѣдуетъ думать, что филоу были установлены тотчасъ по взятіи Аѣинъ. Даже странный счетъ времени, встрѣчающійся въ надписяхъ 241 и 320^b, проще всего объяснять именно новымъ распредѣленіемъ пританій въ срединѣ года. Если это послѣднее предположеніе вѣрно, то взятіе Аѣинъ Димитріемъ слѣдуетъ относить къ 1-й половинѣ года архонта Анаксикрата, такъ какъ въ п. 320^a—мѣсяць Гамиліонъ (1-й или вставной—не извѣстно). Въ этой послѣдней надписи также упоминается Антигоида, что послѣ отнесенія п. 1290 въ 30⁷/₈ году отнимаетъ у Келера послѣдній его доводъ въ пользу 27⁹/₈ года до Р. Хр.

Надпись п. 238, намъ кажется, естественнѣе всего относить ко времени царствованія Антигона Гонаты, какъ по манерѣ письма, такъ и по выраженіямъ. Декреты совершенно такой формы встрѣчаются въ очень, сравнительно, позднее время⁶²⁾.

Филоу Антигоиду и Димитриаду и совѣтъ 500 превратили въ совѣтъ 600. Изъ всего этого документами подтверждены филоу и совѣтъ 600, документами *опровергнуто* епонимство „жрецовъ спасителей“ (см. *Kurziofs*: Ist in Athen jemals nach Priester von den Soteren datirt worden? *Hermes* II, стр. 161). Остальное не извѣстно.

⁶⁰⁾ Шмидтъ, *Chronologie*, стр. 582. Умеръ, *Philol. Supplem.* V, стр. 681.

⁶¹⁾ Одна весьма недавно найденная надпись, по видимому, подтверждаетъ наименованіе Антигона и Димитрія царями ранѣе битвы при Саламинѣ: ('Арх. Δελт. 88, стр. 186—187) .....ἐπειδὴ Μῆδειος πρότερόν τε παρὰ τῷ βασιλεὶ Ἀντιγόνῳ διατρέψων λόγων καὶ πράττων τὰ ἄριστα διέτελει τοῖς τῆς βασιλευσάν και τῷ δῆμῳ τῷ Ἀθηναίων και συναποσταλεί; ὅτε ὁ βασιλεὺς Ἀντιγονος ἀπέστειλεν τὸν υἱὸν αὐτοῦ Δημήτριον ἐλευθερώσο[υτ]α[τῆν]τε πόλιν και τοὺς ἄλλους [Ἔ]λ[ληνας χρι]τήσιμος ἦν και εὐνοος и т. д. Но надпись эта могла быть написана даже послѣ битвы при Ипсѣ (что видно изъ πρότερόν τε и т. д.) во все время пока, Димитрія почитали въ Аѣинахъ.

⁶²⁾ См., напримѣръ, документъ относящійся къ концу III-го вѣка, изданный въ 1-й разъ В. К. Эрнштедтомъ и В. В. Латышевымъ въ *Журн. Мин. Нар. Просв.* 1880, г., ноябрь, стр. 467, (= *Athen-Mitteil.* V, стр. 327 (1881) Келеръ и 'Εφημ. 'Арх. III (1885), столб. 141—142. Цунда).

Мы видимъ, что не осталось никакого основанія для раздѣленія надписей, помѣченныхъ архонтомъ Анаксикратомъ, между двумя архонтами этого имени. №№ 241, 238^b 320^b, кажется намъ, несомнѣнно происходятъ изъ одного и того же года. Труднѣе отдать преимущество одному изъ Анаксикратовъ, такъ какъ возможность явленія Стратокла въ качествѣ оратора въ 27^{9/10} году не можетъ считаться уничтоженною, а трудное счисленіе пп. 241 и 320^b можетъ быть объяснено какъ-нибудь иначе. Наконецъ, высказанное Доллингомъ предположеніе относительно отождествленія архонта Анаксикрата новонайденнаго фрагмента съ Анаксикратомъ п. 320^b, (что заставило бы пп. 241 и 238^b также съ полною увѣренностью относить къ 30^{7/10} г. до Р. Хр.),—такъ и остается простымъ предположеніемъ, да въ добавокъ еще, кажется, основаннымъ просто на упоминаніи мѣсяца Гамиліона въ обѣихъ надписяхъ и ошибочнаго принятія Гамиліона п. 320^b за вставной, тогда какъ изъ надписи этого не слѣдуетъ. Слѣдовательно, одинъ только новый фрагментъ несомнѣнно относится къ 30^{7/10} году и, вмѣстѣ съ тѣмъ, своею датировкой разрушаетъ выставлявшіяся доселѣ хронологическія теоріи.

Такимъ образомъ мы снова пришли къ главному предмету этого вступленія.

Мы видѣли, что всѣ попытки возстановить Метоновскій кикль, предложенныя доселѣ, были неудачны, и что мы просто не знаемъ этого послѣдняго.

Но прежде чѣмъ покинуть хронологическую область, въ которую мы попали противъ нашей воли, зададимся еще однимъ вопросомъ. Допустимъ, что мы знаемъ кикль Метона и даже систему его интеркалярованія. Можно ли бы было даже въ этомъ случаѣ датировать опредѣленными годами архонтовъ и документы изъ того періода, „ubi fasti deficient“? Конечно нѣтъ! Вѣдь самое большее, что можно вывести изъ отдѣльнаго, хотя бы прекрасно сохранившагося документа—это его происхожденіе изъ простаго или сложнаго года. Но вѣдь въ каждомъ киклѣ 12 простыхъ и 7 сложныхъ годовъ. Гдѣ же искать критерій, къ какому году относится, напримѣръ, документъ, упоминающій о царѣ Димитріи? Не говоря уже, что Димитріевъ въ III вѣкѣ было два—на царствованіе каждаго изъ нихъ приходится нѣсколько интеркалярныхъ, еще болѣе простыхъ годовъ. Критерій слѣдовательно даже при такомъ положеніи дѣлъ оставался бы одинъ: историческія событія, или вообще какіе-нибудь факты, попадающіеся въ документѣ. Тѣмъ болѣе нечего намъ ожидать помощи отъ календаря при нашемъ его незнаніи.

Намъ остается терпѣливо собирать матеріалъ и стараться опредѣлять съ тою степенью точности, съ какою только возможно, время надписей и годы архонтовъ на основаніи содержанія и взаимной связи документовъ. Мы не можемъ пожаловаться уже въ настоящее время на особую скудость матеріала, въ особенности для начала III вѣка. Почти съ каждымъ ново-находящимся объемистымъ документомъ удается сцѣпить какіе-нибудь факты вмѣстѣ.

Посильнымъ отвѣтомъ на вопросъ: на сколько же намъ извѣстенъ порядокъ преемства аттическихъ епонимовъ въ началѣ III вѣка, служить все послѣдующее изложеніе, въ которомъ мы старались особенно рѣзко различить доказанное отъ предположительнаго, факты отъ гипотезъ.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Архонты 300 — 299—29³/₂ годовъ, сохраненные въ сочиненіи Діонисія „О Динархѣ“.

Выше уже было сказано, что Діодоровскій списокъ архонтовъ афинскихъ обрывается, вмѣстѣ съ его связною исторіей, на 30³/₄ г. до Р. Х. Но здѣсь, случайно, на помощь намъ является перечисленіе архонтовъ, бывшихъ у кормила правленія въ теченіе жизни оратора Динарха, находящееся въ сочиненіи Діонисія Аликкарнасскаго объ этомъ ораторѣ, входящемъ въ число его „ὁπορευμάτων περί τῶν ἀρχαίων ῥητόρων“. Перечисленіе это идетъ, какъ мы надѣемся показать, до 29³/₂ года до Р. Х. и содержитъ, такимъ образомъ, имена архонтовъ первыхъ восьми лѣтъ III вѣка. Этотъ рядъ восьми именъ, происходящій изъ одного общаго источника, естественнымъ образомъ, выдѣляется въ особую, такъ сказать, вступительную группу среди всѣхъ вообще архонтовъ, извѣстныхъ намъ изъ III вѣка и потому заслуживаетъ быть рассмотрѣннымъ въ специальной главѣ, тѣмъ болѣе, что Діонисіевскій списокъ имѣетъ свои недочеты и неясности, весьма для насъ, въ данномъ случаѣ, важные и до послѣдняго времени удовлетворительно не разъясненные.

Сопоставимъ сначала вкратцѣ извѣстія Діонисія о жизни Динарха. Въ самомъ началѣ онъ жалуется на то, что никто изъ знаменитыхъ грамматиковъ ничего дѣльнаго не писалъ о Динархѣ: „οὐδὲν ἀκριβές οὔτε Καλλιμάχου; οὔτε τοὺς ἐκ Περγᾶμου γραμματικοὺς περί αὐτοῦ γράψαντας“, жалуется на лживость, недостаточность ихъ свѣдѣній. Затѣмъ цитируетъ длинное мѣсто изъ сочиненія „περί ὁμονύμων ποιητῶν καὶ συγγραφέων“ Дмитрія Магнита (его имя въ рукописяхъ Діонисія стоитъ въ этомъ мѣстѣ въ формѣ Δῆμος. Описка это, или сокращенная форма имени—не беремся рѣшить), въ которомъ дается характеристика Динарха, какъ оратора. Діонисію жестоко нападаетъ на эту характеристику. „Ἐκ τούτων οὐδὲν ἔστιν οὔτε ἀκριβές, ἀλλ' οὔτε ἀληθές εὐραῖν' οὔτε γὰρ γένος τάνδρως, οὔτε χρόνου, καὶ οὐς ἦν, οὔτε τόπον, ἐν ᾧ διετρυφε, δεδήλωκεν. ὀνόματα δὲ μόνον κοινὰ καὶ περιτρίχοντα

ἀποκόβασε⁴. Показавъ, такимъ образомъ, до какой степени недостаточно преданіе объ обстоятельствахъ жизни Динарха, Діонисій продолжаетъ: „Вотъ что, приблизительно, я самъ могъ узнать о Динархѣ: Динархъ, ораторъ, былъ сыномъ Сострата, родомъ коринѳянинъ¹⁾. Прибывъ въ Аены во время процвѣтанія философскихъ и ораторскихъ школъ, онъ попалъ въ кругъ Теофраста и Димитрія Фалирсаго²⁾. Обладая талантомъ къ политическимъ рѣчамъ, онъ началъ писать таковыя еще въ то время, когда Димосѳенъ и его современники были въ цвѣтѣ силъ, и понемногу приобрѣлъ себѣ извѣстность. Болѣе же всего получилъ извѣстности (ἤχρως) по смерти Александра, когда Димосѳенъ и другіе ораторы подверглись смертной казни и вѣчному изгнанію, и послѣ нихъ не осталось никого болѣе достойнаго вниманія³⁾. Въ теченіи 15 лѣтъ, пока Кассандръ владѣлъ городомъ, онъ писалъ для желающихъ рѣчи. При Анаксикратѣ же архонтѣ, при которомъ цари Антигонъ и Димитрій, уничтожили поставленный Кассандромъ въ Мунихіи гарнизонъ, Динархъ подпавъ вмѣстѣ съ знатнѣйшими афинянами (не смотря на то что былъ чужестранецъ) подъ обвиненіе въ уничтоженіи димократіи, вида, что афиняне возбуждены, чувствуя себя небезопаснымъ по причинѣ своего богатства и опасаясь отъ этого дурныхъ для себя послѣдствій, не рѣшился предстать передъ судилище, но, удалившись изъ города въ

1) У псевдо-Плутарха въ Βίοι δέκτῃ ῥητόρων читаемъ: „Διναρχος Σωκράτου ἢ Σωκράτου, ὃς μὲν τινὲς εἰγγύριος, ὃς δὲ τινὲ δοκεῖ Κορινθίος“. Такъ что значить даже относительно самаго происхожденія его не было точнаго преданія. Впрочемъ жизнеописаніе у псевдо-Плутарха, какъ замѣчаетъ Влассъ, заимствовано изъ Діонисія, только съ кое-какими дополненіями изъ утеряннаго жизнеописанія Цецилія, см. Влассъ въ изданіи Динарха (текстъ), стр. XV—XVI. Gesch. d. Venedigamkeit III, Abth. 2, стр. 261—262. Въ отрывкѣ рѣчи противъ Проксена въ томъ видѣ, какъ онъ сохраненъ Діонисіемъ въ гл. 3 жизнеописанія, Динархъ самъ называетъ себя сыномъ Сострата, коринѳяниномъ.

2) Послѣдній самъ былъ ученикъ Теофраста и моложе Динарха. Влассъ, Venedig. III, Abth. 2, стр. 263. По псевдо-Плутарху Динархъ прибылъ въ Аены „καθ' ὃν χρόνον Ἀλέξανδρος ἐπὶ τὴν Ἀσίαν (διέβαινε)“, славов. около 334. По Діонисію онъ долженъ былъ прійти раньше, такъ какъ по его разчетамъ, къ которымъ мы еще вернемся, онъ выступилъ уже публично въ Аенахъ около года арх. Писодиды, то-есть, около 336—335 г., см. Влассъ, ук. м., стр. 262.

3) Подъ этимъ пунктомъ высшаго процвѣтанія оратора подразумевается, конечно, знаменитый Арпаловскій процессъ, въ которомъ Динархъ является обвинителемъ Димосѳена. У псевдо-Плутарха читаемъ: καὶ ἐπειδὴ Ἄρπαλος διέδρα, πλείους λόγους συνέγραψε κατὰ τῶν αἰτίων ἐχόντων δωροδοῆσαι, καὶ τούτους τοὺς κατηγοροὺς ἐξέδωκεν“. До насъ дошли три такіа рѣчи.

Халкиду, что на Еввіи, пробылъ тамъ пятнадцатилѣтній промежутокъ времени, отъ Анаксикрата до Филиппа, ожидая, не представится ли ему черезъ Теофраста, или кого-либо другаго изъ друзей, какого-либо случая возвращенія. Когда же царь далъ разрѣшеніе ему вмѣстѣ съ другими изгнанниками возвратиться, онъ прибылъ въ Афины, но тамъ, введенный въ обманъ однимъ изъ своихъ друзей Проксеомъ, потерялъ состояніе, будучи уже старикомъ и болѣя глазами. Когда же Проксенъ пренебрегъ его просьбой (о возвратѣ денегъ) — онъ вчинилъ ему процессъ, въ которомъ въ первый разъ въ жизни самъ явился въ судъ⁴⁾.

Вотъ то, что сообщаетъ намъ Діонисій о событіяхъ жизни Динарха, которыя онъ могъ разузнать. Скучность ихъ говоритъ сама за себя. Мы можемъ пожаловаться, что мы не узнаемъ изъ Діонисія въ точности того самаго, на отсутствіе чего у Димитрія Магнита жаловался самъ Діонисій: „ὄττε τὸ γένος τάνδρος, ὄττε χρόνους, καὶ ὄττε ἦν“. Всѣ хронологическія данныя сводятся къ тому, что Динархъ во время Арналовскаго дѣла писалъ рѣчи, при Анаксикратѣ архонтѣ былъ изгнанъ, а на 15 годъ при Филиппѣ возвратился. Спустя неизвѣстный промежутокъ времени по возвращеніи, онъ судился съ своимъ гостепріимцемъ Проксеомъ, при чемъ въ рѣчи самъ называлъ себя старикомъ. Сколько времени послѣ этого жилъ Динархъ — не извѣстно⁵⁾.

Но спрашивается, могъ ли Діонисій ограничиться такими свѣдѣніями? Разумеетсяъ нѣтъ. Если не было извѣстно ничего болѣе положительнаго о жизни Динарха, то существовало не мало ходячихъ рецептовъ, на основаніи которыхъ можно было разчитать приблизительные годы рожденія разныхъ лицъ, если мы имѣемъ о нихъ вообще какія нибудь извѣстія. Такіе приблизительные расчеты, пока имъ придается тоже не болѣе какъ приблизительное значеніе, никакого вреда, конечно, принести не могутъ и всегда будутъ при-

⁴⁾ Діонис. περί Δεινάρχου 2—3. Жизнеописаніе это помѣщено также вмѣстѣ съ жизнеописаніями псевдо-Плутарха и Свида въ изданіи Динарха — *Blasca*. Лейпц. 1888 и у *Westermана* въ его *Βιογράφοι*.

⁵⁾ Свида сообщаетъ невяное свѣдѣніе о смерти Динарха: „ἐτελεύτησε δ' οὗτος, ἐπιμελητῆς Πελοποννήσου καταστάς ὑπ' Ἀντιπάτρου, μετὰ τὸ τελευτῆσαι Ἀντιπάτρου, Πολυσπέρχονος αὐτῷ ἐπιβουλεύσαντος“. Онъ смѣшиваетъ очевидно этого Динарха съ другимъ Динархомъ, также коринѳяниномъ, который, дѣйствительно, назначенъ былъ Антипатромъ правителемъ Πελοποννήσου. Плутархъ. Φωκίων 33. *Blasca*. Введс. стр. 265 прим. 1.

близительно вѣрны. Но бѣда въ томъ, что Діонисій, какъ и вообще всѣ древніе, совершенно не умѣетъ различать приблизительнаго изслѣдованія отъ изслѣдованія точнаго. Сознаваясь самъ, что ничего не передано относительно времени и обстоятельствъ жизни Динарха, онъ, тѣмъ не менѣе, сейчасъ же пускается въ предположенія. „Послѣ всего этого“ продолжаетъ онъ въ главѣ 4,— „одно намъ остается и, притомъ, самое необходимое — опредѣлить время его жизни (τὴν ἡλικίαν αὐτοῦ διαρίσαι) для того, чтобы быть въ состояніи сколько-нибудь ясно разграничить его подлинныя и неподлинныя рѣчи. Итакъ мы полагаемъ, что онъ на семидесятомъ году возвратился изъ изгнанія, какъ онъ и самъ свидѣтельствуеетъ, называя себя старикомъ, а именно отъ этого возраста мы обыкновенно начинаемъ называть такъ человѣка ⁶⁾. Всѣ эти предположенія основаны лишь на общихъ разчетахъ, ибо точныхъ извѣстій мы не имѣемъ. Итакъ пусть онъ родился при Никофимѣ архонтѣ . . . . . Я думаю мы не ошибемся также, если скажемъ, что онъ началъ писать рѣчи приблизительно на двадцать пятомъ или шестомъ году и по другимъ обстоятельствамъ, и потому, что Димосѡенъ тогда былъ въ славі. Двадцать шестой же (архонтъ) отъ Никофима—Пиенодиль. Итакъ тѣ рѣчи изъ числа всего наличнаго количества, которыя ему приписываются, а по времени старше вышеупомянутаго архонта, мы, по всей справедливости, должны признать подложными. Равно какъ и процессы, веденные отъ Анаксикрата до Филиппа, мы причислимъ къ подложнымъ: вѣдь не пошлыя же бы никто въ Халкиду за рѣчами по частнымъ или государственнымъ процессамъ, ибо не окончателно же оскудѣли въ этомъ отношеніи (сами афиняне)⁶⁾.

Далѣе, въ главахъ 5—8, Діонисій старается опредѣлить характеръ краснорѣчія Динарха и сравниваетъ его съ другими ораторами. Переходя въ главѣ 9 къ разбору дошедшихъ подъ именемъ Динарха рѣчей, онъ, для большей ясности, прилагаетъ въ видѣ вступленія списокъ архонтовъ, бывшихъ у кормила правленія отъ предполагаемой даты рожденія Динарха до возвращенія его. Это и есть списокъ, сохранившій намъ имена первыхъ архонтовъ III вѣка. Мы приводимъ

---

⁶⁾ Солонъ у Иродота также считаетъ 70-ти-лѣтній возрастъ границею чело-
вѣческой жизни (I, 32), но это далеко не было общепринятымъ мнѣніемъ среди
грековъ. Такъ, напримѣръ, въ кружкахъ пифагорейцевъ и въ выходящейся подъ
ихъ вліяніемъ литературѣ возрастъ старости опредѣлялся въ 80 лѣтъ. См. прим.
85 и 86 въ этой главѣ.

его здѣсь цѣлнкомъ въ томъ видѣ, какой онъ представляетъ въ рукописяхъ и изданiяхъ Дiонисiа:

„ἐπεὶ δ' ἀναγκαία πρὸς ταῦτα ἢ τῶν χρόνων διαγνώσις, τοὺς Ἀθηναίων ἀρξάντας, ἀπ' οὗ Δείναρχον ὑπεθέμεθα γεγονέναι χρόνου, μέχρι τῆς δοθείσης αὐτῷ μετὰ τὴν φυγὴν, καθόδου γενομένους ἑβδομήκοντα, προθήσομεν. εἰσὶ δὲ οἷδε: ¹⁾ Νικόφημος, Καλλιμήδης, Εὐχάριστος, Κηφισόδοτος, Ἀγαθοκλῆς, Ἑλπίνης, Καλλίστρατος, Διότιμος, Εὐδῆμος ²⁾, Ἀριστόδημος, Θεσσαλός ³⁾, Ἀπολλόδωρος, Καλλιμάχος, Θεόμνητος ⁴⁾, Θεμιστοκλῆς, Ἀρχιδας ⁵⁾, Εὐδωρος ⁶⁾, Λύκιχος, Πυθόδοτος, Ἐωσιγένης, Νικόμαχος, Θεόφραστος, Δυσιμαχίδης, Χαίρωνιδας ⁷⁾, Φρόνιχος, Πυθόδημος ⁸⁾. ἐπὶ τούτου πρῶτον αὐτὸν εἰς δικαστήριον τοὺς συγγραφεῖς ὑπεθέμεθα. Μετὰ δὲ τούτων Εὐαίνετος, Κτησικλῆς, Νικοκράτης, Νικήτης ⁹⁾, Ἀριστοφάνης, Ἀριστοφῶν, Κησιφῶν ¹⁰⁾, Εὐθύκριτος, Ἠγήμων, Κρέμης ¹¹⁾, Ἀντι-

¹⁾ Мы приведемъ въ послѣдующихъ примѣчанiяхъ варианты этихъ именъ даваемые спискомъ Дiодора и, главнымъ образомъ, надписями. Для болѣе яснаго различiя формы, даваемые надписями выражены, уставнымъ шрифтомъ. Предупреждаемъ, что въ цѣлкахъ нашихъ было при этомъ не сопоставленiе всѣхъ случаевъ, гдѣ данное имя встрѣчается, а констатированiе варианта. Опушены варианты, встрѣчающiеся въ другихъ литературныхъ источникахъ, кромѣ списковъ Дiодора и Дiонисiа (напримѣръ, варианты, встрѣчающiеся въ другихъ сочиненiяхъ самого же Дiонисiа). Что касается эпиграфическаго матеріала, то мы старались всякій разъ дать лишь одинъ, но хорошо гарантированныйъ случай, гдѣ попадаетъ разная форма. Можетъ быть, нѣкоторые изъ ново найденныхъ надписей нами упущены. Вообще работу сличенiя рукописнаго преданiя именъ аѳинскихъ архонтовъ съ подлинными формами ихъ, даваемыми надписями, еще предстоитъ сдѣлать. Слѣдуетъ сказать только одно, что рукописное преданiе въ данномъ случаѣ весьма неудовлетворительно. Это видно и на нашемъ спискѣ.

²⁾ Θεόδημος Diod. XVI, 32. ΘΟΥΔΗΜΟΣ С. I. А. II, 72.

³⁾ Diod. XVI, 40 также даетъ форму Θεσσαλός. Вѣрная форма ΘΕΕΛΛΟΥ читается въ надписи С. I. А. II, 758, ср. В. В. Латышевъ. Эпиграфическiе виды I, Журн. Мин. Нар. Просв. 1880, ноябрь.

⁴⁾ Θεόφιλος, Diod. XVI, 53. ΘΕΟΦΙΛΟΣ, С. I. А. II, 803 столб. д., стр. 120.

⁵⁾ Ἀρχιδας, Diod. XVI, 59. ΑΡΧΙΑΣ, С. I. А. II, 803 столб. с., стр. 132, 164.

⁶⁾ Εὐδωρος, Diod. XVI, 66. ΕΥΒΟΥΛΟΣ, С. I. А. II, 803 столб. с., стр. 124.

⁷⁾ Χαίρωνιδας, Diod. XVI, 84. ΧΑΙΡΩΝΙΔΑΣ, С. I. А. II, 807 столб. с., стр. 58.

⁸⁾ Πυθόδοτος, Diod. XVI, 91. ΠΥΘΟΔΗΛΟΣ, С. I. А. II, 808 столб. с., стр. 12, 31.

⁹⁾ Νικήτης, Diod. XVII, 40. ΝΙΚΗΤΗΣ, С. I. А. II, 173.

¹⁰⁾ Κησιφῶν, Diod. XVII, 74. ΚΗΦΙΣΟΦΩΝ, С. I. А. II, 807, столб. в., стр. 30, 40.

¹¹⁾ Архонтъ этотъ пропалъ въ большой лакунѣ, находящейся въ XVII книгѣ Дiодора между главами 83 и 84, въ которой пропало описанiе набiенiа Вракхи-

λῆς¹⁰⁾, Κηφισόδωρος, Φιλοκλῆς· ἐπὶ τούτου τὴν φρουρὰν ἐδέξαντο Ἀθηναῖοι, καὶ ὁ δῆμος καταλύθη. Ἄρχιππος, Νέαιχος¹¹⁾, Ἀπολλόδωρος, Ἄρχιππος, Δημογένης, Δημοκλειδῆς, Πραξιβουλος, Νικόδωρος, Θεόφραστος, Πολέμων, Σιμων-

довъ, похода въ Согдиану съ возстаніями согдианцевъ, охоты въ Васистахъ, умерщвленія Крита, смерти Баллисеена, похода на Навтаконъ, брака съ Роксаной и начало описанія похода на Индію до взятія Массеаки, конецъ котораго составляетъ содержаніе нашей 84 главы. Сравни древнее исчисленіе содержанія XVII книги Діодора, пункты χ'—λγ' второй части этой книги. Виѣсть съ нимъ у Діодора пропала и соответствующая пара римскихъ консуловъ. См. подробное и прекрасное изслѣдованіе объ этомъ у Corsini. Fasti Attici II, dissert. IX, sectio XV. Въ этой IX диссертациі Корсини окончательно рѣшилъ вопросъ о томъ, какъ слѣдуетъ возстановить списокъ афнискихъ архонтовъ на пространствѣ СХIII—СХIV олимпиадъ, гдѣ вслѣдствіе пропусковъ въ спискахъ Діонисія и Діодора и интерполяціи въ текстѣ послѣдняго между ними является разногласіе. Кратко резюмированъ вопросъ у Clinton'a F. H. (ed. Krüger) prooemium, стр. XIII—XV. ΠΓΗΣΙΑΣ С. I. А. II, 808, d., стр. 174.

¹⁰⁾ Χρέμης, Diod. XVII, 87. ΧΡΕΜΗΣ, С. I. А. 808, нѣсколько разъ.

¹¹⁾ Здѣсь въ спискѣ Діонисія пропалъ архонтъ Ἡγήσιас, который въ спискѣ Діодора является въ формѣ Ἀγησίας, но настоящая форма возстановляется изъ надписей ΠΓΗΣΙΑΣ, С. I. А. 811, с. 72 и т. д. На счетъ пропуска не можетъ существовать никакого сомнѣнія. Въ доказательствахъ, собранныхъ съ обычною талантливостью Corsini. F. A. Diss. IX, стр. 23 слѣд., мы въ теченіе изложенія найдемъ возможнымъ присоединить еще одно. Ἄρχιππος и Νέαιχος пропали у Діодора въ XVIII книгѣ. Но слѣдуетъ ли объяснять здѣсь дѣло лакуной въ текстѣ — еще вопросъ. Скорѣе, кажется, надо признать вѣрнымъ объясненіе Дройзена (Gesch. d. Hell. I^a часть 2, прилож. I. Die Chronologie Diodor's, стр. 364 сл.), что мы имѣемъ передъ собою какое-то сокращенное изложеніе, въ которомъ событія нѣсколькихъ лѣтъ стиснуты въ одинъ годъ. Въ древнемъ исчисленіи содержанія XVIII книги также заключается оглавленіе только тѣхъ событій, которыя разказываются въ дошедшемъ до насъ текстѣ. Пропускъ этихъ именъ можетъ быть съ полною несомнѣнностью доказанъ изъ самого Діодора, а именно въ главѣ I XVIII книги онъ говоритъ, что книга будетъ содержать событія семи лѣтъ. Въ сущности она содержитъ событія шести лѣтъ, такъ какъ арх. Δημογένης, которымъ начинается XIX книга, есть седьмой отъ Киесодора. Но такія неточности сплошь да рядомъ попадаются у древнихъ, такъ что Дройзенъ напрасно именно за это нападаетъ на Діодора. То же самое доказывается упомянутыми олимпиадъ; у Діодора именно СХIV ол. упоминается подъ именемъ арх. Игесіи (XVII, гл. 113). СХV, долженствующая падать на годъ Неехма, вовсе не упоминается, СХVI упоминается подъ арх. Димоклидомъ (XIX, 17). Архонтъ Неехмъ засвидѣтельствованъ эпиграфически, но, на сколько мнѣ извѣстно, ни одна изъ надписей не передаетъ имя его иолиф. С. I. А. II, 581 имѣетъ форму ΝΕΑΙΝΧ[Μ]ΟΣ; II, 1246 несомнѣнно имѣла ΝΕ[ΑΙ]ΧΜ[Ο]Σ, но буквы, стоящія въ скобкахъ, исчезли; II, 1217, на сохранившейся части читается только ΝΕΑ....

νίδης, Ἰερομνήμων, Δημήτριος, Καίριμος ²⁰⁾, Ἀναξικράτης· ἐπὶ τούτου ἡ κατασταθεῖσα ὑπὸ Κασάνδρου ὀλιγαρχία κατελύθη, καὶ οἱ εἰσαγγελθέντες ἔφυγον, ἐν οἷς καὶ Δεινάρχος ἦν. Κόροιβος, Εὐξένηππος, Φερεκλῆς, Λεώστρατος, Νικοκλῆς, Καλλιάρχος ²¹⁾, Ἠγέμαχος, Ἐκτῆμων. Μνησιδημος, Ἀντιφάτης, Νικίας, Νικόστρατος, Ὀλυμπιόδωρος, Φίλιππος ²²⁾ ἐπὶ τούτου καθόδοις ἐδόθη τοῖς τε ἄλλοις φυγάσι καὶ Δεινάρχῳ ὑπὸ βασιλείας Δημητρίου^α.

Итакъ (возстановляя очевидно пропущеннаго не Діонисіемъ, а лишь переписчиками, Игесію) Діонисій, общавъ перечислить 70 архонтовъ, перечисляетъ всего 69. Этотъ фактъ нужно во что бы то ни стало разъяснить, такъ какъ оупъ имѣеть весьма важное вліяніе на точность всѣхъ дальнѣйшихъ изслѣдованій. Лишь по отрицаніи всѣхъ другихъ возможныхъ объясненій дозволительно прибѣгнуть, въ такихъ случаяхъ, къ объясненію простою неточностью. Неточности совершенно такого пошиба чрезвычайно какъ часты у древнихъ, по во всякомъ дапномъ случаѣ такая неточность должна быть доказана. Разсмотримъ прежде всего дававшіяся до сихъ поръ объясненія этого страннаго противорѣчія.

Самымъ естественнымъ объясненіемъ было, конечно, предположить пропускъ еще одного архонта въ дошедшемъ до насъ текстѣ Діонисія, тѣмъ болѣе, что одинъ такой пропускъ уже доказанъ. Искать пропускъ, всего естественнѣе, придется въ той части списка, которая извѣстна намъ изъ одного источника — Діонисія, то-есть, начиная съ архонта Клеарха.

Первый рѣшительно сталъ на сторону такого объясненія Clinton ²³⁾.

²⁰⁾ Χαρίνος, Diod. XX, 37, эпиграммическихъ памятникѣвъ съ его именемъ; на сколько мнѣ извѣстно, не имѣется.

²¹⁾ ΚΛΕΑΧΟΣ, Bull. de Corr. Hellen. III, стр. 510.

²²⁾ Извѣстенъ также изъ надписи, дошедшей до насъ въ чрезвычайно плохомъ преданіи. Въ одной редакціи род. пад. имени читается ΦΡΑΙΠΑΟΣ, въ другой ΦΑΙΔΩΝΟΣ и наконецъ въ третьей ΦΙΛΙΠΠΟΥ. Надпись, теперь утерянная, издана въ С. I. G. 6084 и въ новомъ С. I. G. въ томъ, дающемъ обнать Италію и Сицилію, подъ № 1184.

²³⁾ Fasti Hellenici. Prooem. стр. XIV—XV. Мы уже считаемъ возможнымъ обойти въ текстѣ мнѣнія старинныхъ ученыхъ, какъ Scaliger'a Ὀλυμπιάδων ἀναγραφῆ, изд. Scheibel, стр. 135, 139., который ставитъ Филиппа и на OI. CXXI, 4 и на CXXIII, 2, Meursius, который во всемъ сядуетъ Скалигеру, считая его древнимъ анонимомъ, и притомъ перваго Скалигероваго Филиппа считаетъ тождественнымъ съ Плутарховскимъ Дипломъ, жрецомъ Спасителей De archontib. Atheniensium 1621, lib. IV, cap. 17 — 19 (= Gronov. Thes. IV, 1255 — 1266, въ

Ему слѣдуетъ Meier ²⁴⁾ и изъ самыхъ новѣйшихъ и самыхъ видныхъ Köhler ²⁵⁾. Ходъ разсужденія Клиптона, приблизительно, слѣдующій ²⁶⁾: общая названъ 70 и названъ всего 69 архонтовъ, Діонисій, очевидно, пропустилъ одного. Искать этотъ пропускъ надо, разумѣется, послѣ Филокла, такъ какъ при имени послѣдняго упоминается происшествіе дѣйствительно въ этотъ годъ случившееся ²⁷⁾. Но изъ обоюдно исправленныхъ списковъ Діодора и Діонисія явствуетъ, что и послѣ Филокла вплоть до конца связнаго разказа Діодора мы имѣемъ совершенно полный списокъ еще за цѣлые 20 лѣтъ. Итакъ, пропускъ кроется въ послѣднихъ годахъ. Правда, Корсини отрицаетъ возможность всякаго пропуска въ рядѣ послѣднихъ 15 архонтовъ, ибо Діонисій говоритъ, что между Анаксикратомъ и Филиппомъ—разстояніе въ 15 лѣтъ. Но это еще сомнительно. Пбо изъ этихъ словъ явствуетъ, что Филиппъ былъ шестнадцатымъ отъ Анаксикрата, а не пятнадцатымъ. Иначе изгнаніе продолжалось

счетъ страницъ Эисавра здѣсь опечатка 1247—1248 вм. 1255—1256). *Sigonius De Atheniensium temporibus* 1564 (= *Gronov. Thes.* V, 1633 — 1670), вовсе не звалъ сочиненія Діонисія о Динархѣ. Считаю возможнымъ обойти здѣсь молчаніемъ также и *Corsini*. Онъ объяснялъ дѣло не критическимъ приемомъ допущенія архонта сущаго и опять все того же интерполированнаго у Діодора Сосикла, который надѣлалъ ему столько работы раньше. Итакъ, по *Corsini* 69 лѣтъ, но 70 архонтовъ, изъ которыхъ одинъ, и именно Сосиклъ, правильно-де лишь нѣсколько мѣсяцевъ за умершаго или свергнутаго своего предшественника Антакла, и потому сосчитать Діонисіемъ, но не попалъ въ списокъ. *Fasti Attici* II, Diss. IX, глава XX, стр. 28 слл. Нечего и говорить, что такимъ образомъ можно все объяснить. Сосиклъ положительный попенс. Интерpolatorъ, вѣтавившій его въ Діод. XVII, 112, повторилъ при его имени тѣхъ же консуловъ, что при Антивлѣ (сл. объ этомъ *Droysen, Gesch. d. Hell.* I, прил. II, *Chronologie Diodora*, стр. 361). Онъ даже пропускается въ новѣйшихъ изданіяхъ Діодора (какъ напримѣръ, въ изд. *L. Dindorf*).

²⁴⁾ *W. Meier. Commentatio epigraphica secunda.* Halle. 1851, при которой приложенъ *Index Atticorum Archontum Eponymorum qui post Olymp. CXXI, 2 eum magistratum obtinuerunt, имѣющіеся также въ отдѣльныхъ оттискахъ.*

²⁵⁾ *C. I. A.* II, 300 „Decretum ad Ol. 121, 1 pertinere docuit Rangubis (n. 443). Idem annum intercalarem fuisse recte monuit. Igitur in archontum indice Dionysii post Ol. 121, 2 unum nomen exciderit“. Примѣчаніе, сдѣланное, впрочемъ, мимоходомъ со словъ Рангависа, который думалъ видѣть въ этой надписи подтвержденіе своего возстановленія Каллипповскаго календаря (*Ant. Hell.*, томъ II, стр. 93).

²⁶⁾ *F. H. проеш.*, стр. XIV—XV и прим. g.

²⁷⁾ См. выше въ текстѣ Діонисіа на стр. 27 и тексты, цитированные Клиптономъ въ таблицахъ подъ годомъ арх. Филокла (322 г.).

бы не 15, а 14 лѣтъ. Динархъ вернулся при Филиппѣ; значитъ, онъ былъ въ отсутствіи 15 лѣтъ и вернулся на 16-й годъ. Итакъ, семидесятое имя выпало, по видимому, гдѣ-нибудь въ послѣднихъ десяти годахъ послѣ окончанія исторіи Діодора. Въ таблицахъ своихъ Клинтонъ принимаетъ пустымъ мѣсто непосредственно передъ Филиппомъ (стр. 190, изд. Крюгера).

Мейеръ ²⁸⁾ вполне принимаетъ разсужденіе Клинтона, сомнѣвается только на счетъ того, въ которомъ именно пунктѣ десятилѣтія съ 30¹/₀ по 29²/₁ г. надо искать потерянное имя. Келеръ, въ упомянутомъ замѣчаніи къ С. I. A. II, 300, считаетъ доказанною непрерывность списка до 29⁵/₄ года, основываясь на томъ, что архонтъ Никостратъ, возстановляемый имъ въ этой надписи ²⁹⁾, какъ сказано, на основаніи Рангависовскаго разчета Каллипповскаго кикла, приходится по этому разчету на ОI. СХХI 2 (29⁵/₄ г. до Р. Х.).

Всѣ рѣшительно ученые, которые допускали пропускъ въ послѣднихъ годахъ Діонисовскаго списка и относили, такимъ образомъ, архонта Филиппа къ ОI. 122. 1 (29²/₁ г. до Р. Х.), приводили въ доказательство слѣдующую надпись, вѣкогда находившуюся въ Римѣ и теперь утраченную ³⁰⁾.

²⁸⁾ Указанный въ прим. 24. „Catalogus archontum“ и т. д. стр. XVIII отдѣльнаго оттиска подъ словомъ Φιλίππος. Я не упоминалъ въ текстѣ *Dumont, Essai sur la chronologie des archontes athéniens*. Paris. 1870, такъ какъ онъ ограничивается въ этомъ, какъ и во многихъ другихъ случаяхъ, лишь ссылкой на Мейера. Еще менѣе я считалъ нужнымъ упомянуть о спискѣ афинскихъ архонтовъ, приложенномъ къ пятому изданію Германовскаго „Lehrbuch der Griechischen Staatsalterthümer“, который представляетъ лишь жалкую перепечатку списка, даннаго въ Дюмонтскихъ *Fastes éponymiques d'Athènes*. Par. 1874, со всеми опечатками (ср. мою маленькую замѣтку въ *Журн. Мин. Нар. Просв.* 1887 г., май, и въ 'Еф. 'Арх. 87, стр. 50, прим. 1) и съ прибавленіемъ нѣкоторыхъ несообразностей отъ себя, вродѣ удвоенія Діотима архонта и помѣщенія Діотима п. I, между Никостратомъ и Олимпіодоромъ. Также ничего не говорятъ о причинѣ допущенія пропуска именно передъ Олимпіодоромъ авторы двухъ остальныхъ извѣстныхъ мнѣ каталоговъ афинскихъ архонтовъ *Вестерманн* во 2 изданіи перваго тома *Real-Encyclopedie—Pauly*, подъ словомъ Archontes, стр. 1476 и *Русопуло* въ ново-греческомъ переводѣ учебника греческихъ древностей *Бойзена* 'Ελληνική ἀρχαιολογία. Ав. 1860, стр. 169.

²⁹⁾ Возстановленіе, какъ увидимъ ниже, не безспорное.

³⁰⁾ Я привожу здѣсь текстъ, какъ онъ напечатанъ въ томѣ „Inscriptionum Graecarum Italiae et Siciliae“ (стр. 313, № 1184), который будетъ составлять часть новаго *Corpus Inscriptionum Graecarum*, предпринятаго Берлинскою академіей. Любезнымъ сообщеніемъ печатнаго листа, содержащаго нашу надпись, я обязанъ прое. Кайбелю, издающему этотъ томъ.

ΜΕΝΑΝΔΡΟΣ ΔΙΟΠΕΙΘΟΥΣ
 ΚΗΦΙΣΙΕΥΣ ΕΓΕΝΝΗΘΗ ΕΠΙ
 ΑΡΧΟΝΤΟΣ ΣΩΣΙΓΕΝΟΥΣ
 ΕΤΕΛΕΥΤΗΣ ΕΝΕΤΩΝ · Ν'
 ΚΑΙ · Β' ΕΠΙ ΑΡΧΟΝΤΟΣ
 ΦΙΛΙΠΠΟΥ ΚΑΤΑ ΤΟΥ
 ΚΑΙ Α' ΕΤΟΣ ΤΗΣ ΠΤΟΛΕΜΑΙ
 ΟΥ ΤΟΥ ΣΩΤΗΡΟΣ ΒΑΣΙΛΕΙΑΣ.

Но и текстъ этой надписи, и ея хронологическія показанія, и имя архонта Филиппа, и самая подлинность ея еще требуютъ доказательствъ, такъ что приводить ея въ подтвержденіе чего бы то ни было не возможно, прежде чѣмъ сама она не будетъ тщательно разобрана во всѣхъ этихъ отношеніяхъ. Виламовицъ-Меллендорфъ ³¹⁾ считаетъ возможнымъ, при разсужденіи о годѣ Филиппа, просто устранить этотъ документъ и высказаться за его подложность безъ дальнѣйшихъ разсужденій. Мы считаемъ вопросъ болѣе важнымъ и интереснымъ, тѣмъ болѣе, что убѣждены въ хорошемъ источникѣ свѣдѣній, сообщаемыхъ надписью, будь она хотя бы даже поддѣлкой Лигорія, что, впрочемъ, весьма мало вѣроятно.

Въ настоящее время надпись должна считаться утерянною. Она находилась нѣкогда въ Римѣ. По послѣднимъ и самымъ категорическимъ свѣдѣніямъ въ 1765 году она хранилась въ библіотекѣ монастыря SS. Andreae et Gregorii на Целин. О дальнѣйшей судьбѣ ея издатели нынѣшняго столѣтія Францъ и Кайбель ³²⁾ ничего не сообщаютъ. Въ мое пребываніе въ Римѣ лѣтомъ 1888 года я старался всячески напасть на слѣдъ надписи. G. B. de-Rossi снабдилъ меня рекомендаціей къ аббату монастыря SS. Andreae et Gregorii—radge Dubbino, но оказалось, что помѣщеніе бывшей библіотеки находится во флигелѣ, отнятомъ у монастыря нынѣшнимъ италіанскимъ правительствомъ и занимаемомъ женскою богадѣльней. Я проникъ и въ богадѣльню. Въ залѣ, въ которой нѣкогда находилась библіотека, я видѣлъ нѣсколько десятковъ, вдѣланныхъ въ стѣны, надписей, но надписи Менаандра не оказалось между ними. Въ одномъ изъ позднѣйшихъ разговоровъ де-Росси сообщилъ мнѣ, что монастырь подвергся разрушенію и разграбленію въ 1798 году во время безпоряд-

³¹⁾ Antiq. v. Karyst., стр. 179 пр. 2 „С. I. G. 6084 sollte von rechts wegen nicht mehr spuken. Die fälschung ist Ligorisch“.

³²⁾ Кайбель принималъ на ирландскомъ мнѣ листъ „plura nescio“.

ковъ, сопровождавшихъ провозглашеніе республики въ Римѣ Бертье и Массеной, и что, завѣдомо, много надписей, прежде тамъ находившихся, уничтожено. Отъ нѣкоторыхъ, по его словамъ, хранятся весьма незначительныя обломки отчасти на монастырской территоріи, отчасти на отошедшей отъ монастыря. Производить дальнѣйшіе поиски за ними по ихъ незначительности онъ мнѣ не совѣтовалъ.

Въ виду всего этого я счелъ возможнымъ, какъ выше сказано, признать надпись пропавшею. Мы принуждены слѣдовательно имѣть дѣло съ копіями, которыя, къ сожалѣнію, оставляютъ желать многого.

Первый сообщилъ эту надпись знаменитый фальсификаторъ Рігго Ligorio³³⁾ въ такъ называемомъ Сабинскомъ кодексѣ Ватиканской бібліотеки³⁴⁾, гдѣ насчетъ мѣста ея находки приписано: „Nella villa Cornelia nei Sabini, dove oggidi si chiama il luogo Bocchignano nell'abadia di Farsa, anticamente Foro Decio“³⁵⁾. Строки 5 и 6 онъ передаетъ слѣдующимъ образомъ:

ΜΑΙΩΕΠΙΑΡΧΟΝΤΟΣ
ΦΡΑΨΑΟΣΚΑΤΑΤΟΒ.

Уже изъ-за этого одного надо признать вмѣстѣ съ Моммсеномъ³⁶⁾ и Кайбелемъ³⁷⁾ за несомнѣнное, что надпись не выдумана Лигоріемъ.

³³⁾ † 1583. О немъ см. С. I. L. II, стр. XII; V стр. XIX; VI стр. LI (всего подробнѣе) и стр. 19*. сл.; IX. X стр. XLVIII.

³⁴⁾ *Liber Sabinen(his)* (cod. Vad. 6040 f. 95—149). См. о немъ Моммсенъ С. I. L. IX стр. 439 и поправки въ спискѣ источниковъ при томъ же томѣ на стр. LX. Все собраніе принадлежитъ не Лигорію, а нѣкому Юлію Якобію Умбру и въ 1566 году поступило въ собственность Мануція Альда, что явствуетъ изъ приписки на листѣ 17 „1566. VII non. Sept. ex Iul. Iacobonio“. Къ сожалѣнію, я обработывалъ эту часть моей работы, когда уже поздно было спрашивать въ Ватиканской бібліотекѣ: ей оставалось быть открытою до лѣтнихъ вакацій всего два—три дня. Г. Гюльзенъ, впрочемъ, видяся для меня навести справку и сказалъ мнѣ, что, действительно, такъ стоитъ тамъ, какъ приведено въ вариантахъ у Моммсена и Кайбеля, но не списалъ самой надписи. Конечно, этотъ самый сборникъ Велькеръ (Rh. Mus. 1845. В. III стр. 465) называетъ Ватиканскими счедами Лигорія.

³⁵⁾ На картѣ III приложенной къ IX тому С. I. L. въ квадратѣ bF. Отожествленіе съ Forum Decium теперь, по видимому, оставлено. Ср. С. I. L. IX отдѣлъ CI. Inter Forum novum et Cures, гдѣ приводятся другія надписи, найденныя въ этихъ мѣстахъ и въ прим. къ п. 4855 также и наша (стр. 461—464).

³⁶⁾ Къ С. I. L. IX 4855 „errans in legendo, nequaquam igitur fingens“.

³⁷⁾ С. I. Gr. (нов.). Inscr. Ital. et Sic. 1184, повторяетъ доводъ Моммсена и даже самъ пишетъ: „Ipsum Ligorium titulum comminisci vel adeo lapidi inscribere potuisse incredibile plane est: sequitur ut genuinum esse credamus i. e. factum ab homine aliquo privato aetatis fortasse imperatoriae“.

Онъ, очевидно, ошибся здѣсь въ чтеніи и ошибка весьма легко объяснима и очень характерна для Лигорія. Въ особенности МАΙΩ, вмѣсто трудно читаемаго Κ]ΑΙ[Β пенотражаемо. Всякій, кто знакомъ съ восстановленіями надписей, дѣлаемыми разными любителями просвѣщенія, коллекціонерами, звановами мѣстныхъ древностей, которымъ имя легіонъ въ Греціи и Италіи — пойметъ меня. Греческая эпиграфика имѣла своего Лигорія въ лицѣ безсмертнаго Питтакиса, который, впрочемъ, не такъ часто поддавался, какъ интерполировалъ надписи ³⁸). Кроме „Сабинскаго“ кодекса эта же надпись находится въ другомъ, уже вполне Лигоріонскомъ сборникѣ, а именно въ громадномъ тридцатитомномъ сборникѣ Туринской бібліотеки, т. XXIII, листъ 33 ³⁹). Сборникъ этотъ — позже Сабинскаго, такъ какъ цитируетъ многократно „ореографію“ Мануціи Альда, вышедшую въ 1566 году ⁴⁰). Въ него попала наша надпись, очевидно, изъ Сабинской книги вмѣстѣ съ другими, найденными въ сосѣднихъ мѣстностяхъ ⁴¹). Но надо думать, что Лигорій, или видѣлъ еще разъ надпись, или догадался на счетъ чтенія строки 5-й, ибо въ Туринской коллекціи стоитъ уже вѣрное (то-есть, единственно возможное) чтеніе ΚΑΙ. Β'. Въ шестой же строкѣ имя архонта читается тамъ: ΦΑΙΩ(Ν)ΟС ⁴²). Это уже, разумѣется, придумано Лигоріемъ на свободѣ и не можетъ имѣть никакого значенія для дальнѣйшей критики текста надписи. Безсмыслица ΦΡΑΙΠΑΟС драгоцѣнна для насъ именно, какъ безсмыслица. За ней мы можемъ видѣть настоящее чтеніе, можемъ догадываться, что стояло на камнѣ. Φαίδων же прямо родился въ головѣ Лигорія и потому долженъ быть, безъ всякаго колебанія, вычеркнутъ изъ списка разночтеній.

Слѣдующее датированное упоминаніе надписи Мевандра встрѣ-

³⁸) О немъ см. *Neubauer* въ *Hermes*, т. 11 (1876), стр. 374 сл.

³⁹) Объ этомъ сборникѣ см. С. I. L. VI, 1, стр. LII.

⁴⁰) См. С. I. L. VI, 1, стр. LI.

⁴¹) С. I. L. IX, стр. 439. „Redeunt item errores quos in titulis genuinis describendis auctor libri Sabinensis commisit... in voluminibus Ligorii tam Neapolitanis quam Taurinensibus. Nonnumquam adeo interpolationes in Sabinensi libro ad genuinam lectionem postea adscriptae in recensionebus Ligorii posterioribus ita comparant, ut ibi veram lectionem expulerint (sic n. 4673, 4683, 4896). Такъ что Туринское собраніе является не просто механическимъ спискомъ. Да и люди, добытые Лигорію, врядъ ли даже могутъ сымеять что-нибудь, не измѣняя.

⁴²) См. *Моммсенъ* къ С. I. L. IX, 1851, *Кайбелъ*, ук. мѣсто.

чается у Фульвія Урсина ⁴³). На таблицѣ 33 находятся у него два изображенія Менандра и двѣ надписи, къ нему относящіяся, въ томъ числѣ и наша. Въ оглавленіи таблицъ противъ всѣхъ трехъ стоитъ „*Romae apud Fulvium Ursinum*“, такъ что неясно, къ которому изъ трехъ предметовъ надо отнести поясненіе оглавленія. Въ этомъ помогаетъ намъ второе изданіе Урсина, редактированное Фабромъ, повторяющее приведенное указаніе на таблицѣ 90 надъ изображеніемъ Менандра на *imago clureata*, стоящей наверху таблицы 33 перваго изданія ⁴⁴). Наша надпись Менандра повторяется безъ указанія мѣстопахожденія на стр. 56 комментарія ко 2-му изданію. Вторая надпись въ честь Менандра (C. I. G. 6083—C. I. G. nov. Ital. et Sic. 1183) уже у Грутера (tab. CXXVII) приведена, какъ находящаяся въ Туринѣ, гдѣ, по видимому, и до сихъ поръ находится. Трудно сказать, почерпнулъ ли Урсинъ свою копію изъ какого-нибудь источника, или самъ прочелъ на камнѣ. Предположеніе, чтобы онъ изъ нелѣпаго ФРАИАОС догадался о томъ, что стояло на камнѣ, кажется невозможнымъ. Лигорій, пришедшій потомъ къ чтенію *Φαίδωνος*, врядъ ли могъ быть, въ этомъ случаѣ, его источникомъ. Въ копіи Урсина интересующія насъ строки 5 и 6 читаются также, какъ и теперь принято издателями, то-есть:

⁴³) *Imagines et elogia virorum illustrium et eruditorum ex antiquis lapidibus et numismatibus expressa cum annotationibus. ex bibliotheca Fulvi Ursini 1570. Romae, Ant.-Lafregerii formis. fol.*

⁴⁴) Второе изданіе сдѣлано уже по смерти Урсина Фабромъ въ 1606 г. in quarto. Оно составляетъ, по видимому, большую рѣдкость противъ перваго. По крайней мѣрѣ въ подробномъ перечисленіи литературы на стр. LIV—LV C. I. L. VI, 1, оно отсутствуетъ. Въ Берлинскихъ бібліотекахъ я нашелъ нѣсколько экземпляровъ 1-го изданія, второго же только одинъ у проф. Фуртвенгера, которому обязанъ, вообще, нѣкоторыми разъясненіями по исторіи коллекцій Урсина и Фарнезе. Дѣло въ томъ, что упомянутое выше изображеніе Менандра: *imago clureata* помѣчено въ сборникѣ Блаумейстера *Denkm. d. klass. Altertums v. v. Menandros*, какъ находящееся „in Farnesischem Besitz“. Мнѣ объясненіе показало сомнительнымъ, такъ какъ я знаю, что большая часть Фарнезской коллекціи перешла въ Неаполь, самое же *palazzo Farnese* въ Римѣ принадлежитъ французскому правительству. Проф. Фуртвенгеръ подтвердилъ, что никакой Фарнезской коллекціи въ настоящее время не существуетъ. *Imago* же *clureata* онъ не помнитъ, гдѣ находится. Я, въ послѣднее время, два раза былъ въ Неаполѣ и также не помню, чтобы видѣлъ тамъ это изображеніе. Висconti, издавшій его въ *Iconographie Grecque*, tab. VI № 3 и текста томъ I, стр. 89, говоритъ, что безплодно искалъ его въ Римѣ и Неаполѣ.

ΚΑΙ Β' ΕΠΙΑΡΧΟΝΤΟΣ
ΦΙΛΙΠΠΟΥ ΚΑΤΑ ΤΟ Β

Изъ того же, приблизительно, времени происходитъ копія, находящаяся въ рукописномъ сборникѣ Пигія (Pighius), принадлежащемъ Берлинской королевской библіотекѣ⁴⁵). Сборникъ этотъ состоитъ изъ отдѣльныхъ листовъ, разной бумаги, разнаго формата. Онъ заключаетъ въ себѣ множество рисунковъ съ антиковъ, произведенныхъ самыми разнообразными способами. Мы не удалось видѣть надписей, списанныхъ какъ таковыя. Всегда изображенъ весь предметъ, на которомъ надпись находится. Но между листами сборника находится нѣсколько другихъ листовъ другаго вида и формата (сравнительно весьма немногихъ), на которыхъ находятся просто копіи надписей въ тѣсномъ смыслѣ слова. Къ числу такихъ листовъ принадлежитъ листъ 61, на которомъ читается наша надпись. На верху болѣе новыми чернилами приписано: „Roma missum Pighio cum aliis inscriptionibus“, и затѣмъ, послѣ латинскаго перевода, написаннаго тѣми же рыжими чернилами, что и самая копія, снова тою же новою рукою: „vide Gellium ib' 4“. Копія согласна въ чтеніи 5 и 6 строкъ съ Урсиніевскою, но строкъ седьмую читаетъ:

ΚΑΙ · Α · ΕΤΟΣ ΤΗΣΠΤΟΑΕΜΑΙ,

что согласно съ копіей Лигорія по разпочтеніямъ, приводимымъ Кайбелемъ, но въ обоихъ ли кодексахъ—не извѣстно. Что авторъ копіи дѣйствительно читалъ καὶ ᾠ', явствуетъ изъ латинскаго перевода приложеннаго къ копіи и писаннаго, очевидно, тѣмъ же, кто писалъ ее: „Menander Diopithi filius, tribu Cephisia natus est | Archonte Sosigene, obiit annorum LII Archonte Philippo | circa secundum et primum annum regni Ptolomaei Sotiris“. По причинѣ имени архонта въ формѣ Φίλιππος несомнѣнно, что авторомъ этой копіи не могъ быть Лигорій, равно какъ по причинѣ чтенія Α вмѣсто Δ нельзя считать его тождественнымъ съ авторомъ копіи Урсипи. Самый этотъ фактъ существованія трехъ почти одновременныхъ копій одного и того же документа служитъ лучшимъ доказательствомъ, если не подлинности его (въ пользу которой лучше всего говорятъ ошибки Лигорія, на котораго только и могло бы пасть подозрѣніе въ поддѣлкѣ), то дѣйствительно существованія надписи на камнѣ.

⁴⁵) Lib. pict. A. 61. fol. max. О Пагин см. С. I. L. VI, стр. L; онъ род. въ 1520, умеръ въ 1604, былъ въ Римѣ два раза въ 1547—55 и 1574 годахъ.

Уже изъ этихъ источниковъ, основывающихся, по видимому, каждый на самостоятельной, хотя недостаточной, копіи, заимствуютъ нашу надпись Фаберъ (въ указанномъ выше второмъ изданіи Урсини) и Грутеръ въ своемъ собраніи латинскихъ надписей, изданіе 2-е, дополненное Гудіемъ ⁴⁶⁾, томъ II, tab. 918, п. 12 и табл. 1027, п. 2. Уже изъ самыхъ приписокъ явствуется, что здѣсь простыя перепечатки старыхъ копій, при чемъ еще эти послѣднія старались согласить. При стр. 918, п. 12, читаемъ „Gruterus ex Ursini schedis“ Voehignani. Очевидно, здѣсь къ schedamъ Урсини (то-есть, попросту, къ печатной копіи) присоединяется еще авторитетъ Лигорія въ Сабинскомъ кодексѣ. Еще яснѣе это изъ того своеобразнаго „исправленія текста“, которое претерпѣла наша надпись въ стр. 5: Она читается:

ΚΑΙ · Β · ΜΑΙΩΕΠΙΑΡΧΟΝΤΟΣ,

при чемъ ΚΑΙ стоитъ на полѣ. Въ замѣчаніи къ стр. 1027 п. 2. встрѣчаемъ новый курьезъ: „In basi cui superposita Menandri effigies ⁴⁷⁾ Grut. a. Voehignano. Gud. Contuli cum schedis Ursini. Id.“; здѣсь Voehignano является уже, по видимому, именемъ человѣка.

Мы видѣли, что Урсини, Пигій и, тѣмъ болѣе, Грутеръ не знали мѣстопахожденія надписи. Въ 1765 году является она снова на свѣтъ Божій въ книгѣ Одерика ⁴⁸⁾, съ точнымъ показаніемъ мѣстопахожденія, а именно въ библіотекѣ уже упомянутого раньше монастыря S. Gregorii in monte Coelio. „Requievit tandem in bibliotheca nostra praestantissima haec ἐπιγραφή“ пишетъ Одерикъ, или, вѣрнѣе, Sandrius, которому принадлежитъ у него отдѣлъ объ этой надписи. Копія Сандрія, какъ снятая съ оригинала и наиболѣе вѣроятная, и повторяется теперешними издателями и повторена нами вначалѣ всего этого разсужденія.

⁴⁶⁾ Inscriptiones antiquae totius orbis Romani in corpus absolutiss. redactae cum indicib. XXV ingenio ac cura Iani Gruteri auspiciis Ios. Scaligeri et M. Velseri. Ed. II edente Ioh. G. Graevio Amstelod. 1707. 4 vol. folio.

⁴⁷⁾ Въ 1-мъ изданіи Урсини на таблицѣ 33-й надъ надписью помѣщена, но отдѣльно, какая-то голова, пожалуй похожая на портретъ Менандри. Эта голова потомъ, кажется, исчезла съ археологическаго горизонта.

⁴⁸⁾ Gasp. Aloysius Odericus Gemensis. Dissertationes et adnotationes in aliquot ineditas veterum inscriptiones et numismata. accedunt inscriptiones et monumenta quae extant in bibliotheca monachorum Camaldulensium S. Gregorii in monte Coelio. Romae. 1765. 4°. Единственный, видный мною, экземпляръ этого рѣдкаго изданія находится въ библіотекѣ германскаго археологическаго института въ Римѣ.

Вотъ исторія этой надписи. Читатель видѣлъ, что нѣтъ никакого основанія сомнѣваться въ ея подлинности. Она найдена или, вѣрнѣе, впервые замѣчена и списана Лигоріемъ въ срединѣ XVI в. ⁴⁹⁾, затѣмъ ходила по рукамъ въ разныхъ, болѣе или менѣе, неудовлетворительныхъ копіяхъ, пока, наконецъ, не „requisivit“ въ библиотекѣ названнаго монастыря. Дальнѣйшая вѣроятность говорить за ея уничтоженіе во время погрома современнаго революціи. Теперь она должна считаться пропавшею.

Теперь надо постараться, хотя приблизительно, опредѣлить время, изъ котораго она происходитъ. По формамъ буквъ въ старыхъ изданіяхъ нечего и думать это сдѣлать, такъ какъ въ то время печатали какими попало маюскулами и о способѣ такого датированія надписей не имѣли никакого понятія. Францъ и Кайбелъ дѣлаютъ поэтому, намъ кажется, большую ошибку, печатавъ въ своихъ изданіяхъ надпись эпиграфическимъ шрифтомъ. Нѣсколько болѣе, можетъ быть, слѣдуетъ обращать вниманія на рукописные снимки и на такіе, гдѣ надпись передана отдѣльнымъ клише (какъ у Урсини въ первомъ изд.). Дѣйствительно, какъ въ рукописномъ сборникѣ Шигія, такъ и на клише Урсини Σ имѣетъ форму—С, тогда какъ Одерикъ, Корсини ⁵⁰⁾ и за ними Францъ и Кайбелъ печатаютъ Σ (четырёхчертуую). Ω, кажется, имѣло форму Ω ⁵¹⁾, тогда какъ указанные издатели печатаютъ Ω, форму сходную съ обычною нынѣ уставною формою этой буквы. Эти оба признака указывали бы, дѣйствительно, на весьма позднее, вѣрнѣе всего императорское время, въ какомъ мнѣнію склоняется и Кайбелъ ⁵²⁾. Но при настоящемъ преданіи текста надписи

⁴⁹⁾ Точнымъ показаніемъ мѣста находки не слѣдуетъ прельщаться. Вотъ что говорятъ по этому поводу о Лигоріи Генцемъ: С. I. G., VI, 1, стр. LII: *Inscriptiones quibus imprimis ad probanda inventa sua usus est Ligorius alias exhibet ubi agitur de urbibus, quibus vel iure vel fraude tribuantur, alias adiecit ad nomina plerumque ficta familiarum hominumque in quorum villis et sepulcris dicuntur repertae esse: quae cum collocentur fere ad vias magnas ab urbe per Italiam ductas tituli Ligoriani permulti facile ea re agnoscuntur, quod in via aliqua dicuntur reperti esse. Cum sinceris, qui et ipsi plurimi sunt, miscentur ficti et interpolati; quae in re mirum, quod locis notissimis, ut hortis vel bibliothecae cardinalis Carpensis, domibus Mafferiorum et Matthaiorum, hortis Fabiani de' Monti portenta sua falsarius ausus sit tribuere.*

⁵⁰⁾ *Fasti Attici* IV, стр. 76.

⁵¹⁾ См. *Моммсенъ* къ надп. С. I. L. IX, 4854.

⁵²⁾ Къ надп. 1184. „factum ab homine aliquo privato aetatis fortasse imperatoriae“.

вообще нельзя опираться на имѣющіяся въ наличныхъ копіяхъ формы буквъ. Постараемся отыскать въ самомъ текстѣ какой-нибудь терминъ, хотя бы для приблизительнаго датированія нашей надписи. При этомъ невольно бросается въ глаза, давно уже замѣченное, поразительное сходство ея съ отрывкомъ Аполлодора, находящемся у Авла Геллія (XVII. 4, текстъ по изданію М. Гертца. Berl. 1885).

Κηφισιεύς ὢν ἐκ Διοπέθους τοῦ πατρὸς.
 Πρὸς τοῖσιν ἑκατὸν πέντε γράψας δράματα
 Ἐξέλιπε, πεντήκοντα καὶ δυεῖν ἔτων.

Пассажъ про Менандра былъ у Аполлодора обширнѣе, что явствуетъ изъ того, что говорятъ Геллій далѣе: „Ex istis tamen centum et quinque omnibus, solis cum octo vicisse idem Apollodorus eodem in libro scribit“. Спрашивается, не могла ли вся надпись быть скомпилирована изъ Аполлодора? Что онъ упоминалъ въ своей хроникѣ архонтовъ аѣинскихъ, стоитъ виѣ сомнѣнн, послѣ того какъ Рѣперъ (Philol. Anz. II, стр. 22 сл.) блистательно доказалъ присутствіе отрывковъ изъ него въ знаменитомъ геркуланскомъ папирусѣ, заключающемъ краткую исторію Академіи ⁵³⁾. Остается весьма странное ⁵⁴⁾ упоминаніе Птолемея. Положимъ, Менандръ находился въ сношеніяхъ съ послѣднимъ, но этого недостаточно для объясненія датировки царемъ Птолемеемъ года смерти аѣинскаго комика, датированнаго притомъ уже архонтомъ. Это опять заставляетъ угадывать какой-нибудь хронографическій источникъ— и именно таковымъ былъ Аполлодоръ. Могутъ, однако, возразить, что въ находящихся на лицо фрагментахъ Аполлодора ⁵⁵⁾ нѣтъ примѣровъ подобныхъ датировокъ. Но при этомъ слѣдуетъ обратить вниманіе на то, что отрывки Аполлодора сохранились

⁵³⁾ Academicorum philosophorum index Herculanensis editus a Francisco Buechelero. Index schol. in Univers. Litterarum Gryphiswaldensi per semestre hibernum a. 1869—70.

⁵⁴⁾ Берлинскій египтологъ-спеціалистъ по времени лагидовъ Dr. U. Wilcken, съ которымъ я совѣтовался на счетъ этой даты, весьма удивленъ былъ именно титуломъ Πτολεμαίου τοῦ Σωτήρος, говоря, что въ оиціальномъ или по крайней мѣрѣ современномъ египетско-греческомъ документѣ это было бы чѣмъ-то неслыханнымъ, и предлагалъ даже поправку θεοῦ Σωτήρος. Какъ поправка такъ и удивленіе его мнѣ кажутся однако излишними. Нѣтъ и рѣчи, чтобы мы имѣли передъ собою современный и притомъ египетскій документъ. Но и въ современномъ документѣ такой титулъ вещь возможная. См. Ditt. Syll. nn. 153. 249.

⁵⁵⁾ Кромѣ упомянутыхъ, найденныхъ въ текстѣ Геркул. папируса, изданы въ Fr. Hist. Gr. томъ I, стр. 435—449.

въ поразительно маломъ числѣ. Извѣстно ⁶⁶⁾, что опъ главнымъ образомъ сокращалъ Ератосеена. А именно Ератосеенъ работалъ надъ спискомъ древнихъ Египетскихъ царей, и именно отъ него, какъ ясно видно изъ Г. Синкелла, Аполлоторъ заимствовалъ этотъ списокъ ⁶⁷⁾. Мнѣ кажется несомнѣннымъ, что Ератосеенъ довелъ списокъ до своего времени (онъ умеръ въ началѣ II вѣка до Р. Хр.) ⁶⁸⁾. Такимъ образомъ есть большая вѣроятность, что Аполлоторъ пользовался египетскими царскими годами, въ особенности въ періодъ до основанія Пергамскаго царства, для датировокъ. Самый 32-й годъ Птолемея, приводимый въ нашемъ списокѣ, есть прямое заимствованіе изъ хронологическихъ источниковъ, такъ какъ извѣстно, что Птолемей, подобно другимъ діадохамъ, принималъ официально царскій титулъ лишь въ 305 году до Р. Хр. Мы подходимъ такимъ образомъ къ самому дѣлу, то-есть, къ попыткѣ опредѣлить годъ архонта Филиппа на основаніяхъ датировки нашей надписи. Во всемъ предшествовавшемъ мы старались только доказать подлинность нашей надписи, вѣрность принятаго теперь чтенія имени архонта и найти приблизительно время ея возникновенія. Мы нашли какъ *terminus post quem*, — Χρονικά Απολλοδώρα ⁶⁹⁾.

⁶⁶⁾ См. *Diels* въ *Rhein. Mus.* томъ XXXI, стр. 1 слл.

⁶⁷⁾ *Georg. Sync.* (изд. *Dindorfii* въ *Corp. Ser. Hist. Byzantinae*), т. I, стр. 171 „Θηβαίων βασιλεῖς. Ἀπολλόδωρος χρονικὸς ἄλλην Αἰγυπτίων τῶν Θηβαίων λεγομένην βασιλείαν ἀνεγράφει βασιλέων λη', ἐτῶν αὐτῶν ἧτις ἤρξατο μὲν τῷ β' πρὸ ἔτει τοῦ κόσμου, ἔληξε δὲ εἰς τὸ γμεί' ἔτος τοῦ κόσμου, ὡν τὴν γινῶσιν, φησὶν ὁ Ἐρατοσθένης, λαβὼν Αἰγυπτιακοῖς ὑπομνήμασι καὶ ὀνόμασι κατὰ πρόσταξιν βασιλικὴν τῆ Ἑλλάδι φωνῇ παρέφρασαν οὕτως“ (слѣдуетъ списокъ).

⁶⁸⁾ *Christ*, *Geschichte der Griechischen Litteratur bis auf die Zeit Justiniane* = VII томъ *Handbuch's der klassisch. Altertumswissenschaft*, изд. *Iw. Müller*. (1889), стр. 447.

⁶⁹⁾ Не намъ и не здѣсь уже рѣшать вопросъ о времени появленія хроники. По Дильсу (ук. ст. стр. 5), она появилась въ двухъ изданіяхъ, при чемъ первое, какъ свидѣлствуетъ псевдо-Скимпъ, ст. 45 слл. (*Fr. Hist. Gr.* I, стр. 136), посвящено было Атталу II (ol. 155. 2—160, 3). Дильсъ считаетъ необходимымъ допустить 2-е изданіе, упоминавшее событія до 119 г. (см. *Nachtrag* статьи на стр. 54), на основаніи того, что у позднѣйшихъ встрѣчаются, напримѣръ, упоминанія о томъ, что у Аполлотора можно найти свидѣнія о Кирнеадѣ и о знаменитомъ посольствѣ афинянъ въ Римъ (129 г. *Cic. ad. Att.* XII 23) и о нѣкоторыхъ позднѣйшихъ фактахъ; *Röper* въ *Philol. Anz.* ук. ст. Христъ приписываетъ такіа позднѣйшія цитаты не второму изданію Аполлотора, а продолженію Кастора (*Gesch. d. Griech. Litteratur*, стр. 430).

Тридцать второй годъ Птолемея, какъ мы только что сказали, разчитанъ несомнѣнно на основаніи греческихъ хронографическихъ работъ, источникомъ которыхъ, по всей вѣроятности, служилъ выше цитированный списокъ Ератосѣена, составленный по царскому приказанію и, слѣдовательно, официальный. Доказательствомъ тому служить, что въ позднѣйшихъ спискахъ Евсевія и разныхъ его редакцій, равно какъ и у Синкелла, начало царствованія Птолемея I Сотира примыкаетъ непосредственно къ году смерти Александра Великаго. Прочно утвердившаяся династія не хочетъ знать о переходномъ времени, о времени, когда ея основатель былъ только сатрапомъ, а прямо выставляетъ его наслѣдникомъ великаго завоевателя⁶⁰). Поэтому намъ пужно прежде всего ориентироваться относительно эпохи смерти Александра Великаго.

⁶⁰) Вотъ свидѣтельства различныхъ редакцій Евсевіанскаго труда: *Армянскій переводъ* (*Schöne* Append. I, A. col. 15) „Ptolomaei CXIV Olympiade (incereperunt regnare). Post obitum Alexandri in Babelone, et ad multos imperio perveniente Egipto Alexandriae regnat —1) Ptolomaeus Lagi (filius) annis XL etc. *Геронимъ* (ib. App. I. B. col. 29). „Incipiente Alexandrinorum regno regnat Aegypto Ptolomaeus Lagi filius annis 40“ *Епитоме* Syria (ib. App. III, стр. 55. „Olympiad. CIV (sic), Alexander Macedo mortuus est Babylone. Et divisum est imperium Alexandrinorum et Aegyptiorum. Rex primus Ptolemaeus fil. Leporis. Ptolemaeus fil. Lagi ann. 40“. *Хронографейон σύντομον* (ib. App. IV. col. 90): 'Αλεξάνδρου τοῦ κτίστου τελευτήσαντος διηρέθη ἡ αὐτοῦ βασιλεία κατὰ τὰς αὐτοῦ διαθήκας καὶ τὴν πρόρρησιν τοῦ προφήτου Δανιὴλ εἰς τὰς τέσσαρας ἀρχὰς τοῦ οὐρανοῦ ὡς ὑποτέταχται... col. 91 *Δευτέρα ἀρχὴ* 'Αλεξάνδρου Αἰγυπτίων Πτολεμαίων βασιλεία. 'Εκράτησεν ἔτη σμ' ἐν τῷ δευτέρῳ ἔτει 'Ονόου ἀρχιερέως. α'. Πτολεμαῖος ὁ Λάγου ἔτη μ' δαλθε въ col. 100 въ общемъ каталогѣ Египетскихъ царей подъ заглавіемъ Αἰγυπτίων βασιλεία: λοιπὸν βασιλεύει 'Αλέξανδρος ὁ Μακεδὼν ἔτη ιβ', Πτολεμαῖος ὁ Λάγου ἔτη μ' π τ. λ. Въ *Excerpta latina barbari* (ib. App. VI, стр. 209): veniens ad mortem Alexander testamentum scripsit, ut unusquisque principum Alexandri regnarent singuli in proprias eorum provincias. Sicuti imperavit eis Alexander sic Macedonia quidem Arideum quem et Philippum praecipit regnare... Egyptum autem et quae circa eam usque superiore Lybia Filippo qui vocabatur Ptolemaeus donavit. Въ *Chronica anon.* (Eusebius ed. *Schöne* II, стр. 114—115) подъ Ол. СХІІІ, 'Αλέξανδρος λβ' ἔτος ἀγαθὸν ἀναίρεθεις φαρμάκῳ τελευτᾷ ἐν Βαβυλῶνι. 'Αλεξανδρείας καὶ Αἰγύπτου πρῶτος μετὰ τοῦ 'Αλεξάνδρου ἐβασίλευσε Πτολεμαῖος ὁ Λάγου ἔτη μ'. Въ армянскомъ (по переводу *Петерманна*): Alexander annos agens XXXII obiit Babelone. Post quem translato in multos imperio Egiptiis primus imperavit Ptolomaeus Lagi (filius) annis XL, Macedonibus Philippus, qui et Aridès, frater Alexandri, annis VII. Въ переводѣ *Геронима*: Alexander XXXII aetatis suae anno moritur in Babylone. Post uem translato in multos imperio Aegypto I regnavit Ptolemaeus Lagi filius.

Изъ соединенныхъ свидѣтельствъ Арріана ⁶¹⁾ и Плутарха ⁶²⁾ мы знаемъ точную Македонскую дату смерти Александра, а именно 28 Даисія года афинскаго архонта Игесіи. Послѣ изслѣдованій Иделера ⁶³⁾ было всѣми принято, что эта дата падаетъ на аттической Ѳаргеліонъ 32⁴/₂ года до Р. Хр. Съ нимъ также самостоятельно сошелся Клинтонъ ⁶⁴⁾. Дройзенъ ⁶⁵⁾ усумнился въ возможности такъ точно опредѣлить дату, какъ это прежде дѣлали (Иделеръ относилъ смерть Александра къ 11—13 числамъ юліанскаго іюня 323 г. до Р. Хр.), и считаетъ смерть Александра падающею вообще на Ѳаргеліонъ или Скирофоріонъ 32⁴/₂ года. Мы тѣмъ болѣе воздержимся отъ всякаго намѣренія точнѣе опредѣлить дату смерти Александра, что, по нашему убѣжденію, еще далеко не своевременно возстановлять календарные киклы, бывшіе въ употребленіи въ Афинахъ и манипулировать, какъ то дѣлаетъ въ данномъ случаѣ Дройзенъ, съ добытыми на основаніи ихъ данными. Для насъ вполне достаточно того, что смерть Александра падаетъ на лѣто 323 года до Р. Хр. — до начала 32³/₂ олимпійскаго года, слѣдовательно тѣмъ болѣе до начала слѣдующаго египетскаго года, который начинался въ это время глубокою осенью, по расчетамъ Иделера, 12-го ноября ⁶⁶⁾.

Раньше мы видѣли, что по лучшему источнику — Аристовулу ⁶⁷⁾, Александръ царствовалъ 12 лѣтъ 8 мѣсяцевъ. Между прочимъ уже Ератосѣевъ въ своей хроникѣ приписывалъ ему 12 лѣтъ ровно ⁶⁸⁾.

⁶¹⁾ Arriani 'Ανάβασις VII, 28. 'Ετελεύτα μὲν δὴ 'Αλέξανδρος τῆ τετάρτῃ καὶ δεκάτῃ καὶ ἑκατοστῇ Ὀλυμπιάδι ἐπὶ 'Ηγησίου ἀρχοντος 'Αθηνησιν ἐβίω δὲ δύο καὶ τριάκοντα ἔτη καὶ τοῦ τρίτου μῆνας ἐπέλαβεν ὀκτώ, ὡς λέγει 'Αριστόβουλος, ἐβασίλευσε δὲ δώδεκα ἔτη καὶ τοὺς ὀκτὼ τοῦτους μῆνας.

⁶²⁾ Plut. 'Αλέξανδρος LXXVI. 'Εν δὲ ταῖς ἐφημερίσιν οὕτως γέγραπται περὶ τῆς νόσον. Ὁ γδὲ ἐπὶ δεκάτῃ Δαισίου μηνὸς ἐκάθευδεν ἐν τῷ λουτρῶνι διὰ τὸ πορέσαι..... τῆ δὲ τρίτῃ φθίνοντος πρὸς δείλην ἀπέθανε.

⁶³⁾ Ideler. Ueber das Todesjahr Alexanders въ *Abhandl. der Berl. Acad.* 1821 и *Handbuch der mathematischen und technischen Chronologie* I, стр. 406 слл.

⁶⁴⁾ *Fasti Hellenici*, ed. *Krüger*, стр. 172, съ приложеніемъ Крюгера.

⁶⁵⁾ *Geschichte d. Hellenismus*. I², ч. 2, приложение I. *Die Chronologie des Todes Alexanders*, стр. 343 сл., въ особ. см. стр. 356.

⁶⁶⁾ Ideler. *Über die Redaction ägyptischer Data aus den Zeiten der Ptolemäer*. Berl. 1834, стр. 7.

⁶⁷⁾ См. выше цитированное мѣсто Арріана 'Ανάβ. VII, 28.

⁶⁸⁾ Свидѣтельство его сохранилось у Климента Александрійскаго *Στρομ.* I, р. 336 с: „μετα δὲ ταῦτα“ (смерть Филиппа) ἐπὶ τὴν 'Αλεξάνδρου μεταλλαγὴν ἔτη δώδεκα“.

Это же число сохранилось у Евсевія ⁶⁹⁾. Мало того, въ тѣхъ же изводахъ Евсевія всѣмъ Лагидамъ приписывается царствованіе, выражающееся полными годами ⁷⁰⁾. Все это не можетъ быть объяснено иначе, какъ то объяснилъ Иделеръ ⁷¹⁾, для періода Птолемеевъ и Еккель ⁷²⁾ для періода Римскихъ императоровъ—а именно особымъ способомъ считать царскіе годы, практиковавшимся въ Египтѣ. По изслѣдованіямъ этихъ ученыхъ оказывается, что когда бы не вошелъ на престолъ царь или императоръ, съ слѣдующаго 1-го Θωα, перваго мѣсяца египетскаго года, онъ уже писался вторымъ годомъ, часть же времени, прошедшая до 1-го Θωα, какъ бы мала она ни была, считалась первымъ его годомъ, равно какъ и мѣсяцы, протекшіе съ послѣдняго 1-го Θωα его предшественника, отнимались отъ годовъ послѣдняго. Но это могло быть сдѣлано, разумѣется, только по смерти предшествовавшаго царя; до смерти же документы, изданные въ мѣсяцы не дожитаго имъ года, помѣчались, конечно, соответствующимъ годомъ его правленія. Такимъ образомъ существуютъ монеты, помѣченныя двумя различными императорами и относящіяся къ одному и тому же году; такимъ же только образомъ можно объяснить датировки 2-мъ годомъ Гальбы, 22 Адриана, 5 Елагобала, 8 Проба и т. д. ⁷³⁾. Птолеми, считавшіе себя прямыми и законными наследниками Александра въ Египтѣ ⁷⁴⁾, должны были, какъ я уже сказалъ, считать начало царствованія основателя ихъ династіи непосредственно

⁶⁹⁾ Евсевій ed. *Schöne*, I, col. 160. Τελευτῆ μὲν Ἀλέξανδρος ὁ Μακεδὼν, ἐπὶ τῆς ἑκατοστῆς τέσσαρες καὶ δεκάτης Ὀλυμπιάδος, ἄρας ἐτη τὰ σὺμπαντα ὄσδεκα. Это же число видимъ во многихъ выше упомянутыхъ изводахъ Евсевія. Такъ въ „*regum series secundum Hieronymi codices*“ Appendix I, B. col. 27, въ Χρονογραφίον σύντομον App. IV col. 90.

⁷⁰⁾ Такъ по хронографію σύντομον царствовали: Πτολεμαῖος ὁ Λάγου - ἐτ. μ. Πτολεμαῖος Ἀλέξανδρος ἐτη λη. Πτολεμαῖος Ἀλέξας-ἐτη κε. Πτολεμαῖος ὁ φιλοπάτωρ - ἐτη ιζ - Πτολεμαῖος ὁ ἐπιφανής - ἐτ. κδ - Πτολεμαῖος ὁ φιλομήτωρ - ἐτ. λε. Πτολεμαῖος ὁ εὐεργέτης - ἐτ. κθ. Πτολεμαῖος ὁ Φούσκων - ἐτ. ιζ, Πτολεμαῖος Ἀλέξανδρος - ἐτ. ι - Πτολεμαῖος ὁ ἐξωθεῖς - ἐτ. η. Πτολεμαῖος ὁ Διόνυσος - ἐτ. λ. Κλεοπάτρα θυγάτηρ Διονύσου ἐτ. κβ.

⁷¹⁾ Ук. ст. *Üb. die Redaction ägyptisch. Data etc.*

⁷²⁾ *I. Eckhel. Doctrina nummorum veterum*, vol. IV, стр. 42.

⁷³⁾ *I. Eckhel. l. c.* Второй годъ Гальбы попадаетъ также въ одной надписи C. I. Gr. III, 4957—*Bruno. Fontes iuris Romani antiqui* ⁵, стр. 218, n. 7. Λ β' Λουκίου Λιβίου Σεβαστοῦ Σουλπίκίου | Γάλβα αὐτοκράτορος, Φαωφί α' Ἰουλίᾳ Σεβαστῆ.

⁷⁴⁾ Такъ въ известномъ торжествѣ, бывшемъ по поводу возведенія Птолемеемъ Сотиромъ при живши на престолъ Птолемея Филадельфа, изображение перваго было выставлено рядомъ съ изображеніемъ Александра Ἀθην., V, p. 201 d.

примыкающимъ къ царствованію Александра и, слѣдовательно, по обычаю существовавшему уже и раньше въ Египтѣ ⁷⁶⁾, считать время, протекшее отъ смерти Александра, до 1-го слѣдующаго Θова, то-есть, отъ іюня до 12-го ноября 323 г. до Р. Хр. первымъ годомъ Птолемея, сына Лага. Только такимъ образомъ объясняется въ сущности, приписывавшееся ему впоследствии, сорокалѣтнее царствованіе ⁷⁶⁾. Принявъ это разсужденіе, мы получимъ вмѣстѣ съ Иделеромъ ⁷⁷⁾, для 32-го года Птолемея сына Лага промежутокъ отъ 4-го ноября (Юліанскаго) 293 г. до Р. Хр.—до 4-го ноября 292 г. до Р. Хр., промежутокъ, въ который войдутъ 8 мѣсяцевъ олимпійскаго 29¹/₂ года ⁷⁸⁾, и 4 мѣсяца олимпійскаго 29²/₁ года. Архонтъ Филиппъ, современный 32 году Птолемея, можетъ быть такимъ образомъ архонтомъ одного изъ соответствующихъ двухъ аттическихъ годовъ. Все наше эпизодическое изслѣдованіе надписи Менандра привело насъ, такимъ образомъ, къ дилеммѣ. Основываясь на немъ, мы можемъ только сказать, что Филиппъ былъ архонтомъ въ одинъ изъ двухъ упомянутыхъ годовъ.

Перехода теперь къ списку Діонисія и къ архонту Филиппу, его кончающему, который, смотря по тому, примемъ или не примемъ мы пропуски въ списокъ, также будетъ колебаться между двумя и притомъ тѣми же самыми годами—мы должны прежде всего и, мнѣ кажется, безъ малѣйшаго сомнѣнія отождествить этихъ двухъ Филипповъ. Затѣмъ, такъ какъ на основаніи надписи, какъ мы видѣли, нельзя сдѣлать безпристрастнаго выбора между двумя пунктами, остается посмотреть, такъ ли безнадежно дѣло въ списокъ Діонисія.

Еслибы мы даже хотѣли только возстановить въ списокъ Діонисія общаанное имъ число 70, то ничто насъ не принуждало бы возстановлять пропавшее имя до Филиппа. Мы могли бы вмѣстѣ съ Вилламовицемъ-Меллендорфомъ ⁷⁹⁾ считать пропавшимъ послѣднее имя въ списокъ. Главнымъ поводомъ къ Клинтоновскому толкованію именно была надпись Менандра, которую не паходили возможнымъ иначе

⁷⁵⁾ Докторъ Ульрихъ Вилькенъ сообщилъ мнѣ, что есть полное основаніе думать, что уже во время Саятской династіи былъ такой же счетъ царскихъ годовъ.

⁷⁶⁾ См. тексты, цитированные въ прим. 60.

⁷⁷⁾ „Redaction d'эрт. Data“, таблица.

⁷⁸⁾ Который, для удобства, мы можемъ въ нашемъ случаѣ отождествлять съ афинскимъ.

⁷⁹⁾ Antigonos v. Karystos (=4-й томъ Philologische Untersuchungen), стр. 240.

датировать какъ 29²/₄ годомъ, такъ какъ не принимали во вниманіе египетскаго счета царскихъ годовъ и считали первымъ годомъ Птолемея Сотира годъ афинскаго архонта Кифисодора, подъ которымъ Діодоръ ⁸⁰⁾ разказываетъ о раздѣленіи сатрапій Пердиккомъ. Къ такому непремѣнному выводу, какъ мы видѣли, наша надпись насъ не принуждаетъ, а, напротивъ, сама ожидаетъ доказательствъ со стороны въ пользу того или другаго изъ двухъ представляющихся на выборъ годовъ.

Итакъ, разсмотримъ текстъ Діонисія совершенно независимо отъ надписи. Мы нарочно привели въ началѣ этой главы изъ переводѣ все главное изъ Діонисіевскаго разсужденія о Динархѣ, касающееся вѣщныхъ біографическихъ подробностей объ этомъ послѣднемъ.

Въ главѣ 2-й ⁸¹⁾ Діонисій говоритъ, что Динархъ, удалившись изъ Афинъ при Анаксикратѣ архонтѣ, пробылъ въ изгнаніи „15-ти лѣтній промежутокъ времени отъ Анаксикрата до Филиппа“— „τὸν ἀπ' Ἀναξικράτους ὑρόνον ἕως Φιλίππου, πεντεκαίδεκαετῆ γένόμενον, ἐκαὶ διέτριψεν“. Совершенно то же самое ясно выходитъ изъ фразъ, вставленныхъ въ каталогъ ⁸²⁾. При Анаксикратѣ—изгнанъ, при Филиппѣ (нѣтъ никакого сомнѣнія, что въ самый годъ Филиппа — „ἐπὶ τοῦτου καὶ θόδωρος ἐδίδθη κτλ.“) возвратился. Если сосчитаемъ архонтовъ отъ Анаксикрата до Филиппа, разумѣется, включая ихъ обоихъ — такъ какъ иначе древніе не считали,—то увидимъ, что ихъ дѣйствительно 15. Не будь злосчастной надписи Менандра и еще болѣе злосчастнаго обѣщанія перечислить 70 архонтовъ, никому въ голову не пришло бы дѣлать тутъ никакихъ натяжекъ. Какимъ же образомъ, въ самомъ дѣлѣ, объясняется число 70? Недосмотръ Діонисія кажется намъ здѣсь несомнѣннымъ; но мы думаемъ, что недалеко ходить и за объясненіемъ причинъ этого недосмотра.

Прежде всего Діонисій самъ откровенно сознается, что весь его разсчетъ только приблизительный. Динархъ въ рѣчи, державной вскорѣ послѣ возвращенія, назвалъ себя старикомъ—значитъ ему было 70 лѣтъ ⁸³⁾. Но если мы всмотримся ближе, то увидимъ, что даже не

⁸⁰⁾ XVIII, 2 ср. Clinton. Fasti Hellenici. Prooemium, стр. XV, прим. г. 52-хъ лѣтній возрастъ, въ которомъ, по Аполлодору, умеръ Менандръ, не выходитъ и при Клиптоновскомъ разчетѣ. Такъ 52-й архонтъ отъ Сосигена падалъ бы на 29¹/₆ годъ, а не на 29²/₄.

⁸¹⁾ См. выше.

⁸²⁾ См. выше.

⁸³⁾ См. выше.

это было основаніемъ фиксированія года его рожденія Никодимомъ архонтомъ ⁸⁴⁾. Тутъ пущенъ въ ходъ рецептъ весьма распространенный въ древности, а именно такъ называемая *ἀκμή*.

Приемъ этотъ хорошо извѣстенъ всѣмъ, занимающимся исторіей греческой литературы. Собственно *ἀκμή* означаетъ періодъ процвѣтанія какой-нибудь личности. Въ александрійской школѣ этотъ періодъ стали принимать падающимъ постоянно на 40-й годъ жизни ⁸⁵⁾ и пользовались этимъ предположеніемъ, какъ какимъ-нибудь неопровержимымъ, во всѣхъ случаяхъ пригоднымъ приемомъ при опредѣленіи года рожденія того или другаго писателя. Такая *ἀκμή* по большей части привязывается къ какому-нибудь внѣшнему событію, въ которомъ участвовало, или просто современникомъ котораго было (въ самомъ широкомъ смыслѣ слова) данное лицо ⁸⁶⁾. Были даже любимыя даты, около которыхъ группировали „процвѣтанія“ многихъ личностей. Такими датами были, напримѣръ: наденіе Сардъ (546 г. до Р. Хр.), походъ Ксеркса (480 г. до Р. Хр.), основаніе Эурій (444 г. до Р. Хр.), начало Пелопоннесской войны (431 г. до Р. Хр.) и т. п. Стоило

⁸⁴⁾ Тамъ же.

⁸⁵⁾ Можетъ быть, здѣсь повліяло Пифагорейское ученіе объ эпохахъ жизни человеческой. Діогенъ Лаэртскій говоритъ о Пифагорѣ VIII 10 „διαρείται δὲ καὶ τὸν τοῦ ἀνθρώπου βίον οὕτως· παῖς εἶκοσι ἔτασιν νενηύσχος· εἶκοσι νενηύσχος· εἶκοσι γέρων· εἶκοσι· ἔστι δ' αὐτῶν ὁ μὲν νενηύσχος μακράκιον ὁ δὲ νενηύσχος ἀνῆρ. Какъ мы видѣли выше, существовало и другое дѣленіе, по которому старость начиналась съ 70-го года.

⁸⁶⁾ На *ἀκμή* и способъ разчета по ней годовъ рожденія первый обратилъ должное вниманіе Бергкь въ *Gesch. d. Gr. Lit. I*, стр. 300 слл. Подробное изслѣдованіе примѣровъ, главнымъ образомъ почеркнутыхъ изъ Діогена и цитированныхъ въ качествѣ заимствованныхъ изъ хроники Аполлодора, далъ Н. Diels, *Rheinisch. Mus.* XXXI (1876), стр. 1—54. Онъ предполагаетъ, что такой способъ датировки ведетъ свое начало отъ Аристоксена, связь котораго съ Пифагорейцами извѣстна. Отъ Аристоксена его принялъ въ свою хронологию Аполлодоръ, чрезъ распространенный учебникъ котораго способъ разчета при помощи *ἀκμή* получился, кажется, уже свое окончательное право гражданства въ историко-литературныхъ изслѣдованіяхъ древнихъ. Интересно замѣчаніе Дильса, что Аполлодоръ, на сколько можно судить по цитатамъ, совершенно произвольно то всчитывалъ одинъ изъ терминовъ, то не всчитывалъ при разчетѣ *ἀκμή*; равно какъ при указаніи общаго числа лѣтъ жизни то приводитъ число полныхъ протекшихъ лѣтъ, то присчитываетъ годъ, на средину котораго пала смерть лица. Ук. ст., стр. 17, прим. 2. Свидѣ въ громадномъ большинствѣ случаевъ (какъ указала *Rhode* въ *Rheinisch. Mus.* XXXIII, стр. 161—220) Γέγονε in den Biographica des Suides) также ведетъ счетъ по *ἀκμή*, но вмѣсто слова ἤκρας или т. п. употребляетъ γέγονε и т. п.

только найдти одинъ такой синхронизмъ, какъ сейчасъ отсчитывали отъ принятой даты 10 олимпіадъ взадъ—и получали такимъ образомъ годъ рожденія ⁸⁷⁾). Такимъ образомъ разчитаво большинство датъ, относящихся къ исторіи греческой литературы. Принимать ихъ на вѣру вѣтъ возможности по причинѣ самаго способа ихъ разчета.

Если мы взглянемъ теперь на Діонисіевскій списокъ архонтовъ, то для насъ перестанетъ существовать возможность допустить, что Никофимъ, стоящій во главѣ его, разчитанъ какимъ-нибудь инымъ способомъ, кромѣ „занесенія въ счетъ“, какъ выражается Дилъсъ, полныхъ сорока лѣтъ, считая съ архонта Филокла (32³/₁), при имени котораго находимъ приписку: „ἐκὶ τοῦτου τὴν φρουρὰν ἐδέξαντο Ἀθηναῖοι καὶ ὁ δῆμος καταλύθη“. Это-то самое событіе, конечно, и считаетъ Діонисій за ἀρχή—Динарха. Именно извѣстно, что Динархъ въ это время находился въ Афинахъ, извѣстно, что впослѣдствіи при Анаксикратѣ архонтѣ онъ былъ изгнанъ „αἰτίαν ἔχων ἄρα τοῖς ἐπιφανεστάτοις Ἀθηναίοις καίτοι ξένος ὢν καταλύσαι τὸν δῆμον“ (гл. 2). Діонисій самъ же говоритъ, что онъ писалъ рѣчи главнымъ образомъ во время олигархій, настроеніе его было, вѣроятно, аристократическое—чего же естественно, какъ не положить начало его „процвѣтанія“ именно на тотъ годъ, когда олигархія вступаетъ въ свои права, тѣмъ болѣе, что всегда существовала тенденція привязывать такіа „процвѣтанія“ къ какому-либо политическому событію ⁸⁸⁾).

Прослѣдимъ теперь дальнѣйшую работу Діонисія. Упомянувъ (гл. 2) о сдачѣ Афинъ Антипатру какъ о пунктѣ „процвѣтанія“ Динарха, онъ говоритъ, что послѣ того Динархъ διέτελεσεν ἐτῶν πέντε καὶ δέκα χρόνον λόγους συγγραῶν τοῖς βουλομένοις ἕως Κάσσανδρος τὴν πόλιν κατέσχευεν ἐπὶ δὲ Ἀναξικράτους ἄρχοντος... ἐξελεθὼν τῆς πόλεως καὶ ἐλθὼν εἰς Χαλκίδα τὴν ἐν Εὐβοίᾳ τὸν ἀπ' Ἀναξικράτους χρόνον ἕως Φιλίππου, πεντεκαίδεκαετῆ, γενόμενον ἐκεῖ διέτριψεν“. Всю вторую половину жизни Динарха Діонисій дѣлитъ такимъ образомъ на двѣ равныя

⁸⁷⁾ Дилъсъ (ук. ст. на стр. 45) очень удачно выражаетъ процессъ такого расчета въ слѣдующихъ словахъ: „war also irgend eine Leistung, die Reife voraussetzte, anderweitig fixiert, so führte man diese Angabe mit der feststehenden Anzahl von 40 Jahren in die Rechnung ein und konnte daraus leicht die unbekanntten Zahlen entwickeln.“

⁸⁸⁾ Собственно Динархъ получилъ извѣстность уже за два года ранѣе въ знаменитомъ Арпадовскомъ процессѣ (см. *Schaefer. Demosthenes III*², стр. 320 слл. и *Zeittafel* на стр. 451), но удобство прицѣпленія къ вѣстному факту одержало верхъ.

части, по 15 лѣтъ каждая. Это опять чисто вѣдѣнный пріемъ. Первый и послѣдній архонтъ второго пятнадцатилѣтняго промежутка Анаксикратъ и Филиппъ названы у него—между ними, какъ мы видѣли, дѣйствительно 15 лѣтъ. Чтобы первый промежутокъ сталъ также пятнадцатилѣтнимъ, надо допустить, что второй разъ сосчитанъ или Филоклъ, послѣдній архонтъ перваго, сорокалѣтняго отдѣла жизни Динарха, или Анаксикратъ, первый архонтъ послѣдней пятнадцатилѣтней секціи. При античномъ способѣ всчитыванія обоихъ терминовъ такой промахъ былъ весьма возможенъ и имъ слѣдуетъ объяснять многія неточныя цифры, какъ то замѣтилъ уже Дильсъ. Въсѣтъ съ тѣмъ это, по нашему убѣжденію, единственное вѣрное рѣшеніе столь противорѣчиво до сихъ поръ объяснявшася списка Діонисія. Число 70 получилось у него изъ сложения 40 (ἀρχή) + 15 + 15, при чемъ косвенно повліяло то обстоятельство, что Динархъ назвалъ себя старикомъ. Настоящій же списокъ, дающій только 69 именъ, могъ быть заимствованъ имъ у Филохора ⁸⁹⁾).

Такимъ образомъ, по нашему мнѣнію, никакого другаго пропуска, кромѣ доказаннаго уже Корсини, въ списокъ Діонисія нѣтъ, и архонтъ Филиппъ относится въ 29³/₂ г. до Р. Хр. Смерть Менандра падаетъ, слѣдовательно, на промежутокъ отъ Мэмактиріона — по Скирофоріонъ 29³/₂ года до Р. Хр. Наконецъ еще важное доказательство видѣли ученые, принимающіе пропускъ въ списокъ Діонисія въ томъ обстоятельствѣ, что Евсевій и его переводчики ⁹⁰⁾ ставятъ смерть Менандра на ol. CXXI. 1. Но это чисто случайное согласіе Іеронима и армянскаго перевода въ нашихъ глазахъ не можетъ имѣть, въ виду выше приведенныхъ соображеній, никакого значенія, такъ какъ въ другихъ случаяхъ они же столь же, случайно или по крайней мѣрѣ столь же недоказанно для насъ, противорѣчатъ другъ другу ⁹¹⁾.

⁸⁹⁾ Діонисій, очевидно, пользовался имъ, какъ главнымъ источникомъ въ исторической части своего разсужденія. См. два фрагмента изъ 8-й и 9-й книги, приводимые въ главѣ 3.

⁹⁰⁾ Eusebius ed. *Schöne*, II, стр. 118—119.

⁹¹⁾ Какъ, напримѣръ, въ показаніяхъ о годѣ смерти философа Птолемея, который армянскій переводчикъ ставитъ на ol. CXXVI, 4, тогда какъ Іеронимъ на ol. CXXVIII, 1. Вообще преданія о жизни Менандра были очень разнорѣчивы, какъ и всѣ подобныя преданія. Уже выше было сказано, что 52-лѣтній возрастъ не выходитъ и при Евсевіевской датировкѣ года его смерти. Годъ постановки его перваго произведенія 'Οργυ падаетъ, по анониму περί χωροφθίας, (*Dübner*, Scholia Gr.

Остается воснутья того мнѣнія, по которому Филиппъ приходится на 29³/₄ г. до Р. Хр., но Діонисій все-таки пропустилъ одно имя въ своемъ спискѣ, именно имя семидесятаго архонта.

Такое мнѣніе было выказано прежде всѣхъ, кажется, Унгеромъ въ *Philologus*, т. XXXVIII, стр. 423—502. Онъ начинаетъ съ того (стр. 445), что отвергаетъ надпись Менандра, говоря, что еще Дройзенъ (*Diad. II*, 398) доказалъ, что „nur Pighius ἐπὶ Φιλίππου gibt, Ursinus aber ἐπὶ Φρακίῶ—und Ligorius selbst ἐπὶ Φαίδωνος“.

Начать съ того, что Дройзену нечего было доказывать различій, данныхъ Францемъ, но онъ самъ, по видимому, не пошелъ въ своихъ справкахъ дальше Гругера и статьи Велькера въ *Rheinisches Museum* и, кромѣ того, напуталъ. Унгеръ исказилъ показанія Дройзена, на которыхъ вообще и нельзя было ссылаться, такъ какъ онъ не произвелъ никакихъ новыхъ справокъ и нисколько не пошелъ дальше Францовскихъ различій. Отдѣлавшись такимъ образомъ однимъ махомъ отъ надписи, Унгеръ говоритъ, что слѣдуетъ принять лагуну въ спискѣ Діонисія между словами Φιλίππος и ἐπὶ τοῦτου χάδος κτλ., что пропалъ, такимъ образомъ, 70-й архонтъ списка. Выставивъ это ничѣмъ не доказанное положеніе, Унгеръ, по своему обыкновенію, начинаетъ гнуть и мять факты, лишь бы подогнать ихъ подъ свою ферулу. Надо знать нѣсколько Унгера, чтобы сейчасъ же понять,

ad. Aristoph. стр. XV) на годъ архонта Филокла ol. CXIV. 3 = 32³/₄, по Иерониму и армянскому переводу Евсевія на слѣдующій годъ (*Euseb. ed. Schönle*). Въ годъ постановки Ὁρῆς онъ долженъ былъ быть еонимомъ, то-есть, по стереотипнымъ разчетамъ, долженъ былъ родиться въ первомъ случаѣ при Никомахѣ (ol. CIV: 4 = 34¹/₆), во второмъ при Теоерастѣ (ol. CX 1. = 34⁰/₃₀). Но былъ еще третій источникъ, говорившій, что онъ былъ еонимомъ вѣсть съ Эпикуромъ (*Стравонъ*, стр. 638). Эпикуръ, опять, разумѣется, на основаніи подобныхъ же разчетовъ, долженъ былъ родиться при архонтѣ Сосигенѣ. (*Diog. X*, 14). Какъ источникъ, цитируется при этомъ Аполлодоръ (что опять свидѣтельствуется, кажется, въ пользу нашего мнѣнія, что Аполлодоръ былъ источникомъ и надписи Менандра). Еонія должна была при этомъ предположеніи передвинуться на годъ Клеосодора (ol. CXIV, 2). Не говоря уже о томъ, что еоніи въ III вѣкѣ, очевидно, не были непременно всѣ одного и того же возраста, самый способъ всѣхъ этихъ разчетовъ показываетъ, что ничего положительнаго не было извѣстно. 52 года не получается ни въ одномъ изъ трехъ случаевъ. Если, дѣйствительно, Менандръ умеръ при архонтѣ Филиппѣ и вѣсть съ тѣмъ въ 32-й годъ Птолея Сотира, то эти даты могутъ быть соединены только такъ, какъ мы это выше сдѣлали. Этихъ сопоставленіемъ добывается одна изъ немногихъ точныхъ до извѣстной степени датъ въ исторіи греческой литературы, въ особенности этого періода, и вѣсть съ тѣмъ одно изъ основаній будущей проверки разчетовъ Евсевія и его изводовъ.

ЧАСТНЫЯ ОБЪЯВЛЕНІЯ.

4-го ЮЛЯ вышла и разслана подписчикамъ VII-я книга
историческаго журнала:

„РУССКАЯ СТАРИНА“

Содержаніе: I. Записки архимандрита Владимира Терлецкаго, бывшаго гренландскаго миссіонера, 1808—1858. Гл. I—X. Сообщ. А. Лопатинскій.—II. Дневникъ Александра Васильевича Никитенца, 1830—1832 гг.—III. Студенческія исторіи въ Казанскомъ университетѣ, 1861 г. Сообщ. проф. П. А. Фирсовъ.—IV. Графъ Николай Ивановичъ Евдокимовъ, 1804—1873 гг.—V. Изъ литературной и общественной исторіи 1820—1830 гг. Сообщ. В. Е. Якушкинъ.—VI. Князь Василій Васильевичъ Голицынъ. Письма къ нему Воена, Баклановскаго и Леонтьева въ 1677 г. Сообщ. А. Востоковъ.—VII. Свѣтлѣйшій князь Дмитрій Владиміровичъ Голицынъ въ 1820—1843 гг. Сообщ. С. П. Погодина.—VIII. Друзья и знакомые Николая Васильевича Гоголя въ ихъ къ нему письмахъ въ 1836—1847 гг. Сообщ. В. И. Шенрокъ.—IX. Адмиралъ Петръ Ивановичъ Рикордъ. Записка, представленная имъ ген.-адм. е. и. в. имп. кн. Константину Николаевичу въ 1850 г.—X. Изъ вопросу о болгарскомъ ополченіи 1877—1878 гг. Сообщ. Д. Р. Анучинъ.—XI. Археологическій институтъ въ 1888—1889 учебномъ году.—XII. Петербургская старина. Новости, объявленія и распоряженія правительства, 1800 г.—XIII. Матеріалы, записки и стихотв.: Историч. могилы въ г. Березовѣ.—Огаревъ.—Вилія, стих., переводъ изъ Милкевича.—В. А. Каратыгинъ.—В. О. Лаунцъ.—Бѣлая монахиня въ Пензѣ.—Т. П. Пассекъ.—Общество Красн. Креста.—XIV. Библиографическія листонъ.

Приложеніе: Портретъ Константина Ивановича Домонтова, гравиров. художникъ И. И. Матюшинъ.

Продолжается подписка на «РУССКУЮ СТАРИНУ» изд. 1889 г.

Двадцатый годъ изданія. Цѣна 9 руб. съ пересылкою.

Городскіе подписчики въ С.-Петербургѣ благоволятъ подписываться въ книжномъ магазинѣ А. О. ЦИНЗЕРЛИНГА, на Невскомъ, д. № 46, противъ Гостиннаго двора. Въ Москвѣ подписка принимается въ книжныхъ магазинахъ: Н. И. Карбасникова (Моховая, д. Коха), Н. И. Мамонова (Кузнецкій мостъ, д. Фирсанова) и Н. Печковской (Петровская линія). Въ Казани—въ отдѣленіи конторы при книжн. магазинѣ А. А. Дубровина (Воскресенская ул., Гостинный дворъ, № 1). Въ Саратовѣ—въ отдѣленіи конторы при книжномъ магазинѣ Ф. В. Духовникова (Нѣмецкая ул.). Въ Кіевѣ—въ книжномъ магазинѣ П. Я. Оглоблина.

Иногородные исключительно обращаются въ редакцію «РУССКОЙ СТАРИНЫ», въ С.-Петербургѣ, Большая Подъяческая, д. № 7.

Подписчики «Русской Старины» на 1889 годъ могутъ получить новую книгу: «Альбомъ портретовъ русскихъ дѣятелей» (третій выпускъ) за ДВА руб. съ пересылкою (вмѣсто 4 руб.).

Подписчики на «Русскую Старину» 1889 г. могутъ получить за весьма уменьшенную цѣну книги: I. Изъ прошлаго, воспоминанія генер.-лейтенанта П. П. Карцева, 1830—1880 гг., дѣль части. Цѣна 3 р. съ пересылкой (вмѣсто 5 руб.).—II. Описаніе Венгерской войны, 1849 г., съ 14 планами и картами, соч. генер. И. И. Ореуса, цѣна 2 руб. (вмѣсто 4 р. 50 коп.) съ пересылкою.

Изд.-ред. Мих. Ив. Семеvскій.

ЖУРНАЛЪ
МИНИСТЕРСТВА
НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

ШЕСТОЕ ДЕСЯТИЛѢТІЕ.

ЧАСТЬ ССLXIV.

1889.

АВГУСТЪ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія В. С. Блашова. Наб. Екатерининскаго кан., № 70.

1889.

Екатеринослав. кав. № 78
1895.

ПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫЯ РАСПОРЯЖЕНІЯ.

І. ВЫСОЧАЙШІЯ ПОВЕЛѢНІЯ.

7. (7-го апрѣля 1889 года). Объ измѣненіи порядка расходования процентовъ съ капитала, пожертвованнаго докторомъ медицины Иваномъ Лернетомъ.

Министерствомъ народнаго просвѣщенія, согласно ходатайству начальства Кіевскаго учебнаго округа, было внесено въ комитетъ министровъ, представленіе объ измѣненіи порядка расходования процентовъ съ капитала, пожертвованнаго докторомъ медицины Иваномъ Лернетомъ.

Разсмотрѣвъ означенное представленіе, комитетъ полагалъ:

I. Пожертвованному докторомъ медицины Иваномъ Лернетомъ и хранящемуся въ числѣ специальныхъ средствъ министерства народнаго просвѣщенія капиталу, съ нарощенными на оный процентами, присвоить именованіе „неприкосновенный капиталъ доктора Ивана Лернета“, оставивъ капиталъ сей въ завѣдываніи и распоряженіи учебнаго вѣдомства.

II. На счетъ процентовъ съ сего капитала учредить при Житомирской гимназіи стипендіи по триста руб. въ годъ каждая, для четырехъ учениковъ изъ числа дѣтей бѣднѣйшихъ родителей и уроженцевъ Волинской губерніи, безъ различія вѣроисповѣданія и происхожденія, съ сохраненіемъ стипендій за этими воспитанниками въ случаѣ поступленія ихъ въ университетъ св. Владиміра для продолженія образованія.

III. Остальные засимъ проценты съ Лернетовскаго капитала обратитъ на содержаніе въ г. Луцкѣ 6-ти классаго реального училища

съ основнымъ отдѣленіемъ въ V и VI классахъ, когда такое правительствомъ будетъ учреждено, съ тѣмъ, чтобы на счетъ процентовъ съ означеннаго капитала допускались къ бесплатному обученію въ семь заведеній, сверхъ указанной въ ст. 29 устава реальныхъ училищъ, изд. 1888 года, нормы, не менѣе 10% общаго числа учениковъ заведенія, изъ числа дѣтей бѣднѣйшихъ родителей и уроженцевъ Волынской губерніи, безъ различія вѣроисповѣданія и происхождения.

IV. Выборъ какъ кандидатовъ на бесплатное обученіе въ Луцкомъ реальномъ училищѣ, такъ и стипендіатовъ, о коихъ упомянуто въ ст. II настоящаго положенія комитета, а равно представленіе ихъ на утвержденіе педагогическаго совѣта предоставить опекунамъ фунда: старшему потомку изъ рода тайнаго совѣтника Чацкого и Луцко-Житомирскому римско-католическому епископу.

V. Въ случаѣ упраздненія по какимъ-либо причинамъ учебнаго заведенія въ г. Луцкѣ, употреблять тѣ суммы, которыя будутъ на оное отпущаться изъ процентовъ съ капитала доктора Лернета, на тѣхъ же условіяхъ съ согласія опекуновъ и по распоряженію министерства народнаго просвѣщенія—на содержаніе другаго средняго учебнаго заведенія въ районѣ Волынской губерніи, и

VI. Всѣ прочія условія, выраженныя въ фондусевыхъ актахъ Лернета, на сколько таковыя не противорѣчатъ настоящему положенію комитета министровъ и общимъ указаніямъ, оставить въ силѣ.

Государь Императоръ, въ 7-й день апрѣля 1889 года, изложенное положеніе комитета Высочайше утвердить соизволилъ.

8. (14-го апрѣля 1889 года). О принятіи участка земли, пожертвованнаго землевладѣльцемъ Дмитріемъ Самаринымъ въ пользу Владимірскаго начальнаго училища, Самарской губерніи.

Комитетъ министровъ, по выслушаніи записки министра народнаго просвѣщенія о принятіи отъ землевладѣльца Дмитрія Самарина участка земли, жертвуемаго имъ изъ родоваго имѣнія въ пользу Владимірскаго начальнаго училища, Самарской губерніи, полагалъ: испросить на сіе, согласно съ представленіемъ, Высочайшее Его Императорскаго Величества соизволеніе.

Государь Императоръ, въ 14-й день апрѣля 1889 года, на сіе Высочайше соизволилъ.

9. (20-го апрѣля 1889 года). Объ обращеніи доходовъ, выручаемыхъ отъ продажи произведеній Варшавскаго помологическаго сада, въ пользу сего же сада.

Его Императорское Величество воспослѣдовавшее мнѣніе въ департаментѣ государственной экономіи государственнаго совѣта, объ обращеніи доходовъ, выручаемыхъ отъ продажи произведеній Варшавскаго помологическаго сада, въ пользу сего же сада, Высочайше утвердить соизволилъ и повелѣлъ исполнить.

Подписалъ: Предсѣдатель государственнаго совѣта Михаилъ.

Мнѣніе государственнаго совѣта.

Государственный совѣтъ въ департаментѣ государственной экономіи, разсмотрѣвъ представленіе министра народнаго просвѣщенія объ обращеніи доходовъ, выручаемыхъ отъ продажи произведеній Варшавскаго помологическаго сада въ пользу сего же сада, мнѣніемъ положилъ:

Предоставить въ пользу Варшавскаго помологическаго сада доходы, выручаемые отъ продажи произведеній этого сада.

Подлинное мнѣніе подписано въ журналѣ предсѣдателемъ и членами.

10. (2-го мая 1889 года). О пожертвованіи жителями г. Межирѣчья капитала въ 1,200 р. съ назначеніемъ процентовъ съ онаго на пособіе для бѣдныхъ учениковъ Бѣльской гимназій.

Попечитель Варшавскаго учебнаго округа донесъ министерству народнаго просвѣщенія, что жители города Межирѣчья, въ ознаменованіе исполнившагося 19-го февраля 1880 года, двадцатипятилѣтія царствованія императора Александра II, пожертвовали капиталъ въ 1,200 р., съ назначеніемъ процентовъ съ онаго на пособія для бѣдныхъ учениковъ Бѣльской гимназій, преимущественно на взносъ платы за ученіе.

О такомъ пожертвованіи жителей г. Межирѣчья министромъ народнаго просвѣщенія, 2-го мая 1889 года, всеподданнѣйше доведено до Высочайшаго Его Императорскаго Величества свѣдѣнія.

11. (2-го мая 1889 года). О принятіи капитала, пожертвованнаго почетнымъ членомъ Императорскаго общества любителей естествознанія, антропологии и этнографіи А. П. Разцвѣтовымъ и объ учрежденіи на проценты съ сего капитала преміи и медали А. П. Разцвѣтова.

Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему докладу министра народнаго просвѣщенія, во 2-й день мая 1889 года, Высочайше соизволилъ: 1) на принятіе Императорскимъ Московскимъ университетомъ жертвуемаго почетнымъ членомъ Императорскаго общества любителей естествознанія, антропологии и этнографіи, состоящаго при названномъ университетѣ, А. П. Разцвѣтовымъ капитала въ семь тысячъ четыреста рублей, съ причисленіемъ такового къ спеціальнымъ средствамъ университета и 2) на учрежденіе, на проценты съ сего капитала, при антропологическомъ отдѣлѣ Императорскаго общества любителей естествознанія, антропологии и этнографіи преміи и медали А. П. Разцвѣтова, съ предоставленіемъ министру народнаго просвѣщенія права утвержденія правилъ объ означенной преміи.

12. (2-го мая 1889 года). Объ описаніи форменной одежды воспитанниковъ гимназическаго отдѣленія лицея Цесаревича Николая въ Москвѣ.

Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему докладу министра народнаго просвѣщенія, во 2-й день мая 1889 года, Высочайше соизволилъ на утвержденіе нижеслѣдующаго описанія форменной одежды воспитанниковъ гимназическаго отдѣленія лицея Цесаревича Николая въ Москвѣ.

На подлинномъ написано: „Высочайше утверждено“.

2-го мая 1889 года.

Подписалъ: Министръ народнаго просвѣщенія графъ Деляновъ.

Описаніе формы воспитанниковъ гимназическаго отдѣленія лицея Цесаревича Николая въ Москвѣ.

1) Фуражка (съ козырькомъ) чернаго сукна и околышемъ изъ краснаго сукна и съ бѣлыми кантиками по образцу гимназической фуражки. Спереди помѣщаются металлическія буквы Н. Ц. Н. съ коронкой надъ ними (то-есть, Наслѣдникъ Цесаревичъ Николай) среди

двухъ желтыхъ же лавровыхъ вѣтвей по образцу гимназической фуражки.

2) Мундиръ чернаго сукна однобортный, застегивающійся на девять желтыхъ металлическихъ пуговицъ утвержденнаго для лица образца, то-есть, съ буквами Н. Ц. Н. съ коронкой. Воротникъ скошенный и обшлага прямые изъ краснаго сукна, съ бѣлыми же кантиками по оторочкѣ какъ воротника, такъ и обшлаговъ, съ двумя петлицами изъ золотого галуна на воротникѣ и обшлагахъ и съ двумя такими же желтыми металлическими пуговицами на петлицахъ каждаго рукава.

3) Куртка темносѣраго сукна однобортная, застегивающаяся на крючкахъ со сборками въ талии, воротникъ отложной того же темносѣраго сукна, съ двумя краснаго сукна петлицами, отороченными бѣлымъ кантикомъ и черной вокругъ талии лакированный кушакъ съ желтою металлическою пряжкой, съ изображеніемъ на ней буквъ Н. Ц. Н. подъ коронкой.

4) Шаровары при мундирѣ чернаго, а при курткѣ темносѣраго сукна, длинныя, сверхъ сапоговъ безъ канта.

5) Пальто чернаго сукна, гимназическаго образца, двубортное, застегивающееся на шесть металлическихъ желтыхъ пуговицъ утвержденнаго для лица образца, съ красными суконными петлицами, отороченными бѣлыми выпушками на отложномъ воротникѣ и пуговицами по изложенному выше образцу на каждой петлицѣ. Въ зимнее время форменное пальто можетъ быть подбито мѣхомъ и съ мѣховымъ барашковымъ воротникомъ.

6) Перчатки бѣлыя замшевыя.

7) Башлыкъ общаго образца.

13. (4-го мая 1889 года). О разрѣшеніи производить судебно-медицинское вскрытіе труповъ въ анатомическомъ зданіи Императорскаго Дерптскаго университета.

Его Императорское Величество воспослѣдовавшее мнѣніе въ общемъ собраніи государственнаго совѣта, о разрѣшеніи производить судебно-медицинское вскрытіе труповъ въ анатомическомъ зданіи Императорскаго Дерптскаго университета, Высочайше утвердить соизволилъ и повелѣлъ исполнить.

Подписалъ: Предсѣдатель государственнаго совѣта Михаилъ.

Мнѣніе государственнаго совѣта.

Государственный совѣтъ, въ соединенныхъ департаментахъ государственной экономіи и законовъ и въ общемъ собраніи, рассмотрѣвъ представленіе министра народнаго просвѣщенія о разрѣшеніи производить судебно-медицинское вскрытіе труповъ въ анатомическомъ зданіи Императорскаго Дерптскаго университета, мнѣніемъ положилъ:

Въ измѣненіе примѣчанія къ ст. 1740 уст. суд. мед. (св. зак. т. XIII) постановить:

Трупы, доставляемые изъ Дерптскаго уѣзда для судебно-медицинскаго изслѣдованія, отправляются въ судебно-медицинскій институтъ при анатомическомъ театрѣ Императорскаго Дерптскаго университета.

Подлинное мнѣніе подписано въ журналахъ предсѣдателями и членами.

14. (4-го мая 1889 года). О выдачѣ ученикамъ и преподавателямъ евангелическо-лютеранскихъ учительскихъ семинарій, волостныхъ и приходскихъ школъ въ Прибалтійскомъ краѣ установленныхъ документовъ для пользованія льготами по воинской повинности.

Его Императорское Величество воспослѣдовавшее мнѣніе въ общемъ собраніи государственнаго совѣта, о выдачѣ ученикамъ и преподавателямъ евангелическо-лютеранскихъ учительскихъ семинарій, волостныхъ и приходскихъ школъ въ Прибалтійскомъ краѣ установленныхъ документовъ для пользованія льготами по воинской повинности, Высочайше утвердить соизволилъ и повелѣлъ исполнить.

Подписалъ: Предсѣдатель государственнаго совѣта Михайла.

Мнѣніе государственнаго совѣта.

Государственный совѣтъ, въ департаментѣ законовъ и въ общемъ собраніи, рассмотрѣвъ представленіе министра народнаго просвѣщенія о выдачѣ ученикамъ и преподавателямъ евангелическо-лютеранскихъ учительскихъ семинарій, волостныхъ и приходскихъ школъ въ Прибалтійскомъ краѣ установленныхъ документовъ для пользованія льготами по воинской повинности, мнѣніемъ положилъ:

Въ измѣненіе примѣчанія 1 къ статьѣ 56 и пункта 3 статьи 63

устава о воинской повинности (свод. зак. т. IV, изд. 1886 г.), а также взаимѣнъ примѣчанія 4 къ статьѣ 63, постановить:

1) Ученикамъ евангелическо-лютеранскихъ учительскихъ семинарій, волостныхъ и приходскихъ школъ въ губерніяхъ Лифляндской, Курляндской и Эстляндской свидѣтельства о знаніи курса названныхъ учебныхъ заведеній выдаются педагогическими совѣтами правительственныхъ гимназій и другихъ правительственныхъ учебныхъ заведеній вѣдомства министерства народнаго просвѣщенія, по надлежащемъ испытаніи означенныхъ учениковъ, на основаніи правилъ, устанавливаемыхъ министромъ народнаго просвѣщенія, по соглашенію съ министромъ военнымъ и внутреннихъ дѣлъ.

2) Преподающимъ въ евангелическо-лютеранскихъ учительскихъ семинаріяхъ, волостныхъ и приходскихъ школахъ губерній Лифляндской, Курляндской и Эстляндской изъ лицъ, удовлетворяющихъ общепоставленнымъ для сего условіямъ, удостовѣренія въ томъ, что сіи преподаватели не оставили соотвѣствующихъ ихъ знанію занятій, выдаются: преподавателямъ учительскихъ семинарій—попечителемъ Дерптскаго учебнаго округа, а учителямъ волостныхъ и приходскихъ школъ—инспекторами народныхъ училищъ въ названныхъ губерніяхъ.

Подлинное мнѣніе подписано въ журналахъ предсѣдателями и членами.

15. (6-го мая 1889 года). Объ устройствѣ VIII съѣзда русскихъ естествоиспытателей и врачей въ г. С.-Петербургѣ.

Государь Императоръ, по положенію комитета министровъ, въ 6-й день мая 1889 года, Высочайше соизволилъ:

I. Разрѣшить созывъ въ г. С.-Петербургѣ, съ 28-го декабря 1889 года по 7-е января 1890 года, VIII съѣзда русскихъ естествоиспытателей и врачей и

II. Предоставить министру народнаго просвѣщенія: 1) утвердить, по бывшимъ примѣрамъ, основанія для предполагаемаго съѣзда естествоиспытателей и врачей и 2) войти въ сношеніе съ министромъ финансовъ объ ассигнованіи денежнаго изъ казны пособія, необходимаго на покрытіе расходовъ по устройству сего съѣзда.

16. (18-го мая 1889 года). О закрытіи Вольской прогимназіи и открытіи низшихъ классовъ при Вольскомъ реальномъ училищѣ.

Его Императорское Величество воспослѣдовавшее мнѣніе въ де-

партаментъ государственной экономіи государственнаго совѣта, о закрытіи Вольской прогимназіи и открытіи низшихъ классовъ при Вольскомъ реальномъ училищѣ, Высочайше утвердить соизволилъ и повелѣлъ исполнить.

Подписалъ: Предсѣдатель государственнаго совѣта Михаилъ.

Мнѣніе государственнаго совѣта.

Государственный совѣтъ, въ департаментѣ государственной экономіи, рассмотрѣвъ представленіе министра народнаго просвѣщенія о закрытіи Вольской прогимназіи и открытіи низшихъ классовъ при Вольскомъ реальномъ училищѣ, мнѣніемъ положилъ:

1) Предоставить министру народнаго просвѣщенія сдѣлать распоряженіе о постепенномъ закрытіи классовъ въ Вольской 4 классной прогимназіи съ тѣмъ, чтобы въ 1889—1890 учебномъ году былъ прекращенъ пріемъ въ 1 классъ и чтобы закрытіе прогимназіи закончилось въ теченіи трехъ лѣтъ.

2) По мѣрѣ закрытія классовъ въ Вольской прогимназіи приступить къ постепенному открытію приготовительнаго и трехъ низшихъ классовъ въ Вольскомъ реальномъ училищѣ.

3) Имѣющія образоваться отъ закрытія классовъ въ Вольской прогимназіи свободныя суммы обращать на содержаніе приготовительнаго и трехъ низшихъ классовъ въ Вольскомъ реальномъ училищѣ.

4) Служащихъ въ Вольской прогимназіи, если они не получаютъ новаго назначенія, оставить за штатомъ, на общемъ основаніи, съ производствомъ имъ заштатнаго содержанія изъ остатковъ отъ штатныхъ суммъ прогимназіи.

5) Находящееся въ Вольской прогимназіи движимое имущество: книги, учебныя пособія и т. п. передать въ другія учебныя заведенія, съ разрѣшенія министерства народнаго просвѣщенія.

6) По окончательномъ закрытіи Вольской прогимназіи, кредитъ на ея содержаніе изъ смѣты исключить, на содержаніе же Вольскаго реальнаго училища заносить въ финансовыя смѣты министерства народнаго просвѣщенія по двадцать три тысячи двѣст и восемьдесятъ восемь руб., въ годъ съ тѣмъ, чтобы жертвуемые изъ мѣстныхъ средствъ на это училище девять тысячъ пятьсотъ восемь руб., въ годъ показывались по доходной смѣтѣ министерства пособіемъ казнѣ по содержанію названнаго училища.

Подлинное мнѣніе подписано въ журналѣ предсѣдателемъ и членами.

17. (18-го мая 1889 года). О дополненіи штата и положеніа о реальныхъ училищахъ.

Его Императорское Величество воспослѣдовавшее мнѣніе въ общемъ собраніи государственнаго совѣта, о дополненіи штата и положеніа о реальныхъ училищахъ, Высочайше утвердить соизволилъ и повелѣлъ исполнить.

Подписалъ: Предсѣдатель государственнаго совѣта Михаилъ.

Мнѣніе государственнаго совѣта.

Государственный совѣтъ, въ соединенныхъ департаментахъ государственной экономіи и законовъ и въ общемъ собраніи, рассмотрѣвъ представленіе министра народнаго просвѣщенія о дополненіи штата и положенія о реальныхъ училищахъ, мнѣніемъ положилъ:

I. Въ измѣненіе и дополненіе подлежащихъ узаконеній постановить:

Инспектора реальныхъ училищъ, а также преподаватели, исполняющіе обязанности инспекторовъ въ этихъ училищахъ, и учителя чистописанія, въ отношеніи пенсій и другихъ служебныхъ правъ, пользуются преимуществами, предоставленными соотвѣтственнымъ должностнымъ лицамъ въ мужскихъ гимназіяхъ вѣдомства министерства народнаго просвѣщенія.

II. Определенную по дѣйствующему штату реальныхъ училищъ сумму на вознагражденіе учителей за уроки въ училищахъ съ двумя отдѣленіями въ V и VI классахъ увеличить до одиннадцати тысячъ шестисотъ восьмидесяти восьми рублей, а сумму на содержаніе основнаго отдѣленія сихъ училищъ до тысячи восьмисотъ шестидесяти рублей.

Подлинное мнѣніе подписано въ журналахъ предсѣдателями и членами.

18. (18-го мая 1889 года). Объ открытіи высшаго дополнительнаго класса при Рижскомъ русскомъ реальномъ училищѣ.

Его Императорское Величество воспослѣдовавшее мнѣніе въ департаментѣ государственной экономіи государственнаго совѣта, объ открытіи высшаго дополнительнаго класса при Рижскомъ русскомъ реальномъ училищѣ, Высочайше утвердить соизволилъ и повелѣлъ исполнить.

Подписалъ: Предсѣдатель государственнаго совѣта Михаилъ.

Мнѣніе государственнаго совѣта.

Государственный совѣтъ, въ департаментѣ государственной экономіи, разсмотрѣвъ представленіе министра народнаго просвѣщенія объ открытіи высшаго дополнительнаго класса при Рижскомъ русскомъ реальномъ училищѣ, мнѣніемъ положилъ:

Предоставить министру народнаго просвѣщенія: 1) на содержаніе въ текущемъ году, по разчету съ 1-го іюля, при Рижскомъ русскомъ реальномъ училищѣ высшаго дополнительнаго класса, расходовать одну тысячу пятнадцать рублей, внесенные къ условному отпуску въ ст. 1 и 5 § 8 дѣйствующей смѣты министерства народнаго просвѣщенія и 2) о размѣрѣ потребнаго, на изъясненную надобность, кредита на будущее, съ 1890 г., время, водти въ государственный совѣтъ съ особымъ представленіемъ, по соображеніи сего размѣра, какъ съ могущими быть въ распоряженіи Рижскаго русскаго реальнаго училища спеціальными средствами, такъ и съ Высочайше утвержденнымъ 9-го іюня 1888 г. штатомъ реальныхъ училищъ.

Подлинное мнѣніе подписано въ журналѣ предсѣдателемъ и членами.

19. (18-го мая 1889 года). 'Объ увеличеніи оклада столовыхъ денегъ главному инспектору училищъ Восточной Сибири.

Его Императорское Величество воспоследовавшее мнѣніе въ общемъ собраніи государственнаго совѣта, объ увеличеніи оклада столовыхъ денегъ главному инспектору училищъ Восточной Сибири, высочайше утвердить соизволилъ и повелѣлъ исполнить.

Подписалъ: предсѣдатель государственнаго совѣта Михаилъ.

Мнѣніе государственнаго совѣта.

Государственный совѣтъ, въ департаментѣ государственной экономіи и въ общемъ собраніи, разсмотрѣвъ представленіе министра народнаго просвѣщенія объ увеличеніи оклада столовыхъ денегъ главному инспектору училищъ Восточной Сибири, мнѣніемъ положилъ.

1) Окладъ столовыхъ денегъ, назначенный главному инспектору Восточной Сибири (Высочайше утвержденное 11-го ноября 1874 г. мнѣніе гос. сов.), увеличить до тысячи восьмисотъ рублей.

2) Присвоить сей послѣдній окладъ столовыхъ денегъ лицу, зани-

мающему нынѣ упомянутую должность, со времени назначенія его на эту должность, то-есть, съ 21-го мая 1888 г.

3) Означенный въ предыдущей статьѣ расходъ отнести за 1888 г. на кредитъ, отпущенный въ томъ году по § 4 ст. 1 расходной смѣты министерства народнаго просвѣщенія на содержаніе личнаго состава главнаго управленія учебными заведеніями Восточной Сибири, а за 1889 г.—на счетъ равной суммы, назначенной къ условному отпуску по тому же подраздѣленію дѣйствующей смѣты министерства народнаго просвѣщенія,

Подлинное мнѣніе подписано въ журналахъ предсѣдателями и членами.

20. (23-го мая 1889 года). О введеніи въ частныхъ учебныхъ заведеніяхъ Дерптскаго учебнаго округа преподаванія на русскомъ языкѣ:

Его Императорское Величество воспослѣдовавшее мнѣніе въ общемъ собраніи государственнаго совѣта, о введеніи въ частныхъ учебныхъ заведеніяхъ Дерптскаго учебнаго округа преподаванія на русскомъ языкѣ, Высочайше утвердить соизволилъ и повелѣлъ исполнить.

Подписалъ: предсѣдатель государственнаго совѣта Михаилъ.

Мнѣніе государственнаго совѣта.

Государственный совѣтъ, въ соединенныхъ департаментахъ государственной экономіи и закоповъ и въ общемъ собраніи, рассмотрѣвъ представленіе министра народнаго просвѣщенія о введеніи въ частныхъ учебныхъ заведеніяхъ Дерптскаго учебнаго округа преподаванія на русскомъ языкѣ, мнѣніемъ положилъ:

Предоставить министру народнаго просвѣщенія принимать мѣры къ постепенному введенію въ нынѣ существующихъ и во вновь открываемыхъ частныхъ учебныхъ заведеніяхъ Дерптскаго учебнаго округа преподаванія учебныхъ предметовъ на русскомъ языкѣ, не распространяя сего требованія на преподаваніе закона Божія лютеранскаго исповѣданія, нѣмецкаго языка и мѣстныхъ нарѣчій.

Подлинное мнѣніе подписано въ журналахъ предсѣдателями и членами.

II. МИНИСТЕРСКІЯ РАСПОРЯЖЕНІЯ.

8. (23-го января 1889 года). Положеніе о стипендіи имени медицинскаго фельдшера Н. В. Васильева при Императорскомъ Томскомъ университетѣ.

(Утверждено г. министромъ народнаго просвѣщенія).

§ 1. На счетъ процентовъ съ капитала въ двѣ тысячи рублей, пожертвованнаго въ 1885 г. отставнымъ медицинскимъ фельдшеромъ Амурской конной казачьей бригады Николаемъ Васильевичемъ Васильевымъ, учреждается при Томскомъ университетѣ, стипендія для немущихъ сибиряковъ имени „Н. В. Васильева“.

§ 2. Стипендіальный капиталъ, заключающійся въ облигаціяхъ восточнаго займа, хранится въ Томскомъ губернскомъ казначействѣ, составляя собственность Томскаго университета.

§ 3. Стипендія въ размѣрѣ 100 руб. выдается студенту Томскаго университета, на основаніи утвержденныхъ правилъ о стипендіяхъ и пособіяхъ.

§ 4. Стипендія не налагаетъ на стипендіата никакихъ обязательствъ.

§ 5. Въ случаѣ незамѣненія стипендіи проценты причисляются къ стипендіальному капиталу для образованія новой стипендіи того же имени.

9. (23-го января 1889 года). Положеніе о стипендіяхъ имени Михаила Андреевича Зензинова и братьевъ Зензиновыхъ при Императорскомъ Томскомъ университетѣ.

(Утверждено г. министромъ народнаго просвѣщенія).

§ 1. На счетъ процентовъ съ капитала въ десять тысячъ рублей, пожертвованнаго въ 1880 году торговымъ домомъ „братья Зензиновы“ въ Москвѣ, учреждаются при Томскомъ университетѣ двѣ стипендіи съ наименованіемъ одной изъ нихъ „стипендіею Михаила Андреевича Зензинова“, а другой „стипендіею братьевъ Зензиновыхъ“.

§ 2. Стипендіальный капиталъ, заключающійся въ 5% билетахъ государственнаго банка, хранится въ Томскомъ губернскомъ казначействѣ, составляя собственность Томскаго университета.

§ 3. Стипендіи, по 250 руб. каждая, выдаются студентамъ изъ уроженцевъ Забайкальской области, преимущественно изъ бурятъ.

Примѣчаніе: за отсутствіемъ въ университетѣ студентовъ изъ

бурятъ, стипендіи Михаила Андреевича Зенѣнова можетъ быть предоставлена студентамъ, независимо отъ ихъ происхожденія, съ тѣмъ, чтобы въ случаѣ поступленія въ университетъ уроженца изъ бурятъ, стипендія эта была передаваема сему послѣднему.

§ 4. Избраніе стипендіата представляется правленію университета на общихъ основаніяхъ правилъ о стипендіяхъ и пособіяхъ.

§ 5. Стипендіи не налагаютъ на стипендіатовъ никакихъ обязательствъ.

§ 6. Въ случаѣ незамѣщенія той или другой стипендіи, проценты причисляются къ основному стипендіальному капиталу каждой изъ стипендій по принадлежности, для образованія новыхъ стипендій, упомянутыхъ въ § 1 наименованій.

10. (27-го января 1889 года). Положеніе о стипендіяхъ имени поручика Андрея Александровича Кирѣева при Императорскомъ Московскомъ университетѣ.

(Утверждено г. министромъ народнаго просвѣщенія).

§ 1. Изъ процентовъ съ капитала въ 21100 руб. учреждаются при Московскомъ университетѣ четыре стипендіи, по одной для каждаго факультета, имени завѣщателя капитала „поручика Андрея Александровича Кирѣева“.

§ 2. Стипендіальный капиталъ, заключающійся въ облигаціяхъ 2-го восточнаго займа, хранится въ Московскомъ губернскомъ казначействѣ, составляя собственность Московскаго университета.

§ 3. Размѣръ каждой стипендіи, за вычетомъ изъ процентовъ съ капитала 5% государственнаго налога, дѣлится пятьдесятъ рублей въ годъ.

§ 4. Стипендіи назначаются, согласно существующимъ на сей предметъ правиламъ, недостаточнымъ студентамъ университета.

§ 5. Образовавшіеся по какому-либо случаю остатки отъ процентовъ съ капитала присоединяются къ оному для увеличенія размѣра стипендій.

11. (29-го января 1889 года). Положеніе о стипендіи имени коллежскаго секретаря Филиппа Гавриловича Соловьева при Императорскомъ Московскомъ университетѣ.

(Утверждено г. министромъ народнаго просвѣщенія).

§ 1. Изъ процентовъ съ капитала въ двѣнадцать тысячъ рублей учреждаются при Императорскомъ Московскомъ университетѣ двѣ

стипендіи имени завѣщателя капитала „коллежскаго секретаря Филиппа Гавриловича Соловьева“.

§ 2. Стипендіальный капиталъ, заключающійся въ государственныхъ процентныхъ бумагахъ, хранится въ Московскомъ губернскомъ казначействѣ, составляя собственность Московскаго университета.

§ 3. Размѣръ каждой стипендіи, за исключеніемъ изъ процентовъ съ капитала 5%, государственнаго налога, двѣсти восемьдесятъ пять рублей въ годъ.

§ 4. Стипендіи должны быть назначаемы бѣднѣйшимъ студентамъ юридическаго факультета русскаго происхожденія.

§ 5. Порядокъ назначенія стипендій опредѣляется существующими на сей предметъ въ университетѣ правилами.

§ 6. Если по какому-либо случаю образуются остатки отъ процентовъ съ капитала, то таковыя присоединяются къ капиталу для увеличенія впоследствии размѣра стипендій.

12. (8-го февраля 1889 года). Правила о преміи имени заслуженнаго профессора Андрея Федоровича Павловскаго при Императорскомъ Харьковскомъ университетѣ.

(Утверждены г. министромъ народнаго просвѣщенія).

§ 1. При физико-математическомъ факультетѣ Императорскаго Харьковскаго университета учреждается премія имени заслуженнаго профессора Андрея Федоровича Павловскаго.

§ 2. Премія выдается ежегодно въ размѣрѣ процентовъ, получаемыхъ съ капитала въ двѣ тысячи пятьсотъ рублей, пожертвованнаго для этой цѣли сыномъ покойнаго, Федоромъ Андреевичемъ Павловскимъ, заключающагося въ семи билетахъ 2-го восточнаго займа и хранящагося въ Харьковскомъ губернскомъ казначействѣ.

§ 3. Премія присуждается ежегодно физико-математическимъ факультетомъ Харьковскаго университета одному изъ студентовъ этого университета за сочиненіе, написанное на тему, предложенную факультетомъ.

§ 4. Предлагаемая факультетомъ тема избирается по очереди изъ слѣдующихъ предметовъ: математики, физики, химіи, астрономіи и механики. О темѣ, избираемой факультетомъ на текущій годъ, объявляется на торжественномъ актѣ 17-го января.

§ 5. Присужденіе преміи совершается ежегодно въ засѣданіи физико-математическаго факультета 30-го ноября, а выдается премія на торжественномъ актѣ университета.

§ 6. Еслибы въ какой-либо годъ премія не была выдана, то не израсходованная сумма процентовъ присоединяется къ основному капиталу для увеличенія размѣра преміи.

13. (10-го марта 1889 года). Положеніе о стипендіи имени въ Возѣ почившаго Государя Императора Александра II при Императорскомъ Томскомъ университетѣ.

(Утверждено г. министромъ народнаго просвѣщенія).

§ 1. На счетъ процентовъ съ капитала въ три тысячи двѣсти рублей, собраннаго по подпискѣ между чиновниками разныхъ вѣдомствъ и крестьянами Томской губерніи, учреждается при Томскомъ университетѣ стипендія имени въ Возѣ почившаго Государя Императора Александра II.

§ 2. Стипендіальный капиталъ, заключающійся въ облигаціяхъ восточнаго займа, хранится въ Томскомъ губернскомъ казначействѣ, составляя собственность Томскаго университета.

§ 3. Стипендія въ размѣрѣ 160 рублей, за вычетомъ изъ сей суммы 5% государственнаго налога, выдается студенту Томскаго университета изъ уроженцевъ Томской губерніи безъ различія сословія и вѣроисповѣданія.

§ 4. Избраніе стипендіата предоставляется правленію университета, на общихъ основаніяхъ правилъ о стипендіяхъ и пособіяхъ.

§ 5. Стипендія не налагаетъ на стипендіата никакихъ обязательствъ.

§ 6. Въ случаѣ незамѣщенія стипендіи, проценты причисляются къ стипендіальному капиталу, для образованія новой стипендіи того же имени.

14. (19-го марта 1889 года). Положеніе о стипендіи имени Людвигъ Эммануиловича Нобеля, учрежденной при С.-Петербургскомъ Практическомъ Технологическомъ институтѣ товариществомъ нефтянаго производства братьевъ Нобель.

(Утверждено г. министромъ народнаго просвѣщенія).

§ 1. На проценты съ капитала, заключающагося въ облигаціяхъ втораго восточнаго займа, по номинальной стоимости въ девять тысячъ пятьсотъ рублей, пожертвованнаго товариществомъ нефтянаго производства братьевъ Нобель, учреждается при С.-Петербургскомъ Практическомъ Технологическомъ институтѣ стипендія, именуемая стипендіей Людвигъ Эммануиловича Нобеля.

§ 2. Означенный капиталъ, составляя неотъемлемую собственность, часть сслхiv, отд. 1.

института, хранится съ прочими спеціальными средствами онаго депозитомъ въ мѣстномъ казначействѣ.

§ 3. Стипендія Л. Э. Нобеля назначается для сыновей служащихъ въ товариществѣ нефтянаго производства братьевъ Нобель и выдается стипендіату со дня вступленія во все время пребыванія его въ институтъ. Предоставленіе сей стипендіи обучающемуся въ институтъ сыну кого-либо изъ служащихъ въ названномъ товариществѣ, принадлежитъ правленію товарищества, которое до 1-го октября о семъ заявляетъ начальству института. Если же до 1-го октября правленіе никого не назначитъ на стипендію, то учебный комитетъ института имѣетъ право, по своему усмотрѣнію, предоставить эту стипендію на одинъ годъ, кому-либо изъ студентовъ института, находящихся на послѣднемъ курсѣ.

§ 4. Изъ процентовъ съ пожертвованнаго капитала, за вычетомъ 5% государственнаго налога и платы за право обученія въ институтъ, выдается стипендіату Л. Э. Нобеля: по 30 рублей ежемѣсячно на содержаніе, 25 рублей единовременно при отправленіи сего стипендіата на фабрики или заводы для практическихъ занятій во время послѣднихъ вакацій, предъ окончаніемъ имъ курса, и 75 рублей единовременно на экипировку, по окончаніи имъ курса обученія.

§ 5. Въ случаѣ ликвидаціи дѣлъ товарищества нефтянаго производства братьевъ Нобель и, слѣдовательно, за несуществованіемъ лицъ, указанныхъ въ § 3 сего положенія, назначеніе стипендіи предоставляется учебному комитету института на общихъ основаніяхъ.

§ 6. Если отъ процентовъ съ капитала за удовлетвореніемъ всѣхъ расходовъ, упомянутыхъ въ § 4 сего положенія, образуется остатокъ, или же, если стипендія, по какимъ-либо обстоятельствамъ, останется въ теченіе нѣкотораго времени не занятою, то учебному комитету предоставляется употребить весь свободный остатокъ на пособіе бѣднѣйшимъ изъ учащихся въ институтъ, преимущественно же на внесеніе за нихъ установленной платы за обученіе.

7) Пользованіе стипендіей не налагаетъ на стипендіата никакихъ обязательствъ.

15. (19-го марта 1889 года). Положеніе о стипендіяхъ имени потомственнаго почетнаго гражданина Василя Васильевича Колобова при Императорскомъ С.-Петербургскомъ университетѣ.

(Утверждено г. министромъ народнаго просвѣщенія).

§ 1. Изъ процентовъ съ капитала въ двѣнадцать тысячъ рублей,

пожертвованнаго по духовному завѣщанію потомственнаго почетнаго гражданина Василя Васильевича Колобова, учреждаются при С.-Петербургскомъ университетѣ двѣ стипендіи имени жертвователя.

§ 2. Стипендіальный капиталъ, заключающійся въ 5% бумагахъ, хранится въ С.-Петербургскомъ губернскомъ казначействѣ, составляя неприкосновенную собственность С.-Петербургскаго университета.

§ 3. Стипендіи, въ 300 рублей каждая, за вычетомъ изъ сей суммы 5% государственнаго сбора, назначаются, согласно существующимъ для частныхъ стипендій общимъ правиламъ, студентамъ: одна юридическаго факультета, другая—естественнаго разряда физико-математическаго факультета.

§ 4. Стипендіатами могутъ быть студенты, безъ различія званія и состоянія, оказывающіе отличные успѣхи въ наукахъ и благонадежнаго поведенія, но преимущественно бѣднѣйшіе и уроженцы города С.-Петербурга.

§ 5. Могущіе образоваться отъ стипендій остатки обращаются, по усмотрѣнію правленія университета, или на приращеніе капитала стипендій, или на выдачу пособій недостаточнымъ студентамъ.

§ 6. Пользованіе стипендіями не налагаетъ на стипендіатовъ никакихъ обязательствъ.

16. (20-го марта 1869 года). Положеніе о стипендіи имени губернскаго секретаря Ивана Николаевича Осипова при Императорскомъ Новороссійскомъ университетѣ.

(Утверждено г. министромъ народнаго просвѣщенія).

§ 1. На счетъ процентовъ съ завѣщаннаго губернскимъ секретаремъ Иваномъ Николаевичемъ Осиповымъ капитала въ шесть тысячъ рублей, составляющихъ, за вычетомъ 5% государственнаго налога, ежегодно 285 рубл., учреждается при Новороссійскомъ университетѣ стипендія имени жертвователя.

§ 2. Стипендіальный капиталъ заключается въ облигаціяхъ восточнаго займа и хранится въ уѣздномъ Одесскомъ казначействѣ, составляя собственность Новороссійскаго университета.

§ 3. Стипендіатомъ избирается недостаточный студентъ изъ дворянъ Херсонской губерніи, а ежели такового не окажется, то одинъ изъ бѣднѣйшихъ студентовъ христіанскаго вѣроисповѣданія, одобрительнаго поведенія, оказавшій хорошіе успѣхи въ наукахъ.

§ 4. Право избранія и утвержденія стипендіата предоставляется

правленію университета, согласно существующимъ о стипендіяхъ правиламъ.

§ 5. Въ случаѣ неизрасходованія процентовъ по какимъ бы то ни было причинамъ, излишки выдаются въ пособія бѣднымъ студентамъ, по усмотрѣнію правленія университета.

§ 6. Пользованіе стипендіей не налагаетъ на стипендіата никакихъ обязательствъ.

17. (28-го марта 1889 года). Положеніе о стипендіи имени умершаго студента Московскаго университета Евгенія Ивановича Миролюбова при Императорскомъ Московскомъ университетѣ.

(Утверждено г. министромъ народнаго просвѣщенія).

§ 1. Изъ процентовъ съ капитала въ пять тысячъ рублей, пожертвованнаго дѣйствительнымъ статскимъ совѣтникомъ Никаноромъ Ивановичемъ Русановымъ, учреждается при Императорскомъ Московскомъ университетѣ одна стипендія имени умершаго студента Московскаго университета Евгенія Ивановича Миролюбова.

§ 2. Стипендіальный капиталъ хранится въ Московскомъ губернскомъ казначействѣ, составляя неприкосновенную собственность Московскаго университета.

§ 3. Размѣръ стипендіи, за вычетомъ изъ процентовъ съ капитала пятипроцентнаго государственнаго налога, составляетъ двѣсти тридцать семь рублей пятьдесятъ копѣекъ въ годъ.

§ 4. Стипендія назначается одному изъ студентовъ безъ различія факультетовъ, но непременно дворянину бѣднаго состоянія, преимущественно Воронежской, Орловской и Московской губерній, русскаго происхожденія и православнаго вѣроисповѣданія.

§ 5. Стипендія, по волѣ жертвователя капитала, должна быть назначаема ввѣ конкурса, то-есть, безъ примѣненія къ ней правилъ о состязательныхъ испытаніяхъ и даже не стѣсняясь незачетами полугодій.

§ 6. Стипендія, по представленію факультета, назначается правленіемъ университета съ утвержденія попечителя Московскаго учебнаго округа.

§ 7. Образовавшіеся по какому-либо случаю остатки отъ процентовъ съ капитала присоединяются къ оному на предметъ увеличенія вполсѣдствіи размѣра стипендіи.

18. (2-го апрѣля 1889 года). Положеніе о стипендіи имени дѣйствительнаго статскаго совѣтника Михаила Алексѣевича Гилярова при Императорскомъ Томскомъ университетѣ.

(Утверждено г. министромъ народнаго просвѣщенія).

§ 1. На счетъ процентовъ съ капитала въ одну тысячу пятьсотъ рублей, собраннаго въ теченіи 1888 и 1889 гг. по подискѣ между разными лицами, проживающими въ Томской губерніи, учреждается при Императорскомъ Томскомъ университетѣ стипендія имени „дѣйствительнаго статскаго совѣтника Михаила Алексѣевича Гилярова“.

§ 2. Стипендіальный капиталъ, заключающійся въ государственныхъ 5% бумагахъ, хранится въ Томскомъ губернскомъ казначействѣ, составляя собственность Томскаго университета.

§ 3. За вычетомъ изъ доходовъ съ капитала 5% государственнаго налога, стипендія въ размѣрѣ 70 руб. 75 коп. выдается студенту Томскаго университета, православнаго исповѣданія, изъ воспитанниковъ Томскихъ гимназій или духовной семинаріи, по назначенію правленія университета, на основаніи утвержденныхъ правилъ о стипендіяхъ и пособіяхъ.

§ 4. Стипендія не налагаетъ на стипендіата никакихъ обязательствъ.

§ 5. Если стипендія по чему-либо не будетъ выдана, то не выданныя деньги причисляются въ основному капиталу для увеличенія стипендіи до размѣра достаточнаго на полное годовое содержаніе студента, а впоследствии не выданныя деньги могутъ быть употреблены на взносъ платы за слушаніе лекцій недостаточными студентами по усмотрѣнію правленія университета.

19. (4-го апрѣля 1889 года). Положеніе о стипендіи имени тюменскаго 1-й гильдіи купца Ивана Петровича Воинова при Императорскомъ Томскомъ университетѣ.

(Утверждено г. министромъ народнаго просвѣщенія).

§ 1. На счетъ процентовъ съ капитала въ шесть тысячъ рублей, завѣщаннаго тюменскимъ 1-й гильдіи купцомъ Иваномъ Петровичемъ Воиновымъ, учреждается при Императорскомъ Томскомъ университетѣ стипендія имени „Ивана Петровича Воинова“.

§ 2. Стипендіальный капиталъ, заключающійся въ облигаціяхъ восточнаго займа, хранится въ Тюменскомъ губернскомъ казначействѣ, составляя собственность Томскаго университета.

§ 3. Стипендія въ размѣрѣ трехсотъ рублей выдается студенту

Томскаго университета преимущественно изъ бѣдныхъ жителей города Тюмени, по назначенію правленія университета, на основаніи утвержденныхъ правилъ о стипендіяхъ и пособіяхъ.

§ 4. Стипендія не налагаетъ на стипендіата никакихъ обязательствъ.

§ 5. Въ случаѣ незамѣщенія стипендіи проценты причисляются къ стипендіальному капиталу для образованія новой стипендіи того же имени.

20. (22-го апрѣля 1889 года). Правила выдачи пособій бѣднымъ студентамъ Императорскаго Харьковскаго университета изъ процентовъ съ капитала, завѣщаннаго поручикомъ Андреемъ Александровичемъ Кирѣевымъ.

(Утверждено г. министрами народнаго просвѣщенія).

§ 1. Пособія выдаются изъ процентовъ, ежегодно получаемыхъ съ капитала въ 7.185 руб. 60 к., завѣщаннаго для этой цѣли поручикомъ А. А. Кирѣевымъ, за вычетомъ изъ нихъ 5% государственнаго налога.

§ 2. Назначеніе пособій предоставляется правленію университета.

§ 3. Пособія назначаются бѣднымъ студентамъ христіанскаго вѣроисповѣданія, отличнаго поведенія, безъ различія званія и сословій, а также факультетовъ; согласно волѣ жертвователя студенты казачьяго сословія имѣютъ преимущество предъ всѣми другими.

§ 4. Пособія выдаются въ размѣрѣ не свыше двадцати пяти рублей въ одинъ разъ и не могутъ быть получаемы однимъ и тѣмъ же лицомъ болѣе одного раза въ полугодіе.

§ 5. Полученіе пособій не возлагаетъ никакихъ обязательствъ на воспользовавшихся ими.

21. (25-го апрѣля 1889 года). Положеніе о стипендіяхъ имени генерала - адъютанта графа Николая Павловича Игнатьева, при Императорскомъ Томскомъ университетѣ.

(Утверждено г. министрами народнаго просвѣщенія).

§ 1. На счетъ процентовъ съ капитала въ двадцать двѣ тысячи пятьсотъ рублей, пожертвованнаго нижегородскимъ ярмарочнымъ купечествомъ и находившимися въ 1879 году въ Нижнемъ Новгородѣ сибиряками, учреждаются при Императорскомъ Томскомъ университетѣ три стипендіи имени „генерала-адъютанта графа Николая Павловича Игнатьева“.

§ 2. Стипендіальный капиталъ, заключающійся въ 5% государственныхъ и гарантированныхъ правительствомъ бумагахъ, хранится въ Томскомъ губернскомъ казначействѣ, составляя собственность Томскаго университета.

§ 3. Стипендіи, по триста рублей каждая, выдаются студентамъ медицинскаго факультета Томскаго университета изъ уроженцевъ какъ Сибири, такъ и Европейской Россіи, по назначенію правленія университета, на основаніи утвержденныхъ правилъ о стипендіяхъ и пособіяхъ.

Примѣчаніе. Въ случаѣ открытія при Томскомъ университетѣ другихъ факультетовъ, стипендіи имени графа Игнатьева должны быть раздѣлены между всѣми факультетами.

§ 4. Пользованіе стипендіей не налагаетъ на стипендіатовъ никакихъ обязательствъ.

§ 5. Въ случаѣ незамѣщенія стипендій, проценты причисляются къ стипендіальному капиталу для образованія новыхъ стипендій того же имени.

22. (6-го мая 1889 года). Положеніе о стипендіяхъ имени дѣйствительнаго статскаго совѣтника Ивана Васильевича и Елены Ивановны Малеванскихъ при Императорскомъ университетѣ св. Владиміра.

(Утверждено г. министромъ народнаго просвѣщенія)

§ 1. На счетъ процентовъ съ капитала въ восемнадцать тысячъ восемьсотъ рублей, завѣщаннаго вдовою дѣйствительнаго статскаго совѣтника Еленою Малеванской, учреждаются при университетѣ св. Владиміра три стипендіи по триста рублей каждая, имени дѣйствительнаго статскаго совѣтника Ивана Васильевича и Елены Ивановны Малеванскихъ.

§ 2. Стипендіальный капиталъ, заключающійся въ 5% облигаціяхъ втораго восточнаго займа за №№ 101125, 081975, 208172, 193926, 190710, 187522, 183958, 155182, 148107, 139728, 132916, 131304, 126234, 132807, 143888, 185045, 197102, 217266 по 1000 рублей каждая, и за №№ 12415, 118826, 118827, 29438, 78348 173083, 173876 и 177828, по 100 рублей каждая, хранится въ Киевскомъ губернскомъ казначействѣ, составляя собственность университета св. Владиміра.

§ 3. Стипендіи назначаются, по очереди между факультетами, бѣд-

нѣйшимъ студентамъ русскаго происхожденія, православнаго вѣроисповѣданія.

§ 4. Право назначенія стипендіатовъ принадлежитъ, согласно правиламъ о стипендіяхъ, факультетамъ съ одобренія правленія университета и съ утвержденіемъ попечителя Кіевскаго учебнаго округа; при выборѣ кандидатовъ при равныхъ условіяхъ преимущество отдается лицамъ, происходящимъ изъ духовнаго званія.

§ 5. Стипендіаты имени Малеванскихъ обязаны подвергаться установленнымъ испытаніямъ въ теченіе всего времени пребыванія своего въ университетѣ. Не выдержавшій испытанія, равно какъ неодобрительно аттестованный въ поведеніи, хотя бы и хорошо выдержалъ испытаніе, лишается стипендіи.

§ 6. Могущій образоваться отъ невыдачи стипендіи остатокъ присоединяется къ капиталу для образованія со временемъ новыхъ стипендій того же имени.

§ 7. Пользованіе стипендіей не налагаетъ на стипендіатовъ никакихъ обязательствъ.

23. (13-го мая 1889 года). Положеніе о стипендіяхъ имени умершаго присяжнаго повѣреннаго Василя Николаевича Данилова при Императорскомъ Московскомъ университетѣ на счетъ процентовъ съ капитала, завѣщаннаго почетною гражданкою Фелицатою Ивановною Ушаковою.

(Утверждено г. министромъ народнаго просвѣщенія).

§ 1. Изъ процентовъ съ капитала въ двѣсти тридцать тысячъ рублей, составляющихъ, за исключеніемъ государственнаго налога, сумму въ десять тысячъ девятьсотъ двадцать пять рублей ежегоднаго дохода, учреждаются при каждомъ изъ четырехъ факультетовъ Московскаго университета по пяти стипендій для студентовъ, въ размѣрѣ четыреста двадцать пять рублей въ годъ, и по одной стипендіи для лицъ, оставленныхъ при университетѣ для усовершенствованія въ наукахъ, въ размѣрѣ шестисотъ рублей въ годъ.

§ 2. Стипендіи эти, согласно волѣ завѣщательницы, именуется: „стипендіями имени умершаго присяжнаго повѣреннаго Василя Николаевича Данилова“.

§ 3. Стипендіи назначаются студентамъ исключительно русскаго происхожденія, преимущественно уроженцамъ Калужской губерніи; евреямъ стипендіи не могутъ быть назначаемы. Тѣмъ же условіямъ подчиняются и стипендіи для оставленныхъ при университетѣ лицъ.

§ 4. Стипендіи назначаются студентамъ бѣднаго состоянія, въ конкурсѣ и не стѣсняясь даже незачетомъ полугодій.

§ 5. Стипендіи оставляемымъ при университетѣ лицамъ назначаются срокомъ на два года со времени зачисленія ихъ стипендіатами; при этомъ пользовавшіеся во время университетскаго курса стипендіями имени Данилова, при равныхъ прочихъ условіяхъ, предпочтительно другимъ кандидатамъ на полученіе вышеозначенныхъ стипендій.

§ 6. Стипендіи по представленіямъ факультетовъ, а также и душеприказчика, назначаются правленіемъ университета съ утвержденіемъ г. попечителя Московскаго учебнаго округа.

§ 7. Оказавшіеся отъ процентовъ съ капитала остатки причисляются къ капиталу для увеличенія впоследствии студенческихъ стипендій.

24. (15-го мая 1889 года). Положеніе о стипендіи покойнаго ординатора Одесской городской больницы Николая Михайловича Дитерихса при Императорскомъ Новороссійскомъ университетѣ.

(Утверждено г. министромъ народнаго просвѣщенія).

§ 1. На счетъ процентовъ съ капитала въ шесть тысячъ рублей, собраннаго почитателями, друзьями и товарищами покойнаго ординатора Одесской городской больницы Н. М. Дитерихса, а также при участіи Одесской городской думы, составляющихъ, за вычетомъ 5% государственнаго налога, ежегодно 285 рублей, учреждается при Новороссійскомъ университетѣ стипендія имени Николая Михайловича Дитерихса.

§ 2. Стипендіальный капиталъ, заключающійся въ облигаціяхъ восточнаго займа, хранится въ Одесскомъ уѣздномъ казначействѣ, составляя собственность Новороссійскаго университета.

§ 3. Стипендія выдается студенту медицинскаго факультета, со времени могущаго послѣдовать учрежденія сего факультета при Новороссійскомъ университетѣ, а до тѣхъ поръ студенту физико-математическаго факультета отдѣленія естественныхъ наукъ.

§ 4. Стипендіатомъ можетъ быть студентъ, преимущественно изъ дѣтей одесскихъ граждапъ, матеріально не обезпеченный, одобрительнаго поведенія, оказавшій отличные успѣхи въ наукахъ.

§ 5. Право избранія и утвержденія стипендіатовъ предоставляется правленію Новороссійскаго университета, согласно существующимъ о стипендіяхъ правиламъ.

§ 6. Въ случаѣ неизрасходованія процентовъ по какимъ бы то ни было причинамъ, излишки выдаются въ пособіе бѣднѣйшимъ студентамъ изъ одесскихъ гражданъ по усмотрѣнію правленія университета.

§ 7. Въ случаѣ закрытія Новороссійскаго университета, стипендія передается на медицинскій факультетъ университета св. Владиміра.

§ 8. Пользованіе стипендіей не налагаетъ на стипендіата никакихъ обязательствъ.

25. (7-го іюня 1889 года). Положеніе о стипендіи имени Надежды Николаевны Сверчевской при Императорскомъ Харьковскомъ университетѣ.

(Утверждено г. министромъ народнаго просвѣщенія).

§ 1. При Императорскомъ Харьковскомъ университетѣ учреждается стипендія имени дворянки Надежды Николаевны Сверчевской, на счетъ пожертвованнаго ею для этой цѣли капитала въ пять тысячъ рублей, въ закладныхъ листахъ государственнаго дворянскаго земельного банка.

§ 2. Стипендіатъ избирается совѣтомъ курскаго дворянскаго Александровскаго пріюта и при жизни учредительницы стипендіи утверждается ею, по соглашенію съ правленіемъ Харьковскаго университета.

§ 3. При назначеніи стипендіи принимается во вниманіе какъ успѣхи въ наукахъ и поведеніе, такъ и имущественное и семейное положеніе учащагося.

§ 4. При равныхъ во всемъ условіяхъ преимущественнымъ правомъ на полученіе стипендіи пользуются воспитанники Александровскаго пансіона-пріюта изъ дворянъ Тимскаго уѣзда, Курской губерніи.

§ 5. Получившій стипендію пользуется ею въ теченіе всего университетскаго курса. Объ успѣхахъ и поведеніи стипендіата ректоръ университета, въ концѣ каждаго года, увѣдомляетъ совѣтъ Александровскаго пансіона-пріюта, который прекращаетъ выдачу стипендіи и передаетъ ее другому, если стипендіатъ по успѣхамъ и поведенію окажется недостойнымъ дальнѣйшаго пособія. Равнымъ образомъ ректоръ университета увѣдомляетъ совѣтъ Александровскаго пансіона о выходѣ стипендіата изъ числа студентовъ.

§ 6. Стипендія открывается съ 1-го августа 1890 г. Проценты, имѣющіе нарости къ тому времени, равно какъ и гѣ, которые, за неимѣніемъ когда-либо стипендіата, не будутъ выданы, употребляются

на покупку государственныхъ процентныхъ бумагъ и присоединяются къ стипендіальному капиталу для увеличенія размѣра стипендій.

§ 7. Размѣръ ежегодной стипендіи опредѣляется суммою процентовъ, получаемыхъ съ капитала, за вычетомъ 5% государственнаго налога.

§ 8. Стипендіальный капиталъ передается Императорскому Харьковскому университету съ назначеніемъ перваго стипендіата и хранится въ Харьковскомъ губернскомъ казначействѣ, составляя собственность Харьковскаго университета.

26. (10-го іюня 1889 года). Положеніе о стипендіи имени коммерціи совѣтника Захарія Михайловича Цибульскаго при Императорскомъ Томскомъ университетѣ.

(Утверждено г. министромъ народнаго просвѣщенія).

§ 1. На счетъ процентовъ съ капитала въ шесть тысячъ восемьсотъ рублей, пожертвованнаго коммерціи совѣтникомъ З. М. Цибульскимъ, учреждается при Императорскомъ Томскомъ университетѣ стипендія имени „коммерціи совѣтника Захарія Михайловича Цибульскаго“.

§ 2. Стипендіальный капиталъ, заключающійся въ 5% билетахъ государственнаго банка, облигаціяхъ восточнаго займа и другихъ 5% гарантированныхъ правительствомъ бумагахъ, хранится въ Томскомъ губернскомъ казначействѣ, составляя собственность Томскаго университета.

§ 3. Стипендія, въ размѣрѣ трехсотъ рублей, выдается студенту Томскаго университета по назначенію правленія университета, на основаніи утвержденныхъ правилъ о стипендіяхъ и пособіяхъ.

§ 4. Стипендія не валагаетъ на стипендіата никакихъ обязательствъ.

§ 5. Въ случаѣ незамѣненія стипендіи проценты причисляются къ стипендіальному капиталу для образованія новой стипендіи того же имени.

27. (10-го іюня 1889 года). Положеніе о стипендіяхъ имени въ Бозѣ почившаго Государя Императора Александра II и Наслѣдника Цесаревича, нынѣ благополучно царствующаго Государя Императора Александра Александровича при Императорскомъ Томскомъ университетѣ.

(Утверждено г. министромъ народнаго просвѣщенія).

§ 1. На счетъ процентовъ съ капитала въ двадцать тысячъ

рублей, пожертвованнаго коммерціи совѣтникомъ З. М. Цибульскимъ, учреждаются при Императорскомъ Томскомъ университетѣ три стипендіи, изъ коихъ двѣ—имени въ Бозѣ почившаго Государа Императора Александра II и одна—имени благополучно царствующаго Государа Императора Александра Александровича.

§ 2. Стипендіальный капиталъ, заключающійся въ облигаціяхъ восточнаго займа, хранится въ Тобольскомъ губернскомъ казначействѣ, составляя собственность Томскаго университета.

§ 3. Стипендіи, по триста рублей каждая, выдаются студентамъ Томскаго университета по назначенію правленія университета, на основаніи утвержденныхъ правилъ о стипендіяхъ и пособіяхъ.

§ 4. Стипендіи не полагаютъ на стипендіатовъ никакихъ обязательствъ.

§ 5. Въ случаѣ незамѣщенія какой-либо изъ означенныхъ стипендій, проценты причисляются къ стипендіальному капиталу для образованія новой стипендіи имени Государа Императора Александра Александровича.

28. (16-го іюня 1889 года). Положеніе о стипендіяхъ имени Его Величества Государа Императора Александра III при Слободскомъ городскомъ трехклассномъ училищѣ.

(Утверждено г. министромъ народнаго просвѣщенія).

§ 1. На основаніи Высочайшаго повелѣнія 16-го іюня 1880 г., на счетъ процентовъ съ капитала въ чetyреста рублей, пожертвованнаго учителями, духовенствомъ и гражданами города Слободскаго, учреждаются при Слободскомъ трехклассномъ городскомъ училищѣ, въ память исполнившагося въ 1887 г. столѣтія сего училища, чetyре стипендіи имени Его Величества Государа Императора Александра III.

§ 2. Стипендіальный капиталъ, заключающійся въ 5% облигаціяхъ восточнаго займа, составляетъ неприкосновенную собственность Слободскаго городского училища и хранится въ мѣстномъ казначействѣ въ числѣ спеціальныхъ средствъ училища.

§ 3. Изъ процентовъ съ означеннаго капитала, за удержаніемъ государственнаго налога по закону 20-го мая 1885 г., по постановленію педагогическаго совѣта производится взносъ платы за ученіе за наиболѣе бѣдныхъ учениковъ училища, безъ различія сословія или званія, отличающихся благопріеміемъ и хорошими успѣхами, или же спеціальная сумма выдается такимъ ученикамъ на руки.

§ 4. Остатки отъ стипендій присоединяются къ основному капиталу.

§ 5. Пользованіе стипендіями не налагаетъ на спендіатовъ никакихъ обязательствъ.

29. (16-го іюня 1889 года). Положеніе о стипендіи имени Мейнгардъ-Крамеръ при Императорскомъ С.-Петербургскомъ университетѣ.

(Утверждено г. министромъ народнаго просвѣщенія).

§ 1. Изъ процентовъ съ капитала въ шесть тысячъ рублей, пожертвованнаго Аделаидою Карловною Крамеръ, учреждается при С.-Петербургскомъ университетѣ одна стипендія имени „Мейнгардъ-Крамеръ“.

§ 2. Стипендіальный капиталъ хранится въ С.-Петербургскомъ губернскомъ казначействѣ, составляя собственность С.-Петербургскаго университета.

§ 3. Стипендія въ триста рублей, за вычетомъ 5% государственнаго сбора, назначается, согласно существующимъ для частныхъ стипендій общимъ правиламъ, студенту юридическаго факультета и христіанскаго вѣроисповѣданія.

§ 4. Могущіе образоваться остатки обращаются, по усмотрѣнію правленія университета, или на приращеніе капитала стипендіи, или на выдачу пособій недостаточнымъ студентамъ.

§ 5. Пользованіе стипендіей не налагаетъ на стипендіата никакихъ обязательствъ.

30. (17-го іюня 1889 года). Положеніе о стипендіи имени бывшаго городского головы Николая Ивановича Переломова при Нерчинскомъ уѣздномъ училищѣ.

(Утверждено г. министромъ народнаго просвѣщенія).

§ 1. На основаніи Высочайшаго повелѣнія 5-го декабря 1881 г., на счетъ процентовъ съ капитала въ двѣсти рублей, собраннаго по подпискѣ почитателями дѣятельности бывшаго нерчинскаго городского головы Н. И. Переломова по народному образованію, учреждается при Нерчинскомъ уѣздномъ училищѣ одна стипендія имени Переломова.

§ 2. Означенный капиталъ, заключающійся въ двухъ облигаціяхъ перваго и третьяго восточныхъ займовъ, хранится въ мѣстномъ казначействѣ въ числѣ специальныхъ средствъ сего училища, оставаясь навсегда неприкосновеннымъ.

§ 3. Въ случаѣ преобразованія уѣзднаго училища въ городское,

поименованный капиталъ переходитъ въ распоряженіе послѣдняго на тѣхъ же основаніяхъ.

§ 4. Проценты съ стипендіальнаго капитала, за удержаніемъ 5%, въ доходъ казны, на основаніи закона 20-го мая 1885 года, обращаются на уплату за право ученія одного бѣднаго ученика православногo вѣроисповѣданія, безъ различія сословія, отличающагoся отличнымъ поведеніемъ и хорошими успѣхами.

§ 5. Стипендіатъ избирается педагогическимъ совѣтомъ училища.

§ 6. Пользованіе стипендіей не налагаетъ на стипендіата никакихъ обязательствъ.

31. (18-го іюня 1889 года). Положеніе о стипендіи при Варшавской 4-й мужской гимназій въ память чудеснаго спасенія Ихъ Императорскихъ Величествъ и Августѣйшихъ Дѣтей Ихъ при катастрофѣ 17-го октября 1888 года.

(Утверждено г. министромъ народнаго просвѣщенія).

§ 1. Для всегдашняго сохраненія среди учащихся и учащихъ въ Варшавской 4-й мужской гимназій живого воспоминанія о чудесномъ спасеніи Государя Императора, Государыни Императрицы и Августѣйшихъ Дѣтей Ихъ отъ угрожавшей Имъ страшной опасности при крушеніи Императорскаго поѣзда на Курско-Харьково-Азовской желѣзной дорогѣ 17-го октября 1888 г., учреждается при означенной гимназій, на счетъ собраннаго служащими въ гимназій лицами капитала стипендія въ размѣрѣ полной, установленной въ гимназій, годовой платы за одного ученика оной.

§ 2. Стипендіи присвоивается наименованіе: „стипендія въ память чудеснаго спасенія Ихъ Императорскихъ Величествъ и Августѣйшихъ Дѣтей Ихъ при катастрофѣ 17-го октября 1888 года“.

§ 3. Стипендія обезпечивается собраннымъ по добровольной подпскѣ служащихъ въ гимназій лицъ капиталомъ въ восемьсотъ рублей, обращеннымъ въ 5¹/₂% государственныя свидѣтельства крестьянскаго поземельнаго банка.

§ 4. Означенный въ § 3 капиталъ хранится въ Варшавскомъ губернскомъ казначествѣ въ числѣ специальныхъ средствъ Варшавской 4-й мужской гимназій, оставаясь навсегда неприкосновеннымъ. Проценты съ означеннаго капитала, за удержаніемъ государственнаго сбора по закону 20-го мая 1885 года, поступаютъ на плату за ученіе стипендіата.

§ 5. Выборъ стипендіата принадлежитъ педагогическому совѣту

гимназіи и обусловливается какъ способностями ученика и его успѣхами въ наукахъ, такъ еще болѣе добрымъ и честнымъ характеромъ и вообще безукоризненнымъ поведеніемъ его.

§ 6. Назначеніе стипендіи производится каждое полугодіе одновременно съ освобожденіемъ учениковъ отъ платы за ученіе; объ удостоенномъ стипендіи ученикѣ каждый разъ объявляется во всеобщее свѣдѣніе по всѣмъ классамъ гимназіи.

§ 7. Если, за выдачею стипендіи, образуется какой-либо остатокъ отъ ежегоднаго процентнаго дохода съ поименованнаго въ § 3 капитала, то остатокъ этотъ причисляется къ стипендіальному фонду.

§ 8. Пользованіе стипендіей не налагаетъ на стипендіата никакихъ обязательствъ.

32. (18-го іюня 1889 года). Положеніе о двухъ стипендіяхъ имени камердинера Его Императорскаго Высочества Государя Великаго Князя Павла Александровича, въ чинѣ VIII класса, Сергѣя Ивановича Терентьева-Датскаго при С.-Петербургской 3-й гимназіи.

(Утверждено г. министромъ народнаго просвѣщенія).

§ 1. На капиталъ въ три тысячи рублей, завѣщанный умершимъ камердинеромъ Его Императорскаго Высочества Великаго Князя Павла Александровича, Сергѣемъ Ивановичемъ Терентьевымъ-Датскимъ, учреждаются при С.-Петербургской 3-й гимназіи двѣ стипендіи имени завѣщателя.

§ 2. Означенный стипендіальный капиталъ, заключающійся въ 5% билетахъ государственнаго банка, хранится въ числѣ специальныхъ средствъ названной гимназіи, оставаясь навсегда неприкосновеннымъ.

§ 3. Проценты со стипендіальнаго капитала, за удержаніемъ изъ нихъ въ казну государственнаго сбора, по закону 20-го мая 1885 г., употребляются на выдачу двумъ недостаточнымъ ученикамъ гимназіи, при чемъ преимущество отдается дѣтямъ бѣдныхъ родителей, служившихъ въ придворномъ вѣдомствѣ.

§ 4. Выборъ стипендіатовъ принадлежитъ душеприкащикамъ завѣщателя: полковнику А. Ф. Мѣшкову и коллежскому ассессору А. С. Иванову, а послѣ ихъ смерти педагогическому совѣту С.-Петербургской 3-й гимназіи.

§ 5. Могущіе образоваться по какимъ-либо причинамъ остатки отъ процентовъ со стипендіальнаго капитала выдаются стипендіатамъ на покупку учебныхъ книгъ и пособій.

§ 6. Пользованіе стипендіей не налагаетъ на стипендіатовъ никакихъ обязательствъ.

33. (20-го іюня 1889 года). Положеніе о стипендіяхъ имени жены дѣйствительнаго статскаго совѣтника Софіи Анисьиной при Вятской Маріинской женской гимназіи.

(Утверждено г. министромъ народнаго просвѣщенія).

§ 1. На основаніи Высочайшаго повелѣнія 16-го іюня 1889 года, на счетъ процентовъ съ капитала въ 3,000 руб., пожертвованнаго потомственнымъ почетнымъ гражданиномъ Ушковымъ, учреждаются при Вятской Маріинской женской гимназіи стипендіи имени жены дѣйствительнаго статскаго совѣтника Софіи Владиміровны Анисьиной.

§ 2. Стипендіальный капиталъ, заключающійся въ трехъ 5% билетахъ государственной желѣзнодорожной ренты, выпуска 1866 года, каждый билетъ по 1,000 руб., и безъ шести купоновъ, хранится въ мѣстномъ казначействѣ, въ числѣ специальныхъ средствъ гимназіи, какъ ея неотъемлемая и неприкосновенная собственность.

§ 3. Изъ процентовъ стипендіальнаго капитала ежегодно, прежде всего, отдѣляется не менѣе пятидесяти рублей для причисленія къ основному капиталу, съ цѣлью увеличенія послѣдняго, въ виду могущаго быть съ теченіемъ времени повышенія размѣра платы за право ученія, а равно съ цѣлью предоставленія въ будущемъ одной или нѣсколькимъ стипендіаткамъ полнаго содержанія на частной квартирѣ, или въ пансіонѣ при гимназіи.

§ 4. Изъ процентовъ основнаго капитала, по ежегодномъ отчисленіи на увеличеніе онаго части, опредѣленной § 3 сего положенія, выдаются нуждающимся воспитанницамъ Вятской Маріинской женской гимназіи пособія въ размѣрѣ, который опредѣляется каждый разъ постановленіями педагогическаго и попечительнаго совѣтовъ гимназіи.

§ 5. вспомоствованія эти, до увеличенія основнаго капитала, на первое время заключаясь во взносѣ платы за ученіе и въ выдачѣ учебныхъ пособій, оказываются нуждающимся въ матеріальной помощи дѣтямъ служившихъ и служащихъ въ Вятской губерніи гражданскихъ чиновниковъ и военныхъ офицеровъ.

§ 6. Выборъ стипендіатокъ предоставляется педагогическому совѣту гимназіи съ одобренія Вятскаго губернатора. Изъ отчисленной въ теченіе первыхъ 5 лѣтъ части процентовъ съ капитала на увеличеніе послѣдняго, когда образуется изъ этихъ отчисленій сумма, достаточная для приобрѣтенія 5% бйлета внутренняго съ выигрышами займа, то

имѣть быть пріобрѣтенъ одинъ такой билетъ въ сто рублей нарицательной цѣны, на застрахованіе котораго отъ убытковъ противъ курсовой стоимости, при выходѣ въ тиражъ погашенія, расходъ производится на счетъ процентовъ основнаго капитала. Въ случаѣ выхода билета съ выигрышами займа въ тиражъ погашенія, попечительный совѣтъ женской гимназіи долженъ замѣнить вышедшій билетъ другимъ.

§ 7. Если на билетъ внутренняго съ выигрышами займа послѣдуетъ одинъ или нѣсколько выигрышей въ общемъ не свыше 5,000 рублей, то сумма эта причисляется къ основному неприкосновенному капиталу, а сумма свыше 5,000 руб. получаетъ особое назначеніе на нужды Вятской Маріинской женской гимназіи, по усмотрѣнію министра народнаго просвѣщенія.

§ 8. Пользованіе стипендіями не налагаетъ на стипендіатовъ никакихъ обязательствъ.

34. (20-го іюня 1889 года). Положеніе о стипендіи Общества вспоможенія частному служебному труду въ Нижнемъ-Новгородѣ при Нижегородской мужской гимназіи.

(Утверждено г. министромъ народнаго просвѣщенія).

§ 1. Въ память чудеснаго избавленія Августѣйшей Семьи отъ опасности 17-го октября 1888 года учреждается на пожертвованный Обществомъ вспоможенія частному служебному труду въ Нижнемъ-Новгородѣ капиталъ въ одну тысячу двѣсти рублей при Нижегородской мужской гимназіи одна стипендія съ наименованіемъ: „стипендія Его Императорскаго Величества Императора Александра III и Августѣйшей Семьи“.

§ 2. Стипендіальный капиталъ въ 1,200 рублей заключается въ государственныхъ процентныхъ бумагахъ, приносящихъ не менѣе 5% годоваго дохода, и хранится въ Нижегородскомъ казначействѣ въ числѣ спеціальныхъ средствъ гимназіи, оставаясь навсегда неприкосновеннымъ.

§ 3. Проценты съ означеннаго капитала, за удержаніемъ государственнаго сбора по закону 20-го мая 1885 года, назначаются на взносъ платы за право ученія, въ продолженіе всего курса въ Нижегородской мужской гимназіи, за одного бѣднаго ученика, заслуживающаго того по своимъ успѣхамъ и поведенію. Могущіе же образоваться отъ процентовъ остатки выдаются стипендіату на учебныя пособія.

§ 4. Въ стипендіаты избирается общимъ собраніемъ дѣйствительныхъ членовъ Общества ученикъ, родители котораго состоятъ или часть сслхiv, отд. 1.

состояли членами Общества. При равныхъ условіяхъ нѣсколькихъ дѣтей, выборъ стипендіата рѣшается по жребію. Въ случаѣ же, если изъ дѣтей членовъ Общества не окажется ни одного ученика достойнаго по своимъ успѣхамъ и поведенію получить ту стипендію, выборъ принадлежитъ педагогическому совѣту гимназіи изъ общаго числа учащихся.

§ 5. Объ успѣхахъ и поведеніи ученика, пользующагося правомъ означенной стипендіи, педагогическій совѣтъ гимназіи два раза въ годъ сообщаетъ въ правленіе Общества.

§ 6. Въ случаѣ закрытія общества, право избранія въ стипендіаты переходитъ къ педагогическому совѣту гимназіи.

§ 7. Пользованіе стипендіей не налагаетъ на стипендіата никакого обязательства.

35. (24-го іюня 1889 года). Положеніе о стипендіи имени заслуженнаго ординарнаго профессора Евменія Филипповича Аристова при медицинскомъ факультетѣ Императорскаго Казанскаго университета.

(Утверждено г. управляющимъ министерствомъ народнаго просвѣщенія, товарищемъ министра).

§ 1. На проценты, получаемые съ собраннаго по открытой съ Высочайшаго соизволенія, послѣдовавшаго въ 23-й день февраля 1876 года, между учениками и почитателями покойнаго заслуженнаго ординарнаго профессора Императорскаго Казанскаго университета Евменія Филипповича Аристова подпискѣ капитала, заключающагося въ государственныхъ пятипроцентныхъ бумагахъ, на суммѣ 10.000 рублей, учреждается при медицинскомъ факультетѣ Казанскаго университета стипендія имени заслуженнаго профессора Е. Ф. Аристова.

§ 2. Сумма процентовъ, получаемыхъ съ указаннаго въ § 1 основнаго капитала, а равно всѣхъ къ нему приращеній, обращающихся правленіемъ университета въ процентныя бумаги за вычетомъ 5% государственнаго налога, имѣетъ своимъ назначеніемъ: а) выдачу стипендіату во время прохожденія университетскаго курса ежегодно по триста рублей на содержаніе и, кромѣ того, на взносъ платы за слушаніе лекцій въ пользу университета и въ гонораръ профессоровъ за обязательные предметы сколько будетъ слѣдовать; б) выдачу стипендіи тому же стипендіату по окончаніи имъ курса на указанныхъ ниже сего въ § 5 основаніяхъ.

§ 3. Стипендія профессора Аристова назначается лучшимъ студентамъ медицинскаго факультета, безупречнаго поведенія, пробывшимъ не менѣе года въ университетѣ, при соблюденіи ими правилъ о составительныхъ на стипендіи и пособія испытаніяхъ, какъ при назначеніи и продолженіи стипендій, такъ и во время прохожденія стипендіатами учебнаго курса.

4. Выборъ кандидата на стипендію профессора Аристова представляется медицинскому факультету, причеиъ при равныхъ успѣхахъ отдается предпочтеніе лицамъ русскаго происхожденія, преимущественно же тѣмъ, которые оказали отличные успѣхи по физиологической или патологической анатоміи. Объ избранномъ кандидатѣ факультетъ сообщаетъ правленію университета, а сіе послѣднее представляетъ попечителю учебнаго округа на общемъ основаніи.

§ 5. По представленію профессоровъ физиологической или патологической анатоміи, стипендія профессора Аристова можетъ быть выдаваема и по окончаніи стипендіатомъ курса не болѣе, впрочемъ, какъ въ продолженіе 3-хъ лѣтъ, въ случаѣ если стипендіатъ изъяснитъ желаніе продолжать занятія по вышепоименованнымъ предметамъ. Въ этомъ случаѣ медицинскій факультетъ черезъ правленіе университета испрашиваетъ на продолженіе стипендіи особое разрѣшеніе попечителя учебнаго округа и устанавливаетъ особыя обязательныя правила для занятій стипендіата. При этомъ факультету, въ томъ случаѣ, когда окончившій курсъ стипендіатъ будетъ продолжать свое образованіе въ Казанскомъ университетѣ, или же стипендіату будетъ предстоять поѣздка для усовершенствованія въ другіе Россійскіе университеты или за границу, по особымъ о томъ ходатайствамъ профессоровъ физиологической или патологической анатоміи, представляется входить съ представленіемъ о разрѣшеніи на выдачу стипендіи въ усиленномъ размѣрѣ, указанномъ помянутыми профессорами, не выходя, однакоже, за предѣлы получаемыхъ съ капитала въ теченіе года процентовъ и тѣхъ сбереженій отъ процентовъ, которые накопились во время продолженія стипендіатомъ университетскаго курса.

§ 6. Студенты, получающіе настоящую стипендію, во время пользованія ею, именуется стипендіатами Е. Ф. Аристова и никакой обязательной службѣ за пользованіе стипендіею не подлежатъ.

§ 7. Всѣ сбереженія отъ процентовъ, не выданныя стипендіатамъ, а равно могушіе быть новыя вклады и пожертвованія на усиленіе средствъ стипендіи имени профессора Аристова, превращаются въ

процентныя бумаги, которыя и идутъ на приращеніе стипендіальнаго капитала впредь до увеличенія его до размѣра 20.000 рублей. По достиженіи этой цифры (20.000 руб.), сбереженія идутъ на образованіе капитала для новой стипендіи, которая также должна именоваться стипендіей Е. Ф. Аристова, имѣть то же назначеніе и выдаваться на тѣхъ же условіяхъ, какъ и первая стипендія.

36. (29-го іюня 1889 г.). Положеніе о стипендіяхъ имени тюменской 1-й гильдіи купеческой вдовы Ирины Григорьевой Воиновой при Тюменской женской прогимназіи.

(Утверждено г. управляющимъ министерствомъ народнаго просвѣщенія, товарищемъ министра).

§ 1. На основаніи Высочайшаго повелѣнія 5-го декабря 1881 г. на счетъ процентовъ съ капитала въ двѣ тысячи рублей, пожертвованнаго тюменскою 1-й гильдіи купеческою вдовой Ириной Григорьевой Воиновой, учреждается при Тюменской женской прогимназіи девять стипендій имени Ирины Григорьевны Воиновой.

§ 2. Стипендіальный капиталъ, заключающійся въ 5% банковыхъ билетахъ, хранится въ Тюменскомъ окружномъ казначействѣ, составляя собственность Тюменской женской прогимназіи.

§ 3. Проценты съ стипендіальнаго капитала, за удержаніемъ части, подлежащей по закону 20-го мая 1885 года обращенію въ доходъ казны, употребляются на уплату за право ученія избранныхъ стипендіатовъ изъ бѣдныхъ ученицъ Тюменской женской прогимназіи, отличающихся хорошими успѣхами и поведеніемъ, православнаго исповѣданія, безъ различія сословія.

Примѣчаніе. Въ случаѣ увеличенія платы за ученіе, число стипендіатовъ уменьшается.

§ 4. Право выбора стипендіатовъ принадлежитъ педагогическому совѣту, а утвержденіе стипендій попечительному совѣту прогимназіи.

§ 5. Пользованіе стипендіей не налагаетъ на стипендіатовъ никакихъ обязательствъ.

§ 6. Въ случаѣ незамѣщенія стипендій проценты съ капитала употребляются по усмотрѣнію попечительнаго совѣта на нужды ученицъ прогимназіи.

§ 7. Въ случаѣ закрытія или преобразованія прогимназіи въ другое учебное заведеніе, городской думѣ предоставляется право употребить стипендіальный капиталъ для тѣхъ же цѣлей, которыя намѣчены жертвовательницей.

37. (4-го іюля 1889 года). Положеніе о стипендіи имени гвардіи капитана Александра Федоровича Григоріуса при Рязанской мужской гимназіи.

(Утверждено г. управлявшимъ министерствомъ народнаго просвѣщенія, товарищемъ министра).

§ 1. На проценты съ капитала въ двѣ тысячи рублей, пожертвованнаго умершимъ гвардіи капитаномъ Александромъ Федоровичемъ Григоріусомъ, за удержаніемъ изъ нихъ въ казну государственнаго сбора, по закону 20-го мая 1885 г., учреждается при Рязанской гимназіи одна стипендія имени жертвователя.

§ 2. Обеспечивающій стипендію капиталъ, заключающійся въ двухъ билетахъ государственнаго банка, по тысячѣ рублей каждый, составляетъ неотъемлемую собственность гимназіи и хранится въ мѣстномъ казначействѣ, въ числѣ специальныхъ средствъ гимназіи, оставаясь навсегда неприкосновеннымъ.

§ 3. Выборъ и назначеніе стипендіата имени А. Ф. Григоріуса изъ бѣдныхъ воспитанниковъ гимназіи предоставляется правленію существующаго въ г. Рязани Общества, вспомошествованія нуждающимся воспитанникамъ Рязанскихъ гимназіи и прогимназіи, а въ случаѣ прекращенія дѣйствій Общества педагогическому совѣту гимназіи, при чемъ однако стипендіей не могутъ пользоваться ученики, имѣющіе баллъ менѣе 4 за поведеніе.

§ 4. Могущій образоваться по чему-либо остатокъ отъ процентовъ съ стипендіальнаго капитала причисляется къ сему послѣднему, для увеличенія размѣра стипендіи.

§ 5. Пользованіе стипендіей не налагаетъ на стипендіата никакихъ обязательствъ.

38. (4-го іюля 1889 года). Положеніе о стипендіи имени Маріи Карловны Сухановой при Симферопольской мужской гимназіи.

(Утверждено г. управлявшимъ министерствомъ народнаго просвѣщенія, товарищемъ министра).

§ 1. На проценты съ капитала въ тысячу двѣсти р., пожертвованнаго Маріей Карловной Сухановой, учреждается при Симферопольской мужской гимназіи стипендія имени жертвовательницы.

§ 2. Пожертвованный капиталъ, заключающійся въ государственныхъ % бумагахъ, составляя неотъемлемую собственность Симферопольской гимназіи, хранится въ мѣстномъ губерискомъ казначей-

ствѣ и не можетъ быть обращенъ на на какія другія нужды гимназій.

§ 3. Проценты съ означеннаго капитала, за удержаніемъ изъ нихъ въ казну государственнаго сбора по закону 20-го мая 1885 г., употребляются на взносъ платы за право ученія за одного изъ бѣднѣйшихъ учениковъ гимназій православнаго исповѣданія, по преимуществу изъ дѣтей чиновниковъ, при удовлетворительныхъ успѣхахъ, отличающагося отличнымъ поведеніемъ.

§ 4. Въ случаѣ, если образуется остатокъ, то таковой выдается стипендіату при окончаніи имъ полнаго курса гимназій.

§ 5. Право выбора стипендіата принадлежатъ педагогическому совѣту.

§ 6. Пользованіе стипендіей не налагаетъ на стипендіата никакихъ обязательствъ.

39. (8-го іюля 1889 года). Положеніе о стипендіяхъ имени покойной вдовы крестьянина Олонецкой губерніи, Петровзводскаго уѣзда, Толвуйской волости, деревни Масельской Горы, Ольги Петровны Захарьевой, при Повѣнецкомъ городскомъ училищѣ.

(Утверждено г. министромъ народнаго просвѣщенія).

§ 1. На основаніи Высочайшаго повелѣнія 5-го декабря 1881 г., при Повѣнецкомъ городскомъ училищѣ учреждается стипендія имени крестьянской вдовы Ольги Петровны Захарьевой на счетъ процентовъ съ капитала въ двѣсти руб., завѣщаннаго ею съ этою цѣлю.

§ 2. Стипендіальный капиталъ, заключающійся въ государственныхъ 5% бумагахъ, оставаясь навсегда неприкосновеннымъ, хранится въ мѣстномъ казначействѣ, въ числѣ спеціальныхъ средствъ училища,

3. Проценты съ сего капитала, за удержаніемъ части, подлежащей по закону къ поступленію въ казну, употребляются, согласно волѣ завѣщательницы, на взносъ платы за ученіе бѣдныхъ учениковъ означеннаго училища, дѣтей гражданъ города Повѣнца.

§ 4. Право выбора стипендіатовъ, а равно и прекращеніе выдачи стипендій, принадлежитъ педагогическому совѣту училища.

§ 5. Въ случаѣ выхода составляющихъ стипендіальный капиталъ процентныхъ бумагъ въ тиражъ, педагогическій совѣтъ училища обязанъ озаботиться приобрѣтеніемъ, взамѣнъ ихъ, новыхъ бумагъ того же достоинства.

§ 7. Пользованіе стипендіей не налагаетъ на стипендіантовъ никакихъ обязательствъ.

40. (8-го іюля 1889 года). Положеніе о стипендіи имени гофмейстера двора Его Величества тайнаго совѣтника Георгія Петровича Алексѣева, при Екатеринославской Марининской женской гимназій.

(Утверждено г. министромъ народнаго просвѣщенія).

§ 1. На основаніи Высочайшаго повелѣнія 5-го декабря 1881 г., при Екатеринославской Марининской женской гимназій, учреждается стипендія имени бывшаго губернскаго предводителя дворянства гофмейстера двора Его Величества, тайнаго совѣтника Георгія Петровича Алексѣева, на счетъ процентовъ съ капитала въ одну тысячу пятьсотъ руб., отчисленнаго изъ пожертвованнаго дворянствомъ помянутой гимназій капитала.

§ 2. Стипендіальный капиталъ, заключающійся въ 5% билетахъ восточнаго займа, оставаясь навсегда неприкосновеннымъ, хранится въ мѣстномъ казначействѣ въ числѣ специальныхъ средствъ названной гимназій.

§ 3. Проценты со стипендіальнаго капитала, въ количествѣ 75 руб., за вычетомъ части подлежащей, по закону 20-го 1885 г., обращенію въ казну, употребляются на взносъ платы за право ученія избранной стипендіатки.

§ 4. Остатки, имѣющіе образоваться отъ процентовъ со стипендіальнаго капитала, причисляются къ тому же капиталу, на случай увеличенія платы за право ученія.

§ 5. Право назначенія стипендіатки изъ воспитаницъ гимназій предоставляется пожизненно тайному совѣтнику Георгію Петровичу Алексѣеву, а по смерти послѣдняго переходитъ къ попечительному совѣту гимназій.

§ 6. Избранная стипендіатка сохраняетъ за собою право на пользованіе опредѣленною стипендіей во все время пребыванія ея въ названной гимназій.

§ 7. Право на пользованіе стипендіей прекращается:

а) по выбитіи стипендіатки изъ гимназій, за окончаніемъ курса или по другимъ причинамъ;

б) при исключеніи стипендіатки изъ гимназій, по опредѣленію педагогическаго совѣта;

в) по неудовлетворительности успѣховъ и поведенія стипендіатки;

но если малоуспѣшность стипендіатки произошла отъ болѣзни, или, если стипендіатка, по той же причинѣ осталась въ одномъ и томъ же классѣ на второй годъ, то отъ попечительнаго совѣта будетъ зависѣть продолжать или прекратить производство стипендій.

§ 8. Пользованіе стипендіей не налагаетъ на стипендіатку никакихъ обязательствъ.

§ 9. Стипендія выдается въ два срока, по полугодіямъ, впередъ, въ началѣ учебнаго и въ началѣ гражданскаго годовъ.

41. (12-го іюня 1889 года). Циркулярное предложеніе гг. попечителямъ учебныхъ округовъ объ исчисленіи по финансовымъ смѣтамъ расходовъ въ металлической валютѣ и о производствѣ заграничныхъ платежей.

Министръ финансовъ, по соглашенію съ государственнымъ контролеромъ, призналъ нужнымъ установить нижеслѣдующія правила для исчисленія по финансовымъ смѣтамъ расходовъ въ металлической валютѣ и для производства заграничныхъ платежей.

А. По кредитамъ на металлическіе расходы, исчисляемымъ по 3-хъ лѣтней сложности.

Для расчета кредитовъ на металлическіе расходы, опредѣляемыхъ по 3-хълѣтней сложности, берутся въ основаніе дѣйствительныя уплаты за 3 года металлическими рублями и выведенная, согласно 13-й статьѣ приложенія къ смѣтнымъ правиламъ, сумма перечисляется на кредитную валюту по смѣтному курсу, предположенному для того года, на который смѣта составляется.

Б. По заграничнымъ платежамъ векселями и кредитами.

1) Всѣ вѣдомства, имѣющія надобность произвести за границею расходъ, для котораго назначенъ по смѣтѣ кредитъ въ металлической валютѣ съ переложеніемъ на кредитные рубли по смѣтному курсу, выдаютъ на главное казначейство ассигновку на всю сумму, на этотъ расходъ по смѣтѣ назначенную, то-есть, на металлическіе рубли по переложеніи ихъ въ кредитные рубли по смѣтному курсу, и талонъ отъ ассигновки прилагаютъ къ посылаемымъ ими въ особенную канцелярію по кредитной части требованіямъ о покупкѣ векселей или кредитивовъ.

2) Если по смѣтѣ подлежащаго вѣдомства назначается особою статьею сумма на уплату банкирскихъ расходовъ, то къ суммѣ уплачиваемой по ассигновкѣ, прибавляется изъ сей статьи добавочная

плата на банкирскіе расходы въ размѣрѣ, на каждый рубль сими смѣтами опредѣленномъ.

3) Кредитная канцелярія высылаетъ въ подлежащее вѣдомство вексель или кредитивъ со счетомъ иностраннаго отдѣленія, въ какомъ счетѣ показывается дѣйствительная, по современному курсу, стоимость посылаемыхъ документовъ, и получивъ по талоцу изъ главнаго казначейства деньги, вноситъ ихъ полностью на текущій свой счетъ въ государственномъ банкѣ.

4) По распоряженіямъ кредитной канцеляріи, посылаемымъ въ послѣдній день каждаго мѣсяца въ государственный банкъ, банкъ этотъ перечисляетъ съ текущаго счета кредитной канцеляріи на текущій счетъ департамента государственнаго казначейства, для обращенія въ доходъ казны, ту часть изъ полученныхъ отъ подлежащихъ вѣдомствъ денегъ, которая превышаетъ дѣйствительную стоимость выданныхъ векселей или кредитивовъ со включеніемъ банкирскихъ расходовъ. Основаніемъ для опредѣленія сихъ излишковъ служатъ выданные иностраннымъ отдѣленіемъ вышеуказанные счета.

5) Одновременно съ распоряженіемъ по банку (п. 4) кредитная канцелярія препровождаетъ въ департаментъ государственнаго казначейства, въ двухъ экземплярахъ, подробную вѣдомость о суммахъ, которыя поручено банку перечислить на текущій счетъ департамента. Одинъ изъ экземпляровъ этой же вѣдомости департаментъ сообщаетъ государственному контролю.

6) Если стоимость кредитивовъ превышаетъ смѣтное назначеніе, то министръ финансовъ, по докладу департамента государственнаго казначейства, испрашиваетъ Высочайшее разрѣшеніе на отнесеніе передержки на шестимилліонный фондъ, назначаемый на экстренныя надобности.

7) По расходамъ подобнаго рода, уже произведеннымъ разными вѣдомствами съ 1-го января 1889 года до времени введенія въ дѣйствіе настоящихъ правилъ, соблюдается слѣдующій порядокъ возврата въ казну излишковъ отъ смѣтныхъ ассигнованій на разницу въ курсѣ, остававшихся въ распоряженіи вѣдомствъ:

а) Кредитная канцелярія посылаетъ въ подлежащія вѣдомства свѣдѣнія о всѣхъ затребованныхъ оными изъ сей канцеляріи, съ 1-го января 1889 года по день введенія въ дѣйствіе настоящихъ правилъ, векселей и кредитивовъ; и отъ сихъ вѣдомствъ будетъ зависѣть возвратъ въ казну разницы между суммою, ассигнованною по смѣтѣ и дѣйствительно израсходованною кредитною канцеляріею по каждому отдѣльному требованію.

б) По полученіи означенныхъ свѣдѣній, вѣдомства даютъ главному казначейству оборотныя ассигновки на подлежащія возврату въ казну суммы, для перечисленія ихъ изъ расходныхъ смѣтъ вѣдомствъ въ доходную смѣту департамента государственнаго казначейства.

в) Копіи съ упомянутыхъ въ пунктѣ а свѣдѣній кредитная канцелярія доставляетъ департаменту государственнаго казначейства, отъ котораго уже будетъ зависѣть наблюденіе за поступленіемъ денегъ въ казну и сообщеніе государственному контролю потребныхъ по сему предмету свѣдѣній.

В. По платежамъ золотомъ и серебряною банковою монетою.

1) Во всѣхъ случаяхъ производства расходовъ золотомъ и серебряною банковою монетою, ассигновки составляются на номинальную сумму металлическихъ рублей, подлежащихъ отпуску, но вмѣстѣ съ тѣмъ въ ассигновкѣ поручается казначейству уменьшить кредитъ на сумму, составляющую курсовую разность на отпускаемые металлические рубли по перечисленіи ихъ въ кредитную валюту по смѣтному курсу.

2) Главное, губернскія и уѣздныя казначейства, а также казенныя палаты выписываютъ въ расходъ номинальную сумму отпущенныхъ по ассигновкамъ распорядительныхъ управленій металлическихъ рублей, а на сумму, составляющую курсовую разность ихъ, лишь уменьшаютъ кредиты по своимъ бухгалтерскимъ книгамъ и счетамъ. Въ мѣсячныхъ отчетныхъ вѣдомостяхъ, посылаемыхъ въ контрольныя учрежденія, главное казначейство и казенныя палаты объясняютъ, по какимъ смѣтамъ и смѣтнымъ подраздѣленіямъ, на какія суммы и на основаніи какихъ именно ассигновокъ уменьшены кредиты для исключенія курсовой разности.

Увѣдомляя о семъ, имѣю честь покорнѣйше просить ваше превосходительство сообщить вышеизложенныя правила подвѣдомственнымъ вамъ учебнымъ заведеніямъ и учрежденіямъ, для свѣдѣнія и въ потребномъ случаѣ для руководства.

III. ПРИКАЗЫ УПРАВЛЯВШАГО МИНИСТЕРСТВОМЪ НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ, ТОВАРИЩА МИНИСТРА.

27-го іюня 1889 года. Утверждены: ординарный профессоръ Императорскаго Новороссійскаго университета, дѣйствительный статскій совѣтникъ Некрасовъ — вновь деканомъ историко-филологиче-

скаго факультета сего университета, на четыре года, съ 1-го октября 1888 г.; ординарный профессор Императорскаго Харьковскаго университета, статскій совѣтникъ Ковалевскій — деканомъ медицинскаго факультета сего университета, на четыре года, съ 13-го іюня 1889 г.; экстраординарные профессора Императорскихъ университетовъ: С.-Петербургскаго, докторъ астрономіи и геодезіи, статскій совѣтникъ Глазенапъ, Московскаго, коллежскій совѣтникъ Виноградовъ, Варшавскаго: доктора медицины: коллежскіе ассесоры Тумасъ и Лукьяновъ и Харьковскаго: докторъ медицины, статскій совѣтникъ Дудукаловъ, докторъ русской словесности Сумцовъ и докторъ русской исторіи Багалъй — ординарными профессорами сихъ университетовъ по занимаемымъ ими кафедамъ: Глазенапъ — астрономіи, съ 24-го мая 1889 г., Виноградовъ — всеобщей исторіи, съ 10-го іюня 1889 г., Тумасъ — фармакологіи, Лукьяновъ — общей патологіи, оба съ 1-го мая 1889 г., Дудукаловъ — оперативной хирургіи и топографической анатоміи, съ 20-го мая 1889 г., Сумцовъ — русскаго языка и словесности и Багалъй — русской исторіи, оба съ 1-го іюня 1889 г.; сверхштатный экстраординарный профессоръ Императорскаго Харьковскаго университета, докторъ медицины, надворный совѣтникъ Подрезъ — штатнымъ экстраординарнымъ профессоромъ сего университета по занимаемой имъ кафедрѣ хирургической факультетской клиники, съ 20-го мая 1889 г.; доцентъ Императорскаго Варшавскаго университета, докторъ чистой математики, коллежскій совѣтникъ Назимовъ — экстраординарнымъ профессоромъ Императорскаго Казанскаго университета по кафедрѣ чистой математики, съ 21-го мая 1889 г.; исправляющій должность директора Уральской войсковой гимназіи, статскій совѣтникъ Федоровъ — въ сей должности, съ 15-го іюня 1889 г.; докторъ медицины, надворный совѣтникъ Шапиро и лѣкари Штиглицъ и Королько — ассистентами клиническаго института великой княгини Елены Павловны, съ 26-го мая 1889 года, первый — младшимъ, а второй и третій — сверхштатными.

Назначены: приватъ-доценты Императорскаго С.-Петербургскаго университета, докторъ физиологіи Введенскій и докторъ зоологіи Шимкевичъ — экстраординарными профессорами сего университета по кафедамъ: первый — физиологіи и послѣдній — зоологіи, оба съ 24-го мая 1889 г.; приватъ-доцентъ Императорскаго университета св. Владиміра, магистръ фармаціи Лоначевскій-Петруняка — экстраординарнымъ профессоромъ сего университета по кафедрѣ фармаціи и фармакогнозіи, съ 27-го мая 1889 года.

Перемѣщенъ: экстраординарный профессоръ Императорскаго Харьковскаго университета по кафедрѣ хирургической патологіи, докторъ медицины, коллежскій совѣтникъ Субботинъ—тѣмъ же званіемъ на кафедре хирургической госпитальной клиники, съ 20-го мая 1888 г.

Опредѣлены на службу по вѣдомству министерства народнаго просвѣщенія: изъ отставныхъ надворный совѣтникъ Фабіанъ Дорліакъ—причисленнымъ къ министерству, съ 11-го іюня 1889 г.; докторъ римской словесности, статскій совѣтникъ Модестовъ—съ назначеніемъ ординарнымъ профессоромъ Императорскаго Новороссійскаго университета по кафедрѣ классической филологіи, съ 18-го мая 1889 г.

Оставлены на службѣ: директоръ народныхъ училищъ Орловской губерніи, статскій совѣтникъ Дружининъ—по 1-е іюля 1890 г.; директоръ и профессоръ Харьковскаго практическаго технологическаго института, дѣйствительный статскій совѣтникъ Кирпичевъ—на пять лѣтъ, съ 19-го марта 1889 г.; заслуженный ординарный профессоръ Императорскаго Харьковскаго университета, дѣйствительный статскій совѣтникъ Зарубинъ и ординарный профессоръ сего университета, статскій совѣтникъ Морозовъ—по выслугѣ 30 лѣтъ по учебной части, первый—съ 21-го апрѣля и второй—съ 24-го мая 1889 г.; заслуженный ординарный профессоръ Императорскаго университета св. Владимира, дѣйствительный статскій совѣтникъ Теофилактъ—по выслугѣ 45 лѣтъ по учебной части, съ 30-го мая 1889 года.

Командированы, съ ученою цѣлью: ординарный академикъ Императорской Академіи Наукъ, дѣйствительный статскій совѣтникъ Радловъ—съ 1-го іюля по 15-е августа 1889 г., въ сѣверо-западные губерніи Россіи; исправляющій должность хранителя ботаническаго кабинета Императорскаго Казанскаго университета Смирновъ—на 4 мѣсяца и 25 дней, въ Самарскую и Саратовскую губерніи.

Продолженъ срокъ отпуска въ Россіи, директору Казанской 2 гимназіи, дѣйствительному статскому совѣтнику Имшенику—на 28 дней, сверхъ лѣтняго вакаціоннаго времени 1889 г., по болѣзни.

Уволены въ отпускъ: а) въ Россіи: на двадцать восемь дней: начальникъ Лодзинской учебной дирекціи, дѣйствительный статскій совѣтникъ Абрамовичъ; дѣлопроизводитель VII класса департамента народнаго просвѣщенія, статскій совѣтникъ Тропинъ и помощники дѣлопроизводителей сего департамента, коллежскіи

секретарь Александръ Гергинъ и не имѣющій чина Григорій Гергинъ; на двадцать девять дней, бухгалтеръ департамента народного просвѣщенія, статскій совѣтникъ Сафоновъ; на мѣсяць: начальникъ Сувалкской учебной дирекціи, дѣйствительный статскій совѣтникъ Маркіановичъ; по департаменту народного просвѣщенія: дѣлопроизводители: VI класса—статскій совѣтникъ Пяткинъ и VII класса—коллежскій совѣтникъ Зеленинъ; помощники дѣлопроизводителей: губернской секретарь Смирновъ и коллежскій регистраторъ Ивановъ и помощникъ журналиста коллежскій регистраторъ Янковскій; инспекторъ училищъ города Варшавы, коллежскій совѣтникъ Ивановъ и инспекторъ народныхъ училищъ состоящей при управленіи Кіевскаго учебнаго округа инспекціи сихъ училищъ, губерній: Кіевской, Подольской и Волинской Калабановскій; съ 20-го іюня по 1-е августа 1889 года, директоръ Виленскаго учительскаго института, статскій совѣтникъ Дуровъ; съ 1-го іюля по 15-е августа 1889 года, директоръ Могилевской гимназіи, статскій совѣтникъ Адо; на лѣтнее вакаціонное время 1889 года: заслуженный ординарный профессоръ Императорскаго С.-Петербургскаго университета, дѣйствительный статскій совѣтникъ Совѣтовъ; экстраординарный профессоръ Императорскаго Новороссійскаго университета, статскій совѣтникъ Красносельцевъ; инспекторы студентовъ Императорскихъ университетовъ: С.-Петербургскаго—дѣйствительный статскій совѣтникъ Цивильковъ и св. Владиміра—дѣйствительный статскій совѣтникъ Лагоріо; лаборантъ химической лабораторіи Императорскаго Новороссійскаго университета Немировскій; инспекторъ С.-Петербургскаго практическаго технологическаго института, коллежскій совѣтникъ Смирновъ; директора гимназій: С.-Петербургскихъ: 1-й—дѣйствительный статскій совѣтникъ Груздевъ, 3-й—тайный совѣтникъ Лемоніусъ, 5-й—статскій совѣтникъ Янко, 6-й—дѣйствительный статскій совѣтникъ Пустонскій, и 8-й—статскій совѣтникъ Моръ, Крошадтской—статскій совѣтникъ Козеко; Вологодской—статскій совѣтникъ Исполатовъ, Витебской—статскій совѣтникъ Фелицинъ, Ковенской—статскій совѣтникъ Шокальскій, Кіевской 4-й—дѣйствительный статскій совѣтникъ Михайловъ, Житомирской—статскій совѣтникъ Омелянскій, Лубенской—статскій совѣтникъ Лазаренко, Саратовской—статскій совѣтникъ Боголюбовъ, Тагаирогской—статскій совѣтникъ Нейкирхъ, Екатериенбургской—статскій совѣтникъ Сатурновъ, Троицкой—статскій совѣтникъ Тихомировъ; Киши-

невскихъ: 1-й — дѣйствительный статскій совѣтникъ Соловьевъ и 2-й—статскій совѣтникъ Алаевъ, Мариупольской—Броницкій; Варшавскихъ: I—дѣйствительный статскій совѣтникъ Стефановичъ, III—статскій совѣтникъ Соколовъ, и IV—статскій совѣтникъ Истоминъ; начальницы женскихъ гимназій: Петропавловской въ Москвѣ—Керберъ, Царицынской и Маринской—Колчина, содержимой г-жею Ульрихъ въ гор. Саратовѣ—Эмилія Ульрихъ, Тифлисской, Великой Книгини Ольги Θεодоровны—Клаусъ и Бакинской Маринской—Лутеръ; директоры прогимназій: Острожской—статскій совѣтникъ Горкуновъ и Аккерманской—статскій совѣтникъ Паховскій; директоры реальныхъ училищъ: Московскаго—дѣйствительный статскій совѣтникъ Кривоносовъ, Костромскаго—дѣйствительный статскій совѣтникъ Булгакъ и Муромскаго—статскій совѣтникъ Зегеръ, Полтавскаго—статскій совѣтникъ Водолагинъ, Кременчугскаго—статскій совѣтникъ Дзюблевскій-Дзюбенко, Сызранскаго—статскій совѣтникъ Адіасевичъ, Воронежскаго—статскій совѣтникъ Вахиревъ, Бакинскаго—дѣйствительный статскій совѣтникъ Каменскій и Влоцлавскаго—статскій совѣтникъ Агапитовъ; директоръ мужскаго училища при евангелическо-лютеранской церкви св. Петра и Павла въ Москвѣ, статскій совѣтникъ Бернандеръ; директоры учительскихъ институтовъ: Глуховскаго—дѣйствительный статскій совѣтникъ Бѣлявскій, Казанскаго—дѣйствительный статскій совѣтникъ Парамоновъ и Θεодосійскаго—коллежскій секретарь Сябсаревъ; директоры учительскихъ семинарій: Вольской—дѣйствительный статскій совѣтникъ Зямпицкій и Новинской—коллежскій совѣтникъ Токаревскій и инспекторъ татарскаго отдѣленія Закавказской учительской семинаріи, статскій совѣтникъ Черняевскій; на лѣтнее вакаціонное время 1889 года и 5 дней, директоръ Херсонской прогимназіи Супруненко; на два мѣсяца: дѣлопроизводители департамента народнаго просвѣщенія V класса — дѣйствительный статскій совѣтникъ Скоробогатый, VI класса — коллежскій совѣтникъ Талаптовъ и надворный совѣтникъ Дебольскій; VII класса—надворный совѣтникъ Бѣликовъ и VIII класса—титулярный совѣтникъ Лобойковъ; причисленные къ министерству народнаго просвѣщенія, дѣйствительный статскій совѣтникъ Радощевскій и не имѣющій чина князь Валентинъ Волконскій; окружный инспекторъ Кіевскаго учебнаго округа, дѣйствительный статскій совѣтникъ Шульженко; директоръ коллегіи Павла Галагана въ Кіевѣ, дѣйствительный статскій совѣтникъ Нечипоренко; ди-

ректоръ Несвижской учительской семинаріи, статскій совѣтникъ Николаевскій; директоръ народныхъ училищъ Могилевской губерніи, дѣйствительный статскій совѣтникъ Поповъ и правитель канцеляріи попечителя Виленскаго учебнаго округа, статскій совѣтникъ Пинаевъ; съ 18-го іюня по 20-е августа 1889 года, директоръ Императорскаго Варшавскаго университета, тайный совѣтникъ Лавровскій; съ 10-го іюня по 16-е августа 1889 года, директоръ Нижегородской гимназіи, дѣйствительный статскій совѣтникъ Миротворцевъ; съ 7-го іюня по 15-е августа 1889 года, начальница Сарапульской женской гимназіи Крелленбергъ; на лѣтнее вакаціонное время 1889 года и 14 дней, директоръ Новочеркаскаго реальнаго училища, статскій совѣтникъ Пестовъ; на лѣтнее вакаціонное время 1889 года и 18 дней: директоръ Николаевскаго реальнаго училища, статскій совѣтникъ Тарапыгинъ; на лѣтнее вакаціонное время 1889 года и 28 дней: директора гимназій: Курской — тайный совѣтникъ Жаворонковъ, С.-Петербургской Введенской — дѣйствительный статскій совѣтникъ Чистяковъ и Каменецъ-Подольской — статскій совѣтникъ Фирсовъ; на три мѣсяца, причисленный къ министерству народнаго просвѣщенія, статскій совѣтникъ Смирновъ; въ Россіи и за границу: съ 26-го іюня по 10-е августа 1889 года, регистраторъ Императорской публичной бібліотеки, коллежскій совѣтникъ Миллеръ; на лѣтнее вакаціонное время 1889 года: инспекторъ Императорскаго Варшавскаго университета, дѣйствительный статскій совѣтникъ Барсовъ и учитель Выборгскаго реальнаго училища Большагагаринскій; на четыре мѣсяца: причисленные къ министерству народнаго просвѣщенія, статскій совѣтникъ Мусселиусъ и не имѣющій чина Соболевскій, и за границу: на двадцать одинъ день лекторъ русскаго языка Императорскаго Варшавскаго университета Кулаковскій и директоръ народныхъ училищъ Дерптскаго учебнаго округа, коллежскій совѣтникъ Покровскій; на двадцать пять дней: ординаторъ Императорскаго Московскаго университета Млодзѣевскій; на двадцать восемь дней: экстраординарный профессоръ Императорскаго Московскаго университета, статскій совѣтникъ Ельцинскій; на мѣсяць: помощникъ директора и профессоръ С.-Петербургскаго практическаго технологическаго института Лабзинъ; съ 15-го іюня по 25-е іюля 1889 г.: исполняющій обязанности инспектора Бѣлостокскаго реальнаго училища, статскій совѣтникъ Павловскій; съ 11-го іюня по 6-е ав-

густа 1889 года: учитель Виленскаго Маріинскаго высшаго женскаго училища, коллежскій совѣтникъ де-Мобежъ; съ 15-го іюня по 1-е августа 1889 года: учитель Сумской гимназіи Лащенко и учитель Динабургскаго реальнаго училища, коллежскій совѣтникъ Булле; съ 20-го іюня по 10-е августа 1889 года: секретарь общества Императорскаго Новороссійскаго университета, статскій совѣтникъ Орловъ; съ 15-го іюня по 6-е августа 1889 года: учитель Бѣлостокскаго реальнаго училища, статскій совѣтникъ Шмидтъ; на мѣсяць и двадцать семь дней: врачъ Рижскаго реальнаго училища Рудаковъ и учитель С.-Петербургскаго Рождественскаго городского училища, надворный совѣтникъ Дмитріевъ; съ 15-го іюня по 10-е августа 1889 года: инспекторъ народныхъ училищъ Новгородской губерніи, статскій совѣтникъ Сомчевскій; на лѣтнее ваканціонное время 1889 года: ординарные профессеры Императорскихъ университетовъ: Св. Владиміра—дѣйствительный статскій совѣтникъ Пихно, Харьковскаго — дѣйствительный статскій совѣтникъ Оболенскій, Казанскаго—Ивановскій и Сколовъ и Дерптскаго—статскіе совѣтники: Рауберъ и Дигель; экстраординарные профессеры Императорскаго Казанскаго университета: Студенскій и Разумовскій; лекторъ англійскаго языка Императорскаго Новороссійскаго университета Гердъ; лаборанты Императорскихъ университетовъ: Московскаго—коллежскій совѣтникъ Поржезинскій и Новороссійскаго — Зелинскій, Вернеръ и Андрусовъ; приватъ-доцентъ сего университета Иловайскій; хранитель зоотомическаго кабинета того же университета Бучинскій; учитель верховой ѣзды Императорскаго Дерптскаго университета Блокъ; наставникъ Императорскаго С.-Петербургскаго историко-филологическаго института, статскій совѣтникъ Шмидтъ; профессеры С.-Петербургскаго Практическаго Технологическаго института, статскій совѣтникъ Вылежинскій и коллежскій совѣтникъ Котурницкій; адъюнктъ-профессоръ сего института, надворный совѣтникъ Делпъ; преподаватель того же института, инженеръ-технологъ Вороновъ; репетиторъ Императорскаго Московскаго техническаго училища, статскій совѣтникъ Тумскій; экстраординарный профессоръ Лазаревскаго института восточныхъ языковъ, коллежскій совѣтникъ Веселовскій; исправляющіе должность экстраординарныхъ профессоровъ сего института; статскій совѣтникъ Муркосъ и Халатянцъ; директоры гимназій: Тифлесской 1-й—дѣйствительный статскій совѣтникъ Марковъ и Ченстоховской мужской—статскій совѣтникъ Дахповичъ; исправляющій должность

инспектора сей гимназій, надворный совѣтникъ Геевскій; исполняющій обязанности инспектора С.-Петербургской 8-й гимназій, статскій совѣтникъ Фожтъ; законоучитель Киевской 2-й гимназій, священникъ Коровицкій; учителя гимназій: С.-Петербургскихъ: Ларинской—Ростовцевъ, 5-й: статскій совѣтникъ Голшеронъ-де-Ляфоссъ и коллежскій совѣтникъ Нингеръ, и 6-й—Мижувъ, Смоленской: Гернъ и Дюперре, Ярославской—коллежскій совѣтникъ Морозовъ, Александровской Смоленскаго земства въ гор. Вязьмѣ, титулярный совѣтникъ Любимовъ, Киевской 1-й Григоровичъ и статскій совѣтникъ Черкуновъ, Лубенской—Андерле, Курской—Блукетъ, Симферопольской—коллежскій совѣтникъ Маркевичъ, Минской—статскій совѣтникъ Смородскій, Слуцкой—статскій совѣтникъ Пиеррель, Ставропольской—статскій совѣтникъ Миловидовъ, Владикавказской—Вире, Варшавскихъ мужскихъ: 2-й—статскій совѣтникъ Полкотыцкій и 3-й: Уздовскій и Ходыревъ, Сѣдлецкой: Брамманъ и статскій совѣтникъ Шиманскій, Прагской мужской—Жакъ, Рижской городской: статскій совѣтникъ Гиргенсонъ и надворный совѣтникъ Боке, Гольдингенской—надворный совѣтникъ Егеръ, Митавской—Шванбергъ, Ревельской губернской—коллежскій совѣтникъ Кирхгоферъ, воспитатель частной гимназій Видемана въ С.-Петербургѣ де-Ремакеръ; помощникъ воспитателя пансіона Тифлиской 1-й гимназій Сапаровъ, учителя женскихъ гимназій въ С.-Петербургѣ Покровской—Роговскій и частной г-жи Шаффе Образцовъ и Гревсъ и Рижской Ломоносовской Марешаль; начальница Рижской Ломоносовской женской гимназій Глазіусъ; учительницы женскихъ гимназій: Рыбинской Маринской—Рейнгардтъ, Петропавловской въ Москвѣ: Стелла Ретгенъ и Эмма Ретгенъ, Харьковской 2-й—Верховская, Нѣжинской (П. И. Кушакевичъ)—Мержеевская, Одесской 2-й: Бродецкая и Шинковская и Варшавской 1—Брендель; классныя надзирательницы женскихъ гимназій Донской Маринской—Протопопова и Шебаева, Одесскихъ: Маринской—Шинковская и 2-й—Булацель и Головкинская, Рижской Ломоносовской—Александрова и Петропавловской въ Москвѣ: Бюрка и Отто; классная дама Ломжинской женской гимназій Небольсина; учителя прогимназій: Вѣлевской—Бюдо, Рославльской—надворный совѣтникъ Ласкинъ, Вобруйской: надворные совѣтники Созановичъ и Андерсенъ и Гиршфельдъ, Черкасской—Рябчевскій, Кутаисской—статскій совѣтникъ Олиферовъ-Мануйловичъ и Варшавской II мужской: Редзювинасъ и Лапинскій; начальницы женскихъ прогимназій

назія: Херсонской—Шипова и Лебединской—Блюмель, учительница сей прогимназіи Невельская; директоръ Ревельскаго реальнаго училища Оссе; учителя реальныхъ училищъ: частнаго Гуревича въ С.-Петербургѣ—Гольдштейнъ, Псковскаго Сергіевскаго—коллегскій совѣтникъ Соколовскій, Виленскаго—надворный совѣтникъ Покровскій, Динабургскаго—Шарфе, Кіевскаго—статскій совѣтникъ Чернушевичъ, Кременчугскаго—статскій совѣтникъ Сипко, Бѣлоцерковскаго: Лебединцевъ и Дюранъ, Ровенскаго: Гутковскій и Марксеръ, Сумскаго—Цыценко, Екатеринбургскаго Алексѣевскаго—коллегскій совѣтникъ Писаревъ, Херсонскаго—Шиповъ, Екатеринославскаго—Руссо, Одесскаго—Рябковъ, при евангелическо-лютеранской церкви, св. Павла въ Одессѣ—Жуковский, Ревельскаго—баронъ Энгельгардтъ, Рижскаго городскаго—коллегскій совѣтникъ Меттигъ, Влоцавскаго—коллегскій совѣтникъ Лишко и Варшавскаго: статскій совѣтникъ Кламель, коллежскій совѣтникъ Балежъ и Делакура; инспекторъ мужскаго училища при евангелическо-лютеранской церкви св. Петра и Павла въ Москвѣ, статскій совѣтникъ Кохъ; учителя главнаго нѣмецкаго училища при евангелическо-лютеранской церкви св. Петра въ С.-Петербургѣ, статскій совѣтникъ Аккерманъ и Кохъ; учитель училища при евангелическо-лютеранской церкви св. Екатерины въ С.-Петербургѣ Нуссбаумъ; учителя Лодзинскаго высшаго ремесленнаго училища: статскій совѣтникъ Маркевичъ и коллежскій совѣтникъ Шмидтъ; учителя Варшавскаго института глухонѣмыхъ и слѣпыхъ: Новицкій и Витковскій, учительница сего института Доманская; учителя учительскихъ институтовъ: С.-Петербургскаго—Семеновъ и Виленскаго—коллегскій совѣтникъ Бывалькевичъ; наставникъ Волчанской учительской семинаріи Поповъ, учитель Рижскаго политехническаго училища Верлинъ и учитель Царскосельскаго городскаго училища Афанасьевъ; на время лѣтнаго вакаціоннаго времени 1889 года: врачи: Полтавской гимназіи—Богацкій и Харьковскаго уѣзднаго училища Петровскій; на лѣтнее вакаціонное время и по 1-е сентября 1889 года: учительница частной женской гимназіи г-жи Гедда въ С.-Петербургѣ Вилкеръ и надзирательница сей гимназіи Гротхусъ; на два мѣсяца: директоръ С.-Петербургскаго практическаго технологическаго института, тайный совѣтникъ Ильинъ; бібліотекаря Императорской публичной бібліотеки: тайный совѣтникъ Стасовъ и дѣйствительный статскій совѣтникъ Феттерлейнъ; почетный попечитель реальнаго

училища при реформатской церкви въ Москвѣ, дѣйствительный статскій совѣтникъ Фидлеръ; сверхштатный ассистентъ Императорскаго Московскаго университета, лѣкаръ Саваневскій; сверхштатный лаборантъ Императорскаго Харьковскаго университета Ильевъ; профессоръ Императорскаго Московскаго техническаго училища, статскій совѣтникъ Эшлиманъ; ассистентъ сего училища, губерпскій секретарь Румянцевъ; учитель Владимірской земской женской гимназій Зевинъ; учитель Θεодосійскаго учительскаго института, коллежскій совѣтникъ Лысенко; инспекторъ народныхъ училищъ Тифлисскаго губерніи, коллежскій ассессоръ Монастырцевъ; врачи гимназій: С.-Петербургской 8-й — Терещенко и Нарвской мужской — надворный совѣтникъ Андерсонъ и завѣдывающій Каховскимъ еврейскимъ начальнымъ училищемъ Шлифштейнъ; на лѣтнее вакаціонное время 1889 года и пятнадцать дней: учитель Курской гимназій, статскій совѣтникъ Брезоваръ; на два мѣсяца и десять дней: ординарный профессоръ Императорскаго Харьковскаго университета, статскій совѣтникъ Данилевскій; на два съ половиною мѣсяца: директоръ историко-филологическаго института князя Безбородко въ Нѣжинѣ, дѣйствительный статскій совѣтникъ Скворцовъ; доцентъ Императорскаго Московскаго техническаго училища, губерпскій секретарь Худяковъ; учитель Виленской 2-й гимназій, надворный совѣтникъ Пурипъ-Звигуль и учитель Пришибскаго центрального училища, Мелитопольскаго уѣзда, Зилинскій; на два мѣсяца и двадцать дней, прозекторъ Императорскаго Харьковскаго университета, докторъ медицины Высоковичъ; на лѣтнее вакаціонное время 1889 года и двадцать пять дней, приватъ-доцентъ Императорскаго Новороссійскаго университета Федоровъ; на двадцать-восемь дней и лѣтнее вакаціонное время 1889 года, учитель Роменскаго реальнаго училища, коллежскій совѣтникъ Каура; на лѣтнее вакаціонное время 1889 года и двадцать-восемь дней: приватъ-доцентъ Императорскаго Новороссійскаго университета Режабекъ; учитель Варшанскаго ветеринарнаго училища, статскій совѣтникъ Козіоровскій; старшій учитель Рижской городской гимназій, статскій совѣтникъ Гельмзингъ и учитель С.-Петербургскаго 2-го реальнаго училища, статскій совѣтникъ Кизерицкій; на три мѣсяца и четырнадцать дней, приватъ-доцентъ Императорскаго С.-Петербургскаго университета Введенскій; на три съ половиною мѣсяца, лекторъ французскаго языка Императорскаго университета св. Владиміра, статскій совѣт-

никъ Пекюсъ; на 4 мѣсяца, почетный попечитель Курской гимназіи, дѣйствительный статскій совѣтникъ Левковичъ.

Отчисленъ, согласно прошенію, отъ министерства народнаго просвѣщенія, причисленный къ сему министерству и откомандированный для занятій въ Императорскую Публичную Библиотеку, коллежскій ассесоръ Бейзе, съ 27-го мая 1889 года.

Уволены: заслуженный сверхштатный ординарный профессоръ Императорскаго университета св. Владимира, статскій совѣтникъ Павловъ, согласно прошенію, отъ службы, съ 15-го іюня 1889 года; членъ археографической комиссіи министерства народнаго просвѣщенія, статскій совѣтникъ Григоровичъ, по болѣзни, отъ службы при сей комиссіи, съ 19-го іюня 1889 года.

Дозволено: бывшему помощнику попечителя Варшавскаго учебнаго округа, дѣйствительному статскому совѣтнику Сидорскому, носить въ отставкѣ мундирный полукафтанъ, послѣдней должности присвоенный.

Объявлена признательность министерства народнаго просвѣщенія: попечителю Быстровецкой начальной школы, Псковской губерніи и уѣзда, дѣйствительному статскому совѣтнику Фанъ-дербъ-Флиту — за пожертвованія въ пользу сей школы и вообще за содѣйствіе его въ дѣлѣ народнаго образованія въ Псковскомъ уѣздѣ; Сердобскому городскому головѣ Щеглову — за заботы его по дѣлу народнаго образованія.

Исключенъ изъ списковъ умершій: директоръ Вытегорской учительской семинаріи, статскій совѣтникъ Блюдухо.

IV. ОПРЕДѢЛЕНІЯ УЧЕНАГО КОМИТЕТА МИНИСТЕРСТВА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

Опредѣленіями ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія, утвержденными г. товарищемъ министра, постановлено:

— Книгу: „Исторія Литовскаго государства съ древнѣйшихъ временъ. П. Дм. Брянцева. Вильна. 1889. Стр. XII+659. Цѣна 4 р.“ одобрить для фундаментальныхъ и ученическихъ библиотекъ среднихъ учебныхъ заведеній и учительскихъ институтовъ.

— Книгу: „Метеорологія и климатологія. Составилъ Д. А. Лачиновъ, доцентъ Лѣснаго института. Съ 122 рисунками и 6-ю рас-

крашенными картами. Изданіе Ф. Павленкова. С.-Пб. 1888. Въ 8-ку стр. VIII+332. Цѣна 2 руб.“—рекомендовать для фундаментальныхъ и ученическихъ библіотекъ мужскихъ гимназій и реальныхъ училищъ, и для фундаментальныхъ библіотекъ женскихъ гимназій, учительскихъ институтовъ и семинарій и шести-классныхъ городскихъ училищъ.

— Учебникъ: „Cours complet de langue française par A. Chalande's. Première année. St. Pétersbourg. 1885. pages 84 in 8°, Prix 35 cop. (Полный курсъ французскаго языка. Составилъ А. Шаландъ. Первый годъ. С.-Пб. 1885. Стр. 84 въ 8-ку. Цѣна 35 коп.)—допустить въ качествѣ учебнаго руководства для среднихъ учебныхъ заведеній министерства, съ тѣмъ, чтобы авторъ озаботился при слѣдующемъ изданіи этой первой части учебника замѣченные въ ней недостатки исправить.

— Книгу: „I. Racine. I. Esther. Tragédie en trois actes et en vers.—II. Athalie. Tragédie en cinq actes et en vers. (Édition épurée). Выпускъ IV. Для чтенія въ учебныхъ заведеніяхъ снабдилъ объясненіями В. С. Игнатовичъ. С.-Пб. 1889. Стр. XVI+53+78+36. Цѣна 1 руб.“—одобрить въ качествѣ учебнаго пособия при изученіи французскаго языка для высшихъ классовъ среднихъ учебныхъ заведеній министерства народнаго просвѣщенія.

— Книгу: „О важнѣйшихъ повальныхъ заболѣваніяхъ дѣтей, преимущественно въ школьномъ возрастѣ. Лекціи, читанныя учителямъ и учительницамъ народныхъ училищъ Терской области врачомъ Владикавказскаго реальнаго и городского Николаевскаго училищъ Р. А. Кобылянскимъ. Владикавказъ. 1889. Стр. IV+101, въ 8-ку. Цѣна 50 коп.“—одобрить для учительскихъ библіотекъ низшихъ и среднихъ учебныхъ заведеній, мужскихъ и женскихъ.

— Книгу: „Уходъ за больными, ранеными, беременными, родильницами, новорожденными, дѣтьми и первая помощь до прибытія врача. Составилъ Михаилъ Залуговскій, старшій врачъ 8-го гренадерскаго Московскаго полка, членъ Общества русскихъ врачей въ Москвѣ и др. Изданіе 4-е, дополненное. Съ 127 рисунками въ текстѣ. Тверь. 1889. Стр. 424 въ 8-ку. Цѣна 2 руб.“—рекомендовать для учительскихъ библіотекъ народныхъ училищъ и учительскихъ семинарій.

— Книжку: „Десять посланій Квинта Горація Флака, избранныя и снабженныя примѣчаніями Георгіемъ Ланге, преподавателемъ Лазаревскаго института восточныхъ языковъ и Московской 3-й гим-

назиі. Москвы. 1888. Въ 8-ку стр. 72. Цѣна 50 коп.—одобрить въ качествѣ учебнаго пособия въ гимназіяхъ министерства народнаго просвѣщенія.

— Книги: „Extemporalia съ русскаго языка на латинскій для среднихъ и старшихъ классовъ гимназій составилъ И. Виноградовъ. С.-Пб. 1889. Въ 8-ку стр. XII+158. Цѣна 85 коп.“—одобрить въ качествѣ учебнаго пособия для гимназій и прогимназій.

— Книгу: „Д. Шнелле. Сборникъ статей для перевода на греческій языкъ. Для старшихъ классовъ русскихъ гимназій обработалъ Е. Павликовскій, преподаватель древнихъ языковъ въ Московской 1-й гимназіи. Москва. 1889. Въ 8-ку стр. VIII+285. Цѣна 1 руб. 25 коп.“—допустить въ качествѣ учебнаго пособия для употребленія въ гимназіяхъ министерства народнаго просвѣщенія.

— Книгу: „Nouvelle grammaire française à l'usage de la jeunesse russe, pour les classes moyennes et supérieures, par Alphonse Rancy. Lexicologie et Syntaxe. С.-Пб. 1888. Въ 8-ку стр. 234. Цѣна 1 руб. 15 коп.“—одобрить для употребленія въ качествѣ учебнаго руководства при преподаваніи французскаго языка въ среднихъ и высшихъ классахъ всѣхъ учебныхъ заведеній министерства народнаго просвѣщенія, мужскихъ и женскихъ.

— Книгу: „Prascovie ou La jeune sibérienne (Параша Сибирячка), par Xavier de Maistre, съ примѣчаніями и словаремъ издалъ А. Алексѣевъ, преподаватель Царицынской Александровской гимназіи. Выпускъ второй. С.-Пб. 1889. Въ 12-ю д. л. стр. 115. Цѣна 40 коп. съ пересылкой“—одобрить въ качествѣ пособия при преподаваніи французскаго языка въ среднихъ классахъ всѣхъ среднихъ учебныхъ заведеній министерства народнаго просвѣщенія, мужскихъ и женскихъ.

— Книгу: „Протоіерей І Наумовичъ. Бесѣды Степана Сторазумова о сельскомъ хозяйствѣ, Вып. I. Кіевъ, 1888. Въ 16-ю д. л. 64 стр., цѣна 15 коп.“—одобрить для учительскихъ и ученическихъ библиотекъ и городскихъ народныхъ училищъ.

— Журналъ „Техникъ“ издаваемый въ Москвѣ подъ редакціею Г. Энгельмейера, одобрить для фундаментальныхъ и ученическихъ библиотекъ реальныхъ, коммерческихъ и промышленныхъ училищъ.

V. ОПРЕДѢЛЕНІЯ ОСОБАГО ОТДѢЛА УЧЕВАГО КОМИТЕТА МИНИСТЕРСТВА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

Опредѣленіями особаго отдѣла учеваго комитета министерства народнаго просвѣщенія, утвержденными г. товарищемъ министра, постановлено:

— Книги А. Баранова: 1) „Наше Родное. Русскій и церковно-славянскій букварь и сборникъ статей для упражненія въ русскомъ и церковно-славянскомъ чтеніи, съ образцами для письма и матеріаломъ для самостоятельныхъ письменныхъ упражненій. Первый годъ обученія въ сельскихъ народныхъ школахъ съ трехлѣтнимъ курсомъ. 7-е, значительно исправленное, изданіе. С.-Пб. 1888. Въ 8-ку 95 стр. Цѣна 30 коп.“; 2) „Наше Родное. Книга для класснаго и домашняго чтенія въ сельскихъ народныхъ школахъ съ трехлѣтнимъ курсомъ. Второй годъ обученія. Сборникъ статей для упражненія въ русскомъ и церковно-славянскомъ чтеніи съ матеріаломъ для самостоятельныхъ письменныхъ упражненій. С.-Пб. 1888. Въ 8-ку 142 стр. Цѣна 40 коп.“, и 3) „Наше Родное. Книга для класснаго и домашняго чтенія въ сельскихъ народныхъ школахъ съ трехлѣтнимъ курсомъ. Третій годъ обученія. Сборникъ статей для упражненія въ русскомъ и церковно-славянскомъ чтеніи съ матеріаломъ для самостоятельныхъ письменныхъ упражненій. С.-Пб. 1888. Въ 8-ку 238 стр. Цѣна 60 коп.“ — одобрить для употребленія въ народныхъ училищахъ.

— Изданіе А. Д. Ступина: „Прописи и рисованіе по клѣткамъ, для городскихъ народныхъ училищъ. М. 1888. 16 стр. Цѣна 10 к.“ — допустить къ употребленію въ народныхъ школахъ.

— Книгу „Краткій еврейскій катихизисъ, съ прибавленіемъ важнѣйшихъ молитвъ для дѣтей и краткой священнои исторіи. Составилъ Б. Л. Сегаль. Изд. 12-е. Одесса. 1888. Въ 32-ю д. л., 63+81 стр. Цѣна въ переплетѣ 25 коп.“ — одобрить для употребленія въ еврейскихъ училищахъ.

— Книгу „Пространный еврейскій катихизисъ. Составилъ Б. Л. Сегаль. Изд. 3-е. Одесса. 1888. Въ 8-ку 133 стр. Цѣна 70 коп.“ — одобрить для употребленія въ качествѣ руководства при обученіи еврейскаго юношества законамъ вѣры.

— Книгу „Краткая исторія евреевъ до заключенія Талмуда, съ переводомъ еврейскаго текста на русскій языкъ. Составилъ Б. Л. Се-

галъ. Изд. 6-е. Одесса. 1887. Въ м. 8-ю д. л., 78+78 стр. (цѣна не обозначена)^а — одобрить къ употребленію, въ видѣ руководства, въ еврейскихъ училищахъ и общихъ учебныхъ заведеніяхъ, гдѣ евреи обучаются закону своей вѣры.

— Книгу: „Полный курсъ исторіи Израильскаго народа отъ сотворенія міра до повѣйшихъ временъ. Въ двухъ частяхъ. Составилъ М. О. Немзеръ, преподаватель закона Божія Моисеевой вѣры въ московскихъ гимназіяхъ. Часть первая (отъ сотворенія міра до переселенія евреевъ въ Вавилонію). Вильна. 1888. Въ 8-ку 321 стр. (цѣна не обозначена)^а — одобрить, какъ учебное пособие при преподаваніи закона Божія Моисеевой вѣры въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ.

ОФИЦІАЛЬНЫЯ ИЗВѢЩЕНІЯ.

— Министерство народнаго просвѣщенія предложеніемъ на имя г. попечителя Виленскаго учебнаго округа разрѣшило увеличить размѣръ платы за ученіе, съ начала 1889—1890 учебнаго года, въ нормальныхъ классахъ Поневѣжскаго реальнаго училища съ 30 до сорока руб., а въ приготовительномъ классѣ до тридцати руб., въ годъ съ каждаго ученика.

— Г. министръ народнаго просвѣщенія извоилъ признать возможнымъ допустить въ учительскія бібліотеки народныхъ училищъ составленную священникомъ Г. М. Дьяченко книгу: „Доброе слово. Книга для класснаго и внѣкласснаго чтенія“. Годъ I. М. 1888. Въ 8-ку 372 стр. Цѣна 60 коп.—Годъ II. М. 1888. Въ 8-ку 338 стр. Цѣна 60 коп.—Годъ III. М. 1888. Въ 8-ку 1033 стр. Цѣна 1 р. 60 коп.

— Новгородсѣверская женская прогимназія преобразуется въ гимназію съ открытіемъ при ней, съ начала 1889—1890 учебнаго года, 7-го класса.

— По донесенію попечителя Оренбургскаго учебнаго округа, 15-го мая сего года послѣдовало преобразование однокласснаго начальнаго училища на станціи Чусовой Уральской желѣзной дороги, Пермской губерніи, въ двухклассное сельское училище министерства народнаго просвѣщенія, при 122 учащихся.

ОБЗОРЪ ИСТОЧНИКОВЪ ПО ИСТОРИИ ОСАДЫ И ВЗЯТІЯ ВИЗАНТІИ ТУРКАМИ ВЪ 1453 ГОДУ.

Graeciae caput, splendor et decus orientis
gymnasium optimarum artium honorum-
que omnium receptaculum (Ep. Bessarionis
ad d. Venetorum).

Византія въ средніе вѣка была хранительницей ¹⁾ просвѣщенія, которое не угасало тамъ до послѣднихъ дней ея самостоятельнаго существованія, когда въ стѣнахъ ея, подъ непрерывнымъ громомъ вражескихъ пушекъ, среди отчаянной борьбы противъ обложившихъ городъ турокъ, еще велась переписка книгъ и дѣтисей ²⁾. Не смотря однако на процвѣтаніе у грековъ богословія, философіи, языкованія, краснорѣчія, не смотря на существованіе цѣлаго ряда даровитыхъ дѣписателей, изобразившихъ въ своихъ произведеніяхъ всю тысячелѣтнюю судьбу Восточной имперіи,

---

¹⁾ Ποῖόν τε καὶ οἷον ὑπῆρξε τὸ γένος ἡμῶν, τοῦτο μὲν σοφία, τοῦτο δὲ καὶ ἄλλη ἀρετὴ καὶ μὲν κατὰ κόσμον ἐξουσία τε καὶ ἀρχὴ καὶ δυνάμει οἱ ἡμέτεροι γὰρ πάσης σοφίας καὶ πάσης ἐπιστήμης οὐχ' εὐρεταὶ μόνον ὑπῆρξαν, ἀλλὰ καὶ εἰς τέλος αὐτὰ ἤγαγον (Bessarionis Encyclica ad Graecos. *Migne*, Patr. Curs. Compl., Pat. Gr. 161, 452).

Amissa civitas famosissima et ratione situs et aliis conditionibus ad tutelam christianorum necessaria . . . . . facemus de litteris et bonarum omnium artium studiis, quae veluti domicilium proprium Constantinopolim ex tota Graecia habere. (Выдержка изъ письма императора Фридриха III, помѣщенного въ Архинтовскомъ изданіи переписки Энея Сильвія Пикколомини).

²⁾ Объ этомъ свидѣтельствуютъ любопытныя заключительныя слова переписки сочиненія Книнама.

литературный упадокъ сказывался двоякимъ образомъ: во первыхъ, ослабленіемъ поэтического творчества, для котораго недоступно стало прежнее богатство стихотворныхъ размѣровъ, а вовторыхъ, глубокимъ разладомъ между языкомъ литературнымъ и языкомъ простонароднымъ. Въ странѣ, обладавшей безсмертными произведеніями Гомера, Эукидида, Демосоеена, слишкомъ сильно было обаяніе древности для того, чтобы кто-нибудь дерзнулъ возвести на степень литературнаго языка простонародный говоръ. Каждый, на оборотъ, византійскій писатель считалъ долгомъ подражать своимъ великимъ предшественникамъ, на сколько хватало его силъ и умѣнія; однимъ удавалось достигать своей цѣли болѣе, другимъ менѣе и почти никому вполнѣ, ибо народная рѣчь, которою говорили всѣ, которая звучала въ ушахъ у всѣхъ, оказывала часто непобѣдимое воздѣйствіе на слогъ византійцевъ, въ тѣ минуты, когда напряженность ихъ вниманія слабѣла. Впрочемъ, въ XV вѣкѣ мы видимъ рядъ лицъ, достигшихъ высокой степени въ искусствѣ писать языкомъ древнихъ. Во главѣ ихъ стоялъ знаменитый философъ и политическій дѣятель Гемистъ Плиеонъ, справедливо славившійся чистотою своей аттической рѣчи даже по отзыву своихъ враговъ (*οὐκ ἄττικιστῶ ἐμψροθυόμενος τῇ δοκίμῳ καλλιρρητοῦντι*. Рит. Мануила пр. Плиеона. Хр. Чт. 1886 г. II, 133). За нимъ слѣдовали имена Виссаріона Никейскаго, Марка Ефесскаго, Георгія Схоларія, Іоанна Плусіадина, Амидуца, Андроника Каллиста, Матоея Камариоты, Кривовула и другихъ, которымъ удавалось такъ или иначе приблизиться къ своему идеалу. Даже въ произведеніяхъ плохихъ аттицистовъ, каковы Франдзи и въ особенности Дука, греческій языкъ не дошелъ до такой степени паденія, какъ латинскій языкъ того времени на западѣ. Для примѣра можно сравнить хотя бы слогъ извѣстія о паденіи Византіи, полученнаго епископомъ Авиньонскимъ съ сочиненіями Франдзи и Дуки.

Итакъ, передъ окончательною утратой Цареградомъ его политической самостоятельности, просвѣщеніе не только не пришло въ упадокъ подобно самому государству, но даже разцвѣло послѣднимъ цвѣтомъ, какъ это доказываетъ рядъ названныхъ лицъ, оставившихъ вмѣстѣ съ тѣмъ драгоцѣнное свидѣтельство о пережитомъ ими плѣненіи роднаго города.

Но такъ какъ гибель Византіи имѣла не только мѣстное, но и всемірное значеніе, такъ какъ ея послѣдствія несла вся Европа и въ особенности государства, непосредственно связанныя въ своихъ

интересахъ съ бытіемъ Цареграда, то и въ историческихъ памятникахъ другихъ народовъ нашло свой отзвукъ это событіе, отзвукъ особенно сильный въ италянскои и русской литературѣ, въ силу исконныхъ тѣсныхъ отношеній, существовавшихъ между этими національностями и Византіей.

Выяснивъ такимъ образомъ причины относительнаго обилія матеріала для изученія фактической стороны осады и взятія Константинополя турками въ 1453 г., и переходу къ ближайшему разсмотрѣнію каждого изъ этихъ источниковъ въ отдѣльности, раздѣливъ ихъ на группы, для внѣшняго удобства, по національностямъ.

I.

Источники греческіе.

1. Франдзи.

Однимъ изъ главныхъ источниковъ для изученія исторіи послѣднихъ дней Византіи являются анналы Георгія Франдзи, на основаніи которыхъ можно было бы возстановить также и полную біографію автора,—до того часто, много и охотно говоритъ онъ о своей жизни и дѣятельности. Для насъ довольно знать, что Франдзи былъ очевидцемъ описываемыхъ событій, ходъ которыхъ онъ могъ знать, какъ никто, вслѣдствіе своей близости ко двору по званію протовестіарія и дружбы съ императоромъ Константиномъ, скрѣпленной общимъ воспитаніемъ и воспоминаніями дѣтства. Вся жизнь Франдзи прошла въ многообразной и полезной для государства службѣ, сопряженной съ дальними путешествіями, опасностями, плѣномъ и другими невзгодами. Переживъ гибель роднаго города, поруганіе вѣры, смерть императора и друга, разсѣяніе и позоръ своей семьи, удрученный годами, Франдзи нашелъ успокоеніе въ монастырской кельѣ, въ тиши которой онъ описалъ видѣнныя и оплаканныя имъ событія оὔτε πρὸς χάριν οὔτε πρὸς φθόνον, ἀλλ' ἱστορίας μόνον χάριν: безъ пристрастія, безъ ненависти, единственно ради исторіи. Но чувство, наполнившее его душу, сказывается невольнo: все сочиненіе проникнуто любовью къ дому Палеологовъ, стоявшему во главѣ Византіи, въ особенности же къ послѣднему императору-герою, для восхваленія котораго онъ не находитъ достаточно словъ. Говоря о самыхъ порочныхъ и неспособныхъ императорахъ, Франдзи не только не про-

износить ни одного слова осужденія, на что такъ щедръ другой историкъ той же эпохи, Дука, но напротивъ старается даже смягчить въ своемъ разказѣ рѣзкость самихъ фактовъ. Въ самомъ жгучемъ вопросѣ своего времени, въ вопросѣ объ уніи, одного имени которой было достаточно для того, чтобы въ сердцахъ ея противниковъ и сторонниковъ разгорались самыя бурныя чувства, Франдзи сумѣлъ сохранить безпристрастіе, не осыпая упреками ни той, ни другой стороны въ отличіе отъ остальныхъ соотечественниковъ. Хотя вся его любовь и расположеніе принадлежали противникамъ уніи, тѣмъ не менѣе, руководимый сознаниемъ ея политической необходимости, онъ считалъ нужнымъ уступить силѣ обстоятельствъ, покорившись папѣ въ чаяніи спасенія отъ другихъ враговъ, и въ этомъ шелъ такъ далеко, что предлагалъ императору сдѣлать патріархомъ кардинала Исидора, знаменитаго сторонника уніи еще на Флорентійскомъ соборѣ (Phg. 326, с. 16). Не смотря однако на свою вѣротерпимость, Франдзи всегда оставался православнымъ, и чувство привязанности къ греческой церкви, убѣжденности, что исповѣданіе ея есть единое истинное, только росло подъ вліяніемъ пережитыхъ бѣдствій.

Предпринявъ по просьбѣ жителей острова Корфу описаніе событій, очевидцемъ которыхъ онъ былъ, Франдзи начинаетъ свое повѣствованіе краткимъ введеніемъ въ видѣ исторіи дома Палеологовъ (1261 — 1410), опираясь въ разказѣ на показанія какъ современниковъ, такъ и лѣтописцевъ (1—65 ст.). Отъ этого введенія Франдзи рѣзко отдѣляетъ главную часть сочиненія, основанную на личномъ знакомствѣ съ событіями. Я намѣренъ, говоритъ онъ передъ нею, разказать о важныхъ достопамятныхъ событіяхъ, совершившихся отъ 1410—1486 года... что хорошо мнѣ извѣстно вслѣдствіе моего возраста¹⁾; и затѣмъ онъ подробно излагаетъ ту послѣдовательность, которую намѣревается соблюдать въ сочиненіи²⁾.

¹⁾ Ταῦτα οὖν διὰ τὸ τῆς ἡλικίας μου ἐντελὲς καλῶς καὶ ἀκριβῶς εἰδότες. Phg. 67.

²⁾ Вотъ она: Phg. 65. Я намѣренъ разказать о важныхъ и достопамятныхъ событіяхъ, совершавшихся отъ 10 до 86 года; я подразумеваю во первыхъ: прибытіе на западъ пяти сыновей Балзета: Мусульмана, Османа, Мозеса, Ессая, Мехмета и Юсуфа, принявшаго впоследствии христіанство подъ именемъ Дмитрія, о смерти въ Фессалоникахъ императора киръ Иоанна и о прибытіи туда сына его императора Мануила; о поставленіи тамъ государемъ сына его киръ Андроника; о смерти въ Спартѣ государя Θεодора Πορφυρογεννητοῦ; о пришествіи императора и брата его Мануила въ Πελοπόννησος. Я разкажу о смерти Мусульмана отъ руки его брата Мозеса, о трехлѣтней войнѣ его съ императоромъ Ма-

Въ дальнѣйшемъ же своемъ повѣствованіи Франдзи очень мало заботится о начертанномъ имъ планѣ разказа, который отнюдь не объимаетъ всего разнообразнаго содержанія аяналовъ, а лишь часть его, преимущественно I и II книги. Лѣтописи Франдзи представляютъ изъ себя не строго историческое сочиненіе, а скорѣе мемуары, въ которыхъ страннымъ образомъ историческіе факты переплетаются съ семейными воспоминаніями, а размышленія богословскіи (431—446, 329—378) смѣшиваются съ разсужденіями о физикѣ (378—383), политическіе акты (404) и письма (43, 44, 416—423) съ географическими описаніями, иногда чуть не баснословнаго характера (Phr. 207, 208, 209). По своей эпизодичности ¹⁾ сочиненіе Франдзи превосходитъ знаменитыя Музы отца исторіи, съ тою только разницею, что у нашего автора встрѣчается повтореніе, объясняемое легко его преклоннымъ возрастомъ, когда слабѣетъ память. Что касается до означеннаго въ предисловіи періода времени (1410—1487 гг.), то онъ, въ свою очередь, не совпадаетъ съ періодомъ, дѣйствительно описаннымъ Франдзи, и, кромѣ того, прямо противорѣчитъ помѣткѣ, сдѣланной на концѣ книги и относящей написаніе ея къ 1478; дѣйствительно послѣднее происшествіе въ разказѣ Франдзи относится къ 1477 году; единственное событіе болѣе позднее есть смерть Мехмета II, завоевателя Византіи (Phr. 95, стр. 11).

Вопросъ о времени написанія Франдзи его Аяналовъ, можетъ быть, долго не будетъ рѣшенъ окончательно ни въ ту, ни въ другую сторону, но главныя противорѣчія могутъ быть сглажены, благодаря тому обстоятельству, что трудъ нашего лѣтописца дошелъ до насъ въ двухъ редакціяхъ: одну мы необходимо должны предположить болѣе обработанною и потому болѣе позднюю, а другую — первоначальною,

---

иуиломъ и объ ослѣпленіи Орхана, сына Мусульмана въ Лариссѣ, о прибытіи съ востока на западъ брата его Мехмета, о возвращеніи Мехмета на востокъ, о новомъ его приходѣ во Фракію и Европу и о побѣдахъ его. Я скажу о смерти Мозеса, потомъ о смерти втораго сына императора Мануила, бывшей въ Монемавасіи и двухъ дочеряхъ его, и о рожденіи повелителя киръ Михаила, по смерти его отъ чумы. Я буду повѣствовать о смерти Дмитрія Целепы, сына султана Ваявета и брата султана Мехмета, и о рожденіи повелителя киръ Фомы.

¹⁾ (47—93) Исторія турокъ. (97—107) Исторія острова Крита. (140—144) Житіе св. Фоманды, тетки Франдзи. (189—190) Описаніе Оробуркіона. (294—302) Исторія Магомета и его первыхъ преемниковъ. (310—328) Полемика съ латинянами. (329—378) Полемика съ мусульманами. (379—383) О причинахъ грома, молній, землетресеній, появленій кометъ. (396—399) Исторія Монемавасіи. (431—446) Изъясненіе символа върш. (207—209) Приключеніи Еуршима.

представляющею погодный набросокъ, обширность котораго обуславливается отнюдь не относительною важностью событій (напримѣръ, взятію Византіи удѣленъ тамъ всего одинъ столбецъ), а личными соображеніями автора, очевидно намѣревавшагося развить сказанное вкратцѣ, а недостающее дополнить, какъ на основаніи личныхъ воспоминаній, такъ и показаній современниковъ, книжныхъ и устныхъ. Такое совмѣстное существованіе двухъ редакцій для насъ въ высшей степени важно, потому что изъ сличенія ихъ мы можемъ опредѣлить время написанія не только всего сочиненія, но въ главныхъ чертахъ и отдѣльныхъ эпизодовъ, а въ частности главы, посвященной осадѣ Византіи въ 1453 г. Если относить первоначальную редакцію къ 1477 году, такъ какъ годъ этотъ представляется естественнымъ предѣломъ разказа, тутъ и обрывающагося, то мы изъ этого необходимо должны вывести то заключеніе, что всѣ не встрѣчающіеся въ *Chronicon Minus* эпизоды суть позднѣйшее прибавленіе, сдѣланное между 1477—1488 годами, послѣдній срокъ дается вторымъ предисловіемъ; при семъ, не дѣлая особенно смѣлыхъ предположеній, мы можемъ сузить предѣлы до 1481 г., принимая во вниманіе, что позднѣйшее событіе, о какомъ встрѣчается упоминаніе, есть смерть Мехмета. Не смотря на то, что Франдзи находился въ ту пору въ очень преклонномъ возрастѣ, не смотря на то, что въ 1477 году здоровье его было потрясено опасною болѣзнью, послѣ которой онъ оставался нѣкоторое время полуслѣпымъ, полуглухимъ, по его собственному сознанію, мы тѣмъ не менѣе не имѣемъ основаній отвергать принадлежности ему второй дополнительной редакціи; на оборотъ, можно даже представить въ подтвержденіе такого предположенія нѣсколько доводовъ; самый сильный изъ нихъ состоитъ въ томъ, что въ *Annales* находится полное и подробное описаніе геройской обороны Византіи отъ турокъ, носящее на себѣ отпечатокъ, не допускающій даже малѣйшаго сомнѣнія относительно принадлежности Франдзи, который говоритъ о себѣ въ первомъ лицѣ и выставляетъ на видъ ту долю участія, какую онъ и самъ принималъ въ совершавшихся событіяхъ.

Конечно, вельзя совершенно отрицать, чтобы нѣкоторыя части сочиненія Франдзи не возбуждали извѣстной доли подозрѣнія своею законченностью, цѣльностью и обработкой, выдѣляющими ихъ изъ общаго тона повѣствованія лѣтописца,—точно ли лицо, писавшее то и другое, было одно и то же, нѣтъ ли тутъ позднѣйшихъ вставокъ и передѣлокъ; хотя бы, напримѣръ, эпизодъ, посвященный краткой исторіи турокъ отъ ихъ происхожденія до смерти султана Мех-

мета II. По крайней мѣрѣ, о половинѣ событій, здѣсь разказанныхъ, дальше повѣствуется еще съ большею подробностью, тогда какъ упоминаніе Мехметова похода на Караманъ встрѣчается лишь въ одной турецкой исторіи, хотя событіе это предшествовало осадѣ Византіи, почему и естественно было искать тамъ о немъ болѣе подробнаго повѣствованія. Но всѣ эти соображенія не такой силы, чтобы поколебать полную принадлежность анналовъ перу Франдзи, потому что при каждомъ почти сомнительномъ эпизодѣ существуютъ доводы, ослабляющіе причины сомнѣній. Напримѣръ, возьмемъ тотъ же эпизодъ о турецкой исторіи; корень ея, помоему, находится въ *Chronicon Minus*, гдѣ въ соотвѣтствующемъ мѣстѣ содержится перечисленіе турецкихъ султановъ, такъ что отсюда въ дальнѣйшемъ развитіи могъ возникнуть занимающій насъ эпизодъ. Точно также обработанность одной части сравнительно съ другою никоимъ образомъ не можетъ служить для какихъ бы то ни было заключеній, и вотъ почему: Франдзи, вообще, старался придать своимъ анналамъ болѣе совершенную форму, чѣмъ *Chronicon Minus*; самаго поверхностнаго сличенія достаточно для того, чтобы увидѣть разницу въ слогѣ, отдѣляющую одну редакцію отъ другой, но, конечно, онъ въ этомъ не вездѣ одинаково успѣлъ, ибо не во всѣхъ частяхъ работалъ съ одинаковымъ напряженіемъ.

Франдзи въ своемъ повѣствованіи, какъ я уже сказалъ, руководствовался не одними только личными воспоминаніями и свидѣтельствомъ лицъ, бывшихъ очевидцами событій¹⁾; источникомъ ему служило также письменное преданіе. Такъ, напримѣръ, въ первомъ предисловіи онъ слѣдовалъ Георгію Акрополитѣ (*Allatius, Diatriba de Georgiis*), и сокращеніе сочиненія Никифора Григоры, обнимающаго начальную исторію дома Палеологовъ, составляетъ содержаніе его первыхъ главъ (*Pontanus*).

Не смотря на всю разнородность содержанія, духъ сочиненія вездѣ одинаковъ. Удрученный горемъ и годами, изможденный болѣзнями, старикъ описываетъ со смиреніемъ и незлобіемъ, — плодомъ монастырскаго уединенія и пережитыхъ несчастій — все видѣнное и слышанное имъ на долгомъ поприщѣ его многообразной дѣятельности. Онъ да-

¹⁾ Τα μὲν ὑπὸ ἀξιολόγων καὶ σοφῶν συγγραφέων γεγραμμένα μέρος εἶδόμεν τὰ ἐξ ὑπ'ἀρχόντων τῆς βασιλικῆς βουλῆς καὶ αὐτῆς καὶ τῆς συλλήτου σοφῶν καὶ συνετῶν καὶ γηραιῶν ἀκούσαμεν. Напримѣръ, господара Дмитрія въ разказѣ о повзвѣдѣ императора во Флоренцію и Венецію.

лекъ отъ того, чтобы осыпать упреками латинъ или турокъ, цѣль его только возстановить честь императора, родины и греческаго православія, тѣмъ болѣе, что послѣднее находилось въ особенной опасности: съ одной стороны, латинны отторгали посредствомъ уни въ некоторую часть греческой церкви, съ другой—каждый день она несла потери въ лицѣ принимавшихъ мусульманство. При видѣ торжества ислама надъ христіанствомъ, торжества, достигнутаго лишь силою оружія, Франдзи старается пространно доказать неизмѣримое нравственное превосходство греческой вѣры, желая укрѣпить богословскими разсужденіями въ православіи своихъ соотечественниковъ.

Разказъ Франдзи о паденіи Византіи представляетъ наиболѣе цѣльную и обработанную часть его сочиненія. Помимо подробнаго и надежнаго повѣствованія о ходѣ осады, сочиненіе *φλαθηθούς* Франдзи, какъ его называетъ Паспати, имѣетъ то неоспоримое преимущество надъ другими источниками, что изъ него мы черпаемъ много свѣдѣній о закулисной сторонѣ дѣла, которая никому иному не могла быть извѣстна, кромѣ присныхъ императора.

Языкъ Франдзи не отличается ни чистотою формъ, ни изяществомъ выраженія, хотя въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, гдѣ авторъ говорить отъ глубины чувства, самый слогъ теряетъ свою валость и становится живымъ и сильнымъ, въ особенности вслѣдствіе цитатъ изъ Св. Писанія.

Изданъ Франдзи впервые въ латинскомъ переводѣ Понтана, въ началѣ XVII вѣка.

2. Критовулъ.

Въ числѣ важныхъ источниковъ для изучаемаго нами вопроса находится также исторія царствованія Мехмета II, написанная Критовулъ, съ острова Имвроса. Хотя самъ Критовулъ, принимавшій важное участіе въ событіяхъ своего вѣка, не могъ оставаться невѣдомымъ современникамъ, тѣмъ не менѣе ни у одного изъ византійскихъ писателей XV вѣка мы не находимъ указаній о его жизни и дѣятельности, и потому всѣ наши свѣдѣнія о немъ основываются лишь на томъ, что онъ говоритъ о себѣ самъ. Въ ту эпоху, когда турки готовы были овладѣть Византією, когда отношенія между двумя народами, не смотря на ихъ враждебность, были чрезвычайно тѣсны, часто встрѣчались люди, благопріятствовавшіе туркамъ изъ корыстныхъ разчетовъ. Когда же прекратилось самостоятельное су-

ществованіе Византіи и на Цареградскомъ престолѣ султаны смѣнили императоровъ, близкія сношенія побѣдителей съ побѣжденными стали еще болѣе необходимыми въ силу самыхъ вещей, при чемъ среди грековъ не только нашлось много лицъ, которыя подчинились новому порядку, сознавая свое безсиліе сопротивляться ему, но нашлись даже такія, которыя не замедлили направить къ своему личному благу общее бѣдствіе своихъ единовѣрцевъ, стараясь угодить новому повелителю, снискать его благоволеніе, для чего въ случаѣ нужды не затруднялись измѣнять своему православію.

Послѣдняго не приходилось дѣлать грехамъ, ученымъ и литераторамъ: въ ихъ рукахъ было иное средство расположить къ себѣ поклонника наукъ и искусствъ, славолюбиваго Мехмета, поставившаго своимъ идеаломъ Александра Великаго и зачитывавшагося (по свидѣтельству венеціанца Jacopo Langusto L. D. 6, 7) подвигами древнихъ героевъ въ исторіяхъ: Геродота, Квинта Курція, Ливія и др. Для снисканія милостей Мехмета нужно было увѣковѣчить его подвиги литературными памятниками, въ которыхъ передъ всѣмъ свѣтомъ выставлялась бы доблесть героя новаго времени. Къ числу такихъ лицъ принадлежитъ и авторъ исторіи Мехмета Критовуль, всегда стоявшій на сторонѣ турокъ и подъ конецъ захотѣвшій доказать свою преданность султану не одною только политическою, но и литературною дѣятельностью. Критовуль предвидѣлъ однако, какимъ нападкамъ подвергнется онъ, грекъ родомъ, выступая панегиристомъ исконнаго врага греческаго міра, поработителя Византіи, котораго другіе историки той же эпохи награждали нелестными эпитетами зловѣрнаго, безбожнаго, ненасытнаго онагра, коварнаго кровопійцы (Pusc. II 261 *τύραννος δυσσεβής, ἐχθρὸς πατριᾶρος, ἀντίχριστος, ὀλέτηρ τοῦ γένους ἡμῶν*). Чтобы оправдать себя въ глазахъ читателей (Посвященіе Мехмету и первыя три главы первой книги), Критовуль объясняетъ истинную цѣль и намѣреніе своего сочиненія: желаніе его возстановить непрерывность исторіи, которая, повѣствуя о подвигахъ древнихъ героевъ, ничего не говоритъ о событіяхъ новыхъ, хотя они по важности ни въ чемъ не уступаютъ древнимъ. „Какъ пала старая Византійская имперія и на развалинахъ ея воздвиглась новая, какъ старыхъ повелителей смѣнилъ новый, благодаря своимъ подвигамъ возобладавшій надъ половиною вселенной, объ этомъ хочеть говорить Критовуль, чтобы событія эти не вверглись въ пучину забвенія, но пребывали бы живыми въ народной памяти для назиданія потомства“. Писать объ этомъ можетъ онъ, не боясь упрековъ со стороны

грековъ, ибо нельзя же требовать отъ Византійской имперіи, чтобы она одна оставалась несокрушимой, когда все кругомъ разрушилось и измѣнилось: такова судьба людей. Всемирное господство перешло преемственно то къ ассирійцамъ, то къ мидянамъ и персамъ, то къ эллинамъ и римлянамъ, а послѣдніе, въ свою очередь, должны уступить его туркамъ. Не довольствуясь этими общими разсужденіями о бренности всего земнаго и измѣнчивости счастья, чѣмъ греки освобождаются отъ всякой вины въ происшедшемъ, Критовулъ въ свое оправданіе приводитъ примѣръ Іосифа Флавія, также описывавшаго гибель своего народа и подвиги поработителей его римлянъ.

Но относительно объясненій Критовула можно съ правомъ примѣнить французскую поговорку: *qui s'excuse s'accuse*. Въ самомъ дѣлѣ автору можно было бы повѣрить въ чистотѣ его намѣреній, еслибы онъ не обличалъ противнаго каждою своею строчкой. Онъ не только превозноситъ Мехмета за все то, что дѣйствительно могло возбуждать удивленіе среди современниковъ, но прибѣгаетъ даже къ искаженію или замолчанію фактовъ, если они не говорятъ въ пользу его героя; такъ напримѣръ, Критовулъ ни подсловомъ не обмолвился объ убіеніи Мехметомъ роднаго брата, о Бѣлградскомъ пораженіи, въ которомъ открыто признается Сандъ-еддинъ; онъ умалчиваетъ значеніе побѣдъ Скандербега и пр. Зная, чѣмъ польстить Мехмету, стремившемуся выставить себя преемникомъ Византійскихъ императоровъ, Критовулъ во всѣхъ случаяхъ называетъ его βασιλεύς, а не ἀμὴρᾶς какъ другіе источники. Правда, въ своемъ восхваленіи Мехмета Критовулъ не доходитъ до такой степени приниженія, до какой испускается другой панегиристъ побѣдителя Византіи, трапезунтскій грекъ Георгій Амируци, льстившій Мехмету, уже совсѣмъ забывъ о томъ, что существуетъ на свѣтѣ совѣсть (*Δελτίον τῆς ἱστορικῆς καὶ ἐθνολογικῆς ἐταιρίας τῆς Ἑλλάδος. Αθήν. 1885, τόμ. δεύτερος, 275—282 изв. Λαμπρός*), Амируци называетъ, напримѣръ, Мехмета, „сверкающею звѣздою, ослѣпительнымъ свѣточемъ, любителемъ образованности и поклонникомъ музъ, вitezемъ и царемъ еллиновъ“, или въ другомъ хвалебномъ гимнѣ онъ обращается къ Мехмету въ такихъ выраженіяхъ: „Великій царь царей, владыка, высочайшій изъ высочайшихъ ханъ, свѣтлое солнце, золотыми лучами своими ослѣпляющее все тебѣ подвластное, привѣтствую тебя (*χαίρε*), скипетродержатель вселенной, ибо если остались еще люди, гордящіеся своею силою, то и тѣ дрожа подчиняются твоему могуществу, потому что одинъ ты владыка на свѣтѣ, повелѣвающій всѣми земными царями; привѣтствую тебя, справедливѣйшій

изъ справедливыхъ государь, ты дорожишь лишь однимъ вѣнцомъ— вѣнцомъ справедливости, вознаграждая добрыхъ и наказуя злыхъ“. Въ третьемъ стихотвореніи Амируци торжественно заявляетъ, „что въ Мехметѣ чудодѣйственнымъ образомъ соединились мудрость, скромность (sic!), храбрость, отвага, милосердіе, справедливость, благотворительность, какого соединенія не встрѣчается ни въ одномъ другомъ смертномъ“¹⁾.

Такимъ образомъ Критовуль является не единственнымъ перебѣзчикомъ въ лагерь турокъ; такихъ перебѣзчиковъ на оборотъ было очень много. Это обстоятельство любопытно въ томъ отношеніи, что показываетъ намъ, какъ легко приняла турецкое завоеваніе часть Византійскаго общества и какъ понизились его нравственныя идеалы, если изъ среды его выходили такіе беззастѣнчивые слуги поработителей отечества. Къ чести Критовула нужно однако сказать, что онъ никогда не отзывается дурно о своихъ соотечественникахъ; въ его изображеніи сглаживаются даже тѣ застарѣлыя недуги, которые подтачивали изо дня въ день существованіе Византіи и заставили ее наконецъ рухнуть, не смотря на геройскую оборону ея защитниковъ. Въ изложеніи Критовула Византія является скорѣе монцою и сильною, чѣмъ разслабленною и одряхлѣвшею. виновныхъ въ ея паденіи нѣтъ, ибо всю вину авторъ сваливаетъ, благодаря своему историческому фатализму, на судьбу, избѣжать которой никто не можетъ.

Опредѣливъ степень безпристрастія автора въ изображеніи описываемыхъ имъ событій, посмотримъ теперь, въ какой мѣрѣ могъ онъ ихъ знать. Вотъ его подлинныя слова (Письмо къ султану, ст. 53): „Послѣ упорнаго труда составилъ я эту книгу, ибо самъ не присутствовалъ при событіяхъ и не зналъ точнаго ихъ хода, но я разспрашивалъ очевидцевъ и восстанавливалъ такимъ образомъ истину“. Не смотря на эти старанія, Критовуль не избѣгъ ошибокъ, въ особенности въ упоминаніяхъ именъ не греческихъ и не турецкихъ²⁾. Какъ бы въ замѣнъ того, близкое знакомство и связи среди вліятельныхъ турокъ дали Критовулу возможность сообщить нѣсколько свѣдѣній, какихъ мы не находимъ у другихъ историковъ, о томъ,

¹⁾ Нѣкоторые свѣдѣнія о жизни Амируци приводитъ *Λαμπρός* въ предисловіи къ изданію стихотвореній. Тамъ приведены и отзывы объ Амируци Критовула: Ст. IV, 9, 2, 3, который говоритъ съ большою похвалою объ умѣ и образованіи Амируци. Письмо о взятіи Трапезунта у *Migne*, т. 161.

²⁾ Джустиніани названъ Юстиномъ; вмѣсто Сербскаго краля Георгія—Лазарь, вмѣсто папы Каллиста II—его предшественникъ Николай V.

что дѣлалось въ турецкомъ лагерѣ. Таковы диспозиціи турецкихъ войскъ, имена военачальниковъ, описаніе экспедицій султана противъ Θерапіи, Студійской крѣпости и Принцевыхъ острововъ. Предметъ, который всего ближе извѣстенъ автору—это исторія острова Ивросса, въ которой Критовуль принималъ непосредственное и дѣятельное участіе. Когда его соотечественники боялись за свою судьбу послѣ паденія Византіи, Критовуль предложилъ имъ отправить посольство къ Мехмету, благодаря чему Ивроссъ сохранилъ свою независимость. Въ 1456 году Критовуль получилъ отъ султана тотъ же островъ въ управленіе и спасъ его для турокъ отъ венеціанскаго нашествія, случившагося въ слѣдующемъ году. Впослѣдствіи Критовуль не переставалъ играть выдающуюся роль въ исторіи Ивросса, постоянно держа сторону турокъ и оказывая имъ существенныя услуги. При его, напримѣръ, содѣйствіи острова Лемносъ съ Ивроссомъ подчинились Мехмету, который отдалъ ихъ тестю своему Дмитрію Палеологу, опять-таки не безъ посредства Критовула, который, безъ сомнѣнія, продолжалъ управлять островомъ Ивроссомъ отъ имени Палеолога, какъ раньше управлялъ отъ имени султана. Въ 1466 году, когда Ивроссъ былъ занятъ венеціанцами, пашъ историкъ удалился въ Византію, гдѣ и окончилъ свое сочиненіе въ періодъ времени отъ 1466—1470 гг., по остроумнымъ соображеніямъ Миллера. Дѣло въ томъ, что, во первыхъ, Критовуль описываетъ какъ очевидецъ чуму, свирѣпствовавшую въ Византіи въ 1467 году (доказательство, что онъ былъ тамъ), а во вторыхъ, онъ не говоритъ ни слова о побѣдѣ, одержанной турками надъ венеціанцами въ 1470 году, о чемъ онъ не преминулъ бы сказать къ вящему прославленію своего героя. О смерти его мы не знаемъ ничего; можетъ быть онъ и поступилъ въ монастырь на Леоппъ, какъ это говоритъ Тишевдорфъ ¹⁾, не приводя однако основанія для своихъ словъ. Исторія его кончилась на семнадцатомъ годѣ царствованія Мехмета, вѣроятно, потому, что султанъ не догадался поощрить Критовуловы занятія исторіею, а можетъ быть, и другія обстоятельства помѣшали окончанію его труда. Вѣрнаго сказать ничего нельзя.

Подводя итогъ сказанному о сочиненіи Критовула, мы видимъ, что о занимающемъ насъ вопросѣ о паденіи Византіи Критовуль пишетъ не какъ очевидецъ и съ заранѣе предвзятою цѣлью восхвалять своего героя Мехмета. Сравнительная отдаленность описываемаго со-

¹⁾ Notitia editionis codicis Bibliarum Sinaitici. Лейпцигъ. 1860.

бытія (14—17 лѣтъ), котораго притомъ авторъ не видѣлъ лично, порождаетъ неточности, въ особенности въ хронологіи, а пристрастіе и желаніе написать Мехмету панегирикъ заставляютъ иногда автора если не исказить факты совсѣмъ, то, по крайней мѣрѣ, придавать имъ иную окраску. Такіе общіе недостатки усугубляются еще формою изложенія: Критовулъ, подражая Фукидиду, изъ котораго онъ заимствуетъ цѣлымъ многіе обороты рѣчи, представляетъ и героя своего Мехмета чѣмъ-то среднимъ между Бразидомъ и Александромъ Македонскимъ. Въ уста Мехмета Критовулъ влагаетъ такія рѣчи, какія могли произносить только дѣятели Пелопоннесской войны, да и то пожалуй лишь въ воображеніи ихъ историковъ. Мѣстности и народы носятъ у Критовула не тѣ названія и имена, которыя они имѣли во время описываемыхъ имъ событій, а тѣ, какія носили въ древности, благодаря чему происходятъ новыя неточности, вслѣдствіе плохаго искусства автора приурочивать древнія имена къ новымъ: Монемазія, наприимѣръ, называется голоднымъ Епидавромъ.

Авторъ подражаетъ Фукидиду и въ языкѣ, но, не умѣя съ фукидидовскою свободою располагать богатствомъ греческаго языка, грѣшатъ многорѣчіемъ и однообразными, утомительными повтореніями однихъ и тѣхъ же оборотовъ, единственно вслѣдствіе желанія выразиться изящнѣе, чѣмъ можетъ. Когда же Критовулъ оставляетъ неудачныя попытки въ аттическомъ краснорѣчьи и обращается къ простому повѣствованію, тогда онъ умѣетъ придавать своей рѣчи ясность и стройность, устраняя въ то же время съ успѣхомъ латинскія и славянскія слова, обильно вкрашіяся въ греческій простонародный говоръ, и пользуясь съ послѣдовательностью формами и синтаксисомъ древняго языка, хотя ему все-таки не удается удержаться на одномъ чистомъ аттицизмѣ, а приходится употреблять въ дѣло не только іоническія, но даже и позднѣйшія реченія такъ-называемые *κοινὴς διαλέκτου*.

Издано сочиненіе Критовула Карломъ Миллеромъ въ пятомъ томѣ *Fragmenta Historiæ Græcorum* по рукописи, найденной въ Сераля. Къ изданію приложены описаніе самой рукописи и біографія съ оцѣнкой трудовъ Критовула. Подъ текстомъ находится по истинѣ монументальный комментарий, въ которомъ Миллеромъ сведены всѣ извѣстія современныхъ писателей, способствующія освѣщенію сочиненія Критовула, и оцѣнкѣ его, какъ историческаго источника. Имѣетъ большое значеніе и то обстоятельство, что Миллеръ употребилъ для этой цѣли Пускула, источникъ очень важный, которымъ пренебре-

гали однако византійскіе историки послѣ его издателя Еллисепа. Въ виду сказаннаго трудъ Миллера вмѣстѣ съ сочиненіемъ Heyd'a долженъ быть руководящею книгою для всякаго, изучающаго паденіе Византіи.

О Критовулѣ въ 1870 г. появилась живая и интересно написанная статья Ubicini, основаніемъ которой послужило изслѣдованіе Миллера (*Annuaire de l'Association pour l'encouragement des Etudes Grecques. 1871, стр. 49*). Убичини развиваетъ и дополняетъ слова Миллера, но попытки его читать между строкъ Критовула не всегда можно признать удачными.

3. Дука.

Другой историкъ той же эпохи Дука оставилъ разказъ о разореніи Византіи турками—въ своей *Historia Byzantina*. Дука былъ потомокъ знатной византійской фамиліи, но самъ въ Цареградѣ не жилъ, потому что еще дѣдъ его Михаиль принужденъ былъ покинуть родной городъ и бѣжать въ Малую Азію, въ Ефесъ, гдѣ и поселился навсегда. Съ тѣхъ поръ сынъ его и внукъ не возвращались въ Византію, перейдя на службу къ богатому и могущественному Гателузи, по дѣламъ котораго нашъ историкъ Дука отправлялся нерѣдко къ султану и визирямъ съ посольствами. Вотъ, въ краткихъ словахъ, тѣ немногія свѣдѣнія, какія мы почерпаемъ изъ малочисленныхъ упоминаній Дуки о самомъ себѣ (ст. 162, 165, 248, 257, 260, 287, 318, 321, 326, 328, 334, 337).

Сочиненіе Дуки распадается на двѣ неравныя части. Первая совершенно законченная и обработанная (съ 1 по 318 стр.) содержитъ въ себѣ разказъ о томъ, какъ сбылись мысли дѣда историка, бывшія въ то же время его собственными,—что „скоро вся Фракія до Дуная подчинится власти турокъ, и турки станутъ обладателями и повелителями ея, какъ недавно покорили еще Фригію и Малую Азію по волѣ Божіей, наказующей Византію за грѣхи ея“. Въ этой части, за краткимъ перечнемъ событій со времени Адама до 1341 года, слѣдуетъ подробная исторія событій отъ 1341—1453. Вторая, меньшая и хуже обработанная часть есть погодное изложеніе событій, предпринятое авторомъ не безъ колебанія, потому что онъ хотѣлъ сначала закончить свою Византійскую исторію паденіемъ самой Византіи, и только потомъ уже рѣшился продолжать свое сочиненіе въ надеждѣ, что ему еще придется описывать избавленіе роднаго города отъ власти

невѣрныхъ. См. Дис. 319 с. Трудно опредѣлить навѣрное время написанія исторіи Дуки; была ли сначала обработана первая ея часть и потомъ къ ней уже присоединена вторая, представляющая скорѣе сводъ замѣтокъ и записей, чѣмъ настоящую исторію, — или сочиненіе написано цѣликомъ послѣ 1462 года. Мнѣ кажется, что первое предположеніе вѣроятнѣе, ибо за него говоритъ какъ цѣльность и обработанность первой части, сравнительно со второю, мало отдѣланною, такъ и второе предисловіе, разбивающее все повѣствованіе на двѣ половини, неравныя по объему и различныя по содержанію, безъ котораго, конечно, могъ бы обойтись авторъ, еслибъ онъ писалъ сочиненіе цѣликомъ.

Точка зрѣнія, съ какой Дука смотритъ на совершившіяся событія, крайне враждебна Византіи и очень благопріятна Западу. Дука никогда не могъ простить Византіи, что дѣдъ его принужденъ былъ бѣжать изъ нея: съ злорадствомъ описываетъ онъ неспособность и раздоры Палеологовъ, когда имперія находилась на краю гибели; съ негодованіемъ изображаетъ пороки и упорство въ заблужденіяхъ народа, православіе котораго было противно его латинскому настроенію мыслей. Первый герой Дуки — императоръ Іоаннъ, сторонникъ Запада, принявшій унію; о послѣднемъ защитникѣ Византіи, императорѣ Константинѣ, который не любилъ въ душѣ Запада, Дука говоритъ, не воздавая должнаго ни его храбрости, ни его неутомимой дѣятельности ¹⁾. Что же касается Запада, то Дука рисуетъ самыми яркими красками геройство венеціанцевъ и генуэзцевъ, въ особенности вождя ихъ Джустиніани, самое удаленіе котораго послѣ раны въ рѣшительную минуту приступа, этотъ историкъ старается представить въ благопріятномъ видѣ, противорѣча многимъ другимъ источникамъ. Даже для недостойнаго поведенія Галаты, служившей одновременно туркамъ и византійцамъ, онъ находитъ оправданіе, для чего не стѣсняется подтасовывать факты.

Разказъ Дуки относительно самаго паденія Византіи отличается большою полнотою и картинностью, но, къ сожалѣнію, точность ея составляетъ его достоинства. На основаніи многихъ мѣстъ, гдѣ Дука

¹⁾ Дука говоритъ даже по поводу раны Джустиніани, что императоръ оробѣлъ и потерялся *ἐδολίσατο*, чего, во первыхъ, онъ и знать не могъ, а во вторыхъ, о чемъ говорятъ иначе другіе болѣе надежные источники, а въ уста императору влагаетъ предсмертныя слова: „Развѣ нѣтъ здѣсь христіанина, чтобы отрубить мнѣ голову?“

расходится съ свидѣтельствомъ самовидцевъ (хотя бы въ вопросѣ объ экспедиціи Коко, о послѣднемъ приступѣ), на основаніи того, что Дука, по его собственнымъ словамъ, собиралъ немедленно послѣ войны свѣдѣнія отъ очевидцевъ о ходѣ событій (287, 20: καὶ γὰρ ἐγὼ μετὰ τὸν πόλεμον ἐνέτυχον πολλοῖς καὶ διηγήσαντο μοῖ, πῶς φοβούμενοι τοὺς ἔμπροσθεν ἐσφάττομεν τοὺς προλαβόντας), мы можемъ заключить съ вѣроятностью, что авторъ не былъ въ Византіи во время ея паденія, иначе онъ обмолвился бы хоть словомъ о томъ, что случилось съ нимъ во время взытія города турками, какъ это дѣлаютъ свидѣтели событій: Франдзи, Леонардъ Хиосскій, Барбаро, Пускуль, Тедалди. Но съ другой стороны мы не можемъ отрицать того, что авторъ былъ въ окрестностяхъ Византіи въ теченіи зимы, предшествовавшей осадѣ ¹⁾.

Такимъ образомъ изъ сказаннаго слѣдуетъ, что сочиненіе Дуки, написанное по свѣжимъ слѣдамъ самаго событія, является важнымъ историческимъ источникомъ, но при пользованіи имъ не нужно упускать изъ виду точку зрѣнія, съ которой авторъ смотрѣлъ на лица и вещи. Въ частности, въ занимающемъ насъ вопросѣ Дука не можетъ быть авторитетнымъ свидѣтелемъ, какъ человѣкъ ослѣпленный пристрастіемъ къ однимъ и ненавистью къ другимъ. Изъ всей *Historiae Byzantinae* наибольшую полноту и точностью отличается разказъ о судьбахъ западнаго побережья Малой Азіи и острововъ Архипелага, исторія которыхъ совершалась на глазахъ самого дѣйствителя, наименьшею основательностію сообщенія о славянахъ и венгерской исторіи, которая извѣстна нашему автору только въ самыхъ общихъ и смутныхъ чертахъ. Писавшій языкомъ, запечатлѣннымъ сильнымъ вліяніемъ престонародной рѣчи, Дука въ этомъ отношеніи стоитъ ниже не особенно искуснаго аттициста Франдзи, но за то далеко превосходитъ послѣдняго литературною обработкой своего сочиненія, обладающаго относительно стройностью и свободнаго отъ эпизодическихъ вставокъ.

Editio princeps Bullialdi graece et latine Parisiis, 1649 повторено въ Венеціи 1729. Бонское изданіе 1834 съ краткимъ предисловіемъ Беккера, перепечаткой предисловія и комментарія Буллиалда; здѣсь же приложенъ открытый знаменитымъ Ранке италіанскій переводъ исторіи Дуки; переводъ этотъ, передавая текстъ въ нѣсколько со-

¹⁾ Дука говоритъ самъ о трупахъ экипажа корабля Ринцо 248,1: νεκροὺς, οὓς καὶ ἐγὼ εἶδον μεθ' ἡμέρας ὀλίγας ἐκεῖ διαγομένου μου (въ Дидимотихіи).

кращенномъ видѣ представляетъ любопытныя дополненія по вопросу о сношеніи Византіи съ Западомъ. Изданіе Беккера перепечатано у Migne, Patr. Graeca.

4. Леонардъ Хіосскій.

Письмо о паденіи Византіи, отправленное къ папѣ Николаю V Леонардомъ Хіосскимъ, архіепископомъ Митиленскимъ, спутникомъ и сотрудникомъ Исидора, митрополита Кіевскаго и всея Россіи, является для насъ однимъ изъ главныхъ источниковъ для изученія исторіи послѣднихъ дней Византіи. Донесеніе Леонарда пріобрѣтаетъ еще особую цѣну въ томъ отношеніи, что оно написано немедленно (26-го августа 1453 г.) послѣ страшнаго событія, всѣ подробности котораго были еще свѣжи въ памяти его свидѣтелей. Мѣстомъ написанія былъ островъ Хіосъ, куда спаслись всѣ избѣгшіе гибели и плѣна, и гдѣ Леонардъ могъ легко восстановить въ памяти то, что онъ забылъ, и провѣрить то, въ чемъ сомнѣвался. По самой своей роли въ совершавшихся событіяхъ, Леонардъ наиболѣе зналъ объ униі, которую онъ вводилъ вмѣстѣ съ Исидоромъ и которой въ своемъ донесеніи онъ отводитъ большое мѣсто. Въ минуту общей тревоги и ужаса, охватившихъ весь міръ при извѣстіяхъ о новыхъ побѣдахъ турокъ, о новыхъ потеряхъ христіанства, раздавались, конечно, голоса, обвинявшіе папу, который такъ недостойно допустилъ гибель Византіи. Такимъ людямъ Леонардъ старается доказать, что кара, постигшая Византію, вызвана не небреженіемъ и нерадѣніемъ папъ, а поразила грековъ за отступленіе отъ лона католической церкви и за притворное, неискреннее присоединеніе къ ней. Желая убѣдить весь міръ, что „non unio facta, sed unio ficta civitatem perdidit“, авторъ часто прерываетъ нить своего повѣствованія для богословскихъ споровъ и разсужденій; обличая греческія заблужденія, Леонардъ мрачными красками рисуется разложеніе общества, въ которомъ пало все: нравственность, честь, патріотизмъ, и осталось только упорство въ ошибкахъ, вызываемое не глубиною убѣжденія, а презырымъ самолюбіемъ.

Имѣя въ виду эту точку зрѣнія автора, нужно пользоваться съ осторожностью его повѣствованіемъ во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда оно, покидая борьбу грековъ съ турками, говоритъ объ отношеніяхъ Востока къ Западу.

Изданія: ,

Сигоніи Турсіогум, т. I, 315—356. Филиппъ Лолицеръ. Франкфуртъ. 1584.

Historia captae a Turca Constantinopolis, a Leonardo Chiensi. Rothing. 1544.

Leonardii Chiensis, Mitylenaei Archiepiscopi historia de urbis Constantinopoleos jactura captivitateque. Basil. 1562. Изд. Рейснера.

Patrologia Graeca, Migne, t. 159, p. 923, 944, исправленное издание по Ватиканской рукописи.

Atti della società Ligure di storia patria, t. XIII, 223—257.

И. И. Срезневскій указываетъ другой годъ Франкфуртскому изданію Леонарда: у него стоитъ 1578 и 1598.

5. Халкокондилъ ¹⁾.

Знатный аогнянинъ также разказываетъ о паденіи Византіи въ ἀπόδειξις ἱστοριῶν, повѣствующиѣхъ о ξυννευχθέντων, οὐδαμῆ ὡς ἐμοὶ δοκεῖ ἐλασσόνων τῶν κατὰ τὴν οἰκουμένην ποτα γενομένων μνήμης ἀξίων τῆς τε Ἑλλήνων φημί τελευτῆς τὰ εἰς τὴν ἀρχὴν αὐτῶν ἐπισομβεβηκότα καὶ Τοῦρκων ἐπὶ μέγα δυνάμεως καὶ ἐπὶ μεγίστων τῶν πόποτα γενομένων. Въ своей исторіи Халкокондилъ изображаетъ ростъ могущества турокъ на развалинахъ Византійской имперіи и царства османлисовъ отъ 1298—1463, когда разказъ вдругъ обрывается на побѣдѣ, одержанной Мехметомъ II надъ венеціанцами и венграми. Не смотря на то, что авторъ былъ проникнутъ величіемъ и мировымъ значеніемъ событій, описать которыя онъ считалъ себя призваннымъ, ему не удалось справиться съ своимъ предпріятіемъ. Отсутствіе стройности, происходящее отъ частныхъ отступленій, недостатковъ въ критической оцѣнкѣ приводимыхъ свѣдѣній, испорченный языкъ и вялое изложеніе служатъ признаками упадка, во времена котораго писалъ Лаоникъ Халкокондилъ. Достоверность разказа о самой осадѣ Византіи ослабляется, во первыхъ, тѣмъ, что авторъ не былъ очевидцемъ описанныхъ происшествій, а во вторыхъ, отъ общаго труда нельзя требовать особой отчетливости въ изображеніи подробностей. Сказаннымъ объясняется второстепенное значеніе исторіи Халкокондила въ

¹⁾ Самаго имени его мы не знаемъ въ точности вслѣдствіе разнородныхъ чтеній, даваемыхъ рукописями то Халкондилъ, то Халкокондилъ; по видимому, последнее чтеніе имѣетъ за себя болѣе основаній, во первыхъ, потому что оно дается какъ лучшую, парижскую рукописью, такъ и самимъ текстомъ, а во вторыхъ, потому, что изъ Халкокондилъ мы легко можемъ допустить возникновеніе чтенія Халкондилъ, посредствомъ сокращенія столь обычнаго при двухъ одинаковыхъ слогахъ.

ряду другихъ источниковъ, повѣствующихъ о послѣднихъ дняхъ Византійской имперіи.

Какъ вслѣдствіе важности своего предмета, такъ и вслѣдствіе вниманія, обращеннаго на него знаменитымъ византинистомъ Вольфомъ, Лаоникъ Халкокондилъ издалъ много разъ и въ подлинникѣ, и въ переводахъ. Латинскій переводъ его исторіи, сдѣланный въ 1556 году въ Базелѣ Конрадомъ Клаузеромъ и сибренный съ не изданнымъ переводомъ Филиппа Гундели, напечатанъ во Франкфуртѣ въ 1568 г., какъ продолженіе изданій Зонары, Никиты Акомината изъ Хонъ и Никифора Григоры, благодаря чему получалось „*Integrum totius byzantinae historiae corpus et omnibus prope numeris suis ac, solutum*“ ¹⁾ (слова Вольфа). Греко-латинскій текстъ напечатанъ въ 1615 г. въ Генуѣ. Парижское изданіе 1650 съ глоссаріемъ Фабро и съ выписками изъ турецкихъ источниковъ, сдѣланными Левенклау, повторено въ Венеціи, въ 1726 г. Боннское изданіе Беккера 1843 переиздано у Migne въ *Patrologia Graeca*, 159 томъ, 1866 года.

6. Θρήνος τῆς Κωνσταντινουπόλεως.

Авторъ сочиненія: Θρήνος τῆς Κωνσταντινουπόλεως остается неизвѣстнымъ, ибо предположеніе Коранса въ "Атахта, будто имъ могъ быть Еммануилъ Георгила, описавшій чуму въ Родосѣ, не имѣетъ за собою сколько-нибудь прочныхъ основаній, какъ это доказано съ полною убѣдительностью ²⁾ Еллисеномъ въ его *Analekten der mittel-und neugriechischen Literatur. Band III*, гдѣ помѣщенъ самый текстъ этого Плача. Тѣмъ не менѣе Егжеръ слѣдуетъ мнѣнію Коранса, противорѣча Джаванжу и Еллисену и не объясняя, какими соображеніями онъ при этомъ руководствуется. На мой взглядъ мы должны отказаться отъ попытокъ узнать имя автора, такъ какъ признаки, придаваемые имъ самимъ себѣ, слишкомъ общаго характера, для того чтобы бросать свѣтъ на его личность, памфлетно оставленную въ тѣни τοῦνομα μὲν οὐ γράφω τὸ δὲ διὰ τὴν πότις ξερῶν. Взамѣнъ того, благодаря изысканіямъ Еллисена выяснился время написанія Плача, приходящееся на пространствѣ трехъ лѣтъ отъ 1453 до 1456, что подтверждается слѣдующими соображеніями: во первыхъ, поэма эта упоминаетъ объ Іоаннѣ Гуніадѣ (526 стихъ), умершемъ въ 1456 году, еще какъ о находящемся въ живыхъ, воторыхъ, резиденціей сул-

¹⁾ Журн. Мин. Нар. Просв. 1837, ч. ССL, отд. 2. стр. 239.

²⁾ Стр. 12 и 13.

тана называется Адрианополь (749 и 782 стихи). (Какъ извѣстно Мехметъ перевезъ свое мѣстопробываніе въ Константинополь только на третій годъ послѣ его взятія). Папою, къ которому обращается авторъ, могъ быть или Николай V, или Каллисть III (1447—1455, 1455—1458). Оба они съ одинаковымъ усердіемъ и одинаковою безуспѣшностью проповѣдывали крестовый походъ противъ турокъ. Кораясь склоняется видѣть здѣсь Пія II, которому дѣйствительно хотъ отчасти удалось привести въ исполненіе тѣ проекты крестоваго похода, за которые онъ ратовалъ, бывши еще кардиналомъ; но мы должны отказаться отъ мнѣнія Кораяса на томъ основаніи, что понтификатъ Пія II относится ко времени болѣе позднему, нежели написаніе самой поэмы. Цѣль Плача подвигнуть на помощь поработенному востоку христіанскій западъ (468: *ἄλλος μᾶς θέλει φάγῃν*), которому также грозятъ опасность со стороны Мехмета. Авторъ поочередно обращается ко всѣмъ народамъ и государямъ Европы, призывая ихъ на помощь угнетенныхъ единовѣрцевъ. Единство поэмы постоянно нарушается отступленіями и повтореніями, благодаря которымъ и безъ того длинное произведеніе становится еще длиннѣе безъ всякой пользы и нужды. Въ изложеніи мы видимъ не только отсутствіе поэтическихъ образовъ, но даже сноснаго языка. Не смотря на это, авторъ берется за перо, чтобъ излить свой ужасъ и отчаяніе и возбудить состраданіе къ несчастіямъ Византіи среди народовъ Европы. Благодаря глубокому чувству, его одушевлявшему, вопреки своей бездарности и литературному неумѣнью, авторъ достигаетъ своей цѣли: читателя трогаетъ въ такой же мѣрѣ бѣдствіе Византіи, какъ безпомощность и неумѣлость пѣвца ея паденія. „Rien n'est triste et navrant comme ce criх d'une nationalité souffrante“ ¹⁾. Его описаніе, переносящее читателей въ среду пострадавшихъ отъ ужасовъ паденія Византіи, болѣе способно тронуть сердца, чѣмъ всѣ искусственныя цвѣты краснорѣчія, рассыпаемые въ рѣчахъ Энея Сильвія и Виссаріона. Авторъ въ своемъ произведеніи держится по возможности безпристрастной точки зрѣнія. Онъ признаетъ господство папы, къ которому обращается за помощью. Но въстѣ съ тѣмъ онъ далекъ отъ того, чтобъ осыпать упреками своихъ несчастныхъ соотечественниковъ за ихъ ереси и пороки, какъ это дѣлаютъ Дука и Леонардъ Хиосскій. Значеніе *Ἐρῆνος*, какъ историческаго источника для изученія взятія Византіи турками, стоитъ невысоко; авторъ мало гово-

¹⁾ Выраженіе Эгжера.

рить о ходѣ осады, останавливаясь главнымъ образомъ на ужасахъ, сопровождавшихъ самое паденіе. Изъ сообщаемыхъ свѣдѣній нѣкоторыя неосновательны, а нѣкоторыя прямо баснословны, какъ, напримеръ, разказъ о судьбѣ императора Константина. Только два важныхъ свидѣтельства дастъ намъ авторъ *Ἐρῆνος*: вопервыхъ, сообщая общее число турецкихъ войскъ, при чемъ количество солдатъ, выставляемыхъ каждымъ округомъ, опредѣляется съ точностью, во вторыхъ, указывая на непрочность турецкаго господства во вновь завоеванной странѣ. По словамъ „Плача“, стояло только появиться западнымъ войскамъ, какъ въ Македоніи, Фракіи, Елладѣ возникнетъ возстаніе, и крестоносцы пайдуть прочную поддержку въ христіанскихъ подданныхъ турокъ. Подобная мысль впоследствии возникала неоднократно у лицъ, предпринимавшихъ походы противъ турокъ. Какъ извѣстно, знаменитый Ласкарисъ былъ посланъ на Балканскій полуостровъ съ тѣмъ, чтобы тамъ разузнать настроеніе христіанъ.

Отъ внутренняго содержанія *Ἐρῆνος* обратимся къ формѣ, въ какую оно облечено. Поэма эта, какъ и всѣ политическіе стихи, написана ямбическимъ каталектическимъ триметромъ, но автору не удалось выдержать схему взатаго размѣра; многочисленныя отступленія и нарушенія правилъ метрики до такой степени уродуютъ стихъ, что иногда онъ съ трудомъ поддается скандировкѣ, а языкъ, представляющій чистую *ρωμαϊκά*, дѣйствуетъ на читателей утомительно своею безжизненностью, растянутостью и отсутствіемъ яркихъ поэтическихъ образовъ. Авторъ такъ далеко отстоитъ отъ писателей, стремившихся формою изложенія и чистотой слога не уступать древнимъ, что даже трудно предположить въ немъ литературное образованіе. Не могъ же онъ одинъ писать нарочно народнымъ языкомъ, когда всѣ его современники стремились подражать *Θουκιδиду* и другимъ столпамъ аттическаго краснорѣчія. Да и познанія его въ исторіи, на сколько мы можемъ видѣть, были не велики. Нѣсколько упоминаній объ Иракліѣ, Юстиніанѣ—и только. Единственно, гдѣ авторъ является сильнымъ—это въ перечисленіи народовъ и государствъ Европы, которые ему извѣстны почти всѣ, за малыми лишь исключеніями.

Для описанія разграбленія Византіи, помимо другихъ источниковъ, можетъ служить *Mathaei Samogiotae de Constantinopoli capta narratio lamentabilis*. Камаріота, извѣстный риторъ и философъ своего времени, родомъ изъ *Θεσσαλονικῆς*, былъ сыномъ священника, погибшаго во время паденія Византіи. Кромѣ этого письма о плачевной участи Цареграда, переписаннаго риторомъ *Ζιγομάχοιο* въ его сочиненіи о

пораженіяхъ и опасностяхъ Византіи (Крузе, Туркогречія I, 76), отъ того же автора сохранились еще Synopsis риторической и восхваленіе трехъ іерарховъ Василя В., Григорія и Златоуста. Затѣмъ Камаріотѣ приписываются сохранившіяся въ рукописи сочиненія *Mathaei Monachi et presbyteri Thessalonicensis de divina gratia et lumine adversus eos, qui creaturam dixere* и *Tractatus de eis, qui spuria et aliena docent in ecclesia. Narratio lamentabilis* напечатана у Migne, т. 160, стр. 1059. Монодія о паденіи Византіи, составленная Андроникомъ, сыномъ Каллиста, замѣчательна не только со стороны литературной, но также и со стороны исторической. Помимо картины разоренія и опустошенія, которую представляла Византія, захваченная турками (что мы можемъ найти и въ другихъ источникахъ), мы находимъ тамъ описаніе стѣнъ, зданій и красоты Цареграда до его паденія. Самъ Каллистъ по свидѣтельству современниковъ обладалъ почти универсальнымъ знаніемъ и истиннымъ красворѣчіемъ. Знаменитый Филельфо жалѣлъ, напримѣръ, что ему не удалось найти въ Византіи такого учителя. Жизнь свою, исполненную страстей, Андроникъ кончилъ во Франціи. Кромѣ монодіи на паденіе Византіи, ему принадлежатъ два трактата въ защиту философіи Платона и похвала Георгію Палеологу. Изданы всѣ они у Migne, т. 161, стр. 1131.

Γεωργίου Ἀμυρόζη Ποτήματα, напечатанныя Лампромъ въ *Δελτίον τῆς ἱστορικῆς καὶ ἐθνολογικῆς ἐταιρείας*. 1885, 2-й томъ, и его же письмо о разореніи Трапезунда (Migne, 161 томъ), любопытны не въ томъ отношеніи, что сообщаемая авторомъ характеристика султана истинна; на оборотъ, эта грубая лесть далека отъ правды, но самое появленіе подобныхъ хвалебныхъ сочиненій знаменательно, какъ доказательство того, съ какою легкостью часть византійскаго народа склонилась подъ турецкое ярмо.

По вопросу объ униі, исторія которой находится въ такой связи съ паденіемъ Византіи, мы имѣемъ источники въ изобиліи; для насъ въ особенности важны тѣ изъ нихъ, которые проливаютъ свѣтъ на отношеніе византійскаго народа къ униі; таковы сочиненія знаменитыхъ поборниковъ православія Марка Ефесскаго (Migne, *Patrologia graeca*, т. 160, стр. 1071 seq.), Георгія Столарія (Migne, т. 160, стр. 1 seq.), а также противниковъ ихъ—Виссаріона Никейскаго и Іоанна Плузіадина (первый въ 161 т. Migne, а второй—т. 159 стр., 957 seq.). Сюда же примыкаютъ *Κύριον Μανουὴλ τοῦ μεγάλου ρήτορος περὶ Μάρκου τοῦ Ἀγιοτάτου μητροπολίτου Ἐφέσου καὶ τῆς ἐν Φλωρεντίας συνόδου καὶ περὶ Γεμιστοῦ καὶ Βησσαρίωνος καὶ ἀνατροπῆ τῶν δυσσεβῶν συγγραμμάτων αὐτῶν*

(напечатано пр. Троицкимъ въ Христіанскомъ Читеніи 1886 г., т. II, стр. 102 сл.). Сочиненіе это, выражая воззрѣнія византійскаго общества на унію, даетъ любопытную характеристику главныхъ дѣятелей Флорентійскаго собора. По вопросу о смерти Луки Нотары имѣетъ значеніе *Ἰωάννου τοῦ Μόσχου λόγος ἐπιτάφιος ἐπὶ τῷ Δουκῇ Νοταρῷ*, изданный въ *Δελτιὸν τῆς ἱστορικῆς καὶ ἐθνολογικῆς ἐταιρίας τῆς Ἑλλάδος* 1887 г., т. II, стр. 413—424.

II.

Источники италіанскаго происхожденія.

Источники, проливающіе свѣтъ на исторію послѣднихъ дней Византійской имперіи, происхожденіемъ своимъ связанныя съ Италіей раздѣляются на двѣ неравныя группы, изъ которыхъ первую составляютъ памятники документальнаго характера, тогда какъ вторую образуютъ повѣствованія, основанныя какъ на личномъ знакомствѣ, такъ и на разказахъ очевидцевъ. Къ первой менѣе многочисленной принадлежатъ слѣдующіе памятники: Договоръ Мехмета II съ Галатой, содержащійся впрочемъ въ хроникѣ Долфина, помѣщенъ въ III томѣ *Acta et Diplomata Graeca* Миклошича на стр. 287 сл.; въ 13-мъ томѣ *Atti della società Ligure di storia patria*, fasc. primo, 226 и сл. Genova. 1884.

Письма подести Галаты Ломеллино (*Atti*, XIII. 229—233, *Notices et extraits* XI, 75—79, par Sacy) и Джустиніани, который былъ назначенъ генуезскимъ сенатомъ заступить мѣсто Ломеллино, но не успѣлъ сдѣлать этого по случаю взятія Византіи турками (письмо его помѣщено въ *Atti*, VI, 19—21). Въ XIII же томѣ актовъ важныя документы (стр. 222) относительно тревожныхъ вѣстей, приходившихъ изъ Византіи въ Геную въ 1452 году, и посланіе генуезскаго сената къ королю Арагоніи по поводу коалиціи противъ турокъ (стр. 224—226). Тамъ же помѣщены указы сената, коими Ломеллино и Джустиніани назначались на свои должности (стр. 224). Изъ источниковъ, напечатанныхъ у Migne (т. 160, стр. 1201 sqq.), достойны вниманія *Nicolaï Quinti Pontificis Maximi ad Constanti um Romanorum imperatorem epistula de unione ecclesiarum*.

Изъ болѣе крупныхъ источниковъ италіанскаго происхожденія обращаетъ на себя вниманіе извѣстіе, полученное архіепископомъ Авиньонскимъ о паденіи Византіи, какъ потому что оно, не смотря

на свою важность и давнее появленіе въ печати, не привлекалось въ должной степени изслѣдователями при изученіи конца Восточной имперіи ¹⁾, такъ и потому, что взаимное отношеніе трехъ существующихъ редакцій не выяснено въ той мѣрѣ, въ какой это представляется желательнымъ.

Первая редакція на латинскомъ языкѣ напечатана Martin и Durand въ V томѣ *Collectio amplissima* (786 sq. Парижъ. 1729), вторая, французская, составляетъ ввѣдную часть въ *Histoire de Charles VII par Chartier sous-chantre de S. Denys, mise en lumière par Denys Godefroy*, и наконецъ третья, также на французскомъ языкѣ, извлечена Лефевромъ изъ Камбрейскаго архива (*La prise de Constantinople, recit des deux marchands florentins. Revue des Sociétés Savantes, 2-me serie, VIII, 500—505*).

Самаго поверхностнаго сличенія этихъ источниковъ достаточно для того, чтобы на основаніи тождественности ихъ содержанія убѣдиться въ однородности ихъ происхожденія, а при болѣе тщательномъ изслѣдованіи является даже возможность, если не возстановить съ полною точностью ихъ взаимныя отношенія, то во всякомъ случаѣ отдѣлить оригиналъ отъ позднѣйшихъ передѣлокъ и переводовъ. *Tractatus de exurgatione urbis Constantinopolitanae*, превосходя остальные редакціи какъ по точности сообщаемыхъ свѣдѣній, облеченныхъ вмѣстѣ съ тѣмъ и въ болѣе совершенную литературную форму, такъ и по времени своего возникновенія непосредственно за описываемымъ событіемъ, послужилъ безъ сомнѣнія первоисточникомъ, изъ котораго путемъ передѣлокъ и переводовъ возникли позднѣйшія французскія редакціи, потому что признать ихъ оригинальными нельзя въ силу слѣдующихъ соображеній: во первыхъ, трудно допустить, если не умѣние, то по крайней мѣрѣ желаніе со стороны флорентинца писать по французски въ то время, когда переписка, въ особенности дипломатическая, велась по латыни; вовторыхъ, въ пользу того же самаго говоритъ и болѣе позднее ихъ происхожденіе, которое доказывается приложеннымъ къ нимъ и отсутствующимъ въ *tractatus* письмомъ Мехмета II къ папѣ.

Впрочемъ представляясь въ главныхъ чертахъ тождественными по содержанію и согласными въ порядкѣ изложенія, редакціи эти въ

¹⁾ О немъ говоритъ вскользь Heud, который впрочемъ и не задается цѣлью дать полную картину осады и взятія Византіи турками. Цитуетъ его и Васть, но извлекаетъ однако ничего существеннаго для пополненія своего разказа.

нѣкоторыхъ случаяхъ расходятся не до такой однако же степени, чтобы возникающія разнорѣчія не могли быть примирены безъ вреда для предположенія объ ихъ единствѣ. Таковъ именно вопросъ объ авторѣ. Лицо, писавшее *tractatus de expugnatione urbis Constantinopolitanae* говоритъ про себя въ послѣсловіи: *Ego igitur Simon de Ympegem hanc certificationem scedulam domino cardinali Avinionensi transmissam per Franconem de Twayr ad finem usque produxi in civitate Pisiensi in monasterio beati Ioannis Lateranensis anno domini 1453 in solemnitate Purificationis Mariae Virginis.* Кто же былъ авторъ? Импегемъ ли, подписавшійся подъ этимъ донесеніемъ, или другое лицо? Но Импегемъ монахъ, по видимому, не былъ въ стѣнахъ Византіи во время разоренія ея турками, иначе это обнаружилось бы въ разказѣ. Между тѣмъ повѣствованіе носитъ несомнѣнный характеръ личнаго свидѣтельства, и его авторъ не принадлежитъ къ духовному званію, потому что разказываетъ о грекахъ, не раздражаясь по ихъ направленію упреками, подобно папистамъ Ленарду и Пускулу. Если усомниться разъ въ авторствѣ Импегема, то всего естественнѣе приписать разбираемыя сочиненія флорентійцу Тедалди, какъ потому что онъ является въ разказѣ дважды дѣйствующимъ лицомъ и притомъ сразу съ эпитетомъ *graepominatus*, хотя раньше о немъ не было никакой рѣчи, такъ и потому, главнымъ образомъ, что сходныя по содержанію французскія редакціи его именно называютъ своимъ авторомъ. Что касается до Импегема, то ему могла принадлежать литературная обработка и переводъ сказанія на латинскій языкъ, послѣ чего уже оно и было отправлено къ кардиналу Авиньонскому для пропаганды крестоваго похода противъ турокъ, какъ это можно заключить изъ 24 и 25 главы, гдѣ говорится о необходимости всеобщаго европейскаго союза противъ непомерно возросшаго могущества Мехмета II.

Если не подлежитъ сомнѣнію, что изъ трехъ существующихъ редакцій оригинальнымъ нужно признавать только латинскій *tractatus de expugnatione urbis Constantinopolitanae*, то съ другой стороны, возможны значительныя разногласія относительно тѣхъ способовъ, какими на его почвѣ возникли французскія *Relation* (въ хр. Шартъэ) и *Recit des deux marchands* (*Revue d. Soc. Sav.*). Казалось бы самымъ естественнымъ предположить, что *tractatus*, введенный сначала въ хронику Шартъэ, появился потомъ отдѣльно; но, такимъ образомъ, останется не объясненною значительная разница въ языкѣ обѣихъ французскихъ редакцій, изъ которыхъ *Recit* сохранился въ очень

испорченномъ видѣ, что особенно замѣтно въ искаженіи собственныхъ именъ, при чемъ вмѣсто Тедалди стоитъ Deceldy ¹⁾). Допустить ли самостоятельное параллельное возникновеніе на почвѣ tractatus и Recit, и Relation? Тогда какое объясненіе дать тому обстоятельству, что то и другое помѣщаютъ одинаково письмо Мехмета II? Сказать ли, что Recit предшествовалъ Relation по времени, но этому противорѣчить сжатость изложенія и испорченность языка, мѣшающія видѣть въ немъ источникъ для Шартъе. Остается, на мой взглядъ, одно: вывести обѣ французскія редакціи изъ третьей, утраченной, въ основу которой легъ не только текстъ tractatus съ припиской имени автора, но также и письмо Мехмета къ верховному первосвященнику.

Хотя Лефевръ, издатель Recit, упомянувъ вскользь о существованіи въ камбрѣйской рукописи посланія завоевателя Византіи къ папѣ, не счелъ даже нужнымъ помѣщать его, считая завѣдомо апокрифическимъ, тѣмъ не менѣе отъ одного голословнаго утвержденія вопросъ еще далеко не представляется разрѣшеннымъ. Конечно, съ формальной стороны можетъ быть выставлено противъ подлинности памятника то искаженіе, какому въ немъ подверглись не только собственные имена, но даже самая дата (840 гиджра), по которой, письмо должно относиться къ 1441 г. послѣ Р. X., когда Мехметъ не вступалъ еще на престолъ. Но если, съ другой стороны, обратиться къ внутреннему содержанію письма, то оно даетъ несомнительныя свѣдѣтельства подлинности, конечно, не французскаго испорченнаго пе-

¹⁾ Tractatus.

Quadam vero pars (erat munita) ad modum Hungorum seu quorundam aliorum bellatorum pileis ferreis, quos galeas vocamus, sese tuebantur et ballistis arcibus, gladiis et diversi generis instrumentis defendere se videbantur. Residua vero pars ejusdem diabolici exercitus erat fere inermis hoc excepto quod quidam scuta ferebant aut peltas aut umbones, quorum multi erant mercatores...

Relation.

Et aucuns (avoient armes) à la guise de Bulgarie autres en autres façons et aucuns avoient chapeaux de fer et aucuns avoient arcs et crenequins. Les autres gens de faict étoient pour la plupart sans armes excepté qu'il avoient targes et targettes ou cimenterres, qui sont manière d'espés à la Turquie...

Recit.

Les aultres (étoient armes) à guise de Hongrie de coppiaux de fer et de crenequins et s'en y avoit sans armes, qui n'avoient fors targes et épés et tout le remenant qui suivoient pour gagner...

ревода, а оригинала, не дошедшаго до нашихъ дней. Впервыхъ, товѣ изложеніи, переполненнаго реминисценціями изъ классическихъ авторовъ, вполне соотвѣтствуетъ тому представленію о побѣдителяхъ Византіи, какъ о поклонникѣ древности, какое сложилось на основаніи согласныхъ показаній современниковъ. Вовторыхъ, заключающіяся въ письмѣ историческія черты вполне соотвѣтствуютъ дѣйствительности, и втретьихъ, попытка Пія II обратить Мехмета въ христіанство, въ письмѣ открывавшаго ему заманчивыя картины безспорнаго и освященнаго церковью владычества надъ всѣмъ Востокомъ, могла имѣть своимъ основаніемъ не только слухъ объ уваженіи, съ какимъ относился побѣдитель Цареграда къ вѣроисповѣданію своихъ новыхъ подданныхъ, но также слова Мехмета о Христвѣ, *le quel il réputé d'avoir été un tres grand prophète* (Hist. de Charl. par. Chartier, 280). Что касается до времени, къ которому должно приурочить это посланіе, то опредѣлять его возможно только на основаніи данныхъ, содержащихся въ немъ самомъ. Цѣль письма устранивъ христіанъ отъ участія въ начинавшейся венеціанско-турецкой войнѣ, показавъ, что вмѣшательство это не только неосновательно, такъ какъ, по мнѣнію Мехмета, у той и другой стороны не было причинъ къ взаимной ненависти, но вмѣствѣ съ тѣмъ сопряжено съ гибельными послѣдствіями для христіанъ, которые испытываютъ всю силу турецкой мести на поляхъ Италіи, подъ стѣнами самого Рима. Такимъ образомъ, время письма должно совпадать, впервыхъ, съ венеціанскою войной, а вовторыхъ, съ усиленными проповѣдями крестоваго похода противъ турокъ, какимъ годомъ всего удобнѣе счесть 1463, когда началась Венеціанская война (1463 — 1479), когда послѣ Мантуанскаго конгресса вслѣдствіе эпергической дѣятельности Пія II христіанскіе государи, казалось, были готовы соединить свои силы для крестоваго похода, составлявшаго вѣчный страхъ турокъ и надежду поработенныхъ ими народовъ. Къ тому же времени относится письмо Пія II къ Мехмету, которое нельзя не поставить въ связь съ разбираемымъ памятникомъ.

Вопросы о взаимныхъ отношеніяхъ редакцій, о подлинности или подложности письма Мехмета, конечно, очень любопытны, но въ какую бы сторону они ни были разрѣшены, отъ этого не умалится значеніе сказанія Теодали, какъ историческаго источника. Помимо своей полноты и точности, его свидѣтельства приобрѣтаютъ особую цѣну еще потому, что записаны въ то время, когда всѣ обстоятельства были свѣжи въ памяти автора-очевидца. Во всѣхъ почти слу-

чяяхъ сходствуя съ самыми надежными повѣствователями о разореніи Цареграда турками, источникъ этотъ не только подтверждаетъ, но и нерѣдко пополняетъ ихъ существеннымъ образомъ. Уступая Барбаро въ точности хронологическихъ показаній, сочиненіе Тедалди должно занять мѣсто рядомъ съ лѣтописью Франдзи.

Въ ряду сочиненій, описывающихъ паденіе Византіи занимаетъ важное мѣсто Constantīnopolis, поэма въ четырехъ пѣсляхъ, принадлежащая Убертину Пускулу изъ Брешии. Издана она впервые въ 1856 году въ III томѣ *Analekten der mittel und neugriechischen Literatur* Еллисеномъ, которому и послужило однимъ изъ источниковъ при изслѣдованіи вопроса о разореніи Цареграда турками въ его предисловіи къ этому тому. Но ни Краузе, ни Вастъ, занимавшійся впоследствии этимъ вопросомъ, не обратили вниманія на поэму Пускула, хотя она помѣщена въ одномъ томѣ съ *Ἐρῆνος*, упоминаемомъ ими не разъ. Впервые послѣ Еллисена воспользовался этимъ источникомъ Миллеръ и то лишь по столбу, по скольку Пускулъ служитъ поясненіемъ Кривовулу.

О жизни Пускула мы знаемъ очень мало. Родился онъ въ Италіи, въ Брешии занимался науками, для усовершенствованія въ которыхъ, подобно многимъ гуманистамъ, отправился въ Византію, гдѣ хранились сокровища древняго знанія, и попался въ плѣнъ туркамъ при взятіи ея. Онъ самъ говоритъ:

(IV пѣснь ковецъ) *Brixia me genuit civem: Ubertinum Puscula honesta
Gens tulit; haec ausus tulla, quae cecini
Me Constantini studiis urbs dulcis habebat
Cum cecidit bello; barbaro praeda fui.*

Освободившись изъ плѣна, Пускулъ вернулся въ свой родной городъ, гдѣ сдѣлался преподавателемъ греческаго языка. Современники удивлялись его дарованіямъ, утверждая, что „небо надѣлило его многими рѣдкими талантами, которыми онъ увѣковѣчитъ свое имя“.

У себя на родинѣ Пускулъ рѣшилъ воспѣть претерпѣнные имъ несчастія въ полной увѣренности, что событія, свидѣтелемъ которыхъ ему довелось быть, нимало не уступаютъ въ величіи сюжетамъ Вергилія и другихъ древнихъ поэтовъ ¹⁾. Пускулъ не рѣшается од-

¹⁾ *Puscul.*, I, 11: *Non antiqua canas jubeo, nam vidimus ipsi
Excindi magnum imperio belloque potentem
Sublatamque urbem insignem, manibusque cadentem
Teucrorum, quos ipsa prius subjecerat armis.*

нако идти самостоятельнымъ путемъ, избирая предметомъ подражанія того же Вергилія и отчасти Гомера; напримѣръ, въ перечисленіи войскъ султана ¹⁾ замѣтно сильное вліяніе Гомеровскаго каталога кораблей; еще дальше заходитъ нашъ поэтъ въ подражаніи Вергилію, изъ котораго онъ заимствуетъ не только отдѣльные вараженія и образы, но прямо цѣлые стихи. Самостоятельно же Пускулъ не создалъ ни одной художественной картины, не далъ ни разу удачнаго выраженія тому чувству горечи, какое невольно должно было возникать въ душѣ его при воспоминаніи о пережитыхъ страданіяхъ. Стихотворная форма, избранная авторомъ изъ подражанія древнимъ, не только не помогла ему стать поэтомъ, но даже способствовала затмѣненію многихъ историческихъ чертъ, какія мы нашли бы иначе въ его сочиненіи. Ради желанія, напримѣръ, вставить поэтическое мѣсто, заимствованное у другихъ, Пускулъ разказываетъ въ десятка къ стиховъ о ничтожномъ происшествіи, тогда какъ по неволѣ умалчиваетъ и упоминаетъ кратко о важныхъ происшествіяхъ, если они трудно укладываются въ стихъ. Замѣна новыхъ названій мѣстностей и народностей тѣми, какія почили онѣ въ древности, затрудняетъ пользованіе его богатыми географическими и этнографическими указаніями. Тѣмъ не менѣе, поэма Пускула какъ историческій источникъ имѣетъ важное значеніе, принадлежа перу человѣка, который принималъ непосредственное участіе въ описанныхъ имъ происшествіяхъ. Онъ самъ говоритъ о себѣ.

Haec ego dira canam, nam pars ego parvula quamvis
Exitii, raptusque locos invitus ad omnes
Praeda fui.

Pusc., I, 37.

У Пускула мы находимъ много такихъ историческихъ указаній, какіхъ нѣтъ въ другихъ источникахъ, въ особенности это можно сказать относительно вопроса объ униіи. Много разъ поэма Constantiopolis подтверждаетъ свидѣтельства другихъ источниковъ, стоявшихъ доселѣ одиноко. Все повѣствованіе вообще представляетъ полную и широко очерченную картину паденія Византіи и его причинъ. Авторъ однако не отличался безпристрастіемъ при составленіи этой поэмы, которую онъ, какъ ревностный католикъ, посвятилъ папѣ ²⁾.

¹⁾ Pusc. IV, 9.

Die mihi, Musa, quibus terris coire tot armis
Instructi varli populi tot dissona voce
Agmina in excidium Grajorum nominis unum.

²⁾ Pusc. I, 33—36.

Выставляя унию, какъ событіе неразрывно связанное съ разрушеніемъ Цареграда турками, Пускулъ смотритъ на все съ точки зрѣнія въ высшей степени враждебной грекамъ, которыхъ онъ обвиняетъ въ страстныхъ выраженіяхъ за ихъ лицемерное, недовѣрчивое отношеніе къ папѣ, вызвавшее неискренность и неохоту, съ какою Западъ въ свою очередь помогалъ Византіи. Ни одинъ изъ источниковъ не запечатлѣнъ въ такой мѣрѣ приторнымъ раболѣпствомъ передъ папою и нелюбовью къ византійцамъ. Теряя въ исторической правдѣ, поэма Пускула пріобрѣтала такимъ образомъ единство содержанія. Мысль, что Богъ покаралъ Византію за ея прегрѣшенія, а главное за схизму, развиваемая послѣдовательно во всемъ сочиненіи, придаетъ ему стройность и внутреннюю связь. Одно только заключеніе ни по своему содержанію, ни по объему не соотвѣтствуетъ ходу всего разказа, вслѣдствіе чего сочиненіе имѣетъ видъ какъ бы прерваннаго и не доведеннаго до своего настоящаго конца. Впрочемъ это можно объяснить и тѣмъ, что авторъ, по видимому, не успѣлъ придать окончательной отдѣлки своимъ стихамъ.

Изъ другихъ сочиненій Пускула извѣстны: „Видѣніе пророка Даниила“ и „Profetio praedicta de libello graeco vetustissimo“.

Въ числѣ источниковъ для описанія взятія Византіи турками можетъ служить также воззваніе *Universi Christi fidelibus* знаменитаго Исидора ех-митрополита Русскаго, кардинала Сабинскаго, а вслѣдствіи Греческаго вселенскаго патріарха, ставленика папы. Воззваніе это, умоляющее исѣхъ христіанъ опоясаться мечомъ въ защиту погибающей христіанской вѣры, подобно многимъ другимъ воззваніямъ, которыя дѣлались во время Николая V, Калиста III и Пія II съ ихъ преемниками, когда проповѣдывался крестовый походъ противъ мусульманъ. Но каждая историческая черта, сообщаемая намъ однимъ изъ главныхъ дѣятелей совершившихся событій, пріобрѣтаетъ для насъ особую цѣну, не только сама по себѣ, но также какъ способъ провѣрить слова другихъ историковъ паденія Византіи. Воззваніе это издано у Migne, *Patrologia Graeca*, 159, 953 (подъ заглавіемъ: *Istidorus cardinalis Ruthenus, episcopus Sabinensis Legatus pontificis universi Christi fidelibus*) и, какъ замѣчаетъ Вастъ, видѣвшій рукопись, довольно небрежно; издателемъ вставлены цѣлыя слова, сама поимѣтка о времени написанія болѣе чѣмъ страшна: 1452 г.

Къ числу такихъ же источниковъ, какъ воззваніе Исидора, но меньшей, однако, цѣны, какъ не принадлежащія перу очевидцевъ, относятся переписка и рѣчи кардинала Энея Сильвія Пикколомини,

впослѣдствіи папы Пія II, и Виссаріона, знаменитаго архіепископа Никейскаго, кардинала Римской куріи и преемника Исидора на тронѣ Константинопольскаго патріарха, поставленіемъ папы (см. о немъ соч. Садова и Васта). Graecorum latinissimus et Latinorum graecissimus, Виссаріонъ, живя въ Римѣ, никогда не прерывалъ сношеній со своею родиной, за судьбой которой онъ слѣдилъ всегда неослабно и, конечно, въ совершенствѣ зналъ ея послѣдніе горестные дни. Эней Сильвій Пикколомини находился во время паденія Цареграда въ Венгріи (письмо 169), когда достигла до него страшная вѣсть о разореніи Цареграда турками, и потому могъ знать его подробности не изъ однихъ только италіанскихъ, но также изъ венгерскихъ источниковъ, ибо связи Венгріи съ Византіей были очень живы и крѣпки вслѣдствіе борьбы противъ одного общаго врага, турокъ ¹⁾.

Виссаріонъ и Піи II принадлежали къ числу самыхъ ревностныхъ поборниковъ крестоваго похода противъ турокъ. Они стремились къ этой цѣли всѣми средствами, вліяніемъ, связями, деньгами, дипломатическимъ искусствомъ и словомъ, письменнымъ и устнымъ. Въ рѣчахъ, которыми старались они воспламенить души христіанскихъ государей, равнодушно смотрѣвшихъ на ростъ мусульманскаго и умаленіе христіанскаго могущества, тамъ и сямъ разсыпаны драгоценныя свѣдѣнія о силѣ и устройствѣ турецкаго войска, о разореніи Византіи, о разграбленіи ея и о похищенныхъ святыняхъ, о поведеніи ея жителей, объ отношеніи Европы къ совершившимся событіямъ.

Собраніе сочиненій Виссаріона находится въ 161 томѣ Патрологіи Мина, гдѣ впрочемъ не помѣщено письмо того же Виссаріона къ Венеціанскому дожу съ извѣстіемъ о разореніи Цареграда турками. Вслѣдствіе чего Vast, считая этотъ намятникъ не изданнымъ, напечаталъ его въ своихъ приложеніяхъ, 454—456; но онъ ошибся, потому что письмо это обнародовано еще Muratori въ 25 томѣ *Rerum Italicarum Scriptorum*, какъ часть сочиненія неаполитанца Порчеллари о Сципіонѣ Пичиници (35—38).

Письма Энея Сильвія Пикколомини изданы въ 1496 г. у Амбросія

¹⁾ Суда по смыслу, какую дѣлаеть Peter di Reva въ своихъ центуріяхъ de Monarchia et S. Corona Rerum Hungaricarum (Rer. Hung. Script. Schwandtner, II, ст. 668) можно думать, что перу Энея Сильвія принадлежало болѣе цѣльное описаніе разоренія Цареграда турками. Было ли это отдѣльнымъ трудомъ или входило какъ составная часть въ другое сочиненіе—мы не извѣстно. У Voigt'a въ его живеописаніи Пикколомини по этому предмету свѣдѣній нѣтъ.

Архонта въ Миланѣ; другія сочиненія въ „*Pii Secundi Pontificis Magni commentarii rerum memorabilium, quae temporibus suis contigerunt.* Франкфуртъ. 1614.

Изъ числа италіанскихъ источниковъ первое мѣсто принадлежитъ безспорно *Giornale dell' Assedi di Constantinopoli*, веденному во время самыхъ событій знатнымъ венеціанцемъ Николаемъ Барбаро, какъ о томъ свидѣтельствуеъ начало и заключеніе его дневника, гласящее: „Находясь лично въ несчастномъ Константинополѣ, авторъ рѣшился записать все случившееся при нападении Мехмета бей, сына Мурата, нападенія, послѣ котораго онъ овладѣлъ названнымъ городомъ; а чтобы можно было понять, какимъ образомъ онъ былъ взятъ, будетъ сказано сначала, откуда возникла война турокъ и грековъ, а потомъ по порядку пойдетъ повѣствованіе о битвахъ, бывшихъ изо дня въ день отъ начала (осады) до самаго печальнаго и горестнаго его взятія“. Замѣчательная точность, съ которою Барбаро отмѣчаетъ по днямъ всѣ происшествія борьбы турокъ съ греками, составляетъ самую сильную сторону его сочиненія, какъ историческаго источника, послужившаго краеугольнымъ камнемъ при восстановленіи хронологіи обороны Византіи. Каждое показаніе *Giornale* заслуживаетъ почти безусловнаго довѣрія, потому что его авторъ держится правила говорить только о близко извѣстныхъ ему предметахъ, лицахъ и событіяхъ, отчего, съ другой стороны, онъ по неволѣ грѣшитъ нѣкоторою односторонностію. Находясь на венеціанскихъ корабляхъ, Барбаро всего ближе могъ знать ту роль, какую играли въ паденіи Византіи италіанскіе народы, и, дѣйствительно, этому предмету въ сочиненіи отводится главное мѣсто: дается списокъ именъ всѣхъ венеціанцевъ, принимавшихъ участіе въ оборонѣ города, говорится о числѣ ихъ кораблей, точно воспроизводятся всѣ условія и переговоры, въ силу которыхъ они остались на службѣ императора Константина; за то, наиримѣръ, объ уніи, стѣнахъ Цареграда, диспозиціи греческихъ и турецкихъ войскъ сообщаются только самыя общія свѣдѣнія, неполнота которыхъ именно и проистекаетъ изъ того обстоятельства, что они наименѣе могли быть извѣстны автору, находившемуся во время осады на морѣ, а не на сушѣ.

Настроенъ Барбаро въ высшей степени враждебно мусульманамъ и сочувственно грекамъ, къ которымъ онъ отнюдь не чиняетъ ненависти, дышащей на каждой строкѣ сочиненій сторонниковъ уніи.

Единственный предметъ, о которомъ Барбаро не можетъ говорить равнодушно, это—*sanī traditori de Zenovezi*; къ нимъ онъ проявля-

нутъ глубокою ненавистью, какъ подобаетъ истому венеціанцу; на нихъ онъ готовъ клеветать, лишь бы только очернить ихъ въ глазахъ читателей.

Сказаннымъ опредѣляется первостепенное значеніе дневника Барбаро, какъ историческаго источника, незамѣнимаго руководства для восстановления послѣдовательности событій.

Сочиненіе Барбаро написано древневенеціанскимъ нарѣчіемъ, значительно разнящимся отъ тосканскаго, что затрудняетъ его пониманіе. Слогъ сухой и простой, вполне соответствующій дѣловому характеру изложенія, представляющаго изъ себя скорѣе родъ донесенія, нежели исторію.

Дневникъ Барбаро изданъ впервые Генрихомъ Корнетомъ подъ заглавіемъ: *Giornale dell'assedio di Constantinopoli*. Vienna, 1856. Изданіе, сдѣланное по рукописи бібліотеки св. Марка, снабжено примѣчаніями не особенно впрочемъ полными и точными; важнѣе ихъ приложение, содержащее въ себѣ выписки изъ *Libri Secretorum* въ тѣхъ случаяхъ, когда послѣднія даютъ свѣдѣнія относительно осады Византіи турками и событій, ей предшествовавшихъ.

Письмо Лавро Квирины къ папѣ Николаю V о паденіи Византіи, изданное въ Венеціи 1752 Agostini, по свидѣтельству Васта, есть важный источникъ по исторіи этой эпохи, хотя и не принадлежитъ перу очевидца. Къ сожалѣнію, изданіе это составляетъ бібліографическую рѣдкость, такъ какъ Васту, занимавшемуся во многихъ бібліотекахъ Франціи и Италіи, удалось найти его только въ книгохранилищѣ св. Марка, почему и я могу указать на него лишь для полноты обзора.

Отрывокъ изъ венеціанской хроники Долфина (*Z. Dolfin*) ¹⁾, касающейся разоренія Цареграда турками, имѣетъ важное значеніе для изученія этого вопроса, заключаая въ себѣ много такихъ свѣдѣній, какихъ мы не находимъ въ другихъ источникахъ. Главною основой для разказа Долфину послужило письмо Леонарда Хюсскаго, значительно, однако, передѣланное и дополненное. Долфинъ выпускаетъ всѣ богословскія разсужденія Леонарда, устраняетъ все то, что запечатлѣно если не ненавистью, то во всякомъ случаѣ враждебностью къ византіянамъ, ибо подобныя нападки, объяснимыя въ

¹⁾ Cronaco di Venezia auctore Zorzi Dolfin выходитъ въ бібліотекѣ святаго Марка; выписки сдѣланы извѣстнымъ Томасомъ въ *Sitzungsberichte der Königl. Bayer. Akademie der Wissenschaften zu München*. 1868. Band II.

устахъ Леонарда, яраго паписта, звучали бы странно, исходя отъ одного изъ венеціанцевъ; не смотря на столкновения, неизбежныя при частыхъ сношеніяхъ, Венеція относилась въ общемъ очень дружелюбно къ Византіи, питая къ ней „дочернее“ чувство. Въ передачѣ Долфина изъ письма Леонарда остается лишь одно существенное, благодаря чему повѣствованіе выигрываетъ въ занимательности. Недовольствуясь тою капвой, которую составляли для него свѣдѣнія, даваемые Леонардомъ, Долфинъ старается дополнить и развить отдѣльныя части своего изложенія, какъ на основаніи другихъ источниковъ (Филиппъ да Римаго, Лангусто), такъ и собственнаго знакомства съ исторіей Венеціи. Заботясь объ интересѣ своего разказа для читателей, Долфинъ приводитъ текстъ договора, заключеннаго Мехметомъ съ Перой, потому что всякій вопросъ, касающійся соперниковъ-генуезцевъ, былъ близокъ сердцу венеціанцевъ.

Вотъ въ этихъ-то дополненіяхъ и заключается главная цѣна хроники Долфина, какъ источника для изученія взятія Византіи турками. Благодаря имъ, мы имѣемъ, на примѣръ, удачную и въ высшей степени любопытную характеристику Мехмета II, заимствованную изъ не дошедшаго до насъ сочиненія Лангусто. Изъ нихъ мы черпаемъ свѣдѣнія о томъ, какъ рѣшили венеціанцы послать Византіи вспомогательную эскадру, какъ снаряжали ее и кого поставили во главѣ; что восполняетъ и оживляетъ сухія данныя дипломатической переписки и актовъ венеціанскаго сената (*Libri Secretorum*). Въ яркихъ краскахъ описываетъ намъ эта хроника, съ какимъ трепетомъ ожидали въ Венеціи вѣстей изъ Византіи, каковъ былъ взрывъ всеобщаго негодованія противъ сената, своимъ недоверіемъ доведшаго до гибели Цареградъ.

Долфинъ не обладалъ, однако, талантомъ на столько, чтобы составить изъ собранныхъ свѣдѣній нѣчто цѣлое, единое; въ его передачѣ каждое извѣстіе не теряетъ того облика, какой данъ былъ ему авторомъ; швы между различными выписями видны ясно. Долфинъ доводитъ свою небрежность до такой степени, что не затрудняется приводить два противорѣчащихъ показанія объ одномъ и томъ же предметѣ. Въ то время, когда Томасъ издавалъ свои извлечения изъ хроники Долфина, текстъ Леонарда Хюсскаго находился въ плачевномъ положеніи ¹⁾. Обстоятельство это помѣшало Томасу

¹⁾ Въ то время существовали лишь изданія XVI столѣтія: Вазельское и Франкфуртское.

опредѣлать степень зависимости, въ какой Долфинъ находится по отношенію къ Леонарду ¹⁾, и заставило придавать этой хроникѣ значеніе равное дневнику Барбаро. Преувеличенность такого мнѣнія объясняется вообще пристрастіемъ ученыхъ къ источникамъ, ими впервые открытымъ. Извѣстія Леонарда Хиосскаго въ италіан-

¹⁾ Для того, чтобы доказать справедливость своего мнѣнія о зависимости Долеина отъ Леонарда, я попытаюсь разобрать по главамъ, откуда Долеинъ черпалъ свои свѣдѣнія:

I. Come venne nova chel Turco se preparava alla expugnation de Constantinopoli, стр. 1 (*Munch. Sitzung ber.* 1868, В. II). Свѣдѣніе самостоятельное, потому что Долеинъ пишетъ о всѣмъ, происходившемъ въ Венеціи, не нуждаясь въ заимствованіи изъ другихъ источниковъ.

II. Come Stephano Pogario fece novita in Roma contra il papa (2), равно какъ и III Come fu decreto armar gallie 15 et do navi de mandar in auxilio a Constantinopoli (3,4) извѣстіе очень любопытное и самостоятельное.

IV. Come el Turco havea edifica un castello in bocca del Bosphoro e la nave che pericolo (4,5) заимствовано, вѣроятно, изъ Филиппа да Римано, какъ онъ самъ даетъ понятіе ниже, V.

V. Come fu lo excidio di Constantinopoli et a che modo (6,7). Характеристика Мехмета, заимствованная изъ Жаколіо Лангусто Венеціанца, и указаніе авторовъ, описавшихъ паденіе Византіи (Леонардъ, епископъ Митиленскій, и Филиппъ да Римано, съ острова Корфу).

VI. Come el Turco venne a Campo a Constantinopoli cum trecenta milia combattenti (8,9) переведено изъ Леонарда Хиосскаго съ тою только разницею, что Апрельскіе Ноны замѣнены 5-мъ апрѣлемъ, кромѣ того, сдѣлано нѣсколько сокращеній.

VII. Come fu data la battaglia a Constantinopoli, 9, 10, 11 страницы есть переводъ съ 237, 238, 239 стр. Леон. Хиосск. 12-я переведена съ 240-й, при чемъ выпущена большая часть того, что Леонардъ говоритъ объ уніи; въ замѣнъ того, подробнѣе развита мысль Леонарда о томъ, что, переправляя корабли по суку, Мехметъ подражалъ венеціанцамъ. Долеинъ приводитъ даже имена совершившихъ его венеціанцевъ, чего нѣтъ у Леонарда.

VIII. Come el Turco fece expugnar che socorevano Constantinopoli deimento (13 и 14), стр. 241 и 242 Леонарда.

IX. Come venne dissenzion tra Veneti et Genovesi (15). Разказъ о столкновеніи венеціанцевъ съ генуэзцами излагается болѣе подробно нежели Леонардомъ, 242—243 стр. Долеинъ приводитъ имена капитановъ кораблей. Экспедиція же съ цѣлью поджечь турецкіе корабли и мирныя предложенія турокъ описаны по Леонарду.

X. Come quelli di Constantinopoli preparavano la statione per la battaglia general voleva et Turco (16, 17) и

XI. Come furono molti prodigii avanti el perder de Constantinopoli. Эти двѣ главы съ особенною яркостью обличаютъ независимость автора, приводящаго свои извѣстія безъ всякой критики. На стр. 17 Долеинъ излагаетъ

своей обработкѣ Долфина могутъ играть относительно латинскаго текста ту же роль, какую играетъ италіанскій переводъ Дуки относительно греческаго подлинника, давая возможность въ нѣкоторыхъ мѣстахъ исправлять его, въ особенности въ собственныхъ именахъ, сохранившихся лучше въ италіанизированной формѣ.

диспозицію греческихъ войскъ, вѣроятно, по Филиппу да Римано (свидѣнія, которыя въ данномъ случаѣ совпадаютъ съ показаніями Пускула). На страницѣ 19 Долфинъ опять обращается къ Леонарду и выписываетъ отъ него также диспозицію, не замѣчая, что она противорѣчитъ приведенной раньше. Въ остальномъ содержаніи этихъ главъ онъ опять слѣдуетъ Леонарду.

XII. Come el Turco fece consejo cum li sui avanti desse la battaglia a Cons—li, 23, см. Lion. Q., 249.

XIII. Come il Imperador fu avisato del dar de la battaglia et come il Turco proclamo Cons—li a zacho, 24. Въ виду того, что этотъ небольшой отрывокъ можетъ служить мѣриломъ отношеній Долфина къ Леонарду, я приведу латинскій подлинникъ и его италіанскую передачу.

Leon. 250.

Itaque ut Collibascia, senior consularis complacuisse regi Zagani aemulatoris sui consilium intellexit, definitumque esse certamen, internunciis admodum fidsstimis, ut amicus Imperatori cuncta, denuntiat. Hortatur, ut non expavescat tumulentissimi adolescentis insanium, nec terrere nimis eorum, qui magis timuissent nec indoctiore multitudine commoveri. Custodes sint vigiles et pugnam perseverantes expectent. Frequentes enim epistolae ad Imperatorem ex Collibaseio portabantur.

Z. Dol. 24.

Come Collibascia, vecchio consejo intese che consejo de Xagano bassa suo emulator havea inclinato el animo del signor a definir a zorno, che se doveva dar la battaglia, allhora per fidati nuncio, come amico de christiani, tutto la deliberation, tutto fa note al imperador, confortando quello non se impaurisca de tal Emulentissimo signor, ne per tal minaze impaurisse contra multitudine inexperta et facia far boni guardie per tute le station, expectando el di de battaglia. De qual bassa spesse lettere al imperador veguiavano porte.

XIV. Come fu data la battaglia zeneral a Constantinopoli, 24, 25, переведено съ 250 стр. Леонарда.

XV. Come lo imperador exhorto tutti le christiani esser de bono animo, 27 и 29.

XVI. Come se persa la citta Constantinopoli et mori lo imperador. Какъ и предшествовавшій отрывокъ переведенъ изъ Леонарда 250—254 стр.

XVII. Come fu saccomonata la citta, 30. Составлено по Леонарду, хотя есть и дополненія, напримѣръ, розыскъ трупъ императора.

XVIII. Come el Turco celebra sue festi in Cons—li et fu accusato Callibassa esser amico de Greci et quello successe (32). О судьбѣ Нотары прямо переведено изъ Леонарда, о смерти Минотто, венеціанскаго консула, сказано подробно.

XIX. Come el grand Turco fece uno privilegio a Genovesi per haverli date Pera, 35. Свидѣніе или самостоятельное, или заимствованное отъ Филиппа да

Кромѣ названныхъ сочиненій, имѣющихъ первостепенную важность для изученія послѣднихъ дней Византіи, въ современной, а отчасти и въ послѣдующей италянкой литературѣ сохранился цѣлый рядъ, какъ полныхъ повѣствованій о разореніи Цареграда, такъ и отдѣльных замѣтокъ, любопытныхъ конечно для изслѣдователя, но далеко не имѣющихъ равной цѣны съ главными источниками, такъ какъ обыкновенно основаніемъ имъ служитъ не личное свидѣтельство, а устное или письменное преданіе изъ вторыхъ и третьихъ рукъ. Въ этомъ разрядѣ источниковъ выдѣляется отрывокъ *Vitae ducum venetorum* въ *Regum italicarum scriptores*, гдѣ авторъ ихъ Марино Сануто описываетъ гибель Константинополя не только по Долфину, на котораго ссылается мелькомъ: *Jo vedi in cronica Dolfina*, но также на основаніи другихъ источниковъ, напримѣръ, въ перечисленіи венеціанцевъ, убитыхъ турками, въ чемъ онъ сходствуетъ съ Барбаро.

Въ сборникѣ Сансовино *Dell' historia universa dell' origine et imperio de Turchi nella quale si contengono tutte le guerre fatte da quella nazione con la vete particolari dei principi ottomani. Venezia. 1560*, важнѣе другихъ та часть сочиненія Камбини, которая посвящена взятію Византіи турками, тѣмъ болѣе, что авторъ, по замѣчанію составителя, въ особенности былъ свѣдущъ въ вопросахъ, касающихся судьбы Цареграда. Хотя разказъ отъ описываемыхъ имъ событій отдѣляетъ не менѣе 68 лѣтъ, хотя занимающему насъ вопросу тамъ удѣлено только 6 страницъ довольно впрочемъ убористой печати, оно не вполнѣ недостойно вниманія изслѣдователя, прибавляя нѣсколько чертъ къ общей картинѣ борьбы грековъ съ турками, чертъ тѣмъ болѣе цѣнныхъ, что справедливость ихъ подтверждается какъ показаніями другихъ источниковъ, такъ и археологическими изслѣдованіями стѣнъ Византіи. Разказъ, не смотря на свой общій характеръ, носить слѣды несомнѣнной оригинальности, отнюдь однако не выражающейся отступленіями отъ истины и вымысломъ автора. Только въ одномъ вопросѣ Камбини грѣшитъ противъ истины, бросая неблагоприятную тѣнь на послѣдніе дни импе-

---

Римано. Содержаніе договора приведено точно, не вѣрна лишь дата по замѣчанію Гейда.

XX. Come venne la nove a Venezia, come era perso C—li.

XXI. Come fu fato legato al Turco per veder de far la pace (38).

XXII. Come papa Nicolo manda ad armar 5 gallie a Venezia per mandar contra Turchi (38). Свѣдѣнія самостоятельныя и очень любопытныя, въ особенности XX.

ратора Константина. Подобное отступление не лишено впрочемъ своей доли важности, потому что имъ измѣряется степень распространенности подобнаго же показанія Дуки. Впрочемъ въ той же Флоренціи, гдѣ жилъ Камбини, существовали и другія болѣе благопріятныя извѣстія для памяти послѣдняго Византійскаго императора. Чтобъ убѣдиться въ этомъ, стоитъ развернуть того же Сансовина, помѣстившаго *Discorso di Theodoro Spandugino Cantacuzino dell origine de principi Turchi*, гдѣ мученическая кончина императора изображается очень подробно и сочувственно. Во всѣхъ же остальныхъ отношеніяхъ Кавтакузинъ, писавшій въ понтифатъ Климента VII, по краткости сообщаемыхъ свѣдѣній и по отдаленности своей отъ описываемыхъ происшествій, стоитъ еще ниже Камбини.

Относительно внутренняго состоянія Византіи на канунѣ ея гибели и мѣръ, принятыхъ для предотвращенія грозившей ей опасности, сохранилось очень немного данныхъ, почему для восстановленія полноты картины изслѣдователь необходимо долженъ пользоваться всѣми указаніями, находящимися въ тогдашней литературѣ, независимо отъ ихъ размѣровъ. Къ числу такихъ указаній относятся и слова знаменитаго Макиавели (*Parole da dirle sopra la provisione del danajo. Antologia di Firenze, 1822, tomo VII, pag. 3—10*), увѣщавшаго флорентійцевъ согласиться лучше на всяческія жертвы для спасенія отечества, пока еще есть время, и не слѣдовать примѣру византійцевъ, не захотѣвшихъ по приглашенію императора разстаться съ деньгами для обороны роднаго города. Такой же примѣръ выставляетъ и *Vespasiano di Filippi* въ *Lamento d'Ofranto* (*Archivio Storico Italiano, IV т., 1848*), желая заставить опомниться италіянцевъ, „видя не видящихъ и слыша не слышащихъ“ той грозы, которая на нихъ надвигается со стороны турокъ. Извѣстія эти цѣнны не только сами по себѣ, но также какъ дополненіе недостаточнаго показанія Іоанна Мосха въ его надгробномъ словѣ Лукъ Нотарѣ.

III.

Турецкіе источники.

Турецкое сказаніе, переведенное Мордтманномъ изъ Евлія Челеби, важно не только своею фактическою стороною, сколько тѣмъ, что въ немъ ясно и точно отразилось то впечатлѣніе, какое произвело на умы побѣдителей великое событіе, составлявшее чаяніе всего мусуль-

манскаго міра. Народная фантазія, работавшая надъ разукрашеніемъ завоеванія Цареграда, неизмѣнною оставила только основу событія, съ остальнымъ же поступила по своему произволу. Сверхъестественный элементъ занялъ важное, чуть не первенствующее мѣсто; одни происшествія оставлены въ тѣни, тогда какъ другія, менѣе важныя, выдвинулись на первый планъ. Наконецъ, третьимъ событіямъ приданъ совсѣмъ не тотъ видъ, какой они имѣли въ дѣйствительности, а тотъ, какой должны были бы имѣть для вѣщаго удовлетворенія турецкаго національнаго самолюбія. Тѣмъ не менѣе и въ этомъ сказаніи мы находимъ нѣсколько фактовъ, не противорѣчащихъ исторической дѣйствительности; таковы, напримѣръ: 1) построеніе крѣпости на Босфорѣ: число два не вѣрно; 2) обложеніе города турками и способъ осады; 3) полученіе турецкими войсками постоянныхъ подкрѣпленій; 4) перевозъ судовъ по сушѣ; 5) неудачный для турокъ ходъ осады; 6) появленіе галеръ на помощь городу; 7) смерть императора при взятіи Византіи турками; 8) обращеніе Агія Софія въ мечеть и пр.

Сеадъ-Эддинъ въ своей „Оттоманской исторіи“ даетъ краткое описаніе событій 1453 года, черпая свои свѣдѣнія изъ хроника Тарициель-и Отманъ. Первый переводъ этой хроники на французскій языкъ относится къ 1740 г. и принадлежитъ Галланду, италянскій переводъ—Браттутти 1649—1652 гг., латинскій—Kollar Keresten 1755 г.; отдѣльный отрывокъ о паденіи Византіи переведенъ Garcin de Tassy въ 1826 г., и Клаусе съ французскаго на нѣмецкій, какъ приложение къ его статьѣ о паденіи Цареграда.

IV.

Источники славянскаго происхожденія.

Въ ряду источниковъ о взятіи Цареграда, имѣющихъ славянское происхожденіе, первое мѣсто занимаетъ историческая повѣсть объ этомъ событіи, написанная Искиндѣромъ. Эта повѣсть о разореніи Цареграда турками, напечатанная много разъ, впервые помѣщена въ Царственномъ Лѣтописцѣ (1772 г., ст. 306—358); затѣмъ въ лѣтописи по Никонскому списку (1789, V, 222—277) и кромѣ того, почти всюю полносью вошла въ изданную Новиковымъ въ 1767 г. книгу, подъ заглавіемъ: „Скинская исторія, содержащая въ себѣ: о названіи Скиевъ и границахъ ея; о народѣхъ скиескихъ, о началѣ и умноженіи

Золотія орды и царѣхъ, бывшихъ тамо; о Казанской ордѣ и царѣхъ ихъ по взятіи города Казани; о Перекопской ордѣ или Крымской и о царѣхъ ихъ; о Мохаметѣ, прелестникѣ Агарявскомъ и о прелести, вымышленной отъ него; о началѣ Турокъ и о султанахъ ихъ съ приложеніемъ повѣсти о поведеніи и жительствѣ Турецкихъ султановъ въ Константинополѣ; изъ разныхъ иностранныхъ историковъ, паче же изъ российскихъ вѣрныхъ исторій и повѣстей отъ Андрея Лызлова прилѣжными трудами сложена и написана лѣта 1692^а.

Въ предисловіи къ этому изданію Новиковъ говоритъ, что „учинено оное съ наилучшими списками изъ всѣхъ тѣхъ, которые я имѣлъ и которые мнѣ видѣть случалось. Сей списокъ находится въ Москвѣ въ патриаршемъ книгохранилищѣ, написанный изряднымъ и чистымъ стариннымъ почеркомъ въ листъ. Я рѣшился предпочесть его другимъ спискамъ наипаче по подписи, что оный самымъ сочинителемъ отданъ въ книгохранилище“.

Лызловъ строитъ свой разказъ на основаніи свѣдѣній, добытыхъ изъ русскихъ и польскихъ источниковъ, лѣтописей, Степенной Книги, Житій святыхъ, сочиненій Гвагнива, Вѣльскаго, Кромера, Стрыйковскаго и другихъ, пользуясь ими съ замѣчательною точностію и добросовѣстностію, никогда не выдавая чужаго за свое, всегда указывая въ примѣчавіяхъ, откуда дѣлается выписка. Такъ какъ нѣкоторые изъ его источниковъ для насъ утратились, то тѣмъ самымъ извлеченію пріобрѣтаютъ особую цѣну, сохраняя остатки не дошедшихъ до насъ сочиненій, а въ тѣхъ случаяхъ, когда сочиненія, служащія основаніемъ „Скиѣской исторіи“, извѣстны намъ изъ другихъ источниковъ,—лызловскія выписки не теряютъ своего значенія, сохраняя перѣдко довольно древнее рукописное преданіе. Слѣдуя тщательно за текстами своихъ русскихъ источниковъ, нашъ авторъ однако сумѣлъ *sibi res, non se rebus subjungere*; ему удалось составить изъ своихъ выписокъ нѣчто цѣлое, при чемъ соединяющимъ звеномъ служилъ его самостоятельный взглядъ на изображаемыя событія, который проведенъ съ большою послѣдовательностію по всему сочиненію. Лызловъ считаетъ русскихъ „избавителями пригнетенныхъ убогихъ народовъ“ и смирителями непомирно возросшаго могущества турокъ; онъ видитъ русскихъ людей, которые, „возбуждены будучи отъ всѣсвятаго Духа, пріявъ въ руки свои непобѣдимое оружіе крестъ Господень и воздвигая свои крестоносныя хоругви“, пойдутъ „на оныхъ пенасытныхъ псовъ басурманскихъ, своимъ ихъ провѣщаніемъ осужденныхъ“ и свободятъ, по волѣ Божіей,

„христiанъ, подъ тяжелымъ ярмомъ поганскимъ вопiющихъ“ (Лызловъ, Синоск. исторiя, книга III, ч. IV, лл. 80 и 81).

Итакъ, книга Лызлова достойна нашего вниманiя въ двухъ отношенiяхъ: во первыхъ, она представляется замѣчательнымъ по своему времени русскимъ трудомъ по исторiи турокъ (что вообще относится къ изучаемому нами вопросу); во вторыхъ, въ части сочиненiя, относящейся собственно до разоренiя Царегграда турками, авторъ почти буквально слѣдуетъ русскому сказанiю Искиндѣра ¹⁾, сохраняя этимъ довольно древнiй его списокъ и прибавляя нѣсколько историческихъ чертъ къ картинѣ осады, какую мы могли составить изъ сличенiй всѣхъ остальныхъ списковъ. Особенностью передачи Лызлова, является также сокращенное изложенiе молитвъ осажденныхъ и важное добавленiе хронологическихъ указанiй. Литературный пересказъ русскаго сказанiя о разоренiи Царегграда турками сохранился еще въ сочиненiи Михайлова: „Исторiя о послѣднемъ разоренiи святаго града Иерусалима и о взятiи Константинополя столичнаго града греческой монархiи. Москва. Въ губернской типографiи у Рѣшетникова 1810. Часть II, 1—81. На сколько я могъ заключить, Михайловъ излагаетъ событiе не прямо по сказанiю, а по Лызлову, доказательствомъ чему можетъ служить то обстоятельство, что хронологическiя добавленiя Лызловскаго текста встрѣчаются и у Михайлова, которому однако удалось опредѣлить, что такое Зиновiя, родина Джустинiани, Иустуней сказанiя, надъ чѣмъ тщетно ломалъ голову самъ Лызловъ, беспомощно по этому поводу говорящiй въ примѣчанiи (II, 160). „Сей князь коея бѣ страны или области, о томъ не могло обрѣстися въ подтвержденiе отъ иныхъ исторiй иностранныхъ, токмо въ росiйскихъ обрѣтается написано тако: страны же или области или града Зиновей не могохъ у описателей и историковъ обрѣсти, но ниже имени таковаго, когда въ оныхъ странахъ обношашеса“. Другою особенностью Михайловскаго изданiя является прибавленiе „Свидѣтельство историка Кальвизiя о разоренiи Константинополя“, II, 81, 82.

Въ 1854 году въ Запискахъ Второго Отдѣленiя Академiи Наукъ, кн. 1, стр. 101, появился пересказъ „Повѣсти“ Измаила Ивановича Срезневскаго, снабженный богатымъ филологическимъ и историческимъ комментариемъ. Кромѣ изясненiя изложенiя самого разбираемаго текста, Срезневскiй въ комментарий, предисловiи и послѣсло-

¹⁾ Лызловъ. Синоскiя исторiя. Книга четвертая, глава 6-я, стр. 153—192.

ни, помимо объясненій, намѣтилъ много вопросовъ, касающихся какъ внутренней стороны сказанія, такъ и значенія его въ ряду другихъ источниковъ. Хотя Срезневскій не былъ византинистомъ, тѣмъ не менѣе его работа, отличающаяся всѣми достоинствами филологическими, и со стороны исторической представляетъ первую строго-научную разработку вопроса о паденіи Византіи, основанную на тщательномъ сличеніи и объясненіи источниковъ по всѣмъ правиламъ исторической критики. Въ свое время трудъ Срезневскаго былъ единственнымъ; онъ не уступаетъ по своимъ достоинствамъ монументальному комментарію Миллера, къ Критобулу имѣющему лишь то преимущество, что Миллеръ могъ располагать большимъ числомъ источниковъ.

Въ 1859 появилось изданіе „Повѣсти“ А. Ф. Вычкова (въ Воскресенской лѣтописи) на основаніи сличенія трехъ рукописей. За нимъ въ 1868 г. послѣдовало изданіе Яковлева по одному списку съ прибавленіемъ разночтеній Воскресенской лѣтописи и наконецъ въ 1880 году—8-е по счету изданіе Общества любителей древностей письменности, по вновь найденному Троице-Сергіевскому списку, самому важному изъ всѣхъ доселѣ извѣстныхъ, какъ по своей древности, такъ и по своему повію, слѣдующему намъ имя автора, бывшее прежде тайной ¹⁾

Появленіе этого изданія вызвало статью Г. С. Дестуниса въ Журн. Мин. Нар. Просв. 1887 г., февраль, гдѣ авторъ разбираетъ какъ значеніе вновь изданнаго списка въ ряду другихъ, такъ и сообщаетъ свои замѣчанія, служація отчасти къ исправленію комментарія Срезневскаго, отчасти къ его пополненію.

При разборѣ этого сказанія, какъ источника историческаго, является первымъ вопросомъ: кто былъ его авторомъ? „Списатель-же симъ, азъ многогрѣшный и бѣзаконный Несторъ Искиндѣрь“, говоритъ авторъ въ послѣсловіи, „измлада взятъ быхъ и обрѣзанъ. Много врѣмя пострада въ ратныхъ хоженіихъ, оукрывался семо и онамо да не умру въ океанной сей вѣрѣ..... Всѣмогущая же и животоворящая троица да мя приобщитъ пакы стаду своему и овцамъ пажити своея, яко да и азъ препрославлю и возблагодарю великолѣпное и превысокое имя твое, аминъ“. На основаніи этихъ краткихъ свѣдѣній мы можемъ сказать только, что Искиндѣрь, невольный потурченецъ, проведеншій свою жизнь среди мусульманъ, въ ихъ вѣрѣ, участвовав-

¹⁾ Начертаніе этого имени, насколько мы можемъ судить по фотографическому снимку послѣсловія, даетъ чтеніе Искиндѣрь, а не Искандѣрь, какъ думаетъ архим. Леонидъ. Ср. спорную б хотя бы съ заключительнымъ словомъ Аминъ.

шій въ войнахъ и походахъ султана противъ христіанъ. Освободившись, наконецъ, отъ власти невѣрныхъ, онъ снова вернулся въ лоно православной вѣры, которую не оставлялъ никогда исповѣдывать въ душѣ, хотя наружно и былъ принужденъ поклоняться Магомету. Но кто онъ родомъ, русскій или грекъ? Все говоритъ въ пользу перваго предположенія: эпическій характеръ сочиненія историческаго, отступление отъ обыкновенныхъ приемовъ греческаго повѣствованія, выставленіе на первое мѣсто царя, царицы (съ двумя даже дочерьми)—природный грекъ не могъ не знать, что Константинъ былъ вдовъ, приданіе духовенству и патріарху такого важнаго, первенствующаго значенія, котораго они не имѣли въ изображеніи другихъ источниковъ; наконецъ, заключеніе, предсказывающее русскимъ роль побѣдителей турокъ, освободителей Византіи и замѣстителей ея во всемирной исторіи ¹⁾). Самый же главный доводъ, который заставляетъ признать русскимъ Искандѣра, есть то полное и глубокое знакомство со всѣми сокровищами русскаго языка, какое онъ обнаруживаетъ на страницахъ своей исторіи. Въ самомъ дѣлѣ, невѣроятно предположеніе, будто грекъ могъ научиться русскому языку уже въ зрѣломъ возрастѣ въ такой мѣрѣ, чтобы не только говорить на немъ, но и писать съ такою же свободой и искусствомъ, какъ на родномъ, поль-

¹⁾ Въ пользу принадлежности автора къ русской національности говоритъ, по видимому, и то обстоятельство, что всѣ западныя народности, принимавшія участие въ оборонѣ Византіи, носятъ въ сказаніи одно общее имя нѣмцевъ, словоупотребленіе, наиболее свойственное русскимъ, такъ какъ у современныхъ греческихъ писателей общее названіе для западныхъ народовъ — латины, а для нѣмцевъ—германцы, аллеманы, такъ какъ проникшее въ греческій языкъ слово нѣмецъ въ XV столѣтіи распространенія не имѣло.

Съ другой стороны, точное вслѣдованіе языка Искандѣра и восстановленіе первоначальнаго текста на основаніи точнаго сличенія различныхъ списковъ равнымъ образомъ должно пролить свѣтъ на національность автора, такъ какъ и при настоящемъ состояніи текста сказанія возможно указать нѣсколько единичныхъ случаевъ употребленія формъ и реченій южно-русскаго характера, и притомъ случаевъ тѣмъ болѣе многочисленныхъ, чѣмъ древнѣе рукопись, заключающая ихъ. Особенности эти, обусловленные, можетъ быть, происхожденіемъ автора, развившіеся вполнѣ въ первоначальномъ текстѣ, потомъ постепенно сглаживались и стирались при переписываніи сказанія великоруссами; нѣкоторые изъ нихъ однако сохранились, каковы: всихъ, 7, 9, 35, 38, всимъ, 34, 35 (дважды), ми (11), башта 30, 31 (дважды) (впрочемъ слово можетъ быть признано слѣдомъ турецкаго вліанія), израда 38, у Дылова (списокъ Моск. Син. Библи.) шю ска. кто съ книгъ; тувъ, тін ска, напредъ. Примеромъ возможности исправлять текстъ сказанія на основаніи списка Моск. Син. Библи. можетъ служить чтеніе *помощи* вместо *помоща* рукою, что стоитъ въ другихъ рукописяхъ.

зудь всѣмъ его богатствомъ для составленія разказа, истинно художественнаго по слогу.

Такое основательное знаніе русскаго языка могло быть пріобрѣтено лишь измлада и потомъ, послѣ освобожденія изъ плѣна, восстановлено опять. Гречизмы автора, указываемыя г. Дестунисомъ, легко объясняются какъ тѣмъ, что вообще русскій языкъ былъ въ то время проникнутъ греческимъ, такъ въ частности вѣроятнымъ знакомствомъ Искиндѣра съ греческимъ языкомъ, на сколько мы можемъ судить по множеству приводимыхъ имъ греческихъ терминовъ. Поэтому, на основаніи всего сказаннаго, я принимаю положеніе архим. Леонида, что авторъ былъ происхожденія русскаго; онъ „измлада взятъ бѣ и обрѣзанъ“ — вѣроятно, крымскими татарами во время одного изъ ихъ набѣговъ на южную Россію, потомъ попалъ въ войска султана, служа въ которыхъ и былъ свидѣтелемъ паденія Византіи.

Теперь объ историческомъ значеніи этого памятника, одного изъ главныхъ источниковъ при описаніи паденія Византіи. „В сѣмъ великомъ и страшномъ дѣлѣ“ (то-есть, при паденіи Византіи), говоритъ авторъ, — „оуловляя время доврѣніемъ и испытаніемъ великимъ писахъ въ каждый день творимая дѣянія отъ турковъ внѣ града. И пакы егда поущеніемъ Божиимъ внидохомъ въ градъ врѣмянемъ испытахъ и собрахъ отъ достовѣрныхъ и великихъ мужей вся творимая дѣянія во градѣ противу безвѣрныхъ и вкратце изложихъ и христіаномъ предахъ на воспоминавіе преужасному сему и предивному изволенію Божию“. Такимъ образомъ мы имѣемъ здѣсь дѣло съ повѣствованіемъ очевидца, который самъ долженъ былъ бы принять участіе въ совершавшихся событіяхъ, но который успѣвалъ уклониться отъ битвы съ единовѣрными ему въ душѣ греками „овогда болѣзнію, овогда скриваніемъ, овогда-же совѣщаніемъ пріятелей своихъ“. Повѣствованіе его въ особенности любопытно для насъ въ томъ отношеніи, что изображаетъ ближе и точнѣе дѣйствія турокъ и знакомитъ насъ наравнѣ съ Критонуломъ не только съ тѣмъ, что творилось въ стѣнахъ самой Византіи, но и съ тѣмъ, что дѣлалось въ лагерѣ осаждавшихъ. Правдивость разказа Искиндѣра, представляющаго нерѣдко отклоненія отъ общепринятыхъ источниковъ, каковы Франдзѣ, Дука, Халкокондилъ, подтверждается сличеніемъ съ вновь изданными источниками. Чѣмъ болѣе будемъ мы имѣть ихъ подъ рукою, тѣмъ болѣе, на мой взглядъ, увѣримся въ истинности показаній Искиндѣра, даже самыя заблужденія котораго нерѣдко раздѣляются другими очевидцами взятія Цареграда Мехметомъ II. Къ сожалѣнію, разказъ Искиндѣра

не могъ быть надлежащимъ образомъ рассмотрѣнъ и оцѣненъ Срезневскимъ, какъ вообще потому, что въ 50-хъ годахъ этого столѣтія было издано недостаточно источниковъ для изученія послѣднихъ дней Византіи, такъ и потому, что послѣсловіе съ именемъ Искиндѣра, поясняющее его отношенія къ описаннымъ событіямъ было, открыто только впоследствии. При сличеніи же съ вновь изданными памятниками той эпохи, мы можемъ указать многое, что увеличиваетъ, а не умаляетъ историческое достоинство повѣствованія Искиндѣра. Вотъ тому нѣсколько примѣровъ. Диспозиціи турецкихъ войскъ, сообщаемыя Критувуломъ и Искиндѣромъ, сходятся вполне (Crit. 51 и частію Vmrag., с. XV) ¹⁾. Извѣстіе Искиндѣра о томъ, что Мехметъ посредствомъ пушекъ металъ трупы въ городъ, желая заразить воздухъ, извѣстіе, не встрѣчающееся ни у одного изъ историковъ паденія Византіи, находимъ мы у Виссаріона Никейскаго, въ его рѣчахъ, побуждавшихъ италіанскихъ князей двинуться противъ мусульманъ ²⁾. Все, сообщаемое Несторомъ о пушкахъ, о башняхъ, о стѣнобитныхъ козняхъ и машинахъ турокъ находится въ другихъ источникахъ. Свидѣтельство Нестора о томъ, что греки сумѣли взорвать ровъ, наполненный турками, заранѣе минуруя его, чего нѣтъ въ другихъ источникахъ, подтверждается, однако, подобными примѣрами при осадѣ средневѣковыхъ городовъ, собранными у Мейнерта или у Пузыревскаго (Военное искусство въ средніе вѣка). Слова Искиндѣра о томъ, что Византію окружали „рвы и потоци“, соответствуютъ результатамъ, добытымъ археологическими изслѣдованіями Паспати, устанавливающимъ тотъ фактъ, что у части византійскихъ стѣнъ находился наполненный водою ровъ. Сравн. также свидѣтельство Андроника Каллиста.

Или вотъ примѣръ заблужденія, въ какое впадаетъ не одинъ Искиндѣръ. Онъ говоритъ объ отчаянной защитѣ византійцевъ на улицахъ города. Противоположное свидѣтельствуютъ всѣ другіе очевидцы, и мы не можемъ принять его показанія; но любопытно, что

¹⁾ V mp. pp. XV. Biglardi dux exercitus Turcorum ordinatus et constitutus erat cum 20000 bellatoribus ad portam civitatis vocabulo Pigii, ubi maximus putabatur instare resistendi insultus.

²⁾ Bessarionis Orationes contra Turca Magnae, 161 т., 665 с. Nostrorum cadavera cum moenia oppugnarentur (at non dicam, incredibile enim est, imo vero dicam, quoniam ita se habet) nostrorum inquam cadavera in vasa imposita machinis bellicis intra urbem adversus nostros immittebantur (говорятся про осаду Халкиды).

такой же разказъ мы находимъ въ Челеби, пер. Мордтмана. Свѣдѣнія, даваемые Несторомъ относительно дѣйствій грековъ, заслуживаютъ также вниманія и довѣрія. При этомъ нужно, однако, имѣть въ виду, что Несторъ былъ простой воинъ, описывавшій только то, что онъ зналъ, видѣлъ, или о чемъ слышалъ. Познанія его не возвышались надъ уровнемъ общихъ слуховъ, которые ходили въ арміи между солдатами, и въ которыхъ находила выраженіе не столько сама дѣйствительность, сколько впечатлѣніе, произведенное ею. Потому-то, напримѣръ, Искиндѣръ даетъ такія огромныя цифры для потерь, повесенныхъ турками: 16000, 35000, въ одинъ приступъ, что выражаетъ не столько настоящій уровеньъ турокъ, сколько тотъ ужасъ, который наведеть былъ на мусульманъ геройствомъ защитниковъ Византіи.

Вопросъ о флотѣ, о морскихъ битвахъ не затронуть Несторомъ по двойной причинѣ: во первыхъ, потому, что онъ мало могъ знать объ этомъ предметѣ, находясь на сушѣ; во вторыхъ, вѣроятно, еще потому, что для русскихъ, мало знакомыхъ съ моремъ, подробности о морскихъ битвахъ могли показаться и неинтересными, и мало понятными. Съ другой стороны, свѣдѣнія, сообщаемыя Несторомъ о дѣйствіяхъ византійцевъ, собранныя имъ послѣ вступленія турокъ въ городъ, могли основываться преимущественно на разказахъ заурядныхъ грековъ, опять-таки стоявшихъ вдаль отъ главныхъ дѣятелей совершавшихся событій. Разказы эти проникнуты были естественно чувствомъ удивленія къ геройскимъ подвигамъ императора, нашедшаго на стѣнахъ Византіи; равнодушіе и даже недовольство, которое питали греки къ Константину вслѣдствіе принятія имъ уніи, уничтожилось во время обороны имъ города и перешло послѣ его смерти въ благоговѣйное уваженіе къ его мученичеству. Съ восторженнымъ удивленіемъ греки говорили о его мужествѣ и непобѣдимой храбрости, о силѣ его рукъ, отъ которыхъ, по ихъ словамъ, погибло въ одинъ день 600 турокъ. Слова эти производили сильное впечатлѣніе на автора, который самъ былъ свидѣтелемъ ужаснаго опустошенія, произведеннаго греками въ рядахъ нападавшихъ; въ его изображеніи обликъ императора возросъ непоимѣрно, превзойдя самыхъ героевъ древности; и если называть какое-нибудь изъ сочиненій о паденіи Византіи панегирикомъ Константина, то такимъ сочиненіемъ по справедливости является исторія Искиндѣра. Въ повѣствованіи преобладаетъ эпическій характеръ, приличный въ изображеніи подвиговъ мужей, „коя во истину людіе быша и не туне

на бравѣхъ подвизашася и смерть съ радостью восприняху, но обаче уже преидоша, и нѣи по сихъ симъ подобнѣи не будутъ" (Лызловъ, IV, 189).

Такимъ характеромъ сочиненія объясняются, можетъ быть, многія изъ преувеличеній, какія позволяетъ себѣ Искиндѣръ для большей яркости и картинности изложенія.

Но главнымъ камнемъ преткновенія для всѣхъ изучающихъ это сказаніе, какъ историческій источникъ, являются не эти преувеличенія или искаженія, легко объяснимыя положеніемъ автора, его пристрастіемъ къ грекамъ и эпическимъ характеромъ его сочиненія,— главнымъ камнемъ преткновенія является вопросъ о хронологіи. Дѣло въ томъ, что въ данномъ случаѣ Искиндѣръ отступаетъ въ существенномъ отъ согласныхъ свидѣтельствъ всѣхъ историковъ событія, опредѣляя, противно имъ, срокъ осады не 59-дневный, а пятимѣсячный, и притомъ такъ, что извѣстіе это нельзя считать ошибкою переписчика, ибо оно встрѣчается не однажды. Неточность его хронологическихъ показаній такъ велика, что, напримѣръ, вступленіе султана въ городъ, имѣвшее мѣсто немедленно послѣ его взятія (см. всѣ источники Phr., Disc., Rusc., Leon., Imp., Lomel., Джустиніани) Искиндѣръ отсрочиваетъ на одиннадцать дней и съ 29-го мая (число взятія дается вѣрно) переноситъ на 8-е—9-е іюня (Лызловъ). Потому-то мнѣ кажутся неудачными всѣ попытки приурочить къ истинной—хронологіи Искиндѣра, тѣмъ болѣе, что въ относительно древнемъ спискѣ Лызлова встрѣчаются цифры, прямо противорѣчащія свидѣтельству другихъ списковъ той же повѣсти; но уже если возстаивать ее, то иначе, чѣмъ это дѣлаетъ Срезневскій, незнакомый съ дневникомъ Барбаро. Является вопросъ теперь, какъ могъ авторъ отклониться въ такой мѣрѣ отъ истины? Предположить ли, что Искиндѣръ принималъ участіе въ одномъ изъ передовыхъ отрядовъ, державшихъ Византію въ блокадѣ всю зиму, или объяснить характеромъ сочинителя, которому казалось мало 59 дней геройской обороны, а надо было пять мѣсяцевъ для полного выставленія доблестей защитниковъ города. Хотя первое предположеніе имѣетъ за себя болѣе вѣроятностей (кои сведены особо въ примѣчаніе съ соотвѣтствующимъ примѣрнымъ разчетомъ) ¹⁾, однако, какъ бы возможными ни

¹⁾ Для того, чтобы какъ-нибудь приурочить хронологію Искиндѣра къ хронологіи другихъ писателей, нужно, во первыхъ, признать за его показаніемъ о пятимѣсячной борьбѣ грековъ съ турками значеніе относительное, то-есть, не

казались эти приуроченія, нельзя ручаться за вѣрность ни одного изъ нихъ, и эта самая шаткость и непрочность хронологіи въ значительной мѣрѣ ослабляетъ цѣнность сказанія, какъ историческаго источника. Въ отдѣльности вѣрно почти каждое показаніе Искин-

принимать это за время осады города, а признать выраженіемъ продолжительности того періода, когда Византія была отрѣзана турками отъ сообщеній съ суши; въ такомъ смыслѣ показаніе это имѣетъ несомнѣнное историческое значеніе, потому что, по извѣстіямъ другихъ источниковъ, Мехметъ II разсылая свои отряды подъ стѣны Византіи раньше, чѣмъ явился самъ. Слова эти въ буквальномъ значеніи принимать нельзя, потому что Искиндѣръ распределяетъ время событий по срокамъ: второй приступъ (стр. 8) былъ черезъ 15 дней послѣ перваго; третій послѣ перваго же на 30-й (12 стр.); четвертый на девятый день послѣ третьяго (15 ст.); днемъ же минувшимъ 25 (хотя относительно точнаго значенія этого показанія можетъ быть сомнѣніе, не входятъ ли въ него и всѣ послѣдующіе дни, но въ данномъ случаѣ приемъ это въ отдѣльности, для того чтобы установить невѣрность буквальнаго пониманія выраженія „пятидесятидневная борьба“ во всѣхъ случаяхъ); затѣмъ три дня, то-есть, 6-го мая (19) и время до паденія 29-го мая (22 дня). Итого всего, на все осада продолжалась $30+9+25+3+22=89$, а не пять мѣсяцевъ, хотя мы давали намѣренно наибольшее протяженіе срокамъ Искиндѣра, чего съ полнымъ правомъ могли бы не дѣлать. Считаю, на основаніи сказаннаго, что слова пять мѣсяцевъ борьбы имѣютъ только относительный, а отнюдь не точный смыслъ, мы можемъ строить свои соображенія, не боясь впасть въ противорѣчіе съ вышеприведеннымъ показаніемъ нашего автора. Исходною точкою въ нашей попыткѣ должна служить дата паденія Византіи 29-го мая (Иск., 37), которая намъ извѣстна не изъ одного только Искиндѣра, но и изъ другихъ источниковъ; къ нимъ-то теперь и обратимся и посмотримъ, сколько длилась осада и походъ Мехмета, чтобы при помощи ихъ установить время перваго приступа и т. д. Источники единогласно даютъ какъ дату выступленія Мехмета изъ Адрианополя 23-го марта. Итого вся осада длилась вѣстѣ съ походомъ, вычитая изъ 29-го мая 23-е марта ($31+28+31+30+28$) — ($31+28+22$) = $148-81=67$ дней. Обратимся къ нашему источнику и назовемъ для большей легкости вычисленія каждый изъ приступовъ отдѣльною буквою. Искиндѣръ говоритъ прямо, что отъ А до С прошло 30 дней, отъ С до Д—9 дней и потомъ (Иск. 16) „днемъ же минувшимъ 25, тако бующася по вся дни паки безбожнѣи повелѣ прикати оу пушку велию, бѣ бо“ и пр. Думать ли, что въ этихъ 25 дняхъ заключается все послѣдующее время, или производить счетъ отдѣльно? Мнѣ кажется, что справедливѣе будетъ, вѣстѣ со Срезневскимъ, держаться чернаго мѣтѣи, подкрѣпляя его хотя бы тѣмъ, что и раньше срокъ приступа С включаетъ въ себя срокъ приступа В. Итакъ, принявая мѣтѣи Срезневскаго, произведемъ расчетъ: отъ приступа А до С прошло 29 дней, приступъ С 2 дня, отъ С до Д 9 дней, приступъ Д 1 день, отъ Е до паденія Византіи 25 дней, итого 66 дней.

дѣра, но только безъ отношеніи ко времени, потому что каждое хронологическое приуроченіе имѣеть за себя лишь данныя вѣроятности.

Изъ другихъ источниковъ на русскомъ языкѣ важно посланіе великаго князя Василя Васильевича къ императору Константину, напечатанное въ 6-мъ томѣ (575 sq.) Русской Исторической Библиотеки.

Изъ другихъ источниковъ славянскаго происхожденія, можно указать хотя бы на извѣстіе, находящееся въ 13-й книгѣ лѣтописи Длугоша, имѣющее значеніе, потому что основой его послужило утраченное письмо Александра, воеводы Молдавскаго, къ королю Казимиру. Впрочемъ здѣсь на изображеніи послѣднихъ дней Византіи наложенъ католическій отпечатокъ, никоимъ образомъ не могшій принадлежать православному господарю, который конечно не сталъ бы упрекать грековъ въ неискреннемъ принятіи уніи и отпаденіи отъ лона католической церкви (Длугошъ. Lipsiae. MDCCXII, 115—119). Съ разказомъ польскаго лѣтописца можетъ быть сопоставленъ отрывокъ изъ венгерской хроники Tugoczi (Prag. Hung. Script. Francforti. 1600, стр. 160), относящейся къ царствованію въ Германіи Максимилиана I.

Вычитая полученное нами изъ даты 29-го мая, получимъ 23-го марта, какъ разъ тотъ день, когда султанъ выступилъ изъ Адрианополя. Посмотримъ теперь, дадутъ-ли намъ эти вычисления другія вѣрныя цифры. Впервыхъ, приступъ къ Византіи, бывшій на 14-й день послѣ 23-го марта, падеть на 5-е апрѣля, когда султанъ дѣйствительно подступилъ къ Византіи: новое оправданіе вычисления. Приступъ С, бывшій на 30-й день послѣ А, падаетъ на 24-е апрѣля, приступъ Е— на 3-е мая. Приступъ С намъ не удалось приурочить съ полною точностью къ показаніямъ другихъ очевидцевъ; впрочемъ, если даже не говорить о томъ, что турки вообще дѣлали частыя нападенія на городъ и, что весьма естественно, не всѣ эти нападенія занесены въ источникъ, мы имѣемъ свидѣтельство Барбаро (С. N. 23) о приступѣ въ ночь на 18-е число, и если отоместить его съ приступомъ С Исминдара, то мнѣ кажется, мы не сдѣлаемъ слишкомъ смѣлаго предположенія, — вѣдь все-таки отъ нашего автора нельзя требовать особенной точности.

Что касается до самаго взятія Византіи, то оно, по свидѣтельству Исминдара, совершилось въ три дня. На мой взглядъ, причину такого растяженія нужно видѣть въ эпическомъ характерѣ повѣствованія, какими объясняются многія преувеличенія, свойственныя сказанію, а повторыхъ, въ томъ обстоятельствѣ, что и въ дѣйствительности приступовъ было не одинъ, а три; ихъ-то и развѣстилъ Исминдара на пространства трехъ дней, вмѣсто одного, соблюдая однако во всемъ остальномъ ту же послѣдовательность, что и другіе очевидцы.

Сочиненія по исторіи паденія Византіи.

Начиная съ Гиббона цѣлая плеяда ученыхъ одни за другими старались воспользоваться бывшимъ на лицо историческимъ матеріаломъ для воссозданія передъ глазами читателей картины разоренія Царяграда турками. Самъ разказъ Гиббона, проникнутый большимъ одушевленіемъ, написанъ на основаніи Франдзи, Дуки, Халкокондила, Леонарда Хиоскаго и отчасти Лавро Квирины, ибо только эти источники были обнаружены въ XVIII вѣкѣ. Ихъ же почти, съ немногими только добавленіями, держится Le Beau (*Histoire du Bas Empire corrigée et augmentée par M. de Saint Martin et continuée par Brosset jeune, XXI. P. 1836*). Что касается до Гаммера, то онъ свое капитальное сочиненіе по исторіи Османской имперіи (*Geschichte des Osmanischen Reiches durch Joseph von Hammer. Band I*), писалъ преимущественно по турецкимъ источникамъ и для изображенія послѣднихъ дней Византіи пользуется только однимъ изъ нихъ (Сеадъ-Еддиномъ), а въ основу разказа полагаетъ тѣ же источники, что и его предшественники Гиббонъ и Le Beau. Важнымъ дополненіемъ представляется только разработка вопроса о византійскихъ стѣнахъ и воротахъ, точное знаніе которыхъ необходимо для правильнаго разумѣнія всего хода осады. Сочиненія Zinkeisen: „*Geschichte des Osmanischen Reiches in Europa*“ и Finlay: „*A History of Greece from its conquest by the Romans to the present time*“. A new edition revised throughout by the author and edited by Tozer,—по своему общему характеру довольствуются картиной паденія Византіи въ главныхъ чертахъ, не останавливаясь на тщательномъ изученіи подробностей.

Первою спеціальною монографіей по этому предмету былъ на западѣ трудъ Мордтманна подъ заглавіемъ: *Belagerung und Eroberung Constantinopels durch die Türken im Jahre 1453. Stuttgart und Augsburg. 1858*, построенный на въ высшей степени важномъ для исторіи паденія Византіи дневникѣ Барбаро, благодаря чему автору удалось точно установить хронологію осады. Цѣнность этого сочиненія увеличивается также тѣмъ обстоятельствомъ, что Мордтманнъ не только изучилъ на мѣстѣ топографію Константинополя и развалины его стѣнъ, но даже при помощи знанія турецкаго языка привлекъ къ своему изслѣдованію два новыхъ турецкихъ источника, одинъ изъ которыхъ въ переводѣ помѣщенъ имъ въ концѣ книги. Соединеніемъ всѣхъ этихъ качествъ объясняется важность труда Мордтмана

въ разработкѣ фактической стороны паденія Византіи, но съ другой стороны, мы тщетно искали бы въ немъ выясненія историческаго значенія, сопряженнаго съ такимъ міровымъ событіемъ; авторъ беретъ описываемый предметъ отдѣльно, не считая нужнымъ восстанавливать его связь съ предыдущимъ и послѣдующимъ; въ тѣхъ рѣдкихъ случаяхъ, когда Мордтманъ позволяетъ себѣ отступить отъ буквальнаго почти слѣдованія источникамъ и пускается въ разсужденіе историко-философскаго свойства, разсужденія эти не только не придаютъ цѣны сочиненію, но скорѣе идутъ ему въ ущербъ, потому что хотя авторъ гордится „своимъ здравымъ человѣческимъ мышленіемъ, тѣмъ не менѣе оно съ нимъ нерѣдко играетъ злая шутка“. Что касается до археологическихъ изысканій Мордтманна, то они, какъ доказалъ это Пастати, имѣютъ болѣе значеніе какъ собраніе матеріала, нежели удачная его обработка.

Необходимымъ дополненіемъ къ труду Мордтмана является рецензія Фойгта (*Voigt*): *Die Eroberung von Constantinopel und das Abendland* ¹⁾, гдѣ указываются упущенія и недостатки сочиненія Мордтманна, которые и восполняются отчасти при помощи сочиненія *Zhischmann*'а по исторіи уніи.

Введеніе Еллисена въ его третій томъ *Analekten der mittl. und neugriech. Literatur* соединяетъ всѣ качества, какія можно требовать отъ спеціальной монографіи по исторіи осады и взятія Византіи турками. Къ сожалѣнію кругъ источниковъ, которыми пользовался авторъ, былъ расширенъ противъ прежнихъ однимъ Пускуломъ, если не считать *Θρηνος*; дневникъ Варбаро появился послѣ отпечатанія III тома *Analekten*. Понявъ однако всю важность поваго источника, Еллисенъ сдѣлалъ изъ него довольно полное извлеченіе, которое и помѣстилъ въ концѣ книги.

Въ 1870 году появилось изслѣдованіе Краузе: *Die Eroberungen von Constantinopel im dreizehnten und fünfzehnten Jahrhunderte, nach byzantinischen, fränkischen, türkischen Quellen und Berichte*. Halle. Не смотря на громкое заглавіе, Краузе пользовался не только турецкими, но даже и италіанскими источниками не изъ первыхъ рукъ, а въ византійскихъ слѣдовалъ разработкѣ предшественниковъ. Половина книги, посвященная разоренію Царегграда турками; представляетъ скорѣе компіляцію, нежели самостоятельное изслѣдованіе предмета. Какъ мало изучалъ авторъ источники, видно хотя бы изъ того,

¹⁾ *Historische Zeitschrift*, Dritter Band. 1860.

что онъ ни разу не ссылается на Пускула, помѣщеннаго въ томъ же третьемъ томѣ *Analekten* Еллисена, который онъ цитируетъ по поводу *Ἐρῆνος*. Въ замѣнъ того, Краузе дѣлаетъ выписки о происхожденіи турокъ изъ *Deguignes*, *Hammer* и *Zinkeisen* и даетъ характеристику новыхъ завоевателей.

Въ 1877 г. увидѣло свѣтъ сочиненіе Васта: *Le cardinal Besson ou étude sur l'histoire de Renaissance*, гдѣ паденію Византіи отводится цѣлая глава, напечатанная и отдѣльно въ *Revue historique* Моно. Превосходное знакомство съ богатымъ матеріаломъ, заключающимся въ архивахъ и историческихъ изданіяхъ Франціи и Италіи, дало возможность автору сообщить драгоценныя библиографическія указанія въ примѣчаніяхъ къ самому тексту. Не задаваясь цѣлю писать специальное изслѣдованіе о взятіи Византіи турками, авторъ воспользовался довольно поверхностно собраннымъ матеріаломъ, что, впрочемъ, восполняется живостью и картинностью всего изложенія.

Въ томъ же году появились *Βυζαντινα μελέτα τοπογραφικαί καί ιστορικαί ὑπὸ Πασιπάτη*. На основаніи самостоятельнаго и глубокаго изученія константинопольскихъ древностей, соединеннаго съ обширнымъ знакомствомъ съ византійскими писателями, Паспати даетъ полный, ясный и точный очеркъ стѣнъ Византіи, сообщая при этомъ нѣсколько весьма важныхъ соображеній по поводу ея паденія. Что касается второй части этого сочиненія, то она посвящена отношеніямъ Византіи къ западнымъ народамъ до конца XIV вѣка (стр. 127—277), ибо въ нихъ Паспати усматриваетъ одну изъ главныхъ причинъ гибели Цареграда.

Критика всѣхъ писателей, занимавшихся изслѣдованіемъ вопроса о состояніи византійскихъ стѣнъ во время ея паденія, содержится въ статьѣ г. Дестуниса (*Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія*, ССХІХ и ССХХV) и въ отдѣльной брошюрѣ, принадлежащей тому же автору и озаглавленной: *Историко-топографическій очеркъ стѣнъ Византіи*. Одесса. 1887.

Въ 1883 году вышло въ свѣтъ французское изданіе „Исторіи левантской торговли въ средніе вѣка“ Гейда, переработанное и дополненное самимъ авторомъ сравнительно со вторымъ нѣмецкимъ изданіемъ. Сочиненіе это представляетъ вѣчный памятникъ того, что можетъ создать нѣмецкая ученость въ соединеніи съ нѣмецкимъ трудолюбіемъ и точностью. Хотя авторъ говоритъ объ осадѣ лишь вскользь, имѣя главнымъ образомъ въ виду торговля сношенія Востока и За-

пада, тѣмъ не менѣе его немногочисленныя страницы по богатству данныхъ, по точности и безпристрастію, по огромному количеству источниковъ, на которые дѣлаются ссылки, должны быть руководствомъ при изученіи исторіи послѣднихъ дней Византіи.

Изъ другихъ сочиненій важны для занимающихся исторіей взятія Цареграда турками IV томъ *Storia documentata di Venezia* Романина (*Romanin*), 1885 г., гдѣ содержатся драгоцѣнныя свѣдѣнія, почерпнутыя изъ венеціанскихъ архивовъ, о роли, которую играла Венеція въ событіяхъ 1453 года.

Изысканія Романина такъ полны и точны, что на нихъ дѣлаетъ ссылки самъ *ποροαθής* (по выраженію Паспати) Гейдъ. Кромѣ сочиненія Романина, важны *Hopf: Geschichte Griechenlands im Mittelalter* и *Hertzberg: Geschichte Griechenlands seit dem Absterben des antiken Lebens bis zur Gegenwart*.

Необходимымъ пособіемъ для изученія личности завоевателя должна служить книга *Thuasne: Gentile Bellini et' sultan Mohamed II*. Paris. 1886, гдѣ собраны богатые матеріалы для характеристики Мехмета, а также приложены снимки съ дошедшихъ до насъ его портретовъ.

Изъ русскихъ сочиненій по этому вопросу имѣетъ значеніе изслѣдованіе Стасюлевича, помѣщенное въ I-мъ томѣ Ученыхъ Записокъ II отдѣленія Академіи Наукъ, а потомъ особымъ изданіемъ. Благодаря легкости изложенія и искусному выбору наиболѣе яркихъ подробностей, автору удалось возсоздать живую картину описываемыхъ событій, чѣмъ искупаются недостаточно глубокое изученіе источниковъ и ограниченное ихъ количество; не привлечено, напримѣръ, къ дѣлу и русское сказаніе, помѣщенное однако въ томъ же томѣ Записокъ, гдѣ и статья Стасюлевича; разказъ Тедалди и италіанскіе источники, собранные у *Migatori*, точно также оставлены въ сторонѣ.

Основаніемъ нашей характеристикъ сочиненій по исторіи осады и взятія Византіи турками была та постепенность, въ которой расширялся кругъ источниковъ, доступныхъ авторамъ, сообразно съ чѣмъ выяснялась прагматическая сторона событія; но въ свою очередь любопытны взгляды различныхъ авторовъ на причины этого событія, кореннымъ образомъ измѣнившаго условія жизни всѣхъ народностей, входившихъ раньше въ составъ Византійской имперіи. Внѣшніе враги съ одной стороны, внутреннее разложеніе съ другой: въ такомъ видѣ представлялись эти причины современникамъ и отъ нихъ перешли и къ историкамъ, которые не стали подвергать ихъ повѣркѣ и подроб-

ному изслѣдованію, а считали достаточнымъ намѣтить ихъ въ самыхъ общихъ чертахъ. Между тѣмъ сколько важнаго можно сдѣлать именно въ выясненіи этихъ причинъ, показала работа г. Паспати, который первый съ убѣдительною и послѣдовательною провелъ національно-экономическое воззрѣніе на исторію послѣднихъ лѣтъ Византіи, помѣщая весь источникъ зла въ томъ порабощеніи, въ какомъ находились греки отъ запада. Стасюлевичъ указываетъ въ попыткахъ уніи корень разслабленія Греческой имперіи, не разработывая однако своего взгляда съ такою глубиною, какъ Паспати, а довольствуясь лишь выраженіемъ его въ общихъ чертахъ.

III. Негодныйъ.

РУССКАЯ ГРЕКО-УНИАТСКАЯ ЦЕРКОВЬ ВЪ ЦАРСТВОВАНІЕ ИМПЕРАТОРА АЛЕКСАНДРА I ¹⁾.

IV.

Состояніе греко-униатской церкви въ первые годы послѣ
изгнанія іезуитовъ изъ Россіи.

Не долго іезуиты пользовались плодами своей Полоцкой академіи, открытой съ необычайнымъ торжествомъ 10-го іюня 1812 г., то-есть, почти на канунѣ нашествія Наполеона на Россію: указомъ правительствующаго сената 19-го марта 1820 года, съ приложеніемъ Высочайше конфирмованнаго доклада министра духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія князя А. Н. Голицына, предписано было выслать изъ Россіи іезуитовъ и взять имѣнія ихъ въ казенное вѣдомство. Полуѣвковое пребываніе ихъ въ предѣлахъ Россіи со времени возвращенія въ 1772 году Бѣлоруссіи, не взирая на уничтоженіе іезуитскаго общества буллою папы Климента XIV (1773) и изгнаніе ихъ изъ всѣхъ римско-католическихъ странъ Европы, принесло Россіи горькіе плоды, нанесло глубокія раны греко-униатской церкви, повело къ совращенію въ латинство многихъ тысячъ бѣлоруссовъ и содѣйствовало ополяченію значительнаго края. Русское правительство предоставило въ ихъ пользу недвижимыя имѣнія, разрѣшило имѣть своего генерала, независимаго отъ епархіальнаго архіерея и митрополита, допустило ихъ въ С.-Петербургѣ къ богослуженію въ церкви св. Екатерины, дозволило имъ заниматься воспитаніемъ юношества въ устроенныхъ ими школахъ. Изъ коллегіи образована была Полоцкая іезуитская академія съ предоставленіемъ правъ независимаго учрежденія, сво-

---

¹⁾ *Продолженіе.* См. іюльскую книжку *Журн. Мин. Нар. Пр.* за текущій годъ.

боднаго отъ надзора властей Виленскаго учебнаго округа. Отверженныя папою, іезуиты явились недостойными оказаннаго имъ покровительства и вниманія царствующихъ государей. Своими внушеніями они обольщали вѣранныхъ имъ питомцевъ и людей, принадлежащихъ православнои церкви, и даже обращали въ латинство военно-служащихъ. Утвердившись въ римско-католической коллегіи, уставъ которой былъ вновь составленъ по начертанію патера Грубера (ставшаго впоследствии во главѣ іезуитскаго ордена), іезуиты, вопрекоръ государственнымъ узаконеніямъ, обращали въ латинство въ Бѣлоруссіи цѣлыя приходы греко-уніатовъ, въ Ригѣ и Саратовскихъ колоніяхъ обольщали послѣдователей евангелическаго исповѣданія и во многихъ мѣстахъ совращали насиліемъ дѣтей еврейскихъ. Подговорами и обольщеніями они посѣвали въ семействахъ раздоръ и несогласіе. Съ подвластными же имъ крѣпостными крестьянами поступали вопреки правилъ христіанскаго человеколюбія, чѣмъ нарушали правительственныя распоряженія 1818 г. Многіе изъ крестьянъ іезуитскихъ имѣній были отпускаемы іезуитами въ рубищахъ, слѣпые и увѣчные, съ плакатными паспортами, для вымалыванія подаянія. „По Высочайшему повелѣнію“, сказано въ докладѣ Голицына, — „я писалъ іезуитскому генералу (Березовскому), что пускать по міру нищихъ и немощныхъ людей несообразно съ христіанскими правилами, напаче, когда іезуитское общество имѣетъ всѣ средства приврѣтъ ихъ“. Авторъ высочайшаго доклада сознается, что оказываемое іезуитскому обществу довѣріе и уваженіе съ возложеніемъ на іезуитовъ священной обязанности образованія юношей, съ цѣлью просвѣщенія ихъ разуму наукой и ихъ сердца религіей, повело къ грустнымъ разочарованіямъ: орденъ остался вѣренъ своему знамени, и всѣ дѣйствія іезуитовъ были направлены къ собственнымъ ихъ выгодамъ и распространенію власти, оправдывая свою совѣсть и рядъ нарушеній государственныхъ законовъ, правилами своего ордена ¹⁾).

¹⁾ Морозкины, Іезуиты въ Россіи съ царствованія Екатерины II и до нашего времени, ч. II, приложенія 1, 2, 3 и 4. Объ изгнаніи іезуитовъ см. П. С. З. XXXVII, № 28198: „Іезуитовъ, какъ забывшихъ священныи долгъ не только благодарности, но и подданческой присяги, и потому недостойныхъ пользоваться покровительствомъ Россійскихъ законовъ, выслать, подъ присмотромъ полиціи, за предѣлы государства и впредь ни подъ какимиъ видомъ и наименованіемъ не впускать въ Россію“. Сравни. этотъ указъ съ буллою папы Климента XIV „Dominus ac Redemptor“ 1773 г., которая уничтоженіемъ іезуитскаго общества стремилась возвратити миръ и порядокъ церкви римско-католической.

Іезуиты были изгнаны, Полоцкая академія и подвѣдомственные ей училища упразднены, наличные капиталы поступили въ приказъ общественнаго призрѣнія, недвижимыя имѣнія съ крестьянами поручены вѣдѣнію казенныхъ палатъ съ обращеніемъ доходовъ на нужды римско-католическаго духовенства и потребности народнаго просвѣщенія. Но остались явные и тайные послѣдователи іезуитскаго ученія, какъ въ свѣтскомъ, такъ и въ духовномъ званіи, въ министерствахъ и канцеляріяхъ, въ школахъ и въ монастыряхъ. Іезуитамъ было разрѣшено вступать въ другіе ордена или въ бѣлое духовенство латинскаго обряда... Они появились въ Вильнѣ и свили себѣ гнѣздо при университетѣ, куда ранѣе не имѣли доступа.

Іезуиты были изгнаны изъ Бѣлоруссіи, но и здѣсь, и въ Литовской Руси, и въ Волынской и Подольской губерніяхъ осталось 30 различныхъ римско-католическихъ орденовъ съ цѣлымъ полкомъ монаховъ, владѣвшихъ десятками тысячъ крестьянъ и громадными капиталами. Число монаховъ въ нѣкогорыхъ епархіяхъ превышало число даже свѣтскихъ священниковъ!

Не смотря на всѣ старанія іезуитскихъ генераловъ Грубера и Березовскаго, іезуитамъ не удалось утвердиться въ Виленскомъ университетѣ; тогда опасно было раздражать князя Адама Чарторижскаго, пользовавшагося силой и особымъ довѣріемъ императора Александра I; но теперь, съ упраздненіемъ ордена, который съ такимъ успѣхомъ развивалъ латинскую пропаганду въ Бѣлоруссіи и въ обѣихъ столицахъ, іезуиты приняты были съ особенною благосклонностію въ Вильнѣ и подвѣдомственныхъ Виленскому университету учрежденіяхъ, частью въ одеждѣ смиренныхъ пастырей, частью въ качествѣ чиновниковъ и учителей. А это обстоятельство не замедлило оказать послѣдствія, въ извѣстномъ отношеніи весьма вредныя. Послѣ изгнанія іезуитовъ ревность пропаганды даже усилилась, и въ данный періодъ пальма первенства принадлежала базилианскому ордену, который, находя поддержку въ столицѣ и ободреніе въ министерствѣ и коллегіи, проявилъ особенную дерзость: онъ сталъ собираться съ силами для утвержденія полнаго господства въ униі, съ цѣлію совращенія греко-униатовъ въ латинство.

Къ счастью для русской народности въ западныхъ губерніяхъ Россіи, базилиане на пути своей разрушительной дѣятельности встрѣтили упорное сопротивленіе въ бѣломъ духовенствѣ. Борьба литовской консулты съ Жировицкою и Виленскою консисторіями, за которыми во всеоружіи стоялъ Врестскій капитулъ съ запасомъ обли-

ченій въ хищническихъ замыслахъ ордена, принимала къ концу царствованія императора Александра I все болѣе и болѣе острый характеръ. Никогда еще бѣлое греко-уніатское духовенство не терпѣло такихъ грубыхъ выходокъ со стороны базилианъ, особенно виленскихъ, никогда интриги базилианъ не отличались такою смѣлостью, какъ въ первые годы послѣ изгнанія іезуитовъ изъ Россіи. Поэтому было бы наивно допускать, что съ 1820 года фактически прекратилось существованіе іезуитовъ въ обществѣ. Въ русской греко-уніатской церкви базилиане, точно также, какъ іезуиты въ латинской, пренебрегали властью епархіальныхъ архіереевъ и всѣ свои противозаконныя дѣйствія оправдывали правилами своего ордена. Губернская администрація была къ услугамъ базилианскаго провинціала Каминскаго и его консулты. Базилианская интрига проникла въ Виленскую греко-уніатскую консисторію, развращая колеблющихся ея членовъ и возбуждая ихъ противъ официаловъ. Базилиане, подстрекаемые тайными іезуитами и руководителями латино-польской пропаганды, дѣйствовали рука въ руку съ партіей, враждебною русской національности, особенно въ Вильнѣ, главнымъ очагѣ разныхъ обществъ дозволенныхъ и не дозволенныхъ правительствомъ или властью ректора университета. Не поддавались стремленіямъ латинизаторовъ бѣлый архіепископъ Крассовскій, прелаты и каноники Брестской епархіи, уніатскіе профессора, большинство воспитанниковъ главной духовной семинаріи и старѣйшіе уніатскіе священники въ епархіяхъ: они не забывали ни бѣдствій народныхъ подъ владычествомъ Польши, ни тѣхъ ударовъ, которые въ теченіе двухъ вѣковъ нанесены были Русской церкви.

Само министерство духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія, увлекаясь отвлеченными идеалами христіанскаго благочестія и оставивъ въ сторонѣ заботу о руководствѣ просвѣщеніемъ въ Вѣлорусіи, Литвѣ, Подоліи и Волынѣ, съ усердіемъ занималось дѣлами библейскаго общества и распространеніемъ благотворительныхъ кружковъ, скрывавшихъ, между тѣмъ, въ западныхъ губерніяхъ подъ личиною общественной благотворительности цѣли политическія. Обширное вѣдомство, ввѣренное князю А. Н. Голицыну, крайне пестрое по составу и обильное по объему своей многосторонней дѣятельности ¹⁾, послѣ изгнанія іезуитовъ, продолжало пассивно отно-

¹⁾ П. С. З., т. 34, № 27, 106. Маннестъ 25-го ноября 1817 г. объ учрежденіи мнн. духовн. дѣлъ и народнаго просвѣщенія. Въ министерствѣ состоятъ: 1) де-

ситься къ направленію и духу народнаго образованія въ восьми сѣверо-западныхъ губерніяхъ и Бѣлостокской области, составлявшихъ Виленскій учебный округъ, допуская на свободѣ развиваться пропагандѣ, враждебной русской національности и противной религіозному духу греко-униатовъ.

Въ Виленскомъ университетѣ, въ Кременецкомъ лицей, въ гимназіяхъ, уѣздныхъ училищахъ, пансіонахъ, конвиктахъ и приходскихъ школахъ число учащихся достигло болѣе 21,000 (въ томъ числѣ въ Виленскомъ университетѣ состояло около 1,000 студентовъ), при чемъ большая половина учениковъ обучалась въ училищахъ, бывшихъ въ непосредственномъ вѣдѣніи монашескихъ орденовъ базилианскаго и римско-католическихъ: шіаровъ, доминикановъ, миссіонеровъ, бернардиновъ, францисканъ, тринитаровъ. Такъ въ непосредственномъ вѣдѣніи Виленскаго университета были (до 31-го октября 1824 года): въ Бѣлорусскихъ губерніяхъ 2 гимназіи, 9 уѣздныхъ училищъ, 10 приходскихъ школъ, а въ нихъ учащихся 914. Въ вѣдѣніи же монашескихъ орденовъ: 1 высшее училище и 3 уѣздныхъ. Въ нихъ обучалось до 800 человекъ. Кромѣ приходскихъ училищъ, бывшихъ при фарныхъ костелахъ, въ губерніяхъ Литовскихъ (Виленской, Гродненской, Минской), въ Подольской, Волынской и въ области Бѣлостокской состояло (кромѣ университета): 1 лицей, 5 гимназій, 4 уѣзд-

---

партаментъ духовныхъ дѣлъ; 2) департаментъ народнаго просвѣщенія; 3) главное училище правленіе: а) ученый комитетъ и б) хозяйственный комитетъ. Дѣла римско-католическаго, греко-униатскаго и армянскаго исповѣданій вѣдаются во 2-мъ отдѣленіи департамента духовныхъ дѣлъ. Въ кругъ занятій этого отдѣленія (въ 3-хъ столбахъ) входятъ, между прочимъ, статистическія свѣдѣнія объ учебныхъ и богоугодныхъ заведеніяхъ при церквахъ и монастыряхъ, свѣдѣнія о духовныхъ имуществахъ, описи и отчетность о состояніи церквей и монастырей, генеральныя посѣщенія монастырей ихъ начальниками (визиты), дѣла о главной и епархіальныхъ семинаріяхъ, дѣла тяжебныя о духовныхъ имѣніяхъ, объ отдачѣ въ аренду недвижимаго имущества церковнаго и монастырскаго и т. п.—§ 11—14. Училища, состоящія въ вѣдѣніи департамента народнаго просвѣщенія, раздѣлены на шесть учебныхъ округовъ. Къ Виленскому учебному округу отнесены училища въ губерніяхъ: 1) Виленской, 2) Гродненской, 3) Могиленской, 4) Витебской, 5) Волынской, 6) Подольской, 7) Кіевской и 8) Минской и въ Бѣлостокской области. Виленскій университетъ имѣеть: 1) совѣтъ, 2) правленіе, 3) цензурный комитетъ. При университетѣ находятся: 1) главная духовная семинарія, управляемая совѣтомъ, и 2) медицинское общество. — § 38. Полоцкая іезуитская академія не зависитъ отъ округа: напротивъ, отъ нея зависятъ училища (іезуитскія): въ Полоцкѣ, Витебскѣ, Ужвальдѣ, Могилевѣ, Оршѣ, Мстиславлѣ, Ригѣ, Романовѣ, Одессѣ и Астрахани.

ныхъ училища, 258 приходскихъ школъ. Въ лицѣхъ и гимназіяхъ состояло 2,668 учащихся, въ уѣздныхъ училищахъ—8,359 мальчиковъ и дѣвочекъ, въ приходскихъ школахъ—6,781 мальчикъ и 663 дѣвочки. Изъ числа 47 уѣздныхъ училищъ означенныхъ губерній въ вѣдѣніи монашескихъ орденовъ состояло 37. Точно также въ вѣдѣніи римско-католическаго духовенства была большая часть приходскихъ школъ. Выставляя успѣхи, достигнутыя католицизмомъ въ западныхъ губерніяхъ, извѣстный благопріятель іезуитовъ Шаптырь въ сочиненіи „Wladomosci do Dziejow Kosciola i Religii katolickiej w krajach rapanowaniu Rossyjskiemu podleglych“, удостоверяетъ, что римско-католическіе монашескіе ордена имѣли 76 публичныхъ или всенародныхъ училищъ, и кромѣ того, можно считать до 800 приходскихъ школъ устроенныхъ приходскими священниками (ч. I, стр. 387). Эти школы приходскія не входили въ отчеты попечителя Виленскаго учебнаго округа. Все это достаточно убѣждаетъ насъ, какими громадными способами обладало латинское духовенство для образованія русскаго народа согласно съ видами польско-латинской партіи. Слѣдуетъ упомянуть еще о 45 пансіонахъ и конвиктахъ, бывшихъ въ рукахъ различныхъ предпринимателей мужскаго и женскаго пола (въ этихъ частныхъ римско-католическихъ школахъ обучалось 1,091 дѣтей обоего пола), объ 11 школахъ взаимнаго обученія, въ которыхъ по ланкастерскому методу обучали чтенію, письму и ариметикѣ, (разумѣется—на польскомъ языкѣ), и о Могилевской военной школѣ при главномъ штабѣ 1-й арміи юнкеровъ и подпрапорщиковъ. И не смотря на развитіе школъ подъ призрѣніемъ и руководствомъ монашескихъ орденовъ, съ цѣлью народнаго просвѣщенія, семинаріи для блага духовенства, какъ римско-католическаго, такъ и греко-уніатскаго находились въ жалкомъ состояніи ¹⁾. Въ латинскихъ епар-

¹⁾ Отчетъ ректора Виленскаго университета за 1823—1824 учебный годъ, читанный 30-го іюня 1824 г. См. еще гр. Толстаго: *Le Catholicisme Romain*, II, p. 232, 355, 356 о римско-католическихъ и базилианскихъ школахъ. Школамъ базилианскія для свѣтскаго юношества находились: 1) Въ монастыряхъ Белорусской провинціи двѣ школы: въ Вержбиловскомъ (Витебской губ.) и Толочинскомъ (Могилевской губ.) 2) Въ монастыряхъ Литовской провинціи—шесть школъ: въ Жировицкомъ на степени гимназіи (Гродненской губ.), прочія на степени училищъ: въ Брестъ-Литовскомъ (Гродн. губ.), Поддубскомъ и Борунскомъ (Виленской губ.), Лядскомъ и Березычскомъ (Минской губ.); 3) въ монастыряхъ Русской провинціи, также шесть школъ, изъ коихъ четыре на степени гимназій, а именно: въ Барскомъ (Подольской губ.), Уманьскомъ (Кіевской губ.), Любарскомъ и Овручскомъ (Волинской губ.), и двѣ на степени уѣздныхъ училищъ: въ Владимірскомъ (Волинской губ.) и Каневскомъ монастыряхъ (Кіевской губ.).

хіальныхъ семинаріяхъ, при скудномъ богословскомъ образованіи, воспитывали фанатиковъ, съ презрѣніемъ и ненавистью относившихся ко всему русскому.

Наибольшимъ усердіемъ къ просвѣщенію свѣтскаго юношества Западной Россіи отличались монахи базилианскаго ордена. Базилианскихъ школъ для образованія свѣтскаго юношества или публичныхъ было четырнадцать (не считая двѣнадцати новиціатовъ для духовнаго образованія монаховъ и десяти пансіоновъ въ монастыряхъ базилианокъ), а въ нихъ учащихся было 4384, и въ этомъ числѣ большая часть воспитанниковъ, бывшихъ на попеченіи греко-униатскаго монашескаго ордена, принадлежала къ римско-католическому исповѣданію! За базилианами слѣдовали доминиканы, за ними пары; послѣ изгнанія іезуитовъ пары заразились духомъ ультрамонтанства, прежде у нихъ не замѣчаемаго; нѣкогда школы піаристовъ отличались хорошими методами преподаванія, шли впереди всѣхъ; къ піарамъ же перешла Полоцкая іезуитская академія, преобразованная въ высшую школу или лицей, и типографія ¹⁾.

Въ гимназіяхъ и уѣздныхъ училищахъ процвѣтали латинскій языкъ и латино-польская поэзія, русская же исторія и географія, какъ и вообще всѣ предметы, преподавались на польскомъ языкѣ. Русскій языкъ, столь необходимый для образованія русскихъ подданныхъ значительной окраины Русскаго государства, населенной русскими людьми, оставался въ пренебреженіи. Преподаваніе русскаго языка было въ такомъ же жалкомъ положеніи и во всѣхъ семинаріяхъ и базилианскихъ новиціатахъ. Въ приходскихъ школахъ обучали дѣтей по системѣ ланкастерской или Песталоцци. Базилиане, усвоивъ себѣ воспитательные приемы іезуитскаго ордена, не оцѣнили однако дальновидной политики бѣлорусскихъ іезуитовъ въ одномъ отношеніи: іезуиты вмѣняли въ обязанность поступившему въ ихъ орденъ заграничному пришельцу учиться русскому языку, и изъ этого правила не исключались даже старики ²⁾. Базилиане

¹⁾ Арх. мин. нар. просв. по Виленскому учебному округу: 1820 г., № 64991, карт. 2437. объ учреженіи училищъ въ Бѣлорусскомъ округѣ въ землѣ іезуитскихъ, 1823 г., № 8538, карт. 194. Полоцкимъ піарамъ разрѣшено имѣть типографію.

²⁾ *Морошкинъ*. Іезуиты въ Россіи, ч. 1, стр. 177, примѣчаніе: „Библіотекъ іезуитская въ Полоцкѣ имѣла сочиненія всѣхъ русскихъ литераторовъ, всѣ богослужебныя православныя книги и четьи минеи. Нередко видѣли старика-іезуита, родомъ француза или италіанца, читающаго полуславянскія четьи минеи, или Ломоносова, или Кюмтемира. Нѣкоторые были отличными знатоками русской литературы“.

не обучали своихъ монаховъ даже церковно-славянскому языку, и провинціалы всю официальную переписку даже съ коллегіей вели на польскомъ языкѣ. Не ранѣе, какъ послѣ паденія князя Голицына и удаленія князя Чарторыйскаго, совѣтъ Виленскаго университета нашелъ полевнымъ расширить въ школахъ требованія по русскому языку, преподавать російскую исторію на русскомъ языкѣ и примѣнять къ ланкастерскимъ школамъ таблицы на русскомъ языкѣ, напечатанныя въ С.-Петербургѣ въ особомъ комитетѣ и передѣланныя при Виленскомъ университетѣ ¹⁾.

Вышеизложенное даетъ лишь общее понятіе о тѣхъ громадныхъ средствахъ, которыми располагали римскіе католики въ западныхъ губерніяхъ при Чарторыйскомъ для развитія просвѣщенія въ духѣ польской національности, враждебной Россіи ²⁾. За-одно съ римскими латинизаторами дѣйствовали базилиане съ тайною цѣлью обращенія русскихъ униатовъ бѣлоруссовъ и малороссовъ въ латинство. Такимъ образомъ подѣ покровомъ министерства базилиане свободно выполняли свою латинизаторскую миссію въ уни и притомъ съ усердіемъ,

¹⁾ *Dziśń. Wilen.* 1824 г., т. II, № 7, стр. 233—247. Арх. мин. нар. проsv. 1824 г., дѣло № 16,606, кн. 581, № 16,607, кн. 581.

²⁾ Чтобы дать болѣе полное понятіе о развитіи учебныхъ средствъ Виленскаго учебнаго округа въ сравненіи съ прочими частями государства, приведемъ слѣдующую выдержку изъ вѣдомости о *составлѣніи учебныхъ заведеній и числа учащихся въ Россіи въ 1824 году*

	Въ Виленскомъ учебн. окр. Виленская, Гродненская, Влосточская обл., Минская, Волинская, Подольская, (6 губ.) (Витебская и Могилев- ская губ. съ 31-го октября отозвали къ Петерб. уч. округу).	Въ прочихъ пяти учебн. округахъ, а въ нихъ 49 губ.: Московского окр. 11 губ., Харьковского 14, Петербургскаго 9, Казанскаго 12, Дерптскаго 3.
Учебныхъ заведеній	368	1.043
Учащихъ	901	3.707
Другихъ чиновниковъ	107	1.129
Учащихся мальчиковъ	20.082	43.700
„ дѣвочекъ	583	5.256
Всѣхъ	20.665	48.964

Впрочемъ въ эту вѣдомость не вошли: военно-учебныя заведенія, школы кантонистовъ, всѣ духовныя заведенія православнаго и иностранныхъ исповѣданій, академіи и учебныя заведенія разныхъ спеціальныхъ заведеній.—*Dziśń. Wilen.* 1826, т. I на основаніи данныхъ изъ *Дневника Народн. Просвѣщ.*

Кромѣ того, въ 6 университетахъ: 255 учащихся и 2667 учащихся, въ томъ числѣ въ Виленскомъ 42 учащихся и 976 учащихся.

превосходящимъ двухъ-вѣковня усилія римскихъ патеровъ подъ владичествомъ Польши.

Князь Адамъ Чарторыйскій, которому императоръ Александръ I довѣрилъ общественное образованіе губерній, отъ Польши возвращенныхъ, не исключая бѣлорусскихъ, въ качествѣ попечителя Виленскаго университета, направлялъ всѣ учебныя силы къ распространенію просвѣщенія въ духѣ польской національности, дабы такимъ способомъ облегчать достиженіе своей завѣтной цѣли, тщательно имъ скрываемой отъ русскихъ. На свой учебный округъ онъ смотрѣлъ какъ на часть Польши, подъ скипетромъ Александра I. „Виленскій университетъ“, пишетъ Чарторыйскій въ своихъ мемуарахъ, — „былъ совершенно польскимъ и служилъ для интересовъ губерніи этой (то-есть, польской?) націи. Въ теченіе немногихъ лѣтъ все пространство Польши (читай: губерніи отъ Польши возвращенныя) покрылось школами, въ которыхъ съ полною свободою развились польскія чувства“. Университетъ, въ который призваны были знаменитые ученые свои и иностранцы, исполнялъ эту роль съ умомъ и ревностью, и „это никого тогда не удивляло“ ¹⁾.

Чарторыйскій былъ достойнымъ ученикомъ іезуитовъ: онъ льстилъ, если это необходимо было для достиженія цѣли, и подобно имъ былъ неразборчивъ на средства. Онъ не желалъ однако (или не могъ желать) раздѣлять съ іезуитами власть по управленію просвѣщеніемъ въ своемъ округѣ: университетъ съ самаго своего преобразования въ 1803 г. опасался принять къ себѣ іезуитовъ, впустить къ себѣ эту мрачную силу, враждебную просвѣщенію. Черную работу національнаго образованія молодежи, какъ орудія для своей цѣли, Чарторыйскій предоставилъ ректору университета Снядецкому, особенно же главному своему агенту Чацкому и нѣкоторымъ первостепеннымъ агентамъ изъ среды польскихъ дворянъ, занимавшихъ официальныя должности въ фундушевой комиссіи, а равно провинціаламъ римско-католическихъ и базилианскаго орденовъ. Эти послѣдніе обязаны были напирать сердца дѣтей фанатизмомъ. Отсюда и та связь Чарторыйскаго съ базилианами, умѣвшими извлекать пользу у могущественнаго вельможи для противодѣйствія замысламъ Лисовскаго и Красовскаго. Мечтая быть вице-королемъ возстановленной Польши, Чарторыйскій всецѣло отдался интересамъ своей эгонистической политики и не могъ имѣть достаточно времени для непосредственнаго

¹⁾ Mémoires du Prince Adam Czartoryski, I, p. 323.

руководства просвѣщеніемъ въ школахъ своего округа. Для него и его именемъ работали усердные агенты и въ столицѣ, и въ провинціяхъ.

Въ теченіе своего двадцатилѣтняго попечительства надъ Виленскимъ университетомъ, Чарторыйскій бывалъ въ Вильнѣ только нѣскольکو разъ, и то лишь на короткое время. Поэтому, впоследствии, когда пришлось дать отчетъ императору о своей дѣятельности, Чарторыйскій не считалъ себя виновнымъ въ политическомъ развращеніи учащагося юношества въ своемъ округѣ.—Такъ ли это?.

Въ своемъ послѣднемъ письмѣ къ императору Александру I отъ 23-го октября 1823 г. Чарторыйскій сваливаетъ вину на другихъ: „Въ эту должность (попечителя Виленскаго округа) я назначенъ въ 1803 году. Но постоянное пребываніе въ Петербургѣ и занятія въ коллегіи иностранныхъ дѣлъ, не позволяли мнѣ исключительно заниматься дѣлами Виленскаго округа. Событія 1805, 1806, 1807 гг. отвлекали меня въ область другаго рода. Въ 1810 г. я оставилъ Петербургъ. Съ тѣхъ поръ обстоятельства на долгое время удерживали меня за границею. Мои занятія въ 1814 и 1815 гг. извѣстны вашему величеству; я снова вступилъ въ должность попечителя въ 1816 г.“ Чарторыйскому понадобилось опять побывать въ Варшавѣ по своимъ дѣламъ, откуда онъ возвратился въ Вильну лишь на короткое время въ 1817 г., чтобы подъ предлогомъ осмотра разныхъ школъ, преимущественно на Волыни и Подолія, прожить нѣкоторое время въ своихъ обширныхъ имѣніяхъ.

Въ октябрѣ 1817 г. Чарторыйскій опять отпрашивается за границу. „Je suis marié depuis quelque temps“, а это обстоятельство было уважительною причиною для путешествія за границею, „d'aller voyager“ ¹⁾). Въ 1818 г. мы видимъ Чарторыйскаго въ Варшавѣ, гдѣ онъ находитъ дѣла въ плохомъ видѣ. „Въ мартѣ (1818 г.) поѣду въ Вильну, а потомъ въ Кременецъ для осмотра учебныхъ заведеній“. Не извѣстно, исполнилъ ли свое намѣреніе попечитель. Во всякомъ случаѣ забота о ходѣ дѣлъ въ университетѣ была на послѣднемъ планѣ, ибо въ письмѣ изъ Сенявы отъ 2 (14)-го августа, Чарторыйскій писалъ государю, что состояніе здоровья его жены требуетъ новой отлучки за границу, на этотъ разъ продолжительной. „Доктора настаиваютъ на ея отъѣздѣ, она должна лѣчиться въ Бадень-Бадень. Я долженъ ее сопровождать“ ²⁾).

¹⁾ Mémoires, II, 369.

²⁾ Mémoires, II, 371. Изъ слѣдующихъ строкъ видно, что Чарторыйскаго

Во время продолжительнаго отсутствія князя Чарторыйскаго, управленіе Виленскимъ учебнымъ округомъ принялъ на себя министръ духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія (съ 23-го іюня 1819 г. ¹⁾). Князь-попечитель могъ и не торопиться въ Вильну; изъ Баденъ-Бадена онъ ѣздилъ въ Парижъ, побывалъ въ Лондонѣ. Наконецъ 21-го августа 1821 г. онъ вернулся, но не въ Вильну, а сначала въ свое имѣніе Сѣняву: „Revenu dans mes foyers je crois remplir un devoir en soumettant à Votre M. I. et R. quelques observations que j'ai faites pendant le peu de jours que j'ai passé à Varsovie“.

Послѣдовавшія событія въ Европѣ со времени конгрессовъ въ Троппавѣ и Лайбахѣ, революціонное движеніе къ Неаполѣ и Пьемонтѣ, напештываніе Меттерниха о тайныхъ обществахъ, готовившихъ безпорядки въ самой Россіи, недобрныя вѣсти, приходившія изъ конституціонной Польши, обьявленной своимъ преимуществомъ великодушію Русскаго государя, возстаніе грековъ—вездѣ одни и тѣ же явленія—произвели столь сильное впечатлѣніе на императора Александра I, что онъ не только совершенно измѣнилъ свой образъ мыслей по отношенію къ полякамъ, которыхъ облагодѣтельствовалъ, но даже сознавалъ несвоевременность дарованной Польшѣ конституціи. Послѣ Отечественнѣй войны императоръ давалъ понять Чарторыйскому, что онъ смотритъ на Бѣлоруссію, Литву, Подоль и Волынь, населенныя малороссами и бѣлоруссами, какъ на неотъемлемую собственность Россійской имперіи. Въ своихъ письмахъ онъ выражалъ намѣреніе ограничить возстановленіе Польскаго государства лишь предѣлами великаго герцогства Варшавскаго, за исключеніемъ частей, долженствующихъ отойти въ вознагражденіе Австріи и Пруссіи, то-есть, части Познани съ г. Торномъ и части Галиціи съ г. Величкою. Императоръ писалъ Чарторыйскому: „Образъ дѣйствій польской арміи подъ Смоленскомъ, въ Москвѣ и опустошенія разбудили у русскихъ старую ненависть. Не забывайте, что Литва, Подоль, Волынь до сихъ поръ считались русскими провинціями, и никакая логика въ мірѣ не можетъ убѣдить Россію, что онѣ могутъ быть подъ скипетромъ другаго государя, а не того, который цар-

---

особенно занимала Варшава, которую онъ оставилъ въ глубокой печали („моgne tristesse“); о Вильнѣ князь не заботился: тамъ и во всемъ округѣ среди дворянства съ 1815 года насаждались сімена революціоннаго движенія его агентами; въ этомъ направленіи дѣйствовали, между прочимъ, и благотворительные кружки, бывшіе въ вѣдѣніи министерства народнаго просвѣщенія.

¹⁾ Арх. мин. нар. проsv. 1819 г., № 7860, карт. 187.

ствуетъ въ Россіи¹⁾. Но Чарторыйскому, не взирая на очевидную несообразность, хотѣлось увѣрить себя и другихъ, что эти провинціи (les huit anciens (?) gouvernements) составляютъ не болѣе какъ часть Польши! Поэтому онъ соблаговолилъ принять ихъ подъ свое покровительство для защиты отъ варварства русской администраціи, неспособной ласкать дворянство и католическое духовенство за измѣну Русскому государю во время нашествія Наполеона. „Эти провинціи, такъ много пострадавшія при нашествіи непріятели, заслуживаютъ“, писалъ князь въ 1813 г.,— „чтобы и на нихъ были распространены тѣ благодѣянія, какими Вашему Величеству угодно было облагодѣтельствовать Польшу“.

Съ того времени прошло около десяти лѣтъ, и въ этотъ продолжительный періодъ учащейся молодежи восьми западныхъ губерній и Вѣлостокской области на школьной скамьѣ внушалось, что эти провинціи не имѣютъ ничего общаго съ Россіей, на которую поэтому должно смотрѣть какъ на враждебное государство, какъ на своего врага!... И все это дѣлалось съ вѣдома и подъ руководствомъ попечителя.

Посмотримъ, какъ оправдывался князь Чарторыйскій въ упомянутомъ письмѣ своемъ къ императору Александру I отъ 23-го октября 1823 г.: „Во время продолжительнаго моего отсутствія, университетъ и школы округа оставались въ непосредственномъ вѣдѣніи министра народнаго просвѣщенія, при чемъ система обученія не подвергалась никакимъ укорамъ. Управленіе школами и развитіе просвѣщенія (sic) были предметомъ чрезвычайныхъ заботъ (1), но для наблюденія за ними требовалось болѣе свободы (?). Послѣ моего возвращенія въ концѣ 1821 года, я нашелъ положеніе весьма серьезнымъ и труднымъ. Школьное дѣло совершенно измѣнилось. Мятѣжный духъ, распространившійся въ разныхъ университетахъ Германіи, и пагубное стремленіе къ образованію тайныхъ обществъ между учениками университетовъ подверглись преслѣдованію правительства. Зараза могла легко распространиться (слѣдовательно, еще не распространилась?) и на наши школы. Въ ноябрѣ 1821 г., вскорѣ послѣ моего возвращенія, я предписалъ университету усилить бдительность и строго воспретить тайныя общества. И это распоряженіе не осталось безъ должнаго вліянія, ибо, судя по разслѣдованіямъ (Новосильцева) въ Вильнѣ, тайныя общества были закрыты или разстроены. Въ мартѣ

¹⁾ Mémoires, II, 302, 303.

1822 г., послѣ трехлѣтняго моего отсутствія, я осмотрѣлъ университетъ и затѣмъ оставался въ Вильнѣ до іюня мѣсяца. Зная о положеніи школьнаго дѣла въ Европѣ и о переменнѣхъ взглядовъ правительства, я съ того времени старался всѣми силами отвѣчать намѣреніямъ Вашего Величества и спасти Виленскій университетъ отъ несчастія, которое ему угрожало, какъ и другимъ университетамъ въ Европѣ. Прежде всего я озаботился найти способнаго ректора, но назначеніе замедлилось на шесть мѣсяцевъ ¹⁾, и я лишень былъ возможности привести въ исполненіе предположеннаго реформы, а это обстоятельство и было, полагаю, одною изъ главныхъ причинъ бѣды, обрушившейся на университетъ. Когда же новый ректоръ (Твардовскій) принялся за приведеніе въ исполненіе моей инкструкціи о полицейскомъ надзорѣ, онъ былъ арестованъ, и наша работа въ Вильнѣ была парализована. Эти несчастія университета совпали съ моимъ семейнымъ горемъ и я считаю этотъ годъ самымъ печальнымъ въ моей жизни ²⁾.

Итакъ, обращеніе Виленскаго университета въ орудіе польско-латинской пропаганды, во время двадцатилѣтняго управленія князя Адама Чарторыйскаго, для удовлетворенія его личныхъ честолюбивыхъ замысловъ, было дѣломъ его гордыхъ, политическихъ мечтаній и нимало не соответствовало ни желаніямъ, ни намѣреніямъ императора Александра I, ибо тутъ дѣло шло о части Русскаго государства, подвластной скипетру Русскаго императора. Этого мало. По уставу 1803 года, университетъ неразрывными узами связанъ былъ съ гимназіями и низшими школами. Поэтому нѣкоторые гимназіи обращены были въ притоны революціонеровъ; юношамъ и дѣтмъ, поданнымъ русскимъ, внушалась ненависть къ Русскому царю, къ русской націи; извѣна своему государю возвышалась въ священнѣйшій культъ, какъ подвигъ, достойный истиннаго польскаго патріота! Письмо Чарторыйскаго 23-го октября 1823 года, въ которомъ онъ

¹⁾ Послѣ Снядецкаго ректоромъ университета былъ утвержденъ *Малевскій*, (9-го марта 1817 г.), а въ 1820 г. профессоръ *Малевскій* снова избранъ ректоромъ на новое трехлѣтіе и утвержденъ (20-го мая 1820 г.). Отъ должности ректора *Малевскій* уволенъ 10-го апрѣля 1822 г., а на его мѣсто временно назначенъ профессоръ каноникъ *Кломевичъ*, а затѣмъ утвержденъ *Твардовскій*, оставшійся ректоромъ до 1-го іюня 1824 г. Арх. мин. нар. просв., Дѣла—1817 г. № 7641, к. 182; 1820 г. № 7993, к. 182; 1822 г. № 8268, к. 190, № 8513, к. 194; 1824 г. № 16554, к. 190.

²⁾ Mémoires, II, стр. 391.

стараются свалить вину на другихъ, въ связи съ другими его письмами и мемуарами, ясно обнаруживаетъ обыкновенный иезуитскій способъ дѣйствій—съ безстыднымъ лукавствомъ стараться умыть свои руки и для достиженія своей личной цѣли прибѣгать къ безнравственнымъ средствамъ.

Распространеніемъ польской пропаганды, кромѣ учебныхъ заведеній и монашескихъ орденовъ, усердно занимались различныя благотворительныя и богоугодныя заведенія, бывшія также въ вѣдѣніи попечителя Виленскаго учебнаго округа. Эти учрежденія получили развитіе съ 1819 года, когда Чарторыйскій жилъ за границею, а дѣлами округа управлялъ министръ народнаго просвѣщенія князь Голицынъ. Послѣ Отечественной войны, въ С.-Петербургѣ подъ опекою императрицы Елизаветы Алексѣевны было основано женское патріотическое общество, которое въ теченіе десяти лѣтъ (1812—1822 гг.) выдало пособій и на богоугодныя заведенія болѣе 880.000 руб. Благодаря царскимъ щедротамъ, благотворительность оказала несчастнымъ сиротамъ, вдовамъ и убогимъ съ того времени въ Россіи громадныя услуги; но польская партія пользовалась ею для достиженія своихъ политическихъ замысловъ. С.-Петербургское женское патріотическое общество съ самаго начала своего учрежденія дѣйствовало съ замѣчательнымъ успѣхомъ и образовало множество частныхъ благотворительныхъ учрежденій. Предсѣдательницей этого общества была княжна Екатерина Мещерская, секретаремъ ст. сов. Александръ Тургеневъ. Служба многихъ чиновниковъ министерства народнаго просвѣщенія и духовныхъ дѣлъ была связана съ благотворительными занятіями въ патріотическихъ кружкахъ, быстро распространявшихся по Россіи¹⁾. Подобное же общество уже давно существовало въ Вильнѣ—*Towarzystwo Dobroczytnosci Wilenskie*. По его примѣру образовались патріотическія частныя общества въ разныхъ мѣстахъ Виленскаго учебнаго округа—въ Слуцкѣ, Гроднѣ, Новогрудкѣ, Россіенахъ, Іоганишкахъ и т. п., а равно при нѣкоторыхъ монастыряхъ. Благотворительныя провинціальныя общества имѣли уставы, иногда утвержденные высочайшею властью. Къ членамъ обществъ принадлежали: военный губернаторъ и губернаторы, предводители дворянства, литовско-русская знать обою пола, прелаты римско-католическаго духовенства²⁾. Изъ устава челолюбиваго общества въ г. Слуцкѣ видимъ, что

¹⁾ Дѣян. благотв. (*Dzieje Dobroczytn.*) на 1823 г., т. III, стр. 301, 445.

²⁾ Дѣян. благотв. 1821 г., годъ 2-й, стр. 445, 464, 2064, 471, IV, стр. 460.

въ немъ состояли членами: жена предводителя дворянства Подѣй-Непокойчицкая, княжна Радзивиль, графиня Чапская, Моржевская и проч. Ежегодно происходили торжественныя засѣданія благотворительныхъ обществъ, въ присутствіи членовъ комитета и дамъ-благотворительницъ. Католическіе и базилианскіе проповѣдники въ своихъ рѣчахъ не щадили лести для превознесенія князя Голицына, покровителя немущихъ. Въ кассу собирались приношенія на дѣла благотворительныя, для вспомошествованія нищимъ. Отчеты публиковались. Кромѣ благодѣянія нищимъ, дамы-благотворительницы охотно несли пожертвованія на содержаніе недостаточныхъ студентовъ Виленскаго университета. Вскорѣ образовалось въ Вильнѣ самостоятельное товарищество или общество для пособія недостаточнымъ ученикамъ. Примѣромъ организациі такого общества, какъ увѣряють, служила Германія, гдѣ почти каждый университетъ располагалъ значительнымъ капиталомъ для содержанія недостаточныхъ учениковъ. Изъ этихъ суммъ немущимъ ученикамъ выдавался бесплатный столъ (Freytisch), денежное пособіе (Stipendium), доставлялось помѣщеніе, покупались учебныя книги. Учредители Виленскаго общества указывали, какъ на примѣръ, достойный подражанія, университетъ въ Галле, при которомъ филантропъ Августъ-Германъ Франке устроилъ институтъ для нуждающихся учениковъ, и благодаря такой помощи, Галльскій университетъ сталъ въ числѣ первыхъ, а „это подняло Пруссію“. 26-го августа 1821 г. ректоръ университета Симонъ Малевскій одобрилъ правила общества для пособія недостаточнымъ студентамъ въ такихъ выраженіяхъ: „Видѣлъ и намѣреніе нахожу похвальнымъ и полезнымъ“¹⁾.

Каждый членъ общества обязанъ былъ вносить въ кассу единовременно по 3 р. и ежемѣсячно по 30 к. (два золотыхъ); могли быть принимаемы и другія пожертвованія. На собранныя деньги со временемъ полагалось приобрести домъ съ садомъ, устроить общественный столъ и помѣщеніе для нѣкоторыхъ учениковъ. Общество избирало директора, секретаря, кассира и исполнительный комитетъ, который вѣдывалъ имуществомъ, расходовалъ деньги, распредѣлялъ пособія.

¹⁾ Днев. благотв. 1821 г., стр. 2221—2230. Учредителями общества для вспомошествованія студентамъ были: *Николай Малевскій* (профессоръ акушерскаго искусства), *Михаилъ Дмоховскій*, *Иванъ Рихтеръ*, *Робертъ Ключковскій*, *Иванъ Фольфианъ* (профессоръ), *Казиміръ Контрымъ* (аукционгъ-профес.), *Леонъ Боровскій*, *Родзевичъ*, *Вроблевскій*, *Карчевскій*, *Лачевницкій*, *Гечевичъ*, *Валинскій*, *Аврамій Дмоховскій*, *Иванъ Шантырь* (преподаватель геометріи), *Сесевичкій*.

Комитетъ могъ составиться, когда соберется 25 членовъ общества. Онъ долженъ былъ составить уставъ. Столовая имѣла быть устроена въ удобномъ мѣстѣ. Обѣдъ предполагался изъ 2-хъ блюдъ, ужинъ изъ одного блюда. Билеты на право пользованія даровымъ столомъ раздаются директоромъ помѣсячно. Подъ этими правилами подписались учредители, поименованные въ примѣчаніи на стр. 273.

Общество вспомошествованія недостаточнымъ ученикамъ университета быстро организовалось. 7-го сѣнтября были составлены временныя правила для избранія недостаточныхъ студентовъ; каждый членъ общества могъ рекомендовать студента, нуждающагося въ помощи; затѣмъ выборы дѣлались въ общемъ собраніи по большинству голосовъ. Къ 1-му декабрю общество состояло изъ 392 членовъ, которые внесли одновременно 1249 руб. (ежемѣсячно по 30 коп.), въ сложности 817 р. 20 к., а всего 2072 р. 40 коп. Сверхъ того, отъ 348 благотворителей собрано было приношеній на сумму въ 552 р. 65³/₄ к. Учениковъ на содержаніе общества поступило 26, изъ нихъ медицинскаго факультета 15, словеснаго 3, правовѣдовъ 3, инженеровъ 3, архитекторовъ 1, художниковъ 1. Кромѣ того, общество учредило школу ремесленниковъ, въ которой состояло 70 учениковъ, большую часть изъ виленскихъ мѣщанъ.

Въ засѣданіи 28-го сѣнтября 1821 г. общество или товарищество установило поставить кружку (карбоне), въ которую члены благотворители, во всякое время, могли вносить свои пожертвованія. Во время засѣданій кружка находилась при дверяхъ, а остальное время хранилась въ кассѣ; ключъ отъ кружки находился у особо избраннаго члена. Со времени открытія кружки (2-го ноября) по 1-е января 1822 г. собрано было 7 р. 21 к. с. Деньги эти имѣли особое назначеніе, по усмотрѣнію распорядителей общества.

Къ 1-му января 1822 г. оставалось въ кассѣ общества 2644 р. 79³/₄ коп. Въ теченіе 1822 г. вновь поступило 3626 руб. 6¹/₂ коп. Израсходовано всего 2427 р. 9¹/₂ к. Въ томъ числѣ: на столъ недостаточныхъ учениковъ, число которыхъ постоянно прибывало (съ начала года на содержаніи было по 25 учениковъ, а съ 1-го октября по 49, а всего въ годъ 316 (по 5 руб. въ мѣсяцъ)—1655 р.; на ремесленную школу по 6-е юля 1822 г. 36 р. и т. д. Къ 1-му января 1823 г. оставалось въ кассѣ 3842 р. 92¹/₂ коп. Кромѣ того, на 365 членахъ числилось недоимокъ въ 752 р. 40 к. ¹⁾

¹⁾ Дѣян. благотв. 1821 г., стр. 2290. Временныя правила, стр. 2235—2267, вѣдомость членовъ владчиковъ въ общество, стр. 2269—2288, вѣдомость благо-

Особенное усердіе въ сборахъ приношеній оказывали дамы-благотворительницы, которыя съ книжками являлись даже въ квартиры холостыхъ людей. Въ высшемъ сословіи шляхты обнаружилось изумительное усердіе къ благотворенію немущимъ.

Благотворительныя общества и учрежденное въ 1821 г. въ Вильнѣ товарищество или общество для вспомошествованія студентовъ, какъ теперь оказывается, имѣли связь съ прежними обществами студентовъ, устроенными первоначально по образцу германскихъ буршей, а затѣмъ преобразившимися въ тайныя общества подъ различными наименованіями. Но тайныя общества были закрыты въ концѣ 1822 г., а ихъ замѣнили общества благотворительныя, поощряемыя правительствомъ.

11-го февраля 1817 г., съ разрѣшенія ректора университета Андрея Снядецкаго, было открыто общество „шубравцевъ“ (голышней), въ основаніе котораго (какъ и въ основаніи общества германскихъ буршей) положены были чисто нравственныя начала: трезвая жизнь, искорененіе въ обществѣ равныхъ пороковъ, сутяжничества, праздности, пьянства. Съ этою цѣлью издавались обществомъ „бруковня (уличныя) вѣдомости“ въ сатирическомъ духѣ. Уставу шубравцевъ сочувствовало само правительство, не подозрѣвая, конечно, тайныхъ цѣлей, скрытыхъ въ основѣ учредителями общества. Около того же времени (1817—1818 гг.) между студентами университета организовалось еще общество филомановъ, которое распадалось на отдѣлы: литературный и физико-математическій; въ первомъ предсѣдательствовалъ Адамъ Мицкевичъ, а послѣ назначенія его учителемъ въ Ковну — Чечотъ, во второмъ Тома Занъ. Цѣлью этого общества было „возвысить благосостояніе отечества, подъ которымъ разумѣлись губерніи, входившія въ составъ Виленскаго учебнаго округа“. Филоманы стремились занимать мѣста учителей въ гимназіяхъ и уѣздныхъ училищахъ и потому преобразились въ общество „промышленовъ“ (лучезарныхъ). Въ 1820 г. появился уставъ общества промышленовъ подъ наименованіемъ: „друзей полезныхъ увеселеній“. Въ маѣ 1820 г. ректоръ Малевскій утвердилъ этотъ уставъ, не подозрѣвая, какъ онъ

творителей по 72 прошнурованнымъ книгамъ, стр. 2289, о кружкѣ и числѣ вспомошествоваемыхъ учениковъ стр. 2291—2296, балансъ кассы; 1823 г., т. 1—балансъ кассы за 1822 г. и о добавочныхъ членахъ. Въ перечисленіи членовъ упоминаются: генералъ майоръ Бушуевъ, пладъ-майоръ Богдановичъ, четверо Святополь-Мирскихъ, генералъ Васильчиковъ, майоръ Іосифъ Шебеко и много другихъ русскихъ семей.

объяснялъ въ послѣдствіи, что уставъ, поддерживая сходки, содѣйствовалъ распространенію между студентами броженія политическаго характера. Сходки были запрещены, разрѣшеніе взято назадъ, но запрещеніе сходокъ повело къ образованію тайнаго общества „Филаретовъ“.

Ома Занъ, Францъ Малевскій (сынъ ректора) и нѣсколько другихъ товарищей начертали уставъ общества „Филаретовъ“, дополнявшій уставъ общества „Променистовъ“. Это новое общество задалось цѣлю восстановленія Польши въ прежнемъ составѣ; отъ поступающихъ требовалась клятва („клянусь именемъ поляка и честнаго—*honorowego*—человѣка, что существованіе общества сохраню въ тайнѣ и буду помогать ему всѣми зависящими средствами“), и единовременный взносъ въ 1 рубль и ежемѣсячный по 15 коп. (одинъ золотой). Членами общества могли быть одни только студенты и лица, принадлежавшія къ учебному вѣдомству. Общество имѣло свою бібліотеку. Каждому члену на каникулярное время выдавалась печатная программа, какъ руководство, для описанія церковныхъ приходоу въ статистическомъ и географическомъ отношеніяхъ: о народонаселеніи, нравахъ, обычаяхъ, имуществѣ жителей; программу эту отпечатала типографія Виленскаго базилианскаго монастыря. Въ числѣ членовъ общества филаретовъ были сыновья лучшихъ дворянскихъ фамилій, нѣсколько іезуитовъ бывшей Полоцкой академіи и учителей гимназій. На сходкахъ общества читались произведенія ея членовъ, напримѣръ: „Печаль Сармата надъ гробомъ Сигизмунда Августа“. Въ исходѣ 1822 г., это общество было закрыто: окончившіе курсъ студенты разѣхались въ провинцію, прочіе вступили въ упомянутое общество „вспомоществованія бѣднымъ ученикамъ“¹⁾.

¹⁾ Шолковича „Польская пропаганда въ учебныхъ заведеніяхъ Зап. Россіи“. Сборникъ. Вильна. 1885. Фактическія свѣдѣнія о разныхъ обществахъ переданы авторомъ по документамъ слѣдственной комиссіи. Нельзя согласиться съ нѣкоторыми обобщеніями автора, основанными на единичныхъ случаяхъ. *Вѣстникъ Европы* на 1838 г., октябрь, ст. *Вержбовсколо*: „Адамъ Мицкевичъ въ Вильнѣ и Ковнѣ (1815—1824)“. Организаторомъ разныхъ студенческихъ обществъ въ Вильнѣ „вѣломатовъ“, „лучезарныхъ“, „Филаретовъ“, авторъ считаетъ университетскаго бібліотекаря Казимира Контрыма, въ семействѣ у котораго Занъ былъ репетиторомъ.—Подобныя общества существовали въ Германіи. Сущность движенія школьной молодежи (1815—1822) не была понята Новосильцевымъ; ея смыслъ и значеніе онъ преувеличивалъ, полагая, что она стремилась къ восстановленію Польши въ древнихъ предѣлахъ ея. Только люди, давшіе инициативу этому движенію, имѣли въ виду дѣйствительно эту политическую цѣль. Г. Вержбовскій откладываетъ до будущаго времени обстоятельный разборъ этого вопроса.

Общества были закрыты, безъ сомнѣнія, по сигналу, данному Чарторыйскимъ, отъ наблюденія котораго не могли ускользнуть принятыя правительствомъ болѣе строгія полицейскія мѣры, вслѣдствіе полученныхъ въ Петербургѣ извѣстій о ненадежномъ состояніи умовъ въ губерніяхъ, входившихъ въ составъ Виленскаго учебнаго округа, особенно же о фанатическомъ настроеніи студентовъ и учащейся молодежи. Чарторыйскій приказалъ принять строгія полицейскія мѣры во всѣхъ заведеніяхъ своего округа. Но уже было поздно. Нельзя было остановить потока возбужденныхъ страстей въ школьной молодежи. Лѣтомъ 1822 года императоръ Александръ I (на пути въ Верону) посѣтилъ Вильну, и вскорѣ послѣдовало распоряженіе министра духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія о приведеніи немедленно въ исполненіе прежнихъ указовъ государя объ упраздненіи нѣкоторыхъ базилианскихъ монастырей съ цѣлью устройства семинарій и духовныхъ училищъ для греко-униатскаго блага духовенства.

Совпаденіе этихъ событій имѣетъ важное историческое значеніе. Въ то время, когда римско-католическое духовенство (особенно монахи) и базилиане принимали дѣятельное участіе въ благотворительныхъ явныхъ и тайныхъ обществахъ, покрывшихъ густою сѣтью верхній слой общества въ губерніяхъ Виленскаго учебнаго округа, низшее духовенство оставлено было въ покоѣ. Униатскихъ „поповъ“ и „поповичей“ не считали достойными къ общенію съ собою польская шляхта и базилианскій орденъ. Послѣдній считался обществомъ аристократическимъ: такъ по крайней мѣрѣ отзывался о своемъ орденѣ даже въ официальныхъ бумагахъ извѣстный литовскій провинціалъ Каминскій, латинизаторъ и фанатикъ. Представители блага духовенства обѣихъ Литовскихъ епархій подозрительно и съ безпокойствомъ смотрѣли на движеніе всѣхъ латино-польскихъ силъ вмѣстѣ съ базилианами. Хотя въ спискахъ благотворителей мы не встрѣчаемъ фамилій сколько-нибудь извѣстныхъ священниковъ, а въ вѣдомостяхъ товарищества для пособія студентамъ не видимъ ни одного студента главной духовной семинаріи, не только униата, но и католика, но въ студенческія общества университета было увлечено нѣсколько студентовъ, сыновей священниковъ, напримѣръ, Иванъ Янковскій, сынъ архипресвитера Брестскаго капитула.

Съ самаго начала XIX в. въ іерархіи греко-униатской церкви ясно обозначились два направленія: базилиане, какъ латинизаторы, дѣйствовали за-одно съ помѣщиками и чиновниками, а блгое духовенство чуждалось помѣщиковъ, не отдѣлялось отъ народа и, съ тру-

домъ перебиваясь въ заботахъ дня, терпя постоянное униженіе, ожидало, какъ милости, защиты отъ правительства. Базиліанамъ, какъ и помѣщикамъ, были невыгодны ограниченія ихъ произвола надъ ихъ крѣпостными крестьянами, участь которыхъ была облегчена указомъ 1818 г. Старшіе представители бѣлаго духовенства, прелаты и каноники, негодовали на базиліанъ, считая ихъ виновниками угнетенія и униженія своей братіи. Эти двѣ партіи греко-уніатскаго духовенства, различныя по своимъ стремленіямъ и цѣлямъ, мы будемъ называть латинниками и оріенталистами. Въ протестахъ Брестскаго капитула, заявленіяхъ Брестской консисторіи, жалобахъ благочиннаго Алтонія Сосновскаго, какъ у всѣхъ вообще оріенталистовъ въ русской уніи того времени, представлялись бѣдность духовенства, упадокъ религіи, латинизація въ обрядахъ. Но эти петиціи о ненормальномъ состояніи перкви оставались министерствомъ безъ всякаго вниманія до тѣхъ поръ, пока не понята была связь латинизаторовъ въ уніи съ польскою пропагандою въ школахъ учебнаго округа и монастырскихъ. Ни митрополитъ Булгакъ, въ качествѣ Брестскаго епископа, ни 2-й департаментъ коллегіи, ни департаментъ духовныхъ дѣлъ до 1822 года не сдѣлали ни одного шага, чтобы вникнуть въ причины, вызвавшія неоднократныя жалобы и заявленія представителей Брестской епархіи (съ 1810 по 1820 гг.). Мы видѣли, что князь Голицынъ обращалъ эти жалобы къ митрополиту. Но не прошло и трехъ лѣтъ со времени протестовъ бѣлаго духовенства Брестской и Виленской епархій, какъ правительство выразило свое рѣшительное намѣреніе придти на помощь бѣлому духовенству для удовлетворенія вопиющихъ его нуждъ. Предложеніе министра духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія, отъ 28-го сентября 1822 г., поразило базиліанъ своею неожиданностью и вызвало опасеніе за будущую судьбу ордена.

Обратимся теперь къ анализу состоянія греко-уніатской церкви въ эти смутные годы. Начнемъ съ высшей іерархіи, а затѣмъ объяснимъ лихорадочное стремленіе латинизаторовъ захватить унію въ свои руки.

О греко-уніатскомъ митрополитѣ Иосафатѣ Булгакѣ можно сказать то же самое, что говорятъ историки о его современникѣ Римскомъ папѣ Пій VII. При мягкости своего характера Булгакъ всегда находился подъ вліяніемъ людей, его окружавшихъ. Поэтому въ его дѣйствіяхъ замѣчается двойственность, и нерѣшительность, какая-то неуловимость, не разъ приводившая въ недоумѣніе Брестскій капитулъ, со времени его возобновленія въ 1808 году.

Булгакъ происходилъ изъ небогатаго католическаго дворянскаго семейства Слонимскаго повѣта Гродненской губерніи и во всю свою жизнь оставался въ душѣ римскимъ католикомъ, ревностнымъ защитникомъ интересовъ базилианскаго ордена. Булгакъ получилъ первоначальное образованіе въ Жировицкомъ училищѣ, при базилианскомъ монастырѣ (1768—1777); на 16-мъ году поступилъ въ духовное званіе, прошелъ риторику и философію и въ 1782 г. отправленъ въ Римскую коллегію (*Collegium de Propaganda fide*) ¹⁾. Здѣсь онъ обучался съ 1782 по 1785 г. догматическому богословію, каноническому праву, италіанскому языку, былъ посвященъ въ Римѣ греческимъ епископомъ въ іеромонахи и, возвратившись въ 1785 году со степенью доктора богословія, философіи и каноническаго права, поступилъ учителемъ сперва въ Березвеческій, а потомъ Жировицкій базилианскіе монастыри. Но черезъ годъ (въ 1786 г.) іеромонахъ Булгакъ былъ назначенъ коадьюторомъ Полоцкаго и Туровскаго епископовъ съ наслѣдствомъ. Такова была быстрая карьера въ русской униі монаховъ базилианскихъ, которые проходили римскую школу *de Propaganda fide*. Вслѣдъ за назначеніемъ Булгакъ рукоположенъ въ епископы Туровской епархіи. Послѣ третьяго раздѣла Польши Польская и Туровская епархіи были упразднены. Съ образованіемъ въ 1795 г. Брестской епархіи въ новомъ составѣ (изъ губерній Виленской, Гродненской, Минской и Курляндской), Булгакъ былъ

¹⁾ Во время польскаго владычества изъ Литовской базилианской провинціи ежегодно посылали въ Римъ четырехъ клириковъ базилианскаго ордена для полученія образованія; изъ нихъ двое помѣщались въ коллегію пропаганды и двое— въ греческую коллегію при церкви св. Аванасіи. Съ присоединеніемъ западныхъ губерній къ Россіи высылка базилианскихъ клириковъ въ Римъ была прекращена. *Арх. св. свн. по 2-му департ. 1822 г., д. № 54.* Въ Римѣ съ половины XVII в. существовала греко-униатская колонія при церкви *Della Madonna de Pascolo* (то-есть, во имя Жировицкой Божьей матери). Кардиналъ Антоній Барберини, братъ папы Урбана VIII, купилъ домъ при этой церкви для базилианъ и вообще оказывалъ особое покровительство русскимъ униатамъ, прибывавшимъ изъ Польши. Колонія базилианская была въ вѣдѣніи прокураторовъ. Съ 1639 г. было здѣсь 27 прокураторовъ. Въ колоніи съ давнихъ поръ существовала духовная школа для образованія русскаго духовенства изъ Польши и Литовской Руси; кромѣ пріислаемыхъ греко-униатовъ, въ ней обучались и русскіе путешественники. Послѣднимъ ректоромъ и прокураторомъ былъ Іорданъ Мицкевичъ, который въ 1819 г. представилъ рапортъ русскому послу тайн. сов. Италіанскому о „состояніи дома и церкви во имя Пресвятой Богородицы Жировицкой“. См. замѣтки профессора *М. Бобровскаго* въ „*Dziej. Dobroc.*“ на 1822 г., стр. 1247, 1248.

назначенъ Брестскимъ епископомъ. Съ самаго начала управленія этою обширною епархіей епископъ проявилъ себя недоброжелателемъ бѣлаго духовенства, покровителемъ латинизаціи грекославянскихъ обрядовъ, сторонникомъ самостоятельности базилианскаго ордена въ Уніи: онъ-то и поддерживалъ стремленія базилианъ къ восстановленію званія генерала или протоархимандрита, стѣснялъ образованіе бѣлаго духовенства своей епархіи (вспомнимъ закрытіе папскаго алумната) и вовсе не заботился объ улучшеніи его быта. Эти и другія дѣйствія Булгака отталкиваютъ отъ него представителей бѣлаго духовенства. Намъ уже извѣстны отношенія его къ митрополиту Лисовскому. Благодаря энергіи офиціала Тупальскаго, управлявшаго дѣлами епархіи съ 1807 г. и имѣвшаго большое вліяніе на своего епископа, Булгакъ долженъ былъ, волей-неволей, уступать просьбамъ Брестскаго капитула. Съ 1814 г., послѣ смерти митрополита Кохановича, Булгакъ исправлялъ должность архіепископа Луцкой епархіи. Его желаніе занять митрополичью кафедру послѣ смерти Кохановича въ 1814 г. не осуществилось, не смотря на все стараніе его пріятели и сосѣда Пусловскаго, слонимскаго предводителя дворянства, который, минуя главное управленіе духовныхъ дѣлъ, хлопоталъ черезъ главный штабъ дѣйствующей арміи. Однако, спустя три года, Булгаку при содѣйствіи друзей въ столицѣ удалось достигнуть своей цѣли: 2-го января 1817 г. онъ былъ пожалованъ въ митрополиты греко-уніатскихъ церквей въ Россіи, а 24-го октября 1817 г., на основаніи положенія о министерствѣ духовныхъ дѣлъ, назначенъ предсѣдателемъ 2-го департамента римско-католической коллегіи ¹⁾). Со времени переселенія своего въ Петербургъ, Булгакъ обнаружилъ свою тактику въ отношеніяхъ къ бѣлому духовенству своей Брестской епархіи; онъ попалъ подъ вліяніе своего секретаря іеромонаха Мудровича, воспитанника Полоцкой іезуитской коллегіи, личнаго врага архіепископа Красовскаго ²⁾), вступилъ въ

¹⁾ Архивъ св. синода по 2-му департ., дѣла 1817 г., № 8, 1818 г., № 33. Грѣ Толстаю: „Le Catholicisme Romain“, II, стр. 361 и слѣд.—Записки Іосифа, митр. Литовскаго, I, 53: „кроткаго и честнаго нрава, не дальняго ума и ученія. По характеру онъ не былъ евангеликомъ. Дѣлами никогда не занимался. Имѣлъ любостыжаніе въ пользу родныхъ“. Въ Запискахъ *Василія Лужинскаго*, архіепископа Полоцкаго, еще болѣе сочувствія къ Булгаку. Съ ходомъ дѣлъ въ Уніи правдоподобнѣе сужденіе о Булгакѣ *Антонія Зубки*; см. *Русск. Вѣстникъ* 1864 г.

²⁾ Іеромонахъ Іосифатъ Мудровичъ воспитывался у полоцкихъ іезуитовъ съ 1785 по 1794 г. Былъ подвергнутъ наказанію вмѣстѣ съ другими базилианши

вице-президенты библейскаго общества и сталъ всѣми способами содѣйствовать князю Голицыну къ низверженію Полоцкаго архіепископа. Со времени переселенія Булгака въ столицу всѣ дѣйствія его и окружающихъ его базилианъ возбуждали ропотъ и неудовольствіе въ бѣломъ духовенствѣ Полоцкой, Брестской и Виленской епархій. Въ этомъ отношеніи оставалось позади прочихъ духовенство Луцкой епархій, можетъ быть, потому, что ею управлялъ епископъ Мартусевичъ, а послѣ него съ 1823 г. епископъ суфраганъ Сѣроцинскій, которые, хотя и происходили изъ бѣлыхъ, всею душою были отданы латинству и тѣсно связаны съ базилианскимъ орденомъ.

Греко-униатскими епархіями управляли: Виленскою митрополичею епископъ суфраганъ, Брацлавскою—архимандритъ Адрианъ Головня, Полоцкою—архіепископъ Іоаннъ Красовскій, Луцкою—епископъ Іаковъ Окелло-Мартусевичъ и Брестскою—самъ митрополитъ, имѣя суфраганомъ Владимірскаго епископа, Супрасльскаго архимандрита Льва Яворовскаго. Съ 1823 года главное начальство надъ четырьмя епархіями раздѣлили между собою—митрополитъ Булгакъ и епископъ Мартусевичъ, первый въ Брестской и Виленской митрополичней, второй въ Полоцкой и Луцкой. Такимъ образомъ, послѣ удаленія архіепископа Красовскаго, греко-униатская церковь оказалась въ рукахъ латинизаторовъ-фанатиковъ.

Первое мѣсто по значенію въ Уніи занималъ Полоцкій архіепископъ Красовскій, который, получивъ первоначальное образованіе у оршанскихъ іезуитовъ, поступилъ въ духовное званіе въ 1792 г. и вскорѣ по окончаніи папскаго алумната въ Вильнѣ (въ 1798 г.) занялъ видное мѣсто при каедрѣ архіепископа Лисовскаго¹⁾. Выстрымъ своимъ возвышеніемъ онъ обяванъ сколько своимъ талантамъ, столько же и личному довѣрью къ нему Лисовскаго. Онъ многіе годы застѣдалъ во 2-мъ департаментѣ коллегіи. Мы видѣли, съ какимъ успѣхомъ

за участіе въ дѣлѣ Киріата, возставшаго противъ архіепископа Лисовскаго. Затѣмъ занималъ должность преподавателя Полоцкой семинаріи (при Красовскомъ). Съ 25-го мая по 10-е іюня 1823 г., былъ секретаремъ при митрополитѣ Булгакѣ, а затѣмъ занималъ должность бѣлорускаго провинціала. Архивъ св. синода по 2-му департаменту 1825 г., № 42.

¹⁾ Архивъ св. синода. по 2-му депар. 1819 г., дѣло № 40. Въ 1798 году, по возвращеніи изъ Виленскаго алумната, онъ былъ назначенъ преподавателемъ, домашнимъ богословомъ и исправляющимъ должность секретари экспедиціи, а въ 1802 г., аудиторомъ при двѣахъ архіерейскихъ и преподавателемъ ставленниковъ. Послѣ рукоположенія въ іеремъ онъ былъ опредѣленъ членомъ консисторіи и назначенъ вскорѣ архипресвитеромъ.

онъ управлялъ дѣлами Полоцкой епархіи при Лисовскомъ, знаетъ также о заботахъ его о просвѣщеніи бѣлаго духовенства своей епархіи и о причинахъ ненависти къ нему бѣлорусскихъ базилианъ. Но архіепископъ Красовскій имѣлъ непонятное пристрастіе къ полоцкимъ іезуитамъ, можетъ быть — потому, что при ихъ содѣйствіи надѣялся достигнуть митрополичьей кафедръ. Онъ былъ крутого нрава и, по видимому, не отличался строгимъ воздержаніемъ. Вѣроятно, поэтому, онъ имѣлъ многихъ враговъ, даже въ средѣ бѣлаго духовенства своей епархіи. Для базилианъ Красовскій былъ опасенъ потому, что представлялъ неподкупную силу, на которую опирался свѣтскій клиръ; онъ, поповичъ, осмѣливался претендовать на первенство въ греко-уніатской церкви, явно противился порабощенію этой церкви латинскою, добивался упраздненія базилианскихъ монастырей, слѣдовательно, посягалъ на самое существованіе ордена. Базилианамъ необходимо было унизить и устранить Красовскаго, какъ опаснѣйшаго своего врага, между тѣмъ Полоцкая кафедра, самая богатая и почетная, служила приманкою для честолюбцевъ базилианскаго ордена; самъ митрополитъ не прочь былъ утвердиться въ Полоцкой епархіи. Не даромъ архимандритъ Шулякевичъ, личный врагъ Красовскаго, по порученію митрополита, присматривалъ подъ рукою за дѣйствіями архіепископа въ 1820 и 1821 годахъ. Шулякевичу извѣстно было неудовольствіе министра Голицына на Красовскаго, и тайное желаніе митрополита Булгака захватить въ свои руки богатныя имѣнія Полоцкой архіепископіи, доставлявшія дохода болѣе 60.000 р. асс. Онъ зналъ объ этомъ отъ своего пріятеля Мудровича, также занимавшагося епископствомъ. Въ концѣ 1821 г., немедленно послѣ отрѣшенія Красовскаго отъ архіепископской кафедръ, администраторомъ Полоцкой епархіи назначенъ архимандритъ Исаія Шулякевичъ, тотъ самый, который нѣкогда писалъ памфлеты противъ достойнѣйшаго митрополита Лисовскаго, который вмѣстѣ съ Мудровичемъ возбуждалъ монаховъ къ возстанію противъ власти владыки, принимавшаго горячо къ сердцу благо своихъ единовѣрцевъ, и который, наконецъ, не гнушался ролью шпіона и подстрекателя. Но Шулякевичъ, со дня на день ожидавшій епископскаго сана, умеръ 15-го октября 1822 г., то-есть, еще до окончанія суда надъ Красовскимъ, а затѣмъ въ мартѣ 1823 г. управление Полоцкою епархіей временно ввѣрено было Луцкому епископу Іакову Мартусевичу ¹⁾.

¹⁾ Дѣло архива св. синода 1819 г., № 40, 1820 г., № 44, 1823 г., № 18. — Справ. Записки Василія Лужинскаго, архіепископа Полоцкаго. Казань. 1885. Авторъ,

Луцкій епископъ Іаковъ Мартусевичъ, хотя и принадлежалъ къ бѣлому духовенству и своимъ возвышеніемъ обязанъ былъ Красовскому и Кохановичу, однако находилъ для себя болѣе выгоднымъ угождать базилианамъ и уваживать за латинянами. Онъ провелъ свою молодость въ Полоцкѣ (его отецъ многіе годы былъ вице-офицеромъ), воспитывался у полоцкихъ іезуитовъ и вполне проникнуть былъ духомъ ультрамонтанства. Къ православнымъ относился съ предубѣжденіемъ фанатика. „По его понятіямъ, только одна римско-католическая церковь, а съ нею и римско-униатская была истинною церковію Христовою“. Управленіе Мартусевича Луцкою епархіей ознаменовалось возбужденіемъ православныхъ прихожанъ, пѣкогда перешедшихъ изъ уни, къ обратному переходу въ унию и поблажкою базилианамъ, не желавшимъ платить складчины на главную семинарію. Мартусевичъ въ Луцкой епархіи обращался безцеремонно съ фундушными имѣніями Мидичивской экономіи, а переселившись въ Полоцкъ въ 1823 г., постарался разстроить все то, что было сдѣлано полезнаго его предшественниками, Лисовскимъ и Красовскимъ: уничтожалъ введенные грековосточные обряды въ церквахъ и возобновлялъ въ нихъ латинскіе порядки. Своимъ покровительствомъ базилианамъ онъ внушалъ недоувѣріе въ бѣломъ духовенствѣ.

Оставляя въ мартѣ 1823 г. Жидичинъ, Мартусевичъ передалъ управленіе дѣлъ Луцкой епархіи предсѣдателю консисторіи архипресвитеру Кириллу Сѣроцинскому, своему сподручнику и благопріятелю, также упорному фанатику, вскорѣ наименованному епископомъ. Послѣ насильственной смерти Красовскаго (1827 г.), Мартусевичъ продолжалъ завѣдывать Луцкою епархіей до ея упраздненія, но оставался въ Полоцкѣ въ качествѣ епископа Полоцкой епархіи, до своей смерти въ 1833 г. ¹⁾.

очевидецъ происходившаго въ Петербургѣ съ 1822 по 1824 г., даетъ много весьма важныхъ указаній, относящихся къ судьбѣ архіепископа Красовскаго и тѣсно связанныхъ съ нею дѣла въ Полоцкой епархіи. Записки Іосифа митрополита Литовскаго, I, 53.— „На Красовскаго имѣли, кажется, виды, какъ на продолжателя дѣла послѣ митрополита Ираклія, и едва ли не уклоненіе отъ сего было поводомъ крутаго поворота бывшаго о немъ дѣла, кончившагося судомъ“. Эти замѣчанія не согласны съ обстоятельствомъ дѣла. Поводы къ суду вполне выяснены Лужинскимъ, графомъ Толстымъ въ сочиненіи *Le Catholic. Romain*, ч. II, и дѣйствіями Вулгака, Шулякевича, Мудровича.

¹⁾ Архивъ св. синода, по 2-му деп. 1814 г., № 6, 22; 1823 г. № 18; 1826 г. № 82. Жалоба Красовскаго на дѣйствія Мартусевича. Іосифъ Сѣмашко, какъ видно изъ его „Записокъ“, обязанъ былъ Мартусевичу своимъ быстрымъ возвыше-

Что же касается до Оршанскаго епископа Адріана Головни, управлявшаго Виленскою митрополитчею епархіей, и Владимірскаго епископа Льва Яворовскаго, то оба они всецѣло принадлежали базилианскому ордену и оба дѣйствовали во вредъ греко-уніатской церкви на пользу латынянъ. Епископъ Яворовскій, живя въ Супрасльскомъ монастырѣ, въ качествѣ суфрагана Брестской епархіи, ничѣмъ особенно не заявилъ своей дѣятельности; онъ исполнялъ, однако, иногда важныя порученія Булгака, между прочимъ, былъ старшимъ членомъ суда надъ Красовскимъ и старался во чтобы то ни стало обвинить его ¹⁾).

Несравненно болѣе опасенъ былъ для уніатовъ епископъ Адріанъ Головня, обязанный своимъ воспитаніемъ витебскимъ іезуитамъ; онъ, какъ увидимъ, отличался фанатическою ревностью къ латинизаціи греческихъ обрядовъ въ уніи. Онъ былъ усерднымъ слугою литовскихъ провинціаловъ и для защиты базилианскаго ордена, не смотря на свой независимый постъ и преклонные годы (въ 1820 г. ему было 70 лѣтъ), противодѣйствовалъ своему офиціалу Антонію Сосновскому, даже поддерживалъ интриги базилианъ между членами

нѣмъ по службѣ и пользовался его расположеніемъ; это, кажется, единственная заслуга Мартусевича. Печать іезуитизма лежала на всѣхъ дѣйствіяхъ епископа, жившаго въ постоянныхъ сношеніяхъ съ іезуитами до самаго ихъ изгнанія и принадлежавшаго имъ братству. „Онъ былъ вполнѣ фанатикомъ, ненавидѣлъ все русское и православное“. Записки митрополита Іосефа, т. I, стр. 20, 53, 54. Еще откровеннѣе говорить о Мартусевичѣ Лужинскій: „Я скажу не обинуясь, что онъ былъ по образу мыслей и направленію самый опасный для дѣла воссоединенія греко-уніатовъ съ православно-восточною католическою церковію“. Записки Василя архіепископа Полоцкаго, стр. 58, 59. О Свѣроцинскомъ въ „Запискахъ Іосефа Сѣмашки“ сказано глухо: „Человѣкъ дѣльный и безъ лишнихъ предрасудковъ, однакожъ, не податливъ“. Іосефъ Сѣмашко о своемъ дядѣ не рѣшился писать откровенно. Офиціальныя источники представляютъ Свѣроцинскаго человѣкомъ вреднымъ для русской народности въ уніи.

¹⁾ Левъ Яворовскій, изъ дворянъ Вѣлостокской области, получилъ первоначальное воспитаніе въ Вѣлостокскомъ повѣтовомъ училищѣ, епосоеи же и богословію обучался въ Супрасльскомъ духовномъ училищѣ, съ 1780 по 1787 г. Поступивъ (въ 1799 году) въ монахи Супрасльскаго Благовѣщенскаго монастыря, Яворовскій долгое время занималъ различныя въ немъ должности, по смерти епископа Духновскаго въ 1805 г. управлялъ епархіей, а въ 1809 г. наименованъ епископомъ Владимірскимъ и жилъ почти безвыходно въ Супрасльскомъ монастырѣ, до своей смерти въ 1833 г. Дѣло Арх. св. см. по 2-му департ. 1819 г., № 40. Въ „Запискахъ митрополита Іосефа“ Яворовскій признанъ ничтожнымъ по характеру, неспособнымъ ни на полезное, ни на вредное, т. I, стр. 57. Въ безвредности Яворовскаго мы сомнѣваемся.

виленской консисторіи, своими дѣйствіями раздражилъ бѣлое духовенство, препятствовалъ къ открытію документовъ въ митрополитчьемъ архивѣ на церковныя имущества, захваченныя базилианами, прикрывалъ соображенія и ничего не сдѣлалъ для обезпеченія духовнаго образованія своей паствы. Напротивъ, того, онъ усердно распространялъ между униатами своей епархіи польскія изданія богослужбныхъ книгъ. Онъ былъ членомъ виленской масонской ложи. Къ характеристикѣ епископа Головни слѣдуетъ добавить, что онъ разстроилъ фундуши Брацлавскаго монастыря, передавъ часть денегъ въ руки известнаго выходца Мануччи ¹⁾).

Вслѣдствіе фанатической ревности латинянъ, поощряемой греко-униатскими епископами (кромѣ Красовскаго), бѣлое греко-униатское духовенство приведено было въ такое раздраженіе, что въ началѣ двадцатыхъ годовъ не возможно было ожидать какого-либо соглашенія между монахами базилианскаго ордена и свѣтскимъ клиромъ; первые тянули греко-униатовъ къ Риму, навязывая уставы, формы и обряды римскіе и распространяя польскія изданія религіозныхъ книгъ; послѣдніе напоминали имъ и своимъ прихожанамъ о древнемъ греческомъ богослуженіи, о древнихъ уставахъ, обрядахъ и обычаяхъ греческой церкви, которыхъ еще не удалось совершенно изгладить въ униі. Какая же изъ двухъ партій въ церкви должна была взять перевѣсъ? Монахи ли, сплоченные въ одну корпорацію и засѣвшіе въ монастыряхъ, покрывавшихъ густою сѣтью Вѣлоруссію, Литву, Польшье, Волинь и Подоль, или бѣлое духовенство, разбросанное, по-

¹⁾ Въ монашескомъ званіи Головни обучался стихотворству и краснорѣчію, былъ проповѣдникомъ въ Витебскомъ и Жировицкомъ монастыряхъ, потомъ секретаремъ при митрополитѣ Θεодосіи Ростовскомъ. Затѣмъ, въ 1793 г. назначенъ архимандритомъ Брацлавскаго монастыря, въ 1807 г. — ассессоромъ коллегіи, въ 1809 г. — суфраганомъ возстановленной Виленской епархіи. Дѣло архива св. синода 1819 г., № 40. До наименованія епископомъ вновь учрежденной епархіи, архимандритъ Головни былъ командированъ митрополитомъ въ Вильну и весьма подробно описалъ плачевное состояніе греко-униатской церкви въ Вильнѣ. Д. 1809 г., № 4, 1816 г., № 10, 1817 г., № 32. Его письма разоблачали злоупотребленія базилианъ. Иосифъ Смяшко (Записки, I, 54) считаетъ Головню ничтожнымъ по характеру человекомъ, который не могъ быть самъ собою ни полезнымъ, ни вреднымъ (какъ и Яворскій). Но это сужденіе не согласно съ дѣйствіями Головни въ его отношеніяхъ къ официалу Сосновскому. Онъ чрезвычайно много вредилъ бѣлому духовенству. См. его донесеніе о главн. дух. семинаріи въ арх. мин. нар. проsv. и его донесенія во 2-й департаментъ римско-католической коллегіи въ 1826 и 1827 г. о дѣйствіяхъ ооциала Сосновскаго.

давленное ктиторами, вѣчно грозившими изгнаніемъ изъ прихода, ограниченіями въ сервитутахъ, обращеніемъ священническихъ дѣтей въ крѣпостныхъ? Въ ту пору, когда польская пропаганда приняла уже грозные размѣры, когда латиняне, имѣя усердныхъ покровителей въ столицѣ, захватили въ свои руки всю администрацію Виленскаго учебнаго округа, рѣшеніе такого вопроса зависѣло вполне отъ состоянія умовъ бѣлаго духовенства въ епархіяхъ.

Бѣлое духовенство уже давно подбирало силы своей интеллигенціи въ капитулахъ. Собственно говоря, капитулы были представителями коалицій бѣлаго духовенства. Такъ было по крайней мѣрѣ въ Брестской и Виленской епархіяхъ. Брестскій капитулъ показавъ своими протестами съ 1810 года, что бѣлое духовенство не намѣрено болѣе терпѣть самоуправства базилианскихъ монаховъ. Удастся ли базилианскому ордену преодолѣть эту силу, чтобъ удержать до конца въ своихъ рукахъ латинское знамя? Отвѣчать на этотъ вопросъ не трудно, если знать, что базилианскій орденъ въ униіи поддерживался искусственно, требуя постоянного пополненія своихъ силъ польскими дворянами или тайными іезуитами, между тѣмъ какъ многочисленное бѣлое духовенство, отрицаясь отъ тягостной зависимости отъ латинскаго ордена базилианъ, искало только правды и, какъ русское, по преданію своихъ отцовъ, стремилось къ сохраненію своей церкви и уже потому имѣло право разчитывать на поддержку русскаго правительства.

Между тѣмъ желанія бѣлаго духовенства въ то время, то-есть, послѣ 1820 года, были ограничены: оно домогалось получить не болѣе того, чѣмъ пользовалось бѣлое греко-униатское духовенство въ странахъ католическихъ, а именно — въ Австріи. Но и это немногое связано было съ закрытіемъ многихъ монастырей, бывшихъ прежде приходскими въ рукахъ священниковъ, или подлежащихъ упраздненію по каноническимъ законамъ. Очевидною становилась невозможность разрѣшенія распри посредствомъ добровольныхъ уступокъ безъ помощи правительства.

Фанатизмъ и слабодушіе митрополита Булгака, неспособность и развращенность епископа Головни, честолюбивые планы Мартусевича, друга іезуитовъ, и склонность къ латинству базилианскихъ провинціаловъ, консульторовъ и меньшаго кружка олатинившихся базилианскихъ богослововъ (и профессоровъ), вполне объясняютъ то слѣпое упорство, съ какимъ базилианскій орденъ отказывалъ бѣлому духовенству въ уступкѣ, отстаивая вмѣстѣ съ тѣмъ формы и обряды,

чуждые древней греко-славянской церкви въ Западной Россіи, даже послѣ изгнанія іезуитовъ, когда правительство въ 1822 году подняло вопросъ о закрытіи нѣкоторыхъ базилианскихъ монастырей съ цѣлію учрежденія семинаріи, и когда оно показало недовѣріе къ притязаніямъ провинціаловъ, поддерживаемыхъ всѣми епископами и митрополитомъ. Мы легко поймемъ, къ чему стремились базилианскіе провинціалы, и самъ начальникъ ордена митрополитъ Булгакъ, когда припомнимъ, въ какомъ настроеніи въ эти годы было общество въ Западной Россіи, особенно въ Вильнѣ. Намъ нужно еще знать, какими силами располагали обѣ партіи въ уни.

Въ четырехъ греко-униатскихъ епархіяхъ числилось прихожанъ до 1½ милліона, приходскихъ церквей, не считая приписныхъ 1466, монастырей мужскихъ 84 и женскихъ 11, священниковъ 1985, монаховъ болѣе 751 ¹⁾.

Эти данныя по епархіямъ представляются въ слѣдующемъ видѣ ²⁾:

	Прихожанъ. 1822 г.	Церквей. 1823 г.	Священ- никовъ. 1823 г.	Монастырей.	Монаховъ.
Виленская митрополичья . . .	29.465	304	350	Литовской 38 Въіорусской 18 Русской 28	Провинц. 330 Провинц. 115 Провинц. 306
Брестская . . .	538.948	549	675		
Полоцкая . . .	538.903	463	500		
Луцкая	111.185	160	460		

¹⁾ Арх. св. см. по 2-му департ. 1822 г., № 2. Болѣе полныя свѣдѣнія: дѣло 1857 г., № 78.—Здѣсь прихожанъ 1.521,312, церквей 1456 приходскихъ и 426 приписныхъ, собственно часовенъ. О монахахъ см. д. 1813 г., № 12. Сравни показанія графа Толстаго, *Le Catholic. Romain*, ч. II, стр. 375 и слѣд.

²⁾ По свѣдѣніямъ 1827 года числилось:

Въ епархіяхъ.	Прихожанъ.	Церквей.	Монастырей.
Виленской	270.407	301	10
Брестской	617.221	540	27
Полоцкой	514.354	436	13
Луцкой	119.330	189	26
	1.521.312	1.466	76

Въ числѣ прихожанъ 1603 душъ Виленской епархіи не имѣли приходскихъ церквей; во многихъ приходахъ Виленской епархіи находилось по 1, по 2, по 3 приписныхъ церквей, такъ какъ прихожане обращены были въ разное время въ латинскую вѣру. Въ числѣ монастырей не показаны архимандричьи и женскіе, не подчиненные орденскому управленію. Арх. св. см. дѣло 1827 г., № 78.

За исключеніемъ 135 клириковъ, обучавшихся въ новиціатахъ и богословскихъ студіяхъ, монаховъ числилось 616, а именно: въ провинціяхъ: Литовской 278, Русской 243, Бѣлорусской 95. Въ 11 женскихъ монастыряхъ считалось 116 монахинь.

Приведенная таблица объясняетъ численное отношеніе монашествующихъ къ священникамъ по епархіямъ, и тѣхъ, и другихъ къ прихожанамъ. Бѣлое духовенство было разбросано въ одиночку по обширной территоріи, тогда какъ монахи соединялись въ извѣстныхъ пунктахъ, особенно тамъ, гдѣ были публичныя школы для образованія свѣтскаго юношества. Самыми значительными по числу монаховъ и обучавшихся новиціевъ были монастыри Почаевскій, Виленскій Св. Троицы и Жировицкій. Въ этихъ трехъ главныхъ центрахъ базилианскаго ордена собрано было до 150 монаховъ и кандидатовъ къ монашескому сану. Затѣмъ было до шестидесяти монастырей, столь незначительныхъ по числу иноковъ (менѣе 8), что на основаніи законовъ каноническихъ, они подлежали упраздненію ¹⁾. Но базилианы не подчинялись и этимъ законамъ во всѣхъ случаяхъ, когда они не согласны были съ интересами ихъ ордена.

Нельзя не остановиться еще на крайне неравномѣрномъ распределеніи матеріальныхъ средствъ между монахами базилианскаго ордена и свѣтскимъ клиромъ. Здѣсь мы позволимъ себѣ привести слѣдующія строки изъ сочиненія графа Толстаго:

„Въ Россіи, хотя церковь греческая, обряды которой сохранены были греко-уніатами, была господствующею, духовенство греко-уніатское (бѣлое), имѣвшее сколько явное отвращеніе къ латинству, столько же симпатизировавшее русской (православной) церкви, во все продолженіе царствованія Александра I не пользовалась не только охраною со стороны русскаго правительства, но и запитою; оно лишено было законной и справедливой помощи. Почти двѣ тысячи приходскихъ причтовъ должны были довольствоваться доходами съ незначительныхъ участковъ земли по 36 дес. на каждый приходъ; церковныя капиталы были ничтожны въ сравненіи съ капиталами базилианъ, и дѣти священниковъ, лишеныя способовъ существованія, становились простыми крестьянами не только въ духовныхъ имѣ-

¹⁾ Приложение № 25, въ сочин. Le Cath. Rom., стр. 516. Прикладывая установленный въ законахъ масштабъ, слѣдовало бы закрыть монастыри: въ Бѣлорусской провинціи 15 изъ числа 18, въ Русской—11 изъ 28, въ Литовской 12 изъ 38. Въ теченіе 15 лѣтъ число монаховъ значительно сократилось въ Бѣлорусской провинціи.

ніяхъ, но также и въ имѣніяхъ господскихъ ¹⁾. Самъ митрополитъ Булгакъ, такъ мало расположенный къ свѣтскому клиру греко-униатовъ, оставилъ намъ слѣдующее показаніе весьма замѣчательное въ его устахъ: „Свѣтское греко-униатское духовенство, говоритъ онъ, пользуясь доходами большею частью отъ пахатной земли, въ размѣрѣ весьма ограниченномъ, рѣдко населенной крестьянами, и имѣя чрезвычайно скромные денежные капиталы, не смотря на все свое трудолюбіе, едва можетъ существовать прилично съ своими семействами“ ²⁾.

О неравномѣрномъ распредѣленіи денежныхъ капиталовъ между монашествующимъ и бѣлымъ духовенствомъ по епархіямъ даетъ наглядное понятіе приведенная графомъ Толстымъ таблица № 26. На основаніи этихъ данныхъ общая сумма капиталовъ въ 1822 г. достигала до 1.000,000 руб., и въ томъ числѣ на 2,000 священниковъ съ причтомъ приходится менѣ $\frac{1}{7}$ части.

	Капиталы базиліанъ.	Капиталы свѣтскаго клира.
Луидоровъ	61,547.	595
Талеровъ	12,550	3,441
Рублей сер.	631,725	102,732
Рублей ассиг.	5,900	153,066
Всего въ рубляхъ сер. до .	952,000	153,000

Стало бытъ, на cadaго монаха причитается капиталовъ 1,360 рублей, на cadaго священника 77 рублей.

Въ частности по епархіямъ распредѣленіе капиталовъ было еще болѣе неравномѣрно: въ Врестской епархіи на долю cadaго монаха приходилось фундушей земли 259 дес., капитала 1,500 руб., дохода 180 руб., на долю священника—земли $32\frac{1}{2}$ дес., капитала $32\frac{1}{2}$ руб., дохода 9 рублей ³⁾.

Большая часть базиліанъ происходилъ изъ мѣстныхъ дворянъ, изъ коихъ многіе давали монашескіе обѣты въ юношескомъ возрастѣ, лѣтъ даже 14, весьма немногіе получили хорошее образованіе, нѣко-

¹⁾ Въ 1818 г. считалось 118 лицъ изъ семействъ низшаго греко-униатскаго духовенства, обратившихся въ крестьянъ: 3 въ Минской губери., 107 въ Гродненской и 8 въ Вѣлостокской области, кромѣ того, 34 обратился въ вѣлостокскихъ подданныхъ покщниковъ: 3 въ Минской губери., 30 въ Гродненской и 1 въ Вѣлостокской области. Зап. графа Толстаю, Le Cath. Rom., II, стр. 377.

²⁾ Le Catholique. Rom., II, 376, 377.

³⁾ Дѣян. благотв. 1824 г., т. III, № 12.

торне не умѣли даже читать по церковно-славянски. Праздная жизнь, тунеядство, беззаботность развивали въ монастырской жизни пороки. Монастырская дисциплина совершенно упала. Особенно развито было пьянство. Встрѣчаемъ такую аттестацію: „пьяница и склоненъ къ прелюбодѣявію“, „пьяница безповоротный“, „пьяница и неспособенъ“. На всеобщій упадокъ монашеской дисциплины указывали официальные отчеты еще со времени Отечественной войны. Разсмотрѣвъ послужные списки о 600 монахахъ, мы должны сказать, что въ 20-хъ годахъ базилианскій орденъ опирался въ сущности на незначительную партію монаховъ, изъ среды которой избирались провинціальны, консултаторы, настоятели монастырей, секретари консулты. Эта-то партія, сильная единодушіемъ преступныхъ дѣйствій и дерзкихъ замысловъ, собственно и была источникомъ и проводникомъ латинской пропаганды въ русскомъ населеніи и союзникомъ польской аристократіи, двигавшей всѣми пружинами колонизаціи въ губерніяхъ отъ Польши возвращенныхъ. Силы этой-то партіи (богослововъ и профессоровъ) были сконцентрированы въ Вильнѣ, Жировицахъ, Почаевѣ и Тадуминѣ (близъ Витебска). Они-то мутили всѣ отношенія, упитывая почву фанатизмомъ, и не хуже іезуитовъ, развивали латино-польскую пропаганду.

Съ партіей латинизаторовъ, правящей орденомъ, не трудно было бы справиться капитулу, еслибъ она не находила ободренія въ іезуитскомъ орденѣ (до изгнанія іезуитовъ), поддержку у епископовъ изъ базилианъ и у Мартусевича, въ лагерѣ князя А. Чарторыйскаго и въ самомъ министерствѣ духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія. Стало быть, не съ одними только монахами приходилось бороться греко-уніатскимъ слященникамъ за свои права въ униі: имъ приходилось защищать интересы церкви передъ своими и епархіальными епископами, передъ правительственными чиновниками, передъ дворянствомъ польскимъ, католическимъ!

По счастью, базилианскій орденъ, лишившись поддержки своего главнаго союзника—ордена іезуитскаго, видимо падалъ, разлагался, можно сказать—угасалъ вслѣдствіе упадка монашеской дисциплины и огривиченія источниковъ для освѣженія своихъ дряхлѣющихъ силъ.

Латино-польской партіи, устремившей всѣ пружины къ возвращенію утраченныхъ Польшею русскихъ областей, необходимо было спасти падавшій базилианскій орденъ, который оказывалъ въ теченіе двухъ сотъ лѣтъ такія услуги польской цивилизаціи и іезуитской пропагандѣ на Руси. Вполнѣ сознавая дурныя послѣдствія отъ неми-

нуемаго пораженія базилианскаго ордена, вслѣдствіе возростанія моральныхъ силъ въ свѣтскомъ клирѣ, митрополитъ Булгакъ, съ самаго начала своей дѣятельности: 1) ввелъ представителя базилианъ въ составъ униатскаго департамента, 2) сталъ настаивать на отмѣнѣ постановленія, конемъ возбранялось принимать въ монашество лицъ римско-католическаго исповѣданія, 3) ходатайствовалъ объ ограниченіи доступа въ архіереи прелатамъ и каноникамъ, и наконецъ, 4) поддерживалъ просьбы базилианскихъ провинціаловъ о присоединеніи Бѣлорусской провинціи къ Литовской.

Булгакъ, какъ дѣйствительный представитель базилианскаго ордена, его глава и начальникъ, съ фанатизмомъ, напоминающимъ подвиги нѣкоторыхъ его предшественниковъ XVIII в., самымъ безцеремоннымъ образомъ относился къ заявленіямъ и нуждамъ блага духовенства, а такія дѣйствія митрополита вели іерархію къ распаденію.

Разсмотримъ въ частности намѣченные нами четыре пункта. Прежде всего митрополиту нужно было посадить базилианина во 2-й департаментъ коллегіи. Митрополичья Виленская епархія, подобно другимъ, имѣла своего ассессора въ коллегіи; митрополитъ Булгакъ нашелъ, что представитель отъ епархіи, нужды которой ему лично извѣстны, совершенно лишній, и что въ замѣнъ его долженъ быть назначенъ архимандритъ базилианскаго ордена, „чтобы сохранить единство и расширить вліяніе коллегіи на дѣла свѣтскаго и монашескаго духовенства и такимъ образомъ доставить базилианскому ордену способы имѣть самоточнѣйшія свѣдѣнія, столь желательныя, о фондушахъ, капиталахъ, монашеской дисциплинѣ, и т. п.“ Замѣчательная административная заботливость въ митрополитѣ, главѣ униатовъ, который прежде въ качествѣ епископа Брестскаго, интриговалъ въ пользу возстановленія должности протоархимандрита и никогда не доставлялъ правительству точныхъ свѣдѣній о монастыряхъ!

Соображенія Булгака были уважены кн. Голицынымъ, и указомъ сената 31-го января 1819 г. было объявлено, что Его Величество соизволило признать ненужнымъ имѣть засѣдателя отъ Виленской епархіи прелата или каноника, а призвало нужнымъ избрать изъ архимандритовъ базилианскаго ордена двухъ кандидатовъ для выбора государемъ одного¹⁾ Поэтому бывший засѣдатель Брестскій каноникъ

¹⁾ Арх. св. син., дѣло 1819 г., № 5. По поводу предложенія Булгака графъ Толстой замѣчаетъ, что разсужденія митрополита были неосновательны; если

Феодоръ Ыблиновичъ выбылъ изъ Петербурга въ февралѣ 1819 г. и избранный на его мѣсто архимандритъ Аврадіи Сулятыцкій, настоятель Черойскаго монастыря, Полоцкой епархіи, прибылъ въ С.-Петербургъ 19-го января 1820 г. Присутствіе представителя базилианскаго ордена въ коллегіи потому еще было необходимо теперь для митрополита Булгака, что онъ 19-го декабря 1819 года отправлялся на цѣлый годъ во вѣранныя ему непосредственно Виленскую и Брестскую епархіи для разрѣшенія дѣлъ, требующихъ его личнаго присутствія ¹⁾. Но устраненіе ассессора изъ коллегіи съ замѣною его базилианномъ было нарушеніемъ правъ бѣлаго духовенства и послужило однимъ изъ поводовъ къ извѣстному намъ протесту Брестскаго капитула (въ февралѣ 1819 года). Какого же рода были дѣла у митрополита, занимавшія его около года (онъ вернулся въ Петербургъ 30-го ноября 1820 года)? Вспомнимъ о жалобахъ Брестскаго капитула 1819 года на злоупотребленія базилианъ, которыя нельзя было оставить безъ всякаго удовлетворенія, вслѣдствіе предложенія министра отъ 7-го мая 1819 года о принятіи мѣръ къ улучшенію бѣлаго духовенства Брестской епархіи. Вспомнимъ еще объ обстоятельствахъ, предшествовавшихъ отрѣшенію архіепископа Красовскаго отъ управленія Полоцкою епархіей: на примѣръ, неожиданное появленіе въ коллегіи священника Фомы Артамовича въ 1820 году, настоятеля Воронцакаго прихода (Полоцкой епархіи), для принесенія личной жалобы министру князю Голицыну (на обиды и угнетенія епархіальнаго архіерея), жалобы, присланна въ департаментъ помѣщиками на дурное и предосудительное поведеніе приходскихъ священниковъ, жалобы священника Лукашевича на неправильность дѣйствія Полоцкой консисторіи ²⁾. Булгакъ дѣйствовалъ съ обычною іезуитамъ такти-

---

онъ находилъ лишнимъ присутствіе въ коллегіи представителя отъ Виленской епархіи, потому что онъ самъ зналъ ея нужды, то еще менѣе надобности было въ присутствіи ассессора отъ Брестской епархіи, которою управлялъ съ 1795 г. *Le Cathol. Rom.*, II, 362, 363.

¹⁾ Арх. св. сян. по 2-му департ., д. 1819 г., № 36.

²⁾ Архивовъ св. синода по 2-му департ. 1820 г., №№ 33, 8, 15, 37. Главными двигателями доносовъ на архіепископа Красовскаго были базилиане, которыми руководили въ Полоцкой епархіи архимандритъ Полоцкаго Борисоглебскаго монастыря Шулякевичъ, а въ Петербургѣ секретарь митрополита Мудровичъ. „Записки Василія Лужинскаго, архіепископа Полоцкаго“, стр. 48—53. Тоже *Tolstoy, Le Cathol. Rom.*, II, 365. При ревизіи Полоцкой епархіи Булгакъ нашелъ все въ большомъ порядкѣ, и благодарилъ Красовскаго, а въ то же время поручилъ архимандриту Шулякевичу, базилианину, личному врагу Красовскаго, слѣдить секретно за всеми дѣйствіями архіепископа.

кою: въ Полоцкѣ онъ ободрилъ архіепископа Красовскаго и установилъ за нимъ секретный надзоръ, въ Жировицахъ онъ обѣщаль удовлетворить требованія брестскихъ канониковъ и не исполнилъ обѣщанія, а въ Петербургѣ доказываль, что образованіе для священниковъ вредно!..

Едва только Вулгакъ достигъ митрополичьяго достоинства, какъ не замедлилъ заявить жалобу о неправильномъ постановленіи 2-го департамента 1812 года, конимъ возвращался пріемъ латинявъ въ базилианскій орденъ, на томъ основаніи, что если въ базилианскій орденъ перестануть вовсе поступать римскіе католики, то онъ долженъ прекратить свое существованіе. Поднималась и другая старая исторія, сданная въ архивъ еще въ 1810 году, о возведеніи базилианъ на степень ученаго сословія, противъ чего возставали защитники бѣлаго духовенства греко-униатской церкви Лисовскій, Кохановичъ, Красовскій ¹⁾. Самому митрополиту являться ходатаемъ въ щекотливыхъ вопросахъ было неудобно. На помощь базилианамъ явился князь Чарторыйскій. Онъ возобновилъ въ министерствѣ просьбу о приведеніи въ исполненіе его проекта (1807 г.) относительно базилианскаго общества, о допущеніи его единовѣрцевъ къ вступленію въ этотъ орденъ, о выборѣ епископовъ исключительно изъ базилианъ, о разрѣшеніи снова воспитывать въ Римѣ повиціевъ (клириковъ, готовящихся къ монашеству), и особенно, о недопущеніи перехода базилианскихъ фундушей; въ распоряженіе бѣлаго греко-униатскаго духовенства въ своей защитѣ базилианъ попечитель Виленскаго округа увѣрялъ, что на эти фундуши означенное духовенство не имѣетъ никакого права (хотя богатства базилианъ образовались изъ фундушей, отнятыхъ у бѣлаго духовенства), что священникамъ для удовлетворенія собственныхъ потребностей достаточно и того, что они имѣютъ, и что обогащеніе свѣтскаго клира (который по бѣдности едва влачилъ свое существованіе) на счетъ базилианскаго имущества ослабило бы орденъ, столь полезный для имперіи. Однако тотъ же князь Чарторыйскій хлопоталъ о закрытіи римско-католическаго монастыря въ Каргузѣ Березѣ для того, чтобы,

¹⁾ Вотъ что писалъ митрополитъ Кохановичъ князю Голицыну въ 1812 г.: „Всѣмъ извѣстно, что конгрегація базилианъ, какъ и всѣ монастырскіе ордена греко-восточной церкви, учреждена не для обученія наукамъ въ публичныхъ школахъ, но чтобы вести жизнь въ воздержаніи и постѣ и чтобы возносить горячіи молитвы къ Богу, совершать святыхъ таинствъ, проповѣдывать Слово Божіе, что мы и видимъ у монаховъ въ монастыряхъ греко-русской церкви“. *Tolstoy, Le Cath. Rom., II, 371.*

воспользовавшись его богатыми фондами, избавить другихъ монаховъ отъ складки на главную семинарію.

Можно подумать, что западныя губерніи уже вошли въ составъ новаго, воображаемаго польскою партіей государства!

Послѣ изгнанія іезуитовъ министерство духовныхъ дѣлъ не относилось уже къ базилианамъ съ прежнимъ слѣпымъ довѣріемъ; оно начинало понимать, для достиженія какой цѣли князь Чарторыйскій хлопоталъ о возобновленіи комплектованія базилианскаго ордена римскими католиками, вовсе незнакомыми съ языкомъ, на которомъ совершается богослуженіе въ греко-уніатской церкви, и конечно, не ради приверженности къ греческому обряду въ уніи. Притомъ базилиане вовсе не обязаны обучать римскихъ католиковъ, напротивъ того, они, казалось бы, должны обучать исключительно людей своего исповѣданія, преимущественно дѣтей бѣдныхъ уніатскихъ священниковъ, которые по недостатку средствъ оставались въ невѣжествѣ.... Поэтому въ министерствѣ полагали не только оставить въ своей силѣ сенатскій указъ 1812 г., но, по мнѣнію директора департамента Тургенова, необходимо было бы немедленно же закрыть многіе базилианскіе монастыри, а изъ остальныхъ образовать одну провинцію, не похожую на существующія три провинціи, устроенныя по образцу римско-католическихъ. Но на такую рѣшительную мѣру не согласился князь Голицынъ ¹⁾. Министръ, какъ кажется, шадилъ базилианскій орденъ, потому, что представители его были такими усердными сторонниками библейскаго общества и оказывали ему значительныя личныя услуги, между прочимъ и для униженія Полоцкаго архіепископа, считавшаго библейское общество франкъ-масонствомъ, самымъ лучшимъ проповѣдникомъ протестанства въ Россіи.

Опираясь на князя А. Н. Голицына и Чарторыйскаго, имѣя на своемъ челѣ усерднаго ходатая въ митрополитѣ, одобряемые своими агентами въ столицѣ, особенно Мудровичемъ, базилиане не смущались неудачею. Они посылаютъ въ Римъ секретныя жалобы о преслѣдованіяхъ, которымъ базилианскіе монахи подвергаются въ Россіи; испрашиваютъ дозволеніе отправить въ Петербургъ депутацію, дабы формально заявить о нуждахъ базилианъ. Но и въ отправленіи депутаціи въ Петербургъ было отказано ²⁾.

¹⁾ *Tolstoy, Le Cathol. Rom., II, 372.*

²⁾ *Tolstoy, Le Cath. Rom., II, 383.* Базилиане, вѣрные послѣдователи іезуитовъ, пускали въ ходъ тѣ же приемы, когда желали добиться какой-либо важной цѣли. Исполненіе іезуитскихъ ходатайствъ при Екатеринѣ II и Павлѣ при-

Эти дѣйствія литовскихъ базилианъ нами будутъ еще рассмотрѣны въ слѣдующихъ главахъ.

Воспользовавшись перемѣною въ судьбѣ архіепископа Красовскаго и разчитывая на поддержку князя Голицына и сочувствіе митрополита, бѣлорусскіе базилиане подняли одновременно вопросы о соединеніи своей провинціи съ Литовскою и о предоставленіи права на занятіе епископскихъ кафедръ исключительно базилианамъ.

Провинціями базилианскаго ордена управляли: Бѣлорусскою — Никодимъ Смыковичъ, Литовскою — Цезарій Каминскій и Русскою провинціей исправляющій должность провинціала Левъ Дешковичъ. Изъ нихъ особеннымъ значеніемъ и авторитетомъ у базилианъ пользовался литовскій провинціалъ Каминскій, произведенный въ 1821 г. въ архимандриты Лещинскаго монастыря ¹⁾.

Каминскій происходилъ изъ литовскихъ дворянъ и, вступивъ въ монашество на пятнадцатомъ году жизни въ Виленскій базилианскій монастырь, посѣщалъ лекціи физики, логики и математики Виленской академіи; затѣмъ прошелъ богословскую студию въ Жировицахъ (1787—1792 гг.) и наконецъ Collegium de propaganda fide въ Римѣ (1792—1794 гг.), курсъ которой окончилъ со степенью доктора философіи. Подобно многимъ своимъ собратамъ, монахъ Каминскій сначала избралъ дѣятельность ученую и въ теченіе семи лѣтъ читалъ астрономію въ Виленскомъ университетѣ съ званіемъ адъюнкта. Въ 1812 г. онъ принадлежалъ къ составу комитета, учрежденнаго Наполеономъ, для собранія контрибуціи съ духовенства и между прочимъ заботился о низверженіи съ епископскихъ кафедръ Кохановича и Красовскаго. Въ 1814 г., оставивъ профессорскую дѣятельность въ университетѣ, Каминскій былъ назначенъ игуменомъ Виленскаго Свято-Троицкаго базилианскаго монастыря. Уже тогда Каминскій заявилъ себя гонителемъ образованныхъ униатскихъ священниковъ. Въ 1818 г. онъ избранъ вторымъ консульторомъ базилианской провинціи и вслѣдъ

несло много вреда православію и русской народности въ Бѣлоруссіи. *Морошкинъ*, *Иезуиты въ Россіи*, ч. I, гл. VI и VII. *Потемкинъ*, *Чернышевъ* и *Безбородко* были защитниками иезуитовъ—при *Екатеринѣ*, *Завадовскій*, *Разумовскій*, *Долухинъ* и *Голицынъ* при *Александрѣ I*.

¹⁾ Архивъ св. синода, по 2-му департ., дѣло 1821 г., № 34, 1822 г., № 59. Консульту составляли въ провинціяхъ—Бѣлорусской: *Иларіонъ Родзевичъ*, *Сильверстъ Вуквскій*, *Феликсъ Подобѣдъ*, въ Литовской: *Иосеатъ Слободскій*, *Венедиктъ Ленартовичъ*, *Леонтій Околовъ*, въ Русской: *Ипполитъ Порницкій* и *Симплицій Держановскій*.

за сими провинціаломъ. Это былъ одинъ изъ ученѣйшихъ монаховъ въ ордень, фанатически приверженный къ латинству, а потому злѣйшій врагъ русской народности въ Западной Россіи. Болѣе десяти лѣтъ онъ стоялъ во главѣ партіи базилианъ, враждебно относившейся къ духовному образованію свѣтскаго клира въ униі и стремившейся къ удержанію за базилианскимъ орденомъ тѣхъ привилегій, которыми его щедро надѣлило бывшее правительство Рѣчи Посполитоѣ, и которыми монастыри овладѣли посредствомъ насилій и захватовъ.

Ученый базилианскій фанатикъ рѣшился выступить защитникомъ своего ордена передъ правительствомъ, послѣ того, когда министерство отклонило присылку депутаціи въ столицу. Помѣстивъ въ число базилианъ Іоанна Златоуста, Кирилла и Меѳодія, Московскихъ митрополитовъ Петра и Алексѣя в т. п., литовскій провинціалъ старался представить важность и высокое назначеніе своей конгрегаціи, а вмѣстѣ съ тѣмъ унижалъ бѣлое греко-униатское духовенство, объясняя, что самое названіе поповичъ (сынъ священника) всегда считалось у поляковъ подлымъ; а такъ какъ, по польскимъ законамъ, дѣти греко-униатскихъ священниковъ по записямъ относились въ разрядъ крѣпостныхъ людей, то какимъ образомъ можно допустить приѣмъ подобныхъ людей въ ордень, столь аристократическій, какъ базилианскій, который принималъ въ составъ своихъ членовъ только представителей лучшихъ польскихъ фамилій? „Литовскіе базилиане“, продолжаетъ Каминскій, — „не безъ основанія опасаются такого же упадка своего ордена, въ какомъ находятся ихъ собратья въ Вѣлороссіи, которые потеряли свое значеніе единственно потому только, что въ этой странѣ стало подниматься свѣтское духовенство, тогда какъ на базилианъ не обращалось вниманія“¹⁾.

Въ заключеніи своей просьбы литовскій провинціалъ высказываетъ такую точку зрѣнія на унию: „Изъ всего сказаннаго, слѣдуетъ, что число греко-униатовъ уменьшается постоянно, что нѣтъ никакого средства остановить это несчастіе, и что, поэтому, допущеніемъ римскихъ католиковъ въ ордень базилианскій (воспрещенное правительствомъ) нельзя будетъ даже и вознаграждать постояннаго умень-

¹⁾ *Tolstoy, Le Cathol. Rom., II, 373.* Здѣсь Каминскій, очевидно, намекаетъ на усилія Лисовскаго и Красовскаго поднять изъ ничтожества духовенство Полоцкой епархіи. Припомнимъ также, что это прошеніе посылалось въ министерство въ то именно время, когда надъ Красовскимъ готовился судъ по интригамъ базилианъ.

шенія числа греко-униатовъ, а слѣдовательно, въ концѣ концовъ, и это весьма скоро, унія приведена будетъ къ ничтожеству¹⁾.

Сужденія провинціала Каминскаго показываютъ, что сами базилианскіе монахи смотрѣли на свой институтъ въ русской уніи, какъ на орудіе латинизаціи. Обратившись въ покорныхъ слугъ польской интеллигенціи въ западныхъ губерніяхъ, будучи орденомъ аристократическимъ, базилиане тѣмъ самымъ, съ одной стороны, объявляли себя врагами русской народности, представителемъ которой въ уніи оставался свѣтскій клиръ, а съ другой — становились въ открытую оппозицію намѣреніямъ русскаго правительства, которое, въ послѣдніе годы царствованія Александра I, желало оказать поддержку бѣлому духовенству греко-униатской церкви. Но именно въ виду готовившагося неизбежнаго удара — секуляризаціи монастырей, представители базилианскаго ордена стали усердно хлопотать о соединеніи своихъ силъ, все болѣе и болѣе слабѣвшихъ вслѣдствіе запрещенія поступленія въ монахи римскихъ католиковъ. Положимъ, постановленіе это до сихъ поръ базилиане обходили, у нихъ были новиціи, которыхъ доставляли вѣрными имъ публичныя школы, наполненныя большею частью католиками²⁾. Тѣмъ не менѣе, число монаховъ видимо уменьшалось, особенно въ Вѣлорусской провинціи, и во многихъ монастыряхъ оставались одни только старики, ни къ чему уже не способные, такъ что некому было отправлять духовныхъ требъ. Даже въ Супрагальскомъ монастырѣ настоятелю приходилось для совершенія богослуженія приглашать священника соседняго прихода!

Въ прошеніи Литовскаго провинціала упомянуто объ упадкѣ базилианскихъ монастырей въ Вѣлорусской провинціи. Мы видѣли, что тамошніе монастыри пришли въ упадокъ еще послѣ Отечественной

¹⁾ *Tolstoy, Le Cathol. Rom.*, II, 374. Почтенный авторъ дѣлаетъ тотъ выводъ изъ прошенія базилианскаго провинціала, которымъ уничтожается всякое сомнѣніе относительно намѣреній латинскаго духовенства совратить греко-униатовъ въ латинство; уніи поддерживалась тѣмъ, что въ ней не было греко-униатскаго, то есть, базилианами; орденъ базилианскій сохранялъ свое существованіе потому только, что ему дозволялось быть не греческою конгрегаціею, а латинскимъ орденомъ, составленнымъ исключительно изъ католиковъ. О томъ, что унія поддерживалась только базилианами, главнымъ образомъ, Свято-Гролицкимъ монастыремъ, говорить въ одномъ изъ своихъ писемъ профессоръ Вобровскій.

²⁾ Въ 1822 г. въ 6 публичныхъ школахъ Литовской провинціи состояло 1202 ученика римско-католическаго исповѣданія и только 213 греко-униатскаго.

войны, и знаемъ, кромѣ того, что этотъ упадокъ выражался тогда не одною малочисленностью монаховъ, но и крайнею распушенностью монашеской дисциплины, на что указывали визиты самихъ провинціаловъ (напримѣръ, Романовскаго). Архіепископъ Красовскій, имѣя въ виду общіе государственные законы и правила, относящіяся къ базилианамъ Бѣлорусской провинціи, не допускалъ базилианскихъ провинціаловъ нарушать эти законы, на сколько это касалось его власти. Иначе было въ Литовской и Русской провинціяхъ: тутъ все дѣлалось по регламенту 1801 года, который предоставлялъ монашескимъ орденамъ широкое самоуправленіе.

Вскорѣ послѣ возвращенія митрополита въ Петербургъ съ поѣздки по епархіямъ, во 2-й департаментъ коллегіи поступило отъ него предложеніе 28-го января 1821 года, основанное на рапортѣ къ нему бѣлорусскаго провинціала Смыковича отъ 5-го декабря 1820 года (изъ Тадулина). Послѣдній проситъ о присоединеніи своей провинціи къ Литовской— „для славы и блага нашего вселенскаго ордена и для будущей пользы бѣлорусскихъ монастырей“¹⁾. Причины для соединенія провинціи были преставлены имъ неосновательныя, и притомъ, въ представленіи были искажены историческіе факты. Но провинціалу нуженъ былъ только предлогъ для достиженія извѣстной цѣли тогдашнихъ честолюбцевъ ордена. Самъ митрополитъ, въ своемъ предложеніи 2-му департаменту, поддерживалъ необходимость присоединенія Бѣлорусской провинціи къ Литовской. Между тѣмъ въ силу такого акта литовскій провинціалъ Каминскій долженъ былъ стать полновластнымъ распорядителемъ монастырей Литвы и Бѣлоруссіи, а затѣмъ уже не трудно было убѣдить министра въ необходимости „для славы ордена“ присоединить къ двумъ провинціямъ и третью—Русскую, въ которой, кстати сказать, не было еще назначено провинціала. Каминскій не замедлилъ прислать въ департаментъ свое заключеніе объ единогласномъ постановленіи консульта о пользѣ соединенія для „славы ордена“, объясняя притомъ что базилиане всегда были склонны къ соединенію монастырей въ одну провинцію, о чемъ и состоялось постановленіе генеральнаго капитула, собраннаго въ Тороканахъ, въ 1802 году. Какъ видно изъ представленныхъ документовъ, Каминскій охотно принялъ бы въ свои руки заботы надъ духовнымъ образованіемъ на

¹⁾ Въ подлинникѣ: «dla ocalenia stawy i dobra powszechnego zakonu naszego, dla zabezpieczenia w czas dalszy dla kraju tutejszych klasztorów». Аpx. св. свя. по 2-му деп. 1821 г., № 8.

всемъ пространствѣ территоріи, занятой базилианскимъ орденомъ. Составленная имъ вѣдомость о состояніи монастырей Литовской провинціи, удостовѣряла, что провинціалъ усердно заботится о процвѣтаніи духовнаго и свѣтскаго латино-польскаго образованія. Въ 39 монастыряхъ Литовской провинціи тогда состояло 187 монаховъ и до 72 новиціевъ и учениковъ, обучавшихся богословскимъ наукамъ, риторикѣ и латинскому языку въ специальныхъ и духовныхъ школахъ, куда не хотѣли, однако, посылать своихъ дѣтей священники. Процвѣтали также публичныя и приходскія школы для мірянъ ¹⁾.

Проектъ Смывовича съ особеннымъ жаромъ старался поддержать также и администраторъ Полоцкой епархіи, который затрудненія въ выборѣ настоятелей, ректоровъ, учителей классовъ и проповѣдниковъ въ Бѣлорусской провинціи объяснялъ недостаткомъ образованныхъ монаховъ. Съ обращеніемъ Софійскаго монастыря (въ Полоцкѣ) въ семинарію, отняты—писалъ Шуляковичъ—способы къ образованію духовенства базилианскаго ордена,—самъ митрополитъ убѣдился въ недостаткѣ свѣдущихъ монаховъ Бѣлорусской провинціи, но этотъ недостатокъ, по его мнѣнію, легко устранить, если состоится присоединеніе этой провинціи къ Литовской.

Архіепископъ Красовскій, отъ котораго также потребовалось объясненіе, хорошо видѣлъ, къ чему клонились затѣи базилианскихъ монаховъ. Въ своемъ письмѣ къ митрополиту Булгаку отъ 6-го марта 1821 года ²⁾, не смотря на петлю накиннутую на него базилианами, архіепископъ напоминаетъ объ указѣ 8-го октября 1795 г., который

¹⁾ Богословская и философская студія при Виленскомъ Свято-Троицкомъ монастырѣ, въ нихъ 17 клириковъ; классъ риторикѣ при публичной школѣ, въ Жировицкомъ монастырѣ, въ немъ 20 учениковъ; латинская школа въ Тороканахъ:—въ 1-мъ классѣ 16 учен., во 2-мъ 11 учениковъ. Кромѣ того, въ Сутковскомъ и Волинскомъ монастыряхъ были школы нравственнаго богословія, и въ нихъ состояло 8 клириковъ. Въ провинціи находилось 6 публичныхъ школъ для мірянъ, гдѣ преподаваніемъ занимались до 40 монаховъ, и нѣсколько приходскихъ школъ, гдѣ преподавали также монахи. Архивъ св. синода, д. 1821 г., № 8, л. 24 и слѣд.

²⁾ Къ письму приложены два рапорта архіепископа Красовскаго о томъ же предметѣ во 2-й департ. коллегіи отъ 13-го мая и 28-го сентября 1815 г., №№ 214 и 449, рапортъ къ нему провинціала Хотинскаго, копія указа коллегіи къ архіепископу Лисовскому, отъ 6-го іюня 1804 г., № 552, копія указовъ сената 15-го января 1790 г. и 28-го августа 1792 г. два декрета апостольской столицы съ утвержденіемъ особой базилианской провинціи св. Николая въ Бѣлоруссіи. Арх. св. синода, 1821 г., № 8, л. 31 и слѣд.

число монастырей во всѣхъ базилианскихъ провинціяхъ русской униі ограничивалъ лишь 24—27; и этихъ монастырей было бы достаточно для помѣщенія всѣхъ духовныхъ особъ базилианскаго ордена. Поэтому домогательства провинціала Смыковича онъ, Красовскій, считаетъ неприличною выходкою. Упомянутое же о Тороканскомъ орденскомъ капитулѣ 1802 г., безполезно, такъ какъ этотъ капитулъ не признавъ правительствомъ, а слѣдовательно, и всѣ дѣйствія его, то-есть, соединеніе провинцій и выборъ одного начальника или протоархимандрита, не дѣйствительны. Самостоятельное существованіе Бѣлорусской провинціи утверждено папскою буллою. Далѣе, напоминая митрополиту о докладѣ министра П. В. Завадовскаго, относительно преобразованія базилианскихъ монастырей въ воспитательное общество, Красовскій присовокупляетъ, что эта стратегія достаточно открыта и объяснена митрополитомъ Лисовскимъ.

Послѣ такихъ разоблаченій архіепископа старій вопросъ, поднятый бѣлорусскимъ базилианскимъ провинціаломъ, пришлось сдать въ архивъ. Явился однако еще мотивъ къ усилению злобы базилианъ на упорнаго Полоцкаго архіепископа.

Между тѣмъ какъ провинціалы базилианскаго ордена тревожили министерство духовныхъ дѣлъ своими интригами, происками и домогательствами, положеніе главной семинаріи становилось критическимъ вслѣдствіе значительныхъ недоимокъ, съ году на годъ увеличивающихся. Попечитель Виленскаго учебнаго округа сталъ даже опасаться за самое существованіе заведенія, «если эта неисправность будетъ продолжаться». Въ одномъ только 1820 году недоимки простирались до 9.121 рубля, то-есть, составляли почти $\frac{1}{2}$ годоваго оклада (15.000 р.), а съ недоимками прежнихъ лѣтъ, весь наборъ достигъ уже 56.015 рублей. Спустя два года (1828 г.), не смотря на строжайшія предписанія министра духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія съ обѣщаніемъ привлечь виновныхъ настоятелей, провинціаловъ и даже епископовъ къ отвѣтственности, въ недоимкѣ оставалось 51.601 р. 92 $\frac{1}{2}$ к., въ томъ числѣ на базилианскихъ монастыряхъ, подчиненныхъ орденскому управленію, 8.541 р. 32 $\frac{1}{2}$ к. и на 8 женскихъ монастыряхъ, считавшихся подъ управленіемъ епископовъ, 1.326 р. Какъ видно, предписанія министромъ Голицынымъ строжайшія мѣры ко взысканію недоимокъ, оказали слабое дѣйствіе. Коллегія даже собиралась еще разъ возбудить вопросъ о закрытіи главной семинаріи. Требования, понужденія, угрозы министерства еще пуще раздражали монаховъ противъ учрежденія, обязаннаго доставлять епархіямъ ученыхъ

пастырѣй съ правомъ занимать высшія должности въ епархіяхъ и достигать епископскаго сана.

Чтобы сколько-нибудь затруднить бѣлому духовенству доступъ къ епископскому достоинству, Булгакъ испрашивалъ подтвержденіе постановленій Замоискаго синода, въ которомъ опредѣлялось, что епископъ, избранный изъ свѣтскаго клира, прежде принятія монашескихъ обѣтовъ, долженъ пройти въ теченіе года, согласно правиламъ базилианскаго ордена, искусь, установленный для посвященія въ монахи,—иначе онъ не можетъ произнести свои обѣты.

Домогательства митрополита Булгака, происки провинціаловъ Каминскаго и Смыковича, интриги Шуляковича и Мудровича были разстроены удаленіемъ Чарторыйскаго отъ попечительства и Голицына отъ управленія министерствомъ. Не оставался безъ дѣла въ столицѣ и опальный архіепископъ Красовскій. Съ назначеніемъ А. С. Шишкова министромъ духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія теченіе дѣлъ въ греко-униатской церкви приняло направленіе, неблагоприятное для замысловъ латинизаторовъ.

Послѣ изгнанія іезуитовъ, въ министерствѣ духовныхъ дѣлъ произошла перемѣна взгляда на роль базилианскаго ордена въ греко-униатской церкви. Припоминались петиціи бѣлаго духовенства о томъ, что свѣтскій клиръ, лишенный способовъ образованія, находится въ состояніи униженія, что базилиане никогда не допускали выбора епископовъ изъ бѣлыхъ священниковъ, что они захватывали и незаконно присвоивали церковныя имущества, продавали и продаютъ монастырскую собственность въ городахъ евреймъ. Справки въ дѣлахъ и въ канцеляріи 2-го департамента убѣждали, что значительная часть базилианскихъ фундушей безнадежна, вслѣдствіе разоренія тѣхъ помѣщиковъ, которымъ настоятели ввѣрили капиталы подъ залогъ ихъ имѣній, что базилиане, какъ и іезуиты, обращаются съ крестьянами монастырскихъ имѣній самовластно, что провинціалы утаиваютъ фундуши и капиталы, что монастыри неисправно вносятъ складчину на содержаніе главной семинаріи, и что вообще монашескій орденъ въ униі нарушаетъ свою дѣятельностію обѣты и государственныя законы. Обвиненія, возводимыя на Красовскаго священникомъ Артамовичемъ, каноникомъ Лавецкимъ и другими, оказались ложными или не доказанными; напротивъ, какъ видно изъ дѣлъ, архіепископъ имѣлъ особенное попеченіе о благосостояніи своихъ крестьянъ во время года и другихъ несчастій въ сельскомъ быту, оказывалъ имъ по-

часть ССЛХІV, отд. 2.

мощь, не требуя возврата, прощаль недоимки, заботился объ образованіи саященниковъ. Благочинные различныхъ деканатовъ Полоцкой епархіи, возмущенные дѣйствіями администратора Шулякевича и происками Смыковича и Буковскаго, умоляли императора Александра I, для блага сельскаго духовенства, по просьбѣ прихожанъ, возвратить епископа въ свою епархію и представляли, что въ теченіе своего двѣнадцатилѣтняго управленія (1809—1821) епархіей, Красовскій поддерживалъ самый строгій порядокъ въ быту духовенства, заботился о дѣтяхъ и вдовахъ священнослужителей, устроилъ епархіальную семинарію (полоцкую). Просители выражали опасеніе, что распоряженія базиліанина, которому ввѣрено управленіе епархіей, могутъ разстроить введенный уже порядокъ, особенно подорвать семинарію. „Свои опасенія представители Полоцкой епархіи основываютъ на извѣстныхъ приемахъ базиліанъ держать бѣлое духовенство въ неслѣдствіи, изъ котораго оно начало выходить, благодаря стараніямъ митрополита Лисовскаго и архіепископа Красовскаго“¹⁾.

Разоблаченія бѣлаго духовенства Брестской, Виленской и Полоцкой епархіи о злоупотребленіяхъ базиліанъ совпали съ тѣми событіями, которыя, какъ теперь извѣстно, повели къ реакціи правительственныхъ мѣръ по общественному образованію въ Россіи и виѣстѣ съ тѣмъ къ признанію ошибочности дѣйствій министерства духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія по отношенію къ русской греко-уніатской церкви.

¹⁾ *Tolstoy, Le Cathol. Rom.*, II, 363—367. Главные обвинители Красовскаго, Артамовичъ и Лавецкій, были орудіемъ базиліанскихъ монаховъ, особенно архимандрита Шулякевича. Записки Василія Лужнянскаго епископа Полоцкаго, стр. 48: „Базиліане имѣли и въ столицѣ своихъ агентовъ, а въ средѣ ихъ в каноника уніатскаго Полоцкой епархіи Григорія Лавецкаго, который запродажнымъ сталъ ихъ орудіемъ, былъ въ званіи ассессора во 2-мъ департаментѣ римско-католической коллегіи, и поддерживалъ ихъ клевету лично“. Подробно о судѣ надъ Красовскимъ въ Запискахъ Юсефа (Сзмашко), митрополита Литовскаго, т. I, стр. 27, и приложение № 1. Автобіографъ говоритъ о пристрастіи и натяжкахъ при веденіи дѣла о Красовскомъ, слѣдствіе производилъ самъ Булгакъ, его недоброжелатель; самая нетрезвая жизнь, въ которой Красовскаго обвиняли, не имѣла въ дѣлѣ твердыхъ основаній. Юсефъ Сзмашко и Василій Маркевичъ подали особое мнѣніе, которое, по словамъ Сзмашко, удержало въ верхненіи участь архіепископа. Конечно, на это мнѣніе Голицынъ не обратилъ бы никакого вниманія раньше, когда былъ еще въ силѣ; теперь же рѣшена была и его участь партіей, враждебною библейцамъ.

Съ 1820 г. въ столицу чаще и чаще стали доходить смутныя вѣсти о какихъ-то затѣяхъ польской пропаганды въ Виленскомъ учебномъ округѣ, пропаганды, прикрывавшейся дѣятельностью благотворительныхъ обществъ или кружковъ, разрѣшаемыхъ и даже поощряемыхъ правительственными органами. Принятіе домашнихъ полицейскихъ мѣръ Чарторыйскимъ, съ конца 1821 г., не могло остановить уже возбужденія горячихъ головъ школьной молодежи.

Между тѣмъ, въ извѣстныхъ слояхъ Петербурга замѣтно усилилась группа людей, смущаемыхъ дѣятельностью библейцевъ и особенно главнаго ихъ представителя. Кружки Румянцова и Шишкова, при своемъ общеніи съ ученымъ западно-славянскимъ міромъ, не могли относиться равнодушно къ латино-польскому духу просвѣщенія въ странѣ искони русской и православной. У западныхъ славянъ, по примѣру нѣмцевъ, націонализація культуры пріобрѣтала права гражданства. Достаточно напомнить о цѣли съѣздовъ ученыхъ славянъ въ Вѣнѣ и, особенно, въ Задрѣ, въ 1820 году. Даже въ Парижѣ русскій нѣмецъ Кюхельбекеръ, въ 1821 г., заинтересовалъ французовъ своими лекціями о славянской литературѣ и славянскомъ языкѣ. Но у насъ въ Западной Руси, по непонятному недоразумѣнію, русскія стихіи едва обнаруживали свое бытіе: ихъ подавляла латинизація. Въ кружкахъ людей, чисто русскихъ, въ Москвѣ и Петербургѣ, не омраченныхъ космополитизмомъ, среди лицъ, приближенныхъ къ Государю, въ 1821—1822 г. стало явственно пробиваться признаніе необходимости оказать правительственную защиту отъ притѣсненій латинянъ бѣлому греко-униатскому духовенству, какъ единственному оплоту русской народности въ губерніяхъ, отъ Польши возвращенныхъ. Рѣшимость помочь греко-униатамъ, защитить ихъ, оказать правосудіе, дать имъ способы и средства для духовнаго образованія была естественнымъ порывомъ души добраго Государя, до свѣдѣнія котораго, съ 1818 года, чаще и чаще доходили жалобы на притѣсненіе, совращеніе, преслѣдованіе и гоненіе. И этотъ порывъ являлся какъ бы слѣдствіемъ облегченія въ 1818 г. участи крестьянъ, страдавшихъ отъ произвола помѣщичьей власти въ западныхъ губерніяхъ.

Нужно ли говорить, что высочайшее распоряженіе, выраженное въ предложеніи министра духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія отъ 28-го сентября 1822 года о закрытіи базилианскихъ школъ съ цѣлью устройства семинарии встрѣчено было бѣлымъ духовенствомъ съ восторгомъ. Брестская консисторія свои соображенія объ

устройствѣ епархіальной семинаріи и духовнаго училища въ Жи-
ровицкомъ базиліанскомъ монастырѣ (въ отвѣтъ на предложеніе) за-
ключила слѣдующими благодарными словами: „Да укрѣпитъ Всеблагій
Податель, Отецъ Небесный, благотворительныя намѣренія Всеавгу-
стѣйшаго Монарха! Да ниспошлетъ свою благодать и дѣлу сему дасть
споспѣшествованіе“ ¹⁾).

Обратимся теперь къ составу благаго духовенства и его стремле-
ніямъ въ началѣ 20-хъ годовъ.

II. Бобринскій.

(Продолженіе слѣдуетъ).

---

¹⁾ Архивъ св. синода по 2-му деп. Дѣло 1822 г., № 61. Рапортъ Брестской
консисторіи (отъ 12-го марта 1823 г., за № 151, изъ Жировиць) подписали: пред-
сѣдатель *Антоній Тупальскій*, вице-оенціалъ *Антоній Сосновскій*, ассессоры:
брестскіе каноники: *Махисевичъ*, *Бойдановичъ* и *Пильховскій*.

ПЕТРЪ ВЕЛИКІЙ ВЪ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРѢ ¹⁾.

(Опытъ историко-библиографическаго обзора).

II.

Историческое изученіе эпохи Петра Великаго началось еще при жизни преобразователя. Самъ царь далъ первый толчокъ этому дѣлу. Чѣмъ ожесточеннѣе проявлялась оппозиція его реформамъ, тѣмъ настоятельнѣе чувствовалъ онъ необходимость найдти себѣ оправданіе въ глазахъ подданныхъ; чѣмъ сдержаннѣе и непріязненнѣе относились на западѣ къ попыткамъ его занять видное мѣсто въ ряду европейскихъ государей, тѣмъ необходимѣе было Петру привлечь на свою сторону общественное мнѣніе этого запада. Какъ ни увѣренъ былъ преобразователь въ правотѣ своего дѣла, какъ ни высоко держалъ знамя самодержавныхъ правъ своихъ, но въ общественномъ мнѣніи видѣлъ онъ силу, съ которою приходилось считаться и избѣгать столкновеній. Онъ первый въ Россіи призналъ громадное вліяніе за печатнымъ словомъ и послѣдовалъ имъ воспользоваться, какъ могучимъ воспитательнымъ средствомъ. Одна виѣшняя сила еще не создавала устойчивости нововведеніямъ; опираясь на нее одну, реформа не могла бы прочно привиться въ Русской землѣ. Приходилось воспитать умы, убѣдить въ необходимости преобразованій, и вотъ за это-то и берется Петръ Великій.

Еще въ 1702 году русское правительство вошло въ соглашеніе съ барономъ Гюйссеномъ, обязавъ его пропагандировать за границей путемъ печати идеи царя, знакомить Европу со всѣми его распоряженіями, сочинять книги и статьи, оправдывающія дѣятельность преобразователя, переводить правительственные указы, полемизиро-

---

¹⁾ *Окончаніе.* См. июльскую книжку 1889 г. *Журн. Мин. Нар. Пр.*

вать съ враждебными мнѣніями, занимать для той же цѣли журналистовъ въ иностранной печати, доставлять имъ матеріалъ, сырой и обработанный и т. п. Изданіе Рабенера *Eugoräische Gama* въ теченіе многихъ лѣтъ помѣщало сочувственныя Россіи статьи, служа такимъ образомъ нѣкотораго рода офиціознымъ органомъ русскаго правительства за границей ¹⁾.

Но это все была пропаганда русскихъ идей передъ иностранцами. Для своихъ подданныхъ Петръ поручаетъ Шафирову написать знаменитое „Разсужденіе о причинахъ войны“ ²⁾. Оно явилось какъ бы оправдательною запискою царя въ отвѣтъ на ропотъ народный, стремясь представить борьбу съ Шведскимъ королемъ необходимою, вызванною насущными потребностями государства. Въ то же время сочиненіе это оправдывало правительство и передъ лицомъ Европы въ взводимыхъ на него обвиненіяхъ. Извѣстно непосредственное участіе Петра въ составленіи „Разсужденія“ ³⁾: перу царя принадлежитъ такъ-названное „Заключеніе къ читателю“ ⁴⁾, гдѣ проводится мысль о необходимости довести дѣло до конца и не мириться прежде чѣмъ не обезпечено будетъ обладаніе Балтійскимъ побережьемъ ⁵⁾.

¹⁾ *Пекарскій*, Наука и литература при Петрѣ Великомъ, I, 90—95.

²⁾ С.-Пб. Первое изданіе 1717 г., in folio; второе—1722 г., in 16°.

³⁾ „Разсужденіе“ начинается разборомъ „древнихъ причинъ“, вызвавшихъ настоящую войну (стр. 1—23 перваго изданія), другими словами—обзоромъ отношеній Россіи къ Швеціи съ Грознаго вплоть до 1700 года. „Причины новыя“ (23—35) состоятъ преимущественно изъ жалобъ на Дальберга, рижскаго коменданта, на дурной приемъ царя въ Ригѣ, во время проѣзда его за границу и на притѣсенія русскихъ. Доказательству мнѣнія, что истинными виновниками продолжительности войны были не русскіе, а шведы, посвящена слѣдующая глава (35—57); на страницахъ же 57—72 доказывается, „что умѣреніе въ сей войнѣ поступилъ“.

⁴⁾ Стр. 72—78. Объ участіи Петра въ составленіи „Разсужденія“ см. *Устряловъ*, I, прилож. № IV.

⁵⁾ Мириться на условіи уступки завоеваннаго края, лишь бы освободиться отъ дѣйствительно большихъ жертвованій людьми и деньгами, — будетъ, по мнѣнію Петра, безразсудствомъ: шведы давнишніе наши враги; не объяви мы имъ войны, они сами навязали бы ее намъ; они хотятъ во что бы то ни стало стѣснить насъ, и, отдавъ имъ завоеванные города, намъ все равно придется рано или поздно снова пріобрѣтать ихъ. — Съ цѣлью распространенія взглядовъ царя второе изданіе „Разсужденія“ было выпущено въ количествѣ 20,000 экземпляровъ по цѣнѣ 10 алтынь, но расходилось оно туго: при жизни Петра его было продано не болѣе 50 экзмп., и въ 1756 г. оставалось еще 16,000 (*Пекарскій*, Наука и литер., II, 585).

Впрочемъ Петръ начиналъ войну съ Карломъ XII безъ достаточно яснаго сознанія тѣхъ послѣдствій, какія она повлечетъ за собою; съ каждымъ годомъ борьбы увеличивалась въ размѣрахъ, поглощая всѣ силы страны и становясь центральнымъ событіемъ для Россіи въ глазахъ современниковъ. Но потому-то Полтавская битва, помимо ея значенія военнаго и политическаго, разсѣивала возникавшіи было сомнѣнія, приободряла; значеніе предшествовавшихъ ей годовъ выяснялось теперь съ каждымъ новымъ успѣхомъ, и у Петра зарождается понятное желаніе сохранить на память эти трудные дни умственнаго и физическаго напряженія, а предъ потомствомъ найти новое оправданіе своимъ поступкамъ. Однимъ словомъ, онъ задумываетъ Исторію Шведской войны.

Такъ, еще въ первые годы рѣшено было вести діаріушъ военнымъ событіямъ, съ каковою цѣлью въ мартѣ 1705 года велѣно всѣмъ извѣстія „о поведеніи нынѣшней свѣйской войны, что будетъ чиниться въ воинскихъ походахъ“, прислать въ посольскій приказъ¹⁾. Очевидно, мы присутствуемъ при зарожденіи „Гисторіи Свейской войны“, которой суждено было пережить столько перипетій. Въ 1711 году составленіе ея было возложено на Шиллинга, переводчика названнаго приказа; какое употребленіе сдѣлалъ онъ изъ предоставленныхъ въ его распоряженіе матеріаловъ, не извѣстно²⁾; позволительно думать, что—никакого, ибо въ слѣдующемъ, 1712, году за сочиненіемъ Исторіи о шведской войнѣ мы видимъ уже другое лицо (по всей вѣроятности), Поликарпова³⁾; „и то же самое велѣно дѣлать въ посольскомъ приказѣ секретарю Шафирову“⁴⁾.

Недолгое время спустя эта работа переходитъ снова въ инныя руки, къ барону Гюйсену, который и приготовилъ въ 1715 году⁵⁾

¹⁾ Полн. Собр. Закон., IV, № 2040, стр. 298—299.

²⁾ *Устряловъ*, т. I, стр. XXX, примѣчаніе и приложение № 1.

³⁾ *С. Зеленый* въ рецензіи на книгу Э. Э. Веселаго: „Очеркъ русской морской исторіи“. Отчетъ о 19-мъ присуд. наградъ гр. Уварова, стр. 137.

⁴⁾ *Ibidem*.

⁵⁾ Этотъ годъ устанавливается на основаніи слѣдующихъ соображеній: въ 1714 году государь приказалъ: „Журналы всѣ отдать Гизену“ (*Устр.*, I, стр. XXX—XXXI); на стр. 315 (*Туманск.*, ч. III) Гюйсенъ ссылается на Марсову книгу, вышедшую въ 1713 году; о царевичѣ Алексѣѣ упоминается въ очень сочувственномъ тонѣ (*Туманск.*, VIII, 7—8),—значитъ, писано до 1718 года. Наконецъ, Веберъ (*Das veränd. Russland*, I, 253—254) прямо указываетъ на 1715, какъ на годъ, когда работа была окончена и даже приготовлена къ печати. Въ одномъ мѣстѣ своего сочиненія (*Туманск.*, III, 230) авторъ сообщаетъ, что съ

„Журналъ государя Петра I съ 1695 по 1710 годъ“¹⁾. Этотъ трудъ имѣлъ въ виду нѣчто большее, чѣмъ одна исторія войны, а именно описаніе всего царствованія Петра Великаго. Материалами Гюйссену служили официальные бумаги, переданныя ему въ 1714 году²⁾, „короткія денныя росписи о е. и. в. походѣхъ“, разказы участниковъ событій и литературныя пособія, иностранныя и отечественныя³⁾. Веберъ⁴⁾, а особенно Устряловъ⁵⁾, отозвались о Журналѣ Гюйссена неодобрительно, называя его трудомъ переработаннымъ, неосвѣщающимъ эпохи, излагающимъ факты безъ всякой связи и т. п. Взглядъ этотъ сталъ, кажется, общепринятымъ. Если онъ по существу и справедливъ, то ошибоченъ именно по своей односторонности. Не забудемъ, что Соловьевъ, столь разборчивый на источники и пособія, пользовался Гюйссеномъ въ своей Исторіи⁶⁾. Ниже, разбирая „Поденную записку“ Петра, мы будемъ имѣть случай ближе ознакомиться съ содержаніемъ труда нѣмецкаго барона и опредѣлить его историческое значеніе, если на значеніе научное онъ не можетъ претендовать.

Теперь же перейдемъ къ другому труду, составлявшемуся также по инициативѣ и подъ наблюденіемъ Петра; это — „Исторія императора Петра Великаго отъ рожденія его до Полтавской битвы“⁷⁾, приписываемая обыкновенно Теофану Прокоповичу. Самый вопросъ объ авторѣ этого сочиненія нельзя еще впрочемъ считать

1701 года начался новый вѣкъ и счастливая для Россіи эпоха завоеваній, „для того, что отъ сего вѣка оное благополучіе послѣдовано и продолжено безъ прерванія лѣта отъ лѣта, даже до 1715 году всегда бо находится или биталія выиграны, или взятіе городовъ, либо завоеваніе цѣлыхъ областей надъ Швеціею“. Можетъ быть, время составленія журнала и дало поводъ Устрялову ошибочно сказать (I, стр. XXXI), что Гюйссенъ довелъ изложеніе событій до 1715 года, тогда какъ онъ остановился на 1710-мъ.

¹⁾ Въ печати онъ появился, и то не весь, а только за годы 1695—1704, 1709 и 1710 у *Туманскаго*, ч. III, стр. 3—493; ч. VIII, стр. 5—336; въ этомъ же видѣ (въ рукописи) хранится въ Государственномъ Архивѣ (*Устрял.*, I, XXXI, прим. 13); сверхъ того, есть другой списокъ Имп. Публичн. Библіотеки, содержащій въ себѣ 1695—1699, и 1708—1710 гг. (Письма Петра Великаго, изд. А. О. Бычковымъ (С.-Пб. 1872, стр. 105).

²⁾ *Устряловъ*, т. I, стр. XXX—XXXI.

³⁾ Собственное свидѣтельство Гюйссена. *Пекарскій*, Наука и литер., I, 320.

⁴⁾ *Das veränd. Russland* (L. 1744), I, 253—254.

⁵⁾ Т. I, стр. XXXI.

⁶⁾ Дѣлаетъ то же и *Погодинъ* въ статьѣ: „Судъ надъ царевичемъ Алексѣемъ“.

⁷⁾ Два изданія: С.-Пб. 1773 и М. 1788.

окончательно выясненнымъ. Князь М. М. Щербатовъ, издававшій книгу ¹⁾, митрополитъ Евгений ²⁾, Н. Г. Устряловъ ³⁾, С. М. Соловьевъ ⁴⁾ и К. Н. Бестужевъ-Рюминъ ⁵⁾ приписываютъ ее Теофану; по мнѣнію Н. И. Костомарова, „Теофанъ получилъ порученіе отъ государя пополнить исторію Петра, написанную неизвѣстно кѣмъ, быть можетъ, самимъ Петромъ; она въ значительной степени была исправлена и выглажена“ псковскимъ епископомъ ⁶⁾. П. А. Чистовичъ, разсматривавшій рукопись сочиненія, отвергаетъ авторство Теофана, признавая за нимъ только частныя поправки и мелкія дополненія ⁷⁾. П. О. Морозовъ держится середины и, въ основѣ принимая мнѣніе г. Чистовича, думаетъ только, что участіе Теофана было болѣе дѣятельнымъ и содержательнымъ ⁸⁾.

Послѣднее мнѣніе кажется и намъ ближе къ истинѣ. Однако и оно не разъясняетъ, кто же былъ первымъ сотоварищемъ, такъ-сказать, основнымъ авторомъ „Исторіи“? Не былъ ли таковымъ Федоръ Поликарповъ? На послѣднемъ лежали обязанности управляющаго московскою синодальною типографіей; онъ занимался переводами и составленіемъ разнообразныхъ книгъ, будучи обязанъ „браться за все, что требовалось тогда въ Россіи для дѣла просвѣщенія“ ⁹⁾. Въ 1708—1715 гг. онъ составляетъ исторію Россіи со временъ великаго князя Василія III; въ концѣ 1715 года часть ея была представлена на разсмотрѣніе государя и не апробована имъ ¹⁰⁾. Нельзя ли предположить, что Поликарпова освободили отъ продолженія, замѣнивъ одну работу другою, описаніемъ Шведской войны, тѣмъ болѣе что, какъ было выше указано, вѣроятно, эта работа возложена была на него еще въ 1712 году? Сознаемся, что эти соображенія довольно шатки; убѣдительнѣе можетъ показаться слѣдующее сопоставленіе: въ маѣ 1722 года Поликарповъ по наговорамъ былъ уволенъ отъ званія

¹⁾ См. предисловіе къ „Исторіи имп. Петра Великаго“.

²⁾ Словарь писател. духовн. чина, изд. 2-е, т. II, стр. 309.

³⁾ Т. I, стр. XXXI.

⁴⁾ XVIII, 190.

⁵⁾ Исторія Россіи, I, 60 первой пагги.

⁶⁾ Русская исторія въ жизнеописаніяхъ, вып. 6-й, стр. 875.

⁷⁾ Теофанъ Прокоповичъ и его время, 122—124.

⁸⁾ Теофанъ Прокоповичъ. *Журн. Мин. Нар. Просв.* 1880, № 8, стр. 324.

⁹⁾ *Шкарскій*, Наука и литер. при Петрѣ Великомъ, I, 174; II, 637. Сравни. *Русск. Архивъ* 1868, 1041—1058.

¹⁰⁾ *Голицы*, 2-е изд., IV, 299; V, 323; VI, 369.

директора типографіи ¹⁾, а въ августѣ того же года Теофанъ Прокоповичъ пишетъ царю въ Астрахань: „что присланнымъ нынѣ в. в-ва указомъ въ достопамятної славныхъ в. в-ва дѣлъ исторіи пополнить и исправить мнѣ повелѣно, то дѣломъ исполнить тшуся“ ²⁾. Отставка Поликарпова не вызвала ли необходимости передать окончаніе начатой „Исторіи“ другому лицу?

Отмѣтимъ въ разбираемомъ сочиненіи мѣста, которыя, по нашему мнѣнію, не могли принадлежать Теофану:

1) Говоря о военныхъ дѣйствіяхъ на Невѣ въ 1702—1703 годахъ, авторъ даетъ краткую, но рѣзко очерченную характеристику чухонъ, въ то время тамъ жившихъ ³⁾. Характеристика эта походитъ на свидѣтельство очевидца, а Прокоповичъ въ описываемое время не былъ на берегахъ рѣки Невы.

2) Не былъ онъ тамъ и въ 1713 году ⁴⁾; а между тѣмъ страницы 66—72 даютъ обстоятельную топографію р. Невы и планъ Петербурга („за время десятилѣтнее“). Свидѣтельство Устрялова ⁵⁾, что „Исторія“ составлена по „Марсовой книгѣ или собранію реляцій о баталіяхъ до 1713 года“ ⁶⁾, скорѣе говоритъ не въ пользу авторства Теофана: свѣжіе матеріалы изданной книги и послужили побужденіемъ не медля, въ томъ же 1713 году, сѣсть за работу.

3) Странно было бы услышать отъ Теофана похвалу „мудрости“ Стефану Яворскому (стр. 136), злѣйшему его врагу.

А вотъ мѣста въ пользу того, что Теофанъ принималъ участіе въ составленіи книги:

1) Пребываніе Петра въ 1706 г. въ Кіевѣ, встрѣча царя духовенствомъ, значеніе Печерскаго монастыря и его топографія (стр. 134—136). Въ 1706 г. въ Кіевѣ, какъ извѣстно, Петръ впервые познакомился съ будущимъ составителемъ Духовнаго регламента.

2) Характеристика Мазепы (156—162), — мастерская и мѣткая. П. О. Морозовъ ⁷⁾ замѣчаетъ, что никто по языку не могъ бы такъ

¹⁾ *Лекарскій*, II, 637.

²⁾ *Соловьевъ*, XVIII (М. 1870), 190.

³⁾ Стр. 59 перваго изданія.

⁴⁾ Въ первый разъ пріѣхалъ Теофанъ въ Петербургъ только осенью 1716 г. *Чистовичъ*, Ф. Прокоповичъ, 25.

⁵⁾ Том. I, стр. XXXI.

⁶⁾ А „Марсова книга“ издана въ 1713 и частью въ 1714 г. *Лекарскій*, II, 290, 303.

⁷⁾ *Журн. Мин. Нар. Просв.* 1880, № 8, стр. 325.

написать въ то время. Можно прибавить: и по таланту, по наблюдательности. Наконецъ, только мѣстный житель могъ схватить всѣ мелочи впечатлѣній, а онъ-то въ данномъ случаѣ и обусловилъ цѣльность картины.

3) Характеристика запорожцевъ (199—205). П. О. Морозовъ ¹⁾ и ее причисляетъ къ безспорнымъ произведеніямъ Теофановскаго пера, вѣтъ, впрочемъ, не подтверждал своего мнѣнія. Между тѣмъ, если по языку этотъ отрывокъ и слабѣе предыдущаго, то опять въ немъ встрѣчаются такія данныя, такія мѣстныя черты, которыя доступны были только туземцу-малороссу. Кромѣ того, есть еще одно важное мѣсто: заглавная характеристика запорожцевъ, авторъ замѣчаетъ: „стояло Запорожье подъ королевствомъ Полскимъ около 140 лѣтъ, а подъ монархіею Россійскою 56 лѣтъ“ (стр. 205). Складывая 56 съ 1667 годомъ, Андрусовскаго мира, получимъ 1723, то-есть, годъ, слѣдующій за тѣмъ, какъ Теофану послана была „Исторія“ для дальнѣйшей обработки ²⁾.

4) Описаніе Полтавскаго боя (212—213) полно жизни и картинности; написано съ увлеченіемъ и тѣмъ мастерствомъ, которымъ въ такомъ совершенствѣ владѣлъ Теофанъ.

Безразлично могли быть составлены и Теофаномъ, и кѣмъ-либо инымъ, такія, напримѣръ, страницы:

1) Рѣчи Карла XII и Петра I, обращенныя къ войскамъ въ 1702 году, во время ожиданія Шведовъ въ Архангельскѣ (стр. 43—45).

2) Описаніе Жолквы и праздника въ немъ, 1707 года (147—148), — по видимому, очевидцемъ.

3) Событія отъ битвы при Лѣсной вплоть до Полтавскаго боя (178 слѣд.), изложенныя подробнѣе, чѣмъ въ „Поденной запискѣ Петра Великаго“ (можетъ быть, потому что дѣйствіе происходитъ въ Малороссіи и въ тѣ годы, когда тамъ жилъ Теофанъ?) ³⁾.

¹⁾ Ibidem.

²⁾ Начало Запорожья Теофанъ такимъ образомъ относитъ къ началу XVI вѣка, около 1517 года. Это скорѣе время возникновенія украинскаго малорусскаго казачества (старосты Лискоронскій и Дашкевичъ); Запорожье же въ собственномъ смыслѣ возникло, вѣроятно, нѣсколько позднѣе (Костомаровъ, Южныя Русь и казачество до возстанія Богдана Хмельницкаго. *Отч. Записки* 1870, № 1, стр. 38—44. Сравни его же, *Русск. истор. въ жизнеоп.*, вып. V, стр. 222—224), но авторъ, надо думать, не дѣлалъ между ними въ данномъ случаѣ разницы.

³⁾ „Исторія имп. Петра Великаго отъ рожденія его до Полтавской баталіи“ не потеряла значенія и въ наши дни. Цѣнными могутъ быть, кромѣ упомяну-

Между тѣмъ мысль объ исторіи войны все сильнѣе овладѣвала Петромъ. Не ограничиваясь порученіемъ ея другимъ лицамъ, онъ приказалъ въ 1718 году кабинетъ-секретарю Макарову заняться ея составленіемъ, снабдивъ его съ этой цѣлью массою самыхъ разнообразныхъ и цѣнныхъ матеріаловъ, шедшихъ изъ первыхъ рукъ. Распоряженія правительства, „подлинныя журналы походовъ и путешествій, допесенія полководцевъ и министровъ, реляціи сраженій“¹⁾ и т. п. были предоставлены въ распоряженіе составителя. Макаровъ добросовѣстно отвесилъ къ своей задачѣ, но его книга²⁾ вышла скорѣе лѣтописью, погоднымъ расположеніемъ сыраго матеріала, чѣмъ дѣйствительною исторіею. Впрочемъ отнюдь нельзя считать царскаго кабинетъ-секретаря единственнымъ авторомъ „Поденной записки“. Петръ Великій взялся быть ея редакторомъ и нѣсколько разъ передѣлывалъ работу на столько, что, можетъ быть, правильнѣе всего будетъ приписать этотъ трудъ, въ окончательномъ его видѣ, имени самого государя. Царь вставилъ множество подробностей, отбросивъ все льстивое, не преувеличивая побѣдъ, не скрывая промаховъ...³⁾

Трудъ Петра важенъ во первыхъ, какъ личное свидѣтельство царя, какъ источникъ первой руки; во вторыхъ, какъ вѣрное средство поправить хронологію другихъ источниковъ и поэтому возстановить правильный ходъ событій. Если настоящая книга, какъ исторія, не можетъ считаться удовлетворительною, будучи въ цѣломъ сырымъ, едва тронутымъ матерьяломъ, — то именно какъ матеріалъ она пріобрѣтаетъ цѣну въ нашихъ глазахъ. Превосходя работы Гюйс-

---

ныхъ въ текстѣ рѣчей двухъ государей (43—45 перв. изд.), характеристичны чужонъ (59), запорожцевъ (199—205), Мазепы (156—162) описанія Петербурга (66—72), Жолквы (147—148), — также и разказъ о пребываніи Петра въ Ригѣ въ 1697 г. (19—22), детали побѣды подъ Нарвой 1704 г. (92), отмыкъ Петра о положеніи Августа Польскаго въ 1706 г. (137) и объѣздъ царя въ петербургскомъ домѣ Меншикова въ день именинъ хозяина (23-го апр. 1707), хотя и въ отсутствіе его (150). Последний фактъ не отмѣченъ въ „Поденной Запискѣ“ (ср. I, 162).

¹⁾ Устреловъ, I, стр. XXXII.

²⁾ Журналъ или Поденная Записка Петра Великаго съ 1698 года даже до заключенія Нейштатскаго мира. 2 части С.-Пб. 1770—1772. V (нов.) + 460 + 763 + 8 стр., in-4.

³⁾ Устреловъ, I, стр. XXXI—XXXIX и приложение № II. Есть указаніе, что въ этой работѣ принималъ участіе и Шафировъ. См. Устр., т. I, приложение № II, стр. 317. Сравни. Зеленый въ Отчетѣ о 19-мъ присуд. наградахъ, гр. Уварова, стр. 138.

сена и Теофана, „Журналъ Петра Великаго“ является ихъ заверше-
ніемъ и органически связанъ съ ними. Эта связь особенно замѣтна
въ сочиненіи нѣмецкаго барона. Щербатовъ, издавая „Поденную за-
писку“, говоритъ (въ предисловіи), что рукопись, по которой онъ
печаталъ, была „шестаго черпенія“; другими словами, окончательной
редакціи предшествовало пять передѣлокъ. Позволимъ себѣ сдѣлать
догадку, что трудъ Гюйссена, если не въ цѣломъ, то по крайней
мѣрѣ частями, представляетъ одну изъ этихъ пяти первоначальныхъ
редакцій. Отказавшись отъ надежды найти въ Гюйссенѣ достойнаго
выразителя своего времени, царь принимается за работу самъ, при
содѣйствіи Макарова. А такъ какъ сочиненіе его предшественника
основывалось на официальныхъ реляціяхъ, преслѣдовало (въ общемъ)
ту же цѣль, то отчего было не воспользоваться готовымъ, въ той
мѣрѣ, въ какой это соотвѣтствовало намѣреніямъ Петра? Царь воленъ
былъ одно выбросить, другое сократить, третье расширить, четвертое
замѣнить новымъ и т. д. Онъ такъ и поступаетъ, и если его „жур-
наль“ во многомъ отличенъ отъ „журнала“ Гюйссена, то въ то же
время во многомъ и сходенъ.

Прежде всего въ системѣ: и тамъ, и здѣсь одинаково хроноло-
гическій лѣтописный характеръ изложенія; за тѣмъ — въ единствѣ
матеріала: нѣкоторыя мѣста вложены почти дословно въ обоихъ
источникахъ ¹⁾. Далѣе можно было бы указать не мало мѣстъ, если
не буквально сходныхъ, то весьма приближающихся къ полному
тождеству ²⁾. Какъ матеріалъ историческій, интересны у Гюйссена
страницы, излагающія событія подробнѣе Поденной записки ³⁾; почему

¹⁾ Напримѣръ, осада Нотебурга (Тум., III, 301—308 и Под. Зап., I, 55—61),
день 15-го іюня 1809 г. (Тум., VIII, 90 и Под. Зап., I, 210).

²⁾ Для примѣра слич. Тум., III, 290 и П. Зап., I, 44—45 (захвачены тро-
феи), Тум., III, 318 и П. Зап., I, 66 (набѣгъ попа И. Окулова на шведскія вла-
дѣнія), Тум., III, 449 слѣд. и Под. Зап., I, 94 слѣд.; Тум., VIII, 47 слѣд. и Под.
Зап., I, 203 слѣд. (событія въ началѣ апрѣля 1709 г.), Тум., VIII, 233—235 и
П. Зап., I, 257—258 (ропись троесевъ въ Эльбингѣ), Тум., VIII, 259—261 и П.
Зап., I, 267—268 (условія сдачи Выборга), Тум., VIII, 287—293 и П. Зап., I,
302—309 (трофеи въ Ригѣ).

³⁾ Напримѣръ, Тум., III, 291—293 и П. Зап., I, 45 (дни непосредственно
слѣдующіе за Гуммельсгоескимъ боемъ), Тум., III, 316—318 и П. Зап., I, 64—65
(подробности въ именахъ и наградахъ за взятіе Шлиссельбурга), Тум., III,
325—327 и П. Зап., I, 67 (событія въ январѣ 1703 г.), Тум., III, 328—329 и
П. Зап., I, 67 (событія въ мартѣ 1703 г.), Тум., VIII, 144, 175 и П. Зап., I,
241, 250 (подробности путешествія Петра въ 1709 г. изъ Полтавы въ Кіевъ

последняя сокращала ихъ, не соответствовала ли подробность истинѣ, считалъ ли царь ее просто излишнею, — это вопросъ критики; но какъ матерьялъ, эти страницы, разъ последняя ихъ не отвергла, нельзя считать не имѣющими цѣнности ¹⁾. Но еще болѣе важными, конечно, будутъ тѣ мѣста Гюйсеновой книги, которыхъ совсѣмъ нѣтъ въ Журналѣ Петра. Дѣло въ томъ, что царь въ своемъ трудѣ, въ общемъ излагая событія совершенно въ томъ же порядкѣ, съ тѣми же характеромъ и часто тѣми же словами, какъ и Гюйссенъ, совершенно выбрасываетъ нѣкоторыя подробности ²⁾. Замѣтимъ, что Поденная записка составлялась послѣ смерти царевича Алексѣя, а потому все, что въ трудѣ Гюйсена такъ или иначе отзывалось о немъ сочувственно, не нашло собѣ здѣсь мѣста ³⁾. Въ числѣ доказательствъ тому, что Гюйссенъ служилъ одною изъ первыхъ редакцій для Поденной записки, можно отмѣтить и тотъ фактъ, что редакція Макарова о поведеніи Петра во время Полтавской битвы, какъ извѣстно, сильно измѣненная государемъ ⁴⁾, почти дословно схожа съ редакціею Гюйсена ⁵⁾.

Значеніе Гюйсена выростетъ еще болѣе, если мы вспомнимъ, что сочиненіе его богато свѣдѣніями, происхожденіе которыхъ несомнѣнно официальное или свидетельства личныя, — свѣдѣніями, къ тому же болѣею частью опущенными въ Поденной запискѣ. Таково, напримѣръ, описаніе Стрѣлецкаго бунта 1698 ⁶⁾, очеркъ шведско-

---

и тогда же изъ Мариенвердера въ Митаву), *Тум.*, VIII, 145—146 и II. Зап., I, 242 (манускр. Августа II отъ 8-го августа 1709 г.), *Тум.*, VIII, 317—327 и II. Зап., I, 323—324 (перечень захваченнаго при взятіи Ревеля).

¹⁾ Такія же подробности можно отмѣтить и въ „Исторіи“ Θεοφана Прокоповича; напримѣръ, въ перечнѣ военныхъ снарядовъ, захваченныхъ русскими въ Шлиссельбургѣ и Нарвѣ (Под. Зап., I, 62—63, 98—99 и Исторія, стр. 53 слѣд., 95 слѣд.).

²⁾ Напримѣръ, данныя изъ Марсовой книги, *Тум.*, III, 312—315, сравн. II. Зап., I, 63—64; взглядъ Петра на казенныя деньги и 27-е апрѣля 1703, *Тум.*, III, 331—332, сравн. II. Зап., I, 68; слова государя по поводу измѣны Мазепы, *Тум.*, VIII, 17 (II. Зап., I, 199); о 9—22 апрѣля 1709, *Тум.*, VIII, 46 (II. Зап., I, 203); о 7—19 мая 1709, *Тум.*, VIII, 48 (II. Зап., I, 204); о 1-мъ іюня 1709, *Тум.*, VIII, 85 (II. Зап., I, 209).

³⁾ Объ участіи Алексѣя въ осадѣ Нотебурга, *Тум.*, III, 302 (II. Зап., I, 56); о пребываніи царевича въ 1709 г. за границей, *Тум.*, VIII, 177 (II. Зап., I, 251).

⁴⁾ *Устряловъ*, I, стр. ХХХVIII, 319—322.

⁵⁾ *Туминскій*, VIII, 105.

⁶⁾ III, 103—112.

русскихъ отношеній, предшествовавшихъ войнѣ 1700 года ¹⁾, переченьъ обидъ, послужившихъ къ началу войны ²⁾, о казакахъ польскихъ ³⁾, въѣздъ царя въ Москву 11-го ноября 1703 и послѣдовавшая за тѣмъ торжества ⁴⁾, описаніе гроба, въ которомъ будто бы былъ похороненъ Овидій ⁵⁾, о лапонцѣ ⁶⁾, описаніе Воронежа 1709 года ⁷⁾, о Мазепѣ и его козняхъ ⁸⁾, просьба генералитета къ Петру передъ Полтавской битвой и отвѣтъ царя ⁹⁾, отношеніе къ Карлу XII и забота о немъ послѣ Полтавы ¹⁰⁾, отношеніе царя къ полтавскимъ плѣннымъ, празднованіе Полтавской побѣды въ Москвѣ, стихи въ честь побѣдителей и пр. ¹¹⁾, празднованіе Полтавской побѣды за-границей ¹²⁾, наконецъ, оскорбленіе посла Матвѣева въ Лондонѣ, приемъ Уйтворга царемъ и возникшая по этому поводу переписка между дворами русскимъ и англійскимъ ¹³⁾.

Помимо всего въ „Журналѣ“ барона Гюйсена не мало документовъ чисто официальнаго характера. Таковы разныя дипломатическія ноты первыхъ лѣтъ войны ¹⁴⁾, письма Паткуля къ царю ¹⁵⁾, письмо кн. Д. М. Голицына ¹⁶⁾, универсалъ къ казакамъ ¹⁷⁾, указъ 3-го февраля 1709 года ¹⁸⁾, рядъ официальныхъ донесеній 1709 года ¹⁹⁾, указъ 26-го мая 1709 года ²⁰⁾ собственноручное письмо царя къ сыну о побѣдѣ Полтавской ²¹⁾, донесеніе П. А. Толстаго изъ Константино-

¹⁾ *Туманскій*, III, 122—185.

²⁾ III, 185—192.

³⁾ III, 350—361.

⁴⁾ III, 369—375.

⁵⁾ VIII, 40—41.

⁶⁾ VIII, 42—43.

⁷⁾ VIII, 45—46.

⁸⁾ VIII, 69—71.

⁹⁾ VIII, 93—94.

¹⁰⁾ VIII, 115—117.

¹¹⁾ VIII, 117—134.

¹²⁾ VIII, 165—174.

¹³⁾ VIII, 205—224.

¹⁴⁾ III, 240—245, 253—262.

¹⁵⁾ III, 470—475, 478—484.

¹⁶⁾ III, 484—488.

¹⁷⁾ VIII, 11—16.

¹⁸⁾ VIII, 17—30.

¹⁹⁾ VIII, 57—68.

²⁰⁾ VIII, 71—84.

²¹⁾ VIII, 96—97.

поля отъ 7-го января 1710 года въ письмѣ къ графу Г. И. Головкину ¹⁾ и реляція князя В. Л. Долгорукаго изъ Даніи отъ 17-го января того же года ²⁾, официальное объявленіе Б. П. Шереметева 15-го мая 1710 года подъ Ригою ³⁾, переписка Шереметева съ коммандантомъ Риги ⁴⁾, рѣчь рижскаго дворянства къ Шереметеву ⁵⁾ и грамота царя къ султану отъ 17-го іюля 1710 г. ⁶⁾.

Нельзя не отмѣтить, какъ Журналъ Гюйсена отражаетъ на себѣ вполне состояніе историографіи своего времени. Цѣнность содержанія не исключаетъ самыхъ неумѣлыхъ приѣмовъ построенія. Какъ механически сшивалъ авторъ бывшіе въ рукахъ его документы, какъ далеко былъ онъ отъ какой-либо системы и порядка, можно судить хотя бы по тому, что, разказавъ осаду Нарвы ⁷⁾, онъ тотчасъ же возвращается къ изложенной темѣ и на той же страницѣ повторяетъ разказъ объ этой осадѣ, въ нѣсколько только переименованной редакціи ⁸⁾.

Дальнѣйшее сравненіе обоихъ трудовъ—Журнала Гюйсена и Поденной записки Петра—показываетъ, что послѣдняя имѣла въ виду дать свѣдѣнія только о дѣйствіяхъ царя или, самое большее, о дѣйствіяхъ его арміи и ближайшихъ сотрудниковъ; сочиненіе же болѣе равнее задалось болѣе широкою программю, пытаясь создать исторію времени (хотя бы чисто виѣшнюю);—вотъ почему Гюйсенъ говоритъ не объ однихъ военныхъ дѣйствіяхъ, но и о многомъ другомъ, что такъ или иначе имѣло отношеніе къ войнѣ. Поэтому и источники для него служатъ не одиѣ официальныя вѣдомости, а и такія монографіи, какъ сочиненія Шуффендорфа ⁹⁾, Локценія ¹⁰⁾, или же: Шведскій Штатъ ¹¹⁾, Шведское Зерцало ¹²⁾ книга Маккавеевъ ¹³⁾ и друг.

Закончимъ свои замѣчанія указаніемъ на фактъ, наглядно подтверж-

¹⁾ *Туманскій*, VIII, 224—227.

²⁾ VIII, 227—229.

³⁾ VIII, 250—252.

⁴⁾ VIII, 276—280.

⁵⁾ VIII, 282—285.

⁶⁾ VIII, 303—309.

⁷⁾ III, 434—449.

⁸⁾ III, 449 слѣд.

⁹⁾ III, 146, 150, 154, 270.

¹⁰⁾ III, 128, 132, 134, 137, 147.

¹¹⁾ III, 147.

¹²⁾ III, 147.

¹³⁾ III, 373.

дающій, что въ общемъ такіе труды, какъ Гюйссена, Теофана Прокоповича, Шафирова преслѣдовали сходную цѣль и питались одинаковыми источниками. Обиды, послужившія для Россіи поводомъ начать войну, перечислены у Гюйссена очень обстоятельно ¹⁾. Тѣ же обиды, въ томъ же порядкѣ, въ тѣхъ же выраженіяхъ, только короче и съ пропускомъ несущественныхъ деталей, указаны въ „Исторіи Петра Великаго до Полтавской битвы“ ²⁾. Въ „Разсужденіи“ Шафирова ³⁾ разказъ объ этихъ обидахъ, правда, переданъ иначе, въ иномъ, пожалуй, духѣ; но сходныхъ чертъ сохранилось все-таки очень много.

Всѣ разсмотрѣнныя до сихъ поръ сочиненія одолжены своимъ происхожденіемъ инициативѣ Петра; но эпоха преобразованій оставила потомству еще одинъ трудъ, явившійся помимо участія Русскаго государя. Хотя это сочиненіе и имѣло въ виду исторію собственно Россіи съ древнѣйшихъ временъ, но заключительныя страницы посвятило обзору царствованія Петра Великаго, доведя разказъ до 1712 г. Мы говоримъ о „Ядрѣ исторіи россійской ко угожденію проискательныхъ“, написанномъ Манкиевымъ и долгое время приписывавшемся князю Хилкову ⁴⁾. Авторъ, находясь въ шведскомъ плѣну, по личному желанію принялся за свою книгу. Событія современнаго ему царствованія, какъ и слѣдовало ожидать, изложены очень кратко ⁵⁾. Плѣнъ, отсутствіе подъ рукою необходимыхъ матеріаловъ неблагоприятно отозвались на достоинствѣ работы, чего не отрицалъ и самъ составитель. „Во истинѣ“,—такъ заканчиваетъ Манкиевъ свою книгу— „по преславному и всему свѣту удивительнымъ дѣламъ его величества, какъ въ гражданскомъ управленіи, такъ и въ многотрудныхъ войнахъ, и надъ непріятелями побѣдахъ, похвальныхъ въ старинѣ Навуходоносоровъ вавилонскихъ, Кировъ перскихъ, Александровъ Великихъ македонскихъ, Улиссовъ греческихъ и славныхъ ихъ дѣлъ превосходить, почему бы и исторію о семъ государѣ подробно изслѣдовать и по достоинству описать надлежало; но меня отъ того по сіе время удержало, что, будучи въ Швеціи въ плѣну подъ жесто-

¹⁾ *Туманскій*, III, 185—192.

²⁾ Стр. 19—21 по изд. 1773 г.

³⁾ Стр. 23—35 по изд. 1717 г.

⁴⁾ *Ядро россійской исторіи*. М. 1770. (Были еще изданія 1784, 1791 и 1792 гг.). Подробный заголовокъ, приведенный въ текстъ, взятъ у *Востокова*, *Описание Румянцовскаго Музея*, 391.

⁵⁾ Ядро, 369—384, о 1682—1712 годахъ.

нимъ арестомъ, едва выпечисанное къ объявленію сыскать могъ, а больше извѣстій и записокъ не имѣя, нахожуся перо покинуть и прочее для описанія преславнаго нашего монарха безсмертныхъ дѣлъ другимъ оставить“¹⁾).

Мы видѣли, что Екатерина I, тотчасъ по вступленіи на престолъ, поручила Шафирову написать исторію царствованія Петра Великаго. Шафировъ, по неизвѣстнымъ причинамъ, ничего не сдѣлалъ²⁾. За то весьма возможно, по замѣчанію Соловьева, „что возбужденіе вопросовъ о событіяхъ во время малолѣтства Петра заставило старика Матвѣева написать извѣстныя записки объ этомъ времени“³⁾. Тогда же думали напечатать и первую часть Поденной записки, приготовили ее къ печати, но почему-то намѣреніе не было выполнено⁴⁾. Единственное, что было предложено въ ту пору читающей публикѣ, это „Краткая повѣсть о смерти Петра Великаго императора Всероссійскаго“, сочиненная Теофаномъ Прокоповичемъ⁵⁾,— очень простое, наглядное описаніе послѣднихъ дней и минутъ Петра, а также церемоніи погребенія императора и дочери его Наталіи Петровны, однако не болѣе. Въ этомъ свидѣтельствѣ очевидно найдутся, впрочемъ, нѣкоторыя черты, которыя историкъ не упуститъ изъ вида.

Подъ непосредственнымъ впечатлѣніемъ только что завершившагося царствованія, Нартовъ, главный токарь и механикъ Петра, въ продолженіе многихъ лѣтъ выдавшій покойнаго царя въ повседневной обстановкѣ, спѣшитъ составить и оканчиваетъ къ 1727 году „Досто-

¹⁾ Ядро, 384.

²⁾ *Устряловъ*, I, стр. XXXVIII—XXXIX. Запросы Шафирова тамъ же, въ приложеніи № III; у *Соловьева* же, XVIII, 314—316, они приведены не съ такою полнотою.

³⁾ *Соловьевъ*, XVIII, 316.

⁴⁾ *Щербатовъ*, въ предисловіи къ Поденной запискѣ.

⁵⁾ С.-Пб. 1725; М. 1736. С.-Пб. 1819 (по этому изданію мы цитруемъ), перепечатано „изъ *Журнала древней и новой словесности*“, и С.-Пб. 1831. Кроме того, по указанію митр. Евгенія (Словарь писателей духовн. чина, изд. 1827, II, 308), повѣсть переведена была самимъ авторомъ на латинскій языкъ и вывѣсть съ надгробными словами издана въ 1726 г. въ Ревелѣ, подъ названіемъ: *Basitinae Rochoanae*; въ томъ же году вышло въ Гамбургѣ два изданія на латинскомъ и нѣмецкомъ языкѣ, а въ 1743 г. архимандритъ Давидъ Нащинскій снова напечаталъ ее въ ряду другихъ сочиненій Теофана на латинскомъ языкѣ.

памятныя повѣствованія и рѣчи Петра Великаго¹⁾, какъ благоговѣйную дань великому человѣку. Съ большимъ тщаніемъ записываетъ Нартовъ все, что только слышалъ лично или черезъ другихъ о царѣ, не пропуская ни крупнаго, ни мелочей; и нужно отдать ему справедливость: его записки, хотя и въ формѣ анекдотической, очень живо рисуютъ намъ личность преобразователя.

Подлѣ Нартова по времени можно поставить другаго современника великой эпохи, новгородскаго дворянина Крекшина. Въ теченіе многихъ лѣтъ съ восторженнымъ чувствомъ собираетъ онъ разныя свѣдѣнія, письменныя и устныя; допущенный въ архивы императрицею Елизаветой, усиленно роется въ нихъ, но изъ всей его работы²⁾ выходитъ трудъ, гдѣ истинное перемѣшано со сказочнымъ³⁾. Хотя сочиненіе его и было задумано иначе, чѣмъ „Повѣствованія“ Нартова, имѣло въ виду дать не отрывочныя свѣдѣнія, а полную и связную исторію царствованія, по какъ мало былъ подготовленъ Крекшинъ къ выполненію этой задачи, видно изъ его признанія, что онъ не исторію пишетъ, а прославляетъ богоподобнаго дѣла своего героя. Человѣкъ, считавшій себя недостойнымъ „отрѣшить“ ремешъ отъ сапога Петра, конечно, не могъ иначе и отнестись къ нему. Критики исторической здѣсь не могло быть и мѣста. Если Устряловъ, можетъ быть, не совсѣмъ правъ, утверждая, что Крекшинъ намѣренно выдумывалъ факты и положенія, только бы рельефнѣе представить своего героя,—очевидно, не понимая молитвеннаго настроенія автора, равно какъ и состоянія тогдашней критики и вообще исторической науки въ XVIII вѣкѣ,—тѣмъ не менѣе нельзя не признать, что факты достовѣрные повсюду смѣшаны у Крекшина съ легендами, и послѣднія передаются, какъ истинныя событія. Понятно поэтому, что трудъ его изъ разряда историческихъ матеріаловъ въ значительной степени приближается къ тому отдѣлу, мѣсто которому въ исторіографіи.

Отсутствіе критики и выработанныхъ приемовъ, трудность для читателя опредѣлить происхожденіе того или другаго свѣдѣнія привело къ тому, что и до сихъ поръ представленіе о работахъ Крекшина во всемъ ихъ объемѣ остается далеко не яснымъ. Если исключить

¹⁾ *Смѣль Отечества* 1819, №№ 54—58, и *Москвитининъ* 1812, №№ 4, 6, 7, 8, 11.

²⁾ *Сахаровъ*, Записки русск. людей, предисловіе къ запискамъ Крекшина. *Устряловъ*, I, стр. XL—XLIII.

³⁾ Крекшинъ собралъ до 45 томовъ разныхъ записокъ, изъ которыхъ 27 составляли „Журналъ Петра Великаго, который онъ велъ даже до мелочей, еще при жизни государя сего“ (Митр. *Жизненій*, Словарь русск. писател., I, 317).

„Историческое извѣстіе о рожденіи Петра Великаго и описаніе жизни и дѣлъ сего великаго монарха, отъ рожденія до погребенія“, оставшееся, по заявленію Сахарова ¹⁾, не напечатаннымъ, то изъ всего собранія Крекшина появилось въ свѣтъ собственно два сочиненія. Первое изъ нихъ, „Краткое описаніе дѣлъ Петра Великаго, представленное разговорами въ царствѣ мертвыхъ“ ²⁾, слѣдуетъ довольно распространенной манерѣ XVIII вѣка рисовать событія путемъ разговора людей, уже сошедшихъ съ историческаго поприща. Содержаніе же этой книги есть, дѣйствительно, краткій обзоръ царствованія Петра; точка зрѣнія не противорѣчитъ только что сдѣланной характеристикѣ Крекшина, какъ историка.

Болюе извѣстенъ другой его трудъ, который обыкновенно и называютъ съ его именемъ, это—„Краткое описаніе блаженныхъ дѣлъ великаго государя императора Петра Великаго, самодержца Всероссийскаго, собранное чрезъ недостойный трудъ послѣднѣйшаго раба, Крекшина, дворянина великаго Новгорода“ ³⁾. Окружая личность Преобразователя свѣтлымъ ореоломъ, возводя сложившіяся о немъ легенды на степень историческаго факта, приобрѣтя вслѣдствіе того чрезвычайную популярность и будучи распространено во множествѣ списковъ, „Описаніе“ однако не дошло до насъ въ полномъ видѣ ⁴⁾. Начало его вплоть до событій 1696 года напечаталъ Сахаровъ, затѣмъ Библиотека для Чтенія издала одинъ отрывокъ о 1709 годѣ ⁵⁾, и только. Правда, еще въ прошломъ столѣтїи Крекшина начали печатать, но только начальныя страницы его обширнаго труда, да и то не зная, съ кѣмъ имѣютъ дѣло ⁶⁾. Такъ и до сихъ поръ неуто-

¹⁾ Сахаровъ, предисловіе, стр. (не нум.) 3. Срав. также митр. Евлевъ, Словарь свѣтск. писателей, I, 316—317.

²⁾ Краткое описаніе славныхъ и достопамятныхъ дѣлъ императора Петра Великаго, его знаменитыхъ побѣдъ и путешествій въ разныя европейскія государства, со многими важными и любопытства достойными происшествіями, представленное разговорами въ царствѣ мертвыхъ, ген.-фельдмаршала и кавалера російск. и милтійскаго орденовъ гр. В. П. Шереметева, боярина Ѳ. А. Головина, боярина Шенина и самого сего великаго императора съ царемъ Іоанномъ Васильевичемъ, съ Шведскимъ королемъ Карломъ XII, Иранльскимъ царемъ Соломономъ и Греческимъ царемъ Александромъ. С.-Пб. 1788. 8°. 104 стр. Изданіе третье: М. 1794. 8°. 169 стр. Изданіе четвертое: М. 1808. 8°. 169 стр.

³⁾ Устряловъ, I, стр. XLII. Сахаровъ, стр. 1.

⁴⁾ Устряловъ, I, стр. XLII, примѣч. 25.

⁵⁾ Годъ павъ царствованія Петра Великаго. 1709. (Изъ записокъ Крекшина). Библи. для Чтенія 1849, т. 97-й, стр. 35—102.

⁶⁾ См. ниже.

мимый поклонникъ великаго императора ждетъ еще надлежащей оцѣнки и болѣе внимательнаго изданія.

Начиналась вторая половина XVIII вѣка, а русская историографія о Петрѣ Великомъ не занесла, можно сказать, еще ничего на свои страницы. Да и могло ли быть иначе? Время восторженныхъ похвалъ, какъ и время страстныхъ филиппикъ, одинаково неудобно для объективной исторіи. Прошлое думали увѣковѣчить пышными дифирамбами и въ то же время спокойно смотрѣли, какъ гнили драгоценные документы, непосредственно относившіеся къ предмету этихъ дифирамбовъ. Кабинетный архивъ государя, куда были собраны разныя исторіи, писанныя о Петрѣ еще при его жизни, а также разныя бумаги, былъ опечатанъ по смерти императора, „по безъ всякаго прирѣнія, въ безпорядкѣ“. Такъ онъ и оставался надолго заброшеннымъ; ко времени же Екатерины II много бумагъ оказались совершенно испорченными отъ сырости ¹⁾. Сохранилось любопытное показаніе Крекшина о томъ по истинѣ ужасномъ состояніи, въ какомъ находились бумаги Петровскаго царствованія черезъ какія-нибудь 25 лѣтъ послѣ смерти государя ²⁾. Знакомство съ архивомъ было таково, что даже Академія Наукъ, собиравшаяся тоже писать исторію Петра Великаго, должна была очень цѣнить случай, доставившій ей возможность узнать въ 1740 году о существованіи журнала „о баталіяхъ и всѣхъ воинскихъ дѣйствіяхъ“ императора и спѣшно хлопотала о полученіи такового ³⁾. Однимъ словомъ, нечего было и думать о сколько-нибудь серьезной попыткѣ нарисовать исторію еще недавняго царствованія. Собственныхъ силъ не хватало, такъ что рѣшились было прибѣгнуть къ содѣйствію Вольтера. Но сочиненіе знаменитаго писателя вышло на иностранномъ языкѣ ⁴⁾; такимъ образомъ литературѣ отечественной приходилось дожидаться новой поры, наступившей съ воцаренія Екатерины II. Ждать впрочемъ оставалось не долго.

Подобно тому какъ оцѣнка личности царственнаго реформатора въ Екатерининскій вѣкъ становится, сравнительно съ предшествующими десятилѣтіями, болѣе разностороннею, глубокою и содержа-

¹⁾ Предисловіе къ Исторіи Петра Великаго, *Геофана Прокоповича*.

²⁾ *Русск. Архивъ* 1873, № 5, 776—779.

³⁾ Матеріалы для исторіи Акад. Наукъ, IV, 390—391.

⁴⁾ *Histoire de Russie sous Pierre le Grand*. 2 vls. Первое изданіе (sine loco) въ 1759—1763.

тельною, такъ и исторіографія о Петрѣ значительно двигается впередъ, оставляя позади себя все появившееся въ 1725—1762 годахъ. Публикуются документы: свидѣтельства современниковъ, воспоминанія, письма, официальные бумаги; составляются полныя исторіи царствованія; описываются отдѣльные эпохи и эпизоды въ жизни государя; наконецъ, появляются историческія сочиненія разнообразнаго содержанія, имѣющія предметомъ изученіе отдѣльныхъ событій и лицъ эпохи преобразованія. На всей этой литературѣ лежитъ однородный отпечатокъ глубокаго уваженія къ Петру Великому и желанія произвести надлежащую оцѣнку царя, желанія, ясно вытекающаго изъ пробудившагося сознанія, что дѣятельность великаго Русскаго государя успѣла отойти въ область прошлаго и дала результаты въ формѣ вполне осязательной.

Въ ряду изданій, посвященныхъ обнародованію матеріаловъ, первое, конечно, мѣсто долженъ занять десяти томный сборникъ Туманскаго ¹⁾. Издатель, видимо, не держался какой-либо системы, помѣщая все, что только удавалось собрать; тѣмъ не менѣе сборникъ его вышелъ очень богатъ содержаніемъ. За исключеніемъ весьма немногаго ²⁾, онъ весь посвященъ эпохѣ Петра Великаго. Здѣсь помѣщены записки Матвѣева (чч. I, IV), Медвѣдова (V, VI), Желябужскаго (VII), Крекинѣя (I), Журналъ Гюйсена (вся III и VIII чч.), письма Петра Апраксину (V), рескрипты Крюйсу и другимъ лицамъ морскаго вѣдомства (вся IX-я часть), разныя мелкія грамоты и указы и проч. (II, V), грамоты иностранныхъ державъ къ русскому двору (IV, X), текстъ договора 1686 года съ Польшею (X), Правда воли монаршей (X), рядъ статей (преимущественно академика Миллера) о молодости Петра Великаго (V, VII) ³⁾, статья Сумарокова о майскомъ бунтѣ стрѣльцовъ (IV) и переводъ двухъ сочиненій Крелля (I).

Какъ мало подготовленъ былъ Туманскій къ обязанностямъ издателя историческихъ документовъ, можно судить хотя бы по слѣдую-

¹⁾ Собраніе разныхъ записокъ и сочиненій, служащихъ къ доставленію полнаго свѣдѣнія о жизни и дѣяніяхъ государя императора Петра Великаго. Изданное трудами и иждивеніемъ *Теодора Туманскаго*. 10 частей. С.-Пб. 1787—1788. Нѣкоторыя указанія о ходѣ изданія см. у *Державина*, Сочиненія, изд. Алад Н., V, 574, 602, 660.

²⁾ „Избраніе Михаила Теодоровича“ въ V-мъ томѣ.

³⁾ Статьи эти (см. ихъ перечень ниже) перепечатаны изъ *Опыта трудовъ гол. росс. собранія*, кромѣ небольшой замѣтки Миллера: „Поправленіе къ исторіи о воспитаніи Петра Великаго“ (Тум., V, 143—150), которая появлялась здѣсь впервые.

шему примѣру: напечатать въ первомъ томѣ (стр. 111—229) полныя записки Матвѣева (безъ имени автора), онъ, очевидно, по другому списку, печатаетъ два отрывка этихъ же записокъ, но уже съ именемъ автора въ шестомъ томѣ (стр. 8—54. 86—97). Или, напримѣръ, записки Медвѣева раздроблены на множество мелкихъ кусочковъ и въ такомъ видѣ разбросаны на всемъ пространствѣ пятого и шестаго томовъ, гдѣ съ указаніемъ на автора, гдѣ безъ этого указанія, при чемъ многое такъ введено въ текстъ, что не знаешь: слова ли это издателя или автора ¹⁾).

Раньше еще „Собранія“ Туманскаго сталъ выходить Опытъ трудовъ вольнаго руссiйскаго собранія ²⁾, помѣстившій нѣсколько изслѣдованій Г. Ф. Миллера, одно время остановившагося было на изученіи первыхъ лѣтъ жизни Петра Великаго. Это были: „Рожденіе Петра“ (V, 119—105), „Воспитаніе Петра“ (V, 106—118), „Первое воцареніе Петра“ (V, 11—157), „О вѣнчаніи царскимъ вѣнцомъ“ (обоихъ братьевъ) (IV, 1—106) и „Извѣстіе о началѣ Преображенскаго и Семеновскаго полковъ“ (IV, 107—144), съ прибавленіемъ къ послѣдней статьѣ „о журналѣ генерала Гордона“ ³⁾. Кроме того, въ Опытъ же И. А. Навроцкiй сообщилъ „Дворцовую записку по случаю рожденія Петра“ (V, 158—184) ⁴⁾, а пресвященный Антоній прислалъ „Лѣтописецъ Двинской“, доведенный до 1705 года (I, 113—195).

Еще болѣе матеріала встрѣчаемъ мы въ Древней Россiйской Вивліоенкѣ ⁵⁾. Трудно было бы перечислить всѣ ея статьи, имѣющія право быть занесенными въ отдѣлъ Петровской историографіи, тѣмъ болѣе, что если изданіе и говорить о XVIII вѣкѣ, то мимоходомъ ⁶⁾, сосредоточивая все свое вниманіе, въ обзорѣ Петровскаго

¹⁾ См. объ этомъ подробнѣе въ статьѣ нашей: „О запискахъ Сильвестра Медвѣева“. *Журн. Мин. Нар. Просв.* 1889, № 4.

²⁾ При Московскомъ университетѣ. Москва 1774—1783. 6 частей.

³⁾ Кроме первой („Рожденіе“) и прибавленія о Гордонѣ, статьи эти были, по свидѣтельству Пекарскаго (Ист. Ак. Ньюкъ, I, 416—417), тогда же переведены въ *St. Petersburgische Journal*.

⁴⁾ Всѣ эти статьи Миллера (кроме замѣтки о Гордонѣ) и Навроцкаго перепечатаны были Туманскимъ въ V и VII чч. его „Собранія“.

⁵⁾ М. 1788—1791. 20 томовъ (2-е изданіе).

⁶⁾ Письмо Петра Зотону, 1710 г. о пошлванні его въ графы и жалованномъ грамота на это званіе (IX, 476—484); указъ о неперекрещиваніи лютеранъ и кальвинистовъ, 1719 г. (XI, 199—202); „объявленіе“ о состязаніи еп. Питирима съ раскольниками, 1719 г. (XV, 405—438); уставъ благовѣста къ церковному

времени—главнымъ образомъ на концѣ XVII столѣтія, то-есть, на томъ періодѣ, гдѣ часто такъ трудно и даже не возможно отдѣлить, что должно быть отнесено къ царствованію Петра и что къ предшествующимъ годамъ. Оставляя поэтому въ сторонѣ статьи подобнаго рода, укажемъ на такія, которыя безусловно имѣютъ соприкосновеніе съ 1682—1725 гг.

Изъ статей, связанныхъ непосредственно съ личностью Петра Великаго, можно назвать перепечатку двухъ работъ Миллера изъ Опыта трудовъ вольнаго собранія ¹⁾, краткое описаніе свадьбы царя Алексѣя и Натальи Кириловны ²⁾, данныя по избранію Петра на царство ³⁾, церемоніи „походовъ“ государевыхъ 1679—1687 гг. ⁴⁾, переписку царя съ патриархомъ Адріаномъ ⁵⁾ и обряды, совершенные при рожденіи, крещеніи, бракѣ и погребеніи лицъ царской семьи въ 1668—1692 гг. ⁶⁾. Кромѣ того Вивлюевика помѣстила журналы путешествій Избрандеса въ Китай ⁷⁾ и Б. П. Шереметева въ западную Европу въ 1697 году ⁸⁾. Внутренняя жизнь Русскаго государства рисуется въ Вивлюевикѣ такими статьями, какъ Двинской лѣтописецъ ⁹⁾, послужной списокъ чиновъ администраціи въ 1682 г. ¹⁰⁾, челобитная Извольскаго ¹¹⁾, жалованныя грамоты Лефорту и Шейну за Азовскій походъ ¹²⁾, указъ по дѣлу Соковнина и Цыклера ¹³⁾, гра-

пвію, 1722 года (XI, 197—199); описаніе брака Анны Петровны съ герцогомъ Гольштинскимъ, 1725 г. (XIII, 235—247).

¹⁾ „Первое воцареніе Петра Великаго“ (VII, 372—402) и „О вѣчаніи царскимъ вѣнцомъ“, 25-го іюня 1682 г. (VII, 403—484).

²⁾ XIII, 233—234.

³⁾ XI, 180—181; XV, 283—306. Последній документъ въ болѣе обширной редакціи напечатанъ у Соловьева, XIII (изд. 3-е), стр. 395—409.

⁴⁾ XI, 176—179.

⁵⁾ Два письма Адріана 13-го августа и 15-го октября 1697 г. и два письма царя 10-го и 31-го сентября того же года (XV, 368—373). Еще раньше Новиковъ опубликовалъ ихъ въ *Повѣствователѣ древностей российскіихъ*, стр. 61—66; но ко времени выхода XV-го тома *Вивлюевики* эти письма, въ составѣ другихъ, успѣли войти еще въ третье изданіе: Письма Петра Великаго брату Іоанну и патр. Адріану. С.-Пб. 1788 (см. ниже).

⁶⁾ XI, 182—189, 192—197, 202—218; XIV, 65—122.

⁷⁾ VIII, 360—475; IX, 287—462.

⁸⁾ V, 252—432.

⁹⁾ XVIII, 50—71. Перепечатка изъ *Опыта трудовъ вол. росс. собранія*.

¹⁰⁾ XX, 421—442.

¹¹⁾ XVI, 394—396.

¹²⁾ XV, 341—354.

¹³⁾ XV, 354—367.

мота и наказъ (1696) кн. Ѳ. Л. Волконскому ¹⁾ и переписныя книги 1700 и 1703 годовъ ²⁾. Нагробныя надписи помогаютъ опредѣленію родословныхъ и служебныхъ отношеній ³⁾. Такое же значеніе имѣетъ и синодикъ 1684 года ⁴⁾. Записи же о круговомъ оборотѣ праздничныхъ богослуженій, совершавшихся въ Успенскомъ соборѣ съ 1668 года, позволяютъ иногда прослѣдить факты изъ жизни лицъ царской семьи, обыкновенно не отмѣченные въ другихъ памятникахъ ⁵⁾.

Для исторіи церкви Библіотека предлагаетъ читателю нѣкоторыя грамоты ⁶⁾, свѣдѣнія объ обрядахъ и „чинахъ“, совершаемыхъ въ разное время патріархами ⁷⁾, челобитную Палладія Роговскаго 1699 года ⁸⁾ и т. п. ⁹⁾. Культурная жизнь русскаго общества конца XVII вѣка намѣчалась всего двумя, тремя статейками ¹⁰⁾; такъ же скудны были свѣдѣнія и о внѣшней политикѣ ¹¹⁾; за то болѣе дано для исторіи Крымскихъ походовъ ¹²⁾.

Къ числу отдѣльно изданныхъ матеріаловъ за вторую половину XVIII столѣтія можно назвать Книгу Марсову ¹³⁾, Поденную За-

¹⁾ XI, 422—448.

²⁾ XVI, 368—372. Ранѣе были напечатаны въ *Повѣствователь древностей російскихъ*, стр. 47—50.

³⁾ XI, 248—241; XVI, 311—326; XVIII, 200—201; XIX, 293—358, 367—407.

⁴⁾ VI, 420—506.

⁵⁾ Весь X томъ; XI, 1—160.

⁶⁾ Грамота патр. Іоакима (XVIII, 121—127), Адриана (XVIII, 128—142) и его же инструкція (XV, 373—405).

⁷⁾ VI, VIII, *passim*; XVI, 308—311.

⁸⁾ XVIII, 148—198.

⁹⁾ Освященіе церковей (XI, 269—273); чинъ погребенія Іоакима и избранія Адриана (XI, 367—368); слово благодарственное Іоакима по поводу событій 5-го іюля 1682 года (XV, 241—282).

¹⁰⁾ Исторія Законодательской школы, составл. Ѳ. Поликарповымъ (XVI, 295—306); уставъ школы и стихи *Симеона Медвѣдева*, обращенныя къ цар. Союзу (VI, 390—420); тексты комедій, полностью или въ конспектѣ (VI, 363—390; VIII, 34—60, 158—169, 187—329; IX, 462—476).

¹¹⁾ Польскія дѣла въ указѣ 29-го іюля 1686 г. думному дяку В. Г. Семепову (XV, 336—340); шведскія—въ запискѣ о формахъ приѣма пословъ въ 1683 г. (VIII, 169—187); о царѣ Арчимѣ (XV, 306—326; XVIII, 93).

¹²⁾ Нѣсколько указовъ 1686—1687 гг. (XVI, 372—410); церемоніи и т. п., имѣвшія мѣсто въ Москвѣ (XI, 163—176).

¹³⁾ Книга Марсова или воинскихъ дѣлъ отъ войскъ царскаго величества російскихъ во взятіи преславныхъ оортецій и на разныхъ мѣстахъ храбрыхъ

писку Петра Великаго ¹⁾, Походъ Шенна къ Азову ²⁾, Тетрати записныя 1704—1706 годовъ ³⁾, Исторію о невинномъ заточеніи Матвѣева ⁴⁾, Записную книжку 1697—1698 годовъ неиз-

батель учиненныхъ надъ войска его королевскаго величества швейцарскаго. Съ перваго Санктпетербургскаго 1713 года изданія вторымъ тисненіемъ напечатанная. С.-Пб. 1766. 4°. 193 стр. + 23 листа плановъ.

¹⁾ Журналъ или Поденная Записка, блаженныя и вѣчностойныя памяти государя императора Петра Великаго съ 1698 года, даже до заключенія Нейштатскаго мира. Напечатанъ съ обрѣтающихся въ кабинетной архивѣ спискахъ, правленныхъ собственною рукою его императорскаго величества. Часть первая. С.-Пб. 1770 г. V (нен.) + 460 стр. Часть вторая. С.-Пб. 1772 г. 763 стр. in 4°. Изданъ кн. М. М. Щербатовымъ. Страницы 193—763 второй части состоятъ изъ приложеній, документовъ, относящихся преимущественно къ вышней полнотѣ. Тогда же поденная записка передана была Бакмейстеромъ на нѣмецкій языкъ въ *Beiträge zur Geschichte Peters des Grossen*, Bände I, II u. III. Riga. 1774—1784 (подробнѣе см. у *Минилова*, *Pierre le Grand*, 202—204). Давая отчетъ о первомъ томѣ, Бакмейстеръ (*Russische Bibliothek*, III, 274—283) сопоставляетъ русскій текстъ записки съ различными ея переводами на французскій и нѣмецкій языки. Въ числѣ этихъ переводовъ (о нихъ у *Минилова*, *ibidem*, 201—202) любопытно стокгольмское изданіе съ дополненіями переводчика (шведскаго офицера), который основывался на шведскихъ источникахъ и могъ исправить нѣкоторыя ошибки подлинника къ правописанію шведскихъ именъ (*Миниловъ*, *Библиографич. отрывки. Отеч. Записки* 1858 г., т. 118-й (№ 6), стр. 534).

²⁾ Походъ боярина и большаго полку воеводы Алексѣя Семеновича Шенна къ Азову, ваятвіе сего и Лютика города и торжественное отгуды съ побѣдоноснымъ воинствомъ возвращеніе въ Москву, съ подробнымъ описаніемъ всѣхъ военныхъ и торжественныхъ происшествій и съ имяннымъ спискомъ бывшихъ при томъ: сухопутныхъ и морскихъ, великороссійскихъ и малороссійскихъ, вышнихъ и нижнихъ военачальниковъ, числѣ всѣхъ войскъ и учиненнымъ онымъ наградамъ. Издавъ въ свѣтъ *Василій Рубанъ*. С.-Пб. 1773. 12°. 226 стр. Оглавленіе довольно полно передаетъ содержаніе книги. Это описаніе похода 1696 г., скорѣе даже сырой, почти не тронутый матеріалъ, извлеченный изъ канцелярій въ видѣ отчетовъ, донесеній, списковъ и т. п.

³⁾ Тетрати записныя всякимъ писмамъ и дѣламъ, кому что приказано и въ которомъ числѣ отъ его императорскаго величества Петра Великаго 1704, 1705 и 1706 годовъ съ приложеніемъ примѣчаній о службахъ тѣхъ людей, къ которымъ сей государь писывалъ. С.-Пб. 1774, 4°, XXVIII (нен.) + 271 стр. Изданъ кн. Щербатовымъ. Для указаннаго времени это одинъ изъ самыхъ цѣнныхъ источниковъ.

⁴⁾ Исторія о невинномъ заточеніи ближняго боярина А. С. Матвѣева, состоящая изъ челобитенъ, писанныхъ имъ къ царю и патриарху, также изъ писемъ къ разнымъ особамъ, съ приобщеніемъ объявленія о причинахъ его за-

вѣстнаго автора ¹⁾), одновременный съ нимъ дневникъ путешествія Б. П. Шереметева ²⁾), рѣчи Теофана Прокоповича ³⁾) и первые изданныя два небольшія сочиненія Посошкова ⁴⁾); а также

точенія и о возвращеніи изъ онаго, изданная Н. Новиковымъ. М. 1776. 8°. XX (нов.) + 400 стр. Изд. 2-е. М. 1785. 8°. XVI + 440 стр. П. М. Строевъ предпочиталъ первое изданіе второму (*Барсуковъ*, Жизнь и труды Строева, 436 и Протоколы археогр. ком. II, 180).

¹⁾ Записная книжка любопытныхъ замѣчаній великой особы, странствовавшей подъ именемъ дворянина руссійскаго посольства въ 1697 и 1698 году. На ижд. П. Б. С.-Пб. 1788. 12°. 50 стр. Авторъ этого любопытнаго дневника и до сихъ поръ не опредѣленъ. Погодинъ, печатавъ эти записки въ *Моск. Вѣстникъ* (1830 г., ч. VI), обозначаетъ ихъ, какъ „журналъ веденный однимъ изъ чиновниковъ посольства“; князь Вл. К.—въ считаетъ возможнымъ приписать Петру Великому только начало (Матеріалы для исторіи Петра Великаго. *Отеч. Записки* 1846 г., № 8, стр. 126—156); Свиньинъ же, печатавъ дневникъ въ своемъ журналѣ (*Отеч. Записки* 1830 г., ч. 43, №№ 123, 124), прямо назвалъ его „путевыми записками, веденными самимъ государемъ Петромъ Великимъ“. Существуетъ еще одна малозвѣстная редакція дневника въ *Отеч. Запискахъ* 1848 г., т. LVII, и тоже подъ именемъ „журнала Петра I“. Наконецъ, недавно И. Θ. Горбуновъ помѣстилъ новый списокъ этого путешествія въ *Русск. Старинѣ* 1879, май, 101—131.

²⁾ Записка путешествія ген.-фельдм. всероссійск. войскъ, тайн. сов. и кавалера малтійскаго, св. апостола Андрея, Бѣлаго орла и прусск. ордена графа Б. П. Шереметева, въ тогдашнія времена бывшаго ближняго боярина и наместника Вятскаго, въ Европейскія государства въ Краковъ, въ Вѣну, въ Венецію, въ Римъ и на Малтійскій островъ, изданная по подлинному описанію, находящемуся въ библиотекѣ сына его. . . . гр. П. Б. Шереметева. М. 1773 г., folio. II + 90 стр. + 6 рисунки. Перепечатано подъ именемъ „Статейнаго списка“ въ *Древн. Росс. Визл.* (2-е изд.), V, 252—432. Кромѣ того, въ *Памятн. дипломат. сношеній*, X, 1581—1698 напечатано „Похожденіе въ Малтійскій островъ бояр. Б. П. Шереметева“, по спаску довольно несправному и лишенному текста граммат., находящихся въ предыдущихъ изданіяхъ.

³⁾ Теофана Прокоповича, архіепископа великаго Новгорода и великихъ Лукъ, святѣйш. правит. синода вице-президента, а потомъ первенствующаго члена Слова и Рѣчи, поучительныя, похвальныя и подравительныя, собранныя и нѣкоторыя вторымъ тисненіемъ, а другія вновь напечатанныя. 4 части. С.-Пб. 1760—1761 г. 24 слова, произнесенныя Теофаномъ въ царствованіе Петра Великаго, включая сюда и двѣ рѣчи „на погребеніе“ и „въ похвалу“ преобразователя, занимаютъ весь первый и страницы 1—169 втораго тома настоящаго изданія.

⁴⁾ Россіянинъ прошедшаго вѣка, или предложеніе Ивана Посошкова, подлинное боярину Θ. А. Головину 1701 года; съ присовокупленіемъ отеческаго заучительнаго поученія, посланному для ученія въ дальнія страны, юному сыну, писанное въ 1708 году. Издѣніемъ Θ. Розанова. М. 1793. 12°. 123 стр.

сборники „анекдотовъ“ Штелина ¹⁾, Бѣляева ²⁾ и Голикова ³⁾.

¹⁾ Originalanekdoten von Peter dem Grossen. Aus dem Munde angesehenen Personen zu Moskau und Petersburg vernommen, und der Vergessenheit entrissen von *J. V. Stählin*. Leipzig. 1785. 8°. 22 + 422. На русскій языкъ переведены и переизданы были нѣсколько разъ. — Любопытныя и достопамятныя сказанія объ императорѣ Петрѣ Великомъ. С.-Пб. 1786. XVI + 386 стр. 2-е изданіе въ С.-Пб. 1787. XX + 468 стр. Въ обѣихъ изданіяхъ текстъ тождественъ, содержитъ 110 анекдотовъ. — Подлинныя анекдоты Петра Великаго, слышанныя изъ устъ знатныхъ особъ въ Москвѣ и С.-Петербургѣ, переведенныя *К. Рембовскимъ*. М. 1787. XXII + 592 стр. 2-е изд. М. 1787. XXVI + 592 стр. 3-е изд. М. 1789. XX + 592 стр. Всѣ три изданія тождественны по тексту; послѣднія два даже сходны строка въ строку. Въ каждомъ по 113 анекдотовъ. — Подлинныя анекдоты о Петрѣ Великомъ, слышанныя изъ устъ знаменитыхъ особъ.... Нынѣ же вновь переведенныя . . . съ прибавленіемъ многихъ другихъ на русскій языкъ неизданныхъ анекдотовъ. Съ присовокупленіемъ гравированныхъ оеигуръ. Часть первая. М. 1800 XIX + 304 стр. Часть вторая. М. 1793 (sic), 259 + IV стр. Всего 143 анекдота. „Новый“ переводъ этотъ едва ли не правильнѣе назвать очень близкимъ воспроизведеніемъ перевода Рембовскаго; по крайней мѣрѣ можно указать на страницы почти дословно схожія (ср., напримѣръ, анекдотъ № 26). — Полное собраніе анекдотовъ о Петрѣ Великомъ, открывающихъ духъ и свѣтлота и изображающихъ отличнѣйшія дѣянія сего неустрашимаго героя . . . съ послѣдняго изданія вновь переведенныя, съ приобщеніемъ многихъ новѣйшихъ анекдотовъ, выбранныхъ изъ разныхъ иностранныхъ и русскіихъ писателей. 2 части. М. 1801. XVIII+213+VIII + 248 стр. Всего 176 анекдотовъ. — Подлинныя анекдоты о Петрѣ Великомъ, собранныя *Я. Штелинымъ*. 4 части. Второе изданіе, вновь исправленное. М. 1820. XVI + 231 + VI + 191 + VIII + 208 + VII + 214 стр. Въ первыхъ двухъ частяхъ 138 анекдотовъ по тексту оны сходны съ изданіемъ 1793 — 1800 гг., содержа въ себѣ только пять анекдотами меньше. Остальныя двѣ части содержатъ въ себѣ 120 анекдотовъ и носятъ особый заголовокъ: „Подлинныя анекдоты о Петрѣ Великомъ, собранныя *Г. Голиковымъ*“. — То же, третье изданіе, вновь исправленное. М. 1830. XVI + 260 + IV + 179 + X + 210 + IV + 214 стр. Анекдотовъ 142 (въ 1-й и 2-й ч.ч.) + 214 (въ 3-й и 4-й ч.ч.). На этотъ разъ всѣ четыре части обозначены, какъ „собранныя“ *Я. Штелинымъ* (Всѣ изданія анекдотовъ Штелина въ оираву).

²⁾ Духъ Петра Великаго, императора Всероссийскаго, и соперника его Карла XII, короля Шведскаго. Издано трудами и иждивеніемъ Императорской Академіи Наукъ умтеръ-библиотекаря *Осипа Бѣляева*. С.-Пб. 1798. 8°. 250 + 57 стр. На первыхъ 250 страницахъ 224 анекдота о Петрѣ, на послѣднихъ — 40 анекдотовъ о Карлѣ.

³⁾ Анекдоты, касающіеся до государя императора Петра Великаго, собранныя *И. Голиковымъ*. Изданіе 2-е, исправленное, дополненное и умноженное. М. 1798. 8°. XV+535 стр. Какъ заявлено въ предисловіи, это повтореніе изданныхъ въ XVII томѣ „Дополненій къ дѣяніямъ Петра Великаго“, съ прибавкою „не

Анекдоты записанные Ригельманомъ ¹⁾, изданы были повдѣе ²⁾.

Императрица Екатерина не разъ высказывала желаніе имѣть обстоятельную исторію Петра и принимала живое участіе въ обнаруженіи матеріаловъ, касающихся его царствованія. Въ отвѣтъ на присылку Вольтеромъ второй части „Histoire de Russie sous Pierre le Grand“ государыня высказала ему сожалѣніе, что авторъ началъ работать не въ пору ея теперешняго положенія (1763 г.),—иначе она могла бы сообщить ему несравненно лучшіе документы ³⁾. Тогда же она приказала собрать отовсюду письма государя и собиралась даже печатать ихъ ⁴⁾, какъ бы предвосхищая мысль, положенную въ основу указа 1872 года, учреждавшаго комиссію для изданія „Писемъ и бумагъ Петра Великаго“. Впрочемъ это были одни только *ria desideria*. Изданіе Петровой переписки пока осуществлялось путемъ частной инициативы. Такъ, въ 1774 году графъ П. Шереметевъ выпускаетъ въ свѣтъ роскошное изданіе писемъ Петра Великаго къ отцу его, Б. П. Шереметеву ⁵⁾, вслѣдъ за ними появляются письма самого фельдмаршала къ государю ⁶⁾, далѣе выходятъ письма государя къ

малаго числа новыхъ“ (въ Дополненіяхъ 120 анекдотовъ; въ изд. 1798 г. — 132) и „многихъ историческихъ сравненій, подобій и разныхъ примѣчаній“.—То же, изданіе 3-е. М. 1807. 8°. XVI + 535 стр. Точное воспроизведеніе изданія 1798 года.

¹⁾ Андрей Ивановичъ Ригельманъ—авторъ „Малороссійской исторіи“, жилъ въ царствованіе Екатерины II.

²⁾ *Москвитиния* 1842 г., № 1, стр. 84—89. Всего четыре анекдота.

³⁾ *Oeuvres complètes de Voltaire. Nouv. édition, t. XLIII (P. 1881), pag. 16.*

⁴⁾ *Ibidem.*

⁵⁾ Письма Петра Великаго, писанныя къ генералъ-фельдмаршалу, тайному совѣтнику . . . граю Б. П. Шереметеву, по большей части собственною государевою рукою, а нѣкоторыя съ подлинниковъ, хранящихся въ Импер. Кабинетской архивѣ списанныя, сколько оныхъ нашлось у . . . гр. П. Б. Шереметева, котораго желаніемъ и стараніемъ оныя нынѣ на свѣтъ изданы, и съ предисловіемъ о происхожденіи и о службахъ предковъ Шереметевыхъ, особливо же о славныхъ дѣлахъ фельдмаршала гр. Б. П. и о потомкахъ его. М. 1774, folio. LXXVIII + 172 стр. + портретъ Б. П. Шереметева Предисловіе составлено Г. Ф. Миллеромъ. Въ текстѣ 238 писемъ съ 5-го декабря 1770 по 9-е октября 1718, въ томъ числѣ донесенія Шереметева съ отвѣтными на нихъ резолюціями государя; нѣкоторыя реляціи о битвахъ; „пункты предложенныя магистрату города Гданска“ (№ 200) и „Расположеніе въ Украинѣ въ будущую кампанію“ (№ 150), оба за подписью царя; копія съ письма гр. Головкина къ Иагену (при письмѣ № 203) и т. п.

⁶⁾ Письма къ государю императору Петру Великому отъ генералъ-фельдмаршала графа Б. П. Шереметева. 4 ч. М. 1778—1779.

С. А. Колычеву ¹⁾, къ Н. А. Сивявину ²⁾, къ брату Іоанну и къ патріарху Адріану ³⁾. Еще раньше часть послѣднихъ перепечатываетъ Новиковъ въ Повѣствователѣ древностей россійскихъ и Древней Россійской Вивліоѣикѣ ⁴⁾.

Къ тому же отдѣлу матеріаловъ можно отнести и изданіе медалей, выбитыхъ въ память дѣяній Петра I, напимѣръ, Слава Россіи ⁵⁾. Еще въ послѣдніе годы Елизаветы Петровны Штелинъ занятъ былъ составленіемъ медалей на событія изъ эпохи реформы ⁶⁾. Въ семидесятыхъ годахъ былъ составленъ даже особый комитетъ или, вѣрнѣе, цѣлыхъ два, для сочиненія медалей. Первый, состоявшій изъ Щербатова, Хераскова и Нартова, выбиралъ темы и составлялъ описанія, какъ къ новымъ, такъ и къ ранѣе выбитымъ медалямъ; второй — изъ Штелина, Девилье и Козлова — проектировалъ самыя медали и наблюдалъ за ихъ рѣзкою. Событія Петровскаго царствованія были изображены болѣе чѣмъ 120-ю рисунками ⁷⁾.

¹⁾ Письма государя императора Петра Великаго къ С. А. Колычеву и отвѣты его на оныя. М. 1785. 12°. II—110 стр. Всего 63 №№; отвѣтовъ Колычева (идутъ съ № 48-го) меньше, чѣмъ царскихъ писемъ. Въ число этихъ №№ входятъ и письма Макарова Колычеву, указы Петра на всю Россію; стр. 10—36 заняты „обстоятельною реляціею“ о Полтавской побѣдѣ и подробнымъ перечнемъ захваченныхъ плѣнныхъ. Переписка обнимаетъ 1708—1719 гг. Краткое предисловіе говоритъ „о службѣ и происхожденіи въ оной С. А. Колычева“.

²⁾ Письма и указы его императорскаго величества государя императора Петра Великаго, писанныя къ Н. А. Сивявину, продолжавшему службу въ россійскомъ корабельномъ флотѣ, съ начала оного отъ званія матросскаго до вице-адмиральскаго чина, хранящіеся у сына его флота адмирала и кавалера А. Н. Сивявина, коего желаніемъ по высочайшему ея императорскаго величества всеимпостивѣйшему благоволенію издаются съ краткимъ описаніемъ службы покойнаго родителя его. С.-Пб. 1786. 4°. XVIII + 75 + X стр. Содержаніе: послужной списокъ Сивявина; 48 писемъ и указовъ Петра съ 27-го іюля 1711 по 22-е декабря 1722; три жалованныхъ грамоты предкамъ Сивявинныхъ.

³⁾ Письма императора Петра Великаго къ брату своему царю Іоанну А—чу и патріарху Адріану съ отвѣтомъ на оныя и на отвѣтахъ боярина и воеводы А. С. Шеина, кн. Б. А. Голицына и боярина и воеводы Б. П. Шереметева. На ижд. П. В. С.-Пб. 1788. 12°. 82 стр. 17 писемъ за 1695—1697 г., сосредоточиваются на Азовскихъ событіяхъ.

⁴⁾ См. выше.

⁵⁾ Слава Россіи или собраніе медалей дѣлъ Петра Великаго и еще нѣкоторые 1770 г. іюня 4-го дня. 8°. 21 листъ рисунковъ и гравированный портретъ Петра.

⁶⁾ *Лекарскій*, Истор. Акад. Наукъ, I, 565—566.

⁷⁾ Нѣчто о комитетахъ, составленныхъ въ 1772 г. для сочиненія медалей. *Отеч. Записки* 1821, ч. VII, № 16, августъ, 180—191. Сравн. *Ломинозъ*, Рус-

Параллельно публикуемымъ матеріаламъ растетъ и литература, на нихъ основанная. Сочиняются и переводятся полныя исторіи Петрова царствованія. Въ ряду иностранныхъ произведеній, появившихся на русскомъ языкѣ, довольно удовлетворительно для своего времени была книга Алеца, переведенная Вас. Вроблевскимъ ¹⁾. Ее слѣдуетъ отнести къ разряду тѣхъ сочиненій, которыя въ наше время имѣли бы значеніе краткаго популярнаго разказа для юношества или народнаго чтенія. Но въ ту пору подобный трудъ имѣлъ право претендовать на нѣчто большее. Содержаніе, разумѣется, сосредоточивается преимущественно на внѣшней исторіи Петра (дѣтство, Азовъ, заграничныя поѣздки 1697—1698 и 1716—1717 годовъ, Шведская война, Полтава, Прутъ); „реформы“ только перечислены и притомъ такъ, что распоряженіе объ уличныхъ фонаряхъ передано на ряду съ таковымъ же объ учрежденіи синода и т. п. Но положительная сторона книжечки Алеца — толковое и ясное изложеніе, умѣнье разсортировать матеріалъ, остановиться на дѣйствительно крупныхъ чертахъ, простой, хорошей слогъ. Отсутствіе прагматизма, немыслимаго въ ту пору да и излишняго въ виду того, что книга предназначалась для „большой публики“, не мѣшаетъ признать существованіе въ семидесятихъ годахъ прошлаго вѣка не только интереса ко времени Петра, но и умѣнья до известной степени разобраться въ этой эпохѣ и нарисовать ея картину. Сочиненіе Алеца, видимо, нашло себѣ читателей. По крайней мѣрѣ, 17 лѣтъ спустя неизвѣстный издатель нашелъ выгоду переиздать его вновь, хотя и подъ другимъ заглавіемъ, съ ничтожными измѣненіями и подъ видомъ оригинальнаго русскаго сочиненія ²⁾. Нѣсколько ниже мы увидимъ, что тотъ же

свѣ писатели въ XVIII ст. *Русск. Старина* 1873, VIII, 582, *Пекарскій*, loco citato, 553.

¹⁾ Сокращенное описаніе жизни Петра Великаго, императора всея Россіи. Переведено съ французскаго. С.-Пб. 1771. 8°. 51 стр. Посвященіе гр. П. Б. Шереметеву подписано „Вроблевскимъ“. Изъ „предъувѣдомленія“ видно, что предлагаемая книга есть переводъ изъ четырехтомнаго сочиненія *Алеца: Les princes célèbres*. Paris. 1769.

²⁾ Краткое описаніе жизни и славныхъ дѣлъ Петра Великаго, перваго императора всероссійскаго. С.-Пб. 1788. 12°. 89 стр. Содержаніе совершенно сходно съ предыдущимъ „Описаніемъ“. Тѣ же ошибки (напримѣръ, Петръ идетъ въ 1697 г. между прочимъ въ *Данію*; *Леоортъ*—уроженецъ *Піемонта*); тѣ же рубрики и заголовки; только слогъ болѣе новый и гладкій, да сдѣланы нѣкоторыя сокращенія. Такъ, напримѣръ, нѣтъ первыхъ вступительныхъ строкъ изданія 1771 г. выпущено троекратное прогнаніе шведскаго флота изъ подъ *Петербурга* (изд. 1771, стр. 24;

трудъ французскаго писателя появился на русскомъ языкѣ въ третій разъ, въ видѣ приложенія къ другому сочиненію ¹⁾.

Оставаясь въ предѣлахъ краткаго разказа, историки Петра оказывались еще удовлетворительными ²⁾; но писать большую исторію, въ широкомъ масштабѣ имъ, очевидно, было не по силамъ. Въ 1772 году Димитрій Θεодози выпустилъ изъ венеціанской греческой типографіи двухтомное „Житіе и славныя дѣла государя императора Петра Великаго“ ³⁾. Съ первыхъ же страницъ натываемся мы на очевидныя ошибки. Такъ, казнь Хованскаго отнесена къ 1685 году; участія Софьи въ этомъ дѣлѣ точно и не бывало (I, 170—171); сама Софья начинаетъ управлять государствомъ не то послѣ бунта 15-го мая, не то со времени перваго похода Голицына (I, 160 слѣд., 173). Авторъ все мѣрзаетъ аршиномъ своего вѣка, не будучи въ состояніи схватить ни духовной, ни вѣшной фізіономіи разбираемой эпохи. Боярская дума у него сенатъ; Софья называется принцессой, а село Преображенское—увеселительнымъ замкомъ (I, 172, 162, 177)! Говорятъ нечего, что Петръ съ самыхъ раннихъ лѣтъ отмѣченъ, какъ будущій геній. Еще питаясь молокомъ матери, онъ подавалъ надежду, что возведетъ Россію на высочайшую степень славы

изд. 1788 г., стр. 12) или фразы: „онъ (Петръ) имѣлъ съ нею (Екатериною) трехъ дочерей“ (изд. 1771 г., стр. 32; изд. 1788, стр. 57). Сравн. также стр. 21 изд. 1771 г. о „старикахъ и робяткахъ“ со стр. 36 изд. 1788 г. Обидіе сходныхъ выраженій въ обоихъ изданіяхъ позволяетъ думать, что издатель 1788 г. не столько переводилъ, сколько перелалъ текстъ своего предшественника.

¹⁾ См. изданіе *Врѣлескимъ* сочиненіе *Крекинина*: „Сказаніе о рожденіи“ и пр., изданіе второе. М. 1795.

²⁾ Впрочемъ едва ли это можно сказать про „Краткую исторію жизни и дѣланій Петра Великаго“ (12^о. 36 стр. На послѣдней страницѣ: „Москва. 1796. У В. Окорокова“); слишкомъ ужъ коротка она, будучи скорѣе похожа на простой перечень фактовъ, хотя съ сохраненіемъ повѣствовательной формы.

³⁾ Житіе и славныя дѣла государя императора Петра Великаго, самодержца Всероссийскаго, съ предположеніемъ краткой географической и политической исторіи о Россійскомъ царствѣ, нѣмѣ перѣе на славянскомъ языкѣ списана и издана. Венеціа. 1772. 4^о. 2 части. XVII (нен.)+400+362 стр.—Житіе и славныя дѣла Петра Великаго самодержца Всероссийскаго съ предположеніемъ краткой географической и политической исторіи о Россійскомъ государствѣ, перѣе на славенскомъ языкѣ изданное въ Венеціи, а нѣмѣ вновь съ пополненіемъ и поправленіемъ какъ самой исторіи, такъ и съ преложеніемъ нѣкоторыхъ славяно-сербскихъ словъ на росіейской, съ гравированными планами баталій и взятыхъ крѣпостей, и на нѣхъ великія дѣйствія медалями напечатано. Печатано иждивеніемъ купцовъ: Санктпетербургскаго Сергея Копнина и Иркутскаго Ивана Байбородина. 2 части С.-Пб. 1774. 4^о. XXV (нен.)+367+333+III (нен.) стр.

(I, 155 — 156); такъ, послѣ 15-го мая, получивъ полную свободу, онъ избираетъ себѣ пребываніе въ увеселительномъ замкѣ и начинаетъ упражняться въ воинскихъ дѣлахъ. Онъ хотѣлъ своимъ примѣромъ показать (это въ 11 лѣтъ!), что одна порода еще недостаточна для полученія чиновъ, а нужны и личныя заслуги,—поэтому и въ полкахъ служить солдатомъ, а не командиромъ (I, 184 — 185). Сочиненіе Θεοδοσι отталкиваетъ читателя XIX вѣка не столько ошибками фактическими, сколько всею манерой и точкой зрѣнія на предметъ. Авторъ и его читатели, очевидно, вполне удовлетворялись тѣмъ, что можно бы назвать внѣшнею исторіей: намъ излагаютъ фактъ, смѣну дѣйствій, но самого человѣка, это таинственное существо, смѣсь воли, желаній и разума, тѣ тайныя пружины, которыя создаютъ столько индивидуальности и отгѣнковъ, ничего этого не найдется въ подобныхъ исторіяхъ. Тамъ всѣ люди свроены по одному образцу. Софья — типъ холодной, безстрастной ученицы Макиавелли, съ которою едва ли могла бы поспорить и сама Екатерина Медичи; Петръ — типъ сказочнаго богатыря, съ первыхъ дней создающій ту историческую задачу, какая увѣнчиваетъ его впоследствии неувядаемою славой; Милославскій — типъ хитраго царедворца, и такъ далѣе до безконечности. Словомъ, это манекены, а не живые люди, въ которыхъ борятся разнообразныя чувства, долго не перебивая одно другое, и гдѣ перевѣсъ одного еще не есть погибель другихъ. Развитія духовнаго, исторической преемственности, вліянія среды не ищите въ сочиненіяхъ, подобныхъ только что указанному.

Къ тому же разряду надо отнести и трудъ Катифоро, который появился въ свѣтъ одновременно съ книгой Θεοδοσι¹⁾. Книга, переведенная Березайскимъ²⁾, довольно поверхностна и не безъ сильной примѣси

¹⁾ Житіе Петра Великаго, Императора и самодержца Всероссійскаго, отца отечества, собранное изъ разныхъ книгъ, во Франціи и Голландіи изданныхъ, и напечатанное въ Венеціи, Медіоланѣ и Неаполѣ на діалектѣ італянскомъ, а потомъ и на греческомъ: съ коего на Россійской языкъ перевелъ статскій совѣтникъ *Стефанъ Писаревъ*. С.-Пб. 1772 г. 4°. XII (нен.) + 511 стр. — Изданіе второе („Житіе Петра Великаго, императора и самодержца Всероссійскаго, отца отечества. Переводъ съ греческаго“) вышло въ М. 1788. 8°. IV (нен.) + 556 стр. Сравнительно съ первымъ въ немъ недостаетъ портрета Петра, посвященія Павлу Петровичу и „дополненія къ историческому въ сей книгѣ, о Китайскомъ государствѣ, описанію“.

²⁾ Храмъ безсмертныхъ славы императора Петра Перваго. Съ французскаго языка перевелъ, исправилъ и умножилъ *Василій Березайскій*. С.-Пб. 1789. 8°. 208 стр.

реторикъ. Авторъ оцѣниваетъ Петра, какъ преобразователя, создателя и завоевателя; поэтому его книга не есть систематическое (хотя по содержанію, и полное) изложеніе царствованія Петра Великаго.

Что касается отечественной историографіи, то конечно, въ этотъ счетъ не можетъ идти простой хронологическій перечень фактовъ, вошедшій въ составъ Краткой россійской исторіи, приложенной русскимъ переводчикомъ къ „Универсальной исторіи“ Гильмара Кураса ¹⁾, и со стороны русскихъ современниковъ Вольтера было большою самонадѣяностью рекомендовать этотъ перечень „въ дополненіе и въ поправленіе“ сочиненія французскаго писателя ²⁾. Точно также приходится ограничиться однимъ упоминаніемъ о томъ, что въ посмертныхъ рукописяхъ Сумарокова отыскано было „Приступленіе къ исторіи Петра Великаго“, доведенное только до смерти Грознаго ³⁾. Вѣроятно, какъ на отрывки большой начатой работы, должно смотрѣть и на два его разказа о волненіяхъ стрѣльцкихъ въ 1682 г. ⁴⁾. Точно также и Карамзинъ составляетъ только планъ Похвальнаго слова Петру Великому ⁵⁾; академику Миллеру поручено было написать исторію малолѣтства Петра ⁶⁾, но дѣло остановилось въ самомъ началѣ ⁷⁾.

За то надъ всѣми современниками царитъ знаменитый Голиковъ ⁸⁾. Его Дѣянія Петра Великаго явились поистинѣ грандіознымъ трудомъ, составившимъ эпоху въ изученіи великаго государя. Старательно собравъ цѣнный матеріалъ, Голиковъ внимательно распредѣлилъ его въ хронологическомъ порядкѣ и годъ за годомъ

¹⁾ *Гильмара Кураса* Сокращенная универсальная исторія, содержащая всѣ достопамятныя въ свѣтъ случая отъ сотворенія міра по нынѣшнее время, со многимъ пополненіемъ вновь переведенная и съ приобщеніемъ краткой Россійской исторіи вопросами и отвѣтами въ пользу учащагося юношества. С.-Пб. 1762. 8°. 323 стр.—Тоже, второе изданіе. С.-Пб. 1762. 8°. 390 стр.

²⁾ *Ежемесячныя сочиненія* 1763, май стр. 461.

³⁾ Полное собраніе сочиненій *Сумарокова*, изд. 2-с, ч. VI, стр. 215—224.

⁴⁾ Первый и главный стрѣлецкій бунтъ, бывшій въ Москвѣ, 1682 году въ мѣсяцъ май. *Ibidem*, VI, 167—202. Второй стрѣлецкій бунтъ. *Ibidem*, VI, 205—212.

⁵⁾ *Полюдинъ*, Н. М. Карамзинъ, т. I, стр. 277, 294.

⁶⁾ *Соловьевъ*, Г.-Ф. Миллеръ, *Современникъ* 1854, № 10, стр. 141.

⁷⁾ См. вышеупомянутыя статьи его въ *Опытъ трудовъ в. р. собранія*.

⁸⁾ Дѣянія Петра Великаго, мудраго преобразителя Россіи; собранныя изъ достоверныхъ источниковъ и расположенныя по годамъ. 12 гг. М. 1788—1789.— Дополненія къ дѣяніямъ Петра Великаго 18 гг. М. 1790—1797.

разказалъ славную жизнь своего „ирод“. Сочиненіе было снабжено не менѣе важными приложеніями: цѣлый томъ такъ-называемыхъ „Анекдотовъ“, до полутора тысячи писемъ, обстоятельный разказъ (на два тома) про измѣну Мазепы и Полтавскій бой. Чтò не умѣстилось въ 12-ти томахъ „Дѣяній“, было прибавлено въ 18-ти томахъ. „Дополненій“. Но и выпущенные тридцать томовъ нельзя считать законченными трудомъ. Обѣщаннаго продолженія писемъ, доведенныхъ въ изданія Голикова только до 1711 года ¹⁾, не появилось вслѣдствіе неожиданно обильнаго скопленія ихъ въ рукахъ коллектора ²⁾ и можетъ быть, за недостаткомъ матеріальныхъ средствъ ³⁾. Также однимъ предположеніемъ осталось и „описаніе жизни многихъ особъ изъ служившихъ при его величествѣ, начиная отъ господина Лефорта“ ⁴⁾. Значеніе труда Голикова съ извѣстной стороны весьма правильно оцѣнено еще самимъ авторомъ. Въ предисловіи къ своему изданію онъ говоритъ: человекъ я неученый, незнакомый съ критикой, совсѣмъ не историкъ; не ждите поэтому отъ меня глубокомысленныхъ разысканій; благоговѣю передъ памятью Петра и признаюсь, часто рѣчь моя сбивалась на панегирикъ; въ работѣ находилъ я личное удовлетвореніе, и если вамъ она пригодится, то буду вполнѣ радъ ⁵⁾. Воспоминанія о смерти Петра, завлечетъ онъ въ другомъ мѣстѣ, — „извлекли и изъ моихъ очей струя слезныя, которыя угадавъ на пишущую мною въ семь мѣстѣ бумагу, прервали теченіе мыслей моихъ, исторгли перо изъ рукъ моихъ и принудили закрыть сію жалостнѣйшую картину скорбною завѣсою молчанія“ ⁶⁾.

Книга Голикова, составленная безъ провѣрки фактовъ, съ частыми ошибками въ чтеніи рукописнаго матеріала, теперь не имѣетъ уже такой цѣны, какъ сто лѣтъ тому назадъ, но и до сихъ поръ отнюдь еще не лишена большого значенія; для своего же времени она оказала услугу, какъ первый старательный сводъ фактовъ и какъ попытка систематизировать ихъ. Она впервые дала возможность представить фигуру царя, какъ нѣчто цѣльное ⁷⁾, и наглядно охватить

¹⁾ Дѣянія, т. X—XII.

²⁾ Дополненія, XVI, 462.

³⁾ Дополненія, IV, предисловіе.

⁴⁾ Дополненія, I, предисловіе.

⁵⁾ Дѣянія, I, предисловіе.

⁶⁾ Дополненія, XIV, 401.

⁷⁾ Вспомнимъ, какъ съ ея появленіемъ возможнымъ стало указывать на ошибки, допущенныя въ другихъ сочиненіяхъ, напримѣръ, у *Феофила* (Дополн., IV, предисл.).

всю его многогранную, гигантскую дѣятельность. Этою стороною сочиненіе Голикова пріобрѣтаетъ значеніе одинаково какъ историческое, такъ и воспитательное. Его читали и въ глухой помѣщицкой деревнѣ, не было оно забыто и представителями высшихъ классовъ. Лучшіе люди того времени въ каждомъ изъ многочисленныхъ своихъ имѣній держали по экземпляру Голиковскихъ „Дѣяній“¹⁾. Послѣдующіе историки собрали обильную жатву съ этого труда, въ особенности Галемъ и Бергманнъ, которыхъ сочиненія суть преимущественно переработка Голикова²⁾.

Менѣе важенъ и въ научномъ, и въ историографическомъ отношеніи другой писатель—Федоръ Туманскій. Мы познакомились съ нимъ, какъ съ собирателемъ матеріаловъ; но основною его задачею было жизнеописаніе Петра, и десять томовъ изданнаго имъ „Собранія разныхъ записокъ“ должны были „служить изъясненіемъ самаго сочиненія и основаніемъ“, по которому читатели могли бы оцѣнивать самую его работу³⁾. Таковая и не замедлила появиться, по крайней мѣрѣ ея начало⁴⁾. Работа безъ какихъ-либо достоинствъ, хотя авторъ, помимо матеріала, бывшаго у него подъ рукою, старательно воспользовался всѣми русскими монографіями, посвященными Петру. Любопытно, что неудовлетворительный, какъ издатель документовъ, Туманскій предъявлялъ къ историку очень правильныя требованія: исторія, говоритъ онъ,—должна основываться на доказательствахъ, повѣрительныхъ критикю, быть безпристрастною и давать не одни только факты, а и „обратить вниманіе читателя на связь содѣяннаго, представить всѣ обстоятельства, которыя были причиною такого или другаго дѣйствія“⁵⁾.

Объ „Исторіи“, обыкновенно приписываемой Феофану Прокоповичу, мы уже говорили⁶⁾; небольшая книжечка Рубана: „Начер-

¹⁾ Д. Рябининъ, Графъ С. Р. Воронцовъ. *Русск. Архивъ* 1879, I, 428, прилѣж.

²⁾ О Галемъ и Бергманнъ см. ниже.

³⁾ Собраніе разныхъ записокъ, т. I, предисловіе.

⁴⁾ Полное описаніе дѣяній его величества государя императора Петра Великаго. Сочиненное Феодоромъ Туманскимъ, часть первая. С.-Пб. 1788. 8°. LVI+282+VIII стр. Роскошное изданіе съ 12-ю гравированными портретами и многими рисунками-виньетками въ текстѣ. Обширное введеніе посвящено обзору до-Петровской Руси; вся же книга доведена только до окончанія стрѣлецкаго бунта въ маѣ 1682 года.

⁵⁾ Полное описаніе дѣяній, предисловіе, стр. XVIII—XXI.

⁶⁾ Исторія императора Петра Великаго, отъ рожденія его до Полтавской битвы и взятія въ плѣнъ остальныхъ шведскихъ войскъ при Переволочнѣ,

таніе о достославномъ царствованіи Петра¹⁾ — сжатый и плохо скомпонованный разказъ о панболѣе крупныхъ событіяхъ эпохи преобразованій, начиная съ Азовскихъ походовъ²⁾, не безъ ошибокъ и не безъ вліянія иностранныхъ пособій. Сравнительно съ Рубановымъ начертаніемъ книжка Алеца гораздо выше по стройности изложенія; но не дурно у Рубана то, что, при всей краткости разказа, событія вѣшней политики въ его сочиненіи не перевѣшиваютъ объемомъ событій внутреннихъ. Не безынтересно также личное свидѣтельство одного изъ участниковъ Крымскаго похода 1689 года³⁾.

Наконецъ, Иванъ Нехачинъ написалъ „Ядро исторіи Петра Великаго“, добросовѣстную компиляцію, на которой очень замѣтно отразилось существованіе Голиковскихъ „Дѣяній“⁴⁾. Погребеніе Петра разказано по Теофану Прокоповичу. Дѣло же царевича Алексѣя изложено непропорціонально подробно⁵⁾, съ сообщеніемъ почти цѣлкомъ всѣхъ документовъ, въ свое время обнародованныхъ по этому поводу⁶⁾. Въ „Новомъ ядрѣ Россійской имперіи“, излагая царствованіе Петра, Нехачинъ только сокращенно изложилъ содержаніе своей первой работы⁷⁾. Время Петра было еще разъ затронуто

включительно; сочиненная *Теофаномъ Прокоповичемъ*, послѣ бывшимъ архіепископомъ Великаго Новагорода и Великихъ Луцъ, изданная съ обрѣзающагося въ Кабинетской архивѣ дѣлъ е. и. в. списка, правленнаго рукою самого сочинителя. С.-Пб. 1773. 8°. V (не нум.)+217 стр.—То же, изданіе второе. М. 1788. 8°, 256 стр.

¹⁾ Начертаніе, подающее понятіе о достославномъ царствованіи Петра Великаго, съ приобщеніемъ хронологической росписи главнѣйшихъ дѣлъ и приключеній жизни сего великаго государя. С.-Пб. 1778. 8°. 32 стр. Подъ посвященіемъ графу З. Г. Чернышеву подписанъ *В. Рубанъ*.

²⁾ Событія до 1695 г. изложены на столько, на сколько это необходимо для пониманія послѣдующаго.

³⁾ *Рубанъ*, стр. 3—4.

⁴⁾ *Иванъ Н. х. ч. нз.*, Ядро исторіи государя Петра Великаго, перваго императора Всероссийскаго, съ присовокупленіемъ описанія монумента, воздвигнутаго въ память сему отцу отечества Екатериною II Великою, и съ краткою исторіею сына его, царевича Алексѣя Петровича. Издвигеніемъ *Ивана Водопьянова*. М. 1795. 8°. 447 стр.

⁵⁾ Стр. 170—270.

⁶⁾ Переписка Петра съ сыномъ, текстъ отреченія царевича, мнѣнія духовенства, отвѣтъ Алексѣя на предъявленные ему вопросные пункты и пр.

⁷⁾ *Иванъ Нехачинъ*, Новое ядро російской исторіи, отъ самой древности россиянъ и до нынѣшнихъ дней благополучнаго царствованія Екатерины II Великія, на пять періодовъ раздѣленное. 2 чч. М. 1795. 8°. Событія 1682—1725 гг.

Львовымъ въ „Подробной лѣтописи отъ начала Россіи до Полтавской баталіи“¹⁾; но большая часть его работы есть сплошное воспроизведеніе Крекшина²⁾.

Прошло очень немного лѣтъ со смерти Крекшина³⁾, а новгородскій дворянинъ уже былъ забытъ и потеряна нить, связывавшая его имя съ его трудами. Записки Крекшина въ многочисленныхъ спискахъ расходились по рукамъ читающей публики, но уже возникалъ вопросъ, кто былъ ихъ составителемъ. Болтинъ предполагалъ Теофана Прокоповича, Львовъ опровергалъ это, не попомявъ пробѣла⁴⁾; Вороблевскій печаталъ трудъ Крекшина, даже и не задаваясь вопросомъ о ихъ авторѣ⁵⁾; также поступилъ и Туманскій⁶⁾. Даже въ

во 2-й ч. на стр. 344—400—То же, второе изданіе. 3 чч. М. 1809 — 1810. 8°. Событія 1682 — 1725 гг.—во 2-й ч. (М. 1809) на стр. 356 — 414, совершенно тожественно съ первымъ изданіемъ.

¹⁾ 4 чч. С.-Пб. 1798—1799. 8°. Событія 1672—1709 гг. въ IV-й ч. на стр. 18—199 (до конца).

²⁾ Именно страницы 17—36, 67—145 въ IV-й части суть нѣсколько сокращенный Крекшинъ (предсказанія Полоцкаго, Кирилла Новоезерскаго и др., рѣчи умирающаго царя Алексѣя и окружавшихъ его лицъ; воспитаніе Петра событія въ апрѣль — октябрѣ 1682, Крымскіе походы и паденіе Софьи). Стр. 146—199 (до конца) повѣствуютъ о поѣздкѣ за границу и битвахъ при Ласной и Полтавѣ. Можетъ быть, и это составлено по Крекшину, на основаніи утерянныхъ для нашего времени частей его сочиненія. (Событія 1709 г., напечатанныя въ *Библіотекѣ для Ученія*, не доведены до Полтавской битвы).

³⁾ Онь умеръ въ 1763 г. (*Сахаровъ*, Записки русскихъ людей, предисловіе).

⁴⁾ Подробная лѣтопись, IV, 34, прим. Ср. митр. *Евменій*, Словарь писат. духов. чина, изд. 2-е, II, 310.

⁵⁾ Сказаніе о рожденіи, о воспитаніи и нареченіи на всероссійскій престолъ его царскаго пресвѣтлаго величества государя Петра Перваго, находящееся въ библіотекѣ его сіятельства гр. П. В. Шереметева, изданное библіотекаремъ *В. Вороблевскимъ*. М. 1787. 12. IV+58 стр. Событія доведены до 15-го мая 1682 г.—Сказаніе о рожденіи, воспитаніи и нареченіи на всероссійскій царскій престолъ государя Петра Перваго, съ присовокупленіемъ сокращеннаго описанія жизни и дѣлъ сего великаго императора, и съ приложеніемъ гравированнаго его портрета. Изданное *В. Вороблевскимъ*. Вторымъ тисненіемъ. Издвеніемъ книгопродавца С. Н. Москва. 1795. 12°. VI+140 стр. Первые 58 стр. суть перепечатка строка въ строку изданія 1787 г., съ тѣми же заставками и вышестками. Со страницы 59-й идетъ „Сокращенное описаніе жизни Петра Великаго“, дословная перепечатка изданнаго Вороблевскимъ въ 1771 г. перевода *Алена*; здѣсь только нѣтъ предисловія и указанія на то, что это есть именно переводъ.

⁶⁾ О зачатіи и о рожденіи великаго государя императора Петра Перваго самодержца Всероссійскаго и прочемъ. Собраніе равныхъ записокъ, I, 283—309.

тридцатыхъ годахъ нынѣшняго столѣтія В. Н. Олинъ, печатая „О рожденіи Петра. Преданіе“ ¹⁾, не знаетъ, что онъ пересказываетъ не кого иного, какъ все того же Крекшина ²⁾. Болѣе того, всего какихъ-нибудь сорокъ лѣтъ назадъ, князь Козловъ (?) издаетъ рукопись новгородскаго дворянина и остается въ томъ же невѣдѣніи ³⁾.

Пора отчетливаго изученія матеріаловъ еще не наступила; приходилось довольствоваться простымъ разказомъ или механическимъ собраніемъ фактовъ. Оцѣнка преобразовательной эпохи, въ родѣ той, какую предложилъ Волтинъ въ критикѣ на сочиненіе Леклерка, анализируя ошибки и ложныя толкованія послѣдняго ⁴⁾, являлась скорѣе исключеніемъ; легче было издавать такія книги, какъ „О высочайшихъ пришествіяхъ Петра на Двину“ ⁵⁾, „Кабинетъ Петра Великаго“ Бѣльева ⁶⁾, или „Списокъ кораблямъ російскаго флота“ Шишкова ⁷⁾.

Отличія отъ текста, изданнаго Вороблевскимъ, самыя ничтожныя, если не считать несходства въ нѣкоторыхъ датахъ. За то Туманскій излагаетъ событія далѣе 15-го мая 1682 г. (до конца 1682 г. съ краткою хронологіей до 1722 г.), и со стр. 264 не имѣетъ болѣе въ Вороблевскомъ содѣльника.

¹⁾ С.-Пб. 1835. 12°, 47 стр.

²⁾ „Незвѣстный сочинитель“, какъ онъ его называетъ. Ср. то же и въ примѣчаніяхъ *Олина* къ Исторіи Вилліамса (Записки о Петрѣ Великомъ, Сочиненіе Вилліамса, стр. 4 второй пагин.).

³⁾ Кн. Вл. К—въ, Матеріалы для исторіи Петра Великаго. *Отечест. Записки* 1848, LIX, 152—210.

⁴⁾ Примѣчанія на исторію древней и нынѣшней Россіи г. Леклерка. С.-Пб. 1788. На стр. 481—615 первой части разобраны и опровергнуты 50 положеній Леклерка.

⁵⁾ О высочайшихъ пришествіяхъ великаго государя, царя и великаго князя Петра Алексѣевича, всея в. и м. и б. Россіи самодержца, изъ царствующаго града Москвы на Двину, къ Архангельскому городу, троекратно бывшихъ; о нахожденіи шведскихъ непріятельскихъ кораблей на ту же Двину, къ Архангельскому городу; о зачатіи Новодвинской крѣпости и о освященіи новаго храма въ сей крѣпости. Издвеніемъ Н. Новикова и К°. М. 1783. 8°. 111 стр.

⁶⁾ Кабинетъ Петра Великаго или подробное и обстоятельное описаніе восковаго его величества изображенія, военной и гражданской одежды, собственно ручныхъ его издѣлій и прочихъ достопамятныхъ вещей, лично великому сему монарху принадлежавшихъ. С.-Пб. 1793. 8°. 2 чч. 170+154+IV стр.—То же, второе изданіе. С.-Пб. 1800. 4°; въ трехъ отдѣленіяхъ. 215+287+278 стр.+четыре гравюры.

⁷⁾ Списокъ кораблямъ и прочимъ судамъ всего російскаго флота отъ начала заведенія онаго до нынѣшнихъ временъ, съ историческими вообще о дѣйствіяхъ флотовъ и о каждомъ судѣ примѣчаніями. Часть I, содержащая въ себѣ царствованіе государя Петра Великаго. Собралъ изъ достовѣрныхъ записокъ и журналовъ контръ-адмиралъ А. Шишковъ. С.-Пб. 1799. 4°. 323 стр.

Но и подобныя книги дѣлали свое дѣло, обогащая свѣдѣніями, расширяя историческій горизонтъ. Первое изъ трехъ только что названныхъ изданій очень цѣнно по многимъ указаніямъ, приведеннымъ дословно, и вообще по источникамъ первой руки ¹⁾; книга Бѣлева, такъ-сказать, вводила читателя въ повседневную обстановку, въ обиходъ жизни царственнаго реформатора, а „Списокъ“ Шишкова давалъ гораздо болѣе, чѣмъ можно ожидать, судя по одному заглавію. Ведя перечень построенныхъ судовъ и начиная его отъ „дѣдушки русскаго флота“ до смерти Петра включительно, авторъ особенно много сообщаетъ „историческихъ примѣчаній“, приводя для этого выдержки, а иногда и цѣликомъ правительственныя указы, письма и инструкции; особенно обстоятельны свѣдѣнія за 1713—1721 гг. ²⁾, такъ что на трудъ Шишкова можно смотрѣть какъ на первую серьезную исторію молодого русскаго флота. Если „Списокъ“ уже и потерялъ нѣкъ свое научное и практическое значеніе, будучи оттѣсненъ другими, болѣе совершенными, то историографическое значеніе его несомнѣнно.

Чтобы закончить обзоръ Екатерининской литературы о Петрѣ Великомъ, намъ остается назвать еще нѣкоторыя книги и статьи. Таково уже упомянутое раньше „Ядро исторіи Россійской“ Манкіева ³⁾, біографіи Лефорта и Гордона, составленныя Ильинскимъ ⁴⁾ и Голицынымъ ⁵⁾, исторія завоеванія Азова, академика Байера ⁶⁾, данныя

¹⁾ Издатели предвѣряли, что описаніе „собрано изъ старинныхъ записокъ, въ Двинскихъ церквахъ найденныхъ, и внесено сюда для вѣрности тѣми же словами, какія и въ запискахъ находились; перемѣны же оныхъ словамъ никакаго члена не было“. Разказъ о пришествіи шведскихъ судовъ подъ Архангельскъ въ 1701 г. составленъ преосв. Аелнасіемъ, а издателями „оное здѣсь предлагается слово въ слово“ (стр. 68). Кромѣ упомянутаго прихода шведовъ, книга содержитъ въ себѣ разказъ о трехъ прѣздахъ царя въ 1693, 1694 и 1702 годахъ.

²⁾ Стр. 46—289, то-есть, почти вся книга.

³⁾ Ядро исторіи Россійской по угожденію проискательныхъ, изд. 1770, 1784, 1791 и 1799 гг.

⁴⁾ Житіе Франца Яковлевича Леоорта, Россійскаго генерала и описаніе жизни нижегородскаго купца Ковьмы Милина. С.-Пб. 1799. 12°. 144+78 стр. Біографіи изложена старательно, не безъ (относительныхъ, конечно) достоинствъ.

⁵⁾ Историческое изображеніе жизни и всѣхъ дѣлъ славнаго женеваца Франца Яковлевича Леоорта, перваго любимца Петра Великаго... и сослужбника его, подобно же посвятившаго себя службѣ отечества нашего, знаменитаго шотландца... Патрика Гордона... М. 1800. 8°. XVI+307 стр.

⁶⁾ Краткое описаніе всѣхъ случаевъ, касающихся до Азова отъ созданія сего города до возвращенія онаго подъ Россійскую державу. Переведено съ нѣмецкаго языка чрезъ *И. К. Тауберта*, Академіи Наукъ адъюнкта. Изданіе второе. С.-Пб. 1768. 8°. 292 стр. (первое—въ 1738). Было еще третье—въ 1782 г.

по сооружеію памятника Петру Великому Бакмейстера ¹⁾ описаніе Петербурга, Богданова ²⁾, очень цѣнный сводъ данныхъ для первоначальной топографіи сѣверной столицы, и книга ротмистра Могутова о сношеніяхъ Россіи съ средне-азиатскими странами ³⁾. Ежемѣсячныя Сочиненія помѣстили описаніе путешествія китайскаго посольства въ 1714 году черезъ Россію къ калмыкамъ ⁴⁾, о мѣрахъ Петра Великаго для развитія торговыхъ сношеній съ Бухарою ⁵⁾ и трудъ Соймонова о Каспійскомъ морѣ ⁶⁾. Послѣдній одновременно появился и въ отдѣльномъ изданіи ⁷⁾.

¹⁾ *И. Бакмейстеръ*, Историческое извѣстіе о извѣнномъ конномъ изображеніи Петра Великаго. Переведено *Н. Карандашевымъ*. С.-Пб. 1786. 8°. 100 стр. Обстоятельное описаніе перевозки камня, выбраннаго подъ пьедесталъ, работъ надъ сооружеіемъ самаго памятника, характеристика изображеннаго Фальконе-томъ момента, открытіе монумента и т. п.

²⁾ Историческое, географическое и топографическое описаніе С.-Петербурга, отъ начала заведенія его, съ 1703 по 1751 годъ, сочиненное *Г. Богдановымъ*; со многими изображеніями первыхъ зданій, а нмѣ дополненное и изданное... *В. Рубаномъ*. Изданіе первое. С.-Пб. 1779. 8°. VI (нен.)+528+XXIX (нен.) стр.

³⁾ Рѣдкое и достопамятное извѣстіе о бывшей изъ Россіи въ Великую Татарію экспедиція, подъ нмѣнемъ посольства, принадлежащее къ пользѣ, въ службѣ находящимся и въ коммерціи упражняющимся, всеавгустѣйшей монархини посвященное. С.-Пб. 1777. 8°. 63 стр. По даннымъ, сообщеннымъ генераломъ Тевкелевымъ. Содержаніе: обзоръ сношеній Россіи въ XVIII в. съ народами Средней Азіи; разказъ объ экспедиціи Бекевича (стр. 9—27), описаніе морей Каспійскаго и Аральскаго, „о сухомъ пути въ полуденную Азію“ и „о восточной Индіи“. Сравни поправку въ рецензіи *С.-Петербургскаго Вѣстника* 1778, ч. I, № 1, стр. 61—65.

⁴⁾ Описаніе путешествія, конмъ ѣздили китайскіе посланники въ Россію, бывшіе въ 1714 году у калмыскаго хана Аюки на Волгѣ. *Ежемѣс. Сочин.* 1764, ч. II, июль—ноябрь. Свѣдѣнія очень интересныя.

⁵⁾ О способахъ въ прозведенію російской коммерціи изъ Оренбурга съ Бухарскою, а изъ оной и съ индѣйскими областями. *Ежемѣс. Сочин.* 1763, № 11, стр. 401—408.

⁶⁾ *Ежемѣс. Сочиненія* 1763, №№ 1—11. Также въ *Sammlung Russischer Gesch.*, т. VII.

⁷⁾ Описаніе Каспійскаго моря и чиненныхъ на ономъ російскихъ завоеваній, яко часть исторіи государя императора Петра Великаго, трудами тайнаго совѣтника, губернатора Сибири и орд. св. Александра кавалера, *Федора Павловича Соймонова*, выбранное изъ журнала его пр—на, въ бытность его службы морскимъ оицеромъ и съ внесенными, гдѣ потребно было, дополненіями Академіи Наукъ кон.-секретаря, прое. исторіи и историографа *Г. Ф. Миллера*. С.-Пб. 1763. 8°. 24 листа. Сравни въ *Ежемѣс. Сочин.* 1763, № 12, стр. 558—559 указаніе Миллера на ошибку, нмѣ допущенную.—Наконецъ, можно отмѣтить немногія статейки, помѣщавшіяся въ тогдашнихъ мѣсяцесловяхъ. Въ мѣсяцесловѣ на

Въ XIX столѣтіи Петровская литература значительно вырастаетъ въ объемѣ, и слѣдить за нею становится гораздо труднѣе. Кромѣ отдѣльных изданій, масса матеріала разбросана по журналамъ. Вотъ почему мы должны ограничиться указаніемъ на однѣ только крупныя вещи или напомнить болѣе забытыя. Да и этотъ планъ возможенъ только въ предѣлахъ первой половины столѣтія. Начиная же съ царствованія императора Александра II, историографія о Петрѣ Великомъ достигаетъ такихъ размѣровъ, что перечислить даже только крупное значить совершенно выйти изъ рамокъ предполагаемой статьи. Къ тому же для этого послѣдняго періода существуютъ библиографическія пособія, дающія намъ новое право ограничиться самымъ бѣглымъ осмотромъ этой литературы за послѣднія 30—35 лѣтъ.

Начинаемъ съ обзора матеріаловъ. Прежде всего упомянемъ о письмахъ, указахъ и другихъ правительственныхъ распоряженіяхъ. Такова переписка Паткуля, содержащая въ себѣ нѣсколько писемъ Петра, — нѣкоторыя изъ нихъ впрочемъ довольно апокрифическаго характера ¹⁾; далѣе письма и указы царя В. Я. Левашову ²⁾. *Θ. М. Апраксину* ³⁾, маіору Салтыкову ⁴⁾, П. А. Толстому ⁵⁾, генералу

1778 г. Богдановъ помѣстилъ выдержку изъ готовившагося тогда описанія Петербурга (Собраніе сочиненій, выбранныхъ изъ мѣсяцеслововъ на разные годы, II, 306—348); на 1782 г. — явилось біографія Гордона (*ibidem*, V, 34—87); на 1783 и 1784 гг. — Извѣстія объ осадѣ Азова въ 1695 и 1696 (*ibidem*, V, 165—207 319—369), составленныя по Гордону, Байеру, выпискамъ Миллера и изданной Рубаномъ книгѣ: „Походъ боярина Шенна“.

¹⁾ Письма несчастнаго графа Ивана Рейнольда Паткуля, полководца и посланника рос. императора Петра Великаго Переводъ съ франц. 2 чч. М. 1806. 12°. 191+111 стр. съ портр. Паткуля. Преимущественно переписка съ Сошій Эйсендель. Всего 77 писемъ съ 12-го ноября 1705 по 3-е окт. 1707 г. Сравн. замѣтку *Н. А. Полеваго*: Паткуль и Цайкуль, въ *Русск. Вѣстн.* 1841, т. IV, № 10, стр. 188—190.

²⁾ Писма и указы государей имп. Петра Великаго (и другихъ)..... къ В. Я. Левашову. Изданныя съ подлинниковъ. Съ приложеніемъ одного изъ писемъ государя императора Петра Великаго въ точности скопированнаго и вырѣзаннаго на мѣди, портрета В. Я. Левашова и краткаго описанія его жизни. М. 1808. 8°. XVI+112 стр. Изданіе *П. Бекетова*. Писемъ и указовъ Петра числомъ 14, съ 25-го марта 1716 по 10-е ноября 1724 г.

³⁾ Собраніе собственнор. писемъ государя императора Петра Великаго къ Апраксинымъ, 2 чч. М. 1811. 8°. XI+231+155 стр. 1 табл. 1 портр. Петра. Писемъ—одному *Θ. М. Апраксину*, включая и резолюціи на докладныхъ его, 201, съ 26-го марта 1698 по 25-е сентября 1724 г. Подъ посвященіемъ С. С. Апраксину подписанъ *П. Я.*

⁴⁾ *Русск. Архивъ* 1882, ч. 4, № 20, стр. 115 (29-го окт. 1715 г.).

⁵⁾ Инструкція 1702 г. передъ отправленіемъ въ Турцію—въ *Отеч. Записк.*

Матюшкину во время войны съ Персіей ¹⁾, нѣжинскому наказному полковнику Журавскому ²⁾, митрополиту Іону ³⁾, бригадиру Балку, 23 письма (1710—1712) ⁴⁾, разнымъ лицамъ—въ Сѣверномъ Архивѣ ⁵⁾ и цѣлое собраніе писемъ Петра тоже къ разнымъ лицамъ, съ отвѣтами государю, изданное Беркомъ ⁶⁾. Сюда же можно отнести письма Я. О. Долгорукаго ⁷⁾, Лейбница ⁸⁾, царевича Алексѣя ⁹⁾ къ царю; письма разныхъ лицъ къ гетману Скоропад-

1822, X, 258—272, 410—420; XI, 370—378; XII, 33—42; два письма—въ *Смѣр. Архивъ* 1827, XXVI, 335—336 (за 1706—1708).

¹⁾ *Отеч. Записки*, 1827. XXX, 387—413; XXXII, 243—264, 398—414. *Московский Телеграфъ* 1831, I, 154—158.

²⁾ *Отеч. Записки* 1830, ч. XLIII, № 124, стр. 355, 356.

³⁾ *Смыслъ Отечества* 1834, ч. 163, стр. 114—118 (5 пис. 1713—1714 г.); *Отеч. Зап.* 1840, VIII, смѣсь, стр. 1 (пис. 29-го окт. 1715 г.).

⁴⁾ *Москвитянинъ* 1852, XVI, 3—14; XVIII, 48—50.

⁵⁾ *Сѣверн. Архивъ* 1823, V, 34—86, по одному письму къ маіору Долгорукому (30-го окт. 1708 г.) и Квинну (14-го іюня 1714 г.) и *ibidem*, V, 423—426; VI, 24—28, 104—183; VII, 358—361—24 письма къ Н. И. Бутурлину съ 28-го февр. 1711 по 29-е апрѣля 1724 годъ.

⁶⁾ Собраніе писемъ императора Петра I къ разнымъ лицамъ съ отвѣтами на оныя. 4 чч. С.-Пб. 1829—1830. 8°. X+343+393+1+378+334 стр. Обширная переписка съ 9-го мая 1692 по 5-е ноября 1724 года съ алевитнымъ указателемъ и краткими біографіями корреспондентовъ Петра. Часть помѣщенныхъ здѣсь писемъ, по заявленію Берха, напечатана у Голицева, Туманскаго и Ицерблтова, но „безъ всякаго порядка и пренебрежены грубыми ошибками, имена же лицъ и мѣсть совершенно искажены“. Берхъ извлекъ свой матеріалъ изъ двѣхъ адмиралтействъ-коллегіи и адмиралтействъ-департамента. „Большая часть писемъ къ императору Петру I, и особенно отъ лицъ, за границею находившихся, пренебрежены повтореніями однихъ и тѣхъ же обстоятельствъ, или, лучше сказать, суть настоящія дубликаты и триблукаты, чему служатъ доказательствомъ письма Федора Салтыкова“. Такія повторенія издатель выпускалъ. Пособіемъ Берху служило не доконченное собраніе писемъ, составленное адмираломъ А. И. Нечаевымъ. Вся письма Берхъ списывалъ собственноручно (I, стр. II—V).

⁷⁾ Одно письмо въ *Дружн. Просв.* 1804, ч. IV, октябрь, 37—40: просьба поговорить къ Вас. Влад. Долгорукова.

⁸⁾ *Сѣверн. Архивъ* 1823, V, 129—146, 224—239, письма и проекты, поданные царю и Шафирову (1713—1716 гг.); въ оригиналѣ (на нѣм. яз.) въ *Русск. Вѣстн.* 1842, т. V, стр. 244—254 (Полевой еще указываетъ на *Библи. для Читен.* и *Смыслъ Отечества*).

⁹⁾ Письма царев. Алексѣя Петровича къ его родителю государю Петру Великому, государынѣ Екатеринѣ Алексѣевнѣ и каб.-секр. Макарову, съ приложеніемъ писемъ царевича Петра, царевны Наталіи и князя Вяземскаго къ его высочеству. Изданы съ подлинниковъ, хранящихся въ бібліотекѣ кн. М. С. Воронцова. Одесса: 1849. 4°. VIII+89+IX+3 листа факсимиле: 134 письма

скому ¹⁾, Кирхена—канцлеру Г. И. Головкину ²⁾, переписку Ѳ. А. Головина съ Б. П. Шереметевымъ ³⁾, письмо русскихъ плѣнныхъ генераловъ изъ Стокгольма ⁴⁾ и нѣкоторыя второстепенныя распоряженія государя ⁵⁾.

Нѣсколькими изданіями появились анекдоты о Петрѣ Великомъ,

Петру Великому, съ 25-го августа 1703 по 27-е августа 1716 г.; 2 п. Екатеринѣ въ 1714 г.; 9 п. Макарову съ 5-го авг. 1707 г. по 5-е янв. 1712 г.; по одному письму отъ сына и дочери, 8-го нояб. 1716 г.; 1 п. отъ кн. Долгорукаго, 7-го апр. 1712 г.; 1 п. отъ капитана Петрова-Соловаго 1712 г. и 3 письма отъ князя Н. Вяземскаго 1716 года. Предисловіе и примѣчанія составлены Мурзакевичемъ.

¹⁾ Матеріалы для отечественной исторіи. Издавъ *М. Судіенко*. Томъ второй. Кіевъ. 1855. 511 стр.: 66 пис. кн. Д. М. Голицына, съ 7-го янв. 1709 по 26-е авг. 1718; 121 пис. канцлера графа Г. И. Головкина, съ 10-го авг. 1708 по 14-е февр. 1722; 18 пис. А. Д. Меншикова, съ 24-го янв. 1709 по 20-е апр. 1722; 11 пис. П. П. Шафрова, съ 31-го іюля 1709 по 4-е февр. 1716; 49 пис. Б. П. Шереметева, съ 23-го дек. 1708 по 27-е нояб. 1718; 57 пис. равныхъ лицъ съ 8-го нояб. 1709 по 22-е авг. 1721. — Кроме того, въ *Чтен. Общ. Ист. и Др. Росс.* 1848, I, 1—8 Судіенко помѣстилъ 10 писемъ Головкина къ Скоропадскому 1709—1718 г., не вошедшихъ въ „Матеріалы“. Полице (221 письмо) письма Головкина съ 10-го авг. 1708 по 22-е апр. 1722 въ „Матеріалахъ военно-ученаго архива главнаго штаба“, томъ I (С.-Шб. 1871). (Любопытно, что и Судіенко, кажется, только по ошибкѣ не началъ переписку съ 10-го авг. 1708 г. (сравни оглавленіе въ его Матеріалахъ, и подобное же тамъ же для Меншикова). Тутъ же и письма Меншикова, числомъ 87, съ 3-го апр. 1706 по 20-е апр. 1722.

²⁾ Письма масора М. Б. фонъ-Кирхена къ канцлеру Г. И. Головкину (*Временникъ Общ. Ист. и Др.*, т. I, стр. 17—34); 20 писемъ съ 2-го апр. по 18-е іюня 1706 года.

³⁾ Переписка есльдмаршаловъ Ѳ. А. Головина и Б. П. Шереметева въ 1705 и 1706 годахъ. М. 1851. 8°. 68 стр. (33 письма).

⁴⁾ Коллективное письмо Я. Ѳ. Долгорукова, Грузинскаго царевича Александра, П. Ю. Трубецкаго, А. А. Вейде, А. М. Головина и И. И. Бутурлина на имя Ѳ. А. Головина отъ 24-го января 1702 (съ прилож. автограмме). *Русск. Вѣстн.* 1841, т. I, № 1, стр. 283—284.

⁵⁾ О посольствѣ Карабагскихъ мелниковъ (*Сво. Арх.* 1823, VI, 233 — 252). Указъ о липецкихъ минеральныхъ водахъ (*ibid.*, VII, 22—27); архангел. вице-губерн. Ладженскому и Кольскому коменданту (*Москвит.* 1842, XII, 394—397), объ обученіи италіанскому языку, 15-го мая 1697 (*ibid.*, 1852, V, 1—3), въ Новгородской митрополіицѣй разрядъ (*ibid.* 1853, XVIII, 11—12), о разбоихъ Смоленской губ. (*ibid.* XXI, 1—5); указъ 1720 г. Ѳ. Румянцову (*ibid.* 1844, IX, 138—139). Кроме того, см. Матеріалы для исторіи вѣка Петра Великаго. *Отеч. Записки* 1842, XX, 37—46 (поднесеніе сенатомъ царю императорскаго титула; записка о преставленіи и погребеніи царевича Алексѣя; привѣтствіе царевичу Алексѣю; наказъ 1687 г. Я. Ѳ. Долгорукову при посылкѣ его во Францію; наказъ Ѳ. А. Головину 1685 при посылкѣ его къ гетману малороссійскому; выписка 1716 года възъ дѣла о князьяхъ Голицыныхъ).

основанные на Голиковѣ и Штелинѣ: князя Енгальчева, изданные на французскомъ языкѣ ¹⁾, и нѣкоторые безымянные ²⁾. Особое мѣсто въ этомъ разрядѣ Петровскихъ матеріаловъ занимаютъ анекдоты о Балакиревѣ, который далъ за послѣдніе 50—60 лѣтъ матеріала на безконечное число изданій, преимущественно народныхъ. Если не ошибаемся, первая по времени книга, посвященная этому придворному шуту, появилась въ 1831 году ³⁾.

Гораздо важнѣе по своему содержанію мемуары Петровскаго времени. Молодые годы Петра, собственно конецъ XVII вѣка, очерчены въ цѣнныхъ запискахъ Медвѣдева, Желябужскаго, Крекшина, Матвѣева, Авриля, Невилля и Гордона ⁴⁾; поражение

¹⁾ Prince P. Engalitschef, Anecdotes de Pierre le Grand, empereur de toutes les Russies. Moscou, 1805. 12°. 121+V pages. Содержитъ въ себѣ 41 анекдотъ.

²⁾ Анекдоты Россійск. императора Петра Великаго и великихъ мужей, прославившихся въ его царствованіе. М. 1838. 8°. 82 стр. Портретъ Петра. Послѣ предисловія: „Часть первая, содержащая анекдоты, случившіеся въ царствованіе перваго Россійскаго императора Петра Великаго до царствованія Екатерины Алексѣевны“.—То же: Анекдоты..... царствованіе. Съ портретомъ. М. 1843. 16°. 111 стр.+портр. „Печатано съ изданія 1832 года“; указанія на то, что это часть первая,—нѣтъ.—То же: Анекдоты..... царствованіе. Съ портретомъ Петра I-го и картинами. Изданіе третье съ небольшими перемѣнами. М. 1850. 16°. 89 стр. „Печатано съ изданія 1843 года“. Картинъ двѣ.—Другая серія: Анекдоты о Петрѣ Великомъ. Выбранные изъ дѣяній сего монарха, описанныхъ гг. Голиковымъ и Штелинымъ. М. 1846. 16°, 4 ч. 44+45+50+51 стр. Вместо эпиграфа на заглавномъ листѣ четверостишіе изъ Пушкина: „То академикъ, то герой“ и пр. То же: Анекдоты о Петрѣ Великомъ (съ его портретомъ). Выбранные..... Штелинымъ. Изданіе второе. М. 1848. 16°. 4 ч. 44+45+45+44 стр. Первыя двѣ части схожи съ первымъ изданіемъ строка въ строку (сравни. впрочемъ послѣднюю строчку на стр. 35-й); остальные же двѣ печатаны разнымъ шрифтомъ.—То же: Анекдоты о Петрѣ Великомъ, выбранные..... Штелинымъ. Изданіе третье съ 1848 г. М. 1853. 16°. 2 ч.ч. 76+92 стр. (безъ портрета). Сравнительно съ предшествующими изданіями, пропущенъ разказъ о томъ, какъ „Государь награждаетъ слугу достоинствомъ морскаго ошцера, а господина его опредѣляетъ въ матросы“ (сравни. стр. 42 слѣд. второй части первыхъ двухъ изданій: о помѣщикѣ Спафаріевѣ и слугѣ его калмыкѣ). Есть еще три анекдота о Петрѣ (перев. съ нем.) въ *Русск. Зритель* 1828, ч. 4, № XIII и XIV, 127—132 и одинъ въ *Московск. Телегр.* 1830, ч. 33, № 12, стр. 522—525. Сравни. письмо В. Берга къ издателю *Моск. Телеграфу* (1826, ч. 12, № 24; стр. 237—242): разборъ нѣкоторыхъ недостоверностей въ анекдотахъ Штелина и Голикова.

³⁾ Анекдоты о Балакиревѣ, бывшемъ при дворѣ Петра Великаго шутомъ, съ его портретомъ. Соч. А. Д. М. 1831. 16°. 57 стр.

⁴⁾ *Медвѣдевъ* въ изданіи Сахарова: Записки русскихъ людей. С.-Пб. 1841 (сравни. *Туманскій*, Собраніе, V и VI); *Желябужскій*—тамъ же и отдѣльно: За-

подъ Нарвой—въ дописаніи генерала Алларта ¹⁾. Россія въ началѣ XVIII вѣка описана Перри ²⁾, Корнелиемъ-де-Брунномъ ³⁾; Шрутскій походъ—А. А. Яковлевымъ ⁴⁾. Вторая половина царствованія Петра I рисуется въ памятныхъ запискахъ Нащокина ⁵⁾, В. В. Головина ⁶⁾, Беркгольца ⁷⁾, Лоренца Ланга ⁸⁾, Нартова ⁹⁾, Ми-

писки Желябужскаго съ 1682 по 2-е іюня 1769. С.-Пб. 1840. 8°. IV+314+XXXI (нен.) стр. (Ср. явл. *Туманск.*, VII); оцѣнка въ *Библ. для Читен.* 1840, XLI, 47—68. *Отеч. Зап.* X, 62—70; *Крекинъ—у Сахарова* (ср. явл. выше объ отдѣльныхъ запискахъ въ концѣ прошлаго и первой половинѣ нынѣшняго вѣка), у *Туманск.*, I, и въ *Библ. для Читен.* 1849, т. 97-й; *Матюшевъ—у Сахарова* (ср. *Туманск.*, I, VI) и въ *Маякъ* 1841, ч. XIV, XV; *Авериль* (въ сокращ.) въ *Русск. Вѣстн.* 1842, т. VI, 69—104; *Невилль* (въ сокращ.) въ *Русск. Вѣстн.* 1841, т. III, № 9, стр. 596—614; т. IV, № 10, стр. 95—157; *Гордонъ—Tagebuch des Gen. P. Gordon.* 3 Bnde. Moskau u. Ptbg. 1849—1852, отрывкомъ—въ *Смѣнѣ Отеч.* 1840, т. VI, 386—405 („Смятеніе въ Москвѣ 1689 года“) ⁴⁾ и у *Сахарова*. О Гордонѣ см. статью А. Г. Брикнера, Штрикъ Гордонъ и его дневникъ. *Журн. М. Н. Пр.* 1878 и отдѣльно. С.-Пб. 1878. 182 стр. О самомъ изданіи „Записокъ русскихъ людей“ отнѣтимъ критику въ *Отеч. Зап.* 1842, XX, 53—70.

¹⁾ *Съсрн. Архивъ* 1822, ч. 1, №№ 1, 2, стр. 3—25, 117—143.

²⁾ Записки капитана Перри о бытности его въ Россіи съ 1698 по 1713 г. *Русск. Вѣстн.* 1842, VI, 227—312. Полный переводъ: Состояніе Россіи при нынѣшнемъ царѣ. М. 1871.

³⁾ *Отеч. Записки* 1829, XXXIX, 345—365; XL, 46—66, 395—410; 1830—XLIV, 1—42; *Чтенія Общ. Ист. Др. и Росс.* 1872, I—IV и 1873, I, и отдѣльно, М. 1872.

⁴⁾ *Отеч. Записки* 1824, XIX, 15—25. Ср. явл. его же о 1714—1727, *ibid.* ч. XX, 74—91, и 1825, ч. XXIII, 85—102.

⁵⁾ Отрывокъ о 1716—1723 г. г. въ *Отеч. Зап.*; 1830, XLI, 76—104; въ *Русск. Вѣстникъ* 1841, т. II, № 5, стр. 497—501 (о вельдм. Кейтъ); полностью: Записки В. А. Нащокина. С.-Пб. 1842. 8° VII+384+I стр., перепечатаны въ *Русск. Архивъ* 1883, № 4, стр. 243—351. Оцѣнка въ *Отеч. Зап.* 1842, XXV, 19—22 и *Библ. для Читен.* 1842, LIV, 19—40.

⁶⁾ Записки бѣдной и суетной жизни человѣческой въ книгѣ II. Казанскаю: Родословная Головиныхъ, владѣльцевъ села Новоспасскаго. М. 1847. стр. 44—57.

⁷⁾ Отрывками: за апрѣль—іюнь 1721 въ *Отеч. Зап.* 1853, LVII, 47—70, 103—128; за сентябрь и октябрь того же года—*ibidem*, 1843, XXVI, 1—30. Полный переводъ *Аммо* въ 4 г. г. М. 1858—1862.

⁸⁾ Поденная записка пребыванія г. Лоренца Ланга, агента е. в. и. р. при Китайскомъ дворѣ 1721 г.—въ *Съсрн. Архивъ* 1822, ч. III, IV, №№ 17—23, стр. 329—356, 413—448, 28—46, 85—114, 191—199, 265—282, 344—364. Еще раньше помѣщенъ былъ *Journal von Lorentz Langens Reise nach China* Веберомъ въ его *Das veränderte Russland*, I, 72—89. Кромѣ того, Дневникъ Ланга былъ напечатанъ въ изданіи: Белевы путешествія чрезъ Россію въ разныя Асіятскія земли. Перевелъ съ французскаго М. Поповъ. С.-Пб. 1776, часть III, стр. 1—150.

⁹⁾ Достопамятныя повѣствованія и рѣчи императора Петра Великаго. Перво-

ниха ¹⁾ и славнаго Неплюева ²⁾. Есть свидѣтельства о существованіи обширныхъ повседневныхъ записокъ князя А. Д. Меншикова ³⁾.

Переходя къ пособіямъ, отмѣтимъ прежде всего сочиненіи, задавшіяся цѣлью представить по возможности полный обзоръ царствованія Русскаго императора и его многосторонней дѣятельности. Слѣдя за ними въ хронологическомъ порядкѣ ихъ появленія, развѣ только для полноты библиографической придется упомянуть о небольшой книжечкѣ Геракова, въ сущности простомъ погодномъ перечнѣ важнѣйшихъ событій въ Россіи отъ рожденія Петра до его смерти, не больше ⁴⁾. Въ 1812—1813 гг. переведена была съ нѣмецкаго ⁵⁾ книга Галема, основанная главнымъ образомъ на Голиковѣ и ему подобнымъ ⁶⁾. Отсюда нѣкоторая мозаичность изложенія; весь трудъ—собраніе отдѣльныхъ разказовъ и эпизодовъ, соединенныхъ одною хронологическою нитью. Разказъ незамысловатъ, иногда даже инте-

начально въ *Смѣхъ Отеч.* 1819, чч. 54—58, всего 74 анекдота; позже по тому же списку, но полнѣе въ *Москвитяинѣ* 1812, №№ 4, 6, 7, 8, 11. Напечатано 162 анекдота, съ пропускомъ нѣкоторыхъ (№№ 3, 5, 19, 24, 87, 137, 139, 145, 146, 154, 157 и окончанія 10-го. Рукопись, по второй печаталъ Погодинъ, хранится въ Румянц. музеѣ (Отчетъ этого музея за 1879—1882 г. стр. 81). Анекдотъ, помѣщенный въ *Смѣхъ Отеч.* за № 70, отсутствуетъ въ *Москвитяинѣ*.

¹⁾ Переводъ „Ebauche“ *Миниха* въ *Русск. Вѣстникѣ* 1842, 76—134.

²⁾ Жизнь *И. И. Неплюева*, имъ самимъ описанная. *Отеч. Записки* 1823 (ч. XVI, №№ 43, 44), 1824 (ч. XIX, №№ 51, 52; ч. XX, № 54), 1825 (ч. XXI, № 59; ч. XXII, №№ 64, 65; ч. XXIV, № 67), 1826 (XXV, № 71). Еще ранѣе у *Голикова* въ Дополненіяхъ, XVII, 416—441 (по 2-му изданію XV, 248—262), сокращенно; Голиковъ же записалъ со словъ Неплюева нѣсколько анекдотическихкихъ воспоминаній (XVII, 74—79, 204—208, 293—294, 311—312, 352—353, 375—382, 397—399). Полнѣе изданіе записокъ въ *Русск. Архивѣ* 1871, 577—694.

³⁾ Нѣкоторые свидѣнія о журналѣ *Меншикова* съ приложеніемъ небольшихъ выдержекъ находимъ въ *Отеч. Запискахъ* 1821, ч. VI, 364—366; и у *Ковалевскаго*, *Блудовъ* и его время (С.-Пб. 1866), стр. 210—221.

⁴⁾ *Газетилъ Гераковъ*, Достопамятныя происшествія въ россійской исторіи съ рожденія Петра Великаго до кончины его. Петроградъ. 1807. 16°. 34 стр.—То же, Петроградъ. 1808. 16°. I+34 стр. Отличіе этого изданія (не указаннаго, что оно второе), по видимому, только въ иной датѣ на заглавномъ листѣ, да въ лишнемъ не нумерованномъ листѣ посвященія ея высокопревосходительству М. А. Нарышкиной, урожденной Сениавиной.

⁵⁾ *Leben Peters des Grossen von G. A. Halem*. 3 Bnde. Münster und Leipzig. 1803—1804.

⁶⁾ Жизнь Петра Великаго, описанная *Г. Галемомъ*. Переводъ съ нѣмецкаго, Печатано по высочайшему повелѣнію. 3 ч. С.-Пб. 1812—1813. 8°. IV+294+IX+445+III+332+I стр.—родословная таблица. Подъ посвященіемъ императору Александру подписанъ „трудившійся надъ переводомъ *Евгеній Ушаковъ*“.

ресень, но слишкомъ уже отзывается популярнымъ изложеніемъ „для юношества“. Переводчикъ не исключилъ и многочисленныхъ примѣчаній оригинала, почерпнутыхъ изъ разныхъ источниковъ:—писемъ, статей, мемуаровъ, Бюшингова магазина, Штелина и др., — но значительно сократилъ ихъ.

С. Н. Глинка въ своей „Русской Исторіи“ отводитъ достаточно мѣста эпохѣ преобразованія ¹⁾. Навивное перо автора чуждо критики, но любовное отношеніе къ герою, непритязательное простосердечіе придаютъ своеобразный отпечатокъ его страницамъ. Въ обрисовкѣ этого писателя сглаживаются темныя краски эпохи, мягче звучатъ сурово-безпощадныя требованія царственнаго реформатора, и чѣмъ-то свѣтлымъ, благодущнымъ вѣетъ отъ Петра и его сотрудниковъ. Исторія царя, написанная Бергманномъ ²⁾ и переведенная на русскій языкъ Аладьиннымъ ³⁾, одного типа съ книгой Галема: и для нея Голиковъ служитъ главнымъ источникомъ, хотя построена она и не столь мозаично, почему и имѣетъ видъ болѣе цѣлостнаго труда. За то нѣтъ въ ней тѣхъ приложений, коими Галемъ снабдилъ свою работу: за послѣдними же нельзя не признать нѣкотораго значенія, хотя бы по одному тому, что въ нихъ собрано много мелочныхъ данныхъ, взятыхъ изъ самыхъ разнообразныхъ источниковъ.

Не похоже ни на Галема, ни на Бергманна сочиненіе Вилліамса ⁴⁾. Переводчикъ, Олинъ, остановилъ свой выборъ на немъ по-

¹⁾ Русская исторія, сочиненная С. Глинкою. Изданіе третье и вновь дополненное. М. 1823. 8°. Событія 1676—1725 гг. изложены въ ч. VI, 151—203 (1676—1689 гг.) и чч. VII и VIII полностью. Болѣе раннія изданія 1817—1819 гг. подъ заголовкомъ: Русская исторія въ пользу воспитанія.

²⁾ Peter der Grosse als Mensch und Regent. 6 Bände. 1823—1830.

³⁾ Исторія Петра Великаго. Сочиненіе *Веніамина Бергмана*. Перевелъ съ нѣмецкаго *Бюръ Аладьинъ*. 6 тт. С.-Пб. 1833. 8°. То же, второе, сжатое (компактное) изданіе, исправленное и умноженное. 6 тт. С.-Пб. 1840—1841. 8°. Сравн. рѣзкій отзывъ *Н. А. Полегаю*. (*Русск. Вѣстн.* 1841, т. II, № 4, стр. 231); сверхъ того, см. *Отч.* Зап. 1841, XVIII, стр. 53.

⁴⁾ Записки о Петрѣ Великомъ, сочиненіе *Вилліамса* (Sir Charles Hanbury Williams), бывшаго въ Россіи полномочнымъ посланникомъ отъ великобританскаго двора при императрицѣ Елисаветѣ Петровнѣ и въ первые годы царств. Екатерины II, съ замѣчаніями автора: 1) о земледѣльческомъ, мануфактурномъ и торговомъ состояніи Россіи и 2) о доходахъ и финансовыхъ средствахъ оной; о ея сухопутныхъ и морскихъ силахъ. Перевелъ съ англійскаго *В. Н. Олинъ*. Съ примѣчаніями переводчика. Часть первая. С.-Пб. 1835. 8°. VII+281+34+I стр. Сочиненіе Вилліамса переведено все, и выраженіе „часть первая“ означало, что во второй части, не вышедшей, предполагалось помѣстить примѣчанія,

тому, что, по его мнѣнію, „Вилліамсъ не есть просто повѣствователь обнаженный; онъ почти вездѣ разсуждаетъ; вездѣ, рисуя характеръ въ очеркѣ общемъ, онъ естественно развиваетъ его въ мысляхъ читателя, представляетъ событія въ чертахъ рѣзкихъ, располагая умъ къ размысленію... Разказъ его простъ и пріятенъ. Сверхъ сего, онъ рѣшительно безпристрастенъ“. Для современнаго читателя въ книгѣ Вилліамса бросаются въ глаза скорѣе другія стороны: ошибки фактическія, невѣрное освѣщеніе событій, непониманіе описываемыхъ явленій, хотя можно принять мнѣніе Олина, что читается она легко и свободно. Авторъ умѣло распоряжается готовымъ матеріаломъ и удачно его конструируетъ.

Въ 1843 году появилась Исторія Петра Великаго, составленная Ламбинимъ ¹⁾. Это не столько исторія, сколько патріотическая дань, вѣнокъ на могилу героя, свѣточъ, зажженный въ сердцахъ благодарныхъ россиянь ²⁾.

Слѣдя за послѣдовательнымъ накопленіемъ литературы и развитіемъ взглядовъ на Петра, нельзя опустить безъ вниманія „Исторіи“ Карамзина; если она и ничего не говоритъ о самомъ преобразователѣ, то, внося строго обдуманной, цѣльный взглядъ на до-петровскую эпоху, впервые обстоятельно знакомя съ фактическимъ матеріаломъ этого времени, она помогла правильнѣе подойти и къ самому Петру, уяснить его, какъ явленіе историческое, поставить его въ ряду

объяснимыя переводчикомъ въ предисловіи. Издатель разчитывалъ дополнить извѣстія Вилліамса свѣдѣніями, почерпнутыми изъ документовъ по дѣлу о царевичѣ Алексѣѣ, описанія бунтовъ стрѣльческаго и раскольниковскаго, извѣстій о стрѣльцахъ, о государственныхъ доходахъ, о политическомъ состояніи Россіи въ началѣ XVIII вѣка и т. п. Вышедшій томъ впрочемъ содержитъ въ себѣ нѣсколько „примѣчаній“, хотя, страннымъ образомъ, они помѣщены только частью и притомъ въ разбивку. Не приведенныя промежуточные—должны были явиться во второй части.

¹⁾ *Н. П. Ламбинъ*, Исторія Петра Великаго. Съ 600 оригинальными рисунками, портретами и украшеніями *Д. Янцена*. Посвященное вѣкъ русскимъ издателемъ *Ф. И. Эльснеромъ*. С.-Пб. 1843. 8°. II (нец.)+VIII+740 стр. Подробный и неодобрительный отзывъ *Н. А. Полегаю* въ *Русск. Вѣстн.* 1841, т. IV, № 10, стр. 158—180. То же въ *Отеч. Зап.* 1842, XIX, 57; XX, 33—36; XXI, 28, 60—61; 1843, XXXI, 22.

²⁾ См., кромѣ того, Краткую исторію Петра Великаго для дѣтей, украшенную 18-ю литографированными рисунками, работы *Н. Кюи*. С.-Пб. 1845. 16°. 146+VIII (нец.) стр.—2-е изд. 1849. 16°. Разборъ появившейся въ 1829 году *Historie de Russie et de Pierre le Grand, Сеюра*, помѣщенъ въ *Московск. Телегр.* 1829, ч. 30, № 21, стр. 62—84, № 22, стр. 205—226.

другихъ событій, а не такъ произвольно, какъ это допускалось раньше. Сознаніе, что Петръ есть сынъ своего времени, что дѣло его есть слѣдствіе всей предшествовавшей эпохи, стало возможнымъ только съ появленіемъ „Исторіи“ Карамзина. Впрочемъ, эта возможность долгое еще время не получала реальной обочки. Для этого, очевидно, требовался бѣльшій запасъ матеріала, чѣмъ тотъ, какой былъ въ ту пору въ распоряженіи исторической науки.

Въ тридцатыхъ и сороковыхъ годахъ историками Петра Великаго являются Пушкинъ, Полевой и Устряловъ. Хотя послѣдній выпустилъ свой трудъ много позже, но началъ работать почти одновременно, да и по взглядамъ своимъ, по манерѣ примыкаетъ къ исторической школѣ скорѣе Николаевскаго, чѣмъ Александровскаго царствованія. Вслѣдствіе того мы рассмотримъ его рядомъ съ двумя только что названными писателями. Пушкину, съ дозволенія государя, были открыты всѣ архивы и стали доступны самыя щекотливыя матеріалы, заключающіеся въ нихъ: дѣло царевича Алексѣя, первой жены Петра и секретныя бумаги бывшей тайной канцеляріи. Но дѣло ограничилось одними подготовительными работами. Пушкинъ конспективно изложилъ событія первыхъ семнадцати лѣтъ жизни Петра, намѣтивъ только порядокъ изложенія и предполагая въ будущемъ выяснять еще многія детали; но смерть прекратила его начинанія. Изъ того, что осталось, трудно сказать, какимъ бы вышелъ его трудъ, тѣмъ болѣе, что критической работы надъ источниками въ конспектѣ нельзя прослѣдить ¹⁾.

Одновременно съ Пушкинымъ остановился на мысли писать исторію перваго Русскаго императора и Н. А. Полевой ²⁾. Черезъ

¹⁾ Пушкинъ, Сочиненія, изд. 1882, т. VI, стр. 422—452, 480—481. Анненковъ, А. С. Пушкинъ. Матеріалы для біографіи. С.-Пб. 1873, стр. 396—398. Въ Румянцовскомъ музеѣ хранятся за № 2388, въ числѣ бумагъ поэта, „Матеріалы для исторіи Петра Великаго. 1) *Abrégé chronologique des évenements... du régime de Pierre I, 1672—1725* г. 2) Снимки и списки съ автографовъ (указовъ и писемъ) Петра Великаго. 3) Пребываніе Петра въ Астрахани. 4) Каталогъ иностранныхъ и русскихъ сочиненій, относящихся къ исторіи Петра Великаго“. Последніе два номера списаны не рукою Пушкина (Отчетъ Москов. Публич. и Румянц. музеевъ за 1879—1882 гг., стр. 40—41).

²⁾ Еще ранѣе (Живописное обозрѣніе достопамятныхъ предметовъ, издан. А. Семеновъ, ч. I, М. 1835, стр. 105—111) написалъ Полевой статью: „Памятникъ Петра Великаго“, въ чѣмъ особенно не замѣчательную. Отличаемъ ее потому, что она остановила на себѣ вниманіе императора Николая Павловича и вызвала его похвалы (Записки К. А. Полеваго, 360).

шефа жандармовъ, графа Бенкендорфа, онъ обратился съ просьбою открыть ему доступъ въ архивы и дать возможность съѣздить за-границу для собранія матеріаловъ; однако послѣдовалъ отказъ, мотивированный тѣмъ, что за границей слишкомъ сгладились и даже исказились воспоминанія о Петрѣ,—русскіе же архивы ранѣе открыты Пушкину. Сообщая Полевому такой отвѣтъ, Бенкендорфъ, присоединяясь къ нему, прибавлялъ отъ себя: „Посѣщеніе архивовъ не можетъ заключать въ себѣ особенной для васъ важности, ибо ближайшее разсмотрѣніе многихъ вашихъ твореній убѣждаетъ меня въ томъ, что, обладая въ такой степени умомъ просвѣщеннымъ и познаніями глубокими, вы не можете имѣть необходимой надобности прибѣгать къ подобнымъ вспомогательнымъ средствамъ“¹⁾. Если Бенкендорфъ хотѣлъ позолотить ниллюю, то, надо сознаться, онъ это сдѣлалъ, не пощадивъ себя. Неудача однако не остановила Полеваго. Въ 1838 году онъ печатаетъ „Опытъ историческаго разказа о Петрѣ Великомъ“, заявляя, что давнишнею мечтой его было посвятить себя исторіи Петра²⁾; въ слѣдующемъ году печатаетъ статью „О бумагахъ и замѣткахъ, оставшихся по кончинѣ Петра Великаго въ его собственномъ кабинетѣ“³⁾, пользуясь для этого „Дѣянїями“ Голикова (Допол. XVI, 241—462); а въ 1841 году мы видимъ его за первымъ томомъ исторіи Петра⁴⁾. Въ это время ему улыбнулась была надежда получить разрѣшеніе заниматься въ архивахъ, онъ горячо лелѣялъ эту мысль; но и на этотъ разъ расчеты не оправдались⁵⁾. Начатую работу Полевой впрочемъ не бросилъ, и въ 1843 году появились четыре маленькхъ томика его „Исторіи Петра Великаго“⁶⁾. Научнаго значенія трудъ этотъ, конечно, не имѣетъ, будучи написанъ безъ критики и предварительнаго серьезнаго анализа фактовъ. Легенда не отдѣлена въ немъ отъ достовѣрнаго (предсказанія Симеона Полоцкаго). Факты не изучены, а переданы въ той обрисовкѣ и ком-

¹⁾ Письмо Бенкендорфа Полевому 25-го янв. 1836 г. *Русск. Архивъ* 1874; ч. I (№ 4), стр. 1052.

²⁾ *Смнъ Отеч.* 1838, I, 27—69 (о событіяхъ 1672—1682 гг.). Свои взгляды на исторію Полевой высказалъ во введеніи къ начатому было разбору Дѣянїй Голикова (*Смнъ Отеч.* 1838, III, 67—92).

³⁾ Сто русскихъ литераторовъ, т. I (С.-Пб. 1839), 529—552.

⁴⁾ Записки К. А. Полеваго, 515, 521 слѣд.

⁵⁾ *Ibidem*, 516—517.

⁶⁾ Исторія Петра Великаго. 4 чч. С.-Пб. 1843. 8°. 352+V+305+V+355+IV+344+V стр.

позицій, какъ они успѣли сложиться въ предшествовавшей литературѣ¹⁾; авторъ болѣе заботится о легкомъ, общедоступномъ изложеніи, живой передачѣ событій и слѣдуетъ довольно обычной манерѣ своего времени излагать содержаніе нѣсколько торжественнымъ сло-гомъ и съ оттѣнкомъ мелодраматизма. Отсутствие изученія преобразовательной эпохи дѣлаетъ трудъ Полеваго варіаціей на старую тему и не двигаетъ историографіи Петра Великаго сколько-нибудь впередъ. Собственно реформаторская дѣятельность царя сведена почти къ нулю. Отношеніе автора къ предмету своего сочиненія, разумѣется, самое восторженное. Послѣдняя глава специально рассматриваетъ его „какъ царя, человѣка и избранника судьбы“. „Міровое явленіе въ-ковъ“, говоритъ Полевой, — „Петръ Великій можетъ быть достигнутъ тогда только, когда достигнута будетъ судьба Россіи и опредѣлится мѣсто ея въ исторіи всемірной“ (IV, 304). „Онъ родился, предназначенный, онъ совершалъ предопредѣленіе Божіе, онъ не могъ жить иначе, и бытіе его составляло подвигъ его“ (IV, 305, курсивъ въ подлинникѣ). Впрочемъ съ точкой зрѣнія автора мы имѣли случай ознакомиться еще въ первой нашей статьѣ²⁾.

Не довольствуясь сдѣланнымъ, Полевой намѣревался переработать свою книгу, придавъ ей гораздо большіе размѣры, но успѣлъ приступить только къ началу. Въ 1846 году вышло его „Обозрѣніе русской исторіи до единодержавія Петра Великаго“³⁾, при чемъ заглавіе не вѣрно опредѣляетъ содержаніе: въ книгѣ рассмотрѣнъ періодъ времени отъ 1670 по 1697 годъ.

Между тѣмъ въ 1842 году, по смерти Пушкина, правительство поручило составленіе исторіи Петра Устрялову, бывшему тогда профессоромъ С.-Петербургскаго университета. Въ промежутокъ 1858—1863 гг. вышли пять томовъ (1, 2, 3, 4, 6) не оконченной, впрочемъ, „Исторіи царствованія Петра Великаго“⁴⁾, и въ нихъ впервые чи-

¹⁾ „Но Феодоръ не хотѣлъ вступать въ супружество, чувствовалъ безнадежность своего здоровья, неспособность больнаго брата Юввія и, *воля мисль родителя, предполагалъ* передать престолъ Петру. Потому *хотѣлъ* онъ приложить *особенное попеченіе* воспитать его, какъ единственную будущую *надежду* Россіи“ (I, 41).

²⁾ Изъ современныхъ Полевому разборовъ его книги довольно поверхностный въ *Отеч. Зап.* 1843 г., XXVIII, 13—17. Сравни также отзывы А. С. Хомякова (Сочиненія (М. 1861), т. I, стр. 24).

³⁾ С.-Пб. 1846. 8°. ЛШ+360+67 стр.

⁴⁾ Томъ I: Господство царевны Софій. С.-Пб. 1858. LXXXVIII+400+V стр. Т. II: Потышныя и Азовскіе походы. С.-Пб. 1858. 582+VII стр. Т. III:

тающая публика нашла научно обставленное изложеніе эпохи преобразованія. Обиліе новыхъ данныхъ, почерпнутыхъ изъ иноземныхъ и отечественныхъ архивовъ, документальное разъясненіе многихъ вопросовъ, раѣе бывшихъ совершенно неясными, и связанное, систематическое, охватывающее исъ стороны царствованія, изложеніе, масса документовъ, приложенныхъ къ самому сочиненію,—вотъ несомнѣнныя достоинства труда Устрялова. Но было бы ошибочно думать, что авторъ сказалъ послѣднее слово о Петрѣ. Какъ историческая личность и какъ государь, Петръ остается у него совсѣмъ не выясненнымъ. Историкъ указываетъ на недостатки XVII вѣка, на слабость политическую, неразвитость промышленности, знанія и искусства, отсутствіе чувства законности; однимъ словомъ, говоритъ онъ, Россія была державою полуазиатскою, отставшею отъ Европы—и задача Петра сводилась къ тому, чтобы оевропеизировать Россію. Но мысль свою авторъ только намѣчаетъ, не доказывая и не обставляя ее разъясненіями, точно требуя вѣры на слово. Въ трудѣ, задуманномъ по широкой программѣ, это довольно существенный недочетъ. Личность самого Петра создана по шаблонному образцу: это герой, съ юныхъ лѣтъ орлинымъ взоромъ проникнувшій въ будущее; его величіе въ томъ будто бы и заключалось, что, благодаря какой-то неестественной силѣ, онъ ломалъ и рушилъ всѣ препоны, насильно облагодѣтельствовалъ невѣжественную страну. Никакой внутренней связи между нимъ и Россіей, средой, въ которой онъ дѣйствовалъ, не видно. С. М. Соловьевъ съ своею обычною прямою поставилъ работу Устрялова на одну доску съ сочиненіемъ Крекшина ¹⁾, что, къ слову сказать, не мѣшало ему однако признавать и положительныя стороны въ трудѣ петербургскаго историка ²⁾.

Путешествіе и разрывъ съ Швеціею. С.-Пб. 1858. 652+IX стр. Т. IV, часть 1: Битва подъ Нарвою и начало побѣдъ. С.-Цб 1863. 611+VII стр. Т. IV, часть 2-я: Приложенія. С.-Пб. 1863. 672+XXVIII+1 стр. Т. VI: Царевичъ Алексѣй Петровичъ. С.-Пб. 1859. 628+XII+I стр.+7 листовъ снимковъ+1 таблица. Кромѣ того, ко всему сочиненію (in 8°) приложены портреты и два атласа плановъ и проч. Сверхъ того, въ печати появились два отрывки изъ не изданнаго пятаго тома: 1) Смерть Паткула—въ *Русск. Вѣстникѣ* 1867, № 1, стр. 5—19; 2) Петръ Великій въ Жолывѣ—въ *Древн. и Нов. Россіи* 1876, № 1, стр. 5—12.

¹⁾ *Атеней* 1858, т. IV, № 28, стр. 82.

²⁾ Среди многочисленныхъ критикъ на сочиненіе Устрялова отытъиъ разборъ *Минцлова* (*Отечеств. Записки* 1858, т. 118-й, № 6-й, стр. 531—553, подъ заглавіемъ: „Библиографическіе отрывки“): критикъ указываетъ на пропуски Устрялова въ иностранной литературѣ о Петрѣ, при чемъ дополняетъ и исправляетъ многія указанія автора.

Отъ сочиненій общаго содержанія перехода къ біографіямъ и и статьямъ объ отдѣльныхъ личностяхъ, не много можно указать сочиненій, сохранившихся и по настоящую пору еще нѣкоторое значеніе.

Относительно самого Петра укажемъ статьи о мѣстѣ его рожденія ¹⁾, гороскопѣ ²⁾, о погребеніи царя Θεодора ³⁾, о майскихъ дняхъ ⁴⁾, о посѣщеніяхъ Архангельска ⁵⁾, края Рязанскаго, ⁶⁾ Олонецкаго ⁷⁾,

¹⁾ *Русск. Зритель* 1828, ч. I, стр. 1—8. Сравни. 1829, ч. V, стр. 200. Сравни также *И. Смирновъ*, Подмосковное дворцовое село Измайлово. *Русск. Вѣстн.* 1841, т. III, № 9, стр. 479—501.

²⁾ *Москвитянинъ* 1842, I, 58—76; *Н. Полсовъ*, Астрологич. предвѣщанія при рожденіи Петра Великаго. *Русск. Вѣстн.* 1842, V, 258—280 (критическій разборъ извѣстія Крещина и высказанныхъ по этому поводу мнѣній). *Ibid.* V, смѣсь, 42, поправки къ *Москвитянину*. См. объ этомъ письмо съ рисункомъ гороскопа *С. П. Глики*, *Русск. Вѣстн.* 1842, VI, смѣсь, 1—8.

³⁾ *В. К—въ*, Матеріалы для исторіи Петра Великаго. *Современникъ* 1849, т. XVI, № 8, стр. 57—72. Тутъ помѣщена „Записка о погребеніи Θεодора Алексѣевича“, подробное описаніе похороннаго обряда.

⁴⁾ Повѣствованіе о московскихъ провѣствіяхъ по кончинѣ царя Алексія Михайловича, посланное изъ Москвы къ архіепископу Коринескому Ф. Мартелли, елорентинцу, нунцію апостольскому при Іоаннѣ III, королѣ Польскомъ, найденное, переписанное съ подлинника и изданное Севастіаномъ Чьямпи. *Журн. Мин. Нар. Просв.* 1835, ч. V, стр. 69—82. По порученію Погодина перевелъ студентъ Московскаго университета *Лавдовскій* (*ibidem*, на отдѣл. листѣ).

⁵⁾ Петръ Великій въ Архангельскѣ въ 1693 и 1694 годахъ (изъ Схельтемы). *Смѣсь Отеч.* 1838, V, стр. 43—47.

⁶⁾ *И. Гуляевъ*, Приготовленіе къ проѣзду Петра Великаго чрезъ Рязанскую провинцію въ 1722 (по опис. бумагамъ). *Отеч. Записки* 1828, XXXIII, 59—80, 269—289, 488—506.

⁷⁾ Пресвященный *Иматій*, Воспоминаніе о высочайшихъ пришествіяхъ великаго государя Петра Перваго, коими осчастливленъ край, составляющій нынѣ Олонецкую губернію. Петрозаводскъ. 1841. 4°. 52 стр. (первонач. въ Прибавленіяхъ къ *Олопец. Губернск. Вѣдом.* 1841). Только при второмъ изданіи (Воспоминаніе о пришествіяхъ великаго государя Петра Перваго въ Олопецъ. С.-Пб. 1849. 8°. 148 стр.—планъ) обозначено имя автора. Довольно обстоятельный пересказъ этой книги см. въ *Журн. Мин. Нар. Просвѣщ.* 1842, часть XXXV, отд. VI, стр. 189—204. Сверхъ того, см. 1) *Н. Самойловъ*, Петръ Великій на Марціальныхъ водахъ, открытыхъ 1716 года въ Олонецкой губерніи. С.-Пб. 1852. 8°. 89 стр.; 2) Петръ Великій въ Олонцѣ въ 1702 г. въ *Память. книжкѣ Олонецк. губ. на 1858 годъ*, стр. 98—114; 3) *В. Майновъ*, Осударева дорога въ Повѣнецкомъ уездѣ Олонецкой губерніи, *Древн. и Нов. Россія* 1876, № 2, стр. 182—187; 4) Онъ же, Петръ на Олонцѣ, *Дѣло* 1683, №№ 6 и 7, стр. 89—126, 57—90.—Воспоминанія о пребываніи и дѣятельности Петра не въ одной только Олонецкой губерніи, а вообще на весь сѣверъ, см. уже въ болѣе позд-

Воронежа ¹⁾, Нижняго Новгорода ²⁾, развалины города Болгарь ³⁾, Астрахани ⁴⁾ и села Горы Валдай ⁵⁾; а также статьи Снегирева о трудахъ Петра Великаго въ книгопечатаніи ⁶⁾, и Бера — о заслугахъ его по географіи ⁷⁾. Въ началѣ нынѣшняго столѣтія Тиртовъ пишетъ „Разговоры въ царствѣ мертвыхъ“, гдѣ сводитъ Фридриха II съ Петромъ и заставляетъ ихъ говорить другъ другу комплименты ⁸⁾. Рядомъ съ этою безвкусною вещью можно поставить подобное же произведеніе досужаго пера, нѣкоего Розанова, именно „Преобразование Россіи Петромъ Великимъ“ ⁹⁾. „Членъ мануфактурнаго совѣта“, авторъ почерпнулъ историческія свѣдѣнія у Голикова, „прочее—изъ опыта послѣ двадцатилѣтнихъ развѣздовъ по Россіи и сношеній по дѣламъ съ людьми разныхъ состояній“. Задачею

нихъ по времени изданій: 1) *В. В. Барсовъ*, Петръ Великій въ народныхъ преданіяхъ сѣвернаго края. *Беседа* 1872, № 5, стр. 295—309. 2) Картины изъ дѣлій Петра Великаго на сѣверѣ (изданіе *М. Сидорова*). С.-Пб. 1872. 8°. 1—48 (изъ Голикова и Штелина).

¹⁾ *А. С. О...*, Краткое описаніе пребыванія г. ц. и в. кн. Петра Алексѣевича I въ Воронежѣ, и Митрофанъ, первый епископъ Воронежскій. М. 1832. 8°. 119 стр. + портретъ.

²⁾ *С. Ешевскій*, Петръ Великій въ Нижнемъ-Новгородѣ въ 1722 году. *Нижегород. Губерн. Вѣдом.* 1845, № 42—43; перепечатано въ *Нижегородск.* на 1877 годъ, 249—252.

³⁾ *Л. Кавелинъ*, Посѣщеніе болгарскихъ развалинъ Петромъ I и Екатериною II. *Маякъ* 1844, т. XIV, смѣсь, стр. 52—58.

⁴⁾ *Журн. Мин. Вн. Дѣлъ* 1838, ч. 28, смѣсь, 65—68 (изъ *Астрах. Губернск. Вѣдомостей*).

⁵⁾ *А. С. Левашовъ*, Новая достопамятность императора Петра Великаго С.-Пб. 1849. 12°. 8 стр. (оттискъ изъ № 61-го *Полицейской Газеты*).

⁶⁾ Два матеріала для исторіи гражданскаго книгопечатанія въ Россіи. Статья *Снегирева* въ отвѣтъ на помѣщенную здѣсь же замѣтку *Д. К—ва*. *Библ. для Чтенія* 1834, III, кн. 2, литер. лѣтоп., стр. 38—46.

⁷⁾ *К. Бергъ*, Заслуги Петра по распространенію географическихъ знаній о Россіи и пограничныхъ съ нею земель Азіи. *Записки Русск. Геогр. Общ.*, кн. 3-я (1849) и 4-я (1850). Сравн. его же: *Peter's des Gr. Verdienste um die Erweiterung der geographischen Kenntnisse*. St.-Ptg. 1872. 8°. XV+290+I Seit. (mit 2 Karten).

⁸⁾ *Е. Тиртовъ*, Разговоры, касающіеся до прошедшей войны Россіи и Пруссіи съ Франціею. Разговоры въ царствѣ мертвыхъ Суворова съ Харономъ, Фридриха Великаго, короля Прусскаго, съ его генералами, Кейтомъ и Шверинимъ, Петра Великаго съ Фридрихомъ Великимъ и съ Суворовымъ. Съ примѣчаніями. М. 1807. 8°. I+99 стр. + 3 рисунка.

⁹⁾ *Н. Розановъ*, Преобразование Россіи Петромъ Великимъ. С.-Пб. 1839. 12°. 132 стр.

книги — на сколько мы ее поняли — было доказать необходимость и плодотворность для развитія промышленности, а съ нею и могущества Русскаго государства, войны шведской. Попытку Петра утвердиться на степномъ югѣ (основаніе Таганрога), этомъ поприщѣ кочевой жизни, авторъ объявляетъ утопіей, ошибкою гениальнаго ума (стр. 37—39).

Несравненно болѣе интереса представляютъ статьи, въ которыхъ Петръ рисуется какъ человѣкъ. Таковы свѣдѣнія о подлинномъ портретѣ его, работы Паульсона ¹⁾, воспоминанія одной встрѣчи ²⁾, документальное свидѣтельство о присутствіи царя на свадьбѣ Макарова въ 1716 году ³⁾, разказъ современника — иностранца ⁴⁾ и мнѣніе одного испанскаго писателя первой половины прошлаго столѣтія, Фейхоо (Feijoo), сопоставившаго личность Русскаго государя съ другою знаменитостью того времени, Людовикомъ XIV ⁵⁾.

О лицахъ царской семьи находимъ свѣдѣнія: въ брошюркѣ В. Ц — на о Нарышкиныхъ ⁶⁾, въ замѣткѣ Берха о дѣтяхъ первыхъ государей дома Романовыхъ ⁷⁾, въ Чинѣ погребенія царицы Наталіи Кирилловны ⁸⁾, въ нѣсколькихъ документахъ, касающихся царевича Алексѣя ⁹⁾, и наконецъ, въ описаніи коронаванія императрицы Екатерины ¹⁰⁾.

¹⁾ Д. Волковъ, Подлинное изображеніе Петра Великаго. *Смѣсь Отеч.* 1813, X, 170—173.

²⁾ *Москвитянинъ* 1852, т. VI, стр. 1—4 (встрѣча Жданова съ царемъ въ 1720 г.).

³⁾ М. Макаровъ, Петръ Великій на свадьбѣ у Макарова. *Отеч. Зап.* 1840, XI, смѣсь, 8—10.

⁴⁾ *Отеч. Зап.* 1844, XXXIV, 77—87. Взято изъ известнаго Exacte Relation von H. G. три отрывка: 1) сужденіе о Петрѣ въ 1713 г., 2) свадьба Анны Іоанновны; 3) свадьба придворнаго карла.

⁵⁾ Н. Петровскій, Мнѣніе испанца о Петрѣ Великомъ. *Смѣсь Отеч.* 1842, № 2, 1—20.

⁶⁾ В. Ц — на, Историческое воспоминаніе о родѣ Нарышкиныхъ. Составлено по документамъ и печатнымъ лѣтописямъ. Отдѣл. оттискъ (8°. 20 стр.) изъ *С.-Пб. Вѣдом.* 1845, №№ 129—132.

⁷⁾ В. Н. Берхъ, Письмо къ издателямъ. *Смѣсь Отеч.* 1829, ч. 125, стр. 157—166: таблицы дѣтей царей Михаила, Алексѣя и Петра Великаго и составъ царской фамиліи въ 1714 году.

⁸⁾ *Смѣсь Отеч.* 1843, т. II, апрѣль, 7—10.

⁹⁾ *Отеч. Записки* 1845, XXXVIII, 1—17.

¹⁰⁾ 1) Наказъ, какииъ образомъ поступать при ученіи г. царя. Алексѣя Петр. (1703 г.). *Смѣсь Отеч.* 1830, ч. 131, стр. 171—184; 2) Врачній контрактъ

Сотрудникамъ Петра Великаго посчастливилось на біографовъ въ періодъ царствованія Александра I. О Меншиковѣ ¹⁾ писалъ Гераковъ ²⁾ и какой-то анонимъ ³⁾; первый далъ двѣ ничтожныя брошюрки, у втораго приложены письма Петра и нѣсколько распоряженій и докладовъ царскаго любимца (60 №№) ⁴⁾. Гораздо важнѣе біографія, составленная другимъ анонимнымъ авторомъ на нѣмецкомъ языкѣ ⁵⁾ и напечатанная только въ русскомъ переводѣ ⁶⁾. Хотя и неравномѣрно изложенное, названное жизнеописаніе Меншикова вставлено въ широкую рамку современныхъ событій. Авторъ, по види-

---

царев. Алексѣя, учиненный въ Яворовѣ 10-го мая 1711 года. Ibid., 1830, ч. 134. стр. 23—39; 3) *Вл. К—въ*, Нѣсколько матеріаловъ для исторіи Петра Великаго. *Отч. Зап.* 1844, XXXIII, 77—108: переписка царя съ сыномъ, присяга и манифестъ (1716—1717); письмо А. И. Румянцова И. Д. (Титову). О значеніи этихъ документовъ для VI тома Исторіи Устряловъ см. *Пекарскаю*, Свѣдѣнія о жизни и смерти царев. Алексѣя Петровича. *Современникъ* 1860, № 1, стр. 67—96; 4) Документы о Розыскномъ дѣлѣ и судѣ въ *Московск. Вѣстникѣ* 1829, ч. V, 1—138.

¹⁾ Дипломъ на вяжеское достоинство, данный кн. Меншикову Петромъ Великимъ 1707 г. (*Русск. Вѣстн.* 1841, т. II, № 6, стр. 690—696: текстъ рескрипта).

²⁾ *Г. Гераковъ*, Князь Меншиковъ. Любопытный историческій отрывокъ. С.-Пб. 1801. 12°. 30 стр. (о событіяхъ 1725—1729, преимущественно о паденіи и ссылкѣ; за время Петра—ничего). Онъ же: Князь Меншиковъ и въ ссылкѣ великій человекъ. Исключая военныхъ дѣлъ, все основано на изустныхъ преданіяхъ. Марта 9 дня. Петроградъ. 1811. 8°. 84 стр. (хотя большая часть книга говорить о событіяхъ 1727—1728 гг., но есть и обзорнѣе дѣятельности Меншикова до 1725 года).

³⁾ Картина жизни и военныхъ дѣяній російско-императорскаго генералиссима, князя А. Д. Меншикова, фаворита Петра Великаго 3 ч. М. 1803. 8°. VI+1—125—206—373 стр. +портретъ. То же, изданіе второе 3 ч. М. 1809. 8°. VIII+1—98—164—304 стр. +портретъ.

⁴⁾ Сравни также краткій очеркъ или анекдоты о жизни кн. Меншикова и его дѣтяхъ (по запискамъ *Вильбуа*), въ *Русск. Вѣстн.* 1842, т. V, стр. 145—173.

⁵⁾ Dignitäten und Thaten Sr. Hochfürstl. Durchl. F. Al. Dan. Menachicow, worinen dasjenige, was auf allergnädigstem hohen Befehl Sr. Kaiserl. Mt. Petri Magni und allerdurchlauchtigsten Kaiserinn Catharinae, unter Sr. Durchl. Ministerio und Commando bey Hofe und den Armeen, so wohl als auch sonst im Russ. Reiche, merkwürdiges verrichtet worden, aus bewährten Documenten beschrieben.

⁶⁾ Записки и подвиги его великокняжеской свѣтлости, князя А. Д. Меншикова, съ основаннымъ на подлинныхъ документахъ описаніемъ всего достопримѣчательнаго, что, по всемплощивѣйшему повелѣнію его императорскаго величества Петра Великаго и всепресвѣтлѣйшей императрицы Екатерины, было совершено подъ управленіемъ и начальствомъ его свѣтлости при дворѣ и въ арміи, равно какъ и во всемъ Россійскомъ государствѣ (переводъ съ нѣмецкой рукописи). *Смѣя Отчества* 1848, №№ 1—6, стр. 1—32, 1—54, 1—26, 1—28, 1—56, 1 — 36.

тому, живой свидѣтель и окончилъ трудъ свой еще при жизни Меншикова, въ 1726 году, остановившись въ своей работѣ на смерти Петра Великаго. Масальскій, редакторъ Сына Отечества, печатая „Заслуги и подвиги Меншикова“, замѣчаетъ между прочимъ: „По преданію, это сочиненіе приписывается, Остерману. Преданіе вѣроятное, потому что сочинитель, очевидно, былъ посвященъ въ государственныя тайны описываемаго имъ времени. Изображая жизнь и подвиги одного изъ главныхъ дѣйствователей эпохи Петра Великаго, авторъ развиваетъ вмѣстѣ съ тѣмъ полную исторію царствованія безсмертнаго преобразователя Россіи и сообщаетъ объ этой славной эпохѣ много новаго и до сихъ поръ неизвѣстнаго. Касаясь разныхъ государственныхъ событій, авторъ иногда дѣлалъ на поляхъ рукописи отмѣтки: „спросить поясненія у князя Меншикова или у такого-то“. Всѣ эти отмѣтки зачеркнуты, и противъ нихъ, рукою сочинителя, исправленъ текстъ, очевидно, по свѣдѣніямъ, сообщеннымъ министрами Петра Великаго и другими его приближенными, государственными людьми. Все сочиненіе раздѣлено авторомъ на двѣ неравныя части: генеалогическую и историческую, которымъ предшествуетъ обзоръ сочиненія. Въ этомъ обзорѣ авторъ указываетъ только тѣ событія, которыя касались князя Меншикова, или въ которыхъ онъ принималъ личное участіе; между тѣмъ въ самомъ сочиненіи—какъ мы замѣтили выше—представлена полная картина знаменитой эпохи Петра Великаго“¹⁾).

Съ Минихомъ знакомитъ насъ Галемъ²⁾; Б. П. Шереметеву посвятилъ Тыртовъ „Историческое похвальное слово“, наборъ трескучихъ фразъ³⁾. Едва ли не тому же автору принадлежитъ большая біографія этого же лица, на которой очень замѣтны слѣды вліянія обстоятельнаго предисловія, приложеннаго Г. Ф. Миллеромъ къ изданнымъ имъ письмамъ Петра къ Шереметеву⁴⁾. Уже несомнѣнно

¹⁾ *Сынъ Отечества* 1848, № 1, стр. 2, примѣч.

²⁾ Жизнь графа Миниха, императорскаго російскаго генералъ-фельдмаршала. Сочиненіе г. Галема. 2 ч. (первую перевелъ В. Тимковскій). М. 1806. 8°. 221 + V (нен.) + 204 + IV (нен.) стр. Сравни записку, поданную Минихомъ (въ 1721 г.) при вступленіи на русскую службу. *Русск. Вѣстн.* 1841, т. I, № 1, стр. 135 — 139. Тамъ же (1842, т. V, 76 — 134) и переводъ его мемуаровъ (Ebauche).

³⁾ *Евдокимъ Тыртовъ*, Историческое похвальное слово графу Б. П. Шереметеву. М. 1806. 8°. 52 стр. Посвящено гр. Н. П. Шереметеву.

⁴⁾ Жизнь, анекдоты, военныя и политическія дѣянія російскаго генералъ-фельдмаршала графа Б. П. Шереметева, любимаго Петра В. и храбраго полко-

изъ-подъ пера Тыртова вышла біографія Я. О. Долгорукаго, снабженная 28 письмами Петра, изъ конхъ не всѣ были раѣе извѣстны въ изданіи Голикова ¹⁾. Освобоженіе Долгорукаго и товарищей изъ шведскаго плѣна съ приложеніемъ переписки по этому поводу находимъ въ маленькой статейкѣ Библіотеки для Чтенія ²⁾. По Бассевиллю нѣкто А. К. изложилъ жизнь Лефорта ³⁾. О Мазепѣ можно указать книгу Бавтыша - Каменскаго ⁴⁾, статьи Маркевича ⁵⁾, переписку по поводу измѣны гетмана ⁶⁾, благодарственное письмо его къ царю за пожертвованіе ордена св. Андрея Первозваннаго ⁷⁾ и акты по дѣлу Искры и Кочубея ⁸⁾. А. С. Матвѣеву посвящена замѣтка К. О. Калайдовича ⁹⁾, біографическій очеркъ Львова ¹⁰⁾ и цѣлое пѣснопѣіе какого-то Данкова ¹¹⁾. Современниковъ Петра характеризуютъ также извлеченія изъ иностранныхъ свидѣтельствъ, собранныхъ А. И. Тургеневимъ ¹²⁾. Только что упомянутый Бавтышъ-Каменскій въ теченіе многихъ лѣтъ составлялъ цѣлыя сборники біографій: таковы его „Знаменитые полководцы и министры Петров-

---

водца. Съ описаніемъ всѣхъ важнѣйшихъ и любопытнѣйшихъ происшествій, случившихся какъ въ домашней, политической, такъ и въ военной его жизни до самой кончины, съ историческимъ извѣстіемъ о его походахъ, сраженіяхъ и побѣдахъ. Россійское сочиненіе. С.-Пб. 1808 8°. 207 стр. + портретъ.

¹⁾ Исторія о князѣ Я. О. Долгоруковѣ. Съ прибавленіемъ свидѣній о другихъ знаменитыхъ мужахъ славной фамиліи князей Долгорукихъ. Сочин. Е... Т... р... мз. 2 ч. М. 1807—1808. 8°. XXIV + 143 + XIV + 253 стр.

²⁾ *Библи. для Чтенія*, 1836, XIV, 73—76.

³⁾ А. К. Лефортъ, генералъ-адмиралъ и вице-роя новгородскій (извлечено изъ современныхъ записокъ). *Отеч. Записки* 1821, ч. V, № 11, стр. 290—308; ч. VI, № 12, стр. 23—39.

⁴⁾ Жизнь Мазепы. Съ портретомъ и снимкомъ подлинн. М. 1834. 8°. 92 стр.

⁵⁾ *Маякъ* 1841, XXIII, 33—54; XXIV, 55—72; 1842, I, 1—15.

⁶⁾ *Молодикъ* на 1814 г., книга первая, 113—130 (6 писемъ).

⁷⁾ *Смысл Отечества* 1849, июнь, 3—4.

⁸⁾ *Ibidem*, 1839, XI, 89—93.

⁹⁾ Нѣчто объ орденахъ подвизки, бывшемъ, будто бы, у боярина Матвѣева. *Ibidem*, 1814, XI, 15—18.

¹⁰⁾ *П. Львовъ*, Бояринъ Матвѣевъ. С.-Пб. 1815. 8°. 36 стр. Перепечатано въ его же — «Достопамятное повѣствованіе о великихъ государяхъ и знаменитыхъ боярахъ XVII вѣка». М. 1821, стр. 155—189.

¹¹⁾ *И. Данковъ*, Могила боярина А. С. Матвѣева. М. 1840. 12°. 24 стр.

¹²⁾ *Б. Ф.*, Обзорніе современныхъ извѣстій о замѣчательнѣйшихъ лицахъ въ царствованіе Петра I и Екатерины. *Журн. Мин. Нар. Просв.* 1841, ч. XLI, февраль, 85 — 129 (Софія, царевичъ Алексѣй, герцогъ Голштинскій, Петръ II Елизавета Петровна, Меншиковъ, Шереметевъ, Апраксинъ, Матвѣевъ).

скаго времени¹⁾ и двухъ изданіяхъ²⁾); таковы „Генералиссимусы и генералъ-фельдмаршалы“³⁾ и наиболѣе извѣстный „Словарь достопамятныхъ россіянъ“⁴⁾. Къ категоріи такихъ же біографій принадлежитъ и трудъ Терещенки: „Опытъ обзорѣнія жизни сановниковъ, управляющихъ иностранными дѣлами въ Россіи“⁵⁾. Рядомъ съ названными писателями можно поставить В. Н. Берха, занимавшагося жизнеописаніями дѣятелей русскаго флота. Такъ имъ были

1) Дѣянія знаменитыхъ полководцевъ и министровъ, служившихъ въ царствованіе государя императора Петра В. Съ портретами ихъ. 2 ч. М. 1812—1813. 8°. XV + 290 + I + 352 + II стр. Въ первой части *десять* біографій Лефорта, Головина, Шереметева, Ромодановскаго, Апраксина, Меншикова, Головкина, Репнина, М. М. Голицына и Брюса. Во второй *одиннадцать* біографій Я. О. Долгорукова, Куракина, В. В. Долгорукаго, Толстаго, Шафирова, Ягужинскаго, Вутурлина, Остермана, Румянцова, Чернышева и Ушакова. — То же, второе изданіе. М. 1821. 8°. XVI + 222 + I + 274 стр. Во второй части добавлена одна лишняя біографія кн. Дмитрія Кантемира.

2) Петръ Великій. Его полководцы и министры. 23 портрета съ присовокупленіемъ краткихъ о жизни ихъ описаній. М. 1848. 4°. 50 стр.—То же: М. 1852. 8°. 82 стр.—То же: Второе изданіе. М. 1853. 8°. 83 стр. Всѣ три изданія совершенно одинаковы, разница только въ форматѣ. Текстъ—сокращеніе «Дѣяній знаменитыхъ полководцевъ» по изд. 1821 года. 22 біографіи, къ нимъ приложены портреты, взятые оттуда же. 23-й портретъ — самого Петра, но безъ біографіи.

3) Біографіи россійскихъ генералиссимусовъ и генералъ-фельдмаршаловъ. Съ 48 портретами. 4 ч. С.-Пб. 1840—1841. 8°. Въ первой части, между прочимъ, находятся біографіи О. А. Головина, герцога де-Броа, Шереметева, Огильви, Гольда, Меншикова, Репнина, М. М. Голицына, Брюса, В. В. Долгорукаго, И. Ю. Трубецкаго, Миниха и Ласса.

4) Словарь достопамятныхъ людей Русской земли. 5 ч. М. 1836. Въ *первомъ* томѣ — Апраксинъ, Брюсъ, Вейде, Вейсбахъ, братья Веселовскіе, Возницинъ и Волынский; во *второмъ*—Гагаринъ, Ганibalъ, Гизель, Голицыны, Головины, Головкины, Девіеръ, Демидовы и Долгорукіе; въ *третьемъ* — А. Кантемиръ, Крѣкинъ, Мазепа, Макаровъ, Матвѣевъ, Менезіусъ, Минихъ и Моисей; въ *четвертомъ* — Нарышкины, В. А. Нащокинъ, Полуботокъ и Румянцовъ; въ *пятомъ*—Скавронскіе, Скорняковъ-Шсаревъ, Стефанъ Лворскій, Тимофей Надаржинскій, Украинцовъ и Шереметевы. — То же. 3 ч. С.-Пб. 1847 (дополненіе къ предыдущимъ 5 томамъ). Въ *первомъ* томѣ — Голицковъ, О. А. Головинъ и Дмитрій Ростовскій; во *второмъ* — Лефортъ, Меншиковъ и Неплюевъ; въ *третьемъ* — Сильвестръ Медвѣдевъ, В. Н. Татлицевъ, Надаржинскій (исправленная біографія), Толстой, Шафировъ, Ягужинскій и Теофанъ Прокоповичъ.

5) 3 ч. С.-Пб. 1837. Въ *первой* части помѣщены, между прочимъ, біографіи А. С. Матвѣева, В. В. Голицына и О. А. Головина; во *второй* — Г. Н. Головкина; въ *третьей*—Шафирова и Остермана.

написаны біографіи: *Θ. М. Апраксина* ¹⁾, *И. М. Головина* ²⁾, *Крюйса* ³⁾, *Любераса* ⁴⁾, *А. И. Нагаева* ⁵⁾, *С. И. Мордвинова* ⁶⁾ и многихъ другихъ ⁷⁾.

По внутренней исторіи Россіи въ эпоху преобразованія писали: *Гагемейстеръ* — о законахъ Петра ⁸⁾, *Кранихфельдъ* — о фи-

¹⁾ Жизнеописаніе генералъ-адмирала графа *Θ. М. Апраксина*. С.-Пб. 1825. 8°. 153 + I стр. + портретъ и факсимиле. Съ большими сокращеніями вошло въ „Жизнеописанія первыхъ російскихъ адмираловъ“, ч. I, стр. 104 — 145. Въ отдѣльномъ изданіи помѣщены обширныя приложенія (стр. 46 — 153): письма Апраксину 1716 — 1720 гг. отъ Екатерины I, Меншикова, Шафирова, Анны Иоанновны, Макарова, А. Волкова, И. Θ. Долгорукова; а также письма самого Апраксина 1700 — 1725 гг. Петру В., Екатеринѣ I и Меншикову. — Сравн. духовное завѣщаніе Апраксина въ 1728 г. *Русск. Вѣстн.* 1841, т. III, № 6, стр. 214—221.

²⁾ Жизнеописаніе адмирала и ордена св. Александра II. кавалера *И. М. Головина*. С.-Пб. 1825. 8° 35 + III (нен.) стр. + портретъ. Въ текстѣ десятка полтора писемъ, коими обмѣнялись Петръ В. и Головинъ. Біографія эта, съ нѣкоторыми измѣненіями, вошла въ «Жизнеописанія первыхъ російскихъ адмираловъ», ч. II, стр. 48—72.

³⁾ Жизнеописаніе російскаго адмирала *К. И. Крюйса*. С.-Пб. 1825. 8°. 85 стр. (первоначально въ *Сверномъ Архивѣ*, 1825, XIV, 305 — 336; XV, 3 — 33, 89—113). Въ текстъ введено не мало указовъ, инструкцій и еще болѣе писемъ Петра Крюйсу. Авторъ пользовался источниками первой руки. Съ небольшими сокращеніями біографія Крюйса вошла въ «Жизнеописанія первыхъ російскихъ адмираловъ», ч. I, стр. 147—219.

⁴⁾ Жизнеописаніе генералъ-аншефа барона Людвигъ Иоанна Поттъ фонъ-Любераса, знаменитаго строителя извѣстнаго Кронштадтскаго канала. С.-Пб. 1829. 8°. 30 стр. Составлено по документамъ.

⁵⁾ Жизнеописаніе адмирала *А. И. Нагаева*. С.-Пб. 1831. 8°. 84 стр. Вошло въ „Жизнеописанія первыхъ російскихъ адмираловъ“, ч. IV, стр. 1—83. Дѣятельность Нагаева (род. 1704 г.) только началась при Петрѣ В.

⁶⁾ Жизнеописаніе адмирала *С. И. Мордвинова*. С.-Пб. 1831. 8°. 47 стр. Перепечатано въ «Жизнеописаніяхъ первыхъ російскихъ адмираловъ», ч. IV, стр. 84—126. Авторъ пользовался мемуарами Мордвинова, кои вышли въ свѣтъ много лѣтъ позже: Записки адмирала *С. И. Мордвинова*, писанныя собственною его рукою. С.-Пб. 1868. 8°. 78 стр.

⁷⁾ Жизнеописаніе первыхъ російскихъ адмираловъ или опытъ исторіи російскаго флота. 4 ч. С.-Пб. 1831—1836. Кромѣ біографій моряковъ петровскаго времени, а также *Д. Ф. Магнитскаго* и *Гр. Гр. Скорнякова-Писарева*, помѣщены списки морскимъ чинамъ 1715 года, галерной шквалды 1714 г. и историческій очеркъ первыхъ морскихъ училищъ. Авторъ пользовался архивнымъ матеріаломъ, и трудъ его и до сихъ поръ заслуживаетъ полного вниманія.

⁸⁾ *Гагемейстеръ*, О законахъ Петра В. *Журн. Мин. Нар. Просв.* 1836, ч. XI, № 7, стр. 21—92; № 8, стр. 270—328.

нансахъ ¹⁾, Аванасьевъ — о государственномъ хозяйствѣ ²⁾, Бунге — о торговомъ законодательствѣ ³⁾. Сохранены документальныя свидѣтельства о работахъ царя по развитію шелководства на Кавказѣ ⁴⁾, объ улучшеніи овцеводства въ Малороссіи ⁵⁾, о введеніи въ Россіи кошенія ржи ⁶⁾. Для исторіи духовной культуры за этотъ періодъ отмѣтимъ статьи: Куницына о юридическомъ образованіи ⁷⁾, бытовую картинку Корниловича ⁸⁾ и свидѣтельство Шендъ-Фандербека о состояніи просвѣщенія въ Россіи за 1725 годъ ⁹⁾. Сюда же помѣстимъ мы и то немногое, что было напечатано о состояніи городовъ: Ладоги ¹⁰⁾, Новгорода, Порхова ¹¹⁾, Петербурга ¹²⁾ и губерніи Азовской ¹³⁾.

¹⁾ А. Крамшфельдъ, Взглядъ на финансовую систему и финансовыя учрежденія Петра В. *Журн. Мин. Нар. Просв.* 1845, т. XLVII, № 7, стр. 1—53, — и въ «Годичномъ актѣ въ Имп. С.-Пб. университетѣ, бывшемъ 8-го февраля 1845 года» (С.-Пб. 1845), стр. 61—132.

²⁾ А. Аванасьевъ, Государственное хозяйство при Петрѣ В. *Современникъ*. 1847, т. IV.

³⁾ Бунге, Изслѣдованіе началъ торговаго законодательства Петра В. *Отеч. Зап.* 1850, LXVIII, 1—30, статья первая (продолженія не было).

⁴⁾ П. А. Кикинъ, Попеченія Петра I о шелководствѣ на Кавказѣ. *Землед. Журналъ*, 1835 № 6, 895—907 (изъ архивнаго дѣла 1710 по челобитью армянина Сафара Васильева).

⁵⁾ А. О. Маминскій, Попечительность Петра В. объ улучшеніи овцеводства въ Малороссіи. *Земледѣльскій Журналъ*, 1828, № 23, 185—197 (4 документа).

⁶⁾ А. Т. Болотовъ, Новое доказательство заботливости великаго Петра о введеніи въ Россіи кошенія ржи. *Землед. Журн.* 1833, № 2, 228 — 225 (указъ 11-го мая, 1721 изъ Рязи).

⁷⁾ А. Куницынъ, Стараніе Петра В. о введеніи въ Россіи теоретическаго образованія юности въ правовѣдѣніи. *Сынъ Отечества* 1822, т. 67, стр. 252—256.

⁸⁾ А. Корниловичъ, Новый годъ въ 1724 году, *Сынъ Отеч.* 1824, ч. 91, стр. 115—121.

⁹⁾ М. Шендъ-Фандербекъ, О состояніи просвѣщенія въ Россіи въ 1725 году. *Сынъ Отеч.* 1842, 1, 3—35.

¹⁰⁾ П. Бутковъ, Состояніе города Ладоги въ 1699 году. *Журн. Мин. Внутр. Дѣлъ*. 1838, ч. 29, смѣсь, 1—7 (изъ Смѣтной описи).

¹¹⁾ Состояніе великаго Новгорода и Порхова въ 1699 году (выписка изъ подлинной смѣтной описи, сообщенной П. Г. Бутковымъ). *Ibidem*, 1841, ч. 41, стр. 361—420.

¹²⁾ А. Глазюлевъ, О дворцахъ, современныхъ Петру В. *Журн. Мин. Внутр. Дѣлъ* 1841, ч. 42, стр. 43 — 77. — Н. Цыловъ, Планы С.-Петербурга въ 1700, 1705, 1725, 1738, 1756, 1777, 1799, 1840 и 1849 годахъ, съ приложеніемъ плановъ 13 частей столицы 1853 года. С.-Пб. 1853. 4°. 2 портрета + 3 л. рисунковъ + 21 планъ и пояснительный текстъ (по листу на каждый).

¹³⁾ В. Берхъ, Табель, составленная ландратомъ Азовской губ. А. Кики-

Намъ остается еще отмѣтить десятка два статей о военно-морскомъ дѣлѣ и внѣшнихъ сношеніяхъ при Петрѣ. Введеніемъ къ этому отдѣлу могутъ служить извѣстія о Россіи, извлеченныя Тургеновымъ изъ иностранныхъ архивовъ ¹⁾. Далѣе, въ порядкѣ хронологическомъ, пойдетъ донесеніе Лаодикійскаго митрополита Парвенія объ освобожденіи имъ русскихъ подданныхъ изъ турецкаго плѣна (1686 г.) ²⁾, о солдатѣ Бухвостовѣ ³⁾, о флотѣ на Переславскомъ озерѣ ⁴⁾, Кожуховскомъ походѣ ⁵⁾, письмо Н. М. Зотова епископу Митрофану о взятіи Азова ⁶⁾, списокъ комнатнымъ стольникамъ, отправленнымъ за-границу (63 имени) ⁷⁾, о пребываніи Петра въ Заандамѣ ⁸⁾, объ Азовскомъ походѣ Петра въ 1699 году ⁹⁾, о ра-

нынъ въ 1709 году и скрѣпленная И. Чашниковымъ. *Моск. Телеграфъ* 1825. № 12, стр. 201—213.

¹⁾ В. Ф. Обзоршіе извѣстія о Россіи въ вѣкъ Петра В., извлеченныя А. П. Тургеновымъ изъ разныхъ актовъ и донесеній французскихъ посланниковъ и агентовъ при русскомъ дворѣ. *Журн. Мин. Нар. Пр.* 1843, XXXVII, 1—29, 145—183.

²⁾ *Отеч. Записки* 1828, ч. XXXIII, № 91, 203—220.

³⁾ *Русскій Зритель* 1828, ч. I, стр. 152, 285—286.

⁴⁾ М. Ботикъ Петра В. *Смъз Отеч.* 1833, ч. 158, стр. 72—87, 117—133.—Извѣстія голландцевъ о началѣ въ Россіи флота и ботикѣ Петра В. *Смъз Отеч.* 1838, V, 1—8 (изъ Схельтемы). Въ примѣчаніи къ этой статьѣ П. А. Полевой указываетъ на *Моск. Вѣдом.* 1838, №№ 27 и 30, и *Съверн. Пчелу* 1838, № 175, полемизировавшия по вопросу о происхожденіи ботика.—Историческая записка о бывшей въ Переславлѣ Залѣйскомъ флотиліи Петра I, составленная старшимъ учителемъ Владимірской гимназіи, А. Розовымъ, по случаю открытія памятника Петру I на берегу Переславскаго озера, близъ села Велькова. М. 1852. 8°. 36 стр. Перепечатано въ *Журн. Мин. Нар. Пр.* 1853, т. LXXVII, стр. 51—80, съ прибавленіемъ двухъ рисунковъ. Текстъ безъ измѣненія (кромѣ одной фразы: срав. стр. 19 отдѣльнаго изданія и 64 въ журналѣ).—Значительно позже явилась брошюра К. Н. Тихонравова: Переславскій ботикъ Петра Великаго (изданіе А. Мартынова). М. 1872. 8°. 32 стр., съ рисункомъ, и недавнее роскошное изданіе морскаго министерства: Свѣдѣнія о ботикѣ дѣдушкѣ русскаго флота за 200 лѣтъ съ 1688 по 1888 годъ. С.-Пб. 1888. 43 стр. въ листъ + 8 листовъ приложеній (текстъ Ф. Ф. Веселаго).

⁵⁾ А. Корниловичъ, Извѣстія о первыхъ маневрахъ при Петрѣ I и особенно о Кожуховскомъ походѣ. *Съз. Архивъ* 1824, ч. 9, № 5, стр. 237—267. Много позже явилась статья М. И. Семевскаго: Кожуховскій походъ въ *Военн. Сборникъ* 1860, № 1, стр. 49—106.

⁶⁾ *Москвитянинъ* 1841, № 8, стр. 462—467.

⁷⁾ *Отеч. Записки* 1825, ч. XXIII, № 63, стр. 135—139.

⁸⁾ Изъ Схельтемы, въ переводѣ А. Корниловича. *Смъз Отеч.* 1822, ч. 82, стр. 3—24. Дополненія, *ibidem*, 74—82.

⁹⁾ Походъ Петра В. изъ Москвы на Воронежъ, съ Воронежа на Азовъ, на

зискаціяхъ сдѣланныхъ въ томъ же году Крѣйсомъ на Дону и Азовскомъ морѣ ¹⁾, о Петрѣ, какъ организаторѣ войска ²⁾, подвига русскихъ подъ Нарвою въ 1700 году ³⁾, о путяхъ изъ Россіи въ Швецію ⁴⁾, шведскихъ могилахъ ⁵⁾, реляція о Полтавской битвѣ ⁶⁾, характеристика Петра и Карла XII, какъ полководцевъ ⁷⁾, разказъ о торжественномъ англійскомъ посольствѣ, отправленномъ для принесенія извиненій за оскорбленіе русскаго посла Матвѣева ⁸⁾, извѣстная статья Н. Г.: „Петръ Великій на берегахъ Прута“ ⁹⁾, брошюрка Антоновскаго, перепечатавшаго изъ Голикова (Допол. IX, 312—317), правила Петра Великаго по веденію сраженія, предписанныя имъ въ 1713 году ¹⁰⁾, статьи: Глотова — о Гангудскомъ сраженіи ¹¹⁾, и Я. К. Грота: „Извѣстія о Петербургскомъ краѣ до завоеванія его Петромъ Великимъ“ ¹²⁾ и „О пребываніи плѣнныхъ шведовъ въ Россіи при Петрѣ Великомъ“ ¹³⁾, рядъ данныхъ о

Таганрогъ и къ Керчи, а оттуда обратно къ Азову въ 1699 году (изъ журнала вице-адмирала Крѣйса). *Малж* 1842, т. VI, кн. XII, стр. 79—90.

¹⁾ Разысканія о Донѣ, Азовскомъ морѣ, Воронежѣ и Азовѣ, учиненныя по повелѣнію Петра Великаго К. Крейсомъ въ 1699 году. *Отеч. Записки*, 1824, XIX, 295—318; XX, 46—73, 169—203, 471—494.

²⁾ *Медаль*, Петръ В., какъ основатель арміи и военнаго искусства въ Россіи. *Библ. для Читанія* 1837, XXV, 49—122.

³⁾ *Московский Телеграфъ* 1831, № 15, стр. 299—320.

⁴⁾ *И. Бутковъ*, Описаніе трехъ путей изъ Россіи въ Швецію, составленное въ 1701 г. *Журн. Мин. Внутр. Дѣлъ* 1838, ч. 29, стр. 260—295.

⁵⁾ Шведскія могилы въ Либургскомъ уѣздѣ. *Журн. Мин. Внутр. Дѣлъ* 1838, ч. 28, смѣсь, 5—6.

⁶⁾ 1) *Сверный Архивъ* 1828, ч. 31, № 2, стр. 213—228; 2) *Записки военно-топографическаго депо*, ч. XIX (С.-Пб. 1857), стр. 157—167 (данныя извлечены изъ архива). Сравни мнѣнія русскихъ генераловъ о мѣрахъ для освобожденія Полтавы отъ осады шведовъ. *Москит.* 1842, № 1, стр. 76—83.

⁷⁾ Петръ I и Карлъ XII. *Смыслъ Отечества* 1819, ч. 56, № XL, стр. 315—322 (отрывокъ изъ второй части Исторіи походовъ россиявъ въ XVIII столѣтіи, *Бутурлина*).

⁸⁾ *Русск. Зритель* 1829, ч. V, стр. 171—183.

⁹⁾ *Журналь Мин. Нар. Просв.* 1847, ч. LIII, №№ 1, 2, стр. 29—76, 85—123.

¹⁰⁾ Наука побѣждать по правиламъ величайшаго изъ монарховъ Всероссийскихъ Петра Перваго, собственноручно писаннымъ и подписаннымъ отъ сего самодержца. Изданная *Михаиломъ Антоновскимъ*. С.-Пб. 1808. 12°. 12 стр.

¹¹⁾ *Отеч. Записки* 1821, VI, 253—269; VII, 34—49.

¹²⁾ *Журн. Мин. Нар. Пр.* 1853, т. LXXVII, № 1, стр. 1—17.

¹³⁾ *Ibidem*, т. LXXVII, № 2, стр. 119—178.

пребываніи царя въ Парижѣ въ 1717 году ¹⁾, декларація царя 1719 г. о высылкѣ посланника Плейера и іезуитовъ ²⁾, свѣдѣнія о князѣ Бековичѣ ³⁾, книга Попова о сношеніяхъ съ Хивой и Бухарою ⁴⁾ и наконецъ, статья Лебедева о походѣ Петра Великаго въ Персію ⁵⁾. Кое-что изъ мелочей отнесено прямо въ примѣчаніе ⁶⁾.

¹⁾ Журналъ путешествія во Францію (*Отч. Записки* 1822, XII, 145—166, 312—316). Избраніе Петра въ члены Академіи Наукъ (*ibid.*, 1821, ч. V, № 10, стр. 179—189, и *Малк* 1840, № 1, стр. 1—6). Журналъ пребыванія Петра В. въ Парижѣ (*Малк* 1840, ч. VI, стр. 77—81, и въ *Русск. Вѣстн.* 1841, т. II, № 5, стр. 401—413). Утро Петра въ Парижѣ, съ голландскаго перевелъ В. Берковъ (*Малк*, 1844, т. XIII, смѣсь, 77—82). Отрывокъ изъ записокъ Семь-Симона (*Журн. Мин. Нар. Пр.* 1856, т. 89, стр. 1—24). Кн. Августина Голицына, Петръ I, членъ Парижской Академіи Наукъ. Paris. 1859. 4°. 14 стр. (На основаніи архива Парижской Академіи. Приведено съ полнымъ соблюденіемъ орфографіи собственноручное (по русски) письмо Петра, 11-го февраля 1721, къ членамъ Академіи,—благодарность за выборъ). Указанія на остальную литературу послѣднихъ 30 лѣтъ сведены въ статьѣ В. С. Иконникова: „Новые матеріалы для исторіи царствованія Петра Великаго“ (сношенія Россіи съ Франціей). Кіевъ. 1887, стр. 26 (оттискъ изъ *Кіевскихъ Университетск. Извѣстій* 1886, № 5).

²⁾ *Русск. Вѣстникъ* 1842, VI, 68—71.

³⁾ Записка о поѣздкахъ кн. А. Бековича къ Каспійскому морю и экспедиція въ Хиву. *Москвитинъ* 1842, XII, 373—394. *Н. Семеновскій*, Путешествіе въ Хиву А. Б. Черкасскаго въ 1716 году. *Финскій Вѣстникъ* 1846, X, смѣсь, 15—21. В. Лебедевъ, Посольство въ Хиву въ 1716, 1717 и 1718 гг. *Журн. Мин. Нар. Пр.* 1846, сентябрь, ч. LI, 137—155.

⁴⁾ А. Поповъ, Сношенія Россіи съ Хивой и Бухарою при Петрѣ В. С.-Пб. 1853. 8°. II + 188 стр. (изъ IX-й книжки *Записокъ Русскаго Географическаго Общества*).

⁵⁾ *Журн. Мин. Нар. Пр.* 1848, т. 60, октябрь, 1—39.

⁶⁾ 1) Д. Д., О знакахъ отличія временъ Петра В. *Малк* 1844, т. XVII, смѣсь, 78—79. 2) И. П. Экспедиція къ сѣверу въ 1707 г. изъ *Mémoires du comte de Forbin. Suédois. Архивъ* 1823, ч. 7, № 14, 121—132. 3) Духовное завѣщаніе генерал. обознаго И. Ломѣвскаго, писанное въ Исаехъ 25-го марта 1711. *Молодикъ* на 1844 г., кн. 1-я, 71—85. 4) П. Львовъ, Петръ Первый, творецъ Маріинскаго канала. *Отч. Записки* 1871, VII, 277—308. 5) Эпитаціонъ на кончаніи протоіерею Тим. Вас. Надаржинскому, духовнику Петра I и Екатерины I. *Молодикъ* на 1844 г., кн. 1-я, 257—266. 6) *Татищевъ*, Россія или, какъ нынѣ зовутъ, Руссія. *Журн. Мин. Внутр. Дѣлъ* 1839, № 6, стр. 319—406. 7) Меморія, поданная Петру В. А. П. Волинскимъ. *Русскій Вѣстникъ* 1841, т. II, № 5, стр. 378—380. 8) Малороссійскіе акты (указы Б. П. Шереметева, 26-го февраля 1709 г., и Шафирова, 11-го іюля 1710 г.). *Ibidem*, 495—497. 9) Выписка изъ разряда 1683 года. *Ibidem*, т. III, № 8, стр. 444—445. 10) Портретъ царевны Софія Алексѣевны. *Ibidem*, № 9, стр. 695—698. 11) Элегія

Мы подходимъ къ концу своего очерка. Намъ остается только бѣгло обозрѣть литературу послѣднихъ тридцати лѣтъ. Капитальнымъ и руководящимъ трудомъ, составившимъ эпоху въ изученіи реформы, былъ трудъ С. М. Соловьева. Какъ и въ остальныхъ сочиненіяхъ московскаго ученаго, такъ и въ этомъ¹⁾, мы имѣемъ дѣло съ человѣкомъ трезваго ума, спокойнымъ аналитикомъ, для котораго реальная правда, абсолютная истина дороже всего. Ея онъ не отдастъ ни за какія симпатіи и увлеченія. Вооруженный громаднымъ знаніемъ, онъ является спокойнымъ въ сознаніи своего всеоружія. Отнюдь не художникъ, онъ, благодаря этому подавляющему знанію, проникаетъ на столько въ глубь вещей, что нерѣдко даетъ живые образы и еще болѣе мѣткія характеристики; но это только такъ, между прочимъ: самъ онъ торопливо сгѣшнить дальше къ новымъ полкамъ архива и набрасываетъ въ безпорядкѣ одну новость за другою, въ той случайной формѣ, въ какой самому ему она досталась, въ формѣ чаще всего не обдѣланной и сырой.

Основной взглядъ Соловьева на реформу, полагаю, достаточно извѣстенъ, чтобы нужно было вполне развивать его. Въ сущности онъ сводится къ слѣдующему. Разрыва между прошлымъ и новымъ никакого не было. Новая Россія началась еще задолго до Петра. Еще Иванъ Грозный стремится къ Балтійскому морю; еще Годуновъ сознаетъ необходимость образованія; задолго до Петра видѣли необходимость реорганизовать войско, создать флотъ, улучшить финансы. Но чтò сознавалось только смутно, чтò предпринималось робко и неумѣло, то было понято гениемъ Петра. Онъ нашелъ силы и средства исполнить желаніе предшествовавшихъ поколѣній и самую идею реформы не выдумалъ изъ своей головы,—не была она его личнымъ капризомъ или наветіемъ свыше, а воспринята имъ въ той средѣ, въ которой онъ воспитался, и гдѣ давно уже искали выхода изъ ненормальнаго положенія. Заслуга Соловьева и заключается въ уясненіи

(латинская, въ стихахъ) на отступление *русскихъ войскъ* изъ Саксоніи въ 1707 г. Ibidem, 1842, т. V, смѣсь, 91—92. 12) Характеристика Карла XII, писанная Остерманомъ въ 1718 г. Ibidem, 1842, VI, смѣсь, 8—10.

¹⁾ Кромѣ «Исторія Россіи съ древнѣйшихъ временъ», томы XIII—XVIII, куда же надо отнести его «Публичныя чтенія о Петрѣ Великомъ, изданныя по распоряженію юбилейной комиссіи Московской политехнической выставки». М. 1872. 4°. 134 + I стр., перепечатанныя позже въ «Сочиненіяхъ С. М. Соловьева». С.-Пб. 1882, стр. 88—225. Сюда, однако, не вошла университетская рѣчь 30-го мая 1872 г. (см. «Публичныя чтенія», стр. 119—134).

этой преемственности. Историкъ даетъ генетическую связь Петра съ XVII вѣкомъ и вообще выводитъ изслѣдователя на прямую дорогу. Можетъ быть, не мало спорнаго найдется въ отдѣльныхъ толкованіяхъ автора, но основная мысль его въ состояніи выдержать самую строгую критику.

Къ воззрѣнію Соловьева тѣсно примыкаетъ воззрѣніе Кавелина; впрочемъ, какъ оно ни близко къ нему, но сохраняетъ свои особенности и отгѣнки ¹⁾. Реформа Петра для Кавелина есть также органическое явленіе русской жизни; Петръ не создавалъ направленія, а только усилилъ его, возвелъ въ систему; какъ и другіе, авторъ признаетъ, что къ концу XVII вѣка проявилось особенно сильное броженіе въ Московскомъ царствѣ, а Петра Великаго считаетъ „съ головы до ногъ великорусскою душой“ (380, 390, 394—395). Но въ то время, какъ Соловьевъ въ эпохѣ преобразованія видитъ переходъ изъ состоянія дѣтства въ состояніе возмужалости, зрѣлости умственной, Кавелинъ находитъ въ ней собственно начало героическаго періода, когда молодая здоровая сила рвется на просторъ, стремится все подчинить себѣ, не всегда сообразуясь, возможно ли это (383, 389). Московское государство, продолжаетъ нашъ авторъ,—было слишкомъ односложно, внутренній бытъ его построенъ по одному типу или идеалу; вотъ почему, когда вѣковой историческій типъ отжилъ свое время, то новый идеалъ пришлось искать на чужбинѣ. Потребность же въ этомъ идеалѣ могла почувствоваться сперва только въ высшихъ слояхъ русскаго общества, отчего и преобразование пошло неизбѣжно сверху внизъ, а не на оборотъ (386—387).

На предыдущихъ страницахъ мы уже видѣли, что Погодинъ въ теченіе всей своей жизни интересовался личностью Петра и время отъ времени посвящалъ свой досугъ изученію его эпохи. Но онъ не остановился на этомъ. На склонѣ дней, уже маститымъ историкомъ, онъ принялся писать послѣдовательную и полную исторію Русскаго царя, но могъ довести ее только до 1694 года. Это такъ-называемые „Семнадцать первыхъ лѣтъ жизни Петра Великаго“ ²⁾ и посмертныи не вполне законченный отрывокъ послѣдующихъ годовъ ³⁾. Точка

¹⁾ Мысли и замѣтки о русской исторіи. *Вѣстн. Европы* 1866, т. II, стр. 325—404.

²⁾ Семнадцать первыхъ лѣтъ въ жизни императора Петра Великаго. 1672—1689. Сочиненіе *М. П. Погодина*. М. 1875. 8°. IV + 204 + 242 стр.

³⁾ Петръ Первый. Первые годы единодержавія. 1689—1694. *Русск. Архивъ* 1879, № 1, стр. 5—57.

зрѣнія на реформу и въ этихъ послѣднихъ работахъ остается такою же, какую мы привыкли встрѣчать въ другихъ болѣе раннихъ трудахъ автора; что же касается изложенія, то оно всецѣло отразило на себѣ черты и свойства, характеризующія Погодина, какъ историка и ученаго.

Вышедшій изъ среды простаго народа, человекъ, въ сердцѣ котораго всегда былъ отзвукъ для русскаго и національнаго, съ чуткою душою, отзывчивый, умѣвшій тепло отнестись къ изучаемымъ явленіямъ, Погодинъ, можетъ быть, и не всегда удовлетворялъ строгимъ требованіямъ науки, но за то всегда умѣлъ въ исторіи подмѣтить человека, а не одни только его дѣйствія. Поэтому чѣмъ-то согрѣвающимъ вѣетъ отъ его сочиненій. Они, если можно такъ выразиться, душевно написаны. Я думаю, что это же свойство ума и сердца мѣшало ему пристать къ какому-либо опредѣленному направленію или создать свою школу. Живя и дѣйствуя въ разгарѣ двухъ направленій, онъ не присталъ ни къ одному изъ нихъ: въ немъ и западначескаго много, и славянофильскаго; на ряду съ Соловьевымъ онъ горячо станеть ратовать за Петра, но рѣзко разоидетъ съ нимъ изъ-за Грознаго; за-одно со славянофилами онъ готовъ преломить литературное копье за Минина, Сусанна и Скопина, но въ „петербургскомъ періодѣ“ не увидитъ ничего спеціально-петербургскаго. И это отнюдь не безпринципность: у Погодина есть свои твердые взгляды; но его ли вина, если ихъ нельзя приурочить ни къ какой изъ существующихъ школъ? Я позволилъ бы себѣ сказать, что онъ видитъ дальше каждой любой школы, при чемъ, конечно, черты этой послѣдней не всегда вполне ему понятны и усвоены.

Едва ли не самый симпатичный историкъ изъ всѣхъ тѣхъ, кто уже сошелъ съ поприща русской исторической науки, Погодинъ, по свойству своего таланта, почти что подходитъ къ группѣ историковъ-художниковъ, но только „почти“, и въ этомъ его громадный недостатокъ. Онъ какъ бы сталъ въ дверяхъ художественной исторіи, но не пошелъ дальше. Умѣнье проникнуть въ душу человека ему дано. Въ то время какъ другой, хотя бы, напримѣръ, Соловьевъ, пойметъ эту душу путемъ анализа, научныхъ приемовъ, Погодинъ схватитъ ее непосредственно чутьемъ, инстинктомъ. Но, появивъ извѣстный образъ, онъ не сумѣетъ, какъ слѣдуетъ, ясно нарисовать его. Вотъ онъ возсоздаетъ его передъ вами: даетъ первое очертаніе, приступаетъ къ вѣшнему построенію, отдѣлываетъ части картины, связываетъ

ихъ въ одно цѣлое,—съ каждымъ движеніемъ образъ получаетъ все большую и большую законченность; казалось бы, вотъ, вотъ нѣсколько послѣднихъ штриховъ, послѣднихъ взмаховъ исторической кисти, и полнота художественнаго образа будетъ достигнута. Не тутъ-то было! Художникъ останавливается и покидаетъ васъ, оставляя съ досаднымъ чувствомъ неудовлетворенности. Вы видите передъ собою эти отдѣльныя части картины, чувствуете даже, какъ бьется въ нихъ жизнь; но законченнаго образа все-таки нѣтъ!.. Такова большая часть работъ Погодина. Такова же и его исторія о Петрѣ. Мѣстами въ ней найдутся чудныя, обработанныя страницы, и рядомъ страницы, про которыя такъ и хочется сказать, что это первый набросокъ, первоначальный эскизъ, конспектъ работы... Не даромъ же Соловьевъ, разумѣется, черезъ-чуръ рѣзко, отзывался о трудахъ Погодина, какъ о черновыхъ тетрадахъ, не переписанныхъ даже набѣло.

Шестой выпускъ „Русской исторіи въ жизнеописаніяхъ ея главнѣйшихъ дѣятелей“ (Костомарова ¹⁾), посвященъ Петру и его сотрудникамъ. Въ сочиненіяхъ этого писателя мы привыкли видѣть талантливое, всегда живое изложеніе, умѣніе, при должной группировкѣ матеріала, создавать изъ него цѣльную картину. Между тѣмъ только что названный трудъ представляется въ такомъ видѣ, что скорѣе напоминаетъ едва начатую работу: это какал-то не разобранная куча фактовъ, лабиринтъ, въ которомъ тщетно было бы искать выхода. Составитель, очевидно, работалъ спѣшно и совершенно не позаботился о соразмѣрности частей, забывъ требованія исторической перспективы. Обиліе деталей положительно давить его; отсюда неизбежное слѣдствіе—излишняя хронологичность изложенія. По всему видно, что Костомаровъ далеко не былъ такимъ хозяиномъ въ исторіи XVIII столѣтія, какимъ онъ является для болѣе раннихъ вѣковъ. Особенно замѣтны недостатки книги въ тѣхъ отдѣлахъ, которые касаются внутренней политики Петра. Авторъ, пожалуй, даже ничего фактическаго не упустилъ изъ вида, но за то ничего и не далъ, кромѣ массы механически связанныхъ фактовъ. Наконецъ, неудобная манера излагать исторію странъ по біографіямъ, заставила его на-

¹⁾ С.-Пб. 1876. 8°, стр. 537—885. Второе изданіе (Русская Исторія . . . ., томъ 2-й (продолженіе), XVIII-й вѣкъ). С.-Пб. 1886. 8°. 349 стр. Пять біографій Петра, Мазепы, царевича Алексѣя, Меншикова и Ѳ. Прокоповича. Въ пятомъ выпускѣ, между прочимъ, помѣщены біографіи Софьи и Дмитрія Ростовскаго.

сильственно разрывать части одного цѣлаго. Такъ, напримѣръ, въ біографіи Петра, говоря о походѣ Карла въ Малороссію и вообще о военныхъ дѣйствіяхъ 1708—1709 гг., авторъ только для проформы, вскользь говорятъ о роли гетмана и украинскихъ казаковъ для того, чтобъ дать этому мѣсто въ отдѣльной біографіи Мазепы. Біографіа Меншикова захватила царствованія Екатерины I и Петра II и въ отдѣлѣ, посвященный эпохѣ преобразованія, внесла нѣчто постороннее.

Точка зрѣнія Костомарова на личность Русскаго царя представляетъ середину между взглядами западнической и славянофильской школь. Петръ, какъ рисуется его намъ историкъ, человекъ съ неуправляемою волею, у котораго всякая мысль искала немедленнаго осуществленія. Въ то время, какъ Соловьевъ видитъ успѣхъ реформы во внутренней ея законности и необходимости, Костомаровъ объясняетъ его самодержавіемъ. И вотъ почему, говоритъ онъ, — тамъ, гдѣ пониманіе Петра расходилось съ пониманіемъ народа, онъ ничего не могъ сдѣлать, новой души онъ не могъ въ нее вдохнуть. Указывая же на темныя стороны Петра, авторъ готовъ извинить ихъ чертами вѣка; но если, по его мнѣнію, первый Русскій императоръ не стоялъ выше окружающихъ въ нравственномъ отношеніи, то и Россія при немъ не стала лучше по существу. Зо то преданность Петра идеѣ, любовь къ Россіи заставляетъ насъ, по мнѣнію Костомарова, помимо даже воли, любить его и „простить ему все, что тяжелымъ бременемъ легло на его памяти“ (стр. 780—785 перв. изд.).

Въ числѣ сочиненій, порожденныхъ юбилеемъ 1872 года, можно назвать еще два съ характеромъ обзора дѣятельности Петра во всей ея совокупности. Книга Задлера: „Peter der Grosse als Mensch und Regent“ ¹⁾ скомпилирована, главнымъ образомъ, по русскимъ источникамъ ²⁾, но обработка ихъ очень поверхностная; для цѣльной характеристики авторъ запасся слишкомъ скромнымъ количествомъ пособій; въ результатѣ получился полужурнальный очеркъ, не болѣе: ни связанная послѣдовательная исторія, ни полный обзоръ отдѣльныхъ моментовъ ³⁾. Соколовскій, авторъ другой книги: „Петръ Великій,

¹⁾ C. Sadler. Peter der Grosse als Mensch und Regent. Eine Charakterstudie. St. Ptg. 1872. 8°. 298 + I seit.

²⁾ Преимущественно по Голякову.

³⁾ Лучше вышли главы о Екатеринѣ и ея отношеніяхъ къ Петру (142—165) и о царевичѣ Алексѣѣ (163—214). Огнѣтъ еще двѣ главы: 1) Zurückweisung einiger entehrenden ausländischen Anklagen gegen Peter und Katharina (285—299) и 2) Urtheile über Peter den Grossen (13 — 37). Въ послѣдней приведены

какъ воспитатель и учитель народа¹⁾, положительно не сумѣлъ разобратъся въ массѣ сыраго матеріала: послѣдній подавилъ его. Дѣятельность царя не опредѣлена ни съ одной стороны, а между тѣмъ задача автора была прекрасная, хотя, можетъ быть, и слишкомъ смѣлая: образъ Петра—наставника и вождя своего народа—едва ли не долженъ служить завершеніемъ и вѣнцомъ всесторонняго изученія великой эпохи, пережитой русскимъ обществомъ конца XVII и начала XVIII столѣтія.

Послѣднимъ большимъ и законченнымъ русскимъ трудомъ о Петрѣ Великомъ является сочиненіе дерптскаго профессора А. Г. Брикнера²⁾. Основной взглядъ заимствованъ у Соловьева; бѣльшая часть матеріала у него же и у Устрялова. Сравнительно больше мѣста удѣлено свидѣтельствамъ иностранцамъ³⁾, но среди таковыхъ не мало съ достоинствомъ второстепеннымъ. Масса интереснѣйшаго матеріала о времени Петра, появившаяся въ сборникѣ Русскаго Историческаго Общества, въ изданіяхъ Академіи Наукъ, морскаго министерства и св. синода, осталась почти нетронутою въ разбираемомъ нами сочиненіи. Впрочемъ мы должны оговориться, что большинство этихъ документовъ явилось только въ послѣдніе годы, одновременно съ печатаніемъ книги г. Брикнера или даже послѣ ея изданія въ свѣтъ, и что въ отдѣльныхъ статьяхъ они были своевременно разсмотрѣны и изучены уважаемымъ историкомъ. Во всякомъ случаѣ, какъ популярная книга для чтенія, дающая полный⁴⁾ обзоръ всей преобразовательной эпохи, „Исторія Петра Великаго“ является пока единственною въ нашей литературѣ.

сочувственные и несочувственные Петру отзывы современниковъ и потомства. Къ сожалѣнію, обзоръ сдѣланъ безъ системы и, очевидно, случайно. На ряду съ Неплюевымъ, Посошковымъ, Сень-Симономъ, мнѣнія которыхъ могутъ быть сочтены за голосъ времени, поставлены или ничего не говоряція фразы, или общія выраженія.

¹⁾ Казань. 1873. 8°. 148 + III стр. Первоначально въ *Учен. Записк. Казанск. Унив.* 1874, № 4 п 5.

²⁾ Исторія Петра Великаго. С.-Пб. 1882. 8°. I+XX+686+VIII+27 стр. Со многими рисунками. Первоначально (съ небольшими измѣненіями) на нѣмецкомъ языкѣ: Peter der Grosse. Mit Portraits. Berlin. 1879. 8°. VI+578 Seit. (въ изданіи *Ojkens: Allgemeine Geschichte in Einzeldarstellungen*).

³⁾ Сравни отдѣльный трудъ А. Г. Брикнера: Матеріалы для источниковѣдѣнія исторіи Петра Великаго (1682 — 1698). *Журн. Мин. Нар. Просвѣщ.* 1879, № 8, 272—317; № 10, 250—285.

⁴⁾ Впрочемъ, надо замѣтить, что реформы и вообще внутренній строй Россіи въ эпоху преобразованія изложены слабѣ остальныхъ отдѣловъ.

Если и можно указать на что-либо однородное съ сочиненіемъ г. Брикнера, то такое надо искать въ литературѣ иностранной. Лѣтъ пять тому назадъ появился двухтомный „Peter the Great“, Скайлера ¹⁾. Это — книга, написанная умнымъ иностранцемъ, обстоятельно знакомымъ съ русскимъ языкомъ, жившимъ одно время въ Россіи, не чуждымъ литературныхъ и ученыхъ связей и вздумавшимъ подарить образованную публику Европы и Америки сочиненіемъ о Петрѣ, которое представляло бы сводъ тѣхъ выводовъ, до какихъ дошла нынѣшняя наука. Авторъ очень внимательно перечиталъ всѣ главныя русскія и иностранныя сочиненія объ эпохѣ преобразованія, близко освоился съ мемуарами того времени, памятниками законодательными, пересмотрѣлъ даже нѣкоторыя бумаги въ архивахъ Парижа и Гаги. Для насъ, русскихъ, не безынтересны страницы, обработанныя на основаніи трудовъ лучшихъ шведскихъ историковъ. Конечно, человекъ, знакомый съ Устряловымъ и Соловьевымъ, мало найдетъ здѣсь новаго; чувствуя себя въ зависимости отъ степени разработки эпохи, Скайлеръ почти весь первый томъ посвятилъ времени отъ 1682 по 1700 годъ; сильно бросается въ глаза и то, что исторія внѣшняя заполонила собою исторію внутреннюю, и реформамъ отведено не много мѣста, къ тому же и связь реформы съ XVII вѣкомъ осталась неясною. Но мы не въ правѣ примѣнять къ автору требованій русскаго масштаба. Для иностранца книга Скайлера прежде всего — связанный, живой разказъ, основанный на предварительной серьезной работѣ. Авторомъ перечитано дѣйствительно все сколько-нибудь цѣнное; не упущены изъ виду старинныя русскія изданія прошлаго столѣтія. То, что обыкновенно пропускается въ учебникахъ за недостаткомъ мѣста, въ книгахъ для публики — за неумѣніемъ сочинителя, а въ научныхъ трудахъ — какъ предполагаемое излишнимъ, все это нашло себѣ мѣсто въ сочиненіи американскаго писателя ²⁾. Не задаваясь большими претен-

¹⁾ *E. Schuyler, Peter the Great, emperor of Russia. A study of historical biography. 2 vis. Lond. 1884. 8°. IX+544+III+691 pag. (съ портр. и картою).*

²⁾ Автора можно было бы упрекнуть въ томъ, что онъ вдается въ мелочи, излишнія для иностраннаго читателя. Такъ, напримѣръ, поименованы стрѣльцкіе полковники, подвергшіеся, по свидѣтельству Матвѣева, мученіямъ своихъ подчиненныхъ лѣтомъ 1682 года (I, 107); перечислены села, въ которыя переѣзжалъ дворъ въ сентябрѣ 1682 (I, 112); поименованы Мельновъ, Ладогиль, Елизаровъ и другіе участники событій августа 1689 года (I, 213, 216, 229) и т. п.

зіями, авторъ старался начертить живую, ясную картину прошлаго и его попытка вполне удалась ¹⁾.

Сочиненіемъ Скайлера мы и закончимъ свой библиографическій обзоръ сочиненій о Петрѣ Великомъ и его времени. Въ литературѣ царствованія императора Александра II, какъ мы уже говорили, существующіе указатели значительно облегчаютъ поиски ²⁾. Мы можемъ только напомнить и на этотъ разъ безъ всякихъ подстрочныхъ примѣчаній и разъясненій главнѣйшее изъ появившагося за послѣднія 30—35 лѣтъ. Масса разнообразнѣйшаго матеріала изъ году въ годъ накапливается въ Русскомъ Архивѣ и Русской Старинѣ, отчасти въ Читеніяхъ Общества Исторіи и Древностей; документы первостепенной важности помѣщаются въ Сборникъ Русскаго Историческаго Общества, какъ напримѣръ, письма и указы Петра, переписка Б. П. Шереметева, донесенія иностранныхъ пословъ: саксонскаго, прусскаго, французскаго и англійскаго; къ сожалѣнію, очень мало извѣстны „Матеріалы военно-ученаго архива главнаго штаба“; четыре

¹⁾ Одновременно съ книгой Скайлера появился и другой трудъ *J. Barrow, The life of Peter the Great (Edinburgh. 1883. 8°. 414 pag.)*. Упомянемъ о ней съ единственною цѣлью показать, какъ за границей возможно рядомъ съ хорошими трудами появленіе такихъ жалкихъ компиляцій. Въ концѣ XIX столѣтія авторъ все еще считаетъ для себя позволительнымъ руководствоваться такими сочиненіями, какъ Nestesurannoï, Mottley и т. п.; въ виду этого, не много пользы могъ онъ вынести изъ анекдотовъ Штелина и Поденной записки Петра. Въ результатъ вышло нечто среднее между романомъ, журнальною статьею и дѣтскимъ разказомъ. Единственно, кажется, стоящее вниманія, какъ особенность для русскаго читателя, это разказъ о пребываніи Петра въ Англии въ 1698 году, на основаніи современныхъ журналовъ, *History of his own times Бернэта, Life of Thomas Storey и Life of William Penn Кларксона*.

²⁾ Изъ таковыхъ отмѣтимъ главнымъ образомъ *Minzloff, Pierre le Grand dans la littérature étrangère. S.-Pbg. 1873. 8°. XV+691 pag. (Supplément. S.-Pbg. 1872. 692—721 pag.)*. Пользуясь этимъ трудомъ, не слѣдуетъ забывать болѣе ранней работы того же автора: „Библиографическіе отрывки. Статья пятая: Нѣсколько рядкихъ и малоизвѣстныхъ иноязычныхъ сочиненій, относящихся до Петра Великаго и его вѣка“ (*Отеч. Записки 1856, CIV (№ 2-й), 345—395*). Въ ней описано 64 сочиненія; хотя они всѣ упомянуты въ „*Pierre le Grand*“, но замѣчанія *Отеч. Записокъ* гораздо полнѣе и содержательнѣе. Въ изданіи 1872 года не всегда даже возможно ознакомиться съ характеромъ сочиненія, тогда какъ въ журнальной статьѣ все это дано. Изъ русскихъ библиографій см. уже упомянутый трудъ *В. И. Межова*: Юбилей Петра Великаго. Библиографич. указатель литературы Петровскаго юбилея 1872 г., съ прибавленіемъ книгъ и статей о Петрѣ I вообще, явившихся въ свѣтъ съ 1865 до 1876 г. включительно. С.-Пб. 1881. 16°. XV+230 стр. (указано 1049 нумеровъ).

выпуска „Писемъ Русскихъ государей“ всецѣло принадлежать Петровскому времени; „Письма и бумаги“ царя, изъ числа хранящихся въ Императорской Публичной Библиотекѣ, изданы А. О. Бычковымъ ко дню двухсотлѣтняго юбилея Петра; въ послѣдніе годы Академія Наукъ предприняла изданіе „Докладовъ и приговоровъ сената“; еще ранѣе синодъ и морское министерство начали публиковать важные матеріалы для исторіи этихъ учрежденій; археографическая коммиссія печатаетъ разныя дѣла о Шаковитомъ; частныя лица—сочиненія Посошкова (Погодинъ), „Сборникъ выписокъ изъ архивныхъ бумагъ о Петрѣ Великомъ“ (Есиповъ) и т. п.

Къ числу матеріаловъ же отнесемъ и мемуары; русскіе: Марковича, Ханенка, Неплюева, Мордвинова, перепечатку Нащокина въ Русскомъ Архивѣ и тамъ же недавно появившіяся записки П. А. Толстаго во время его заграничнаго путешествія; иностранные Корба, Берхгольца, Перри, Седерберга, Бассевича, Фокеродта и Плейера, а также статьи профессора Брикнера въ Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія о нѣкоторыхъ изъ названныхъ мемуаровъ (Фокеродтъ, Плейеръ, также Гордонъ, Рингуберъ и Веберъ).

Государственное устройство Россіи въ періодъ преобразованія, исторія ея учрежденій, сословій и пр. изслѣдуется въ извѣстныхъ курсахъ профессоровъ Градовскаго, Сергѣевича и Владимірскаго-Буданова; въ трудахъ Полѣнова (Уложеніе 1700 г.), Петровскаго (Сенатъ), Градовскаго (Высшая администрація), Мрочекъ-Дроздовскаго (Губерніи), Романовича-Славатинскаго (Дворянство), Дитятина (Города), Побѣдоносцева (Историческія изслѣдованія) и Ключевскаго (статьи въ Русской Мысли о холопствѣ).

Организація войска раскрывается въ цѣломъ рядѣ изслѣдованій Бобровскаго; недавно появилось сочиненіе Пузыревскаго: „Развитіе постоянныхъ регулярныхъ армій и состояніе военного искусства въ вѣкъ Людовика XIV и Петра Великаго“. По исторіи флота имѣются труды Елагина и Веселаго; по исторіи церковной—„Монастырскій приказъ“ и „О земельныхъ владѣніяхъ митрополитовъ, патріарховъ и св. синода“ проф. Горчакова; по исторіи культуры—извѣстный трудъ Цекарскаго (Наука и литература), сборникъ драматическихъ произведеній конца XVII и начала XVIII в., Тихонравова, послѣднее сочиненіе Брикнера Die Europäisirung Russlands и другіе.

Отдѣлъ біографій состоитъ изъ изслѣдованій П. К. Щебальскаго и Н. Я. Аристова о царевнѣ Софіи, Посселята—о Лефортѣ, Г. В. Есипова—о Меншиковѣ, Н. И. Костомарова—о Мазепѣ, В. И. Герье—о Лейбницѣ и его отношеніяхъ къ Россіи и Петру, А. Н. Попова и А. Г. Бригнера—о Посошковѣ, Д. А. Корсакова—о Волынскомъ, Н. А. Попова, Н. Чупина и К. Н. Вестужева-Рюмина—о Татищевѣ, И. А. Чистовича, П. О. Морозова и Ю. О. Самарина—о Теофанѣ Прокоповичѣ, Н. А. Попова—о П. А. Толстомъ. Наконецъ, въ Русской Старинѣ явился переводъ сочиненія Гельбига: „Russische Günstlinge“.

Вся эта литература, взятая въ ея цѣломъ, отнюдь не такова, чтобъ ее можно было характеризовать однимъ общимъ опредѣленнымъ и положительнымъ признакомъ; у нея еще нѣтъ пока законченныхъ рамокъ, и самое развитіе ея совершается безъ какой-либо установленной программы, выработаннаго плана. Вліяніе Соловьева продолжаетъ сказываться; все чаще и чаще повторяются слова о глубокой коренной связи реформы съ XVII вѣкомъ; разработка отдѣльныхъ эпизодовъ и сторонъ преобразовательной эпохи позволяетъ говорить это все сознательнѣе и убѣжденнѣе; но яснаго, всесторонняго представленія объ этой связи мы пока еще не имѣемъ, и обликъ Петра, въ конкретномъ представленіи, продолжаетъ стоять самостоятельнымъ и выдѣленнымъ отъ группы его предшественниковъ. Вотъ почему исторіографіи Петровскаго періода предстоитъ еще не мало работы въ ближайшемъ будущемъ.

Е. Шмурло.

РІНКВА—ЭСТОНСКОЕ НАЗВАНІЕ ГОРОДА ПСКОВА.

Предлагаемая статья принадлежит молодому даровитому слависту, слишком рано похищенному смертью, Петру Ивановичу Прейсу. Какъ известно, онъ нѣкоторое время, съ 1843 года по 1846 (когда скончался), занималъ кафедру славянскихъ нарѣчій въ С.-Петербургскомъ университетѣ, а до того состоялъ преподавателемъ въ Дерптской гимназіи. Замѣтка о названіи города Пскова—одна изъ раннихъ ученыхъ работъ Прейса, но и до сихъ поръ сохраняетъ интересъ при изученіи древнихъ отношеній между славянскими и финскими племенами. Будучи помѣщена въ дерптскомъ еженедѣльникѣ *Das Inland* 1839 г., № 13, она до сихъ поръ ускользала однако отъ вниманія нашихъ изслѣдователей, почему и предлагается здѣсь въ переводѣ. Переводчикъ позволилъ себѣ снабдить ее нѣсколькими дополнительными примѣчаніями.

Эстонское названіе города Пскова — *Rihkwa* или *Rihkoa*, сравнительно съ русскимъ названіемъ Псковъ, Плесковъ, подаетъ поводъ къ слѣдующимъ соображеніямъ:

1. Въ словѣ Псковъ окончаніе овъ въ творительномъ падежѣ даетъ не ииъ (Псковымъ), а омъ (Псковомъ), и такимъ образомъ это слово не имѣетъ характера имени прилагательнаго, какъ въ прочихъ именахъ городовъ, кончащихся на овъ ¹⁾. Слово это, слѣдовательно, склопается совершенно какъ имя существительное. Это почти единственное исключеніе должно имѣть свою причину. Рѣчь

---

¹⁾ Прейсъ дѣлаетъ здѣсь нѣсколько поспѣшное обобщеніе: кромѣ Пскова, есть и еще нѣсколько названій городовъ съ окончаніемъ на овъ, *овъ*, не имѣющихъ формъ прилагательнаго; таковы, напримѣръ: Тамбовъ, Туровъ, Ржевъ, въ творит. падежѣ—Тамбовомъ, Туровомъ, Ржевомъ. *Переводчикъ.*

Псковъ, при устьѣ которой построенъ городъ, объясняетъ дѣло. Очевидно, она дала названіе городу; окончаніе ова принадлежитъ къ числу тѣхъ, которыя приставляются обыкновенно къ славянскимъ названіямъ рѣкъ, и грамматически точно соотвѣтствуетъ готскому *a hwa*, древне-верхне-нѣмецкому *a ha*, древне-сѣверному *á* и латинскому *aqua*. Что и мужская форма окончанія овъ вмѣсто ова не была совсѣмъ необыкновенна, доказываетъ между прочимъ названіе рѣки—Волховъ ¹⁾.

2. Еще въ древнѣйшихъ русскихъ памятникахъ названіе Пскова встрѣчается въ двойной формѣ: Плесковъ (Пльсковъ) и Псковъ. Это различіе вызвало этимологическія объясненія, которыя однако не удовлетворительны, и именно потому, что не объясняютъ этого различія. Еще недавно Шафарикъ (*Staroř. Slow.*, стр. 530) возобновилъ еще разъ мнѣніе, что Плесковъ происходитъ отъ слова Плесо, озеро, „потому, что городъ лежитъ у большаго озера“ ²⁾. Онъ полагаетъ также, какъ и прежніе историки, что городъ дунайскихъ болгаръ *Pliskowa* или *Pliskuwa* носилъ то же имя. Но это положительно невѣрно—по слѣдующимъ причинамъ: а) Псковъ лежитъ не непосредственно при озерѣ, а въ нѣкоторомъ отъ него разстояніи. б) Словомъ плесо не объясняется остальная часть слова, а именно: ковъ. в) Какъ, въ такомъ случаѣ, объяснить исчезновеніе звука *л* во второй формѣ: Псковъ? д) Множество мѣстностей въ славянскихъ земляхъ называются, вслѣдствіе своего положенія при озерѣ, безъ дальнѣйшихъ разсужденій: Плесо, Плесъ, Плеса, напримѣръ, городъ въ Костромской губерніи Плесо (*Софійск. Временникъ*, II, 145). е) Названія города дунайскихъ болгаръ — *Pliskowa*, *Pliskuwa* ничего тутъ не разъясняютъ, потому что намъ не извѣстно положеніе этого города. При томъ же, славяне называли этотъ городъ Плиска, какъ это усматривается изъ болгарскаго перевода лѣтописи Константина Манассія ³⁾.

¹⁾ По свидѣтельству покойнаго Д. П. Европеуса, сообщеннаго академикомъ А. А. Кунякомъ, въ одномъ документѣ Гельсингфорскаго архива встрѣчается древне-королевское названіе рѣки Волхова въ формѣ *O:hawa*, съ удареніемъ на *o*.
Переводчикъ.

²⁾ Это слово видѣтся также и въ лопскомъ языкѣ (см. *Lexicon Lapponicum von Lindahl und Oehrling*): „*Plesse, lacus*“.

³⁾ Рукопись этого перевода находится въ Римѣ, а копія съ него въ Румянцовскомъ музеѣ. Извлеченія изъ этой рукописи см. въ Путешествіи въ Италію *Палацкаго* (Прага. 1838).
П. Прейсъ.

Полный списокъ болгарскаго перевода лѣтописи К. Манассія хранится также въ Московской синодальной бібліотекѣ.
Переводчикъ.

3. Эстонское названіе Pihkwa, Pihkoa особенно важно въ данномъ случаѣ. Оно удостовѣряетъ насъ, что названіе рѣки, съ перемѣною рода, перешло на городъ. Такъ и вышеозначенный городъ Плесо называется теперь Плесъ. Далѣе мы видимъ, что звукъ *л* въ словѣ Плесковъ не имѣетъ кореннаго происхожденія, потому, что еслибъ эсти познакомились впервые съ городомъ или рѣкою подъ названіемъ Плесковъ, то они, сообразно съ духомъ своего языка, назвали бы его навѣрное—Lihkwa. Итакъ, первоначальная форма этого названія была безъ звука *л*, слѣдовательно, не Плесковъ, а Псковъ или по древнѣйшей орѳографіи—Пьсковъ; эта послѣдняя форма въ достаточной мѣрѣ объясняетъ намъ вставку звука *л*: та вѣтвь славянскихъ языковъ, къ которой принадлежитъ русскій, отличается между прочимъ вставкою *л* послѣ *б, в, м, н*, если за этими согласными слѣдуетъ *ь* или мягкій гласный звукъ (Dobrowsky. Institutiones Linguae Slavicae, p. III). Такимъ образомъ и здѣсь изъ Пьсковъ образовалась сперва форма Пльсковъ, а затѣмъ (такъ какъ древній полугласный звукъ *ь* въ русскомъ языкѣ всегда переходитъ въ *е*) явилась и форма Плесковъ. Всѣ эти три формы встрѣчаются въ лѣтописяхъ. Совершенно подобно тому, какъ слова: корабль, рубль, журавль произносятся и бѣтъ вставки звука *л*, въ особенности въ устахъ народа, такъ случилось и со словомъ Пьсковъ; то-есть, древнѣйшая форма существовала на ряду съ новѣйшею. Вставка звука *л* внутрь слога послѣ губныхъ встрѣчается и въ другихъ случаяхъ.

4. Вѣрную этимологію слова Псковъ указалъ еще митрополитъ Евгеній (Исторія княжества Псковскаго, I, 12), такими словами: „...но жизнеописатель Ольгинъ производитъ названіе Пскова отъ рѣки Псковы, которал, кажется, такъ названа отъ пещанаго озера ¹⁾ и псковъ, изъ коихъ она вытекаетъ, и которые окружаютъ со всѣхъ сторонъ городъ Псковъ“. На нынѣшнюю орѳографію песокъ вмѣсто пѣсокъ не слѣдуетъ обращать вниманія; она основывается на томъ, что русскій языкъ не знаетъ теперь звуковаго различія между *ь* и *е*, тогда какъ другія славянскія нарѣчія, даже малорусское, строго соблюдаютъ его. Въ древне-славянскомъ языкѣ слово это имѣетъ форму пѣсъкъ. Знающему славянскій языкъ хорошо извѣстно, что въ случаяхъ сокращенія звукъ *ь* переходитъ и долженъ переходить въ *ь*. Такимъ образомъ мы видимъ, что изъ названія рѣки по древ-

¹⁾ Сюда Прейсъ прибавилъ: „Псковица“.

Переводчикъ.

ней орфографіи Пьськова (сокращенно изъ Пѣськова) произошло названіе города Пьськовъ (Пьсковъ) или съ вставкою—Пльсковъ, а впоследствии Плесковъ. Изъ этой послѣдней формы возникло нѣмецкое Pleskau, такъ какъ нѣмцы узнали этотъ городъ, конечно, позднѣе эстовъ. Эти послѣдніе знали о рѣкѣ Псковъ, по видимому, еще до возникновенія на ней города; по крайней мѣрѣ, на это обстоятельство указываетъ намъ окончаніе Pihkoa, Pihkwa въ сравненіи съ Пскова и Псковъ.

5. Можно было бы сказать кое-что и по поводу новѣйшей формы Опсковъ, иногда употребляемой народомъ; но это потребовало бы пространныхъ сопоставленій изъ всей области славянской филологіи, съ присоединеніемъ родственныхъ языковъ. Уже изъ одного этого примѣра мы видимъ, какъ языкъ или, точнѣе, его діалектъ, по исчезновеніи праязыка, съ теченіемъ времени пользуется то однимъ, то другимъ средствомъ; съ одной стороны, это кажется непослѣдовательнымъ, но съ другой, напротивъ, является естественнымъ и объяснимымъ.

6. Знатоки эстонскаго языка, вѣроятно, найдутъ въ немъ причину того, почему въ словахъ Pihkoa, Pihkwa русское с (Псковъ) перешло въ h (произносится какъ русск. x). Или, можетъ быть, эсты, какъ это свойственно всѣмъ народамъ (ср. Нѣмецкую грамматику Я. Гримма, II, 547—548), приспособили чужое слово къ болѣе имъ удобному, въ родѣ rihhi, пынь, песокъ (Словарь Гупеля. Изданіе 1780 года)?

III. Прейсъ.

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФІЯ.

Новгородская лѣтопись по Синодальному харатейному списку. Изданіе Археологической Коммисіи. С.-Пб. 1888.

Прошло почти пятьдесятъ лѣтъ со времени перваго изданія археологической коммисіей Синодальнаго списка Новгородскихъ лѣтописей подъ именемъ 1-й Новгородской лѣтописи; въ теченіе этого времени оно сдѣлалось библиографическою рѣдкостью, и всѣ занимающіеся изученіемъ отечественной исторіи съ нетерпѣніемъ ожидали новаго, готовившагося изданія, которое наконецъ и появилось въ прошломъ году. Исполненное подъ редакціей П. И. Саввантова, оно имѣетъ то уже преимущество предъ первымъ, что издано на основаніи четырехъ списковъ, между тѣмъ какъ у перваго издателя не было въ распоряженіи списка, принадлежащаго археологической коммисіи (рукопись половины XV вѣка). Въ основу новаго изданія (также какъ и перваго) положенъ, какъ и слѣдовало, древнѣйшій такъ-называемый Синодальный списокъ, а продолженіе напечатано по Коммисіонному списку.

Главное отличіе втораго изданія отъ перваго состоитъ въ слѣдующемъ: 1) въ болѣе точномъ опредѣленіи окончанія перваго почерка, которымъ писанъ Синодальный списокъ; именно: по первому изданію первый почеркъ оканчивается послѣ первыхъ пяти словъ 6708 г., а по второму—предъ двумя послѣдними извѣстіями 6707 г., то-есть, ровно на четыре печатныя строки раньше, и 2) въ болѣе правильномъ воспроизведеніи основнаго текста, такъ-называемаго Синодальнаго списка, при чемъ невѣрное исправлялось, а недо-

стающее дополнялось на основаніи позднѣйшихъ списковъ, — Коммиссіоннаго, Академическаго и Толстовскаго. Болѣе правильное чтеніе мы замѣтили въ слѣдующихъ мѣстахъ: подѣ 6638 г. „а из дони“ вм. „а и въ доми“ (Новг. лѣт. по Син. сп. 125. П. С. Л. III, 6), подѣ 6664 г. „пойдеши“ вм. „поядоша“ (Новг. лѣт. по Син. сп. 141. П. С. Л. III, 12), такъ какъ Аркадій ходилъ въ Кіевъ для ставленья только въ 6666 г., „іни“ вм. „они“ (ib. 147, 14), „ти ровати“ вм. „жировати“ (ib. 169, 22), „управитися“ вм. „правитися“ (194, 31), „бързѣхъ“ вм. „бързѣ“ (201, 34), „ні по сихъ, ни по сяхъ“ вм. „ни по сихъ, ни по онихъ“ (208, 37), „тысячскаго и Михайловъ“ вм. „тысячской Михайловъ“ (221, 41) „ижгоша“ вм. „изъжгоша“ (224, 42), „сови“ вм. „совни“ (244, 49), „видимо“ вм. „невидимо“ (280, 57), „на все“ вм. „все“ (ib.), „в земли“ вм. „земли“ (286, 59), „ти“ вм. „ту“ (154, 16), „творяше“ вм. „творяху“ (159, 18), „даньници“ вм. „даньники“ (161, 19), „Вънездѣ“ вм. „въ Незядѣ“ (163, 20), „съруби“ вм. „сърубиша“ (165, 20), „Яковли“ вм. „Яколи“ (128, 7). Впрочемъ нѣкоторыя невѣрности остались не исправленными; такъ подѣ 6647 г. сказано, что Ростиславъ сидѣлъ въ Новгородѣ „8 лѣтъ и 4 мѣсяцѣ“, а слѣдовало бы исправить согласно съ другими списками: „лѣто и 4 мѣсяцѣ“; такъ какъ Ростиславъ ¹⁾ прибылъ въ Новгородъ 10-го мая 1138 г., а убѣжалъ изъ него 1-го сентября 1139 г.; подѣ 6717 г. слѣдовало исправить явную ошибку „куры брати“ такъ, какъ было въ первомъ изданіи, то-есть, „куны брати“ (191, 30); думаемъ, что и самъ почтенный редакторъ согласится, что здѣсь идетъ дѣло не о курахъ; на стр. 203 напечатано „око“ вм. „яко“; на стр. 161 вм. „о Въскресеніи“ слѣдовало бы читать „оу Въскресеніи“; на стр. 201 напрасно вм. „Клавдія“ исправлено „Ѳеодула“; слишкомъ большая разница между этими именами и въ произведеніи, и въ написаніи; лучше было бы поправить на болѣе сходное имя Пуцлія, память котораго тоже празднуется 5-го апрѣля ²⁾); на стр. 291 слово „приде“, исправленное въ „при(ве)де“, могло бы остаться безъ исправленія: смыслъ въ обоихъ случаяхъ нисколько не измѣняется.

Вставокъ много; кромѣ малозначущихъ въ родѣ: *и, же, а, бы,*

¹⁾ Въ лѣтописяхъ вмѣсто Ростислава названъ Ярославъ (Лѣт. по Син. сп., 132), и эта ошибка осталась не исправленною.

²⁾ Въ нѣкоторыхъ рукописяхъ (Царскаго Сое. 1 лѣт. II. С. Р. № V, стр. 181, прим. е) читается Клавдіана, память котораго празднуется 5-го апрѣля.

и, но и т. п., нѣкоторыя прибавки служатъ къ точнѣйшимъ хронологическимъ („мѣсяца февраля," 131 стр.)¹⁾, или топографическимъ („у святаго Ильи", стр. 311)²⁾ опредѣленіемъ; или восстанавливаютъ пропущенныя въ подлинникѣ слова, напримѣръ: „Святослава" (152), „в лойвахъ" (163), (см. также стр. 305), или дополняютъ нѣкоторыя подробности: „с Псковичи" (275), „с Югрою" (стр. 169)³⁾; иногда прибавки взяты для ясности и связи рѣчи: „рекши тако" (стр. 167); нѣкоторыя вставки являются какъ бы глоссами, напримѣръ: „то вашъ князь" (241), „около Юрьева много и около Медвѣжин Головы" (243). Нѣкоторыя прибавки, очевидно, позднѣйшаго происхожденія и Синодальному списку принадлежать не могли; такъ, подъ 1242 г. въ древнѣйшемъ спискѣ о походѣ Александра Невскаго на нѣмцевъ сказано очень просто: „пойде князь Олександръ с Новгородци і с братомъ Андрѣемъ и с Низовци на Чюдскую землю на нѣмци і зая вся пути и до Пльскова"; въ позднѣйшихъ спискахъ эта простая безыскусственность испорчена вставкою въ уста Александра гордой рѣчи: „да не похвалятся (то-есть, нѣмцы) рече: укоримъ Словенскій языкъ, ниже себе" (стр. 259). Впрочемъ, не видно, чтобъ и редакторъ строго выполнялъ систему восполненія надлежащаго въ главномъ спискѣ побочными списками; такъ, пропуская множество мелкихъ реченій въ родѣ: къ (190, 191), и (193, 196, 197, 198), в (198, 199), ударити (И. С. Р. Л. III, 55), мы можемъ указать еще на пропускъ подъ 1207 и 1211 гг. молитвенной прибавки относительно Прокши Мальшевича и его сына (см. также стр. 322, пр. 3 и 14, стр. 324, пр. 9 и др.).

Всѣ вставки напечатаны особымъ шрифтомъ, если онѣ незначительны по объему, или, при большомъ объемѣ, отдѣлены продольною чертою съ отступленіемъ отъ поля страницы; есть недосмотры и въ этомъ отношеніи, такъ на стр. 220 слово „Новгородци", внесенное изъ побочныхъ списковъ, напечатано обыкновеннымъ шрифтомъ. Благодаря нѣкоторымъ прибавкамъ, измѣняется смыслъ; такъ, подъ 6681 г. говорится о построеніи церкви св. Спаса на воротахъ св. Георгія; такъ въ первомъ изданіи; въ послѣднемъ изъ К. А. Т. списковъ прибавлено (у) св. Георгія, что не одно и то же; прежнее чтеніе „Ивачя"

¹⁾ См. также 125, 128, 196 стр.

²⁾ Стр. 123, 143.

³⁾ См. также: стр. 144, 165, 171, 225, 240, 277, 307, 311, 317.

⁴⁾ Также 136, 141, 217, 249, 277.

измѣнено въ „и Вячя“: первое можетъ быть уменьшительнымъ отъ слова Иванъ, а второе „Вячеславъ“ (161—19); на стр. 167 читается: „поня съ собою попа (и) Иванка Легена“, въ прежнемъ изданіи „и“ нѣтъ. Въ иныхъ мѣстахъ смыслъ измѣняется отъ разстановки зна-ковъ препинанія: на стр. 203 читается: „не можетъ умъ челоувѣчскъ домыслити избьенныхъ; а повязанныхъ Ярославъ... повеле въ метати въ погребѣ“; въ прежнемъ изданіи читается: „не можетъ умъ челоувѣчскъ домыслити, избьенныхъ и повязанныхъ“. На стр. 208: „угонивъше и, яша“ вм. „угонивъше и яша“ (стр. 36), на стр. 234: „розграбиша и. Посадникъ же опять възъвари городъ всь“ вм.: „разграбиша и посадникъ...“ (стр. 46).

Извѣстія, недостающія въ Синодальномъ спискѣ, восполнялись изъ другихъ; такъ, подъ 6711 г. вставлены извѣстія о походѣ русскихъ князей на половцевъ и постриженіи Рюрика (стр. 179); подъ 6730 г. вставлено извѣстіе о нападеніи смолянъ на Полоцкъ (стр. 213). Подъ 6712 г. напрасно въ другой разъ изъ Коммисіонскаго и Толстовскаго списковъ помѣщены извѣстія: о побѣдѣ Ольговичей надъ Литвой, о смерти и погребеніи посадника Мирошки, о морѣ въ Новгородѣ и взятіи Константинополя, потому что первые три извѣстія помѣщены и въ Синодальномъ спискѣ подъ 6711 г. (стр. 179 и 188) и почти буквально въ Коммисіонномъ и Толстовскомъ спискахъ; извѣстіе о взятіи Константинополя, краткое, но самостоятельное, могло бы быть помѣщено въ примѣчаніяхъ, подъ чертой (см. также добавленія на стр. 271 и 272). Иногда не видно причинъ, почему при изданіи поступлено такъ, а не иначе. Почему, напримѣръ, повѣсть объ убіеніи Михаила Черниговскаго внесена въ текстъ, а повѣсть объ Александрѣ Невскомъ напечатана подъ чертой и мелкимъ шрифтомъ? Если судить по значенію этихъ личностей для Новгорода, то слѣдовало бы какъ разъ поступить на оборотъ. Въ историческомъ отношеніи ни та, ни другая повѣсть не даютъ ничего новаго сравнительно съ находящимися въ другихъ лѣтописныхъ сборникахъ.

Но главное и существенное отличіе настоящаго изданія отъ прежняго заключается въ слѣдующемъ: такъ какъ въ Синодальномъ спискѣ недостаетъ первыхъ пятнадцати тетрадей, то признано было цѣлесообразнымъ начало лѣтописи напечатать по Толстовскому и другимъ спискамъ. Противъ этого способа изданія мы можемъ возразить слѣдующее: прежде всего въ Толстовскомъ спискѣ (рукопись прошлаго столѣтія) помѣщено предисловіе, воспроизведенное и въ настоящемъ изданіи, при чемъ издатель руководствовался главнымъ образомъ авто-

ритетомъ Погодина. Но это совершенно неосновательно; ни Погодинъ, ни другіе его послѣдователи не привели никакихъ доказательствъ въ пользу принадлежности предисловія новгородскимъ лѣтописямъ ¹⁾. На страницахъ этого журнала мы уже старались доказать, по поводу книги г. Сенигова, что это предисловіе не принадлежитъ новгородскимъ лѣтописямъ; г. Сениговъ, при перепечаткѣ своего труда, не привелъ никакихъ новыхъ доказательствъ въ пользу своего мнѣнія и не опровергъ наши доводы; съ своей стороны, мы можемъ еще прибавить, что подъ именемъ „поганыхъ“, о которыхъ говорится въ данномъ предисловіи, разумѣть половцевъ и такой знаменитый авторитетъ въ русской исторической наукѣ, какъ Соловьевъ (И. Р., III, 127 прим.), а упоминаніе о половцахъ, какъ о врагахъ Русской земли, болѣе всего естественно въ устахъ южнорусса-киевлянина, чѣмъ сѣвернорусса-новгородца, и никто, безъ сомнѣнія, не укажетъ, кого изъ Новгородскихъ князей слѣдуетъ разумѣть подъ расплодившимися Русскую землю. Такимъ образомъ въ виду сомнительности и недоказанности факта принадлежности предисловія новгородскимъ лѣтописямъ не слѣдовало бы, по нашему мнѣнію, и печатать его.

Другое возраженіе мы имѣемъ слѣдующее: всѣ ученые согласны въ томъ, что въ недостающихъ тетрадахъ Синодальнаго списка находилась первоначальная лѣтопись; это вѣрно. Но вотъ вопросъ: съ тѣми ли прибавленіями, которыя находятся въ позднѣйшихъ спискахъ новгородской лѣтописи? Въ этомъ позволительно усумниться, и во всякомъ случаѣ кое-что находящееся въ нихъ, не могло находиться въ Синодальномъ спискѣ. Такъ, подъ 989 г. помѣщены списки великихъ князей Киевскихъ и Новгородскихъ, до Василія Васильевича Темнаго включительно, митрополитовъ, Новгородскихъ архіепископовъ до того же времени, посадниковъ еще до болѣе поздняго времени (Новг. лѣт. по син., сп., стр. 66—71). Очевидно, эти списки позднѣйшаго происхожденія, составлены никакъ не раньше половины XV вѣка и никоимъ образомъ не могли принадлежать тому списку новгородскихъ лѣтописей, который теперь извѣстенъ у насъ подъ име-

¹⁾ Вотъ подлинныя слова Погодина: „Синодальный, Академическій, Толстовскій суть три списка одной и той же лѣтописи. Начало ея сохранилось въ Толстовскомъ. Оно было слѣдовательно и въ прочихъ, но утратилось. Нѣтъ никакого права предполагать, что этого начала тамъ не было“ (Исслѣд., зам. и лек., V, 332). Вотъ на этомъ-то: „слѣдовательно“ и „нѣтъ никакого права“ и зиждется вся аргументація.

немъ Синодальнаго; значитъ, не слѣдовало бы помѣщать и этого каталога и вообще всего начала позднѣйшихъ списковъ предъ Синодальнымъ.

Въ виду тѣхъ сомнѣній, которыя вызываются предисловіемъ и началомъ новгородскихъ лѣтописей, гораздо лучше было бы, по нашему мнѣнію, Синодальный списокъ—этотъ древнѣйшій и важнѣйшій памятникъ отечественнаго бытописанія—воспроизвести въ томъ видѣ, какъ онъ былъ воспроизводитъ первыми издателями, то-есть, напечатать его совершенно отдѣльно, чтобы рельефнѣе видѣть его составъ, а потомъ помѣстить начало и конецъ позднѣйшихъ списковъ, употребивъ ихъ для вариантовъ на пространствѣ существованія Синодальнаго списка.

Къ изданію приложены два снимка почерковъ съ Коммиссіоннаго и Академическаго списковъ. По нашему мнѣнію, было бы лучше помѣстить снимки съ Синодальнаго списка, который даетъ заглавіе тому и заслуживаетъ особеннаго вниманія, какъ древнѣйшій изъ всѣхъ обнародованныхъ доселѣ памятниковъ отечественнаго лѣтописанія.

Кому же принадлежалъ списокъ, извѣстный теперь подъ именемъ Синодальнаго? По нашему мнѣнію, мы можемъ рѣшить этотъ вопросъ при помощи трехъ послѣднихъ приписокъ, которыми онъ заканчивается. Изъ этихъ приписокъ первая двѣ ¹⁾ исключительно, а послѣдняя отчасти, касаются Новгородскаго-Юрьевскаго монастыря. Для рѣшенія даннаго вопроса особенно важна вторая приписка, въ которой мѣсто записи обозначено очевидно и несомнѣнно: „поновлена бысть“, сказано въ ней, „церки си свитый Георгій покровомъ.. поспѣшенемъ святаго мученика Христова Георгия, повелѣниемъ боголюбиваго архимандрита Новгородскаго Есифа“ (Лѣт. по Син. сп., 328—329). Третья приписка, хотя прямо и не относится къ Юрьевскому монастырю, но также могла быть сдѣлана въ немъ: Юрьевскій архимандритъ Никифоръ сопутствовалъ архіепископу Василию въ его поѣздкѣ во Псковъ. Значитъ, и самая тетрадь, на которой сдѣлана означенная приписка, принадлежала тому же монастырю. Припоминая, что нами сказано было о знаменитомъ Тимоѣѣ-пономарѣ, какъ авторѣ нѣкоторыхъ лѣтописныхъ замѣтокъ, записанныхъ при Юрьевскомъ монастырѣ, мы теперь къ этому можемъ прибавить, что при

¹⁾ Замѣтимъ, что первая двѣ приписки въ Академическомъ спискѣ вошли уже въ число лѣтописныхъ извѣстій и почти буквально.

означенномъ монастырѣ не ограничивались записью единичныхъ замітокъ, а списывали цѣлые своды, и что самый древнѣйшій сводъ повгородскихъ лѣтописей, дошедшій до насъ, принадлежалъ Юрьевскому монастырю, и потому его справедливѣе было бы называть Юрьевскимъ, а не Синодальнымъ.

Ив. Тихомировъ.

Исторія среднихъ вѣковъ. Съ приложеніемъ очерка средневѣковой исторіографіи. Университетскія чтенія профессора *Н. А. Осокина*. Томъ первый (до XIII столѣтія). 1888. Казань.

Книга профессора Осокина, во многихъ отношеніяхъ удивительная, замѣчательна также совершенно разнорѣчивыми отзывами, которые уже успѣли о ней появиться. Въ Историческомъ Вѣстникѣ ее похвалили, но въ другомъ петербургскомъ журналѣ, именно въ Библиографѣ, совсѣмъ напротивъ — указали въ книгѣ много неисправностей. Въ Русскомъ Вѣстникѣ недавно появилась статья, подписанная весьма авторитетнымъ именемъ, извѣстіе котораго, можно сказать, и нѣтъ въ русской ученой и особенно учено-педагогической литературѣ, и въ этой статьѣ не безъ одобренія говорилось и о произведеніи казанскаго профессора. Въ противность тому въ другомъ учено-литературномъ журналѣ, выходящемъ въ Москвѣ, въ Русской Мысли, въ рецензіи, написанной, по всѣмъ признакамъ, знающимъ человѣкомъ, то же самое произведеніе названо явленіемъ патологическимъ, свидѣтельствующимъ о крайне небрежномъ отношеніи профессора къ своему дѣлу, либо о совершенномъ непониманіи своего предмета. Въ чемъ же заключается правда? Послѣ весьма тщательнаго изученія книги, мы должны сказать, къ нашему величайшему сожалѣнію, что справедливъ именно послѣдній отзывъ. Рецензентъ Русской Мысли произнесъ приговоръ волюнѣ справедливый, хотя онъ можетъ показаться на первый взглядъ недостаточно мотивированнымъ, такъ какъ въ рецензіи указано только небольшое количество ошибокъ и невѣрностей, притомъ не самыхъ вопіющихъ. То, что мы сами нашли въ этой тождстой книгѣ, съ которою обязаны были ближе ознакомиться, превосходитъ всякое вѣроятіе, всяческія границы возможнаго и простибельнаго. Сочиненіе профессора похоже на отвѣтъ плохаго студента, кое-что читавшаго, кое-что слышавшаго, но ничего толкомъ не усвоившаго. Представляется трудная задача разъяснить загадку, какимъ образомъ могло производти и появиться

на свѣтъ столь чудовищное произведение. Ради этого мы займемся имъ подробнѣе, постараемся собрать побольше разнообразныхъ примѣровъ.

О какихъ-либо идеальныхъ, высшихъ требованіяхъ, которыя слѣдуетъ предъявлять къ университетскому курсу, было бы совсѣмъ напрасно толковать по поводу подлежащей намъ книги. Довольно прочитать нѣсколько страницъ, посвященныхъ основнымъ явленіямъ средневѣковой исторіи, чтобы убѣдиться въ полномъ несоотвѣтствіи изложенія съ современнымъ состояніемъ науки. Приводятся, правда, внизу страницы новыя и новѣйшія, нѣмецкія и французскія, лучшія спеціальныя сочиненія, раздаются громкія имена Вайца и Рота, Гизо и Тьерри, но все это—пустое украшеніе. Профессоръ Осокинъ гордится полнотою своихъ библиографическихъ указаній и обращаетъ на нихъ наше вниманіе въ своемъ предисловіи, но тутъ просто какое-то упомянутое. Въ самомъ изложеніи часто и слѣда нѣтъ какого-либо знакомства со взглядами авторитетовъ, приводимыхъ во свидѣтельство содержащимся въ текстѣ нелѣпостямъ. Посмотримъ, на примѣръ, что наговорилъ профессоръ Осокинъ о феодализмѣ въ спеціальной главѣ, озаглавленной „происхожденіе феодальной системы“ (стр. 171—186). На стр. 174 онъ сообщаетъ намъ, что по этому вопросу сдѣланы многія изслѣдованія, отмѣчаетъ Маурера, Рота и Вайца по изданію 1882 года, а затѣмъ прибавляетъ, что ихъ выводы вполне усвоены Вальтеромъ въ его „Исторіи нѣмецкаго права“, въ книгѣ, которая-де служитъ образцомъ исторической обработки древняго права... Но какъ же, однако, книга Вальтера, точное заглавіе которой почему-то не указано, могла усвоить всѣ выводы Вайца въ позднѣйшей ихъ видоизмѣненной формѣ, когда она (*Deutsche Rechtsgeschichte*) появилась даже во второмъ изданіи на тридцать лѣтъ ранѣе указываемой г. Осокинымъ обработки классическаго труда Вайца? Отмѣчено также ученое изслѣдованіе профессора Виноградова „Происхожденіе феодальныхъ отношеній въ лангобардской Италіи“ (Петербургъ. 1880). Но очевидно, что профессоръ Осокинъ мало знакомъ съ этимъ ученымъ изслѣдованіемъ; иначе онъ нашелъ бы сказать что-нибудь болѣе опредѣленное и выразительное объ этомъ трудѣ своего сотоварища по наукѣ, трудѣ, составляющемъ по истинѣ украшеніе русской исторической литературы. Въ изложеніи происхожденія феодальной системы профессоромъ Осокинымъ нѣтъ и слѣда какого-либо изученія отмѣчаемаго имъ русскаго ученаго изслѣдованія, равно какъ знакомства съ Вайцемъ и Ротомъ. Иначе опъ

не напечаталъ бы такой безсмыслицы, образецъ которой можно читать тутъ же въ текстѣ, на верху страницы 174:

„Овладевъ известною областью, германцы берутъ съ ея третью долю, иногда половину, а иногда $\frac{1}{3}$ земли себѣ. Такимъ образомъ количество несвободныхъ должно было возрасти, потому что увеличивалось покоренными. Но рѣдко гдѣ стирался національный элементъ; это случилось только въ С. В. Галліи, гдѣ были ничтожныя римскія колоніи, а кельтское населеніе было очень велико. Тутъ прежніе владѣльцы были уничтожены массой или обращены въ оброчныхъ. Напротивъ, чѣмъ южнѣе въ Галліи, тѣмъ менѣе было франковъ; они какъ будто боялись идти далѣе и селились ближе къ своимъ прежнимъ владѣніямъ. Въ Аквитаніи и южной Галліи ихъ почти не было, поэтому то тамъ въ большой чистотѣ сохранился латинскій языкъ. Вообще германцы не столько отнимали земли, сколько селились на пустопорожнихъ мѣстахъ или на доменахъ римскаго императора. Надо также замѣтить, что въ оброчныхъ германцы обращали только мелкихъ землевладѣльцевъ, а крупныя оставались неприкосновенными“...

Уже и здѣсь господствуетъ порядочная путаница, которая къ концу отрывка становится столь несвободною, что мы прервали на время выписку. Прежде всего не объяснено самое существенное, способъ раздѣла земли при германскихъ завоеваніяхъ, если уже нужно говорить о завоеваніяхъ: раздѣлъ производился съ отдѣльными землевладѣльцами, а не по отношенію ко всей провинціи въ совокупности, такъ что подлѣ каждаго римскаго землевладѣльца появлялся новый, отобравшій у стараго треть или двѣ трети его земли. Какимъ же образомъ могло при этомъ увеличиться число несвободныхъ? Обыкновенно полагаютъ, что напротивъ, вслѣдствіе завоеванія число свободныхъ увеличилось. Далѣе, чтѣ за странное сопоставленіе—рѣдко и только? И какъ понимать, что кельтское населеніе было велико только въ сѣверо-восточной Галліи? Развѣ въ другихъ частяхъ Галліи, болѣе цветущихъ и многолюдныхъ, оно было меньше? Развѣ профессоръ Осокинъ полагаетъ, что въ Галліи романизованное населеніе было только тамъ, гдѣ были римскія колоніи, подъ которыми онъ, очевидно, понимаетъ буквально выводъ жителей изъ одной страны въ другую? И чтѣ считаетъ онъ національнымъ элементомъ въ Галліи? Если галльскій, то-есть, кельтскій, то почему онъ долженъ былъ скорѣе стертись тамъ, гдѣ былъ наиболѣе великъ? Какой это латинскій языкъ сохранился въ своей чистотѣ въ Аквитаніи и до ко-

того времени? Литературный или разговорный, такъ-называемый вульгарный, крестьянскій (*sermo rusticus*)? Если утверждать о всѣхъ германскихъ племенахъ вообще, что они не отнимали земель у римлянъ, а селились на пустопорожнихъ земляхъ, то это будетъ вопиющая, колоссальная неправда. А что значить раздѣлы: бургундскій, вестготскій, герульскій, лангобардскій и т. д.? И отчего это авторъ, говоря объ южной Галліи съ точки зрѣнія возможности сохранить свою національность, забылъ, что, кромѣ франковъ, были въ ней еще ранѣе бургунды и вестготы? Изъ вышесказаннаго очевидна явная невѣрность утвержденія, что крупные землевладѣльцы вообще остались неприкосновенными; на оборотъ, именно они всѣхъ скорѣе и всѣхъ болѣе подвергались неприятой необходимости раздѣла. (Однимъ словомъ, во всемъ отрывкѣ нѣтъ ни одной точной и сознательно сказанной фразы, а господствуетъ наборъ словъ, возбуждающій у сколько-нибудь понимающаго человѣка рядъ вопросовъ и недоумѣній. Дальше (стр. 175) идетъ не лучше, а пожалуй еще хуже:

„На новыхъ земляхъ германцы не сохраняютъ общиннаго строя, всякое преданіе о немъ исчезаетъ (?); всякій заботится о себѣ. Свободные люди, нѣкогда связанные общинною собственностью, они теперь разсѣялись по всей странѣ. Забыты идеи общины; у каждого имѣется свой кусокъ земли, который онъ имѣетъ право передать своимъ дѣтямъ, онъ получаетъ его по жребію, или же по праву перваго захвата. Такъ какъ жребій назывался на старонѣмецкомъ языкѣ *Lod*, потомъ *Allod*, то и эти участки стали называться аллодами, а самая система аллодіальною“ и т. д.

Ничего подобнаго нѣтъ, конечно, ни у Вайца, ни у Рота, ни даже у Вальтера. Есть ученые, которые отрицаютъ общинное землевладѣніе у германцевъ даже въ первоначальную эпоху, описанную Тацитомъ, и тогда, конечно, совершенно послѣдовательно они не находятъ его слѣдовъ и въ позднѣйшемъ бытѣ. Но нѣтъ ни одного ученаго, который допускалъ бы и общинную собственность у германцевъ до ихъ поселенія въ римскихъ предѣлахъ, и затѣмъ не находилъ никакихъ ея слѣдовъ послѣ. Для этого нужна лишенная всякаго смысла неслѣдовательность профессора Осокина! Онъ какъ будто не слышалъ о томъ, что въ Салической Правдѣ существуетъ статья *de migrantibus*, служащая главнымъ аргументомъ о существованіи общиннаго землевладѣнія у франковъ. Онъ совсѣмъ не знаетъ, что въ этой Правдѣ самое слово *alodis*, означающее полную собственность, прилагается только къ

движимому имуществу. И кто теперь говоритъ объ аллодіальной системѣ въ томъ смыслѣ, какъ въ вышеприведенной выпискѣ?

Попятія г. Осокина о бенефиціяхъ и ленахъ, изложенныя на стр. 177 и сл., такъ же отстали, сбивчивы и невѣрны, какъ и все предыдущее: „Когда король, въ благодарность за услуги, давалъ дружиннику землю, то эта земля дѣлалась только личною собственностію послѣдняго. Король не давалъ сначала въ наслѣдственное владѣніе земель. Это была пожизненная награда за услугу, родъ нашего стариннаго московскаго кормленія“. Зачѣмъ же путать столь бессмысленно термины собственность, владѣніе и кормленіе? „За это дружинникъ обязывался королю военною службой. Получившій такую землю, называвшуюся *beneficium*, приносилъ особую присягу, отличную отъ присяги всѣхъ прочихъ аллодіальныхъ владѣльцевъ“. Какъ извѣстно, господствующее теперь ученіе, развитое Ротомъ и принятое въ существенномъ, какъ-разъ обратное. Королевскія пожалованія или бенефиціи первоначально давались въ полную собственность, никакихъ специальныхъ обязанностей на получателя не возлагали и тѣмъ менѣе сопровождались особою присягой. Послѣ (стр. 181), впрочемъ, г. Осокинъ утверждаетъ, что аллодіальные владѣльцы вовсе не принимали присяги королю! Совершенно въ такомъ же родѣ изложены и разсужденія о вассальности (стр. 183), начинающіяся совершенно ложнымъ увѣреніемъ, что соответствующее выраженіе употребляется съ десятаго вѣка вмѣсто *commendatio*.

Посмотримъ теперь, какъ г. Осокинъ разсуждаетъ о другомъ основномъ вопросѣ средневѣковой исторіи, о происхожденіи городскихъ общинъ и о коммунальномъ движеніи (см. стр. 551). „Прежде всего послѣдствія этого историческаго движенія (крестовыхъ походовъ), отразились во Франціи. Съ этого же времени, то-есть, съ начала XII вѣка, подъ вліяніемъ крестовой идеи и по указанію прежнихъ древнеримскихъ традицій, появляется городская организація, связывающая интересы многихъ членовъ общества. Раньше нами было замѣчено, что города въ Италіи, при императорѣ Конрадѣ II, а потомъ при Фридрихѣ II, добились себѣ самоуправленія и что въ нихъ послѣ Констанскаго мира утвердилась коммунальная система. Это же названіе „коммуна“ перешло и на свободные города Лангедока, а оттуда распространилось дальше на сѣверъ. Самое латинское слово „коммуна“ обозначаетъ понятіе, выражающее общность интересовъ. Первое время въ памятникахъ, какъ галльскихъ, такъ и италіанскихъ, для выраженія идеи самостоятельности городовъ,

встрѣчаемъ терминъ *conjuratio, communa jurata* отъ *jurare* клясться. Такое названіе общины показывасть, что ея члены давали клятву защищать общіе интересы и поддерживать другъ друга. Отсюда горожане, соединившіеся между собою такимъ взаимнымъ обязательствомъ, назывались *jurati (jurés)*, то-есть, присяжные... Нѣкоторые изъ *jurati* входили въ составъ городского управленія“...

Во всемъ этомъ пропасть неточнаго и неяснаго, но все блѣднѣетъ предъ дальнѣйшими словами, какія слѣдуютъ непосредственно за выписанными: „Вообще коммуна во Франціи сложилась подъ вліяніемъ франккаго этнографическаго элемента; франкамъ, какъ всему германскому племени, былъ свойственъ духъ ассоціаціи“. Вотъ тебѣ разъ! А при чемъ же прежнія древнеримскія традиции, съ которыхъ началось у насъ разсужденіе? Г. Осковинъ открылъ новый способъ примирить двѣ научныя противоположныя теоріи. Слѣдуетъ только въ началѣ говорить одно, а въ заключеніе совсѣмъ другое, начать по Савиньи (римскія традиции), а закончить вообще по Гегелю (германскія гильдейскія ассоціаціи). Послѣдуемъ дальше: „Эта идея еще раньше XII вѣка проявлялась въ Германіи въ такъ называемыхъ цехахъ (нѣм. *gilde*). Она же проявлялась и на почвѣ Галліи послѣ водворенія франковъ. Обыкновенно въ городахъ ремесленники, занимавшіеся однимъ ремесломъ, съ цѣлью взаимной помощи, для соблюденія своихъ интересовъ и для поддержки своего производства составляли небольшія кружки—цехи; они давали клятву неуклонно заботиться объ интересахъ своего цеха и не нарушать цеховыхъ постановленій. Цеховые меры и консулы были предшественниками коммунальных меровъ и консуловъ, а самый цехъ былъ зародышъ коммуны“. Новый сюрпризъ заключается здѣсь въ томъ, что средневѣковныя гильдіи поняты какъ ремесленные цехи. Нужно ли говорить, что это совсѣмъ не вѣрно? Нужно ли разъяснять истины почти азбучныя, имѣя предъ собою университетскій курсъ?

Обратимся отъ общихъ отдѣловъ къ повѣствованіямъ и сообщеніямъ объ отдѣльныхъ историческихъ явленіяхъ и фактахъ, выбирая наиболѣе важное.

Вотъ идетъ рѣчь о реформахъ Діоклетіана (стр. 14): „Натуральныя повинности были отмѣнены (не вѣрно). Для сбора поземельнаго налога вся территорія каждыя 15 лѣтъ дѣлилась на равныя участки, опредѣлявшіеся числами головъ и копытъ“. Копытъ!! Какихъ и чьихъ копытъ? Откуда явились эти копыта? Виногато ли тутъ созвучіе съ латинскимъ словомъ *capita* или же смѣшеніе двухъ вѣмецкихъ словъ

die Hufe и der Huf? Ничего невѣроятнаго нѣтъ ни въ томъ, ни въ другомъ предположеніи, потому что и далѣе, кромѣ множества фактическихъ невѣрностей, встрѣчаются безобразія въ родѣ *illustri, spectabiles* (стр. 15). Какъ бы ни повертывали приведенныя слова, они во всякомъ случаѣ будутъ доказывать, что написавшій ихъ совсѣмъ не заботился сообщить другимъ или даже для себя пріобрѣсть ясное понятіе о податной реформѣ Діоклетіана. Цѣлыя двѣ страницы наполнены путаницею и вздоромъ: „Если случалось, что владѣлецъ участка не могъ заплатить налога, то за несостоятельнаго платилъ богатый, а господа за рабовъ“. Неслыханное законодательство! Не мѣшало бы объяснить, какой богатый: ужели первый появившійся? „Конечно, всѣ эти гражданскія и военныя силы не могли придать прочности государству. Естественно, что имперія близка была къ паденію сама по себѣ. Реформы, введенныя Діоклетіаномъ и Константиномъ, могли только временно поддержать падающую имперію: онѣ не устранили главныхъ причинъ паденія. Никто не выразилъ точнѣе этого трепетнаго ожиданія чего-то новаго, какъ Вергилій, который предчувствовалъ новый порядокъ тремя вѣками раньше“... (стр. 15). Ясное дѣло, что Вергилій тутъ совсѣмъ не кстати, какъ говорится, ни къ селу, ни къ городу. Трепетное ожиданіе его давно исполнилось, ибо его „пророческая эклога“ обыкновенно толкуется въ отношеніи къ ожидаемому Искупителю, къ явленію Христа. Вся статья, начинающаяся приведеннымъ отрывкомъ и озаглавленная „экономическія причины паденія древне-римскаго общественнаго строя“, представляетъ сумбуръ помятій и нескладницу, вполне соотвѣтствующія началу. Какъ своего рода перлы, тутъ выдаются строки, въ которыхъ утверждается, что въ Римской республикѣ въ періодъ, предшествовавшій ея преданію, избирали въ высшія должности (то-есть, пользовались избирательнымъ правомъ) только тѣ, которые владѣли обширными помѣстьями, и что республика пала между прочимъ потому, что уменьшилось число избирателей (стр. 16). Но вѣдь мы кое-что слышали о римскомъ пролетаріатѣ, который требовалъ хлѣба и зрѣлищъ и который за деньги и подачки продавалъ свои голоса при выборахъ на высшія должности...

Оставимъ римлянъ и обратимся къ варварамъ. Вотъ (на стр. 62 и сл.) профессоръ Осокинъ разсуждаетъ о новыхъ германскихъ родахъ, появляющихся на исторической сценѣ съ третьяго вѣка. Объ аллеманахъ написано нѣсколько строкъ, въ которыхъ совершенно игнорируются новѣйшія возвращенія на тожество этого племени съ

Тацитовскими семнонами или же свевами, но за то сообщается, будто Діонъ Кассій, впервые называвшій аллемановъ, написалъ біографію Римскаго императора Каракаллы. Отъ автора, который ставитъ въ заслугу себѣ исторіографическій обзоръ источниковъ, приложенный въ концѣ тома, такого грубаго промаха ожидать было трудно. О франкахъ онъ трактуетъ, судя по ссылкѣ внизу страницы, на основаніи спеціальной диссертациі — Лейбница! Ужели послѣ Лейбница никто не занимался вопросомъ о происхожденіи франковъ? Ужели ни Зибель, ни Шредеръ (Schröder) не заслуживаютъ никакого вниманія?.. Что же нашъ авторъ почерпнулъ у Лейбница? „Издавна франки славились своею дерзкою отвагой и своими морскими походами, смѣлымъ плаваніемъ на плоскихъ лодкахъ, сплетенныхъ изъ вѣтвей, изъ Чернаго моря въ Нѣмецкое“. Можно подумать, что такое трудное и отчаянное плаваніе было постояннымъ занятіемъ племени, а не единичный фактъ, притомъ довольно сомнительный. „Эти походы и героическія странствія отразились на ихъ народномъ эпосѣ“. Никто не слышалъ о такомъ эпосѣ. „Можетъ быть, слово франкъ происходитъ отъ тевтонскаго *franc*, что значитъ блуждающій“. Самъ же авторъ сообщаетъ далѣе, что такое толкованіе слова несовсѣмъ правильно, а лучше сказать, совсѣмъ неслыханно. „Но это выраженіе правильнѣе переводитъ выраженіемъ свободный, свирѣпый“, сообразно древнѣйшему смыслу слова... Все остальное въ такомъ же родѣ, съ прибавленіемъ искаженій, которыя, пожалуй, можно объяснить небрежностію корректуры: узипетры, подобно тому какъ на предыдущей страницѣ на ряду съ маркоманнами какіе-то самониты.

Къ варварамъ профессоръ Осокинъ почему-то причисляетъ и знаменитаго Аэція, котораго обыкновенно называютъ послѣднимъ римляниномъ. Онъ твердитъ объ этомъ очень настойчиво и придаетъ этому — ложному — факту особенное значеніе. „Аэцій воспитывался при гуннскомъ дворѣ; можетъ быть, онъ и самъ былъ гуннскаго происхожденія“ (стр. 21, 22). Но вѣдь положительно извѣстно противное. „Мы не знаемъ, любилъ ли онъ въ душѣ римскую цивилизацію... онъ защищалъ честь и достоинство имперіи, самъ будучи варваромъ, противъ другаго (стр. 22)... Это показываетъ азіатскую изворотливость и хитрость Аэція“ (стр. 29)—а еще болѣе обличаетъ незнаніе того, кто это пишетъ...

Объ Одоакрѣ (стр. 105) написано нѣчто совсѣмъ невѣроятное. „Одоакръ, вождь геруловъ, рѣшилъ сбросить маску и объявить себя... настоящимъ господиномъ Италіи. Съ этою цѣлью, упоенный успѣхами,

онъ вступилъ въ Италію, свергнувъ съ престола Ромула Августула... это было въ концѣ 476 г. Одоакръ побѣдилъ, взялъ въ плѣнъ и казнилъ Ореста, а сыну его назначилъ богатыхъ имѣній. Побѣдитель провозгласилъ для проформы (sic) императоромъ сверженнаго Юлія Непота; но послѣдній даже не пріѣхалъ въ Римъ изъ своихъ далматскихъ имѣній, предоставивъ управленіе Италіей Одоакру. Тогда дружина Одоакра избрала императоромъ его самого!! Начать съ того, что Одоакру не зачѣмъ было вступать въ Италію, когда онъ уже давно находился въ ней. Въ изложеніи г. Осокина утрачивается самый смыслъ событія, исчезаетъ именно та наиболѣе существенная черта его, что событіе 476 года вовсе не было слѣдствіемъ нападенія извнѣ, а внутреннимъ переворотомъ, произведеннымъ такими силами, какія уже давно укоренились въ Италіи. Совсѣмъ не вѣрно, что Одоакръ провозгласилъ императоромъ Непота: онъ и дѣла не хотѣлъ имѣть съ этимъ бывшимъ Западнымъ императоромъ, а обращался къ императору Восточному Зенону, котораго намѣстникомъ желалъ быть въ Италіи...

Нельзя пройти молчаніемъ двухъ безобразныхъ страницъ (115, 116), посвященныхъ законодательству Юстиніана. Хотя здѣсь и вѣтъ копытъ, но за то многія другія прелести. „Кодексъ — официально введенъ 29-го декабря 529 года. Затѣмъ издаются *digestae, institutiones, repetitae praelectionis*, наконецъ *novellae*“. „Въ него (*Corpus juris civilis*) вошли 1) собственно *Codex Justiniani* (никто такъ не пишетъ), какъ существенный сборникъ положительныхъ законовъ... 2) *Institutiones*... 3) *Digestae*... 4) *Codex repetitae praelectionis* въ 12 книгахъ, тѣ же *digestae*, съ дополненіями изданными въ 529 году“. Итакъ, историкъ то различаетъ какія-то особня *repetitae praelectionis*, то полагаетъ, что до насъ дошли два кодекса: просто кодексъ, и кодексъ *repetitae praelectionis*... Не желая истощать запасъ рѣзкихъ выраженій, скажемъ, что это — крайне любопытно!

На стр. 126, 127 рѣчь идетъ о Меровингахъ и первоначальной исторіи Франкскаго государства. Общія разсужденія автора можно пропустить; они не могутъ быть выше и лучше, чѣмъ его фактическія свѣдѣнія. Нельзя безъ смѣху читать даже и то, что въ извѣстной степени вѣрно. „До XI вѣка мы не знаемъ собственно французской исторіи, а знаемъ лишь борьбу германскихъ дружинъ (?) на галльской почвѣ. Дѣйствительно, центръ историческаго дѣйствія переносится изъ Рима въ Галлію, но это будетъ исторія германская, а никакъ не французская. Повелитель Галліи (Хлодовихъ) не зналъ другаго языка, кромѣ герман-

скаго. Даже Карлъ Великій не былъ знакомъ съ галльскимъ языкомъ“. Впервыхъ, откуда автору извѣстно, что Хлодовихъ, или, какъ онъ пишетъ, Клодовой (считая именно такую форму первоначальной), не зналъ по крайней мѣрѣ латинскаго разговорнаго языка? Дѣти его во всякомъ случаѣ его знали, а внуки даже дѣлали попытки преобразованій въ латинской грамотѣ. Г. Осокину все предписится кельтскій языкъ, и даже отъ Карла Великаго онъ готовъ потребовать знанія кельтскаго языка. Но вѣдь это крайне наивно. Гдѣ было Карлу Великому научиться кельтскому языку, когда сами кельты (=галлы) давно его забыли? Отъ вниманія глубокомысленнаго автора ускользаетъ маленькій фактъ — романизация Галліи, и то, что прежде чѣмъ сдѣлаться французскою, Галлія при Каролингахъ и при Меровингахъ была странюю романскою. „Монахъ Рикеръ (но когда онъ жилъ? развѣ нѣтъ на лицо ближайшихъ свидѣтелей?) въ своей лѣтописи (развѣ онъ писалъ лѣтопись?) говоритъ, что франки пошли въ Галлію съ цѣлію истребить римлянъ за ихъ притѣсненія, и что съ такою свирѣпостію они стали поступать съ перваго же города (кажется, что Рихеръ не говоритъ ничего подобнаго). Сѣверною Галліей (развѣ всею?) въ то время правилъ Сіагрій, намѣстникъ византійскій (терминологія не точная), ибо тогда уже имепи Западной Римской имперіи не существовало. Онъ былъ разбитъ въ 486 году Хлодвигомъ при Суассонѣ... Хлодвигъ утвердился въ странѣ до самой Соммы“ (но дѣло въ томъ, что странюю до Соммы Хлодовихъ владѣлъ еще раньше своей побѣды надъ Сіагріемъ)... Потомъ слѣдуютъ: „Кротекильда, прозванная потомъ Клотильдою“ (какъ будто это не одно и то же имя), „Григорій Турскій, галль по рожденію“ (а можетъ быть, чистый римлянинъ?) и т. п.

Въ такихъ вопросахъ, какъ слѣдствія лангобардскаго завоеванія въ Италіи (стр. 152, 153), г. Осокинъ столь же силенъ, какъ и въ объясненіяхъ о происхожденіи феодализма. Скучно выписывать цѣлыя страницы жалкой путаницы... Еще разъ пожалѣемъ, отчего казанскій профессоръ не обратился къ сочиненію своего московскаго собрата, которое ему по имени хорошо было извѣстно. Новый перлъ учености представляетъ замѣчаніе г. Осокина о мальбергскихъ глоссахъ въ Салической Правдѣ (стр. 129). Онъ рѣшаетъ вопросъ объ ихъ происхожденіи очень просто, хотя и съ нѣкоторою важностію въ тонѣ. „Что касается до варіантовъ въ рукописяхъ, то это объясняется записываніемъ перевода подъ диктовку германцевъ, когда естественно трудно было составителю быстро подобрать подходящій терминъ“.

Пропуская многое множество отмѣченныхъ нами при чтеніи примѣровъ неряшливости, непониманія, пустословія, приведемъ два наиболѣе разительныхъ: одинъ—изъ исторіи византійской, другой—изъ нѣмецкой. Вотъ что г. Осокинъ изволилъ начертать о патриархѣ Фотіѣ (стр. 319): „Онъ (разумѣется до своего избранія) не имѣлъ ничего общаго съ церковью. Онъ пріобрѣлъ извѣстность, какъ наставникъ дѣтей императора Теофила... Онъ понравился императрицѣ Теодорѣ, которая отдала ему руку своей сестры. Съ тѣхъ поръ его карьера, говоря нынѣшнимъ языкомъ, упрочилась. Онъ сталъ первымъ секретаремъ имперіи. Ему было 60 лѣтъ, какъ императоръ предложилъ ему санъ патриарха. Онъ былъ вдовъ!“ Онъ былъ вдовъ! Конечно, это необходимо было прибавить, когда прежде было сказано, что онъ былъ женатъ. Но на самомъ дѣлѣ онъ никогда не былъ женатъ; руку сестры Теодоры получилъ не онъ, а его братъ (или по другимъ, дядя) Сергій. Наставникомъ дѣтей императора Теофила онъ тоже не былъ. Наконецъ онъ родился въ 816 года, и слѣдовательно въ 857 году, когда ему предложено было патриаршество, достигъ самое большее сорока лѣтъ...

Теперь о папѣ Григоріѣ VII (стр. 454, 455)... Но слѣдуетъ ли много утруждать читателей и себя? Не довольно ли будетъ и такой оригинальной черты: въ числѣ анти-императоровъ, выставленныхъ противу Гейнриха IV папою, г. Осокинъ помѣщаетъ Генриха Распе (стр. 444). Сначала мы глазамъ своимъ не вѣрили, но такъ—Генрихъ Распе, и это повторено нѣсколько разъ, тутъ даже нѣтъ смѣшенія съ Генрихомъ Люксембургскимъ, который названъ отдѣльно (см. стр. 460: кромѣ Генриха Распе — Генрихъ Люксембургскій). Но какъ же это такъ? Въ учебникахъ обыкновенно значитъ, что Генрихъ Распе былъ противопоставленъ не Генриху IV, а Фридриху Гогенштауфену... Въ довершеніе сего, внизу ссылка, которая гласитъ, что „о Генрихѣ Распе есть спеціальная, основательно обработанная докторская диссертация В. А. Вильбасова (С.-Пб. 1886)“. Что на это скажетъ В. А. Вильбасовъ? По нашему мнѣнію, онъ имѣетъ право преслѣдовать проф. Осокина судебнымъ порядкомъ, такъ какъ онъ своею цитатою бросаетъ недостойную тѣнь на его ученую репутацію.

Указанія на источники и пособия, которыми сопровождается основной текстъ въ книгѣ профессора Осокина, также не отличаются правдивостью — помимо опечатокъ, могущихъ служить оправданіемъ. Здѣсь говорится о лѣтописяхъ Бэды достопочтеннаго и какого-то Вигорна (разумѣется Florentius Wigornensis, хроника Флоренція

Ворчестерскаго; Florence of Worcester), а также о хроникѣ Симеона Dup. (то-есть, Symeonis Dumelmensis, Дѣргамскаго, of Durham) и т. д. (стр. 159); здѣсь (стр. 188) сочиненіе Биндинга названо Geschichte der Burgunden, тогда какъ настоящее заглавіе есть „Geschichte des burgundisch-römischen Reichs“; вмѣсто Simson (на стр. 227) по опечаткѣ читается Simeon; Муральтъ (стр. 309) названъ Muralto и т. п. Тутъ же невѣрное сообщеніе, будто французское изданіе византійцевъ ограничивалось подлинниками, и будто только Нибуръ сталъ издавать источники византійскіе съ латинскимъ переводомъ: напротивъ, нѣмцы только перепечатывали старые латинскіе переводы французовъ...

Къ курсу приложенъ отдѣльный очеркъ средневѣковой исторіографіи. Задумано было дѣло хорошее, но задача исполнена тоже неудовлетворительно, хотя все-таки этотъ отдѣлъ представляетъ сравнительно лучшую часть большаго тома ¹⁾. Нельзя отрицать знакомства профессора Осокина съ источниками средневѣковой исторіи; но тѣмъ удивительнѣе тѣ вопіющія невѣроятности, которыя наполняютъ его историческое изложеніе. Остается вопросъ: какъ объяснить столь чудовищное явленіе? Авторъ въ своемъ предисловіи сообщаетъ намъ, что „основаніемъ изданія послужили университетскія чтенія автора, нѣсколько разъ литографированныя въ продолженіе его университетской дѣятельности“, что „исторія первой половины среднихъ вѣковъ (=именно та часть, которая вышла въ свѣтъ и составляетъ предметъ нашей рецензіи) передъ выпускомъ въ свѣтъ подвергалась неоднократно переработкѣ“. Не совсѣмъ ясно, какимъ путемъ совершилась переработка; слово „неоднократно“ заставляетъ насъ пред-

¹⁾ Выборъ писателей, на которыхъ *останавливается* авторъ очерка, представляется иногда довольно случайнымъ; изданія ихъ сочиненій указываются не тѣ, какія слѣдуетъ указывать—старыя и недоступныя, вмѣсто новыхъ болѣе исправныхъ и легче доступныхъ: напримѣръ, для Иорданиса (Иорнанда) приведены изданія Муратори и Клосса, а не отмѣчены изданія Гольдера и даже Моммсена (стр. 7); то же самое при Григоріѣ Турскомъ (стр. 10): тутъ является какой-то странный и неслыханный для насъ издатель „Les Francs“, а не указано изданіе Арида. Объ Егнгардѣ (=Ейнгардѣ) все еще говорится, что онъ былъ женатъ на дочери императора Карла Великаго (стр. 30). То, что сказано о первыхъ историкахъ Крестовыхъ походовъ (стр. 43), совсѣмъ не вѣрно и даже не съ чѣмъ несообразно. Съ какой стати авторъ сталъ называть орннковъ въ исторіографіи *дикарями* (стр. 10), когда прежде довольствовался терминомъ „варвары“. Не *Абладій* назывался готскій историкъ, на котораго ссылался Иорнадъ, а *Аблавій* (стр. 6).

полагать, что переработка состояла въ повтореніи читаннаго прежде курса и въ новомъ его литографированіи студентами. Для чести профессора мы желали бы думать, что ранѣе печатанія онъ не далъ себѣ труда внимательно просмотрѣть записанное его слушателями, хотя противъ этого предположенія говорятъ иные случаи нарочитой путаницы, какой не могли бы придумать столь мало знающіе люди, какъ начинающіе студенты... Во всякомъ случаѣ очень жаль, что такая книга явилась, и притомъ съ именемъ автора, который имѣетъ извѣстныя заслуги предъ русскою наукою и, какъ доказываютъ другіе его труды (имѣемъ въ виду „Политическія движенія въ западной Европѣ въ первой половинѣ нашего вѣка“. Казань. 1885), обладаетъ талантомъ литературнаго изложенія, свободнаго отъ всякой неряшливости и дурной размашистости, характеризующихъ вышедшій теперь томъ. Для возстановленія своей чести профессоръ Осокинъ прежде всего долженъ былъ бы изъять его изъ обращенія и всѣ экземпляры предать сожженію.

В. В—скій.

О математическихъ сочиненіяхъ Герберта.

Dr. H. Weissenborn. GERBERT. Beiträge zur Kenntniss der Mathematik des Mittelalters. Berlin. 1888.

Въ ряду тѣхъ многихъ загадочныхъ личностей первой половины среднихъ вѣковъ, о которыхъ историческая наука, не смотря на упорныя усилія своихъ служителей, еще далеко не сказала своего послѣдняго слова, Гербертъ занимаетъ безспорно одно изъ самыхъ выдающихся мѣстъ. Начавъ свою блистательную карьеру скромнымъ монахомъ въ монастырѣ св. Геральда въ Орильякѣ въ Оверни, онъ былъ послѣдовательно: аббатомъ богатѣйшаго италіанскаго монастыря Боббіо, архіепископомъ Реймскимъ, архіепископомъ Равенскимъ, и, наконецъ, папой подъ именемъ Сильвестра II († 1003).

Такии необыкновенными успѣхами на политическомъ и церковномъ поприщахъ Гербертъ былъ обязанъ единственно своему уму, своей поразившей современниковъ учености, которая обвиняла всѣ *septem artes liberales* того времени, достигая своего кульминаціоннаго пункта въ наукахъ математическихъ, то-есть, въ квадривіи. Не удивительно поэтому, что имя Герберта популярно одинаково, какъ въ политической и церковной исторіи, такъ и въ исторіи математики. Сборникъ

писемъ Герберта, писанныхъ имъ частью отъ своего имени, частью отъ имени другихъ лицъ, есть одинъ изъ важнѣйшихъ и вмѣстѣ съ тѣмъ интереснѣйшихъ источниковъ для политической и церковной истории Франціи въ концѣ X вѣка. (Послѣднее, удостоенное *prix Gobert*, но тѣмъ не менѣе неудовлетворительное изданіе всѣхъ сочиненій Герберта: A. Olleris. *Oeuvres de Gerbert. Clermont-Ferrand et Paris. 1867*). Вопросъ о хронологической послѣдовательности этихъ писемъ, изъ которыхъ ни одно не имѣетъ даты своего написанія, а ихъ всѣхъ болѣе двухсотъ, есть въ сущности главный вопросъ, предъявляемый ими изслѣдователю. Онъ имѣетъ уже обширную литературу на западѣ и даже перекочевалъ къ намъ въ Россію. Такъ, у насъ есть сочиненіе г. Горюхова „Гербертъ или папа Силивестръ II“, напечатанное въ Киевскихъ Университетскихъ Извѣстіяхъ за 1886 годъ. Авторъ настоящей статьи долженъ сознаться, что и онъ несетъ на себѣ отчасти вину водворенія этого вопроса въ русской исторической литературѣ, выпустивъ въ маѣ 1888 года первый томъ сочиненія „Сборникъ писемъ Герберта, какъ историческій источникъ“. Это-то послѣднее обстоятельство, то-есть, нѣкоторое знакомство съ сочиненіями Герберта, не исключая и математическихъ, а особенно знакомство съ рукописнымъ состояніемъ этихъ сочиненій, и даетъ автору настоящихъ строкъ смѣлость говорить о сочиненіи Вейссенборна, разборъ котораго лежитъ собственно на обязанности историковъ математики.

Вопросы, которые связаны съ математическими сочиненіями Герберта, могутъ претендовать на интересъ, пожалуй, болѣе общій, чѣмъ тотъ, который представляютъ его письма и нѣкоторые другіе трактаты. Въ послѣднемъ изданіи произведеній Герберта, сдѣланномъ, какъ выше сказано, Оллерисомъ, напечатаны слѣдующіе математическіе трактаты Герберта: „*Regula de abaco computi*“ (pp. 311—348), „*Libellus de numerorum divisione*“ (pp. 349—356), „*Geometria*“ (pp. 401—470), маленькіе трактаты въ формѣ писемъ: „*Epistola ad Adalboldum*“ (pp. 477, 478), „*Gerbertus papa Constantino abbati Miciacensi*“ (p. 479, 480). Сюда слѣдуетъ, наконецъ, присоединить еще два письма, вошедшія въ составъ сборника писемъ Герберта, а именно „*Gerbertus salutem dicit fratri Adac*“ (p. 85, ep. 155) и „*Remigio monacho Treverensi*“ (p. 68, ep. 124). Послѣднее, не смотря на свой микроскопическій размѣръ (въ немъ всего нѣсколько строчекъ), подало поводъ къ весьма сложнымъ комментаріямъ, которые однако своей цѣли не достигли. Письмо къ Ренигію такъ и осталось загадкой, чему, впрочемъ, въ значительной степени способствовалъ

не совсѣмъ правильный текстъ его, установленный изданіемъ Оллериса. Автору настоящей статьи удалось найти четыре неизвѣстныя до сихъ поръ математическія произведенія Герберта, которыя далеко не лишены значенія. Они напечатаны въ „Сборникѣ писемъ Герберта“, стр. 315—321. Первое изъ нихъ связано съ упомянутымъ выше трактатомъ „*Libellus de numerorum divisione*“ и имѣетъ форму письма къ тому Константину, для котораго Гербертъ написалъ этотъ трактатъ. Второе и третье—письма къ тому же Константину, имѣющія цѣлью разъяснить главы 10-ю и 21-ю второй книги „Музыки“ Боэція. Наконецъ, четвертое есть комментарий на 1 главу второй книги ариметики Боэція. Такимъ образомъ, Гербертъ документально утверждается въ качествѣ комментатора „Музыки“ и „Ариметики“ Боэція, о чемъ Вейссенборнъ на стр. 242 могъ дать только весьма неопредѣленные соображенія.

Что касается трактата „*Regula de abaco computi*“, фигурирующаго первымъ въ этомъ перечнѣ, то онъ напечатанъ Оллерисомъ впервые. Приписавъ его Герберту безъ всякаго на то основанія, Оллерисъ оказалъ наукѣ плохую услугу. Friedlein, въ рецензіи на книгу Оллериса (*Schlömilch's Zeitschrift für Mathematik t. XII; Literaturzeitung*, p. 75), и Вейссенборнъ на стр. 210—214, чувствовали, что здѣсь что, то не ладно, были принуждены искать сложныхъ доказательствъ противъ принадлежности этого трактата Герберту, между тѣмъ какъ при личномъ знакомствѣ съ рукописями всѣ сомнѣнія исчезаютъ сами собою и смѣняются изумленіемъ передъ критическими приемами Оллериса. Къ этому вопросу мы вернемся ниже.

По устраненіи этого послѣдняго трактата, столь неудачно вынурнувшаго изъ неизвѣстности подъ именемъ Герберта, за этимъ послѣднимъ, откидывая въ сторону его математическія письма, остаются еще два важныя сочиненія, а именно: „*Libellus de numerorum divisione*“ и „*Geometria*“. Они-то и обращали на себя главнымъ образомъ вниманіе историковъ математики и вотъ почему.

„*Libellus de numerorum divisione*“ есть въ сущности рядъ правилъ относительно умноженія и дѣленія чиселъ. Эти правила выражены столь кратко и сжато, что понять ихъ могъ развѣ ученый другъ Герберта Константинъ, по просьбѣ котораго Гербертъ взялся ихъ нанести на пергаментъ, или подобныя ему ученые современники Герберта. Другіе же при чтеніи этого трактата должны были ломать себѣ голову и по большей части безуспѣшно. Уже въ XII столѣтіи Вильгельмъ изъ Мальмесбери говоритъ о правилахъ Герберта: „Не-

сомнѣнно, что Гербертъ первый похитилъ у сарацінъ искусство абака, относительно котораго онъ и далъ правила такого рода, что ихъ насилу могутъ понять абацисты, хотя бы они и напрягались до испаринъ¹⁾. Такимъ образомъ, если вѣрить Вильгельму изъ Мальмесбери, абацисты, хотя и съ трудомъ, но все-таки могли понимать смыслъ гербертовскаго трактата. Когда же съ теченіемъ времени способъ вычисленій, изложенный въ этомъ трактатѣ, былъ вытѣсненъ изъ употребленія другими способами и отошелъ въ область исторіи, „*Libellus de numerorum divisione*“ сталъ не разрѣшимой загадкой и остался таковою до первой половины настоящаго столѣтія. Въ это именно время на него обратилъ вниманіе знаменитый французскій математикъ Chasles и, при помощи своей обширной начитанности въ рукописныхъ математическихъ трактатахъ XI и XII столѣтій, впервые (хотя другой знаменитый историкъ математики Libri и пробовалъ оспаривать у него первенство) разсвѣялъ мракъ, окутывавшій до тѣхъ поръ это черезъ-чуръ лаконическое произведеніе Герберта²⁾. Послѣ прекрасной статьи Friedlein'a „*Gerbert's Regeln der Division*“³⁾, продолжившаго дѣло Шаля, всѣ сомнѣнія относительно смысла гербертовскаго трактата могутъ считаться устраненными. Шаль, впервые объяснившій этотъ трактатъ, первый и указалъ на его значеніе въ исторіи математики. „*Libellus de numerorum divisione*“ есть, какъ оказывается, первый по времени своего появленія трактатъ въ цѣлой серіи сходныхъ съ нимъ по системѣ вычисления трактатовъ, появившихся въ теченіе XI и XII столѣтій и обыкновенно называвшихся „книгами“ или „правилами“ абака. „Абакъ“ этихъ трактатовъ есть въ сущности разграфленнаѣ вертикально доска (или

¹⁾ „*Abacum certe primus a Saracenis sapiens regulas dedit, quae a sudantibus abacistis vix intelliguntur*“ (Rec. des Hist. de Fr., t. X, p. 243).

²⁾ *Comptes rendus des séances de l'Académie des sciences*, t. XVI (1843), pp. 156—173, 218—246, 281—299, 1393—1420. Chasles привлекъ для объясненія „*Libellus*“ анонимный трактатъ, начинающійся словами: „*Ars ista vocatur abacus*“. Отъ обширной начитанности Шаля не ускользнулъ и другой анонимный трактатъ, начинающійся словами „*Rationes numerorum abaci*“... Онъ цитируетъ его p. 1403 n. 1, 1411 n. 2, 1415 n. 3, въ первомъ случаѣ съ ссылкой на *Ms: Bibl. Nat. fonds Baluze*, arm. 4, *raquet 6 n. 5* (=fonds Baluze № 129) и *Bruxelles 10078—95*. Мы думаемъ, что Шаль обратилъ бы болѣе вниманія на этотъ трактатъ, еслибъ ему была извѣстна одна римская рукопись, изъ которой явлено, что это прямо комментарий на „*Libellus*“ Герберта. Но объ этомъ мы будемъ говорить въ другомъ мѣстѣ (ср. „Сборникъ писемъ Герберта“, стр. 144).

³⁾ *Schlömilch's Zeitschrift für Mathematik*, t. IX (1864), pp. 145—171.

кусокъ пергамента), на которой производились вычисленія. Сами вычисленія построены на признаніи значенія цифръ по ихъ положенію на графахъ абака: если считать справа, то каждая графа абака увеличивала значеніе стоящей въ ней цифры въ десять разъ. Такимъ образомъ, при помощи всего девяти знаковъ на абакѣ можно было выразить какое угодно число. Наша десятая цифра, нуль, не была необходимостью для абакиста, такъ какъ съ удобствомъ замѣнялась просто пустою графою абака. Напримѣръ, чтобы написать на абакѣ цифру 1001, достаточно было поставить по единицѣ въ четвертой и первой графѣ абака справа, графы же третья и вторая справа, оставаясь пустыми, замѣняли абакисту наши два нуля. Правда, за то, когда абакисту приходилось записывать результаты своихъ вычисленій внѣ абака, онъ долженъ былъ прибѣгать къ неудобной римской системѣ изображенія чиселъ. Въ своемъ сочиненіи Гербертъ ни слова не говоритъ ни объ абакѣ, ни о томъ, при помощи сколькихъ цифръ онъ изображалъ числа. Но свидѣтельство его ученика Рихера ¹⁾ ставитъ внѣ сомнѣнія фактъ, что Гербертъ изображалъ на своемъ разграфленномъ на 27 графъ абакѣ всѣ числа при помощи девяти вырѣзанныхъ изъ рога цифръ, въ которыхъ теперь не сомнѣваются видѣть цифры, обыкновенно называемыя арабскими. Какъ въ самомъ устройствѣ абака, числѣ и внѣшнемъ видѣ цифръ, употреблявшихся на немъ, такъ и въ правилахъ, которыя даются Гербертомъ и другими абакистами для умноженія и дѣленія чиселъ, нельзя не видѣть громаднаго сходства съ нашею современною десятичною системою счисленія: правила абака покоятся, очевидно, на десятичной системѣ. Только отсутствіе нуля мѣшало абакистамъ обходиться безъ абака, то-есть, безъ спеціальнаго аппарата для вычисленія, и перейти отъ инструментальнаго къ нашему современному письменному вычисленію. Такъ какъ трактатъ Герберта въ ряду сочиненій объ абакѣ XI и XII столѣтій занимаетъ по времени своего написанія первое мѣсто, то вопросъ въ томъ, откуда Гербертъ почерпнулъ свою систему вычислений. Шаль, найдя въ „Геометріи“, приписываемой Бозцію, описаніе системы вычислений, сходной съ Гербертовою, помимо прочихъ сторонъ, даже и по употребленію жетоновъ съ написанными на нихъ 9 цифрами (по всей вѣроятности, такъ-называемыя арабскими: по крайней мѣрѣ въ нѣкоторыхъ рукописяхъ на абакѣ, нарисованномъ

¹⁾ Richeri Historiarum liber IV, c. 54 въ Monumenta Germaniae Historica Scriptorum, t. III, p. 618.

въ концѣ первой книги „Геометріа“ Боэціа, находятся изображенія этихъ цифръ), сталъ утверждать, что нашими цифрами и нашей современной системой счисления мы обязаны не арабамъ, какъ это обыкновенно принималось, а классическому міру. Гербертъ же только вновь обратилъ вниманіе на то, что уже было извѣстно Боэцію и что по непонятной причинѣ пришло послѣ Боэціа въ забвеніе. Этотъ неожиданный, парадоксальный выводъ вызвалъ обширную полемику, которая сосредоточилась главнымъ образомъ около сочиненій Боэціа и Герберта. Возникъ вопросъ о подлинности „Геометріа“ Боэціа или, по крайней мѣрѣ, о подлинности той части ея, въ которой описывается вычисленіе на абакѣ. Этотъ вопросъ раздѣлилъ ученыхъ на два враждебные лагеря, но и до сихъ поръ еще не можетъ считаться окончательно рѣшеннымъ. Въ настоящее время къ числу наиболѣе ревностныхъ защитниковъ подлинности геометріи Боэціа принадлежитъ Канторъ ¹⁾. Вейсенборнъ, слѣдуя по стопамъ Фридлейна ²⁾, придерживается противоположнаго мнѣнія и даже написалъ специальное сочиненіе съ цѣлью доказать, что „Геометріа“ Боэціа явилась на свѣтъ нѣсколькими столѣтіями позже Боэціа ³⁾.

Нѣсколько позднѣе, чѣмъ „*Libellus de numerorum divisione*“, возбудила къ себѣ вниманіе критики „*Geometria*“ Герберта. Въ ея подлинности сомнѣвался еще Оллерисъ (р. 594), но гораздо болѣе авторитетныя сомнѣнія противъ подлинности ея высказалъ Фридлейнъ въ своей, указанной уже выше, рецензій на книгу Оллериса. Онъ пришелъ къ заключенію, что такъ-называемая геометрія Герберта состоитъ изъ трехъ ничѣмъ между собою не связанныхъ частей (сс. 1—13; сс. 14 и, можетъ быть, до с. 40; сс. 41—94), изъ которыхъ только вторая часть могла бы скорѣе другихъ быть приписана Герберту.

¹⁾ *Cantor*. *Mathematische Beiträge zum Kulturleben der Völker*. Halle. 1863; *Die römischen Agrimensoren und ihre Stellung in der Geschichte der Feldmesskunst*. Leipzig. 1876; *Vorlesungen über Geschichte der Mathematik I*. Leipzig. 1880.

²⁾ *Friedlein*. *Gerbert, die Geometrie des Boetius und die indische Ziffern*. Ein Versuch in der Geschichte der Arithmetik. Erlangen. 1861.

³⁾ *H. Weissenborn*. *Die Boetius Frage*, *Schlömilch's Zeitschrift für Mathematik*, t. XXIV (1879), Historisch-Litterarische Abtheilung, *Abhandlungen zur Geschichte der Mathematik*, pp. 187—240. Вейсенборнъ написалъ еще слѣдующія сочиненія: *Die Entwicklung des Zifferrechnens*. Eisenach. 1877; — *Die Uebersetzung des Euclid aus dem arabischen durch Adelhard von Bath* въ *Schlömilch's Zeitschrift*, t. XXV (1880), *Hist. Litter. Abth.*, Supplementheft, pp. 141—166; — *Die Uebersetzung des Euclid durch Campano und Zamberti*. Halle. 1882.

Дрымъ защитникомъ подлинности геометріи Герберта выступилъ опять-таки Канторъ.

Противъ Кантора вооружился Вейссенборнъ. Настоящее его сочиненіе занято главнымъ образомъ ученою полемикой съ Канторомъ по вопросу о подлинности „Геометріи“ Герберта, истинномъ источникѣ ея математическаго содержанія. Понятно поэтому, что оно не могло быть встрѣчено съ одинаковымъ сочувствіемъ нѣмецкими историками математики. Изъ двухъ краткихъ замѣтокъ о сочиненіи Вейссенборна, которыя намъ извѣстны, одна нисколько не лестна для Вейссенборна (*Deutsche Literaturzeitung*, № 22, 2-го іюня 1888 г.), авторъ другой (*Literar. Centralblatt*, № 30, 21-го іюля 1888 г.), напротивъ, его одобряетъ.

Книга Вейссенборна состоитъ изъ 5-ти главъ: I. Die Geometrie Gerberts (pp. 1—95), II. Alte Mess-Methoden und Mess-Instrumente (pp. 96—168), III. Die complementäre Multiplication (pp. 169—208), IV. Rechenbrett und Rechnen bei Gerbert (pp. 209—239), V. Ueberblick (pp. 240—251). Въ концѣ книги находятся шесть таблицъ чертежей. Первая половина книги, то-есть, главы первая и вторая, связана съ такъ-называемою „Геометріей“ Герберта и имѣетъ цѣлью доказать, что эта „Геометрія“ не есть цѣльное произведеніе, а состоитъ изъ трехъ ничѣмъ между собою не связанныхъ частей (въ дѣленіи геометріи на части опъ слѣдуетъ Фридлейну); что изъ этихъ трехъ частей только первая, представляющая собою, по всей вѣроятности, начало неизвѣстнаго намъ геометрическаго трактата, обнаруживаетъ въ своемъ авторѣ человѣка, болѣе или менѣе владѣвшаго своимъ матеріаломъ, но и въ авторѣ этой первой части нѣтъ основанія видѣть Герберта, который уже подавно не могъ быть авторомъ второй и третьей; что, наконецъ, все содержаніе такъ-называемою „Геометріи“ Герберта не можетъ быть выведено исключительно изъ области тѣхъ свѣдѣній, которыми обладали римляне и греки: извѣстная доля этого содержанія (особенно во второй и третьей части) носитъ на себѣ слѣды заимствованія изъ арабскихъ математиковъ. Вторая половина книги Вейссенборна связана съ „*Libellus de numerorum divisione*“. Главная мысль ея слѣдующая: Такъ-называемое „железное“ дѣленіе, которому учитъ Гербертъ въ своемъ „*Libellus*“, и которое въ сущности состоитъ въ дѣленіи не на данный дѣлитель, а на дѣлитель, дополненный до слѣдующаго за нимъ кратнаго отъ десяти, и въ исправленіи происшедшей вслѣдствіе этого ошибки, основано, надо полагать, на такъ-называемомъ

момъ умноженіи съ дополненіемъ (до слѣдующаго кратнаго отъ десяти); а это послѣднее можно выводить изъ арабскихъ источниковъ. Слѣдовательно, и „*Libellus*“ Герберта, какъ и приписываемая ему „*Геометрія*“, носятъ на себѣ слѣды заимствованія изъ арабскихъ источниковъ. Вотъ въ общихъ чертахъ планъ работы Вейссенборна. Къ несчастію, нѣкоторыя отступленія, неуважныя долги, обусловленныя желаніемъ опровергнуть Кантора по пунктамъ (даже тамъ, гдѣ въ этомъ не было особой нужды), нѣсколько искусственное расположение матеріала (особенно въ первой главѣ) въ зависимости отъ положеній Кантора, увеличили объемъ книги и нѣсколько затемнили ясность этого плана.

Глава I (*Die Geometrie Gerberts*) самая важная въ книгѣ Вейссенборна и потому заслуживаетъ болѣе подробнаго разбора, чѣмъ остальные. Выводы этой главы зиждутся на данныхъ двоякаго рода: 1) на свѣдѣніяхъ о состояніи рукописей „*Геометріи*“ Герберта, 2) на фактахъ и соображеніяхъ, почерпнутыхъ авторомъ изъ анализа содержанія „*Геометріи*“ и изъ литературы предмета.

Въ вопросахъ, подобныхъ рѣшаемому Вейссенборномъ въ первой главѣ своей книги, данныя о состояніи рукописей играютъ несомнѣнно первостепенную роль. Нельзя рѣшать вопроса о подлинности „*Геометріи*“ Герберта, не собравъ самыхъ точныхъ и по возможности полныхъ свѣдѣній о состояніи рукописей этой „*Геометріи*“ и не установивъ предварительно на основаніи лучшихъ рукописей правильнаго текста трактата. Къ несчастію, Вейссенборнъ и въ томъ, и въ другомъ отношеніяхъ вполне довольствуется тѣмъ, что нашелъ въ полной всяческаго смѣшенія книгѣ Оллериса, которому, такимъ образомъ, удалось ввести въ заблужденіе еще одного человѣка и присоединить его къ числу многочисленныхъ уже жертвъ своей небрежности. Собственно говоря, если Вейссенборнъ взялся за вопросъ о „*Геометріи*“ Герберта, то хотя бы въ оправданіе авторитетнаго тона, которымъ онъ иногда говоритъ, ему было прямо обязательно постараться провѣрить по крайней мѣрѣ нѣкоторыя показанія Оллериса, чтобы составить себѣ хоть какое-нибудь представленіе о томъ, на сколько имъ можно довѣрять; ввести, наконецъ, повныя рукописи въ свое изслѣдованіе, что, вслѣдствіе появленія со времени выпуска въ свѣтъ книги Оллериса новыхъ каталоговъ, было весьма возможно. По крайней мѣрѣ, полнѣйшее спокойствіе Вейссенборна въ этомъ отношеніи ему, какъ специалисту изслѣдователю, вполне прощено быть не можетъ. Но уже прямо можно поставить ему

въ вину то, что, изучая внимательно книгу Оллериса, онъ не замѣтилъ, что критическому рукописному аппарату Оллерисъ придавалъ значеніе не болѣе, какъ ученой декорациі. Это тѣмъ страннѣе, что Вейссенборну не удалось окончательно избѣжать сомнѣній въ достовѣрности показаній Оллериса (см. р. 211).

Воспользовавшись такимъ образомъ сомнительнымъ матеріаломъ Оллериса, Вейссенборнъ построилъ всю свою первую главу, самую важную въ его книгѣ, на песчаномъ основаніи, которое не въ состояніи выдержать наплыва новыхъ и болѣе точныхъ рукописныхъ данныхъ и должно рушиться. Указать всѣ ошибочныя данныя о состояніи рукописей „Геометріи“ Герберта, которыя находятся въ первой главѣ сочиненія Вейссенборна, значило бы безъ необходимости злоупотреблять терпѣніемъ читателя. Здѣсь будутъ исправлены только главныя изъ этихъ ошибочныхъ данныхъ.

На стр. 4, 5 Вейссенборнъ даетъ списокъ девяти рукописей „Геометріи“ Герберта съ обозначеніемъ ихъ номеровъ, времени написанія и, наконецъ, номеровъ главъ, которыя въ нихъ встрѣчаются. Не во всѣхъ рукописяхъ встрѣчаются всѣ главы и не во всѣхъ онѣ расположены въ одномъ и томъ же порядкѣ. Это послѣднее обстоятельство должно было бы обратить на себя особенное вниманіе Вейссенборна. Къ несчастію, онъ не воспользовался тѣми (не всегда, конечно, вѣрными) указаніями, которыя Оллерисъ даетъ относительно порядка главъ, и перечисляетъ главы въ порядкѣ ихъ слѣдованія въ изданіи Оллериса. Не говоря уже о прочихъ неточностяхъ, это одно уже совершенно лишаетъ читателя возможности имѣть правильное представленіе объ описываемыхъ Вейссенборномъ рукописяхъ. Разсмотримъ подробнѣе этотъ списокъ.

№ 1 (Вейссенборна) есть MS Salzburg'a. V. 7. Это единственная извѣстная до сихъ поръ рукопись „Геометріи“, заключающая въ себѣ всѣ 94 главы этого трактата ¹⁾. Оллерису не удалось ея видѣть, да и Вейссенборнъ (р. 7) взялъ ея описаніе изъ Cantor. Die römischen Agrimensoren, pp. 155—160 ²⁾.

¹⁾ Пишущему эти строки удалось найти еще одну такую рукопись, которая, по видимому, была оригиналомъ зальцбургской, но о ней будетъ данъ современнѣе отчетъ въ другомъ мѣстѣ.

²⁾ О ней см. „Сборникъ писемъ Герберта“, ч. I, стр. 26, пр. 43. Пишущій эти строки, хотя и былъ лично въ Зальцбургѣ, но къ пользованію бібліотекой монастыря св. Петра, гдѣ хранится эта рукопись, по непонятной причинѣ допущенъ не былъ.

№ 2 есть MS Bibl. Nat. 7185 „XII—XIII saec., cap. 1 incl. bis 13 incl. enthaltend“. Это не вполне вѣрно: передъ с. 1 находится еще прологъ, о чемъ Вейссенборнъ могъ бы узнать изъ Оллериса, р. 401.

№ 3 — MS Bibl. Nat. № 7377, относящійся къ 1050—1150 годамъ, „Cap. 1 incl. bis 13 incl., ferner 14, 16, 17, 18, 21, 24, 25, 26, 29, 30, 31, 32, 33, 37, 38, 39, 93 enthaltend“. Это описаніе отъ истины, пожалуй, еще дальше, чѣмъ то, которое далъ Оллерисъ р. 593. Мы рассмотримъ, какимъ образомъ составилось описаніе Вейссенборна. Это необходимо, чтобы характеризовать, во первыхъ, точность указаній изданія Оллериса, а во вторыхъ, тѣ сомнительные приемы, при помощи которыхъ Вейссенборнъ долженъ былъ давать себѣ отчетъ о содержаніи рукописей. Можно положительно удивиться, что Вейссенборнъ, извлекая такимъ образомъ изъ различныхъ мѣстъ книги Оллериса его сбивчивыя показанія, не только не отказался отъ мысли составить по этой книгѣ краткое описаніе рукописей, но даже положилъ это описаніе въ основаніе первой главы своего труда. Оллерисъ сообщаетъ о занимающей насъ рукописи слѣдующее (р. 593): „On trouve dans le n. 7377, fol. 5, les chapitres: 14, 32, 17, 37, 16, 25, la lettre d'Adalbolde à Gerbert, 18, 23, 30, le moyen de connaitre la hauteur d'un objet par la longueur de l'ombre, 28, 24 II° р. 33, la mesure, la profondeur d'un puits, 38, 39, 93“. Сравнивая это описаніе съ тѣмъ, которое даетъ Вейссенборнъ, читатель замѣтитъ слѣдующее: 1) Вейссенборнъ пренебрегъ порядкомъ, въ которомъ по указанію Оллериса слѣдуютъ главы въ описываемой имъ рукописи, между тѣмъ какъ для разрѣшенія вопроса о происхожденіи такъ-называемой „Геометріи“ Герберта порядокъ главъ въ рукописяхъ имѣетъ, можетъ быть, гораздо болѣе значенія, чѣмъ количество этихъ главъ. 2) Вейссенборнъ выкинулъ письмо Адальбольда, стоящее между главами „Геометріи“. 3) У Вейссенборна есть нѣсколько лишнихъ главъ, которыхъ нѣтъ въ описаніи Оллериса, а именно сс. 21, 26, 29, 31,—съ другой же стороны, у него нѣтъ сс. 23, 28, обозначенныхъ у Оллериса. Спрашивается: гдѣ причина этихъ измѣненій? Она, оказывается, заключается въ подстрочныхъ замѣчаніяхъ Оллериса къ тексту геометріи. Такъ, при с. 22 Оллерисъ замѣчаетъ (р. 433): „Nos caput et sequens (с. 23) desunt in codicibus“. Итакъ, этого неопредѣленнаго замѣчанія было для Вейссенборна достаточно, чтобы исправить описаніе Оллериса. Къ началу второй половины с. 28 Оллерисъ (р. 437) замѣчаетъ: „Quae sequuntur in cod. Reginae tantum reperies“ (то-есть, Vat. Reg. 1661). Вейссенборнъ отсюда уже прямо

ошибочно заключилъ, что с. 28 совсѣмъ нѣтъ въ cod. 7377. Оллерисъ р. 404 п. 3 объявляетъ: „Nis incipit codex Bibl. Imp. 7377 col. 35, quem distinguemus littera B“. Но этого пресловутаго В было бы напрасно искать во всей изданной имъ „Геометріи“. На р. 427 мы опять встрѣчаемъ рукопись 7377: о ней замѣчено, что она кончается fol. 65 (на самомъ дѣлѣ: 43 v.) концомъ с. 13, но что на fol. 8 той же рукописи находятся „Caput XIV seqq.“ (!). Потомъ въ вариантахъ мы встрѣчаемъ сокращеніе „Paг“, которымъ, оказывается, обозначается наша рукопись (вмѣсто обѣщаннаго В). Это-то сокращеніе позволило Вейссенборну замѣнить неопредѣленное обозначеніе Оллериса „la mesure, la profondeur d'un puits“ болѣе опредѣленнымъ „с. 21“ и прибавить къ описанію Оллериса еще три лишнихъ номера „сс. 26, 29, 31“. Не извѣстно, замѣтилъ ли Вейссенборнъ, что „le moyen de connaitre la hauteur d'un objet par la longueur de l'ombre“ Оллерисова описанія есть въ сущности вторая половина уже упомянутой выше Оллерисомъ главы 25. Во всякомъ случаѣ, обозначая вмѣстѣ съ Оллерисомъ, что въ нашей рукописи находится глава 25-я, Вейссенборнъ повторяетъ ошибку Оллериса. Всей главы 25-й въ нашей рукописи нѣтъ, а есть пменно только вторая ея часть, о чемъ самъ Оллерисъ замѣтилъ, р. 434 п. 3. Чтобы было ясно, на сколько описанія Оллериса, а тѣмъ болѣе Вейссенборна, уклоняются отъ дѣйствительности, здѣсь помѣщается краткое описаніе MS Bibl. Nat. fonds lat. № 7377. С (а не просто 7377, какъ она невѣрно обозначена у Оллериса и Вейссенборна): Foll. 8—10 v: сс. 14, 32, 17, 37, 16, 26, 28;—foll. 10 v.—13 г.: ерр. „Adalboldi ad Gerbertum“ и „Gerberti ad Adalboldum“, четыре задачи на измѣреніе при помощи астролябин;—foll. 18 v.—16 г.: сс. 18, 24, „Ad altitudinem metiendam cum ortogonio“, сс. 30, 25 (вторая часть „Est etiam alia altitudinis“), „Componitur et hemispherium“, сс. Olleris р. 435 (пропущена въ нумераціи Оллериса), 33, 20, 21, 38, 39;—fol. 35 г.—43 v.: сс. 1 (съ середины „Quaesumtque rationaliter“, Oll. р. 404, 21 стр. сверху)—13.

.№ 4 Ein Codex von Chartres, Nr. 47, XI saec., Cap. 14, 16, 17, 18, 19, 20, 21, 24, 25, 26, 27, 28, 29, 30, 31, 32, 33, 37, 38, 39, 40 enthaltend“. Оллерисъ, рр. 427, 593, дѣйствительно упоминаетъ о № 47, какъ заключающемъ въ себѣ „Геометрію“ Герберта, но совершенно напрасно. Въ этой рукописи никому еще, кромѣ Оллериса, не удалось открыть „Геометріи“ Герберта (см. между прочимъ и Cat. des Mss. de Chartres, р. 9). Оллерисъ, по обыкновенію, сиуталъ. Онъ раз-

умѣть, очевидно, cod. № 173 s. XII ex., гдѣ foll. 34 v.—38 r. находимъ: сс. 14, 32, 17, 24, 16, 30, 31, 25 (вторая часть „Est etiam“), 27, 28, с. Oll. p. 435, 29, 19, 26, 20, 21, 33, 18, 38, 39; наконецъ, совершенно отдѣльно на fol. 21 r. и v. : с. 28 (вторая часть „Cuiuslibet quantitatis de ligno“), De probanda profunditate (Olleris, p. 446 n. 2 въ главѣ 40), 37 (сравн. спутанное описаніе Оллериса, p. 593).

№ 5 Montpellier Nr. 491. Здѣсь мы лишены возможности проверить показанія Оллериса, p. 593, и въ подстрочныхъ примѣчаніяхъ къ тексту „Геометріи“, такъ какъ рукописи этой намъ не удалось видѣть¹⁾. Замѣтимъ только, что у Оллериса рѣшительно нигдѣ не говорится о томъ, чтобы въ этой рукописи находилась глава 2-я, и потому не понятно, откуда почерпнулъ это свѣдѣніе Вейссенборнъ.

№ 6, № 7 и № 8 заслуживаютъ болѣе подробнаго разбора, такъ какъ оказывается, что № 7 есть не болѣе, какъ фикція Вейссенборна, основанная на опечаткѣ Оллериса.

Дѣло въ томъ, что, какъ въ примѣчаніяхъ подѣ текстомъ „Геометріи“, такъ и въ маленькомъ экскурсѣ къ „Геометріи“ (p. 590 до p. 594) упоминаются всего двѣ римскія рукописи „Геометріи“: Vat. 4539, Vat. Reg. 1661. Только на страницѣ 594 является неожиданно рукопись 1660, и это есть просто опечатка вмѣсто 1661. На стр. 594 Оллерисъ устанавливаетъ (невѣрную, впрочемъ) серію главъ въ тѣхъ двухъ римскихъ рукописяхъ, о которыхъ онъ упомянулъ на предыдущей p. 593, то-есть, Vat. 4539 и Vat. Reg. 1661. Вотъ эта серія (въ ней мы для ясности заключаемъ въ скобки то, что у Оллериса стоитъ просто между точками): Manuscripts de Rome: 14, 15, 55, 49, 56, 16, 17, 18, 19, 20, 29, 23, 24 (Celui-ci est divisé en deux avec des titres différents dans le n. 4539), 25 (un peu différent dans le n. 1661 et placé le dernier), 33, 26, 27 (Ces deux chapitres sont réunis dans le n. 4539. Le n. 1660 ajoute un chapitre, то-есть, главу, которую Оллерису не удалось найти среди главъ перепечатанной имъ изъ Pez. Thesaurus anecdotorum t. III pars II „Геометріи“ Герберта), 28, 29, 30, 31, n. 1661: hauteur d'un objet par l'ombre, ²⁾ 32, 33, 37, 38, 39, 40, moyen ³⁾ de connaître la profondeur d'une mer, d'un étang (Voir aussi le n. 7185 fol. 93 pour ce problème), 82, 83, 84.

¹⁾ См. „Сборникъ писемъ Герберта“, ч. I, стр. 22, прим. 36.

²⁾ У Оллериса неудачная интерпункція: „31. № 1661, hauteur d'un objet par l'ombre. 32, 33 etc.“

³⁾ У Оллериса неудачная интерпункція: „40. Moyen de connaître“ etc.

Далѣ о рукописи 4539 сообщается, что она будто бы fol. 72 заключаетъ въ себѣ главы 67—76. Читатель напрасно будетъ здѣсь искать хоть намека на время написанія этихъ рукописей, и послѣ большой потери времени, почти шестьюстами страницами раньше (préf. p. VII) найдетъ слѣдующую фразу „La Vaticane possède d'excellents manuscrits du XI siècle et du XII, de l'arithmétique et de la géométrie de Gerbert“.

Этихъ неопредѣленныхъ указаній было для Вейссенборна достаточно для того, чтобы создать слѣдующія три рукописи.

№ 6 „Ein Vatican-Codex Nr. 4539, XI—XII saec., затѣмъ слѣдуетъ перечень главъ, указанныхъ Оллерисомъ, но только въ порядкѣ слѣдованія цифръ, съ прибавленіемъ почему-то главы 2 и исключеніемъ главы 23 (объ этомъ послѣднемъ см. выше). На самомъ же дѣлѣ это рукопись XVII s.; fol. 102 r.—111 v. ея представляютъ собой почти полное сходство съ Vat. Reg. 1661 и даже могутъ быть приняты за позднѣйшую копію съ этой рукописи, о которой см. ниже.

№ 7 „Ein Codex aus der Bibliothek der Königin Christine, gleichfalls im Vatican, Nr. 1660, XI bis XII saec., dieseselben Capitel enthaltend wie № 6, mit Ausnahme von 2 und 68 incl. bis 76 incl. Мы можемъ увѣрить читателя, что, кромѣ приведеннаго выше описанія Оллериса, объ этой рукописи нигдѣ болѣе не говорится. Еще можно допустить, что Вейссенборнъ могъ придать печаткѣ Оллериса серьезное значеніе, но совершенно непонятно, откуда онъ взялъ, что она „aus der Bibliothek der Königin Christine“. Неужели, далѣе, по неопредѣленной фразѣ Оллериса о какихъ-то ватиканскихъ рукописяхъ ариѳметики и геометріи Герберта, относящихся къ XI и XII столѣтіямъ, можно было судить о времени написанія злополучнаго cod. Vat. Reg. 1660, который на самомъ дѣлѣ никакой геометріи Герберта въ себѣ не заключаетъ?

№ 8 „Ein zweiter Codex aus der Bibliothek der Königin Christine ebenfalls im Vatican, № 1661, XI saec., dieseselben Capitel enthaltend wie № 7. Такая рукопись, дѣйствительно, существуетъ, но и о ней описаніе Вейссенборна даетъ ложное понятіе. На самомъ дѣлѣ cod. Vat. Reg. 1661, относящійся къ XI столѣтію, содержитъ въ себѣ foll. 58 r.—64 v: cc. 14, 32, 17, 24, 37, 16, 30, 31, 25 (вторая часть: „Est etiam“=„hauteur de l'objet par l'ombre“ Оллерисова описанія), „Componitur etiam aliud hemispherium“ (это-то и есть, должно быть, та злополучная глава, о которой Оллерисово

описание говоритъ: „Le n. 1660 ajoute un chapitre“), 29, с. Olleris р. 435, 19, 26, 33, 27, 28, 20, 21, 18, 40, 38, 39. Главъ же 15, 49, 55, 56, о нахожденіи которыхъ въ этой рукописи можно заключить изъ описанія Вейссенборна, здѣсь вѣтъ.

Наконецъ, № 9 „Ein Oxforder Codex XII — XIII saec. Cap. 1 incl. bis 13 incl. enthaltend“ описанъ вѣрно. Пумера этой рукописи Вейссенборнъ не обозначаетъ, потому что Оллерисъ о немъ нигдѣ не проговорился (Oxford. Bodleian Library. Selden 25 supra, membr. in 8, saec. XII ex. XIII in.).

Мы считали своимъ долгомъ отвести такъ много мѣста разсмотрѣнію Вейссенборнова списка рукописей для того, чтобы показать, 1) что Вейссенборнъ не могъ не видѣть путаницы въ указаніяхъ Оллериса; 2) что, строя на этихъ путанныхъ указаніяхъ свое описаніе рукописей, Вейссенборнъ тѣмъ самымъ обнаружилъ, что не могъ устоять предъ заманчивою перспективою построить свое изслѣдованіе на рукописномъ матеріалѣ „quand même“; 3) что его описаніе еще болѣе уклоняется отъ истиннаго состоянія рукописей „Геометріи, Герберта, чѣмъ Оллерисово, и наконецъ, 4) что всѣ его разсужденія, построенныя на этомъ описаніи (рр. 44, 40, 83, 84, 91, 92, 110, 111, 164), лишены серьезнаго значенія.

Было бы очень длинною работою указывать всѣ ошибки этого рода, которыя вкрались въ первую главу сочиненія Вейссенборна. Мы остановимся только на вѣкоторыхъ, изъ коихъ читатель увидитъ, что Вейссенборна нельзя обвинить въ недостаткѣ смѣлости въ заключеніяхъ,—недостаткѣ, который въ человѣкѣ, черпавшемъ изъ такого мутнаго источника, какъ Оллерисъ, былъ бы, впрочемъ, вполне естествененъ.

Такъ, разсматривая вторую часть такъ-называемой „Геометріи“ Герберта, Вейссенборнъ (р. 22—24) нашелъ при сс. 18, 21, 40 стихишки: „Tali pictura fit declaratio pura“, „Sumas mensuram putei. si vis auferre staturam“, „Rebus in obscuris oritur lux clara figuris“. Стишки эти Вейссенборнъ приписываетъ безъ дальнѣйшихъ колебаній „dem im ersten und dritten Theile schweigsamen Schreiber oder Copist“. Кописта онъ противопоставляетъ составителю (Verfasser), котораго онъ, впрочемъ, находитъ тутъ же возможнымъ считать авторомъ другихъ подобныхъ же вставокъ, напримѣръ, „Exempli causa subdatur plana figura“ (гекзаметръ, ничѣмъ не отличающійся отъ „Tali pictura etc.“). Вейссенборнъ нигдѣ не счелъ нужнымъ объяснить, почему вышеупомянутые три стихишка не могутъ принадлежать тому же составителю, и только для

второго изъ нихъ причина мѣнѣнїа Вейссенборна можетъ быть усно-
трѣна читателемъ: этотъ стихъ заключаетъ въ себѣ бессмыслицу, а
потому не могъ принадлежать автору 21 главы, въ которой все ясно.
Дѣло въ томъ, что исходною точкой измѣренїей глубины колодца въ
с. 21 является глазъ человѣка, стоящаго у отверстїя колодца, а по-
тому, чтобы получить истинную глубину колодца, надо изъ получен-
ной въ результатѣ величины вычесть величину роста человѣка, про-
изводящаго измѣренїе. Послѣ сказаннаго ясно, что въ приведенномъ
стихѣ, дѣйствительно, мало смысла. Вейссенборнъ иронизируетъ надъ
копистомъ и сравниваетъ его стихъ со стихомъ: „Ich heiss' Hans Hilde-
brand, lehne meinen Spiess an die Mauer“ (см. „Wand“), а затѣмъ самъ
пускается въ поэзію, предлагая его замѣнить стихомъ: „Aufser, mensur,
staturam, putel quaerens mensuram“. Соглашаясь вполне съ Вейс-
сенборномъ, что это „auch kein besonderer Vers“, мы опять-таки
должны высказать свое сожалѣніе по поводу того, что Вейссенборнъ
не былъ лично знакомъ съ рукописями. Это избавило его отъ необ-
ходимости грѣхи изданїя Оллериса ставить въ вину средневѣковому
писцу и рисковать собственной музой. При знакомствѣ съ рукопи-
сями становится ясно, что слово „putel“ въ этомъ стихѣ есть позд-
нѣйшая и неумѣлая прибавка. Первоначальная же форма есть „Su-
mas mensuram, si vis auferre staturam“, то-есть, гекзаметръ. Въ та-
комъ видѣ стихъ означаетъ: „сними съ себя мѣрку, если хочешь отнять
величину своего роста“ и по своей бессодержательности является
достойнымъ товарищемъ всѣхъ вышеприведенныхъ. Отсюда однако еще
далеко не слѣдуетъ, что онъ вмѣстѣ съ предыдущими не можетъ при-
надлежать составителю. Къ этимъ тремъ стихамъ Вейссенборнъ воз-
вращается еще на стр. 43 и 44, гдѣ онъ, между прочимъ, на шат-
комъ основанїи своихъ свѣдѣнїй о рукописяхъ „геометріи“ Герберта
стремится установить, что стихи эти не могутъ принадлежать пере-
писчикамъ рукописей, въ которыхъ они встрѣчаются, и поэтому эти
последнїя рукописи должны стоять въ зависимости другъ отъ друга.
Но тогда что же это за „Schreiber“, которому по утвержденїю Вейс-
сенборна должны принадлежать эти стихи?

Отъ рукописей обратимся къ тексту. Къ словамъ главы 10 „hypo-
tenusa, id est obliqua“ (Olleris, p. 417) Вейссенборнъ замѣчаетъ:
„die einzige Stelle in der ganzen Gerbert-Geometrie, wo ich hypote-
nusa ohne h geschrieben finde“. Не говоря уже о томъ, что это за-
мѣчанїе прямо не вѣрно и безцѣльно, оно свидѣтельствуетъ о не-
обыкновенномъ значенїи, которое Вейссенборнъ придаетъ печатному

тексту Олмериса, какъ будто это какая-нибудь древняя рукопись. Это тѣмъ непонятнѣе, что въ другихъ мѣстахъ онъ признаетъ же его испорченнымъ. Такъ, напримѣръ, Вейссенборнъ (р. 21) указываетъ на испорченность текста въ концѣ с. 12, которую однако при знакомствѣ съ рукописями легко исправить: „*Nam universae regulae, quae in superioribus pythagoricis sive ad laterum quantitatem alternatim dignoscendam, sive ad mensuram areae inveniendam traditae et exemplis dilucidatae sunt, in his nihilo minus eamdem consequentiam probantur retinere, (далее читай) si tantum id, quod in singulis illorum ad cathetum specialiter videtur pertinere, hic basi, — et quod ibi basi, hic catheto quis meminerit attribuere*“. Испорченность текста с. 46 привела Вейссенборна (р. 25 и р. 62) къ невѣрному заключенію о значеніи этой главы, для исправленія которой, впрочемъ, не нужно и знакомства съ рукописями. Въ первой половинѣ этой главы излагается правило нахождения площади Пифагорова треугольника. Оно формулировано у Вейссенборна р. 19, встрѣчается еще и въ с. 12 и годится только для Пифагорова треугольника, то-есть, такого, котораго катетъ, базисъ (—катетъ, служащій основаніемъ треугольника) и гипотенуза находятся въ отношеніи: 3 : 4 : 5. Между тѣмъ во второй половинѣ главы мы читаемъ по Олмерису (р. 449): „*In ampligonis autem vel oxygonis jam dicta regula habet consequentiam, nec etiam in orthogonis, nisi in illis, quos sesquitertia, vel sesquiquarta regit proportio*“ (то-есть, 3 : 4; 4 : 5). Не трудно видѣть, что здѣсь передъ „*habet*“ пропущено „*non*“, потому что иначе нельзя объяснить союза „*nec*“. (Такъ дѣйствительно мы и читаемъ въ нѣкоторыхъ рукописяхъ). Между тѣмъ Вейссенборнъ говоритъ, р. 25: „*Nur wird hier fälschlich hinzugesetzt, diese Regel gelte für stumpf—und spitzwinklige — Dreiecke*“. Наконецъ, пропускъ въ текстѣ с. 56 заставилъ Вейссенборна признать въ ней ошибку: „*Embadum si vis invenire (то-есть, circuli), vel tota circuitio per integrum diametrum ducenda est, et tunc quarta sumenda; vel dimidium circuitus per diametrum integrum et tunc (далее читай) medietas, vel quarta pars circuitus per diametrum et tunc totum*“.

Показавъ, такимъ образомъ, что рукописная подкладка первой главы книги Вейссенборна не выдерживаетъ критики, перейдемъ къ краткому обзорнѣю содержанія этой главы.

За разобраннѣмъ выше спискомъ рукописей „Геометріи“ Герберта слѣдуетъ изложеніе взглядовъ Кантора на эту „Геометрію“ (рр. 6—13), опроверженіе которыхъ одно за другимъ и составляетъ все содержа-

ніе первой главы, иногда всю цѣль Вейссенборна въ ущербъ логичности и цѣльности плана. Съ первымъ положеніемъ Кантора, признающаго раздѣльность (и даже иногда противорѣчивость) трехъ частей такъ-называемой „Геометріи“ Герберта, и въ этой-то раздѣльности трехъ частей видящаго довольно непонятнымъ образомъ только подтвержденіе единства автора, Вейссенборну было не трудно справиться. Онъ разсматриваетъ подробно содержаніе этихъ трехъ частей (pp. 14—29), затѣмъ сравниваетъ ихъ между собою и показываетъ, что эти три части столь различны по характеру, такъ плохо связаны между собою, что авторомъ ихъ, или даже редакторомъ, считать одно лицо никакъ нельзя. Они соединены въ одно копистомъ, который этимъ самымъ показалъ свою неумѣлость и посредственность своихъ математическихкихъ познаній (pp. 29—38).

Соглашаясь въ общемъ съ доводами Вейссенборна, мы остановимся только на одномъ, по нашему мнѣнію, весьма важномъ пунктѣ. Признавая въ авторѣ первой части „Геометріи“ „einen verständigen Mann von gesundem Urtheil“, Вейссенборнъ считаетъ его геометрическія познанія все же „nicht erheblich“, ссылаясь (p. 30) при этомъ на „seine Unsicherheit über die allgemeine oder beschränkte Tragweite des pythagorischen Satzes“ (сравни pp. 18, 33). Вотъ текстъ, который при этомъ имѣетъ въ виду Вейссенборнъ. Показавъ различные способы вычислять стороны Пифагоровыхъ треугольниковъ, неизвѣстный авторъ продолжаетъ такъ (с. 12, Olleris, p. 419): „Est etiam alta regula multo diligentiori speculatione dignissima, quae in his pythagoricis orthogoniis prorsus verissima, et in aliis omnibus orthogoniis vel omnino vera vel veritati proxima est. Hac quippe in omni ferme trigono orthogono per duo quaevis latera tertii poterit indagari quantitas naturae constitutione certissima hoc modo: Ut ergo hypotenusa inveniatur, catheti numerus in se, ut tetragonus fiat, ducatur, etque basis numerus in se similiter ductus jungatur. Hujus simul summae ex duobus scilicet tetragonis confectae latus tetragonale quaesitum et inventum hypotenusae numerus esse sciatur“. Это значитъ: „Есть еще другое правило (то-есть, для вычисленія сторонъ прямоугольныхъ треугольниковъ), которое дослѣдно гораздо большаго вниманія. Для этихъ Пифагоровыхъ треугольниковъ оно исполнѣнъ точно, для другихъ же всѣхъ прямоугольныхъ треугольниковъ оно или совсѣмъ точно, или очень близко къ точности. Правило это, при помощи ко-

того почти во всякомъ прямоугольномъ треугольникѣ, зная какія-либо двѣ стороны, можно, основываясь на несомпѣнной, естественной связи (между сторонами), вычислить третью, состоятъ въ слѣдующемъ. Чтобы найти гипотенузу, слѣдуетъ помножить само на себя число, выражающее собою катетъ, чтобы оно сдѣлалось квадратнымъ, и къ этому полученному такимъ образомъ числу прибавить помноженное точно также само на себя число, выражающее собою базисъ. Корень квадратный (latus tetragonale) изъ этой суммы, составленной изъ двухъ квадратныхъ чиселъ, и будетъ число, выражающее собою гипотенузу". Отсюда ясно, что авторъ первой части, который вообще интересуется не чистою геометріей, а примѣненіемъ ариметики къ геометріи, имѣетъ въ виду Пифагоровъ теорему въ формѣ: „Сумма квадратовъ чиселъ, выражающихъ собою катеты, равна квадрату числа, выражающаго собою гипотенузу“, а не въ чисто геометрической формѣ: „Сумма квадратовъ, построенныхъ на катетахъ, равновелика квадрату, построенному на гипотенузѣ“. Если къ этому прибавить еще, что дѣло здѣсь идетъ о вычисленіи изъ формулы перваго вида сторонъ прямоугольнаго треугольника, то станетъ понятна сама собою и осторожность, съ которою авторъ выражается. Дѣйствительно, по этой формулѣ гипотенуза ($h = \sqrt{c^2 + b^2}$) можетъ быть вычислена совершенно точно только тогда, когда сумма квадратовъ катетовъ ($c^2 + b^2$) есть точный квадратъ. Эту формулу авторъ потому называетъ для Пифагоровыхъ треугольниковъ совершенно точною, что въ Пифагоровыхъ треугольникахъ $\sqrt{c^2 + b^2}$ будетъ всегда количествомъ рациональнымъ. Убѣдиться въ этомъ не трудно. Въ Пифагоровыхъ треугольникахъ $h : b : c = 5 : 4 : 3$. Общая формула его сторонъ будетъ: $5m : 4m : 3m$. Слѣдовательно, для Пифагорова треугольника выраженіе $\sqrt{c^2 + b^2}$ будетъ всегда имѣть видъ: $\sqrt{(3m)^2 + (4m)^2} = \sqrt{m^2(3^2 + 4^2)} = \sqrt{(9 + 16)m^2} = \sqrt{25m^2} = 5m$, то-есть, будетъ всегда количествомъ рациональнымъ. Для другихъ же прямоугольныхъ треугольниковъ, которыхъ стороны не связаны вышеприведенною пропорціей, то-есть, для не Пифагоровыхъ, выраженіе $\sqrt{c^2 + b^2}$ будетъ точнымъ квадратомъ только въ рѣдкихъ случаяхъ, а почти всегда будетъ количествомъ иррациональнымъ, которое можетъ быть вычислено только по приближенію; на примѣръ, полагая $c = b = m$, получимъ $\sqrt{c^2 + b^2} = \sqrt{m^2 + m^2} = \sqrt{2m^2} = m\sqrt{2}$. Такимъ образомъ, авторъ первой части разбираемой „Геометріи“ и не думаетъ ограничивать значеніе формулы $h^2 = c^2 + b^2$ Пифагоровыми

треугольниками, но говоритъ, что отсюда гипотенуза въ Пифагоровыхъ треугольникахъ ($h = \sqrt{c^2 + b^2}$) можетъ быть вычислена точно всегда, въ другихъ же иногда точно, иногда только приблизительно, что и совершенно вѣрно. Однимъ словомъ, приведенный выше пассажъ нисколько не характеризуетъ намъ этого неизвѣстнаго автора, какъ геометра, но показывается въ немъ топкаго для того времени ариометика. Далѣе авторъ показываетъ способы нахождения изъ формулы $h^2 = c^2 + b^2$ катета и базиса: $c = \sqrt{h^2 - b^2}$; $b = \sqrt{h^2 - c^2}$. Выраженія эти въ Пифагоровыхъ треугольникахъ будутъ тоже всегда количествами рациональными: $\sqrt{h^2 - b^2} = \sqrt{(5m)^2 - (4m)^2} = \sqrt{m^2(5^2 - 4^2)} = \sqrt{9m^2} = 3m$; $\sqrt{h^2 - c^2} = \sqrt{(5m)^2 - (3m)^2} = \sqrt{m^2(5^2 - 3^2)} = \sqrt{16m^2} = 4m$. Къ этому самому вопросу авторъ возвращается въ концѣ 13-й главы (Oll., p. 427: „Sunt item alii orthogoni non fisdem laterum proportionibus, quibus superiores, conjugati, sed ad ipsorum tamen similitudinem tali in lateribus numero insigniti, ut cathetus itemque basis in se singillatim ducti tales duos tetragonos efficiant, qui item conjunctione sui tertium tetragonum componant. Cujus videlicet tetragonale latus, juxta regulam superius prolatam, podismi (= hypotenusae) quantitatem conficiat, ut sunt subjecti, una sibi invicem laterum proportione germani“. Это значитъ: „Есть еще и другіе прямоугольные треугольники, которыхъ стороны связаны не тѣми отношеніями, какъ въ предыдущихъ (то-есть, Пифагоровыхъ), но которые тѣмъ не менѣе имѣютъ на своихъ сторонахъ такія числа, что совершенно также, какъ и въ предыдущихъ, катетъ и базисъ, помноженные каждый въ отдѣльности на самого себя, образуютъ два квадратныя числа такого рода, что отъ сложения ихъ образуется третье квадратное число, корень квадратный изъ котораго—согласно высказанному выше правилу—дастъ величину гипотенузы. Такъ, напримѣръ, это будетъ въ нижеслѣдующихъ треугольникахъ, которыхъ роднитъ между собою пропорція, связывающая ихъ стороны“. Этими словами оканчивается текстъ 13-й главы во всѣхъ рукописяхъ, которыя содержатъ въ себѣ только первыя тринадцать главъ такъ-называемой „Геометріи“ Герберта. Рисунокъ, который относится сюда, есть у Olleris fig. 36 и первые пять треугольниковъ fig. 37. Пропорція, связывающая стороны треугольниковъ fig. 36, есть $h : b : c = 13m : 12m : 5m$, при m равномъ послѣдовательно: 1, 2, 3, $\frac{3}{4}$, $\frac{9}{8}$; а треугольники fig. 37: $h : b : c = 17 : 15 : 8$, при $m = 1, 2, 3, \frac{3}{2}, \frac{7}{6}$. Не трудно убѣдиться, что въ обоихъ случаяхъ выраженія $\sqrt{c^2 + b^2}$,

$\sqrt{h^2 - c^2}$, $\sqrt{h^2 - b^2}$, будутъ величины рациональныя. Дѣйствительно, въ первомъ случаѣ: $\sqrt{c^2 + b^2} = \sqrt{(5m)^2 + (12m)^2} = \sqrt{m^2(5^2 + 12^2)} = \sqrt{m^2(25 + 144)} = \sqrt{169m^2} = 13m$; точно также: $\sqrt{h^2 - c^2} = \sqrt{(169 - 25)m^2} = 12m$; $\sqrt{h^2 - b^2} = \sqrt{(169 - 144)m^2} = 5m$ и т. д. Во второмъ случаѣ: $\sqrt{c^2 + b^2} = \sqrt{(8m)^2 + (15m)^2} = \sqrt{m^2(8^2 + 15^2)} = \sqrt{(64 + 225)m^2} = \sqrt{289m^2} = 17m$ и т. д. Итакъ, авторъ первой части показалъ, что, кромѣ Пифагоровыхъ, есть еще и другіе прямоугольннкі, въ которыхъ стороны могутъ быть точно вычислены при посредствѣ формулы $h^2 = c^2 + b^2$. Съ его ариѳметической точки зрѣнія о прямоугольныхъ треугольникахъ сказать больше нечего, а поэтому Вейссенборнъ, совершенно не понявшій разобранныхъ нами выше пассажей, напрасно считалъ, что первая часть такъ-называемой „Геометріи“ Герберта обрывается въ самомъ началѣ ученія о прямоугольномъ треугольникѣ вообще (pp. 30 и 45). Какъ мы видѣли, она не обрывается, а оканчивается вполне на мѣстѣ, и собственно по ея тексту, нѣтъ никакихъ основаній считать ее трактатомъ неоконченнымъ, или гадать о томъ, что должно было слѣдовать дальше. Что же касается до тѣхъ нѣсколькихъ строкъ, которыя Вейссенборнъ (p. 21) нашелъ въ текстѣ Олдериса за только что разобраннымъ нами пассажемъ, и которыя взяты изъ зальцбургской рукописи, то онѣ встрѣчаются и въ той извѣстной намъ рукописи, которая, какъ мы упомянули выше, есть, по всей вѣроятности, оригиналъ зальцбургской. Эти шесть строкъ принадлежать, очевидно, тому лицу, которое составило компіляцію, именуемую „Геометріей“ Герберта, и Вейссенборнъ могъ бы при болѣе внимательномъ изученіи текста этой 13-й главы прибавить еще одно мощное доказательство въ пользу своего положенія, что зальцбургская рукопись (или ея оригиналъ) обязана своимъ происхожденіемъ неумѣлому компілятору. Тогда, можетъ быть, и не было нужды для доказательства невѣжественности составителя зальцбургскаго списка прибѣгать къ ровно ничего не доказывающему факту, что въ этой рукописи сочиненія Герберта поставлены послѣ сочиненій Германа Контракта, жившаго позже Герберта, (стр. 43). (Какъ будто въ такихъ случаяхъ хронологическій порядокъ обязателенъ!). Дѣйствительно, шесть строкъ, оканчивающихъ 13-ю главу въ этой рукописи, не что иное, какъ глосса къ упомянутому нами выше рисунку. Первая ея половина: „*Hi sunt omnes tali proportione laterum connexi, ut cathetus et basis in se ducti duos tetragonos faciant: qui duo conjuncti tertium efficiant, cujus latus tetragonale constituat hypotenusam*“ указываетъ

на fig. 36. Вторая половина: „Porro isti sequentes, quisque ab alio diversa laterum proportione connexus item, ut praedicti, cathetus in se, basis in se, et hi duo tetragoni conjuncti, talem tertium faciunt, cujus latus est hypotenusa“ обнаруживаетъ все легкомысліе и вмѣстѣ съ тѣмъ смѣлость глоссатора. Рисунокъ, къ которому относится это послѣднее замѣчаніе, есть fig. 37 по Olleris. Нижніе четыре треугольника присоединены къ этому рисунку однако по ошибкѣ, такъ какъ они не что иное, какъ Пифагоровы треугольники, преобразованные по способу, указанному въ с. 12 (Olleris, pp. 424, 425), куда они и помѣщены въ нѣкоторыхъ рукописяхъ. Верхніе же пять треугольниковъ разобраны нами выше. О нихъ можно сказать словами автора первой части „Геометріи“, что они „una sibi invicem laterum proportione germani“, то-есть, пропорціей $h : b : c = 17 : 15 : 8$. Какимъ же образомъ могъ глоссаторъ сказать: „quisquis ab alio diversa laterum proportione connexus?“ Дѣло объяснится очень просто, если мы скажемъ, что въ упомянутой уже нами выше рукописи, по всей вѣроятности, оригиналѣ зальцбургской, въ цифрахъ, поставленныхъ около сторонъ, есть нѣсколько ошибокъ (напримѣръ, въ первомъ треугольникѣ $h : b : c = 23 : 15 : 18$ вмѣсто $17 : 15 : 8$), которыя, очевидно, попали сюда изъ рукописи, находившейся передъ компиляторомъ-глоссаторомъ. Эти-то ошибки и помѣшали глоссатору замѣтить, что всѣ пять треугольниковъ fig. 37 „una sibi invicem laterum proportione germani“, и онъ, не позаботившись проверить цифры путемъ вычисления, назвалъ ихъ „quisquis ab alio diversa laterum proportione connexus“, чѣмъ и доказалъ свое полнѣйшее непониманіе дѣла. Было бы интересно узнать, какимъ образомъ онъ вычислилъ бы точно гипотенузу изъ треугольника $23 : 15 : 18$, находящагося въ указанной нами рукописи, или изъ треугольника $17 : 15 : 8$, находящагося—судя по изданію Оллериса—въ зальцбургской?

Коль скоро доказано, что такъ-называемая „Геометрія“ Герберта состоитъ изъ трехъ различныхъ по характеру и плохо между собою связанныхъ частей, то этимъ самымъ устанавливается тотъ фактъ, что авторомъ этой „Геометріи“ не могъ быть Гербертъ. Тѣмъ не менѣ Вейссенборнъ посвящаетъ еще много мѣста (pp. 38—80) этому вопросу, во-первыхъ, потому что ему надо было опровергнуть доказательства Кантора въ пользу авторства Герберта, и во-вторыхъ, потому что Гербертъ могъ оказаться авторомъ не всей такъ-называемой „Геометріи“ Герберта, а которой-нибудь изъ ея трехъ составныхъ частей, чего Вейссенборнъ допустить тоже не хочетъ.

Первое изъ приводимыхъ Канторомъ доказательствъ въ пользу авторства Герберта состоитъ въ томъ, что въ зальцбургской рукописи, относимой Канторомъ къ 1100—1150 годамъ, въ началѣ „Геометріи“ стоятъ слова: „Incipit Geometria Gerlberti“, написанныя тою же рукой, какъ и остальной текстъ рукописи. Для устраненія этого доказательства, Вейссенборнъ старается установить неумѣлость и невѣжественность составителя зальцбургской рукописи, указываетъ на тотъ фактъ, что, кромѣ зальцбургской рукописи, имя Герберта встрѣчается въ парижской (7185) и оксфордской рукописяхъ, при чемъ въ первой оно написано навѣрно рукой, гораздо болѣе поздней, чѣмъ самый текстъ. Замѣтимъ, что въ этихъ двухъ рукописяхъ находится только первая часть такъ-называемой „Геометріи“ Герберта. Затѣмъ Вейссенборнъ обращается къ другимъ рукописямъ, въ которыхъ встрѣчается вторая часть „Геометріи“ Герберта. Изъ факта нахождения въ нихъ разобранныхъ выше стиховъ онъ заключаетъ, что онѣ не независимы другъ отъ друга, указываетъ, что между ними есть и очень древнія, и что между тѣмъ въ нихъ нѣтъ имени Герберта (за исключеніемъ зальцбургской, гдѣ эта вторая часть, составляя продолженіе первой, является однако уже съ нѣсколькими лишними сравнительно съ другими рукописями главами). Но что же это доказываетъ? Ничего, кромѣ того, что въ томъ спискѣ откуда происходятъ всѣ эти рукописи, переписчикъ, прибавившій, по мнѣнію Вейссенборна, указаные выше стихи, не помѣстилъ имени Герберта. Для Вейссенборна было бы гораздо выгоднѣе (чего онъ, по видимому, не замѣчаетъ), еслибы всѣ эти рукописи зависѣли не отъ одной какой-нибудь копии, гдѣ имя Герберта могло быть пропущено по ошибкѣ, а были связаны между собою только происхожденіемъ изъ одного общаго оригинала; но онъ самъ лишилъ себя этой опоры, приписавъ безъ всякаго, какъ мы видѣли выше, основанія, вышеуказанные стихи какому-то переписчику. Недостатокъ мѣста не позволяетъ намъ останавливаться на этой второй части такъ-называемой „Геометріи“ Герберта долше и мы, поставивъ Вейссенборну въ вину, что онъ не обратилъ достаточно вниманія на различіе въ составѣ второй части въ зальцбургской и въ другихъ рукописяхъ, возвратимся къ первой части. Вейссенборнъ признаетъ, что эта первая часть написана хорошо, и въ авторѣ ей видитъ человѣка здравомыслящаго. Намъ удалось защитить этого автора противъ тѣхъ нападокъ, которыя направилъ противъ него Вейссенборнъ. Далѣе Вейссенборнъ (р. 45) самъ указываетъ на большое искусство въ вычисленіяхъ, обнаруживаемое авторомъ этой первой

части, и отмѣчаетъ, что этотъ авторъ производилъ свои вычисления на абакѣ. Выше мы уже обратили вниманіе на то, что имя Герберта встрѣчается въ двухъ рукописяхъ, содержащихъ въ себѣ только первую часть такъ-называемой „Геометріи“ Герберта (отъ себя замѣтимъ, въ оксфордской оно написано тою же рукой, что и текстъ). Тутъ само собою навязывается предположеніе, что авторомъ первой части былъ Гербертъ. Легко могло случиться, что составитель компиляціи, сохранившейся въ зальцбургской рукописи и упомянутомъ уже нами выше кодексѣ, по всей вѣроятности, оригиналь зальцбургской (въ этомъ кодексѣ тоже находятся слова „Incipit Geometria Gerberti“), поставилъ имя Герберта передъ своею компиляціей, относя его только къ первой, поставленной имъ въ самомъ началѣ, части своей компиляціи. Вѣдь достаточно было ему забыть поставить въ концѣ первыхъ 13-ти главъ слово „finit“, или переписчику списать это слово, чтобы вся компиляція явилась въ глазахъ послѣдующихъ копистовъ произведеніемъ Герберта! Возможность предположенія, что Гербертъ былъ авторомъ первой части разбираемой „Геометріи“, Вейсенборнъ не отрицаетъ (р. 45), но онъ не позаботился опереть его вѣроятность на только что высказанныя соображенія, чтобы имѣть возможность устранить его безъ особеннаго труда. И онъ, дѣйствительно, устраняетъ его весьма просто и смѣло, сославшись на то, что въ содержаніи этой первой части нѣтъ ничего, что заставляло бы въ авторѣ ея видѣть непременно Герберта (р. 47). Къ этому чисто отрицательному и весьма недостаточному доказательству Вейсенборнъ присоединяетъ еще и другое, еще болѣе слабое, которое онъ впрочемъ и самъ выдвигаетъ не особенно рѣшительно (рр. 45, 46). Авторъ первой части, возвышая въ одномъ мѣстѣ $6\frac{1}{2}$ въ квадратъ, говоритъ, что это „abacistae facillimum est“. Въ этомъ-то выраженіи Вейсенборнъ ищетъ доказательства противъ авторства Герберта, который будто бы на своемъ абакѣ оперировалъ только съ цѣлыми числами: „Nun lehrte Gerbert ohne Zweifel das Rechnen auf dem Columnen—Abacus, allein die ganze Beschreibung seines Verfahrens lässt erkennen, das er dabei nur ganze Zahlen im Auge hatte (?); darüber aber, dass er den Abacus in irgend bemerkenswerter Weise (?!!) auch bei Bruchrechnungen angewandt hätte, findet sich durchaus keine Andeutung“. Уже изъ самой этой фразы видно, что самъ Вейсенборнъ не слишкомъ-то вѣритъ въ то, что говоритъ. Къ чему эта „bemerkenswerter Weise“? Неужели это все для возвышенія $6\frac{1}{2}$ въ квадратъ? Въ „Libellus de numerorum divisione“ Гербертъ, дѣйствительно, даетъ правила только для

цѣлыхъ чиселъ, но это ровно ничего не доказываетъ. Онъ самъ первый признавалъ недостаточность и чрезмѣрную краткость этого трактата ¹⁾. Если же Бернелинъ, ученикъ Герберта (не извѣстно, непосредственный ли) въ своемъ трактатѣ „Liber Abaci“ (Olleris, p. 386) для дѣйствій надъ дробями обращается къ трактату Викторія, то это опять-таки доказываетъ только, что Гербертъ, по всей вѣроятности, не писалъ о дѣйствіяхъ надъ дробями, но изъ этого еще не слѣдуетъ, что онъ не умѣлъ оперировать надъ дробями на абакѣ и не училъ этимъ дѣйствіямъ.

О третьей части такъ-называемой „Геометріи“ Герберта Вейссенборнъ говоритъ подробнѣе ниже, возражая на слѣдующее изъ приводимыхъ Канторомъ доказательствъ въ пользу авторства Герберта.

Доказательство это заключается въ слѣдующемъ. Всѣ источники, „Геометріи“, приписываемой Герберту, на сколько ихъ можно указать, находились въ распоряженіи Герберта, а именно: арифметика Боэція, Марціанъ Капелла, агримензоры такъ-называемаго „codex Arserianus“, и, можетъ быть, задачи Алькуина. Особенно же Канторъ выдвигаетъ codex Arserianus и утверждаетъ, что этотъ несомнѣнный, по его мнѣнію, источникъ первой и особенно третьей части „Геометріи“, находился будто бы при жизни Герберта въ Боббіо, гдѣ, слѣдовательно, Гербертъ, аббатъ Боббіо, имъ и пользовался.

Краеугольный камень этого доказательства есть codex Arserianus, и потому Вейссенборнъ обращаетъ все свое вниманіе на эту рукопись (pp. 47—76). Сначала онъ основательно доказываетъ, что такъ-называемая „Геометрія“ Герберта не можетъ считать въ числѣ своихъ источниковъ codex Arserianus, а лишь рукопись, сходную съ Arserianus, но тѣмъ не менѣе представляющую не мало вариантовъ (pp. 47—63). Далѣе Вейссенборнъ выступаетъ противъ утвержденія Кантора, что codex Arserianus находился въ концѣ X столѣтія въ Боббіо, вопросъ, который уже собственно представляетъ мало интереса, разъ доказано, что эта рукопись не принадлежитъ къ числу источниковъ такъ-называемой „Геометріи“ Герберта. Во всякомъ случаѣ, единственно на что слѣдовало Вейссенборну указать, есть то, что, хотя codex Arserianus найденъ въ 1493 въ Боббіо, относительно нахождения его въ этой библиотекѣ въ концѣ X сто-

¹⁾ См. „Сборникъ писемъ Герберта“, ч. I, прил. I A. Inedita 1, стр. 315. „Sed de his omnibus, quantum ad intelligentie cumulum sat est, predictae causa familiaritatis deinceps, si vita suppetit, evidentius explicabo.“

лѣтія нѣтъ ровно никакихъ свидѣтельствъ. Поэтому изъ всего длиннаго разсужденія Вейссенборна объ этомъ вопросѣ (pp. 63—73) имѣютъ значеніе только pp. 68, 69, гдѣ онъ устраняетъ единственное считавшееся документальнымъ свидѣтельство въ пользу нахождения cod. Argentinus въ концѣ X столѣтія въ Боббіо. Все остальное ни къ чему. Къ чему, напримѣръ, разсужденіе (совершенно неудачное) для доказательства бѣдности библіотеки Боббіо въ концѣ X столѣтія? Развѣ codex Argentinus могъ находиться только въ богатой библіотекѣ? Къ чему на шести страницахъ эксперировать каталогъ библіотеки Боббіо, относящійся къ X столѣтію и перепечатанный изъ *Murator* Оллерисомъ, pp. 489—497, когда, во первыхъ, въ немъ есть пропуски, о размѣрѣ которыхъ судить трудно (Вейссенборнъ, р. 70, голословно объявляетъ ихъ короткими), а во вторыхъ, достаточно было сказать, что въ немъ нѣтъ никакихъ слѣдовъ *codicis Argentinii*? Вейссенборнъ попробовалъ было усумниться въ возможности относить этотъ каталогъ къ концу X столѣтія, недоумѣвая относительно того, не пропустилъ ли чего изъ него Оллерисъ (р. 70); но изъ его сомнѣнія не вышло ничего, и онъ самъ, въ концѣ концовъ, употребляетъ этотъ каталогъ для сужденій о богатствѣ библіотеки Боббіо въ концѣ X столѣтія. Вотъ почему бѣдная на предыдущихъ (pp. 63—67) страницахъ библіотека на р. 66 оказывается состоящею изъ 600—700 сочиненій, на р. 74 не въ состояніи вмѣстить всѣхъ принадлежащихъ ей сочиненій, на р. 75 называется богатою, но только ни за что не „*ausserordentlich reich*“ (?). Вейссенборнъ никакъ не можетъ понять самой простой вещи, что бѣдность матеріальныхъ средствъ монастыря Боббіо, явившаяся слѣдствіемъ дурнаго управленія предшественника Герберта Петроальда, нисколько не свидѣлствуетъ противъ богатства библіотеки этого монастыря. Библіотека имѣла тогда цѣну въ глазахъ незначительнаго меньшинства. Это были богатства, которыхъ не возможно было превратить въ деньги. На рукописи Гербертъ не могъ нанимать людей, чтобы послать ихъ въ армію Оттона II, отирающагося на сарацинѣ, или чтобы поддержать свою власть въ самомъ Боббіо. Питаться рукописями тоже нельзя, и потому, сколько бы Гербертъ ни жаловался на бѣдность ввѣреннаго ему монастыря, его жалобы безсильны убѣдить насъ въ бѣдности библіотеки этого монастыря. Что же касается полноты каталога библіотеки Боббіо въ изданіи Оллериса, то кто имѣшалъ Вейссенборну успокоить себя на этотъ счетъ, обратившись къ *Murator*, откуда его взялъ Оллерисъ?

Далѣ (pp. 76—80) Вейссенборнъ опровергаетъ выводы Кантора относительно времени и мѣста написанія такъ-называемой „Геометри“ Герберта. Канторъ считаетъ несомнѣннымъ, что она написана въ Боббіо и притомъ до того времени, когда Гербертъ познакомился съ „Геометріей“ Боэція (981—983), то-есть, до времени написанія Gerb. ep. ed. Olleris № 76, въ которой Гербертъ пишетъ, что нашелъ между прочимъ „Геометрію“ Боэція; иначе Гербертъ не могъ бы въ своей „Геометри“ отождествить выраженія „*rodismus*“ и „*hypothenusa*“, такъ какъ въ „Геометри“ Боэція въ той задачѣ Нипса, испорченный въ cod. Arcerianus текстъ которой могъ подать поводъ къ такому отождествленію, стоитъ какъ разъ „*hypothenusae rodismus*“. Возраженія Вейссенборна (pp. 78—80), основанныя на анализѣ „Геометри“ Герберта и Боэція слѣдуетъ признать убѣдительными. Вейссенборнъ (pp. 77—78) вѣрно указываетъ на разногласіе въ опредѣленіи даты написанія ep. 76 (982, 985) и на то обстоятельство, что самъ Канторъ опровергаетъ свою дату (981—983), такъ какъ послѣ долгаго упорства въ пользу 982, какъ времени написанія ep. 76, начинаетъ въ своей Исторіи математики, колебаться между 980 и 985.

Наконецъ, въ заключеніе своего изслѣдованія о такъ-называемой „Геометри“ Герберта, Вейссенборнъ (pp. 80—95) стремится доказать, что математическія знанія Герберта не могутъ быть выведены исключительно изъ классическаго источника, какъ это утверждаетъ Канторъ, но что много долженъ былъ онъ почерпнуть и у арабовъ. Показавъ (p. 80—82) посредствомъ фактовъ біографіи Герберта возможность заимствованія Гербертомъ у арабовъ, которую, впрочемъ, врядъ ли кто и станетъ оспаривать, Вейссенборнъ не приводитъ никакихъ положительныхъ данныхъ, которыя превратили бы эту возможность въ достовѣрность, и прямо обращается противъ Кантора. Канторъ, признавая Герберта авторомъ компиляціи, сохранившейся въ зальцбургской рукописи, въ этой-то именно компиляціи видитъ доказательство того, что Герберту арабская наука осталась не извѣстна. Въ первой главѣ своего труда Вейссенборнъ хочетъ доказать, литературную, такъ-сказать, зависимость такъ-называемой „Геометри“ Герберта отъ арабскихъ источниковъ, то-есть, показать заимствованія отдѣльныхъ главъ или отдѣльныхъ отрывковъ, внутренняя же, методологическая зависимость разсматривается имъ во второй главѣ. На стр. 83—86 онъ останавливается на нѣкоторыхъ главахъ, которыхъ арабское происхожденіе болѣе или менѣе вѣроятно,

но въ концѣ концовъ долженъ признаться, что до достовѣрности здѣсь далеко. Гораздо болѣе убѣдительное доказательство приводится на стр. 86—92. Оказывается, что с. 22 и 82 такъ-называемой „Геометріи“ Герберта есть не что иное, какъ почти буквальная копія съ с. 6 и 7 второй книги сочиненія „De utilitatibus astrolabii“, приписываемаго обыкновенно Герману Контракту († 1054), хотя именно для второй книги этого сочиненія это ровно ни откуда не слѣдуетъ, и ее скорѣе слѣдуетъ считать не за вторую книгу „De utilitatibus astrolabii“, а за отдѣльное сочиненіе неизвѣстнаго автора и потому неизвѣстнаго времени. Во всякомъ случаѣ, въ этомъ сочиненіи арабское вліяніе несомнѣнно и значительно, да и въ самой с. 6 (=с. 22 такъ-называемой „Геометріи“ Герберта) встрѣчается несомнѣнно арабское слово „alhidada“. Глава 6-я, равно какъ и слѣдующая за нею глава 7-я, трактуютъ о методахъ измѣренія высоты, и потому слова, стоящія въ началѣ 7-й главы, вполне на мѣстѣ: „Est et alia ratio altitudinem videndi, quae est hujusmodi“. Между тѣмъ, въ такъ-называемой „Геометріи“ Герберта эти главы раздѣлены 60 главами, и вторая изъ нихъ есть только часть с. 82, гдѣ она идетъ прямо за вычисленіемъ объема шара, и гдѣ, слѣдовательно, слова „Est etiam ratio alia altitudinem videndi, quae est hujusmodi“ нисколько не на мѣстѣ. Заключение, которое отсюда дѣлаетъ Вейссенборнъ (р. 91), вѣрно только въ томъ смыслѣ, что здѣсь мы имѣемъ дѣло несомнѣнно съ неудачными заимствованіями изъ источника, не чуждаго арабскаго вліянія. Что же касается до того, будто бы с. 22 присоединена къ такъ-называемой „Геометріи“ Герберта переписчикомъ зальцбургской рукописи или ея оригинала, а с. 82 уже раньше вошла въ составъ третьей части, включенной въ эту копіяцію, то оно основано на невѣрномъ представленіи, будто бы с. 82 встрѣчается въ рукописяхъ №№ 5, 6, 7 (?), 8, и притомъ въ той же связи, какъ и въ зальцбургской. Мы уже указывали выше, что рукописи № 7 не существуетъ, а № 6 есть копія съ № 8, при чемъ ни въ той, ни въ другой мы не нашли с. 82 (по крайней мѣрѣ мы не нашли ее въ связи съ другими главами геометріи). Мы не видѣли № 5, но если она, дѣйствительно, заключаетъ въ себѣ тѣ главы, которыя Вейссенборнъ приводитъ на р. 4, то ясно, что мы въ ней имѣемъ безформенную смѣсь, въ которой напрасно было бы искать хотя подобіе которой-нибудь изъ трехъ частей, вошедшихъ въ составъ такъ-называемой „Геометріи“ Герберта. Все это тѣмъ страннѣе, что на стр. 40 Вейссенборнъ приходитъ къ заключенію, что такъ-называемая третья

часть зальцбургской компиляціи только ей одной и свойственна, въ другихъ же рукописяхъ встрѣчаются лишь небольшіе отрывки этой третьей части.

Но если „Геометрія“ зальцбургской рукописи не имѣетъ ничего общаго съ Гербертомъ, какъ это доказываетъ Вейссенборнъ, то невольно рождается вопросъ, какъ пошло имя Герберта въ заглавіе этой компиляціи. Объясненіе этого факта, и по нашему мнѣнію совершенно неудачное, Вейссенборнъ даетъ въ концѣ главы (pp. 92 — 95). По Вейссенборну, компиляторъ зальцбургской рукописи, въ которой, кромѣ такъ-называемой „Геометріи“ Герберта, есть и другіе трактаты, или же компиляторъ оригинала зальцбургской рукописи 1) зналъ, что Гербертъ былъ въ Испаніи на границѣ Мавританскаго государства, 2) замѣтилъ, что въ находившемся передъ его глазами геометрическомъ трактатѣ, который онъ считалъ за цѣльную вещь, многое обязано своимъ происхожденіемъ арабамъ, и потому 3) пришелъ къ заключенію, что авторъ этого трактата—Гербертъ. Первый изъ этихъ пунктовъ еще можетъ быть допущенъ, такъ какъ пребываніе Герберта въ Испаніи было однимъ изъ основныхъ элементовъ распространенной уже въ XII столѣтіи легенды о Гербертѣ. За то со вторымъ согласиться довольно трудно. Какимъ образомъ малосвѣдующій въ математикѣ составитель зальцбургской рукописи, или ея оригинала, (p. 43 мы о немъ читаемъ: „die mathematischen Kenntnisse des Schreibers nicht gerade bedeutend gewesen sein mögen“, *ibid.*: „Einem Mangel an Überlegung oder an historischen Kenntnissen schreibe ich es auch zu, dass—in Salzburger Codex die Schriften des späteren Hermannus Contractus denen des früheren Gerbert vorangestellt sind“) вдругъ оказался на столько проницательнымъ, что арабскіе элементы въ такъ-называемой „Геометріи“ Герберта, существованіе которыхъ Вейссенборну пришлось доказывать противъ Кантора, отрицавшаго ихъ, стали для него сразу очевидными? Читатель этого никакъ понять не можетъ, не смотря на то, что Вейссенборнъ постарался сгладить эту логическую шероховатость фразами въ родѣ: „einem in mathematischen Dingen nicht ganz (!) unwissendem Compilator“ или „was (то-есть, присутствіе арабскихъ элементовъ) damals doch leichter (??) zu erkennen war, als jetzt nach Jahrhunderten“. Да, наконецъ, даже и допущеніе двухъ первыхъ пунктовъ нисколько не обязываетъ къ принятію третьяго.

Такимъ образомъ, хотя Вейссенборну и удалось защитить противъ Кантора не новыя уже, впрочемъ, положенія, что такъ-называем-

мая „Геометрія“ Герберта состоитъ изъ трехъ плохо между собою связанныхъ частей, что она не могла быть написана Гербертомъ; хотя ему и принадлежитъ не совсѣмъ неудачная попытка показать въ этомъ трактатѣ арабскіе элементы, тѣмъ не менѣе указанные нами выше недостатки слишкомъ достаточны, чтобы признать, что вся работа Вейссенборна нуждается въ коренной передѣлкѣ на основаніи болѣе точныхъ и богатыхъ рукописныхъ данныхъ и съ примѣненіемъ болѣе вѣрныхъ критическихъ методовъ для обработки этихъ данныхъ. Съ рукописями въ рукахъ только и можно разрѣшить сколько-нибудь удовлетворительно подобныя вопросы. Такъ, мы полагаемъ, что интересный процессъ возникновенія такъ-называемой „Геометріи“ Герберта можно при помощи рукописей прослѣдить съ болѣею точностью, получая при этомъ не одни только отрицательные выводы.

Гораздо болѣе благоприятное впечатлѣніе производить вторая, наиболѣе математическая глава сочиненія Вейссенборна: „Alte Mess-Methoden und Mess-Instrumente“, которую математики прочтутъ съ интересомъ (pp. 96—168). Здѣсь (pp. 96—108) Вейссенборнъ излагаетъ на современномъ математическомъ языкѣ способы измѣренія, встрѣчающіеся во второй части такъ-называемой „Геометріи“ Герберта и основанные на подобіи прямоугольныхъ треугольниковъ, указываетъ на ихъ сходство съ нѣкоторыми задачами оптики Евклида и отсюда выводитъ, что эти способы сдѣлались извѣстны христіанской Европѣ вѣстѣ съ Евклидомъ отъ арабовъ. Мы однако полагаемъ, что именно въ математическихъ наукахъ одного сходства совершенно недостаточно для заключенія о заимствованіи, и сомнѣваемся, чтобы можно было сколько-нибудь точно доказать, что эти способы измѣренія (предположивъ даже, что ихъ первоисточникъ есть, дѣйствительно, Евклидъ) не могли проникнуть изъ классической древности въ средніе вѣка иначе, какъ черезъ посредство арабовъ. Затѣмъ Вейссенборнъ обращается къ „геометрическому квадрату“, инструменту, употребляемому для измѣренія во второй части такъ-называемой „Геометріи“ Герберта, и къ связанной съ этимъ инструментомъ средневѣковой астролябіи. Онъ доказываетъ, что эта астролябія въ ея первоначальной и общей формѣ была построена арабами и есть въ сущности не что иное, какъ дальнѣйшее преобразование планисферіума Гиппарха и Птолемея,—геометрической же квадратъ даже изобрѣтенъ арабами. Это послѣднее заключеніе не можетъ однако считаться вполне несомнѣннымъ.

Итакъ, вторая глава сочиненія Вейссенборна, имѣющая цѣлью

указать арабскіе элементы въ такъ-называемой „Геометріи“ Герберта, есть въ сущности продолженіе той части первой главы, гдѣ Вейсенборнъ сдѣлалъ попытку прослѣдить чисто-внѣшнія литературныя заимствованія изъ арабскихъ сочиненій. Она, слѣдовательно, точно также, какъ и первая глава, направлена противъ Кантора. Впрочемъ, разъ Вейсенборнъ признавалъ такъ-называемую „Геометрію“ Герберта за компиляцію конца XI или XII столѣтія, вопросъ о заимствованіяхъ въ ней изъ арабскихъ источниковъ теряетъ значительную часть того интереса, который онъ возбудилъ бы, еслибъ эта компиляція относилась къ X столѣтію. Заимствованія у арабовъ съ половины XI столѣтія (Германъ Контрактъ) совсѣмъ не рѣдкость.

Съ этой точки зрѣнія гораздо интереснѣе третья глава сочиненія Вейсенборна, озаглавленная „Die complementäre Multiplication“, такъ какъ въ ней авторъ дѣлаетъ попытку указать арабское вліяніе въ сочиненіи, принадлежащемъ несомнѣнно Герберту, и слѣдовательно, относящемся къ концу X столѣтія, а именно въ „Libellus de numerorum divisione“. Содержаніе этой третьей главы (pp. 168—208) составляетъ рядъ чрезвычайно интересныхъ наблюденій Вейсенборна надъ происхожденіемъ умноженія съ дополненіемъ до слѣдующаго за множителемъ кратнаго отъ 10. Вейсенборнъ пришелъ къ тому заключенію, что этимъ умноженіемъ математики среднихъ вѣковъ обязаны не классическому міру, а арабамъ и черезъ нихъ индійцамъ. Но такъ какъ самъ авторъ въ началѣ и концѣ (р. 169 и р. 208) разсматриваемой главы признается, что еще далеко не установлено, чтобы происхожденія такъ-называемаго желѣзнаго дѣленія, излагаемаго въ „Libellus“, слѣдовало искать тамъ же, гдѣ явилось умноженіе съ дополненіемъ, то ясно, что вся эта третья глава является вставкой, хотя и интересною, но врядъ ли необходимою въ сочиненіи, имѣющемъ въ своемъ заглавіи имя Герберта. Соображенія, въ видѣ встрѣчающагося р. 208: „man könnte ferner die Ueberzeugung hegen nur (?) dem grubelnden Gehirne eines in allen Rechenkünsten wohl bewanderten Hindu könne diese eigenartige, in ihrer Art scharfsinnige, Divisions-Methode entsprungen sein“, врядъ ли могутъ установить болѣе прочную связь этой главы съ остальною частью книги Вейсенборна.

Наконецъ, въ четвертой главѣ „Rechenbrett und Rechnen bei Gerbert“ Вейсенборнъ опять возвращается къ Герберту (pp. 209—239). Прежде всего онъ направляетъ свои усилія къ разрушенію тѣхъ данныхъ, на основаніи которыхъ трактатъ „Regula de Abaco

computi* былъ приписанъ Герберту. Въ общемъ Вейссенборнъ разсуждаетъ совершенно справедливо (р. 213, мы, если не ошибаемся, встрѣтили первое вѣрное объясненіе много коментировавшагося, но все же плохо понимавшагося письма Герберта къ Константину, стоящаго въ началѣ „Libelli“), и только отсутствіе вѣрныхъ данныхъ о рукописи Vat. Reg. 1661 помѣшало ему окончательно уличить Оллериса, который главнымъ образомъ на основаніи этой рукописи счелъ себя въ правѣ приписать этотъ трактатъ Герберту. Мы рады, что можемъ прійти на помощь Вейссенборну сообщеніемъ здѣсь болѣе точныхъ данныхъ объ Vat. Reg. 1661. Это пергаменная рукопись XI вѣка in 4. На fol. 2 г. находятся слѣдующія слова, написанная рукой, гораздо болѣе поздною, чѣмъ остальной текстъ:

„Gerberti Regula de Abaco computi

ῥησιν καὶ παρρησιᾶν

Ne senza sfinge, ne senza Edipo. H. Petavius*.

Остальная часть fol. 2 г. оставлена бѣлою. На fol. 2 v. — 4 г. помѣщается трактатъ, называемый обыкновенно „Libellus de numerorum divisione“ и начинающійся словами „Constantino suo Gerbertus scolasticus. Vis amicitiae“ etc. Вслѣдъ за этимъ трактатомъ слѣдуетъ fol. 4 г.—16 г. безъ заглавія трактатъ, которому Оллерисъ далъ имя „Regula de Abaco computi“. Отсюда ясно, что вышеприведенная позднѣйшая приписка на fol. 2 г. никакъ не можетъ относиться къ анонимному трактату на foll. 4 г.—16 г., а указываетъ лишь на то, что слѣдуетъ на foll. 2 v.—4 г. Неизвѣстное лицо, помѣстившее эту приписку, взяло имя Герберта съ fol. 2 г., а не имѣющій никакого особаго заглавія трактатъ foll. 2 v.—4 г. окрестило „Regula de abaco computi“, что вполне подходитъ къ его содержанию. Намъ (и Оллерису, стр. 586) извѣстно, что, напримѣръ, въ cod. Monac. № 14689 s. XII находится foll. 97 г.—98 г. тотъ же называемый обыкновенно „Lib. de num. div.“ трактатъ, заканчивающійся слѣдующими словами „Explicit lectiones vel regule Gerberti super abaco“. Итакъ, открытіе Оллериса не имѣетъ никакого другаго основанія, кромѣ его собственной небрежности.

Остановившись затѣмъ дольше, чѣмъ слѣдовало бы, на толкованіи одной и безъ того ясной фразы „Liber Abaci“ Гербертова ученика Бернелина, трактующей объ устройствѣ абака для вычисленій и отличающей такой абакъ отъ абака для черченія геометрическихъ фигуръ (рр. 214—217), Вейссенборнъ переходитъ къ самому вычисленію на абакѣ, впрочемъ, не для того, чтобы познакомить насъ съ

подробностями этого вычисления, а лишь для того, чтобы посредством разсуждений, болѣе чѣмъ сомнительнаго свойства, прійти къ слѣдующему неожиданному результату (р. 226): „So viel aber ist gewiss, dass durch das Studium der Arithmetik des Boettus, wenn auch ohne ihre Schuld, die von Gerbert angestrebte Fertigkeit im Rechnen nicht nur gefördert, sondern gehemmt und aufgehalten worden ist“. Какимъ же, спрашивается, образомъ могла „Ариѳметика“ Боэція мѣшать усовершенствованію способовъ вычисления? Вейсенборнъ увѣряетъ (р. 220), что изъ чтенія „Ариѳметики“ Боэція читатель выносилъ убѣжденіе, что единица не есть число, что она не принадлежитъ къ числу натуральныхъ чиселъ, и что потому она не можетъ употребляться при вычисленіяхъ. Вейсенборнъ утверждаетъ даже, что именно при употребленіи Гербертова абака съ графами являлось сомнѣніе, можно ли поставить жетонъ съ написанною на немъ единицей въ какую-нибудь другую графу, кромѣ графы единицъ, то-есть, другими словами, можно ли на этомъ абакѣ изобразить 10, 100, 1000 и т. д. Договорившись до подобныхъ вещей, Вейсенборнъ справедливо удивляется: „Wie sollte—ein Rechnen auf den Columnen—Abacus überhaupt möglich sein?“ Казалось бы, самый тотъ простой фактъ, что Гербертъ и его ученики производили же вычисленіе на абакѣ, долженъ былъ бы внушить Вейсенборну мысль, что въ его разсужденіяхъ есть что-то неладное. На самомъ дѣлѣ этого однако не происходитъ. Вейсенборнъ смѣло дѣлаетъ логическіе скачки, навязываетъ текстамъ тотъ смыслъ, котораго они на самомъ дѣлѣ не имѣютъ, и все это для того, чтобы (р. 221) бессмыслицѣ, заключающейся въ пассажѣ объ абакѣ въ такъ-называемой „Геометріи“ Боэція, придать видъ цѣлаго ученія, широко распространеннаго въ средніе вѣка. По вѣдъ самъ Вейсенборнъ (р. 222) говоритъ, что авторъ этого пассажа объ абакѣ, дѣйствительно заключающаго въ себѣ вышеприведенное невѣроятное ученіе, по видимому, самъ не понималъ, что писалъ, и врядъ ли рѣшилъ когда-либо хоть одну задачу на абакѣ. Но если такъ, то, намъ кажется, было бы логичнѣе этимъ и ограничиться, а не извращать въ пользу этой бессмыслицы смысла другихъ текстовъ.

Мы поставимъ здѣсь слѣдующіе два вопроса: 1) дѣйствительно ли изъ „Ариѳметики“ Боэція можно, хотя бы и не „allgemein“, а только „häufig genug“ (р. 220) вычитать ученіе, что единица не есть число; 2) изъ ученія, что единица не есть число, слѣдуетъ ли, что она не можетъ быть употребляема въ вычисленіи. Тексты, которые

часть ССЛXIV, отд. 2. 15

приподить Вейссенборнъ для доказательства этихъ двухъ положеній, нисколько не доказываютъ ни того, ни другаго.

Вейссенборнъ для доказательства перваго ссылается (р. 218) на слѣдующее мѣсто „Ариметики“ Боэція: „Est igitur unitas, vicem obtinens puncti, intervalli longitudinisque principium; ipsa vero nec intervalli nec longitudinis caraх, quemadmodum punctum principium quidem lineae est atque intervalli, ipsum vero nec intervallum nec linea“. Этотъ пассажъ есть не совсѣмъ буквальный переводъ слѣдующей фразы „Ариметики“ Никомаха, тоже приведенной у Вейссенборна тамъ же: „Ἐσται οὖν ἡ μὲν μονάς, σημείου τόπον ἐκ-εῦροσα καὶ τρίγων, ἀρχὴ μὲν διαστήματων καὶ ἀριθμῶν, οὐκᾶ δὲ διάστημα οὐδὲ ἀριθμός, ὡς τὸ σημεῖον ἀρχὴ μὲν γραμμῆς καὶ διαστήματος, οὐκᾶ δὲ γραμμῆ οὐδὲ διάστημα. Изъ этихъ пассажей ясно, что мысль о томъ, что единица не есть число, могла мелькнуть въ головѣ того, кто читалъ Никомаха, но уже никакъ не въ головѣ читателя „Ариметики“ Боэція, который дважды — съ намѣреніемъ или безъ намѣренія, это другой вопросъ — вмѣсто ἀριθμός поставилъ „longitudo“. Вейссенборнъ, р. 219 полагаетъ, что онъ это сдѣлалъ съ намѣреніемъ, и хвалить его за здравомысліе и желаніе не подать своимъ текстомъ поводъ къ опасному заключенію, что единица не есть число. На р. 220 Вейссенборнъ признается, что арабскій ученый Алхазизи усвоилъ себѣ это ученіе, по всей вѣроятности, изъ Никомаха, но что „Boetius in seiner Arithmetik weder an der eben angeführten, noch an einer anderen Stelle es behauptet“ (то-есть, что единица не есть число). Все это однако нисколько не мѣшаетъ ему продолжать только что приведенную фразу такъ: „las man doch, ich will nicht sagen allgemein, aber doch häufig genug (слова, слова и слова!), aus derselben die Lehre heraus, die Eins sei keine Zahl“. Можно положительно думать, что подобнымъ умозаключеніемъ Вейссенборнъ хотѣлъ только испытать, на сколько велика у его читателей способность къ логическому мышленію!

Теперь обратимся ко второму изъ поставленныхъ нами выше вопросовъ, то-есть, вытекаетъ ли изъ ученія, что единица не есть число, прямо заключеніе, что она не можетъ быть употребляема въ вычисленіяхъ на абакѣ. Какія Вейссенборнъ приводитъ доказательства въ пользу того, что такое заключеніе, дѣйствительно, дѣлалось? Никакого другаго, кромѣ уже упомянутаго пассажа объ абакѣ въ такъ-называемой „Геометріи“ Боэція, надъ авторомъ котораго онъ однако уже самъ произнесъ строгій и справедливый приговоръ.

Въ двухъ другихъ приведенныхъ имъ текстахъ (первый изъ приписанной Оллерисомъ Герберту „Regula de abaco computi“, а второй изъ „Liber Abaci“ Бернелина), во первыхъ, нигдѣ не говорится, что единица не есть число (въ текстѣ Бернелина о единицѣ мы читаемъ всего лишь слѣдующее: „unitas,— quae a nulla progrediens, omnium numerorum sola naturale sortita est principium“), а во вторыхъ, авторы этихъ пассажей нисколько не боятся пользоваться единицей для вычислений. Относительно Бернелина самъ Вейссенборнъ это признаетъ безусловно, относительно же „Regula“—съ нѣкоторымъ ограниченіемъ. Но мы сейчасъ увидимъ, что этого послѣдняго текста Вейссенборнъ совсѣмъ не понималъ. Итакъ, остается не доказаннымъ, что кто-нибудь (кромѣ невѣжественнаго автора пассажа объ абакѣ въ такъ-называемой „Геометріи“ Бозѣція) дѣлалъ когда-нибудь подобное нелѣпое заключеніе изъ ученія, что единица не есть число.

Затѣмъ еще вопросъ: слѣдуетъ ли вообще логически изъ этого ученія, что единица не можетъ быть употребляема при вычисленіяхъ? Для того, чтобы отвѣтить на этотъ вопросъ, слѣдуетъ прежде всего отдать себѣ отчетъ, въ какомъ смыслѣ говорилось, что единица не есть число.

Мы смотримъ теперь на отвлеченныя числа исключительно, какъ на отвлеченныя понятія, какъ на матеріалъ, надъ которымъ или при посредствѣ котораго производятся математическія операціи. Съ этой точки зрѣнія насъ вполне удовлетворяетъ слѣдующее, пригнанное къ этой точкѣ зрѣнія опредѣленіе числа: „число есть сама единица или собраніе нѣсколькихъ единицъ“, потому что мы оперируемъ надъ единицей совершенно также, какъ надъ всякимъ другимъ числомъ. При такомъ взглядѣ на число сказать, что единица не есть число, дѣйствительно, значило бы утверждать, что единица не можетъ быть употребляема въ вычисленіяхъ, то-есть, утверждать вздоръ.

Но, во первыхъ, практичность опредѣленія не есть гарантія его правильности съ логической точки зрѣнія, а во вторыхъ, еще вопросъ, смотрѣли ли тѣ изъ древнихъ и средневѣковыхъ математиковъ, которые утверждали, что единица не число, на число съ нашей практической точки зрѣнія.

Логическая неправильность вышеприведеннаго опредѣленія числа, намъ кажется, ясна сама собою. Мы спрашиваемъ: что такое число? Намъ говорятъ: „число есть единица или“ и т. д. А если мы спросимъ, что такое единица, намъ отвѣтятъ, что это число. Сообразно

этому можно было бы вмѣсто „число есть собраніе единицъ“, сказать „число есть собраніе чиселъ“, при чемъ все же остается непонятнымъ, что это за особыя числа собираются, чтобы составить число. Итакъ, если допустить, что числомъ можетъ быть собраніе единицъ, то отсюда слѣдуетъ логически, что сама-то единица (отвлеченная, конечно) не есть число, а что-то другое, служащее къ образованію чиселъ. Наконецъ, самое выраженіе „собраніе единицъ“ грѣшитъ въ некоторую конкретность: оно навязывало отвлеченной единицѣ конкретное реальное существованіе, котораго она не имѣетъ. Во всякомъ случаѣ, какова бы ни была сама по себѣ отвлеченная единица, несомнѣнно, что собраніе такихъ отвлеченныхъ единицъ есть столь же мало число, какъ и собраніе конкретныхъ единицъ. Напримеръ, 30 яблокъ не есть само по себѣ число, а просто куча яблокъ. Чиселъ нѣтъ внѣ человѣческаго ума: они не болѣе, какъ продуктъ особой организаціи человѣческаго ума, познающаго міръ не иначе, какъ въ пространствѣ и времени, и потому способнаго раздѣльно воспринимать и представлять себѣ предметы въ пространствѣ и времени. Число, такимъ образомъ, является итогомъ, подведеннымъ подъ тѣмъ, сколько разъ мы восприняли или вызвали въ себѣ извѣстное представленіе, а не итогомъ подъ самыми этими представленіями и еще тѣмъ менѣе подъ реально существующими предметами. Если единицей назвать актъ, посредствомъ котораго мы однократно вызываемъ въ себѣ извѣстное представленіе, то разумѣется, и единица есть число. „Число есть результатъ счета“, говоритъ другое болѣе правильное, но не вполне ясное опредѣленіе числа. Мы называемъ его не вполне яснымъ, потому что самое понятіе „счета“ требуетъ разъясненія. При обыденномъ же понятіи о числѣ, оно есть именно итогъ, подведенный подъ собраніемъ какихъ-то неопредѣленныхъ представленій, называемыхъ единицами. Мы естественно расположены объективировать эти неопредѣленные представленія и считать ихъ существующими независимо отъ насъ. Такъ мы невольно представляемъ себѣ отвлеченную единицу въ видѣ короткой линіи, напоминающей цифру 1, подобно тому, какъ геометрическому цупкту мы въ своихъ представленіяхъ даемъ видъ чернаго кружка, хотя и знаемъ, что онъ не имѣетъ никакого измѣренія. Съ этой точки зрѣнія единица является уже не числомъ, а лишь матеріаломъ, изъ котораго образуются числа.

Если мы въ настоящее время, не смотря на все болѣе и болѣе развивающуюся способность къ отвлеченному мышленію и успѣхи

философіи, не мож. ъ освободиться отъ грубыхъ, чувственныхъ чертъ въ понятіи о числѣ, то понятно, что пластическому греку числа должны были представляться реально существующими сущностями, какъ Платону представлялись его идеи. Мы знаемъ, что пифагорейцы такъ именно и смотрѣли на числа: человѣческую душу, элементы они отождествляли съ извѣстными числами. Для нихъ изучать свойства чиселъ значило изучать природу. Отсюда ясно, что и единица, изъ которой состояли всѣ числа, представлялась имъ реально существующею монадой, родоначальницей всѣхъ чиселъ, которую они по этому самому и не могли поставить въ одну категорію съ остальными числами. Пифагорейское ученіе имѣло громадное вліяніе на послѣдующее развитіе математики. Пифагорейскій взглядъ на числа приобрѣлъ широкое распространеніе, и въ немъ-то, въ этомъ взглядѣ на числа, лежитъ источникъ 1) ученія о томъ, что „*unitas - numerus non est, sed fons et origo numerorum*“, 2) ученія о фигурныхъ (полигональныхъ и пирамидальныхъ) числахъ.

Отсюда ясно, 1) что ученіе о томъ, что единица не есть число, не есть какая-нибудь случайная бессмыслица, которая могла явиться вслѣдствіе невѣрнаго толкованія какого-нибудь запутаннаго текста, какъ это думаетъ Вейссенборнъ; 2) что это ученіе имѣетъ натуръ-философскую подкладку и не стоитъ ни въ какомъ отношеніи къ практическому вычисленію, другими словами, отсюда логически не вытекаетъ, что единица не можетъ быть употребляема при вычисленіяхъ на абакѣ или гдѣ бы то ни было.

Что касается до фигурныхъ чиселъ, то это, кажущееся намъ страннымъ, ученіе древнихъ выросло несомнѣнно, и притомъ вполне логически на той же пифагорейской почвѣ. Дѣйствительно, если единица есть реально существующая монада, что-то въ родѣ атома или реализованнаго геометрическаго пункта, то всякій предметъ есть собраніе монадъ, слѣдовательно, число. Обратное: когда у насъ есть число, то мы можемъ его реализовать. Обыкновенно для этого древніе выискивали такіа числа, которыя реализовались въ формѣ правильныхъ геометрическихъ фигуръ. Возьмемъ, на примѣръ, число 10, то-есть число, состоящее изъ десяти монадъ. Обозначивъ эту монаду-атомъ какимъ бы то ни было образомъ, на примѣръ, маленькимъ чернымъ кругомъ, точкой (или альфой, какъ дѣлаетъ Никомахъ), мы располагаемъ ихъ въ формѣ правильнаго равносторонняго треугольника: въ основаніи четыре кружка, потомъ три, потомъ два и въ вершинѣ одинъ. Такимъ образомъ мы получимъ правильную геометрическую фигуру,

площадь (между кружками, разумѣется, будутъ интервалы, но и между атомами реального пространства необходимо предположить существованіе такихъ интерваловъ). Эта фигура и будетъ число 10. Такимъ же точно образомъ можетъ быть изъ монадъ построена пирамида. Фигурныя числа служили какъ бы нагляднымъ, графическимъ примѣромъ тождественности между числами и реальными вещами. На нихъ всякій долженъ былъ убѣдиться, что монада есть въ одно и то же время начало числамъ и пространственнымъ измѣреніямъ. Объ этихъ-то фигурныхъ числахъ и говоритъ новоинягореецъ Никомахъ въ приведенномъ нами выше пассажѣ: „Итакъ, единица, занимающая мѣсто и играющая роль точки (то-есть, реальная монада, пифагорейская отвлеченная единица), есть начало и разстояніямъ, и числамъ, но сама не есть ни разстояніе, ни число, какъ точка есть начало линіи и разстоянія, но сама не линія и не разстояніе“. Въ этомъ пассажѣ Боэцій, какъ это ясно изъ приведеннаго выше текста его „Арифметики“, поставилъ дважды вмѣсто ἀριθμός—longitudo, такъ что у него дважды очутились рядомъ въ данномъ случаѣ совершенно однозначущія слова „intervallum“ и „longitudo“. Ясно, что Боэцій не понялъ сокровенной мысли Никомаха, и хвалить его за это, какъ это дѣлаетъ Вейссенборнъ, не слѣдуетъ.

Изъ пассажа Никомаха видно, что монада не занимаетъ сама никакого мѣста (она „не есть разстояніе“), но тѣмъ не менѣе наполняетъ собою пространство („есть начало разстоянія“). Кто подумаетъ упрекнуть Никомаха въ этомъ противорѣчій, когда и въ нашемъ представленіи объ атомахъ, наполняющихъ собою пространство, заключается почти такое же противорѣчіе?

Монада, соответствующая въ ученіи древнихъ нашей отвлеченной единицѣ, разумѣется, не могла быть ни увеличена, ни уменьшена (раздѣлена), какъ и наша отвлеченная единица не можетъ быть ни увеличена, ни уменьшена (раздѣлена). Отвлеченныя дроби суть только условные знаки, а не результатъ дѣленія. Но числа, состоящія изъ монадъ могутъ, конечно, возрастать (съ 2 до безконечности) и уменьшаться (съ безконечности до 2) безконечно. Точно также и какая-нибудь конкретная единица, которую слѣдуетъ строго отличать отъ монады, можетъ увеличиваться, уменьшаться и дѣлиться. Глубокое отличіе монады (unitas) отъ конкретной единицы (unum) прекрасно представлено въ слѣдующемъ пассажѣ, который Вейссенборнъ, р. 222, приводитъ для того, чтобъ окончательно искавить его смыслъ: „Cum passione contraria, id est augmentatione et diminutione,

omnis ad infinitum tendat quantitas, ab utraque (то-есть, passione), ut mihi videtur, pura relinquatur unitas (=монада), sed rei alicui commixta et ad id, quod unum (=конкретная единица) dicitur, deveniens ab ipsa sua definitione utrique facultati, ut ad infinitum procedat, largitur primordia. Erit igitur (то-есть, unitas) in sua puritate et castitatis vi, nec generat enim, nec generatur obtinens (=obstinans?) et suae integritatis dissolutionem nesciens. Quare cum ipsa a sua immobilitate vel soliditate, ut nostris divisionibus subiaceat vel augmentationibus, nequeat corrogari, velut regnum in suo adamantinis partibus detexto quiescere permittamus cubili. Sed id, quod sua denominatione nobis effecerat, quod etiam unum superius nominari placuerat, quasi gaudentes et gratias agentes, ad dividendum et ad incrementum vel incrementandum suscipiamus... Unum ergo, quicquid illud sit sive pes, sive libra, si per XII divido, duodecimam unam unciam... nomino“.

Въ этомъ пассажѣ совершенно ясно говорится о не измѣняющейся единицѣ (unitas), то-есть, монадѣ (соотвѣтствующей, но не равной, въ воззрѣнiяхъ древнихъ нашей отвлеченной единицѣ). Этой единицѣ противопоставляется конкретная единица (unum), которая можетъ измѣняться, и увеличиваясь, и уменьшаясь (дѣлясь). Но Вейссенборнъ изъ-за своей теорiи не разглядѣлъ смысла этого пассажа и излагаетъ его такъ: „Mit der wahren und reinen Eins, der unitas, kann allerdings weder multipliziert noch dividiert werden (!? читателю легко убѣдиться, что въ нашемъ пассажѣ unitas разсматривается какъ множимое и дѣлимое, но не какъ множитель и дѣлитель), sie ruht wie eine Königin unbeweglich in ihrer diamantenen Zelle, nämlich in der Columne der Einer auf dem Abacus (?? гдѣ это послѣднее въ текстѣ?), und kann aus derselben (?) nicht entfernt werden; wenn sie aber nicht mehr die reine Einheit, die unitas, ist, sondern wenn sie das Eins, $\tau\theta$ unum, ist, dann, ja dann kann sie ihre Columne (?) verlassen, und dann kann mit der Eins gerechnet werden wie mit jeder anderen Zahl. Da nun aber gar nicht (??) angegeben ist, woran man erkennt, ob eine in einem vorliegenden concreten Falle vorkommende Eins die unitas oder $\tau\theta$ unum ist (??), и т. д.

Мы жалѣемъ, что и безъ того разросшiйся объемъ нашей статьи не позволяетъ намъ разсмотрѣть подробнѣе спутанныя и построенныя на рядѣ гипотезъ и риторическихъ вопросовъ разсужденiя Вейссенборна относительно происхожденiя абака Герберта, относительно того, откуда и какъ появились на этомъ абакѣ арабскiя цифры

откуда, наконецъ, произошелъ самый способъ умноженія и дѣленія на этомъ абакѣ, наложенный Гербертомъ въ его „*Lib. de num. div.*“. Мы можемъ сказать, что всѣ эти разсужденія, занимающія конецъ четвертой главы (pp. 226 — 239), не подвигаютъ насъ ни на шагъ ближе къ разрѣшенію этихъ спорныхъ вопросовъ. Они обнаруживаютъ въ Вейссенборнѣ защитника системы, допускающей вліяніе арабовъ на христіанскихъ математиковъ уже во время Герберта, но и въ этомъ отношеніи не даютъ ничего новаго, кромѣ развѣ болѣе чѣмъ страннаго соображенія на стр. 233. Признавая, что арабскія названія для 1—9 и даже для 0 попадаютъ въ Европѣ еще съ начала XII вѣка, онъ утверждаетъ, что эти названія не приносили никакой пользы, такъ какъ не были извѣстны арабскія названія для 10, 100, 1000, и поэтому нельзя было выговорить написанную цифру, если она была болѣе десяти. Для примѣра Вейссенборнъ ставитъ между прочимъ слѣдующій вопросъ: *quinque (5) et septem (7) faciunt?* На этотъ вопросъ, по мнѣнію Вейссенборна, человекъ, не знавшій, какъ по арабски десять, не могъ отвѣтить. Прямое слѣдствіе изъ этой теоріи—то, что мы въ XIX столѣтіи совсѣмъ не можемъ производить вычисленій и выговаривать числа, такъ какъ мы 1) употребляемъ такъ-называемыя арабскія цифры и 2) не знаемъ арабскаго названія ни одной изъ нихъ. Другое заключеніе изъ этой теоріи,—то, что греки, употреблявшіе для обозначенія цифръ алфавитъ, должны были считать не *ἐπτά καὶ ὀκτώ εἰσι πενταχίδεκα*, а *Ζῆτα καὶ ἦτα εἰσὶν ἰῶτα ἓ ψιλόν*. Для средневѣковыхъ христіанскихъ математиковъ арабскія (или изъ какого бы источника они ни происходили) названія для 1—9 и 0 были лишь названіями цифръ, то-есть, самихъ знаковъ, и никому изъ нихъ не могла прійти въ голову дикая мысль при устномъ счетѣ употреблять эти чуждыя названія цифръ вмѣсто латинскихъ числительныхъ (названій чиселъ).

Послѣдняя, пятая глава („*Ueberblick*“, pp. 240—251) есть резюме всей книги, особенно же главъ первой и четвертой. Поэтому въ этой главѣ среди общихъ разсужденій встрѣчаются тѣ же, отиѣченныя нами выше, крупныя ошибки Вейссенборна. Такъ на р. 243 опять повторяется невѣрный выводъ изъ пассажей первой части такъ называемый „Геометрія“ Герберта о прямоугольныхъ треугольникахъ, а на pp. 242, 244, 248, 249 Вейссенборнъ съ видимымъ удовольствіемъ возвращается къ своей теоріи о томъ, что взглядъ на единицу, какъ не на число, былъ почерпнутъ изъ „Арифметики“ Боэція, что этотъ взглядъ мѣшалъ развитію практическаго вычисленія. Онъ снова хвалитъ Боэція за его пра-

вильный будто бы переводъ Никомаха и вторично дѣлаеть указанный нами выше логическій скачекъ (р. 248). Если мы къ этому прибавимъ произвольное, ничѣмъ не доказываемое, утверждение Вейсенборна на р. 243: „hielt man Uqtersuchungen über die Natur der Zahlen für identisch mit Rechnen“, и курьезъ на р. 240: „Gerbert selbst schreibt, Oll. ep. 155, an einen nicht weiter bekannten Bruder Ada, er habe Zeichnungen entworfen zur Anfertigung von Uhren für zwei Breitengrade“ (на самомъ дѣлѣ здѣсь рѣчь идетъ объ опредѣленіи въ часахъ сравнительной длины ночи и дня во всѣхъ мѣсяцахъ для такой широты, гдѣ наиболѣе длинный день 18 часовъ, и для такой, гдѣ этотъ день имѣеть 15 часовъ, о пружинныхъ же часахъ Гербертъ не имѣлъ ни малѣйшаго понятія),—то читатель получитъ истинное понятіе о научныхъ достоинствахъ этой главы.

Итакъ, въ общемъ слѣдуетъ признать, что свою задачу Вейсенборнъ исполнилъ неудовлетворительно, и мы позволимъ себѣ не согласиться съ тѣмъ мнѣніемъ, которое Вейсенборнъ поторопился высказать о своей работѣ въ предисловіи (р. VI), какъ бы съ цѣлью устрашить своего будущаго критика: „Seit lange geplant, hat mich diese Arbeit, das Ergebniss der sorgfältigsten (?) und eingehendsten Forschungen, Jahre(?) hindurch in meinen Musse-Stunden beschäftigt,—ich habe also hinreichend Zeit gehabt, Alles auf das Genaueste und Reiflichste zu überlegen, und darf wohl behaupten, dass dies auch geschehen ist“(?).

И. Бубновъ.

Донъ-Жуанъ. Поэма лорда Байрона. Переводъ П. А. Козлова. Двѣ части. С.-Пб. 1889.

Переводческая дѣятельность въ Россіи сопровождается двумя интересными явленіями: вопервыхъ, она распространена въ очень значительной степени, и вовторыхъ, находится, въ одномъ отношеніи, въ весьма неблагоприятныхъ условіяхъ.

Что касается перваго явленія, то, какъ многимъ конечно извѣстно, переводить иностранныхъ писателей—и прозой, и стихами—начали у насъ очень давно, и главнымъ образомъ — въ царствованіе Екатерины II. Затѣмъ, эта отрасль литературы развивалась въ Россіи все больше и больше, развивалась такъ, какъ ни въ одной европейской странѣ, за исключеніемъ развѣ Германіи, и въ настоящее время находится въ такомъ положеніи, что ни одинъ европейскій писатель (и имѣю здѣсь въ виду беллетристовъ), сколько-

нибудь выдающійся, имѣющій право занять почетное мѣсто во всеобщей исторіи литературы, не остается у насъ не переведеннымъ—или вполнѣ, или частями. При этомъ нельзя упускать изъ виду и то обстоятельство, что между именами нашихъ переводчиковъ встрѣчается не мало такихъ, которые принадлежатъ весьма почетнымъ и даровитымъ дѣтелямъ нашей словесности.

Второе изъ вышеупомянутыхъ обстоятельствъ заключается въ томъ, какъ относится къ русскимъ переводамъ иностранныхъ писателей наша критика. И здѣсь мы усматриваемъ явленіе, противоположное состоянію этого дѣла за границею, но уже далеко не къ нашей выгодѣ. Въ европейскихъ странахъ даже во Франціи, гдѣ, какъ извѣстно, на иностранныхъ писателей, такихъ даже, какъ Шекспиръ или Гете, большинство смотритъ или по крайней мѣрѣ смотрѣло достаточно высокомерно, — всякій переводъ капитальнаго произведенія на туземный языкъ разсматривается критикою также серьезно и солидно, какъ выдающееся оригинальное произведеніе, чѣмъ и опредѣляется мѣсто, которое долженъ занять этотъ переводъ въ отечественной литературѣ. У насъ мы видимъ совсѣмъ не то. Здѣсь со стороны критики или полное игнорированіе предмета или мимолетный отзывъ газетнаго свойства въ нѣсколькихъ строкахъ, — и изъ множества примѣровъ этого явленія можемъ указать на слѣдующій, весьма характеристическій. Когда появилось Гербелевское изданіе сочиненій Шекспира—а это было первое полное собраніе его переводовъ на русскомъ языкѣ, при чемъ нѣкоторые переводы были здѣсь напечатаны въ первый разъ, — ни въ одномъ журналѣ нашемъ, въ газетахъ же и подавно, не дали, сколько мнѣ извѣстно, не только подробнаго, серьезно-критическаго разбора, но даже мало-мальски самостоятельнаго и солиднаго отзыва; вездѣ все дѣло ограничивалось болѣе или менѣе краткимъ „извѣщеніемъ“ чисто библиографическаго характера. Затѣмъ, то же самое, и даже въ большей степени, — такъ какъ тутъ дѣло обошлось и безъ „извѣщеній“ — повторилось недавно, при выходѣ четвертаго изданія того же полнаго собранія сочиненій Шекспира, хотя въ этомъ изданіи всѣ, помѣщавшіеся въ предшествовавшихъ изданіяхъ переводы А. Л. Соколовскаго (а ихъ чуть ли не десять), были замѣнены новыми, сдѣланными въ первый разъ, и притомъ писателями съ хорошо извѣстными въ нашей литературѣ именами.

Это по части игнорированія и библиографичности вмѣсто критики; но еще больше важности для дѣла имѣетъ отношеніе этихъ

рецензентовъ къ достоинству труда, о которомъ они докладываютъ читателю. Отношеніе это или въ высшей степени поверхностное, доказывающее, что рецензентъ почти въ глаза не видѣлъ предмета своей работы и отдѣлался только нѣсколькими общими мѣстами, или также въ высшей степени невѣжественное. Последнее объясняется совершенно естественно тѣмъ, что о достоинствѣ перевода берутся судить люди, почти читать не умѣющіе на языкѣ подлинника: и тутъ мы бы могли назвать нѣсколько именъ и привести много примѣровъ, которые можно бы призвать очень забавными, еслибъ они не были ужъ черезъ чуръ возмутительны. А на счетъ поверхностнаго отношенія, изъ существующихъ тоже во множествѣ примѣровъ вотъ хоть бы два: выходитъ Дантовъ „Адъ“ въ переводѣ покойнаго С. И. Заруднаго, трудъ, гдѣ переводчикъ, независимо отъ многихъ очень вольныхъ отступленій отъ подлинника, не стѣснился помѣстить въ самый текстъ свои собственные примѣчанія и объясненія, и уже черезъ два, три дня послѣ выхода этой книги, въ нѣсколькихъ газетахъ встрѣчаемъ отзывы о вѣрности перевода; выходитъ Фетовскій переводъ „Фауста“ — и тоже не далѣе, какъ по прошествіи двухъ, трехъ дней, газетные и журнальные рецензенты свидѣтельствуютъ передъ читателями о близости къ подлиннику перевода; точно есть какая-нибудь физическая возможность въ такое короткое время добыть себѣ хотя приблизительное понятіе о вѣрности или невѣрности перевода такихъ произведеній, уже хотя бы по ихъ объему, какъ „Адъ“ или „Фаустъ“!

Вышесказанное отношеніе нашей критики къ переводческой дѣятельности есть, полагаемъ, одна изъ существенныхъ причинъ того, что у насъ до сихъ поръ не установились, до сихъ поръ остаются довольно разнообразными мнѣнія на счетъ того, что значитъ истинно хорошій переводъ, какія качества нужно имѣть, чтобы быть истинно хорошимъ переводчикомъ и т. п. Изъ отвѣтовъ на второй вопросъ представляются заслуживающими вниманія — уже по именамъ ихъ авторовъ—два: Жуковскаго и Тургенева. По мнѣнію перваго, „чѣмъ ближе къ дарованію образца стихотворное дарованіе подражателя, тѣмъ лучше“ (Жуковскій, обмолвившись, говоритъ „подражателя“ вмѣсто „переводчика“, выражая этимъ неволью свою настоящую мысль, ибо, такъ какъ онъ самъ—о чемъ будетъ еще рѣчь ниже—никогда не былъ переводчикомъ въ истинномъ значеніи этого слова, то и на переводъ могъ смотрѣть не иначе, какъ на „подра-

жаніе"); „но“, прибавляетъ Жуковскій,—„я позволяю себѣ думать, что оно (то-есть, стихотворное дарованіе переводчика) непременно должно быть съ нимъ (то-есть, дарованіемъ образца) одинаково“—и тутъ же объясняетъ, что подъ „стихотворнымъ дарованіемъ“ онъ понимаетъ „способность воображать и чувствовать сильно, соединенную со способностью находить въ языкѣ своемъ такіа выраженія, которыя соотвѣтствовали бы тому, что чувствуешь и воображаешь“. Тургеневъ же на этотъ счетъ говоритъ вотъ что (въ своемъ разборѣ Вронченкова перевода „Фауста“): „Талантъ, творческій даръ необходимъ переводчику; самая взыскательная добросовѣстность тутъ недостаточна. Что можетъ быть рабски добросовѣстнѣе дагеротипа? А между тѣмъ, хорошій портретъ не въ тысячу ли разъ прекраснѣе и вѣрнѣе всякаго дагеротипа? Заслуга переводчика чрезвычайно велика, но только тогда, когда ее дѣйствительно нельзя не признать заслугой. Многіе, не совсѣмъ бездарные, но и не даровитые люди, охотно принимаютъ за переводы; переводя, они избавляются отъ необходимости прибѣгать къ собственной изобрѣтательности (которая, можетъ быть, уже не разъ измѣняла имъ); они имѣютъ предъ собою готовый матеріалъ, и между тѣмъ, все же они какъ будто создаютъ, какъ будто сочиняютъ. Но не такими воображаемъ мы себѣ истинно хорошихъ переводчиковъ. Такія натуры попадаются довольно рѣдко. Ихъ нельзя назвать самостоятельными талантами, но они одарены глубокимъ и вѣрнымъ пониманіемъ красоты, уже выраженной другимъ, способностью поэтически воспроизводить впечатлѣнія, производимыя на нихъ любимымъ ихъ поэтомъ; элементъ воспріимчивости преобладаетъ въ нихъ, и собственный ихъ творческій даръ отзывается страдательностью, необходимостью опоры. Они по большей части бываютъ люди съ тонкимъ вкусомъ, съ развитою рефлексіей. Таковъ былъ Шлегель. Таковъ былъ и Фоссъ. Невольная симпатія привлекаетъ ихъ къ тому поэту, котораго они стараются передать (вспомнимъ о Жуковскомъ и Шиллерѣ); всякій хорошій переводъ пропитанъ любовью переводчика къ своему образцу—понятною, разумною любовью, то-есть, читатель чувствуетъ, что между этими двумя натурами существуетъ дѣйствительная, непосредственная связь...“

Въ интересахъ дѣла, имѣющаго—съ чѣмъ конечно никто не станетъ спорить—несомнѣнную литературную важность, было бы очень желательно и благотворно, взявъ въ основаніе вышеприведенныя мнѣнія такихъ авторитетовъ, какъ Жуковскій и Тургеневъ, подробно разобрать ихъ и, на фундаментъ этого разбора, построить разъ на-

всегда теорію хорошаго перевода и соединенныхъ съ этимъ другихъ вопросовъ. Въ настоящемъ отчетѣ, и по размѣрамъ его, и по спеціальности его содержанія, гдѣ всѣ вышеизложенныя мысли приведены только, такъ-сказать, кстати, только по поводу того, что собственно вызвало этотъ отчетъ, конечно, не мѣсто подробному обсужденію и разрѣшенію затронутого нами общаго вопроса. Но затронувъ его, не можемъ все-таки не замѣтить, что изъ миѣній Жуковскаго и Тургенева мы склоняемся въ пользу втораго, хотя и тутъ съ нѣкоторыми ограниченіями. Жуковскій, справедливо замѣчающій, что въ хорошемъ переводчикѣ должна существовать способность, какъ „воображать и чувствовать сильно“, такъ и (и это, какъ мы думаемъ, въ гораздо большей степени) „находить въ языкѣ своемъ такія выраженія, которыя соотвѣтствовали бы тому, что чувствуешь и воображаешь“,—Жуковскій, по моему миѣнію, совсѣмъ не правъ, когда утверждаетъ, что стихотворное дарованіе переводчика должно быть одинаково со стихотворнымъ дарованіемъ образца. Если подъ „одинаковостью“ какъ мнѣ кажется, Жуковскій понималъ въ этомъ случаѣ одинаковость не направленія, образа мыслей и чувствъ, а степени, размѣра дарованія, то, соглашаясь съ нимъ, мы должны бы прійти къ заключенію, что большаго, первокласснаго поэта можетъ, какъ должно, перевести только такой же большой поэтъ, изъ чего вытекало бы другое естественное заключеніе, что переводъ, то-есть, хорошій переводъ большинства первоклассныхъ поэтовъ не возможенъ. Почему? Потому что большихъ поэтовъ, а ужъ подавно такихъ между ними, которые, оставляя даже на время свое собственное творчество, занимались бы передачею на свой языкъ того, что сказано другими на ихъ языкѣ, очень мало; а воторыхъ, я позволяю себѣ думать даже совершенно напротивъ: не только первостепенный поэтъ, но поэтъ вообще въ истинномъ смыслѣ этого слова (излишне, кажется, объяснять что понимаемъ мы подъ такимъ поэтомъ), не можетъ быть хорошимъ переводчикомъ, даже если онъ отъ времени до времени—что случается впрочемъ рѣдко—возьмется за это дѣло. И тутъ нѣтъ ничего удивительнаго: у истиннаго поэта столько своего, такой избытокъ собственнаго творчества, что чужіе стихи, которые онъ станетъ переводить, скоро становятся для него только какъ бы крючками, на которые онъ вѣшаетъ собственные образы. Мнѣ могли бы возразить—и въ частныхъ бесѣдахъ и слышалъ эти возраженія—ссылкою на Жуковскаго. Но ссылка эта неудачна, ибо человекъ, не одержимый слѣпымъ идолопоклонствомъ относительно авторите-

товъ вообще, признавая громадность заслугъ Жуковскаго относительно русской литературы, его великое, непреходимое значеніе историко-литературное, все-таки не станеть признавать его не только великимъ, но и вообще первостепеннымъ поэтомъ-творцомъ, по отсутствію въ немъ оригинальныхъ, именно ему присущихъ—а не у другихъ поэтовъ заимствованныхъ мотивовъ, по однообразію и узкости области его поэзіи, по многимъ другимъ особенностямъ, которыя, конечно, извѣстны всякому, строго-критически изучавшему этого писателя. Да еслибъ и согласились мы съ мнѣніемъ о первостепенности самостоятельнаго поэтическаго дарованія Жуковскаго, то развѣ этимъ опровергалось бы то, чтó высказано нами выше? Полагаемъ, что нѣтъ, такъ какъ переводы Жуковскаго отнюдь нельзя признавать переводами въ полномъ значеніи понятія „переводъ“; всѣ они почти безъ всякихъ исключеній, въ высшей степени талантливныя, доказывающія и духовное родство поэта съ образцомъ, передѣлки, подражанія, стихотворенія такъ-называемыя „на мотивъ“, все, чтó хотите, только не переводы,—такъ какъ въ множествѣ стиховъ этихъ произведеній, при внимательномъ сличеніи ихъ съ подлинникомъ, оказываются очень большія отступленія отъ этого подлинника, устраненіе переводчикомъ—умышленное или неумышленное—многихъ особенностей. частныхъ, своеобразностей и т. п., вслѣдствіе чего и говорятъ, совершенно осповательно, что переводы Жуковскаго—вполнѣ самостоятельныя произведенія, въ которыхъ часто личность и особенности автора скрываются, уничтожаются предъ личностью и особенностями переводчика, и т. п. въ этомъ родѣ. Но врядъ ли это похвала Жуковскому, собственно какъ переводчику; врядъ ли мы можемъ ощущать полное удовлетвореніе въ томъ, напримѣръ, случаѣ, когда, читая переводъ „Шильонскаго Узника“, знаемъ, что во многихъ подробностяхъ этого перевода имѣемъ дѣло не столько съ Байрономъ, сколько съ его переводчикомъ. Говоримъ все это, само собою разумѣется, не въ укоръ и осужденіе Жуковскому, переводы котораго имѣютъ другое, громадное значеніе, о которомъ, понятно, намъ нѣтъ надобности здѣсь распространяться... Возвращаясь къ вопросу о качествахъ, необходимыхъ для истинно-хорошаго переводчика, позволю себѣ высказать даже такое мнѣніе, что для удовлетворительнаго исполненія этой задачи не только не нужно истинное поэтическое дарованіе, но достаточно, при умѣннй владѣть стихомъ (если переводъ стихотворный), и самое главное—при способности быть полнымъ хозяиномъ своего языка (чтó тоже встрѣчается очень не

часто), имѣть поэтическое чутье, даже, пожалуй, только чутье критическое (въ родѣ того, которое помогло Лессингу, по его собственному сознанию, при отсутствіи собственно поэтическаго дарованія, создавать поэтическія произведенія).

Съ вопросомъ о необходимыхъ для хорошаго переводчика качествахъ тѣсно связанъ вопросъ объ условіяхъ, при которыхъ переводъ долженъ быть признакъ хорошимъ, вопросъ, для рѣшенія котораго необходимо уяснить себѣ: для кого именно дѣлаются переводы иностранныхъ писателей? Здѣсь послушаемъ опять Тургенева. „Всякій переводъ“, говоритъ онъ, — назначенъ преимущественно для не знающихъ подлинника. Переводчикъ не долженъ трудиться для того, чтобы доставить знающимъ подлинникъ случай оцѣнить—вѣрно или невѣрно передалъ онъ такой-то стихъ, такой-то оборотъ: онъ трудится для „массы“. Какъ бы ни была предубѣждена масса читателей въ пользу переводимаго творенія, но и ее точно также должно завоевать оно, какъ завоевало нѣкогда свой собственный народъ“. Оставляя въ сторонѣ неправильность послѣдняго замѣчанія, ибо Тургеневъ упустилъ тутъ изъ виду, во первыхъ, условія времени, когда писалось данное произведеніе, условія, при которыхъ въ то время могло производиться „завоеваніе“, о какомъ онъ говоритъ, но отсутствіе которыхъ въ пору появленія перевода уже дѣлало такое же полное завоеваніе невозможнымъ, и, во вторыхъ, условія языка, оставляя въ сторонѣ этотъ вопросъ, — мы, конечно, соглашаемся съ мнѣніемъ, что переводъ дѣлается для не знающихъ подлинника, а отсюда приходимъ къ выводу, что обязанность хорошаго переводчика — стараться произвести на этихъ читателяхъ своихъ такое же впечатлѣніе (впечатлѣніе, а не „завоеваніе“, о которомъ говоритъ Тургеневъ), какое производитъ и подлинникъ, дать объ этомъ послѣднемъ полное или, въ тѣхъ случаяхъ, когда это, по условіямъ языка, оказывается невозможнымъ, приблизительно полное понятіе относительно мысли, тона, всѣхъ частныхъ подробностей, каковы выраженія, эпитеты и т. п. Сохраненіе этихъ послѣднихъ въ ихъ полной по возможности неприкосновенности мы считаемъ весьма важнымъ, такъ какъ въ нихъ, то-есть, въ распоряженіи поэта своимъ языкомъ, заключается главнымъ образомъ своеобразность его; у большаго поэта (а мы здѣсь имѣемъ въ виду только большихъ, ибо относительно только ихъ считаемъ необходимымъ исполненіе вышеупомянутыхъ требованій) нѣтъ ничего лишняго, ничего, такъ-сказать, не рассчитаннаго, не находящагося въ органической связи или съ его собственною личностью

или съ его поэтическимъ міросозерцаемъ, или съ условіями времени, когда онъ творилъ данное произведеніе. Поэтому его надо давать въ переводѣ читателю не только со всѣми его достоинствами, но и со всѣми недостатками (которые у такихъ поэтовъ являются недостатками большею частью съ точки зрѣнія позднѣйшаго читателя), другими словами—переводчикъ долженъ стараться, если онъ переводитъ произведеніе цѣликомъ, не только вызывать въ своемъ читателѣ эстетическо-пріятное впечатлѣніе, но давать ему и то, что можетъ, по той или другой причинѣ, подѣйствовать на него непріятно. При несоблюденіи этого условія можно зайти очень далеко и дѣйствовать, руководясь не какими-нибудь опредѣленными теоретическими правилами, а личными взглядами и вкусами переводчика: одинъ переводчикъ станетъ „очищать“ Аристофана и Шекспира отъ ихъ такъ-называемыхъ „неприличностей“, другой сочтетъ нужнымъ выбросить изъ „Божественной Комедіи“ все схоластическое, третій освободитъ Виктора Гюго отъ всякаго риторическаго балласта, и т. д. Если же хотите производить на вашего читателя только впечатлѣніе эстетическое, знакомить только съ художественными красотами автора, переводите отрывки, исключительно тѣ мѣста, которыя съ точки зрѣнія современнаго читателя не заключаютъ въ себѣ ничего шероховатаго, непріятнаго, неумѣстнаго...

Много еще могли бы добавить къ вышесказанному, но намъ давно пора обратиться къ настоящему предмету этой статьи, къ появившемуся въ нынѣшнемъ году изъ-подъ пера П. А. Козлова полному переводу Байронова „Допъ Жуана“. Довольно значительная часть его была напечатана въ прошедшемъ году въ журналѣ Русская Мысль; здѣсь же, въ отдѣльномъ изданіи, нѣсколько пѣсенъ напечатаны въ первый разъ, а въ прежде напечатанныхъ сдѣланы нѣкоторыя существенныя дополненія восстановленіемъ бывшихъ пропусковъ.

Байрона (и это совершенно естественно при той роли, которую игралъ байронизмъ въ нашей литературѣ) стали переводить у насъ очень давно; въ одномъ антикварномъ каталогѣ находимъ, напримѣръ, подъ 1821 годамъ „Выборъ изъ сочиненій Лорда Байрона. Перев. съ французскаго М. Каченовскій“. Затѣмъ, переводы эти стали и продолжаютъ появляться въ большомъ количествѣ, но количественности въ весьма рѣдкихъ случаяхъ соответствовала и соответствуетъ качественность; такъ напримѣръ, „Чайльдъ Гарольдъ“ обезображенъ Д. Д. Минаевымъ точно также, какъ этотъ переводчикъ, по полному названію иностранныхъ языковъ, безцеремонности отношенія къ дѣлу

и т. п. особенностямъ своей работы, обезобразилъ рѣшительно всѣхъ иностранныхъ поэтовъ, до которыхъ касался; многія поэмы („Корсаръ“, „Лара“, „Осада Коринѳа“ и др.) въ переводѣ покойнаго Гербеля носятъ на себѣ печать крайней вылости и безпомощности переводчика; исключеній въ этомъ случаѣ (переводы Д. Л. Михаловскаго, П. А. Козлова) немного, и только лирическія стихотворенія Байрона, по крайней мѣрѣ, значительная часть ихъ, пашли себѣ достойныхъ переводчиковъ въ лицѣ Лермонтова (хотя онъ вносилъ много своего, будучи самъ большимъ поэтомъ), Дружинина, Плещеева, Михаловскаго, Тургенева и др.

Прежде, чѣмъ сказать о новомъ переводѣ г. Козлова, считаемъ не лишнимъ замѣтить о большой трудности перевода Байрона вообще, вслѣдствіе присутствія во всѣхъ его произведеніяхъ высоко-художественной формы, которую въ очень значительной степени объясняется громадное вліяніе Байрона на его ближайшихъ современниковъ и непосредственно послѣдовавшее за ними поколѣніе. Всякому, знакомому съ исторіей того явленія, которое навсегда получило названіе „байронизма“, извѣстно, что собственно элементы поэзіи Байрона жили и въ другихъ, шли преемственно съ давняго времени изъ поколѣнія въ поколѣніе, но никто до Байрона (да пожалуй и послѣ него) не выражалъ всю бездну разорванной, терзаемой внутреннимъ разладомъ души такъ величественно и съ такимъ богатствомъ красокъ, въ такой беспощадной наготѣ и вмѣстѣ съ тѣмъ такъ эстетически, какъ это дѣлалъ Байронъ, который въ этомъ отношеніи, какъ очень оригинально и мѣтко замѣтилъ одинъ старый нѣмецкій критикъ, напоминалъ ту рыбу, что римляне, въ видахъ жестокаго увеселенія своего, разрѣзывали живою на своихъ банкетахъ, и которая въ минуту смерти доставляла пирующимъ зрѣлище великолѣпнѣйшей игры красокъ. У весьма немногихъ поэтовъ найдемъ мы такое необычайное богатство образовъ, сценъ, такой „благородный, могучій и мѣткій языкъ“, о какомъ въ Англіи до тѣхъ поръ не имѣли и понятія, и который соединялъ бы въ себѣ до такой степени „несказанную вѣжность съ громовою силою“, наконецъ, такой поэтической стиль, который, напримѣръ, у Берне (по примѣненію къ „Донъ Жуану“) вызвалъ восклицаніе: „какъ вѣжно и сильно онъ гремитъ громомъ на флейтѣ!“ Къ этимъ достоинствамъ надо присоединить и то, что со строго-эстетической точки зрѣнія, пожалуй должно быть признано недостаткомъ, но что составляетъ одну изъ самыхъ выдающихся своеобразностей поэзіи Байрона во вѣшнемъ отношеніи; это часто въ выс-

шей степени капризная, небрежная по оборотамъ, приемамъ и т. д. форма, на которую—замѣчу кстати—какъ на должествующую непременно быть сохраненную въ переводѣ Байрона, указывалъ на Гете, самъ переведшій нѣсколько строфъ изъ первой пѣсни „Донъ Жуана“. Эти-то всѣ особенности и дѣлаютъ Байрона поэтомъ, весьма трудно поддающимся переводчику, и только что сказанное примѣняется въ особенно значительной степени къ „Донъ Жуану“ вслѣдствіе многихъ своеобразностей этого произведенія, на которыхъ мы уже не имѣемъ возможности остановиться здѣсь даже мимоходомъ.

П. А. Козловъ не новичекъ въ русской поэзіи вообще и въ переводѣ Байрона русскимъ читателямъ въ частности: до „Донъ Жуана“ имъ переведены „Мацфредъ“, „Бенпо“, нѣсколько лирическихъ стихотвореній. Обладая пріятнымъ и симпатическимъ дарованіемъ стихотворца, дарованіемъ, отличительную черту котораго составляетъ легкій юморъ, очень хорошо владѣя стихомъ, г. Козловъ при этомъ имѣетъ всѣ качества, необходимыя для безукоризненнаго переводчика: то поэтически критическое чутье, о которомъ мы говорили выше, и которое помогаетъ ему отгнать надлежащимъ образомъ все то, чтò въ подлинникѣ требуетъ именно отгнѣнія, и находить для всего надлежащій тонъ, ту способность распорядиться своимъ языкомъ, о которой тоже упоминали мы, наконецъ, ту литературную добросовѣстность, которая есть тоже одно изъ существеннѣйшихъ условій для переводчика и перевода и, къ сожалѣнію, встрѣчается у насъ весьма рѣдко. Благодаря этимъ качествамъ, къ которымъ необходимо присоединить, какъ весьма важное, знаніе въ совершенствѣ языка подлинника (явленіе, у нашихъ переводчиковъ тоже очень рѣдкое), г. Козловъ вполне удовлетворительно справился со своею задачею относительно соблюденія вѣрности тона (особенно въ мѣстахъ, имѣющихъ юмористическій характеръ, сообразно вышеупомянутому свойству его дарованія), и вѣрности передачи тѣхъ всѣхъ подробностей, особенностей и т. п., которыя нашли себѣ мѣсто въ переводѣ. Но вотъ тутъ мы и подошли къ существенному недостатку почтеннаго и талантливаго труда г. Козлова, ибо именно не всѣ подробности подлинника вошли въ переводъ: многое исключено или сокращено. Причина этого—отнюдь не неспособность или неумѣнье переводчика справиться съ встрѣчавшимися ему трудностями, такъ какъ онъ во многихъ другихъ мѣстахъ своего труда прекрасно доказалъ противоположное. Причина заключается въ желаніи—все, чтò включено у Байрона въ одну октаву, передать по русски одною октавою, желаніе,

которое не только не можетъ быть поставлено въ укоръ почтенному переводчику, а напротивъ того, много говоритъ въ его пользу, свидѣтельствуя о его полной добросовѣстности относительно подлинника, но тѣмъ не менѣе въ большинствѣ случаевъ представляется совершенно не исполнимымъ безъ ущерба подлиннику и, вмѣстѣ съ тѣмъ, излишнимъ, непроизводительнымъ. Не исполнимо оно по условіямъ нашего языка относительно англійскаго, котораго слова, обороты, грамматическія формы гораздо короче и бѣднѣе того же въ нашемъ языкѣ; излишне и непроизвительно потому, что ни красота подлинника, ни близость къ нему перевода нисколько не потеряли бы оттого, что вмѣсто, положимъ, четырехъ стиховъ подлинника оказалось бы шесть въ переводѣ, лишь бы въ этихъ шести не было прибавленій, сочиненныхъ переводчикомъ. Нѣкоторые изъ нашихъ переводчиковъ Шекспира пытались также переводить стихъ въ стихъ, и попытка также всегда оказывалась неуспѣшною: въ большинствѣ случаевъ приходилось выкидывать изъ подлинника кое-что, иногда существенное, и такимъ образомъ достигалась цѣль чисто внѣшняя. Въ оправданіе своего приѣма переводчики эти ссылались на нѣмцевъ, напимѣръ, на Шлегеля и Тика, у которыхъ весь Шекспиръ переведенъ стихъ въ стихъ, съ соблюденіемъ полнѣйшей вѣрности; но они забывали про филологическую и грамматическую близость англійскаго и нѣмецкаго языковъ. Мы знаемъ, что у Байрона октава придаетъ разказу прелесть и оригинальность; но уже лучше пожертвовать этою чисто внѣшнею особенностью, чѣмъ гораздо болѣе существеннымъ, — тѣмъ болѣе, повторяемъ, что красота формы мало потеряла бы оттого, что разказъ шелъ бы напимѣръ куплетами въ четыре стиха того же размѣра; сколько мнѣ помнится, такую же попытку перевода, и именно изъ Байрона, сдѣлалъ—и совсѣмъ не безуспѣшно—нашъ извѣстный переводчикъ Д. Л. Михаловскій. А чтобы наше замѣчаніе о выпускѣ у г. Козлова значительной части „существеннаго“ именно вслѣдствіе вышеупомянутаго стремленія (какъ это случилось бы и со всякимъ другимъ, самымъ опытнымъ и талантливымъ переводчикомъ) не представилось голословнымъ, приведемъ нѣсколько наиболѣе выдающихся примѣровъ.

Нѣснь 2-я, стр. 187. У Байрона (мы переводимъ слово въ слово): „Подъ длиною (рѣчь идетъ о поцѣлуй) я понимаю продолжительность; сколько длился ихъ поцѣлуй—это знаетъ небо, ибо несомнѣнно, что сами они не занимались исчисленіемъ, да еслибъ и занялись, то не могли бы подвести точный, до секунды, итогъ сво-

нимъ ощущеніямъ. Они не говорили ни слова, но чувствовали себя влекомыми другъ къ другу, какъ будто ихъ души и губы неодолимо манили себя одна къ другой“.

У г. Козлова:

Порывы страсти сдерживать напрасно,
Тѣмъ больше взмѣрять. Безъ фразъ пустыхъ
Все для Гайде съ Жуаномъ стало ясно,
И ихъ уста слилися въ тотъ же мигъ.

Пѣснь 2-я, стр. 188. У Байрона: „Молчаливый океанъ и свѣтящійся звѣздами (то-есть, отражающимися въ немъ) заливъ, багровый блескъ сумерекъ, съ каждою минутой все болѣе и болѣе тускнѣвшій, безгласные пески, и сочащіяся каплями воды своды пещеры, окружавшіе ихъ, все побуждало ихъ прижиматься другъ къ другу, какъ будто бы подъ небомъ не было никакой жизни, кромѣ ихъ жизни, и какъ будто ихъ жизнь никогда не могла умереть“.

У г. Козлова:

. . . . . Выпал
Таинственному плеску сонныхъ водъ,
Что въ даль неслись, свѣтила отражая,
Глядя на берегъ, небо, море, гротъ,
Они, другъ друга страстно обнимая,
Весь забывали міръ: жизнь сферъ земныхъ,
Казалось имъ, заключена лишь въ нихъ.

Пѣснь 2-я, стр. 189. У Байрона: „Они вполне (all in all) принадлежали другъ къ другу; хотя ихъ рѣчи были только отрывочныя слова, но они мыслью своею (thought—у Байрона курсивомъ) находили въ ней цѣлый языкъ, и всѣ сожигающія рѣчи, которымъ научаетъ страсть, находили себѣ въ одномъ вздохѣ лучшаго истолкователя оракула природы—первой любви, того, что только и оставила Ева своимъ дочерямъ послѣ своего паденія“.

У г. Козлова:

Любовь сжигала ихъ: порывовъ страстныхъ
Былъ выраженіемъ только нѣжный вздохъ,
Что замѣнялъ потокъ рѣчей напрасныхъ;
Любви онъ и оракулъ, и залогъ.
Съ тѣхъ поръ, какъ змій разъединилъ насъ съ раемъ,
Мы слаще ничего любви не знаемъ.

Пѣснь 9-я, стр. 3. У Байрона: „Хотя Британія должна тебѣ—и платить за это съ процентами—такъ много, но Европа, безъ сомнѣнія, должна еще больше: ты починилъ костыль легитимизма, опору

въ настоящее время совсѣмъ уже не такую надежную, какъ прежде; испанцы и французы, и голландцы увидѣли и почувствовали, какъ ты умѣешь реставрировать, а Ватерло сдѣлало весь міръ твоимъ должникомъ (я желалъ бы, чтобъ твои барды лучше воспѣвали этотъ подвигъ!)“.

У г. Козлова:

Британія немовѣрны траты,
 Чтобъ наградить тебя; скажи, не ты ль,
 Чья Европа старья заплата,
 Легитимизма вновь скрѣпилъ костыль?
 Твоихъ дѣяній жалки результаты:
 Поддерживать напрасно тлѣнь и гниль!
 Хоть Ватерло—блестящая эпоха,
 Что жь подвигъ твой такъ воспѣвають плохо?

Пѣснь 9-я, стр. 9. У Байрона: „Тенерь, когда замолкли первые суетные крики толпы, слушай вопли въ твоей голодной странѣ, смотри на міръ и проклинай свои побѣды!“

У г. Козлова:

На Англію обрушились всѣ бѣды;
 Глядя на нихъ, кланя свои побѣды!

Пѣснь 9-я, стр. 11. У Байрона: „Истины, которыхъ ты не прочтешь въ газетахъ, но которыя пора уже высказать толпѣ наемниковъ, жирѣющихъ отъ крови и долговъ своей страны“.

У г. Козлова всѣ подчеркнуты нами—и весьма характеристическія слова—исключены совсѣмъ.

Намъ не возможно, по недостатку мѣста, привести здѣсь не только всѣ, подобные вышевыписаннымъ, примѣры, но даже большинство ихъ. Да это и не нужно: приведеннаго, надѣмся, достаточно для подтвержденія нашей мысли о невозможности включать въ одну русскую октаву все, находящееся въ одной октавѣ англійской. Читатель изъ нашихъ нѣсколькихъ цитатъ уже могъ увидѣть, сколько существеннаго приходилось переводчику или совсѣмъ выкидывать, или сокращать, замѣняя даже иногда совершенно общими, безцвѣтными мѣстами, напримѣръ, въ цитированномъ нами окончаніи стр. 189 пѣсни 2-й, или въ 186 стр. 2-й пѣсни, гдѣ вмѣсто словъ подлинника: „Когда сердце и душа, и чувство дѣйствуютъ согласно, когда кровь—лава, пульсъ—страшный огонь, каждый поцѣлуй—сердцетрясеніе“ (heartquake, имѣющее въ подлинникѣ очевидное отношеніе къ слову earthquake, землетрясеніе), читаемъ:

Когда, какъ лава, въ жплахъ льется кровь,
И, какъ пожаръ, горитъ въ груди любовь;

или въ 175 стр. той же 2-й пѣсни, гдѣ поэтическія слова подлинника: „Они смотрѣли одинъ другому въ темные глаза, которые кидали яркій свѣтъ другъ въ друга“ замѣнены общимъ мѣстомъ: „Горя, ихъ взоры встрѣтились!“ и т. п. Въ то же время переводчику, дѣлая такія исключенія и сокращенія, приходилось иногда, для пополненія образовывавшихся пробѣловъ, дѣлать собственные добавленія (иначе стихъ не выходилъ бы полнымъ), которыя въ иныхъ случаяхъ представляются довольно крупными, чтобы быть допущенными; напримѣръ, цитированныя нами въ 3-й строфѣ 9-й пѣсни слова „Чины Евроны старая заплаты“ и „Твоихъ дѣяній жалки результаты; поддерживать напрасно тлѣнъ и гниль!“—чего у Байрона совсѣмъ нѣтъ, или въ 8-й строфѣ той же 9-й пѣсни тоже принадлежащая только переводчику слова: „Но онъ (Вашингтонъ) иныхъ, чѣмъ ты, держался правилъ“, или въ 4-й строфѣ той же пѣсни, совсѣмъ не находящаяся въ подлинникѣ слова: „Да ты, что уподобился кумиру“ и т. п. И большинство всего этого—вслѣдствіе все той же весьма похвальной, но, повторяемъ, большею частію не осуществимой и всегда непроизводительной заботы о сохраненіи октавной формы! Но независимо отъ недостатковъ, обусловленныхъ именно этою причиною, безпристрастіе заставляетъ насъ указать и на другія (ихъ, впрочемъ, гораздо меньше) невѣрности относительно подлинника, причину которыхъ мы уже понять не можемъ. Напримѣръ, въ 4-й строфѣ пѣсни 9-й читаемъ у г. Козлова: „Безсиорно, ты головорѣзъ лихой (тѣмъ прозвищемъ обязанъ ты Шекспиру)“,—и такъ какъ эти слова обращены авторомъ къ Веллингтону, то мы недоумѣваемъ, какимъ образомъ Шекспиръ могъ говорить о Веллингтонѣ; на самомъ же дѣлѣ у Байрона сказано такъ: „Ты лучшій изъ головорѣзовъ; не удивляйся: это фраза Шекспира, и къ тебѣ она вполне применима“. Тамъ же, въ строфѣ 8-й, слова подлинника: „Питтъ, министръ съ высокой душою, пріобрѣлъ себѣ славу тѣмъ, что разорилъ Великобританію gratis“,—переведены: „Хоть разорилъ свою отчизну Питтъ, но онъ вполне былъ безкорыстный бриттъ“. Въ той же пѣснѣ, стр. 14-я, читаемъ: „Отраднѣй быть здоровымъ бѣднякомъ, чѣмъ Цезаремъ больнымъ“, тогда какъ у Байрона: „Я хотѣлъ бы лучше имѣть здоровое пицевареніе, чѣмъ ракъ Бонапарта“; и т. п. Встрѣчаются въ переводѣ и стилистическія, и другія недовкости въ родѣ „врачъ жолчи печень“; „какъ поступила строго Пентефірія супруга, Федры мечь“ (какимъ

образомъ мѣсть можетъ поступать?), и др., куда слѣдуетъ отнести также частое и иногда неправильное употребленіе что вмѣсто который. Но на этомъ мы уже не останавливаемся въ виду многихъ крупныхъ достоинствъ труда г. Козлова.

Объ этихъ крупныхъ достоинствахъ мы уже упоминали; если недостатокъ мѣста заставилъ насъ ограничиться только немногими примѣрами отрицательнаго свойства, то онъ въ еще большей степени не позволяетъ намъ привести здѣсь даже часть тѣхъ стиховъ, которые придаютъ переводу неоспоримо серьезное литературное значеніе, производя по своему тону впечатлѣніе подлинника, а по близости къ этому послѣднему въ подробностяхъ давая о немъ въ этомъ отношеніи полное понятіе. Такихъ мѣсть въ книгѣ много, вслѣдствіе чего и труденъ выборъ (да врядъ ли онъ въ этомъ случаѣ нуженъ), и соединеніе ихъ дѣлаетъ то, что за трудомъ г. Козлова мы должны признать, какъ бы въ видѣ итога, одно очень большое общее достоинство—талантливость, благодаря которой къ этому переводу слѣдуетъ примѣнить въ совершенно противоположномъ смыслѣ то, что говорилъ когда-то Тургеневъ о Врончешковомъ переводѣ „Фауста“: „Его трудъ—дѣйствительно трудъ... Это не источникъ, который свободно и легко бѣгетъ изъ нѣдръ земли; это колодезь, изъ котораго со скрипомъ и визгомъ насосъ выкачиваетъ воду“.

Надѣмся, что почтенный переводчикъ не посѣтуетъ на насъ за сдѣланныя ему указанія существенныхъ недостатковъ его перевода, въ значительной степени умаляющихъ достоинство его прекрасной и капитальной работы; именно потому, что мы признаемъ эту послѣднюю за выдающуюся, отнесли мы къ ней такъ внимательно и желали бы видѣть ее очищенною по возможности отъ всякихъ крупныхъ неудовлетворительностей. Желаніе это естественно еще потому, что кому много дано, съ того много и спрашивается, а какъ мы уже сказали, г. Козлову дано не только много, но и все, для того, чтобы быть вполнѣ хорошимъ переводчикомъ. Мы не сомнѣваемся, что настоящій трудъ его выдержитъ еще нѣсколько изданій, и было бы въ высшей степени пріятно и желательно, еслибъ онъ нашелъ возможнымъ—такъ или иначе—поработать еще немного надъ своимъ переводомъ, чтобы довести его, въ предѣлахъ послѣдней возможности, до надлежащей степени совершенства.

Петръ Вейнбергъ.

Замѣтка по поводу рецензій на книгу: „*Untersuchungen über den Substanzbegriff bei Leibnitz*“.

Въ мартовской книжкѣ Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія помѣщена рецензія на диссертацию, представленную мною въ Дерптскій университетъ на соисканіе степени магистра философіи. Рецензія эта произносится о моемъ трудѣ судъ строгій, но не всегда справедливый. Въ доказательство послѣдняго сважу слѣдующее:

1) Рецензентъ не только говоритъ о моей книгѣ, но пытается характеризовать и мою личность, называя меня неоднократно пасторомъ. Пасторомъ я никогда не былъ и нынѣ не состою.

2) На стр. 205 сказано: „Не упоминаемъ уже „о безпристрастіи“, о постоянномъ стараніи во что бы то ни стало, хотя бы за волосы, привлечь Лейбница къ исповѣданію протестантизма“. Это совершенно несправедливо, какъ можно убѣдиться въ моей диссертациі на стр. 16—18. Ученіе о пресуществленіи, какъ извѣстно, не протестантское. На вышеозначенныхъ страницахъ я доказываю, что именно ученіе о пресуществленіи (*Transsubstantiatio*) дало Лейбницу вышній поводъ къ развитію его ученія о субстанціи, и что притомъ оно содѣйствовало желанію доказать существованіе Бога и безсмертіе души; поэтому я скорѣе могъ бы быть названъ католическимъ священникомъ, чѣмъ протестантскимъ пасторомъ.

3) На стр. 201 мой рецензентъ говоритъ: „Озе начертываетъ себѣ задачу опредѣлять методу Лейбница и „открываетъ“, что его метода есть „гипотеза“. На борьбу съ этимъ предложеніемъ рецензентъ употребляетъ почти три страницы. Въ моей диссертациі нигдѣ нѣтъ такого заключенія; тамъ идетъ рѣчь только о томъ, что Лейбницъ старается доказать свое ученіе о монадологіи тѣмъ особеннымъ сочетаніемъ между индуктивною аналитикою и синтетическою дедукціей, какое употребляется при основаніи ученой гипотезы. Поэтому рецензентъ передаетъ мои слова невѣрно, когда говоритъ: „Озе съ побѣднымъ торжествомъ (стр. 31) заявляетъ, что Лейбницева метода есть именно гипотеза“ (стр. 203). Ничего подобнаго нѣтъ на стр. 31 моей диссертациі. Тамъ я именно говорю: „Теперь мы обязаны изслѣдовать ту точку зрѣнія, посредствомъ которой различные моменты методы могутъ быть соединяемы. Эту точку зрѣнія предлагаетъ намъ Лейбницъ своимъ „ученіемъ о гипотезѣ“.

4) Въмѣсто того, чтобы рассмотреть содержаніе второй части моей диссертациі, рецензентъ довольствуется тѣмъ, что невѣрно передаетъ нѣсколько совершенно общихъ замѣчаній моихъ объ Аристотелѣ и о Лейбницѣ. Я будто бы говорю, на примѣръ, что Лейбницъ—мастеръ примирять противоположное и совмѣщать несомѣстное. Такъ какъ рецензентъ совсѣмъ не постарался понять содержаніе моей диссертациі, то и не удивительно, что вся вторая часть ея должна была показаться ему „виннигретомъ цитатъ“.

5) Странно, что рецензентъ дѣлаетъ мнѣ упрекъ, что при изложеніи ученія Лейбница я привожу слишкомъ много цитатъ изъ его сочиненій. Скорѣе противоположное заслуживало бы осужденія. Не справедливо и то, что сказано въ рецензіи на стр. 201: „Цитаты эти не менѣе, какъ въ строкъ 7—8, а иногда и въ 15“. Въ общемъ я привелъ приблизительно 250 мѣстъ изъ сочиненій Лейбница, и изъ нихъ только около 15 цитатъ въ семь или болѣе строкъ.

6) Рецензентъ видитъ не критическій приемъ съ моей стороны въ томъ, что я говорю объ исторіи философіи, какъ объ исторіи понятій. Онъ полагаетъ, что „исторія философіи есть исторія міровоззрѣній“. Я же говорю, что исторія философіи имѣетъ дѣло именно съ тѣми міровоззрѣніями, которыя изобразились въ понятіяхъ. Если бы мы хотѣли исполнить желаніе рецензента, то прямо перемѣшали бы разныя задачи совершенно не критическимъ образомъ, ибо въ каждой религіи находимъ мы извѣстное міровоззрѣніе, точно также видимъ его и въ великихъ произведеніяхъ искусства; а въ такомъ случаѣ исторія философіи должна бы быть и исторіей искусства, и исторіей религіи. Но если такъ, то на чьей же сторонѣ должно видѣть отсутствіе критики?

7) Рецензентъ подвергаетъ разбору и мои тезисы, внося притомъ въ нѣкоторыя изъ нихъ безсмыслицу своимъ переводомъ; на примѣръ, будто бы я утверждаю, что главною цѣлью гимназическаго преподаванія древнихъ языковъ должно быть „усвоеніе грамматики“; рецензентъ, очевидно, не понялъ, что значитъ „грамматическое образованіе“. Онъ не доволенъ также моимъ вторымъ тезисомъ—что Платонъ учитъ о безсмертіи души и потомъ отрицаетъ его; но рецензенту, очевидно, не извѣстны новѣйшія воззрѣнія объ отношеніи между діалектикой и мнѳологіей у Платона. Какъ государственній педагогъ, Платонъ учитъ о безсмертіи индивидуальной души, а какъ діалектикъ, отрицаетъ безсмертіе души. Указываемаго моимъ рецензен-

томъ тезиса о „Богословіи“ Ритшля совсѣмъ вѣтъ въ моихъ печатныхъ тезисахъ.

Наконецъ, едва ли кто пойметъ замѣчаніе рецензента, что много лучше было бы назвать, мою диссертацию „Beiträge zur Erklärung der Monadologie“, а не „Untersuchungen über den Substanzbegriff bei Leibnitz“, какъ она названа.

И. Осс.

Книжныя новости.

— Въ теченіе іюля мѣсяца въ редакцію Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія поступили слѣдующія новыя книги:

Историческая хрестоматія по русской исторіи. Пособіе для преподавателей и учениковъ старшихъ классовъ средне-учебныхъ заведеній. Составлено *Я. Г. Гуревичемъ*. Ч. III. С.-Пб.

Избранныя оды Горация, объясненныя преимущественно для гимназій профессоромъ *В. И. Модестовымъ*. Латинскій текстъ съ подробными русскими примѣчаніями, съ приложеніемъ стихотворныхъ схемъ и съ предварительными замѣчаніями объ одахъ Горация. С.-Пб.

Библиографическій списокъ литературныхъ трудовъ Константина Николаевича Бестужева-Рюмина. Съ начала его дѣятельности, то-есть, съ 1847 года. Составилъ *И. А. Козеко*. С.-Пб. (Изданіе редакціи журнала Библиографъ).

Султаны Кенисара и Садыкъ. Биографическіе очерки султана *Ахмета Кенисарина*. Обработано для печати и снабжено примѣчаніями *Е. Т. Смирновымъ*. Съ портретомъ Садыка, 5 рисунками и 9 таблицами. Изданіе Сыръ-Дарьинскаго областного статистическаго комитета. Ташкентъ.

Населеніе С.-Петербурга по исчисленіямъ 15-го іюня и 15-го декабря 1888 года. Разработано заведывающимъ статистическимъ отдѣленіемъ С.-Пб. городской управы проф. *Ю. Э. Яснономъ*. С.-Пб.

И. Тарасовъ. Очеркъ науки финансоваго права. Изданіе второе вновь переработанное, въ трехъ выпускахъ. Выпускъ первый. Введеніе. Ярославль.

Методы превращенія органическихъ соединеній. *П. Алексеева*, профессора университета св. Владиміра. Кіевъ.

НАША УЧЕБНАЯ ЛИТЕРАТУРА ¹⁾.

Полный конспект латинскаго синтаксиса. Составлено П. В. Федоровским.
Симбирскъ. 1888. Цѣна 40 коп.

„Цѣль настоящаго изданія“, говоритъ авторъ въ предисловіи,— „устранить многословіе и растянутость существующихъ учебниковъ и въ сжатой, краткой формѣ изложить весь тотъ матеріалъ, который содержится въ нихъ. Поэтому, съ одной стороны, здѣсь приведены всѣ необходимыя въ курсѣ гимназическомъ синтаксическія правила, съ другой—опущено все то, что не представляетъ особенности латинской рѣчи, что сходно съ законами нашего языка“. Вполнѣ раздѣляя взглядъ автора на то, что многословіе и растянутость составляютъ большой недостатокъ учебника, мы тѣмъ не менѣе сомнѣваемся въ томъ, чтобы предлагаемый имъ конспектъ латинскаго синтаксиса могъ быть таковымъ: учебникъ прежде всего долженъ содержать въ себѣ не только формулировку извѣстнаго явленія, но и его объясненіе: безъ этого послѣдняго онъ будетъ пригоденъ только для извѣстнаго числа учащихся; сверхъ того, онъ долженъ сопровождать формулировку правила болѣе или менѣе значительнымъ количествомъ примѣровъ, на основаніи которыхъ оно могло бы быть сознательно усвоено; наконецъ, въ извѣстной степени, онъ долженъ заключать въ себѣ болѣе того, что обязательно должно быть усвоено учащимися; это болѣе пригодится имъ для справокъ. Поэтому невозможно согласиться съ г. Федоровскимъ, заявляющимъ въ предисловіи: „Если изучать, на примѣръ, употребленіе *ablat.* по программѣ Ходобая, въ которой напечатано объ немъ до 20 страницъ мелкаго шрифта, то потребуется

---

¹⁾ Помѣщенные здѣсь рецензіи имѣлись въ виду ученымъ комитетомъ министерства народнаго просвѣщенія.

нѣсколько дней самаго утомительнаго труда, по настоящему же конспекту можно изучить то же самое не менѣе отчетливо (?) въ одинъ часъ". Авторъ идетъ еще далѣе въ увлеченіи своимъ конспектомъ и утверждаетъ, что по нему ученикъ въ одинъ часъ можетъ повторить весь латинскій синтаксисъ.

Все это говоритъ не къ умаленію достоинствъ труда г. Федороваго, а къ тому, чтобъ указать на его надлежащее мѣсто въ преподаваніи латинскаго языка: учебникомъ быть онъ не можетъ, но въ качествѣ учебнаго пособія можетъ сослужить хорошую службу, освѣживъ въ памяти учащихся, въ сравнительно короткое время, главнѣйшіе законы латинской рѣчи.

При конспективной формѣ книжки и ея незначительномъ объемѣ особыхъ, частныхъ замѣчаній она не вызываетъ.

Dr. Тем. Учебникъ латинской синонимки. Перевелъ и приспособилъ къ употребленію въ русскихъ гимназіяхъ *С. Рожанковский*, инспектирующій учитель Московской V гимназіи. М. 1889. Въ 8-ку стр. VII+96.

Д-ръ Тегге извѣстенъ въ нѣмецкой ученой литературѣ своимъ замѣчательнымъ трудомъ: *Studien zur lateinischen Synonymik*, вышедшимъ въ 1886 году и благосклонно встрѣченнымъ критикой, которая признала въ немъ трудъ зрѣло обдуманнй и обстоятельно изложенный. Отличительною его особенностью является послѣдовательно проведенное стремленіе выводить употребленіе слова изъ его этимологическаго производства, причемъ послѣднее устанавливается въ большинствѣ случаевъ довольно убѣдительно и согласно требованіямъ современной науки; этимъ книга Тегге выгодно отличается отъ сочиненія Дедерлейна, этимологіи котораго признавались фантастическими его современниками. Выхода изъ словопроизводства, Тегге слѣдитъ словоупотребленіе въ наиболѣе характерныхъ сочетаніяхъ и оборотахъ, искусно группируя и сопоставляя ихъ, и этимъ выясняя ихъ особенности. Указанное сочиненіе, по своему объему и изложенію, предназначено для преподавателей; между тѣмъ небольшое руководство по синонимикѣ было бы не бесполезно дать въ руки и ученикамъ; вслѣдствіе того Тегге сдѣлалъ сокращеніе своей большой книги и предназначилъ ее для учащихся. Его русскій переводъ исполненъ въ настоящее время г. Рожанковскимъ. О томъ, что знаніе оттѣнковъ въ синонимическихъ словахъ представляетъ большое подспорье при чтеніи древнихъ авторовъ, вѣтъ необходимости распространяться: дѣйствительно, только зная, на примѣръ, различіе въ значеніи *perperire* и *inventire*, ученикъ

может сознательно отнестись къ слѣдующей фразѣ Цезаря: *pergravis in tribus inventis salutem sibi perpererunt*; только зная отгѣнки въ употребленіи *metuere* и *vereri*, можно понять слова Цицерона: *metuebant eum servi, verebantur liberi*. Но, помимо этой, такъ сказать, практической приложимости, изученіе синонимовъ полезно въ школѣ еще и тѣмъ, что оно будитъ мысль учащихся, заставляетъ ихъ вниманіе останавливаться на такихъ вопросахъ, которые обыкновенно обходятся, возбуждаетъ пылливость и приучаетъ къ строго-обдуманному употребленію словъ въ родной рѣчи.

Переходя къ рассмотрѣнію труда г. Рожанковскаго, слѣдуетъ замѣтить, что вошедшій въ него матеріалъ, хотя значительно уступаетъ въ полнотѣ матеріалу, собранному въ Синонимикахъ Шульца, и даже Шмальфельда, тѣмъ не менѣе, въ объемѣ свѣдѣній гимназиста, представляется достаточнымъ. Онъ сгруппированъ по извѣстнымъ отдѣламъ, послѣ нѣсколькихъ характерныхъ фразъ и оборотовъ, въ которыхъ съ особенною наглядностью видна особенность того или другаго синонима, приводится краткое его опредѣленіе, нерѣдко подкрѣпляемое этимологическимъ производствомъ. Краткость эта, въ большинствѣ случаевъ достаточно ясная, тѣмъ не менѣе мѣстами представляется чрезмѣрною и ведетъ къ фразамъ и опредѣленіямъ мало вразумительнымъ, напримѣръ: стр. 7. „*interficere*“ о всякомъ убиваніи (также широко, какъ простое *facere*)“, стр. 13. „*luctus* обнаруживающаяся печаль отъ большаго несчастія. Для внутренней печали не пишутся регламенты“, стр. 65. „*duo* разсматриваетъ нумерически два, какъ множество“. Сверхъ такихъ и имъ подобныхъ темныхъ выраженій, въ трудѣ г. Рожанковскаго встрѣчается не мало опредѣленій неточныхъ, фразъ неловкихъ и возбуждающихъ недоумѣнія, напримѣръ, стр. 4 „хорошая латынь—*sermo latinus*“. Желательно было бы имѣть подтвержденіе тому, что *sermo latinus* обозначаетъ именно хорошую латынь.

Ibid. „*oratio* рѣчь, при чемъ слушатели молчатъ, какъ та проповѣдь, которая художественно и стилистически вполне обработана“. Какъ будто слушатели молчатъ на проповѣди только при этомъ условіи.

Стр. 5. „*belua* большое безобразное животное, напримѣръ, *elephas*, *kitъ*, *balaena*, бегемотъ“. Значеніи словъ здѣсь перепутаны.

Стр. 7. „*se interimere veneno*—негласно сойдти со свѣта при помощи яда“. Фраза странно вычурная.

Стр. 9. „*acies* въ боевомъ порядкѣ построенное войско... какъ бы

остріе и лезвее меча, представляющаго фронтъ войска, которое построено колоннами для битвы въ открытомъ полѣ". Объясненіе мало понятное.

Стр. 16. „quod non viderat pro viso renuntiavit—сказалъ, что видѣлъ то, что привидѣлось". Русскій переводъ не точно передаетъ смыслъ латинской фразы.

Стр. 29. „mulier носительница женственнаго характера". Выраженіе неудачное.

Стр. 30. „antiquitas древность.. Римскія древности". Слѣдовало бы прибавить, что въ послѣднемъ значеніи это слово употребляется во множественномъ числѣ: antiquitates.

Стр. 50. „Кто дѣлаеть то-то и то-то, eius caput Iovi.. sacrum esto, да будетъ обреченъ (на жертву) богу, то-есть, да будетъ проклятъ, какъ жертва". Объясненіе странное и невѣрное. Ошибка произошла отъ того, что авторъ позабылъ, что подъ Iuppiter въ этомъ оборотѣ разумѣется не богъ вообще, а Dis pater—божество подземное, которому, если что посвящалось, должно было идти въ землю, а живныя существа—быть убитыми.

Ibid. „sanctus покровительствующій богами". Въ русскомъ языкѣ не существуетъ и не можетъ существовать форма: покровительствующій.

Руководство для учениковъ высшихъ классовъ гимназій по римскимъ древностямъ. Составилъ К. Зембергъ. Изданіе 2-е. Рига. 1889.

Первое изданіе книжки г. Земберга было въ 1886 г. допущено въ качествѣ учебнаго пособія въ гимназіяхъ и прогимназіяхъ. Быстрая распродажа книжки свидѣтельствуетъ о томъ, что въ подобной книжкѣ чувствовалась потребность, и что она не преминула принести извѣстную пользу нашему учащемуся юношеству. Во второмъ изданіи авторъ воспользовался сдѣланными ему замѣчаніями и этимъ значительно увеличилъ достоинство своей книжки. Правда, и въ настоящемъ изданіи она нуждается въ пересмотрѣ, но онъ касается болѣе мелочей, чѣмъ существа дѣла: на примѣръ, на страницѣ 7-й говорится, что tituli въ шкафахъ соединялись между собою гирляндами—stemmata. Объ этомъ мы съ точностью не знаемъ, и быть можетъ, stemmata звались самыя генеалогическія деревья, а не гирлянды; тамъ же говорится, что coloniae Latinae состояли изъ латинявъ подъ предводительствомъ римлянъ—что не совсѣмъ понятно; на стр. 8-й не точно опредѣляется понятіе префектуръ: говорится,

что *praefecturae* „были *municipia* или *coloniae*, но первоначально *sine suffragio*, и получали ежегодно начальника—*praefectus*—изъ Рима“. Этотъ *praefectus*, собственно говоря, не былъ ихъ начальникомъ, но только судьей (*praefectus jure dicundo*), и первоначально посылался по порученію (*mandatum*) римскаго претора, для судоговоренія. Потомъ, четверо изъ этихъ префектовъ стали выбираться народомъ, и получали названіе *praefecti Caruam Samos*. Впрочемъ, такихъ недомолвокъ немного.

C. JULII CAESARIS COMMENTARII DE BELLO GALLICO. Текстъ съ объяснительнымъ словаремъ и приложеніемъ карты Галліи. Изданъ для употребленія въ гимназіяхъ М. Блюса. Изданіе 3-е, вновь просмотрѣнное и исправленное. М. 1888. Ц. 1 руб. 40 коп.

Третье изданіе поименованнаго труда г. М. Блюса заявляетъ себя, какъ вновь просмотрѣнное и исправленное. Просмотръ и исправленіе не коснулись текста Цезаря, перепечатаннаго изъ изданія Крамера 1879 г., и только въ незначительной степени замѣчаются въ словарь, который и послѣ третьяго изданія нуждается въ тщательномъ пересмотрѣ и исправленіи. Въ доказательство приведемъ нѣсколько примѣровъ, взятыхъ на удачу изъ буквы С:

Cadurci, народъ, . . . находившійся подъ покровительствомъ (*clientela*) Арверновъ. Срви. *s. v. clientela*, покровительственная связь, покровительство. — Такое опредѣленіе слова *clientela* даетъ невѣрное о немъ понятіе, потому что имъ обозначается не покровительство сильнаго слабому, а подчиненность слабого сильному.

Caesar.—Невѣрно претора и пропретора отнесены къ разряду низшихъ должностей.

Clientis отъ *cluo*. — Этотъ глаголъ чаще встрѣчается въ формѣ *clueo*. Далѣе, кліенты невѣрно отождествляются съ плебеями.

Comitium, площадь въ Римѣ близъ форума.—Это не вѣрно: *comitium* была не площадь, а мѣсто на площади, и находилось оно не близъ форума, а на самомъ форумѣ.

Conscribo.—Въ формулѣ *patres conscripti* послѣднее слово объясняется черезъ: „сенаторы изъ сословія всадниковъ“, что не вѣрно, потому что возникновеніе этой формулы относится къ тому времени, когда въ римскомъ государствѣ еще не было сословія всадниковъ.

Изъ этихъ замѣчаній явствуетъ, что приложенный къ книгѣ словарь нуждается въ тщательномъ пересмотрѣ и исправленіи.

Т. LIVII AB PRIVE CONDITA T. I. Съ объясненіями и введеніемъ, составленными И. Страховымъ. М. 1889 г. Стр. XVI+180. Ц. 65 коп.

Книжка г. Страхова восполняетъ до нѣкоторой степени пробѣлъ въ нашей учебной литературѣ: не смотря на распространенность чтенія Ливія въ нашихъ гимназіяхъ, не смотря на выдающіяся достоинства первой книги его исторіи, до сихъ поръ у насъ не было отдѣльнаго ея изданія, приспособленнаго для учебныхъ цѣлей. Ливій и по содержанию, и по изложенію принадлежитъ къ числу такихъ авторовъ, которые требуютъ обстоятельнаго объясненія какъ для приготовленія къ уроку, такъ и для домашняго употребленія. Особенно нуждается въ этомъ объясненіи первая книга, содержащая въ себѣ массу историческихъ и археологическихъ подробностей и изложенная языкомъ, носящимъ на себѣ слѣды сильнаго вліянія поэтическаго изложенія. Представивъ комментированное изданіе этой книги, г. Страховъ оказалъ существенную услугу нашей учебной литературѣ по классической филологіи.

Трудъ его въ общемъ представляется удовлетворительнымъ и воиолнѣ достигающимъ предположенной составителемъ цѣли—дать ученикамъ старшихъ классовъ гимназій пособие при классномъ чтеніи, и притомъ такое, которое не вредило бы ихъ самодѣтельности. Чтò требуется отъ такого пособия, указываетъ издатель въ слѣдующихъ словахъ предисловія: „Чтобы читать съ успѣхомъ и пользой древнихъ классиковъ, необходимо, чтобы ученику прежде всего было все ясно въ грамматическомъ отношеніи, понятенъ ходъ и развитіе мысли, указаны особенности языка читаемаго автора, даны необходимыя реальныя объясненія; только послѣ этой подготовительной работы онъ можетъ приступить къ переводу, который долженъ быть точнымъ, яснымъ, и согласнымъ съ законами роднаго языка“. И эти требованія г. Страховъ старался исполнять при составленіи своего комментированнаго изданія. Положивъ въ основаніе текстъ Тейбнеровскаго изданія Вейссенборна, онъ, при помощи какъ собственныхъ наблюденій, такъ и иностранныхъ пособій (Вейссенборна, Фрея, М. Миллера, Тюкинга и др.), даетъ обстоятельный экзегетическій комментарий латинскаго текста. Замѣчанія касательно различныхъ варьянтовъ издатель дѣлаетъ только въ рѣдкихъ случаяхъ, какъ бы мимоходомъ, и всегда въ весьма лаконической формѣ; при такомъ ихъ мѣстѣ и свойствѣ, они легко могли бы быть и совершенно опущены. Что касается экзегезы, то въ ней г. Страховъ старается обращать одинаковое вниманіе какъ на объясненія грамматико-стилистическія, такъ и на реальныя и облакаетъ ихъ въ краткую, но ясную форму. Объясненія эти отно-

сятся къ дѣйствительно труднымъ мѣстамъ текста и рѣдко оставляютъ учащагося безъ надлежащей помощи и указаній.

Книжка г. Страхова открывається введеніемъ, въ которомъ изложенъ очеркъ развитія римской исторіографіи до Ливія, разказана его біографія и представлена характеристика его какъ писателя и историка. Въ нѣкоторыхъ частностяхъ введеніе это вызываетъ замѣчанія: такъ на стр. VII утверждается положительно, будто великая лѣтопись сгорѣла во время Галльскаго погрома 390 г., тогда какъ существуетъ цѣлый рядъ ученыхъ, отвергающихъ это и приводящихъ вѣскія доказательства основательности своего сомнѣнія. На той же страницѣ желательно было бы видѣть точное разграниченіе *libri pontificii* и *commentarii pontificum*, на стр. VIII *libri lintei* объясняются, какъ записки, писанныя на полотнѣ; правильнѣе было бы сказать, что онѣ писались на лыкѣ; на стр. XIII безъ основанія говоритъ авторъ, будто у Ливія часто встрѣчаются поэтическіе обороты, заимствованные у Вергилія и т. д.

Текстъ 1-й книги заимствованъ г. Страховымъ, какъ было сказано выше, изъ Тейбнеровскаго изданія Вейссенборна. Рецензія этого учебнаго отличается большою консервативною, чѣмъ въ изданіи, предназначенномъ для школьнаго употребленія, не можетъ не возбуждать сочувствія. Необходимо только, чтобы эта консервативность не переходила въ косность, не закрывала глазъ отъ исправленій очевидныхъ и требуемыхъ здравымъ смысломъ. Къ сожалѣнію, Вейссенборнъ, мѣстами, страдаетъ этою косностью и удерживаетъ въ своемъ текстѣ такіа чтенія, которыя представляются совершенно несостоятельными. Отъ него чтенія эти перешли и къ нашему издателю. Приведемъ въ доказательство два-три примѣра: гл. 27, 1 г. Страховъ читаетъ, слѣдуя Вейссенборну: *invidia vulgi, quod tribus militibus fortuna publica commissa fuerit*, не смотря на то, что Мадвигъ (*Emendatt. Livian.*, p. 43) доказалъ, что здѣсь необходимо читать или *foret*, или *fuegat*, или, въ гл. 20, 7 продолжаетъ удерживаться чтеніе *quaeque prodigia... curagentur*, хотя уже Гроновій доказалъ, что по латыни не говорится *prodigia curare*, но постоянно *procurare*, и т. д.

Нѣкоторыя частности комментарія также представляются или не вполне точными, или недостаточно обоснованными; напримѣръ:

Стр. 63. *gea* отъ *geus*—вывоная; *geus* собственно значить „подсудимый“.

Стр. 71. „Похищеніе есть миѣническое представленіе свадебнаго

обряда, такъ какъ невѣста похищалась изъ дома своего отца^а. Объясненіе невразумительное.

Стр. 74. „Лвій производитъ слово Quirites отъ Cures = Curites, но Quirites правильнѣе производитъ отъ quiris или curis = hasta (копьеносцы), или отъ curia (члены куріи)^а. Въ такомъ темномъ вопросѣ, какъ этимологія Quirites, относительно которой ничего точнаго и опредѣленнаго не знали и сами древніе, невозможно говорить о болѣе правильномъ производствѣ.

Ibid. centuriae = centumviriae. Естественнѣе видѣть въ этомъ простое, а не сложное слово, образованное черезъ посредство суффикса — urius (сл. dec-uria, vet-urtus).

Ibid. говорится, будто прилагательныя, образованныя отъ именъ собственныхъ, не имѣютъ суффикса ensis. Это не точно, ибо мы имѣемъ такія формы, какъ Alliensis, Minturnensis и пр.

Стр. 80. „ergo — собств. ablat., архаическая форма (=έρφ)^а. Уже Корсенъ доказалъ, что ergo не есть грецизмъ, а чисто латинское слово, образованное изъ e-gero.

Стр. 82. „Сановники могли дѣлать предложенія и сообщенія народу (cum populo agere)^а. Объясненіе не точно выражаетъ латинскій терминъ; уже по объясненію самихъ древнихъ (A. Gell. XIII, 16). cum populo agere est rogare quid populum quod suffragiis suis aut tuteat aut vetet, слѣдовательно имѣеть въ виду созваніе комицій для голованія.

Стр. 100. „Темница... представляла собою... два этажа^а, изъ которыхъ нижній назывался Tullianum (по имени Сервія Туллія), верхній — carcer Martius. „Новѣйшія изслѣдованія показали, что Tullianum получило свое названіе отъ бьющаго тамъ родника (tullius), и только впоследствии, но этимологическому мнѣю, было поставлено въ связь съ Сервіемъ Тулліемъ; верхній этажъ тюрьмы чаще зовется carcer Mamertinus.

Стр. 102. „L. образовалось изъ Lucumo^а. Замѣчаніе выражено не точно, ибо можетъ нанести учащагося на невѣрную мысль, будто римское praenomen Lucius стоитъ въ этимологической связи съ этрусскимъ словомъ lucumo.

Стр. 105. „Подъ concilia populi слѣдуетъ разумѣть, по всѣмъ вѣроятіямъ, трибутныя комиціи^а. По всѣмъ вѣроятіямъ этого разумѣть не слѣдуетъ, ибо concilia populi, представляютъ видъ народныхъ собраній, отличный отъ concilia tributa, при чемъ послѣднія развились изъ первыхъ уже въ историческое время.

Въ виду того, что въ первой книгѣ Ливія встрѣчается масса топографическихъ указаній, относящихся какъ къ мѣстности, занятой городомъ Римомъ, такъ и къ Лаціуму, было бы неизлишне, еслибы къ изданію были приложены двѣ, хотя бы небольшія, карты города Рима и Лаціума.

ГРЕЧЕСКАЯ ГРАММАТИКА для гимназій. Составилъ *О. Клеменчичъ*, преподаватель С.-Петербургской 2-й гимназій. Часть II. Синтаксисъ. С.-Пб. 1889. Въ 8-ву стр. 144. Цѣна 80 коп.

Этотъ новый трудъ г. Клеменчича по объему, по содержанію и по источникамъ имѣетъ тотъ же характеръ, какъ и прежде него изданные учебники, но онъ выгодно отличается отъ нѣкоторыхъ изъ нихъ не только подкупающею вѣщиностью—шрифтомъ, бумагою, наглядностью печати и типографскою вѣрностью текста, но большею частью и способомъ изложенія, полнотою, богатствомъ примѣровъ, редакціей правилъ и знакомствомъ съ общею литературою по трактуемому предмету. Хорошо сдѣлалъ составитель, что во многихъ мѣстахъ къ приведеннымъ греческимъ примѣрамъ онъ присовокупилъ дѣльный русскій переводъ, мѣтко выражающій смыслъ подлиннаго текста. По изложенію особенно выдаются статьи о членѣ (§§ 185—193), о падежахъ (§§ 194—223), о наклоненіяхъ (§§ 238—260). Удачною слѣдуетъ назвать группировку глаголовъ (§ 210 sqq.), которые ученики должны запомнить наизусть, отдѣльно отъ значенія, рядами иногда стихоподобными.

Но слѣдуетъ указать и на нѣкоторые недостатки книги. Въ отдѣлѣ о падежахъ употребленіе латинскихъ терминовъ, рельефно опредѣляющихъ логическія видоизмѣненія одного и того же падежа, не проведено послѣдовательно, между тѣмъ какъ §§ 202—223 испещрены такими терминами; въ §§ 191—202, за однимъ исключеніемъ, ихъ не оказывается совсѣмъ. Въ § 191 не довольно наглядно изложено различіе между атрибутивною и предикативною постановками члена. Статья о предлогахъ (§§ 224—230) значительно уступаетъ изложенію того же предмета въ учебникахъ гг. Канскаго и Чернаго. Въ § 226 составитель почему-то не оговорился, что предлогъ *οὐν* вообще мало свойственъ аттическому діалекту, кромѣ Ксенофонта, у котораго частое употребленіе этого предлога составляетъ особенность; напротивъ см. § 228, 3, I. § 229, 1, 1.—2. а).—2. II. Самый важный недостатокъ заключается въ § 230 и слѣд., въ которыхъ г. Клеменчичъ говоритъ о видахъ греческихъ глаголовъ.

Еще въ отзывѣ о первой части разбираемаго труда, появившейся въ 1887 г., указано было на то, что терминъ русской грамматики, прилагаемые къ видамъ греческаго глагола, не могутъ не сообщать превратнаго понятія объ этомъ явленіи языка. Не смотря на то, г. Клеменчичъ перенесъ неудачную терминологию и въ свой синтаксисъ. Поэтому и здѣсь представляется необходимость повторить, что группу временъ, состоящую изъ perfectum, plusquamperfectum и т. д., нельзя наименовать видомъ „совершеннымъ“, а аористъ—видомъ „однократнымъ, краткимъ или мгновеннымъ“. Путаница происходитъ оттого, что г. Клеменчичъ все еще держится страннаго убѣжденія, высказываемаго въ § 234: „Хотя основное значеніе видовъ въ русскомъ и греческомъ языкахъ тождественно, но употребленіе ихъ въ рѣчи не одинаково въ обонхъ языкахъ“. Тутъ скрывается логическая ошибка. Если виды того и другаго языка по значенію тождественны, то и употребленіе ихъ въ рѣчи должно быть одинаково; если же употребленіе ихъ не одинаково, то и значеніе ихъ не можетъ быть тождественно. Значеніе формы обуславливаетъ и употребленіе ея. Вообще въ школьной книгѣ слѣдовало бы еще повременить проведеніемъ полной аналогіи, такъ какъ 1) въ наукѣ еще не довольно выясненъ этотъ вопросъ, и 2) самъ авторъ доказываетъ непрочность своей теоріи, будучи принужденъ прибѣгать къ натяжкамъ и исключеніямъ (см. § 233, 3 и 4). Въ учебникъ слѣдуетъ вносить лишь то, что окончательно уже установлено, и что учитель самъ легко можетъ себѣ представить. Гораздо осторожнѣе относится къ этому вопросу г. Черный. Можно, пожалуй, въ примѣчаніяхъ упомянуть о тѣхъ случаяхъ, въ которыхъ греческіе виды совпадаютъ съ русскими, но нельзя провозглашать ихъ тождество категорически, не имѣя на то полнаго основанія. Во всѣхъ другихъ отношеніяхъ книга г. Клеменчича заслуживаетъ вниманія гг. преподавателей древнегреческой словесности.

ГРЕЧЕСКАЯ ГРАММАТИКА ДЛЯ УПОТРЕБЛЕНІЯ ВЪ ГИМНАЗИЯХЪ. Составленная *М. Вукомъ*, преподавателемъ Троицкой гимназіи. Москва. 1889. Въ 8-ку стр. 273. Цѣна 1 р.

Учебникъ г. Вука состоитъ изъ трехъ частей: первая и вторая обвиняютъ этимологию, третья—синтаксисъ. Въ первой части (§§ 1—13) разбираются буквы, звуки, надстрочные знаки, количество слоговъ, удареніе и знаки препинанія. Во второй части (§§ 13—100) излагаются склоненія именъ, степени сравненія, нарѣчія, числительныя, мѣсто-

именія, глаголы, спряженія и предлоги. Въ составъ этой части входятъ (§§ 92—95) словообразованіе и два приложенія, изъ которыхъ первое содержитъ въ себѣ (§ 96) ученіе о звукахъ или фонетику, а второе—статьи: а) о Гомеровскомъ нарѣчій (§ 97), б) главныя особенности Геродотовскаго діалекта (§ 98), в) элементарную теорію о дактилическомъ гекзаметрѣ (§ 99) и ямбическомъ триметрѣ (§ 100). Синтаксисъ, или третья часть книги, включаетъ въ себѣ два отдѣла; первый изъ нихъ (§§ 100—145) посвященъ словосочиненію въ простомъ предложеніи, временамъ и наклоненіямъ, а второй—предложеніямъ, соединеннымъ по способу сочиненія (§§ 146—150), соединенію предложеній по способу подчиненія и обзору отрицательныхъ частицъ (150—168). Сверхъ того, книга снабжена предисловіемъ и указателями греческимъ и русскимъ.

Въ виду того, что въ III и IV классахъ опускаются подробности, которыя потомъ добавляются въ V и слѣдующихъ классахъ, г. Вукъ раздѣлилъ весь этимологическій матеріалъ на два текста, такъ что обязательный курсъ вышеозначенныхъ классовъ напечатанъ болѣе крупнымъ шрифтомъ и надъ чертою каждой страницы, а необходимыя для старшихъ классовъ дополненія—мелкимъ шрифтомъ и подъ чертою. Въ синтаксисѣ шрифтами того же рода отдѣляются основныя и главныя правила отъ примѣчаній и замѣтокъ о болѣе тонкихъ свойствахъ языка. Количество матеріала, какъ въ этимологій, такъ и въ синтаксисѣ, соотвѣтствуетъ требованіямъ учебныхъ программъ; планъ, по которому расположено этотъ матеріалъ, вообще цѣлесообразенъ; такъ, напримѣръ, въ этимологій, по образцу новѣйшихъ нѣмецкихъ учебниковъ (Кэги; ср. Страховъ, Н. Греческая этимологія по Кэги. Москва. 1887, и др.), исключены рѣдко встрѣчающіяся слова и формы, напрасно обременяющія память учащихся; надежи въ склоненіяхъ расположены такъ, что именительный, винительный и звательный падежи предшествуютъ родительному и дательному на томъ основаніи, что первые три по своему образованію между собою болѣе сродны, чѣмъ со слѣдующими. По той же причинѣ составитель книги отдѣлилъ окончаніе мужскаго и средняго родовъ именъ прилагательныхъ отъ женскаго рода; затѣмъ г. Вукъ, гдѣ представлялась надобность, сопоставлялъ явленія греческаго языка съ соотвѣтствующими церковно-славянскаго, а въ синтаксисѣ, кромѣ того, съ оборотами латинскаго языка. Не безъ пользы (§ 86) помещена таблица, представляющая обзоръ глаголовъ I—VIII класса и глаголовъ на μ въ алфавитномъ порядкѣ. Не менѣе удачно г. Вукъ

разобралъ глагольные виды, безъ которыхъ, впрочемъ, въ этимологіи можно было бы обойтись безъ ущерба учащимся и во избѣжаніе сложной терминологіи; за то въ синтаксисѣ изложеніе видовъ неизбѣжно. Кромѣ того, составитель заслуживаетъ полнаго одобренія не только за то, что онъ (§§ 120 и слѣд.) толково старался опредѣлить отношеніе греческихъ глагольных видовъ къ русскимъ, но и за то, что онъ, по вѣрному пониманію греческаго аориста, отказавшись отъ неудачныхъ терминовъ (однократный, мгновенный, совершенный и т. д.), предлагаетъ терминъ: „видъ фактической“, который, по крайней мѣрѣ, точнѣ другихъ выражаетъ логическое свойство греческаго аориста и этимъ устраняетъ термины, причиняющіе лишъ путаницу. Удачными также можно признать §§ 129—139 (о падежахъ), составленные по нѣмецкому руководству: F. Holzweissig. Wahrheit und Irrtum der localistischen Kasustheorie. Leipzig. 1877. Указать слѣдуетъ и на то удобное распределеніе синтаксическаго матеріала, по которому, какъ въ учебникахъ Pota (Griechische Schulgrammatik. Zweiter Theil. Syntax. Von Carl Roth, Professor. Leipzig. 1877.) и другихъ, примѣры предшествуютъ правиламъ; самыя же примѣры подобраны только изъ образцовыхъ аттическихъ писателей, преимущественно изъ Ксенофонта, автора, лучше всего знакомаго приступающимъ къ систематическому изученію греческаго синтаксиса; каждый примѣръ снабженъ указаніемъ на сочиненіе и мѣсто, откуда онъ взятъ. Общій способъ изложенія во всѣхъ трехъ частяхъ книги по большей части отличается наглядностью и практичностью.

Указавъ хорошія стороны разсматриваемой книги, считаемъ не лишнимъ обратить вниманіе и на нѣкоторые недостатки ея и недосмотры, устраненіе которыхъ было бы весьма желательно и очень возвысило бы достоинство учебника. Мы разберемъ ихъ по параграфамъ.

§ 18, примѣч. Говорится о причастіяхъ 3-го склоненія, которое излагается лишь съ § 19.

§ 18. 5. „Въ прилагательныхъ женскаго рода“ (?).

§ 20. 2 и 5. Дважды говорится объ одномъ и томъ же, то-есть, о выпаденіи звуковъ *υτ* и замѣнительномъ усиленіи.

§ 20. 7. Правило для 3-го склоненія не обнимаетъ всего предмета.

§ 22. 2. „Между двумя гласными *ο* выбрасывается, а затѣмъ происходитъ сліяніе. Точно также (?) въ *dat. pl.* предъ окончаніемъ

ο выбрасывается ο^α. Опускание звука ο не производится по одному и тому же правилу въ томъ и другомъ случаѣ.

§ 21. Прилагательныя и причастія трехъ окончаній просклонены только въ мужскомъ и среднемъ родахъ, а о женскомъ нѣтъ и помину, какъ будто πᾶς, χαρίεις, λίξας и проч. только о двухъ окончаніяхъ. О женскомъ родѣ далѣе не упомянуто; равнымъ образомъ поступлено съ прилагательнымъ γλοχός (§ 23). Только въ § 27, при общемъ обзорѣ прилагательныхъ именъ 3-хъ окончаній, неожиданно является женскій родъ этихъ частей рѣчи, причемъ и тутъ остается неизвѣстнымъ, висать ли πᾶσων или πᾶσων, γλοχεῖων или γλοχεῖων и пр.

§ 21 (стр. 29). Въ таблицѣ поставлена въ скобки слитная форма сравнительной степени именъ прилагательныхъ на ων, тогда какъ она употребительнѣе первой.

§ 50. Основа длительного вида смѣшивается съ глагольною основою, такъ какъ здѣсь во всѣхъ примѣрахъ основа длительного вида получается чрезъ отбрасываніе ω въ 1 л. единственного числа praes. act. Вообще этотъ § не на своемъ мѣстѣ.

§ 52. 4. b. „Зубная δ“ вмѣсто зубной звукъ δ.

§ 53. 2. (стр. 79). „Звукъ σ называется примѣтою основы и т. д.“ Тутъ пропущены слова: „въ этомъ случаѣ“, а то звукъ σ называется согласнымъ, шипящимъ и т. д.

§ 54. 2 и 3. „Слабая основа“. Терминъ взятъ изъ подстрочнаго текста, гдѣ онъ встрѣчается въ первый разъ въ дополненіи къ § 53. 1. Слѣдовало бы сдѣлать изложеніе основнаго текста независимымъ отъ подстрочнаго, такъ какъ оба текста не должны входить въ курсъ одного и того же класса.

§ 54. 4, примѣчаніе. „Слогъ θη переходитъ въ θε“. Почему не наоборотъ?

§ 56. Повторяется одно и то же въ образованіи формъ глаголовъ.

§ 57. О вставкѣ σ говорится при pf. pass. и потомъ тоже самое въ § 60 при aor. pass.

§ 62. 3. „Трѣκω основное τρᾶκ“, а въ слѣдующемъ § 63 примѣчанія мы видимъ, что въ глаголѣ τρᾶκ ω переходитъ въ α.

§ 68. 9. „ἡρόμη“ не на своемъ мѣстѣ; оно не принадлежитъ къ VIII классу.

§ 80. 2. Слѣдовало бы упомянуть о формѣ opt. βιψήν.

§ 81. Не указано на значеніе ἔφουα и πέφουα.

§ 108. 1. „Косвенные надежи возвратныхъ мѣстоименій 1-го и 2-го лица употребляются только въ томъ случаѣ, когда они отно-

сятся къ подлежащему того же предложенія, въ которомъ находится мѣстоименіе". Не сказано, какія формы употребляются въ другомъ случаѣ.

§ 111. IV. 1. „Опредѣленіе ставится между членомъ и существительнымъ (если логическое удареніе на опредѣленіи), или съ членомъ послѣ существительнаго (если на существительномъ логическое удареніе), и примѣчаніе 1. 'Ο τοῦ Διὸς ναὸς храмъ Зевеса (не Геры); ὁ ναὸς ὁ τοῦ Διὸς храмъ (не изображеніе) Зевеса. 'Ο δῆμος ὁ τῶν Ἀθηναίων народъ А. (не βουλή); ὁ τῶν Ἀθηναίων δῆμος Аѳинскій (не Фиванскій) народъ". Это правило не вѣрно, какъ и приведенные въ примѣчаніи примѣры. Логическое различіе существуетъ между атрибутивною и предикативною постановками члена, но нѣтъ особеннаго различія между обѣими формами одной и той же постановки члена, будь это постановка атрибутивная или предикативная. Поэтому ὁ τοῦ Διὸς ναὸς или ὁ ναὸς ὁ τοῦ Διὸς значитъ храмъ Зевеса (не Геры), и ὁ τῶν Ἀθηναίων δῆμος или ὁ δῆμος ὁ τῶν Ἀθηναίων значитъ народъ Аѳинскій (не Фиванскій). Но если придется противопоставить понятіе храма понятію изображенія, или понятіе народа,—понятію верховнаго совѣта (βουλή), то надобно прибѣгнуть къ предикативной постановкѣ члена: τοῦ Διὸς ὁ ναὸς или ὁ ναὸς τοῦ Διὸς будетъ храмъ (а не изображеніе) Зевеса, а τῶν Ἀθηναίων ὁ δῆμος или ὁ δῆμος τῶν Ἀθηναίων будетъ народъ (а не совѣтъ) Аѳинскій. См. любой греческій синтаксисъ—Кюнера, Крюгера, Коха и др.

§ 124, примѣчаніе 2. Въ началѣ примѣчанія сказано: „греческое причастіе выражаетъ только видъ дѣйствія (за исключеніемъ participium futuri)", потомъ: „participium aoristi соотвѣтствуетъ русскому дѣепричастію и причастію прошедшаго времени", а въ примѣчаніи 3-мъ: „если же русское причастіе выражаетъ дѣйствіе, которое предшествовало дѣйствію главнаго глагола, то оно переводится чрезъ part. aoristi". Тутъ есть противорѣчіе, которое происходитъ оттого, что положеніе въ началѣ примѣчанія 2-го не вѣрно, такъ какъ participium aoristi не имѣетъ одного только видоваго значенія.

§ 137. Не сказано о тѣхъ случаяхъ, когда употребляется infinitiv. futur.

§ 140. Не выдѣлены тѣ случаи, въ которыхъ греческое причастіе переводится по русски неопредѣленнымъ наклоненіемъ; въ § 138 объ этомъ, правда, упомянуто, но лишь вскользь, и не сказано, когда именно такое употребленіе свойственно и русскому языку и т. д.

Во многих мѣстахъ не оказывается примѣровъ, какъ, напри-
мѣръ, § 101, примѣчаніе 1, § 111 с. и др.

Наконецъ, въ текстѣ книги много опечатокъ, не отмѣченныхъ въ
приложенномъ спискѣ, напримѣръ:

- Стр. 25, прим. 1. ἄλς.
- „ 24 и 31 ассигматически.
  - „ 43 (последн. строк.) „(сравн. Прил. 1, 22)“ вм. срав. Прил.
1, 20.
  - „ 46 (въ парадигмѣ) ἐνὶ вм. ἐνί
  - „ 47 прим. 2. αὐτῆ безъ ударенія
  - „ 51 αἰνῖναι вм. αἰνῖνοι.
  - „ 50 и 51, прим. 1 и 2, надстрочные знаки не вышли.
  - „ 56 и 57 оклоненіе.
  - „ 67 ἐκφερω безъ ударенія
εἰσοῦσθην }
πόραον } безъ передыханія
ὀπώπτειον }
  - „ 79 (подъ графю) 3. а χρᾶν вм. χρῆν, τίχο вм. τίχο
  - „ 80 (3-я строка) παιδαῖσαι, ἐλπῖται, τάται.
  - „ 84 прим. 4. plusquam perf. вм. plusquamperf.
  - „ 85 (въ парадигмѣ opt.) βυβλαμένος вм. βεβλαμένος
  - „ 88 (примѣры) κρίνω вм. κρίνω
  - „ 103 (§ 75) plusquam. вм. plusquam.
  - „ 121 (таблица) δεικνόντων вм. δεικνόντων, и т. д.

Вообще шрифтъ, употребленный при печатаніи книги, не отли-
чается ни изяществомъ, ни отчетливостью, особенно мелкій шрифтъ
даже неудободоступимъ въ учебной книгѣ.

С. И. Шохоръ-Троцкий. Учебникъ арифметики съ приложеніемъ дополни-
тельныхъ статей. Для среднихъ учебныхъ заведеній. Москва. 1888. Стр. 130.
Цѣна 75 коп.

Авторъ названной книги, желая въ своемъ предисловіи оправдать
появленіе въ свѣтъ новаго учебника, говорить, между прочимъ, что
„учебникъ, въ истинномъ смыслѣ этого слова, не можетъ и не
долженъ преслѣдовать ни цѣлей научныхъ трактатовъ, ни цѣлей ру-
ководства для учителя, ни, наконецъ, цѣлей самообученія“. Прочитавъ эти строки, невольно задаешь автору вопросъ: какія
же, наконецъ, цѣли долженъ преслѣдовать учебникъ, и получаешь
такой отвѣтъ: „Учебникъ поэтому долженъ содержать въ себѣ крат-

кое и сжатое изложеніе учебнаго предмета (не науки), ибо въ немъ должны преобладать не психологическія и методическія, а исключительно логическія точки зрѣнія; и наконецъ, учебникъ непременно предполагаетъ работу учителя, неустаннаго руководителя занятіями учащагося,—руководителя, безъ помощи котораго учебникъ не только бесполезенъ, но иногда даже и прямо вреденъ въ рукахъ начинающаго“.

Признаемся, мы смутно понимаемъ тѣ цѣли, которыя, по мнѣнію нашего автора, долженъ преслѣдовать составитель учебника. Цѣль, которую должно преслѣдовать при преподаваніи ариметики, въ высшей степени проста; цѣль эта—научить сознательно, быстро и изящно производить четыре дѣйствія надъ цѣлыми и дробными числами. Сознательное искусство вычислять основано, какъ извѣстно, на опредѣленіяхъ дѣйствій и на нѣкоторыхъ весьма простыхъ принципахъ. Хорошимъ учебникомъ будетъ тотъ учебникъ, гдѣ кратко, ясно и научно опредѣлены дѣйствія, просто доказаны основные принципы, на которыхъ эти дѣйствія основаны, и понятно изложены методы дѣйствій. Все лишнее, относящееся къ такъ-называемой теоріи чиселъ, должно быть выпущено изъ учебника ариметики. Ариметика должна избѣгать, по возможности, буквъ, и ея доказательства не должны основываться на тождественныхъ алгебраическихъ преобразованіяхъ. Ариметика должна быть пройдена въ первыхъ трехъ классахъ среднихъ учебныхъ заведеній окончательно и не должна, слѣдовательно, переучиваться въ старшемъ классѣ. Въ старшемъ классѣ ариметика, разумѣется, должна быть повторена, но повторена въ томъ видѣ, въ какомъ изучалась. Нѣкоторыя теоріи, не понятныя для дѣтскаго возраста, но облегчающія вычисленія, должны быть, при повтореніи, пройдены вновь; къ такимъ вопросамъ принадлежитъ, напримѣръ, принципъ Эвклида. Эти теоріи должны, однако, войти въ учебникъ ариметики въ надлежащемъ мѣстѣ его, но должны быть отмѣчены звѣздочками, показывающими, что онѣ (теоріи), какъ трудныя для дѣтскаго пониманія, должны быть выпущены при первоначальномъ прохожденіи. Учебникъ, написанный въ этомъ направленіи, будетъ и педагогиченъ, и наученъ. Онъ можетъ служить и пособіемъ для учителя, и пособіемъ для ученика, проходящаго арифметику подъ руководствомъ учителя, и самоучителемъ. Учебникъ непременно долженъ имѣть въ виду самообученіе, ибо ученикъ можетъ долго хворать и, слѣдовательно, не слышать преподаваемаго. Г. Шохоръ-Троцкій говоритъ, что учебникъ долженъ содержать въ себѣ краткое и сжатое изло-

женіе учебнаго предмета (не науки). Если учебный предметъ есть не наука, напримѣръ, гимнастика, танцы и т. п., то учебникъ долженъ содержать изложеніе этой не—науки; если же учебный предметъ есть наука, какъ, напримѣръ, ариметика, то учебникъ долженъ представлять изложеніе науки; предѣлы этого изложенія могутъ быть различны; все зависитъ отъ того, для какого возраста и для какихъ цѣлей назначенъ учебникъ. Учебникъ ариметики, назначенный для ея изученія въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ, долженъ излагать то изъ этой безконечной науки, не имѣющей предѣловъ, что необходимо для этихъ заведеній, но излагать научно, то-есть, всѣ опредѣленія должны быть правильны, всѣ изложенныя теоремы и методы должны быть доказаны. Та теорема, которая не можетъ быть усвоена ученикомъ, та метода, доказательство которой будетъ не понятно мальчику, должны быть выпущены изъ курса.

Г. Шохоръ-Троцкій хотя и говорить, что въ учебникѣ должны преобладать не психологическія, а инныя точки зрѣнія, но намъ кажется, что психологія руководила нашимъ авторомъ. Иначе нашъ авторъ не соединилъ бы въ своей книгѣ, въ сущности, два учебника ариметики: одинъ, предназначенный для первоначальнаго прохожденія ариметики, и другой—служащій для вторичнаго прохожденія ея. Въ первомъ учебникѣ весьма многое изложено догматически; многія изъ предложеній, на которыхъ основаны вычисленія, и которыя очень просто доказываются, даны безъ доказательствъ, за которыми читатель отсылается во вторую часть учебника, названную дополнительными статьями. На стр. 34, напримѣръ, авторъ достаточно изысканно говоритъ: „Ученіе объ измѣненіи произведенія и частнаго основано на слѣдующихъ свойствахъ дѣйствій умноженія и дѣленія: „величина произведенія не зависитъ ни отъ порядка производителей (зачѣмъ употреблять это (некрасивое) слово), ни отъ способа ихъ группировки (что это значитъ?)“, и этого предложенія не доказываетъ. Слѣдующее заѣмъ предложеніе, вытекающее изъ предыдущаго и сформулированное такимъ образомъ: результатъ раздѣленія произведенія нѣсколькихъ множителей на одного изъ нихъ равняется произведенію остальныхъ множителей, доказывается. И вообще, одно доказывается, другое нѣтъ. Трудно уяснить себѣ, чѣмъ руководствовался авторъ при подобномъ изложеніи. Принципы Эвклида излагается авторомъ, но не доказываются (см. стр. 58).

Ученикъ младшаго класса въ главѣ I изучаетъ счисленіе устное и письменное; ученикъ старшаго класса въ главѣ II дополнительныхъ часть сслхiv, отд. 3.

статей опять изучаетъ нумерацію и системы счисленія; ученикъ младшихъ классовъ въ главѣ II изучаетъ четыре дѣйствія надъ цѣлыми числами; ученикъ старшаго класса въ главѣ III опять изучаетъ дѣйствія надъ числами въ формѣ тождественныхъ преобразованій, то есть, въ формѣ алгебраической. Определенія одного и того же понятія даются иногда нашимъ авторомъ въ различныхъ видахъ. Такъ, на примѣръ, въ первой части учебника авторъ даетъ такое определеніе пропорціональныхъ величинъ (стр. 118): „Двѣ величины, которыя находятся въ такой зависимости одна отъ другой, что, съ измѣненіемъ одной, другая, при всѣхъ прочихъ одинаковыхъ условіяхъ, увеличивается или уменьшается ровно во столько же разъ, называются пропорціональными“.

На стр. 269 (во второй части учебника) пропорціональность определена такимъ образомъ: „Если двѣ зависящія одна отъ другой величины таковы, что кратное отношеніе любыхъ двухъ значеній одной изъ нихъ равно кратному отношенію соответствующихъ имъ значеній другой изъ нихъ, то такія величины называются прямо — пропорціональными“. Ясно, что одно изъ этихъ определеній нехорошо, и нехорошо первое; второе же совершенно научно и должно быть принято.

Языкъ, которымъ написанъ учебникъ, мѣстами слишкомъ отвлеченный и едва ли понятенъ мальчикамъ въ возрастѣ отъ 10 до 12 лѣтъ. Желая, на примѣръ, объяснить, что иногда не существуетъ цѣлаго частнаго, авторъ говоритъ: „Очень часто, при дѣленіи одного числа на другое, случается, что какое бы изъ двухъ смежныхъ другъ съ другомъ цѣлыхъ чиселъ мы не приняли за частное, происходящее отъ раздѣленія даннаго числа на другое, произведеніе взятаго нами числа на даннаго дѣлителя, либо меньше, либо больше даннаго дѣлителя“.

Еще возьмемъ для примѣра слѣдующее мѣсто (стр. 32): „Величина арифметическаго выраженія, требующаго послѣдовательнаго примѣненія дѣйствій сложения и вычитанія, равна суммѣ всѣхъ слагаемыхъ, уменьшенной на сумму всѣхъ вычитаемыхъ. Результатъ раздѣленія какого-либо, дѣлящагося на данное произведеніе нѣсколькихъ множителей, числа на это произведеніе равенъ окончательному результату, который получится, если первоначально раздѣлить данное дѣлимое на перваго изъ множителей, полученное на второго, вновь полученное — на третьяго, и т. д. до послѣдняго множителя включительно“. Все это хотя вѣрно, но слишкомъ отвлеченно для мальчика перваго класса.

Учебникъ, написанный подобнымъ языкомъ, будетъ вреденъ въ рукахъ начинающаго, ибо онъ заставитъ мальчика просто зазубривать напечатанное.

Что касается до погрѣшностей и неточностей, то онѣ почти что отсутствуютъ въ рассматриваемой книгѣ. Позволимъ себѣ указать однако на слѣдующія мѣста.

Разъясняя повѣрки дѣйстви (стр. 11, 16, 22, 27), авторъ ошибочно думаетъ, что обратныя заключенія будутъ справедливы, то есть, если, напримѣръ, при сложении слагаемыхъ въ различныхъ порядкахъ будутъ получаться одинаковыя суммы, то отсюда можно будетъ заключить, что сложение сдѣлано вѣрно. И въ самомъ дѣлѣ, мы можемъ, напримѣръ, складывая 315 и 214, написать ошибочно сумму 528, а потомъ складывая 214 и 315 написать ошибочно опять ту же сумму 528; и въ томъ, и въ другомъ случаяхъ мы, получая одну и ту же сумму, дѣлаемъ все-таки ошибку.

Одна изъ самыхъ деликатныхъ частей ариметики есть та часть, въ которой излагается умноженіе дробей. Нашъ авторъ начинаетъ сперва (стр. 73) съ рѣшенія задачъ о нахожденіи частей даннаго числа цѣлаго и дробнаго, а потомъ переходитъ къ умноженію, сопровождая этотъ переходъ вступленіемъ, едва ли понятнымъ мальчикамъ втораго класса (стр. 71): „При умноженіи дробей должно различать два случая: 1) когда множитель есть цѣлое число и 2) когда множитель есть число дробное. Въ то время, какъ первый изъ нихъ не представляетъ собою ничего условнаго, относительно втораго случая непременно должно условиться, такъ какъ самый смыслъ умноженія на дробь не очевиденъ“. Сдѣлавъ это вступленіе, авторъ продолжаетъ: „Умножить дробь на дробь значить отыскать произведеніе дробей; произведеніемъ дробей называется дробь, числитель которой есть произведеніе числителей данныхъ дробей, а знаменатель—произведеніе ихъ знаменателей“. Мы видимъ, слѣдовательно, что авторъ принимаетъ правило умноженія за его опредѣленіе и не даетъ никакого отвѣта на вопросъ, который можетъ быть предложенъ автору, а именно на вопросъ: „Почему же полученная дробь называется произведеніемъ, а самое дѣйствіе—умноженіемъ?“ Хотя авторъ далѣе (стр. 79) и показываетъ, что число, названное имъ произведеніемъ дробей, обладаетъ всѣми основными свойствами произведенія цѣлыхъ чиселъ, но вѣдь оно, можетъ быть, обладаетъ и иными свойствами, а, можетъ быть, оно не обладаетъ нѣкоторыми свойствами произведенія цѣлыхъ чиселъ. Авторъ потомъ разъясняетъ, что дѣй-

ствіе, названное ямъ умноженіемъ числа на дробь, приводитъ къ тому же результату, къ какому приводитъ нахождение такой части даннаго числа, какую часть единицы составляетъ дробь. Это неточно. И въ самомъ дѣлѣ, умножить, на примѣръ, 5 на $\frac{7}{3}$, значитъ взять семь третей пяти, но не значитъ взять такую часть 5, какую часть единицы составляетъ $\frac{7}{3}$, ибо не $\frac{7}{3}$ составляетъ часть единицы, а единица составляетъ часть $\frac{7}{3}$.

Кстати заговорили мы объ опредѣленіяхъ. На стр. 8 авторъ опредѣляетъ сложеніе, говоря, что цѣль сложенія есть нахождение суммы, при чемъ суммою двухъ или нѣсколькихъ чиселъ называется число, которое можно получить, сосчитавъ сколько единицъ во всѣхъ данныхъ числахъ. Опредѣленіе это есть опредѣленіе кажущееся, ибо въ немъ понятіе о сложеніи приводится къ понятію о сосчитываніи, къ понятію не менѣе простому.

На стр. 107 авторъ такимъ образомъ опредѣляетъ кратное отношеніе: „Арифметическое выраженіе, требующее отысканія кратнаго отношенія двухъ чиселъ, называется кратнымъ отношеніемъ“. Кратной пропорціи дано такое изысканное опредѣленіе: „Арифметическое выраженіе, свидѣтельствующее о равенствѣ двухъ кратныхъ отношеній, называется кратною пропорціею“.

Нашъ авторъ любитъ вообще изысканныя выраженія. Сдѣлаемъ одинъ упрекъ автору, который онъ, однако, вполне заслужилъ. Излагая на стр. 225 знаменитую теорему Эйлера, представляющую изъ себя обобщенную теорему Фермата (зачѣмъ ее излагать въ курсѣ ариметики?), которая, какъ извѣстно, состоитъ въ слѣдующемъ: Если n есть число чиселъ, простыхъ съ N и меньшихъ его, если a простое съ N , то разность $(a-1)$ дѣлится безъ остатка на N , г. Шохоръ-Троцкій формулируетъ теорему неправильно такимъ образомъ: „Если данному числу N въ натуральномъ рядѣ предшествуетъ n чиселъ, изъ которыхъ каждое есть число взаимнопростое съ N , то и т. д.“. Данному числу N въ натуральномъ рядѣ чиселъ предшествуетъ непременно $(N-1)$ чиселъ, и тутъ, очевидно, никакого условія ставить нельзя. Г. Шохоръ-Троцкій, разумѣется, это понимаетъ, и мы дѣлаемъ ему упрекъ не за непониманіе, а за невниманіе къ одной изъ гениальныхъ теоремъ ариметики.

Мы остановились такъ долго на сочиненіи г. Шохоръ-Троцкаго потому, что трудъ его есть трудъ почтенный, показывающій, что авторъ принадлежитъ къ числу образованныхъ математиковъ, вполне владѣющихъ предметомъ.

С. И. Шохоръ-Троцкий. Методическій сборникъ арифметическихъ задачъ для среднихъ учебныхъ заведеній. Двѣ части. Москва 1888. Стр. 79—228. Цѣна 70 коп.

Названный сборникъ составленъ въ высшей степени толково. Ученикъ переходитъ отъ задачъ прѣстѣйшихъ къ задачамъ все болѣе и болѣе сложнымъ. Задачи-загадки отсутствуютъ въ сборникѣ. Задачи алгебраическаго характера выдѣлены въ отдѣльныя главы. Задачи на вычисленія составлены такимъ образомъ, что учащійся приучается къ быстротѣ и изяществу вычислений. Сборникъ содержитъ въ себѣ много задачъ, требующихъ составленія формулъ изъ выражений задачъ. Вообще рассматриваемая книга можетъ быть весьма полезнымъ учебнымъ пособіемъ при прохожденіи арифметики въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ, какъ мужскихъ, такъ и женскихъ.

Краткій курсъ геометріи съ практическими примѣненіями. Составилъ *М. А. Страховъ.* С.-Пб. 1888. Цѣна 70 коп. Стр. II+112.

Въ „Предисловіи“ авторъ говоритъ, что его курсъ элементарной геометріи предназначенъ „для низшихъ спеціальныхъ школъ“; при этомъ, очевидно, подразумѣваются тѣ ремесленные и низшія техническія училища, въ которыхъ, по недостатку времени и по малой подготовленности учениковъ, курсъ начальной геометріи не можетъ быть пройденъ въ полномъ объемѣ и по общепринятымъ методамъ. Согласно съ такимъ предназначеніемъ книги г. Страхова, она представляетъ существенныя отличія отъ другихъ учебниковъ того же предмета.

Одна изъ ея главныхъ особенностей заключается въ исключеніи многихъ теоремъ и даже цѣлыхъ отдѣловъ, обыкновенно считаемыхъ какъ бы неотъемлемою принадлежностью всякаго курса начальной геометріи; напимѣръ, въ ней не упоминается о средней пропорціо-нальной линіи, объ обратной пропорціо-нальности, о линіяхъ несоизмѣримыхъ между собою, о дѣленіи линіи въ крайнемъ и среднемъ отношеніи, опущены всѣ теоремы о пропорціо-нальныхъ линіяхъ въ кругѣ и т. п. Что касается стереометріи, то она изложена не только чрезвычайно кратко, но и почти безъ доказательствъ, такъ что исключено даже доказательство теоремы о равенствѣ оснований и высотъ. (Относительно такого способа изложенія стереометріи въ „предисловіи“ сказано: „Въ предлагаемомъ курсѣ по возможности строго научно изложена только первая часть геометріи, то-есть, планиметрія“).

Другая существенно важная особенность этого курса состоитъ въ довольно обширномъ включеніи практическихъ приложений геометріи. Съ особенною полнотою развиты applicatіи къ топографіи; учебникъ г. Страхова содержитъ въ себѣ почти всѣ необходимыя указанія для рѣшенія простѣйшихъ топографическихъ задачъ, для измѣренія угловъ на мѣстности, производства мензульной съемки и нивелированія. Не мало также подробностей, относящихся до технического черченія. Что касается до applicatіи геометріи къ другимъ отраслямъ техники, то авторъ ограничивается немногими примѣрами и говоритъ: „Упражненія и разнородныя applicatіи геометрическихъ истинъ, встрѣчающіяся въ этомъ курсѣ, не приурочены исключительно къ какой-нибудь спеціальности. Дѣло преподавателя развить болѣе тотъ или другой отдѣлъ applicatіи и упражненій, смотря по спеціальности школы. При преподаваніи этого курса, какъ упражненія, такъ и указаніе applicatіи должны слѣдовать тотчасъ же затѣми истинами, на коихъ они основываются, какъ это сдѣлано въ первыхъ двухъ главахъ учебника“.

Нельзя не признать, что эти практическія applicatіи придаютъ весьма высокую цѣнность Геометріи Страхова, не только потому, что доставляютъ ученикамъ полезныя свѣдѣнія, но еще болѣе потому, что вызываютъ интересъ къ геометріи и облегчаютъ усвоеніе ея истинъ: applicatіи изложены кратко и отчетливо, и авторъ такъ искусно размѣстилъ ихъ, что они чрезвычайно способствуютъ уясненію смысла теоремъ и развитію геометрическихъ соображеній учащагося.

Вообще система и способъ изложенія свидѣтельствуютъ, что авторъ тщательно обдумалъ и разработалъ предлагаемый имъ учебникъ и употребилъ не мало труда и умѣнья на то, чтобы приспособить его къ потребностямъ низшихъ школъ и уровню развитія учениковъ. Къ сожалѣнію, нельзя сказать, чтобы онъ вполнѣ достигъ этой послѣдней цѣли. Сравнительно съ другими курсами геометріи, предназначенными для низшихъ школъ, учебникъ М. А. Страхова имѣетъ вѣскія преимущества; но все-таки онъ содержитъ въ себѣ въ своихъ первыхъ главахъ такіе тормазы для недостаточно подготовленныхъ учениковъ, что для устраненія этихъ тормазовъ потребуется отъ преподавателя много усилій и искусства.

Вопросъ объ учебномъ планѣ геометріи и о типѣ учебника этого предмета для низшихъ школъ представляетъ весьма большую важность; кромѣ общаго педагогическаго значенія, онъ имѣетъ еще такъ сказать спеціальную важность, вслѣдствіе имѣющагося въ виду

широкаго распространенія въ нашемъ отечествѣ ремесленныхъ и низшихъ техническихъ школъ. Начальныя главы геометріи М. А. Страхова представляютъ удобный матеріалъ для заключеній относительно неудобопримѣнимости къ высшимъ школамъ курса геометріи, составленнаго по обычнымъ методамъ. Напримѣръ, авторъ доказываетъ такіи теоремы: Изъ всякой точки, взятой на прямой, можно возставить только одинъ перпендикуляръ къ этой прямой; всѣ прямые углы равны между собою; сумма смежныхъ угловъ равна двумъ прямымъ угламъ, и т. д. Способъ доказательства такой же, какъ и въ другихъ учебникахъ; напримѣръ, теорема о суммѣ смежныхъ угловъ доказана такъ: „Пусть будутъ смежные углы ABD и DBC . Докажемъ, что оба эти угла вмѣстѣ составляютъ два прямыхъ угла. Для доказательства проведемъ вспомогательную линію BE перпендикулярно къ AC . Сумма угловъ ABD , и DBE равна одному прямому углу, и уголъ EBC равенъ прямому. Сложивъ эти равенства, получимъ, что сумма трехъ угловъ ABD , DBE и EBC равна $2d$. Подставивъ вмѣсто $\angle DBE + \angle EBC$ имъ равный уголъ DBC , найдемъ, что $\angle ABD + \angle DBC = 2d$. Теорема доказана“.—Между тѣмъ въ число аксіомъ были включены слѣдующія: черезъ двѣ точки можетъ быть проведена только одна прямая; изъ линій, проведенныхъ между двумя точками, прямая короче всѣхъ. Разсматриваемая геометрія предназначена ея авторомъ для низшихъ специальныхъ школъ, слѣдовательно для такихъ учениковъ, вся подготовка которыхъ ограничивается курсомъ одноклассной сельской школы; можетъ ли ученикъ, находящійся на такой невысокой ступени умственного развитія понять необходимость доказательства вышеупомянутыхъ теоремъ? Вѣдь онъ для него столько же очевиденъ, сколько и аксіомы о прямой линіи; для чего же ихъ ему доказывать? А если ученикъ не видитъ необходимости доказательства, то онъ хотя и можетъ его заучить, но въ результатѣ все-таки не окажется сколько-нибудь сознательнаго отношенія къ доказательству. Наконецъ, какая затрата времени и сколько трудовъ потребуется, какъ отъ ученика, такъ и отъ учителя, чтобъ ученикъ могъ излагать доказательства и писать надлежащія равенства и неравенства; и притомъ вся эта затрата не принесетъ ни малѣйшей пользы для дѣйствительнаго развитія ученика, такъ какъ его разсужденія и письмо останутся механическими. Усвоеніе понятія о синтезѣ, сознательное изложеніе доказательства простой теоремы, справедливость которой несомнѣнна для ученика или видна изъ чертежа, требуютъ уже не малаго развитія и навыка въ логическихъ упраж-

неніяхъ. Поэтому слѣдуетъ отказаться отъ попытокъ ввести въ ремесленные и вообще въ низшія школы преподаваніе геометріи по строго выдержанному синтетическому методу; но такъ какъ для удовлетворенія потребностей техники надо ученикамъ этихъ школъ сообщить нѣкоторыя геометрическія свѣдѣнія, то для этихъ школъ необходимъ учебникъ геометріи, составленный по другому методу. Начальныя истины должны быть изложены наглядно, безъ доказательствъ, а на примѣръ, при помощи упражненія въ геометрическомъ черченіи. Доказательства потребуются лишь для дальнѣйшихъ теоремъ, то-есть, для тѣхъ, которыя не очевидны ученикамъ, какъ на примѣръ: равенство суммы угловъ треугольника двумъ прямымъ угламъ, равенство угла вписаннаго въ кругѣ половинѣ соответствующаго центральнаго, пифагорова теорема и т. под., и эти доказательства не должны имѣть формальнаго (или, такъ-сказать, мѣлового) характера, а должны быть приспособлены къ понятіямъ учениковъ.

Ошибокъ въ разсматриваемой книгѣ не встрѣчается, но есть нѣкоторыя не важныя промахи. На примѣръ:

На стр. 1 помѣщена такая аксіома: „Сумма большихъ величинъ болѣе суммы меньшихъ“; но развѣ $7+6$ болѣе чѣмъ $5+4+3+2+1$.

На стр. 20 при описаніи устройства уровня не сказано, что стеклянная трубка должна имѣть нѣкоторую незначительную кривизну.

На стр. 1 простонародное выраженіе, неудобное въ учебникѣ— „зачастую“.

Учебникъ элементарной геометріи для среднихъ учебныхъ заведеній. Составилъ *Я. Блмбергъ*, преподаватель при Ревельской губернской гимназіи. С.-Пб. 1889. Стр. VIII+172. Цѣна 1 руб.

Названное сочиненіе не представляетъ изъ себя ничего новаго ни по способамъ доказательствъ теоремъ, ни по системѣ изложенія, хотя авторъ въ предисловіи къ своей книгѣ и говоритъ, что онъ, стремясь къ возможно строго—систематическому изложенію, опередилъ въ этомъ отношеніи другихъ авторовъ, и для доказательства этихъ словъ, предлагаетъ взглянуть хотя бы на оглавленіе. Взглянувъ на него, мы увидѣли, что послѣдовательность въ изложеніи геометрическаго матеріала у нашего автора не отличается отъ подобной же послѣдовательности у нѣкоторыхъ другихъ авторовъ. И въ самомъ дѣлѣ, авторъ излагаетъ сперва теоремы объ углахъ, потомъ переходитъ къ

теоріи параллельныхъ линій, далѣе излагаетъ равенство треугольниковъ, переходитъ потомъ къ четырехугольникамъ, изучаетъ далѣе окружность круга, и т. д., то-есть, вообще слѣдуетъ тому установившемуся пути, какому слѣдуетъ большинство авторовъ геометріи.

Прочитавъ книгу, мы увидѣли, что она несвободна отъ многихъ такихъ недостатковъ, отсутствіе которыхъ необходимо для учебника геометріи. Укажемъ на эти недостатки.

Доказавъ (стр. 14) теорему: Если двѣ прямыя образуютъ съ сѣкущею равные внутренніе, на крестъ лежащіе углы, то онѣ, ни при какомъ продолженіи ихъ (?), не пересѣкутся, авторъ говоритъ, что теорема эта составляетъ признакъ параллельности двухъ прямыхъ. Авторъ дѣлаетъ поспѣшное заключеніе, ибо выше данная теорема представляетъ только достаточное условіе параллельности. Для полученія признака параллельности нужно показать, что условіе это и необходимо, то-есть, нужно доказать обратную теорему, для чего и вводится извѣстный постулатъ, называемый авторомъ почему-то аксіомою. Хотя авторъ далѣе доказываетъ эту обратную теорему, но не выясняетъ однако, что она необходима для полученія признака параллельности.

Доказательства перваго и втораго условія равенства треугольниковъ (стр. 25) неполны. Желалъ доказать, что треугольникъ abc равенъ треугольнику ABC при условіяхъ: $AB=ab$, $AC=ac$, $\angle A=\angle a$, авторъ накладываетъ $\triangle abc$ на $\triangle ABC$ такъ, чтобы вершина a упала въ вершину A , вершина c въ вершину C , и говоритъ, что тогда точка b совмѣстится съ точкою B , упуская изъ виду, что это случится только тогда, когда оба треугольника лягутъ по одну сторону прямой AC .

Доказательство теоремы: Два треугольника равны, если двѣ стороны и уголъ противъ большей изъ нихъ въ одномъ треугольникѣ соответственно равны двумъ сторонамъ и углу противъ большей изъ нихъ въ другомъ не выдерживаетъ критики. И въ самомъ дѣлѣ, ходъ разсужденій, по видимому, совершенно не зависитъ отъ того условія, по которому равны углы, лежащіе противъ большихъ сторонъ, такъ что, по видимому, разсужденіе осталось бы справедливымъ и тогда, когда были бы равны углы, лежащіе противъ меньшихъ сторонъ. Автора, видимо, соблазнило доказательство теоремы 26 (стр. 26) о томъ, что два треугольника равны, когда двѣ стороны ихъ соответственно равны, взятое имъ изъ превосходной раціональной геометріи М. С. Волкова.

Напрасно г. Блюмбергъ не взялъ изъ упомянутой книги г. Волкова и доказательство предыдущей теоремы.

На стр. 31 авторъ даетъ неточное опредѣленіе правильному многоугольнику, говоря, что правильнымъ многоугольникомъ называется многоугольникъ, обладающій и равными сторонами, и равными углами. Изъ этого опредѣленія слѣдуетъ, напримѣръ, что пятиугольникъ, обладающій двумя равными сторонами и тремя равными углами есть правильный.

На стр. 32 авторъ начинаетъ статью объ окружности теоремою: Черезъ три точки, не лежащія на одной прямой, можно провести окружность, притомъ только одну. Доказательство этой теоремы неполно, ибо авторъ на предыдущихъ страницахъ нигдѣ еще не говоритъ, что общее мѣсто точекъ, равноотстоящихъ отъ концовъ прямой, есть перпендикуляръ къ прямой въ ея серединѣ. Вслѣдствіе такого неполнаго доказательства можно задать автору вопросъ, почему же онъ думаетъ, что не существуетъ, кромѣ точки пересѣченія перпендикуляровъ, восстановленныхъ къ прямымъ АВ и ВС въ ихъ серединахъ, еще точки, равноотстоящей отъ данныхъ точекъ А, В, С.

Доказательство теоремы: Окружность круга дѣлится діаметромъ пополамъ не есть доказательство. И въ самомъ дѣлѣ авторъ сгибаетъ окружность по діаметру СВ и говоритъ, что, вслѣдствіе равенства радіусовъ, правая часть окружности необходимо совмѣстится съ лѣвою. Для доказательства этой теоремы нужно показать, что каждая точка правой части имѣетъ соотвѣтственную себѣ въ лѣвой и на оборотъ. Совѣтуемъ автору обратиться за доказательствомъ этой теоремы къ геометріи Руше и Комберуза.

Въ статьѣ о геометрическихъ мѣстахъ (стр. 44) авторъ не разъясняетъ, что для доказательства того, что нѣкоторая линія представляетъ геометрическое мѣсто, должно доказывать двѣ теоремы: теорему о томъ, что всѣ точки, лежащія на разсматриваемой линіи, обладаютъ общимъ свойствомъ, и теорему обратную, и думаетъ, что одной теоремы достаточно для доказательства существованія геометрическаго мѣста.

На стр. 51 авторъ, не разъясняя, что нужно понимать подъ отношеніемъ двухъ однородныхъ величинъ въ случаѣ ихъ несоизмѣримости, находитъ приближенное значеніе этого отношенія, то-есть, приближенное значеніе чего-то такого, о чемъ еще не составлено никакого представленія. Этимъ недостаткомъ отличаются, впрочемъ, многіе русскіе авторы, которые не хотятъ понять, что, прежде чѣмъ приступить къ теоремамъ объ отношеніи величинъ въ случаѣ ихъ

несоизмѣримости, нужно выяснитъ представленіе о самомъ отношеніи.

На стр. 54 дается такое неточное опредѣленіе подобнымъ многоугольникамъ: два многоугольника подобны, если углы ихъ соответственно равны, а стороны одного (какія?) пропорціональны сторонамъ другаго.

На стр. 81 авторъ говоритъ, что периметръ вписаннаго многоугольника стремится, при извѣстномъ условіи, совпасть съ окружностью круга. Авторъ ошибается, ибо у периметра не можетъ быть такого стремленія, такъ какъ не существуетъ такой малой части окружности, которая могла бы совпадать съ какою ни есть частью прямой линіи. Вопросъ о стремленіи связанъ съ вопросомъ о разности, а авторъ знаетъ, что вопросъ о геометрической разности требуетъ представленія о совпадении.

Въ теоріи предѣловъ (стр. 81) авторъ говоритъ, что бесконечно большая величина обозначается знакомъ ∞ . Видимо, что авторъ смѣшиваетъ два понятія: понятіе о бесконечно большой величинѣ и понятіе о бесконечности.

Далѣе авторъ продолжаетъ: изъ даннаго нами опредѣленія предѣла переменнаго величинны слѣдуетъ, что если переменная величина x близка (?) къ своему предѣлу a , то она разнится отъ послѣдней (sic) на иѣкоторую бесконечно малую величину α . Замѣтимъ автору, что бесконечно малая величина всегда разнится отъ своего предѣла на бесконечно малую величину, близка ли она къ нему, или нѣтъ, и что это значитъ: „близка къ предѣлу“?

На стр. 87 авторъ хочетъ доказать не доказуемое, а именно теорему: окружность круга есть предѣлъ периметровъ, и т. д. Мы уже выше замѣтили автору, что окружность не можетъ быть предѣломъ периметровъ, и въ этомъ мѣстѣ геометріи должно быть введено новое понятіе,—понятіе о длинѣ окружности. Еслибы авторъ вздумалъ спросить, въ чемъ заключается ошибка въ его разсужденіяхъ при доказательствѣ вписанной quasi-теоремы, то мы ему отвѣтили бы, что ошибка заключается въ его желаніи разсматривать разность между окружностью и периметромъ, то-есть, разность между линіями, малѣйшія части которыхъ не совпадаютъ. Нѣкоторые авторы геометрій, и въ томъ числѣ г. Блюмбергъ, путаютъ два вопроса: вопросъ объ измѣреніи длины окружности и вопросъ объ измѣреніи площади круга. Площадь круга, дѣйствительно, есть предѣлъ площадей вписанныхъ многоугольниковъ, при извѣстномъ условіи, ибо тутъ можетъ быть вопросъ о разности, такъ какъ часть площади круга совпадаетъ съ площадью вписаннаго мно-

гоугольника. Аналогичныя замѣчанія должны быть сдѣланы автору по поводу измѣренія поверхности и объема цилиндра, поверхности и объема конуса, поверхности и объема шара.

На стр. 96 авторъ неполно формулируетъ теорему о площади круга, забывая прибавлять необходимое условіе неопредѣленнаго убыванія сторонъ и ограничиваясь только условіемъ неопредѣленнаго возрастанія числа ихъ.

Ограничиваемся выпиской недостатковъ разсматриваемаго сочиненія.

Книга г. Блюмберга, обладая недостатками, не обладаетъ однако такими достоинствами, присутствіе которыхъ необходимо въ хорошемъ учебникѣ геометріи. Къ числу подобныхъ отсутствій относится, напримѣръ, отсутствіе понятія о противоположной теоремѣ и о взаимной зависимости между прямою, обратной и противоположною теоремами, объ общемъ признакѣ существованія теоремъ, и вообще отсутствіе всякихъ упражненій въ формальной логикѣ, между тѣмъ какъ геометрія представляетъ много разнообразныхъ и простѣйшихъ примѣровъ подобныхъ упражненій. Дадимъ здѣсь вкратцѣ совѣтъ автору никогда не доказывать теоремы, обратной теоремѣ о смежныхъ углахъ, методомъ приведенія къ абсурду, а доказывать ее прямымъ доказательствомъ, подобно тому, какъ это сдѣлано у Русе и Комберуза. Каждый учащійся, если и не спроситъ, то непремѣнно подумаетъ, какъ же это предполагаютъ, что ABC прямая, а чертятъ не прямую. Доказавъ же теорему эту прямымъ путемъ, должно показать теорему противоположную способомъ приведенія къ абсурду, и тогда способъ этотъ сдѣлается совершенно ясенъ учащемуся.

Указанные выше недостатки, не соответствующіе пространному и многообъщающему предисловію, не даютъ разсматриваемому сочиненію права сдѣлаться учебнымъ руководствомъ.

Принимая однако во вниманіе, что большинство теоремъ доказано и формулировано правильно, простымъ, удобопонятнымъ языкомъ, мы должны признать, что разсматриваемая книга можетъ быть полезна при повтореніи геометріи, при приготовленіи къ экзаменамъ и, вообще, какъ справочная книга по элементарной геометріи.

Руководство прямолинейной тригонометріи и собраніе 1770 тригонометрическихъ задачъ, составилъ по руководствамъ Дебона, Тотгента, Snowball'я, Veasley, Шпитца, Жюльена и другихъ преподаватель Нижегородской губернской гимназій Иванъ Шенрокъ. Москва. 1838. Стр. 268. Цѣна 1 р. 35 коп.

Обиліе матеріала составляетъ одну изъ главныхъ особенностей Тригонометріи г. Шенрока. Въ „предисловіи“ авторъ говоритъ, что

онъ заботился о совмѣщеніи научной строгости съ простотою изложенія теоретическаго матеріала и о возможно большей системѣ въ распоряженіи практическихъ упражненій. Нельзя сказать, что такое стремленіе автора осталось безуспѣшнымъ — оно до нѣкоторой степени, имъ достигнуто; но и несмотря на достоинства многихъ частей, учебникъ этотъ, составленный по различнымъ образцамъ, представляетъ въ цѣломъ не что иное какъ сборникъ теоремъ и задачъ. Между теоремами не мало такихъ, которыя не встрѣчаются въ другихъ руководствахъ, но онѣ не необходимы для пониманія основныхъ тригонометрическихъ теоремъ и потому безъ всякаго ущерба могли бы быть опущены. Примѣромъ ихъ можетъ служить § 7 (стр. 11): „Дуга равная суммѣ какихъ-либо дугъ, имѣющихъ общее начало и отложенныхъ въ какихъ-либо направленіяхъ, будучи отложена отъ общаго начала, концемъ своимъ упадетъ въ точку пересѣченія окружности съ линіею, проведенною изъ общаго начала параллельно хордѣ, соединяющей концы двухъ разсматриваемыхъ дугъ“. Доказательствамъ теоремъ и вообще своимъ разсужденіямъ авторъ придаетъ характеръ возможно большей общности: такъ, напримѣръ, слагаемыя дуги въ упомянутой теоремѣ обозначены черезъ $\alpha + 2\pi q$ и $\beta + 2\pi r$, гдѣ α и β наименьшія положительныя дуги, имѣющія данныя крайнія точки, p и q произвольныя цѣлыя числа. Хотя это и представляетъ нѣкоторый интересъ, но избытокъ теоремъ и подробностей вредитъ цѣльности изложенія и отчетливому усвоенію главныхъ частей курса.

Обиліе деталей и недостаточная сосредоточенность частей Тригонометріи г. Шенрока дѣлаютъ неудобнымъ ея употребленіе въ качествѣ учебника; но она, во первыхъ, можетъ оказать не малую услугу преподавателямъ среднихъ учебныхъ заведеній, вслѣдствіе большаго разнообразія и значительнаго числа искусно составленныхъ задачъ, и воторыхъ, будетъ служить весьма полезнымъ пособіемъ для тѣхъ учениковъ, у которыхъ окажется достаточно любознательности и времени для подробнаго изученія тригонометріи.

Сборникъ тригонометрическихъ задачъ (съ изложеніемъ многихъ методовъ рѣшенія ихъ). Составилъ П. В. Преображенскій, преподаватель Московской 4-й классической гимназіи. Изданіе 2-е, исправленное и дополненное. Москва. 1888. Стр. 40. Цѣна 20 коп.

Названный сборникъ обращаетъ на себя вниманіе своею краткостью; ближайшее знакомство съ нимъ обнаруживаетъ въ немъ много весьма вѣскихъ достоинствъ. Въ „Предисловіи“ авторъ говоритъ: „Тригонометрія проходится обыкновенно двумя способами: или весь курсъ

изучается сразу, со всѣми подробностями; или же сначала проходитъ лишь самое существенное, для лучшаго усвоенія повторяется при рѣшеніи достаточнаго числа задачъ и затѣмъ уже къ этой прочной основѣ присоединяются различныя детали. Руководство и сборникъ составлены нами примѣнительно ко второму методу².

Дѣйствительно, на первыхъ двадцати-четыре-хъ страницахъ уже находимъ всѣ роды упражненій, существенно необходимыхъ для усвоенія какъ основныхъ началъ тригонометріи, такъ и ея приложений, а именно: задачи на соотношеніе тригонометрическихъ функцій, на вычисленіе тригонометрическихъ величинъ, на приведеніе выраженій къ удобному для логарифмированія виду, на рѣшеніе треугольниковъ и, сверхъ того, помѣщено весьма полезное примѣчаніе, относящееся до отысканія логарифмовъ въ таблицахъ и дѣйствій надъ ними. Вычисленіе тригонометрическихъ величинъ указано при помощи рядовъ, выражающихъ $\sin x$ и $\cos x$ посредствомъ длины дуги x , выраженной въ доляхъ радіуса; оно занимаетъ только двѣ страницы и можетъ быть выпущено безъ вреда для пониманія всего остальнаго.

За этими задачами слѣдуютъ дополненія, къ которымъ отвѣсы: а) задачи на рѣшеніе тригонометрическихъ уравненій, б) примѣчаніе, относящееся до рѣшенія треугольниковъ и с) рѣшеніе четырехугольниковъ. Послѣднія страницы сборника посвящены болѣе труднымъ задачамъ—для повторительнаго курса.

Слѣдовательно, расположеніе матеріала вполне соотвѣтствуетъ основной мысли автора и способствуетъ постепенному расширенію и укрѣпленію понятій. Характеръ задачъ также соотвѣтствуетъ той же мысли: на первыхъ 24 страницахъ помѣщены исключительно задачи легкія, доступныя для только-что познакомившагося съ основными положеніями тригонометріи; здѣсь же (стр. 21) встрѣчаемъ задача, относящаяся до приложенія тригонометріи къ географіи и къ физикѣ (задача 49. „Города С и D лежатъ на широтѣ $\alpha = 37^\circ$ и разность ихъ долготъ $\delta = 8^\circ$. Найдти дугу CD“—слѣдовало бы сказать, что подразумѣвается дуга параллели. Задача 54. „На прямолинейный рычагъ AOB, имѣющій точку опоры въ O, дѣйствуютъ уравновѣшивающіяся силы: $AP = p$ и $BQ = x$, Опредѣлить x , зная что $AO = a = 5$ ф. и $OB = b = 3$ ф., а углы $PAO = \alpha = 32^\circ 14'$ и $QBO = \beta = 41^\circ 56''$. Не смотря на всю легкость этой послѣдней задачи, указанъ путь ея рѣшенія). Полезность такого рода вопросовъ тѣсно связана съ ихъ простотой, потому что только при соблюденіи этого условія каждый обыкновенный ученикъ можетъ самостоятельно прилагать знаніе одного предмета къ другому.

Задачи, отнесенныя къ дополненіямъ, имѣютъ болѣе сложный характеръ, хотя и здѣсь постепенность ихъ усложненія и надлежащая классификація значительно облегчаютъ рѣшеніе. Въ главѣ А сначала помѣщены задачи, въ которыя входитъ только одна тригонометрическая функція, а затѣмъ такія, гдѣ требуется замѣна одной функціи ея выраженіемъ въ другой. Къ болѣе труднымъ задачамъ этого рода авторъ прилагаетъ полезныя объясненія и замѣчанія. Напримѣръ, на стр. 25 онъ говоритъ: „Если послѣ перенесенія всѣхъ членовъ въ первую часть уравненія, она распадается на множители, содержащіе неизвѣстную, то уравненію можно удовлетворить, приравнявъ эти множители нулю. Определенныя такимъ образомъ значенія неизвѣстнаго могутъ не удовлетворять данному уравненію, если они одинъ множитель обращаютъ въ нуль, а другой въ бесконечность“. На той же страницѣ другое важное замѣчаніе: „Возвышая уравненіе въ квадратъ, мы послѣ перенесенія членовъ въ первую часть всегда получаемъ эту часть распадающеюся на 2 множителя и только одинъ изъ нихъ, приравненный нулю, дастъ уравненіе, равносильное данному, другой же можетъ ввести постороннія рѣшенія“. Такого рода замѣчанія пріучаютъ любознательнаго ученика къ всестороннему разсмотрѣнію вопросовъ.

Весьма также полезны въ практическомъ отношеніи частныя приемы рѣшенія задачъ, сообщаемые П. В. Преображенскимъ въ томъ же отдѣлѣ (6, стр. 26).

Глава В дополненій вся посвящена развитію слѣдующей мысли: „Форма и величина треугольника, какъ извѣстно, опредѣляются тремя условіями, но одна форма (то-есть, углы) двумя. Весьма часто въ задачѣ два условія опредѣляютъ форму, и по третьему можно опредѣлить величину, и если даже всѣ три условія относятся и къ тому, и къ другому, то всегда можно по этимъ тремъ условіямъ составить два, опредѣляющія углы. Когда углы треугольника опредѣлены, то, какъ бы ни было разнообразно 3-е условіе, рѣшеніе вообще говоря уже весьма просто. Такой взглядъ на рѣшеніе треугольниковъ позволяетъ сводить весьма большое число задачъ къ сравнительно небольшому ихъ числу“. Нельзя не признать, что такая классификація условій можетъ принести весьма существенную пользу ученикамъ, которые вообще склонны видѣть различіе тамъ, гдѣ его въ сущности нѣтъ.

Третья глава (с) дополненій содержитъ въ себѣ задачи на рѣшеніе четырехугольниковъ. Здѣсь разсматриваются случаи, представляющіе нѣкоторыя трудности и въ то же время отличающіеся своею типичностью.

Задачи для повторительнаго курса раздѣлены на собственно тригонометрическія и задачи для совмѣстнаго повторенія геометріи и тригонометріи. Первые не многочисленны и не отличаются особенною оригинальностью, а послѣднія заслуживаютъ вниманія, такъ какъ дополняютъ знаніе геометріи и явственно обнаруживаютъ отношеніе къ ней тригонометріи. То же замѣчаніе можетъ относиться къ нѣкоторымъ задачамъ физики, помѣщеннымъ на послѣднихъ страницахъ сборника.

Для еще большаго выясненія достоинствъ этого сборника, его полезно сравнить съ болѣе обширными и считающимися наилучшими, напримѣръ, съ трудомъ И. Верещагина: „Собраніе вопросовъ и задачъ прямолинейной тригонометріи, для гимназій и реальныхъ училищъ“. Не смотря на то, что объемъ послѣдняго 307 страницъ, а въ сборникѣ П. В. Преображенскаго только 40 страницъ, онъ содержитъ въ себѣ всѣ типы задачъ, встрѣчающихся въ книгѣ И. Верещагина; разница только въ числѣ задачъ, въ ихъ меньшей сложности и замысловатости. Но для усвоенія навыка въ рѣшеніи тригонометрическихъ задачъ, впливъ достаточно тѣхъ, которыя помѣщены въ сборникѣ П. В. Преображенскаго. Это, конечно, говоритъ въ пользу разсматриваемаго задачника и заставляетъ желать ему полнѣйшаго успѣха.

Недостатки книги незначительны и не многочисленны. Къ заслуживающимъ упоминанія слѣдуетъ отнести: 1) употребленіе словъ, не получившихъ права гражданства въ учебникахъ тригонометріи (функція, аргументъ); эти слова могутъ оказаться непонятными ученикамъ, такъ какъ ихъ нѣтъ въ руководствахъ, по которому они изучаютъ тригонометрію; притомъ нѣтъ никакой необходимости вводить эти слова въ элементарную часть математики. 2) Неудачное письмо тригонометрическихъ названій: S_n , C_s , tq , ctg , sc , Csc , вмѣсто общепринятыхъ: $\sin$, $\cos$. и т. под.; весьма желательно, чтобъ авторъ въ слѣдующемъ изданіи своего сборника отбросилъ это искаженіе тригонометрическихъ формулъ. Не удачно также изображеніе дробнаго числа секундъ; авторъ пишетъ, напримѣръ (стр. 3), 2, 14" вмѣсто 2", 14 или 16, 292" вмѣсто 16", 292 и т. под. Слогъ требуетъ улучшенія.

СОВРЕМЕННАЯ ЛѢТОПИСЬ.

ЗАМѢТКИ О ПРЕПОДАВАНІИ РОМАНСКОЙ ФИЛОЛОГИИ И ФРАНЦУЗСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ ВЪ ПАРИЖѢ ¹⁾.

Пріѣхавъ въ Парижъ въ началѣ марта 1888 года, я имѣлъ въ виду двоякаго рода цѣль: съ одной стороны, присмотрѣться къ преподаванію романской филологіи въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ въ Парижѣ и прослушать курсы нѣкоторыхъ изъ профессоровъ, съ другой—собрать матеріалы для диссертациі. Излагаю здѣсь свои наблюденія по первому вопросу, имѣющему болѣе общій интересъ.

Я пріѣхалъ во время пасхальныхъ каникулъ, послѣ которыхъ начинается новый семестръ; но это раздѣленіе на семестры чисто внѣшнее, и почти всѣ профессора продолжаютъ въ лѣтнемъ семестрѣ тѣ же курсы, какіе начали въ зимнемъ. Профессора обязуются лишь прочесть въ теченіе года извѣстное число лекцій (напримѣръ, въ Collège de France количество лекцій опредѣлено въ 40, и т. п.), при чемъ отъ нихъ зависитъ распредѣленіе недѣльныхъ часовъ и, до извѣстной степени, сроки начала и конца чтеній ²⁾, а также выборъ предмета и распредѣленіе занятій въ томъ или другомъ полугодіи. Такимъ образомъ мнѣ приходилось слушать лекціи съ сере-

---

¹⁾ Извлечено изъ отчета о занятіяхъ командированнаго за границу для приготовленія къ профессорскому званію приватъ-доцента С.-Петербургскаго университета магистранта *Ө. Ватюшкова*.

²⁾ Учебный годъ обнимаетъ время приблизительно отъ половины ноября до половины іюля.

дины курса и только по нѣкоторымъ предметамъ чтенія были начаты съ новаго отдѣла.

Высшее преподаваніе словесныхъ наукъ сосредоточено въ Парижѣ, какъ извѣстно, въ четырехъ учрежденіяхъ, не считая *École Normale*, нынѣ почти утратившей значеніе самостоятельной школы ¹⁾, и не считая *École des langues orientales vivantes*, въ которой только занятія румынскимъ языкомъ (проф. Em. Picot) имѣютъ отношеніе къ романской филологіи. Въ четырехъ упомянутыхъ учрежденіяхъ, то-есть, въ Сорбоннѣ, въ *Collège de France*, въ *École des chartes* и въ *École pratique des hautes études*, характеръ преподаванія нѣсколько разнится, въ связи съ различною цѣлью и назначеніемъ того или другаго учрежденія. Однако, въ виду того, что одни и тѣ же профессора читаютъ одновременно въ разныхъ заведеніяхъ, и что слушателямъ предоставлено право посѣщать лекціи, по желанію, въ любомъ изъ этихъ заведеній, между ними нѣтъ рѣзкой обособленности. Напротивъ того, при выборѣ извѣстной группы предметовъ, является дѣже необходимымъ посѣщать одновременно разныя школы. По отношенію къ романской филологіи слѣдуетъ замѣтить что эта, сравнительно новая, научная отрасль до сихъ поръ еще не имѣетъ самостоятельной кафедръ въ Сорбоннѣ. Правда, въ послѣдней существуетъ кафедра средневѣковой французской литературы и языка, которую занималъ въ 1888 г. проф. Арс. Дармстетеръ ²⁾; но онъ читалъ исключительно лишь исторію французскаго языка, не касаясь общихъ вопросовъ романской филологіи. Въ данномъ полугодіи Дармстетеръ разбиралъ со студентами „*Chanson de Roland*“ и читалъ теоретическій курсъ исторіи языка, которую доводилъ примѣрно до XVI вѣка. Несомнѣнно, лекціи этого прекраснаго знатока и исследователя въ области исторіи французскаго языка представлялись весьма интересными, но такъ какъ я уже занимался памятникомъ, избраннымъ для разбора Дармстетеромъ, то и не считалъ необходимымъ постоянно посѣщать его лекціи. Дармстетеръ является уже ученикомъ г. Гастона Париса, подъ руководствомъ котораго ведутся занятія романскою филологіей

¹⁾ Студенты *École Normale* слушаютъ лекціи въ Сорбоннѣ и только по нѣкоторымъ предметамъ имѣютъ своихъ специальныхъ преподавателей. Такимъ образомъ школа эта сохранила лишь значеніе интерната, преподаваніе же въ ней университетское.

²⁾ Арс. Дармстетеръ скончался въ началѣ 1889 года. Мы слышали, что кафедру, которую онъ занималъ, предполагаютъ раздѣлить, при чемъ введено будетъ преподаваніе романской филологіи, какъ самостоятельной дисциплины знанія.

въ Collège de France и въ École des hautes études. Такъ какъ этотъ ученый занимаетъ въ настоящее время одно изъ первыхъ мѣстъ въ ряду романистовъ, является до известной степени родоначальникомъ цѣлой школы, и въ области изученія старо-французской литературы и языка, несомнѣнно, долженъ быть признанъ лучшимъ знатокомъ, то его курсы представляли для меня особый интересъ. Ниже я даю объ нихъ подробный отчетъ. Рядомъ съ нимъ долженъ быть поставленъ его постоянный сотрудникъ по издаваемому ими журналу *Romania*, проф. Поль Мейеръ (директоръ École des chartes), который преимущественно занимается языкомъ и литературою южной Франціи (Прованса) и древне-италианскою литературою и языкомъ. П. Мейеръ въ лѣтнемъ семестрѣ не читалъ въ Collège de France (замѣстителемъ его былъ г. Морель-Фасьо, читавшій курсъ испанской литературы), ограничиваясь лекціями въ École des Chartes.

Школа эта является настоящимъ очагомъ романской филологіи во Франціи, хотя ближайшее назначеніе ея сводится къ болѣе скромной задачѣ-образовать ученыхъ архивистовъ. Между ними выдѣлился цѣлый рядъ весьма почтенныхъ изслѣдователей, и почти всѣ выдающіеся современные французскіе филологи являются питомцами École des chartes. Система преподаванія въ этой школѣ, по выраженію пр. Л. Готье ¹⁾, синтетическая, въ отличіе отъ которой въ École des hautes études принята система аналитическая, то-есть, слушатели прямо приступаютъ къ разбору отдѣльныхъ памятниковъ и разсмотрѣнію частныхъ вопросовъ, тогда какъ въ École des chartes они слушаютъ предварительно рядъ общихъ курсовъ. Синтетическая система полезнѣе для начинающихъ, такъ какъ она помогаетъ ориентироваться въ новой области изысканій и знакомитъ съ общими руководящими принципами науки. Впрочемъ въ теченіе трехлѣтняго курса ученики École des chartes не ограничиваются слушаніемъ лекцій, но должны представлять домашнія работы и сочиненіе, въ которомъ уже выступаютъ болѣе или менѣе самостоятельными работниками въ данной области изысканій. Дабы не стѣснять домашнія работы учениковъ и предоставить имъ возможность посѣщать, по желанію, другія высшія учебныя заведенія, число лекцій на каждомъ курсѣ очень ограниченное: отъ пяти до семи полудлительныхъ

¹⁾ Пр. Л. Готье посвящаетъ ежегодно вступительную лекцію краткому обзору исторіи École des chartes и ея организаціи. Намъ пришлось слышать ее уже въ декабрѣ 1888 года.

выхъ чтеній. Число ихъ еще уменьшается на послѣднемъ курсѣ такъ какъ въ теченіе его обыкновенно пишутся диссертациі.

Общій вводный курсъ романской филологіи читается на первомъ курсѣ г. П. Мейеромъ (2 лекціи въ недѣлю). Онъ начинается съ обзорѣнія и группировки романскихъ народностей и нарѣчій; затѣмъ, упоминая о главныхъ основахъ изученія романской филологіи, читаетъ сравнительную грамматику старо-французскаго и провансальскаго языковъ. Лекціи П. Мейера отличаются чрезвычайною ясностью и точностью изложенія. Предназначенныя для начинающихъ, онѣ содержатъ въ себѣ наиболѣе существенныя данныя предмета, при чемъ П. Мейеръ знакомитъ своихъ слушателей и съ методомъ изслѣдованія, подвергая критическому разсмотрѣнію тѣ или другія научныя гипотезы. Замѣчу, что элементарный курсъ П. Мейера нѣсколько разнится по характеру преподаванія отъ подобныхъ же курсовъ, которые мнѣ приходилось слушать въ германскихъ университетахъ. Между тѣмъ какъ нѣмецкіе профессора съ подавляющею обстоятельностью повторяютъ то, что имѣется въ учебникахъ и руководствахъ, почти не разбирая научныхъ вопросовъ по существу, и ограничиваются лишь указаніемъ библіографіи предмета, во Франціи библіографія вопроса излагается съ меньшою подробностью; за то обращается особое вниманіе на точную и ясную формулировку данныхъ науки и критическую провѣрку ихъ ¹⁾. П. Мейеръ выдѣляетъ въ своихъ лекціяхъ нѣкоторые вопросы, обсужденіе которыхъ требовало бы болѣе спеціальной подготовки отъ слушателей и слишкомъ детальнаго разсмотрѣнія. Онъ не обходитъ ихъ, а именно выдѣляетъ, вслѣдствіе чего его курсъ, будучи элементарнымъ по назначенію, сохраняетъ строго-научный характеръ. Относительно методичности занятій П. Мейеръ обнаруживаетъ большую строгость, которая въ спеціально-филологическихъ разысканіяхъ имѣетъ, конечно, большое значеніе. Познакомившись съ методомъ пре-

¹⁾ Конечно, и въ Германіи есть профессора, которые, не злоупотребляя излишнею обстоятельностью въ перечисленіи библіографіи вопроса, излагаютъ предметъ по существу и вносятъ критическій элементъ въ свои чтенія. Въ такомъ родѣ, напримѣръ, лекціи Бругманна по сравнительному языковеденію. Но въ общемъ нельзя не признавать, что забота о полнотѣ библіографіи часто невыгодно отражается у германскихъ профессоровъ на изложеніи предмета, развивая и у слушателей склонность довольствоваться внѣшними свѣдѣніями о предметѣ, заучиваніемъ чужихъ мнѣній вмѣсто того, чтобы усвоивать себя суть дѣла.

подаванія П. Мейера на его лекціяхъ, я кромѣ того очень обязанъ этому профессору тѣми указаніями, которыя я получалъ отъ него въ частныхъ бесѣдахъ. Его обширныя познанія въ области старинныхъ рукописей, хранящихся въ разныхъ библіотекахъ Франціи, Англіи и Италіи, составляютъ его главную силу, ибо имъ впервые были приведены въ извѣстность и описаны многіе неизданные памятники языка и литературы. Будучи нѣсколько рѣзокъ въ своихъ отзывахъ и скептикъ по натурѣ, П. Мейеръ сначала склоненъ выказывать нѣкоторое недоувѣріе къ попыткамъ занятій въ области, особенно ему близкой; но, при ближайшемъ знакомствѣ съ нимъ, я вполне оцѣнилъ его любовную готовность помочь совѣтами и указаніями, охотно обсуждая тотъ или другой спеціальнѣйшій вопросъ, интересующій его собесѣдника. Параллельно курсу романской филологіи, ученики *Ecole des chartes* проходятъ съ перваго же года курсъ палеографіи (французской и латинской) подъ руководствомъ профессора Л. Готье, а затѣмъ переходятъ къ слушанію лекцій по исторіи Франціи, которая преподается преимущественно со стороны литературныхъ источниковъ и исторіи организаціи государственныхъ учрежденій. Такимъ образомъ, данная школа, не теряя изъ виду своего спеціальнаго прикладнаго назначенія, даетъ солидное филологическое образованіе, подготовляющее и къ строго-научной дѣятельности.

Другая высшая школа—*Ecole pratique des hautes études*—является въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ пополненіемъ къ *École des chartes*, но учрежденіе ея (въ 1868 г.) было вызвано главнымъ образомъ неудовлетворительною постановкой научнаго преподаванія въ Сорбоннѣ. *École des hautes études* не имѣетъ строго установленной, цѣльной программы преподаванія; въ ней слушаются отдѣльные предметы, которые выбираются по желанію; но посѣщеніе лекцій ограничено тѣмъ, что слушатели допускаются лишь по личному разрѣшенію преподавателей. Такимъ образомъ на обязанности послѣднихъ лежитъ опредѣленіе степени подготовки лица, заявляющаго желаніе записаться въ ученики школы, равно какъ и дальнѣйшее руководство его занятіями по избранному предмету. Принципъ преподаванія въ этой школѣ, какъ указано, аналитическій: общихъ курсовъ въ ней не читается (за немногими исключеніями), но ведутся практическія упражненія подъ руководствомъ профессора. Въ этомъ отношеніи организація *École des hautes études* отчасти соотвѣтствуетъ практическимъ семинаріямъ, существующимъ при разныхъ германскихъ университетахъ: только въ Парижѣ семинаріи выдѣлены въ

особую школу, которая является какъ бы высшею инстанціей академическаго преподаванія. Свободная отъ всякаго рода прикладныхъ задачъ, она служитъ цѣлямъ чистаго знанія, готова работникамъ на поприще чистой науки. Приведу слова директора школы г. Гастона Париса, сказанныя имъ въ рѣчи по поводу празднованія двадцатилѣтія существованія *École des hautes études* ¹⁾: „Насъ всѣхъ связываетъ страстная любовь и безкорыстное исканіе истины въ области исторіи. Ничто такъ не разъединяетъ людей, какъ притязаніе на обладаніе истиною; но ничто такъ не связываетъ ихъ, какъ дѣйствительно искреннее исканіе истины. Этому-то исканію истины, ради ея самой и только ради ея, мы посвятили свою жизнь. Знать и понимать то, что было,—вотъ въ чемъ заключается цѣль нашихъ учениковъ, когда они къ намъ приходятъ; разъяснить и растолковать то, что было,—вотъ къ чему сводится наша задача, когда мы ихъ принимаемъ, и вмѣстѣ съ ними мы продолжаемъ и сами искать“. Такой культъ истины составляетъ отрадное явленіе въ жизни Франціи, какъ и всякаго другаго государства, такъ какъ значеніе его врядъ ли можетъ быть подвержено сомнѣнію. Оно прекрасно было формулировано тѣмъ же Гастономъ Парисомъ въ слѣдующихъ выраженіяхъ: „Историческія науки могутъ порою казаться почти праздною забавою сравнительно съ тѣми чудесными отраслями знанія, которыя, дѣлая ежедневно новыя открытія во внѣшнемъ мірѣ, подчиняютъ природу разуму; но на самомъ дѣлѣ ихъ значеніе можетъ быть еще больше, такъ какъ, раскрывая намъ законы и условія развитія нравственнаго міра, они способствуютъ подчиненію самого человѣка разуму и въ то же время освобождаютъ его отъ тысячи преградъ, унижительныхъ или опасныхъ; они создаютъ каждому народу, какъ и отдѣльному лицу, его настоящее сознаніе“.

Я уже имѣлъ случай высказаться о взглядахъ и трудахъ Гастона Париса по исторіи французской литературы, по поводу обнаруженнаго имъ прошлою весною „*Manuel de l'ancien français*“ ²⁾, теперь я остановлюсь на его дѣятельности, какъ преподавателя, по поводу прослушанныхъ у него курсовъ.

Одинъ часъ въ недѣлю Гастонъ Парисъ посвящаетъ занятіямъ романскою лексикографіей. Такого рода упражненія, которыхъ я не

¹⁾ Рѣчь Гастона Париса напечатана въ *Journal des débats*, 1-er janvier 1889.

²⁾ См. *Журн. Мин. Народн. Пр.* 1888 г., августъ.

видѣль въ германскихъ университетахъ, обычны во Франціи и по другимъ группамъ языковъ¹⁾; они представляютъ особое преимущество именно по романской филологіи, такъ какъ словообразование и дифференціація значенія, перебой звуковъ и т. п. въ разныхъ романскихъ нарѣчіяхъ могутъ быть прослѣжены съ большою наглядностью, чѣмъ въ такъ-называемыхъ „первичныхъ“ языкахъ. Упражнения эти, такимъ образомъ, полезны и съ методологической стороны, не говоря уже о той главной пользѣ для сознательнаго усвоенія строя и развитія романскихъ нарѣчій, которая достигается при сравнительномъ изученіи ихъ лексическаго состава. Разумѣется, къ подобнымъ занятіямъ нельзя приступать безъ предварительной подготовки и Гастонъ Парисъ допускаетъ къ нимъ только тѣхъ, кто уже прослушалъ курсъ фонетики и исторіи одного или нѣсколькихъ романскихъ языковъ.

Въ настоящемъ семестрѣ Г. Парисъ выбралъ для лексикографическихъ упражненій провѣрку словаря народной латыни, который печатается Греберомъ въ *Archiv für lateinische Lexicographie* (съ 1885 года). Каждому слушателю предлагалось взять по 20—30 словъ и провѣрить Гребера на основаніи формъ, встрѣчающихся въ разныхъ романскихъ нарѣчіяхъ. Г. Парисъ въ свою очередь дополнял критическими замѣчаніями доклады учениковъ. Чтобы сдѣлать понятнѣе характеръ этихъ работъ, я долженъ сказать нѣсколько словъ о самомъ трудѣ Гребера.

Общезвѣстный фактъ, что романскія нарѣчія возникли не изъ классической, а изъ народной латыни, вызвалъ со времени Дидеа весьма дѣятельное изученіе предполагаемой основы романскихъ нарѣчій. Капитальный трудъ Шухардта „*Vocalismus des Vulgärlateins*“ (1866, три тома) во многомъ уяснилъ процессы образованія романскихъ звуковъ и отличительныя черты ихъ общей основы. Дальнѣйшія работы по этому предмету указаны въ статьѣ В. Мейера о народной латыни въ *Grundriss d. Roman. Philologie*, hrg. von Groeber, Bd. II (1887). Восстановленіе архаичныхъ формъ и звуковъ оказывается возможнымъ только при сравнительномъ изученіи разныхъ романскихъ нарѣчій, причемъ мы должны принять произношеніе латыни отличнымъ въ разговорномъ и простонародномъ языкѣ отъ того произношенія, которое устанавливалось въ рѣчи литературной, въ тѣхъ слу-

¹⁾ Напримѣръ, профессоръ Леже велъ подобныя же упражненія по славянскимъ нарѣчіямъ въ Collège de France.

чаяхъ, когда латинское слово, встрѣчающееся у того или другого писателя классической эпохи, не могло непосредственно служить прототипомъ романскихъ формъ; признавая законность и послѣдовательность звуковыхъ перебоевъ, мы должны предположить либо иную акцентуацію въ народной рѣчи, либо отличія фонетическія, либо одновременно и то и другое для опредѣленія основнаго слова. Въ другихъ случаяхъ мы принуждены этимологически возстановлять слово, не засвидѣтельствованное въ письменныхъ памятникахъ и вполнѣ чуждое классическому языку. Помощью подобныхъ лингвистическихъ операций и руководствуясь тѣми скудными свѣдѣніями о народной латини, которыя почерпаются у авторовъ первыхъ вѣковъ христіанской эры, удается возстановить искусственнымъ путемъ языкъ, послужившій общюю основою романскихъ нарѣчій. Словарь этого языка нынѣ печатается Грёберомъ въ вышеуказанныхъ статьяхъ Архива Вельфлина, при чемъ составитель исключаетъ изъ своего списка всѣ тѣ слова, которыя, судя по ихъ романскимъ формамъ, были одинаково присущи литературному и народному языку. Но Грёберъ внесъ въ свою работу новый принципъ, который имѣетъ весьма важное значеніе для исторіи народной латини. Теорія его заключается въ слѣдующемъ: Латинскій народный языкъ въ живомъ устномъ обращеніи подвергался постепенному ряду фонетическихъ и морфологическихъ измѣненій, которыя всего быстрѣе и полнѣе совершались именно на почвѣ Италіи, гдѣ онъ былъ исконнымъ, туземнымъ языкомъ. Между тѣмъ въ провинціяхъ, куда этотъ языкъ былъ перенесенъ римскими завоевателями и усвоенъ завоеванными, замѣчается бѣльшая устойчивость въ сохраненіи формъ и словъ, которыя удерживаютъ свой архаичный характеръ и много позже подвергаются мѣстнымъ модификаціямъ, уже подъ вліяніемъ другихъ историческихъ условій. Этотъ фактъ чрезвычайно любопытенъ и имѣетъ рядъ параллелей въ другихъ проявленіяхъ умственной и общественной жизни. Напомню судьбу французскаго эпоса въ Италіи и, съ другой стороны, устойчивость архаичныхъ учреждений, напримѣръ, въ Исландіи, куда они были занесены изъ Норвегіи. Такихъ примѣровъ много, и законъ, принятый во вниманіе Грёберомъ, не столько новъ самъ по себѣ, сколько ново и удачно его примѣненіе къ исторіи образованія романскихъ нарѣчій. Дѣйствительно, основываясь на данномъ наблюденіи, мы получаемъ крайне интересные результаты. Достаточно припомнить хронологію римскихъ завоеваній, чтобы установить приблизительные сроки существованія той или другой формы, того или

другаго слова въ народной латини, и убѣдиться, что въ провинціи, завоеванныя въ разные времена, завоеватели приносили съ собою языкъ, находящійся на разныхъ стадіяхъ развитія. Такимъ образомъ, слѣдуя регрессивному порядку, мы прежде всего признаемъ, что въ Италиі языкъ представляется наиболѣе отдалившимся отъ первоначальной основы. Нѣсколько архаичнѣе является тотъ народный языкъ, который былъ перенесенъ въ области, подвергшіяся романизациі въ эпоху императоровъ, и послужилъ основою румынскаго и ретороманскихъ языковъ. Еще менѣе видоизмѣненная латынь проникла въ области, покоренныя римлянами въ республиканскую пору— въ Галлію, южную Францію и Испанію. Наконецъ, языкъ, едва отличившійся отъ архаичной латини, былъ перенесенъ въ Сардинію. Относительно Сициліи авторъ дѣлаетъ оговорку, что сицилійское нарѣчіе рано подверглось вліянію южно-италіанскихъ, также какъ въ галло-италіанскихъ областяхъ отразилось вліяніе центрально-италіанскаго. Такимъ образомъ, мы видимъ, что не смотря на общую основу романскихъ языковъ, обособленію ихъ являются ископными фактомъ и началось со времени романизациі первыхъ римскихъ провинцій внѣ Италиі. Не одна и та же латынь привносилась завоевателями и служила ближайшею основой вновь развившихся романскихъ нарѣчій. Но въ виду постоянныхъ сношеній, существовавшихъ между Римомъ и провинціями, нужно принять во вниманіе еще тотъ фактъ, что первоначальный составъ языка первыхъ римскихъ поселенцевъ постоянно осложнялся приливомъ новыхъ словъ и выраженій, приносимыхъ повиднѣйшими пришельцами изъ Рима. Это возраженіе, которое Грѣберъ самъ себѣ дѣлаетъ, затрудняетъ установленіе первоначальнаго состава латини, такъ какъ приходится различать возможные наслоенія. Какъ бы то ни было, руководствуясь указанными соображеніями, мы получаемъ слѣдующіе вѣроятные результаты относительно хронологіи данной формы слова: когда мы находимъ совпаденіе между сардинскимъ, испанскимъ, португальскимъ, каталонскимъ, провансальскимъ, французскимъ, ретороманскимъ и румынскимъ, и отличіе въ италіанскомъ, то можемъ признать существованіе данной народно-латинской формы приблизительно около 100 года по Р. Хр. Если отличіе замѣчается—не только въ италіанскомъ, но и въ румынскомъ, а совпаденіе—въ другихъ нарѣчійяхъ, то данная народно-латинская форма была въ употребленіи лишь до начала I-го вѣка по Р. Хр. Устанавливая такую таблицу, мы наконецъ доходимъ до случая, когда совпаденіе замѣчается лишь въ Сардинскомъ

и въ Испанскомъ, а отличие—въ остальныхъ нарѣчіяхъ, и тогда можемъ заключить о томъ, что эта форма существовала въ народной латыни за 200 лѣтъ до Р. Хр. Если же между италіанскимъ и латинскимъ нѣтъ разницы, то стало быть, не было ея и между народнымъ и литературнымъ языкомъ римлянъ. Указанная теорія, чрезвычайно остроумная и важная по тому новому принципу, который она внесла въ изученіе народной латыни, служитъ основаніемъ Грѣберу для опредѣленія „народно-латинскихъ субстратъ для романскихъ словъ“. Разумѣется, въ его трудѣ могли оказаться погрѣшности или спорные пункты, провѣрка которыхъ и составляла ближайшую цѣль занятій подъ руководствомъ Г. Париса. Послѣдній пользовался случаемъ и для того, чтобы подвергнуть обсужденію разные фонетическіе законы романскихъ нарѣчій, такъ что критическая провѣрка данныхъ Грѣбера служила одновременно провѣркою разныхъ вопросовъ романистики. Въ виду временной отлучки Г. Париса на съѣздъ въ Болонью, въ лѣтній семестръ 1888 года разобрано было лишь по 20—30 словъ изъ семи буквъ словаря; но этого было все-таки достаточно, чтобы освоиться съ приемами критики и оцѣнить мастерской методъ профессора. Подобнаго рода занятія я считаю чрезвычайно полезными; для дополненія ихъ необходимо приглядываться и къ тому, какъ Г. Парисъ ведетъ лексикологическія упражненія, разбирая латинороманскія глоссы или памятники мервингской латыни. Онъ предложилъ на обсужденіе одинъ такой памятникъ, изданный Boucherie (*Cinq formules latines du VIIe sc.*), но за пеймѣніемъ времени текстъ былъ разсмотрѣнъ лишь на одной заключительной лекціи въ іюнѣ мѣсяцѣ.

Параллельно указаннымъ занятіямъ, упомяну о курсѣ грамматики народной латыни, который въ 1888 году былъ порученъ еще совѣмъ молодому докторанту—г. Muret. Курсъ этотъ имѣетъ практическое значеніе, какъ общее введеніе въ романскую филологію. При этомъ слѣдуетъ не столько удѣлять вниманія тѣмъ вопросамъ, которые ближе интересуютъ латинистовъ по специальности, сколько указывать въ народной латыни тѣ существенно важные для романиста процессы, которые привели къ образованію ново-романскихъ языковъ. Теперешнее обособленіе ихъ на столько рѣзко, что общая основа ихъ почти ступшевывается; между тѣмъ, если намѣтить общіе основныя (фонетическіе и морфологическіе) процессы видоизмѣненій народной латыни, то мы получимъ ключъ къ ориентированію въ разныхъ романскихъ языкахъ. Знаніе ихъ этимъ еще, очевидно, не

достигнется, но будетъ облегчена предварительная работа, и дальнѣйшее усовершенствованіе въ томъ или другомъ языкѣ будетъ завистъ отъ личнаго желанія.

Кромѣ указаннхъ занятій въ *École des hautes Etudes*, Г. Парисъ посвящалъ еще одинъ часъ въ недѣлю (по воскресеньямъ) изученію памятниковъ древне-французской лирики. Эти занятія велись у профессора на дому и соответствовали какъ бы старшему курсу нѣмецкихъ семинарій. Въ началѣ зимняго семестра (до моего пріѣзда) разсмотрѣны были нѣкоторые тексты по изданію Барча: *Altfranzösische Romanzen und Pastourelles* и было сдѣлано общее обзорнѣе лирической поэзіи во Франціи XIII вѣка. Затѣмъ слушателямъ предложено было рядъ вопросовъ, на которые давались письменные отвѣты. Такъ какъ я раньше нѣсколько занимался даннымъ отдѣломъ французской литературы, то могъ присоединиться къ слушателямъ въ серединѣ курса, то-есть, съ начала лѣтняго семестра. Въ моемъ присутствіи прослушано было восемь рефератовъ, причемъ одинъ изъ нихъ не имѣлъ впрочемъ прямого отношенія къ французской лирикѣ и касался рыцарскихъ романовъ (они составляли предметъ занятій предшествовавшаго учебнаго года). Особенно интересны были чтенія г. Жапгоу, который готовится къ печати обширный трудъ по исторіи средневѣковой французской лирики. Онъ прочелъ нѣсколько главъ изъ своего изслѣдованія о взаимоотношеніи лирики французской и провансальской, отчасти принимая во вниманіе итальянскую, испанскую и португальскую, въ которыхъ г. Жапгоу усматриваетъ отголоски утраченныхъ во французской литературѣ старинныхъ народныхъ пѣсней. Прослушана была еще работа одного нѣмецкаго докторанта объ отношеніи нѣмецкаго поэта Нидгарта къ французскимъ и провансальскимъ трубадурамъ; затѣмъ—рефератъ г. de Grave (голландца) о тѣнцонахъ и *jos-partitz*; рефератъ г. Валленшѣльда (изъ Гельсингфорскаго университета) о нѣкоторыхъ рукописяхъ сборниковъ пѣсней XIII вѣка; рефератъ г. Galino (румына) о музыкѣ древне-французскихъ лириковъ и объ отношеніи мелодіи къ разнѣрамъ стихосложенія и т. п. Всѣ представленныя работы были выполнены добросовѣстно, хотя, конечно, были неодинаковаго достоинства. Передъ началомъ чтеній Г. Парисъ вкратцѣ резюмировалъ положеніе вопроса и точку зрѣнія референта (такъ какъ представляющія работы прочитывались имъ заранее), и нужио признать, что эти краткія введенія стоили настоящихъ лекцій; по рельефности, точности и мѣткости формулировки они не оставляли желать ничего лучшаго и

сразу вводили слушателей въ сущность дѣла. Послѣ чтенія профессоръ дѣлалъ свои замѣчанія, какъ по существу, такъ и по формѣ. Чрезвычайно снисходительный къ погрѣшностямъ языка въ устахъ иностранца, онъ все таки настаивалъ на ясности и точности выраженій, качествахъ, которыми отличаются французскіе изслѣдователи вообще, и которыя справедливо ими цѣнятся. Быть можетъ, на форму изложенія порой обращаютъ даже слишкомъ много вниманія, но не вдаваясь въ крайность, нельзя не признать значенія за этою заботой. Мнѣ доводилось слушать отвѣты студентовъ на экзаменахъ, и здѣсь выступали на первый планъ тѣ же требованія удовлетворительной формы изложенія: въ результатѣ оказывается, что въ общемъ большинство преподавателей и даже студентовъ прекрасно владѣютъ языкомъ и весьма внимательно относятся къ способу выраженія.

Въ *École des hautes Études* я принималъ еще участіе въ занятіяхъ испанскимъ языкомъ у профессора Морель-Фасьо. Текстомъ для чтенія служилъ сборникъ, извѣстный подъ именемъ *Sançionero de Vaïna*. Сравнивались изданія Фр. Мишеля и Пидала, причемъ преподаватель дѣлалъ исправленія къ нимъ на основаніи рукописи, хранящейся въ національной бібліотекѣ. Методъ преподаванія Морель-Фасьо тотъ же, который установленъ романистами и общепринятъ для научныхъ занятій романскою филологіей, то-есть, каждое слово разбиралось съ этимологической и фонетической стороны, указывались діалектическія особенности и т. п. Область испанскаго языка и литературы наименѣе разработана, и критическихъ изданій старокастильскихъ текстовъ почти нѣтъ. Единственный сводный трудъ по испанскому языку Ферстера—во многихъ отношеніяхъ неудовлетворителенъ; особенно сбивчивъ у него отдѣлъ о діалектическихъ особенностяхъ нарѣчій Испаніи. Въ виду того практическія занятія у Морель-Фасьо, прекраснаго знатока испанскаго, португальскаго и каталонскаго языковъ, имѣли особый интересъ. Упомяну здѣсь же, что въ зимнемъ семестрѣ 1888—1889 года Морель-Фасьо разбиралъ древне-испанскую поэму объ Алоксандрѣ Воликомѣ, сравнивая текстъ, изданный Санчесомъ, съ вновь найденнымъ болѣе древнимъ спискомъ поэмы. Параллельно этимъ занятіямъ, онъ читалъ обзоръніе памятниковъ древне-кастильской литературы, предназначенное для тѣхъ изъ его слушателей, которые не были еще знакомы съ исторіею испанской литературы. Въ этомъ зимнемъ семестрѣ Г. Парисъ руководилъ занятіями критикою текстовъ у себя на дому, временно прекративъ лексикографическія упражненія. Не имѣвъ еще случая при-

нимать участіе въ подобныхъ работахъ, я съ особымъ удовольствіемъ откликнулся на любезное предложеніе г. Париса посвятить нѣсколько лекцій разсмотрѣнію рукописей древне-французской поэмы „Le débat du corps et de l'âme“, по сдѣланнымъ мною спискамъ. Теорія классификаціи рукописей сама по себѣ очоь проста, но въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ ея примѣненія встрѣчаются трудности, которыя часто остаются непреодолимыми, вслѣдствіе скудости нашихъ свѣдѣній о средне-вѣковыхъ нарѣчіяхъ. Результаты занятій надъ даннымъ памятникомъ я надѣюсь изложить въ особой статьѣ; здѣсь же ограничусь замѣчаніемъ, что, хотя я впоследствии отказался отъ намѣренія передать поэму въ виду того, что новое изданіе уже принято было раньше меня профессоромъ Эрлангенскаго университета Фарихагеномъ (о чемъ я узналъ лишь въ февралѣ), уроки г. Париса были мнѣ весьма полезны въ методическомъ отношеніи. Даже не имѣя въ виду посвятить себя спеціальной работѣ по изданію текстовъ, полезно ознакомиться съ техникою приемовъ и знать какимъ путемъ восстанавливается критическій текстъ. Въ томъ же полугодіи я прослушалъ еще доклады: г. Леграна о соотношеніи списковъ хроники Villehardouin и критику классификаціи ихъ, предложенной Natalis de Wailly; г. Ведъэ — о классификаціи рукописей и языкѣ фавль „Les trois aveugles de Compiègne“; г-жи Кольвинъ—классификацію рукописей произведенія Robert de Blois „Le castoiment des dames“. Всѣ представленныя работы вызвали критическія замѣчанія г. Париса, который является особенно компетентнымъ именно въ этой области, такъ какъ изданный имъ въ 1872 г. текстъ поэмы „Saint Alexis“, произвелъ въ свое время нѣкоторый переворотъ въ наукѣ, по новизнѣ и смѣлости приемовъ, которые были имъ примѣнены при восстановленіи текста. Объ языкѣ этого памятника г. Парисъ читаетъ изъ года въ годъ лекціи въ Collège de France.

Основнымъ требованіемъ отъ чтеній въ Collège de France, учрежденіи, не имѣющемъ, какъ извѣстно, никакого прикладного назначенія, ни вступительныхъ, ни выпускныхъ экзаменовъ, является условіе, чтобы лекторъ излагалъ новѣйшіе результаты знаній, сообщая, по возможности, новыя и самостоятельныя изысканія по данному вопросу. Г. Парисъ, сообщая о языкѣ памятника, обнаруженнаго имъ 16-тъ лѣтъ тому назадъ, удовлетворялъ, конечно, прежде всего лишь требованію самостоятельности изысканій. Однако, онъ вносилъ въ свои лекціи также и много новаго, такъ какъ, при бы-

стромъ развитія лингвистическихъ наукъ за послѣднее время, ежегодно измѣняются положенія и выводы по исторіи языка. Восстановленіе вѣроятныхъ оригинальныхъ формъ въ памятникѣ, который дошелъ до насъ лишь въ болѣе позднихъ спискахъ, представляетъ задачу весьма заманчивую для изслѣдователя; но результаты этихъ работъ не всегда бываютъ безошибочны: тотъ же Г. Парисъ принужденъ неоднократно переисправлять исправленныя имъ формы. На лекціяхъ въ Collège de France онъ исключительно останавливается на фонетикѣ языка, при чемъ полный обзоръ звуковъ старо-французскаго завершается имъ въ нѣсколько семестровъ; случается, что въ теченіи цѣлаго полугодія г. Парисъ разсматриваетъ судьбу лишь одного какого-нибудь звука (такъ, семестръ 1885 года былъ имъ посвященъ исторіи *l*). Важное значеніе подобныхъ специальныхъ работъ не подлежитъ сомнѣнію, но нельзя не замѣтить, что для полученія успѣшныхъ результатовъ въ этой области, нужно посвятить себя лингвистикѣ въ тѣсномъ смыслѣ слова и даже еще уже: лингвистическимъ занятіямъ въ одной небольшой группѣ языковъ. Такъ и поступаетъ большинство нѣмецкихъ ученыхъ новой школы и едва ли не слишкомъ исключительно. Съ интересомъ прислушиваясь къ прекрасному изложенію г. Париса, я все-таки выдѣляю эту область работъ, какъ наименѣе подходящую для перенесенія въ наши университеты и полагаю, что русскимъ ученымъ излишне предаваться подобнымъ трудамъ исключительно, если только не быть фонетикомъ по профессіи.

Въ лѣтнемъ семестрѣ 1888 года г. Парисъ ограничивался указанными лекціями въ Collège de France; въ зимнемъ—онъ еще читалъ курсъ о циклѣ эпическихъ сказаній, группирующихся вокругъ четвертаго крестоваго похода. Эти лекціи являлись продолженіемъ курса, начатаго имъ въ 1887 году, и представляли какъ бы рядъ отдѣльныхъ этюдовъ о памятникахъ данной эпохи. Вообще преподаваніе въ Collège de France, по самому своему назначенію публичныхъ лекцій, не имѣетъ цѣльности университетскаго курса. Оно имѣетъ значеніе, какъ свободное преподаваніе послѣднихъ выводовъ науки, предназначенное для просвѣщеннаго круга слушателей, при чемъ профессоръ можетъ, не стѣсненный программой, входить въ разсмотрѣніе предмета *in medias res* и останавливаться на частныхъ вопросахъ. Такъ, въ томъ же зимнемъ полугодіи 1888—1889 года, пр. П. Мейеръ разбиралъ произведенія одного провансальскаго поэта *Peire Cardinal*; онъ приносилъ съ собой на лекціи списки съ разгич-

ныхъ рукописей произведеній указаннаго писателя, которыя раздавалъ слушателямъ, и затѣмъ, сличая эти списки, предлагалъ болѣе или менѣе остроумное возстановленіе текста. Для занимающихся провансальскимъ языкомъ лекціи П. Мейера представляли несомнѣнный интересъ, но носили, такъ же какъ и вышеупомянутые курсы Париса, крайне спеціальныи характеръ.

Считаю излишнимъ говорить о лекціяхъ профессора по ново-французской литературѣ Дешанелъ, въ томъ же Collège de France. Онъ принадлежитъ къ числу тѣхъ модныхъ лекторовъ, которые особенно посѣщаются дамами парижскаго beau-monde. Я былъ на одной лекціи его о Шатобрианѣ: аудиторія представляла весьма живописный видъ, при чемъ половина зала была исключительно отведена для дамъ. Лекторъ сообщилъ нѣсколько анекдотовъ изъ жизни Шатобриана; въ красивыхъ фразахъ охарактеризовалъ его личныя свойства, сравнивалъ съ Ламартиномъ, но не смотря на изящную форму изложенія лекція не отличалась большими достоинствами и всего менѣе носила научный характеръ. Она подходила къ роду тѣхъ лекцій, которыя читаются въ Salle des conférences, на boulevard des Capucines, представителями журнальной критики, и гдѣ лекціи проф. Дешанеля были бы болѣе уместны. Кстати о популярныхъ чтеніяхъ обще-образовательнаго характера: отмѣчу хорошій обычай публичныхъ лекцій въ театрѣ Одеона, передъ представленіемъ какой-нибудь классической пьесы. Цѣль этихъ чтеній—разъяснить смыслъ и значеніе пьесы, пониманіе которой представляютъ нѣкоторыя затрудненія, такъ какъ выбираются по преимуществу пьесы изъ репертуара XVII вѣка. Чтенія происходятъ разъ въ недѣлю, по четвергамъ, на утреннемъ представленіи, при чемъ лекторами выступаютъ то критики-публицисты, какъ Francisque Sarcey, Jules Lemaitre, то профессора высшихъ учебныхъ заведеній, какъ Larroumet, Brunnetière и др. Благодаря этимъ чтеніямъ, театръ сохраняетъ свое воспитательное значеніе и руководство эстетическимъ вкусомъ зрителей, которымъ излагаются основныя приемы критики и критеріи для оцѣнки пьесы. Они могутъ и не быть всегда приняты безапелляционно, но прослушанные отзывы вызываютъ на размышленіе и во всякомъ случаѣ въ публикѣ распространяются традиціи хорошей школы.

Мнѣ остается сказать нѣсколько словъ о занятіяхъ французскою литературой въ Сорбоннѣ. Я уже упомянулъ о чтеніяхъ по средневѣковой литературѣ и языку пр. Арс. Дармстетера; по новой

литературѣ имѣется цѣлый рядъ профессоровъ и преподавателей (maîtres de conférences), каковы: Crouslé, Petit de Julleville, Lentent, Gazier, Bertin, Larroumet, De-Job. Содержаніе лекцій, читаемыхъ профессорами publice, не имѣетъ строго научнаго значенія и сводится къ болѣе или менѣе блестящему изложенію предмета въ общедоступной формѣ. Не отрицаю общеобразовательнаго значенія этихъ публичныхъ чтеній, но для посѣщенія ихъ нужно много досужаго времени... Что касается до частныхъ conférences (privatim) по ново-французской литературѣ, то онѣ имѣютъ специальную цѣль приготовленія студентовъ къ экзаменамъ. Читаются и разбираются авторы, указанные въ экзаменаціонныхъ программахъ для licence или agrégation. Толкованіе авторовъ основано на традиціяхъ классической школы XVII вѣка и ведется болѣе или менѣе школьнымъ образомъ. Новѣйшіе приемы филологической и историко-эстетической критики почти не коснулись преподаванія въ Сорбоннѣ и занятія словесностью до сихъ поръ какъ бы противопоставляются точнымъ наукамъ: противоположеніе, отразившееся и въ разномъ обозначеніи факультетовъ—*faculté des sciences* и *faculté des lettres*. Это устарѣвшее выдѣленіе словесности изъ круга точныхъ наукъ, конечно, могло бы быть не существеннымъ, если бы дѣло шло объ одномъ названіи; но и въ дѣлствительности, на сколько я могъ убѣдиться по нѣкоторымъ прослушаннымъ лекціямъ и отзывамъ профессоровъ, изученіе словесности ведется далеко не научнымъ образомъ. Не входя въ подробное сужденіе объ этихъ conférences, замѣчу только, что слишкомъ традиціонное толкованіе авторовъ по отвлеченному критерию приводитъ къ неправильному взгляду на историческое развитіе литературныхъ явленій и поддерживаетъ національную исключительность воззрѣній. Какъ долго французами не признавался, на примѣръ, Шекспиръ, и для сколькихъ учениковъ и учащихся въ Сорбоннѣ онъ еще является „нарушителемъ“ правилъ творчества! Не смотря, однако, на нѣкоторую отсталость въ научномъ отношеніи, курсы Сорбонны имѣютъ и положительную сторону: во первыхъ, благодаря имъ, національные писатели внимательно прочитываются молодежью, которая до нѣкоторой степени воспитывается на нихъ; во вторыхъ—традиція языка, передаваемая отъ поколѣнія къ поколѣнію и строго охраняемая, способствуютъ той устойчивости, выработанности и точности французскаго языка, которыя придаютъ ему почти всемірное значеніе. „L'art de bien dire“ составляетъ исконную отличительную черту французовъ, и конечно, это искусство поддерживается методомъ пре-

подаванія и родомъ упражненій, которыя ведутся со студентами. Наиболѣе цѣлесообразными они оказываются при занятіяхъ отечественною литературою. Недавно Ренанъ, въ рѣчи, сказанной по поводу пріема Ж. Кларси во Французскую академію (23-го февраля 1889 г.), высказалъ предположеніе, что въ близкомъ будущемъ повсемѣстно будетъ принято изученіе только своей родной литературы. „Le progrès de la civilisation“, говорилъ онъ, — „dont nous sommes les temoins est en extension, non en delicatesses. On ne verra plus guère, à ce qui semble, des langues apprises en vue de la culture litteraire par ceux dont elles ne sont pas la langue maternelle. La séparation des nationalités portée à l'excès fera croire à chaque peuple qu'il n'a pas besoin d'aller demander des modèles aux autres“. Слова эти характерны для опредѣленія того исключительно-прикладнаго значенія, которое придано занятіямъ словесностью въ Сорбоннѣ, и которое, вѣроятно, имѣлъ въ виду Ренанъ. Не входя въ разборъ большей или меньшей вѣроятности высказаннаго имъ пророчества, то-есть, будутъ ли слѣдующія за нами поколѣнія довольствоваться изученіемъ только своихъ классиковъ, или же для полноты образованія признаютъ необходимымъ знакомиться и съ выдающимися произведеніями иностранной литературы,—нельзя не замѣтить, что изученіе исторіи литературы имѣетъ и другія задачи, кромѣ воспитанія вкуса на образцовыхъ произведеніяхъ и кромѣ усовершенствованія въ искусствѣ рѣчи. Этими-то задачами, которыя состоятъ въ изученіи законовъ историческаго развитія и процессовъ творчества, слишкомъ пренебрегаютъ преподаватели въ Сорбоннѣ. Безъ нихъ же, историко-литературныя науки теряютъ то существенное значеніе, которое, по вышеприведеннымъ словамъ Г. Париса, должно заключаться въ познаніи законовъ и условій развитія явленій нравственнаго міра, и которое ведетъ насъ къ самосознанію личному и народному.

Ф. Батюшковъ.

ПИСЬМО ИЗЪ ЛОНДОНА.

(Къ редактору Ж. М. Н. Пр.).

Гдѣ находятся ноты и письма князя А. Д. Кантемира, русскаго полномочнаго министра при королѣ Великобританскомъ Георгѣ II съ 1732 по 1738 годъ.

1-го іюля 1889 года.

Въ ноябрѣ минувшаго 1888 года, когда я сообщилъ вамъ, что собираюсь съѣздить въ текущемъ году въ Англію, вы предложили мнѣ навести справки, существуютъ ли письма князя Антиоха Кантемира въ Оксфордѣ, въ знаменитой Бодлеевой библиотекѣ, согласно указаніямъ небольшой замѣтки, появившейся въ Московскихъ Вѣдомостяхъ 1878 г. (№ 258). Принявъ, однако, во вниманіе то обстоятельство, что о дипломатической миссіи нашего перваго сатирика въ Лондонѣ ¹⁾ извѣстно очень немногое ²⁾ даже тѣмъ, кто имѣлъ доступъ въ Московскій главный архивъ министерства иностранныхъ дѣлъ, пришлось подвергнуть вопросъ всестороннему изслѣдованію. У меня невольно возникало предположеніе, не имѣется ли какихъ-нибудь данныхъ о пребываніи Кантемира въ Лондонѣ въ здѣшнихъ архивахъ, самыхъ богатыхъ въ свѣтѣ, какъ извѣстно, по богатству и разнообразію документовъ.

---

¹⁾ Реляціи князя Кантемира изъ Парижа (за 1738 и 1739 гг.) были напечатаны „въ Памятникахъ новой русской исторіи“, т. III, стр. 117—255 (С.-Пб. 1873).

²⁾ Ср. ст. *Бантыш-Каменскаго* въ Словарѣ дост. людей, т. III, стр. 11—13, краткое изложеніе съ нѣкоторыми ошибками. *В. Я. Стоюнинъ*: „Князь Антиохъ Кантемиръ въ Лондонѣ“—*Восточн. Ест. оны* 1867 г., т. I, стр. 224—273, т. II, стр. 97—139.

Предварительно, въ февралѣ текущаго года, изъ Варшавы мною сдѣланъ былъ запросъ у завѣдывающаго рукописнымъ отдѣленіемъ Британскаго музея, и въ любезномъ отвѣтѣ уважаемый мистеръ Скоттъ (I. Edward Scott) увѣдомилъ, что въ Британскомъ музеѣ, въ рукописяхъ дипломатической корреспонденціи герцога Ньюкасла, имѣется одно письмо русскаго посланника князя А. Кантемира къ герцогу, отъ 17-го мая 1735 года. Другихъ какихъ-либо документовъ рукописныхъ, прямо или косвенно относящихся къ миссіи Кантемира, не удалось найти въ музеѣ. Спрашивается теперь: какимъ образомъ попало сюда это одинокое письмо, и каково его содержаніе? Нѣкоторое знакомство съ англійскою политической исторіей легко устраняетъ могущія возникнуть въ данномъ случаѣ сомнѣнія и позволяетъ высказать предположенія, опирающіяся на свидѣтельства источниковъ, бывшихъ у меня подъ руками. Герцогъ Ньюкаслъ ¹⁾ былъ однимъ изъ главныхъ статсъ-секретарей (Principal Secretary of State), по нашему—министровъ Георга, II и занималъ эту должность съ 1724 года. Выстъ съ лордомъ Гаррингтономъ, также Principal Secretary of State (въ первой половинѣ XVIII столѣтія такихъ секретарей было всего двое), онъ завѣдывалъ иностранными сношеніями южныхъ государствъ, а лордъ—сѣверныхъ; въ отсутствіе же Гаррингтона Ньюкаслу приходилось единолично вести иностранныя сношенія съ представителями иноземныхъ державъ, аккредитованными при Сентъ-Джемскомъ кабинетѣ. Такой случай, наиримѣръ, представился въ началѣ мая 1735 года, когда король Георгъ II и лордъ Гаррингтонъ отбыли въ Ганноверъ. Регентшей была назначена королева, а главнымъ ея министромъ—Ньюкаслъ. Въ XVIII вѣкѣ статсъ-секретарь, оставляя свою должность, при перемѣнѣ кабинета, забиралъ съ собою изъ министерства иностранныхъ дѣлъ (Foreign Office) для храненія въ собственной библіотекѣ и личную свою переписку съ коронованными особами, иностранными министрами, а также отечественными и иноземными посланниками и чрезвычайными уполномоченными ²⁾.

¹⁾ The Duke of Newcastle, p. 1693 г., ум. 1768, получилъ титулъ герцога въ 1716 году; въ парламентѣ принадлежалъ къ партіи виговъ.

²⁾ Обращаемъ вниманіе изслѣдователей отечественной старины на то, что въ англійскихъ фамильныхъ библіотекахъ они могутъ найти драгоценные памятники, важные и для нашей исторіи. Укажемъ для примѣра, что въ библіотекѣ герцога Мальборо есть письма Петра I и Меншикова (отъ 1710 г.). Въ такъ-называемомъ замкѣ Форбесъ (Castle Forbes) у графа Гранарда хранятся письма и дневникъ лорда Форбеса, англійскаго посла въ Петербургѣ при Аннѣ Іоанновнѣ.

Такъ поступилъ и герцогъ Ньюкаслъ, дипломатическая переписка котораго достигающая въ общей сложности до 307 рукописныхъ томовъ ¹⁾, была пожертвована Британскому музею лишь въ 1886 году нынѣшнимъ представителемъ рода Ньюкаслей—герцогомъ Чичестерскимъ. Письмо Кантемира сохранилось превосходно и написано отъ начала до конца одною рукою, чего, какъ показали дальнѣйшія разслѣдованія, далеко нельзя сказать о многихъ нотахъ, адресованныхъ Кантемиромъ къ англійскимъ министрамъ. Страдая глазами, Кантемиръ поручалъ иногда составленіе нотъ своимъ секретарямъ и самъ только подписывалъ, предварительно исправивъ ошибки письма или неточности ²⁾.

Въ письмѣ къ герцогу Ньюкаслу князь Кантемиръ просилъ его испросить у королевы разрѣшеніе поступить на русскую службу ³⁾ нѣкому капитану Мэтьюсу (Mathews); Кантемиру слѣдовало бы обратиться къ королю или Гаррингтону, но ихъ не было въ Англіи. Приводимъ полный текстъ этого письма, удерживая орфографію князя Кантемира:

Mylord Duc!

Votre Excellence sans doute sera informé que j'ai eu la gracieuse permission du Roy d'engager deux officiers de la marine | au service del' Imperatrice ma Souveraine. En consequence | je suis convenu avec M-r le Capitaine Mathews qu'il iroit | à S-t Petersbourg pour y regler en personne ses conditions. | Mais comme on lui a dit qu'il ne pouvoit prendre | la service étrangère sans une permission du Roy par | écrit il en avoit supplie My Lord Harintong ⁴⁾ qui partit | sans le

---

У графа Aschburnham нѣтется слѣдующая рукопись⁵⁾ (писанная по русски) съ англійскимъ заглавіемъ: *Lietopicets. Annals of the celebrated Solovetskoï Monastery in the island of the same name in the White Sea from its foundation in 1429 to the visit of Peter the Great in 1694.*

¹⁾ British Museum AD. MS. № 32686—32992. Official Correspondence of Thomas Pelham Holles, Duke of Newcastle 1697—1768.

²⁾ Такова, напримѣръ, нота князя Кантемира къ Гаррингтону отъ 2-го августа 1738 года. Поправки легко распознаются въ этомъ письмѣ и сдѣланы, какъ и подпись, другими чернилами.

³⁾ Подробности объ этомъ можно найти въ нашей замѣткѣ, помѣщенной въ журналѣ *The Academy* № 896 (13-го іюля 1889).

⁴⁾ Вмѣсто Harrington. Нѣкоторые предлагали читать это мѣсто Кларринтонгъ, но такого лорда не оказалось по справкамъ, и остается лишь предположить, что здѣсь сдѣлана ошибка въ написаніи имени лорда Гаррингтона.

lui avoir obtenu. Je supplie donc Votre Excellence d'en supplier de ma part la Reine: et je ne doute pas que Sa Majesté n'aura aucun point de difficulté de le lui accorder. Mon homme à ordre d'attendre les ordres de Votre Excellence dont je suis avec toute l'estime Imaginable,

Mylord Duc

Treshnoble et tresobeis-
sant serviteur

Londres 1735.
le 17. de May. 1735.

A. Pr Cantemir.

Изъ депешъ мистера Клаудія Рондо, англійскаго резидента при русскомъ дворѣ, узнаемъ, что капитанъ Мэтьюсъ ѣздилъ лѣтомъ 1735 года въ Петербургъ, но разошелся изъ-за чина и на русскую службу не поступилъ: ему предлагали должность перваго вице-адмирала, а Мэтьюсъ требовалъ чина адмирала и, не получивъ утверждения, 4-го сентября отплылъ изъ Петербурга въ Англію¹⁾.

Имѣя въ рукахъ означенное письмо (съ него намъ разрѣшили снять фотографію), уже можно было взяться за пересмотръ дипломатической корреспонденціи, хранящейся въ государственномъ архивѣ, нынѣ такъ-называемомъ Public Record Office. Еще въ статьѣ покойнаго Стоюнина попадаютъ извѣстія, касающіяся переписки Рондо; но, къ сожалѣнію, онъ не пользовался перепискою англійскаго резидента въ С.-Петербургѣ и указанія свои заимствовалъ изъ сочиненія неизвѣстнаго автора, довольно легковѣснаго свойства²⁾. Просматривая дипломатическую корреспонденцію мистера Рондо³⁾

¹⁾ Депеша къ лорду Гаррингтону отъ 6-го сентября 1735 года. P. R. O. St. P. Foreign, Russia v. 27.

²⁾ La Cour de la Russie il y a cent ans 1725—1783. Extraits des dépêches des ambassadeurs anglais et français. Berlin. 1858. Судя по характеристикѣ Россіи, сдѣланной на стр. 104, можно съ увѣренностью сказать, что неизвѣстный авторъ недостаточно знакомъ съ подлинною перепискою мистера Рондо.

³⁾ Кстаті исправимъ ошибочное утвержденіе Бантыша-Каменскаго. „Князь Антиохъ“, говоритъ онъ (Словарь, III, стр. 12 по изданію 1836 г.),—„явилъ себя въ Лондонѣ и великимъ политикомъ, успѣвъ въ короткое время привести взаимныя отношенія обѣихъ державъ въ наилучшее состояніе. Англія, не только согласилась вспомоствовать Россіи въ возведеніи курфюрста Саксонскаго на польскій престолъ, отправила еще въ С.-Петербургъ, 1733 года, полномочнымъ министромъ лорда Георга Форбеса, вместо находившагося при нашемъ дворѣ резидента Рондо“. Впервыхъ, назначеніе Форбеса никакого отношенія къ миссіи Кантемира не имѣетъ, а на оборотъ, за назначеніемъ Рондо резидентомъ въ Петербургъ послѣдовало назначеніе Кантемира также резидентомъ въ Лондонъ.

къ лорду Гаррингтону изъ Петербурга за 1735 годъ, я нашелъ письмо Кантемира, существованіе котораго до сихъ поръ врядъ ли было извѣстно даже и занимавшимся въ архивѣ. По характеру письма можно заключить, что и оно, какъ предшествующее, писано отъ начала до конца рукою Кантемира и адресовано къ герцогу Ньюкаслю. Возстановленіе текста потребовало нѣкоторыхъ усилій, такъ какъ письмо сохранилось плохо, вѣроятно, было отправлено въ Петербургъ къ Рондо и дорогою сильно подмочено. Нѣкоторыхъ словъ не возможно было прочесть даже при помощи сильно увеличивающей лупы. Воспроизвожу текстъ письма, на сколько оказалось возможнымъ его чтеніе:

My Lord Duc!

|Je manquerois a mon devoir si je ne remerciots tres humblement
Votre | Excellence dell'honneur qu'elle me fit bien par Sa lettre et par
la | communication del' ordre du Roy envoyé a My Lord Kinoul. J'ai |
expedié celui-ci à ma Cour La quelle sans doute y trouvera une | nou-
velle preuve de la sincere amitté du Roy envers l'Imperatrice | ma
Souveraine. J'ose même assurer Votre Excellence d'avance, | que Sa
Majesté Imperiale en... ') au Roy sa reconois|sance, et sera toujours
prete à rendre des pareilles vos offices | à Sa Majesté Brit(annique)
Je suis avec toute l'estime et considera|tion imaguable,

My Lord Duc

de Votre Excellence

Londres 1735
le 18 de May.

Treshúble et tres obeissant servi-
teur

A. P-r Cantemir.

(Public Record Office, St. P. Foreign, Russia, vol. 27).

Такимъ образомъ слѣдъ былъ найденъ, и оставалось лишь идти далѣе. Остальные документы, найденные въ томъ же архивѣ состоятъ изъ переписки князя Кантемира по поводу регистраціи должностнаго персонала русскаго посольства (въ интересахъ неподсудности

Лордъ Форбесъ прожилъ въ Петербургѣ около года и дѣйствовалъ совместно съ Рондо. У насъ были въ рукахъ общія къ нимъ инструкціи. Рондо же не былъ отовванъ и оставался въ Петербургѣ до смерти († въ 1739 г.). Сохранилось прошеніе его жены къ Аннѣ Іоанновнѣ и переписка послѣдней съ Георгомъ II.

') Вѣроятно: temoignera.

мѣстнымъ судамъ и лицамъ), освобожденія арестовываемыхъ по незнанію слугъ посланника, далѣе изъ записокъ и мемуаровъ (писанныхъ отъ его имени, но не рукою Кантемира) по поводу разнаго рода политическихъ вопросовъ (войны съ Турціей, заключенія мира и проч.). Подпись Кантемира довольно однообразна, съ тою только разницею, что въ первые годы своего пребыванія въ Лондонѣ, онъ подписывался A Pr de Cantemir, и затѣмъ просто A. Pr Cantemir. Ноты и письма, бывшія у насъ подъ руками, написаны почти всѣ въ Лондонѣ, за исключеніемъ одного письма князя Кантемира къ лорду Гаррингтону отъ 2-го апрѣля 1739 года, присланнаго Кантемиромъ изъ Парижа. Впрочемъ, это письмо только исправлено и подписано рукою Кантемира.

Остается сказать нѣсколько словъ по поводу вѣрительной грамоты князя Кантемира, касающейся назначенія его въ Лондонъ. „Намъ не извѣстна“, говоритъ Стоюнинъ ¹⁾,—„инструкція, данная Кантемиру при его отправленіи, но, соображая дальнѣйшія обстоятельства, мы можемъ сказать, что ему не было поручено никакого важнаго дѣла, для чего выбрали бы не столь юнаго дипломата“. Существовала ли такая инструкція—сказать трудно, но во всякомъ случаѣ слѣдуетъ имѣть въ виду, что первоначально Кантемиръ, будучи лишь двадцати-одного года отъ рожденія, былъ назначенъ въ Лондонъ въ качествѣ резидента, и его кредитивная грамота, писанная по русски найдена. „Какъ вашего королевскаго величества“, говорится въ грамотѣ, писанной въ Москвѣ отъ 24-го декабря 1731 г., — „к намъ аккредитованной Резидентъ Рондо при позволенной ему аудиенціи дружески братскую вашу грамоту отъ 31 августа надлежаще подалъ, и притомъ намъ изустно имянемъ вашимъ обнадеживанія вашего королевскаго величества доброй дружбы простираете учинилъ, и какъ оныя намъ не инако какъ весьма приятны быть могутъ, тако и мы для взаимно истиннаго засвидѣтелствованія нашего к вамъ имѣющаго особливаго эстима і совершенной дружбы умедлить не хотѣли, намъ любезновѣрнаго князя Антиоха Кантемира к вашему королевскому величеству въ характере нашего Резидента отправить“ ²⁾. На оборотной сторонѣ грамота адресована слѣдующимъ образомъ: „Божіею милостию пресветлѣйшему и державнѣйшему | Князю Государю

¹⁾ *Вѣстн. Евр.* 1867 г. т. I стр. 235.

²⁾ См. Prince Antioch Cantemir's Credentials of Resident. P. R. O. Royal Letters № 3. f. 17—20.

Георгію второму королю велико | Британскому Французскому и нр-
лянскому Герцогу | Брауншвигъ Люнебургскому, Римскаго Государ-
ства Архиказначею и Курьерсту" и проч. Изъ другихъ грамотъ,
относящихся къ миссіи Кантемира непосредственно, найдены грамота
отъ 17-го іюля 1733 года о назначеніи князя Кантемира полно-
мочнымъ министромъ и грамота отъ 18-го апрѣля 1738 года, въ
коей говорилось между прочимъ, что рѣшено „обрѣтающагося при
дворѣ Королевскаго величества полномочнаго министра любезновѣр-
ного князя Антиоха Кантемира отозвать, и кдругой комиссіи его
употребить“.

В. Александренко.

P. S. Письмо было окончено, когда изъ здѣшняго министерства
иностранныхъ дѣлъ (Foreign Office), куда также былъ сдѣланъ за-
просъ, не имѣется ли тамъ документовъ касающихся даннаго времени
(1732—1738),—былъ полученъ отвѣтъ, что вся дипломатическая пере-
писка за это время отправлена была на храненіе нѣсколько лѣтъ на-
задъ и нынѣ находится въ Public Record Office.

НАШИ УЧЕБНЫЯ ЗАВЕДЕНІЯ.

ИМПЕРАТОРСКІЙ С.-ПЕТЕРБУРГСКІЙ ИСТОРИКО-ФИЛОЛОГИЧЕСКІЙ ИНСТИТУТЪ ВЪ 1888—1889 УЧЕБНОМЪ ГОДУ.

Въ 1888 году было принято въ число студентовъ Императорскаго С.-Петербургскаго историко-филологическаго института, по разсмотрѣніи присланныхъ при прошеніяхъ аттестатовъ и отзывовъ директоровъ гимназій, 23 молодыхъ человѣка, имѣвшихъ по существующимъ правиламъ право быть принятыми безъ экзамена. Изъ нихъ одинъ умеръ, два а оставили институтъ. Къ концу мая 1889 года въ I курсѣ института состояло 20 студентовъ, во II—22, въ III курсѣ—26, изъ нихъ 13 на разрядѣ древнихъ языковъ и 13 на разрядѣ исторіи и географіи, въ IV курсѣ—23, изъ которыхъ 15—на разрядѣ древнихъ языковъ и 8—на разрядѣ исторіи и географіи. Нѣкоторые студенты двухъ высшихъ курсовъ занимались также русскимъ языкомъ и русскою словесностью, кромѣ предметовъ своей спеціальности, а именно изъ числа студентовъ III курса—13, IV курса—8. Въ концѣ мая 1889 года въ институтѣ былъ 91 студентъ, изъ нихъ 82 на штатныхъ вакансіяхъ и 9 стипендіатовъ разныхъ вѣдомствъ.

Преподаваніе въ общемъ происходило по установленному плану. Новый законоучитель читалъ въ I курсѣ основное богословіе, то-есть, о коренныхъ убѣжденіяхъ, лежащихъ въ основѣ всякой религіи—о бытіи Божіемъ, о духовности и безсмертіи души человѣческой, о религіи вообще, о необходимости Божественнаго Откровенія, о внутреннихъ и вѣшнихъ признакахъ истинно Божественнаго Откровенія; во II курсѣ—христіанское богословіе, въ III—предложилъ рядъ бесѣдъ о главнѣйшихъ обязанностяхъ христіанина—вѣрѣ, надеждѣ и любви—и обязанности для христіанина выра-

жать общія евангельскія начала во всѣхъ состояніяхъ жизни общественной. Были прочитаны, по прежнимъ программамъ, съ небольшими измѣненіями, курсы слѣдующихъ предметовъ: логики и психологии, исторіи греческой литературы, греческихъ древностей, сравнительной грамматики древнихъ греческихъ діалектовъ (съ практическими упражненіями по отрывку Илиады и греческимъ надписямъ), исторіи греческаго алфавита (также съ практическими упражненіями по надписямъ), исторіи римской литературы, римскихъ государственныхъ древностей, древне-церковно-славянскаго языка, русскаго языка, исторіи русской словесности, общіе курсы древней, средней и новой исторіи и русской исторіи и спеціальныя курсы объ источникахъ всеобщей и русской исторіи, общій курсъ географіи и спеціальныя курсы политической, математической и физической географіи. Для тѣхъ изъ студентовъ старшихъ курсовъ, которые продолжали занятія русскимъ языкомъ и словесностью, были разбираемы древнѣйшіе памятники церковно-славянской письменности и читалось обзорніе русской литературы начала XIX вѣка.

Изъ произведеній древнихъ авторовъ читались: по греческому языку въ I курсѣ Илиада и „Федонъ“ Платона; во II курсѣ—Еврипида „Орестъ“, Поэтика Аристотеля и Геродотъ; въ III курсѣ со студентами обоихъ разрядовъ—„Эдипъ въ Колонѣ“ Софокла и Періфохѣ Аристотеля; со студентами разряда древнихъ языковъ—Оуклидъ и „Плутось“ и „Лягушки“ Аристофана; со студентами разряда исторіи и географіи Плутархова біографія Солона; въ IV курсѣ со студентами обоихъ разрядовъ „Агамемнонъ“ Эсхила; со студентами разряда исторіи и географіи Плутархова біографіяThemistocle. Безъ руководства преподавателей студенты читали въ I курсѣ Илиаду и Метопабилла Ксенофонта, во II—Геродота и Панегирикъ Исократы, въ III курсѣ—„Медю“ Еврипида и „Федонъ“ Платона; въ IV курсѣ—„Антигону“ Софокла и пятую книгу Оуклида. По латинскому языку были читаны: въ I курсѣ—Цицерона рѣчь Pro Milone и сатиры Горація; во II курсѣ—Вергилія Энеида, Катулль и Цицерона De finibus bonorum et malorum; въ III курсѣ—оды Горація и Анналы Тацита; въ IV курсѣ для студентовъ обоихъ разрядовъ—сатиры и посланія Горація и Катулль; для студентовъ разряда древнихъ языковъ Плавта „Menaechmei“. Энеида во II курсѣ, Горацій и Катулль въ III и IV курсахъ были объясняемы на латинскомъ языкѣ. Безъ руководства преподавателей студенты читали въ I курсѣ Цезаря De bello civili и Георгики Вергилія; во II—Цицерона De finibus bonorum

et malorum и Фасты Овидія; въ III—элегіи Проперція и Тита Ливія; въ IV—комедію Теренція „Eunuchus“ и эпизодъ о Психеѣ и Амурѣ изъ „Метаморфозъ“ Апулея.

Повѣрка этихъ домашнихъ чтеній по обимъ древнимъ языкамъ была произведена въ декабрѣ и апрѣлѣ мѣсяцахъ. Студенты разряда исторіи и географіи повторяли общіе курсы всеобщей и русской исторіи и сдавали испытанія изъ этихъ курсовъ во время повѣрки домашнихъ чтеній. Студенты всѣхъ четырехъ курсовъ постоянно упражнялись въ устныхъ и письменныхъ переводахъ съ русскаго языка на греческій и латинскій, соотвѣтственно степени познаній каждаго курса. Подъ руководствомъ профессора Зѣлинскаго студенты переводили съ латинскаго языка на греческій избранныя отрывки изъ Квинта Курція и Цицерона (Cato Major и Pro Milone). Въ младшихъ курсахъ, въ связи съ упражненіями въ переводахъ, были читаны грамматическіе курсы обомъ древнихъ языковъ. Въ I курсѣ грамматическій курсъ латинскаго языка былъ соединенъ съ чтеніемъ и толкованіемъ избранныхъ надписей республиканскаго періода. Въ старшихъ курсахъ были повторяемы синтаксисъ и стилистика латинскаго языка.

Желающіе изъ студентовъ разряда древнихъ языковъ III и IV курсовъ писали, въ замѣнъ домашнихъ чтеній, курсовыя сочиненія на заданныя профессорами темы, разработка которыхъ требовала чтенія древнихъ авторовъ или изученія надписей. Такихъ сочиненій было представлено пятнадцать. На тему, предложенную профессоромъ Миллеромъ: „Ovidii Tristium, Epistolarum ex Ponto, Fastorum res metrica enagretur“ очень хорошее сочиненіе на латинскомъ языкѣ представилъ студентъ IV курса Андрей Виноградовъ. Въ работѣ его встрѣчаются нѣкоторыя недоразумѣнія, нѣкоторые вопросы не вполне исчерпаны; слѣдовало еще аккуратнѣе, чѣмъ сдѣлано авторомъ, сравнивать метрическія правила, наблюдаемыя Овидіемъ въ этихъ сочиненіяхъ, писанныхъ въ изгнаніи, съ употребленіемъ другихъ поэтовъ и самого Овидія въ твореніяхъ, писанныхъ до изгнанія. Но наибольшая часть сочиненія Виноградова написана съ похвальнымъ прилежаніемъ въ сборѣ матеріала и съ разсудительностью въ пользованіи имъ. Авторъ не только воспользовался изслѣдованіями профессора Миллера и другихъ ученыхъ по избранной темѣ, но вездѣ передѣлалъ матеріалъ самостоятельно, такъ, что очевидно, отнесся къ скучному и сухому труду съ полнымъ усердіемъ. Латинскій языкъ сочиненія Виноградова достаточно чистъ и соотвѣтствуетъ предмету;

большая часть встрѣчающихся ошибокъ должна быть причислена къ опискамъ. На темы, предложенныя профессоромъ Шеборомъ, написали сочиненія четыре студента. Студентъ IV курса Николай Заболотскій представилъ пространное сочиненіе на тему: „Римскіе грамматики, ихъ занятія и сочиненія на основаніи извѣстій Авла Геллія“. Трудъ студента Заболотскаго можно назвать образцовымъ по полнотѣ собраннаго въ немъ матеріала и цѣлесообразности его группировки. Кромѣ Авла Геллія, авторъ воспользовался и другими дошедшими до насъ извѣстіями о римскихъ грамматикахъ до конца II вѣка по Р. Х. Такимъ образомъ сочиненіе Заболотскаго представляетъ весьма дѣльный и полный очеркъ этого отдѣла исторіи римской литературы, отъ начала грамматическихъ занятій у римлянъ до Авла Геллія включительно. Рядомъ съ добросовѣстнымъ изученіемъ источниковъ въ трудѣ Заболотскаго видно знакомство съ лучшими пособиями по этому вопросу. Изложеніе отличается тщательностью, простотой и ясностію. Студентъ IV курса Василій Ивановскій представилъ сочиненіе на тему „Культурно-историческое значеніе Апулеевой апологій“. Ивановскій взглянулъ на свою задачу гораздо шире, чѣмъ требовалось, въ сущности, темою: онъ не ограничился подборомъ и группировкой въ общій очеркъ фактовъ, характеризующихъ культурное состояніе современнаго Апулею общества, но и старался проникнуть въ сущность и изслѣдовать исторію затрогиваемыхъ въ рѣчи Апулея проявленій суевѣрія и выяснить отношеніе къ нимъ самого Апулея и тогдашняго интеллигентнаго общества. Съ этою цѣлью авторъ подвергъ тщательному разбору и критической оцѣнкѣ всѣ доводы, которыми Апулей защищаетъ себя противъ взводимыхъ на него обвиненій въ магіи, и взгляды его на факты, послужившіе поводомъ или предлогомъ къ такому обвиненію. Сочиненіе Ивановскаго представляетъ такимъ образомъ цѣлый рядъ интересныхъ культурно-историческихъ экскурсовъ, служащихъ дѣльнымъ реальнымъ комментариемъ къ апологій, почерпнутымъ изъ памятниковъ греческой и римской литературы, съ которыми авторъ обнаружилъ обширное знакомство. Весьма дѣльно и интересно очерчено Ивановскимъ стремленіе современнаго Апулею языческаго міра къ религіозно-нравственному возрожденію путемъ новыхъ религіозно-философскихъ комбинацій, въ которыхъ немаловажную роль играла и магія,—элементъ, обрекавшій a priori подобныя попытки на неудачу. На ту же тему студентъ III курса Игнатій Араловъ подалъ хорошее, но не вполне соответствующее требованіямъ темы сочиненіе. Авторъ подробно и

толково изложилъ всѣ обстоятельства процесса Апулея, рассмотрѣлъ его защитительную рѣчь, какъ со стороны содержанія, такъ и съ формальной ея стороны, далъ недурную характеристику личности и разносторонней дѣятельности Апулея, но не отвелъ особаго мѣста изложенію культурно-историческаго значенія апологін; въ сочиненіи Аралова, правда, встрѣчается не мало относящихся сюда замѣтокъ, но онѣ не даютъ цѣлостнаго представленія о рѣчи Апулея въ этомъ отношеніи. Студентъ IV курса Николай Гельвихъ представилъ сочиненіе на тему: „Паразиты въ палліатѣ“. Темою требовалось изучить восемь комедій Плавта и двѣ Теренція, въ которыхъ выведены паразиты, и, собравъ всѣ характерныя черты послѣднихъ, представить характеристику типа паразита въ палліатѣ, обращая при этомъ вниманіе на разницу между паразитами Плавтовыми и паразитами у Теренція. Кромѣ того, автору предоставлялось предпослать этой существенной части сочиненія сжатый очеркъ происхожденія и развитія типа паразита въ греческой комедіи. Студентъ Гельвихъ не только выполнилъ добросовѣстно свою задачу, но сдѣлалъ гораздо больше, чѣмъ отъ него требовалось, разработавъ обстоятельно по источникамъ необязательную часть темы и представивъ въ видѣ приложений къ своей работѣ прекрасно исполненный переводъ двухъ комедій, именно „Circulio“ Плавта и „Phogtio“ Теренція, да переводъ Лукіанова діалога *Περὶ παρασίτου*; всякое изъ этихъ приложений могло бы само по себѣ составить работу на годовичную тему. Разрабатывая первую часть темы, Гельвихъ изслѣдовалъ удѣлѣвшія комедіи Аристофана, сохранившіеся отрывки аттической и скудные остатки дорическо-сицилійской комедіи и дошедшія до насъ извѣстія о той и другой, выбралъ изъ этого матеріала все, имѣющее отношеніе къ типу паразита, и, сгруппировавъ весьма толково и умѣло добытыя такимъ путемъ данныя, прекрасно изложилъ генезисъ и постепенное развитіе типа паразита въ греческой комедіи. При этомъ авторъ приводитъ мѣста изъ писателей и отрывки въ вполнѣ удачномъ русскомъ переводѣ, гдѣ пужно, съ дѣльными примѣчаніями. Выводы, къ которымъ приходитъ авторъ, правильны и убѣдительны. Перейди отъ новой аттической комедіи къ палліатѣ, гдѣ мы имѣемъ дѣло уже не съ одними только отрывками, а съ цѣльными піесами, Гельвихъ тщательно собираетъ въ каждой отдѣльной піесѣ всѣ касающіяся роли паразита данныя и опредѣляетъ характеръ паразита, указывая вмѣстѣ съ тѣмъ значеніе его для экономіи данной піесы. И тутъ читатель находитъ весь матеріалъ въ точномъ русскомъ переводѣ. Гельвихъ

не потаготился пересмотрѣть и отрывки палліаты и выбрать изъ нихъ подходящія данныя. На основаніи добытаго такимъ путемъ матеріала авторъ даетъ весьма подробную, точную и тонкую общую характеристику типа паразита въ комедіяхъ Плавта и Теренція, указывая при этомъ на разницу этого типа у обоихъ комиковъ и объясняя ее разными требованіями времени и разными взглядами обоихъ поэтовъ на искусство. Въ объемистомъ трудѣ своемъ студентъ Гельвихъ обнаружилъ не только весьма солидныя познанія и начитанность въ древнихъ литературахъ, но и зрѣлость сужденія и умѣнье методически вести научное изслѣдованіе. Приложенныя къ сочиненію Гельвиха переводы свидѣтельствуютъ о томъ трудолюбіи и увлеченіи избранною спеціальностью, которыми онъ отличался во все время своего пребыванія въ институтѣ. На темы, предложенныя профессоромъ Соколовымъ, представлены три сочиненія. Студентъ III курса Платонъ Селивановъ представилъ сочиненіе на тему: „Царствованіе Филиппа Арридэя“. Работа его заслуживаетъ полнаго вниманія, такъ какъ онъ поставилъ себѣ задачею разобрать критически всѣ извѣстія древнихъ авторовъ и, по возможности, изслѣдованія и предположенія новыхъ ученыхъ. Трудъ молодого автора оставляетъ впечатлѣніе серьезной научной работы. Встрѣчая противорѣчія въ разказахъ древнихъ авторовъ, студентъ Платонъ Селивановъ не слѣдуетъ изложенію какого-либо новаго ученаго, свободенъ отъ вліянія самихъ главныхъ и авторитетныхъ новыхъ историковъ и постоянно указываетъ на то, до какой степени трудно намъ прійти къ опредѣленному рѣшенію въ разныхъ отдѣльныхъ вопросахъ. Это качество его работы весьма цѣнно и вполне вознаграждаетъ за нѣкоторыя ошибки и за то, что тема далеко не доведена до конца. Селивановъ успѣлъ изложить событія только за полтора года, съ половины 323 до начала 321 года, тогда какъ царствованіе Филиппа Арридэя продолжалось 6 лѣтъ и 4 мѣсяца, приблизительно до октября 317 года. Но сочиненіе заключаетъ въ себѣ болѣе 200 страницъ и служитъ доказательствомъ не только трудолюбія Селиванова и начитанности его въ древнихъ авторахъ, но и способности къ самостоятельнымъ научнымъ изслѣдованіямъ. Прекрасно то, что Селивановъ во многихъ случаяхъ обращалъ вниманіе на *variae lectiones* текста древнихъ авторовъ. Въ упрекъ ему должно быть поставлено то, что онъ не читалъ Гиперида, а пользовался только цитатами изъ оратора, приводимыми въ новыхъ сочиненіяхъ. Онъ затрудняетъ себѣ дѣло тѣмъ, что принимаетъ, будто Кратеръ при первомъ распредѣленіи высшихъ долж-

постей былъ признанъ правителемъ государства. Слова Арріана: τὴν δὲ κηδεμονίαν καὶ ὅσην προστασία τῆς βασιλείας Κράτερος ἐπετραπή означаютъ, что Кратеръ былъ назначенъ попечителемъ особъ царей (слабоумнаго Филиппа и младенца, котораго рожденія ожидали) и главою придворнаго представительства, такъ-сказать, оберъ-церемоній-мейстеромъ. На это ясно указываютъ слѣдующіи тотчасъ слова Арріана: ὁ δὲ πρῶτιστον τιμῆς τέλος παρὰ Μακεδόσι. Само собою разумѣется, что званіе регента или правителя имперіи не только у македонянъ, но и у всякаго другаго народа было бы πρῶτιστον τιμῆς τέλος. Ни малѣйшаго затѣмъ намека не встрѣчается, чтобы Кратера кто-либо признавалъ регентомъ имперіи. Напрасно также Платонъ Селивановъ предполагаетъ, что затѣмъ въ текстѣ Арріана *Ιασινα*. Стоитъ только поставить запятую послѣ слова *Μακεδόσι* вмѣсто точки, которую ставитъ Селивановъ, чтобы получился ясный смыслъ: *Παρδίχας δὲ τὴν Ἠφαιστίωνος χιφραχίαν*, то-есть, конечно, *ἐπετραπή*. Не вѣрно также поняты слова Павсанія: *Πτολεμαῖος... μάλιστα ἐγένετο ἐς τὰς βασιλείας αἴτιος τὰ ἔθνη νυμεθῆναι*. Это относится не къ первому раздѣленію провинцій, но къ заключительному результату всей борьбы діадочовъ. Птолемей раньше всѣхъ сознательно поставилъ себѣ задачей устроить себѣ отдѣльное Египетское царство, и потому онъ былъ болѣе другихъ виновникомъ окончательнаго раздѣленія имперіи Александра на царства. Но всѣ эти и другія менѣе значительныя недоразумѣнія и недостатки полноты могли бы быть поставлены въ вину только съ научной точки зрѣнія: какъ студенческое курсовое сочиненіе, работа Платона Селиванова должна быть признана превосходною. Студентъ III курса Павелъ Покровскій подалъ сочиненіе на тему: „Событія въ Италіи съ начала 87 до конца 82 года до Р. Х.“, но успѣлъ написать только первую часть, отъ начала 87 до конца 84 года. Онъ прочиталъ и почти вездѣ вѣрно пересказалъ извѣстія всѣхъ древнихъ авторовъ о событіяхъ въ Италіи за эти четыре года, такъ что его работа должна быть признана удовлетворительною. Студентъ III курса Иванъ Макаренковъ написалъ на тему: „Агаооклъ, тиранцъ Сиракузскій“. Макаренковъ изложилъ все правленіе Агаоокла до его смерти и перечиталъ и пересказалъ значительное количество текста Діодора; не упустилъ изъ виду Юстина и Поливія. Но въ работѣ его нѣтъ никакой самостоятельности и незамѣтно старанія сколько-нибудь уяснить себѣ дѣло хотя бы географическими справками.

На темы, предложенныя преподавателемъ Литишевымъ, представлено четыре сочиненія. Студентъ IV курса Сергій Селивановъ

представилъ объемистый трудъ (25 листовъ мелкаго письма) подъ заглавіемъ: „Очеркъ исторіи острова Родоса въ III вѣкѣ до Р. Х.“ Этотъ трудъ представляетъ собою продолженіе обработки той же темы, которою авторъ съ любовью и усердіемъ занялся еще въ прошломъ году. Представленная нынѣ часть труда отличается тѣми же солидными достоинствами, которыя еще въ прошломъ году заслужили ему весьма похвальный отзывъ: авторъ обнаружилъ весьма большую начитанность, какъ въ источникахъ литературныхъ, эпиграфическихъ и даже нумизматическихъ, такъ и въ трудахъ новыхъ ученыхъ; онъ весьма тщательно собралъ все, что имѣетъ прямое или косвенное отношеніе къ его темѣ и было ему доступно въ здѣшнихъ бібліотекахъ; онъ познакомился даже съ англійскимъ и голландскимъ языками на столько, чтобы читать въ подлинникѣ написанные на этихъ языкахъ труды новыхъ ученыхъ. Работая совершенно самостоятельно, самъ тщательно провѣряя и взвѣсивая каждое свидѣтельство, относящееся къ исторіи Родоса, авторъ обнаруживаетъ трезвый критическій взглядъ, нерѣдко удачно полемизируетъ съ учеными и вѣрнѣе объясняетъ нѣкоторыя свидѣтельства до сихъ поръ понимавшіяся болѣе или менѣе превратно или не вполне объясненные. Любовь, съ которою авторъ работалъ надъ избранною темой, объясняетъ и извиняетъ нерѣдко замѣчаемыя въ его трудѣ увлеченія, преимущественно въ толкованіи надписей, въ приуроченіи ихъ къ исторически извѣстнымъ событіямъ и въ отождествленіи упоминаемыхъ въ нихъ лицъ съ встрѣчающимися у авторовъ. Можно отмѣтить еще, что авторъ нерѣдко отвлекается въ сторону отъ главной темы и представляетъ обширные и тщательные экскурсы о событіяхъ, лицахъ или источникахъ, имѣющихъ иногда лишь косвенное отношеніе къ темѣ, такъ что его трудъ скорѣе можетъ быть названъ рядомъ отдѣльныхъ изслѣдованій, относящихся къ исторіи Родоса въ III вѣкѣ, нежели его исторіей. Достоинства труда Сергѣя Селиванова значительно превышаютъ требованія, которыя могутъ быть предъявлены къ студенческому труду. — Студенты III курса Сергѣй Григорьевъ, Александръ Первухинъ и Александръ Свѣтозарскій представили переводъ двухъ біографій Плутарха и объяснительныя къ нимъ примѣчанія: Григорьевъ и Свѣтозарскій перевели біографію Перикла, а Первухинъ—біографію Алкивіада. Всѣ трое работали весьма тщательно и добросовѣстно; отдѣлы примѣчаній всѣми троицами обработанъ довольно полно и основательно, безъ большихъ промаховъ, на основаніи доступныхъ авторамъ пособій.

Къ сожалѣнію, всѣ они ограничились только примѣчаніями экзегетическими (грамматическими, фразеологическими и реальными), касаясь критики текста лишь въ важнѣйшихъ случаяхъ, и не обратили должнаго вниманія на особенности языка изучаемаго писателя. Что касается самаго перевода, то онъ лучше другихъ обработанъ студентомъ Свѣтоварскимъ: онъ, почти вездѣ правильно понимая подлинникъ, передалъ его стройнымъ, правильнымъ и часто даже изящнымъ русскимъ языкомъ; переводъ Григорьева, также вездѣ почти вѣрный, нѣсколько тяжелѣе по языку, хотя въ общемъ также можетъ быть признанъ очень хорошимъ. Первухинъ слишкомъ близко слѣдовалъ подлиннику, стараясь передавать даже всѣ его частицы одними и тѣми же русскими словами (γάρ — вѣдь, μέντε — конечно, δέ — но и т. д.), такъ что его переводъ часто оказывается шероховатымъ и не всегда соответствующимъ духу русскаго языка; встрѣчаются иногда и случаи невѣрнаго пониманія подлинника. — На темы, предложенныя профессоромъ Зѣлинскимъ, поданы три сочиненія. Студентъ III-го курса Сергій Смирновъ написалъ сочиненіе на тему: „Характеристика рабовъ у Аристофана“. Аттическая комедія, зародившаяся на вполне фантастической почвѣ, выросла, подвергаясь постоянному вліянію вполне реалистической дорической комедіи, съ которою она и слилась въ IV вѣкѣ. А такъ какъ въ произведеніяхъ Аристофана намъ сохранились образчики, обнимающіе собою 40 лѣтъ развитія древне-аттической комедіи, то можно а priori предположить, что въ каждомъ слѣдующемъ изъ нихъ будетъ замѣтенъ прогрессъ въ сторону реализма въ сравненіи съ предыдущимъ. Этотъ прогрессъ авторъ взялся прослѣдить специально въ характеристикахъ рабовъ. Онъ различаетъ въ этомъ отношеніи три ступени, такъ-сказать, въ развитіи аристофановой комедіи: между тѣмъ какъ въ первыхъ двухъ комедіяхъ характеръ рабовъ или безцвѣтенъ (въ Ахарнянахъ), или двойственъ (во Всадникахъ), въ рабахъ Осъ и Мира онъ усматриваетъ довольно много типичныхъ чертъ, а въ рабахъ Θεσμοφορίαζυς (скиоѣ), Λιγυσηκῆς и Πλυτοῦσα, сверхъ того, и чертъ индивидуальныхъ. Къ сожалѣнію, работѣ недостаетъ выдержки: самая интересная по части характеристики рабовъ комедія Плутосъ, съ ея рабомъ Καρίονος, разсмотрѣна наименѣе тщательно; недостаетъ и заключительной главы, въ которой должны бы были быть подведены итоги. Съ другой стороны, въ работѣ не мало излишняго (пересказы частей комедій и цѣлыхъ комедій, ничего общаго съ темою исимѣющихъ). Сверхъ того, авторъ

выражается ужъ черезъ-чуръ развязно; нѣкоторая бойкость изложе- нія оправдывалась содержаніемъ разбираемыхъ комедій, но авторъ въ этомъ отношеніи зашелъ слишкомъ далеко. За то онъ обнару- жилъ вполне достаточное знакомство съ Аристофаномъ и несомнѣн- ную способность справляться съ вопросами литературной критики.— Студентъ III курса Зиновій Никитскій представилъ сочиненіе на тему: „Данныя для географіи и этнографіи востока въ біографіи Аполлонія Тианскаго, написанной Филостратомъ“. Работа состоитъ изъ двухъ частей: первая содержитъ въ себѣ пересказъ фантастическихъ данныхъ по географіи и этнографіи востока, сообщаемыхъ Филостра- томъ въ первыхъ трехъ книгахъ его *Vita Apollonii*, вторая — сопо- ставленіе этихъ данныхъ съ аналогичными свѣдѣніями другихъ ав- торовъ. Большею частью авторъ ограничивается этимъ сопоставле- ніемъ; только разъ онъ замѣчаетъ, что Филостратъ, по видимому, пользовался однимъ изъ писателей, описавшихъ экспедицію Але- ксандра Великаго въ Индію. Еслибъ онъ рѣшился преслѣдовать эту мысль, то онъ — такъ какъ источники Арріана, Плинія и дру- гихъ до нѣкоторой степени извѣстны — могъ бы найдти не мало любопытныхъ результатовъ. Но разумѣется, первымъ шагомъ для этого должно быть сопоставленіе матеріаловъ, и эту первую часть задачи авторъ исполнилъ весьма удовлетворительно. — Студентъ III курса Модестъ Одинцовъ представилъ сочиненіе на латин- скомъ языкѣ: „De figurae etymologicae usu Aristophaneo“. Предла- галось первымъ дѣломъ собрать всѣ примѣры этимологической фи- гуры у Аристофана; эта первая часть задачи исполнена авторомъ вполне добросовѣстно. Но далѣе слѣдовало раздѣлить эти примѣры на логическія категоріи. Эти категоріи автору извѣстны, но онъ предпочелъ другое, чисто механическое дѣленіе. Латинь сочиненія не особенно изящна, но вообще правильна.

По русскому языку и словесности въ I курсѣ студенты по- дали письменныя работы, состоявшія въ разборѣ отрывковъ изъ па- мятниковъ древне-церковно-славянской письменности. Студенты II курса подали курсовыя сочиненія по русской словесности на слѣ- дующія темы, предложенныя профессоромъ Ждановымъ: 1) Гер. Фр. Миллеръ, какъ журналистъ; 2) Разборъ старо-славянскихъ сказаній о Троѣ. Лучшее сочиненіе представлено студентомъ Аркадіемъ Му- хиннымъ на тему о Миллерѣ.

Студенты разряда исторіи и географіи III и IV курсовъ писали годичныя сочиненія. На темы, предложенныя профессоромъ Астафье-

вымъ, представлено четыре сочиненія студентами IV курса. Студентъ Владиміръ Тарановичъ представилъ объемистый и вполнѣ удовлетворительный трудъ на тему: „Карлъ Великій, его личность и мѣры къ распространенію просвѣщенія“. Нѣкоторые источники изучены по изданіямъ ихъ текстовъ, другія по извлеченіямъ, приведеннымъ въ трудахъ новыхъ ученыхъ. Авторъ подробно и систематически изображаетъ личныя качества Карла Великаго и его дѣятельность. Сочиненіе нѣсколько растянуто: такъ, напримѣръ, о войнахъ и внутреннихъ учрежденіяхъ Карла Великаго, какъ о предметахъ, не подходящихъ подъ тему, можно было бы сказать кратко. На ту же тему студентъ Ярославъ Кохъ представилъ небольшой, но прекрасный самостоятельный трудъ, составленный преимущественно по Эйнгарду и Санктгалленскому лѣтописцу, живо и всесторонне обрисовывающій личность Карла Великаго. Студентъ Владиміръ Глѣбовскій представилъ небольшое, занимательно написанное сочиненіе на тему: „Людовикъ IX по Жюапвилю“. Первая половина сочиненія вполнѣ удовлетворительна, вторая мало обработана; въ ней видна торопливость. Студентъ Иванъ Любимовъ подалъ удовлетворительную работу на тему: „Вильгельмъ Оранскій и образованіе Голландской республики“.—На темы, предложенныя профессоромъ Замысловскимъ, было представлено четыре сочиненія студентами IV курса. Студентъ Иванъ Леонтьевъ написалъ на тему: „Шлецеръ, его біографія и оцѣнка его трудовъ по русской исторіи“; студентъ Яковъ Рудневъ на тему: „Допесенія французскаго полномочнаго министра при русскомъ дворѣ, 1725—27“; студентъ Августъ Галлеръ на тему: „Дѣянія и подьячіе XVII вѣка“; студентъ Иванъ Массальскій на тему: „Русскіе мемуары о 1812-мъ годѣ“. Изъ этихъ сочиненій признано наилучшимъ сочиненіе студента Массальскаго. Авторъ успѣлъ основательно изучить наиболѣе важныя записки современниковъ о войнѣ 1812 года и представилъ прекрасный разборъ нѣкоторыхъ любопытныхъ извѣстій объ этой войнѣ. На темы, предложенныя профессоромъ Соколовымъ, представлено четыре сочиненія студентами III курса. Студентъ Петръ Акимовъ на тему: „Агаѳоклъ, тиранъ Сиракузскій“ представилъ старательно составленную работу. Онъ изложилъ всѣ событія жизни и правленія Агаѳокла, ознакомился съ исторіею и географіею Сициліи и обратилъ вниманіе на работы новыхъ ученыхъ. Студентъ Владиміръ Груздевъ представилъ небольшую, но весьма удовлетворительную работу на тему: „Возвращеніе изгнанниковъ Александромъ Македонскимъ въ 324 году“. Груз-

девѣ внимательно изучилъ относящіяся къ предмету надписи и въ объясненія ихъ не впадаетъ въ недоразумѣнія. Студентъ Гермогенъ Ивановъ вполне удовлетворительно обработалъ тему: „Пизистратъ и его сыновья въ Афинахъ“. Слѣдуетъ отмѣтить правильное критическое отношеніе его къ легендамъ и риторическимъ импровизаціямъ позднихъ авторовъ, а также то, что онъ старательно воспользовался работами новыхъ ученыхъ. Въ работѣ Иванова встрѣчаются недоразумѣнія. Студентъ Михаилъ Созоновъ написалъ на тему: Діонисій старшій, тираннъ Сиракузскій“ большое сочиненіе и изложилъ все правленіе Діонисія Старшаго. Но у Созонова, очевидно, не хватило терпѣнія прочитать по гречески всѣ главы Діодора, трактующія о Діонисіи старшемъ, такъ какъ во многихъ мѣстахъ работы несомнѣнны слѣды нѣмецкаго перевода исторіи Грота. Механической работы перевода и письма Созонова взялъ на себя много, но этимъ и ограничивается его заслуга; въ изложеніи фактовъ онъ впалъ во многія ошибки. Языкъ сочиненія въ высшей степени тяжелъ и неправиленъ. На темы, предложенныя профессоромъ Помяловскимъ, представлено восемь сочиненій студентами III курса. Изъ нихъ лучшее написалъ студентъ Василій Дейнеке на тему: „Что можно извлечь для изученія римскихъ древностей изъ комментарія Сервія?“. Студенты Петръ Виноградовъ, Константинъ Рыбинскій, Михаилъ Молчановъ, Иванъ Кельинъ, Павелъ Карзовъ, Василій Щиченковъ и Анатолій Терновскій представили сочиненія на одну и ту же тему: „Переводъ и объясненіе legis ursonitanae“. На тему, предложенную преподавателемъ Латышевымъ: „Древнія описанія Чернаго моря“ представилъ сочиненіе студентъ III курса Всеволодъ Власовъ. Авторъ внимательно прочиталъ относящіеся къ его темѣ отдѣлы сочиненій Геродота, Ксенофонта, Страбона, Аполлонія Родосскаго, Птолемэя, Плинія, Мелы, географическую поэму Скимна, Периплы Діонисія, Арріана, Безыменнаго и пр. и почерпнутыя изъ нихъ свѣдѣнія изложилъ въ довольно стройной системѣ: сначала онъ говоритъ о происхожденіи названія Понта Евксинскаго, затѣмъ объ его географическомъ положеніи, величинѣ и кажущейся фигурѣ, далѣе объ островахъ, полуостровахъ, мысахъ, проливахъ и заливахъ, о впадающихъ въ Понтъ рѣкахъ и находящихся по его берегамъ горахъ, о климатѣ бассейна Понта и его фаунѣ, наконецъ представляетъ обзоръ народовъ и городовъ по берегамъ Понта. Къ сожалѣнію, свѣдѣнія изъ авторовъ собраны не съ такою полнотою, кака

безъ точныхъ ссылокъ на авторовъ, кромѣ того, нерѣдко даетъ себя знать недостаточность знакомства автора съ историко-географическими трудами новыхъ ученыхъ.

Занятія студентовъ IV курса въ гимназiи при институтѣ въ истекшемъ учебномъ году происходили во всемъ по установленному порядку.

Въ гимназiи при институтѣ въ 1888 году былъ двѣнадцатый выпускъ воспитанниковъ. Окончили курсъ съ аттестатомъ зрѣлости 13 человекъ. Къ 1-му iюня 1889 года въ гимназiи состояло 204 человекъ, въ томъ числѣ въ приготовительномъ классѣ 24. Въ настоящемъ году оканчиваютъ курсъ съ аттестатомъ зрѣлости 11.

По постановленію конференціи института, въ засѣданіи 5-го сего iюня, удостоены аттестатовъ объ окончаніи курса въ институтѣ 23 студента девятнадцатаго выпуска, въ томъ числѣ по разряду древнихъ языковъ—15 по разряду исторiи и географiи—8.

Въ личномъ составѣ преподавателей и наставниковъ института произошли въ 1888—1889 году слѣдующія перемѣны:

Лѣтомъ 1888 года бывший воспитанникъ института магистръ греческой словесности Новосадскій, бывший въ числѣ преподавателей дополнительныхъ лекцій греческаго языка въ институтѣ, опредѣленъ экстраординарнымъ профессоромъ греческой словесности въ Варшавскій университетъ.

Наставникъ-руководитель по латинскому языку въ гимназiи при институтѣ и преподаватель латинскаго языка въ институтѣ Муссе-лиусъ уволенъ, согласно прошенію, отъ службы. На должность наставника-руководителя по латинскому языку въ гимназiи при институтѣ опредѣленъ, съ 1-го августа 1888 года, преподаватель С.-Петербургской Введенской гимназiи Санчурскій, также воспитанникъ института. Преподавателемъ латинскаго языка въ институтѣ избранъ конференціею и утвержденъ министерствомъ, съ 1-го сентября 1888 года, приватъ-доцентъ С.-Петербургскаго университета Холоднякъ.

С. С. ГОГОЦКІЙ.

(некрологъ).

29-го минуваго іюня внезапно скончался отъ паралича сердца заслуженный профессоръ университета св. Владиміра, докторъ философіи и древней филологіи, дѣйствительный статскій совѣтникъ Сильвестръ Сильвестровичъ Гогоцкій. Покойный профессоръ былъ сыномъ кафедральнаго протоіерея города Каменецъ-Подольска. Онъ родился въ 1813 году и воспитаніе получилъ сначала въ Подольской духовной семинаріи, а потомъ въ Кіевской духовной академіи, гдѣ кончилъ курсъ со степенью магистра богословія. Сначала онъ былъ назначенъ преподавателемъ при академіи по классу польскаго языка, затѣмъ бакалавромъ нѣмецкаго языка и, наконецъ, пять лѣтъ спустя бакалавромъ философскихъ наукъ. Въ 1845 году С. С. Гогоцкій былъ признанъ кандидатомъ перваго отдѣленія философскаго факультета университета св. Владиміра и затѣмъ удостоенъ степени магистра философіи. Въ 1848 году онъ былъ утвержденъ доцентомъ по кафедрѣ философіи въ томъ же университетѣ и тогда же избранъ экстраординарнымъ профессоромъ Кіевской духовной академіи. Черезъ два года С. С. Гогоцкій былъ удостоенъ степени доктора философіи и древней филологіи и утвержденъ ординарнымъ профессоромъ академіи по классу философскихъ наукъ, а въ 1851 году избранъ ординарнымъ профессоромъ педагогика въ университетѣ. По выслугѣ тридцати лѣтъ, онъ былъ вновь назначенъ ординарнымъ профессоромъ по кафедрѣ философіи, а по истеченіи пятилѣтія—сверхштатнымъ ординарнымъ профессоромъ по той же кафедрѣ; по выслугѣ новаго пятилѣтія, снова былъ оставленъ при университетѣ въ качествѣ сверхштатнаго заслуженнаго ординарнаго профессора. Такимъ образомъ, покойный Гогоцкій прослужилъ 45 лѣтъ, въ теченіе которыхъ постоянно читалъ логику, психологію, исторію философіи и педагогику и временно латинскій языкъ. Изъ ученыхъ трудовъ покойнаго профессора наиболѣе извѣстны слѣдующіе: „Философскій лексиконъ“, „Критическій взглядъ на философію Канта“, „Діалектическая система Гегеля и обзоръіе системы философіи Гегеля“, „Педагогическое значеніе басень Крылова“ и „О высшемъ образованіи въ примѣненіи въ женщины“.

что вся эта ломка производится по высшимъ соображеніямъ, до времени скрываемымъ. Унгеръ говоритъ что слова: τὸν ἀπ' Ἀναξικράτους χρόνον ἕως Φιλίππου, πεντακαίδεκαετῆ γενόμενον, ἔχει διέτριψεν имѣютъ только кажущееся соотношеніе съ приписками, находящимися въ каталогѣ подъ именами этихъ архонтовъ; что ихъ слѣдуетъ понимать въ такомъ смыслѣ, что и годъ Филиппа былъ вполне прожить Динархомъ въ изгнаніи; что иначе нельзя объяснить, почему Діонисій считаетъ рѣчи, датированныя архонтами отъ Анаксикрата до Филиппа вклячительно, подложными; что Фотій (Bibliotheca 496 В. 27)⁹²) гораздо точнѣе выражается (γεναιεστε Ἀναξικράτου), когда говоритъ, что онъ былъ въ изгнаніи около 15 лѣтъ; что именно не въ самомъ началѣ года Анаксикрата Димитрій овладѣлъ Афинами, что явствуется изъ словъ Филохора, цитируемаго Діонисіемъ (гл. 3): Τοῦ γὰρ Ἀναξικράτους ἀρχοντος, εὐθὺς μὲν ἢ τῶν Μεγαρέων πόλις ἑάλω, ὁ δὲ Δημήτριος, ὁ κατελθὼν ἐκ τῶν Μεγάρων, παρεσκευάζετο τὸ πρὸς τὴν Μουνοχίαν καὶ τὰ τεῖχη κατασκάψας ἀπέδωκε τῷ δήμῳ, κτλ., а напротивъ, возвращеніе должно было состояться въ началѣ года „um die Zeit des Archontenwechsels“. Почему непременно такъ—объ этомъ Унгеръ умалчиваетъ; лучше сказать, ему стыдно назвать причину, побудившую его къ такому утверженію. Причина находится въ той же главѣ Діонисія, въ другой цитатѣ изъ того же Филохора: Τοῦ δ' ἐνιαυτοῦ τοιοῦτι διελθόντος, ἑτέρου δ' εἰσιόντος, ἐν ἀκρόπολει σημεῖον ἐγένετο τοιοῦτο· κύων εἰς τὸν τῆς Πολιάδος νεῶν εἰσαλλοῦσα, καὶ δύο εἰς τὸ Πανδρόσιον, ἐπὶ τὸν βωμὸν ἀναβάσα τοῦ Ἐρκίου Διός, τὸν ὑπὸ τῆ ἐλαίᾳ, κατέκειτο. πάτριον δ' ἔστι τοῖς Ἀθηναίοις, κύνα μὴ ἀναβαίνειν εἰς ἀκρόπολιν. περὶ τὸν αὐτὸν δὲ χρόνον καὶ ἐν τῷ ἱερῷ μεθ' ἡμέραν, ἡλίου τ' ἐξέχοντος καὶ οὔσης αἰθρίας, ἀστὴρ ἐπὶ τινα χρόνον ἐγένετο ἐκφανής, ἡμεῖς δ' ἐρωτηθέντες ὑπὲρ τε τοῦ σημείου, καὶ τοῦ φαντάσματος, εἰς ὃ φέρει, φυγάδων κάλυδον ἔφαμεν προσμαίνειν ἀμφοτέρω, κтл. Принимая даже буквально эти негѣпѣшіе анекдоты, можно только сказать, что знаменія совершились въ началѣ года, когда же произошло самое возвращеніе изгнанныхъ—неизвѣстно. Но лучше вовсе молчать о такого рода доказательствахъ. Рѣчь, держанная противъ Проксена, говоритъ далѣе Унгеръ, сказана, очевидно, послѣ Филиппа, такъ какъ считается Діонисіемъ подлинною. Объ этомъ также никто не споритъ. И это не доказательство противъ возвращенія Динарха при Филиппѣ. Изъ разказа Діонисія далеко не обязательно заключать, чтобы онъ судился сейчасъ же

⁹²) ἐπὶ τῆς φυγῆς διαμείνας ἑγγὺς ἑτῆ δέκα καὶ πέντε.

послѣ возвращенія; могло пройти около года времени. Главнымъ доказательствомъ противъ Унгера служитъ непредубѣжденное пониманіе словъ самого же Діонисія. Какъ пятнадцатилѣтній промежутокъ извѣстности Динарха онъ кончаетъ архонтомъ Анаксикратомъ и этимъ же архонтомъ снова начинаетъ пятнадцатилѣтній промежутокъ его изгнанія, такъ точно и Филиппъ стоитъ у него, разумѣется, на грани періодовъ изгнанія и вторичнаго водворенія Динарха въ Афинахъ. Такимъ образомъ считалъ весь древній миръ и придирки къ словамъ въ родѣ тѣхъ, которыя дѣлалъ Унгеръ, только показываютъ неумѣніе или нежеланіе понять это.

Выше уже мы намекнули на то, что если Унгеръ и извращаетъ намѣренно и сознательно факты, то дѣлаетъ это всегда по какимъ нибудь высшимъ соображеніямъ. Таковое руководило имъ и здѣсь и, притомъ, одно изъ самыхъ его любимыхъ—календарное. Лишь на стр. 489 и затѣмъ еще откровеннѣе на стр. 493 раскрывается эта истинная причина. Надпись С. I. A. II 305 года архонта Главкиппа, о которомъ рѣчь впереди, происходитъ по соображеніямъ Унгера изъ сложнаго года и вмѣстѣ съ тѣмъ отнесена Келеромъ къ СXXXII Олимпіадѣ приблизительно. По расчетамъ Унгера сложныхъ годовъ, между которыми можетъ быть выборъ, только два: $29\frac{2}{1}$ до Р. Х. и $28\frac{2}{8}$ до Р. Х. На эти годы имѣютъ претензію два архонта—Главкиппъ и Калимидъ. Вотъ она и истинная причина. „Von Philippos“ говоритъ Унгеръ (стр. 493) „kann für das erste von beiden Jahren schon desswegen keine Rede sein, weil wir für jene zwei Archonten kein drittes Schaltjahr zur Verfügung haben. Wir ergänzen daher die Lücke bei Dionys. Halic. Dein. 9. durch Einsetzung des Glaukippos an der letzten Stelle: „Νικόστρατος, Ὀλυμπόδωρος, Φίλιππος, Γλαύκιππος ἐπὶ τοῦτου κτλ.“ Архонтъ Главкиппъ, какъ мы увидимъ позже, дѣйствительно, можетъ быть, относится (но только въ самомъ широкомъ смыслѣ) къ началу III в. Калимидъ же относится ко времени царствованія Антигона Гонатя. Уже изъ этого одного видно, какую цѣну могутъ имѣть „точныхъ“ заключенія на основаніи фантастическихъ выводовъ, изъ за которыхъ ученые въ родѣ Унгера готовы разсудить, извратить, самое ясное и простое преданіе.

Адольфъ Шмидтъ *) вполне соглашается съ разсужденіями Унгера и еще подчеркиваетъ ихъ. Въ особенности ему нравится ба-

*) Handbuch der Griechischen Chronologie, изданный по смерти автора Фр. Рюмеля. Jena 1888. стр. 594.

вальное объясненіе пропуска Главкиппа въ спискѣ тѣмъ, что Φίλιππος и Γλαυκίππος—оба кончаются на ιππος⁹⁴).

Гораздо осмотрительнѣе поступаетъ въ данномъ случаѣ Вилламовицъ-фонъ-Меллендорфъ⁹⁵). Онъ прямо утверждаетъ, что въ спискѣ Діонисія стояло всегда только 69 архонтовъ, объясняетъ число 70, обѣщанное имъ, просто его собственнымъ недосмотромъ и упрекаетъ Унгера въ напрасномъ желаніи отдѣлаться отъ необходимаго заключенія, что Филиппъ дѣйствительно послѣдній архонтъ въ спискѣ Діонисія. Онъ недалеко отъ истины и если бы не вздумалъ просто отвергнуть надпись Менандра, а разсмотрѣлъ бы ея показанія внимательнѣе, то могъ бы придти къ окончательному выводу и, вмѣстѣ съ тѣмъ, добыть точную дату смерти Менандра.

Мы можемъ теперь подвести итоги всего предыдущаго изслѣдованія, ставшаго, сознаемся, слишкомъ длиннымъ. Архонтъ Филиппъ съ полною увѣренностью можетъ быть отнесенъ къ 29³/₂ году до Р. Х. Такимъ образомъ мы получаемъ для первыхъ годовъ III столѣтія слѣдующихъ архонтовъ⁹⁶):

⁹⁴) Уж. мѣсто, Ol. 121,4 (29³/₂) und Ol. 122,1 (29¹/₂). Das *erstere* Jahr erweist sich als das des Philippos und als Gemeinjahr, das *zweite* als das des Glaukippos und als Schaltjahr..... Endlich tritt die Erscheinung ein dass *in eben dieser Zeit* auch Kallimedes Archon in einem *Schaltjahre* war. Da dies kein späteres gewesen sein kann wie 122,4. so bleibt kein anderes Schaltjahr, überhaupt gar kein anderes Jahr für Glaukippos übrig als 122,1. Denn *weil* das Jahr des Glaukippos ein *Schaltjahr* war, so kann es weder mit 121,4 noch mit 122,2 identisch sein, da im erstern Fall die drei folgenden, im zweiten die drei vorangehenden Jahre hätten *Gemeinjahre* sein müssen, was unmöglich ist. Dergestalt kann Ol. 122,1 auch ohne die Beihülfe des korrespondirenden Jahres 112,2 und anderweitiger Combinationen als *Schaltjahr* erwiesen werden. Folglich muss das Jahr des Philippos ein Gemeinjahr gewesen sein, und zwar notwendig das Jahr ol. 121,4 als das einzig vakante jenes Jahrzehnts. Damit vertritt Philippos in Wahrheit die Stelle, die er bei Dionysius als *neunter* der genannten Archonten einnimmt. Die Auslassung des *Zehnten* aber. d. i. des Glaukippos, erklärt sich nun sehr leicht bei der Thätigkeit des Kopirens durch die *gleiche* Endung der *beiden* letzten Namen auf ιππος. Я выписалъ эту длинную тираду, чтобы показать на какихъ призрачныхъ основаніяхъ дѣлають свои „точные“ заключенія—хронологи.

⁹⁵) Antig. v. Karyst. стр. 240.

⁹⁶) Имена тѣхъ, которые сохранились эпиграфическимъ путемъ, напеча таны маюскулами. Если имя секретаря года известно, то оно также приписано. Далѣе подъ именемъ каждаго архонта слѣдуетъ по возможности полный списокъ сначала надписей, а потомъ мѣстъ писателей, гдѣ ими его встрѣчается. Надписи всегда указаны по послѣднему и лучшему наданію.

300/299 ΗΓΕΜΑΧΟΣ

Имя секретаря неизвестно.

Елиграфическіе источники:

C. I. A. II. 600. (Контрактъ объ отдахъ Діалейцами земли вѣ-
коему Діонисию).

C. I. A. II. 611 (Декретъ вѣасотовъ въ честь Димитрія Олиноійца,
бывшаго секретаремъ вѣаза въ годъ предшественика Игемаха—
Клеарха).

C. I. A. II. 612. (Декретъ всадниковъ въ честь казначеевъ богини,
бывшихъ при Игемахъ арх. Самый декретъ происходитъ изъ года
его преемника Евктимона, имя котораго пропало вмѣстѣ съ отломлен-
нымъ началомъ надписи).

Bull. de cong. Hellén. III. стр. 510. (Третій изъ трехъ декретовъ
вѣасотовъ въ честь Стефана сына Милоэра, оружейнаго мастера и іеро-
пія Афродиты. Два предшествующія происходятъ изъ годовъ Никола
и Клеарха архонтовъ).

Ἐφ' Ἠγεμάχου ἄρχοντος ἀγαθεῖ τόχ[ει
Σωκλῆς εἶπεν· ἐπειδὴ Στέφανος ἱερο
ποιὸς γενόμενος εὖ ἐπεμελήθη τῆς θ[υ
σίας τῆς Ἀφροδίτης δεδόχθαι τοῖς θ[υα
σώταις ἐπαινέσαι Στέφανον Μολωθρ[οῦ
καὶ στεφανῶσαι θαλλοῦ σταφάνωι καὶ
δοῦναι αὐτῷ ἀπὸ τοῦ κοινοῦ ΔΔ δραχ. τὸν
δὲ λαβόντα ἀναθεῖναι ἀνάθημα ἐν τοῖ
ἱεροῖ ἐπιγράψαντα τόδε τὸ ψήφισ
μα ὅπως ἂν ὡς πολλοὶ οἱ φιλοτιμούμε
νοι εἰδότες ὅτι ἐπίστανται χάριτας ἀ
ποδιδόναι οἱ θιασῶται.

Литературные источники.

Dionys. de Dinarcho. 9.

Vol. Hercul². II, 24—36. 1151. (=Usener. Episcurea стр. 128).
ἘΠΙΚΟΥΡΟΥ | ΠΕΡΙΦΥΣΕΩΣ | ΙΕ | ἀριθ(μὸς) XXXHH | ἐγράφη ἐφ
ΗΓΕΜΑΧΟΥ.

29^{9/8} ΕΥΚΤΗΜΩΝ.

Секретарь: Θεόφιλος Σ...θε[ον]τος⁹⁷⁾ Κεφαλήθευ.

С. I. A. II. 297. Декретъ въ честь Посидиппа с. [В]акхія Кооокидца⁹⁸⁾, особенно отличившагося въ посольствѣ къ царю Кассандру.

С. I. A. II. 314. Въ позднѣйшемъ декретѣ года архонта Евѳиіи въ честь комика Филиппида, возвратившагося въ годъ Евкτιмона или, вѣрнѣе, въ концѣ предшествовавшаго года изъ посольства къ Лисимаху. Къ этому документу мы тотчасъ возвратимся.

С. I. A. II. 612. (см. подъ арх. Игѳмахомъ). Имя Евкτιмона пропало здѣсь вмѣстѣ съ началомъ надписи.

С. I. A. II. 613. Декретъ ѳіасотовъ въ честь Минида сына Мнисѳея Ираклеота. Здѣсь имя Евкτιмона восстановлено Келеромъ, какъ кажется, несомнѣнно.

Здѣсь умѣстно будетъ разобрать еще одну неудачную попытку пополнить предполагаемый пропускъ въ спискѣ Діонисія. Попытка эта сдѣлана въ X томѣ *Hermes*'а Шубертомъ⁹⁹⁾. Но для лучшаго подтвержденія несостоятельности его мнѣнія выпишемъ сначала весь пассажъ надписи въ честь Филиппида (на основаніи которой Шубертъ развиваетъ свое объясненіе), относящійся къ году архонта Евкτιмона. Пассажъ этотъ чрезвычайно важенъ во многихъ отношеніяхъ.

ст. 7—29.

.... ἐπειδὴ Φιλίππιδης διατετέλεχεν ἐν παντί καιρῷ[τῷ] ἀποδεικνύμενος τὴν πρὸς τὸν δῆμον εὖνοιαν καὶ ἀποδημήσας πρὸς [τὸν] βασιλέα Λυσιμάχον πρότερόν τε διαλεχθεὶς τῷ βασιλεῖ ἐχομίσειν τῷ δήμῳ δωρεὰν πυρῶν μεδίμνους Ἀττικῶς μετρίους. τοὺς διαδοθέντας πᾶσιν Ἀθηναίοις ἐπ' Εὐκτῆμονος ἄρχοντος διελέχθη δὲ καὶ ὑπὲρ κεραιῆς καὶ ἰστοῦ ὅπως ἂν δοθῆι τῇ θεῷ εἰς τὰ Παναθηναῖα τῷ πέπλῳ ἃ ἐχομίσθη ἐπ' Εὐκτῆμονος ἄρχον-

⁹⁷⁾ Патронимика секретаря я не могъ восстановить. Во всякомъ случаѣ восстановленіе Θεοφώντος, которое предлагаетъ Келеръ, хотя и подходит по числу буквъ, кажется намъ весьма сомнительнымъ въ виду копія самого же Келера.

⁹⁸⁾ Посидиппа этого не слѣдуетъ смѣшивать съ известнымъ комикомъ Посидиппомъ, который былъ сыномъ Книиска и не былъ, кажется, аѳинскимъ гражданиномъ.

⁹⁹⁾ *Hermes*, X, стр. 447 слл. „Das archontat des Diocles“.

τος, καὶ νικῆσαντος Λυσιμάχου τοῦ βασιλέως [τῆν μάχην τὴν Ἰψῶι γενομένην πρὸς Ἀντιγόνην καὶ] Δημήτριον τοὺς μὲν τελεστήσαντας ἐν τῷ κ[ι]νδύῳ τῶν πολιτ[ῶν] ἔθαψεν τοὺς ἑαυτοῦ ἀναλώμα[σιν], ὅσοι δὲ εἰς ἀρχαῖοι ἐγένοντο ἐμφανίσας τῷ βα[σιλεῖ καὶ] λαβὼν αὐτοῖς ἀφε[σ]ιν τοὺς μὲν βυλομέν[ους στρα]τεύεσθαι διώκτησεν ὅπως ἂν καταχωρισθῶσιν [ἐν] ἡγεμονίαις, τοὺς δὲ προαιρουμένους ἀπιέναι ἀμφιέρας καὶ ἐφόδια δοὺς παρ' ἑαυτοῦ ἀπέστειλεν ὡς ἕκαστοι ἤβ[η]σάντων πλείους ὄντας ἢ τριακοσίουσ. παρεϊτήσατο δὲ καὶ ὅπως ἂν ἀφεθῶσιν καὶ ὅσοι τῶν πολιτῶν κατελήφθησαν ἐν τῇ Ἀσίᾳ εἰργμένοι ὑπὸ Δημητρίου καὶ Ἀντιγόνου.

Нѣтъ никакого сомнѣнія, что слова ἡ ἐχομίσθη ἐπ' Εὐκτῆμονος ἀρχοντος могутъ быть понимаемы только въ смыслѣ несенія въ самой процессіи панаѳиннейскоѣ. Подтверженіемъ этому служить (хотя и безъ того, казалось бы, не могло быть мѣста сомнѣніямъ) параллельное выраженіе „τοὺς διαδοθέντας πᾶσιν Ἀθηναίοις ἐπ' Εὐκτῆμονος ἀρχοντος“. Но большинство издателей держится противоположнаго мнѣнія, а именно ἐχομίσθη значить только, что снасти прибыли въ Аѳины при Евктимонѣ, а употреблены были въ первый разъ въ великія панаѳинней слѣдующаго 29^а/7 года¹⁰⁰). Именно эти великія панаѳинней и сбиваютъ ихъ всѣхъ. Извѣстно, что великія Панаѳинней праздновались въ Икатамвеонѣ каждаго 3-го олимпійскаго года¹⁰¹), годъ же Евкτιмона по списку Діонисія выходитъ—вторымъ. Но, спрашивается, что дало право ученымъ видѣть въ Панаѳиннеяхъ, упоминающихся въ надписи Филиппида, непременно великія Панаѳинней? Несеніе пепла составляло необходимую составную часть ежегодныхъ Панаѳинней и, вѣ-

¹⁰⁰) *Asi. Mommsen* (Heortol. стр. 187) высказывается предположительно „Vermuthlich wurden die königlichen Gaben nicht an den (kleinen) Panathenäen in Euctemons Jahre zuerst producirt, sondern gingen im Vorsommer a. Chr. 298 ein, so dass die grossen Panathenäen von Ol. 120, s. zuerst durch sie verherrlicht wurden“. У послѣдующихъ уже на этомъ предположеніи строятся выводы. Такъ у *Dröysena* (Diad. 2, стр. 247 прим. 2) „es ist von Interesse, dass in dem erwähnten Decret angeführt wird, könig Lysimachos habe auch einen neuen Mast für den Peplos der Panathenäen gestiftet; die (!) im ersten Monat jedes dritten Olympiaden Jahres gefeiert wurden; somit ist Euctemon wohl Archon für Ol. 120, s und die Lücke in Dionys' Archontenreihe liegt später“. *Димменбергер* (Sylloge Inscript. Gr. n. 143 прим. 6 „Sed cum Panathenaea Magna primo anni mense Hecatombaeone celebrata sint, non est cur cum eodem (т. е. съ Шубертонъ) Euctemonem Ol. 120, s (29^а/7 a. Ch.) demum in magistratu fuisse statuamus. Immo sub finem anni antecedentis dona regis Athenas pervenerunt“.

¹⁰¹) *См. А. Моммсенъ. Heortologie, стр. 119 сл.*

роятно, онъ ткался каждый годъ заново¹⁰²⁾. Извѣстіе о томъ, что однажды во время процессіи пеплѣ, на которомъ были вытканы портреты царей Антигона и Димитрія, разорвался отъ вѣтра¹⁰³⁾, также не позволяетъ сдѣлать какихъ-либо основательныхъ заключеній не только о годѣ Панаэиней, упоминающихся въ надписи въ честь Филиппида, но даже относительно тѣхъ Панаэиней, въ которыя разорвался пеплѣ. Не такъ поступаютъ упомянутые ученые. Исходя изъ того же ложнаго предположенія о великихъ Панаэинейхъ, они стараются опредѣлить объ дати¹⁰⁴⁾. Шубертъ въ сущности только послѣдовательно прочихъ, когда онъ, исходя изъ ложной посылки великихъ Панаэиней, приходитъ къ ложному же выводу о перенесеніи архонта Евктимона съ 29⁹/₈ г. до Р. Х. на 29⁸/₇ г. до Р. Х. Онъ объясняетъ при этомъ „ἐχορίσθη“ точно также¹⁰⁵⁾, какъ мы выше объяснили и какъ по нашему мнѣнію, только и можно объяснить; но, твердо вѣря, что рѣчь можетъ быть только о великихъ Пана-

¹⁰²⁾ А. Моммсенъ, ук. соч., стр. 186 сл. Безъ разсужденія о томъ что „man für das grosse Fest schönere Peplen arbeitete und namentlich in dem sinkenden Athen sich für das kleinere Fest sogar zu zeiten wohl mit ausgebesserten Peplen begnügte“ и т. д. не имѣютъ никакой фактической подкладки въ источникахъ.

¹⁰³⁾ Плутархъ Δημήτριος 12: 'Ἐπισήμηνε δὲ τοῖς πλείστοις τὸ θεῖον. Ὁ μὲν γὰρ πέπλος, ὅπερ ἐψηφίσαντο μετὰ τοῦ Διὸς καὶ τῆς Ἀθηνᾶς προσενυφῆναι Δημήτριον καὶ Ἀντίγονον, περπομενος διὰ τοῦ Κεραμεικοῦ μέσος ἐρράγη θυέλλης ἐμπροσθένος. Тотъ же Филиппидъ, который, какъ видѣли, хлопоталъ у Лисимаха о новыхъ снастяхъ, сочинилъ на Стратокла, димагога особенно врождебнаго Димитрію, по поводу приключенія съ пепломъ слѣдующіе стихи:

„ὄτι' ὄν ἀπέκαυσεν ἢ πάχην τοῦ ἀμπέλου,
ὄτι' ὄν ἀσεβοῦνθ' ὁ πέπλος ἐρράγη μέσος,
τὰς τῶν θεῶν τιμὰς ποιοῦντ' ἀνθρωπίνας,
ταῦτα καταλύει θεῖμον, οὐ χωμφδία.

Впрочемъ, обычай ткать на пеплосѣ изображенія лицъ, оказавшихъ особымъ услугу городу, существовалъ независимо отъ лести Антигону и Димитрію см. А. Моммсенъ, *Neotol.* стр. 186.

¹⁰⁴⁾ И здѣсь то, что прежде высказывалось въ видѣ гипотезы, является потому непереложною истиной. Такъ Шубертъ (*Herin. X.* стр. 447) говоритъ только: „nicht lange vor der Schlacht bei Ipsus war bei einer Panathenäenprocession der Peplus durch einen Windstoss zerrissen worden“. Пройдя черезъ разные отгѣнки, это предположеніе въ *Sylogge Dittenbergers* получило форму: „quod cum magnis Panathenaeis Ol. 119,з. (30⁹/₇, а Chr.) factum esse constat“.

¹⁰⁵⁾ Или, точнѣе, почти также, потому что онъ относитъ образу надписи къ какому то (имъ изобрѣтенному и, конечно, совершенно ненужному) освященію новыхъ снастей, бывшему однако въ связи съ самою процессіей“.

онинахъ, онъ считаетъ необходимымъ подвинуть архонта Евктимона съ 29³/₈ на 29³/₇ годъ до Р. Х., такъ какъ послѣдній есть третій Олимпійскій годъ. Вѣря въ существованіе пропуска у Діонисія, онъ считаетъ, что нашелъ такимъ образомъ настоящее его мѣсто. Въ лагуну, то-есть, на 29³/₈ годъ онъ ставитъ архонта Діокла, что стоитъ въ связи съ его объясненіемъ „четыреклѣтней войны“ и о чемъ рѣчь впереди. Но мы видѣли уже, что нѣтъ никакой необходимости думать именно о великихъ Панаонинахъ и, такимъ образомъ, нѣтъ необходимости прибѣгать ни къ натяжкамъ въ пониманіи текста, ни къ манипуляціямъ со спискомъ Діонисія. Если мы рассмотримъ общую связь цитированнаго пассажа надписи, то еще болѣе въ томъ убѣдимся. Изъ всего видно, что главную цѣль посольства Филиппида къ Лисимаху составляли именно переговоры о плѣнныхъ аонинцахъ. Разумѣется Филиппидъ долженъ былъ отправиться какъ только получилась въ Аоннахъ вѣсть о дѣлѣ при Ипсѣ. По всей вѣроятности въ одно время съ Филиппидомъ отправилось и посольство къ Дмитрію, которое должно было объявить ему, что онъ не будетъ допущенъ въ Аонны¹⁰⁶). Трудно сказать, куда ѣздилъ Филиппидъ къ Лисимаху, въ Малую Азію или во Фракію. Во всякомъ случаѣ, конечно, Лисимахъ остался въ Малой Азіи еще довольно продолжительное время послѣ битвы¹⁰⁷). Точная дата самой битвы неизвестна. Изъ Діодора можно только заключить, что она была приблизительно лѣтомъ 301 юліанскаго года до Р. Х.¹⁰⁸). Итакъ, положимъ что Филиппидъ началъ свои переговоры въ самомъ началѣ юліанскаго 300-го года до Р. Х. (то-есть, въ серединѣ года архонта Кларха), — то обстоятельство, что выпрошенные имъ во время этихъ же переговоровъ подарки были употреблены въ Аоннахъ согласно своему назначенію лишь при Евктимонѣ архонтѣ, лѣтомъ

¹⁰⁶) Плутархъ Δημητρ. XXX.

¹⁰⁷) Это заключаетъ Дройзенъ (Diadoch. II, 234) изъ того, что Дмитрій тотчасъ послѣ неудачныхъ попытокъ утвердиться въ Греціи отправился осуждствовать Фракіійскій Херсонисъ и дѣйствовалъ тамъ съ успѣхомъ (Плут. Δημ. XXXI). Лисимахъ былъ занятъ послѣ битвы при Ипсѣ переговорами о новомъ союзѣ съ Птоломеемъ противъ Селевка, для чего, конечно, долженъ былъ остаться въ Азіи. Самый раздѣлъ бывшаго царства Антигона могъ, конечно, произойти лишь въ присутствіи всѣхъ трехъ царей на мѣстѣ. Посылка хлѣба аонинцамъ, о которой также хлопоталъ Филиппидъ, заставляеть, кажется, склониться на сторону того, что переговоры велись уже по возвращеніи Лисимаха въ свой столицу.

¹⁰⁸) Diod. XX, 113. Дройзенъ. Diadochen. II, 216, прим. 2.

299-го юліанскаго года, то-есть, черезъ полтора года послѣ предложеннаго нами начала самыхъ переговоровъ,—не дозволяетъ еще сдѣлать никакихъ заключеній о продолжительности этихъ послѣднихъ или пребыванія Филиппида при дворѣ Лисимаха ¹⁰⁹). Филиппидъ могъ вернуться и раньше, но мачта могла не успѣть къ Панаэинеамъ года архонта Игемаха, а посылка хлѣба была въ зависимости отъ времени года, жатвы и т. д. Рѣшить такіе вопросы разумѣется невозможно. Нельзя однако не сознаться, что промежутокъ между просьбой и исполненіемъ ея при нашемъ объясненіи не переступаетъ мѣру возможнаго, тогда какъ при общепринятомъ объясненіи, то-есть, принявъ, что снасти прибыли въ Аэины лишь въ концѣ года Евктимона архонта, а употреблены были лишь въ Панаэинен слѣдующаго года, равно какъ и при перевесеніи самаго Евктимона на 29⁸/₇ годъ до Р. Х. промежутокъ этотъ растягивается уже до 2¹/₂ лѣтъ, что во всякомъ случаѣ не такъ удобно.

29⁸/₇ Μνησιδῆμος

Извѣстенъ только изъ Діонисія.

περὶ Δαιμόρου 9.

29⁷/₆ Ἀντιφάτης.

Имя этого архонта пробовали возстановить въ нѣсколькихъ надписяхъ, но безъ достаточной убѣдительности, а именно:

С. I. A. II. 252 B. Отрывокъ прескриптъ съ именами симпроедровъ. Возстановить въ немъ имя Антифата предлагаетъ Рейшъ въ Hermes XV стр. 346, на томъ основаніи, что день пританен совпадаетъ съ днемъ мѣсяца, а это, по мнѣнію Рейша, продолжалось только съ 30⁶/₆ по 29⁴/₆ годы до Р. Хр., а съ тѣхъ поръ стала уже замѣчаться разница. Но этотъ послѣдній доводъ невѣренъ, такъ какъ, напримѣръ, въ надписи С. I. A. II. 332 года Пнеидима архонта даты также совпадаютъ, но она относится ко времени Хремонидовской войны. Въ надписи С. I. A. II. 336 года архонта Клеомаха, мы наблюдаемъ то же самое явленіе и, однако, она также по всей вѣроятности позже 270 года и уже во всякомъ случаѣ позже того маленькаго промежутка времени, въ теченіе котораго, по мнѣнію Рейша, совпадаетъ день пританен съ днемъ мѣсяца.

¹⁰⁹) У Плутарха (Алѣ. XIII) есть мзвѣстіе, что Димитрій задержалъ одно аэинское посольство два года при своемъ дворѣ. Но это, впрочемъ, указывается, какъ на ничто изъ ряда вонъ выходящее.

Унгеръ возстановляетъ имя того же архонта въ С. I. А. II. 319¹¹⁰⁾ на основаніи календарныхъ соображеній — и потому мы уже не станемъ входить здѣсь въ его доводы. Съ исторической точки зрѣнія приходится оставаться на счетъ этого фрагмента пока при мнѣніи Келера, который, на основаніи того, что въ надписи упоминается лицо, находящееся въ чести у царя Лисимаха, считаетъ эту надпись происходящею или изъ періода 29⁵/₈—29⁵/₄ гг. до Р. Хр. или отъ 28⁷/₈—28²/₁ до Р. Хр. ¹¹¹⁾.

Рейшъ ¹¹²⁾ возстановляетъ имя Антифата также еще въ одной надписи, изданной въ 'Αθήνων VI стр. 386 п. 4. Надпись эта происходитъ изъ того же года, что и С. I. А. II. 252 в. такъ какъ въ ней встрѣчается тотъ же секретарь: . . . ος Λόχοο 'Αλωπεκῆθεν.

Такимъ образомъ архонтъ Антифатъ засвидѣтельствованъ пока только путемъ литературнымъ. Онъ встрѣчается въ двухъ мѣстахъ: Діонисій Περὶ Δεινάρχου 9.

Vol. Herc. ² VI 37—54. 1479 (Узенеръ—Erisurea стр. 128, ^ю).

ΕΠΙΧΟΥΡΟΥ | ΠΕΡΙΦΥΣΕΩΣ | ΚΗ | ΤΩΝΑΡΧΑΙΩΝ ΕΓΡΑΦΗΣΙ.
ΝΙΚΙΟΥΤΟΥΜετ'ΑΝΤΙΦΑΤΗΝ.

29⁵/₈ ΝΙΚΙΑΣ.

Секретарь года 'Α[v]τ[ι]χ[ρ]ῆτης Κρατίου...

Источники эпиграфическіе.

С. I. А. II. 299. Фрагментъ прескриптъ.

Athen. Mitteil. V, стр. 326.

ἐ π ἰ Ν ἰ χ ἰ ο υ ἄ ρ Χ Ο Ν Τ Ο Σ ὕ σ τ ε Ρ Ο Υ Ε Π ἰ τ ῆ
ς . . . . . ς Τ Ε τ Δ ρ τ ῆ ς π ρ ο Τ Α ν ε ἰ α
ς

По мнѣнію Келера надпись эта того же дня, что и С. I. А. II. 299, но отъ имени пританен сохранились только весьма сомнительные остатки. На основаніи этой надписи въ С. I. А. II. 299 слѣдуетъ, конечно, тоже возстановлять ὕστερου вмѣсто ὕστερον.

С. I. А. II. 331 надпись въ честь Федра. Здѣсь Никія 29⁵/₈ года упоминается мимоходомъ, но въ очень интересномъ и, вѣроятно съ

¹¹⁰⁾ *Philologus* XXXVIII стр. 456 прим. 20 и Supplementband V стр. 684.

¹¹¹⁾ Conlaudabatur vir quidam propter officia apud Lysimachum regem praestita. Actum id esse debet aut inter Ol. 120,² (29⁵/₈ a. Ch.) et Ol. 121,² (29⁵/₄ a. Ch.) aut inter Ol. 123,² (28⁷/₈ a. Ch.) et Ol. 124,² (28²/₁ a. Ch.), quo anno Lysimachus mortuum esse constat. прим. къ указ. надп.

¹¹²⁾ Указ. статьи въ *Hermes*.

Уже выше мы замѣтили, что на основаніи фрагмента, издавнаго въ *Ath. Mitt.* V стр. 326, въ первой строкѣ здѣсь также слѣдуетъ возстановлять ὄστερον, а не ὄστερον, какъ дѣлали то раньше.

Главное затрудненіе состоитъ въ томъ, что, во первыхъ, архонтъ носить необыкновенный эпитетъ ὄστερος — „поздній“, вовторыхъ, четвертая пританея годѣ падаетъ на мѣсяць Мунихіонъ. Очевидно, оба эти обстоятельства стоятъ въ связи другъ съ другомъ; архонтъ Никія началъ править въ срединѣ года и вмѣстѣ съ нимъ съ середины года стали считаться и пританеи. Весь вопросъ въ томъ—какъ объяснить такую странность?

Уже въ первомъ изданіи этого фрагмента ¹¹³⁾, Келеръ отождествилъ упоминающагося въ немъ архонта Никію съ Никіемъ Діонисіевскаго списка и приводитъ въ связь его несвоевременное вступленіе въ должность съ падающею на этотъ же годъ тиранніею Лахара или, вѣрнѣе, сверженіемъ Лахара Димитріемъ. Димитрій при этомъ, по словамъ Плутарха, „κατέστησαν ἀρχάς αἱ μάλιστα τῷ δήμῳ προφύλει; ἦσαν ¹¹⁴⁾. Слѣдовательно, при Лахарѣ или, по крайней мѣрѣ, въ концѣ его правленія, демократическіе магистраты были уничтожены. Это все прекрасно совпадаетъ съ подписью. Вторая часть тогдашняго объясненія Келера совершенно невѣроятна. Именно онъ предполагаетъ, что Никія доархонтствовалъ недоконченный имъ въ 29⁶/₈ г. годъ уже послѣ сверженія Димитрія въ 28⁷/₈ г. до Р. Х. ¹¹⁵⁾.

¹¹³⁾ *Hermes*, II, стр. 321 слз.

¹¹⁴⁾ Плутархъ Δημήτριος 34.

¹¹⁵⁾ Аргументація Келера страдаетъ въ указанной статьѣ неясностью, которая подчасъ составляетъ вообще его существенный недостатокъ. Такъ на стр. 322 читаемъ: „Eine solche (Erklärung) gewähren, wenn ich nicht irre, die Ereignisse des Jahres Ol. 123, 2. In diesem Jahre nämlich vertrieben die Athener unter Anführung des Olympiodor die Besatzung des Demetrios Poliorketes, und einer der ersten Akte, durch welche sie von der wiedererlangten Unabhängigkeit Gebrauch machten, war der, dass sie den derzeitigen ἑραβός Σωτήρον aus der Liste der Eponymen strichen und wieder Archonten zu wählen beschlossen (Plut. Dem. 46. Что это извѣстіе, по крайней мѣрѣ въ той формѣ, въ какой передается Плутархомъ, совершенно невѣрно—доказалъ въ томъ же томѣ *Hermes*'а, на стр. 161 сл. Кирхгофъ). Eine genaue Angabe über den Zeitpunkt dieser Ereignisse besitzen wir nicht; nach Droysens Berechnung (Gesch. d. Hell. 612. 617) würde die Vertreibung der makedonischen Besatzung spätestens in den Anfang von Ol. 121, 2 zu setzen sein.... Unbedingt sicher indess scheint mir die Droysensche Berechnung nicht... Es ist mir daher sehr wahrscheinlich, dass Νίξιας in Folge eines dieser beiden Ereignisse damals sein Amt nicht zu Ende geführt habe, und dass sich daraus seine Wiederwahl Ol. 123, 2, welche wenn nicht gegen das Gesetz, doch gewiss gegen den Gebrauch war, erkläre“.

Издавая вторично эту надпись уже въ С. I. А. Кёлеръ отказался отъ второй неудовлетворительной части своего объясненія и призналъ, что Никія вступилъ въ должность въ срединѣ года. Подъ п. 299 онъ удерживаетъ свое объясненіе причины, по которой Никія вступилъ такъ поздно, смутнымъ временемъ тиранніи Лахара, но вмѣстѣ съ тѣмъ, склоняется на сторону стараго еще Корсиніевскаго способа объясненія подобныхъ затрудненій суффлектами ¹¹⁶⁾. Вскорѣ, однако, до его свѣдѣнія дошла другая надпись, также упоминающая одного архонта съ эпитетомъ δεύταρος (издана въ Addenda подъ п. 299 b.), которая заставила его окончательно перейти на сторону признанія существованія суффлектовъ въ Аѣинахъ и датировки ими. Даже болѣе; онъ безъ всякаго основанія отрицаетъ въ примѣчаніи въ этой послѣдней надписи тожество архонта Никіи Діонисіевскаго списка и Никіи надписи п. 299 ¹¹⁷⁾.

Дройзенъ ¹¹⁸⁾, подробно разсматриваетъ обѣ надписи, пространно разсуждаетъ объ ихъ календарныхъ особенностяхъ и склоняется на сторону прежняго Кёлеровскаго объясненія п. 299, то-есть, на то, что Никія вступилъ въ должность въ мѣсяцѣ Гамиліонѣ, потому что въ первую половину года правилъ Лахаръ и демократическія власти были уничтожены. Далѣе онъ касается вкратцѣ упоминанія Никіи въ декретѣ въ честь Федра и высказываетъ, между прочимъ, что Никія, при которомъ Федръ былъ агонистомъ, есть никакъ не Отринеецъ, какъ могло бы показаться, потому что онъ упомянутъ внѣ хронологической связи, а все тотъ же Никія βύταρος 29⁶/₆ г. до Р. Х.

Унгеръ ¹¹⁹⁾ исходитъ изъ послѣдняго объясненія Кёлера и отвергаетъ его. Надпись С. I. А. II, 299 b, заставившую послѣдняго столь рѣшительно перемѣнить свое мнѣніе, онъ приписываетъ году архонта Аполлодора Ol. 115, 2. 31⁸/₃ и объясняетъ вторичное избраніе его въ должность въ срединѣ (будто бы) года возвращеніемъ въ этотъ ходъ въ Аѣины 2,000 изгнанныхъ гражданъ, что должно было произвести переворотъ въ правленіи (Diod. XVIII. Плут. Φοκίων 28).

¹¹⁶⁾ „Haec mihi reputanti eo inclinat animus, ut quem Dionysius in indice recenset Niciam archontem auctoritatem fuisse existimem“, прим. къ п. 299.

¹¹⁷⁾ „Nulla iam relinquitur causa cur Niciam archontem tituli 299 eundem esse putemus quem Dionysius in indice recenset“.

¹¹⁸⁾ Gesch. d. Hellenismus II, Diodocher. ² прилож. 6. Das Jahr des archon Nikias. стр. 388 слл.

¹¹⁹⁾ Въ указанной выше статьѣ XXXVIII-го тома *Philologus*.

Мы приводимъ ее здѣсь для того, чтобы болѣе къ ней не возвращаться. Въ скобкахъ поставлены дополненія Келера.

έ π . . .		ο δ ὰ ρ ο υ ἄ ρ χ ο υ τ ο ς δ ε ὄ τ ε		ρ ο υ .
. . . . .		φ έ ο ς δ ἔ ᾽ Ε π ι χ ο ὄ ρ ο υ τ ο ὄ		. . . . .
. . . . .		σ ι ο υ ἑ π ι τ ῆ ς Π α ν δ ι ο υ		ν ἰ δ ο ς . . .
. . π ρ		ο τ α ν ε ἰ α ς Μ ο υ ν ι χ ι ὶ ὠ ν ο ς		
. . . . .		τ η ι τ ῆ ς π ρ ο τ α ν ε ἰ α ς ἑ χ χ λ η σ ἰ α		
ἐ ν τ ῶ ἰ θ ε ἄ		τ ρ ω ἰ τ ῶ ν π ρ ο ἔ δ ρ ω ν ἑ π ε ψ ῆ φ		
ι ζ ε ν		Ν ι χ ἰ ο υ Φ ρ ε ἄ ρ ῥ ι ο ς κ α ἰ σ		
ο μ π ρ ὀ ε δ ρ ο ἰ		σ α τ		

Читатель видитъ что при единственномъ не нарушающемъ στοιχηδόν дополненіи номера пританей ἕκτης надпись становится загадкой, требующей разъясненія. Но ничѣмъ не доказано что στοιχηδόν не былъ именно здѣсь нарушенъ, какъ нарушенъ онъ сотни разъ въ документахъ всѣхъ временъ. Уже это простое обстоятельство подрываетъ всѣ тонкости, какія только можно придумать и какія до сихъ поръ были придуманы для объясненія нашей надписи. Возстановлять пропавшее мѣсто такъ, что при этомъ получается исключительный смыслъ всегда рискованно. Тѣмъ болѣе рискованно привлекать одну загадку для объясненія другой, какъ то дѣлаютъ Келеръ и Унгеръ; результаты получаются у нихъ діаметрально противоположныя: Келеръ прямо видитъ въ . . . Ιοδορῆ архонтъ суффекта, Унгеръ — архонта Аполлодора 31³/₄ года. Мнѣніе Унгера имѣетъ на первый взглядъ заманчивый видъ вѣроятности, такъ какъ во второй строкахъ надписи повидимому сохранилось упоминаніе ἀναγραφέος; ¹²⁰⁾), каковая должность до сихъ поръ была извѣстна только изъ документовъ трехъ лѣтъ: Ol. 114,4—115,1. 2. Но это по нашему мнѣнію, не доказательство ¹²¹⁾). Документъ,

¹²⁰⁾ Объ этомъ чиновникѣ см. *C. Schaeffer. De scribis senatus populi que Atheniensium.* Greifsw. стр. 31 сл.

¹²¹⁾ Унгеръ на этотъ разъ отличается добросовѣстностью и пишетъ, что Келеръ, по его просьбѣ, еще разъ осматривалъ надпись. Результатъ получился слѣдующій: „Das in Rede stehende (первый въ имени архонта) Zeichen machte ihm auch *jetzt* noch den Eindruck einer Hasta; also eines Jota oder (*der Schreibweise des Fragments entsprechend*) vielleicht auch eines Rho; weil aber das Zeichen mit dem Bruch zusammenfällt, will er die Möglichkeit nicht durchaus in Abrede stellen, dass ein Lambda dort gestanden habe. Die Inschrift vorläufig in Ol. 115 zu setzen, veranlasste, wie er hinzufügt, bloss die Erwähnung des Anagrapheus; den Schriftcharakter nach würde er geneigt gewesen sein sie für jünger zu halten“. Phil. l. 1. стр.

на сколько позволяет заключить шрифтъ, употребленный въ Согрус, долженъ происходить изъ гораздо болѣе позднихъ временъ, а именно изъ конца III или изъ первой половины II вѣка до Р. Хр. ¹²²). Мы такъ плохо знаемъ перемѣны, происходившія въ государственномъ устройствѣ Аѳонъ въ эллинистическую эпоху, что не можемъ утверждать или отрицать никакой рѣшительно возможности. Наконецъ . . . φέος, начинающее 2-ю строку, можетъ быть прочтено не только ἀναγρα]φέος, но также ἀντιγρα]φέος ¹²³), συγγρα]φέος и даже можетъ быть ἐσ]ρέος, такъ какъ надпись найдена вблизи святилища Асклипіа и первыя буквы, какъ свидѣтельствуеъ Келеръ, находятся какъ разъ на изломѣ.

На позднюю же эпоху указываетъ и второе архонство . . . іодора, которое, разумѣется, нельзя понять иначе, какъ въ томъ смыслѣ, что онъ два раза занималъ должность архонта, подобно Аргею и Мидіи ¹²⁴).

Итакъ, Унгеръ въ главномъ пунктѣ согласенъ съ Дройзеновскимъ и первымъ Келеровскимъ объясненіемъ. Архонтъ Никіа вступилъ въ должность въ срединѣ года, потому что въ началѣ года правилъ Лакхаръ и всѣ демократическія должности были отиѣнены, что явствуетъ изъ того, что Димитрій, взявъ Аѳоны, реставрировалъ демократію. Что касается дальнѣйшихъ расчетовъ Унгера касательно того, сколько времени прошло между этимъ событіемъ и захватомъ македонскаго престола Димитріемъ и его разбора Порфириевскаго списка Македонскихъ царей — это насъ здѣсь ближайшимъ образомъ не касается. Остановимся пока нѣсколько еще на мнѣніи Виламовица фонъ-Меллендорфа ¹²⁵).

Виламовицъ, исходя изъ документа п. 300 и изъ расчетовъ даты водворенія Димитрія на Македонскомъ престолѣ, основанныхъ на

451 прим. 17. Форма Ρ., о которой говоритъ Келеръ, есть конечно встречающаяся въ надписяхъ, о которыхъ сейчасъ будетъ рѣчь.

¹²²) Стоить только сравнить для этого изданныя въ Согрус же документы этого времени пп. 432. 433 (упоминается царь Евменъ II), 439. 442. 953 и др.

¹²³) Существовали ἀντιγραφεὺς τῆς βουλῆς; и ἀντιγραφεὺς τῆς διοικήσεως. Были ли эти должности сохранены до нашего времени, не берусь рѣшить.

¹²⁴) Ἀργεῖος п. 985 Μῆδατος С. I. А. III. 1014, который долженъ быть датированъ иначе, чѣмъ въ Согрус. Первая колонна относится къ концу II-го вѣка, вторая ко временамъ Суллы.

¹²⁵) Philologische Untersuchungen т. IV. Antigonos von Karystos, стр. 237 сл.

сравненіи Плутарха ¹²⁶⁾ и Порфирія ¹²⁷⁾, приходитъ къ заключенію, что Димитрій взялъ Аѳины въ 295⁵/₄ году и въ слѣдующую же весну еще въ 294 г. до Р. Х. завладѣлъ Македоніей. Тѣ же самыя событія, которыя по Унгеру раздѣлены годомъ и девятью мѣсяцами ¹²⁸⁾, у Виламовица разыгрываются въ 3 — 4 мѣсяца. Это характерная иллюстрація того свободнаго обращенія съ источниками, которое позволяютъ себѣ нѣкоторые ученые и вмѣстѣ съ тѣмъ конечно лучшее доказательство недостаточности самыхъ источниковъ. Аѳины взяты въ мартѣ 294 года. Какъ же объяснить теперь позднее вступленіе Никія? У Виламовица ли не найдется на это сейчасъ же готоваго объясненія? — Лахаръ былъ занятый димагогъ — и вотъ онъ ввелъ избраніе въ должности по семестрамъ. Два раза въ годъ былъ избранъ Никія въ архонты, такъ же какъ Федръ въ его правленіе, и конечно вмѣстѣ съ нимъ, два раза былъ избираемъ въ стратиги ¹²⁹⁾.

Противъ дѣйствительно невѣроятнаго предположенія Унгера о двукратной осадѣ и двукратномъ взятіи Аѳинъ Димитріемъ въ 295 и въ 294 годахъ (чтобы уже умолчать о походѣ въ Лидію, родившемся изъ анекдота Полиена V, 17) Виламовицъ возстаетъ справед-

¹²⁶⁾ Плут. Δημήτριος 44... Μακεδονίας νέμεσις ἐπιστασιῶν ὑπὸ Δημήτριον βασιλεὺς ἀρχαίων. Виламовицъ, ириписываетъ тутъ Плутарху то, чего у него вовсе нѣтъ (стр. 237): „Die Zeitbestimmung muss methodischerweise von Plutarch ausgehen, denn dieser lässt unmittelbar nach Athens Eroberung den Demetrios gegen Sparta ziehen, von dort aber gegen Makedonien, das er nach einigem Hinundherziehen durch die Ermordung des Alexandros, Sohnes des Kassandros, erwirbt. Die Herrschaft in Makedonien rechnet Plutarch zu sieben Jahren. Setzen wir das Ende derselben 287 Sommer (ol. 123,2), was sich nicht bloss als wahr, sondern auch als Plutarchische Rechnung ergeben wird, so ist Ol. 121,2 oder 4 der Anfang“. Ничего этого нельзя выводить изъ разказа Плутарха, такъ какъ онъ даетъ только общую нить событій, вовсе не упоминая олимпійскихъ или какихъ либо другихъ годовъ. Дату 287 (Ol. 123,2) только тогда можно бы было назвать Плутарховскою, если бы онъ приводилъ олимпійскій годъ.

¹²⁷⁾ Евсевій изд. *III*ме I, стр. 242.

¹²⁸⁾ Philol. XXXVIII, стр. 457.

¹²⁹⁾ Ук. соч. стр. 238 „Wie kann man in einem Jahre ein Amt zweimal kleiden? Offenbar waren die Aemter grade so wie die Prytaneen im Gamelion neu besetzt und Phaidros war wieder gewählt. Es liegt sehr nahe, dasselbe auch für Nikias anzunehmen: wenn irgend, war es beim Jahresbeamten angezeigt, keine Confusion zu machen, und politisch war kaum eine andere Stelle so bedeutungslos. Was nun den Grund der Aenderung anbetrifft, so ist vieles denkbar, unter anderem auch, dass man eine dauernde Institution beabsichtigt hatte: halbjährige Amtsperioden konnten ja viel demokratischer aussehen“ и т. д.

ливо, но притомъ совершенно напрасно разрушаетъ мѣсто Павсаніа, говорящее о томъ, что Димитрій ввелъ въ послѣдствіи гарнизонъ въ городъ ¹³⁰⁾, также какъ прежде напрасно разрушилъ надпись Менандра. Извѣстіе это находитъ себѣ оправданіе въ преданіи, и война, въ немъ упоминающаяся, засвидѣтельствована епиграфически. Но къ этому мы еще вернемся. Тиранию Лахара Димитрій свергалъ конечно одинъ разъ и никакой другой войны до занятія Македоніи въ Греціи не велъ. Это ясно изъ Плутарха, который описываетъ событія, предшествовавшія взятію Аѳинъ, довольно обстоятельно ¹³¹⁾.

Унгеръ въ послѣдней своей обработкѣ архонтовъ первой половины III вѣка ¹³²⁾ возражаетъ Виламовицу. „Historische Skizze“ Виламовица, говоритъ онъ, такъ слабъ, что не стоитъ собственно возражать противъ него. Съ Лахаромъ пала аристократическая партія, уже и прежде при Антипатрѣ и Кассандрѣ находившаяся у кормила правленія (322 — 307). (А Виламовицъ считаетъ Лахара димагогомъ) ¹³³⁾. Полугодовые должностные періоды не выдерживаютъ критики уже потому, что исходя изъ датировки п. 299 (16 мунихіонъ IV пританея) слѣдуетъ заключить, что пританеи были по 8—9 дней и что такимъ образомъ „поздній“ архонтъ Никія принялъ бразды правленія не за полъ-года до окончанія 29⁶/₇ олимп. года, а лишь за 3¹/₂ мѣсяца. Но главнымъ образомъ Унгеръ здѣсь обрушивается на Виламовица по поводу объясненія имъ пассажа въ надписи въ честь Федра. Оно заключаетъ въ себѣ, по мнѣнію Унгера, *Verstoss gegen die Grammatik*. *Δίς* слѣдуетъ относить не къ словамъ, послѣ которыхъ оно стоитъ, а къ словамъ, слѣдующимъ за нимъ, то-есть, сочинять: *δίς πάντων ὧν προσηκεν ἐπεμελήθη κτλ.* Но это опять не только придирка, но одна изъ характеристичныхъ Унгеровскихъ натяжекъ, разчитанныхъ на то, что читатель не заглинетъ въ контекстъ. Изъ послѣдняго ясно (см. выше), что *δίς* относится именно къ предыдущимъ словамъ и ближайшимъ образомъ должно быть

¹³⁰⁾ Павс. I, 25, 5.

¹³¹⁾ Δημ. XXX — XXXIII.

¹³²⁾ *Philologus Supplementb.* V, стр. 685—686.

¹³³⁾ Унгеръ пускается тутъ въ безцѣльную игру словами: „Das Auftreten eines ἄρχων ὕστερο; und einer innerhalb des Jahres (inser. 299) anfangenden Prytanieordnung kann, wie W(ilamowitz) behauptet, nur die Folge einer *Verfassungsänderung* sein; dieses „nur“ ist unberechtigt: beide Erscheinungen erklären sich eben so gut, je weit besser aus dem „*Sturz eines Parteiregiments*“. Точно будто „*Sturz eines Parteiregiments*“ не есть *Verfassungsänderung*.”

соединяемо съ χειροτονηθεῖς, такъ точно какъ нѣсколькими строками далѣе читаемъ снова χειροτονηθεῖς κλεονάχης., и γενόμενος τρίς. Да и изъ дальнѣйшихъ словъ Унгера видно, что Verstoss былъ не столько противъ грамматики, сколько противъ его, Унгеровскаго, объясненія ¹³⁴⁾. Почему—уже если вообще при одномъ архонтѣ можно было два раза быть назначеннымъ въ какую-нибудь должность—двоекратное исполненіе Федромъ въ годъ Никии должности стратига ведетъ къ непремѣнному предположенію архонтствования Никии и въ первую половину года—совершенно не ясно и опять не вяжется съ контекстомъ, ибо тамъ видимъ τρίς и κλεονάχης, почему контекстъ благоразумно и умалчивается Унгеромъ во всемъ этомъ мѣстѣ. Далѣе онъ настаиваетъ на двукратномъ взятіи Афинъ Димитріемъ и говорить, что его объясненіе анекдота Полиена V, 17, принято Мельберомъ въ специальномъ изслѣдованіи послѣдняго объ источникахъ Полиена ¹³⁵⁾. Этотъ замѣчательный Лидійскій походъ родился исклю-

¹³⁴⁾ Dass so erklärt werden muss, geht aus dem Verstoss gegen die Grammatik hervor, zu welchem W. durch die Consequenzen der Verbindung von δις mit ἐπὶ Νικίου χειροτονηθεῖς geführt worden ist: nicht bloss Phaidros, sondern auch Nikias müsste dann 121, 1. 296 zweimal sein Amt bekleidet haben. Dann würde aber inscr. 299 der Archont, unter welchem jener Beschluss gefasst wurde, nicht ein späterer, zweiter des gleichen Jahres 121, 1 (Унгеръ принимаетъ здѣсь, что первую половину года архонтовала какая-нибудь кратура Лахара, наиренно опущенная Ератосееномъ, то-есть, Діонисіемъ) gewesen sein, sondern die Eponymie der năhmliche aber zum zweiten mal in Jahre bekleidet haben, was nicht ἐπὶ Νικίου ἄρχοντος δεύτερον sondern ἐπὶ Νικίου ἄρχοντος δεύτερον, oder vielmehr wie inscr. 299b ἄρχοντος δεύτερον heissen würde: ἄρχων δεύτερος wie es in Wirklichkeit heisst, setzt Verschiedenheit nicht bloss der Zeit, sondern zugleich der Person, gegensatz zu einem ἄρχων πρότερος voraus.

¹³⁵⁾ *Jahrbücher für Philologie*. Supplem. Bd. XIV, стр. 417—688. Ueber die Quellen und den Wert der Strategemensammlung Polyäns, стр. 643 слл. Анекдотъ находившійся у Полиена одинъ пазъ интересныхъ и потому мы приводимъ его здѣсь дословно: Ἡρακλείδης Δημήτριος Ἡρακλείδην φύλακα τῶν Ἀθηνῶν συντάξας αὐτὸς μὲν ἦν περὶ τὴν Λυδίαν. οἱ δὲ στρατηγοὶ τῶν Ἀθηναίων ἐν ἀπορρητῶν βουλευσάμενοι τὸν ξεναγὸν Ἱεροκλῆα, Κᾶρα τῷ γενεῖ, ἐπεισαν νυκτὸς ἀνοίξαι τὰς πόλιας καὶ δεῖξασθαι στρατιώτας Ἀττικούς, οἱ κτενοῦσιν Ἡρακλείδην. ταῦτα μὲν δὴ συνέθεντο παρὰ τὸν Ἰλισσόν, οὗ τὸν καθαρμὸν τελοῦσι τοῖς ἐλάττωσι μυστηρίοις, Ἰπκάρχου καὶ Μνησιδήμου στρατηγῶν ὄρκια δόντων καὶ λαβόντων. Ἱεροκλῆς δὲ πιστὸς Ἡρακλείδῃ γενόμενος ἐμήνουσε τὴν πρῶτην. ὁ δὲ συνέπραττε νύκτωρ αὐτοὺς εἰσεδέξασθαι ἀνοίξαντες τι μέρος[τῶν] πυλῶν. Καὶ δὴ νυκτὸς εἰσεδέξαντο τετρακοσίους καὶ εἴκοσι ἄνδρας, ὧν ἡγούοντο Μνησιδῆμος, Πολυκλῆς, Καλλισθένης, Θεόπομπος, Σάτυρος, Ὀνητορίδης, Σθεινοκράτης, Πυθίων. Ἡρακλείδης δὲ στρατιώτας διαγίλους ὠκλισμένους ἐπαφῆκεν, οἱ πάντας αὐτοὺς εἰσελθόντας ἐφόνευσαν. Разумается, нельзя сомнѣваться въ разна-

чительно ad maiorem gloriam Унгеровской ипотезы, при чемъ имъ пущена въ ходъ одна изъ смѣлѣйшихъ ватажекъ, на которыя когда-либо онъ рѣшался. Послѣ сраженія при Инсѣ (Плут. Δη. XXX), Димитрій съ пятью тысячами пѣшаго войска и четырьмя тысячами всадниковъ удалился сначала въ Ефесъ, но оттуда, боясь, какъ говоритъ Плутархъ, чтобы солдаты не разграбили святилище, переправился въ Елладу, надѣясь главнымъ образомъ на аэианъ, у которыхъ были оставлены имъ корабли, деньги и жена Диндамія. Но аэиане не приняли его и отправили Диндамію въ Мегары. Не будучи принятъ въ Аэинахъ, Димитрій отправился на Исомъ „и такъ какъ дѣла его находились въ плохомъ состояніи (ибо отовсюду были изгнаны гарнизоны и все, прежде находившееся въ его власти, перешло на сторону враговъ), оставивъ въ Елладѣ Пирра, отправился въ Херсоннись, гдѣ, вредя Лисимаху, поправилъ свои дѣла и увеличилъ свое войско, которое снова сдѣлалось значительнымъ“¹³⁶). На

занномъ происшествіи. Оно, повидимому, почерпнуто изъ хорошаго источника, такъ какъ приведены даже имена собственных. Мельбергъ считаетъ, что источникомъ Полиена въ данномъ случаѣ былъ Дуридъ. Самъ же Мельбергъ различаетъ въ этомъ (какъ и въ другихъ) случаѣ между хорошимъ матеріаломъ, заимствованнымъ изъ источника и начинающимся со второй еразы, и неудачною первою еразой, составленною самимъ Полиеномъ. На сколько она плоха, можно видѣть уже изъ того, что въ ней даже не упомянуто, что все слѣдующее будетъ происходить въ Пирей. Мельбергъ справедливо замѣчаетъ, что слова „ἀνοίξαν τὰ πύλας“ и т. д. уже списаны изъ источника, въ которомъ все предшествовавшее изложеніе не оставляло никакого сомнѣнія, что дѣло идетъ о Пирей. Что это такъ—свидѣтельствуетъ коротенькая ераза Павсаниа I, 29, описывающаго гробницу павшихъ при этой попыткѣ солдатъ: „οἱ δὲ τοῦ Πειραιῶς κατὰληψιν ἐβούλευσαν Μακεδόνων φρουρόντων, πρὶν δὲ εἰργάζεσθαι τὸ ἔργον ὑπὸ τῶν συνειδόντων μενοεινέτες ἀπώλοντο“. Спрашивается—если въ вводной еразѣ Полиенъ забылъ даже обозначить мѣсто дѣйствія—неужели можно строить что-нибудь на этой еразѣ? Неужели можно опровергать ею ясный разказъ Плутарха? Неужели вѣтъ, наконецъ, возможности дѣйствительно отождествить упоминаемое здѣсь пребываніе Димитрія въ Лидіи съ засвидѣтельствованнымъ Плутархомъ его Лидійскимъ походомъ 28⁷/₁₀ года (Дημ. XI.VI). По нашему мнѣнію если на какое, то именно на это время и падаетъ событіе, о которомъ разказываетъ Полиенъ, Пирей остался во власти Димитрія послѣ освобожденія Мусея (см. С. I. А. II, 312). Димитрій, попавъ въ плѣнъ къ Селевку (какъ предполагаетъ Θ. Θ. Соколовъ въ 285 г., см. Аристоммахъ, стр. 22, отд. отт.) писалъ въ Елладу „τοῖς περὶ τὸν οἶον καὶ τοῖς περὶ Ἀθήνας καὶ Κόρινθον ἡγεμόσι καὶ φίλοις“ (Δημητρ. LI). Что же удивительнаго, что въ одинъ изъ предшествовавшихъ годовъ, когда онъ находился въ Лидіи, и была сдѣлана попытка освободить Пирей отъ гарнизона?

¹³⁶) Плут. Δη. XXXI. Κομισάμενος δὲ παρέπλευσεν εἰς Ἴσθμὸν καὶ τῶν πραγμάτων αὐτῷ κακῶς ἔχόντων (ἐξέπεσον γὰρ ἕκασταχόθεν αἱ φρουραὶ καὶ μεθίστατο

этой то фразѣ Плутарха и основываетъ Унгеръ все свое зданіе. 'Εξείπικτον ἐκσταχόθεν αἱ φρουραὶ онъ переводитъ ¹²⁷⁾: „zu gleicher Zeit hatten die asiatischen Städte die Besatzungen desselben verjagt“. Но очевидно здѣсь рѣчь идетъ не объ азиатскихъ городахъ, а о городахъ собственной Греціи ¹²⁸⁾. Но Унгеру это нужно для его вышнихъ соображеній. „Во всякомъ случаѣ“ продолжаетъ онъ „до 296 года (то-есть, до сочиненнаго Унгеромъ изъ двухъ словъ Полиена похода въ Лидію) изъ всего западнаго побережья Малой Азіи во власти Димитрія осталось мало или даже вовсе ничего ¹²⁹⁾. Но въ 294 году ему снова принадлежать нѣкоторые береговые города. Плут. Δηρ. 35. Слѣдовательно онъ долженъ былъ между 296 и 298 годами приобрѣсти нѣкоторыя части побережья Азіи“ и т. д. Но откуда взялъ Унгеръ, что Димитрій потерялъ все въ Азіи послѣ сраженія при Ипсѣ? Неужели же въ такомъ случаѣ Селевкѣ сталъ бы искать сближенія съ нимъ и женился бы на Стратоникѣ? Сталъ бы дружить его съ Птолемеемъ? Этотъ послѣдній отдалъ бы ему дочь Птолемаиду? Города въ Малой Азіи, которые Лисимахъ отпалъ у Димитрія, когда онъ находился въ Греціи и воевалъ противъ Спарты (Плут. Δηρ. XXXV), конечно, оставались въ его власти все время послѣ сраженія при Ипсѣ. Унгеръ идетъ во всемъ своемъ разсужденіи отъ одного неосновательнаго предположенія къ другому. Что заставило его сочинить небывалый походъ въ Лидію? Конечно отнесеніе анекдота ко времени войны Димитрія противъ Θивъ (приблизительно 293 г.), данное Дройзенемъ, прежде всего повліяло

πάντα πρὸς τοὺς πολεμίους ἀπολιπὼν ἐπὶ τῆς Ἑλλάδος Πύρρον αὐτὸς ἄρας ἐπὶ τὴν Χερρόνησον ἐπλευσε, καὶ κακῶς ἅμα ποιῶν Λυσίμαχον ὠφέλει καὶ συνεῖχε τὴν κατὰ αὐτὸν δύναμιν ἀρχομένην ἀναλαμβάνειν καὶ γίνεσθαι πάλιν οὐκ εὐκαταφρόνητον“.

¹²⁷⁾ *Philologus* XXXVIII, стр. 463.

¹²⁸⁾ Такъ понимаетъ это и Дройзенъ. *Diad. II*, стр. 234: „täglich kamen Nachrichten von neuem Abfall; hier waren seine Besatzungen vertrieben, da Kassandros Truppen eingerückt, dort die freien Verfassungen gestürzt und Oligarchie oder Tyranie im makedonischen Interesse gegründet; bald war Hellas und die Peloponnes ihm so gut wie ganz entrisen; er musste sich begnügen, Korinth und Megara zu halten“.

¹²⁹⁾ Унгеръ ссылается при этомъ на Дройзена *Diad. I*, стр. 224, гдѣ приводится Аппиановское мѣсто (*Συρ.* 55) о раздѣленіи земель между Селевкомъ и Лисимахомъ послѣ битвы при Ипсѣ; но это мѣсто не ясно, какъ совнается самъ Дройзенъ. Тамъ говорится только о земляхъ, полученныхъ Селевкомъ. Дройзенъ (*Diad. II*, стр. 258) признаетъ, что по крайней мѣрѣ Еоесъ остался за Димитріемъ.

на Унгера. Дройзенъ тоже принужденъ для защиты своего мнѣнія прибѣгаютъ къ пѣкоторому насилію, хотя его ударъ направленъ противъ дѣйствительно слабаго мѣста, противъ первой фразы анекдота Полиена. Не считая возможнымъ принять какое-либо другое пребываніе Димитрія въ Лидіи, кромѣ засвидѣтельствованнаго Плутархомъ ¹⁴⁰⁾ и падающаго на 287/6 годъ, онъ видитъ здѣсь порчу текста и предполагаетъ, что въ источникѣ Полиена упоминалась какимъ-нибудь образомъ македонская рѣчка Λοοδίας ¹⁴¹⁾. Примѣрять анекдотъ къ тому, что намъ извѣстно о событіяхъ 287/6 года ему не пришло въ голову. Не пришло въ голову это и Унгеру и онъ, отвергая фантастическую конъектуру Дройзена, относитъ событіе все-таки къ пятидесятымъ годамъ, поступая еще безцеремоннѣе съ преданіемъ и сочиняя новый походъ. Онъ считаетъ возможнымъ отвергнуть всякую мысль о помѣщеніи событія, разказаннаго Полиеномъ, на 287/6 годъ соображеніемъ, что тогда Антигонъ, бывший въ то время въ Елладѣ, долженъ былъ быть упомянутъ здѣсь. Унгеръ упускаетъ при этомъ

¹⁴⁰⁾ Плут. Ληρ. XLVI.

¹⁴¹⁾ Дройзенъ. Diad. II, стр. 272, прим. 3, гдѣ онъ приводитъ упомянутыя слова Павсаниа (I, 29) и прибавляетъ: „was nur in diese Zeit gehören kann. Hiermit verbinde ich Polyen V, 17; dort heisst es zwar, Demetrios sei um diese Zeit περί τῆν Λοοδίαν gewesen; doch ist dies sicher fehlerhaft. Es könnte nur der Feldzug von 287 gemeint sein; damals aber war Pyrrhos schon in Athen gewesen, die Besatzung schon vertrieben, die Freiheit der Stadt von Demetrios selbst anerkannt“. Основанія, приводимыя здѣсь Дройзеномъ, совершенно призрачны и противорѣчатъ его же собственнымъ гипотезамъ, высказаннымъ въ другихъ мѣстахъ. Что изъ того, въ самомъ дѣлѣ, что Пирръ былъ въ Афинахъ? Не самъ ли Дройзенъ, описывая это событіе, упоминаетъ о договорѣ Димитрія съ Пирромъ, намекъ на который находится у Плутарха (Πύρρος 12) и относительно котораго онъ (Диод. II, 302) пишетъ: „Die Bedingungen dieses Vertrages können wohl nur gewesen sein, dass Demetrios auf Makedonien verzichtete, Pyrrhos ihn als Herrn über Thessalien und die griechischen Staaten, die er jetzt inne hatte, so wie in dem Besitz von *Salamis*, *Munychia*, *Peiraeus* anerkannte“ и т. д. Какъ же здѣсь говорить онъ, что гарнизоны были выгнаны? Изъ Музеевъ былъ выгнанъ гарнизонъ Олимпиодоромъ, но въ Пирее еще находился въ 285 году. Освобожденіе Пирея тѣмъ же Олимпиодоромъ произошло позже (Цаца. I, 26, ср. Θ. Θ. Соколовъ. Аристотель, стр. 22). Удачной попыткѣ Олимпиодора надо предпослать неудачную, описанную у Полиена. Нашему объясненію благоприятствуетъ также нѣкоторымъ образомъ то обстоятельство, что Иероколь, упоминаемый въ разказѣ Полиена, по видимому (какъ это указалъ впервые Вилламовицъ Antigonos, стр. 230), тождественъ съ Иероколомъ, комендантомъ Пирея и Мунихіи при Антигонѣ, то есть, послѣ хромонидовской войны. Диог. Лаерт. II, 127. IV, 39, 40, ср. Θ. Θ. Соколовъ, Аристотель, стр. 32, 41.

изъ виду, что дѣло идетъ о вводной фразѣ и безъ того уже завѣдомо небрежно составленной.

Но мы удалились такимъ образомъ отъ нашей главной цѣли — объясненія документовъ года архонта Никіи. Посмотримъ въ самомъ дѣлѣ: что же можно ближайшимъ образомъ вывести изъ нихъ, не дѣлая никакихъ натяжекъ.

Изъ надписи п. 299, разумѣется, несомнѣннымъ остается, что Никія вступилъ въ должность въ серединѣ года. Когда именно — это не беремся рѣшить. Объяснять такую неправильность конечно всего естественнѣе тѣмъ, что именно на это время падаетъ освобождение Афинъ Димитріемъ отъ Лахара¹⁴²). Это должно быть признано твердымъ хронологическимъ пунктомъ, какихъ немного въ исторіи разбираемаго нами времени. Какъ объяснить странную кумуляцію должностей, какую мы видимъ въ надписи Федра? На это мы должны, по моему мнѣнію, отвѣтить пока незнаніемъ. Всѣ дававшіяся до сихъ поръ объясненія неудовлетворительны и можно даже сомнѣваться, что этотъ фактъ стоитъ въ какой нибудь связи съ позднимъ вступленіемъ въ должность архонта Никіи и съ сверженіемъ Лахара. Одно только по нашему мнѣнію несомнѣнно, что всѣ эти должности или такъ сказать „особыя порученія“ были отправляемы Федромъ при архонтѣ Никіи, иначе пришлось бы обвинить составителя текста декрета въ крайней нелогичности, такъ какъ оставалось бы необъяснимымъ, почему при двухъ случаяхъ отправления Федромъ должности стратига названы архонты (Кимонъ и Ксенофонтъ), а при другихъ нѣтъ. Вообще я убѣжденъ, что во всѣхъ документахъ, гдѣ перечисляются заслуги какихъ нибудь лицъ и при этомъ упоминаются архонты — слѣдуетъ все, что написано подъ именемъ одного изъ нихъ вплоть до слѣдующаго имени архонта, относить къ одному и тому же году. Я настаиваю также, что хронологическій

¹⁴²) Въ первую половину года, надо думать, не было пританей и вообще демократическое устройство было отмѣнено. Когда была уничтожена Лахаровъ демократія, мы опять не знаемъ. Кассандръ, побудившій Лахара къ захвату власти (Павс. I, 25), умеръ, по Дройзену, въ 297/6 году — слѣдовательно при архонтѣ Мисидиѣ. Свидѣтельству Павсаниа нѣтъ никакого основанія не вѣрить, какъ то дѣлаетъ Виламовицъ (Antigonos, стр. 239). Самымъ вѣрнымъ мнѣ кажется предположеніе, что Лахаръ управлялъ, сначала сохраняя демократическія формы и лишь въ концѣ скинулъ маску. Что, дѣйствительно, демократическое правленіе было имъ уничтожено, доказываетъ свидѣтельство Плутарха, что Димитрійъ возобновилъ его. Плут. Δημ. 34.

порядокъ перечисленія заслугъ никогда не нарушался въ документахъ такого рода. Выше я старался показать это относительно надписи Филиппида, теперь утверждаю тоже самое относительно надписи Федра. Въ дальнѣйшемъ изложеніи постараюсь, исходя изъ того же принципа, дать новое объясненіе декрета въ честь Димохара, сохранившагося въ Плутарховскихъ жизнеописаніяхъ десяти ораторовъ.

Первый подробно объяснилъ надпись Федра О. Клюберъ ¹⁴³⁾. Но его объясненіе запутано, написано подѣ влияніемъ изложенія Дройзена еще въ первомъ изданіи его Еллинизма и вообще теперь уже не выдерживаетъ критики. Впрочемъ основныя его идеи подчасъ вѣрны. Въ томъ числѣ онъ также, между прочимъ, приводитъ мысль о томъ, что всѣ стратигіи и посольство къ Птолемею должны падать на одинъ и тотъ же годъ Никіи ¹⁴⁴⁾. Келеръ, издавая во II томѣ С. I. A. (п. 331) надпись Федра, не входитъ въ подробности; объясненіе мѣста о стратигіяхъ, данное Дройзеномъ ¹⁴⁵⁾, не ясно, но кажется, онъ думаетъ, что стратигіи Федра, упомянутыя безъ именъ архонтовъ, располагаются между нѣсколькими годами. Виламовицъ, какъ выше сказано, объясняетъ двойное избраніе въ стратигіи ἐπι τῆν παρασκευῆν введеніемъ полугодовыхъ должностныхъ періодовъ въ правленіе Лахара; съ возраженіями Унгера мы также уже познакомились. Всѣ они располагаютъ остальные стратигіи Федра, не датированныя въ надписи именами архонтовъ, между разными годами. Виламовицу слѣдуетъ также Диттенбергеръ ¹⁴⁶⁾. Оветтъ-Бено ¹⁴⁷⁾; старается подробно доказать, что иначе нельзя понимать мѣста нашей надписи, какъ въ томъ смыслѣ, что эти стратигіи распределены

¹⁴³⁾ *Verhandlungen der Philologischen Gesellschaft in Würzburg*. Herausg. von Ulrichs. Würzburg 1862 стр. 97—126.

¹⁴⁴⁾ Въ примѣчаніи, впрочемъ, онъ беретъ отчасти свое слово назадъ и говоритъ „nonnullas res Nicostrato archonte administratas esse concedes“ стр. 116 прим. 5.

¹⁴⁵⁾ Diadochen II: „was doch bedeutet, dass er, zuerst als Strateg im Jahre des Nikias gewählt, zweimal Strateg ohne speciellere Function, mehrmal στρατηγός ἐπι τῆς χύρας, dreimal στρατηγός über die Söldner gewesen ist. Weiter werden seine Gesandtschaften und andere Dinge gerühmt“ и т. д.

¹⁴⁶⁾ *Sylloge Inscriptionum Graecarum*. n. 162 прим. 11. Въ своемъ прежнемъ разсужденіи объ архонтахъ (*Hermes* II, стр. 285—306) онъ, хотя и касается надписи Федра, но объ интересующемъ насъ мѣстѣ ничего не говоритъ (стр. 301 сл.).

¹⁴⁷⁾ *Am. Hauvette-Besnault*. *Les Stratèges Athéniens*. Par. 1865 (*Bibliothèque des écoles françaises d'Athènes et de Rome*, fasc. XLI), стр. 165 сл.

между нѣсколькими годами, хотя самъ сознается, что прямой грамматическій смыслъ заставлялъ бы относить не только ихъ, но и посольство къ Птолемею къ одному году ¹⁴⁸⁾. Въ доказательство своего мнѣнія онъ приводитъ между прочимъ то обстоятельство, что въ опровергаемомъ имъ случаѣ оказался бы слишкомъ большой промежутокъ между заслугами одного лица, упоминаемыми въ одномъ и томъ-же документѣ. Но онъ самъ опирается при этомъ на совершенно ошибочные разчеты Кёлера въ комментаріи къ изданію надписи Федра въ С. I. A. II. n. 331 ¹⁴⁹⁾. Въ такомъ случаѣ дѣйствительно былъ бы, какъ онъ говоритъ, между двумя, рядомъ упомянутыми, заслугами Федра „промежутокъ по крайней мѣрѣ въ 24 года“. Но вновь найденное Елевсинское постановленіе въ честь стратига Аристофана ¹⁵⁰⁾ показало, что Кимонъ былъ архонтомъ еще во время царствованія Дмитрія. Ниже мы постараемся сдѣлать несомнѣннымъ что годъ исправленія имъ архонства падаетъ на 29¹/₂ годъ до Р. Хр. Такимъ образомъ затрудненіе остается даже при расположеніи стратигій Федра, упоминаемыхъ до архонства Кимона на разные годы согласно мнѣнію большинства ученыхъ. Оветтъ-Бено предполагаетъ, что подъ словомъ *πλεονάκις* надо разумѣть по крайней мѣрѣ четырехкратное отбываніе должности, что вмѣстѣ съ двоекратнымъ исполненіемъ должности стратига *ἐπὶ τῆν παρασκευῆν* и троекратнымъ назначеніемъ *ἐπὶ τοὺς ξένους* даетъ по крайней мѣрѣ 9 стратигій Федра, которыя столь же трудно размѣстить между пятью годами какъ и между однимъ или двумя. Но съ тѣхъ поръ, какъ мы знаемъ годъ архонта Кимона, для насъ является еще новая трудность въ этомъ мѣстѣ документа. Посольство къ Птолемею, стоящее послѣ всѣхъ стратегій Федра, никакъ не можетъ быть относимо ко времени послѣ 287 г. до Р. Хр., какъ думаетъ Диттенбергеръ ¹⁵¹⁾, ни къ 289—288 годамъ, какъ полагаетъ Виламовицъ ¹⁵²⁾. Старое мнѣніе

¹⁴⁸⁾ Стр. 165 „si l'on s'en tient à la rigueur du sens qu'autorise la construction grammaticale il faut aussi rapporter à la même année les autres charges de stratégie mentionnées dans le reste de la phrase... l'ambassade même envoyée à Ptolémée et citée plus loin dans le décret, daterait de la même année.

¹⁴⁹⁾ С. I. A. II 331 „Cimonem et Xenophontem proximis post Pyrrhi cladem annis quae Ol. 126, 4—127, accidit, Athenis archontes fuisse auspicamur“.

¹⁵⁰⁾ 'Εφημερίς 'Αρχαιολογική 1884, столб. 135—136 и дополненія къ столб. 263—264.

¹⁵¹⁾ Sylloge 162, прим. 12 „Hanc legationem in proxima post urbem Demetrii imperio liberatam (287 a. Chr. cf. n. 140, 141) tempora incidere putaverim.

¹⁵²⁾ Antigonos, стр. 192, прим. 13.

Клюбера ¹⁵³⁾ здѣсь опять должно получить перевѣсъ. Посольство къ Птолемею конечно должно быть соединено съ свидѣтельствомъ Плутарха ¹⁵⁴⁾, что именно во время осады АѢннъ Димитріемъ появился около Егины флотъ Птолемея изъ 150 кораблей на помощь Лахару и его партіи противъ Димитрія. Флотъ этотъ удался только тогда, когда къ Димитрію съ разныхъ сторонъ собрался флотъ вдвое сильнѣйшій ¹⁵⁵⁾.

Мы могутъ возразить, что посольство Федра къ Птолемею не могло состояться въ такомъ случаѣ при Никіи архонтѣ, такъ какъ я самъ-же защищалъ мнѣніе, что позднее вступленіе Никіи въ должность объясняется тѣмъ, что при Лахарѣ вовсе не было демократическихъ властей и что слѣдовательно архонтъ Никіи принадлежитъ къ числу властей, возстановленныхъ Димитріемъ, по словамъ Плутарха. Во время его короткаго правленія, продолжавшагося всего можетъ быть 3 мѣсяца ¹⁵⁶⁾, участь АѢннъ была уже рѣшена—онѣ были на сторонѣ Димитрія и посольство къ Птолемею разумѣется не могло имѣть мѣста. Но архонта Никію рано уже конечно стали считать прямымъ преемникомъ Антифата ¹⁵⁷⁾ и его именемъ обозначать весь годъ 29⁶/₈ до Р. Хр. Это вполне естественно, такъ какъ съ реставраціей образа правленія, считавшагося нормальнымъ, ненормальное и притомъ короткое правленіе Лахара не могло идти въ счетъ. Распредѣленіе событій по годамъ въ разказѣ Плутарха не ясно, но конечно за помощью къ Птолемею было послано не раньше, какъ послѣ первой неудачной попытки Димитрія захватить АѢнны, когда стало ясно, что онъ не покидаетъ мысли обложить АѢнны съ моря и заботится собрать снова флотъ на мѣсто потерпѣвшаго крушенія у береговъ Аттики ¹⁵⁸⁾. Успѣхъ Федра учитъ насъ, что посольство состоялось уже при Никіи, то-есть, въ 29⁶/₈ году; первая неудачная попытка Димитрія противъ АѢннъ можетъ такимъ обра-

¹⁵³⁾ Verhandlungen и т. д., стр. 112—113.

¹⁵⁴⁾ Плут. Δημ. 33 Μικρὰν δὲ τοῖς Ἀθηναίοις ἀναπνοὴν παρέσχον ἑκατὸν πεντηκοντα νῆες φανείσαι περὶ Αἰγίναν, ἃς ἐπεμπψεν ἐπικούρους αὐτοῖς Πτολεμαίους.

¹⁵⁵⁾ Плут. Δημ. XXXIII Εἶτα Δημητρίῳ πολλῶν μὲν ἐκ Πελοποννήσου, πολλῶν δὲ ἀπὸ Κύπρου νεῶν παραγενομένων, ὥστε συμπάσαις ἄθροισθῆναι τριακοσίας ἔφυγον ἀραντες αἱ Πτολεμαίου, καὶ Λαχάρης, ὁ τύραννος ἀπέδρα προέμενος τὴν πόλιν.

¹⁵⁶⁾ Unger—Philologus. Supplementb. V, стр. 686.

¹⁵⁷⁾ Уже въ сборникѣ писемъ Эпикура онъ былъ названъ, по видимому, Νικίας ὁ μετ' Ἀντιφάτην см. текстъ изъ Vol. Herc. цитированный подъ годомъ арх. Антифата, на стр. 58.

¹⁵⁸⁾ Плут. Δημ., ул. м.

зомъ падать еще на $29\frac{7}{8}$ годъ ¹⁵⁹). Посольство Федра въ началѣ 29⁶/₈ года. Взятіе Афонъ приблизительно въ мартѣ 295 до Р. Хр. На мессинскій походъ Димитрія намъ кажется вполне достаточнымъ удѣлять полъ-года—девять мѣсяцевъ.

Если событіе, упомянутое непосредственно передъ переходомъ къ архонту Кимону падаетъ на годъ Никія архонта—то въ этомъ слѣдуетъ видѣть только сильное косвенное доказательство того, что всѣ упомянутыя до этого событія (посольства къ Птолемею) стратигин падаютъ на тотъ же годъ ¹⁶⁰).

Въ декретѣ въ честь Димохара, племянника Димосеена, сохраннымъ въ жизнеописаніяхъ 10 ораторовъ у Плутарха ¹⁶¹), упоминается между прочимъ, что Димохаръ, возвратившись при Діоклѣ архонтѣ изъ изгнанія, получилъ большое вліяніе. По его возвращеніи тотчасъ-же было отправлено нѣсколько посольствъ къ разнымъ царямъ, и между прочимъ къ Лисимаху и Антипатру отправился онъ самъ, а къ Птолемею отправлено было другое посольство, впрочемъ по его же мысли ¹⁶²). Клюбберъ ¹⁶³) и Виламовицъ ¹⁶⁴) отождествляютъ посольство къ Птолемею, упоминаемое въ этомъ декретѣ съ посольствомъ Федра. Дройзенъ ничего не говоритъ о послѣднемъ, а посольство Димохара разбиваетъ на двѣ части и заставляетъ его отправиться къ Птолемею въ 298 году ¹⁶⁵), а къ Антипатру на са-

¹⁵⁹) Выраженіе Плутарха „ἐχέμασθη“ не можетъ здѣсь заставить насъ понимать непременно, что Димитрій плылъ зимою. Выраженіе это можетъ быть употреблено о бурѣ, случившейся во всякое время года.

¹⁶⁰) Изъ того, что сначала перечислены стратигин, а потомъ упомянуто посольство, нельзя, разумѣется, заключать, что именно въ такомъ порядкѣ Федръ исполнялъ всѣ эти обязанности. Ср. *Klueber*, стр. 114. „Temporum ratione in hac levi re non habita primum quid стратηγῶν, deinde quid πρεσβεύων fecerit proponitur.

¹⁶¹) Ψήφισμα β'

¹⁶²) Плут. Βίοι δέκα ῥητόρων κт. κ. καὶ ὡς κατέλθεν ἐπὶ Διοκλέους ἀρχόντος ὑπὸ τοῦ δήμου, συστάσαντι τὴν διοίκησιν πρώτῳ καὶ φεισαμένῳ τῶν ὑπαρχόντων, καὶ πρεσβεύσαντι πρὸς Λυσιμάχον, καὶ λαβόντι τῷ δήμῳ τριάκοντα τάλαντα ἀργυρίου, καὶ ἄλλιν ἕτερα ἑκατὸν καὶ γράψαντι πρεσβεΐαν πρὸς Πτολεμαίων εἰς Αἴγυπτον, καθ' ἣν ἐκπεύσαντες πεντήκοντα ἐχόμεσαν τάλαντα ἀργυρίου τῷ δήμῳ καὶ πρὸς Ἀντίπατρον πρεσβεύσαντι καὶ λαβόντι εἰκοσι τάλαντα ἀργυρίου κтл.

¹⁶³) *Verhandlungen*, стр. 114—115. Онъ относитъ оба посольства къ году Никія архонта 29⁶/₈.

¹⁶⁴) *Antigonos*, стр. 192, прим. 13, относитъ оба посольства къ 287 г.

¹⁶⁵) *Diad.* II, стр. 246 слл. Первое посольство, по его мнѣнію, происходитъ еще во время приготовленій къ четырехлѣтней войнѣ и стоитъ въ связи съ посольствомъ Носидиппа къ Кассандру (С. I. А. II. 297) и Филиппа къ Лисимаху (С. I. А. II. 314).

мое время осады Аэинъ Димитріемъ, то-есть, на 29⁶/₅ годъ ¹⁶⁶), что стоять въ связи съ его искусственнымъ построениемъ „четырёхлѣтней войны“, упоминаемой въ декретѣ Димохара. Войну эту никто до сихъ поръ, по нашему мнѣнію, не объяснялъ вѣрно. Она должна падать на 29³/₂—29⁰/₈, годы. Ниже мы постараемся подробно обосновать наше воззрѣніе. Унгеръ также не упоминаетъ ничего о посольствѣ Федра. Посольство Димохара онъ относитъ совершенно вѣрно ко времени послѣ его возвращенія. Последнее падаетъ по Унгеру на 290 годъ, что доказывается Унгеромъ съ крайними натяжками и обусловлено датировкой архонтовъ Калимида и Ферсилоха, основанною на призрачныхъ календарныхъ разчетахъ ¹⁶⁷). Все это будетъ нами разсмотрѣно подробно, когда будетъ рѣчь о четырехлѣтней войнѣ. Теперь скажемъ только, что посольство, снаряженное къ Птолемею по мысли Димохара, и посольство Федра не должны быть смѣшиваемы между собою. Последнее имѣло мѣсто при архонтѣ Никіи, то-есть вообще въ 29⁶/₅ году, первое же при архонтѣ Діоклѣ, долженствующемъ относиться къ 28⁶/₇ году. Димохаръ и Федръ дѣйствовали въ своихъ посольствахъ въ интересахъ совершенно противоположныхъ партій, хотя оба раза противъ Димитрія.

Наконецъ архонтъ Никія, упоминающійся въ строкѣ 54 нашего документа, конечно долженъ быть считаемъ за Никію Отринейца, правившаго во время или тотчасъ послѣ Хремонидовской войны.

29⁵/₄ Никостратос.

Діонисій Παρί Δεινάρχοο. 9.

Обыкновенно восстанавливаютъ имя этого архонта въ надписи въ честь Иродора (С. I. A. II. 300), бывшаго въ чести у царя Димитрія и хлопотавшаго у него за аэинянъ въ то время, какъ изъ Аэинъ было послано къ нему посольство съ просьбою о мирѣ и дружбѣ.

Здѣсь мы стараемся показать, что мнѣніе это не такъ безспорно,

¹⁶⁶) Діад. II, стр. 250. Димитрій съ сильнымъ флотомъ въ аттическихъ водахъ. Египта, Саламинъ взяты имъ. Весь народъ отправился защищать Елевсинъ. „Demochares wurde von neuem ausgesandt; er schloss mit den Boeotern Frieden und Bündniss und gewann sie für den Kampf gegen Demetrios. Er ging zum König Antipatros, er empfing von ihm 20 Talente, er brachte sie dem Demos nach Eleusis“. Все это удается привести въ систему Дройзену лишь при утвержденіи, что хронологическій порядокъ въ декретѣ Димохара не соблюдень.

¹⁶⁷) Оба архонта правили, по всей вѣроятности, во время царствованія Антигона Гонаты, что явствуетъ изъ надписи С. I. A. II. 306, года архонта Калимида. Подробности объ этомъ смотри во 2-й главѣ.

какъ обыкновенно полагають, хотя сознаемся, что съ своей стороны не можемъ дать пока ничего болѣе положительнаго.

Отъ имени архонта сохранились только двѣ послѣднія буквы...ου, но такъ какъ надпись написана στοιχηδόν и длина строкъ извѣстна (30 буквъ), то можно довольно увѣренно сказать, что имя архонта состояло въ родительномъ падежѣ изъ 11 или 12 буквъ, смотря потому, стояло въ началѣ ἐπί или ἐκ'. Что подходитъ не только къ Никострату, но также, наприимѣръ, къ преемнику его Олимпіодору.

Для ясности мы опять выпишемъ здѣсь ту часть надписи, которая особенно важна для опредѣленія даты.

Ε π	ο υ ἄ ρ χ ο ν τ ο ς ἐ π ἰ τ ῆ ς . .
. . . . .	τ ῆ ς π ρ ο τ α ν ε ἰ ἄ ς Ἐ λ α φ ῆ
β ω λ ι ῶ ν ο ς	ε ἰ ἰ σ τ α μ ἔ ν ο υ κ ἔ μ π τ ε ἰ
κ α ἰ δ ε κ ἄ τ ε ἰ τ ῆ ς	π ρ ο τ α ν ε ἰ ἄ ς ἐ κ κ λ ῆ σ ἰ
5 α χ ο ρ ἰ ἄ τ ῶ ν π ρ ο	ἑ δ ρ ω ν ἐ κ ε ψ ῆ ψ ἰ ζ ε ν Ἄ ν τ
. . . . .	ο Ἄ χ α ρ ν ε ὀ ς κ α ἰ σ ο μ π ρ ὀ
ε δ ρ ο ἰ ἔ δ ο ξ ε ν τ	ω ἰ δ ῆ μ ω ἰ Γ ὀ ρ γ ο ς Φ ρ ο ν ἰ
χ ο υ	ς ε ἰ π ε ν ἐ κ ε ἰ δ ῆ Ἡ ρ ὀ δ ω ρ
ο ς π ρ ὀ τ ε ρ ὄ ν τ ε	δ ἰ α τ ρ ἰ β ῶ ν κ α ρ Ἄ ν τ ἰ γ ὀ
10 ν ω ἰ τ ω ἰ β α σ ἰ λ ε	ἰ ε ὕ ν ο υ ς ἦ ν τ ω ἰ δ ῆ μ ω ἰ τ
ω ἰ Ἄ θ η ν α ἰ ὶ ω ν κ α	ἰ ν ὀ ν ἐ μ π ἰ σ τ ε ἰ ῶ ν τ ῶ ἰ β α
σ ἰ λ ε ἰ Δ η μ ῆ τ ρ ἰ	ω ἰ ἄ γ α θ ὄ ν ὄ τ ἰ δ ὀ ν α τ α ἰ
π α ρ ἔ χ ε ἰ χ ο ἰ ν ε ἰ	τ ε ὀ π ἔ ρ τ ῆ ς π ὀ λ ε ω ς κ α
ἰ ἰ δ ἰ α ἰ ὀ π ἔ ρ ε χ	ἄ σ τ ο υ Ἄ θ η ν α ἰ ὶ ω ν ἄ ε ἰ τ ο
15 ἰ ς ἦ χ ο υ σ ἰ ν ἄ π ο	φ α ἰ ν ο υ σ ἰ ν δ ἄ ὀ τ ὄ ν κ α ἰ
ο ἰ π ρ ἔ σ β ε ἰ ς ο ἰ	κ ε μ φ θ ἄ ν τ ε ς ὀ π ἔ ρ τ ῆ ς ε
ἰ ρ ῆ ν η ς π ρ ὸ ς τ ὀ	ν β α σ ἰ λ ἑ ἄ Δ η μ ῆ τ ρ ἰ ο ν ο
ο υ ν α γ ω ν ἰ σ α σ θ α	ἰ τ ω ἰ δ ῆ μ ω ἰ ε ἰ ς τ ὀ σ ο υ ν τ
. . . . .	ἰ φ ἰ λ ἰ ἄ ν τ ῆ ν π ρ ὸ ς τ ὀ ν
20 β α σ ἰ λ ἑ ἄ Δ η μ ῆ τ ρ ἰ	ο ν κ α ἰ ὀ π ω ς ἄ ν ὄ δ ῆ μ ο
ς ἄ π α λ λ α γ ε ἰ ἡ τ ο	ὀ π ο λ ἑ μ ο υ τ ῆ ν τ α χ ἰ σ τ
η ν κ α ἰ χ ο μ ἰ σ ἄ μ ε ν ο ς	τ ὀ ἄ σ τ ο υ δ ῆ μ ο κ ρ α τ
ἰ ἄ ν ἑ χ ο ἰ ἄ π ο λ α β	ῶ ν ἄ γ α θ ε ἰ τ ὀ χ ε ἰ η τ . δ .

Первый отнесъ нашу надпись къ году архонта Никострата Рангависъ ¹⁶⁹⁾. Онъ руководился при этомъ своимъ возстановленіемъ

¹⁶⁹⁾ Келеръ, стр. 13: ποιῆι, συνεργῆι: τε ὑπὲρ τῆς πόλεως καὶ τῆς ἐλευθερίας τοῦ (δήμου τοῦ предполагаемый пропускъ) Ἀθηναίων.

¹⁷⁰⁾ Antiquités Helléniques n. 443.

Калипповскаго календаря ¹⁷⁰⁾ и Дройзеновскимъ (въ 1-мъ изданіи) датированіемъ взятія Аѣннъ Димитріемъ ol. 121, 2. 29⁵/₄ годомъ, то-есть, годомъ архонта Никострата. Съ тѣхъ поръ возстановленіе имени архонта Никострата въ нашей надписи принято рѣшительно всѣми, не смотря на то, что всѣ по разному представляютъ себѣ событія, сопровождавшія взятіе Аѣннъ Димитріемъ и одни относятъ самое взятіе къ ol. 121, 1 ¹⁷¹⁾, другіе къ ol. 121, 2 ¹⁷²⁾.

Мы раньше остановились на первой датѣ. Единственнымъ и притомъ очень вѣскимъ доказательствомъ въ пользу ея служить, по нашему мнѣнію, надпись С. I. A. II, 299. При такомъ датированіи взятія Аѣннъ намъ кажется однако невозможнымъ или, по крайней мѣрѣ, мало вѣроятнымъ возстановленіе имени архонта Никострата въ нашей надписи. Въ самомъ дѣлѣ Аѣнны взиты въ серединѣ или во второй половинѣ 29⁶/₅ года. Къ Димитрію, стоящему подъ самымъ городомъ, послано посольство. По всему смыслу обыкновеннаго объясненія за это-то посольство и долженъ былъ хлопотать Иродоръ, въ честь котораго составленъ настоящій декретъ. Но тогда непонятно, почему декретъ объявляется лишь годъ спустя послѣ происшествія. Вѣдь это посольство было не то, что посольство къ какомунибудь Спартоку или Авдолеону царю Пеоновъ — тутъ все дѣло вмѣстѣ съ торжественнымъ приемомъ Димитрія могло кончиться въ одинъ день.

Но есть затрудненія гораздо болѣе серьезнаго свойства, къ сожалѣнію, не могущія быть разрѣшенными при настоящемъ положеніи критики источниковъ интересующаго насъ времени. Димитрій освобождалъ Аѣнны въ 29⁶/₅ году отъ аристократической партіи, во главѣ которой стоялъ Лахаръ. Завладѣвъ городомъ оцъ, по ясному свидѣтельству Плутарха, уже нѣсколько разъ приведенному, возстановилъ демократію ¹⁷³⁾. Между тѣмъ въ декретѣ мы находимъ нѣчто другое. Правда просьбы пословъ къ Димитрію о томъ, чтобы заключить съ нимъ дружбу, чтобы народъ аѣнскій какъ можно скорѣе избавился отъ войны — могутъ подходить къ положенію дѣла въ

¹⁷⁰⁾ Въ рассмотрѣніе котораго мы не входимъ, какъ и вообще въ календарныя дѣла. Въ настоящее время, кажется, всѣ хронологи, кромѣ Унгера, согласны, что въ III вѣкѣ былъ въ Аѣнахъ въ ходу еще календаръ Метона.

¹⁷¹⁾ Унгеръ въ послѣдній разъ въ *Philologus*, Supplementband V, стр. 686. Дройзенъ. *Hellenism*. II. 2. Стр. 253 и прилож. 6.

¹⁷²⁾ *Wilamowitz*. *Antig.*, стр. 238.

¹⁷³⁾ *Δγμ.* XXXIV.

29⁶/₈ году, но слѣдующая просьба о „пріобрѣтеніи города“ идетъ, кажется намъ, въ разрѣзъ со всѣмъ тѣмъ, что мы знаемъ о разбираемомъ событіи. Объ отнятіи *ἄστυ* у Лахара — не можетъ быть и рѣчи. Дѣло Лахара въ моментъ посольства къ Димитрію, упоминаемаго въ 34-й главѣ Плутарха, уже окончательно проиграно и онъ самъ бѣжалъ. Война официально считается оконченною; Афины сдаются Димитрію на милость и не-милость — но *ἄστυ* не отъ кого освобождать, скорѣе надо опасаться, чтобы оно не было именно теперь занято. Между тѣмъ для всякаго, кому знакомы аттические документы этого и слѣдующаго времени, не можетъ быть ни малѣйшаго сомнѣнія, что въ моментъ посольства, упоминаемаго въ п. 300 *ἄστυ* не принадлежитъ афинянамъ — короче занято македонскимъ гарнизономъ ¹⁷⁴). До взятія Афинъ Димитріемъ въ 29⁶/₈ году въ самыхъ Афинахъ никогда еще не ставвало македонскихъ гарнизоновъ. Димитрій первый ввелъ гарнизонъ въ самый городъ — и именно въ Музей. Но на счетъ точной даты введенія гарнизона въ Музей источники наши противорѣчатъ. Изъ Плутарха, по видимому, слѣдуетъ заключить, что гарнизонъ былъ введенъ тотчасъ же ¹⁷⁵), Павсания напротивъ прямо утверждаетъ, что гарнизонъ былъ введенъ послѣ, и что этому предшествовала новая война ¹⁷⁶).

Дройзенъ ¹⁷⁷) полагаетъ, что свидѣтельство Павсании слѣдуетъ предпочесть свидѣтельству Плутарха, „такъ какъ онъ прямо (*ausdrücklich*) говорить“, что Музей былъ занятъ послѣ, и даже упоминаетъ

¹⁷⁴) Κορίσασθαι τὸ ἄστυ въ документахъ имѣетъ постоянно значеніе вывода гарнизона изъ Музея. См. С. I. А. II, 311, 312, 314 (гдѣ вмѣсто *ἄστυ* стоитъ *ἐλευθερίαν*, подобно тому какъ у Евсевія сказано было объ Антигонѣ Гонатѣ, см. Евсевій, изд. *Schöne* т. II, стр. 120 и Θ. Θ. Соколовъ „Архетомахъ“, стр. 47—48).

¹⁷⁵) Тотчасъ же разказомъ о восстановленіи демократіи „*Συνιδῶν δὲ Δημοκλειδῆς ὁ ῥήτωρ ὑπὸ χάρας τὸν δῆμον ἐν τε φωναῖς ὄντα παντοδαπαῖς καὶ τοὺς ἀπὸ τοῦ βήματος ἐπαίνους τῶν δημαγωγῶν ἀμιλλώμενον ὑπερβάλλεσθαι, γνώμην ἔγραψε Δημητρίῳ τῷ βασιλεῖ τὸν Πειραιᾶ παραδοθῆναι καὶ τὴν Μουνοχίαν. Ἐπιφηψισθέντων δὲ τούτων ὁ Δημήτριος αὐτὸς ἐφ' ἑαυτοῦ προσενέβαλε φρουρὰν εἰς τὸ Μουσεῖον, ὡς μὴ πάλιν ἀναχαχτίσαντα τὸν δῆμον ἀσχολίας αὐτῷ πραγμάτων ἐτέρων παρασχέιν.*

¹⁷⁶) Павс. I, 25, 5. Δημήτριος δὲ ὁ Ἀντιγόνου τυράννων ἐλευθερώσας Ἀθηναίους τὸ τε παρασιτικὰ μετὰ τὴν Λαγάρους φυγὴν οὐκ ἀπέδωκε σφίσι τὸν Πειραιᾶ, καὶ ὕστερον πολέμῳ κρατήσας ἐσήγαγεν εἰς αὐτὸ φρουρὰν τὸ ἄστυ, τὸ Μουσεῖον καλούμενον τευχίσας.

¹⁷⁷) *Diad. II, стр. 274, прим. 1* (гдѣ въ началѣ опечатка 299 вмѣсто 295 попалъ, вѣроятно, изъ перваго изданія) „*Gegen diese ausdrückliche Angabe, die des dazwischen liegenden Krieges erwähnt, hat die summarische bei Plut, Demetr. 34 geringere Geltung.*“

еще войну, лежащую между занятіемъ Перее и Мунихи. Но на этомъ нельзя успокоиться. Разработка и критика источниковъ древней исторіи идетъ такими крупными шагами въ послѣднее время, что даже Дройзеневскій способъ пользованія ими является уже устарѣлымъ. Изъ того, что Павсанія прямо говоритъ что нибудь, никакъ еще не слѣдуетъ, что то, что онъ говоритъ, непременно правда. Павсанія жилъ пять вѣковъ спустя послѣ событія имъ разказываемаго и достоинство его свидѣтельства стоитъ въ прямой зависимости отъ достоинствъ источника, которымъ онъ пользовался. То же самое сохраняетъ свое полное значеніе и для Плутарха, жившаго немного ранѣе Павсаніи. Но, къ сожалѣнію, на тѣ біографіи Плутарха, которыя важны для эллинистическаго періода, обращено до настоящаго времени мало вниманія, хотя всетаки можно назвать старательную работу Шуберта „Die Quellen Plutarchs in den Lebensbeschreibungen des Eumenes, Demetrius und Pyrrhus“¹⁷⁹⁾. Что касается историческихъ экскурсовъ Павсаніи, которые порою служатъ единственнымъ источникомъ—для нихъ почти ничего еще не сдѣлано научною критикою источниковъ¹⁷⁹⁾.

Шубертъ доказываетъ, что біографіи Евмена, Димитрія и Парра

¹⁷⁹⁾ *Jahrbücher f. Philologie*. Supplementband IX, стр. 647—836 и отдѣльно Лейпцигъ. Тейбнеръ, 1878.

¹⁷⁹⁾ Цѣлая литература по Павсаніи, въ особенности оживившаяся со времени Олимпійскихъ раскопокъ, трактуетъ главнымъ образомъ о немъ, какъ перипиго. Удобнѣйшее обзорнѣе въ весьма детальной, хотя и вперекритической книгѣ *Калекманна Pausanias der Perieget und seine Quellen*. Berlin. 1887. Авторъ въ предисловіи прямо отказывается разбирать историческія, міеологическія и генеалогическія части, сознается, что это необработанное еще поле: „Sowohl die historischen wie die genealogischen Abschnitte bilden ein grosses Arbeitsfeld für sich; planmässige Behandlung derselben wäre über Gebühr breit geworden“. Отдальныя нападки *Виламовица* на историческія части Павсаніи слишкомъ субъективны и ни на чемъ не основаны. Онъ считаетъ возможнымъ прямо отвергать все то, что мы знаемъ отъ одного Павсаніи. Диссертация *Guil. Adolph. Schmidt's De fontibus veterum auctorum in enarrandis expeditionibus a Gallis in Macedonia atque Graeciam susceptis*. (Berl. 1834) устарѣла и страдаетъ отсутствіемъ доказательства. Въ небольшой статьѣ Поундтнера въ *Jahrbücher*, т. XCIX, стр. 441 сл. „Die historische Quellen des Reisebeschreibers Pausanias“ посвящаетъ эпохѣ діадочовъ только три странички. Оба считаютъ Иеронима за главный источникъ Павсаніи для этой эпохи (Шмидтъ колебался еще между нимъ и Тимеемъ); къ этому же заключенію приходитъ Шубертъ, см. его работу на стр. 693, 751, 794, 795, 805, 806, объ этомъ еще ниже. Недавно вышедшей книги *Immerwahr's, Die Laconica des Pausanias* я еще не видалъ.

заимствованы Плутархомъ изъ одного и того же источника (по его мнѣнію Агаархида), въ которомъ, въ свою очередь, уже были смѣшаны и притомъ въ сухой хронологической схемѣ разказы Іеронима Кардіанскаго и Дурида Самійскаго. Первый — партизанъ и слуга Евмена, Антигона Одноглазаго, Дмитрія, Антигона Гонаты — второй противоположной имъ партіи Кратера, Антипатра и всей старо македонской партіи. Но тогда какъ разказъ Іеронима представляетъ собою въ своей главной части собственные мемуары историка, участвовавшаго весьма дѣятельно во всѣхъ перипетіяхъ своихъ героев — разказъ Дурида компилированъ изъ разныхъ источниковъ. Въ числѣ ихъ Шубертъ выставляетъ Филохора, Проксена, Идоменея и предполагаетъ возможность устныхъ сообщеній офицера изъ арміи Кассандра, впоследствии перешедшаго къ Антипатру и комика Филиппида. За доказательствами и отсылаю читателя къ самой работѣ Шуберта, прибавлю здѣсь только, что онъ проводитъ этотъ извѣстный принципъ „одного источника“ слишкомъ прямолинейно и считаетъ работу автора этого источника — Агаархида, слишкомъ механическою. Такъ достаточно маленькой фразы, въ которой хоть сколько-нибудь скривить сочувствіе Дмитрію, или признается за нимъ нѣкоторое достоинство — чтобы эту фразу вырѣзать изъ неблагоприятнаго Дмитрію контекста и приписать Іерониму ¹⁸⁰⁾.

Для насъ въ данномъ случаѣ рѣшительно все равно, Плутархъ ли самъ соединялъ непримиримые разказы, которые означимъ вслѣдъ за Шубертомъ именами Іеронима и Дурида, или нашелъ ихъ у другаго лица — важно то, что дѣйствительно по прочтеніи указанныхъ біографій съ комментариемъ Шуберта не остается никакого сомнѣнія въ томъ, что въ нихъ слиты источники, представляющіе воззрѣнія двухъ различныхъ партій. Части, приписываемыя Шубертомъ Іерониму ¹⁸¹⁾ (и, по нашему мнѣнію, долженствующія быть ему приписаны)

¹⁸⁰⁾ Такъ сразу въ гл. 34: Καὶ γὰρ τόνου φωνῆς καὶ ῥημάτων πικρίας φεισάμενος, ἐλαφρῶς δὲ καὶ φιλικῶς μεμψάμενος αὐτοὺς διηλάσσει онъ называетъ „eine Reminiscenz aus Hieronymos“. Все стальное въ этой главѣ проходить изъ смѣшаннаго преданія Дурида.

¹⁸¹⁾ Вотъ какъ характеризуетъ Іеронима Brückner (De vita et scriptis Hieron. Card. въ *Zeitschr. f. Alterthumswissenschaft* 1842, стр. 253 сл., извлечено въ Fr. Hist. Graec. II при изданіи фрагментовъ на стр. 450: сл.) „Accedit quod rhetoricae artis affectatio in qua tantopere sibi placebant qui tum fuere historici, aliena fuisse videtur ab eo homine, qui in rerum gerendarum continuo usu versatus, subaetum quoque et sanum ingenium ad historiam scribendam affert. Simpliciter

написаны совсѣмъ другимъ тономъ. Здѣсь является, положимъ, желаніе угодить своему патрону, выставить его въ благопріятномъ свѣтѣ, можетъ быть дать искусственную редакцію сообщенію событія, которое могло бы выставить въ неблагопріятномъ свѣтѣ героя разказа (см. напримѣръ разказъ объ умерщвленіи Димитріемъ Александра)—но нигдѣ не видно пересола, все держится строго фактической почвы, тонъ разказа спокойный, стиль выдержанный. Таковъ характеръ всѣхъ мѣстъ, написанныхъ въ біографіи Димитрія съ точки зрѣнія интересовъ послѣдняго. Перейдемъ къ мѣстамъ, написаннымъ въ той же біографіи съ точки зрѣнія Аэинянъ ¹⁸³). Мы попадаемъ сразу въ другую атмосферу. Впечатлѣніе получается такое, какъ будто мы взяли въ руки современный политическій листокъ какой нибудь партіи съ его анекдотами, beaux mots, инсинуаціями, смѣшеніемъ представителей противной партіи съ грязью и т. д. и т. д. Такъ же какъ и въ современныхъ (для большаго сходства, напримѣръ, греческихъ) подобнѣхъ листкахъ все здѣсь лишено фактической основы, видно грубое незнаніе, или намѣренное искаженіе фактовъ, остроумничанье на казенный счетъ въ видѣ цитатъ изъ разныхъ поэтовъ и т. п. Что бы далеко не ходить за доказательствами, достаточно привести содержаніе хотя бы одной 34-й главы, именно той, въ которой находится важное для насъ свѣдѣніе о постановкѣ гарнизона въ Музеѣ.

Аэиняне, хотя закономъ (раньше) постановили смертную казнь тому, кто только упомянетъ о мирѣ съ Димитріемъ, тотчасъ открыли ему ворота (послѣ того какъ Лахаръ убѣждалъ) и послали посольство. Они терпѣли страшную нужду и голодъ. Для иллюстраціи степени этого голода приводятся два анекдота. Какой-то отецъ подрался съ сыномъ изъ-за дохлой мыши, упавшей съ потолка дома. Философъ Епикуръ кормилъ своихъ присныхъ бобами, раздѣляя ихъ по счету ¹⁸⁴). Такъ вотъ въ какомъ положеніи былъ городъ, когда Ди-

igitur et incompto dicendi genere usus, nec neglectae tamen verborum compositionis notam apud Dionysium defugiens jejunitate magis orationis quam quaesito nimium ornatu offendisse videtur⁴.

¹⁸³) Напримѣръ, гл. IX со словъ πῦρόμενος δὲ τῆν Ἀλεξάνδρου—до конца; гл. X со словъ Ἀθηναῖοι δὲ ἀπολαβόντες—до гл. XIV включают. Глава XXIII со словъ οἱ δὲ καίπερ ἐκχευόμενοι—до конца главы XXIV; гл. XXVI, XXVII; XXXIV и нѣк. друг. мѣста.

¹⁸⁴) Тогда-то и Лахаръ долженъ былъ угощать своихъ друзей капорцами Аэин. IX. 405, за что Вилламовицъ его очень хвалитъ Antigonos, стр. 200.

митрій вошелъ въ него и велѣлъ всѣмъ собраться въ театръ, окруживъ сцену оруженосцами, а самъ, выйдя изъ тѣхъ дверей, изъ которыхъ обыкновенно выходили актеры, обратился къ аэнианцамъ съ милостивою рѣчью. Онъ не кричалъ и не говорилъ рѣзкостей, а слегка и по-дружески побранивалъ ихъ. Примирившись съ ними такимъ образомъ, онъ далъ имъ еще 100 тысячъ медимновъ хлѣба и восстановилъ демократическіе магистраты. Тогда Дромоклидъ ораторъ, увидѣвъ, что и народъ радостно восклицаетъ, и силится превзойти даже самихъ димагоговъ въ похвалахъ Димитрію, предложилъ передать ему Пирей и Мунихію. А когда это было одобрено, то Димитрій самъ отъ себя прибавилъ постановку гарнизона въ Музей, чтобы народъ, снова возмущившись, не помѣшалъ ему въ исполненіи другихъ плановъ.

Мы не станемъ отрицать, конечно, что тутъ заключаются историческіе факты. Но разказъ такъ безпорядоченъ и обставленъ такими прикрасами, что въ цѣломъ нѣтъ никакой возможности принять его на вѣру. Неужели только потому, въ самомъ дѣлѣ, Димитрій занялъ гарнизономъ Пирей, что какой-то Дромоклидъ сдѣлалъ предложеніе въ такомъ духѣ? Дромоклиду этому и въ предыдущемъ изложеніи приписывается не менѣе нелѣпное предложеніе о вопрошеніи Димитрія, какъ оракула, относительно посвященія щитовъ въ Дельфы ¹⁴⁴). Очевидно, этотъ Дромоклидъ, вмѣстѣ съ Стратокломъ, принадлежатъ къ партіи, противной той, къ которой принадлежалъ составитель разказа, послужившаго источникомъ Плутарху. Все дѣло сводится на почву вражды партій. Повторяю, что стоитъ только сдѣлать аналогію съ современными партійными листками, чтобы убѣдиться, что здѣсь ничему нельзя вѣрить на слово. Столь же вѣрно, что Димитрій тогда же занялъ Музей гарнизономъ—сколь то, что онъ занялъ Пирей, именно благодаря Дромоклиду, во-время сумѣв-

¹⁴⁴) Плут. Δημητρ. XIII предложеніе было сформулировано такъ: Ἀγαθὴ τὴνχ δεδόχθαι τῷ δήμῳ χειροτονῆσαι τὸν δῆμον ἓνα ἀνδρα ἐξ Ἀθηναίων ὅστις ἀφικόμενος πρὸς τὸν Σωτῆρα καὶ καλλιεργεῖσθαι ἐπερωτῆσαι [Δημητρίου] τὸν Σωτῆρα πῶς [ἐν*] εὐσεβεῖσθαι καὶ κάλλιστα καὶ τὴν ταχίστην ὁ δῆμος τὴν ἀποκατάστασιν ποιήσασθαι τῶν ἀναθημάτων· ὅτι ὁἱ ἀνὴρ χρῆσαι ταῦτα κρῖνται τὸν δῆμον. Статуи Сотировъ засвидѣтельствованы эпиграфически и именно нашею надписью С. I. А. II, 300. Все же, что касается остальныхъ почестей имъ (какъ, наприимѣръ, отнын архонтовъ и замѣны ихъ жрецами Сотировъ, мѣсяца Димитріона и т. д.),—все это или завѣдомо ложно (ср. *Κιρκιοβα* въ *Hermet* II, 161 сл.), или весьма подозрительно.

шему подслужиться. Разказъ Плутарха заслуживаетъ малаго довѣрія, слѣдовательно, не по суммарности его, какъ говоритъ Дройзенъ, а потому, что заимствованъ изъ весьма ненадежнаго источника.

На фразу Павсанія, столь важную для насъ въ настоящемъ случаѣ, насколько я по крайней мѣрѣ знаю, изслѣдователи источниковъ не обратили должнаго вниманія. Единогласно утверждается ¹⁸⁶⁾, что Павсанія черпалъ изъ Иеронима ¹⁸⁶⁾ и по всей вѣроятности непосредственно, но именно наша фраза при этомъ просмотрѣна. Конечно, если бы мы могли съ увѣренностью сказать, что Павсанія въ данномъ случаѣ передаетъ Иеронима—не могло бы быть и рѣчи о томъ, какому изъ разказовъ отдать предпочтеніе. Мы должны сознаться, что внутренне, для себя, не сомнѣваемся ни въ Иеронимовскомъ происхожденіи извѣстія Павсанія, ни въ его вѣрности,—но доказать такое наше убѣжденіе не можемъ.

Такимъ образомъ, передъ нами дилемма. Если Димитрій не ставилъ въ 29⁶/₆ году гарнизона въ Музей, а сдѣлалъ это лишь послѣ новой (и, какъ увидимъ ниже, всего вѣроятнѣе, „четырёхлѣтней“) войны—наша надпись не можетъ относиться къ году архонта Никострата, а должна падать на одинъ изъ болѣе позднихъ годовъ ¹⁸⁷⁾. Если же, согласно Плутарху, гарнизонъ тотчасъ же былъ введенъ,

¹⁸⁶⁾ Я имѣю въ виду, главнымъ образомъ, вышеуказанное изслѣдованіе *Шуберта*, см. Index, стр. 835 и тамъ указанныя мѣста, и книгу *Рейсса*, *Nieboluntes von Kardis*. Berl. 1876. Рейсъ, впрочемъ, допускаетъ большія натяжки въ сопоставленіи мѣстъ авторовъ, заимствованныхъ, по его мнѣнію, изъ одного источника.

¹⁸⁶⁾ Онъ только два раза ссылается на Иеронима I. 9. 8 (въ исторіи Лисимаха) и I. 13. 9. (въ исторіи Пирра), но его манера рѣдко называть свои источники извѣстна.

¹⁸⁷⁾ Какъ видно будетъ изъ дальнѣйшаго изложенія, многіе изъ слѣдующихъ годовъ должны считаться занятыми. Такъ, на 29³/₆ годъ я ставлю Лисію, на 29¹/₆—Кимона, на 28⁷/₆—Діюкла, 28⁷/₆—Діотима, 28⁶/₆—Исея, 28⁶/₆—Евевіа. Такимъ образомъ, изъ годовъ, въ теченіи которыхъ царствовалъ Димитрій въ Македоніи, остаются не занятыми только два 29⁶/₆ и 28²/₆. Но обо всемъ этомъ подробнѣе—ниже. Что касается имени архонта—разумѣется, оно не можетъ быть опредѣлено съ точностью. Изъ числа имѣющихся на лицо подходит по числу буквъ Сосистратъ С. I. А. II, 1295. Куманудисъ, издавшій эту надпись ранѣе, замѣчаетъ: „μετά τήν ρηβ⁷“ Ολ. ἀλλ' ὄχι ἴσως πολλὰ ἐτη ὑστερον“. Но подобнаго рода изреченія въ устахъ Куманудиса стали постояннымъ шаблономъ, совершенно ничего не говорящимъ. Келеръ, передавая надпись въ С. I. А., ничего не прибавляетъ отъ себя. Но формамъ буквъ и по содержанію ее можно лишь вообще отнести къ III вѣку.

то-есть, приблизительно въ мартѣ 295 года, то надпись можетъ относиться къ году Никострата архонта и ходъ событій надо представлять себѣ такъ, что по водвореніи Димитрія на македонскомъ престолѣ къ нему было послано посольство съ просьбою вывести гарнизонъ изъ города, но получило отказъ или, по крайней мѣрѣ, ничего не добилось, такъ какъ извѣстно, что пока крѣпокъ былъ Димитрій на македонскомъ тронѣ,—гарнизонъ не былъ выведенъ изъ города и лишь тогда въ состояніи были освободиться отъ него афиняне, когда Димитрій, тѣснымъ Лисимахомъ и Пирромъ, принужденъ былъ бѣжать изъ Македоніи¹⁸⁹). Но при такомъ объясненіи неумѣстными покажутся слова: ἕως ἄν ὁ δῆμος ἀπαλλαγῆι τοῦ πόλεως τῆν ταχίστην.. и т. д. Впрочемъ, какъ выше замѣчено, я не считаю себя въ состояніи высказаться утвердительно въ пользу той или другой версіи извѣстія о постановкѣ гарнизона въ Музеѣ, равно какъ и о находящейся въ связи съ этимъ фактомъ датировки нашей надписи. Самое извѣстіе ждетъ подтвержденія отъ эпиграфики и, слѣдовательно, эпиграфическій памятникъ не можетъ быть имъ объясняемъ.

294/з. Ὀλυμπιόδωρος.

С. I. A. II, 302. Декретъ въ честь Филиппида сына Филомила¹⁸⁹), имя дима пропало (ср. прим.), постановленный по предложенію зна-

¹⁸⁹) Плут. Δημ. 44—45.

¹⁸⁹) Лицо это не должно быть смѣшиваемо съ комикомъ Филиппидомъ, въ честь котораго составленъ выше разобранный документъ 314. Поэтъ былъ сынъ Филокла и ярый врагъ Стратокла, предложившаго нашъ декретъ. Что касается здѣсь встречающагося Филиппида, то онъ былъ членомъ значительной афинской фамиліи, члены которой неоднократно упоминаются въ надписяхъ, хотя ихъ взаимное отношеніе между собою не достаточно ясно. Φιλόμελος Φιλίππιδος Παιανιεύς попадаетъ въ надпись С. I. A. II, 553, написанной нѣсколько лѣтъ спустя послѣ архонтства Евклида (отъ нея недавно найденъ снова маленький кусочекъ, изданный въ 'Архαιολογ. δελτίον 1888, стр. 66, п. 2, хотя издатель Лодлингъ не замѣтилъ принадлежности его къ показанной надписи; фрагментъ содержитъ какъ разъ имя Филиппида), изданной въ С. I. G., 273, по копіи Чандлера. Бѣкъ въ комментаріи къ этой надписи указываетъ на то, что Филомиль Пейаніецъ современникъ Сократа и Пелопоннесской войны упоминается у Платона (Πρωταγόρ., стр. 315 А.). Другой Филомиль Пейаніецъ попадаетъ у Демосоева (κατὰ Μετίου, стр. 571), но особенно рельезно упоминается въ этой же рѣчи дважды Филиппидъ оба раза вмѣстѣ съ другими личностями (стр. 581—583) и съ замѣчаніемъ, что это первые богачи и триерархи. (Рѣчь противъ Мидіа сказана по разсчетамъ Шеера въ 34^м году). Филиппидъ Пейаніецъ также въ псевдо-

менитаго Стратокла сына Евондима Діомейца ¹⁹⁰). Написана надпись *στοιχηδόν*, сохранившаяся часть имѣетъ 18 буквъ въ строкѣ. Камень, какъ замѣчаетъ Келеръ ¹⁹¹), направо отпиленъ и притомъ строки, дополненіе которыхъ достовѣрно, показываютъ, что пропала приблизительно половина камня (вся надпись имѣла 39 буквъ въ строкѣ). *Graescripta* этой надписи были совершенно особенныя. Возстановить ихъ за неимѣніемъ аналогичныхъ экземпляровъ иѣтъ возможности. Предложенное Келеромъ возстановленіе второй строки: [ὁ δαίνα — | . . Φ]ό[ρου Μ]ε[λι]τ[εὺς (?) ἐγραμμάτευεν· ἐπὶ τῆς . . . . . | . .]δο; и т. д. и самимъ Келеромъ (какъ видно изъ вопросительнаго знака) подвержено сомнѣнію и вообще можетъ быть названо недостаточнымъ. Что здѣсь стояло—никому еще, на сколько мнѣ извѣстно, не удалось разгадать съ достовѣрностью ¹⁹²); прилагаемая транскрипція первыхъ строкъ дозволить читателю лично убѣдиться въ томъ, какъ много здѣсь пропало и какъ оригинально расположеніе самыхъ *graescripta*.

ἐ π	Ο λ υ μ π Ι ο Δ Ω Ρ Ο υ Δ ρ Χ Ο υ	ν τ ο ς . . . . .
.	Φ Ο . . . . Ε Ι . Τ . . Ο . .)	. . . . .
.	Δ Ο Σ Δ Ε Κ α τ Η Σ Π Ρ Υ τ α Ν Ε ι α ς Μ ο υ ν ι χ ι ὠ ν ο ς ἔ ν ε ι χ α ι	
ν	έ Α Ι Π Ρ Ω Τ η ι τ Η Σ π ρ Υ Τ Α ν ε ι α ς ἐ κ κ λ η ρ ο ί α τ ὠ ν π ρ ο ἐ δ	
ρ	ω Ν Ε Π Ε Ψ Η Φ Ι ζ Ε Ν . . Ο Β Ο	. . . . . χ α
ι	σ Υ Ν Π Ρ Ο Ε Δ Ρ Ο Ι Ε Δ Ο ξ ε Ν τ ω ἰ δ ῆ μ ω ι Σ τ ρ α τ ο κ λ ῆ ς Ε ὁ θ	
ο	Δ Η Μ Ο Υ Δ Ι ο μ ε ε ἰ Ὑ ς ε ἰ Π Ε	и т. д.

Димосееновой рѣчи противъ Теохрина, стр. 1332. Надписи морскаго дѣла даютъ интересныя иллюстраціи къ Димосееновскимъ мѣстамъ. Въ С. I. А. II, 808. (*Boeckh. Urk. XIII*) с. стр. 37—57 читаемъ: ἐπὶ Πυθοδῆλου ἄρχοντος (33⁶/s) τῶν μετὰ Δεινοκράτους τριῆραρχο[ι] Τιμόθεο[ς] Ἀναφλύστιο[ς] καὶ συντριῆραρχο[ς] Φιλομήλου [Παιαν]ιω[ς] κληρονόμο[ς] Φιλιππίδης Φιλομήλου [Παιαν]ιεύ[ος]... (значить Филомиль умеръ въ этомъ году, будучи назначенъ триерархомъ, а его наследникъ долженъ былъ за него исполнить повинность) . . . . . καὶ Φιλιππίδης Φιλομήλου Παιανιεύ[ος] κατέβαλεν τὸ ἀπλοῦν τὸ κατ' αὐτὸν ΧΧF ἀποδέχταις τοῖς ἐπὶ Χρέμητος ἄρχοντος (32⁶/s) κτλ. Были ли эти Филиппидъ и Филомиль отецъ и сынъ или, напримеръ, братья—не ясно. Нашъ Филиппидъ попадаетъ еще въ качествѣ оратора въ надписи. С. I. А. II, 297.

¹⁹⁰) См. вступление прим. 41.

¹⁹¹) „Pila marmoris Pentelici a dextra vecta“.

¹⁹²) Мнѣ мелькала мысль о жрецѣ Спасителей, но мы не имѣемъ никакихъ положительныхъ данныхъ въ пользу ихъ существованія и сохранившіеся остатки буквъ, ближайшимъ образомъ не намекаютъ ни возстановленіе здѣсь этой должности.

Литературные источники.

Διονυσίου περί Δειν. 9.

Vol. Herc. ² I, 114 (=Usener *Eriscigea*, стр. 133) ἐπ' Ὀλυμπίωδωρον γράφει ἦτοι γέ[τινα]δαῖ πόνων [ἀντέχεσθαι?] **Можетъ быть, также.** Vol. Herc. ² I, 130, 4 (=Usener, ук. соч., index, стр. 415) τῶν στρατηγῶν παρ' Ὀλυμπίωδωρου?

29³/₂. Φίλιππος.

C. I. Gr. (nouvum) Italia et Sicilia (ed. Kaibel) n. 1184 (C. I. Gr. 6084) см. выше стр. 31.

Надпись на подпожии изображения комика Менандра.

Литературные источники.

Vol. Herc. ² III, 86 (Φιλοδήμου περί πλούτου=Узенеръ. *Eriscigea* fr. 108, стр. 136):

τὸ μὲν δὴ πρὸς το[ύς ἐν] Δα[μ]φάκω φίλους ἐπὶ Φιλίπ[π]ου καὶ πάν[τως ἀ]π[ο]δεξόμεθα τί[ι] γὰρ οὐδὲ [τήν] πενίαν εἶπε μόνον, ἀλλὰ τὰς ἐ[ργα]σίας [καὶ] λατο[μ]ίας ὕ**

Vol. Herc. ² I, 111. (Φιλοδήμου πραγματ.=Узенеръ. *Eriscigea*, стр. 141, fr. 127):

*πρὸ[ς] Θε[μ]ίσταν ἐπὶ Φιλίπ[π]ου

Vol. Herc. 176 с. 19 (у Гомперца *Zeitschr. f. Oest. Gymn.* 1866, стр. 694=Узенеръ. *Eriscigea*, стр. 149, fr. 156) отрывокъ изъ письма Епикура къ Полиену.

ὁπὲρ ὧν καὶ Ἐ[π]ίχ[ο]υ[ρ]ος ἐ[γ]ρα[ψ]εν [ἐ]πὶ [τ]ῆ [Φι]λίπ[π]ου πρὸς [α]ὐτὸ[ν] καὶ*

Относительно года архонства Филиппа мы подробно рассуждали въ началѣ этой главы.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Архонты: Лисія. Кимонъ. .... Диокль. Диотимъ. Исей. Евной.
Четырехлѣтняя война. Сверженіе Димитрія.

29²/₁ до Р. Хр.—28⁵/₄ до Р. Хр.

Съ архонтомъ Филиппомъ кончается связанное преданіе каталога афонскихъ архонтовъ, и мы вступаемъ въ темный періодъ. Правда, эпиграфическимъ путемъ дошло до насъ не мало именъ архонтовъ и изъ этого періода, но критеріи для точнаго датированія ихъ такъ шатки, что нѣтъ ни одного изъ этихъ „эпиграфическихъ“ архонтовъ, который не получилъ бы въ разсужденіяхъ различныхъ ученыхъ разныхъ датъ и нѣтъ ни одного года, на который не было бы выставлено нѣсколько претендентовъ ¹⁾. Разсужденія наши должны, слѣдовательно, идти здѣсь крайне осторожно, и заключенія — не имѣть никакой претензіи на точность. Мы выставяемъ, какъ увидитъ читатель, нѣсколько новыхъ предположеній, но здѣсь же просимъ считать ихъ не болѣе, какъ предположеніями. Мы всегда старательно указываемъ на тѣ ихъ стороны, которыя могутъ казаться несогласными съ тѣмъ или другимъ показаніемъ источниковъ и стараемся сопоставить эти послѣднія, какъ благопріятныя, такъ и неблагопріятныя для насъ, въ наивозможной полнотѣ.

Если мы сопоставимъ всѣ, предлагавшіяся доселѣ, восстановленія списка архонтовъ за избранные для настоящей главы годы, то увидимъ, что каждое изъ нихъ представляетъ нѣкоторую разницу ²⁾.

¹⁾ Это вѣрно только относительно тѣхъ архонтовъ, которыхъ мы называемъ „эпиграфическими“. Немногія имена, извѣстныя изъ писателей, стоятъ прочно: Γοργίας—28⁹/₁₀ г.; Ἀναξικράτης—27⁹/₈ г.; Δημοκλῆς—27⁶/₇ г.; Πυθαράτος—27¹/₀ г. Подробности о нихъ—въ слѣдующей главѣ.

²⁾ Въ указанныхъ во вступленіи сочиненіяхъ: *Dittenberger—Hermes* II, стр. 285 сл., *Dumont—Fastes*, таблица, *Geltzer—Hermann. Staatsalterthümer*⁴, приложение, *Unger*¹—*Philologus* XXXVIII, стр. 423 сл., *Unger*²—*Philologus. Supplementb.* V, стр. 629. *Usener—Rhein. Mus.* XXXIV, стр. 408, *Schmidt—Chronologie*, стр. 604, *Wilamowitz—Antigonos*, стр. 235 сл., *A. Mommsen—Chronologie*, стр. 317. *Spangenberg—De Atheniensium institutis etc.*, стр. 30.

	Dittenberger	Dumont	Gelzer Mommson	Usener	Unger 1.	Unger 2.	Wilmowitz Spangenberg	Schmidt
29 ¹ / ₁	Φίλιππος	Φίλιππος	Φίλιππος	—	Γλαύκιππος	Γλαύκιππος	—	Γλαύκιππος
29 ¹ / ₆	—	—	—	—	'Αντιμαχος	Σωστερτατος?	—	'Αντιμαχος
29 ² / ₁₀	—	Καλλιμαμήτης	Καλλιμαμήτης	—	Διοκλής	Διοκλής	Διοκλής	—
29 ² / ₆	Καλλιμαμήτης	Θερσίλοχος	Θερσίλοχος	—	Καλλιμαμήτης	Καλλιμαμήτης	Καλλιμαμήτης	Καλλιμαμήτης
29 ² / ₇	Θερσίλοχος	Διφίλος	Διφίλος	—	Θερσίλοχος	Θερσίλοχος	Θερσίλοχος	Θερσίλοχος
28 ¹ / ₆	Διοκλής	Διοκλής	Διοκλής	—	Διότιμος	Διότιμος	Διότιμος	Διοκλής
28 ¹ / ₄	Διότιμος	Διότιμος	Διότιμος	Διότιμος	'Ισαίος	'Ισαίος	'Ισαίος	... . πορ
28 ¹ / ₄	'Ισαίος	'Ισαίος	'Ισαίος	'Ισαίος	Εύθιος	Εύθιος	Εύθιος	Διότιμος

На основаніи новонайденныхъ документовъ слѣдуетъ во многомъ измѣнить порядокъ слѣдованія архонтовъ, какъ за эти, такъ и за послѣдующіе годы. Ни одно изъ упомянутыхъ расположеній ихъ по годамъ не оказывается вѣрнымъ (какъ и слѣдовало, впрочемъ, ожидать). Мы изложимъ поэтому сначала наше возстановленіе фастъ за поставленные въ заголовкѣ годы вмѣстѣ съ документами, на которыхъ мы основываемся, и лишь потомъ коснемся прежнихъ гипотезъ, отчасти опровергнутыхъ уже документами.

Мы исходимъ отъ постановленія въ честь стратига Аристофана, издавнаго Филіемъ въ 'Εφην. 'Αρχαιολ. 1884, столб. 13^{5/6} и слл. Для насъ важенъ собственно второй декретъ (В) ³⁾, который мы здѣсь и приводимъ цѣликомъ:

- Θεόδοτος Δηιοκράτου 'Ελευσίνιος εἶπεν. 'Επειδὴ 'Αριστοφάνης [καὶ ἐν τῷ πρό-
σθεν χρόνῳ πολλὰς καὶ μεγάλας χρεῖας παρέσχηται τῷ δήμῳ τῷ 'Ελευσινίων,
γυμνασιάρχος τε χειροτονηθεὶς ὅτε τὸ πρῶτον ὁ δῆμος συνετέλλεσε τὰ — —
α προέστη τε τοῦ γυμνασίου καλῶς καὶ εὐσχημόνως πάντα πράττειν πειθόμενος το-
5. [ἴς] τε νόμοις καὶ [τ]οῖς[ς] τοῦ δήμου ψηφίσμασιν. Φύλαρχος τε χειρ[ο]τονηθεὶς καὶ ἐν
ταύτῃ τῇ ἐπιμελείᾳ ἀπεδείξατο τὴν ἑαυτοῦ φιλοτιμίαν. [Τὸν δὲ ἐνιαυτὸν τὸν ἐ-
πὶ Λυαίου ἀρχον[τος], ἐν ᾧ ἐνιαυτῷ ὁ πόλεμος ἐνέστη, διετέλλε[σε]* ἐν τῇ τῶν ἐφο-
δίων ἐπιμελείᾳ ο[ὕ]τ[ε] τ[ὴ]ν [τ]οῦ ἑαυτοῦ σώματος ἀσφάλειαν οὐτ' ἄλλο οὐδὲν πρόσ-
θεν τιθέμενος τοῦ τῇ πατρίδι συμφέροντος. Κατασταθεῖς δὲ στρατηγὸς ἐπ' 'Ελ-
10. εῤυσίνιος εἰς τὸν ἐπὶ Κίμωνος ἐνιαυτὸν ἐπεμελήθη τῆς τε τῶν [— — — — — ']
καὶ τῶν ἄλλων ὧν αὐτῷ προσέταττον οἱ τε νόμοι καὶ τὰ ψηφίσματα τοῦ δήμου.
'Επὶ πᾶσι τούτοις ἐπεινήκε καὶ ἐστεφάνωκεν αὐτὸν ὁ δῆμος [— — — — — ἔνεκα καὶ
σπουδῆς πρὸς τὴν πόλιν, ἐπήνεκε δὲ καὶ ὁ δῆμος ὁ 'Ελευσινίων — — — — —
Χειροτονηθεὶς δὲ τὸ δεύτερον στρατηγὸς ἐπ' 'Ελευσίνιος εἰς τὸν ἐπὶ — — — — — ἐ-
15. νιαυτὸν ἐπεμελήθη τῆς τε τῶν τειχῶν ἐπισκευῆς καὶ τῆς [*φυλακῆς τῶν φρουρίων
'Ελευσίνιος καὶ Πανάκτου καὶ Φυλῆς. 'Επεμελήθη δὲ καὶ ὄπω[ρ]ς — — — — —
τοὶ μετ' ἀσφαλείας εἰσενεχθῶσιν. Διατελεῖ δὲ καὶ ἰδία [*παντὶ τῷ δεομένῳ
χρεῖα: παρεχόμενος εἰς ἅ: ἂν αὐτὸν παρακαλῇ, πολλοῖς [δὲ τῶν 'Ελευσινίων
ἐν τῷ πολέμῳ γέγονεν αἰτίας τῆς σωτηρίας. "Ὅπως ἂν οὖν π[άν]τες οἱ αἰρούμενοι
20. ἐπ' 'Ελευσίνιος στρατηγοὶ φιλοτιμῶνται πάντα τὰ συμφέροντα ποιεῖν καὶ ἀποδεί-
κνυσθαι τὴν ἑαυτῶν σπουδὴν καὶ νῦν καὶ εἰς τὸ λοιπὸν εἰδότες ὅτι οὐ μόνον ὑπὸ
τ[οῦ] δήμου τοῦ 'Αθηναίων τιμηθῆσονται ἀλλὰ καὶ παρὰ τοῦ δήμου τοῦ 'Ελευσινίων
κ[ο]μοιοῦνται χάριτας ὧν προσήκει τυγχάνειν τοὺς [ἀ]γαθοὺς πολίτας — 'Αγαθῇ τυ-
χῇ] δεδόχθαι 'Ελευσινίοις ἐπαινεῖσαι 'Αριστοφάνην] 'Αριστομένου Λευκονοῖα
25. καὶ στεφανῶσαι αὐτὸν χρυσῷ στεφάνῳ κατὰ τὸν νόμον ἐ[β]ουλοῖας ἔνεκα καὶ φιλο-
τιμίας τῆς εἰς τὸν δῆμον τὸν 'Αθηναίων καὶ τὸν δῆμον τ[ὸν] 'Ελευσινίων καὶ ἀνει-

³⁾ Документъ состоитъ изъ двухъ декретовъ: А. — постановленіе гарнизоновъ крѣпостей Елевсинскаго округа, В. — постановленіе общины Елевсинна.

⁴⁾ Пантандидеъ (см. пр. 5) возстановляетъ здѣсь τειχῶν ἐπισκευῆς, заимствуя это слово изъ стр. 16. Намъ это кажется мало вѣроятнымъ.

καί τὸν στέφανον τοῦτον [Ἀλῶϊων τῶ πατριφ ἀγῶνι καὶ ἀναγράφαι τόδε τὸ ψήφισμα] ἐν στήλει λιθίνῃ καὶ ἐτῆσαι ἐν τῇ ἀ]ύλη[ι] τοῦ [ιεροῦ τῆς δὲ ἀναγορεύσεως τοῦ στε]φάνου καὶ [τῆς ποιήσεως καὶ σ]άσεως τῆς στή[λης ἐπιμεληθῆναι τὸν δήμ-
80. αρχον καὶ τοὺς [εἰρομνήμο]νας ⁵⁾).

Далѣе слѣдуетъ списокъ лицъ, которымъ поручено позаботиться объ изготовленіи статуи, также какъ и наемниковъ, участвовавшихъ въ приношеніи. Въ документѣ попадаетъ два имени архонтовъ: Лисія, въ первый разъ здѣсь встрѣчающійся, и Кимонъ, извѣстный уже изъ С. I. A. II, 330, 331. Какъ видно изъ перваго декрета (A), надпись сооружена въ царствованіе Димитрія (имя его читается вполнѣ въ строкѣ 36-й). Въ строкахъ 10 и слл. читаемъ обыкновенную въ нашу эпоху формулу: ὑπὲρ τὸ τοῦ δήμου τοῦ Ἀθηναίων καὶ τοῦ βασιλέως [Δημητρίου (выскоблено) καὶ τῆς βασιλείας] [выскоблено мѣсто для пяти буквъ ⁶⁾] καὶ τῶν ἐγγόνων αὐτῶν. Очевидно, что во время сооруженія документа власть Димитрія надъ Афинами была прочна ⁷⁾. Но еще важнѣе для насъ чѣмъ упоминаніе царя Димитрія—имя царицы, въ которомъ мы не можемъ видѣть никакого другаго имени, кромѣ имени знаменитой Филы. Фила, какъ извѣстно ⁸⁾, лишила себя жизни при извѣстїи о потерѣ Димитріемъ македонскаго престола, то-есть, не позже, чѣмъ въ 287 г. до Р. Хр. Этимъ упоминаніемъ надпись наша помѣщается въ тѣсный промежутокъ времени между 292¹/₄ г. до Р. Хр. — и 287¹/₄ до Р. Хр. При внимательномъ разсмотрѣніи ея мы увидимъ, что ея содержаніе распредѣляется между четырьмя годами:

1 годъ. Архонтъ Лисія. Начало войны. Аристофанъ заботится о припасахъ, при чемъ подвергается опасностямъ.

⁵⁾ Дополненія, помѣченныя звѣздочкой (*), принадлежатъ Папатазидису въ томъ же журналѣ 1884, столб. 21³/₄. Я принялъ въ текстъ только тѣ, которыя показались мнѣ болѣе вѣроятными. Онъ же замѣчаетъ, что Ἀριστοφάνης Λευκοβοεῦς попадаетъ въ документахъ морскаго дѣла С. I. A. II, 812 а, строка 117.

⁶⁾ Надпись написана στοιχηδόν, хотя не всегда точно выдержаннымъ. Въ этомъ мѣстѣ, какъ видно изъ копій, не существуетъ никакого сомнѣнія, что пропало не болѣе пяти буквъ.

⁷⁾ На счетъ того, что упоминающійся въ нашей надписи Димитрій есть дѣйствительно Полиоркетъ, а не внукъ его, царствовавшій съ 239 по 229 годъ, не можетъ быть никакого сомнѣнія. Надпись Федра, въ которой также упоминается Кимонъ и при Кимонѣ война (см. пр. 9), никакъ не можетъ быть отнесена въ такое позднее время.

⁸⁾ Плут. Δημ. 45.

2 годъ. Архонтъ Кимонъ. Аристофанъ — стратигъ заботится о чемъ-то, упоминаніе чего пропало въ лакунѣ ⁹⁾.

3 годъ. Архонтъ пропалъ. Аристофанъ, во второй разъ стратигъ, заботится о починкѣ стѣнъ и охранѣ крѣпостей и еще о чемъ-то ¹⁰⁾.

4 годъ. Архонтъ пропалъ въ началѣ перваго декрета, который въ этотъ годъ и былъ вотированъ.

Итакъ, передъ нами четыре года, изъ которыхъ, по крайней мѣрѣ, въ теченіе трехъ аѢниане вели какую то войну. При Лисіи — πόλεμος ἐνέστη, при Кимонѣ были χαροὶ δόσχολοι и аѢниане, конечно, не предвидя конца этихъ „временъ“, запасались провіантомъ. Въ третій годъ, по видимому, стало полегче; явилась возможность починить стѣны (по крайней мѣрѣ елевсинской крѣпости, или крѣпостей Елевсинскаго округа). Изъ этого слѣдуетъ, кажется, заключить, что облегченіе разсматривалось какъ временное, а возобновленіе войны — какъ вещь возможная. Въ этотъ ли годъ, или въ слѣдующій за нимъ (годъ нашего документа) прекратилась война, рѣшить на основаніи его одного нельзя. Посмотримъ теперь, чтó бы это могла быть за война.

По нашему мнѣнію войну эту надо отождествлять съ „четырёхлѣтней войною“, упоминающеюся всего одинъ разъ въ декретѣ Лахета въ честь его отца Димохара (племянника Димосеена), приложенномъ къ псевдо-Плутарховскимъ жизнеописаніямъ десяти ораторовъ ¹¹⁾. Текстъ его чрезвычайно испорченъ. Мы приводимъ его въ томъ видѣ, въ какомъ онъ напечатанъ въ изданіи „Біографовъ“ Вестермана, съ приведеніемъ его вариантовъ.

Ἄρχων Πυθάρατος. Δάχης Δημοχάρους Λευκονεὺς αἰτεῖ δωρεάν τὴν βουλήν καὶ τὸν δῆμον τῶν Ἀθηναίων Δημοχάρει Λάχης Λευκονεὶ εἰκόνα

⁹⁾ Очень характеристична фраза надписи Федра С. I. А. II, 331, упоминающая объ архонтѣ Кимонѣ и войнѣ, пришедшейся въ его годъ: „Χειροτονηθεὶς δὲ ὑπὸ τοῦ δήμου ἐπὶ τὰ ὄπλα στρατηγὸς τὸν ἐνιαυτὸν τὸν ἐπὶ Κίμωνος ἀρχοντος διετέλεσεν ἀγωνιζόμενος ὑπὲρ τῆς κοινῆς σωτηρίας καὶ περιστάσεων τῆ πόλει καιρῶν δυσκόλων διαφύλαξεν τὴν εἰρήνην τῆ χώρα ἀποφανόμενος ἀεὶ τὰ κράτιστα, καὶ τὸν αἶτον ἐκ τῆς χώρας καὶ τοὺς καρποὺς αἰτίας ἐγένετο εἰσχομισθῆναι συμβουλεύσας τῷ δήμῳ συντελεῖσαι (выскоблено приблизительно 38 буквъ) καὶ τὴν πόλιν ἐλευθέραν καὶ δημοκρατουμένην αὐτόνομον παρέδωκεν καὶ τοὺς νόμους κυρίους τοῖς μετ' αὐτὸν (выскоблено приблизительно 50 буквъ) διετέλεσε καὶ λέγων καὶ πράττων ἀγαθὸν ὅτι ἠδύνατο ὑπὲρ τοῦ δήμου (выскоблено приблизительно 72 буквы).

¹⁰⁾ Πανταζιδίης востинювалетъ καὶ ὄπω[; οἱ εἰσφερόμενοι φόρ]τοι μετ' ἀσφαλείας εἰσενεχθῶσιν.

¹¹⁾ Стр. 850.

χαλκῆν ἐν ἀγορᾷ καὶ οἰτήσιν ἐν πρυτανείῳ αὐτῷ καὶ τῶν ἐγγόνων αἰεὶ τῷ πρεσβυτάτῳ καὶ προεδρίαν ἐν πᾶσι τοῖς ἀγῶσιν εὐεργέτη καὶ συμβούλῳ γεγονότι ἀγαθῷ τῷ δήμῳ τῶν Ἀθηναίων καὶ εὐεργετηκότι τὸν δῆμον τάδε, πρεσβεύοντι καὶ γράφοντι καὶ πολιτευομένῳ* οἰκοδομὴν τειχῶν καὶ παρασκευὴν ὄπλων καὶ βελῶν καὶ μηχανημάτων, καὶ ὀχυρωσαμένην τὴν πόλιν ἐκ τοῦ τετραετοῦς πολέμου, καὶ εἰρήνην καὶ ἀνοχὰς καὶ συμμαχίαν ποιησαμένην πρὸς Βοιωτοὺς, ἀνθ' ὧν ἐξέπεσεν ὑπὸ τῶν καταλοσάντων τὸν δῆμον, καὶ ὡς κατῆλθεν ἐπὶ Διοκλέους ἄρχοντος ὑπὸ τοῦ δήμου συστείλαντι τὴν διοίκησιν πρώτῳ καὶ φεισαμένῳ τῶν ὑπαρχόντων, καὶ πρεσβεύσαντι πρὸς Δουσίμαχον καὶ λαβόντι τῷ δήμῳ ἑτάλαντα ἀργυρίου καὶ ἄλλιν ἑτέρα ρ', καὶ γράψαντι πρεσβείαν πρὸς Πτολεμαῖον εἰς Αἴγυπτον, καθ' ἣν ἐκπλεύσαντες ν' ἐκόμισαν τάλαντα ἀργυρίου τῷ δήμῳ καὶ πρὸς Ἀντίπατρον πρεσβεύσαντι καὶ λαβόντι χ' τάλαντα ἀργυρίου καὶ Ἐλευσινάδε κομισαμένην τῷ δήμῳ καὶ ταῦτα κείσονται ἐλέσθαι τὸν δῆμον καὶ πράξαντι, καὶ φυγόντι μὲν ὑπὲρ δημοκρατίας, μετασχηκότι δ' οὐδεμιᾶς ὀλιγαρχίας οὐδ' ἀρχὴν οὐδεμίαν ἡρχότι καταλελοκότος τοῦ δήμου, καὶ μόνῳ Ἀθηναίων τῶν κατὰ τὴν αὐτὴν ἡλικίαν πολιτευσάμενων μὴ μεμελετηκότι τὴν πατρίδα κινεῖν ἑτέρῳ πολιτεύματι ἢ δημοκρατίᾳ, καὶ τὰς κρίσεις καὶ τοὺς νόμους καὶ τὰ δικαστήρια καὶ τὰς οὐσίας πᾶσιν Ἀθηναίοις ἐν ἀσφαλεῖ ποιήσαντι διὰ τῆς αὐτοῦ πολιτείας καὶ μηδὲν ὑπερᾶντιον τῇ δημοκρατίᾳ πεπραχότι μήτε λόγῳ μήτε ἔργῳ.

1. Δευκονεύς ἐτ 2. Δευκονεῖ libri || 3. αὐτῷ om. libri, αὐτῷ v. || 6. post πολιτευομένῳ apparet nonnulla excidisse, velut αἰεὶ καλῶς καὶ καθαρῶς, καὶ κατεργασαμένην || καὶ post τειχῶν add. P. || 10. ὑπὸ] ἀπὸ libri || 10. Διοκλέους] cf. Droysenius Ephem. Darmst. 1836, p. 168 sq. || 11. φεισαμένῳ uti corr. Meziriacus. АНР, φεισαμένων cett. || 11. πρεσβεύσαντι Meziriacus, πρεσβευόντων АН, πρεσβευσάντων cett. || 13. ἦν] ἦ P. || 14. Ἀντίπατρον] Ἀντίγονον Clinton fast. hell. 2, p. 380, sed. vid. Droysenius l. 1. p. 164 sq. || 15. Ἐλευσινάδε Amiotus Ἐλευσίνα libri, πρὸς Ἐλευσίνα Xylander || 16. ὑπὲρ Xylander, ὑπὸ libri || 17. καταλελοκότι АНР. || 20. πᾶσιν] πάσας P. || 21. ἀσφαλῆ P. || 21. αὐτοῦ P. || 21. μηδενὶ P. || 22. δημοκρατεία Н.

Уже по одному количеству вариантовъ, приведенныхъ Вестерманомъ, можно видѣть, какъ испорченъ текстъ вашего мѣста. Но и чтение Вестермана оставляетъ всетаки много сомнительнаго. Къ ближайшему толкованію отдѣльныхъ мѣстъ документа мы, однако, еще вернемся. Здѣсь насъ занимаетъ только „четырехлѣтняя война“, въ немъ упоминающаяся (у насъ—строка 9-я). Врагъ, противъ котораго она была ведена, ближайшимъ образомъ не называется; дается только понять, что онъ побѣдилъ и уничтожилъ демократію, то-есть, по про-

сту выгналъ димагоговъ и въ томъ числѣ Димохара. При Діоклѣ архонтѣ, при которомъ послѣдній возвратился, очевидно, демократическая партія получила перевѣсъ, продолжавшійся еще при Горгіи, при которомъ Димохаръ проводитъ декретъ въ честь своего, давно умершаго, дяди Димосѳена. При архонтѣ Писаратѣ, предлагается интересующій насъ теперь декретъ въ честь самого Димохара сыномъ его Лахетомъ—слѣдовательно демократическая партія и въ этотъ годъ стоитъ у кормила правленія. По счастью изъ сопоставленія двухъ мѣстъ Діогена и Плутарха мы съ точностью знаемъ годы Горгіи и Писарата ¹²⁾: первый былъ архонтомъ въ 280/79 г. до Р. Хр.—второй въ 27¹/₀ г. до Р. Хр. Судя по всему тому, что мы знаемъ объ этомъ темномъ времени, въ названные годы должна была высоко держать голову партія, противная македонскому владычеству и въ частности Антигону Говатѣ. Въ 28⁰/₇₉ г.—Антигонъ былъ тѣснымъ Птолемеемъ Керавномъ и вся Греція, какъ говоритъ устами Юстина Трогъ Помпей, подъ руководствомъ спартанцевъ воспылала надеждой на освобожденіе ¹³⁾. Этолийцы, союзники Антигона, разбиты. Самъ Антигонъ изгнанъ изъ Македоніи, надъ которою царствуетъ Птолемей Керавнъ, покровительствуемый Филадельфомъ Египетскимъ — а извѣстно, что партія, къ которой принадлежалъ Димохаръ, всегда заискивала передъ Птолемеями. Въ 27¹/₀ г. положеніе дѣлъ намъ хуже извѣстно, но, кажется, надо уже къ этому времени относить начало „Хремонидовской“ войны. Антигонъ укрѣпился на македонскомъ престолѣ тотчасъ послѣ того, какъ галлы, или по крайней мѣрѣ главныя толпы ихъ, схлынули изъ Греціи, приблизительно въ 278—276 годахъ. Въ аѳинской надписи, которую слѣдуетъ относить въ промежутокъ между 27⁸/₇ и 27¹/₀ гг. до Р. Хр., уже встрѣчаются

¹²⁾ Діогенъ X, 15 говоритъ, что Эпикуръ умеръ κατὰ τὸ δεύτερον ἔτος τῆς ἐβδόμης καὶ εἰκοστῆς ὀλομπιάδος ἐπὶ Πισαράτου, что прямо даетъ 27¹/₀ для Писарата, а изъ псевдо-Плутарха Vitae X orat. Δημοσθένους 55—56 извѣствуетъ, что Писаратъ былъ десятимъ послѣ Горгіи: καὶ αὐτῷ τετελευτηκότε τὴν εἰκόνα ἀνέθεσαν ἐπὶ Горгіου ἀρχοντος, αἰτησαμένῳ αὐτῷ τὰς δωρεὰς τοῦ ἀδελφίδου Δημοχάρου ᾧ καὶ αὐτῷ πάλιν ὁ υἱὸς Λάχης Δημοχάρου Λευκονοεὺς ἤτησατο, δωρεὰ; ἐπὶ Πισαράτου ἀρχοντος δεκάτῳ δ' ἔτει ὑστερον. Слѣдовательно Горгіи былъ архонтомъ въ 28⁰/₇₉ г. до Р. Хр.

¹³⁾ Justin. XXIV 1. Dum haec in Sicilia geruntur, interim in Graecia dissidentibus inter se bello Ptolemaeo Cerauno et Antiocho et Antigono regibus omnes ferme Graeciae civitates ducibus Spartanis, velut occasione data ad spem libertatis erectae, missis invicem legatis, per quos in societatis foedera alligarentur, in bellum prorumpunt et, ne cum Antigono, sub cuius regno erant, bellum coepisse videntur, socios eius Aetolos adgrediuntur.

почетныя фразы объ Антигонѣ ¹⁴⁾. Но въ 274 г. возвратился Пирръ изъ Италіи и сталъ наносить Антигону ударъ за ударомъ. Въ 272 году мы видимъ его уже на пути въ Пелопоннись. Во время этого похода онъ былъ встрѣченъ, неизвѣстно въ точности гдѣ, посольствами аеинянъ, ахейцевъ и мессинцевъ ¹⁵⁾. Аеиняне, значитъ, были въ 272 г. на сторонѣ Пирра. Естественно ли предположить, чтобы Антигонъ, побѣдивъ Пирра, оставшись по смерти послѣдняго безъ соперниковъ, прошелъ изъ Аргоса въ Македонію мимо Аеинъ, не наказавъ ихъ за отпаденіе? Но если даже допустить и это, то во всякомъ случаѣ онъ не заставилъ долго ждать себя и пошелъ на аеинянъ войною въ одинъ изъ ближайшихъ годовъ. „Хремонидовская“ война была отпущеніемъ именно за это отпаденіе. Смерть Арея, какъ можно заключить изъ пролога къ XXVI книгѣ Трога, была скорѣе послѣ побѣды надъ Аеинями. Но объ этомъ ниже. Здѣсь намъ важно только, что въ годъ архонта Пиеарата, непосредственно слѣдующій за годомъ смерти Пирра, аеиняне были враждебно настроены противъ Антигона, все равно, опустошалъ ли онъ уже ихъ предѣлы или только еще готовился къ этому. Итакъ, въ двухъ случаяхъ, когда партія, во главѣ которой стоитъ Димохаръ, заправляетъ дѣлами въ Аеинахъ, эти послѣднія ведутъ политику враждебную Антигону; что же естественнѣе предположенія, что и упоминаемая въ нашемъ декретѣ заслуга Димохара падаютъ на такіе годы, когда аеиняне были во враждѣ съ отцомъ Антигона Димитріемъ? Вѣдь въ число заслугъ ему ставится, между прочимъ, что онъ всегда служилъ интересамъ одной партіи. Изъ этого ясно, что врагъ, съ которымъ аеиняне вели „четырехлѣтнюю“ войну и который обозначается описательнымъ выраженіемъ: „οἱ καταλύσαντες τὸν δῆμον“ былъ никто иной какъ Димитрій Полиоркитъ. Вѣдь и въ документѣ года Пиеондима архонта, падающемъ тоже на промежутокъ 27²/₁—265 гг. до Р. Хр., Антигонъ Гоната, враждебный аеинянамъ въ то время, названъ совершенно подобнымъ описательнымъ выраженіемъ: „οἱ καταλύοντες ἐπιχειροῦντες τοὺς τε νόμους καὶ τὰς πατρίους ἐκάστοις πολιτείας“ (С. I. А. II, 332). Четырехлѣтняя война была война аеинянъ противъ Димитрія. Димохаръ, въ это время заправлявшій дѣлами, побудилъ аеи-

¹⁴⁾ 'Εφ'ημερ. 'Αρχαιολ. 1887. столб. 17¹/₂. Будеть приведена въ третьей главѣ.

¹⁵⁾ Justin. XXV. 4. Itaque cum copias Cherroneso transposuisset, legationibus Atheniensium et Achaeorum Messeniorumque excipitur.

ниязъ укрѣпить городъ, приготовить запасы всякаго рода оружія и, между прочимъ, заключилъ союзъ съ вѣтійцами, также, слѣдовательно, бывшими во враждѣ съ Димитріемъ. Побѣда осталась на сторонѣ Димитріа.

Если мы обратимся теперь къ надписи въ честь стратига Федра (С. I. А. II, 241) и выикнемъ въ ея содержаніе, то увидимъ, что онъ принадлежалъ къ одной партіи съ Димохаромъ. Послѣдніе два архонта ея Никія (Отринеецъ) и Еввулъ относятся ко времени Хремонидовской войны ¹⁶⁾. Это уже опредѣляетъ въ совершенно достаточной степени политическую роль Федра ¹⁷⁾. Отдѣльныя выраженія также подтверждаютъ это. Съ какимъ явнымъ желаніемъ подчеркнуть сказано, напримѣръ, фраза, выписанная у насъ, въ примѣчаніи 9 къ этой главѣ. Она совершенно аналогична подобнымъ же фразамъ декрета въ честь Димохара. Въ уничтоженныхъ мѣстахъ, кажется, естественнѣе всего предполагать рѣзкости по адресу Димитріа и Антигона. Замѣтимъ, что главная часть желчи была излита именно въ части, слѣдующей за упоминаніемъ Кимона архонта, гдѣ сдѣлано три ремарки. Война, веденная аеицями при Кимонѣ, конечно также была ведена противъ Димитріа. Изъ декрета въ честь Аристофана мы знаемъ, наконецъ, что она продолжалась около 4-хъ лѣтъ и кончилась побѣдой Димитріа, котораго поминаютъ уже въ молитвахъ въ первомъ декретѣ надписи.

Намъ кажется, что сближеніе этихъ трехъ документовъ вполне позволительно ¹⁸⁾. Посмотримъ, на сколько остальные извѣстія, имѣющія нами объ эпохѣ, въ которую мы хотимъ помѣстить нашу „четырёхлѣтнюю“ войну, соединены съ этою гипотезой.

Разказавъ о взятіи или „освобожденіи“ Аеинъ Димитріемъ отъ Лахара, падающемъ, какъ намъ кажется, на начало 295 года до

¹⁶⁾ При Никіи, Главкомъ, братъ Хремониды, по имени котораго названа война, является агонистомъ въ надписи, изданной Келеромъ въ *Ath. Mitteil.* XI IX, стр. 49.

¹⁷⁾ Декретъ Федра будетъ разсмотрѣнъ подробнѣе въ слѣдующей главѣ.

¹⁸⁾ Намъ могутъ возразить, что невѣроятны похвалы демократическому стратигу Аристофану въ эпоху власти Димитріа надъ Аеицами, похвалы за дѣйствія, враждебныя этому послѣднему во время войны, кончившейся неудачно для аеицивъ. Мы признаемъ силу такого возраженія. Замѣтимъ въ наше оправданіе, что во всякомъ случаѣ, въ документѣ Аристофана нѣтъ трескучихъ оразъ, выхваляющихъ вѣрность почитаемаго лица интересамъ партіи. О самой войнѣ упомянуто вскользь и нѣтъ никакихъ оскорбительныхъ для Македоніи выраженій.

Р. Х., Плутархъ не упоминаетъ ни о какомъ другомъ походѣ Димитрія на Аѳины вплоть до того времени, когда, изгнанный изъ Македоніи, онъ снова явился подъ стѣнами Аѳинъ, но, по совѣту Кратита, снова оставилъ мысль объ осадѣ и удалился, на этотъ разъ навсегда, въ Азію¹⁹⁾. Изъ всѣхъ отношеній Димитрія къ Аѳинамъ во все время занятія имъ македонскаго престола, Плутархъ упоминаетъ только о справленіи имъ въ Аѳинахъ Пивойскаго агона (въ которомъ ученые согласно видятъ агонъ 29⁰/₈, года до Р. Х.) и о томъ, что онъ задержалъ какое-то аѳинское посольство въ теченіе двухъ лѣтъ при своемъ дворѣ²⁰⁾. Изъ этого еще нельзя вывести ничего опредѣленнаго о политическихъ отношеніяхъ Димитрія къ Аѳинамъ. Изъ другихъ источниковъ можно, однако, еще собрать кое-какія свѣдѣнія. Такъ, наприимѣръ, изъ Діонисія мы знаемъ, что Динархъ и другіе изгнанники олигархической партіи вернулись въ Аѳины съ соизволенія Димитрія въ 29³/₂ году при Филиппѣ архонтѣ²¹⁾. Это фактъ, во всякомъ случаѣ, знаменательный. Возвращеніе изгнанниковъ какой нибудь партіи почти всегда ведетъ къ политическимъ переворотамъ. Что и въ нашемъ случаѣ было именно такъ, можно судить по отрывку Филохора, сохраненному тѣмъ же Діонисіемъ²²⁾. Возвращеніе предсказывается здѣсь, какъ общественное бѣдствіе, знаменіями. Какое основаніе имѣлъ Димитрій возвращать изгнанниковъ, мы не знаемъ. Можетъ быть, это было сдѣлано просто съ цѣлью показать свою власть и силу, подобно Александру Великому. Другой намекъ на событія этого времени, находимъ у Павсаниа, который говоритъ, что Димитрій въ 295 году не отдалъ аѳинянамъ Цирея, а послѣ, еще разъ завоевавъ ихъ, ввелъ гарнизонъ и въ самый городъ²³⁾. Выше мы уже упоминали, что Дрой-

¹⁹⁾ Плутархъ Δημ. 46.

²⁰⁾ Ibid., 40, 42. См. внизу.

²¹⁾ De Dinarcho. Онъ возвратился „συγχωρήσαντος τοῦ βασιλέως μετ' ἄλλων φυγάδων καὶ αὐτῶν καταλθεῖν“, ibid. тл. 3.

²²⁾ Ibid. гл. 3. „τοῦ δ' ἐν αὐτοῦ τούτου διελθόντος ἐτέρου δ' εἰσιόντος ἐν ἀκρόπολει σημεῖον ἐγένετο τοιοῦτο. Κύων εἰς τὸν τῆς Πολιάδος νεῶν εἰσελθοῦσα καὶ οὐσα εἰς το Πανδρόσειον, εἰς τὸν βωμὸν ἀναβάσα τοῦ Ἐρχίου Διὸς τὸν ὑπὸ τῆ ἑλαίᾳ κατέκειτο. Πάτριόν δ' ἐστὶ τοῖς Ἀθηναίοις, κύνα μὴ ἀναβαίνειν εἰς ἀκρόπολιν. Περὶ τὸν αὐτὸν διὰ χρόνον καὶ ἐν τῷ ἱερῷ μετ' ἡμέραν, ἡλίου τ' ἐξέχοντος καὶ οὐσῆς αἰθρίας, ἀστὴρ ἐπὶ τινα χρόνον ἐγένετο ἐκφανής, ἡμεῖς δ' ἐρωτηθέντες ὑπὲρ τε τοῦ σημείου καὶ τοῦ φαντάσματος, εἰς ὃ φέρεи, φυγάδων κάλλιστον ἔφαμεν προσημαίνειν ἀμφότερα, καὶ ταύτην οὐκ ἐκ μεταβολῆς πραγμάτων ἐσομένην ἀλλ' ἐν τῇ καθεστῶσῃ πολιτείᾳ καὶ τὴν κρίσιν ἐπιτελεσθῆναι συνέβη“.

²³⁾ См. гл. 1, прим. 177.

СОДЕРЖАНІЕ
ДВѢСТИ-ШЕСТЬДЕСЯТЬ-ЧЕТВЕРТОЙ ЧАСТИ
ЖУРНАЛА
МИНИСТЕРСТВА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

ПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫЯ РАСПОРЯЖЕНІЯ.

Высочайшія повелѣнія.

	СТРАН .
1. (17-го марта 1889 года). О производствѣ приѣмныхъ экзаменовъ для поступленія въ гимназіи, прогимназіи и реальныя училища въ маѣ мѣсяцѣ	3
2. (3-го апрѣля 1889 года). О сохраненіи приготовительныхъ классовъ на счетъ казны при нѣкоторыхъ гимназіяхъ и прогимназіяхъ . . .	—
3. (27-го марта 1889 года). О переводѣ стипендіи имени Алексѣя и Ильи Федоровскихъ изъ Харьковскаго реальнаго училища въ Сумское.	4
4. (27-го марта 1889 года). Объ учрежденіи при Астраханскомъ реальномъ училищѣ стипендіи на проценты съ капитала, пожертвованнаго астраханскимъ купцомъ Х. Е. Ефремовымъ	—
5. (27-го марта 1889 года). Объ учрежденіи при Нижегородской мужской гимназіи одной стипендіи на счетъ процентовъ съ капитала, отчисленнаго для сей цѣли изъ средствъ Нижегородскаго коммерческаго клуба	5
6. (27-го марта 1889 года). О возложеніи обязанностей попечительнаго совѣта Кутаисской женской гимназіи на совѣтъ благотворительнаго общества св. Нины и о переименованіи означенной гимназіи . . .	—
7. (7-го апрѣля 1889 года). Объ измѣненіи порядка расходованія процентовъ съ капитала, пожертвованнаго докторомъ медицины Иваномъ Лернетомъ	63
8. (14-го апрѣля 1889 года). О принятіи участка земли, пожертвованнаго землевладѣльцемъ Дмитриемъ Самаринымъ въ пользу Владимірскаго начальнаго училища, Самарской губерніи	64

9. (20-го апрѣля 1889 года). Обь обращеніи доходовъ, выручаемыхъ отъ продажи произведеній Варшавскаго помологическаго сада, въ пользу сего же сада 65
10. (2-го мая 1889 года). О пожертвованіи жителями г. Межирѣчья капитала въ 1,200 р. съ назначеніемъ процентовъ съ онаго на пособіе для бѣдныхъ учениковъ Бѣльской гимназій. . . . . —
11. (2-го мая 1889 года). О принятіи капитала, пожертвованнаго почетнымъ членомъ Императорскаго Общества любителей естествознанія, антропологіи и этнографіи А. П. Раздѣловымъ, и обь учрежденіи на проценты съ сего капитала премій и медали А. П. Раздѣлова 66
12. (2-го мая 1889 года). Обь описаніи форменной одежды воспитанниковъ гимназическаго отдѣленія лицея Цесаревича Николая въ Москвѣ. . . . . —
13. (4-го мая 1889 года). О разрѣшеніи производить судебно-медицинское вскрытіе труповъ въ анатомическомъ зданіи Императорскаго Дерптскаго университета 67
14. (4-го мая 1889 года). О выдачѣ ученикамъ и преподавателямъ евангелическо-лютеранскихъ учительскихъ семинарій, волостныхъ и приходскихъ школъ въ Прибалтійскомъ краѣ установленныхъ документовъ для пользованія льготами по воинской повинности 68
15. (6-го мая 1889 года). Обь устройствѣ VIII съѣзда русскихъ естествоиспытателей и врачей въ г. С.-Петербургѣ 69
16. (18-го мая 1889 года). О закрытіи Вольской прогимназій и открытіи низшихъ классовъ при Вольскомъ реальномъ училищѣ . . . . . —
17. (18-го мая 1889 года). О дополненіи штата и положенія о реальныхъ училищахъ 71
18. (18-го мая 1889 года). Обь открытіи вышшаго дополнительнаго класса при Рижскомъ русскомъ реальномъ училищѣ . . . . . —
19. (18-го мая 1889 года). Обь увеличеніи оклада столовыхъ денегъ главному инспектору училищъ Восточной Сибири 72
20. (23-го мая 1889 года). О введеніи въ частныхъ учебныхъ заведеніяхъ Дерптскаго учебнаго округа преподаванія на русскомъ языкѣ. 73

Высочайшіе приказы.

- (28-го мая 1888 года) 6

Министерскія распоряженія.

1. (23-го января 1889 года). Положеніе о стипендіи имени Антонины Михайловны Кладбищевой, урожденной Сибиряковой, при Императорскомъ Томскомъ университетѣ 7
2. (23-го февраля 1889 года). Положеніе о стипендіи имени дворянки Маріи Павловны Макной при Демидовскомъ юридическомъ лицей 3
3. (2-го апрѣля 1889 года). Положеніе о стипендіи имени тайнаго совѣтника Евгенія Васильевича Богдановича при Императорскомъ Томскомъ университетѣ 9

4. (22-го апрѣля 1889 года). Положеніе о стипендіи имени поручика Андрея Александровича Кирѣева при Императорскомъ Харьковскомъ университетѣ	9
5. (26-го апрѣля 1889 года). Инструкція для преподаванія гимнастики въ мужскихъ учебныхъ заведеніяхъ вѣдомства министерства народнаго просвѣщенія	10
6. (3-го іюня 1889 года). Положеніе о стипендіи при 1-й Ярославской женской гимназій имени полковника Семена Дмитріевича Хребтова, ...	44
7. (3-го іюня 1889 года). Положеніе о стипендіяхъ имени протоіерея Уводскаго при Александровской, женской прогимназій	45
8. (25-го января 1889 года). Положеніе о стипендіи имени медицинскаго фельдшера Н. В. Васильева, при Императорскомъ Томскомъ университетѣ	74
9. (22-го января 1889 года). Положеніе о стипендіяхъ имени Михаила Андреевича Зензинова и братьевъ Зензиновыхъ при Императорскомъ Томскомъ университетѣ	—
10. (27-го января 1889 года). Положеніе о стипендіяхъ имени поручика Андрея Александровича Кирѣева при Императорскомъ Московскомъ университетѣ	75
11. (20-го января 1889 года). Положеніе о стипендіи коллежскаго секретаря Филиппа Гавриловича Соловьева при Императорскомъ Московскомъ университетѣ	—
12. (8-го февраля 1889 года). Прання о преміи имени заслуженнаго профессора Андрея Федоровича Павловскаго при Императорскомъ Харьковскомъ университетѣ	76
13. (10-го марта 1889 года). Положеніе о стипендіи имени въ Возѣ почившаго Госудра Императора Александра II при Императорскомъ Томскомъ университетѣ	77
14. (19-го марта 1889 года). Положеніе о стипендіи имени Людвигъ Эммануиловича Нобеля, учрежденной въ С.-Петербургскомъ Практическомъ Технологическомъ институтѣ товариществомъ, нефтянаго производства братьевъ Нобель	—
15. (19-го марта 1889 года). Положеніе о стипендіяхъ имени потомственнаго почетнаго гражданина Василія Васильевича Колобова при Императорскомъ С.-Петербургскомъ университетѣ	78
16. (20-го марта 1889 года). Положеніе о стипендіи имени губернскаго секретаря Ивана Николаевича Осипова при Императорскомъ Новороссійскомъ университетѣ	79
17. (23-го марта 1889 года). Положеніе о стипендіи имени умершаго студента Московскаго университета Евгенія Ивановича Миролюбова при Императорскомъ Московскомъ университетѣ	80
18. (2-го апрѣля 1889 года). Положеніе о стипендіи имени дѣйствительнаго статскаго совѣтника Михаила Алексѣевича Гилярова при Императорскомъ Томскомъ университетѣ	81
19. (4-го апрѣля 1889 года). Положеніе о стипендіи имени тюменскаго 1-й гильдіи купца Ивана Петровича Воннова при Императорскомъ Томскомъ университетѣ	—

20. (22-го апрѣля 1889 года). Правила выдачи пособій бѣднымъ студентамъ Императорскаго Харьковскаго университета изъ процентовъ съ капитала, завѣщаннаго поручикомъ Андреемъ Александровичемъ Кирѣевымъ 82
21. (25-го апрѣля 1889 года). Положеніе о стипендіяхъ имени генерала-адъютанта графа Николая Павловича Игнатьева при Императорскомъ Томскомъ университетѣ . . . . . —
22. (6-го мая 1889 года). Положеніе о стипендіяхъ имени дѣйствительнаго статскаго совѣтника Ивана Васильевича и Елены Ивановны Малеванскихъ при Императорскомъ университетѣ св. Владимира 83
23. (13-го мая 1889 года). Положеніе о стипендіяхъ имени умершаго присяжнаго повѣреннаго Василя Николаевича Данилова при Императорскомъ Московскомъ университетѣ на счетъ процентовъ съ капитала, завѣщаннаго почетною гражданкою Фелицатою Ивановною Ушаковою 84
24. (15-го мая 1889 года). Положеніе о стипендіи покойнаго ординатора Одесской городской больницы Николая Михайловича Дитерихса при Императорскомъ Новороссійскомъ университетѣ 85
25. (7-го іюня 1889 года). Положеніе о стипендіи имени Надежды Николаевны Сверчевской при Императорскомъ Харьковскомъ университетѣ 86
26. (10-го іюня 1889 года). Положеніе о стипендіи имени коммерціи совѣтника Захарія Михайловича Цибульскаго при Императорскомъ Томскомъ университетѣ 87
27. (10-го іюня 1889 года). Положеніе о стипендіяхъ имени въ Божѣ почившаго Государя Императора Александра II и Наслѣдника Цесаревича нынѣ благополучно царствующаго Государя Императора Александра Александровича при Императорскомъ Томскомъ университетѣ . . . . . —
28. (16-го іюня 1888 года). Положеніе о стипендіяхъ имени Его Величества Государя Императора Александра III при Слободскомъ городскомъ трехклассномъ училищѣ 88
29. (16-го іюня 1889 года). Положеніе о стипендіи имени Мейгардтъ-Крамерж при Императорскомъ С.-Петербургскомъ университетѣ 89
30. (17-го іюня 1889 года). Положеніе о стипендіи имени бывшаго городского головы Николая Ивановича Переломова при Нерчинскомъ уѣздномъ училищѣ . . . . . —
31. (18-го іюня 1889 года). Положеніе о стипендіи при Варшавской 4-й мужской гимназій въ память чудеснаго спасенія Ихъ Императорскихъ Величествъ и Августѣйшихъ Дѣтей Ихъ при катастрофѣ 17-го октября 1888 года 90
32. (18-го іюня 1889 года). Положеніе о двухъ стипендіяхъ имени камердинера Его Императорскаго Высочества Государя Великаго Князя Павла Александровича, въ чинѣ VIII класса, Сергѣя Ивановича Терентьева-Датскаго, при С.-Петербургской 3-й гимназій 91
33. (20-го іюня 1889 года). Положеніе о стипендіяхъ имени жены дѣйствительнаго статскаго совѣтника Софій Анисъиной при Вятской Маріинской женской гимназій 92

34. (20-го іюня 1889 года). Положеніе о стипендіи Общества вспоможенія частному служебному труду въ Нижнемъ-Новгородѣ при Нижегородской мужской гимназій	93
35. (24-го іюня 1889 года). Положеніе о стипендіи имени заслуженнаго ординарнаго профессора Евменія Филипповича Аристова при медицинскомъ факультетѣ Императорскаго Казанскаго университета	94
36. (29-го іюня 1889 года). Положеніе о стипендіяхъ имени тюменской I-й гильдіи купеческой вдовы Ирины Григорьевой Воиновой при Тюменской женской прогимназій	96
37. (4-го іюля 1889 года). Положеніе о стипендіи имени гвардіи капитана Александра Федоровича Григоріуса при Рязанской мужской гимназій	97
38. (4-го іюля 1889 года). Положеніе о стипендіи имени Маріи Карловны Сухановой при Симферопольской мужской гимназій	—
39. (8-го іюля 1889 года). Положеніе о стипендіяхъ имени покойной вдовы крестьянина Олонецкой губерніи, Петрозаводскаго уѣзда, Толвуйской волости, деревни Масальской Горы, Ольги Петровны Захаревой, при Повѣнскомъ городскомъ училищѣ	98
40. (8-го іюля 1889 года). Положеніе о стипендіи имени гофмейстера двора Его Величества тайнаго совѣтника Георгія Петровича Алексѣева при Екатеринославской Маріинской женской гимназій	99
41. (12-го іюля 1889 года). Циркулярное предложеніе гг. попечителямъ учебныхъ округовъ объ исчисленіи по финансовымъ смѣтамъ расходовъ въ металлической валютѣ и о производствѣ заграничныхъ платежей	100

Приказъ министра народнаго просвѣщенія.

(24-го мая 1879 года)	46
---------------------------------	----

Приказъ управляющаго министерствомъ народнаго просвѣщенія, товарища министра.

(27-го іюня 1889 года).	102
---------------------------------	-----

Опредѣленія ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія.

О книгѣ: „Русская хрестоматія. Составилъ А. Глаховъ“	57
О книгѣ: „Произведенія Эврипида въ переводѣ Е. Ѡ. Шнейдера“	—
О книгѣ: „Сергій Борь-Раменскій. Повѣсть Евменіи Туръ“	—
О книгѣ: „М. Вольтеръ. Этимологія русскаго языка въ таблицахъ“	—
О книгѣ: „Жизнь и труды М. П. Погодина. Николая Барсукова“	—

- О книгѣ: „Исторія Литовскаго государства съ древнѣйшихъ временъ.“
 П. Дм. Брлицова“ 112
- О книгѣ: „Метеорологія и климатологія. Составилъ Д. А. Логиновъ“ . . . . . —
- Объ учебникѣ: „Cours complet de langue française, par A. Chail-
 landes. Première année. St.-Petersbourg, 1885. Составилъ А. Шалландъ“ 113
- О книгѣ: „J. Racine. I. Esther. Tragédie en trois actes et en vers.
 II. Athalie. Tragédie en cinq actes et en vers. (Edition épurée). Для
 чтенія въ учебныхъ заведеніяхъ снабдилъ объясненіями В. С. Кинато-
 вичъ“ . . . . . —
- О книгѣ: „О важнѣйшихъ повальныхъ заблужденіяхъ дѣтей.“ Со-
 ставилъ Р. Л. Кобыляскій“ . . . . . —
- О книгѣ: „Уходъ за больными. Составилъ Михаилъ Залузовскій“ . . . . . —
- О книгѣ: „Десять посланій Квинта Горација Флакка.“ Составилъ Георгій
 Ланге“ . . . . . —
- О книгѣ: „Extemporalia. Составилъ Н. Виноградовъ“ 114
- О книгѣ: „Д. Шлясс. Сборникъ статей для перевода на греческій языкъ
 языкъ“ . . . . . —
- О книгѣ: „Nouvelle grammaire française à l'usage de la jeunesse
 russe, pour les classes moyennes et supérieures, par Alphonse Rancy“ . . . . . —
- О книгѣ: „Prasćovie ou La jeune sibérienne (Парамъ Сибирячка).
 Par Xavier de Maistre. Издавъ Д. Алексѣевъ“ . . . . . —
- О книгѣ протоіерея І. Наумовича: „Весты Степана Сторазумова
 о сельскомъ хвляствѣ“ . . . . . —
- О журналѣ „Техникъ“, издаваемой въ Москвѣ подъ редакціей
 Г. Этельмейера . . . . . —

ОПРЕДѢЛЕНІЯ ОСОВАГО ОТДѢЛА УЧЕНАГО КОМИТЕТА МИНИСТЕРСТВА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

- О книгахъ, составленныхъ протоіереемъ Іоанномъ Наумовичемъ: 1) „Псалтырникъ“; 2) „Четыре путевода къ доброй жизни“; 3) „О. Тео-
 доръ. Повѣсть“ 58
- Объ изданіи: „Славянскія прописи для народныхъ школъ. Состав-
 вилъ Н. Н. Малиновскій“ . . . . . —
- О книгѣ: „Дяквашъ для начальныхъ сельскихъ и городскихъ уч-
 нищъ. Курсъ I и II года. Составила О. Скворцова“ . . . . . —
- О книгѣ: „Русская исторія для начальныхъ школъ. Составилъ М. Н.
 Литяковъ“ . . . . . —
- О книгѣ: „Краткое руководство всеобщей географіи для городскихъ
 и уѣздныхъ училищъ. Составилъ Н. Раевскій“ . . . . . —
- О книгахъ, составленныхъ П. Р. Фурмановъ: 1) „Григорій Але-
 ксандровичъ Потемкинъ“; 2) „Князь Лювъ Федоровичъ Долгоруковъ“;
 3) „Александръ Васильевичъ Суворовъ-Рыминскій“ . . . . . —
- О книгѣ: „На досугѣ. Бесѣды дѣдушки Андрея о печеночногист-
 ной болѣзни овецъ. Составлены М. А. Исаковымъ“ 59

О книгѣ: „Товарищъ. Книга для чтенія и письменныхъ работъ. Составилъ <i>Д. Поповъ</i> “	—
О книгѣхъ <i>А. Баранова</i> : „Наше Родное. Годъ 1-й, 2-й и 3-й“	115
Объ изданіи <i>А. Д. Ступина</i> : „Прописи и рисованіе по клѣткамъ“	—
О книгѣ: „Краткій еврейскій катихизисъ. Составилъ <i>Б. Л. Сегаль</i> “	—
О книгѣ: „Пространный еврейскій катихизисъ. Составилъ <i>Б. Л. Сегаль</i> “	—
О книгѣ: „Краткая исторія евреевъ до заключенія Талмуда. Составилъ <i>Б. Л. Сегаль</i> “	—
О книгѣ: „Полный курсъ исторіи Израильскаго народа отъ сотворенія міра до новѣйшихъ временъ. Составилъ <i>М. О. Немзеръ</i> “	116
Официальныя извѣщенія	59 и 116
Открытіе училищъ	59
О двѣнадцатомъ присужденіи премій императора Петра Великаго, учрежденныхъ при министерствѣ народнаго просвѣщенія	1

ОТДѢЛЪ НАУКЪ.

<i>А. Н. Веселовскій</i> . Славяно-германскіе отрывки	
<i>А. И. Соболевскій</i> . Къ исторіи русскихъ былинъ	15
<i>П. О. Бобровскій</i> . Русская греко-униатская церковь въ царствованіе Императора Александра I	20 и 259
<i>Е. Ф. Шмурло</i> . Петръ Великій въ русской литературѣ	57 и 305
<i>П. Д. Шогодинъ</i> . Обзоръ источниковъ по исторіи осады и взятія Византии турками въ 1453 году	205

КРИТИКА И ВИДПОГРАФІЯ.

<i>В. Э. Миллеръ</i> . Сборникъ матеріаловъ для описанія мѣстностей и племенъ Кавказа. Вып. VII. Тифлисъ. 1889.	122
<i>Г. С. Дестунисъ</i> . Каталогъ греческихъ аеонскихъ рукописей	132
<i>К. Н. Бестужевъ-Рюминъ</i> . Сочиненія <i>А. А. Котляревскаго</i> , т. I. С.-Пб. 1889.	157
<i>И. П. Минаевъ</i> . Забытый путь въ Китай	168
<i>Е. А. Вѣловъ</i> . Историческій очеркъ Польскаго сейма. <i>Н. Картева</i> . Москва. 1888.	190
<i>И. Д. Тихомировъ</i> . Новгородская лѣтопись по Синодальному хараейному списку. С.-Пб. 1888.	380
<i>В. Г. В—скій</i> . Исторія среднихъ вѣковъ. <i>Н. А. Осокина</i> . К. 1888.	386
<i>Н. М. Бубновъ</i> . О математическихъ сочиненіяхъ Герберта	398
<i>П. И. Вейнбергъ</i> . Донъ-Жуанъ. Поэма <i>Байрона</i> . Переводъ <i>И. А. Козлова</i> . С.-Пб. 1889.	437

И. Н. Оссе. Замѣтка по поводу рецензій на книгу „ <i>Untersuchungen über den Substanzbegriff bei Leibnitz</i> “	452
Книжные новости	200 и 454

ОТДѢЛЪ ПЕДАГОГИИ.

И. Л. Ш а т а л о в ъ. Неесская учительская семинарію и ея курсы ручнаго труда	1
Наша учебная литература (разборъ 31 книгъ)	23

СОВРЕМЕННАЯ ЛѢТОПИСЬ.

Ө. Д. Б а т ю ш к о в ъ. Замѣтки о преподаваніи романской филологіи и французской литературы въ Парижѣ	17
В. Н. А л е к с а н д р е н к о. Письмо изъ Лондона	32
Наши учебныя заведенія: Московскій университетъ въ 1889 году. Императорскій С.-Петербургскій историко-филологическій институтъ въ 1888—1889 учебномъ году	1
К. Н. Б е с т у ж е в ъ - Р ю м и н ъ. О. Ө. Миллеръ (<i>некрологъ</i>).	41
С. С. Г о г о ц к і й (<i>некрологъ</i>).	12
	54

ОТДѢЛЪ КЛАССИЧЕСКОЙ ФИЛОЛОГИИ.

А. Н. Щ у к а р е в ъ. Исслѣдованія въ области каталога воинскихъ архонтовъ III вѣка до Р. Х.	1
---	---

ЧАСТНЫЯ ОБЪЯВЛЕНІЯ.

4-го АВГУСТА вышла и разослана подписчикамъ VIII-я книга историческаго журнала:

„РУССКАЯ СТАРИНА“

Содержаніе: I. Взаимныя отношенія между Россіей и Пруссіей въ былыя времена. Историч. воспоминанія Георга Вебера. Переводъ съ нѣмецкой рукописи В. В. Тимошукъ. — II. Александръ Федоровичъ Багговутъ. Очеркъ его жизни съ 1831 по 1883 г. Состав. Г. К. Градовскій. — III. Дневникъ Александра Васильевича Никитенко, 1833—1834 гг. — IV. Гавріиль Степановичъ Батенковъ. Историко-біографич. очеркъ, 1790—1863 гг. — V. Друзья и знакомые Николая Васильевича Гоголя въ ихъ къ нему письмахъ въ 1836—1847 гг. Сообщ. В. И. Шейрокъ. — VI. Графъ Николай Ивановичъ Евдокимовъ, 1804—1873 гг. — VII. Студенческія исторіи въ Казанскомъ университетѣ, 1857—1863 гг. (Оконч.). Сообщ. проф. П. А. Фирсовъ. — VIII. Воспоминанія художника В. В. Верещагина. На дальнемъ востокѣ, въ Палестинѣ. — IX. О первыхъ шагахъ дѣятельности с.-петербургскаго приказа общественнаго призрѣнія. Очеркъ. Сообщ. проф. И. Е. Андреевскій. — X. Матеріалы, замѣтки и стихотв.: Приказы и резолюціи Павла 1799—1800 гг. — П. П. Огаревъ. — Къ воспомин. П. Д. Шестакова. — XI. Библиографическія листонъ.

Приложенія: I. Портретъ Гавріила Степановича Батенкова, гравировалъ художникъ Г. И. Грачевъ. — II. Автографъ историка Георга Вебера.

Продолжается подписка на «РУССКУЮ СТАРИНУ» изд. 1889 г.

Двадцатый годъ изданія. Цѣна 9 руб. съ пересылкою.

Городскіе подписчики въ С.-Петербургѣ благоволятъ подписываться въ книжномъ магазинѣ А. О. ЦИНЗЕРЛИНГА, на Невскомъ, д. № 46, противъ Гостиннаго двора. Въ Москвѣ подписка принимается въ книжныхъ магазинахъ: Н. П. Карбасникова (Моховая, д. Коха), Н. И. Мамонтова (Кузнецкій мостъ, д. Фирсанова) и Н. Печковской (Петровская линія). Въ Казани—въ отдѣленіи конторы при книжн. магазинѣ А. А. Дубровина (Воскресенская ул., Гостинный дворъ, № 1). Въ Саратовѣ—въ отдѣленіи конторы при книжномъ магазинѣ Ф. В. Духовникова (Нѣмецкая ул.). Въ Кіевѣ—въ книжномъ магазинѣ Н. Я. Оглоблина.

Иногородные исключительно обращаются въ редакцію «РУССКОЙ СТАРИНЫ», въ С.-Петербургѣ, Большая Подъяческая, д. № 7.

Подписчики «Русской Старины» на 1889 годъ могутъ получить новую книгу: «Альбомъ портретовъ русскихъ дѣятелей» (третій выпускъ) за ДВА руб. съ пересылкою (вмѣсто 4 руб.).

Подписчики на «Русскую Старину» 1889 г. могутъ получить за восемь уменьшенную цѣну книги: I. Изъ прошлаго, воспоминанія генер.-лейтенанта П. П. Карцева, 1830—1880 гг., двѣ части. Цѣна 3 р. съ пересылкой (вмѣсто 5 руб.). — II. Описаніе Венгерской войны, 1849 г., съ 14 планами и картами, соч. генер. П. И. Ореуса, цѣна 2 руб. (вмѣсто 4 р. 50 коп.) съ пересылкою.

Изд.-ред. Мих. Ив. Семеновскій.

НОВАЯ КНИГА:
„УРОКИ ТЕОРИИ СЛОВЕСНОСТИ“.

Сост. А. РАДОНЕЖСКИЙ. Цѣна 75 к.

ИЗДАНИЕ ВТОРОЕ.

Въ первомъ изданіи одобрена Ученымъ Комитетомъ Министерства Народнаго Просвѣщенія въ качествѣ руководства для гимназій и реальныхъ училищъ; Учебнымъ Комитетомъ при Св. Синодѣ въ качествѣ учебнаго руководства для духовныхъ семинарій.

„РОДИНА“.

СБОРНИКЪ ДЛЯ КЛАССНАГО ЧТЕНІЯ.
ВЪ ТРЕХЪ ЧАСТЯХЪ.

Съ 60-ю рисунками.

СОСТАВИЛЪ

А. РАДОНЕЖСКИЙ.

ИЗДАНИЕ ОДИННАДЦАТОЕ.

Съ соизволенія Его Императорскаго Величества Государя Императора, книга посвящена Его Императорскому Высочеству Паслѣднику Цесаревичу Великому Князю Николаю Александровичу.

Цѣна 75 коп.

Одобрена Ученымъ Комитетомъ Мин. Нар. Пр. для класснаго чтенія въ низшихъ классахъ гимназій и прогимназій, въ городскихъ и народныхъ училищахъ; Учебнымъ Комитетомъ при Святѣйшемъ Синодѣ—для мужскихъ духовныхъ училищъ и для низшихъ классовъ епархіальныхъ женскихъ училищъ, въ качествѣ хорошаго учебнаго пособия, при преподаваніи русскаго языка; Училищнымъ Советомъ при Св. Синодѣ рекомендуется въ качествѣ руководства для церковно-приходскихъ школъ; Учебнымъ Комитетомъ, состоящимъ при IV Отдѣленіи Собственной Его Императорскаго Величества Канцеляріи, рекомендуется, какъ полезное пособіе для трехъ низшихъ классовъ институтовъ и женскихъ гимназій.

„СОЛНЫШКО“

Книга для чтенія въ народныхъ училищахъ съ 87 картинками; составилъ А. РАДОНЕЖСКИЙ. Изданіе третье 1888 г. Одобрено Ученымъ Комитетомъ М. Н. Просвѣщенія для класснаго и вѣткласснаго чтенія, Училищнымъ Советомъ при Св. Синодѣ рекомендуется въ руководство для церковно-приходскихъ школъ.

Цѣна 50 коп.

„Церковно-Славянская азбука и первая книга для чтенія на Церковно-Славянскомъ и Русскомъ языкѣ“. Съ рисунками. 2-е изданіе.

Цѣна 25 коп.

**This book is a preservation photocopy
produced on Weyerhaeuser acid free
Cougar Opaque 50# book weight paper,
which meets the requirements of
ANSI/NISO Z39.48-1992 (permanence of paper)**

Preservation photocopying and binding

by

Acme Bookbinding

Charlestown, Massachusetts

1994

3 2044 022 672 232

